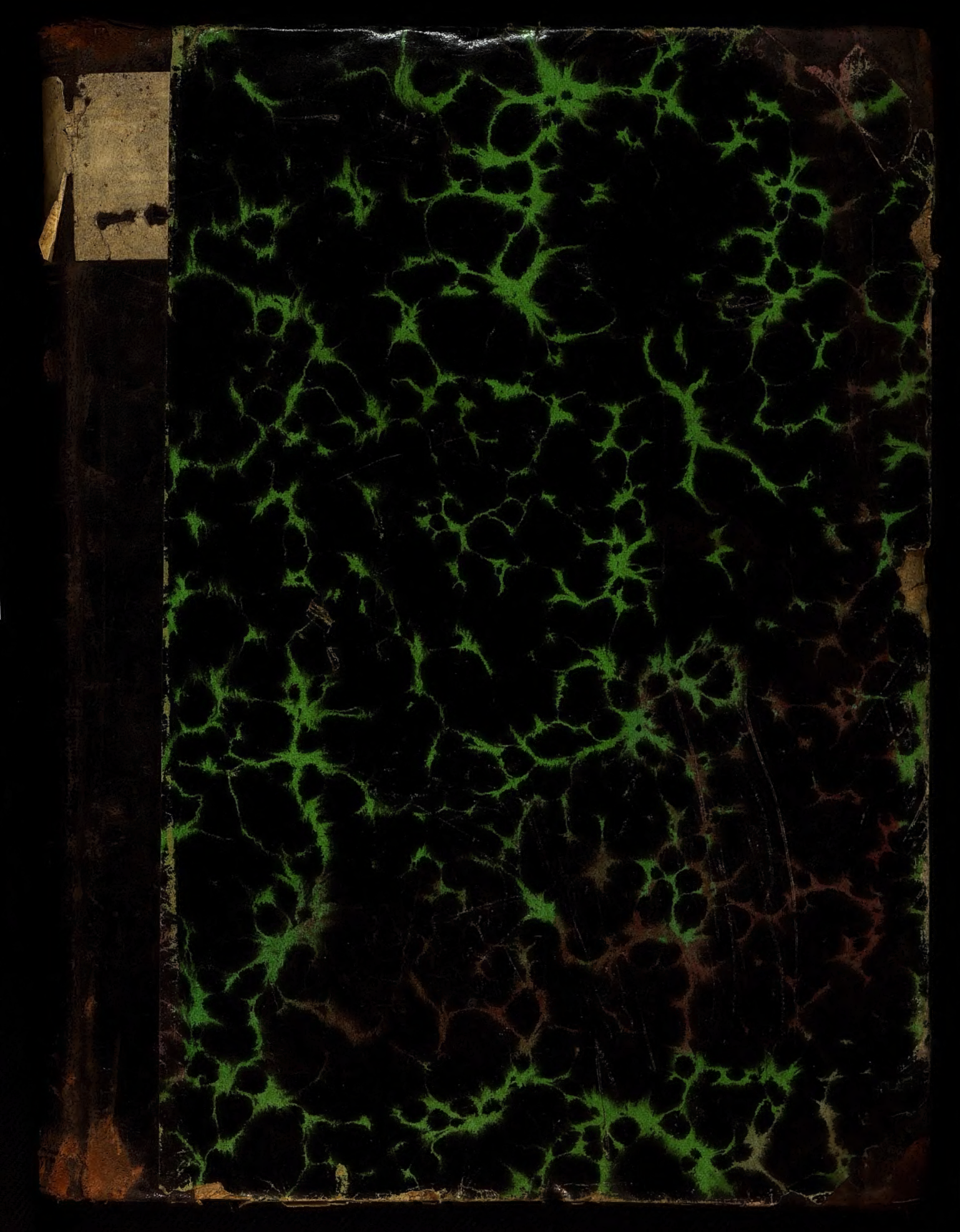
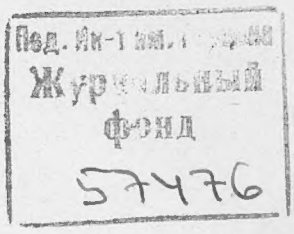


РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКЪ СЕДЬМОЙ.

1909.

II.



XVI
538

РУ́ССКІЙ А́РХІ́ВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

О Русь!!

1909.

КНИГА ВТОРАЯ

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1909.

Воспоминанія стариннаго офицера лейбъ-гвардіи Волынскаго полка В. П. Юрлова.

Я родился въ г. Симбирскѣ, въ 1830 году 19 Января. Отецъ мой, старый ветеранъ, начавшій службу въ рядахъ Рыльскаго пѣхотнаго полка, участвовалъ въ главныхъ сраженіяхъ 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ и имѣлъ за Бородино золотую шпагу и Владимира съ бантомъ за отличіе на штурмѣ Монмартра при взятіи Парижа. За тѣмъ онъ прослужилъ 22 года, по выборамъ Симбирскаго дворянства, совѣстнымъ судьею, уѣзднымъ предводителемъ дворянства и наконецъ (восемь послѣднихъ лѣтъ) Симбирскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и былъ награжденъ многими орденами.

Дѣдъ мой, Иванъ Петровичъ Юрловъ, служилъ при Екатеринѣ II-й въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку; прадѣдъ, Петръ Семеновичъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ, пра-прадѣдъ Семенъ Акимовичъ былъ при Петрѣ Великомъ полковникомъ Азовскаго пѣхотнаго полка, а при Екатеринѣ I-й бригадиромъ и вице-президентомъ Московскаго Надворнаго Суда. Дальнѣйшіе предки имѣли жалованныя имѣнія въ Нижегородской губерніи (при царѣ Василіи за Московское осадное сидѣнье 1612 г. и ранѣе). Предки мои были очень богаты и владѣли многими селами и деревнями въ губерніяхъ Нижегородской, Петербургской, Пензенской, Тамбовской, Саратовской и Симбирской. Отецъ мой, также весьма богатый помѣщикъ, владѣвшій нѣсколькими тысячами десятинъ земли, былъ между прочимъ, любителемъ старины, рѣдкихъ вещей и картинъ, стоимостью въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей.

Все это пошло въ родъ сестры моей, бывшей за мужемъ за д. с. с. П. П. Мещериновымъ, дѣти котораго и понынѣ люди богатые и недавно еще получили имѣніе дяди моего, А. И. Юрлова, богатѣйшее село Чертановку и 140 тысячъ деньгами.

Мать моя, Елисавета Егоровна Юрлова, скончалась всего 22 лѣтъ отъ роду, оставивъ меня одиннадцатимѣсячнымъ ребенкомъ. Ее замѣтилъ императоръ Александръ Павловичъ въ бытность свою въ Симбирскѣ, съ нею танцовалъ на балу Симбирскаго дворянства, и во всеуслышаніе сказалъ, что такой красоты онъ не встрѣчалъ ни въ Россіи, ни за границей. Безподобный могильный памятникъ ея и сейчасъ красуется противу алтаря церкви Симбирскаго Покровскаго монастыря. (Въ этомъ же родовомъ склепѣ схороненъ и отецъ мой, скончавшійся въ 1869 г. 78-ти лѣтъ).

Въ 1837 году я былъ привезенъ въ Петербургъ, наканунѣ пожара Зимняго дворца, и эта страшная картина навсегда запечатлѣлась въ моей памяти, тѣмъ болѣе, что пожаръ былъ передо мною какъ на ладони; ибо мы жили тогда у родственника нашего [1]), въ его квартирѣ, въ зданіи Главнаго Штаба и окнами прямо на дворцовую площадь. Въ этомъ-же году я поступилъ въ извѣстный тогда пансіонъ А. Я. Филипова, гдѣ пробылъ до 1842 года, когда поступилъ въ приготовительный пансіонъ Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ, которые содержались сначала горнымъ-инженеромъ Вержбицкимъ, а въ 1843 году наставникомъ—наблюдателемъ военно-учебныхъ заведеній, А. А. Комаровымъ. Самыя лучшія и свѣтлыя воспоминанія мои относятся именно ко времени пребыванія въ пансіонѣ А. А. Комарова. Это былъ благороднѣйшій человѣкъ. Пріятель Гоголя и Бѣлинскаго, онъ тогда познакомилъ съ нимъ и насъ дѣтей; однажды я даже поднесъ Бѣлинскому, во время обѣда, свои стишки, которые сталъ писать съ двѣнадцатилѣтняго возраста.

Изъ пансіона Комарова я поступилъ въ 1844 г. въ Школу Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ, кавалерійскихъ юнкеровъ. Въ 1844 г. командовалъ Школою полковникъ Сутгофъ [2]), эскадрономъ юнкеровъ полковникъ Фондеръ-Лауницъ, а ротою подпрапорщиковъ, въ которой былъ и я, полковникъ Лишинъ, тотъ самый незабвенный нашъ отецъ командиръ Андрей Ѳедоровичъ, который въ чинѣ генералъ-лейтенанта здравствуетъ и понынѣ. Инспекторомъ классовъ былъ полковникъ, впослѣдствіи инженеръ-генералъ, А. М. Павловскій. Ротными офицерами: поручикъ Суморокій [3]), штабсъ-капитанъ Гернетъ, штабсъ-капитанъ Денъ и поручикъ Людвигсгаузенъ Фонъ-Вольфъ. Изъ кавалерійскихъ же офицеровъ помню только троихъ: ротмистровъ Врангеля, Крюднера и

---

[1]) Бывшаго старшаго чиновника особыхъ порученій при министрѣ иностранныхъ дѣлъ графѣ Нессельроде, А. П. Евреинова.

[2]) Впослѣдствіи генералъ отъ инфантеріи и членъ Военнаго Совѣта.

[3]) Впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ и командиръ дивизіи.

Герлаха. При Сутгофѣ, заведеніе это было въ блестящемъ видѣ, пища была отличная. Самъ Сутгофъ обходился ласково съ воспитанниками, въ числѣ которыхъ было очень много богатыхъ княжескихъ и графскихъ фамилій, но за то былъ не только строгъ, но просто жестокъ съ стариками инвалидной роты, а также съ офицерами этой команды. За простой плевокъ, замѣченный гдѣ нибудь на лѣстницѣ, дежурный инвалидъ получалъ 200 розогъ, и полиціймейстеръ школы подполковникъ Брунъ всякій разъ исполнялъ это приказаніе съ буквальною точностію. Экономъ школы, гарнизонный штабсъ-капитанъ Соколовъ изъ фельдфебелей, рѣдкій обѣдъ не получалъ отъ Сутгофа бранныхъ словъ. Но видно хорошо было мѣсто эконома въ Школѣ, когда хотя и гарнизонный, но всетаки штабсъ-капитанъ, не морщась выслушивалъ подобныя привѣтствія. И дѣйствительно, нашъ бравый экономъ, заполучилъ и хорошій домъ, и порядочный капиталецъ, часто ссужалъ юнкеровъ деньжонками, конечно за хорошіе проценты. А мы и любили и жалѣли Соколова; а сколько онъ бывало переноситъ насмѣшекъ отъ юнкеровъ послѣ публичнаго распеканія отъ Сутгофа. Ей Соколовъ! бывало крикнутъ ему юнкера, и тебѣ не стыдно, офицеру, переносить ругательства? Ты бы его въ рожу! и тому подобное. Плюнетъ, бывало, Соколовъ, и уйдетъ въ свой буфетъ.

Точно также обращался Сутгофъ и съ гарнизонными офицерами, состоявшими при швальнѣ. Ей Михайловъ! кричитъ онъ, бывало, при осмотрѣ новыхъ шинелей; послушай, каналья, вѣдь это сукно подмѣнено, въ солдаты разжалую тебя, воръ...!! Но господа гарнизонные офицеры все это терпѣли, вѣроятно по той-же причинѣ, по которой терпѣлъ и Соколовъ. Полковникъ Лишинъ былъ строгій, но справедливый начальникъ и терпѣть не могъ главнаго нашего командира Сутгофа, произведеннаго въ 1846 г. въ генералы. Лишинъ меня любилъ и отличалъ отъ прочихъ. За примѣрно хорошее поведеніе я былъ произведенъ сначала въ ефрейторы, и наконецъ въ унтеръ-офицеры, и изъ собственныхъ рукъ Великаго Князя Михаила Павловича получилъ серебряный темлякъ. Болѣе всего Лишинъ любилъ меня за знаніе фронта, и за то, что я неоднократно подходилъ ординарцемъ къ Великому Князю Михаилу Павловичу, и однажды въ лагерѣ въ Петергофѣ, въ годъ свадьбы Великой Княжны Ольги Николаевны, къ Государю Императору Николаю Павловичу. Колоссальная, прекрасная личность этого Царя-рыцаря и сейчасъ во всемъ блескѣ рисуется въ моей памяти. И нигдѣ мы не имѣли болѣе удобнаго случая видѣть весь бытъ царской семьи, какъ во время лѣтней стоянки въ лагеряхъ близъ Петергофа. По праздникамъ насъ отпускали гулять въ Петергофскіе

сады, и въ самую Александрію, гдѣ мы просто въ окно смотрѣли, какъ живетъ царское семейство. Въ особенности остались у насъ въ памяти Петергофскіе праздники по случаю свадьбы Великой Княжны Ольги Николаевны. Свадьба эта была въ большомъ Петергофскомъ дворцѣ, и во все время я стоялъ въ полной формѣ съ ружьемъ, часовымъ у дверей церкви, видѣлъ весь свадебный кортежъ; и любовался на молодую красавицу, къ мужу же ея, тогда еще наслѣдному принцу Вюртембергскому, только что получившему форму Нижегородскаго драгунскаго полка, по случаю назначенія шефомъ этого полка, я подходилъ на ординарцы послѣ церковнаго парада, и въ первый разъ въ жизни увидалъ на этомъ парадѣ фельдмаршала князя Паскевича и генерала А. П. Ермолова, пріѣзжавшихъ по случаю этой свадьбы. Скажу кстати здѣсь, что я, вмѣстѣ съ двумя красивѣйшими изъ подпрапорщиковъ, а именно: графомъ Татищевымъ *) и княземъ Мещерскимъ, по повелѣнію Государя Императора Николая Павловича, изображены въ портретахъ и во весь ростъ, въ полной формѣ на извѣстной картинѣ, художника Лидюрнера: присяга Наслѣдника Цесаревича.

Наконецъ въ 1848 г. 13 Іюня произведенъ я въ офицеры лейбъ-гвардіи Волынскаго полка. Къ этому времени пріѣхалъ въ Петербургъ старикъ отецъ мой, пробылъ недѣлю послѣ присяги принесенной нами нововыпущенными офицерами въ церкви Дворянскаго полка, уѣхалъ въ Симбирскъ, оставивъ мнѣ 18 лѣтнему офицеру, кромѣ самаго полнаго и блестящаго обмундированія, исполненнаго въ мастерской извѣстнаго въ то время военнаго портного Брунста, 8-мь пудовъ столоваго серебра и 12,000 руб. серебромъ денегъ: мое полное годовое содержаніе. Можно конечно представить себѣ всю радость молодого и богатаго прапорщика, и вотъ наконецъ, получивши всѣ надлежащія бумаги, я и товарищъ мой Н. И. Миллеръ, вмѣстѣ выпущенный со мною въ одинъ полкъ, отправились прямо въ лагерь въ Красное Село, чтобы явиться къ начальству и начать службу. Едва успѣли намъ отвести офицерскія палатки, а уже въ моей крѣпостной мой человѣкъ Иванъ Ростиславовъ, съ помощію солдатъ устраивалъ мнѣ постель, и столы съ обильнымъ количествомъ винъ и всякихъ закусокъ, на случай перваго знакомства съ офицерами; мы оба, переодѣвшись въ полную парадную форму, пошли являться къ своему полковому командиру генералъ-маіору Довбышеву. Взошедши въ его домикъ вмѣстѣ съ полковымъ адъютантомъ штабсъ-капитаномъ Пацукевичемъ, мы увидали сердитаго старика съ сѣдыми усами въ сюртукѣ безъ эполетъ. Увидавъ насъ и бросивъ

*) Нынѣ генералъ-лейтенантъ, бывшій корпусный командиръ. О князѣ же Мещерскомъ не знаю, гдѣ онъ и въ какомъ чинѣ.

небрежно на столъ наши бумаги, онъ сказалъ обращаясь къ адъютанту: этого! (то есть меня) въ третью карабинерную роту, а этого! (указывая на Миллера) въ 8-ую Егерскую роту. Намъ же онъ сердито сказалъ: Я вашу Школу терпѣть не могу, и вмѣстѣ съ вашимъ бывшимъ начальникомъ. Какъ, командиръ даетъ поблажку молокососамъ и пьетъ съ ними Шампанское! У меня этого нѣтъ, и намотайте себѣ на усъ: за каждую неисправность взыщу безъ потачки. У меня или служить, или вонъ. Пораженные какъ громомъ этимъ привѣтствіемъ, мы, блѣдные отъ волненія, вышли отъ генерала и пошли представляться баталіоннымъ и ротнымъ командирамъ. Едва я пришелъ въ свою палатку, гдѣ все уже было прибрано, а на столѣ красовались вина и закуски, пришелъ адъютантъ и еще два офицера моей роты, поручикъ Костинъ и подпоручикъ Захарьинъ. Чай было уже готовъ, и мы начали пить его и закусывать. Не прошло получасу, какъ явился къ намъ въ палатку пожилой офицеръ въ шинели въ рукава, въ одной рубашкѣ и нижнемъ бѣльѣ. Обращаясь къ батареѣ бутылокъ, онъ вскрикнулъ: здорово, ребята! а нашъ адъютантъ тотчасъ же отрекомендовалъ намъ эту интересную личность. Это былъ прекраснѣйшій и благороднѣйшій старый и заслуженный полковникъ Ридигеръ, но неумѣренно пившій, почему и не командовалъ баталіономъ, но былъ переведенъ къ намъ младшимъ штабъ-офицеромъ изъ капитановъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка. Милѣйшій человѣкъ этотъ сразу подружился съ нами, и у насъ къ концу дня перебывало много офицеровъ.

Командиръ 3-го баталіона, въ который я поступилъ, былъ старикъ полковникъ Короткевичъ-Начевной, а ротный мой командиръ капитанъ К....ій. Этотъ послѣдній оказался не только жестокимъ человѣкомъ по отношенію къ солдатамъ, но самымъ хладнокровнымъ палачемъ: палки и розги въ ужасающемъ количествѣ были у него въ полномъ ходу за всякую бездѣлицу. Тиранить солдатъ, мнѣ кажется, было ему наслажденіемъ. Къ тому же онъ нерѣдко требовалъ, когда наказаніе назначалось передъ всею ротою, чтобы офицеры были въ строю. Нечего и говорить, что я возненавидѣлъ этого человѣка, нерѣдко по наговору его сиживалъ подъ арестомъ, и только уже во время Венгерскаго похода, когда поротье солдатъ розгами и палками производилось всякій день, и на каждой дневкѣ, и на дворѣ нашей квартиры, я съ большимъ трудомъ и по ходатайству баталіоннаго командира 2-го баталіона полковника Борисова, былъ переведенъ въ этотъ баталіонъ, и наконецъ разстался съ варваромъ К.....ъ.

Полковой командиръ нашъ, генералъ-маіоръ Довбышевъ*) былъ старый вдовецъ, человѣкъ сердитый и также жестокій, но его любилъ шефъ нашего полка Великій Князь Михаилъ Павловичъ, ибо дѣйствительно, въ строевомъ отношеніи, полкъ путемъ жестокихъ наказаній солдатъ былъ доведенъ по истинѣ до полнаго совершенства. Были у насъ ротные командиры, которые давали солдатамъ по 700 розогъ и 300 палокъ.

Раскажу про послѣдній въ жизни Великаго Князя Михаила Павловича смотръ полку нашему на первой дневкѣ по случаю Венгерскаго похода, въ Маѣ мѣсяцѣ 1849 г. въ Ропшѣ. Полкъ былъ построенъ развернутымъ фронтомъ по тогдашнему въ три шеренги. Носились слухи, что въ этотъ день Великій Князь былъ не въ духѣ, и мы съ трепетомъ ожидали появленія нашего шефа. И вотъ пріѣхалъ онъ вмѣстѣ съ генералъ-адъютантомъ Сумароковымъ, который только что назначенъ былъ корпуснымъ командиромъ гвардейскаго пѣхотнаго корпуса. Не садясь на лошадь, онъ пѣшкомъ пошелъ къ полку, и лишь только солдаты взяли на караулъ и музыка заиграла походъ, онъ махнулъ рукой знакъ музыкантамъ перестать. Держа на караулъ, мы замерли и ожидали грозы. Вотъ подошелъ Великій Князь къ ротѣ Его Высочества. Обратясь къ Сумарокову, онъ сказалъ: „Ваше высокопревосходительство, я прошу васъ посмотрѣть на этотъ полкъ; это брилліантовый полкъ. Здорово, ребята, молодцы егеря!“ крикнулъ онъ. Дружный откликъ пронесся въ воздухѣ и мы всѣ ожили. Тотчасъ-же подали верховыхъ лошадей, раздалась команда: къ церемоніальному маршу, по взводно на взводныя дистанціи, и мы молодецки пошли. Тутъ похваламъ не было конца. Молодцы, спасибо! Одинъ другого лучше! безпрестанно слышалось изъ устъ Августѣйшаго шефа, и это было наше послѣднее свиданіе; ибо, какъ извѣстно, Великій Князь скончался въ Варшавѣ въ 1849 году.

Полкъ нашъ доходилъ до крѣпости Брестъ-Литовска, гдѣ и содержалъ караулы и по окончаніи войны возвратился въ Ораніенбаумъ.

Здѣсь я считаю не лишнимъ разсказать и о томъ, какъ встрѣчали нашъ полкъ во время Венгерскаго похода въ городахъ. Первая встрѣча полку нашему была въ Псковѣ, гдѣ, по распоряженію тогдашняго губернатора князя Черкасскаго, солдаты были хорошо угощены на площади, а въ Собраніи гг. офицеры. Подъ Вильною, многіе офицеры наши, въ

*) Впослѣдствіи дивизіонный командиръ, умеръ въ чинѣ генералъ отъ инфантеріи. Баталіоннымъ же адъютантомъ 3-го баталіона былъ подпоручикъ Брандтъ, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ и начальникъ дивизіи.

томъ числѣ и я, были приглашены въ имѣніе князя Шадурскаго на балъ, и это было первое наше знакомство съ красавицами-польками. Въ Гроднѣ встрѣтилъ нашъ полкъ военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ Ховенъ, и также было угощеніе солдатамъ и офицерамъ. Но самый роскошный обѣдъ былъ данъ намъ въ Высоко-Литовскѣ, во дворцѣ знаменитаго магната, князя Сапѣги. Самъ онъ былъ тогда въ Варшавѣ, но прислалъ приказаніе своему метръ-д'отелю дать обѣдъ всѣмъ офицерамъ и угостить столѣтнимъ Венгерскимъ виномъ. Здѣсь мы любовались и знаменитою картинною галлереею князя Сапѣги, которая, какъ говорятъ, стоила болѣе милліона рублей, а въ молельнѣ княгини Сапѣги, рожденной графини Потоцкой, любовались распятіемъ изъ слоновой кости на черномъ деревѣ, сплошь усыпаннымъ брилліантами. Въ крѣпости-же Брестъ-Литовскѣ насъ также угощалъ комендантъ генералъ-лейтенантъ Бартоломей, у котораго мы часто бывали послѣ на танцовальныхъ вечерахъ, и у котораго была красавица-дочь, семнадцатилѣтняя невѣста. Не забуду также, какъ однажды не всему полку, но нашей 3 карабинерной ротѣ удалось дневать въ имѣніи молодой красавицы и молодой вдовы княгини Урусской. Эта милая владѣтельница большаго имѣнія, не вдалекѣ отъ города Слонима, выѣхала сама встрѣтить нашу роту верхомъ на великолѣпномъ конѣ, одѣтая въ шитый золотомъ кунтушъ. Она дала намъ прекрасный обѣдъ, и мы еще слушали ея прекрасное пѣніе.

Крѣпостная служба наша въ Брестъ-Литовскѣ была тяжка и по военному времени строга чрезвычайно. Множество политическихъ арестантовъ содержалось въ этой крѣпости, а въ караулъ или на крѣпостные работы доводилось ходить черезъ день, такъ что вскорѣ присланъ былъ намъ на подмогу гренадерскій Короля Прусскаго Фридриха Вильгельма полкъ, одной съ нами бригады. Еще къ счастію 3-ій баталіонъ, въ которомъ я служилъ, былъ расположенъ на форштадтѣ, 4 версты отъ крѣпости. Другіе же баталіоны стояли въ самой крѣпости, и здѣсь офицерамъ житье было худое, во первыхъ всегда на глазахъ у начальства, и во вторыхъ, по пробитіи зари запирались всѣ ворота, и никому нельзя было сообщаться съ предмѣстіями, кромѣ самого коменданта. Самымъ лучшимъ офицерскимъ карауломъ въ Брестѣ-Литовскѣ мы считали караулъ въ Катенбургскомъ военномъ госпиталѣ. Это восемь верстъ отъ крѣпости, и при томъ среди великолѣпныхъ садовъ. Но самая непріятная караульная служба выпадала намъ, въ особенности молодымъ офицерамъ, въ Петербургѣ, куда приходилъ полкъ изъ Оріенбаума занимать караулы съ конца Августа по Октябрь мѣсяцъ, когда прочіе гвардейскіе полки отпускались послѣ

лагернаго сбора, на домашнія работы. Офицерскіе караулы были тогда многочисленны, у всѣхъ заставъ, и у многихъ другихъ мѣстъ, даже въ Галерной гавани у старыхъ магазиновъ съ старыми канатами и якорями. При этомъ надо замѣтить, что въ караулъ мы ходили въ полной парадной формѣ при шарфѣ и при знакѣ, и даже разстегнуть воротникъ въ ночное время считалось за преступленіе. Самымъ лучшимъ карауломъ считался караулъ въ Зимнемъ дворцѣ, куда ходила рота со знаменемъ и съ полнымъ хоромъ музыкантовъ. Здѣсь давался и великолѣпный царскій обѣдъ. Плохими же или лучше сказать трудными караулами считались два, на гауптвахтѣ при Сенатѣ и Синодѣ, и на Сѣнной площади: ибо здѣсь безпрестанно проѣзжало начальство, и надо было чрезвычайно часто отдавать честь. За то въ зимнее время въ Ораніенбаумѣ служба была легче. Офицерскій караулъ былъ одинъ, а именно во дворцѣ Великой Княгини Елены Павловны, но за то, когда пріѣзжалъ къ намъ дѣлать зимою инспекторскіе смотры бывшій тогда начальникомъ нашей 3-й гвардейской дивизіи генералъ-лейтенантъ Овандеръ, то это время (и нерѣдко цѣлый мѣсяцъ) мы считали прямо за каторгу. Распеканій и всякихъ взысканій и арестованій трудно было даже перечесть. Пойдетъ, бывало, начальникъ дивизіи на кухню, вынетъ бѣлый платокъ и потрётъ имъ внутренность котла. Бѣда, если на платкѣ окажется хоть соринка. А результатъ извѣстенъ: виновному или палки или розги. Кромѣ того къ полковому командиру ежедневно являлись по утру поочередно отъ каждой роты ординарцы съ ружьями и вѣстовые, и дежурные по полку и баталіонамъ офицеры, и командиръ той роты, отъ которой назначились ординарцы. Солдатики, ни живы ни мертвы, подходили къ генералу, и первое обычное привѣтствіе его было: „какъ стоишь каналья!“ и прямо въ зубы. И это почти каждый день, и съ каждымъ ординарцемъ. Офицерамъ также привѣтствіе: или на гауптвахту, или въ караулъ не въ очередь. Когда же бывало онъ смотритъ фурштатскую команду, то навѣрнякъ всѣмъ унтеръ-офицерамъ разобьетъ зубы и скулы. Фурштатскаго же офицера-поручика Кочетова изъ солдатъ, нерѣдко ругалъ онъ по ямщицки. Полковой адъютантъ нашъ былъ въ свою очередь страшилищемъ для писарей канцеляріи и для музыкантовъ: первыхъ лупилъ онъ прямо по лицу и по чемъ попало линейкой, а вторыхъ полусаблей изъ собственныхъ рукъ. Самымъ-же лучшимъ начальникомъ у насъ въ полку, оставившимъ по себѣ добрую память, былъ старшій штабъ-офицеръ, командиръ 1-го баталіона, полковникъ Воропай. Точно также любили у насъ и полковника Ридигера, о которомъ я уже упомянулъ (онъ умеръ отъ холеры въ 1849 г. въ Брестъ-Литовскѣ, въ Катенбургскомъ военномъ госпиталѣ, наканунѣ выхода нашего полка изъ Брестъ-Литовска).

Говоря о караульной службѣ нашего стараго времени, я забылъ упомянуть о томъ, что два раза случилось мнѣ быть дежурнымъ въ холерномъ Красносельскомъ госпиталѣ, въ Іюлѣ 1848 г. Въ самый сильнѣйшій разгаръ холеры были дни, въ которые привозили и днемъ и ночью въ этотъ госпиталь до тысячи человѣкъ больныхъ изъ Красносельскаго лагеря. Сцены, которыя я при этомъ видѣлъ, не поддаются никакому описанію. Самъ Государь Николай Павловичъ лично и часто посѣщалъ этотъ госпиталь и однажды назвалъ дуракомъ корпуснаго штабъ-доктора Нагумовича, когда тотъ, притворяя дверь, не рѣшался пускать Государя къ самымъ труднымъ больнымъ, одержимымъ тифомъ и холерою. Государь все-таки обошелъ при этомъ всѣхъ помянутыхъ больныхъ. Объ этомъ разсказывалъ мнѣ товарищъ мой поручикъ Костинъ, который былъ въ тотъ день дежурнымъ и при которомъ Государь посѣтилъ госпиталь. Лагерная наша служба была очень трудна какъ для солдатъ, такъ и для офицеровъ, тѣмъ болѣе, что тогда солдаты и въ сильные жары ходили на ученье въ толстыхъ сѣрыхъ шинеляхъ. А военное поле въ Красносельскомъ лагерѣ мы иначе не называли какъ полемъ брани. Для меня молодого офицера, не любившаго вообще тѣлесныхъ наказаній, было ужасно присутствовать и при наказаніяхъ сквозь строй, по опредѣленіямъ военно судныхъ коммисій. Однажды мнѣ довелось быть въ строю при наказаніи преступника 6000 ударами шпицрутеновъ. Я едва могъ вынести это зрѣлище.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1849 г. полкъ нашъ возвратился изъ похода, и прямо съ похода прибылъ въ Петербургъ для высочайшаго смотра, который былъ назначенъ на Дворцовой площади вмѣстѣ съ лейбъ-гвардіи Литовскимъ полкомъ. Государь лично смотрѣлъ насъ (въ 20 градусовъ мороза) и пропустилъ церемоніальнымъ маршемъ, послѣ чего мы отправились на ночлегъ въ Михайловскій манежъ. Здѣсь въ 4 часа по полудни смотрѣлъ нашъ полкъ Александръ Николаевичъ, бывшій тогда главнокомандующимъ гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, а на слѣдующее утро мы пошли на зимнюю стоянку нашу въ Ораніенбаумъ.

Въ 1848 году служилъ у насъ штабсъ-капитаномъ и казначеемъ Левъ Александровичъ Кавелинъ, чрезвычайно хорошо ко мнѣ относившійся. Нынѣ это заслуженный ученый, членъ многихъ ученыхъ обществъ и маститый намѣстникъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры архимандритъ Леонидъ. Затѣмъ я былъ лично хорошо знакомъ съ бывшимъ начальникомъ штаба военно-учебныхъ заведеній генералъ-адъютантомъ Ростовцевымъ, а впослѣдствіи чрезъ него получилъ особенно лестную монаршую благодарность за предоставленное мною мнѣніе о

приведеніи въ дѣйствіе проэкта объ улучшеніи быта крестьянъ. Еще въ школѣ подпрапорщиковъ черезъ родственника моего д. ст. совѣтника Алексѣя Петровича Евреинова[1]), въ семействѣ котораго проводилъ всѣ праздники, имѣлъ я случай познакомиться со всесильнымъ тогда государственнымъ канцлеромъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Нессельроде, а офицеромъ былъ принятъ у его дочерей, баронессы Зеебахъ и графини Хрептовичъ. Я присутствовалъ на великолѣпной свадьбѣ молодого графа Нессельроде, женившагося на графинѣ Закревской. Кромѣ этого, я былъ принятъ, какъ родной, у почтеннѣйшей старушки Александры Ивановны Татариновой, единственный сынъ которой, Валеріанъ Алексѣевичъ, былъ впослѣдствіи статсъ-секретаремъ и государственнымъ контролеромъ. Сестры его, бывшія въ то время замѣчательными музыкантшами, вышли замужъ: Анна за Разводовскаго, а Елисавета за камергера Ячевскаго. Чрезъ это милое семейство я имѣлъ случай, еще мальчикомъ двѣнадцати лѣтъ, быть въ двухъ концертахъ, которые давалъ въ Петербургѣ знаменитый Листъ. Впослѣдствіи я имѣлъ случай слышать Листа уже за границей и играть въ его присутствіи, такъ какъ я самъ былъ порядочный музыкантъ.

Не могу пройти молчаніемъ еще одного случая, который съ дѣтскихъ лѣтъ особенно врѣзался мнѣ въ память. Еще въ 1837 г., меня семилѣтняго мальчика, взялъ отецъ мой къ доживавшему тогда послѣдніе годы своей жизни, знаменитому старцу графу Юлію Помпеевичу Литтѣ. Дѣдъ мой былъ съ нимъ друженъ и пріобрѣлъ за деньги право ношенія потомственно кавалерскаго креста св. Іоанна Іерусалимскаго. И вотъ величавый старецъ, нѣкогда знаменитый бальи ордена Мальтійскихъ рыцарей, принялъ ласково насъ и своеручно украсилъ мою грудь орденомъ Мальтійскихъ рыцарей. Крестъ этотъ хранился у меня до пожара, уничтожившаго Симбирскъ въ 1864 году, а вмѣстѣ съ тѣмъ сгорѣло все мое состояніе, капиталъ и вещи (такъ какъ землю я продалъ сестрѣ моей) и вотъ изъ богатаго человѣка я сдѣлался нищимъ. Въ числѣ многихъ орденовъ, которые я имѣю, и при томъ тѣхъ, которые я не носилъ, могу упомянуть про крестъ Св. Гроба, пожалованный мнѣ въ Іерусалимѣ въ 1858 году[2]), и про орденъ Льва и Солнца,

[1]) А. П. Евреиновъ личность замѣчательная. Онъ управлялъ имѣніями графа Нессельроде, былъ его другомъ и, можно сказать, что въ 1848 и другихъ годахъ, былъ властнымъ лицомъ въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ. Онъ скончался года три тому назадъ, 85-лѣтнимъ старикомъ, и оставилъ громадное состояніе въ нѣсколько милліоновъ своей женѣ, а послѣ ея смерти единственной дочери, великолѣпное подмосковное имѣніе и домъ въ Петербургѣ.

[2]) Католическимъ епископомъ, вслѣдствіе бреве папы Пія IX за пожертвованія.

который я получилъ за описаніе посѣщенія шахомъ эскадры Россійскихъ судовъ на Феррахъ-абадскомъ рейдѣ 19 Апрѣля 1866 г.

Изъ бывшихъ моихъ совоспитанниковъ по школѣ гвардейскихъ подпоручиковъ могу еще указать и на понынѣ еще здравствующаго и высокоуважаемаго вице-предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества П. П. Семенова, генералъ-лейтенанта и бывшаго корпуснаго командира графа Татищева и на недавно умершихъ бывшаго шефа жандармовъ генералъ-лейтенанта Селиверстова (убитаго въ Парижѣ) и генералъ-лейтенанта Эссена, бывшаго дивизіоннаго командира. Изъ знаменитыхъ же лицъ, учившихся со мною въ пансіонѣ, могу указать на высокоуважаемаго товарища министра государственныхъ имуществъ статсъ-секретаря В. И. Вишнякова. Онъ былъ первымъ ученикомъ въ пансіонѣ Филипова, и имя его записано тамъ на почетной доскѣ. Изъ лицъ-же, которыя были выпущены изъ школы подпрапорщиковъ въ первый годъ моего поступленія туда, укажу на покойнаго предсѣдателя Верховной Коммиссіи, генералъ-адъютанта графа Лорисъ-Меликова. Кстати скажу здѣсь, что почтеннѣйшій нашъ духовный отецъ и наставникъ, Кириллъ Крупскій и сейчасъ проходитъ доблестно свое пастырское служеніе въ Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ, не такъ давно еще праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своего священства и награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени.

Въ началѣ 1850 года, сильно простудившись, я вышелъ въ отставку по болѣзни подпоручикомъ, и опишу теперь вкратцѣ мою гражданскую службу и дѣятельность. Пріѣхавъ въ Симбирскъ, я былъ въ томъ-же 1850 году выбранъ дворянствомъ Симбирской губерніи депутатомъ дворянства, въ бытность губернскимъ предводителемъ дворянства Николая Тимофеевича Аксакова. Обладая большимъ богатствомъ, покойный Николай Тимофеевичъ жилъ побарски; его обѣды и балы привлекали всю Симбирскую публику, и я былъ принятъ у него какъ родной. Это было время хорошаго и привольнаго житья тогда еще не разорившихся дворянъ. Губернаторомъ былъ князь Черкасскій, настоящій аристократъ, имѣлъ дочь невѣсту, и давалъ также балы и обѣды. Симбирскимъ архіереемъ былъ тогда незабвенный для Симбирской епархіи, въ послѣдствіи архіепископъ и членъ Святѣйшаго Синода Ѳеодотій *), отецъ сиротъ, учредитель Симбирскаго епархіальнаго женскаго учи-

*) Племянникъ его, мой старинный и добрый знакомый, бывшій ректоръ Симбирской Семинаріи, нынѣ епископъ Смоленскій, въ монашествѣ Гурій, въ мірѣ Николай Васильевичъ Охотинъ.

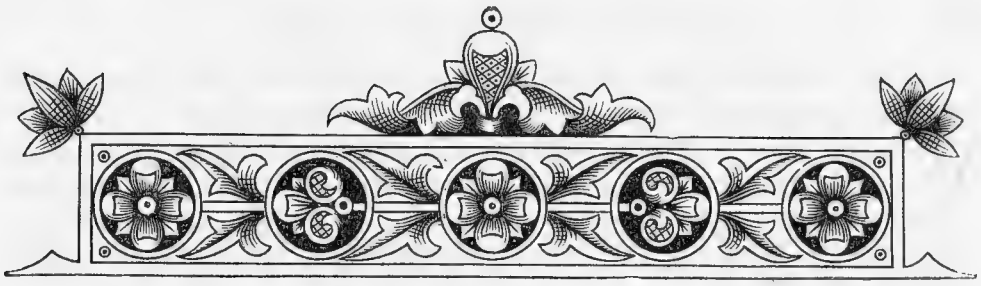
лища, и многихъ другихъ полезныхъ заведеній, человѣкъ добрый, хлѣбосольный, хотя и необыкновенно горячій, но не сдѣлавшій никому зла; его любили и горько его оплакивали и духовенство, и граждане. Этотъ ученый и добрѣйшій архипастырь былъ другомъ моего отца, любилъ и меня. Онъ похороненъ въ Симбирскомъ Николаевскомъ соборѣ. Къ числу богатыхъ Симбирскихъ помѣщиковъ того временп надо отнести также двоихъ моихъ товарищей по пансіону Филипова, братьевъ Языковыхъ, родныхъ племянниковъ поэта Н. М. Языкова. Оба они только что женились тогда на двухъ сестрахъ княжнахъ Гагариныхъ, имѣли богатѣйшія имѣнія Ундоры, Языково и прочія, и жили великолѣпно. Тогда же часто живалъ въ Симбирскѣ извѣстный поэтъ Д. П. Ознобишинъ, чрезвычайно начитанный и умный человѣкъ, и былъ еще живъ также извѣстный воинъ-писатель и нумизматъ, князь Баратаевъ и извѣстный геологъ П. М. Языковъ. Нелишнимъ считаю сказать здѣсь, что я, ѣхавши изъ Петербурга въ Симбирскъ, посѣтилъ Свято-Троицкую Сергіеву Лавру, имѣвши письмо къ намѣстнику этой лавры архимандриту Антонію, и въ подробности осмотрѣлъ всѣ сокровища этой обители, посѣтилъ затѣмъ Саровскую пустынь и Дивеевскую общину, а въ Нижнемъ-Новгородѣ познакомился также по рекомендательному письму, въ Печерскомъ монастырѣ, съ извѣстнымъ іеромонахомъ Іоанномъ Тамбовскимъ, который былъ келейникомъ святого старца Серафима Саровскаго.

Живя съ отцомъ въ Симбирскѣ, я имѣлъ совершенно особое помѣщеніе и собиралъ вокругъ себя кружокъ любителей музыки. Еще въ военной службѣ я былъ лучшимъ ученикомъ Герке, Гензельта, и Лауе, и не разъ игралъ на рояли въ концертахъ, а много лѣтъ спустя, когда въ концѣ шестидесятыхъ годовъ я былъ за границею и въ Веймарѣ былъ у Листа, онъ благословилъ меня на музыкальное поприще. Но судьба не хотѣла этого. Предавшись всецѣло научнымъ занятіямъ статистикою и этнографіею, я въ 1868 году былъ избранъ за труды мои въ члены-сотрудники Императорскаго Русскаго Географическаго общества, въ дѣйствительные члены Симбирскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, въ члены Общества естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, въ члены-корреспонденты Россійскаго общества покровительства животнымъ, въ пожизненные братчики братства св. Сергія при Симбирской классической гимназіи, въ члены совѣта этого общества, и въ члены-учредители Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. Кромѣ того, я состоялъ членомъ-ревнителемъ общества возстановленія православнаго Христіанства на Кавказѣ съ правомъ ношенія знака креста

святой Равноапостольной Нины, и членомъ общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ, съ правомъ ношенія серебрянаго креста этого Общества. Я совершилъ многія поѣздки съ ученою цѣлію четыре раза, въ губерніи: Казанскую, Самарскую, Саратовскую, Астраханскую, Оренбургскую, Пермскую и Вятскую, и составилъ довольно объемистое описаніе флоры и фауны Гумберлинскихъ горъ между Оренбургомъ и Орскомъ. Составлено мною описаніе всѣхъ населенныхъ мѣстностей Симбирской губерніи, напечатанное въ Памятной книжкѣ Симбирской губерніи на 1868—1869 г. Четыре медали, три креста, и 26 именныхъ высочайшихъ благодарностей были наградою за эти труды. За патріотическія стихотворенія, поднесенныя мною особамъ Императорскаго дома, я получилъ много высочайшихъ благодарностей, большую серебряную коронаціонную медаль, въ день Коронованія Государя Императора, драгоцѣнный подарокъ отъ Государыни Императрицы, денежное пособіе по случаю коронованія нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, три пособія отъ Государя Наслѣдника-Цесаревича и отъ великихъ князей, Константина Николаевича, Сергія и Владимира Александровичей и три пособія отъ литературнаго фонда.

Въ 1858 г., я исполнилъ старинное мое задушевное желаніе и вмѣстѣ съ крестнымъ отцомъ моимъ, К. Д. Луцкимъ (отцомъ бывшаго Екатеринославскаго вице-губернатора В. К. Луцкаго), совершилъ поѣздку въ Іерусалимъ. Отправясь черезъ Одессу, Константинополь, Смирну и Яффу, мы прибыли къ Страстной недѣлѣ въ Іерусалимъ. Здѣсь я познакомился съ нашимъ Русскимъ архіереемъ Кирилломъ, епископомъ Мелитопольскимъ, жившимъ послѣ въ Казани, и сдѣлался духовнымъ сыномъ знаменитаго тогда намѣстника патріарха, митрополита Петры Аравійской, старца Мелетія. Встрѣтивъ свѣтлое Христово Воскресеніе въ Іерусалимѣ, мы на Ѳоминой недѣлѣ посѣтили съ караваномъ богомольцевъ всѣ замѣчательныя святыя мѣста, и мой крестный отецъ возвратился тѣмъ-же путемъ въ отечество, а я посѣтилъ Каиръ, Александрію, посѣтилъ пирамиды, но не лазилъ на пирамиды, не считая нужнымъ подвергать себя опасности, точно также не спускался и въ подземные ходы; за то купилъ много замѣчательныхъ древнихъ вещей, посѣтилъ знаменитый Булакскій музеумъ и пріобрѣлъ мумію. За тѣмъ, черезъ Тріестъ и Вѣну, я пріѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда, совершивши поѣздку на Валаамъ и возвратясь обратно въ Петербургъ, пріѣхалъ на родину. За тѣмъ я прослужилъ три года попечителемъ Симбирскихъ губернскихъ земскихъ больничныхъ и богоугодныхъ заведеній, три года директоромъ Симбирскаго губернскаго

попечительнаго о тюрьмахъ комитета, шесть лѣтъ почетнымъ смотрителемъ Симбирскихъ училищъ, два раза былъ редакторомъ Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостей и 4 года секретаремъ Симбирскаго общества Сельскаго хозяйства. Снова выбранный дворянствомъ въ депутаты въ 1870 г. я прослужилъ еще два трехлѣтія депутатомъ и кандидатомъ уѣзднаго предводителя и во все это время завѣдывалъ казначейскою частію Симбирскаго дворянскаго Депутатскаго Собранія и дѣлами посреднической коммиссіи и получилъ за это наилучшій аттестатъ. Не имѣвъ возможности оправиться отъ страшнаго пожара, я еще два раза подвергся тому-же бѣдствію и окончательно разорился. Здоровье мое и безъ того надломленное многочисленными путешествіями, окончательно разстроилось къ 1880 году. И съ тѣхъ поръ я болѣю. Болѣе 150-ти статей моихъ, по части Статистики и Этнографіи, напечатаны въ Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, въ изданіяхъ Симбирскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, и во многихъ журналахъ и газетахъ. Стихотворенія мои напечатаны отдѣльною брошюрою въ 1862 г., но главныя изъ нихъ, а именно патріотическія, еще ждутъ своей очереди. Я говорю здѣсь о трудахъ моихъ, которые были исполнены послѣ 1864 г., то есть послѣ страшнаго Симбирскаго пожара; все же, что̀ было ранѣе, въ особенности-же путевыя замѣтки мои, погибли въ огнѣ. 19-го Января сего 1891 г., совершилось пятидесятилѣтіе моей литературной дѣятельности, такъ какъ первое мое стихотвореніе было напечатано въ Сѣверной Пчелѣ въ этомъ мѣсяцѣ 1841 г., когда я былъ еще мальчикомъ 11 лѣтъ и поступилъ въ приготовительный пансіонъ Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ къ горному инженеру подполковнику Вержбицкому. Грустно прошелъ этотъ день для меня старика, всѣми и давно уже забытаго. Близкіе родные померли; сестрино, хотя и богатое, потомство не живетъ въ Симбирскѣ, а въ перспективѣ одинокая и бѣдная могила.



ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АРХІЕПИСКОПА НИКАНОРА.

АПОЛОГІЯ *).

Письмо къ оберъ-прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь.

Почтительно прошу принять въ благоснисходительное вниманіе сію послѣднюю (четвертую) тетрадь моей самозащиты противъ извѣстнаго Анонима. Она была написана мною до Пасхи, но переписана только теперь вслѣдствіе того, что состоявшій при мнѣ въ должности секретаря подвергся недугу.

Не сталъ бы я безпокоить ваше высокопревосходительство личнымъ моимъ интересомъ послѣ того, какъ, по благосклонности вашей, высочайшая монаршая милость освѣтила для меня особою личною радостью свѣтлый день Христовой Пасхи, если бы сія послѣдняя тетрадь не касалась общаго церковнаго и весьма важнаго предмета, который заслуживаетъ высокаго вниманія, особенно же вопроса о причинахъ начавшагося во всемъ нашемъ краѣ (въ Уфимской, Казанской и Вятской епархіяхъ) повальнаго совращенія крещеныхъ инородцевъ въ мусульманство. Думаю, что въ этой послѣдней тетради моей самозащиты фотографически освѣтилъ я въ нѣкоторыхъ пунктахъ положеніе здѣшняго крещенаго инородчества. А отъ частностей нетрудно сдѣлать общее наведеніе.

Даже въ сей день, послѣ разносторонникъ, самыхъ конфиденціальныхъ сообщеній, я все же убѣжденъ, что этотъ Анонимъ составленъ не большинствомъ, не меньшинствомъ, а развѣ ничтожною по числу частью (двумя-тремя личностями) духовенства, главнымъ же образомъ Бирскими интригами, номинально купцами, на дѣлѣ неимущими промотавшимися бѣдняками, которые внушаются однимъ вліятельнымъ интриганомъ (я никогда его въ глаза не видалъ), а руководствуются ярыми бумагомарателями изъ писарей, адвокатовъ и политическихъ поднадзорныхъ лицъ.

*) См. второй выпускъ „Русскаго Архива“ сего года.

Что подобныя лица въ интригѣ не задумываются надъ средствами, преслѣдуя людей безъ всякаго личнаго съ ними столкновенія (потому что я не имѣлъ съ ними никакого дѣла, а вытерпѣлъ отъ нихъ безпрерывный рядъ оскорбленій) изъ принципа, разительнымъ этому доказательствомъ служитъ сообщенная изъ ихъ же лагеря клевета о томъ, будто я взялъ „заимообразно“ у протоіерея Гуменскаго 2000 рубл. Года три-четыре тому назадъ, они написали въ присланномъ мнѣ пасквилѣ, что я взялъ у Гуменскаго 300 рубл. Теперь же въ первый разъ слышу и вижу въ печати (въ Церковно-общественномъ Вѣстникѣ), что я взялъ 2000 рубл.

По архіерейской чести свидѣтельствуюсь, что ни у кого (кромѣ своего келейника Артемія, которому я долженъ постоянно до мѣсячной расплаты) никогда не бралъ я, какъ никому и не давалъ денегъ заимообразно. Давалъ и отдаю и отъ избытка, и отъ скудости всегда безвозвратно. Капиталовъ не собиралъ, и таковыхъ у меня не имѣется; въ прошломъ году только переслалъ единственному родному брату 300 рубл. на случай смерти моей, и 300 рубл. положилъ въ три церкви (въ Крестовую, въ Мужской монастырь и въ Каѳедральный соборъ) на поминъ души моей и моихъ родныхъ; а теперь 225 рубл. выслалъ послѣдніе отъ прошлогодняго запаса на благотворенія по случаю полученія высочайшей награды. Съ протоіерея же Гуменскаго никакихъ денегъ ни заимообразно, ни въ видѣ подарка, ни для себя, ни въ пользу Уфимскаго архіерейскаго дома никогда я не бралъ и не просилъ и не думалъ объ этомъ. И для этой клеветы не знаю, даже послѣ развѣдываній, никакого основанія.

За симъ, свидѣтельствуя вашему высокопревосходительству глубочайшее уваженіе, глубочайшую признательность и искреннюю о Господѣ преданность и призывая на васъ и домъ вашъ благословеніе небеснаго милосердія, имѣю честь пребыть и пр.

*

По анонимному доносу, при епископѣ Никанорѣ, вмѣсто 200 приходовъ, теперь стало не менѣе 300. Открывая новые приходы, епископъ Никаноръ рукополагаетъ въ санъ священника, большею частію, лицъ, не имѣющихъ на то права, не только не получившихъ богословскаго образованія, но даже не окончившихъ курса уѣздныхъ училищъ, людей разныхъ сословій (мѣщанъ, крестьянъ и даже новокрещенныхъ Татаръ и Черемисъ), людей завѣдомо дурного поведенія, даже изъ среды псаломщиковъ и діаконовъ, не однократно бывшихъ подъ судомъ, даже съ вопрещеніемъ по суду священнодѣйствія. Между тѣмъ, кончившіе курсъ въ семинаріяхъ остаются безъ мѣстъ. Вообще имѣющихъ право на рукоположеніе епископъ Никаноръ посвящаетъ очень мало. Дѣятельность такихъ священнослужителей не можетъ быть полезна. Оттого жители дер. Каныбековой, старокрещеные изъ Магометанъ, совратились въ магометанство, какъ и жители села Мелеузъ.

Расколъ принимаетъ широкіе размѣры. Въ Бирскомъ уѣздѣ такъ размножились секты хлыстовъ и скопцовъ, что въ послѣднее время ихъ арестуютъ цѣлыми сотнями. Что касается до миссіи въ дѣлѣ обращенія инородцевъ въ христіанство, то размноженіе въ епархіи священниковъ неучей, невѣждъ и людей безнравственныхъ отодвинетъ это дѣло далеко въ будущее.

Конечно это самый сильный натискъ нападенія и самый слабый пунктъ моей самозащиты. Но постараемся отбить этотъ штурмъ по частямъ, осадивъ сперва крылья штурмующаго, а за тѣмъ и главную колонну натиска.

1) „Кончившіе курсъ въ семинаріяхъ, увѣряетъ Анонимъ, остаются безъ мѣстъ; вообще имѣющихъ право на рукоположеніе посвящается очень мало“. Въ моемъ отчетѣ Св. Синоду за первый (1877) годъ моего завѣдыванія Уфимскою епархіею, подъ рубрикою: избытокъ или недостатокъ духовенства, я писалъ: „Избытка духовенства въ Уфимской епархіи не усматривается, а напротивъ оказывается нужда въ священнослужителяхъ. Вслѣдствіе сего въ истекшемъ 1877 г. пять священническихъ вакансій, остававшихся долгое время праздными, замѣщены вызванными мною изъ другихъ епархій окончившими курсъ воспитанниками семинарій. Кромѣ того двѣ священническія вакансіи замѣщены вновь рукоположенными изъ заслуженныхъ діаконовъ и двѣ священниками, состоявшими по суду долгое время на мѣстахъ псаломщиковъ. Затѣмъ къ 1878 г. десять священническихъ мѣстъ осталось еще незанятыми, для замѣщенія которыхъ также имѣются въ виду достойные кандидаты изъ другихъ епархій“. Въ томъ же отчетѣ подъ рубрикою: обозрѣніе епархіи, я доносилъ: „Жаль, что въ составъ священниковъ уже введено и вводится здѣсь немало лицъ, которыя не кончили полнаго семинарскаго образованія, по недостатку кончившихъ, чѣмъ понижается общій умственный уровень цѣлаго священническаго института. Жаль, что (учиненный мною) вызовъ кончившихъ семинарскій курсъ и изъ другихъ епархій для занятій священническихъ вакансій въ Уфимской, оказался на дѣлѣ затруднительнѣе, чѣмъ предполагалось сначала. Уфимская же Семинарія дала въ отчетномъ (1877) году только четверыхъ кончившихъ курсъ изъ уроженцевъ Уфимской епархіи, изъ которыхъ только двое приняли санъ священства“. Въ отчетѣ за 1878 г. я писалъ: „По причинѣ незначительнаго числа оканчивающихъ курсъ ученія въ Уфимской Д. Семинаріи, изъ коихъ немногіе при томъ изъявляютъ согласіе посвятить себя пастырскому служенію, Уфимская епархія замѣтно нуждается въ кандидатахъ для замѣщенія мѣстъ. Къ 1876 г. праздныхъ священническихъ мѣстъ въ Уфимской

епархіи оставалось 10; затѣмъ въ теченіе того же года открылось таковыхъ мѣстъ еще 13; а всего праздныхъ священническихъ вакансій было 23. Изъ нихъ 10 вакансій замѣщены окончившими курсъ Семинаріи, вызванными мною изъ другихъ епархій, 4—воспитанниками Уфимской Д. Семинаріи, 8—новорукоположенными изъ благонадежныхъ діаконовъ и одна заштатнымъ священникомъ". Въ отчетѣ за 1879 г. я доносилъ, что „въ теченіе этого года, 6 священническихъ вакансій замѣщены мною новорукоположенными въ священническій санъ изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ Уфимской Семинаріи, въ томъ числѣ 2 изъ учителей Уфимскаго Д. Училища; 2 вакансіи замѣщены таковыми же воспитанниками Казанской Семинаріи, 1—воспитанникомъ Нижегородской Семинаріи, бывшимъ Уфимскимъ протодіакономъ, 2 вакансіи священниками, принятыми изъ другихъ епархій; 13 вакансій новорукоположенными изъ благонадежныхъ діаконовъ и 1—заштатнымъ священникомъ. Сверхъ того 3 діакона рукоположены въ санъ священника къ домовымъ церквамъ". Наконецъ въ отчетѣ за 1880 годъ я доносилъ, что „за сей годъ 4 священническія вакансіи замѣщены воспитанниками, окончившими курсъ Семинаріи, принятыми изъ другихъ епархій; 4—воспитанниками, окончившими курсъ въ Уфимской Семинаріи, 11—вновь рукоположенными изъ заслуженныхъ діаконовъ, и 2—священниками, занимавшими по суду мѣста псаломщиковъ".

Отсюда открывается, что 1) я самъ сознавалъ, что введеніемъ въ составъ священниковъ лицъ, которыя не кончили полнаго семинарскаго образованія, понижается общій умственный уровень цѣлаго священническаго института; 2) что въ 1877 г. (въ первый годъ моего прибытія на Уфимскую архіерейскую каѳедру) я употребилъ сильную мѣру вызова кончившихъ семинарскій курсъ изъ другихъ епархій для занятія священническихъ мѣстъ, мѣру, которая однакоже, по своей необычности, оказалась малоплодною; что 3) тѣмъ не менѣе, 22 священническія вакансіи въ Уфимской епархіи, за четыре (1877—1880) г.г. по моему вызову, заняты воспитанниками, кончившими курсъ въ иноепархіальныхъ семинаріяхъ; 4) за тѣ же четыре (1877—1880) г. 16 священническихъ вакансій заняты воспитанниками, кончившими курсъ въ Уфимской Семинаріи, и 5) это число 16 зависѣло не отъ меня, а отъ скудости лицъ, которыя за эти годы оканчивали курсъ въ Уфимской Семинаріи, тѣмъ болѣе, что и изъ небольшаго числа кончившихъ, какое давала мѣстная семинарія, не всѣ заявили желаніе принять священный санъ. Я же съ своей стороны, за всѣ пять лѣтъ моего пребыванія въ г. Уфѣ, отказалъ въ принятіи въ здѣшнюю епархію и въ назначеніи на священническое мѣсто только одному, кончив-

шему курсъ въ здѣшней семинаріи (Замятнину), который поступилъ воспитанникомъ въ Уфимскую Семинарію изъ Симбирской и здѣсь обнаружилъ склонности сомнительнаго качества. Были случаи обратнаго свойства. Въ 1877 г. кончившій курсъ въ Уфимской Д. Семинаріи Александровскій согласился на мое убѣжденіе принять священническое мѣсто и отъ 1 Сентября 1877 г. подалъ прошеніе о предоставленіи ему мѣста помощника настоятеля въ Юрг-мъ заводѣ Златоустовскаго уѣзда, каковое моею резолюціею отъ 2 Сентября и было ему предоставлено. Но этотъ Александровскій не только не явился къ рукоположенію, но отзывомъ, присланнымъ въ Консисторію отъ 13 Февраля 1878 г., вовсе отказался, будто бы по болѣзни, отъ принятія на себя священническаго сана; по частнымъ свѣдѣніямъ этотъ Александровскій занимаетъ нынѣ мѣсто учителя въ Уфимскомъ ремесленномъ училищѣ. Подобнымъ же образомъ кончившій курсъ въ здѣшней же семинаріи въ 1878 году, Иванъ Миролюбовъ подалъ прошеніе отъ 3-го Октября того же года о предоставленіи ему священническаго мѣста; моею резолюціею отъ 16 Октября предоставлено было ему отличное мѣсто помощника настоятеля въ селѣ Касевѣ Бирскаго уѣзда. Но и сей Миролюбовъ не только не принялъ предоставленнаго ему мѣста, а даже отзыва не далъ, что отказывается отъ мѣста, чѣмъ въ то время поставилъ было епархіальное начальство въ затрудненіе. Тѣмъ не менѣе сей Иванъ Миролюбовъ оставилъ гражданскую службу въ 1880 г., обратился ко мнѣ снова о предоставленіи ему священническаго мѣста и удостоился священства.

Болѣе ясный отчетъ представлю о посвященіи въ священный санъ въ истекшемъ 1881 году кончившихъ семинарскій курсъ въ Уфимской Д. Семинаріи за 1880 (1) учебный годъ. Кончившихъ полный курсъ (въ Іюнѣ 1881 г.) воспитанниковъ было 19. Изъ нихъ по мѣсту рожденія принадлежали: 6 человѣкъ къ Уфимской епархіи, 10 къ Оренбургской, 1 къ Вятской, 1 къ Симбирской и 1 къ Пензенской. Изъ нихъ по выходѣ изъ семинаріи поступили: а) въ Казанскую Д. Академію 3 воспитанника (1 Уфимской епархіи посланъ на казенный счетъ, 1 Уфимской и 1 Оренбургской епархіи поступили волонтерами); б) 3 воспитанника поступили на службу въ духовныя училища (1 Уфимской епархіи на должность преподавателя въ Уфимское Д. Училище; 1 Оренбургской на должность преподавателя и 1 Оренбургской же епархіи на должность надзирателя въ Челябинское Д. Училище Оренбургской епархіи); в) на разныя профессіи 3 воспитанника (1 Уфимской епархіи въ сельскіе учители Уфимской губерніи, 1 Оренбургской епархіи въ Оренбургскую Д. Консисторію въ штатъ канцеляріи и 1 Орен-

бургской епархіи въ военную службу по жребію; г) въ епархіальную службу поступили: аа) по Уфимской епархіи 7 воспитанниковъ (изъ нихъ только 2 Уфимской епархіи, 4 Оренбургской и 1 Симбирской) и бб) 3 воспитанника по другимъ епархіямъ (1 Оренб., 1 Вятской и Пензенской). Изъ 7 воспитанниковъ, поступившихъ въ Уфимское епархіальное вѣдомство, 4 согласились принять и приняли священство; 1 (Николай Страховъ) подалъ было прошеніе о предоставленіи ему священническаго мѣста, каковое и было представлено ему въ с. Надеждинѣ-Куроѣдовѣ, Белебеевскаго уѣзда, но, не отыскавъ себѣ невѣсты, отказался до времени отъ священства и принялъ мѣсто псаломщика при соборѣ г. Златоуста; а 2 (Максимъ Худоносовъ и Константинъ Инфантьевъ) согласились принять до времени мѣста только псаломщиковъ, изъ нихъ послѣдній оставилъ уже епархіальное вѣдомство (обнаружившись въ нетрезвости и буйствѣ). Сверхъ того 1 родомъ изъ Пензенской епархіи (Ѳедоръ Соколовъ) подалъ было прошеніе о предоставленіи ему священническаго мѣста въ селѣ Надеждинѣ, Бирскаго уѣзда, Уфимской епархіи; но въ послѣдствіи заявилъ, что отправляется на родину въ Пензенскую епархію. На должность сельскаго учителя поступилъ 1 родомъ изъ Уфимской епархіи (по фамиліи Казанскій), болѣзненный юноша, который боится пока, впредъ до поправленія здоровья, вступить въ супружество.

Сверхъ того въ истекшемъ же 1881 году согласились принять и приняли священство въ Уфимской епархіи изъ кончившихъ курсъ въ Уфимской же Семинаріи за прежніе годы еще 7 человѣкъ. Именно: 1) Михаилъ Петровъ рукоположенъ священникомъ въ село Новый Бѣлокатай, 2) Михаилъ Шестаковъ изъ учителей Д. Училища къ Бирскому собору, 3) Иванъ Миролюбовъ изъ чиновниковъ въ село Акташъ, 4) Димитрій Андреевъ изъ псаломщиковъ въ село Татьянино, 5) Константинъ Сухаревъ изъ учителей въ с. Федоровку, 6) Сергій Свѣтловзоровъ изъ надзирателей Д. Училища въ с. Касево и 7) Алексѣй Красновъ, изъ псаломщиковъ, въ с. Саліевку. Сверхъ того, изъ кончившихъ курсъ въ Казанской Д. Семинаріи въ 1881 г. поступили въ Уфимскую епархію священниками еще 2 (Павелъ Сельскій въ с. Багряшъ и Николай Сперанскій въ с. Кирпы).

Итого за истекшій 1881 г. рукоположено мною въ санъ священства изъ кончившихъ курсъ семинаріи 13 человѣкъ, всѣ до единаго, которые согласились принять священство и просили меня о рукоположеніи. Отказа не было никому.

Изъ выше изложеннаго можно видѣть, что я не только не отклоняю отъ поступленія въ священный санъ кончившихъ курсъ въ

Уфимской Семинаріи своихъ, по происхожденію Уфимскихъ, но привлекаю и чужихъ иноепархіальныхъ, и они, очевидно, находятъ для себя нѣчто привлекательное подъ моимъ управленіемъ, такъ какъ охотно идутъ подъ мое архипастырство. А это хорошее мѣрило, чувствительный масштабъ характера моего архипастырскаго управленія. Почему можно усматривать и отсюда, что инсинуаціи Анонима о моей жестокости, корыстности, безпечности о благѣ подвѣдомаго мнѣ духовенства, гоненія на образованныхъ священниковъ—грубѣйшая ложь и клевета.

2) „Старокрещеные изъ магометанъ“ (пишетъ Анонимъ) „обращаются въ мусульманство, какъ то въ Каныбековѣ и Мелеузѣ“. Дѣйствительно, это печальный фактъ. Но въ отчетѣ Св. Синоду за 1887 г., доложивъ, что „въ отчетномъ году Уфимская Семинарія дала только 4 окончившихъ курсъ изъ уроженцевъ Уфимской епархіи, изъ которыхъ только 2 приняли санъ священства“, я доносилъ, что „и эти двое не знаютъ инородческихъ языковъ, которые въ Уфимской Семинаріи не изучаются“. Доносилъ далѣе, что я обращался къ извѣстному миссіонерскому дѣятелю въ Казани Н. И. Ильминскому, прося его удѣлить для Уфимской епархіи кандидатовъ священства для крещено-татарскихъ приходовъ; но г. Ильминскій отвѣтилъ, что изъ своихъ питомцевъ теперь не имѣетъ въ виду ни одного, который могъ бы принять священное служеніе въ Уфимскомъ краѣ. Въ тоже время и Уфимская языческая Черемисско-чувашская школа еще не созрѣла до того, чтобы давать мѣстной церкви способныхъ служителей въ званіи пока хотя-бы псаломщиковъ *).

Главною цѣлью совершеннаго мною въ 1877 г. обозрѣнія епархіи было посѣтить инородческіе приходы, въ которыхъ большинство прихожанъ составляютъ Мордва, Чуваши, Черемисы и Татары, и вникнуть въ отношенія иновѣрныхъ некрещеныхъ иновѣрцевъ къ православной церкви. При этомъ замѣчено, „что Мордва охотно и быстро русѣетъ“. Теперь же, по изученіи епархіи, могу прибавить, что и крещеная Мордва представляетъ своеобразную опасность, страннымъ образомъ

*) Объ этой существовавшей въ Уфѣ Черемисско-чувашской языческой школѣ слѣдуетъ замѣтить, что епархіальному начальству остается исключить ее изъ какихъ бы то ни было на нее миссіонерскихъ разчетовъ: теперь она, какъ носятся слухи, преобразуется въ г. Бирскѣ въ учительскую школу, съ задачею приготовлять учителей для Уфимскихъ инородцевъ-язычниковъ, т. е. болѣе или менѣе образованныхъ язычниковъ, руководителей язычества необразованнаго, не болѣе. Она не дала и вѣроятно не дастъ церкви Христовой ни единаго полезнаго дѣятеля. О ней больше и говорить не стану.

тяготѣя къ старой вѣрѣ, которую всѣ кругомъ меня понимаютъ за Русскій расколъ безпоповщинскаго толка; но я начинаю понимать за нѣчто смѣшанное, частію за расколъ безъ попа, а частію за старую собственно Мордовскую вѣру, причемъ невзыскательнымъ религіознымъ, полу-языческимъ, полу-христіанскимъ нуждамъ раскольнической Мордвы, удовлетворяетъ какой либо старикъ начетчикъ. Такая странная склонность Мордвы замѣчается не только въ Уфимской, но и въ сосѣдней Самарской епархіи. Между тѣмъ и Чуваши, по свидѣтельству всѣхъ приходскихъ священниковъ, склонны къ старинѣ, „чисто языческой“; но, по мнѣнію священниковъ, Чуваши не отпадутъ отъ церкви, въ чемъ теперь я начинаю сильно сомнѣваться. Въ деревняхъ крещеныхъ Чувашей я посѣщалъ ихъ домы и всюду находилъ св. иконы. Чувашей язычниковъ по пути (въ 1877 г.) не пришлось встрѣтить, но языческихъ Черемисскихъ селеній прослѣдовалъ много, вступая съ Черемисами язычниками въ разговоры о вѣрѣ, откуда вынесъ впечатлѣніе, что опредѣленной систематизированной миѳологіи у Черемисъ почти вовсе не имѣется (вѣрнѣе скажу теперь, народъ не знаетъ ея, какъ и Русскій простой народъ вовсе не знаетъ своей православной вѣры), а что религія Черемисъ—это неясно сознаваемый ими культъ природы, весны, жатвы, растительной силы и т. д. Собесѣдники мои Черемисы увѣряли меня, будто всѣ Черемисы вѣруютъ въ Единаго Бога. Въ Татарско-черемисскихъ селеніяхъ невозможно отличить Черемисъ отъ Татаръ. Первые (Черемисы) подчиняются культурѣ Татаръ во всемъ, по одёжѣ, вообще по внѣшнему виду, по Татарскому говору, Татарскимъ именамъ и воззрѣніямъ. Черемисы же христіане усвояютъ себѣ Русскій христіанскій духъ еще медленнѣе, чѣмъ Чуваши. Татары магометане всюду народъ бойкій, привѣтливый, готовый на услугу; сравнительно даже съ мѣстнымъ Русскимъ населеніемъ народъ развитый, потому что у нихъ почти всѣ дѣти обоихъ половъ (впрочемъ съ исключеніями) учатся грамотѣ и закону вѣры. Въ одномъ селеніи (впослѣдствіи во многихъ) я испытывалъ Татарскихъ дѣтей въ знаніи мусульманской вѣры и получалъ отвѣты удовлетворительные. Татарско-мусульманская корпорація, стоя почти вездѣ по умственному, (хотя я не вездѣ по экономическому развитію) выше сельскаго Русскаго люда, признается почти всѣми (въ томъ числѣ и правительственными лицами) недоступною для христіанскаго миссіонерства. Я не раздѣляю (теперь, какъ и прежде не раздѣлялъ) этого убѣжденія, но подготовительныхъ способовъ для миссіонерскаго дѣйствованія на мѣстныхъ мусульманъ пока не усматриваю. А въ настоящее время полагаю, что всякая попытка миссіонерскаго дѣйствованія собственно на мусульманское населеніе была бы рѣшительно устранена гражданскимъ

начальствомъ, во избѣженіе фанатическаго движенія въ средѣ мусульманскихъ массъ, какъ это и случилось въ 1879 г. Что же касается до крещеныхъ Татаръ, то въ 1877 г. мнѣ пришлось прослѣдовать только одно крещено-Татарское поселеніе Казанскихъ переселенцевъ прошлаго столѣтія, заброшенныхъ между Русскимъ, отчасти, главнымъ же образомъ, между Чувашскимъ номинально-христіанскимъ населеніемъ. Это и есть Каныбеково, деревня прихода села Ерлыкова Белебеевскаго уѣзда.

Чтобы фотографически освѣтить положеніе крещеныхъ инородцевъ, въ какомъ я засталъ ихъ въ 1877 г., по прибытіи моемъ на Уфимскую каѳедру, я сдѣлаю выписку изъ моихъ записокъ о посѣщеніи въ 1877 г. Ерлыковскаго прихода и въ немъ этой крещено-Татарской деревни Каныбекова. „Іюня 26, подъ вечеръ прибыли въ село Покровское, Ерлыково тожъ. Церковь каменная, архитектуры необычной: двѣ башни по бокамъ,—это алтарь и колокольня, а по срединѣ нѣчто въ родѣ подъѣзда въ барскій домъ съ колоннами: барская фантазія храмоздательницы, бывшей помѣщицы генеральши Ерлыковой. Утварью церковь достаточна. Но алтарь имѣетъ довольно убогій и непріятный видъ. Священникъ Соколинскій изъ кончившихъ курсъ въ Семинаріи, но служитъ гнусливо, такъ что можно удивляться, какъ посвятили его во священники. На мои вопросы отвѣчалъ странно, такъ что наводилъ подозрѣніе, здорова-ль у него голова, или порядочный ли у него характеръ. А вѣрнѣе, и того и другого у него не достаетъ понемногу. Ростомъ священникъ едва превышаетъ престолъ своей церкви, вида сердитаго. За псаломщика служитъ запрещенный діаконъ Колокольцевъ, пѣлъ на клиросѣ рѣшительно одинъ и заявилъ, что желающіе пѣть на клиросѣ изъ прихожанъ есть, но батюшкѣ неугодно. „Отчего не угодно?“—„Они не умѣютъ“, отвѣчаетъ священникъ: „не знаютъ рѣшительно ничего“.—„Да какъ же они будутъ умѣть, возражаю я, когда вы ихъ не учите и даже не позволяете учиться?“ Въ дѣтяхъ скудость знанія полная. Дѣвочки, даже возрастныя, совсѣмъ почти невѣсты, едва-едва пробормотали: Богородице Дѣво. Мальчики не знаютъ ничего: два мальчика прочитали „Отче нашъ и Богородице“. О Десятословіи не слыхали. Почти все однакоже отвѣчали два мальчика, учившіеся въ школѣ. Впрочемъ одинъ большій и изъ учившихся въ школѣ не знаетъ Десятословія. Только три мальчика, учившіеся въ школѣ, отвѣтили, какой въ селѣ храмовой праздникъ. Храмовой праздникъ Покрова Божіей Матери, но образъ стоитъ налѣво отъ царскихъ вратъ, а за правымъ клиросомъ образъ Апостоловъ Петра и Павла. Прочіе мальчики и дѣвочки о храмовомъ праздникѣ отвѣтили: „Не знаю“.

Одна самая старшая дѣвочка сказала: „Видѣла образъ Царицы Небесной, Христа Спаса не видѣла“.—„Гдѣ образъ Царицы Небесной?“—„Вотъ“. Но то была Тайная Вечеря. „Это Царицы Небесной?“ Отвѣтомъ было: „Іисуса Христа“.—„А Царицы Небесной гдѣ же?“ Указываетъ туда же, на Тайную Вечерю.—„Нѣтъ ли гдѣ пониже?“—„Не вижу“.—„Смотри сюда за лѣвый клиросъ“. Дѣвочка угадала здѣсь одинъ образъ Богородицы маленькій; но не видитъ и не узнаётъ здѣсь же Богородицы большого образа. „Больше не видишь?“ Указываетъ на хоругви, на Воскресеніе. „Ну, а это какой образъ“ (большой образъ Святителя Николая)? Отвѣтъ: „Не знаю“. Прочіе всѣ до одного отвѣтили: „Не видѣли образовъ Спаса и Богородицы“. Видѣли только три мальчика, учившіеся въ школѣ. Школа была въ домѣ священника, но закрыта.—„Какой здѣсь приходъ?“—„Здѣсь около церкви Русскіе, около 186 душъ. Остальные Чуваши и крещеные Татары“.—„Ходятъ въ церковь?“—„Никогда“, единогласно и преспокойно отвѣтили священникъ и мѣстный благочинный. „Далеко ли отъ церкви живутъ?“ Оказывается, что въ 9, 14, 16 и 18 верстахъ. „Бываете ли у нихъ?“—„Бываю, отвѣчаетъ священникъ: къ больному зовутъ когда“.—„Бываютъ ли крестины? Всѣхъ ли крестятъ?“—„Бываютъ; кажется, всѣхъ“, отвѣчаетъ священникъ, значитъ не увѣренъ, что всѣхъ крестятъ. „Бываютъ ли браки?“—„Бываютъ-съ“.—„Гдѣ вѣнчаете?“—„Въ церкви“.—„Всѣ ли брачущіеся вѣнчаются?“—„Бываетъ, что живутъ до вѣнчанья“.—„Ну, а вѣкъ не вѣкуютъ не повѣнчавшись?“—„Нѣтъ, кажется, всѣ законное сдѣлаютъ. Этого не замѣчалъ“.—„Не приходило ли вамъ когда либо въ голову, что сіи духовныя овцы вашему пастырскому попеченію ввѣрены?“—„Какъ же не приходить? Приходило. Убѣждаешь ихъ, чтобы ходили въ церковь почаще. Въ постъ нарочно ѣзжу, чтобы говѣли и пріѣзжали въ церковь“.—„Вы сказывали мнѣ, спрашиваю священника, что чрезъ полицію выгоняли ихъ говѣть?“ Благочинный говоритъ: „Это я говорилъ; *писали къ становому, чтобы тотъ побудилъ ихъ говѣть*; но это теперь не въ духѣ времени; это оставлено“.—„Отчего вамъ не пришло на мысль основать тамъ среди деревень какія-либо часовни? Хотя-бъ углы тамъ были какіе-нибудь для моленья“. Священникъ говоритъ: „Испытано. Моихъ трудовъ тамъ довольно положено. Вотъ года три тому назадъ я поѣхалъ къ нимъ сдѣлать сильное настояніе; жилъ сутокъ трое, чтобъ хотя тамъ ихъ исповѣдать, чтобъ хоть знали, что̀ такое исповѣдь. Ну, посылаешь сотскаго: сзывай, молъ! Сотскій уйдетъ и пропадетъ. Посылаешь старосту: сходи, молъ, ты, поищи сотскаго. Сходитъ и приноситъ вѣсть: сотскій уѣхалъ... Ну, придутъ человѣка три“.—„Отчего бы не каждый годъ дѣлать это?“—„Да я и то каждый годъ навѣщаю ихъ,

а это было сильное настояніе".—„Отчего бы вамъ не каждый годъ дѣлать сильное настояніе?"—„Да я и то каждый годъ ѣзжу къ нимъ".—„Бываете ли у Татаръ крещеныхъ? Крестятъ ли, вѣнчаются ли, хоронятъ ли?"—„Все это дѣлаютъ".—„И хоронятъ?"—„Да, хоронятъ, зовутъ".—„Всѣ ли васъ приглашаютъ или хоронятъ сами?" По разспросамъ оказывается, что большею частью хоронятъ сами, безъ священника. „Всѣ ли крестятъ дѣтей?"—„Кажется, всѣ; я не замѣчалъ".—„Всѣ ли, живущіе въ сожительствѣ, вѣнчаются?"—„Не видалъ, не знаю, не замѣчалъ, никакого свѣдѣнія до меня не доходило".—„Да сами вы тамъ бываете?"—„Бываю-съ".—„Тюбетейки носятъ?"—„Не замѣчалъ".—„Исповѣдуются когда нибудь?"—„Къ больному приглашаютъ, а такъ сами исповѣдуются... Да вотъ, когда пріѣдешь къ нимъ, то одинъ-другой придетъ; да что? Безъ всякаго понятія!.. И что я подѣлаю, когда ихъ начальство ничего не дѣлаетъ? Мои слова только слова, не больше"... Ни въ домѣ у священника, ни въ церкви Библій нѣтъ, а видѣлъ я въ церковной библіотекѣ книги Христіанскаго Чтенія, даже за 1877 г., конечно, не разрѣзанныя. Въ лѣтописи читаемъ: „Они (прихожане изъ Чувашъ и Татаръ) внутри себя никакого благоговѣнія и уваженія не чувствуютъ и въ церковь Божію никогда не ходятъ... За 1870 г. изъ Чувашъ на исповѣди было только 46 человѣкъ мужескаго пола, а женскаго не было, и то по принужденію волостного старшины; не бывшихъ на исповѣди столько-то, потому что народъ самый грубый и нисколько не чувствующій въ себѣ никакой духовной потребности; и духовныя требы исполняютъ изъ страха принужденія, а по неуваженію своему къ христіанской религіи и по склонности къ язычеству. По мнѣнію своему считаютъ приличнымъ до брака жить блудно и уклоняться отъ отпѣтія младенцевъ. За 1871 годъ изъ Чувашъ на говѣніи не было ни одного, это народъ грубый, не чувствующій въ себѣ духовной потребности въ этомъ спасительномъ дѣлѣ говѣнія. За 1872 изъ Чувашъ на говѣніи не было ни одного". О крещеныхъ Татарахъ въ лѣтописи за всѣ годы и не отмѣчается... Священникъ говоритъ, что они не бываютъ никогда. Къ больному иногда зовутъ; вотъ, пріѣдетъ Татаринъ верхомъ. „А какъ я верхомъ поѣду? Найди подводу". Вотъ онъ и уѣдетъ и не воротится.—„А своя лошадь есть у васъ?"—„Есть", говоритъ, но прибавляетъ, что онъ совсѣмъ почти нищій, едва имѣетъ насущный кусокъ хлѣба. Но это невѣрно, потому что здѣсь искони положено 192 р. жалованья, положена руга, есть билеты поминальные, есть земли 30 дес., доброхотныхъ даяній за требы до 100 руб. (нынѣ отмѣчаетъ самъ священникъ). Священникъ человѣкъ бездѣтный. За 1874 изъ Чувашъ исповѣдывались насильнымъ образомъ 59 человѣкъ муж. пола. За 1875 г. не отмѣчено ни

о Чувашахъ, ни о Татарахъ. За 1876 г. о Чувашахъ, какъ сказать? Народъ самый грубый и невѣжественный, нисколько не чувствующій въ себѣ потребности къ исполненію долга говѣнія, когда при настоятельномъ вниманіи священника никогда не заглянутъ въ церковь, да и думать не хотятъ. На священническія увѣщанія смотрятъ съ большимъ презрѣніемъ, отчего они нисколько не могутъ пріучиться къ исполненію христіанскихъ обязанностей. Можетъ быть, еще научились бы скорѣе христіанству, если бы начальственное право посильнѣе обратило на нихъ вниманіе. И какъ у нихъ блудная жизнь до брака въ большемъ уваженіи, почему съ ними нѣтъ никакихъ силъ и возможностей способиться, потому что они по злопамятности и сродной мстительности своей нисколько не терпятъ священническихъ увѣщаній, дѣлаемыхъ имъ къ направленію въ познаніи христіанства, въ особенности къ искорененію въ нихъ господствующаго порока—блуда до брака. А священникъ за свое вниманіе къ своей должности терпитъ отъ нихъ различныя неудовольствія и обиды. „А вы, я спрашиваю священника, за ругою къ нимъ ѣздите?“—„Ѣздимъ“.—„На своей лошади?“.—„На своей“.—„А чтобъ душу отпустить съ покаяніемъ на тотъ свѣтъ, на своей лошади не ѣздите?“—„Мнѣ нѣтъ нужды на своей ѣздить; за мною пріѣзжаютъ“.—„Ну, а если не пріѣдутъ, не приведутъ подводы?“—„Значитъ, онъ меня и не проситъ“.—„А сами вы къ больному не толкнетесь?“—„Нѣтъ; заставляешь иногда, когда пріѣдешь по случаю“.—„На какія это вы жалуетесь обиды?“—„Да вотъ, пріѣдешь къ больному, скажешь, чего же ты до сихъ поръ смотрѣлъ; вѣдь ты же дашь отвѣтъ Богу, а не я... А какой тамъ отвѣтъ, скажетъ: „Тумаша, тумаша“. Я спрашиваю: „А что значитъ тумаша?“—„А кто ихъ знаетъ“.—„Да какъ же вы не озаботились узнать даже значеніе этого слова, когда они его говорятъ вамъ такъ часто?“—„Да выходитъ, что почти что дуракомъ по-ихнему“. При разсмотрѣніи лѣтописи кидалось въ глаза, что священникъ за каждый годъ обозначаетъ цѣны на хлѣбъ, затѣмъ скажетъ о грубости Чувашей, о числѣ родившихся и умершихъ, и только. Я спросилъ его, почему это интересуютъ его цѣны на хлѣбъ? Онъ отвѣтилъ, что больше нечего заносить въ лѣтописи. Но послѣ выяснилась мнѣ, повидимому, настоящая причина, почему интересуютъ его торговые вопросы. У него въ селѣ оказался большой базаръ. Когда мы выѣзжали 27 Іюня, по утру, то тутъ былъ уже большой съѣздъ Русскихъ, Татаръ и всякихъ инородцевъ. По дорогѣ мы безпрерывно встрѣчали подводы то съ Татарами, то съ Чувашами, которые также торопились на базаръ въ село Покровское. Значитъ, это село имѣетъ значеніе важнаго центра для народонаселенія; многіе сюда спѣшатъ; только всѣ, даже мѣстные прихожане, минуютъ По-

кровскую церковь. Это еще больше утверждаетъ меня въ мысли, что здѣсь необходимъ священникъ способный, находчивый и дѣятельный. По собраннымъ свѣдѣніямъ священникъ Соколинскій дѣйствительно занимался торговлею, сбытомъ хлѣба, какъ и Бѣльскій, священникъ села Бижбуляка. Замѣчательно, что когда мы проѣзжали этотъ базаръ, наполненный народомъ, ни одна душа не поломала шапки передъ нами.

По выѣздѣ изъ Покровскаго съ особеннымъ намѣреніемъ остановились мы въ Чувашскомъ селеніи Покровскаго прихода по имени Карамалѣ. Отправившіеся напередъ благочинный и мѣстный священникъ собрали народъ, который и ожидалъ въ глуби селенія. При въѣздѣ въ селеніе мы пошли по домамъ, обошли три дома, которые казались намъ болѣе зажиточными. Живутъ дѣйствительно зажиточно, но нельзя сказать, что чисто и опрятно. Ѣдятъ бѣлый чистый хлѣбъ изъ тщательно просѣянной ржаной муки. Въ одномъ домѣ всѣ хаты были почти пусты оттого, что народъ былъ собранъ на улицѣ. Нашли мы въ постелѣ дитя лѣтъ двухъ, такое здоровое и красивое. Чувашскія дѣти нѣсколько пугливы, но какъ только обойдешься съ ними ласково, по-человѣчески, сейчасъ же становятся непринужденны и довѣрчивы. Во всѣхъ трехъ избахъ, которыя мы посѣтили, мы нашли св. иконы, правда закоптѣлыя и нечистыя, но вездѣ въ главномъ углу дома. Избы у Чувашъ курныя, закоптѣлыя, безъ Русскихъ печей, вездѣ съ казаномъ. Пришли къ народу. Чуваши, особенно женскій полъ, кидаются въ глаза чистотою и здоровымъ цвѣтомъ лицъ; украшенія на женщинахъ не только нарядны, но иногда даже весьма цѣнны и красивы. Понимаютъ по-русски многое, но объясняются съ трудомъ. Мы бесѣдовали долго, черезъ переводчика-солдата и вообще вынесли изъ собесѣдованія хорошее, мягкое впечатлѣніе. Затѣмъ мы нарочно остановились въ селеніи Каныбековѣ, которое населено крещеными Татарами, выселенцами Казанскими, осѣвшими здѣсь въ концѣ прошлаго столѣтія. Вотъ это селеніе представляетъ уже чисто-татарскій характерный видъ. Подъѣзжаешь къ нему и среди прекраснѣйшаго мѣстоположенія, окаймленнаго высокими горами, видишь роскошную работу природы и совершенное почти отсутствіе работы человѣческой. Татары (въ этой полосѣ) плохіе, лѣнивые и неискусные пахари. При въѣздѣ въ Татарское селеніе видишь совершенное отсутствіе скирдовъ хлѣба, гуменъ, задворковъ, чѣмъ всегда богато Русское селеніе. Видишь крайнюю скудость домашняго скота и всякой надворной рухляди. Кое-гдѣ бредетъ поджарая коза, пугливо перебѣгаетъ дорогу безбрюхій, именно безбрюхій, песъ, котораго мы и прозвали „Татарскою собакою“. Никогда почти не залаетъ, тогда какъ Русская собака всегда кинется подъ лошадей, зальется лаемъ, захрипитъ, повидимому, разорвать готова

и тутъ же, добродушно завилявши хвостомъ, уходитъ съ чувствомъ исполненнаго долга: пускай-де ихъ ѣдутъ, а мы все-таки свое дѣло сдѣлали, проводили, какъ слѣдуетъ доброй Русской собакѣ. Татары, не только возрастные, но и дѣти ихъ поражаютъ своею безбрюхостью, своимъ длиннымъ поджарымъ видомъ, впалостью щекъ. Отчего это? Отвѣтъ общій: плохо ѣдятъ, мало работаютъ, и потому бѣдны и потому живутъ всѣ впроголодь. Худобу дѣтей объясняютъ еще и тѣмъ, что дѣти много учатся. Отличные только и преусердные ямщики-татары, но теперь уже нельзя сказать хорошіе наѣздники. Верхомъ ѣздятъ некрасиво. Вошли мы въ совершенно нищую хату крещенаго Татарина. Въ темномъ углу ощупали мѣдный крестикъ. Подошли къ народному собранію. Женщинъ ни одной, совершенно по-татарски. Дѣтей вовсе не было также. Стояли только старики и возрастные мужчины. По виду, по костюму совершенные Татары, однакоже безъ тюбетеекъ. Нѣкоторые говорятъ и по-русски. Старый дѣдъ разсказалъ намъ, какъ они очутились въ землѣ. Они Казанскіе. Совершили какое-то преступленіе. Имъ предложено было креститься и выселиться. Выселились семь семей. Теперь онѣ размножились за 200 душъ обоего пола. „Живемъ, говоритъ, какъ жили отцы и дѣды. Что-жъ, бачко и у насъ бываетъ, и мы ничего; даемъ ему что̀ нужно“... Въ этомъ и вся ихъ религія. Да и священнику, повидимому, больше ничего не нужно. Живутъ въ 20 верстахъ отъ церкви; стародавній стародавняго духа священникъ наѣзжаетъ, чтобы съ ихъ бѣдности получить бѣдную подачку, и обѣ стороны одна другою довольны: одинъ получилъ, что̀ можно, съ міру пониткѣ, для себя рубашку; а тѣ остались при своемъ, какъ жили отцы и дѣды. „Отчего мало землю пашете“?—„Земля камениста“, говорятъ.

Но поѣхали мы дальше, къ рѣкѣ Демѣ, это ихъ же владѣніе. Роскошь дикой природы изумительная. Многоводная рѣка, лиственный лѣсъ, трава, которая высотою роста споритъ съ кустами и даже деревьями, выше роста человѣческаго; цвѣтовъ необозримый узоръ, благоуханіе райское. Тутъ при переѣздѣ, черезъ рѣку Дему (но незатруднительномъ), перепрягали лошадей, и я имѣлъ нѣсколько минутъ времени на единѣ вглядѣться въ эту неиспорченную еще затѣями цивилизующагося, непочатую еще апатіею невѣжественнаго человѣка, дикую природную прелесть. И на душѣ отъ этого контраста чувствовался тягостный болѣзненный диссонансъ. Поднялись съ берега рѣки Демы и въѣхали въ селеніе Урсаево. О диво! Стоитъ народное собраніе, передъ нимъ столъ, на столѣ хлѣбъ-соль и чашка съ чистѣйшимъ, вытекшимъ изъ свѣжаго сота медомъ. Вышли, перекрестились, хлѣбъ-соль приняли, меду откушали, народу преподали благословеніе и поклонились. Точь-въ-точь, какъ бывало на Дону. Это пошевелило полноту

нашихъ чувствъ такъ, что полнота перелилась черезъ край до слезъ... Оказалось, что это какіе-то недавніе Русскіе переселенцы изъ Мензелинскаго уѣзда, по мѣстному говору припущенники, поселившіеся съ Башкирами на Башкирской землѣ. Народъ претолковый. Конечно, вдали отъ церкви дичаютъ. Принадлежатъ къ Бижбулякскому приходу, состоящему изъ 4000 душъ, въ разстояніи 15 верстъ отъ приходской церкви. Вотъ здѣсь-то нужно поставить церковь, раздѣливши Бижбулякскій приходъ, да къ нему и приписать Каныбеково. Будетъ неудобство сообщенія отъ рѣки въ извѣстное время года, за то въ бо́льшую часть года эти бѣдные и безъисповѣдные Татары будутъ близки, хотя по мѣсту, если и не по духу, къ церкви и священнику. Впрочемъ и здѣсь малецъ 17 лѣтъ забылъ почти всѣ молитвы, а нѣкогда учился въ школѣ. Извинилъ себя тѣмъ, что учился, когда ему было лѣтъ семь: „Вѣдь все перезабудешь“... Вотъ она истовая картина народно-русской религіозной интеллигенціи, сказалъ бы, въ здѣшнемъ краѣ, если бы и въ другихъ краяхъ святой Руси нельзя было встрѣтить тоже самое. Въ школѣ иного дѣтину выучатъ молитвамъ, но какъ дѣтина дома никогда не молится по-человѣчески, разумно славословя и прося Бога, то чрезъ годы и забываетъ выученныя нѣкогда молитвы.

Въ представленной священникомъ Соколинскимъ запискѣ значится, что церковь въ селѣ Покровскомъ построена въ 1828 г. тщаніемъ генералъ-майорши Елисаветы Ерлыковой на собственное иждивеніе. Прихожанъ при сей церкви состоитъ: Русскихъ 49 дворовъ, душъ мужскаго пола 164, женска 186, Чувашъ 215 дворовъ, душъ муж. пола 895, женска пола 965 и Татаръ 25 дворовъ, душъ муж. пола 100, женска 115, переселенныхъ изъ Казанской губерніи въ началѣ текущаго столѣтія и опредѣленныхъ въ сей приходъ въ 1825 году. Школа была ведена въ селеніи Покровскомъ 10 лѣтъ и помѣщалась въ домѣ священника, но съ величайшимъ трудомъ, такъ какъ ревнителей изъ прихожанъ къ просвѣщенію дѣтей очень мало. Въ селѣ Покровскомъ попечительства нѣтъ, и учредить его нѣтъ возможности, потому что въ составъ его людей въ семъ приходѣ не предвидится.

Вотъ еще съ натуры картина прихода ново-крещеныхъ. Августа 4-го того же 1877 года прибыли мы подъ вечеръ въ село Никольское, Бирскаго уѣзда. Издали привлекали зрѣніе изящныя очертанія новосозданнаго каменнаго храма, жертва Елабужскаго купца Чернова. Думалось, что и внутренній строй живой церкви больше или меньше отвѣчаетъ изяществу очертаній церкви каменной. Но оказалось на дѣлѣ неожиданное и нежеланное. Бросилось въ глаза, что священникъ изъ неучей, фигура, впрочемъ, красивая, носъ тонкій съ

горбикомъ, борода хорошая сѣдая; что священникъ надѣлъ помятую ризу, тогда какъ въ шкафѣ нашлись и одна, и другая, хорошія новыя ризы. Говоритъ: „тѣ надѣваются по праздникамъ“. Вышли къ народу, подошли къ дѣтямъ. Имѣются школа, повидимому, благоустроенная, и учитель, повидимому, разумный и рачительный, снявшій санъ дьякона изъ Вятской епархіи. Учитель и школа пѣли. Подошелъ я къ мальчику, чисто Русскому, красивому съ виду, притязательно и чистенько одѣтому въ сюртукъ, и спрашиваю его: „Знаешь ли ты Іисуса Христа?“—Молчаніе.—„Знаешь ли ты Іисуса Христа?“—Молчаніе. Я повторилъ свой вопросъ, съ приличными промежутками, разъ 10—20, и получилъ въ отвѣтъ молчаніе. Я перемѣнилъ вопросъ: „Видѣлъ ли ты образъ Іисуса Христа?“—Молчаніе.—„Видѣлъ ли ты когда-либо и гдѣ-либо икону Христа Спасителя, образъ Господа Іисуса Христа, Христа Спасителя?“ Я повторилъ свой вопросъ, съ промежутками разъ 50—60, и получилъ отвѣтъ молчаніе. А мальчикъ лѣтъ подъ 16-ть. Я говорю: „Ты упоренъ, но и я упрямъ. Я простою надъ тобою до ночи, пока ты не отвѣтишь... Ну говори: видѣлъ ли ты икону Христа Спаса?“ Повторяю вопросъ десятки разъ. Молчаніе. Я обращаюсь къ становому и мѣстному священнику: „побудите его отвѣчать“. Священникъ не пошевелился. А становой подскочилъ къ мальчику и шепчетъ настоятельно: „да отвѣчай же, да говори же“. Я повторяю тотъ же свой вопросъ, разъ, два, три... Отвѣтъ шопотомъ: „Не знаю“.—„Я тебя спрашиваю“, повторяю я настойчиво, „не о томъ, что знаешь ли ты или не знаешь, а о томъ видѣлъ ли ты, или не видѣлъ, да или нѣтъ?“ Молчитъ. Повторяется тоже нѣсколько разъ. Наконецъ мальчикъ-юноша прошепталъ: „нѣтъ, не видѣлъ“. Смотритъ своими большими, большими красивыми глазами неподвижно въ землю. Я оставилъ его и обратился къ другимъ дѣтямъ. Останавливаюсь надъ мальчикомъ, повидимому, Черемисиномъ, и предлагаю тотъ же вопросъ: „видѣлъ ли ты образъ Іисуса Христа, знаешь ли Христа?“ повторяю одинъ и тотъ же вопросъ, въ наиболѣе точныхъ выраженіяхъ, десятки разъ. Мальчикъ потупился въ землю, и ни звука. Я хотѣлъ и этого переупрямить, но мысль: понимаетъ ли онъ по-русски. „Говоришь ли ты по русски?.. Понимаешь ли порусски?.. Ты Русскій или Черемисъ?“ Тупое молчаніе. Обращаюсь къ священнику, стоявшему все время неподвижно, будто бы дѣло до него вовсе не касается: „Говоритъ ли этотъ мальчикъ, понимаетъ ли порусски?“ Священникъ кидается къ нему, и теперь только онъ начинаетъ вглядываться, вглядывается и ни слова на мой вопросъ. „Знаете ли вы этого мальчика“, спрашиваю священника, „видали вы его когда-либо, вашего онъ прихода?“ Священникъ, отмахиваясь немягкими жестами, говоритъ странную фразу: „Я что-то

незамѣчателенъ".—„Незамѣчательны?"—„Да, что-то не помню; я незамѣчателенъ". Оставилъ я этого мальчика, очевидно, Черемисина и подошелъ къ другому, тоже Черемисину. Тоже на тотъ же мой вопросъ тупое упорное, непреодолимое молчаніе. Я спрашиваю священника: „Говоритъ ли онъ, понимаетъ ли онъ порусски? Говорятъ ли эти дѣти порусски?" Священникъ вглядывается въ нихъ пристально, будто первый разъ видитъ и, отмахиваясь рѣзкими жестами, говоритъ: „Не знаю, не знаю". А учитель тутъ же громко говоритъ: „ваше преосвященство, всѣ до одного говорятъ порусски; не было примѣра, чтобы мальчикъ, поступающій ко мнѣ въ школу, не зналъ порусски; вѣдь они же всѣ играютъ и говорятъ съ Русскими дѣтьми порусски". „Какъ? Не знаете? обращаюсь я священнику; не знаете того даже, говорятъ ли ваши прихожане порусски или нѣтъ? Да вы сами какъ же съ ними обращаетесь, если они не говорятъ порусски? Знаете вы почеремисски?"—„Нѣтъ, не знаю".—„Какъ не знаете?"—„Не знаю. Я не способенъ, я къ этому не способенъ". „И ничего, ни одного слова не знаете?" „Два-три выучилъ. Я къ этому не способенъ".—„А сколько лѣтъ вы здѣсь священствуете?"—„9 лѣтъ".—„И въ 9 лѣтъ вы выучили изъ языка вашихъ пасомыхъ какихъ-либо два-три слова! Да какъ же вы съ ними объясняетесь?"—„Чрезъ переводчика".—„А на исповѣди тоже объясняетесь чрезъ переводчика?"—„Я ему говорю вопросъ, а онъ мнѣ говоритъ: да или нѣтъ".—„Вы говорите ему вопросъ на языкѣ, котораго онъ не понимаетъ, и онъ, не понимая вашего вопроса, отвѣчаетъ: да или нѣтъ?!! Помогите мнѣ Христа ради", обратился я къ стоявшему тутъ протоіерею, ключарю и мѣстному благочинному: подойдите, разсудите меня съ этимъ священникомъ. Моя совѣсть отказывается понять, что̀ такое онъ мнѣ говоритъ. Онъ говоритъ, что онъ незамѣчателенъ, не можетъ знать и не знаетъ своихъ прихожанъ; не знаетъ даже того, что говорятъ ли они, понимаютъ ли они порусски; говоритъ, что ихъ языкъ изучить онъ не способенъ и въ 9 лѣтъ священствованія здѣсь онъ выучилъ только 2—3 слова; говоритъ, что онъ объясняется съ ними чрезъ переводчика, а на исповѣди предлагаетъ вопросы, которыхъ они не понимаютъ, однако же отвѣчаютъ ему: да или нѣтъ! Помогите мнѣ понять все это, что̀ это такое!" Мнѣ объясняютъ, что его поставили сюда, потому что приходъ очень бѣденъ, что сюда никто не шелъ; что онъ, конечно, мало способенъ, что на него уже и прихожане жаловались преосвященному епископу Петру, между прочимъ, на его вымогательство. А учитель стоитъ на своемъ, что здѣшніе Черемисы и дѣти ихъ всѣ и понимаютъ, и говорятъ порусски. Кто-либо лгалъ, учитель или священникъ. Учитель не лгалъ, ссылаясь всенародно на учениковъ, на народъ, на всѣхъ дѣтей. Лгалъ,

очевидно, священникъ и лгалъ по тому же непостижимому упорству, которое такъ поразительно отразилось на его прихожанахъ дѣтяхъ, даже чисто-русскихъ. Это на каждомъ шагу, при обозрѣніи епархіи, видишь: „каковъ попъ, таковъ и приходъ“. Все это было похоже на лошадь, которая закусила удила, и ни съ мѣста. Я говорю, что этого священника я признаю наименѣе способнымъ занимать мѣсто въ такомъ приходѣ, гдѣ требуется миссіонерская дѣятельность. Тутъ въ защиту приходскаго священника выступилъ мѣстный волостной писарь и ратуетъ, что священникъ-де отличный, не пьющій, рачительный, что пока училище было въ его завѣдываніи и не поступало въ земство, онъ былъ и учитель хорошій, и пѣли у него прекрасно... Опять недоумѣніе. Разрѣшить его я пошелъ уже на дворъ церковный, вонъ изъ церкви, благословивъ всѣхъ и каждаго. Къ благословенію подходило весьма много людей. Но замѣчательно, что мальчики всѣ разомъ повернули спины и вышли изъ церкви, какъ только я пересталъ спрашивать ихъ. На дворѣ церковномъ я снова началъ совѣщаться съ протоіереемъ-ключаремъ и мѣстнымъ благочиннымъ Павловымъ, какъ тутъ быть, какъ понимать положеніе этого прихода? Какъ его поправить? Первою моею мыслію, съ которою согласились и мои совѣтники, было немедленно вывести этого священника изъ этого прихода, къ доброму управленію котораго онъ самъ призналъ себя неспособнымъ. О. протоіерей-ключарь замѣтилъ, что это сдѣлать тѣмъ нужнѣе, что на этого священника, на его вымогательство, жаловались прихожане еще преосвященному епископу Петру; значитъ, сами не желаютъ имѣть его у себя священникомъ. Но когда я обратился къ стоящему народу съ вопросомъ: „довольны ли вы священникомъ?“ то къ изумленію услышалъ, конечно отъ передовыхъ болѣе голосистыхъ: „очень довольны“. Замѣтно было вліяніе писаря, благопріятное для священника. „Намъ жаль было бы его“, говорили, „трезвый человѣкъ; ночью его зовешь, сейчасъ встаетъ и пойдетъ по первому зову“. Но когда мы стали доискиваться причины такого благопріятства, то мѣстный учитель, своими всенародными рѣчами, далъ понять, что народъ, даже Русскій, здѣсь и къ требоисправленію и вообще къ церкви очень холоденъ, что и въ великій праздникъ въ церкви не всегда можно насчитать десять молящихся, а большую часть прихожанъ священникъ и въ глаза не увидитъ по цѣлымъ годамъ. Мы пришли къ убѣжденію, что въ основѣ благопріятства прихожанъ къ священнику лежала признательность за его непритязательность къ нимъ, за то, что онъ оставляетъ ихъ въ покоѣ жить на всей ихъ волѣ и мало-по-малу забывать о своихъ христіанскихъ обязанностяхъ, или даже вовсе игнорировать ихъ. Изъ представленной священникомъ записи видно, что по просвѣ-

щеніи христіанствомъ здѣшнихъ жителей-язычниковъ въ 1844 году, въ 1846 году построена здѣсь первая деревянная церковь во имя Святителя Чудотворца Николая на сумму церкви села Березовки. По усердію Елабужскаго почетнаго гражданина Чернова, воздвигнута здѣсь вторая церковь каменная въ 1864 году, по освященіи которой въ 1866 году церковь деревянная упразднена. Приходъ сей съ 1849 по 1853 годъ имѣлъ не болѣе 400 душъ муж. пола, но съ 1853 г. и по 1862 г. увеличился до 800 новокрещенными; съ 1863 г. по случаю устроившихся вблизи ихъ новыхъ церквей въ селахъ Чераулѣ, Кырпахъ, Калегинѣ, Кутеремѣ, Кельтешкѣ и Касевѣ многія деревни вошли въ составъ этихъ приходовъ, и затѣмъ осталось въ приходѣ села Никольскаго 500 душъ муж. пола и 499 жен. пола, изъ коихъ коренныхъ Русскихъ не болѣе 50 душъ мужскихъ. Церковно-приходское попечительство получило свое начало въ 1874 году.

Въ отчетѣ за 1878 годъ я доносилъ Святѣйшему Синоду также, что одною изъ важнѣйшихъ задачъ при совершаемыхъ мною обозрѣніяхъ епархіи было и есть: „вникнуть въ состояніе инородческихъ приходовъ, въ которыхъ большинство прихожанъ составляютъ инородцы“. Въ истекшемъ 1878 году было посѣщено нѣсколько селеній, населенныхъ Мордвою, Чувашами и крещеными Татарами. Мордва и Чуваши въ приходахъ, посѣщенныхъ мною въ истекшемъ году, идутъ вѣрными шагами къ обрусѣнію, въ духѣ православной вѣры. Я нашелъ священниковъ (за исключеніемъ одного), истинно-радѣтельныхъ къ проповѣданію вѣры симъ новымъ чадамъ церкви, отчасти знакомыхъ и съ инородческими языками. Впрочемъ въ осмотрѣнной полосѣ, можно сказать, уже не оказывается и особой нужды въ языкахъ Мордовскомъ и Чувашскомъ, такъ какъ не только Мордва, но и Чуваши охотно усвояютъ себѣ съ Русскою вѣрою и Русскій говоръ. Дѣлу обрусенія ихъ содѣйствуютъ почти вездѣ въ осмотрѣнныхъ приходахъ благоустроенныя народныя училища. Въ этихъ приходахъ ученики-дѣти поютъ по церквамъ, въ училищахъ давали намъ отвѣты весьма удовлетворительные, народъ вездѣ встрѣчалъ и принималъ насъ уже съ Русскимъ радушіемъ. Въ этомъ отношеніи, сравнительно съ прошлымъ 1877 годомъ, въ истекшемъ 1878 г. оказалась перемѣна поразительная и глубоко утѣшительная, которою церковь обязана, главнымъ образомъ, энергіи мѣстныхъ священниковъ. Прежней, поразившей насъ въ 1877 году, дикости теперь уже не замѣчено ни слѣда. Даже по деревнямъ крещеные Чуваши выходили намъ на встрѣчу съ хлѣбомъ-солью и св. иконами, съ выраженіемъ своего радушія, съ изложеніемъ своихъ нуждъ не только религіозныхъ, но и мірскихъ. Можно скорбѣть только

о тѣхъ инородческихъ деревняхъ, которыя расположены вдали отъ церквей и внѣ проѣзжихъ путей сообщенія. Туда не безъ затрудненій проникаетъ наше церковное вліяніе, а напротивъ, упорно держится духъ стараго язычества и отчужденія.

Нѣсколько иныя впечатлѣнія вынесли мы отъ встрѣчи съ крещеными Татарами въ Мензелинскомъ уѣздѣ. Вообще Татары даже магометанскаго исповѣданія поражаютъ своею привѣтливостью и расговорчивостью. Тѣмъ привѣтливѣе встрѣчали насъ вездѣ Татары крещеные, встрѣчали съ Русскою хлѣбомъ-солью и св. иконами, охотно и разумно бесѣдовали съ нами, съ радостью брали отъ насъ въ благословеніе крестики на шею, довѣрчиво излагали свои духовныя нужды и т. д. Вездѣ въ осмотрѣнной полосѣ замѣчено, что крещеные Татары приняли не только Русскую рубаху и поясѣ, не только стрижку волосъ въ скобку, но даже Русскій обликъ: по крайней мѣрѣ двѣ трети крещено-татарскихъ дѣтей, и даже больше, поражаютъ наблюдателя своимъ совершенно—Русскимъ строемъ лицъ и торса, и только въ немногихъ дѣтяхъ замѣчается рѣзкость Татарскаго типа. На встрѣчу намъ выходили всѣ отъ мала до велика не только дѣти, но и возрастные обоихъ половъ, тогда какъ у Татаръ женщины и дѣвочки не выходятъ на встрѣчу, а глядятъ издали изъ-за заборовъ. Все Русское прививается къ этимъ инородцамъ, за исключеніемъ Русскаго говора и разумѣнія Русской Христовой вѣры. По крайней мѣрѣ очевидно то, что до недавняго времени усвоеніе Русской вѣры и Русской рѣчи подвигалось медленно. Священники, съ крайне незначительными исключеніями, Татарской рѣчи не изучали и своихъ прихожанъ изъ Татаръ вѣрѣ не учили. Взамѣнъ этого въ недавнее время во многихъ мѣстахъ Уфимской епархіи заведены именитымъ миссіонеромъ Н. И. Ильминскимъ миссіонерскія училища, которыя и дѣйствуютъ съ утѣшительнымъ успѣхомъ. Такихъ школъ въ истекшемъ 1878 г. въ Мензелинскомъ уѣздѣ существовало восемь и одна въ Белебеевскомъ уѣздѣ (не считая школъ, содержимыхъ на счетъ земства и Министерства Народнаго Просвѣщенія, хотя и состоящихъ больше или меньше подъ вліяніемъ того же Н. И. Ильминскаго). Восемь изъ этихъ школъ содержатся на счетъ миссіонерскаго общества, а одна на счетъ Елабужскаго 1 гильдіи купца Д. И. Стахѣева. Учащихся въ этихъ школахъ было около 250 человѣкъ обоего пола. Въ трехъ мѣстахъ я испытывалъ питомцевъ этихъ училищъ и нашелъ, что успѣхи ихъ въ знаніи истинъ вѣры, богослужебнаго устава и церковнаго пѣнія несравненно выше успѣховъ учениковъ Русскихъ народныхъ и приходскихъ училищъ. Въ одномъ селеніи подъ руководствомъ регента-учителя одного

изъ миссіонерскихъ училищъ питомца Казанской миссіонерской школы (Н. И. Ильминскаго) и священника Василія Тимофеева, хоръ крещеныхъ Татаръ изъ мужчинъ, молодыхъ женщинъ, дѣвицъ и дѣтей исполнялъ предъ нами, предъ значительнымъ собраніемъ священниковъ, при большомъ стеченіи народа, разныя церковно-музыкальныя пьесы съ такимъ безукоризненнымъ совершенствомъ, что привелъ всѣхъ въ умиленіе. Тщательно вникнувъ въ положеніе вещей, присмотрѣвшись къ прежнему неумѣлому и апатичному отношенію нашего священства къ крещено-татарскому элементу, выслушавъ и взвѣсивъ многосторонніе отзывы о томъ, что крещеные Татары въ Мензелинскомъ уѣздѣ готовы поворотить назадъ въ магометанство, я остановился было на мысли поставить священниками учителей миссіонерскихъ училищъ, основанныхъ Н. И. Ильминскимъ, и сдѣлалъ этимъ учителямъ соотвѣтствующее предложеніе. Но всѣ они, какъ отлично дисциплинированные и благовоспитанные люди, лично выслушавъ въ Казани (куда нарочно ѣздили) разумные совѣты своего патрона, того же Н. И. Ильминскаго, отказались отъ священства для настоящаго времени по недостаточной подготовленности къ несенію обязанностей священнаго сана, а согласились только приписаться къ ближайшимъ приходскимъ церквамъ въ качествѣ сверхштатныхъ псаломщиковъ для ближайшаго ознакомленія съ церковнымъ уставомъ и священно-церковно-служительскими обязанностями, чтобы практически подготовиться къ принятію священнаго сана впослѣдствіи. Сносился я письменно и съ г. Ильминскимъ, прося у него хорошо подготовленныхъ кандидатовъ для занятія священническихъ мѣстъ въ инородческихъ приходахъ Уфимской епархіи; но такихъ кандидатовъ въ то время и у г. Ильминскаго въ виду не оказалось, или никто изъ нихъ не изъявилъ готовности принять наше приглашеніе. Учители двухъ крещено-чувашскихъ посѣщенныхъ мною училищъ вѣдомства народнаго просвѣщенія также приняли мое предложеніе приписаться къ приходскимъ церквамъ въ качествѣ сверхштатныхъ псаломщиковъ для изученія священно-церковно-служительскихъ обязанностей въ той же надеждѣ, что, со временемъ можно будетъ воспользоваться этими лицами для занятія священническихъ мѣстъ въ инородческихъ приходахъ. А Уфимская Д. Семинарія въ истекшемъ 1878 г. дала только одного изъ окончившихъ курсъ такого, который знаетъ Черемисскій языкъ, какъ природный Черемисинъ, который и рукоположенъ во священника въ приходъ съ преобладающимъ Черемисскимъ населеніемъ. Въ одинъ Чувашскій приходъ рукоположенъ во священника бывшій діаконъ псаломщикъ одной изъ Уфимскихъ градскихъ церквей, также знакомый съ Чувашкимъ языкомъ. Но вообще въ знающихъ инородческіе языки способныхъ кандидатахъ свя-

щенства чувствуется большая скудость. А между тѣмъ потребность миссіонерскаго дѣйствованія на мѣстахъ инородцевъ-язычниковъ, какъ-то Черемисъ, Чувашъ, Вотяковъ, въ послѣднее время обнаруживается ощутительно, такъ какъ до меня доходятъ свѣдѣнія, что инородцы въ разныхъ мѣстностяхъ склонны къ принятію Русской вѣры и цивилизаціи въ Русскомъ духѣ. Но начинать просвѣтительное на нихъ дѣйствіе цѣлесообразнѣе пока школою, чѣмъ открытыми попытками обращенія въ христіанство. По сему предмету я вступилъ было въ сношеніе и съ г. Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, но не удостоился даже отвѣта. Затѣмъ въ 1879 г., обозрѣвъ уже почти всѣ приходы, въ которыхъ сосредоточено крещено-татарское населеніе, и собравъ о религіозномъ его развитіи, направленіи и условіи его быта и отношеній къ Русскому населенію разностороннія свѣдѣнія, я пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ.

1) Что, принявъ христіанскую вѣру, крещено-татарское населеніе до послѣдняго времени почти вовсе не усвояло христіанскаго ученія и знанія вѣры; 2) что въ глуби крещено-татарскихъ приходовъ, особенно же по деревнямъ вдали отъ церквей, между крещено-татарскимъ населеніемъ, въ жизненномъ его обиходѣ, господствуютъ и обычаи Татарско-мусульманскіе; 3) что, оставаясь, по состоянію сознанія, почти внѣ церкви Христовой, какъ и всякой религіи, эти населенія скорѣе склонны къ возврату въ мусульманство, и повидимому не достаетъ только какого либо толчка, чтобъ они отпали отъ христіанства, которому принадлежатъ только по имени; 4) а въ тоже время между кореннымъ Русскимъ священствомъ, которому подвѣдомы крещено-татарскіе прихожане, духъ миссіонерства до такой степени мало развитъ, что, не зная Татарскаго языка, священники не считаютъ своею обязанностью и изучать его сколько-либо, чтобы хотя сколько-либо пользоваться имъ для обученія своихъ инородческихъ прихожанъ; 5) что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сознательное усвоеніе этими населеніями духа и ученія Христова въ послѣднее время двинулось впередъ единственно только благодаря миссіонерскимъ училищамъ, которыя заведены по Уфимской епархіи именитымъ миссіонеромъ Н. И. Ильминскимъ; 6) между тѣмъ построеніе особыхъ церквей спеціально для крещено-татарскихъ населеній встрѣчаетъ неодолимыя препятствія въ апатіи этихъ населеній и недостаткѣ средствъ, и 7) поставленіе для этихъ населеній къ существующимъ уже церквамъ священниковъ изъ крещеныхъ же Татаръ, конечно знающихъ Татарскій языкъ, какъ родной, встрѣчаетъ важное препятствіе въ томъ обстоятельствѣ, что не имѣется ни одной такой церкви, около которой были бы скучены исключительно только ино-

родцы, а не были бы въ тоже время поселены и крещеные Русскіе, которые въ свою очередь были бы смущены, еслибъ ихъ подчинить крещено-татарскимъ причтамъ, что̀, какъ по моему мнѣнію, такъ и по убѣжденію упомянутаго г. Ильминскаго и другихъ знающихъ дѣло людей, должно быть принято начальствомъ въ крайне-заботливое вниманіе; что 8) по моему убѣжденію, основанному на тщательномъ изученіи дѣла и на многомъ совѣтѣ съ разными лицами, знающими условія Уфимскаго края, лучшимъ способомъ выдти изъ разъясняемаго затрудненія было бы назначить къ существующимъ уже церквамъ и имѣющимъ при нихъ настоятелямъ, тамъ, гдѣ имѣются прихожане-инородцы, помощниковъ настоятелей изъ инородцевъ же, почему 9) я уже и озаботился приготовленіемъ способныхъ и благонадежныхъ кандидатовъ къ занятію предполагаемыхъ мѣстъ помощниковъ настоятелей, каковыми по неоднократному сношенію съ г. Ильминскимъ, какъ и съ мѣстными благочинными и священниками, я признаю нѣкоторыхъ изъ учителей миссіонерскихъ училищъ, которые, получивъ достаточное приготовленіе къ миссіонерской дѣятельности въ г. Казани подъ непосредственнымъ руководствомъ самого г. Ильминскаго, въ настоящее время приписаны мною къ ближайшимъ церквамъ сверхштатными псаломщиками, для обстоятельнаго изученія церковнаго устава и для совершеннѣйшаго усвоенія того церковнаго духа, который необходимъ для служенія въ священномъ санѣ. Принявъ все это въ соображеніе, я призналъ возможнымъ и нужнымъ учредить мѣста помощниковъ настоятелей въ трехъ многодушныхъ приходахъ Белебеевскаго уѣзда, а также въ четырехъ приходахъ Мензелинскаго уѣзда, при чемъ призналъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ распредѣленіи деревень между означенными приходами, для ихъ уравненія. Представленіе о семъ препровождено мною въ Св. Синодъ отъ 22 Декабря 1879 г.

Въ 1880 г. это представленіе мое Св. Правительствующимъ Синодомъ уважено, какъ уважены и послѣдующія мои представленія въ томъ же родѣ относительно открытія вакансій помощниковъ настоятелей въ инородческихъ приходахъ, съ тѣмъ, чтобы на эти вакансіи были поставляемы кандидаты священства изъ подготовленныхъ, способныхъ и достойныхъ крещеныхъ инородцевъ, знающихъ инородческіе языки. Такимъ образомъ, по указамъ Св. Синода, открыты вакансіи помощниковъ настоятелей въ слѣдующихъ инородческихъ приходахъ: А) Мензелинскаго уѣзда: 1) Лякинскомъ, 2) Афонасовскомъ, 3) Останковскомъ, 4) Ильбахтинскомъ, 5) Багряшскомъ, 6) Алексѣевскомъ-Ѳедотовскомъ, 7) Налимскомъ, 8) Можаровскомъ и 9) Ильбахтинскомъ, Б) Белебеевскаго уѣзда: 10) въ приходахъ Бижбулякскомъ, 11) Бака-

линскомъ, 12) Килеевскомъ, 13) Елисаветинскомъ, 14) Надеждинскомъ-Куроѣдовскомъ и 15) Писаревскомъ-Никольскомъ. Итого открыто всѣхъ 15 вакансій, изъ которыхъ замѣщено пока только 8 вакансій, а прочія пока не замѣщены, по неимѣнію въ виду кандидатовъ.

Вѣроятно къ этимъ-то 8-ми ново-рукоположеннымъ мною священникамъ изъ инородцевъ относятся слова Анонима, что я рукополагаю „мѣщанъ, крестьянъ и даже ново-крещеныхъ Татаръ и Черемисъ“, такъ какъ изъ коренныхъ Русскихъ рукоположенъ мною въ санъ священника одинъ только крестьянинъ Некрутовъ къ единовѣрческой церкви Верхне-Троицкаго завода, послѣ долгаго исканія кандидата священства, который могъ бы занять это священническое мѣсто. Что же касается кандидатовъ священства изъ крещеныхъ инородцевъ, то я ни одного изъ таковыхъ не рукоположилъ безъ продолжительной и весьма сложной переписки съ именитымъ Казанскимъ миссіонерскимъ дѣятелемъ Н. И. Ильминскимъ, безъ его совѣта и прямой рекомендаціи. Всѣ эти кандидаты (за исключеніемъ одного стараго уже священника изъ крещеныхъ Татаръ) избраны г. Ильминскимъ изъ способнѣйшихъ учителей миссіонныхъ училищъ, кончившихъ курсъ или въ Казанскомъ крещено-татарскомъ миссіонерскомъ училищѣ, или же въ Казанской учительской инородческой Семинаріи, въ которой Н. И. Ильминскій самъ состоитъ и директоромъ. Вообще избраніе этихъ кандидатовъ и возведеніе ихъ въ священный санъ производится съ крайнею осмотрительностію и даже обоюдною мнительностію, какъ со стороны Н. И. Ильминскаго, такъ и моей. А съ Анонимомъ посовѣтоваться касательно сего важнаго предмета я не могъ, если-бъ и захотѣлъ, какъ съ Анонимомъ...

Относительно обращенія язычниковъ-инородцевъ, Чувашъ, Черемисъ и Вотяковъ (Татаръ Анонимъ исключаетъ, какъ страшныхъ фанатиковъ), находя, что „это дѣло доступное и, при теоріческомъ знаніи дѣла, можетъ быть приводимо умѣлой рукой и въ практику“, Анонимъ охотно предлагаетъ и добрые совѣты съ своей стороны. Но эти совѣты такого рода, что они или выполняются, или не выполняются по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, или ихъ совсѣмъ не слѣдуетъ выполнять, такъ какъ выполненіе было-бы вредно и противозаконно. Выполняется совѣтъ относительно „выбора“ и рукоположенія въ инородческіе приходы (около которыхъ всегда расположены и иновѣрные инородцы), „образованныхъ пастырей, знакомыхъ съ бытомъ“ этихъ инородцевъ; такіе-то кандидаты священства и рекомендуются Н. И. Ильминскимъ. Совѣтъ относительно „открытія въ инородческихъ деревняхъ школъ“ выполняется; но „учителями туда посылать окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ“ нельзя, по той простой причинѣ,

что кончившіе курсъ въ Уфимской Д. Семинаріи туда и не пойдутъ; да и говоровъ инородческихъ они не знаютъ, такъ какъ инородческихъ языковъ не изучаютъ. Неизлишне замѣтить, что такой совѣтъ могли преподать только свѣтскіе люди, въ родѣ Бирскихъ адвокатовъ, вовсе незнакомые съ условіями Уфимской Д. Семинаріи и склонностями ея питомцевъ, которые съ трудомъ принимаютъ самыя лучшія священническія мѣста въ епархіи. А какъ они пойдутъ учителями въ Чувашскія, Вотяцкія, Черемисскія деревни? Это немыслимо... Но совѣтъ Анонима, что „въ этомъ дѣлѣ нужны не шумныя собранія, а открытіе обществъ и собраніе членовъ, чѣмъ проявляетъ свою дѣятельность въ этомъ дѣлѣ епископъ Никаноръ“ (совѣтъ, замѣчу кстати, напоминающій газетныя корреспонденціи изъ Бирска) я исполнять не имѣю права, такъ какъ здѣсь разумѣются, очевидно, собранія чиновъ Уфимскаго миссіонерскаго общества.

Дѣйствительно, миссіонерское общество въ Уфимской епархіи открыто мною, и открыто не безъ нѣкотораго особаго труда и осмотрительности. Уфимскій миссіонерскій комитетъ началъ свою дѣятельность только съ 1879 г., по независѣвшимъ отъ Уфимскаго епархіальнаго начальства причинамъ. Такъ, по полученіи указа Св. Правительствующаго Синода отъ 21 Декабря 1869 г. за № 60, съ приложеніемъ высочайше утвержденнаго 4 Ноября того же 1879 г. устава православнаго миссіонерскаго общества, Уфимское епархіальное начальство еще въ 1870 г. предполагало открыть въ г. Уфѣ миссіонерскій комитетъ; но предположеніе это, по особеннымъ встрѣтившимся обстоятельствамъ, было пріостановлено. Между тѣмъ въ 1876 г. г. Оренбургскій генералъ-губернаторъ отъ 19-го Августа 1876 г. за № 2462 увѣдомилъ Уфимское епархіальное начальство, что къ открытію въ г. Уфѣ миссіонерскаго комитета онъ, г. генералъ-губернаторъ, препятствія не находитъ. Вслѣдствіе сего Уфимское епархіальное начальство, на основаніи §§ 14 и 51 уст. мис. общества, циркулярными указами отъ 10 Сентября 1876 г., чрезъ благочинныхъ пригласило подвѣдомственное духовенство къ поступленію въ члены мѣстнаго миссіонерскаго общества, при чемъ были разосланы печатные экземпляры устава миссіонерскаго общества по числу церквей, и приходскіе священники почти всѣ приняли на себя званіе членовъ миссіонерскаго общества со внесеніемъ денегъ не менѣе 3 руб. въ годъ. Такимъ образомъ въ теченіе 1877 и 1878 г. поступило въ Консисторію членскихъ взносовъ пятьсотъ пятьдесятъ пять руб. тридцать двѣ коп., которые въ разное время и препровождены въ совѣтъ Московскаго православнаго миссіонерскаго общества. Затѣмъ, уже по окончаніи послѣдней Восточной войны, признано благовремен-

нымъ приступить къ открытію въ Уфимской епархіи мѣстнаго отдѣла миссіонерскаго общества. Посему 1878 г. Ноября 21 настоящій епископъ Уфимскій и члены миссіонерскаго общества, въ общемъ чрезвычайномъ собраніи, на основаніи § 61 уст. прав. мис. общества, объявили мѣстный Уфимскій отдѣлъ сего общества открытымъ. На означенномъ же общемъ собраніи записались въ дѣйствительные члены миссіонерскаго общества 110 лицъ, съ представленіемъ взносовъ не ниже 3 рублей. Но составившійся, такимъ образомъ, Уфимскій миссіонерскій комитетъ, вслѣдствіе возникшаго, въ исходѣ 1878 года и въ началѣ 1879 г., по разнымъ причинамъ, движенія между мусульманскимъ населеніемъ здѣшняго края, не открывалъ свою дѣятельность до 30 Октября 1879 г. Съ этого же дня дѣятельность Уфимскаго отдѣла миссіонерскаго общества и мѣстнаго миссіонерскаго комитета получила правильное, согласное высочайше утвержденному уставу, теченіе. Такимъ образомъ Уфимскій миссіонерскій комитетъ вступилъ уже въ четвертый годъ своего существованія. Средства комитета, при годовомъ итогѣ суммъ, за истекшій 1881 г., 100 руб. неприкосновеннаго капитала, 463 р. 24 к, запаснаго и 1739 руб. 50 коп. расходнаго, истощаются уплатою на содержаніе четырехъ учителей и трехъ училищъ, въ Белебеевскомъ и Мензелинскомъ уѣздахъ. Тѣмъ не менѣе эти три миссіонерскія училища, заведенныя и содержимыя миссіонерскимъ комитетомъ, вмѣстѣ съ 10-ю миссіонерскими же училищами, завѣдуемыми Казанскимъ миссіонерскимъ дѣятелемъ Н. И. Ильминскимъ, содержимыми на средства то земства, то разныхъ благотворителей, мѣрно, вѣрно дѣлаютъ свое благотворное дѣло христіанскаго просвѣщенія крещеныхъ инородцевъ.

Тѣмъ не менѣе крещеные инородцы начали отпадать въ магометанство. Печальный фактъ, имѣвшій прецендентъ огромныхъ размѣровъ въ Казанской епархіи, гдѣ въ недавніе 1870-ые годы отпало до 10000 крещеныхъ Татаръ, сколько помнится по сообщеніямъ газетъ. Этому явленію въ Уфимской епархіи есть множество причинъ; но не тѣ, какія указаны Анонимомъ. У Анонима здѣсь, какъ и вездѣ, все извращено. Дѣйствительно, въ деревнѣ Каныбековѣ Белебеевскаго уѣзда и въ с. Мелеузѣ Стерлитамакскаго уѣзда крещеные Татары заявили намѣреніе отпасть въ магометанство. Но неправду говоритъ Анонимъ, что заявили именно мнѣ лично, при обозрѣніи епархіи въ 1881 году. Неправда у Анонима, что „какъ въ деревнѣ Каныбековой, такъ и въ селѣ Мелеузѣ приходскіе священники малограмотные и заботящіеся единственно о вымогательствахъ съ прихожанъ за требоисправленія“; что „это и послужило поводомъ къ отпаденію послѣднихъ отъ хри-

стіанства", что „такъ было заявлено отпавшими лично мнѣ" (въ Мелеузѣ въ истекшемъ 1881 г. я не былъ). Причины этихъ отпаденій еще изслѣдуются съ разныхъ сторонъ. Какъ въ Ерлыковскомъ приходѣ, куда принадлежитъ деревня Каныбеково, такъ и въ Мелеузѣ священники дѣльные. Въ Ерлыково въ послѣднее время поставленъ священникъ изъ городскихъ діаконовъ (по недостатку кончившихъ курсъ въ Семинаріи), отъ собора г. Белебея, но толковый, дѣльный и ревностный. Поводомъ къ отпаденію Каныбековцевъ послужило вовсе не вымогательство этого священника, а присяга на вѣрность Государю Императору Александру III. Правда, вопреки моему настоятельному совѣту, Ерлыковскій священникъ Колокольцевъ возревновалъ воспользоваться этою рѣдкою торжественною минутою, чтобы привлечь Каныбековцевъ къ церкви. Онъ потребовалъ, чтобъ они не только присягнули на вѣрноподданство похристіански, но и дали подписку, что и на будущее время станутъ содержать Цареву христіанскую вѣру, будутъ посѣщать церковь и т. д. А Каныбековцы, никогда въ сущности не бывшіе христіанами, послѣ многихъ увѣщаній и настояній разныхъ властей, сначала заявляли готовность присягнуть на Евангеліи, однакоже безъ обѣщанія быть настоящими христіанами, а затѣмъ и отъ христіанской присяги совсѣмъ отказались. Гражданская же власть (скажу не обинуясь) въ лицѣ бывшаго г. губернатора П. П. Шрамченка, обнаружила благоразумную въ данный государственно-политическій моментъ, но непредусмотрительную, или, вѣрнѣе сказать, небрежную относительно народно-церковной пользы въ будущемъ торопливость: дать упрямымъ Каныбековцамъ льготу, предоставивъ имъ право замѣнить присягу простою подпискою на вѣрноподданство. Каныбековцевъ убѣждалъ остаться вѣрными христіанскими подданными православнаго Русскаго Царя не одинъ только настоятель Ерлыковскаго прихода священникъ Колокольцевъ, но нѣсколько разъ убѣждали и благочинный протоіерей Белебеевскаго собора Василій Софотеровъ, очень опытный и разсудительный пастырь, и миссіонеръ изъ крещеныхъ Татаръ, старый священникъ Белебеевскаго же собора Стефанъ Даниловъ, а также учитель миссіонерскаго училища въ дер. Карамалѣ, сосѣдней съ Каныбековымъ, крещеный же Татаринъ Никифоровъ, который нынѣ тамъ поставленъ и священникомъ. Наконецъ, дѣйствительно и я самъ посѣтилъ эту мѣстность лѣтомъ того-же 1881 г. Дѣйствительно я бесѣдовалъ въ дер. Каныбековѣ, какъ бесѣдую и вездѣ, съ народомъ, съ этими совратившимися въ магометанство номинальными христіанами. Во-первыхъ, прибывъ въ дер. Каныбеково, въ сопровожденіи благочиннаго протоіерея, становаго пристава магометанина и миссіонерскаго учителя Никифорова и видя собравшійся народъ, я послалъ спросить ихъ:

„будутъ ли бесѣдовать со мной“? Отвѣтили: „Очень охотно“. Вижу между ними впереди тѣже самыя лица, съ которыми бесѣдовалъ я въ первый разъ въ 1877 г. Но теперь уже всѣ стояли въ тюбетейкахъ, всѣ по возможности разряженные въ Татарскіе халаты, въ зипуны, главный старикъ въ пестромъ халатѣ. Женщинъ и дѣтей потатарски не было ни одной души. Вотъ ихъ рѣчи: „Мы любимъ нашу христіанскую вѣру (говорилъ главнымъ образомъ старикъ, почти совершенно правильнымъ Русскимъ языкомъ), ничего не имѣемъ противъ православія, противъ духовенства. Никто насъ не обижалъ, но никто и не подущалъ. Говорятъ, какой-то отставной солдатъ смущалъ насъ; это неправда: никто не смущалъ. А мы остаемся на старинѣ. Какъ отцы и дѣды наши жили, какъ и мы жили всегда, такъ и остаться желаемъ. Мы никогда собственно христіанами не были, а всегда во всемъ соблюдали нашъ родной магометанскій законъ. Возьмите, выройте изъ земли всѣхъ покойниковъ, нашихъ братьевъ, отцовъ и дѣдовъ: ни одного не найдете погребеннаго похристіански. Всѣ, напротивъ, до одного погребены помагометански“. „Отдавайте (убѣждаю я) вашихъ дѣтей въ нашу школу; вотъ заведена въ Карамалѣ“.—„Нѣтъ не желаемъ. Убѣждалъ насъ и священникъ Даниловъ отдавать дѣтей въ школу; говорилъ: дайте приговоръ, но мы приговора не дали. Мы всѣ, старые и малые, остаемся при своей старой вѣрѣ. Мы послали ходаковъ съ прошеніемъ къ самому Царю и ждемъ, что̀ намъ скажутъ. Мы будемъ довольны тѣмъ, что̀ намъ на наше прошеніе скажетъ Царь. Будемъ довольны“... Старикъ многократно повторилъ эту фразу: „будемъ довольны тѣмъ, что̀ намъ скажетъ Царь“... Они были увѣрены и обнадежены уже со всѣхъ сторонъ относительно того, какъ отнесется гражданское правительство къ ихъ отступничеству. Да, гражданская власть уже и выяснила характеръ этого отношенія, дозволивъ имъ замѣнить христіанскую присягу простою подпискою на вѣрноподданство. Мнѣ больше ничего не оставалось толковать съ ними. Отошли мы со свитою въ сторону и стали совѣщаться, что̀ тутъ можно еще сдѣлать, или хоть сказать на пользу. Становой, по вѣрѣ магометанинъ, но повидимому не-фанатикъ, ревностный чиновникъ и разсудительный человѣкъ, говоритъ: „Тутъ, убрать-бы или уломать двухъ-трехъ человѣкъ, главныхъ зачинщиковъ, вотъ этого старика (онъ у нихъ за мѣсто муллы), да вотъ этого высокого красиваго: онъ изъ Казани изъ писарей, учился тамъ въ Русской школѣ. Какъ ему не ратовать за старую Магометову вѣру, когда въ христіанствѣ у него была одна жена, а теперь ихъ у него три?“ и т. п. Духовные отцы, мои спутники говорятъ: „Какъ имъ было не отпасть, когда въ прошломъ столѣтіи ихъ сюда сослали изъ Казани, обязавъ вмѣсто наказанія принять христіан-

ство? Когда они сюда переселены были, здѣсь была Татарская-чувашская глушь. Въ Ерлыковѣ еще и церкви не было (построена въ 1828 г.). Они были приписаны приходомъ въ Чесноковку (въ 12 верстахъ отъ Уфы, въ 150 верстахъ отъ Каныбекова). Да когда и въ Ерлыковѣ открытъ приходъ, они за 20 верстъ никогда не бывали въ церкви, а только числились христіанами; теперь же вотъ ихъ тронули; между тѣмъ они знаютъ со всѣхъ сторонъ, всякій писарь, всякій проходимецъ солдатъ, всякій адвокатъ, да и всякій нашъ Русскій чиновникъ толкуютъ имъ, что въ Сибирь ихъ за вѣру теперь ссылать не станутъ“ и т. д. Идемъ къ выходу изъ селенія. За нами движется и народъ, радушно и ласково, но окончательно выпроваживая Русскаго старшаго муллу... Ласково по пути вступаютъ со мною въ бесѣду, хотя я и чувствую грустно печальный смыслъ минуты. „Прощайте, прощайте (говорятъ) съ Богомъ!“. Вижу впереди другихъ мѣстнаго жителя довольно обрусѣлаго, но отощалаго и печальнаго, который въ первый разъ въ 1877 г. встрѣчалъ и провожалъ меня здѣсь въ званіи и качествѣ такого важнаго и сановитаго старшины. Спрашиваю: „Вѣдь тогда вы были старшиною; помните, провожали меня чрезъ рѣку Дему чрезъ мостъ?“— „Помню, какъ-же“.—„Отчего-жъ вы теперь стали такой, такъ печальны, такъ отощали?“—„А-а-а“ (мѣтко выразился тотъ же старикъ) „тогда онъ ѣлъ чужой мірской курица и жиренъ былъ; а теперь ѣстъ только свой курица и отощалъ“. Всѣ разсмѣялись. Этотъ эпизодъ конечно мелкій, но характеренъ въ томъ отношеніи, что значитъ въ селеніи, съ перемѣною убѣжденій, перемѣстились вліянія; что, значитъ, и теперь оставались здѣсь лица, сожалѣющія о перемѣнѣ вѣры, но они потеряли съ вѣрою и личное значеніе и ничего не могутъ сдѣлать противъ новыхъ вліятельныхъ лицъ, безъ поддержки со стороны высшей власти. Но эта высшая власть (разумѣю, гражданская) не находитъ полезнымъ поддержать свое и своихъ. Общее убѣжденіе гражданской власти то, что дѣло Русской вѣры—не ея дѣло... Ея дѣло, напротивъ, поспѣшно и ретиво растолковать всѣмъ и каждому, что дѣло Русской вѣры не ея дѣло. Уже садясь въ экипажъ, видя около себя того краснваго, высокорослаго, статнаго мужчину-писаря, который обзавелся уже тремя женами, я говорю: „Вамъ бы стыдно, учились въ Русской школѣ“.—„Нимало не стыдно“.—„Вѣрѣ измѣняете“.—„Я не перемѣнялъ вѣру“, отвѣчаетъ. Да и развѣ онъ теперь промѣняетъ своихъ трехъ магометанскихъ женъ на христіанскую вѣру?.. Тутъ же спутникъ мой имѣлъ конфиденціальную бесѣду и съ самимъ г. становымъ, Русскимъ чиновникомъ, магометаниномъ, по вопросу: „Отчего вы не примите христіанство? Вы состоите на коронной Русской службѣ, такъ обрусѣли, вѣра перестала бы быть для васъ нѣкоторою помѣхою въ

служебной карьерѣ. Кажись, что̀ мѣшало бы вамъ стать совсѣмъ Русскимъ человѣкомъ?“—„Что мѣшало бы: во первыхъ семейныя связи и преданія.“—„Да вы же говорите, что у васъ одна жена, и другой брать вы не намѣрены?“—„Оно такъ; разница въ томъ, что тамъ, гдѣ христіанскій законъ видитъ прелюбодѣяніе, тамъ нашъ мусульманскій законъ находитъ только свободное соглашеніе. По свободному соглашенію я могу породниться со всякою женщиною безъ разрѣшенія совѣсти, безъ оскорбленія религіи и Бога“. Разсужденіе личное, но и въ общемъ смыслѣ въ высокой степени замѣчательное. Не даромъ мусульманская религія называется религіею естественною, приспособленною къ приземистымъ понятіямъ и къ простымъ полуживотнымъ, получеловѣческимъ нравамъ. Вѣруй въ единаго Бога и Магомета пророка Его, прочитывай извѣстныя краткія молитвы, соблюдай извѣстныя омовенія и разъ въ году уразу (постъ въ продолженіи дня и всяческое пресыщеніе ночью); будь правдивъ, подавай милостыню своимъ, и навѣрное попадешь въ рай Магомета, также простой и чувственный, какъ и все мусульманство. А въ Русской вѣрѣ эти многочисленные посты, длинныя службы въ церкви*), это говѣнье съ исповѣдью и причастіемъ, эти браковѣнчанья непремѣнно въ церквахъ съ многосложными предосторожностями относительно лѣтъ, степеней родства, говѣнья, знанія вѣры; это распространеніе понятія грѣховности на все, на слишкомъ многія естественныя дѣла, слова, даже мысли; это устрашеніе адомъ за всякое слово праздное, за всякое нечистое движеніе воли и мысли.

Самая же важная причина тяготѣнія здѣшняго крещенаго инородчества къ отпаденію отъ христіанства въ магометанство заключается въ соціальномъ положеніи этихъ инородцевъ. 1) Въ отношеніи ихъ къ церкви и духовенству. Почти ничего христіанскаго они себѣ не усвоили, христіанство имъ чуждо и странно; духовенство, не имѣя силы заставить ихъ усвоить обычаи христіанскіе, терпѣло въ нихъ обычаи магометанскіе; принадлежность къ христіанству, какъ сказывается, дороже стоитъ народу содержаніемъ церковныхъ зданій и клира; на Русскаго православнаго человѣка падаютъ, главнымъ образомъ, всѣ тяготы государственныя, тогда какъ иновѣрнымъ инородцамъ достаются разныя льготы, и полудикій инородецъ не можетъ, въ своихъ расчетахъ, отдѣлить собственно національность Русскую отъ вѣры Русской, а видитъ ясно, что не—Русскимъ быть выгоднѣе. 2) Въ отношеніи крещеныхъ

*) Меня здѣшній муфтій все укоряетъ, хотя и добродушно, въ томъ, что я долго служу въ церкви, и замѣчательно, что именно сему муфтію жалуются на меня за это наши Русскіе чиновники-дворяне.

инородцевъ къ Русскому народу, къ мірянамъ. Ничего общаго крещеный инородецъ не видитъ у себя съ Русскимъ единовѣрцемъ; Русскіе, оказывая во многихъ отношеніяхъ даже подобострастіе къ господствующему Татаро-башкирскому населенію, положительно брезгаютъ крещеными инородцами, ни въ чемъ не сходятся съ ними въ домашнемъ обиходѣ, ни подъ какимъ видомъ не входятъ съ ними въ брачныя сопряженія (не смотря на мои настоянія), даже весьма склонны оскорблять ихъ своимъ обращеніемъ и бранными словами. 3) Въ отношеніи ихъ къ окружающимъ иновѣрнымъ единоплеменникамъ. Кромѣ вѣры христіанской, которую они содержатъ номинально, все у нихъ общее съ иновѣрными единоплеменниками, даже вѣра; одна только преграда—таже номинальная принадлежность къ христіанству, но преграда тяжкая, такъ какъ крещеные не могутъ открыто участвовать въ празднествахъ магометанскихъ, въ семейныхъ радостныхъ и печальныхъ (бракахъ, похоронахъ), проникнутыхъ религіознымъ характеромъ, собраніяхъ, съ магометанами; подвергаются со стороны послѣднихъ глумленію за невольное исполненіе нѣкоторыхъ обрядовъ христіанскихъ; а главное—не могутъ входить въ брачныя сопряженія ни съ христіанами Русскими, ни съ магометанскими единоплеменниками, отчего у крещеныхъ, окруженныхъ или Русскими, или магометанами, или тѣми и другими, при взаимномъ сплетеніи семей родствомъ, часто не достаетъ женъ для браковъ въ дозволяемыхъ христіанствомъ степеняхъ родства. Оттого и вышло, что Каныбековцы Белебеевскаго уѣзда должны были брать себѣ женъ въ Мелеузѣ Стерлитамакскаго уѣзда (за 100 верстъ): ближе нѣтъ ни одного крещено-татарскаго поселенія. Оттого, лишь только отпало Каныбеково, отпалъ отъ христіанства и Мелеузъ. Въ Мелеузъ, какъ оказывается, пришли изъ Каныбекова ходаки съ проповѣдью объ отступничествѣ. Изъ Каныбекова пріѣзжалъ уже кто-то и произвелъ обрѣзаніе надъ всѣми дѣтьми отпавшаго въ мусульманство Мелеуза. Наконецъ, четвертая важнѣйшая причина, это новоявленное радѣніе о легальности и гуманности въ отношеніи ко всякому иновѣрію и всякому отступничеству отъ господствующей вѣры во всѣхъ коренныхъ Русскихъ людяхъ (исключая духовенства), начиная отъ министровъ, продолжая губернаторами и мировыми судьями и оканчивая всякимъ писаремъ, всякимъ адвокатомъ и прохожимъ солдатомъ. Всѣ спѣшатъ заявить отступающимъ не только полнѣйшую толеранцію, но даже сочувствіе, содѣйствіе въ ихъ стремленіи развязаться поскорѣе съ нѣкогда наложенными на нихъ путами православія. Это у высшихъ правительственныхъ лицъ высшая государственная политика, у среднихъ глухая борьба противъ вѣры, а у низшихъ, каковы адвокаты, даже доходная статья. Называютъ одного Русской фамиліи адвоката,

который взялъ съ Мелеузскихъ отступниковъ 300 рубл. задатка, чтобъ охлопотать имъ освобожденіе отъ христіанства. Совершенно успокоенные со стороны такого дружнаго содѣйствія и сочувствія всѣхъ Русскихъ вліяній отъ низшихъ до высшихъ, Каныбековцы говорятъ, Мелеузцы пишутъ: „Царь волю далъ всякому жить по своей вѣрѣ“. А новопоявляющіеся отступники уже въ Мензелинскомъ уѣздѣ кричатъ: „въ Казани многіе крещеные отпали въ магометанство, и Царь не принуждаетъ ихъ“... Мое государственно-политическое убѣжденіе, что даже послѣдняя сенаторская ревизія не принесла добрыхъ государственно-политическихъ плодовъ для здѣшняго края. Настаивая на легальности новѣйшаго покроя по иностранной модѣ, эта ревизія дала обратный толчекъ многовѣковому наклону раскрытія въ здѣшнемъ краѣ правды исторической, утвержденной правомъ разнороднаго завоеванія, правомъ преобладанія въ здѣшнемъ краѣ Русскаго христіанскаго элемента надъ инородческимъ, въ прежнія времена явно враждебнымъ, однимъ словомъ надъ Татарскимъ элементомъ. По моему убѣжденію Казанскій губернаторъ Скарятинъ былъ послѣдній въ здѣшнемъ краѣ характерно-русскій дѣятель въ духѣ стародавней доселѣшней Русской исторіи. Старинными Русскими аргументами кулака, розги и нагайки, а въ задней перспективѣ и Русскаго штыка, онъ однимъ натискомъ, одною, хотя и серьезною, Русскою (да позволено будетъ выразиться) „поркою“ двухъ десятковъ мятежныхъ людей онъ сразу потушилъ широко распространившійся здѣсь по тремъ губерніямъ пожаръ движенія милліоновъ инородцевъ, которые волновали цѣлый край нарочно ими же распускаемою молвою, что ихъ хотятъ крестить въ Русскую вѣру. А ревизія нашла, что Скарятинъ нарушилъ какія-то тамъ статьи новѣйшей юриспруденціи, и новѣйшая легальная Русь не только не оцѣнила энергичнаго Русскаго дѣятеля въ духѣ извѣстной Русской старины, а наоборотъ ошельмовала его на весь свѣтъ, и во первыхъ предъ всею татарщиною отъ Казани до Самарканда. Въ результатѣ же мы имѣемъ обратное движеніе духа и молвы между этими милліонами чуждыхъ населеній, что Царь не только не хочетъ крестить инородцевъ въ Русскую вѣру, а наоборотъ, всѣмъ волю далъ оставлять Царскую Русскую христіанскую вѣру... Я не разъ пробовалъ намекать г. ревизующему на эту правду исторіи, на этотъ естественный, предусмотрѣнный мною, какъ 2+2=4, совершенно нежелательный антигосударственный результатъ. Но гдѣ-же, но куды-же? Петербургъ конечно самоувѣренъ и вѣренъ своей кабинетской логикѣ... Теперь, такимъ образомъ, въ здѣшнемъ краѣ созданъ, по крайней мѣрѣ пущенъ въ ходъ, не только аграрный, но и церковно-религіозный назрѣвшій вопросъ, съ антирусскимъ наклономъ. А злобная слѣпота газетной сплетни и этого Ано-

нима трубитъ: Кто же виноватъ въ такомъ анти-русскомъ анти-христіанскомъ движеніи массъ?. Кто-же больше?. Конечно епископъ Уфимскій Никаноръ... Это было-бы смѣшно, если-бъ не было грустно. Это такъ похоже на фарисейское contradictio in adjecto: „о Веельзевулѣ, князѣ бѣсовстѣмъ, изгонитъ бѣсы“.

Писать ли далѣе о томъ, что поставленные мною священники распространяютъ магометанство и въ Мелеузѣ? Въ Мелеузѣ священникъ поставленъ не мною, а при моемъ второмъ отъ меня предмѣстникѣ, преосвященномъ епископѣ Филаретѣ, какъ замѣченный и епархіальнымъ начальствомъ и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія съ отличной стороны, по части педагогической способности. Я въ селѣ Мелеузѣ былъ уже два раза, въ 1878 и 1880 г., и въ оба раза нашелъ и призналъ въ этомъ священникѣ одного изъ самыхъ способныхъ, рачительныхъ и полезныхъ по учительной пастырской дѣятельности. Онъ, можно сказать, организовалъ приходъ: выстроилъ прекрасную церковь, завелъ отличный пѣвческій хоръ, неустанно заботился объ умственно-религіозномъ развитіи всего прихода какъ Русскихъ, такъ и инородцевъ. Тамъ въ Мелеузѣ устроены и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія два народныхъ училища, мужское и женское, имѣется учитель изъ хорошо подготовленныхъ инородцевъ. Однимъ словомъ, со стороны духовнаго и свѣтскаго начальствъ для благоустройства этого прихода сдѣлано не только все нужное и возможное, но и все желательное. Если же Мелеузскіе инородцы рѣшились отпасть, значитъ признали для осуществленія этой давней своей склонности нынѣшнее время благопріятнымъ. Изъ документовъ видно, что они сдѣлали было попытку къ отпаденію еще въ 1845 г., но тогда дружнымъ слѣдствіемъ всѣхъ начальствъ и вліяній это антицерковное, анти-русское движеніе было остановлено; а теперь они нашли возможнымъ и въ прошеніи вашему высокопревосходительству написать, „будто Царь даетъ теперь всѣмъ свободу“... Каныбековцы къ нимъ пришли и сказали, что отпали, и никто ихъ не принуждаетъ. А продажные адвокаты тоже внушили и Мелеузцамъ, что и ихъ самихъ никто принуждать не станетъ.

Распространяется ли въ Уфимской епархіи расколъ, это я буду имѣть нужду разъяснять обстоятельно подробно и документально по особому требованію вашего высокопревосходительства; но скажу нѣсколько словъ о томъ, оттого ли распространяется скопчество, что я ставлю „безнравственныхъ, неспособныхъ, недостойныхъ священниковъ?“ Нѣтъ, наоборотъ, скопчество разлилось въ старинныхъ приходахъ, въ которыхъ почти всѣ священники особо-почтенные, заслуженные, украшенные наградами и въ старые годы когда-то кончившіе

курсъ въ Семинаріи. А я въ послѣдніе годы только предусмотрѣлъ, что въ двухъ старѣйшихъ изъ этихъ приходовъ, при ихъ многолюдствѣ, при разбросанности и отдаленности деревень отъ приходскихъ церквей и причтовъ, свободно можетъ распространяться всякое отступничество отъ вѣры, почему и настоялъ на прибавленіи къ этимъ причтамъ, какъ Березовскому, такъ и Касевскому, по одному священнику, помощнику настоятеля, съ тѣмъ, чтобъ эти помощники настоятелей дѣйствовали при вновь устрояемыхъ церквахъ, что̀ и разрѣшено указами Св. Синода. Причина распространенія здѣсь скопчества изслѣдуется разными путями и будетъ выяснена документально; теперь же я имѣю довольно обстоятельный рапортъ мѣстнаго благочиннаго и старожила, Березовскаго протоіерея Алексѣя Павлова, который доноситъ:

„Скопцы періодически стали обнаруживаться въ этихъ приходахъ въ послѣднее десятилѣтіе. Такъ еще въ 1872 г. въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Касевской волости была обнаружена скопческая секта. По удаленіи въ вышесказанномъ году оказавшихся скопцовъ изъ мѣста жительства, послѣдователей скопческой ереси до 1881 года не замѣчалось въ округѣ. Въ концѣ же прошлаго 1881 года скопцы опять появились и уже не въ одной Касевской волости, но и въ смежныхъ съ оною волостяхъ; преобладающее же число ихъ обнаружилось въ деревнѣ Барьянѣ Надежинскаго прихода. Нѣтъ сомнѣнія, что скопческая секта въ 1872 году не была окончательно подавлена, такъ какъ въ числѣ вожаковъ ея оказался крестьянинъ дер. Дубника, Кириллъ Григорьевичъ Топачевъ, оставленный въ 1872 г., по рѣшенію судебной власти, на мѣстѣ жительства, вслѣдствіе показанія однодеревенцевъ его, будто бы онъ еще въ младенческомъ возрастѣ сдѣлался скопцомъ отъ укушенія свиньею; но есть основаніе думать, что показаніе обыскныхъ людей въ данномъ случаѣ было не только голословное, но и преднамѣренно-вымышленное; подтвержденіемъ же добровольнаго оскопленія себя Топачевымъ могло и можетъ служить уклоненіе его отъ православной церкви, воздержаніе отъ вина и мяса и его религіозныя убѣжденія, которыхъ онъ, въ послѣднее время, и не скрывалъ; впрочемъ велъ себя такъ, что не было основанія возбуждать противъ него оффиціальное преслѣдованіе. Всматриваясь въ развитіе скопчества въ 1881 г., можно предполагать, что крестьянинъ Топачевъ немало содѣйствовалъ распространенію скопческой ереси въ сосѣднихъ деревняхъ. Вышеизложенныя данныя и послужили для благочиннаго протоіерея Павлова основаніемъ къ настоянію предъ мѣстною властію о привлеченіи Топачева къ законной отвѣтственности; въ настоящее время онъ содержится въ Бирскомъ тюремномъ замкѣ вмѣстѣ съ прочими, обнаруженными въ Сентябрѣ и Октябрѣ

1881 г. скопцами, за исключеніемъ малолѣтнихъ дѣтей, оставленныхъ на мѣстѣ жительства. Но болѣе всего скопческая ересь въ Бирскій уѣздъ заносится изъ города Сарапула Вятской губ., давно слывущаго центромъ раскола. Пропагандѣ же Сарапульскихъ сектантовъ благопріятствуетъ промышленное и торговое положеніе города Сарапула. Громадное сапожное производство, которымъ занимается почти все населеніе города Сарапула, постоянно развозится Сарапульскими торговцами по юго-западной полосѣ Бирскаго уѣзда. Среди этихъ торговцевъ большинство раскольники и, безъ сомнѣнія, есть и скопцы, потому что многіе изъ жителей тѣхъ селеній, въ которыхъ оказались скопцы, удостовѣряютъ, что скопческая ересь заносится преимущественно торговцами. Въ показаніяхъ своихъ на допросахъ скопцы были крайне уклончивы и скрытны. По болѣе яснымъ показаніямъ можно заключать, что большинство этихъ людей оскоплено по ихъ согласію; есть однакоже и такіе, которые оскоплены обманомъ или насиліемъ. Первой категоріи скопцы на допросахъ показали, что они сами себя оскопили, а нѣкоторые говорили, что они не знаютъ и не помнятъ, когда и кто ихъ оскопилъ". Къ послѣдней категоріи, по мнѣнію благочиннаго, принадлежатъ всѣ малолѣтніе скопцы. Судя по показаніямъ, надо полагать, что для однихъ главнымъ основаніемъ къ оскопленію послужило ложное толкованіе и превратное пониманіе 19 главы Евангелія отъ Матѳея, для другихъ—зависимость отъ старшихъ и нравственное вліяніе вожаковъ. Затѣмъ быстрому умноженію скопцовъ въ концѣ 1881 г. немало содѣйствовали повсемѣстные невѣжественные толки о кончинѣ міра 15 Ноября. На основаніи этихъ толковъ нѣкоторые скопцы говорили непринадлежащимъ къ ихъ ереси: „вотъ скоро кончина міра, и вы будете на насъ молиться". Сверхъ сего пропагандѣ скопческой ереси немало благопріятствовалъ низкій уровень умственнаго и нравственнаго развитія въ средѣ мѣстнаго населенія. Обрядово-религіозная сторона скопчества Бирскаго уѣзда выразилась пока только въ томъ, что они воздерживаются отъ вина и мяса и чуждаются не раздѣляющихъ ихъ религіозныхъ убѣжденій; большинство же изъ нихъ храмы Божіи посѣщаютъ, отъ исполненія религіозныхъ обрядовъ не уклоняются. Но таковое поведеніе ихъ едва-ли искреннее; вѣроятнѣе всего этимъ они только укрываютъ себя отъ преслѣдованія. По разслѣдованію коммиссіи и собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось: а) скопцовъ въ Березовскомъ приходѣ мужска пола 6, женска 7; б) въ Касевскомъ муж. пола 7, женска 17; г) въ Надеждинскомъ мужска пола 24, женска 35; д) въ Кутеремскомъ женска пола 9; е) въ Анастасіевскомъ мужска пола 2, женска 4; ж) въ Кырпынскомъ муж. пола 2, женска 11; з) въ Калемненомъ муж. пола 3, женска 3, и и) въ Кельтеминскомъ

женска пола 3. Всего зараженныхъ скопческою ересью приходовъ девять, въ нихъ скопцовъ мужска пола 51, женскаго 123 человѣка, и они, исключая весьма немногихъ, оскоплены осенью 1881 года. Въ Березовкѣ, Касевѣ, Кутеремѣ я былъ въ 1877 и 1881 г.г. Первые два изъ этихъ приходовъ, въ 9-ти верстахъ между собою разстояніи, обнимаютъ многолюдный стараго Русскаго заселенія пунктъ у рѣки Камы въ соприкосновеніи съ Пермскою губерніею и съ значительнымъ городомъ Сарапуломъ Вятской губерніи. Оттуда въ истекшемъ 1881 г. я спустился черезъ Кутеремъ по приходу селъ Анчасяка и Надеждина въ пустынную глубь Уфимской губерніи. Здѣсь церкви расположены весьма рѣдко на 30-ти верстныхъ разстояніяхъ. Ѣхали мы здѣсь по новопроложенному для насъ пути по многоверстной лѣсной пустынѣ. Тутъ-то и гнѣздится Черемисская языческая дикость; тутъ свило для себя гнѣздо и Русское скопчество. Тутъ и въ Русскихъ населеніяхъ можетъ гнѣздиться всяческое отчужденіе отъ церкви. Въ такихъ-то пунктахъ нужно, по моему мнѣнію, пользоваться всякимъ случаемъ возможности, чтобъ основать православную церковь и утвердить новый приходъ.

Умноженіе церквей и приходовъ въ Уфимской епархіи вызывается вопіющею нуждою. Объ этомъ важномъ предметѣ, въ четырехъ сряду отчетахъ Св. Синоду за 1877—1880 г., я доносилъ одно и тоже, обогащая только свои соображенія съ каждымъ наступившимъ годомъ новыми и новыми фактическими данными. Такъ я доносилъ Св. Синоду, что при настойчивой заботливости епархіальнаго начальства о построеніи церквей въ здѣшнемъ краѣ, при ревностномъ сочувствіи къ этому дѣлу и самихъ жителей, число храмовъ Божіихъ въ Уфимской епархіи съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Но при всемъ томъ во многихъ мѣстахъ епархіи и нынѣ чувствуется крайняя нужда въ большемъ количествѣ церквей. Народонаселеніе здѣсь быстро растетъ отъ переселеній сюда изъ внутренней Россіи, не считая естественнаго наростанія путемъ рожденій. Переселенцы селились и селятся здѣсь по соображеніямъ нерѣдко совершенно случайнымъ: облюбятъ мѣсто, или богатый землевладѣлецъ предоставитъ переселенцамъ болѣе выгодныя условія занятія земель и т. д. Оттого есть въ здѣшней епархіи обширныя пространства, особенно-же на Сѣверѣ и Югѣ, гдѣ православные Русскіе люди уже поселились и живутъ по нѣскольку лѣтъ, а церкви отъ нихъ далеко, напр. въ 40, 70 даже 80 верстъ разстоянія. Впрочемъ и съ самаго первоначальнаго обрусѣнія этого края, вслѣдствіе постояннаго прилива сюда Русскаго населенія, новые пришельцы естественно располагались около заведенныхъ уже прежде Русскими по-

селенцами церквей, отчего приходы сложились естественно весьма большіе. При росписаніи же церквей и приходовъ по новоутвержденнымъ правиламъ, здѣсь, съ заботливымъ вниманіемъ къ интересу причтовъ, но далеко не вездѣ съ удобствомъ для удовлетворенія духовныхъ нуждъ народа, приходы оставлены весьма многолюдные, а число членовъ причта ограничено и нерѣдко сокращено до скудости (большею частью назначены одинъ священникъ и одинъ псаломщикъ), не смотря на то, что приходы раскинуты на большихъ пространствахъ, такъ что имѣются приходы по нѣскольку тысячъ душъ (5000, 10000 и даже 15000 душъ обоего пола) на разстояніяхъ до 30, 40, 70 и даже 80 верстъ въ одну сторону. Оттого происходитъ, что: 1) Даже старорусскія деревни, вдали отъ церквей, охладѣваютъ къ церкви и опускаются въ религіозномъ смыслѣ. 2) Инородческія же деревни, вдали отъ церквей остаются подъ господствомъ языческаго или мусульманскаго характера. 3) Число неисповѣдующихся и непричащающихся возросло до поразительной степени, такъ что по точнымъ вычисленіямъ въ нѣкоторыхъ приходахъ исповѣдуются $^1/_{15}$, $^1/_{20}$, $^1/_{30}$, $^1/_{50}$ часть, да и эта доля падаетъ иногда на лучшую Русскую, а не инородческую часть прихода. 4) По тщательнымъ развѣдываніямъ, крещеные инородцы, не только Татары, но и Черемисы и Чуваши, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ склонны обратиться въ магометанство. 5) Некрещеные же Чуваши и Черемисы болѣе склонны къ магометанству, чѣмъ къ христіанству. 6) Такъ называемые здѣсь починки, новыя поселенія, заводимыя на новыхъ мѣстахъ переселенцами изъ Россіи, подолгу не могутъ пристать ни къ какой церкви, ни къ какому причту, ни къ какому кладбищу, отчасти по дальности разстояній, отчасти же и потому что оборигены-жители чуждаются ихъ, да и священники въ свою очередь относятся къ нимъ опасливо, такъ какъ считаютъ ихъ чужеприходными и боятся подвергнуться за нихъ отвѣтственности, не безъ основаній полагая, что между ними могутъ быть и бродяги; а интереса угождать имъ не имѣютъ, такъ какъ и старые приходы у священниковъ обширны, а новопоселенцы пока не пріобрѣтутъ прочную осѣдлость на новыхъ мѣстахъ, всегда бываютъ бѣдны и сами нуждаются во всемъ. Оттого 7) Положеніе этихъ христіанскихъ душъ въ религіозномъ отношеніи бываетъ истинно бѣдственное; всякій изъ священниковъ затрудняется отправиться къ нимъ, въ ихъ непочатыя дебри, крестить, напутствовать, хоронить; всякій затрудняется брачить ихъ по недостатку нужныхъ свѣдѣній, по нуждѣ крайней осмотрительности; долго никакой священникъ не посѣтитъ ихъ съ крестомъ въ великіе праздники Рождества, Св. Пасхи со святою водою въ праздникъ Крещенія Господня; не пойдетъ служить для нихъ молебенъ на домъ, на поля и т. д. 8) Приписывать же по-

чинки къ старымъ приходамъ не незатруднительно, потому, что эти починки составляются нерѣдко изъ сбора людей, часто безъ необходимыхъ въ приходскомъ быту документовъ; въ тоже время священникамъ, при обширности и многолюдствѣ приходовъ, не всегда бываетъ по силамъ удовлетвореніе всѣхъ религіозныхъ нуждъ даже своихъ старыхъ постоянныхъ прихожанъ. 9) Равнымъ образомъ и образовать изъ себя новый приходъ, на основаніи новоизданныхъ законоположеній, починки на первыхъ порахъ почти всегда бываютъ безсильны. Ходятъ ко мнѣ ихъ депутаты по цѣлымъ годамъ, прося священника, а Консисторія, на основаніи новѣйшихъ законоположеній, обыкновенно отвѣчала на ихъ просьбы, что если они желаютъ имѣть у себя причтъ, то должны открыть приходъ, а для этого предварительно обязаны построить церковь и домы для причта, нарѣзать для него же землю въ указанной пропорціи и положить особое жалованье. И я самъ вынужденъ бывалъ утверждать такіе протоколы, по очевидности закона, но утверждалъ съ стѣсненнымъ сердцемъ, ясно сознавая, что въ этомъ случаѣ житейскому интересу двухъ лицъ, неизвѣстному будущему священнику и такому же псаломщику, приносятся въ жертву духовный интересъ сотень и тысячъ христіанскихъ душъ, а въ общемъ составѣ епархіи причиняется явный и великій ущербъ нашему призванію служить спасенію душъ, такъ какъ извѣстно, что починки дичаютъ въ религіозномъ отношеніи и нерѣдко совращаются въ расколъ, который, для удовлетворенія религіознымъ потребностямъ совращающихся, легко и скоро поставляетъ имъ поповъ Австрійскаго священія, или же безпоповщинскихъ отцовъ-начетчиковъ. Въ истекшіе годы я посѣтилъ всѣ самыя отдаленныя и самыя глухія мѣста Уфимской епархіи и видѣлъ пути, едва проѣзжіе лѣтомъ, а весною, осенью и зимою, безъ сомнѣнія совершенно непроѣзжіе, дикопустынные. Но пройденные мною пути лежали все же еще между благоустроенными уже приходами. Каковы же должны быть пути между деревнями и новыми починками? Въ одномъ такомъ приходѣ мѣстный священникъ, онъ же теперь благочинный, передавалъ мнѣ съ личнаго опыта поразительные разсказы о томъ, какъ онъ десятки лѣтъ сообщался, по требованію пастырскаго долга, съ поселками, которые на многіе десятки верстъ расположены по окраинѣ его прихода въ непроѣзжей лѣсной пустынѣ. „На телегѣ проѣхать нечего и думать; пѣшкомъ десятки верстъ взадъ и впередъ пройти трудно, да и опасно отъ звѣря, отъ лихого человѣка; ѣдешь верхомъ на лошади, дороги никакой, самой тропы незамѣтно; сучья лѣса хлещутъ по лицу, царапаютъ глаза, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и согнувшись на лошади проѣхать нельзя, нужно сойти на земь и проползти самому, да и лошадь провести подъ чащею. Ѣдешь, вдругъ

поваленное дерево лежитъ предъ тобою, нужно опять брать лошадь на поводъ и отыскивать обходъ около дерева. На пустынные страхи уже не обращаешь вниманія. А тутъ медвѣди даже подъ селомъ бродятъ. А впереди ждетъ тебя человѣкъ умирающій, христіанская душа, жаждущая послѣдняго напутствія. И это лѣтомъ. А зимой по этимъ пущамъ одинъ проходъ, только на лыжахъ". Въ подобныхъ условіяхъ начинать образованіе новыхъ приходовъ среди далеко отстоящихъ отъ церквей деревень или же новыхъ починковъ, съ предписываемыми новѣйшими законоположеніями касательно сего предмета требованіями о нарѣзкѣ земли, о назначеніи жалованья, о поставленіи причту домовъ, о построеніи церкви, съ требованіями обращаемыми къ людямъ, которые сами нерѣдко собственной земли не имѣютъ даже для своихъ могилъ, живутъ въ шалашахъ по лѣсамъ, пропитываются сами кое-какъ, часто и Христовымъ именемъ, очень не удобно, не говоря бо̀льшаго. А погибать имъ внѣ церкви также не годится. Естественны наоборотъ домогательства прихожанъ даже въ такомъ родѣ, что они, обязавшись нарѣзать причту землю, дать жалованье, построить причтовые домы и церковь и начавъ все это приводитъ въ исполненіе, обращаются ко мнѣ съ просьбами дать имъ священника. „Священникъ", говорятъ они и пишутъ въ прошеніяхъ и приговорахъ, „насъ самихъ направитъ, согласитъ, укрѣпитъ, и тогда дѣло пойдетъ несравненно стойче, быстрѣе и успѣшнѣе, когда церковь будетъ имѣть хозяина". А у причтовъ, согласіе которыхъ при семъ требуется на выдѣленіе изъ ихъ приходовъ новаго прихода, очень чувствительные интересы бываютъ противоположны религіознымъ нуждамъ прихожанъ и указаніямъ совѣсти мѣстнаго архіерея и архипастырскаго долга его печься о спасеніи душъ. Поразительныхъ примѣровъ въ доказательство этого можно бы представить немало. Такъ одинъ изъ священниковъ, командированный мною въ подобный починокъ, въ прошеніи ко мнѣ изображаетъ религіозное состояніе поселенцевъ: „Первымъ моимъ дѣломъ, по пріѣздѣ на мѣсто, пишетъ онъ, было желаніе познакомиться съ прихожанами, что̀ я и исполнилъ на первой недѣлѣ Великаго Поста. Прихожане всѣ Вятскіе выходцы, которые поселились на этихъ земляхъ не далѣе 6-ти лѣтъ, народъ большею частію бѣдный, живутъ одними заработками, чѣмъ и перебиваются съ куска на кусокъ; свой хлѣбъ имѣютъ не болѣе 40 семействъ, остальные же покупаютъ его. Приходъ со всѣхъ сторонъ окруженъ первобытными лѣсами, въ сосѣдствѣ съ Башкирами, Черемисами и раскольниками. Послѣдніе имѣютъ большое вліяніе на православныхъ, такъ что тѣ изъ православныхъ, которые поселились вмѣстѣ съ раскольниками въ одномъ починкѣ, перешли въ расколъ, чему много способствуетъ отдаленность отъ церкви, къ которой они были припи-

саны, къ тому же ещс за двумя рѣками, такъ что въ весенніе и осенніе мѣсяцы прихожане находились внѣ всякаго сообщенія съ церковью. Все это способствовало тому, что и остальные, за немногими исключеніями, стали холодны къ обрядамъ православной церкви. Были случаи, что я, по пріѣздѣ на приходъ, крестилъ младенца четырехъ мѣсяцевъ, служилъ панихиды по умершемъ (безъ отпѣванья) съ полгода назадъ, давалъ сороковыя молитвы женщинамъ, младенцамъ которыхъ уже окола года; большая часть прихожанъ не были въ церкви по году, по два и даже по пяти лѣтъ. Все это побудило меня какъ можно скорѣе озаботиться устройствомъ молитвеннаго дома, который на дняхъ и будетъ оконченъ, обзаведеніемъ священными вещами, изъ которыхъ необходимыя уже имѣются; но не имѣется богослужебныхъ книгъ, которыя пріобрѣсти покупкою здѣсь негдѣ, выписать же изъ Москвы хотя и возможно, но на это потребуется время". Жители этого починка, когда я разрѣшилъ имъ впредъ до построенія настоящей церкви освятить временную домовую, обратились ко мнѣ послѣ сего съ трогательнымъ адресомъ, въ которомъ пишутъ: „Болѣе шести лѣтъ тому, какъ мы прихожане Маркеловскаго починка, вынужденные крайнею бѣдностію, должны были оставить свою родину, Вятскую губернію, переселиться на жительство въ губернію Уфимскую. Самое глухое отдаленное мѣсто выпало на нашу долю для поселенія. Ближайшій городъ Уфа отстоитъ отъ насъ болѣе чѣмъ на 100 верстъ, ближайшее Русское селеніе болѣе, чѣмъ на 30 верстъ, и ближайшій храмъ Божій, болѣе чѣмъ на 45 верстъ. Наши поселенія окружалъ дѣвственный дремучій лѣсъ, иногда въ 18 сажень высотою, лѣсъ, простирающійся на сотни верстъ, въ которомъ не было другихъ путей сообщенія кромѣ тропинокъ, продѣланныхъ звѣрями. Едва ли нужно говорить, какую горькую нужду терпѣли мы въ исправленіи своихъ религіозныхъ потребностей. Лѣтомъ за десятки верстъ мы должны были ѣхать верхомъ на лошади до ближайшаго храма Божія въ селѣ Надеждинѣ, чтобы тамъ окрестить или пріобщить младенца, напутствовать больного, отпѣть умершаго или исправить другую требу христіанскую; зимою же и сообщеніе на лошади, по случаю глубокихъ снѣговъ, становилось невозможнымъ, и мы для исполненія тѣхъ же религіозныхъ потребностей должны были ходить на лыжахъ. Привыкнувъ на родинѣ каждый воскресный и праздничный день слышать звонъ церковный, молиться въ храмѣ Божіемъ, слышать службу Божію, мы, лишенные этого утѣшенія въ лѣсной глуши, горько плакались на судьбу свою. Для насъ и такіе великіе радостные праздники, какъ напр. Рождество Христово, Воскресеніе Свѣтлое, безъ службы Божіей, были нерадостны; они только увеличивали наше горе, слезами встрѣчали мы ихъ, въ слезахъ про-

вожали. Наконецъ мы не вынесли этой жизни, не вынесли жизни безъ храма Божія, и рѣшились обратиться къ вашему преосвященству съ покорнѣйшею просьбою дозволить намъ, въ центрѣ нашихъ поселеній, Маркеловскомъ починкѣ, устроить храмъ Божій и назначить причтъ къ нему. Не смотря на нашу бѣдность и малочисленность, вы не отвергли просьбы нашей, вняли слезамъ нашимъ милостиво, исполнили завѣтное желаніе наше и не только опредѣлили къ намъ для исправленія христіанскихъ требъ необходимый причтъ, но чтобы не лишить насъ Божественной литургіи, разрѣшили мѣстному благочинному, до устройства настоящаго храма Божія, освятить намъ молитвенный домъ нашъ во временную церковь. 25 Ноября сего 1879 года отцомъ благочиннымъ, въ сослуженіи трехъ священниковъ, при участіи хора пѣвчихъ, совершено освященіе нашего молитвеннаго дома во временную церковь. Послѣ долгой разлуки съ храмомъ Божіимъ, мы 25 Ноября въ первый разъ услышали звонъ церковный и перекрестились. Съ несказанною радостію спѣшили мы къ богослуженію, со слезами молились".

Подобное же нѣчто говорилъ мнѣ при посѣщеніи епархіи еще въ 1877 г. одинъ обѣднѣвшій очень образованный землевладѣлецъ: Религіозное состояніе мѣстности печально, крайне печально. Можете себѣ представить. Вотъ примѣрно я самъ прошу священника у архіерея, у консисторіи. Они вамъ отвѣчаютъ: „построй церковь", а священника не даютъ. Кое-какъ натянулъ свои средства и построилъ церковь. Прошу опять, дайте священника. Опять священника не даютъ. Говорятъ: „построй дома для священниковъ". Ну посудите, сами видите, откуда я возьму?. Не повѣрите, поистинѣ плакалъ горькими слезами, когда примѣрно въ Свѣтлый Христовъ день бывало не услышишь: Христосъ воскресе. Въ одну сторону до церкви 20 верстъ, въ другую сторону до церкви 40 верстъ. Да и какъ въ весеннюю пору проѣдешь по нашимъ дорогамъ? И такъ жили безъ священника цѣлые годы... Ужъ кое-какъ насилу-насилу собрался со средствами одолѣть эти дома для священнослужителей. И дождались службы Божіей. Теперь и живемъ и, дастъ Богъ, помремъ небасурманами... Такъ чего вы хотите отъ здѣшнихъ нехристей, чтобъ они обращались ко Христу, отъ здѣшнихъ крещеныхъ инородцевъ, въ сущности тѣхъ же нехристей, даже отъ здѣшнихъ Русскихъ, окруженныхъ нехристями, когда они живутъ и безъ церкви и безъ священника? А добыть священника такъ трудно. Ваши же не даютъ. Истинно говорю: бывало плачешь, горькими слезами плачешь"... Эта замѣчательная рѣчь тогда же записана мною дословно. Дѣлаются съ моей стороны попытки подобнымъ же способомъ организовать, какъ организованъ Маркеловскій починокъ, и

другіе починки или отдаленныя отъ приходскихъ церквей деревни въ приходы. По моему убѣжденію, въ здѣшней окраинѣ, гдѣ Русская православная вѣра съ Русскимъ народнымъ духомъ, во многихъ глухихъ углахъ еще только что впервыя прививается, и прививается подъ воздѣйствіемъ многихъ чуждыхъ и вредныхъ вліяній со стороны и мусульманской враждебности и языческой дикости и широко распространеннаго раскольническаго увлеченія, было бы желательно, благотворно и даже необходимо нѣкоторое благоснисходительное послабленіе въ приложеніи къ практикѣ новѣйшихъ законоположеній относительно постройки церквей съ образованіемъ новыхъ приходовъ. По мѣстнымъ условіямъ признается необходимымъ всячески облегчить образованіе новыхъ приходовъ въ предѣлахъ установленной новыми законоположеніями нормы, такъ чтобы приходы, имѣющіе приблизительно до 2000 душъ м. п. и выше, особенно при разбросанности приходскихъ поселковъ на большихъ разстояніяхъ, при одномъ священникѣ, были непремѣнно раздѣляемы, съ установленіемъ новаго центра для новаго прихода. Какое религіозное вліяніе можетъ имѣть настоятель священникъ, у котораго въ самомъ приходскомъ селѣ числятся 2000 душъ м. п., на поселки, отстоящіе отъ него и отъ церкви на 40 и болѣе верстъ, какъ это видится здѣсь нерѣдко? Весьма полезно въ эти новоустановленные приходскіе пункты командировать особаго священника для исполненія обязанностей приходскаго пастыря, съ тѣмъ, чтобы онъ на указанномъ мѣстѣ жительства по возможности исполнялъ чинъ круговаго богослуженія, какъ и другія пастырскія обязанности. При этомъ онъ самъ и прихожане быстро двинутся къ устроенію молитвеннаго дома, домашней церкви, а далѣе и настоящей церкви, и образуется приходъ. Если же затруднять мірянъ, живущихъ вдали отъ церкви, предписаніями епархіальнаго начальства, чтобы они сами, безъ руководства со стороны заинтересованнаго въ этомъ священника, построили церковь и дома для причта, нарѣзали землю, положили жалованье, то между мірянами прихожанами будущаго прихода всегда найдутся лица, которыя станутъ противодѣйствовать благому настоянію и разрушать добрую рѣшимость даже въ усердствующихъ изъ мірянъ, и первыми разстройщиками, чаще тайными, но нерѣдко и явными, являются причты старыхъ приходскихъ церквей. Слѣдствіемъ сего и являются мои усиленныя ходатайства предъ Св. Синодомъ объ открытіи новыхъ приходовъ.

Въ силу выше изъясненныхъ данныхъ съ 1877 по сей день (24 Февраля 1882 года):

1) испрошено разрѣшеніе Святѣйшаго Синода (о чемъ мною выше упомянуто) на открытіе вакансій помощника настоятеля, при одно-

штатныхъ церквахъ селъ Ляковъ, Афонасова, Останкова, Ильбахтина, Багряша, Алексѣевки (Ѳедотова), Налима, Можарова, Бижбуляка, Бакаловъ, Килеева, Елисаветина, Нагайбака, Надеждина (Куроѣдова) и Писарева (Никольскаго), всего 15 вакансій, въ инородческіе приходы, въ миссіонерскихъ видахъ съ тѣмъ, чтобъ на эти вакансіи были назначаемы священники изъ крещеныхъ инородцевъ. На эти вакансіи рукоположено пока только 8 священниковъ, а 5 вакансій остаются праздными за неимѣніемъ кандидатовъ.

2) Съ возведеніемъ церквей въ городахъ Стерлитамакѣ и Белебеѣ въ званіе соборовъ, испрошено разрѣшеніе Св. Синода на прибавленіе къ причтамъ того и другого изъ сихъ соборовъ второй вакансіи священника (кромѣ протоіерея). Итого открыты 2 новыя священническія вакансіи. Но и этого, особенно для г. Стерлитамака, оказывается мало.

3) Испрошено разрѣшеніе Св. Синода на раздѣленіе единственнаго въ г. Златоустѣ (1800 жителей и 15000—16000 православныхъ прихожанъ) прихода при соборѣ, на три, при существующихъ въ Златоустѣ церквахъ Трехъ-святительской и Петропавловской кромѣ собора. При семъ къ четыремъ существовавшимъ священническимъ вакансіямъ (считая и протоіерейскую) прибавлены всего двѣ новыя священническія вакансіи, изъ коихъ одна пока еще не занята.

4) Испрошено разрѣшеніе Св. Синода на открытіе новыхъ одноштатныхъ приходовъ при церквахъ, постройка которыхъ разрѣшена при моихъ досточтимыхъ предмѣстникахъ: 1) въ г. Мензелинскѣ при Тройцкой церкви въ Мензелинскомъ уѣздѣ, 2) въ селѣ Верхнемъ Акташѣ и 3) въ селѣ Маткаушѣ, въ Златоустовскомъ уѣздѣ, 4) въ селѣ Кувашахъ, 5) Веселомъ, 6) въ Барочной части Кусинскаго завода, 7) въ Минскомъ заводѣ и 8) въ селѣ Татьяновкѣ Стерлитамакскаго уѣзда. Итого открыто 8 приходовъ и столько же священническихъ вакансій.

5) Испрошено разрѣшеніе Св. Синода на открытіе 1) одной вакансіи помощника настоятеля при одноштатномъ приходѣ села Шмитовки-Андреевки (состоящемъ не менѣе какъ изъ 20 деревень, большею частью новыхъ поселеній) Стерлитамакскаго уѣзда; 2) одной же вакансіи помощника настоятеля къ трехъ-штатному приходу села Березовки на Камѣ, съ откомандированіемъ въ дальнія деревни, и 3) такой же одной въ тѣхъ же видахъ вакансіи, къ двухъ-штатному приходу села Касева Бирскаго уѣзда. Итого открыто три вакансіи помощниковъ настоятелей.

6) Испрошено разрѣшеніе Св. Синода на открытіе одноштатныхъ приходовъ: 1) въ Ново-Троицкомъ, 2) Маркеловскомъ и 3) Акташинскомъ починкахъ Уфимскаго уѣзда, среди новыхъ переселенцевъ и въ

селахъ: 4) Куганакѣ, 5) Ирныкшахъ (гнѣздилище раскола среди лѣсной пустыни) Стерлитамакскаго уѣзда. Итого открыто пять новыхъ приходовъ и пять священническихъ вакансій.

7) Испрошено разрѣшеніе Св. Синода на раздѣленіе двуштатнаго прихода села Ѳедоровки Стерлитамакскаго уѣзда съ открытіемъ новаго прихода въ селѣ Кузминовкѣ, съ переводомъ туда второго штата, бывшаго при церкви села Ѳедоровки (гнѣздилище Мордовскаго раскола).

Такимъ образомъ, съ разрѣшенія Св. Синода, по моему ходатайству (за 1877—1882 гг.) открыто во всей Уфимской епархіи 35 священническихъ вакансій (считая въ томъ числѣ 15 инородческихъ въ миссіонерскихъ видахъ).

Затѣмъ въ истекшемъ 1881 г. командированы вновь рукоположенные священники для исполненія приходскихъ обязанностей въ слѣдующіе пункты въ Уфимскомъ уѣздѣ: 1) Въ сельцо Біянку (въ 25 верстахъ отъ приходской церкви, гнѣздо раскола скопчества въ пустынѣ), 2) Ману-Гору (въ 40 верстахъ отъ приходской церкви, лѣсная пустыня, а ново-поселенцевъ уже много), 3) Дурасово (въ 25 верстахъ отъ приходской церкви; около этой мѣстности образовалось много новыхъ починковъ), 4) Серпіевку (въ 22 верстахъ отъ церкви, гнѣздо раскола), 5) Медвѣдерево (въ 18 верстахъ отъ церкви, большое поселеніе на большой дорогѣ), 6) Быковскій починокъ и 7) Троицко-Александровскій (новыя поселенія) въ Бирскомъ уѣздѣ: 8) въ Осиновку, 9) Сѣдяшъ (новыя поселенія), 10) Маядыкъ (въ 20 верстахъ отъ церкви за рѣкой), 11) въ деревню Тимошкину (въ 35 верстахъ отъ приходской церкви), 12) Кириніево (въ 22 верстахъ отъ церкви), 13) Дюртюили (въ 25 верстахъ отъ церкви, большая торговая пароходная станція на р. Бѣлой), 14) Столбовское (въ 40 верстахъ отъ церкви, въ лѣсной пустынѣ), 15) въ Біавашъ (въ 12 верстахъ отъ церкви, большое поселеніе въ лѣсной пустынѣ), 16) Есаулово и 17) Емашъ-Павловское (въ лѣсной пустынѣ на границѣ Пермской губерній и 18) Абызово (въ 22 верстахъ отъ церкви за рѣкой Уфой) въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ, 19) въ Кунакбаево (въ 18 верстахъ отъ Стерлитамакскаго собора), 20) въ Петропавловское (въ 22 верстахъ отъ церкви, на границѣ Оренбургской губерніи), 21) въ Романовку и 22) Егорьевку (новые переселенцы, гнѣздо скопчества), въ Белебеевскомъ уѣздѣ: 23) въ Кастеево (гнѣздо раскола), 24) въ Михайловку (новые поселенцы), 25) Вѣровку (въ 15 верстахъ отъ церкви, гнѣздо раскола) и 26) Воздвиженку въ 22 верстахъ отъ церкви, гнѣздо раскола), и въ Златоустовскомъ уѣздѣ: 27) въ Саліевку (на противопо-

ложномъ концѣ села Ярославки, простирающагося на 15 верстъ, гнѣздо раскола).

Такимъ образомъ въ истекшемъ 1881 году командированы вновь рукоположенные священники, для удовлетворенія религіозныхъ нуждъ народа, для поддержанія вѣры въ мѣстныхъ православныхъ населеніяхъ, всего въ 27 пунктахъ.

А какъ этотъ способъ поддержанія святой православной вѣры благополезенъ, съ какимъ восторгомъ принимается онъ мѣстнымъ населеніемъ, какъ быстро прививается и упрочивается, объ этомъ пусть скажетъ нижеслѣдующій адресъ на мое имя. Достопочтенный авторъ его Уфимскій городской голова членъ земства и значительный землевладѣлецъ этого края Дмитрій Семеновичъ Волковъ представляетъ въ своемъ лицѣ высшую мѣстную интеллигенцію, соединяя въ себѣ высшее образованіе съ широкою многолѣтнею наблюдательностію и непосредственнымъ обстоятельнымъ изученіемъ здѣшняго края и его условій.

„Ваше преосвященство, милостивый архипастырь и отецъ.

Въ Октябрѣ минувшаго 1881 г. я и крестьяне-переселенцы нѣсколькихъ селеній, водворившихся въ дачѣ принадлежащей мнѣ въ Надеждинской волости Уфимскаго уѣзда и смежныхъ съ нею, всего въ числѣ около 200 домохозяевъ, желая ознаменовать одушевляющія насъ чувства безпредѣльной признательности и любви къ почившему въ Бозѣ Императору Александру II, и въ виду насущной нужды въ устройствѣ церкви и прихода въ этой глухой, горной и лѣсной мѣстности, разобщенной отъ ближайшихъ приходовъ рѣками и отдаленностію разстоянія, ходатайствовали объ образованіи тамъ особаго прихода и о разрѣшеніи на содержаніе соединенными усиліями моими и крестьянъ, въ центрѣ означенной мѣстности, сельцѣ Троицкомъ храма во имя св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, въ вѣчное воспоминаніе о незабвенномъ Благодѣтелѣ Россіи.

Ходатайство это встрѣчено было живѣйшимъ сочувствіемъ со стороны вашего преосвященства. Въ настоящее время уже сдѣланы почти всѣ подготовительныя распоряженія къ сооруженію храма: подвезена крестьянами большая часть пожертвованныхъ мною строительныхъ матеріаловъ, устроены и обнесены оградами мѣста для церкви и особо для кладбища, отведены пожертвованныя мною, для обезпеченія церкви и причта, участокъ земли въ 33 десятины и мѣста подъ дома духовенства; собраны почти всѣ необходимыя церковныя принадлежности, пожертвованныя разными лицами и церквами; заказанъ иконостасъ; обусловлены подрядчики для немедленнаго, съ наступленіемъ весны, открытія работъ по постройкѣ церкви. За симъ, съ благословенія вашего преосвященства, уже открыто богослуженіе въ устроенной мною временной часовнѣ чрезъ рукоположеннаго вами особаго священника съ псаломщикомъ.

Дѣятельное сочувствіе, оказанное вашимъ преосвященствомъ къ осуществленію предпринятаго нами дѣла и распоряженія, неукоснительно сдѣланныя вами, вслѣдствіе моего ходатайства, къ образованію прихода съ постановленіемъ особаго священника для мѣстнаго населенія, удовлетворили его вопіющую духовную нужду.

Не зная условій мѣстности, трудно представить, до какой степени это было важно для дальнѣйшей судьбы населенія. При отдаленности отъ приходскихъ церквей, затрудительности сообщеній по непроѣзднымъ почти, горнымъ и лѣснымъ дорогамъ, при обширности существующихъ приходовъ, ставящей не рѣдко священниковъ въ невозможность своевременнаго отправленія церковныхъ требъ, крестьяне-переселенцы въ нашей мѣстности весьма часто умираютъ безъ исповѣди и св. причастія и остаются безъ христіанскаго погребенія, не говоря уже о томъ, что они почти лишены возможности удовлетворенія обыденныхъ религіозныхъ нуждъ и того утѣшенія и назиданія, которое дается постояннымъ общеніемъ съ церковью и ея представителями. Оставаясь въ такомъ безотрадномъ и заброшенномъ положеніи со времени переселенія со старины, многіе по 6—8 лѣтъ переселенцы естественно доходили до охлажденія и почти до индифферентнаго отношенія къ дѣлу религіи, такъ что многіе изъ нихъ по нѣскольку лѣтъ не были въ церкви и едва не утратили всякую связь съ нею; молодежь же и въ особенности дѣти, подрастающія на новыхъ мѣстахъ, не имѣли никакого представленія о церкви и религіи и росли почти въ дикомъ состояніи. Это тѣмъ болѣе было опасно, что въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ упоминаемой мѣстности, именно въ починкѣ Грязновомъ и нѣкоторыхъ другихъ, поселились раскольники разныхъ сектъ (въ томъ числѣ проклинающіе себя, отца, мать, день рожденія и проч.), а въ недальнемъ разстояніи находится цѣлое населеніе (Благовѣщенскій заводъ), состоящее главнымъ образомъ изъ раскольниковъ. Послѣдніе не замедлили завязать сношенія съ переселенцами нашей мѣстности, оставленными на произволъ судьбы, безъ всякой нравственной поддержки, безъ всякаго руководства. При такихъ условіяхъ понятно, почему крестьяне въ настоящее время, по назначеніи къ нимъ священника и открытіи богослуженія, прямо высказываютъ, что если бы они были оставлены безъ священника и церкви еще хоть одинъ годъ, то многіе изъ нихъ несомнѣнно отпали бы въ расколъ, что бы имѣть совмѣстно съ сосѣдними раскольниками хотя что либо похожее на богослуженіе.

Устройство прихода въ нашей мѣстности подоспѣло какъ разъ во время, что бы предупредить подобныя послѣдствія и встрѣчено было крестьянами съ живѣйшею радостію. До какой степени они нуждались въ этомъ и жаждали утѣшенія церкви въ своемъ темномъ и трудномъ на новыхъ мѣстахъ положеніи, говорятъ слѣдующія факты. Съ перваго же дня открытія богослуженія въ часовнѣ, это пространное, хотя пока еще убогое, зданіе почти каждую службу биткомъ наполнено молящимися, а иногда и не вмѣщаетъ всѣхъ, такъ что толпы стоятъ кругомъ часовни въ лѣсу, по колѣна въ снѣгу, съ откры-

тыми, не смотря на морозъ, головами, радостно прислушиваясь къ звукамъ церковнаго пѣнія; въ минувшій праздникъ Богоявленія, на водоосвященіе, совершенное на рѣчкѣ съ хоругвями, иконами и съ возможною торжественностію, стеклись почти поголовно всѣ переселенцы изъ разбросанныхъ въ лѣсахъ деревень, не исключая стариковъ и малыхъ дѣтей, и по словамъ очевидцевъ, трогательно было наблюдать ихъ радость и сердечное умиленіе. Къ священнику является множество крестьянъ обоего пола съ просьбами о молебнахъ, панихидахъ и объ исполненіи другихъ требъ; полудикія дѣти охотно начинаютъ учиться церковному пѣнію и грамотѣ у псаломщика, и уже теперь возникаетъ дѣтскій хоръ на клиросѣ часовни. Вообще въ религіозномъ положеніи и настроеніи крестьянъ обозначается масса отрадныхъ христіанскому чувству явленій, и надо видѣть съ какимъ благоговѣйнымъ чувствомъ эта сѣрая толпа падаетъ, какъ одинъ человѣкъ, на колѣни при пѣніи Отче Нашъ или при возглашеніи заупокойной молитвы о почившемъ Государѣ, совершаемой каждую службу, согласно приговора, поставленнаго крестьянами при самомъ началѣ сооруженія храма.

Въ виду всего выше изложеннаго, я, согласно заявленнаго мнѣ мѣстнымъ населеніемъ желанія, считаю своею обязанностію почтительно выразить вашему преосвященству сердечную признательность мою и крестьянъ за то теплое сочувствіе и ту могущественную поддержку, которыя оказаны вами дѣлу образованія прихода въ нашей мѣстности и уже начинаютъ приносить видимые плоды, подобно тому, какъ это произошло, благодаря вашей Апостольской ревности къ сему дѣлу, во многихъ мѣстностяхъ нашего края, находившихся въ подобныхъ же выше условіяхъ.

Заботы и усилія, предпринимаемыя вами въ этомъ направленіи, тѣмъ болѣе важны, и тѣмъ цѣннѣе и чувствительнѣе для населенія, что нашъ обширный и малоустроенный край, въ самомъ центрѣ котораго въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Уфы живутъ идолопоклонники, открыто совершающіе на холмахъ языческія жертвоприношенія, край, гдѣ по заводамъ цѣлыми тысячными массами живутъ раскольники всевозможныхъ сектъ, а по лѣсамъ разбросаны десятки тысячъ переселенцевъ вдали отъ священниковъ и церквей, гдѣ на каждую церковь приходится среднимъ числомъ почти по 3000 душъ населенія, называемаго православнымъ, чрезвычайно нуждается въ устройствѣ новыхъ храмовъ и въ усиленіи какъ численнаго состава духовенства, такъ и его просвѣтительной дѣятельности, и что вообще это дѣло въ нашемъ краѣ должно составлять первую и важнѣйшую заботу истиннаго архипастыря. Съ глубокимъ уваженіемъ и сердечною преданностію имѣю честь быть вашего преосвященства усерднымъ слугою Дмитрій Волковъ, землевладѣлецъ Уфимскаго уѣзда. 25 Января 1882 г.“

Къ сему неизлишне присовокупить, что когда я, по содержанію сего письма, имѣлъ честь вести личную бесѣду съ его досточтимымъ составителемъ Д. С. Волковымъ, я говорю ему: „Представьте, меня обнесли предъ высшею властію именно по поводу увеличенія мною церквей и приходовъ въ здѣшней епархіи“. „Помилуйте (возразилъ на

это мой собесѣдникъ) благотворнѣйшее и самонужнѣйшее дѣло. Что оно ведено не всегда съ соблюденіемъ формальностей, да какъ же иначе? Какъ епархіальное начальство отказало бы примѣрно мнѣ и новопоселенцамъ моего имѣнія, желающимъ имѣть у себя церковь неотложно? Вѣдь еслибъ дѣло вести по оффиціальнымъ формамъ, для этого понадобилось бы, по меньшей мѣрѣ, два года. А чрезъ 2—3 года, гдѣ еще я буду? Куда расползлись бы и мои поселенцы, не имѣя у себя ни церкви, ни священника? А теперь у насъ дѣло кипитъ и спорится".

Въ истекшемъ 1881 году я лично посѣтилъ сперва въ Бирскомъ уѣздѣ два такихъ пункта, гдѣ предположено вновь открытіе приходовъ и куда командированы священники, именно въ селахъ Біавашѣ (прихода села Сарсовъ) и Столбовскомъ (прихода села Бурмы). Эти многолюдныя новонареченныя села со множествомъ деревень расположены въ многоверстной лѣсной пустынѣ на самой границѣ Пермской губерніи; составились большею частію изъ новыхъ переселенцевъ, число которыхъ постоянно возрастаетъ. Народъ вездѣ встрѣчалъ меня, скажу по архіерейской совѣсти, съ восторгомъ и умиленіемъ. Благословляя новопоставленныхъ мною двухъ священниковъ (изъ малоученыхъ, но достойныхъ діаконовъ), всенародно рѣзко отзывались о прежнемъ священникѣ (села Сарсовъ, кончившемъ курсъ въ Семинаріи); „не только къ рукѣ (къ священническому благословенію) не подпущалъ, а и къ исповѣди не подпущалъ, такъ что многіе и померли, никогда въ жизни не исповѣдавшись". Отправленіе полнаго круга богослуженія, за исключеніемъ литургіи и браковѣнчанія, совершается въ селѣ Біавашѣ въ благолѣпно устроенномъ молитвенномъ домѣ, а въ селѣ Столбовскомъ въ просторной часовнѣ. Въ пѣніи и чтеніи участвуетъ самъ народъ. Постройка церкви разрѣшена и черезъ годъ, много черезъ два, будетъ приведена къ совершенію. А во вторую мою поѣздку по епархіи въ томъ же 1881 г., я посѣтилъ въ Белебеевскомъ уѣздѣ четыре такихъ пункта: въ селахъ Вѣровкѣ, Городецкомъ, Михайловскомъ и Воздвиженкѣ. Въ селѣ Вѣровкѣ уже совсѣмъ выстроена церковь и иконостасъ уже поставленъ; но пока еще церковь не освящена, хотя служба Божія, кромѣ литургіи, въ ней уже и совершается. Въ селѣ Городецкомъ встрѣчу намъ чинили въ часовнѣ, откуда мы ходили съ народомъ крестнымъ ходомъ на мѣсто закладки новой церкви, гдѣ въ моемъ присутствіи и совершенъ молебенъ съ водосвятіемъ. Народъ умолялъ меня перевести къ нимъ какъ можно скорѣе священника, и въ моемъ присутствіи упрашивалъ самого помощника настоятеля села Арябаша (куда они принадлежали приходомъ, въ разстояніи не менѣе 20 верстъ) перейти къ нимъ немедленно. Вѣдь народу во всѣхъ, не только въ религіозномъ, но даже въ экономическомъ отношеніяхъ, важно имѣть

приходскаго священника подъ руками, а не за 20, 35, 50, 70, 80 верстъ, какъ здѣсь было еще недавно, да по мѣстамъ есть еще пока и въ настоящее время. Такъ на этихъ дняхъ были у меня депутаты одной деревни, которую мы отписали отъ прихода села Юрмаша къ новооткрываемому приходу села Маны-горы, съ просьбою оставить ихъ по прежнему въ Юрмашскомъ приходѣ. Я возражаю депутатамъ: „помилуйте, вѣдь вамъ до Юрмаша 40 верстъ“. А они мнѣ на это: „да и до Маны-горы 40 верстъ. Къ Юрмашу хотя дорога хорошая, а къ Манѣ-горѣ дорога по болотамъ“.—„А ближе къ вамъ церкви нѣтъ?“—„Нѣтъ, батюшка, нѣтъ!“—„А сами устроить у себя церковь не можете?“—„Не можемъ, малодушны“. И это въ самомъ Уфимскомъ уѣздѣ, подлѣ самой Уфы (Юрмашъ въ 20 верстахъ отъ Уфы). Съ прискорбіемъ сердца просьба этихъ депутатовъ мною уважена. Въ селахъ Михайловскомъ и Воздвиженкѣ богослуженіе совершается въ благоукрашенныхъ молитвенныхъ домахъ, откуда мы ходили также крестнымъ ходомъ на мѣсто закладки церквей, для служенія молебствій съ водосвятіемъ. Народъ, особенно въ Михайловкѣ, пѣлъ при богослуженіи самъ съ великимъ усердіемъ. Здѣсь въ Михайловкѣ успѣли уже купить для священника и домъ прежде бывшаго помѣщика, и вывести каменный фундаментъ церкви. Всѣ горятъ великимъ радѣніемъ о церкви Божіей. Нужно только возгрѣвать это радѣніе, пока оно горитъ, а не тушить и не охлаждать. Въ настоящемъ 1882 году, въ наступающее лѣто, я предполагаю (Богу содѣйствующу) посѣтить по возможности всѣ пункты, гдѣ предполагается открыть новые приходы, и приму посильныя соотвѣтсвенныя мѣры къ доведенію этого важнаго дѣла до мирнаго и благополучнаго исхода. Такого, не иного, исхода и надѣюсь отъ милости Божіей, если только дѣло не будетъ задержано, или чѣмъ либо потрясено.

Но конечно были же и есть затрудненія, были и есть лица, затрудняющія это дѣло открытія новыхъ приходовъ. Конечно. Къ счастію и прискорбію, это лица не изъ благочестиваго народа, а нѣкоторыя духовныя лица изъ характерныхъ и своекорыстныхъ, да еще писаря, адвокаты и раскольники. Напримѣръ, въ Минскомъ заводѣ православный народъ домогался построенія церкви и открытія прихода; а другіе, склонные къ расколу, всячески затрудняли это дѣло. Нужно было употреблять особое вліяніе на однихъ, чтобъ оставались тверды въ благомъ намѣреніи, а на другихъ, чтобъ не успѣли разрушить благое начинаніе. Для чего я старался подѣйствовать на жителей этого завода, вообще склонныхъ къ расколу, чрезъ единовѣрческаго игумена Іоанна, уважаемаго въ краѣ. И благое начинаніе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: церковь освящена, приходъ открытъ и Св. Синодомъ утвержденъ,

назначенный туда священникъ изъ учителей (Малышевъ) полюбился народу. Другой примѣръ. Въ старомъ многолюдномъ, разбросанномъ приходѣ села Касева (гдѣ оказываются и расколъ, и скопчество) я еще съ 1877 года понялъ и указалъ нужду утвердить новый пунктъ для открытія новаго прихода. Но старый, корыстный и по мѣсту вліятельный настоятель (священникъ Цирк—ій) не только не находилъ выгоднымъ для себя посодѣйствовать осуществленію моей мысли, а даже употреблялъ глухія мѣры противодѣйствовать. Наконецъ, по полученіи письменнаго согласія настоятеля, какъ и всего причта, по моему представленію, Св. Синодомъ утверждена въ Касевскомъ приходѣ вторая вакансія помощника настоятеля, которому и предписано священствовать въ одной изъ многолюднѣйшихъ деревень прихода. Тогда удаленный отъ службы отставной Касевскій писарь, человѣкъ привыкшій имѣть вліяніе на мѣстныхъ крестьянъ, нимало не скрываясь, сталъ писать имъ заявленія на мое имя, что „нами де распорядились безъ нашего согласія“. Я употребилъ мѣру помедлить своимъ рѣшеніемъ на такія заявленія, и дѣло оканчивается полнымъ замиреніемъ. Посланный туда священникъ дѣйствуетъ, и прихожане умиротворяются, а чрезъ три года навѣрное выростетъ и новая церковь. Въ приходѣ Усть-Катавскаго завода, на два штата и двухъ священниковъ при одной церкви, имѣются въ разстояніи не менѣе 20 верстъ двѣ деревни съ населеніемъ болѣе 1000, и населеніемъ крестьянскимъ, а не заводскимъ. Жители этихъ деревень желали имѣть у себя особую церковь; старый настоятель сочувствовалъ ихъ желанію и даже самъ хотѣлъ перейти къ нимъ священникомъ; я всячески сочувствовалъ доброму дѣлу. Въ комъ же мы встрѣтили противодѣйствіе? Въ помощникѣ настоятеля, юномъ священникѣ Касимовскомъ, который, только что кончивъ курсъ въ здѣшней Семинаріи, былъ посвященъ мною къ церкви Усть-Катавскаго завода. Онъ сталъ убѣждать крестьянъ въ противномъ. Я говорю ему съ огорченіемъ: „зачѣмъ же вы это дѣлаете?“. А онъ отвѣчаетъ мнѣ на это съ улыбкою: „Тогда приходъ нашъ будетъ худъ“. Но въ деревню Сергіевку посланъ ново-рукоположенный священникъ и принятъ жителями благоохотно, гдѣ и дѣйствуетъ, и церковь строится, и приходъ сформируется. А тамъ онъ необходимъ: иначе эти деревни отпадутъ въ расколъ. Но самый странный примѣръ противодѣйствія духовенства моимъ мѣропріятіямъ утвержденія новыхъ приходовъ представляетъ протоіерей собора г. Златоуста Стефанъ Яхонтовъ. Въ г. Златоустѣ, кромѣ величественнѣйшаго собора, имѣются еще двѣ прекрасныя каменныя церкви, старинная Трехъ Святителей и новопостроенная каменная Петропавловская, да строится еще третья каменная Іоанно-Предтеченская. А причтъ на всѣ эти церкви одинъ соборный, состоящій изъ двухъ

протоіереевъ и двухъ священниковъ. Въ г. Златоустѣ жителей 18000, изъ нихъ православныхъ 16000; самъ причтъ показываетъ православныхъ прихожанъ 7500 душъ муж. пола. Второй протоіерей и священники, домогаясь увеличенія содержанія, заявили письменно, что обременены работою, трудясь день и ночь. Учебное вѣдомство заявило, что соборный причтъ не можетъ удовлетворять запросу на трудъ законоучительства. Между тѣмъ лишь только я поставилъ вопросъ о раздѣленіи соборнаго прихода, то встрѣтилъ въ протоіереѣ Яхонтовѣ рѣзкое на письмѣ и на словахъ противодѣйствіе. Я говорю ему: „Помилуйте, о. протоіерей. Сочтите. Въ Уфѣ всего 22000 жителей. Православныхъ показывается всего 7000 съ чѣмъ-то муж. пола. А вѣдь въ Уфѣ архіерейскій домъ, каѳедральный соборъ, два монастыря, мужской и женскій, 8 приходскихъ церквей, 2 кладбищенскихъ, 5 домовыхъ церквей, и все духовенство сыто“. А на это мнѣ о. протоіерей Яхонтовъ пылко возражаетъ: „Такъ у насъ было искони. Никому не приходило на мысль разрушать этотъ порядокъ. Всѣ святители тутъ бывали. Разрушить приходъ легко, а собрать будетъ трудно. Я скорѣе уйду въ отставку, чѣмъ соглашусь на это“ и т. п. Да и вопросъ о раздѣленіи этого прихода не я поставилъ. Онъ поставленъ вторымъ протоіереемъ Златоустовскаго собора Комаровымъ. Его поддержали своимъ ходатайствомъ Златоустовскій городской голова и градская дума. Раздѣленіе приходовъ въ г. Златоустѣ, по моему представленію, Св. Синодомъ утверждено. Къ прежде бывшимъ двумъ протоіереямъ и двумъ же священникамъ г. Златоуста на дѣлѣ прибавленъ пока только одинъ, а вновь открыто только двѣ священническія вакансіи. Но доходятъ до меня свѣдѣнія, что, не смотря на мою терпѣливость, о. протоіерей Яхонтовъ пока не умиротворяется... Тѣмъ не менѣе полагаю, что еще полгода или годъ твердости, и дѣло станетъ твердо.

Но при этомъ я ставилъ „безнравственныхъ священниковъ“. Какъ по обломку древней колонны судятъ объ орденѣ, къ которому она принадлежитъ, такъ по этому жестокому выраженію сужу, что оно сошло съ пера какого либо свѣтскаго озлобленнаго лица. У священника, конечно даже озлобленнаго, не повернулся бы языкъ сказать о своей братіи „безнравственные священники“. По моему инстиктивному чутью, это жестокое выраженіе принадлежитъ тому жестокому свѣтскому фарисейству, которое привыкло кричать на свое отечественное православно-русское духовенство: „наше духовенство безнравственно“; которое, даже хорошо зная притчу Спасителя, смѣло кидаетъ самыми тяжелыми камнями осужденія другихъ, само обремененное несчетными грѣхами, которые только въ духовенствѣ, а не въ себѣ и считаетъ грѣхами. Анонимъ указалъ какъ на самыхъ безнравственныхъ, на 1) діа-

кона Мензелинскаго собора Борецкаго, два раза судившагося за буйные поступки съ воспрещеніемъ въ оба раза священнодѣйствія; 2) діакона Уфимскаго собора Архангельскаго, судившагося за прелюбодѣяніе и 3) юнкера Никитскаго (сына члена Консисторіи священника-протоіерея Никитскаго), выгнаннаго изъ военной службы за воровство. Дѣйствительно діаконъ Илія Борецкій два раза судился, одинъ разъ за нанесеніе побоевъ крестьянину, а другой разъ за нетрезвость, соединенную съ буйствомъ, въ оба раза еще до моего прибытія. Но въ мою бытность онъ велъ себя уже безукоризно, совершенно отказывая уже себѣ нѣсколько лѣтъ въ употребленіи вина, и главнымъ образомъ, вслѣдствіе болѣзненности, вслѣдствіе склонности къ желчной лихорадкѣ. При обозрѣніяхъ епархіи я два раза лично встрѣчался съ нимъ и видѣлъ его около себя по нѣскольку дней сряду, такъ какъ онъ, обладая прекраснымъ выработаннымъ голосомъ (басомъ) и безукоризненною манерою священнослуженія, ѣздилъ со мною по Мензелинскому уѣзду для участія въ архіерейскомъ священнослуженіи. Въ первый разъ въ 1878 г., по настоянію Мензелинскаго протоіерея, онъ, діаконъ Борецкій, переведенъ мною къ Мензелинскому собору на діаконскую вакансію. А послѣ второй поѣздки въ 1880 г. поставленъ, по крайней нуждѣ, и во священника въ ново-открытый, съ разрѣшенія Св. Синода, приходъ села Маткауша, такъ какъ онъ, діаконъ Борецкій, при другихъ качествахъ безупречности поведенія и благовоспитанности обращенія, оставилъ во мнѣ впечатлѣніе человѣка, богато надѣленнаго даромъ природнаго ума, наблюдательности, остроумія, юмора, вообще богато одаренной широкой Русской натуры. Тѣмъ не менѣе, вызвавъ его къ рукоположенію, я предварительно прочиталъ ему отеческую ноту, объяснивъ, что въ санѣ священника, если только онъ будетъ имѣть несчастіе обнаружиться со стороны прежнихъ буйныхъ склонностей, ему тяжелѣе будетъ ходить безъ рясы, подъ запрещеніемъ, чѣмъ въ санѣ діакона, и взялъ съ него обѣтъ вести себя также безупречно, какъ онъ ведетъ себя въ послѣдніе годы. Онъ таковой обѣтъ произнесъ и удостоенъ священства, по заповѣди Спасителя: пріидохъ призвати грѣшника на покаяніе. Теперь вотъ уже болѣе года кромѣ добраго ничего о священникѣ Иліи Борецкомъ не слышно, чѣмъ, надѣюсь, милость Божія не престанетъ радовать и на будущее время. Иначе будетъ приложенъ къ нему тѣмъ строжайшій архіерейскій судъ, чѣмъ больше явлено ему милости и благоснисхожденія. Донося, что испр. долж. псаломщика Уфимской градской Троицкой церкви Василій Архангельскій ведетъ себя отлично хорошо и по должности всегда исправенъ, настоятель этой церкви ходатайствовалъ о рукоположеніи его Архангельскаго въ санъ діакона. Находя, что въ Троицкой церкви пѣвческій

хоръ имѣется и организованъ тѣмъ же Архангельскимъ, я далъ свое согласіе. По справкѣ оказалось, что Архангельскому исполнилось тогда 24 года, и что по оговору въ 1876 г. крестьянина Р—го въ растлѣніи его дочери онъ, Архангельскій, (будучи еще внѣ города Уфы въ селѣ) былъ судимъ, но по суду по бездоказательности оправданъ. А какъ по Апостольскому правилу 25 только обличенный въ блудодѣяніи извергается отъ священнаго чина, то Архангельскій и удостоенъ священнаго діаконскаго чина, какъ весьма способный къ священному служенію, обладающій отличнымъ голосомъ и хорошимъ знаніемъ церковнаго пѣнія. Теперь онъ безукоризненно исполняетъ должность иподіакона при каѳедральномъ соборѣ, всегда на виду у начальствующихъ лицъ. Вотъ справка изъ послужного списка и Сергія Никитскаго, нынѣ священника, при рукоположеніи его: „Сынъ священника, отъ роду имѣетъ 24 года. По увольненіи изъ класса Уфимской Духовной Семинаріи, въ службу вступилъ въ пѣхотный Ревельскій полкъ рядовымъ, изъ вольноопредѣляющихся, съ прикомандированіемъ къ 7 запасному пѣхотному баталіону 1876 г. Августа 1-го. Уволенъ въ запасъ 1878 г. Сентября 20-го, срокомъ по 1 Августа 1890 г. Распоряженіемъ г. Казанскаго губернатора опредѣленъ по прошенію въ штатъ Губернскаго Правленія, съ откомандированіемъ его для занятій въ Казанское городское полицейское управленіе 1879 г. Ноября 9-го. Распоряженіемъ г. губернатора уволенъ по прошенію отъ службы въ отставку 1880 года Февраля 13. Опредѣленъ по прошенію къ Градо-Уфимской Предтеченской церкви испр. долж. псаломщика, 28 Февраля 1880 г. Въ походахъ, штрафахъ, подъ слѣдствіемъ, судомъ и въ отпускахъ не былъ; въ отставкѣ былъ съ 13 Февраля по 28 Февраля 1880 г. Женатъ первымъ бракомъ на дѣвицѣ Пульхеріи Алексѣевой, дочери діакона города Казани“. Правда заключается въ томъ, что этотъ Никитскій, сынъ городского священника, нынѣ протоіерея, увлекся мечтою о свѣтскомъ, особенно блестящемъ военномъ званіи, почему и оставилъ Семинарію добровольно. Но впослѣдствіи, усмотрѣвъ, что военная служба въ нижнихъ чинахъ даетъ много чернаго труда, а мало отличій, сталъ вздыхать объ оставленномъ духовномъ званіи; по природному къ нему влеченію, будучи еще свѣтскимъ, женился на дочери діакона, да затѣмъ и прибѣгъ подъ покровъ отца родного, способнѣйшаго изъ членовъ Консисторіи, обладающаго всѣми достоинствами духовнаго пастыря, и умнаго, и честнаго, и неустанно трудолюбиваго. Какъ было не уважать отца въ сынѣ? А тяжкое нареканіе на сына въ кражѣ недостойная сплетня. Такія лица какъ Борецкій, Никитскій, правда, посвящались въ санъ священства по недостатку кончившихъ курсъ въ Семинаріи; но кончившіе курсъ и не пойдутъ въ новооткрываемые приходы. Да

по моему убѣжденію они тамъ и негодны. Негоденъ кончившій курсъ въ Семинаріи, знающій себѣ цѣну, для житья въ курной избѣ, на мѣстѣ, гдѣ все нужно устроить. Тамъ онъ предъявилъ бы слишкомъ много претензій, гдѣ наоборотъ нужны самоотверженія, терпѣливость, всяческая уступчивость, довольство малымъ, привычка къ нуждѣ и мозолистому труду. Тамъ онъ обнаружитъ мало житейскаго такта, гдѣ наоборотъ нужна большая житейская опытность, умѣнье приладится къ новымъ условіямъ, пріобрѣтенная жизнью покладливость приласкаться къ людямъ и т. п. Семинаристъ скорѣе разоритъ благое начинаніе новаго прихода, чѣмъ устроитъ; не упорядочитъ, не утвердитъ, гдѣ все нужно и создать, и терпѣливо направить, и настойчиво укрѣпить. Для семинариста такое дѣло было-бы только непосильнымъ испытаніемъ, тогда какъ для старослуживаго діакона-псаломщика, рукополагаемаго во священника, оно высокое призваніе, оно честь, оно почетная радостная награда за многолѣтнее, полное труда и лишеній, служеніе. По моему стократно повторяемому выраженію, такой незатѣйливый, невзыскательный, опытный и осмотрительный священникъ „поживетъ годъ, другой, третій и насидитъ мѣсто“, которое со временемъ будетъ годно и для семинариста. А семинаристъ что! Тому сразу же подай милый коттэджъ со всѣми прелестями идилліи... Нѣтъ, изъ нихъ въ годы пастырскаго служенія вырабатываются добрые пастыри; но по постриженіи во священство прямо изъ за скамьи въ большинствѣ плохіе они пастыри, какихъ можно только терпѣть въ надеждѣ будущаго добраго пастырскаго дѣланія, вслѣдствіе бо́льшаго умственнаго развитія.

„*Улучшеніе быта духовенства не входитъ въ программу епископа Никанора*“. Неправда. И оправдываться я не сталъ бы противъ этой клеветы, если бы не имѣлъ счастливой возможности оказать на нѣкоторые свои по этой части особые труды, особыя предпріятія и особыя заслуги. Въ самой первой привѣтственной рѣчи мѣстному духовенству, по прибытіи моемъ въ Уфу, я между прочимъ говорилъ: „То, что̀ сдѣлано въ другихъ епархіяхъ для улучшенія быта духовенства, то будетъ сдѣлано по возможности и здѣсь. Никакой мѣры къ улучшенію собственно матеріальнаго быта духовенства я съ своей стороны не стѣсню, хотя признаюсь и не раздѣляю розовыхъ надеждъ, что мы дождемся извнѣ способовъ къ значительному разомъ улучшенію своего матеріальнаго положенія. Государство безсильно сразу поднять такую тягость. Іерархію обязана содержать община, исповѣдующая религію іерархіи; такъ было и будетъ на всей широтѣ земли, на всемъ пространствѣ обще-человѣческой исторіи. Христіанскому священству придется впередъ, какъ и приходилось всегда назади, жить Моисеевымъ-апостольскимъ способомъ собственнаго продовольствія, протягиваніемъ

руки за полученіемъ доброхотныхъ даяній съ доброхотнымъ предложеніемъ своего священническаго труда. И позорнаго въ этомъ способѣ предложенія труда и вознагражденія за него, при характерѣ полнѣйшей доброхотности, я не нахожу ничего, потому что не стыдились протягивать за доброхотными даяніями руку Моисей и Іисусъ Христосъ, ни Мельхисидекъ и Ааронъ, ни Апостолъ Павелъ и Златоустъ. Усиливайтесь достигнуть того, чтобъ общество сознало и почувствовало, что трудъ вашъ приноситъ ему дѣйствительную пользу,—и съ голоду, въ наши дни, когда вѣра еще крѣпка и церковь тверда, не умрете. Позорно быть мытарями, собирающими съ народа дань неправедную; но не стыдно, напротивъ почетно, быть труженниками, собирающими мзду праведную и заслуженную за праведный, благоугодный, доброхотно предложенный и доброхотно же принятый трудъ. Жаль, что общество съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряетъ сознаніе, что мы для него даже съ своимъ трудомъ, а не только съ нашею небрежностію дѣйствительно полезны. Улучшайте, на сколько отъ васъ, зависитъ, а зависитъ это отъ васъ весьма существенно, улучшайте бытъ народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно улучшайте свой собственный бытъ. Учите народъ, благолѣпно священнодѣйствуйте для него, будьте проводниками въ народъ всякой свѣтлой идеи, всякаго благого истинно-христіанскаго начинанія. Надѣюсь, что церковное учительство возникнетъ и твердою ногою станетъ у насъ въ ходу, общими нашими усиліями; учительство въ народѣ,—это спеціальное призваніе духовенства, это неотложное требованіе нашего времени. Надѣюсь, что установленный св. отцами чинъ богослуженія мы поддержимъ въ благолѣпномъ назидательномъ, а не соблазнительно-прискорбномъ, отъ нашей небрежности, видѣ; повѣрьте, строгій благолѣпный чинъ богослуженія есть необходимость для нашего народа; въ церкви для народа и училище, и назидательное зрѣлище, и храмъ, и прибѣжище опоры и упокоенія, отрады и утѣхи многомятежнаго обремененнаго трудами и житейскими попеченіями народнаго духа. Надѣюсь, вы всѣ сознаете крайнюю необходимость того, чтобы проявленія нашего поведенія были назидательны для народа, а не соблазнительны, чтобы священникъ являлся въ народѣ живымъ носителемъ идей высшаго, святого, нравственнаго, благотворнаго, поучительнаго, а не распущеннаго, растлѣвающаго, безобразнаго, отталкивающаго, возмущающаго всенародное чувство“.

Сребра и злата настолько, чтобъ обогатить все Уфимское духовенство, нѣсть у меня; но еже имамъ, то я охотно, усердно и не безъ успѣха раздавалъ направо и налѣво, кому могъ. Такъ: 1) благотворное вліяніе мое на Уфимскую Духовную Семинарію, которая много лѣтъ не знала внутренняго мира и строгаго порядка, признано высшею

властью. Семинарія нынѣ признана одною изъ лучшихъ въ Россіи. 2) Приписываю своему вліянію ту весьма важную перемѣну и въ Уфимскомъ Духовномъ Училищѣ, что его ученики, которыхъ я засталъ неопрятными, неблаговоспитанными бурсаками, стали при мнѣ совершенно порядочными дѣтьми, чистыми, благонастроенными. Участвуютъ въ отправленіи богослуженій постояннымъ пѣніемъ въ Крестовой церкви и каѳедральномъ соборѣ. Поведеніе училища безупречно. Ученіе идетъ въ строгомъ порядкѣ. Подъ неустаннымъ моимъ надзоромъ, при ежедневныхъ почти личныхъ моихъ посѣщеніяхъ, возводится хозяйственнымъ способомъ прочное массивное и красивое зданіе духовнаго училища, которое и доведено теперь до крыши. По отстройкѣ его старое училищное зданіе предположено превратить въ конвиктъ для своекошныхъ учениковъ. 3) Епархіальное женское училище, которое до меня жило и дѣйствовало кое-какъ подъ разнородными и нерѣдко разнорѣчивыми вліяніями, при мнѣ, при настойчивомъ моемъ вниманіи, выросло и окрѣпло въ настоящее упорядоченное среднеучебное женское заведеніе. Самое зданіе училища увеличено значительною каменною надстройкою второго этажа надъ однимъ изъ флигелей, съ перенесеніемъ училищной церкви. Эта надстройка и производилась при постоянныхъ моихъ личныхъ посѣщеніяхъ; и капиталъ для нея, болѣе 4000 руб., изобрѣтенъ мною, а духовенство не дало пока на нее ни одной сотни руб. 4) Вліяніе мое на Уфимскую Духовную Консисторію поставлено въ томъ, что въ нее при мнѣ, какъ и во все епархіальное управленіе, проникло больше свѣту, прозрачности, очевидности для всѣхъ соотвѣтствія мѣропріятій съ законами, что̀ отразилось на духовенствѣ конечно многими полезными результатами, но, сознаться слѣдуетъ, и развитіемъ въ подвѣдомыхъ мнѣ лицахъ духа дерзновенія до нѣкоторой крайности въ надеждѣ, что о немъ какъ и обо всемъ, будутъ судить все же въ предѣлахъ законной правды. 5) Существовавшему при Уфимскомъ женскомъ монастырѣ свѣчному заводу дано обще-епархіальное значеніе, причемъ и монастырь теперь имѣетъ у себя капитальную доходную статью, и на нужды духовно-учебныхъ заведеній выручается изъ отчисляемой части отъ свѣчной продажи ежегодный капиталъ свыше 3000 руб. 6) Бирская женская община, по моему ходатайству, переименована въ женскій монастырь, такъ что къ прежде существовавшимъ двумъ женскимъ монастырямъ при мнѣ прибавился третій. 7) Ново-созидаемый Камско-Николаевскій монастырь, заложенный до меня лѣтъ за 25, найденъ мною въ странномъ видѣ какого-то полубарскаго дома или хутора, съ однимъ монахомъ и безъ единаго даже послушника. Нынѣ въ немъ устроены отличная домовая церковь, особая колокольня, монашескія кельи и проч. Братство состоитъ изъ двухъ

іеромонаховъ, священника, іеродіакона и послушниковъ. Все учрежденіе приписано къ Уфимскому Успенскому монастырю съ наименованіемъ: Камско-Николаевское подворье Уфимскаго Успенскаго монастыря. Въ существѣ дѣла, это равняется учрежденію второго мужскаго монастыря въ Уфимской епархіи. Въ истекшемъ 1881 году эта церковь освящена и святая обитель открыта мною лично. 8) До меня въ Уфимской епархіи существовали соборы: въ Уфѣ каѳедральный, въ г.г. Мензелинскѣ, Бирскѣ и Златоустѣ; при мнѣ переименованы въ званіе соборовъ церкви въ г.г. Стерлитамакѣ и Белебеѣ. 9) Открытъ отдѣлъ миссіонерскаго общества. Всѣ священники епархіи—члены миссіонерскаго общества. Жаль, что свѣтское общество равнодушно къ распространенію и утвержденію христіанской вѣры. 10) По всей епархіи до послѣднихъ угловъ учреждены и учреждаются училища, гдѣ священники работаютъ то какъ учредители, то какъ законоучители, то какъ наблюдатели за преподаваніемъ закона Божія. 11) Во всѣхъ церквахъ епархіи, съ самыми незначительными исключеніями, утверждается хоровое пѣніе; въ нѣкоторыхъ приходахъ заведено даже общенародное церковное пѣніе, каковое я всячески поощряю. 12) Примѣръ къ развитію хороваго пѣнія подается каѳедральнымъ архіерейскимъ хоромъ, который доведенъ въ численномъ составѣ до 50 отборныхъ пѣвцовъ, подъ управленіемъ трудолюбиваго способнаго и знающаго дѣло регента, подъ моимъ собственнымъ руководствомъ, такъ какъ я съ ранняго дѣтства изучалъ церковное пѣніе и не оставлялъ непосредственно упражняться въ руководствѣ пѣвческими хорами во всю мою служебную жизнь съ 1856 и по сей 1882 годъ. Подъ моимъ непосредственнымъ руководствомъ каѳедральный хоръ, въ составѣ нерѣдко до 50 пѣвцовъ, исполняетъ хоровое пѣніе, о которомъ видѣвшіе и слышавшіе многое въ Россіи членъ-ревизоръ С. В. Керскій, чиновникъ сенаторской ревизіи и многіе другіе произносятъ приговоръ: „какъ нигдѣ въ провинціи, ни даже въ И-мъ соборѣ“. 13) Вообще нашъ обширный каѳедральный соборъ, нынѣ заново расписанный, по звучности и по стройности пѣнія, по голосистости и выработанной манерѣ протодіакона и діаконовъ, по дружному и стройному дѣйствованію всѣхъ сослужащихъ, начиная отъ каѳедральнаго протоіерея, по благолѣпію священныхъ утварей и нарядности облаченій, поставленъ, могу сказать, не только вполнѣ благопристойно, а даже великолѣпно, какъ не во многихъ мѣстахъ. Средства содержанія соборнаго причта, какъ и каѳедральнаго архіерейскаго хора, при мнѣ упрочены надолго, расширеніемъ крестнаго хода, по значительной части Уфимской епархіи, для обношенія общечтимой соборной святыни Казанскаго образа Приснодѣвы Богородицы. При существованіи большого каменнаго дома для помѣщенія

соборнаго причта, нынѣ вновь строится прекрасный деревянный домъ собственно для каѳедральнаго протоіерея и ключаря, для болѣе просторнаго и удобнаго размѣщенія и остальной соборной братіи въ остальныхъ помѣщеніяхъ. 14) Дѣлаемо все возможное съ моей стороны и сдѣлано многое для улучшенія быта и сельскаго приходскаго духовенства. Не безуспѣшныя настоянія предъ обществами, предъ земствами, предъ гражданскою властію дѣлаются по вопросамъ о постройкѣ церквей, помѣщеній для училищъ и пособій онымъ, для благоустройства кладбищъ, постройки, поддержанія домовъ для причтовъ, отвода земель, назначенія и уплаты приходами жалованья и т. д. Губернаторъ и вицегубернаторъ мнѣ говорятъ: „Зачѣмъ вы намъ пишете о побужденіяхъ строить для причтовъ дома, уплачивать назначенное жалованье? Мы не можемъ побуждать, не наше дѣло“. И ревизоръ сенаторъ замѣтилъ, что это не наше дѣло. А главное, такія побужденія безплодны. А я имъ на это отвѣчаю: „Вы не сознавайтесь ни даже сами себѣ, что ваши побужденія безплодны. Это дурно дѣйствуетъ на народъ. Народъ пока еще видитъ въ васъ великую и грозную власть. Еще пока вѣритъ въ васъ, что вы можете еще много сдѣлать. Мы вамъ пишемъ; вы предпишете исправнику, становому; исправникъ, становой нашумятъ на общество, глядишь,—что нибудь и сдѣлается. Если же сознаться передъ общественниками прямо и прямо изъясниться, что даже вы не можете побуждать ихъ къ этому, ну тогда нужно и руки опустить. Тогда общественники пойдутъ, какъ обыкновенно бываетъ, дальше вашего самосознанія и рѣшатъ, что они и не обязаны ничего этого дѣлать: ни строить духовенству дома, ни платить жалованье, ни отводить землю и т. д.“. Когда одно изъ уѣздныхъ земствъ надумало отказать въ дарованномъ правѣ благочиннымъ, духовнымъ судебнымъ слѣдователямъ пользоваться безмездно земскими лошадьми, я сейчасъ же отнесся лично къ гг. губернатору, предводителю дворянства, предсѣдателю и другимъ дѣятелямъ земства, и дарованное право было отстояно. 15) Уфимское духовенство еще должно будетъ оцѣнить мое умѣнье, при помощи Божіей, жить не только въ добротѣ, а даже въ дружескомъ согласіи съ старѣйшими представителями свѣтской власти. А это въ очень разнообразныхъ отношеніяхъ отражается на благосостояніи духовенства. Еще въ 1858 г., святитель Московскій Филаретъ мнѣ преподалъ наставленіе: „Всегда нехорошо, когда архіерей не ладитъ съ свѣтскою властію. Когда свѣтскіе, какъ говорится, не достаютъ по коню, такъ бьютъ по оглоблямъ“. 16) Почти всѣ по епархіи приходскія попечительства возникли при мнѣ, и нѣкоторыя начинаютъ дѣйствовать. 17) При мнѣ же своеволіе нѣкоторыхъ вліятельнѣйшихъ старостъ церковныхъ обуздано. А радѣтельные старосты преусердно и пренастойчиво

награждаются, насколько это зависитъ отъ моего вліянія. 18) Всѣ благочестивые ревнители благолѣпія храмовъ Господнихъ также преусердно и пренастойчиво награждаются. Я признавалъ бы необходимымъ усилить способы награжденія благотворителей храмовъ Господнихъ и духовенства, особенно же церковныхъ старостъ. 19) Что касается наградъ духовенству, служащимъ въ Консисторіи и духовно-учебныхъ заведеніяхъ, то эти награды раздавались при мнѣ щедрою рукою. Я не засталъ въ Уфѣ ни одного ордена Анны 2-й степени; а мною исходатайствовано 6 такихъ орденовъ и два ордена Св. Владимира, одинъ 4-й, а другой 3-й степени. Прочія награды раздавались по мѣрѣ пониженія степеней, въ возрастающей прогрессіи. 20) Наконецъ при мнѣ духовенство работало усердно и для общества вспоможенія больнымъ и раненымъ воинамъ, и это усердіе признано исходатайствованіемъ для подвѣдомыхъ мнѣ лицъ въ Уфимской епархіи до 100 знаковъ Краснаго Креста. По всему этому думаю, и по чувству моему знаю, что я не врагъ, а другъ и братъ и не послѣдній по рачительности стражъ духовнаго и вещественнаго благосостоянія подвѣдомаго мнѣ духовенства, что я не даромъ называюсь милостивымъ архипастыремъ и отцомъ.

Въ заключеніе, развѣдывая вопросъ всесторонне, полагаю, что разсматриваемый Анонимъ писанъ не духовными лицами, а свѣтскою кликою газетныхъ корреспондентовъ и разныхъ поднадзорныхъ лицъ въ г. Бирскѣ, при участіи развѣ мятежнаго священника Адамантова, котораго два родныхъ брата служатъ столоначальниками въ Консисторіи, уличеннаго святотатца, и еще одного завѣдомаго корреспондента Церковно-общественнаго Вѣстника, попавшаго подъ слѣдствіе за небрежное храненіе покраденныхъ церковныхъ суммъ. По крайней мѣрѣ, эта клика, громко приписывая себѣ удаленіе изъ Уфы г-на губернатора П. Пл. Шрамченко, за столкновеніе яко-бы съ священникомъ Адамантовымъ, громко шумѣла потомъ, что подвергнетъ и меня той же плачевной участи изгнанія изъ Уфы, почему она дѣйствуетъ и пакоститъ мнѣ пасквилями и газетными кореспонденціями; она же наконецъ пустила и анонимные доносы по начальству. А это гнѣздо совмѣщаетъ въ себѣ весьма неблагонадежные элементы.

ИЗЪ БУМАГЪ Я. М. НЕВѢРОВА [1]).

Письмо И. М. Снегирева.

Милостивый государь Януарій Михайловичъ.

Душевно благодарю васъ за дружеское ко мнѣ вниманіе въ бытность мою въ С.-Петербургѣ, гдѣ я встрѣтилъ васъ, какъ родного. Примите отъ меня вмѣстѣ съ признательностію новое изданіе Жизни М. Платона; первая часть осталась безъ перемѣны, а вторая вновь напечатана со многими дополненіями и перемѣнами. Нѣкоторыя обстоятельства, какъ я думаю, должны войти въ составъ Исторіи. Безъ меня многое объ этомъ осталось бы потерянным, скажу безъ самохвальства. Самъ многому очевидецъ, я ихъ повѣрялъ съ его современниками и свидѣтелями. Покорнѣйше прошу доставить по экземпляру прилагаемыхъ здѣсь книгъ г-ну Комовскому, съ которымъ я столь неожиданно и столь пріятно встрѣтился у васъ въ редакціи [2]), и г-ну Краевскому, котораго прошу извинить меня, что не успѣлъ у него быть въ назначенное время; потому что въ этотъ день утромъ выѣхалъ изъ С.-П. въ любезную Москву, гдѣ нетерпѣливо ожидало меня семейство мое. Извѣстную вамъ статью мою я посылаю г-ну Сербиновичу. Съ истиннымъ почтеніемъ и душевною преданностію честь имѣю быть вашимъ покорнымъ слугою И. Снегиревъ.

Москва
Мая 29-го, 1835 г.

---

[1]) Януарій Михайловичъ Невѣровъ, пріятель Н. В. Станкевича, Т. Н. Грановскаго, Н. А. Мельгунова и другихъ даровитыхъ людей, памятенъ въ Москвѣ, какъ директоръ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ, а позднѣе въ Тифлисѣ, гдѣ онъ былъ попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа. И тамъ, и у насъ его любили. Скончался онъ въ Петербургѣ въ 1890-хъ годахъ, въ бѣдности. Мы благодарны Александру Владимировичу Станкевичу за сообщеніе нѣкоторыхъ оставшихся послѣ Невѣрова бумагъ. Помѣщаемыя здѣсь письма имѣютъ значеніе для исторіи нашего просвѣщенія. П. Б.

[2]) Журнала Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія. П. Б.

П. П. Теперь готовится у меня для Журнала Д. М. Пр.: 1) о надписи на пеленѣ царевны Ксеніи Борисовны, 2) описаніе, или лучше сказать, отчетливое обозрѣніе патріаршей Греко-Славянской библіотеки. Надѣюсь, что личная благосклонность будетъ и заочною къ моимъ трудамъ; счастливымъ себя почту, если мое усердіе останется не въ тунѣ.

Письмо неизвѣстнаго лица[1]) къ Т. Н. Грановскому.

NB. Тутъ есть вещи, которыя Грановскій долженъ напередъ прочесть одинъ, чтобы въ случаѣ ссоры побѣсить ими Невѣрова: ужасныя вещи!!

Спасибо, Гр., что не совсѣмъ забыли меня середи Нѣмецкой эрудиціи. Съ тѣхъ поръ какъ вы насъ оставили, болѣе года тому назадъ, немногое перемѣнилось въ Петербургѣ къ лучшему. О литературѣ и говорить нечего. Сенк.[2]) таковъ какъ и прежде; Краевскій сдѣлался для многихъ литературнымъ оракуломъ; палъ Пушкинъ, недавно убитъ въ сраженіи Марлинскій. Мы съ Григ.[3]) хотя не подвинулись впередъ слишкомъ много, но все-таки подвигаемся и не погрязли до того въ печатныхъ занятіяхъ, чтобы труды наши могли приводить кого-нибудь „въ ужасъ“. Это несправедливо, тѣмъ болѣе, что мы теперь менѣе чѣмъ когда либо пишемъ для печати. Но это въ сторону. Знаете ли, Грановскій, что я, можетъ быть, вскорѣ васъ увижу въ Берлинѣ, и что слѣдовательно не успѣлъ еще обчинивиться, хотя и состою подъ начальствомъ мудраго господина Сербиновича. Но вотъ что будетъ для васъ интереснѣе и чѣмъ можно, я думаю, побѣсить Невѣрова, въ случаѣ скуки. Вы знаете, что Нев.[4]) подвизался на поприщѣ литературномъ подъ знаменемъ Србнвича или Журн. Мин. Нар. Просв. Вотъ, однажды, дернулъ его бѣсъ похвалить сонеты Бутырскаго, которыхъ вышла тогда первая книжка. Србнч. подсыпалъ еще комплиментовъ, и панегирикъ вышелъ хоть куда. Воейковъ въ „Русск. Инв.“ перепечаталъ это, съ прибавленіемъ похвалъ Невѣрову. Бутырскій въ предисловіи ко второй книжкѣ также оперся на авторитетъ Невѣрова и благодарилъ его торжественно „за вниманіе къ новичку“. Что-жъ изъ этого вышло? Сонеты Никиты Ивановича попались, вмѣстѣ съ невиннымъ Январіемъ, на зубы Библіотекѣ для Чте-

[1]) Можетъ быть, Савельева. П. Б.
[2]) Сенковскій. П. Б.
[3]) Василіемъ Васильевичемъ Григорьевымъ. П. Б.
[4]) Невѣровъ. П. Б.

нія, которая на этотъ разъ остроумнѣе чѣмъ когда-либо отдѣлала сочинителя сонетъ и его несчастнаго панегириста. Думалъ ли когда нибудь Нев., особенно сидя теперь въ Берлинѣ, что тогда, когда онъ менѣе всего занимается Русской литературою, имя его будетъ такъ часто цитировано, сперва въ оффиціальной газетѣ, потомъ въ предисловіи къ книгѣ профессорской, и наконецъ въ наиболѣе читаемомъ Русскомъ журналѣ? Какъ бы то ни было, а отдѣлали его очень забавно, такъ что мы съ Григ. не могли не помирать со смѣху при чтеніи. Жаль, что здѣсь нѣтъ мѣста для выписокъ, а то я бы представилъ вамъ налицо всѣ эти фразы, которыя могутъ немного побѣсить Невѣрова. Прощайте, Грановскій; не забывайте о насъ. До радостнаго свиданія. Григорьевъ и вамъ, кажется, готовитъ огромное посланіе.

P. S. Всѣ порученія Невѣрова выполнены будутъ съ буквальною точностью. На это онъ можетъ положиться.

Письмо неизвѣстнаго лица.

С.-Петербургъ, 5 Августа 1837.

Любезный Iannuarius. Сейчасъ получилъ только вашъ пакетъ и берусь тотчасъ же за перо, чтобы не отлагать и не забывать отвѣта. Я ужъ и безъ того виноватъ, что не отвѣчалъ на ваше первое письмо и, можетъ быть, доставилъ вамъ нѣсколько дней непріятныхъ сомнѣній, дошло ли ко мнѣ это посланіе. Я и не извиняюсь: виноватъ Гришка [1]), кругомъ виноватъ, хоть вы его и нянчите, Богъ знаетъ за что: „Васинька-де, ты-де такой-сякой, немазанный“, и т. п. Невѣровскія нѣжности. Онъ, право, не стоитъ этого; шатается себѣ взадъ-и-впередъ по городу, ничего не дѣлаетъ и даже писемъ за-границу не пишетъ. Этакой негодяй!.. Но начну 'ab ovo', съ вашего отбытія. Историческое изложеніе хода дѣлъ всего лучше.

....Вотъ вы отправились на пароходѣ, и Русь осталась сзади. На другой день видѣлись мы съ Грг. и молвили: „Уѣхалъ Н., гдѣ-то онъ теперь? Какъ-то покажутся ему чужіе края?“, и пр. Кстати приплели и Грановскаго. Черезъ нѣсколько дней были въ Старой Деревнѣ, гдѣ жилъ Бенедиктовъ. Вспоминали и у него объ васъ.

Прошло недѣли съ полторы. Гр. покатился въ Москву. Вслѣдъ за нимъ Бенедиктовъ отправился съ своимъ графомъ [2]) въ Лифляндію; а вскорѣ за тѣмъ саперный юнкеръ К., который совсѣмъ выздоровѣлъ, потащился съ своимъ батальономъ въ лагерь на маневры. Въ Петер-

---

[1]) Т. е. В. В. Григорьевъ. П. Б.

[2]) Канкринымъ. П. Б.

бургѣ, изъ великихъ людей, остались только Петровъ*) да я! Несчастный Петербургъ, и еще болѣе—скучный Петербургъ! Наконецъ Гришка началъ подавать знаки своего существованія. Одно письмо за другимъ залетало изъ его Московскаго жилища (у Ковалинскихъ) въ Петербургъ. И ему было тамъ скучно одному. И онъ, какъ и вы, жаловался на письменную скупость своихъ пріятелей. Теперь понимаю, что примѣшивается къ пріятностямъ путешествія и капля горечи, которая можетъ напитать собою всѣ эти пріятности. Но вотъ Гр. и воротился; таковъ, какъ и прежде и, кажется, ничуть не здоровѣе; а если голосъ его и поправился немного, то это очень въ небольшой степени. Гамбургское письмо ваше переслано ему было изъ Петербурга. Въ первую недѣлю его отсутствія, когда я еще не имѣлъ отъ него извѣстій и сидѣлъ цѣлые дни у себя въ кабинетѣ, досадуя на то, что вздумалось всѣмъ умнымъ людямъ выѣхать изъ Петербурга, въ это самое время получаю письмо отъ васъ изъ Берлина. Вы не можете себѣ представить, сколько оно принесло мнѣ удовольствія на безлюдьи. Я узналъ ваши похожденія и подвиги, вашу досаду на здѣшнихъ корреспондентовъ, которую я очень понималъ въ тогдашнемъ моемъ положеніи, и пр. Я хотѣлъ тогда же извѣстить васъ о томъ, гдѣ Гр., но самъ не зналъ еще, гдѣ онъ остановился въ Москвѣ. Теперь онъ занятъ огромнымъ посланіемъ къ вамъ, листа въ два или въ три, которое кончитъ вѣроятно черезъ нѣсколько недѣль, а можетъ быть и позже. Пріѣхавъ изъ Москвы, онъ сдѣлался, видимо, еще трудолюбивѣе прежняго. Няньчите его послѣ этого. Мучитъ заграничныхъ людей своею лѣностью; мало того, что самъ себѣ вредитъ. Варваръ!.. Однако вліяніе Московскаго кейфа на общаго нашего непріятеля, при помощи Аллаха, надѣемся скоро пройдетъ, и тогда только можетъ онъ сдѣлаться достойнымъ награды вашихъ нѣжностей. Мои дѣла съ Сербин. такъ-сякъ: читаю одну корректуру журнала и пишу для него 4 или 6 страницъ въ мѣсяцъ; въ редакцію не хожу ни разу; Тимоф. заставляю иногда трудиться надъ переводомъ чего-нибудь съ Французскаго. Все это, славу Богу, беретъ у меня очень мало времени. Тимофеевъ—превеликая скотина, да будетъ вамъ извѣстно и стоитъ того, чтобы вы объ немъ ни разу не вспомнили или вовсе забыли, а Срб.—величайшій дуракъ и невѣжда въ мірѣ. Хотя я съ нимъ имѣю очень рѣдко сношенія, и то письменныя; впрочемъ вскорѣ можетъ быть я покину его навсегда и перемѣню родъ службы (Грановскому не отъ чего, право, приходить отъ этого въ ужасъ). Гришка, можетъ быть, напишетъ или написалъ вамъ о моемъ планѣ. О наградѣ вашей Срб. не сказалъ мнѣ ничего

*) Извѣстный впослѣдствіи профессоръ Санскритскаго языка. П. Б.

рѣшительнаго; а насчетъ вашихъ донесеній, то я на дняхъ узналъ отъ Бередникова, что одно только изъ нихъ получено и отдано на разсмотрѣніе Устрялову. Археографич. Ком. довольна вашею ревностью и хочетъ избрать въ свои корреспонденты предложеннаго вами Вольфенбительскаго библіотекаря Паппенберга (такъ, кажется, его фамилія?). Я говорилъ Грг. о вашемъ Гаврилѣ, который просилъ меня напомнить вамъ о немъ. Болѣе всего благодаренъ вамъ за то, что не забываете своихъ добрыхъ знакомыхъ, у которыхъ вы (будьте увѣрены) всегда остаетесь въ хорошей памяти.

Вашъ С(авельевъ?)

Письмо неизвѣстнаго лица къ Я. М. Невѣрову.

Ганау, 10 Мая н. с. 1836.

Передо мной лежатъ одно, два, три, четыре, пять писемъ вашихъ, любезнѣйшій Іануарій Михайловичъ, на которыя я еще не отвѣчалъ! Согласитесь, что на это способна только *моя* лѣнь и *ваше* долготерпѣніе. Но выслушайте: вотъ процессъ моей лѣни. Сначала, во время оно, т. е. въ Январѣ, Февралѣ и Мартѣ, у меня было почти безпрерывное воспаленіе глазъ, такъ что я съ трудомъ, разъ въ мѣсяцъ, могъ писать къ папинькѣ. Потомъ, когда боль глазная прошла, накопилось много писемъ и къ тому же статья о Глинкѣ, которую я обѣщалъ ему, какъ скоро его опера будетъ ставиться на сцену. Мнѣ хотѣлось все это написать и отправить разомъ, сверхъ того выполнить напередъ нѣкоторыя порученія м-мъ Бравура, къ которой тоже не отвѣчалъ на два письма, пересланныя вами. Столько обязанностей разомъ парализовали мою не весьма сильную дѣятельность, и я, откладывая со дня на день, наконецъ достигъ своего 32 лѣтняго возраста.

Тогда мнѣ краска поднялась въ голову, и я вспомнилъ стихъ Гюго: la vie à différer se passe, и разомъ написалъ статью о Глинкѣ и письма, которыя прошу доставить по адресамъ. Статью же и письмо къ Глинкѣ прочтите, запечатайте въ пакетъ или просто, какъ есть, отдайте собственноручно ему отъ моего имени. Я бы желалъ, чтобы онъ васъ пустилъ на репетицію, дабы вы могли мнѣ отписать свое мнѣніе и другихъ. Скоро, а можетъ и нѣтъ, вы (также можетъ быть) получите книги для *скораго* доставленія Шевыреву; упреждаю васъ и прошу, въ случаѣ если васъ не будетъ въ Питерѣ, попросить Краевскаго или кого другаго, переслать эти книги въ Москву. Другая просьба: извѣстную вамъ тетрадь Андросова, коли ее не отослали назадъ, потрудитесь запечатать въ пакетъ съ адресомъ: M-r N. D. Toussaint, à Hanau и отдать поскорѣе въ Англійскомъ магазинѣ хозяину его, г-ну Никольсу

для доставленія, куда слѣдуетъ, при первомъ востребованіи. Жаль, если вы уже сдѣлали выписки; моя вина, что я не предупредилъ васъ прежде. Но такъ какъ вы о нихъ въ послѣднихъ письмахъ не пишете, то я надѣюсь, что вы за нихъ не принимались. Андросова упреждать нечего о пересылкѣ; я доставлю ему лично. Только стоитъ ли того тетрадь? Много ли въ ней интереснаго по моему предмету? Желалъ бы хоть что нибудь для своей повѣсти, которая именно за этимъ остановилась. О Стутгарскомъ Мейендорфѣ я справлялся у кого могъ и не извѣщалъ васъ потому, что ничего не могъ узнать положительнаго. Вотъ кое-что, узнанное мною недавно: онъ весьма умный человѣкъ, обращенія весьма образованнаго, хотя, кажется, не всегда таковъ съ людьми, которые у него въ зависимости. Жена капризна и далеко не столько умна, какъ мужъ. Но все это не навѣрное.

Вообще, какъ ни пріятно можетъ казаться вамъ прожить годъ или два въ Германіи, но я не совѣтовалъ бы вамъ пускаться въ дальній путь къ людямъ, которыхъ вы лично не знаете: это дѣло весьма рисковое; и сколькихъ я зналъ и знаю, которые горько раскаивались въ поспѣшномъ выборѣ своихъ патроновъ! Въ Петербургѣ могутъ вамъ представиться случаи ѣхать за границу съ кѣмъ нибудь, кого вы лично и коротко узнать можете.

Теперь о двухъ вашихъ предложеніяхъ или порученіяхъ. 1-е. Написать статью о Русской словесности и особенно о Бенедиктовѣ. О послѣднемъ писать нечего, не давъ понятія о его сочиненіяхъ. Одинъ Нѣмецъ перевелъ мнѣ для пробы „Жалобу Дня“ и вышло очень незатѣйливо. „Полярную Звѣзду“ нельзя вовсе перевести ради слова: звѣзда, которая по нѣмецки мужскаго рода. Вообще главная красота его въ силѣ и свѣжести выраженій, что̀ пропадаетъ совершенно. Слѣдовательно о немъ отдѣльно писать нечего. О русской же словесности вообще— дѣло довольно трудное для меня, находящагося заграницею. О произведеніяхъ послѣдняго года я бы ничего не могъ сказать, зная ихъ только по заглавіямъ. Недавно въ Ausland было переведено извлеченіе изъ статьи Булгарина о Русской словесности, помѣщенной въ Сѣверной Пчелѣ нынѣшняго года. Я сначала задумалъ было отвѣчать на нее, исправить и дополнить; но для этого опять не достало матеріаловъ; къ тому же статья въ такихъ общихъ выраженіяхъ, такъ vague, что о ней и сказать нечего. 2-е. Порученія же вашего о профессорѣ Русскаго языка въ Боннѣ (и Лейпцигѣ, гдѣ г-нъ Шмитъ читаетъ Русскую словесность уже очень давно), я не могъ выполнить за свадьбами. Сначала я поручилъ это Струве, нашему 2-му секретарю посольства въ Франкфуртѣ; онъ хотѣлъ отписать и въ Боннъ, и въ Лейпцигъ; но

потомъ любовишка, а за нею отъѣздъ въ Англію и свадьба помѣшали благому намѣренію исполниться. Потомъ я просилъ о томъ же одного Нѣмца литератора; онъ обѣщалъ, но вслѣдъ затѣмъ уѣхалъ въ Майнцъ, гдѣ женитьба вышибла изъ его памяти обѣщаніе. Если Струве воротится въ Франкфуртъ при мнѣ, то я опять ему напомню; но это ненадежно. Вотъ что я предложилъ бы вамъ: написать ему отъ редакціи полу-официальное письмо (адресъ: его высокобл. Антону Евстафьевичу Струве, второму секретарю посольства въ Франкфуртѣ на М.); это его несомнѣнно бы польстило (онъ мнѣ говорилъ, что желалъ бы войти въ сношеніе съ какимъ нибудь ученымъ обществомъ въ Россіи и быть его корреспондентомъ), и онъ справился бы обо всемъ скоро и аккуратно.

Плохо, что вы нездоровы, милый Іаннуарій Михайловичъ; пишите ко мнѣ объ себѣ; надѣюсь и буду стараться впередъ не лѣниться. До отъѣзда изъ Ганау напишу къ вамъ непремѣнно. Два векселя отъ васъ получилъ и благодарю. Хотя думаю не нужно, но не мѣшаетъ, если перешлете второй экземпляръ векселя въ 1500 р.; купятъ охотнѣе. Я беру ванны, которыя продолжатся до конца этого мѣсяца, а можетъ и далѣе. Все еще далеко не совсѣмъ здоровъ, хотя внутреннихъ немощей не имѣю и въ лицѣ значительно поправляюсь. Когда увидите графа Толстаго, спросите, какой отвѣтъ на просьбу?

P. S. Что̀ значитъ, что Станкевичъ забирается такъ далеко, на Кавказъ? Что̀ же его путешествіе?

Письма С. П. Шевырева къ Я. М. Невѣрову.

1.

(Изъ Москвы въ Петербургъ).

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Яннуарій Михайловичъ,

Все собирался вамъ отвѣчать на два письма ваши, да не собрался до сихъ поръ. Княгиня В. была здѣсь съ своимъ сыномъ*). Все свободное время отъ занятій я посвящалъ имъ, потому что они не надолго мнѣ достались здѣсь. Книгу свою я здѣсь вручилъ княгинѣ.

Благодарю васъ душевно за всѣ ваши попеченія о моихъ книгахъ. Посылаю вамъ новый списокъ книгъ; всѣ означенныя выше звѣздочками мнѣ особенно нужны, и я желалъ бы имѣть ихъ скорѣе. Вы меня очень обязали бы, ускоривши ихъ присылку.

---

*) Княгиня Зенаида Александровна. Сынъ ея Александръ Никитичъ Волконскій, будучи посланникомъ въ Дрезденѣ, принялъ меня, явившагося къ нему съ письмомъ отъ С. П. Шевырева, какъ будто роднаго. П. Б.

Вы меня очень обрадовали извѣстіемъ, что будете къ намъ зимою. Надѣюсь, что вы остановитесь у меня въ домѣ, и прямо изъ дилижанса пріѣдете къ намъ. Только прошу васъ за нѣсколько дней написать ко мнѣ объ этомъ, и вамъ будетъ очищена особая комната и все приготовлено къ вашему пріѣзду. Мельгунова А. Е. нѣтъ; домъ ихъ отдается въ наймы; слѣд. я одинъ имѣю на васъ какое нибудь право по нашей дружбѣ.

Вотъ адресъ Ник. Алекс.[1]) à Hanau poste restante. Все тотъ же до сихъ поръ. Тусень ему доставляетъ пѝсьма, смотря по городу, гдѣ онъ привитаетъ. Онъ торопится въ Парижъ и, вѣроятно, скоро будетъ тамъ. Новаго у насъ ничего нѣтъ. Всѣ по прежнему лѣнивы. Я читаю еще новый для меня предметъ: Исторію Пiитики, вмѣсто самой Пiитики. Вмѣстѣ съ этимъ курсомъ имѣю еще другой первогодничный, который убиваетъ у меня всегда много времени работою скучною, ибо это курсъ практическій. При всемъ этомъ долженъ я написать диссертацію. Другаго средства мнѣ не остается, какъ взять отпускъ, запереться въ комнату и навалять ее въ 28 дней. Это я сдѣлаю въ Ноябрѣ мѣсяцѣ. Странно, что профессоры Лицея признаны наравнѣ съ профессорами Университетовъ и освобождены отъ всего этого. Неужели адъюнкты универ. не равны профессорамъ Лицеевъ? Я не прочь отъ диссертаціи; но пусть бы дали мнѣ на нее годъ свободный, какъ даютъ его всякому доктору; а то читай два курса, исполняй всѣ должности и пиши диссертацію, которую долженъ защищать публично. Нечего дѣлать: терпи адъюнктъ, профессоръ будешь. Но есть счастье инымъ людямъ. У насъ есть профессора вовсе не доктора, которые на этомъ году избавлены вовсе отъ лекцій и получаютъ 6000 жалованья. Другіе только читаютъ 3 часа (одинъ курсъ) и получаютъ также. А нашъ братъ-адъюнктъ читаетъ два курса 4 часа, и даже голоса не имѣетъ ни въ совѣтѣ, ни въ факультетѣ. Мнѣ хотѣли было навалить 6 часовъ чтенія, да по милости и добротѣ графа[2]), я освобожденъ.

Простите, любезный Яннуар. Мих. Вашъ душевно С. Шевыревъ.

2.

Почтеннѣйшій Яннуарій Михайловичъ!

Объявляю вамъ свою радость съ увѣренностью, что вы примете въ ней живое участіе. Я женюсь. Удивляетесь? Не было ли у васъ предчувствія? Кажется, было. Слѣдовательно это васъ не удивитъ. Невѣста моя очень мила. Рекомендую ее вамъ: мы любимъ другъ друга.

---

[1]) Это отецъ Николая Александровича Мельгунова.

[2]) Графа С. Г. Строгонова. П. Б.

Эта любовь не вдругъ пришла, не вдохновеніе минуты. Свадьба моя будетъ въ концѣ Мая или въ началѣ Іюня. Состояніе жениха для меня такъ ново, что я все еще не могу къ нему привыкнуть. А состояніе блаженное: совѣтую вамъ испытать его.

Все это да послужитъ передъ вами извиненіемъ въ моемъ молчаніи. Много, много виноватъ передъ вами и Константиномъ Степановичемъ. Васъ не благодарилъ я за такое исправное доставленіе книгъ. Примите мою душевную, мою искреннюю признательность. Всѣ онѣ куплены какъ нельзя лучше и съ такимъ расчетомъ, какого я бы и самъ не придумалъ. Остальныя деньги, мною вамъ должныя, я отдалъ Ржевскому.

Принесите мое извиненіе Константину Степановичу и объявите причину. Теперь на Страстной мнѣ свободнѣе, и первымъ занятіемъ моимъ будетъ переписать двѣ лекціи, которыя я на этой недѣлѣ и отправлю къ нему непремѣнно. Примите мою благодарность также за хлопоты ваши у Смирдина. Много, много виноватъ передъ вами, что до сихъ поръ не благодарилъ. Но я испыталъ въ это время столько душевныхъ смущеній, что вы меня извините. Къ моему сердечному дѣлу присоединились лекціи, которыя я все-таки продолжалъ читать исправно. Послѣднюю лекцію читалъ уже женихомъ, два дня спустя послѣ моей помолвки. Вы знаете, что я надъ ними тружусь и ихъ отработываю. Тутъ ужъ не знаю, какъ писалъ ихъ. Однако, все слава Богу. Великимъ постомъ въ 10 лекцій я прочелъ Исторію Греческой поэзіи всю. Послѣ праздника я пройду Римскую, разрушу древній міръ и вступлю въ новый. Это будетъ мое введеніе въ Исторію Западной поэзіи.

Христосъ Воскресе! Обнимаю васъ душевно и поздравляю съ свѣтлымъ Праздникомъ.

Вашъ душою Шевыревъ.

Апрѣля 17.

3.

Сентября 5-го 1835 г.

Благодарю васъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Яннуарій Михайловичъ, за ваше премилое письмо, которое меня весьма утѣшило въ моемъ раздумьи. Съ деньгами вы поступили прекрасно. Что-то добрый нашъ Мельгуновъ, какъ выздоравливаетъ? Я часто объ немъ думаю.

Прочелъ я Университетскій Уставъ: наступаетъ новая эра для Университета. Конечно, лестно бы мнѣ было участвовать и своими силами въ этомъ возобновленіи. Выгодъ и преимуществъ много. Нельзя

быть деликатнѣе, предупредительнѣе съ учеными. Это званіе возвышено, обезпечено, ограждено. За учеными смотрятъ какъ за чадами Бога. Нельзя не радоваться этому. Это эпоха въ Исторіи Русскаго образованія. На Библіотеку 10,000 ежегодно. Чудно, славно! Весело быть въ Университетѣ. Но вотъ моя бѣда.

По Уставу мнѣ рѣшительно нельзя быть ни даже экстарорд. профессоромъ. И вотъ еще бѣда какая: мнѣ нельзя даже прямо держать экзаменъ на доктора, которому бы я еще согласился подвергнуться. Прочтите статью объ испытаніяхъ на ученыя степени. Мнѣ даже нельзя держать прямо на кандидата, потому что я не студентъ, а просто пансіонеръ Унив. Пансіона съ чиномъ 10-го класса и теперь титулярный совѣтникъ. Мнѣ одинъ путь: подать просьбу въ Университетъ о принятіи меня въ студенты наравнѣ съ чиновниками служащими и выпросить у начальства позволеніе ходить на лекціи, и снова пройти всю лѣстницу степени. Если бы я могъ держать экзаменъ на доктора прямо, я это бы сдѣлалъ; приготовился бы къ этому, и собралъ бы всѣ силы, 2, 3 года употребилъ бы на это такъ и быть! Но мнѣ никакъ не возможно. Если бы въ Уставѣ было сказано, что адъюнкты могутъ производиться въ экстр. проф., но тамъ нѣтъ этого. Поговорите съ знающими, почтеннѣйшій Яннуарій Михайловичъ и вы увидите, что я не ошибаюсь. Если Уставъ будетъ имѣть возвратное дѣйствіе на поколѣніе наше, воспитанное и веденное при другихъ постановленіяхъ, мнѣ нельзя будетъ имѣть надежду быть профессоромъ: ибо мнѣ преграждаетъ путь на ученыя степени. Примѣръ Дерптскаго профессора не есть мнѣ примѣръ, потому что онъ можетъ быть магистръ. Я вступилъ въ Университетъ по 26 § Устава прежняго, въ которомъ сказано, что Русскіе, извѣстные своими учеными трудами, могутъ быть приняты прямо въ адъюнкты, а адъюнкты могли производиться въ профессоры. Не знаю еще, съ какого времени новый Уставъ имѣетъ силу. Если съ 1-го Января, то въ этотъ антрактъ я могъ бы еще быть произведенъ въ профессоры, къ чему кажется, совѣтомъ представленъ. Вотъ мое положеніе. Изъ такого затрудненія можетъ меня вывести теперь только воля Сергѣя Семеновича. Но если этого не послѣдуетъ, то ни подъ какую статью новаго устава я водворенъ быть не могу и мнѣ придется покинуть Университетъ, не имѣя надежды быть въ немъ профессоромъ. Поклонитесь отъ меня усердно Константину Степановичу и Андрею Александровичу. Сдѣлайте милость доставьте мнѣ Нибелунговъ хоть по почтѣ.

Вашъ душевно Шевыревъ.

Павловъ получилъ ваше письмо и пришлетъ вамъ удостовѣреніе, 7-я кн. вышла, 8-я готова.

4.

Октября 22 1835.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Яннуарій Михайловичъ.

У меня столько къ вамъ скопилось благодарностей, что я не знаю съ которой начать. Здѣсь очень бы хорошо употребить фигуру единоначатія: благодарю; обильный былъ бы матеріалъ для Побѣдоносцева. Но безъ фигуръ, я вамъ всею душою благодаренъ и за участіе ваше ко мнѣ, и за ваши отзывы о моихъ лекціяхъ, и за ваши милыя письма и книги (Niebel. Lied), и за всѣ ваши хлопоты. Статью о *Касп. торговлѣ* я получилъ сегодня и сообщилъ Андросову. Объ его рѣшеніи васъ немедленно увѣдомлю.

Вашъ журналъ все растетъ и интересенъ и матеріалами, такъ что въ немъ весело печатать себя. Библіографическая часть у васъ прекрасно умножается. Хорошо бы было, еслибъ вы распространили ее на всю Русскую литературу, съ вашимъ взглядомъ гуманическимъ, кроткимъ, снисходительнымъ, отовсюду извлекающимъ одно хорошее. Вы имѣете всю возможность это исполнить. Такимъ образомъ вы создадите истинную библіографію въ Россіи, и этотъ журналъ будетъ со временемъ превосходнымъ матеріаломъ для Исторіи Русской Литературы. Кромѣ того, вы отняли бы эту часть у Б. Ч., которая, говоря о всемъ, все оплевываетъ, огаживаетъ слюнами Брамбеуса. Я представляю себѣ Сенковскаго, какъ фокусника, который передъ публикой раскладываетъ книги за каждый мѣсяцъ и пляшетъ надъ ними непристойно, одну оплюетъ, другую обо..., третью обо..., подотрется четвертой... и публика забавляется. Долго ли быть этому паясничеству? Дайте-ка намъ полную, дѣльную библіографію: будетъ славное дѣло.

Въ мою лекцію, напечатанную у васъ, вкрались двѣ ошибочки, я думаю, отъ моей вины, потому что при отъѣздѣ Андрея Алекс. я слишкомъ торопился перечитывать. На стран. 242 передъ словами: „Онъ есть вмѣстѣ и цвѣтущая колыбель новаго міра Европы“, пропущено: „Онъ есть великолѣпная могила всего древняго міра“. Безъ этого смысла нѣту. Еще на 443 стран. 8 строка вмѣсто *философическія* слѣдуетъ читать *филологическія*. Сдѣлайте милость, поставьте это въ Errata въ слѣдующемъ номерѣ.

Увѣдомьте меня пожалуйста, когда будетъ напечатана моя статья объ Лукрецiѣ. Я пришлю вамъ еще объ Горацiѣ 3 лекціи и одну объ Луканѣ и Персiѣ. Слишкомъ занятъ двумя каѳедрами: некогда отдѣлывать ихъ, какъ желалъ бы. Первый томъ моихъ лекцій выйдетъ скоро. Онъ будетъ заключать одинъ Востокъ.

Мы получили здѣсь стихотворенія Бенедиктова. Два вечера я былъ отъ нихъ безъ памяти. Это талантъ чудный. Какъ у васъ его не знаютъ? Какъ онъ до сихъ поръ таился? Скажите: кто онъ? откуда? какъ и почему? Познакомьтесь съ нимъ, если не знакомы. Поклонитесь ему отъ меня и его таланту. Это шагъ великій впередъ. Это мысль глубокая, сильная, прожитая. Объ немъ будетъ въ XI № Наблюдателя. Буду съ нетерпѣніемъ ожидать вашего объ немъ увѣдомленія.

Мельгуновъ переѣхалъ изъ Висбадена въ Ганау, на руки къ славному доктору Коппу, который даетъ честное слово, что его вылѣчитъ. Деньги отъ васъ онъ получилъ. Ему гораздо лучше, а онъ расхворался было такъ же какъ здѣсь хворалъ, и мы очень испугались. Однако это дѣйствіе водъ было къ лучшему.

Бумага обо мнѣ давно пошла въ Питеръ. Рѣшенія до сихъ поръ не знаю. Читаю спокойно свои лекціи. Что̀ будетъ—то будетъ.

Какъ левъ я дерусь; какъ разумный боецъ,
Упрочилъ себѣ отступленье (стихи Бенедиктова).

Мнѣ бы хотѣлось имѣть нѣкоторыя книги на деньги, о которыхъ вы мнѣ говорите, почтеннѣйшій Яннуарій Михайловичъ. Потому обращаюсь къ вамъ съ моею покорнѣйшею просьбою. Нельзя ли выписать: History of the English poetry by Warton (у Диксона, говорятъ, была недавно и стоила 60 ш.) и еще бы хотѣлось мнѣ имѣть Кальдерона и Лопе de Bera, Лейпцигское изданіе. Оно у Грефа должна быть. Сдѣлайте милость, попросите выписать, если нѣтъ. Я подожду.

Новые гости въ Университетѣ нашемъ еще не принимались читать, кромѣ Шиховскаго и Филомаѳитскаго. Просили отложить, а начнутъ съ Ноября, какъ говорятъ. Печерину назначили докторскій экзаменъ, но онъ также просилъ отстрочить. Между тѣмъ Ивашковскій выходитъ въ отставку и не ходитъ на лекціи. Экзаменовать некому и некому читать лекціи. Прощайте. Мое усердное почтеніе Константину Степановичу и Андрею Александровичу.

Преданный вамъ душевно С. Шевыревъ.

5.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Яннуарій Михайловичъ! Ваше письмо пріятно меня убѣдило въ вашей дружбѣ. Благодарю васъ за него. Но съ тѣмъ вмѣстѣ оно и изумило меня. Въ то самое время, какъ меня здѣсь всѣ поздравляютъ орд. пр., въ то время, какъ совѣтъ почти единогласно меня выбралъ по предложенію попечителя, всѣ Московскіе

мои знакомые меня встрѣчаютъ поздравленіями и вся Москва уже это знаетъ,—вдругъ я получаю отъ васъ письмо, что министръ не утвердилъ этого назначенія. Тутъ должно быть какое-нибудь недоразумѣніе. Совѣтъ только въ Среду, 11-го числа, избралъ меня; а вы мнѣ пишите отъ 12-го. Что-нибудь да не такъ; это похоже на кошмаръ. Такъ какъ во всемъ этомъ производствѣ дѣла я не принималъ рѣшительно никакого участія и сидѣлъ спокойно готовый къ новымъ трудамъ въ своемъ кабинетѣ: то я и не знаю, какъ, гдѣ, что̀ дѣлалось. Знаю только, что факультетъ представилъ меня на мѣсто Надеждина какъ достойнаго (Давыдовъ писалъ эту статью въ протоколѣ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ); совѣтъ одобрилъ мнѣніе факультета; потомъ ужъ я не знаю, какъ было. Знаю только, что въ Среду меня выбрали, въ Четвергъ, Пятницу, Субботу, Воскресенье поздравляли, а въ Воскресенье-то и получаю ваше письмо, что я не утвержденъ. Ей Богу, рѣшительно ничего въ этомъ не понимаю.

Хотя это на нѣсколько часовъ и разстроило меня, но теперь я опять совершенно спокоенъ. Прошу васъ, какъ друга, не безпокойтесь за меня. Что̀ будетъ, то будетъ. Если новый уставъ ужъ имѣетъ силу, и возвратное дѣйствіе на всѣхъ насъ, то его нарушать ни въ какомъ случаѣ министръ не рѣшится для меня: ибо позволить мнѣ держать экзаменъ прямо на доктора есть также нарушеніе устава. Просьбы о позволеніи держать экзаменъ на доктора я подавать не буду, ибо не въ правѣ просить незаконнаго. Экзаменъ на доктора также держать не буду, потому что мнѣ надо будетъ заниматься такими науками, которыми я никогда не занимался, напр. Политической Экономіей, Славянской Литературой, Восточными языками, и кромѣ того изучать не науки, а профессоровъ, которые будутъ меня испытывать, какъ вы это очень хорошо знаете. И такъ, я повторяю вамъ: что̀ будетъ, то будетъ. Не безпокойтесь за меня, любезный и добрый Яннуарій Михайловичъ, и не спрашивайте, не безпокойте никого. Я въ этомъ случаѣ фаталистъ; могу быть полезенъ и не на каѳедрѣ: полезной службы много у насъ въ отечествѣ.

Отъ Мельгунова я получаю письма. Онъ все еще былъ въ Висбаденѣ. Ему стало гораздо лучше. Онъ скоро оттуда выѣдетъ. А съ мѣсяцъ былъ онъ очень боленъ. Павловъ вамъ кланяется. Поклонитесь отъ меня Константину Степановичу и Андрею Александровичу *). Вашъ душевно Шевыревъ.

16 Сентября (1835).

---

*) Сербиновичу и Краевскому. П. Б.

6.

11 Іюля.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Яннуарій Михайловичъ!

Посылаю вамъ записочку отъ Мельгунова, въ которой вы найдете порученіе принять книги Глинки изъ Ценз. Комит. Но я думаю, что безъ довѣренности не выдадутъ. Мельгунову писать надо все въ Ганау.

Благодарю васъ отъ всей души за статью вашу о моей книгѣ. Постараюсь, чтобы прочія части оправдали и мнѣніе ваше, и ожиданіе. Собираюсь все послать вамъ лекцію, да не соберусь. До сихъ поръ у меня были хлопоты семейныя. Жена была очень больна. Мы живемъ теперь въ Сокольникахъ, и я отдохнулъ. Дѣла много. Надобно готовить новый курсъ къ будущему семестру. Сверхъ того диссертація на плечахъ. Число часовъ будетъ уменьшено. Много у меня вчернѣ есть, да некогда редактировать. Есть и готовое, да не переписано. Препровождаю довѣренность на имя Андрея Александровича, какъ вы приказали. Поклонитесь ему отъ меня душевно и попросите его отъ меня. Салаева не было въ Москвѣ: потому я не могу дать никакого отвѣта князю объ его Адольфѣ*). Если не достанетъ денегъ на книги, выписанныя для меня, то прошу васъ дать изъ тѣхъ, которыя мнѣ слѣдуютъ отъ книгопродавцевъ за книги.

Еще прошу васъ прибавить къ выписаннымъ мною книжкамъ слѣдующія: 1) Geschichte der Hellenischen Dichtkunst, von D-r Hermann Ubriel. Zwei Theile. Berlin (Послѣдняя часть вышла въ 1835). 32+50.

2) Geschichte der Deutschen Nationalliteratur von Gervinus. 12+50b.

3) Aesthetik von Baumgarten.

4) Cours de belles lettres par Blair. Желалъ бы я знать, нѣтъ ли новаго изданія Гердеровыхъ полныхъ сочиненій.

У насъ хотятъ преобразовать „Ученыя Записки“, да дѣло идетъ плохо. Поколѣніе новое во враждѣ со старымъ. Трудно что нибудь сдѣлать, потому что нѣтъ никакого единства. Въ „Наблюдатель“ всѣ лѣнятся. Мнѣ некогда. Мельгуновъ прислалъ свои записки. Будетъ статья одного Нѣмца о состояніи Нѣм. литер.

Отъ чего все благонамѣренное у насъ лѣниво? Посмотрите на „Современникъ“. Уже похудѣлъ. Можно дѣйствовать только въ одиночествѣ. Хотѣлось бы мнѣ ревностно продолжать свою книгу, но до сихъ поръ она мнѣ еще не окупилась далеко. Вотъ какъ у насъ читатели! Между тѣмъ книга моя еще не такого суроваго вида. Еще разъ бла-

*) Адольфъ, соч. Бенжаменъ-Констана, переводъ князя П. А. Вяземскаго. П. Б.

годарю васъ за мнѣніе ваше. Обратили-ли вы вниманіе на мой споръ съ Надеждинымъ? Не слыхали ли объ немъ чего нибудь?

Съ чувствами истиннаго почтенія всегда душевно преданный вамъ и покорный слуга. С. Шевыревъ.

Константину Степановичу засвидѣтельствуйте мое почтеніе.

7. Декабря 9 (21) 1837. Москва.

Наконецъ могу вамъ дать положительный отвѣтъ на письмо ваше, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Яннуарій Михайловичъ. Графъ Строгановъ уступилъ моимъ просьбамъ и убѣжденіямъ, согласившись на предложеніе ваше. Согласіе свое выразилъ онъ мнѣ только третьяго дня; въ теченіе недѣли слишкомъ собиралъ справки. Все слышанное имъ отъ другихъ лицъ было въ вашу пользу. Останавливали его условіе, какъ онъ думаетъ трехлѣтнее; потомъ ваша страсть къ музыкѣ, о которой вы сами ему говорили, и еще ваши длинные волосы, изъ которыхъ онъ, вѣроятно, заключилъ о какой-то мечтательности или странности въ вашемъ характерѣ. Я передаю вамъ откровенно мою съ нимъ о васъ бесѣду. Первое препятствіе разрѣшилъ я тѣмъ, что прежде 3-хъ лѣтъ кто-же представится? Второе тѣмъ, что вы еще болѣе любите науку, чѣмъ музыку, а третье можетъ разрѣшить парикмахеръ. Ultimatum его былъ такой: напишите г-ну Невѣрову, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ просьбу, на мое имя, а между тѣмъ занимался бы особенно древними языками и сосредоточилъ себя въ одномъ своемъ предметѣ; только три года—это ужасно какъ долго! Условія будутъ тѣ же, какія и съ г. Грановскимъ, кромѣ путевыхъ издержекъ въ Берлинъ, потому что онъ уже на мѣстѣ. Надѣюсь, что графъ не перемѣнитъ своихъ мыслей до присылки вашей просьбы. О проэктѣ Римскомъ и Греческомъ я не упоминалъ ему: это гораздо удобнѣе сдѣлать послѣ, когда вы своими трудами и успѣхами пріобрѣтете довѣренность. Съ какого времени считать условіе, это опять уже дѣло высшее, министерское. Вѣроятно объ этомъ можно упомянуть въ просьбѣ. И такъ пишите и присылайте просьбу прямо на имя самого графа: его сіятельству г-ну генералъ-адъютанту его императорскаго величества, сенатору, Императорскаго Московскаго Университета его Учебнаго округа попечителю графу Сергію Григорьевичу Строгонову отъ (имярекъ) прошеніе; здѣсь должна слѣдовать ваша учебная и служебная біографія. За симъ просьба. Проситесь на два года и просите считать утвержденіе со дня согласія графа и жалованье также: это ему должно быть пріятно, потому что сократитъ срокъ ожиданія. Условія предложите

такія же, какъ г. Грановскій, и сверхъ того великодушно откажитесь отъ путевыхъ издержекъ въ Берлинъ и дайте это замѣтить. Не посылаю вамъ просьбы, потому что вы сами вѣрно лучше ее напишете, нежели я.

Графа сокрушало еще то, что, можетъ быть, вы не сильны въ древнихъ языкахъ. Я поручился въ вашемъ трудолюбіи. Потому примитесь за Греч. и Латынь всѣми силами и постарайтесь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прислать ему или Латинское письмо: отчетъ о вашихъ занятіяхъ, или какое-нибудь Латинское сочиненіе. Онъ говорилъ, что придетъ въ отчаяніе, если въ Московскомъ Университетѣ профессоръ Древней Исторіи не будетъ въ состояніи написать разсужденіе по латынѣ. Утѣшьте и успокойте его скорѣе. Хорошо, если бы вы просьбу ему могли прислать и порусски, и полатыни. Это его бы очень успокоило въ вашу пользу. Вотъ, кажется, все что̀ имѣлъ вамъ сообщить. Письмо ваше отправилъ М-ву въ деревню. Ждать буду вашей просьбы. Дѣло пойдетъ къ министру, какъ водится. У насъ все по прежнему. Мы затѣваемъ новый журналъ, но не прежде 1839-го г. Будьте здоровы. Поклонитесь отъ меня г. Грановскому. Графъ читалъ мнѣ письмо его послѣднее, съ отчетомъ о занятіяхъ. Желаю ему полнаго успѣха. Ждемъ его съ нетерпѣніемъ: Исторіи древней и новой у насъ нѣтъ, потому что Погодинъ отказался отъ нея для Русской. Древнюю покамѣстъ читаетъ Крюковъ.

Простите. Вашъ душевно Шевыревъ.

8.

Апрѣля 17.

Христосъ Воскресе!

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Яннуарій Михайловичъ!

Поздравляю васъ душевно съ наступающимъ праздникомъ и радуюсь тому, что давнишнія желанія ваши приходятъ наконецъ въ исполненіе. Дай Богъ вамъ совершеннаго успѣха! А отъ чего же чуждаетесь вы ученой части? Я не понимаю. Вы избираете Среднюю Исторію: прекрасно! Каѳедра Исторіи необходимо должна имѣть три отдѣла: древній, средній и новый. Вы избрали le juste milieu и славно. Ужъ если приниматься за ученое дѣло, то свяжите свою дѣятельность съ Университетскою. Къ намъ, къ намъ! На магистра и на доктора! Я буду объ васъ говорить Строганову. Когда вы опредѣлите себѣ цѣль, тогда и ваши Studien будутъ живѣе и быстрѣе. Въ Россіи нельзя быть просто ученымъ безъ мѣста, особливо же въ отдѣлѣ Исторіи. И такъ держитесь профессорства.

Благодарю васъ искренне за попеченіе обо мнѣ. Поблагодарите любезнѣйшаго Ѳедора Петровича за его вызовъ и снабдите меня его адресомъ. Увѣдомьте меня, сдѣлайте милость, краткою записочкой: 1) Сколько экземпляровъ какой книги у кого остается? 2) Деньги прошу васъ передать Ѳедору Петровичу. 3) Увѣдомьте, на чье имя прислать мнѣ довѣренность для полученія денегъ изъ редакціи? Не на имя ли Ѳедора Петровича? 4) Сдѣлайте милость возьмите одинъ экземпляръ Теоріи Поэзіи и Исторіи Поэзіи для доставленія Мельгунову. Въ Берлинѣ вы найдете вѣроятно Русскихъ путешественниковъ во Франкфуртъ, а онъ теперь тамъ. Вы меня много обяжете, если это только не затруднитъ васъ. А если затруднитъ васъ взять съ собою, то нельзя ли переслать черезъ книгопродавцевъ, или пароходные транспорты?

Напишите къ Мельгунову, чтобы онъ прислалъ вамъ въ Берлинъ рекомендательныя письма. Онъ познакомитъ съ Варнгагеномъ, который едва ли не есть средоточіе литераторовъ Берлинскихъ.

Погодинъ, Андросовъ и Павловъ вамъ кланяются. Мы думали, что нельзя писать о Пушкинѣ, а въ Библіотекѣ является пошлая статья Полевого, вся сшитая изъ общихъ мѣстъ и нелѣпостей. Я теперь думаю о статьѣ, но жду пріѣзда гр. Строгонова: ибо статья назначается для чтенія въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Словесности.

Благодарю васъ за такое скорое помѣщеніе о второй лекціи. У кого оставите вы третью статью объ Итальянскихъ поэтахъ, и когда она будетъ напечатана?

ПИСЬМА И. В. КИРѢЕВСКАГО КЪ А. И. КОШЕЛЕВУ.

I.

4 Іюля 1828. Москва.

Письмо твое доставило мнѣ такое же наслажденіе, какое получаетъ скупой, когда пересматриваетъ свои сокровища, и хотя никогда не сомнѣвался въ ихъ цѣлости, но, не смотря на то, все-таки чувствуетъ неизъяснимое удовольствіе пересчитывать ихъ безпрестанно и снова убѣждаться въ ихъ невредимости. Тѣ не знаютъ тайнъ дружества, которые говорятъ будто оно чуждается словъ, и конечно они не испытали прелести дружескихъ увѣреній, простыхъ, но крѣпкихъ, какъ рукожатіе. Когда время очиститъ наши чувства и воспоминаніе отдѣлитъ радость отъ горя, восторгъ отъ муки, поэзію отъ прозы,— тогда слова дружбы соберутся въ одномъ углу сердечной памяти вмѣстѣ съ лучшими событіями жизни. Болѣзнь твоя меня не безпокоитъ, но ты, какъ кажется, считаешь ее чѣмъ то важнымъ, и напрасно: вся непріятность крапивной лихорадки ограничивается скукою чесанья, и то не больше трехъ или четырехъ дней, послѣ которыхъ она проходитъ безъ всякихъ послѣдствій, кромѣ бо̀льшаго здоровья.

Мнѣ бы хотѣлось, чтобы во время твоей поѣздки въ Рязань ты ограничилъ бы свои желанія однимъ мышленіемъ, т. е. не старался прибавить къ понятіямъ новыхъ свѣдѣній изъ новыхъ книгъ, уже полученныхъ прежде, перегонялъ бы черезъ кубокъ передумыванья, и водку мыслей передвойлъ бы въ спиртъ *). Ихъ количество можетъ быть умень-

*) Кошелевъ имѣлъ винокуренный заводъ и, нѣсколько позднѣе кажется, занимался откупами. Какъ человѣкъ выдающихся способностей, широкой образованности и отмѣннаго трудолюбія, былъ онъ предметомъ зависти и мишенью клеветы. Исторія оцѣнитъ его заслуги Русскому просвѣщенію. Это былъ неутомимый борецъ за самобытность Русской мысли, горячій другъ и честный гражданинъ. П. Б.

шится, но за то качество прибудетъ и невольно заставитъ тебя писать. А это теперь для тебя необходимо. Мнѣ кажется: первый удачный опытъ, показавъ тебѣ твои силы, рѣшитъ тебя сдѣлаться писателемъ. Это званіе не мѣшаетъ ни чему, но, напротивъ, еще помогаетъ сдѣлать однимъ камнемъ два удара. Къ тому же не забудь, что ты обѣщалъ Погодину. Кстати къ Погодину: онъ задумалъ пресмѣшную вещь: хочетъ писать особенную брошюрку о томъ, что Политическое равновѣсіе Европы принадлежитъ къ числу тѣхъ мыслей, которыя, вмѣстѣ съ повѣрьями о колдунахъ, привидѣньяхъ и чертяхъ, суть порожденія невѣжества и суевѣрія, и въ *нашъ просвѣщенный* вѣкъ должны вывестись и исчезнуть при свѣтѣ *истиннаго* мышленія. Сколько я ни толковалъ ему, преубѣдить не могъ; ибо для этого нужно понять: что̀ такое Политическое равновѣсіе, а здѣсь-то и запятая. Однако надѣюсь еще остановить его отъ этой шалости, которая достойна издателя Моск. Вѣст. Впрочемъ ты не говори объ этомъ ни ему, когда увидишься, и кому другому. Пусть оно умретъ со всѣми его глупостями. По моему эта послѣдняя стоитъ казаковъ Останкинскихъ.

Сомнѣваться въ моемъ отвѣтѣ на твое будущее обѣщанное письмо не должно. Охотно готовъ возобновить съ тобою бумажную мѣну мыслей: будь же опять мой кошелекъ, въ который я стану складывать все золото мое. Прощай, твой Кирѣевскій.

II.

6 Іюля.

Вчера я писалъ къ тебѣ, другъ Кошелевъ, потому что была оказія, и писалъ наспѣхъ; сегодня пишу безъ оказіи, только потому, что хочется потолковать съ тобой, и даже не знаю, застанетъ ли тебя письмо мое въ Ильинскомъ *). Но всё равно! Гдѣ нибудь, когда нибудь ты его получишь; а если нѣтъ—не бѣда: я пишу *такъ*, не имѣя ничего *сказать* тебѣ, хотя имѣю охоту говорить обо многомъ. Я сейчасъ изъ подъ дȕши, которую наконецъ добылъ; вечеръ славный: и свѣжо, ни тепло вмѣстѣ; я сижу подъ окномъ; на окнѣ чай, который я пью, какъ пьяница, понемногу, съ наслажденіемъ, съ сладострастіемъ; въ одной рукѣ трубка, въ другой перо,—и я пишу, какъ пью чай, съ роздыхами.

*) Ильинское, то самое, которое унаслѣдовано покойнымъ Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ отъ его Матери, принадлежало въ то время, когда писано это письмо, князю Леониду Михайловичу Голицыну; въ немъ отдавались въ наемъ дачи. А. П. Елагина любила вспоминать про свою тамошнюю дачную жизнь. Тамъ же проводила лѣто вдова И. Р. Кошелева, Дарья Николаевна, рожденная Дежарденъ, съ единственнымъ своимъ сыномъ А. И. Кошелевымъ, сохранившимъ во всю свою жизнь отмѣнную приверженность къ А. П. Елагиной. П. Б.

хомъ, съ Турецкою нѣгою лѣни: хорошо и *мягко* жить въ эту минуту! Какая-то музыка въ душѣ, безпричинная, *Эолова* музыка, не связанная ни съ какой мыслью. Зачѣмъ неспособенъ я вѣрить! Я бы думалъ тогда, что это безпричинное чувство въ душѣ моей—чье нибудь вліяніе, что эта сердечная музыка не *мое* расположеніе духа, а отголосокъ, сочувствіе, физическое ощущеніе чужой мысли. Но я этого не думаю, потому что не вѣрю такимъ чудесамъ, и еще по многимъ другимъ причинамъ. Странно. Это чувство, покуда я говорилъ объ немъ, прошло. Видно, я убилъ его словомъ, либо неловко зацѣпилъ какою нибудь несоотвѣтственною мыслію. Но все равно: давай пользоваться вечеромъ и чаемъ, и толковать, какъ бы мы были вмѣстѣ.

Вотъ тебѣ отчетъ въ моихъ занятіяхъ съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ. Не стану говорить о нѣкоторыхъ хлопотахъ, о безсмысленныхъ движеніяхъ ума, и тѣла, и языка, которыя дробили мое время и крошили мысли; о нихъ говорить и вспоминать, значитъ продолжать ихъ силу. Но въ остальныя минуты, когда могъ быть самъ съ собою, я былъ въ одномъ изъ двухъ положеній: либо отдавалъ свою голову на произволъ судьбы (и это слишкомъ часто) и тогда строилъ себѣ на воздухѣ разнаго рода Италіи; либо былъ господинъ своимъ мыслямъ, и тогда думалъ и писалъ о воспитаніи женщинъ,—предметъ, который не знаю, какъ ограничить: такъ онъ много захватываетъ другихъ предметовъ. Чтобы показать, что воспитаніе женщинъ не соотвѣтствуетъ потребностямъ времени и просвѣщенія, надобно показать характеръ времени и просвѣщенія, отдѣлить отъ существеннаго случайное, выказать мысль изъ подъ событій, привести къ одному итогу раздробленныя цифры, и это все изложить языкомъ общимъ, равно признаннымъ въ гостиныхъ и въ школахъ; изложить въ формахъ самыхъ простыхъ, чтобы женщина могла понять ихъ, и несмотря на эту ясность, изложить такъ, чтобы цензура не имѣла къ чему придраться, не смотря на подпись моего имени. Вотъ задача, которую исполнить такъ трудно, что эта одна трудность можетъ расшевелить къ работѣ, какъ къ пистолетной стрѣльбѣ. Но этого мало. Представивъ время, изобразивъ сердце человѣческое, какъ оно создано просвѣщеніемъ и нравственнымъ порядкомъ вещей, надобно показать еще, какое изо всего этого слѣдуетъ отношеніе между мужчиною и женщиною. Для этого необходимо представить вообще исторію этихъ отношеній, отъ начала исторіи до нашихъ временъ, и показать, въ какой соотвѣтственности былъ нравственный порядокъ вещей съ судьбою женщинъ; потомъ, проведя его и умозрительно, и фактически черезъ всѣ моменты просвѣщенія, показать его примѣненіе къ настоящему; этотъ результатъ вывести столько же умозрительно,

сколько жизненно; наконецъ для всѣхъ требованій, для всей системы найти, создать одно слово, имя, которое бы отдѣляло ее отъ всѣхъ другихъ системъ, чтобы въ умѣ читателей не смѣшивались отрывки изъ одной мысли съ отрывками изъ другой мысли несоотвѣтственной, чтобы всѣ слова мои не приписали ни безсмысленному требованію Сенсимонической эмансипаціи, ни плоскому повторенію понятій запоздалыхъ; и надобно все это сработать къ Сентябрю, и если удастся, буду молодецъ! Прощай.

7 Іюля.

Я долженъ былъ прервать мое письмо вчера потому, что у меня догорѣли свѣчи, и мой человѣкъ уже отправился спать. Я вчера простился съ Трубецкимъ, который ѣдетъ сегодня. Скарятину Влад. я до сихъ поръ не могъ доставить твоего письма потому, что онъ изволитъ забавляться на охотѣ и до сихъ поръ не возвращался домой. Вотъ тебѣ записку Чаадаева, на которую я отвѣчалъ: не знаю, и обѣщалъ спросить у тебя. Прощай. Твой И. К.

III.

И мы съ Одоевскимъ также безпрестанно вспоминаемъ время, проведенное у васъ такъ дружески и такъ тепло, не смотря на непогоду вокругъ насъ. Это время должно отозваться намъ не въ одной памяти. Какъ несчастное предзнаменованіе три свѣчки на столѣ, такъ три друга за столомъ счастливое, особливо, когда они окружены милыми имъ людьми. Это не суевѣріе. Поцѣлуй за меня ручки у Дарьи Николаевны и поблагодари ее хорошенько за наше Ильинское житье. Что ея нога, и когда вы въ Москву? Я очень радъ слышать, что ты продолжаешь свои занятія. Вотъ тебѣ Шеллинговъ Идеализмъ, а Канта у меня теперь не имѣется. Постараюсь достать. Желалъ бы, чтобы ты пріѣхалъ сюда съ доконченнымъ сочиненіемъ, хотя не знаю, возможно ли работать такъ скоро надъ дѣломъ такимъ труднымъ. Dupin я искалъ во всѣхъ лавкахъ, и напрасно. Надобно выписывать изъ Риги или изъ Любека. Успѣемъ-ли? О Гельвеціи я думаю. Я самъ былъ бы такого же мнѣнія, какъ ты, если бы прочелъ его теперь; но лѣтъ десять назадъ онъ произвелъ на меня совсѣмъ другое дѣйствіе. Признаюсь тебѣ, что тогда онъ казался мнѣ не только отчетливымъ, яснымъ, простонародно-убѣдительнымъ, но даже нравственнымъ, несмотря на проповѣдываніе эгоизма. Эгоизмъ этотъ казался мнѣ только неточнымъ словомъ, потому что подъ нимъ могли разумѣться и патріотизмъ, и любовь къ человѣчеству, и всѣ добродѣтели. Къ тому же мысль, что добродѣтель для насъ не только долгъ, но еще счастіе, казалась мнѣ отмѣнно убѣ-

дительною въ пользу Гельвеція. Къ тому же примѣръ его собственной жизни противорѣчитъ упрекамъ въ безнравственности. То, что̀ ты говоришь о 89 годѣ, кажется не совсѣмъ справедливо. Двигатели мнѣній и толпы были тогда не только люди нравственные, но энтузіасты добродѣтели. Робеспьеръ былъ не меньше какъ фанатикъ добра. Конечно, это было не послѣдствіемъ тогдашней философіи, но можетъ быть вопреки ей; однако было. Можетъ быть, оно произошло только отъ сильнаго броженія умовъ и судебъ народныхъ, ибо и человѣкъ въ минуты критическія бываетъ выше обыкновеннаго. Россія, мы надѣемся, черезъ этотъ переломъ не пройдетъ; авось въ ней не будетъ кровопролитныхъ переворотовъ, но тѣмъ заботливѣе надобно пещись въ ней о нравственности системъ и поступковъ. Чѣмъ меньше фанатизма, тѣмъ строже и бдительнѣе долженъ быть разумъ. И я заключу также, какъ ты: у насъ должна быть твердая и молодымъ душамъ свойственная нравственность, и стремленіе къ ней должно быть главною, единственною цѣлью всякой дѣятельности. Въ ней патріотизмъ, и любомудріе, въ ней основа религіи; но надобно умѣть ее понимать. Потому пиши, я буду дѣлать тоже, и потомъ посмотримъ. Твой И. Кирѣевскій.

17 Сентября, день Вѣры, Надежды, Любви и Софіи.

V.

4 Марта 1850 г.

Если изъ твоего сочиненія объ эмансипаціи будетъ возможно прислать мнѣ прежде окончанія какіе нибудь отрывки, то очень бы ты обязалъ меня этимъ. Мнѣ любопытно было бы видѣть тонъ и форму, не говоря уже о мысляхъ. Я возвратилъ бы тебѣ ихъ черезъ три дня въ цѣлости и невредимости, приложивъ къ нимъ свои замѣчанія, которыя, можетъ быть, возбудили бы въ тебѣ вниманіе къ новымъ вопросамъ по этому предмету, или по крайней мѣрѣ къ новой сторонѣ вопросовъ.

Въ концѣ Мая и въ началѣ Іюня я думаю быть въ Петербургѣ, куда я поѣду къ экзамену сына, и чтобы его на ваканціи привести въ деревню. Не увидимся ли мы тамъ?

Я съ большимъ удовольствіемъ узналъ, что ты особенно сошелся съ Максимовичемъ. Это человѣкъ, котораго я сердечно люблю. Подъ его слабой наружностью скрывается драгоцѣнный камушекъ. Перо у него золотое, съ брилліантовымъ кончикомъ.

VI.

20 Февраля 1851.

Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ, любезный другъ Кошелевъ, ты объявляешь мнѣ о своемъ отъѣздѣ за границу, а между тѣмъ адреса своего туда мнѣ не приложилъ, хотя пишешь, что отъ меня письма ожидаешь въ Январѣ. Теперь только узналъ я, что ты уже возвратился, и спѣшу отвѣтить на твое письмо вопросомъ: какое новое впечатлѣніе произвела на тебя Германія? Каждое живое замѣчаніе твое было бы драгоцѣнною новостью для меня, зарытаго въ Бѣлевскихъ снѣгахъ и слушающаго только свистъ Бѣлевской мятели, подъ музыку которой разсуждаетъ попъ о нравственныхъ качествахъ его дьячка и дьякона. Мнѣ сдается однако, что на Западѣ должны быть какіе нибудь признаки новой, начинающейся эпохи: новыя потребности умовъ, новый взглядъ на вещи, новыя ожиданія, однимъ словомъ, перемѣна въ убѣжденіяхъ такого рода, какой не было за годъ прежде. Слава Богу, что ты почитаешь теперешнее время неблагопріятнымъ для того, чтобы хлопотать о твоемъ любимомъ вопросѣ. Дай Богъ, дай Богъ, чтобы онъ не трогался до тѣхъ поръ, пока у насъ не измѣнится направленіе умовъ, покуда западный духъ не перестанетъ господствовать въ нашихъ понятіяхъ и въ нашей жизни такъ, что остается еще Русскимъ что̀ стойтъ, а все, что̀ движется, подвигается къ Нѣмечинѣ. Покуда мы идемъ и ведемся по этой дорогѣ. Дай Богъ, чтобы у насъ дѣлалось какъ можно меньше перемѣнъ, особенно перемѣнъ существенныхъ. Я говорю это отъ полнаго убѣжденія ума, съ живою любовью къ Россіи, съ надеждою ей такого вліянія и благоденствія, какое и не снилось Западнымъ народамъ, но вмѣстѣ и съ мучительнымъ страхомъ, что какое нибудь преждевременное и самолюбивое преобразованіе испортитъ дѣло самороднаго развитія. Что̀ надѣетесь вы сдѣлать вашими криками? Неужели вы думаете, что какое нибудь важное дѣло можетъ сдѣлаться хорошо, когда оно будетъ дѣлаться въ Западномъ духѣ? Конечно, криками и толками можно вызвать дѣло, но не то, какого вы желаете, а то, отъ котораго будетъ плакать Русскій человѣкъ, и вы, и само правительство. Если правительство обманется до того, что ваши крики приметъ за выраженіе общаго мнѣнія, то перемѣну сдѣлаетъ, только не ту и не такъ, какъ вы желаете. Вы хотите эмансипаціи крестьянъ; вамъ дадутъ инвентари, и дѣло будетъ испорчено навсегда: родится небывалый антагонизмъ между сословіями, и тогда, чѣмъ это кончится, страшно и подумать. Когда спорное начало ляжетъ въ основаніе зданія, то трещина не остановится, покуда все зданіе разсядется.

Сохрани Богъ отъ этого! Тѣмъ горячѣе говорю я: сохрани Богъ! что думаю, или сказать откровенно, убѣжденъ вполнѣ, что не пройдетъ десяти или много пятнадцати лѣтъ, какъ направленіе умовъ у насъ должно измѣниться совершенно. Я говорю о низшихъ и о высшихъ умахъ. Вмѣсто Нѣмецкаго раціональнаго, преобразовательнаго духа, духъ православно-русскій проникнетъ всѣ наши убѣжденія и дѣйствія. И правительство будетъ тогда увѣреннѣе въ своей силѣ, и народъ пойдетъ прямѣе и спокойнѣе въ своемъ развитіи, и тогда Божіе благословеніе будетъ на каждомъ дѣлѣ улучшенія. Между тѣмъ какъ теперь каждая попытка улучшенія производитъ только новый безпорядокъ. Потому теперь покуда мое желаніе одно: чтобы насъ оставили въ томъ положеніи, въ какомъ мы находимся. Хорошо ли оно, дурно-ли, только бы не тревожили перемѣнами, и, что̀ еще важнѣе, не тревожили бы угрозами перемѣнъ, которыя производятъ нравственное разстройство хуже разстройства фактическаго. А что образъ мыслей всего нашего образованнаго класса долженъ перемѣниться въ самомъ непродолжительномъ времени и отъ Нѣмецкаго раціональнаго духа обратиться къ Русско-православному, эта истина можетъ быть очевидно доказана для всякаго, кто вникалъ въ развитіе Западнаго просвѣщенія и въ исторію Русскаго. Въ границахъ письма, конечно, этого изложить нельзя. Я и такъ уже наговорилъ много, и, кажется, слишкомъ много. Обнимаю тебя и жду твоего отвѣта. Диссертацію Кудрявцева, когда прочтешь самъ, то пожалуста пришли. Мнѣ будетъ очень любопытно ее видѣть, и я возвращу скоро.

VI.

Письмо твое, любезный другъ Кошелевъ, возбудило во мнѣ самое живое любопытство, такъ что, не смотря на мои ежедневные видимые успѣхи въ *прилежаніи* (жена говоритъ, будто я похитилъ это слово у нея, но я почитаю его своею собственностью, потому что, хотя оно изобрѣтено ею, однако посвящено было собственно моей особѣ), не смотря на мое прилежаніе, я пишу къ тебѣ нарочно для того, чтобы просить тебя изложить мнѣ подробнѣе твои планы и дѣйствія относительно предпринимаемыхъ тобою новыхъ мѣръ хозяйственнаго преобразованія. Я знаю, что если ты что нибудь предпримешь важное, то это будетъ нелегкомысленно обдумано, и потому сообщеніе твоихъ мыслей объ этомъ центральномъ вопросѣ нашего времени будетъ для меня не только любопытно, но можетъ быть и полезно: я съ удовольствіемъ поспѣшу перенять у тебя то, что̀ найду для себя удобоисполнимымъ и согласнымъ съ моими понятіями объ этомъ предметѣ. Начиная съ дворовыхъ, я желалъ бы знать, откупаются ли они у тебя, или отпускаешь ты ихъ по контрактамъ? Въ первомъ случаѣ я желалъ бы знать,

по скольку они тебѣ платятъ; а во второмъ, какого рода эти контракты и какую гарантію имѣешь ты для ихъ исполненія? Также прошу тебя сказать мнѣ, какимъ образомъ поступаешь ты съ тѣми, которые не хотятъ идти на волю или не могутъ, по лѣтамъ, по здоровью и пр.?

Въ отношеніи къ крестьянамъ я совершенно раздѣляю твою мысль, что легче ихъ сдѣлать свободными, чѣмъ обязанными. И не только легче, но и выгоднѣе для обѣихъ сторонъ и для цѣлаго государства. Права̀ будутъ яснѣе и послѣдствія перемѣны существеннѣе. Но на какомъ основаніи думаешь ты это сдѣлать? Мое мнѣніе въ этомъ случаѣ таково, что такъ какъ ихъ отпустить безъ земли не позволитъ правительство, ни Опекунскій Совѣтъ, а дать имъ пятидесятинную пропорцію земли было бы совершенное разореніе помѣщика, то остается одно средство: дать имъ нѣкоторое количество земли вмѣстѣ съ переводомъ на нихъ нѣкоторой части долга Опекунскому Совѣту. Десятинная пропорція на душу, кажется, будетъ въ этомъ случаѣ очень достаточное количество, ибо оно будетъ довольно важною поддержкою для крестьянина и вмѣстѣ поставитъ его въ необходимость искать посторонней работы, безъ чего всѣ поля помѣщиковъ остались бы необдѣланными, по извѣстному свойству Русскаго народа искать работы только до тѣхъ поръ, покуда она необходима для его пропитанія. Какая же часть долга Опекунскаго Совѣта должна за то лежать на крестьянахъ? Мнѣ кажется, справедливѣе всего было бы въ этомъ случаѣ: во первыхъ, взять въ соображеніе тѣ цѣны, за которыя продается обыкновенно душа на свозъ въ той или другой губерніи, и потомъ къ этой цѣнѣ прибавить пятую часть долга, выдаваемаго на пятидесятинную пропорцію. Напримѣръ: Опекунскій Совѣтъ выдаетъ на душу съ пятью десятинами земли въ № губерніи 75 руб. сер., въ той же губерніи душа на свозъ продается обыкновенно за 25 руб. сер.; слѣдовательно, къ 25 прибавить $^1/_5$ часть долга, будетъ 25+15=40 руб. сер. Эту сумму долженъ Опекунскій Совѣтъ перевести на крестьянъ, или выдать помѣщику, когда имѣніе не заложено. Но здѣсь представляется другой вопросъ: въ состояніи ли будутъ крестьяне платить ежегодно Опекунскому Совѣту 6-ть процентовъ съ 140 руб. т. е. 8 руб. 40 к. ассигнаціями? И какія средства можетъ употребить Опекунскій Совѣтъ въ случаѣ неуплаты? Очень бы любопытно мнѣ было слышать это отъ тебя; а я, признаюсь тебѣ, нахожусь въ недоумѣніи. Къ тому же на кого въ этомъ случаѣ лягутъ подушныя и земскія повинности? Справедливѣе всего было бы на землю, но какъ это сдѣлать прежде кадастра?

Въ другомъ отношеніи кажется мнѣ это дѣло не менѣе затруднительнымъ, т. е. въ отношеніи къ общему порядку у насъ въ Россіи;

ибо нѣтъ сомнѣнія, что освобожденные крестьяне будутъ не только разорены, но вмѣстѣ и развращены въ самое короткое время, съ помощью кабаковъ, приказныхъ и пр. и пр. Тогда кто ручается тебѣ, что твои лѣса не будутъ вырублены, твои луга потравлены, твой хлѣбъ увезенъ въ копнахъ, твои лошади уведены съ пастбища и пр. и пр.? Безпрестанно относиться къ земскому суду было бы можетъ быть возможно для откупщика, какъ ты; но для помѣщиковъ вообще это было бы тоже, что̀ сдѣлать становаго своимъ хозяиномъ, т. е. разориться самому и разорить совершенно крестьянъ. Къ тому же, когда не одинъ, но всѣ помѣщики въ уѣздѣ освободятъ крестьянъ своихъ, то 50 становыхъ не будутъ имѣть физической возможности изслѣдывать всѣ дѣла, которыя будутъ ежеминутно возникать между крестьянами и помѣщиками. При томъ не надобно забыть и то обстоятельство, что если такое преобразованіе сдѣлается всеобщимъ, то вѣроятно освобожденные крестьяне поступятъ въ вѣдѣніе какого нибудь особаго министерства, и слѣдовательно при каждомъ дѣлѣ съ ними нуженъ будетъ особый депутатъ со стороны этого министерства; а что̀ значатъ эти депутаты и какъ легко имѣть съ ними дѣло, можемъ мы видѣть изъ депутатовъ Государственныхъ Имуществъ.

VII.

Москва 1 Іюня 1854 г.

...Новаго въ Москвѣ ничего нѣтъ, кромѣ того, что графиня Растопчина докричалась до того, что наконецъ ей повѣрило правительство, которое, будь сказано между нами, при всѣхъ своихъ качествахъ имѣетъ тотъ важный недостатокъ, что почти совсѣмъ лишено литературной образованности и потому не можетъ отличить, что̀ ему вредно въ литературѣ, отъ того, что̀ можетъ поддержать его силу. И вслѣдствіе этого, Хомякова, который, какъ ты знаешь, былъ всегда защитникомъ самодержавія и православія, на котораго за это даже нападали такъ называемые либералы отъ 1823 года по сіе время, на котораго вообще нападали еще за то, что онъ одинъ изо всѣхъ поэтовъ всегда хвалилъ Россію, теперь призывали къ графу Закревскому и по предписанію 3-го Отдѣленія взяли съ него росписку въ томъ, что онъ никому не будетъ сообщать своихъ сочиненій прежде, чѣмъ ихъ утвердитъ цензура*). Это за то, что онъ въ стихахъ своихъ къ Россіи сказалъ, что

*) Графъ А. А. Закревскій хорошо зналъ Хомякова еще въ царствованіе Александра Павловича, когда тотъ служилъ въ Конной гвардіи. Онъ цѣнилъ и уважалъ его, но долженъ былъ, по приказанію изъ 3-го отдѣленія, даже доносить кто у него бываетъ и куда онъ ѣздитъ. Вызванный для выслушанія правительственнаго приказанія, Хомяковъ спросилъ: Ну а матушкѣ можно мнѣ читать свои стихи?—Можно, только съ осторожностью, отвѣчалъ, улыбаясь, Закревскій. (Слышано отъ самого Хомякова). Стихами, при-

у насъ нѣтъ правды въ судахъ. Эта мѣра, разумѣется, очень дѣйствительное средство для того, чтобы убить вдохновеніе поэта. Каково, сочиняя стихи, думать о чиновникахъ главнаго цензурнаго Комитета! Хомяковъ старается не показать, что это его огорчило, но не могло быть иначе. Когда сообразишь нѣкоторые факты вмѣстѣ, дѣлается очень странно: преслѣдуютъ сочиненія и память Гоголя, который стоялъ за самодержавіе, преслѣдуютъ Хомякова, который тоже стоитъ за самодержавіе; а безсовѣстныя похвалы, которыя вся публика принимаетъ за насмѣшку, правительство принимаетъ за чистыя деньги и даетъ за нихъ награды и перстни. Что̀ заключить изъ этого? Къ тому же преслѣдуются люди съ талантомъ, а покровительствуются люди бездарные.

VIII.

16 Іюля 1855 г. Москва.

...Новаго у насъ не слышно ничего, кромѣ того, что̀ въ газетахъ. Между Русскими книгопродавцами есть слухъ, что многія книги будутъ позволены, которыя были запрещены прежде. Я видѣлся съ Погодинымъ. Онъ, кажется, недоволенъ, что вы съ нимъ не сдѣлались о Москвитянинѣ. Онъ говоритъ, что если вы хотите издавать журналъ, то онъ желалъ бы съ вами пойти въ часть, чтобы каждый положилъ тысячъ по 20 ассигнаціями и сдѣлали бы журналъ лучшій въ Россіи. Онъ имѣетъ много статей интересныхъ, какъ онъ говоритъ. Между прочимъ онъ хочетъ хлопотать, чтобъ ему позволили напечатать его письма, и думаетъ помѣстить ихъ въ этотъ вашъ общій съ нимъ журналъ. Но письма эти печатать не позволятъ, да и неприлично бы было. А его участничество вѣроятно было бы не безъ стѣсненій для васъ...

IX.

1855. 26 Іюля. Долбино.

Наконецъ мы пріѣхали въ Долбино, любезный другъ Кошелевъ, и спѣшу извѣстить объ этомъ тебя, чтобы ты адресовалъ письма въ Бѣлевъ. Я не былъ здѣсь четыре года. Хозяйство нашелъ въ довольно хорошемъ видѣ, т. е. то, что̀ обыкновенно называется хозяйствомъ, но

зывавшими Россію къ покаянію передъ началомъ Крымской войны, Хомяковъ въ особенности вооружилъ противъ себя Наслѣдника Цесаревича. Черезъ два года, въ Великую Пятницу 1856 года, я сидѣлъ у него на Собачьей площадкѣ, когда къ нему явился полицейскій съ приказаніемъ обрить бороду. Я испросилъ у него позволенія взять къ себѣ на храненіе эту бумагу. Послѣ этого, вѣроятно, и были написаны имъ стихи о подвигѣ: Если сердце запыло
Передъ злобой людской,
Иль насилье схватило
Тебя цѣпью стальной..... И. К.

крестьянъ нашелъ крайне обѣднѣвшими. Два году сряду былъ у нихъ неурожай хлѣба, и сверхъ того въ одной части имѣнія былъ падежъ на скотъ, такъ что у нихъ не осталось ни коровы, ни овцы. Нынѣшній урожай ржи, слава Богу, порядочный; но овесъ ниже посредственнаго. Цѣны на овесъ подымаются, на гречиху еще болѣе, но на рожь слабѣютъ. Извѣсти пожалуйста, какъ у васъ, чтобы можно было нѣсколько сообразить о продажѣ. Кромѣ того прошу тебя сказать мнѣ, доволенъ ли ты Вильсоновской молотилкой и что она стоитъ? Если ты доволенъ ею и стоитъ она не очень дорого, то прошу тебя прислать мнѣ адресъ Вильсона и рекомендательное письмо отъ тебя къ нему, чтобы онъ не обманулъ меня. Тебя онъ уважаетъ и сдѣлаетъ поаккуратнѣе, если будетъ знать, что ты въ этомъ участвуешь. Прошу тебя прислать это на первой почтѣ.

Я пріѣхалъ сюда 22-го и до сихъ поръ еще не видалъ ни матушки, ни тетушки, ни газетъ, которыхъ къ намъ что-то не высылаютъ. Книги еще не раскрывалъ никакой. Только смотрѣлъ хозяйство, уставалъ отъ жару и лѣнился. Въ жизни деревенской есть что-то душное и грустное, по крайней мѣрѣ для меня. Точно пробкой по стеклу водятъ. Въ Москвѣ можетъ быть уединеніе; здѣсь самыя сухія заботы, безъ малѣйшей надежды на какой нибудь удовлетворительный успѣхъ. Если бы я имѣлъ твои убѣжденія о возможности и пользѣ скорой эмансипаціи, тогда бы мнѣ было отраднѣе; но я по несчастью такъ ясно вижу, что отъ этого *теперь* можетъ произойти только огромный вредъ, безъ всякой настоящей пользы, и можетъ быть даже вредъ неисправимый. Я это вижу такъ ясно, что не могу обманывать себя утѣшительными мечтами, какъ бы ни было пріятно имъ предаваться. Что твоя политическая экономія? И согласенъ ли ты со мной въ томъ, что я говорю о Россіи? Получилъ ли Хомяковъ отвѣтъ отъ Норова? Имѣешь ли извѣстія о нашемъ дѣлѣ? И не думаешь ли побывать въ Оптинѣ? Тамъ очень хорошо. Мы проѣзжали черезъ него и останавливались тамъ на два дня. Тамъ въ самомъ дѣлѣ душа отдыхаетъ.

X.

1855. 13 Августа.

Не знаю, застанетъ ли тебя въ Москвѣ это письмо, любезный Кошелевъ, но на всякій случай спѣшу сказать тебѣ нѣсколько словъ въ отвѣтъ на твое писаніе, чтобы предупредить тебя, если возможно, отъ опрометчиваго дѣйствія. Ты думаешь, какъ кажется изъ твоего письма, поддерживать Москвитянинъ или даже купить его. Но купить Москвитянинъ будетъ вамъ рѣшительно вредно. Новый журналъ, со-

всѣмъ новый, съ новою мыслію, съ новыми людьми и съ яснымъ, чистымъ убѣжденіемъ, можетъ быть одинъ для васъ полезенъ и настоящимъ орудіемъ вашихъ намѣреній. Москвитянинъ же въ десять лѣтъ не выпутается изъ своей смѣшанной репутаціи. Въ новомъ журналѣ каждая мысль будетъ самостоятельна, все недосказанное будетъ дополняться свѣжими соображеніями читателей. Въ старомъ же журналѣ и новая мысль будетъ толковаться прежнимъ духомъ изданія. Самъ Погодинъ, я думаю, такой сотрудникъ, который будетъ непремѣнно парализовать вашу самобытность, не только въ денежномъ отношеніи, но во многомъ другомъ. Что̀ касается до его писемъ, то хотя я и передавалъ тебѣ слова его, что онъ отдастъ ихъ въ журналъ, но я сдѣлалъ это безъ примѣчаній, потому что полагалъ, ты поймешь всю несбыточность такой приманки, которою онъ хочетъ васъ привлечь на свой журналъ. Но ты вспомни ихъ содержаніе, и увидишь, что о печатаніи ихъ не можетъ быть и мысли, не только старанія. Кромѣ же того я не знаю, чѣмъ онъ можетъ быть полезенъ журналу. Если документами старины, то это не поддерживаетъ журнала. Что же касается до Филиппова*), то мнѣ кажется ты ошибаешься, думая, что въ его рукахъ журналъ будетъ вялъ и одностороненъ. Филипповъ въ вашемъ кругу будетъ проникнутъ вашимъ духомъ и воззрѣніемъ на литературу и проч., ибо вашъ духъ также вѣрующій, какъ и его, но только больше развитъ въ отношеніи къ внѣшней образованности. Пишетъ онъ не только не вяло, но съ замѣчательнымъ талантомъ. А дѣятельность и легкость работы у него въ замѣчательной степени. Я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ одну книгу перевелъ всю въ нѣсколько дней, при всѣхъ другихъ своихъ занятіяхъ. Нынѣшній годъ онъ въ Оптинѣ говѣлъ, и въ эти дни, между службами, тоже списалъ цѣлую Греческую книжку. Для журнальной дѣятельности это кладъ. Впрочемъ, разумѣется, надобно вамъ будетъ, если хотите получить позволеніе, непремѣнно ѣхать въ Петербургъ и тамъ хлопотать и настаивать; безъ того ничего не сдѣлается. Вотъ мое мнѣніе.

*) Вмѣсто Москвитянина А. И. Кошелевъ началъ издавать „Русскую Бесѣду“, и въ 1856 г. сотрудникомъ его былъ Т. И. Филипповъ.

ПИСЬМА И. В. КИРѢЕВСКАГО КЪ М. П. ПОГОДИНУ.

1.

(1845).

Что̀ ты хочешь дѣлать съ Москвитяниномъ, совѣтуя перепечатывать въ него оффиціальныя пошлости тайнаго совѣтника Стурдзы? Онъ хотя и Стурдза, но хорошъ только какъ писатель-христіанинъ; а какъ начнетъ быть тайнымъ совѣтникомъ, то становится въ родѣ Сушкова, только нѣсколькими градусами оффиціальнѣе. Это просто убить журналъ, если печатать и еще перепечатывать такую пошлую лесть, восторженнымъ гласомъ произнесенную. Напиши ему что̀ хочешь; придумай извиненіе, если нужно извиняться; а мнѣ кажется лучше поссориться, чѣмъ замараться. Иннокентіева проповѣдь тоже холодные пустяки. Перепечатывать ее, кажется, не нужно, тѣмъ болѣе, что Воскресное Чтеніе вездѣ, гдѣ есть Москвитянинъ, расходится въ гораздо бо́льшемъ количествѣ. Нельзя ли черезъ Лобкова попросить еще у митрополита, хотя той проповѣди на Великую Пятницу, на которой Платонъ написалъ ему: „Ты князь проповѣдниковъ?“

Статью о древней Русской торговлѣ давай сюда *непремѣнно*. Не это называется сухимъ предметомъ. Безъ такихъ статей Москвитянинъ опошлится. Онѣ-то и могутъ дать ему настоящій характеръ.

2.

Послѣдній день 1855 года.

Любезный другъ Погодинъ! Къ намъ въ деревню доходятъ новости поздно, однакожъ отъ этого они мало теряютъ своей живости. Въ послѣднемъ № Моск. Вѣд. я прочелъ рѣчь, которую ты говорилъ Хрулеву, и прочелъ съ такимъ удовольствіемъ, какого давно не испытывалъ отъ печатнаго. Тебѣ Богъ вложилъ огонь въ слово. Видно, ты въ самомъ дѣлѣ скипѣлся душою съ жизнью нашего отечества, что при каждомъ явленіи этой жизни, при страданіи ея, при радости, у тебя вырывается изъ сердца настоящій звукъ. Твои голоса, т. е. пе-

печатанные, возбуждаютъ почти общее сочувствіе. Разумѣется, не всѣ, но большая часть. Въ рѣчи Хрулеву меня особенно поразила и обрадовала мысль о томъ, что Европа не догадывается, сколько добра извлечетъ Россія изъ того зла, которое она думаетъ ей нанести. Я думалъ, что я одинъ утѣшаю себя этою мыслію, и хотѣлъ бы обнять тебя, видя, что ты говоришь, что̀ я думаю. Твоя увѣренность укрѣпляетъ мою. Да, любезный другъ, эти страданья очистительныя, это болѣзнь къ здоровью; мы бы загнили и задохлись безъ этого потрясенія до самыхъ костей. Россія мучается, но это муки рожденія. Тотъ не знаетъ Россіи и не думаетъ объ ней въ глубинѣ сердца, кто не видитъ и не чувствуетъ, что изъ нея рождается что-то великое, небывалое въ мірѣ. Общественный духъ начинаетъ пробуждаться и не давится. Ложь и неправда, главныя наши язвы, начинаютъ обнаруживаться и не покрываются. Жалуются на беззаконность, воровство и обманъ, и это не называютъ бунтомъ. А что̀ можетъ выйти изъ Россіи, если сердце Царя будетъ сочувствовать сердцу народа? Если голосъ народа не будетъ для него страшилищемъ, но голосомъ родной души, чѣмъ онъ и всегда бы былъ, если бы его не боялись и не заглушали. Ужасно, невыразимо тяжело это время; но какою цѣною нельзя купить того блаженства, чтобы Русскій православный духъ, духъ истинной христіанской вѣры воплотился въ Русскую общественную и семейную жизнь! А возможность этого потому только невѣроятна, что слишкомъ прекрасна.

Впрочемъ, въ стремленіи къ Русскому народному духу есть возможность недоразумѣнія, которое, къ сожалѣнію, часто встрѣчается и много путаетъ. Подъ Русскимъ духомъ разумѣютъ не одушевленіе общечеловѣческаго ума духомъ православнаго, истиннаго христіанства, но только отрицаніе ума западнаго. Подъ *народнымъ* разумѣютъ не цѣлостный составъ государства, но одно *простонародное*, смѣшанный отпечатокъ полуизглаженныхъ, прежнихъ общественныхъ формъ, давно изломанныхъ и слѣдовательно уже не возстановимыхъ. Духъ живитъ, но улетаетъ, когда имъ хотятъ наполнить разбитыя формы.

Очень бы ты обязалъ меня, если бы нашелъ минуту подѣлиться тѣми мыслями, которыя теперь тебя занимаютъ. Не написалъ-ли ты чего новаго послѣ моего отъѣзда изъ Москвы? Если бы прислалъ мнѣ прочесть, то тетрадь твоя возвратилась бы скоро; а благодарность моя осталась бы невозвратною.

ПИСЬМО И. В. КИРѢЕВСКАГО КЪ А. С. ХОМЯКОВУ.

I.

Долбино. 1844. 10-е Апрѣля.

Письмо твое, любезный другъ Хомяковъ, отправленное изъ Москвы 21-го Марта, я получилъ 5-го Апрѣля вѣроятно отъ того, что оно шло черезъ Тулу. Предложеніе твое доставило мнѣ истинное, сердечное удовольствіе, потому что я ясно видѣлъ въ немъ твое дружеское чувство, которое, въ послѣднемъ итогѣ, есть чуть ли не самая существенная сторона всякаго дѣла. Что же касается собственно до *этого* дѣла, то если въ немъ и есть другая сторона, дѣловая, то такъ завалена затрудненіями, что врядъ ли и вашей дружбѣ возможно будетъ откопать ее. Впрочемъ представляю мое полное и подробное мнѣніе объ этомъ предметѣ на судъ тебѣ, братьямъ Петру и Васѣ[1]) и тѣмъ, кто вмѣстѣ съ вами интересуется объ этомъ дѣлѣ.

Я думаю, что лучше и полезнѣе, и блестящѣе, и дѣльнѣе всего издавать журналъ тебѣ. Тогда во мнѣ нашелъ бы ты самаго вѣрнаго и дѣятельнаго сотрудника; потому что, хотя мнѣ запрещено было издавать Европейца, но не запрещено писать и участвовать въ журналахъ. Если же ты рѣшительно не хочешь оставить свою куклу Семирамиду[2]) (потому что зайцы бы не помѣшали: на время пороши могъ бы завѣдывать журналомъ другой), то отчего не издавать Шевыреву? Нѣтъ человѣка способнѣе къ журнальной дѣятельности. Къ тому же Москвитянинъ держался имъ, и слѣдовательно теперь, при отъѣздѣ Погодина, всего справедливѣе журналу перейти къ нему. Но такъ какъ ты объ этомъ не пишешь, то вѣроятно есть какія нибудь непреодолимыя затрудненія, т. е. его рѣшительный отказъ и пр. и пр. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ вотъ что я скажу о себѣ: издавать журналъ было бы для меня самымъ пріятнымъ занятіемъ, и можетъ быть, самымъ дѣльнымъ, потому что я по несчастію убѣдился, что для возбужденія моей дѣятель-

---

[1]) Василію Алексѣевичу Елагину. П. Б.

[2]) Такъ называли большой трудъ Хомякова, Записки о Всемірной Исторіи. П. Б.

ности необходимо внѣшнее и даже срочное принужденіе. Но противъ этого много затрудненій: 1-е, я обѣщалъ Семёну [1]) исторію; 2-е, мнѣ былъ запрещенъ журналъ, и неизвѣстно, позволятъ-ли теперь. Примѣръ Полеваго, которому запретили одинъ и позволили другой, не знаю, приложится ли ко мнѣ; развѣ двѣнадцатилѣтняя давность послужитъ мнѣ замѣною другихъ заслугъ. Но безъ яснаго и формальнаго позволенія я издавать не стану, именно потому, что уже разъ мнѣ было запрещено; 3-е, если мнѣ и позволятъ, то можно ли найти гарантіи противъ того, что опять Петербургскіе журналисты меня оклевещутъ, донесутъ и выхлопочутъ новое запрещеніе? Подвергнуться во второй разъ тому, чтобы быть жертвой Булгариныхъ, было бы уже черезчуръ глупо съ моей стороны и въ мои лѣта. Что̀, кажется, благонамѣреннѣе Погодина и его Москвитянина? Я такъ думаю, хотя и не читалъ его. А между тѣмъ, сколько было на него доносовъ и сколько разъ рисковалъ онъ быть запрещеннымъ, если бы не спасалъ его министръ [2]). У меня этой опоры не будетъ, и никакой, а между тѣмъ Булгарины съ братіей будутъ на меня еще злѣе, чѣмъ на Погодина, потому что я имѣлъ неосторожность еще въ 24-мъ году обидѣть самолюбіе большей части Петербургскихъ литераторовъ и сдѣлать ихъ своими личными врагами. Противъ этого могло бы быть одно спасеніе: если бы человѣкъ благонамѣренный и неподкупный, и вмѣстѣ сильный, взялъ журналъ подъ свое покровительство, (т. е. говоря покровительство, я разумѣю не послабленіе цензуры, но напротивъ, увеличеніе ея строгости, только не безтолковой), и вмѣстѣ защиту отъ доносовъ и заступленіе отъ запрещенія. Такимъ человѣкомъ я разумѣю Строгонова, но не знаю, согласится ли онъ на это. Вотъ какъ я воображаю себѣ это дѣло и если бы кто нибудь изъ нашихъ общихъ знакомыхъ сказалъ ему слѣдующее: „Вашему сіятельству извѣстно, что Погодинъ уѣзжаетъ за границу и продаетъ свой журналъ. Купить его желалъ бы К.; надѣясь, что послѣ 12-ти лѣтняго молчанія ему позволено будетъ говорить, тѣмъ болѣе, что когда онъ черезъ знакомыхъ своихъ справлялся о томъ, то ему отвѣчали, что запрещенъ Европеецъ, а не онъ, и поставили въ примѣръ Надеждина и Полеваго, находившихся въ такомъ же положеніи. Но К. естественно не хочетъ въ другой разъ подвергаться той же участи и потому не рѣшается просить позволенія, прежде чѣмъ узнаетъ, можетъ ли, въ случаѣ разрѣшенія, надѣяться на ваше покровительство журналу. Образъ мыслей его вамъ извѣстенъ. Подъ покровительствомъ разумѣетъ онъ одно: увѣренность, что при самой строгой

---

[1]) Извѣстному книгопродавцу, типографщику и издателю. П. Б.

[2]) Графъ С. С. Уваровъ. П. Б.

цензурѣ, какую вамъ угодно будетъ назначить, отвѣтственность затѣмъ будетъ лежать на ней, а не на немъ".

Если Строгоновъ будетъ обѣщать это, то тогда надобно пустить Валуева въ переговоры съ Семеномъ. Если Семенъ не сочтетъ себя обиженнымъ на то, что я не пишу исторіи, то въ такомъ случаѣ надобно будетъ условиться съ Погодинымъ такимъ образомъ, чтобы онъ не дѣлалъ ни малѣйшей жертвы, а высчиталъ бы, что̀ стоитъ изданіе журнала, сколькими подписчиками оно покрывается, отчислилъ бы сверхъ того 50 экземпляровъ на безденежную раздачу, и затѣмъ назначилъ бы себѣ такое число ежегодно, какое считать достаточнымъ. Объ этомъ надобно будетъ сдѣлать формальное условіе тогда. Когда, и если, я получу позволеніе, которое впрочемъ онъ же долженъ будетъ мнѣ исходатайствовать, т. е. частными письмами узнать прежде черезъ своихъ знакомыхъ, возможно ли это, и если скажутъ—да, то подать прошеніе министру, чтобы позволено ему было передать Москвитянинъ мнѣ. Или, можетъ быть, мнѣ самому надобно будетъ подать о томъ прошеніе, въ такомъ случаѣ пришлите мнѣ форму, какъ и кому писать, тоже списавшись съ людьми знающими и поговоря съ гр. Строгоновымъ. Я думаю впрочемъ, что это прошеніе должно будетъ дойти до Государя, потому что отъ его имени объявлено мнѣ было запрещеніе. Но можно ли просить Государя объ этомъ? И какимъ образомъ? Я думаю, въ этомъ случаѣ надобно мнѣ будетъ писать къ графу Бенкендорфу. Оправдываться въ прошедшемъ было бы теперь не кстати. Но тогда ты знаешь, что я не оправдывался (оправданіе мое, которое ходило тогда по Москвѣ, было писано не мною, и не по моимъ мыслямъ, и распущено не по моему желанію); теперь я могъ бы сказать только одно: что съ тѣхъ поръ прошло 12 лѣтъ; что, разбирая свой образъ мыслей по совѣсти, я не нахожу въ немъ ничего возмутительнаго или противнаго ни правительству, ни порядку, ни нравственности, ни религіи, а потому осмѣливаюсь думать, что не недостоинъ того, чтобы молчаніе, наложенное на меня съ 32-го года, было наконецъ снято и пр. и пр. Какое можетъ быть изъ этого слѣдствіе, я не знаю; но ты видишь по крайней мѣрѣ, что я не упрямлюсь отказываться, но, развивая мысль, невольно встрѣчаюсь съ столькими затрудненіями, что врядъ ли ты самъ найдешь ихъ преодолимыми. Спѣшу кончить, чтобы не опоздать, хотя о многомъ хотѣлось бы поговорить съ тобой. Твой И. К.

2.

2-е Мая 1844.

Вчера получилъ письмо твое, любезный другъ Хомяковъ, т. е. въ день твоего рожденія, когда выпилъ за твое здоровье. Теперь спѣшу отвѣтить тебѣ хотя нѣсколько словъ, а въ субботу буду писать подробно.

На предложеніе твое я весьма бы радъ былъ согласиться, если бы это было возможно. Но разсуди самъ, если я, не зондировавши грунта, вдругъ явлюсь издателемъ, и если вдругъ, основываясь на прежнемъ, поступятъ съ Москвитянимъ также, какъ съ Европейцемъ, то не лишу ли я Погодина его собственности, и не пріобрѣту ли самому себѣ право называться, по крайней мѣрѣ, вѣтренымъ и неосновательнымъ человѣкомъ. Когда я говорилъ въ прежнемъ письмѣ объ имени, то конечно не для того, чтобы одному пожинать лавры; но я хотѣлъ имѣть право отвѣчать одинъ. Если же собственность журнала останется Погодину, то чѣмъ могу я вознаградить его въ случаѣ неудачи? Если правительству будетъ извѣстно, что я издаю, и журналу это не повредитъ, то въ этомъ случаѣ до имени мнѣ дѣла нѣтъ, только бы имѣть право высказывать свой образъ мыслей самовластно. Если же могло бы къ моему имени присоединиться еще имя литературной извѣстности, то это не только бы подняло журналъ, но еще и мнѣ придало бы больше куражу. Не согласиться ли Шевыревъ? Каждый отвѣчалъ бы за себя. А если бы ты согласился, то за успѣхъ можно бы напередъ дать росписку. Что же касается до именъ неизвѣстныхъ, то я не понимаю, для чего они? Развѣ для того, чтобъ напередъ отнять у публики довѣренность. Если же комитетъ нуженъ только для того, чтобы мнѣ passer inaperçu, то это мнѣ кажется плохой разсчетъ. Когда нибудь я буду же aperçu, и тогда опять тѣ же отношенія. Къ тому же издавать комитетомъ значитъ сдѣлать кашу безъ масла.

О Строгоновѣ я писалъ потому, что 1-ое, онъ человѣкъ благородный и хорошій; 2-ое, онъ глава Московскаго просвѣщенія; 3-ье, ему извѣстенъ мой образъ мыслей по двумъ статьямъ, которыя я ему сообщилъ. Основываясь на этомъ, я думалъ, что онъ можетъ взяться обезопасить журналъ отъ скоропостижной смерти, стѣснивъ его жизнь посредствомъ цензуры. Но собственно покровительство его, просто какъ покровительство, мнѣ ненужно.

Результатъ всего слѣдующій: безъ того, чтобы имя мое было извѣстно и позволено, я издавать не могу, тѣмъ болѣе, что журналъ остается собственностью Погодина. Если же это можетъ быть, т. е.

совершенно безопасно для журнала, тогда устраивай какъ хочешь,—я на все согласенъ.

Еще одно: ты пишешь, что противники издаютъ Галатею. Кто же эти противники? Неужели ты такъ называешь Грановскаго и пр.? Если такъ, то не ошибаетесь ли вы и во мнѣ? Можетъ быть, вы считаете меня заклятымъ Славянофиломъ и потому предлагаете мнѣ Москвитянина. То на это я долженъ сказать, что этотъ Славянофильскій образъ мыслей я раздѣляю только *отъ части*, а *другую часть* его считаю *дальше отъ себя, чѣмъ самыя эксцентричныя мнѣнія Грановскаго*.

Я отмѣнно обрадованъ былъ извѣстіемъ, что ты и Языковъ начали писать. Отъ этого только подписываюсь на Москвитянина.

*

ИЗЪ ПИСЕМЪ И. В. КИРѢЕВСКАГО КЪ ЕГО МАТЕРИ А. П. ЕЛАГИНОЙ.

1.

Поблагодарите хорошенько нашего добраго Жуковскаго. Стало быть и здѣсь, между собакъ, картъ, лошадей и исправниковъ, можно жить независимо и спокойно подъ крыломъ этого генія-хранителя нашей семьи. Пожалуйста напишите объ немъ побо́льше, его словъ, его мнѣній, всего, куда брызнетъ его душа.....

Мы послали вамъ стихи подъ именемъ Бенедиктова. Однако это была мистификація, въ которой прошу и васъ участвовать, сохраняя всевозможную тайну. Вотъ въ чемъ дѣло. Наканунѣ нашей присылки стиховъ мы смѣялись тому, какъ наша публика и Шевыревская партія восхищаются Бенедиктовымъ и прочими рифмоплетеньями, гдѣ поэты безъ мыслей притворяются мыслящими потому только, что прочли нѣсколько Нѣмцевъ, не понимая, можетъ быть, половины, похоже на то, какъ покойный П., пробывъ нѣсколько лѣтъ подлѣ Ермолова, выучилъ нѣсколько его словъ, принялъ у него книжный языкъ и важную фигуру и поразилъ весь почтамтъ своимъ умомъ и тонкою прозорливостью. Въ доказательство, какъ легко писать такіе стихи, мы втроемъ съ женой и братомъ начали піесу за ужиномъ и кончили, не выходя изъ за стола. Къ тому же до самаго послѣдняго стиха мы не знали, куда зайдемъ, ни о чемъ пишемъ. Къ тому же насъ еще затруднила Наташа, которая непремѣнно требовала вставить *осину*, какъ еще никогда не воспѣтую. Теперь, милая маменька, такъ какъ вы обманулись, то слѣдовательно и всякій обманется. Нельзя ли вамъ исполнить наше желаніе и обмануть Шевырева, такъ чтобы онъ помѣстилъ ее въ первомъ номерѣ, однако безъ имени, а только поставилъ бы В. Б..? Это будетъ Варвара Боровкова, ваша бывшая прачка, отъ имени которой мы ему

и еще пришлемъ стиховъ, если онъ до нихъ разохотится. Велите пожалуйста переписать незнакомой рукой и черезъ кого нибудь передать ему. Пожалуйста, постарайтесь объ этомъ. Если эпиграфъ покажется вамъ уже слишкомъ глупъ, то вмѣсто *Гёте* подпише *Тикъ*, подъ фирмою котораго всякая безсмыслица сойдетъ...

2.

. . . . По описаніямъ вашимъ мнѣ кажется, что Павловъ выкинулъ недоношеннаго чиновника. Какъ бы хорошо ни была написана эта повѣсть, но по содержанію своему она и фальшива, и пуста. Къ тому же очевидно, что она неправильный списокъ съ Французскихъ повѣстей. Ни сердце Русскаго чиновника, ни общество Русское не такъ обрисованы. И низость у насъ не такая, и подлость бываетъ другая, пружины не тѣ. Жаль, что онъ, съ его необыкновеннымъ талантомъ, не смотритъ на вещи прямыми глазами, а самъ съ собой хитритъ и старается, чтобы его взглядъ на людей былъ похожъ на взглядъ моднаго Француза. Это напрасно. Онъ этого только слабѣетъ и наконецъ можетъ совсѣмъ заглушить въ себѣ самого себя.

3.

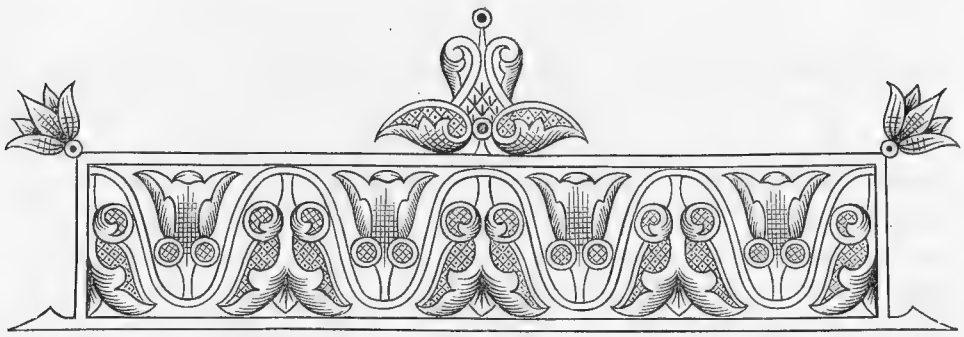
Алексѣй Степановичъ*) чуть-чуть не доказалъ Свербееву, что движеніе только обманъ чувствъ; что того не существуетъ, чего онъ не знаетъ и пр. У нихъ по утрамъ споры, ввечеру преферансъ, ночью словопренія. Здѣсь въ Москвѣ, говорятъ, происходятъ удивительные балъ за баломъ, балъ съ ярманкой, балъ съ каруселью и т. п. Шевырева лекціи прекрасныя. Онъ читаетъ гораздо проще и лучше, чѣмъ на первомъ курсѣ. Здѣсь удивительно шумитъ Гоголева переписка съ друзьями. Я еще не читалъ ея. Судя по отрывкамъ, Гоголь долженъ быть боленъ, чему многіе очень обрадовались.

4.

8-го Августа 1849 г.

. . . Гоголя мы видѣли вчера. Второй томъ Мертвыхъ Душъ написанъ, но еще не приведенъ въ порядокъ, для чего ему нужно будетъ употребить еще годъ.

*) Хомяковъ. П. Б.



ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Н. А. МАЛЕВСКАГО-МАЛЕВИЧА [1]).

II.

Въ первой главѣ я упомянулъ уже, что у дѣда моего Александра Ивановича Розова отъ перваго его брака съ дочерью князя Дмитрія Сергѣевича Трубецкаго Варварой Дмитріевной [2]) были двѣ дочери Екатерина и Надежда. Отъ втораго брака съ Юліей Ѳедоровной Кунишъ у дѣдушки былъ одинъ только сынъ Костенька. Онъ родился, когда матери его не было еще и 17-ти лѣтъ. Молоденькая женщина, еще сама ребенокъ, не имѣла понятія о воспитаніи, и мальчикъ былъ порученъ тещѣ его отца, а его бабушкѣ, Дарьѣ Карловнѣ Кунишъ. Все, что мнѣ впослѣдствіи разсказывали о дѣтскихъ годахъ Костеньки, свидѣтельствуетъ, что онъ росъ при условіяхъ неблагопріятныхъ для его кипучей природы. Отецъ былъ занятъ службой, мать въ первый годъ замужества еще сама играла въ куклы. Живой, рѣзвый и любознательный ребенокъ былъ предоставленъ самому себѣ; бабушка Дарья Карловна его баловала безмѣрно и рада была исполнять всѣ его причуды. Александръ Ивановичъ, сознавая недостатки домашняго воспитанія, рѣшился помѣстить сына въ казенную гимназію пансіонеромъ. Въ то время однимъ изъ обычныхъ средствъ воспитательнаго воздѣйствія была розга. Пороли нещадно по Субботамъ за всякую вину: за невыученный урокъ, за шалость въ классѣ, за куренье, за несоблю-

[1]) Первая глава этихъ Воспоминаній Николая Андреевича Малевскаго-Малевича, въ которыхъ прекрасно изображенъ старинный бытъ средняго круга дворянъ-Москвичей, помѣщена въ 5-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ 1908 года. П. Б.

[2]) Внучкою столь извѣстнаго въ Русской исторіи за первую половину XVIII вѣка князя Никиты Юрьевича Трубецкаго. П. Б.

деніе формы. Замѣчательно, что многіе, испытавшіе на собственной особѣ педагогическіе пріемы добраго стараго времени, не возмущались ими и даже находили въ нихъ хорошія стороны; но дядя Константинъ Александровичъ возненавидѣлъ гимназію и гимназическое начальство. Казарменность гимназической обстановки и весь школьный укладъ неблагопріятно подѣйствовали на впечатлительнаго, избалованнаго мальчика. Онъ къ 14-ти годамъ сталъ пить и покучивать, какъ большинство его товарищей. Учиться онъ бросилъ совершенно, но сохранилъ свою неистощимую веселость и заразительный юморъ. Про его безчисленныя шалости въ гимназіи сохранилось въ нашей семьѣ много разсказовъ, наглядно рисующихъ условія жизни въ стѣнахъ казенной гимназіи. Надзиратели приглашались большею частью изъ иностранцевъ, но безъ всякаго разбора, такъ что въ число педагоговъ попадали отставные барабанщики и канониры, люди полуграмотные, пьяные и небрезговавшіе подачками. Однажды мальчикъ спрашиваетъ одного изъ своихъ менторовъ: „Карлъ Ивановичъ, что̀ такое республика?“ Тотъ отвѣчаетъ: „*респу*—на-животъ, *блика*—на-смерть: значитъ: они дрались не на животъ, а на смерть“. Карлъ Ивановичъ былъ добрѣе другихъ, но тоже частенько покрикивалъ на своихъ питомцевъ: „фотъ, опейть, пароттъ!“ Другой надзиратель, Густавъ Ивановичъ, былъ строже: онъ бралъ провинившагося ученика за ухо и велъ его къ грозному инспектору, приговаривая: „я тебя подъ розгу подсуну!“ Одного изъ своихъ наставниковъ дядя мой однажды пригласилъ на вечеръ, а домашнихъ своихъ и гостей увѣрилъ, что гимназическій надзиратель обладаетъ прекраснымъ голосомъ и превосходно поетъ, но любитъ, чтобы его усиленно просили. Когда тотъ явился и познакомился съ присутствующими, всѣ его обступили и стали упрашивать спѣть что нибудь. Между тѣмъ дядя открылъ рояль, досталъ ноты, придвинулъ стулья для слушателей. Мнимый пѣвецъ ничего не понимаетъ, конфузится, краснѣетъ. Наконецъ, подходитъ сама хозяйка дома и предлагаетъ ему акомпанировать. „*Пѣть*-то я не умѣю!“ съ отчаяніемъ восклицаетъ растерявшійся педагогъ. На другой день за эту продѣлку Костенька отсидѣлъ время обѣда въ карцерѣ, а товарищи его принесли ему вечеромъ въ дортуаръ гречневой каши за голенищемъ сапога и краюшку чернаго хлѣба за пазухой.

Воспитанники не оставались въ долгу у своихъ воспитателей: одному изъ нихъ, наиболѣе нелюбимому, разъ на ночномъ дежурствѣ разбавили воду въ графинѣ, что̀ стоялъ у его постели, совсѣмъ другой жидкостью.... Тотъ долго отплевывался, приговаривая: „Что-то за вода? и со́лено, и кисло!“ Два надзирателя Француза, изъ ветерановъ великой

арміи, Дюфѐ и Дюбѐ были оба ранены, одинъ въ правую, другой въ лѣвую руку, оба глуховаты и косноязычны. Дядя однажды, подъ праздникъ, пригласилъ ихъ обѣдать. Никто изъ домашнихъ не хотѣлъ вѣрить, что престарѣлые сподвижники Наполеона примутъ приглашеніе тринадцатилѣтняго шалуна. Однако они явились, сѣли за столъ рядомъ, во время обѣда разговаривали только между собою, выпили вдвоемъ цѣлую бутылку Лафита, а послѣ обѣда тотчасъ откланялись и ушли, не сказавъ двухъ словъ хозяевамъ. За столомъ оба съ такими ужимками подливали себѣ вина и такъ неумолчно бормотали другъ съ другомъ, что присутствующіе едва могли сдерживать смѣхъ. Одинъ изъ нихъ преподавалъ Французскій языкъ въ классѣ, гдѣ учился Костенька. Какъ шло преподованіе, можно заключить, напримѣръ, изъ того, что фразу: „une voiture à quatre chevaux“ учитель переводилъ такъ: „*куляско уфъ четверіомъ*“.

Ученіе въ младшихъ классахъ, главнымъ образомъ, состояло въ „зубрежкѣ“. Заучивали наизустъ все, начиная съ катехизиса и кончая правилами Россійской грамматики Востокова. Сидишь бывало, вспоминалъ дядя, и повторяешь, заткнувъ уши и зажмуривъ глаза, строчку изъ заданнаго урока, напр. „мать, земля плодоносная, тридцать два зуба“ и повторяешь до тѣхъ поръ, пока утратится всякое понятіе о томъ, что̀ общаго имѣютъ тридцать два зуба съ плодоносной землей. Не смотря на хорошія способности, ученье Костенькѣ не давалось: приходилось дома его подучивать. Однимъ изъ такихъ домашнихъ преподавателей его былъ нѣкоторое время Яковъ Петровичъ Полонскій, впослѣдствіи столь извѣстный поэтъ. Но какъ ни бились съ пылкимъ юношей, въ концѣ концовъ пришлось взять его изъ гимназіи и опредѣлить въ юнкера. Онъ поступилъ въ Малоархангельскій уланскій полкъ и быстро отличился передъ начальствомъ, какъ лихой кавалеристъ, ловкій танцоръ и исправный служака. Его вскорѣ произвели въ корнеты, и онъ еще совсѣмъ юношей, лѣтъ 18-ти, былъ посланъ въ Петербургъ ординарцемъ, съ откомандированіемъ въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, стоявшихъ въ Царскомъ Селѣ. Жизнь среди блестящихъ товарищей, въ кругу богатой, кутящей молодежи, дала губительный толчекъ наклонностямъ Константина Александровича. Онъ сталъ бросать деньги на лошадей, поить товарищей Шампанскимъ, устраивать пирушки съ Цыганками. Начались кутежи и безпробудное веселье, широкая натура юнаго улана развернулась во всю; и дни, и ночи проводилъ онъ въ вихрѣ шумнаго разгула. Долго продолжаться такое существованіе не могло: явились долги, и Костенька попалъ въ когти ростовщиковъ. Родители платили за него, пока имѣли возмож-

ность, наконецъ у нихъ свободныя средства изсякли. Юлія Ѳедоровна заложила въ Опекунскомъ Совѣтѣ свои брилліанты и даже запасное столовое серебро, чтобы выручить сына. Но тутъ произошелъ случай, который положилъ предѣлъ блестящей карьерѣ удалаго корнета: въ совершенно пьяномъ видѣ онъ выѣхалъ раннимъ утромъ на ученье верхомъ..... въ одномъ бѣльѣ. Постовой будочникъ пробовалъ его задержать, но былъ имъ избитъ. Подоспѣвшіе на шумъ товарищи съ трудомъ уговорили Костеньку вернуться. Однако, будочникъ пожаловался по начальству, и дѣло огласилось. Костеньку вызвалъ полковой командиръ и, послѣ строгаго выговора, велѣлъ отдать саблю и отправляться на гауптвахту. А дядя весь еще кипѣлъ отъ столкновенія съ полицейскимъ. Ему казалось высшимъ оскорбленіемъ, что будочникъ осмѣлился остановить офицера. Въ рѣзкихъ выраженіяхъ сталъ онъ оправдывать свой поступокъ, и когда командиръ приказалъ ему замолчать, онъ сорвалъ съ себя саблю и бросилъ ее на полъ. Чаша переполнилась: Костенькѣ въ тотъ-же день объявили рѣшеніе немедленно вернуться въ свой полкъ. Это равносильно было отставкѣ. Дѣйствительно, дядя въ свой полкъ не вернулся, а перечислился по арміи къ какой-то пѣхотной части въ Бѣлостокѣ. Отсюда начинаются его безконечныя странствованія по всей Россійской Имперіи. Кажется, не осталось ни одного военнаго округа, въ которомъ онъ не послужилъ-бы нѣкоторое время. Цѣлые года проходили, и семья не имѣла о немъ извѣстій. Юлія Ѳедоровна ѣздила даже къ знаменитому въ то время Московскому прорицателю и ясновидцу Ивану Яковлевичу Корейшѣ спросить, гдѣ сынъ и живъ-ли онъ. „Въ мірѣ мира и нетлѣніи“ отвѣчалъ Иванъ Яковлевичъ и загадочно прибавилъ: *„безъ кляцы не бензе колацы“*, но мѣстопребыванія Костеньки не открылъ. Побывалъ дядя и въ Сибири, чуть не утонулъ въ Иртышѣ и домой вернулся пѣшкомъ. Случайно женился онъ на какой-то Оттиліи, которая покинула его мѣсяца черезъ два послѣ свадьбы и скрылась въ безвѣстности. Но Петербургъ его тянулъ къ себѣ, и нѣтъ-нѣтъ оттуда приходили домой его письма съ просьбами о пособіи. Въ Петербургѣ онъ поселялся гдѣ нибудь на Пескахъ или въ Коломнѣ и жилъ мѣсяцами на никому невѣдомыя средства, вѣроятно въ очень скромной обстановкѣ. Онъ разсказывалъ дома, что разъ прожилъ цѣлую зиму въ комнатѣ, которую нанялъ по слѣдующей публикаціи, вывѣшанной у воротъ: „Оѳдается задній комнатоѳъ, пафаротти лѣѳа рука лѣзницъ“. Оказалось, что комната сдается въ семьѣ Нѣмца портнаго, который работалъ за стѣной съ пяти часовъ утра, напѣвая цѣлыми днями одну и туже Нѣмецкую пѣсенку. Дядя самъ напѣвалъ эту пѣсенку съ большимъ комизмомъ. Вообще онъ обладалъ способностью подражанія и особенно хорошо предста-

влялъ Нѣмцевъ. Нельзя было безъ смѣха слушать, какъ онъ изображалъ напр. въ лицахъ тогдашняго пастора Московской Лютеранской Петропавловской церкви, когда тотъ, щеголяя ораторскими пріемами, начиналъ свою проповѣдь чуть слышнымъ, замирающимъ шепотомъ: „als unser Heiland am dritten Tage“ и вдругъ переходилъ въ громовый, потрясающій возгласъ „auferstanden war...!“....

Въ Москву пріѣзжалъ онъ рѣдко, и за все свое дѣтство я видѣлъ его только одинъ разъ, когда онъ прогостилъ нѣсколько дней у родителей, въ Скатертномъ переулкѣ. Пріѣхалъ онъ, будто бы, затѣмъ, чтобы обмундироваться по случаю поступленія на гражданскую службу въ Царствѣ Польскомъ. Было ему тогда уже подъ сорокъ, и состоялъ онъ въ чинѣ штабсъ-капитана. Конечно, ему построили форменную одежду, сшили шубу, снабдили деньгами, отслужили напутственный молебенъ. Потомъ оказалось, что никакой службы ему никто не предлагалъ и что все это было ловкой выдумкой, чтобы задобрить довѣрчивыхъ родителей. Наконецъ, дядя окончательно поселился въ Петербургѣ и жилъ на тѣ небольшія средства, которыя ему высылала мать.

Скитальческій образъ жизни не измѣнилъ его нрава. Онъ сохранилъ свой неистощимый юморъ; въ обществѣ былъ веселъ, занимателенъ и находчивъ; всегда готовъ оказать услугу, подѣлиться послѣднимъ рублемъ; остался до старости лѣтъ, что̀ называется, душа на распашку. Я хорошо помню его внѣшность: средняго роста, плечистый и горбоносый, съ рыжеватыми усами и длинными, лихо расчесанными на двѣ стороны бакенбардами, онъ въ сюртукѣ военнаго покроя съ золочеными пуговицами и краснымъ воротникомъ, сохранялъ до старости лѣтъ кавалерійскую выправку.

*

Въ концѣ сороковыхъ годовъ, въ надворномъ флигелькѣ бабушкинаго дома въ Скатертномъ переулкѣ поселился жильцомъ молодой врачъ, окончившій Московскую Медицинскую Академію, Андрей Егоровичъ Малевскій-Малевичъ. Его однажды позвали къ хозяевамъ дома помочь заболѣвшему холерою слугѣ. Въ тотъ годъ (1848) въ Москвѣ свирѣпствовала холерная эпидемія, и никто не рѣшался даже войти въ комнату больнаго. Моя мать, Екатерина Александровна, которой тогда было двадцать три года, самоотверженно вызвалась ухаживать за больнымъ. Ея примѣру тотчасъ послѣдовала вся женская прислуга въ домѣ; заболѣвшій слуга былъ окруженъ заботливымъ попеченіемъ семьи Розовыхъ и вскорѣ поправился. Здѣсь, у одра тяжко больнаго, впервыя встрѣтились и познакомились молодые люди. Юный врачъ былъ очарованъ не только стройностью, чудными темнорусыми волосами и

непринужденной граціей Екатерины Александровны, но и ея, „героизмомъ“: она съ такимъ безстрашіемъ и спокойствіемъ ухаживала за холернымъ больнымъ, такъ просто и внимательно исполняла предписанія молодого медика, что онъ пришелъ въ восхищеніе отъ своей случайной сотрудницы. Онъ сталъ бывать въ домѣ Розовыхъ гостемъ. Его принимали благосклонно: онъ понравился Александру Ивановичу и Юліи Ѳедоровнѣ. Катенька также относилась къ нему неравнодушно. Отцу было тогда 27 лѣтъ, онъ былъ высокъ ростомъ, строенъ и широкоплечъ, имѣлъ круглое, чистое лицо, темные слегка вьющіеся волоса и ослѣпительно бѣлые зубы. Одѣвался онъ щеголевато, брилъ бороду и носилъ очки. Его внѣшность привлекала къ нему съ перваго взгляда, а кто ближе его узнавалъ, тотъ угадывалъ въ немъ природу мягкую и застѣнчивую, характеръ ровный и уступчивый. Въ немъ были замѣтны сконность къ семейной жизни и вкусъ ко всему изящному, къ музыкѣ, живописи, зодчеству. Эти свойства его нашли себѣ отзвукъ во вкусахъ моей матери, которая унаслѣдовала отъ своей матери Варвары Дмитріевны ея семейныя добродѣтели и способность ко всякимъ искусствамъ. Молодые люди быстро сошлись и полюбили другъ друга. Александръ Ивановичъ и Юлія Ѳедоровна не препятствовали ихъ сближенію. Хотя отецъ не имѣлъ личнаго состоянія, но шелъ твердой дорогой, любилъ свое дѣло и по нравственнымъ своимъ качествамъ обѣщалъ быть хорошимъ семьяниномъ. Свадьба моихъ родителей состоялась осенью 1848 года.

Отецъ мой происходилъ изъ старинной фамиліи, извѣстной въ Плоцкомъ воеводствѣ еще во времена Земовита, князя Мазовецкаго. Предки наши, принадлежа къ отпрыскамъ древнято рода, имѣвшаго своимъ гербомъ „Ястребца“ *), бывали, какъ видно изъ старинныхъ грамотъ XVI, XVII и XVIII столѣтій, войсковыми скарбниками, старостами, хорунжими, капитанами и владѣли вотчинами и маетностями, въ числѣ которыхъ упоминается въ Серпецкомъ повѣтѣ Плоцкаго воеводства имѣніе „Малево“ или „Малевичи“. Оттуда произошло и двойное начертаніе моей фамиліи.

Одинъ потомокъ этого рода, Варѳоломей Малевскій-Малевичъ изъ Каминскаго воеводства, состоя на военной службѣ при „знаменахъ Пятигорскихъ“ (Литовскіе гусары), квартировалъ со своимъ

*) Гербъ „Ястребецъ“ описанъ слѣдующимъ образомъ въ гербовникѣ графа Куропатницкаго 1789: „Малевскій имѣетъ гербъ Ястребецъ. Въ голубомъ полѣ золотая подкова полукругомъ внизъ, въ серединѣ ея крестъ. На шлемѣ сверхъ короны Ястребъ съ распущенными крыльями для полета, повернувшись въ правую сторону съ двумя путами на ногахъ, въ когтяхъ правой такая же подкова съ крестомъ“.

полкомъ въ Бѣлорусскомъ намѣстничествѣ и тамъ поселился. Когда въ 1772 году Бѣлорусскій край присоединенъ былъ къ Россіи, внукъ Варѳоломея Игнатій принялъ присягу на вѣрноподданство Россіи.

У Игнатія было семь сыновей, которые по стародавнимъ семейнымъ преданіямъ[1]) всѣ служили въ военной службѣ и отличались военными подвигами. Одинъ изъ нихъ участвовалъ въ 1799 г. въ походѣ Суворова въ Италію, другой въ чинѣ поручика Софійскаго полка былъ раненъ въ сраженіи при Смоленскѣ 4—7 Августа 1812 г. и записанъ на стѣнахъ храма Христа Спасителя въ Москвѣ.

Игнатій Ивановичъ скончался 13 Іюня 1813 г. на 77-мъ году отъ рожденія и похороненъ на Базиліанскомъ кладбищѣ въ гор. Оршѣ. На памятникѣ, воздвигнутомъ на его могилѣ его дѣтьми, высѣченъ на камнѣ гербъ „Ястребецъ“ и слѣдующія слова: „Память о тебѣ да перейдетъ священною изъ рода въ родъ“. Супруга его, а моя прабабка съ отцовской стороны, Евдокія Ивановна, рожденная Романовичъ, погребена въ Новгородѣ. Она скончалась 7 Апрѣля 1831 г. на 72-омъ году.

Дѣдъ мой Георгій Игнатьевичъ женатъ былъ на Пелагеѣ Ивановнѣ, рожденной Борковой, и имѣлъ отъ нея четырехъ дѣтей; отецъ мой Андрей (р. 26 Мая 1820 г.) былъ младшій. Перейдя съ 5 Іюня 1815 г. на гражданскую службу секретаремъ Виленской Казенной Палаты, дѣдъ мой скоропостижно скончался въ Москвѣ 2 Февраля 1833 года, оставивъ послѣ себя своихъ дѣтей круглыми сиротами (бабушка Пелагея Ивановна скончалась раньше дѣда). Отецъ мой, которому въ это время шелъ тринадцатый годъ, взятъ былъ съ братомъ и сестрами на воспитаніе къ старшему брату ихъ отца, Степану Игнатьевичу, жившему въ Новгородѣ, гдѣ онъ владѣлъ недвижимымъ имѣніемъ по женѣ своей Евдокіи Ѳедоровнѣ, рожденной Купріяновой, и нѣкоторое время былъ предводителемъ дворянства[2]).

Степанъ Игнатьевичъ записалъ отца моего кандидатомъ въ Аракчеевскій Кадетскій корпусъ, но пропустилъ срокъ представленія документовъ племянника для опредѣленія въ военно-учебное заведеніе. Мальчика въ корпусъ не приняли по той причинѣ, что ему уже ми-

---

[1]) Окольскій въ своемъ извѣстномъ сочиненіи XVI вѣка пишетъ (т. I, стр. 330), что Малевскіе производили себя „dum in paganismo fuerunt“ отъ царя Агамемнона и имѣли своимъ рыцарскимъ девизомъ слѣдующую характеристику: laborant in castris, nam labor iste parit celebritatem“, что свидѣтельствуетъ о ихъ военномъ призваніи.

[2]) Дочь Степана Игнатьевича Анна была замужемъ за Николаемъ Петровичемъ Козлянинovымъ.

нулъ предѣльный возрастъ поступленія: 14 лѣтъ. Тогда на семейномъ совѣтѣ въ Новгородѣ рѣшено было готовить его въ Московскій Университетъ и съ этой цѣлью отправить въ Москву къ другому брату Георгія Игнатьевича, Александру Игнатьевичу: у него-де много сыновей и погодковъ Андрею, такъ способнѣе учить мальчика совмѣстно съ сверстниками.

Александръ Игнатьевичъ женатъ былъ на Елисаветѣ Ивановнѣ, рожд. Трампедахъ и имѣлъ отъ нея пять сыновей (Александра, Юлія, Карла, Роберта и Владимира). Они жили въ Москвѣ близъ Пречистенки по Обуховскому переулку въ собственномъ домѣ*). Нужно отдать справедливость Александру Игнатьевичу и его почтенной супругѣ: они приняли сироту, какъ родного сына и воспитывали его наравнѣ съ собственными дѣтьми.

Александръ Игнатьевичъ и Елисавета Ивановна были люди въ высшей степени радушные и гостепріимные. Въ ихъ домѣ по Обуховскому переулку царило постоянно шумное оживленіе и веселье. Молодежи было много и почти все полѣтки: кромѣ вышеозначенныхъ пяти сыновей у Александра Игнатьевича и Елисаветы Ивановны было еще четыре дочери, все рослый, здоровый и красивый народъ. Къ столу ежедневно садилось 14—15 человѣкъ, такъ какъ, кромѣ своей семьи въ 11 человѣкъ, въ домѣ жилъ мой отецъ и часто гащивали знакомые и родственники. Въ числѣ послѣднихъ упомяну двоюроднаго племянника Елисаветы Ивановны, Эдуарда Ивановича Тотлебена, впослѣдствіи графа и героя Севастопольской обороны, а въ то время студента.

Патріархальный складъ жизни „стариковъ Малевскихъ“, какъ ихъ называли многочисленные друзья и знакомые въ Москвѣ, сохранился до послѣднихъ дней ихъ существованія. Я хорошо помню обоихъ. Александръ Игнатьевичъ былъ средняго роста, довольно полонъ и плечистъ; его гладко выбритое, съ крупными чертами свѣжее лицо свѣтилось привѣтливостью и добродушіемъ; надъ мягкими, нѣсколько отвислыми щеками смѣялись маленькіе, глубоко сидящіе глазки; на большой, круглой головѣ слегка вились густые, коротко остриженные, совершенно сѣдые волосы. Всѣ его движенія были плавны и безшумны, даже сапоги онъ носилъ изъ мягкой кожи. Я не видалъ его иначе какъ въ черномъ сюртукѣ и атласномъ жилетѣ, съ большимъ гербовымъ перстнемъ на лѣвой рукѣ. Ходилъ онъ, опираясь на трость съ прозрачнымъ янтарнымъ набалдашникомъ. Елисавета Ивановна была

*) Домъ этотъ съ дворовымъ мѣстомъ когда-то принадлежалъ дочери графа Дивіера, бывшаго полицеймейстеромъ при Петрѣ Великомъ.

въ другомъ родѣ: высокая и величественная, она сохранила до глубокой старости слѣды рѣдкой красоты. Я былъ еще ребенкомъ, когда праздновалось пятидесятилѣтіе свадьбы ея съ Александромъ Игнатьевичемъ. Какъ теперь вижу ее въ вольтеровскомъ креслѣ съ кружевнымъ чепцомъ, бѣлыми буклями на вискахъ и золотыми очками на улыбающемся, розовомъ, всегда одинаково-невозмутимомъ лицѣ. Она держалась прямо, говорила не спѣша, слегка пѣвучимъ голосомъ и давала привычнымъ жестомъ цѣловать свою бѣлую, пухлую ручку съ кольцами. „Старики Малевскіе“ жили душа въ душу, никогда не ссорились, обращались другъ къ другу на „вы“, называя по имени и отчеству, и оба дожили до глубокой старости. Александръ Игнатьевичъ умеръ лѣтъ 80-ти, Елисавета Ивановна пережила его на десять лѣтъ и скончалась въ 1872 году 79 лѣтъ, окруженная любовію и почтительнымъ уходомъ своихъ дѣтей. Впрочемъ при ней, въ Обуховскомъ переулкѣ, оставалось ко дню ея смерти только двое: сынъ Робертъ, холостякъ и нелюдимъ, и дочь Аристова, вдова съ единственнымъ сыномъ Александромъ. Прочія дѣти, кто былъ въ отъѣздѣ, кто жилъ уже своимъ хозяйствомъ.

У Александра Игнатьевича все состояніе заключалось въ недвижимомъ имуществѣ, но онъ умѣлъ устраивать свои дѣла такъ, что жилъ съ большой своей семьей безбѣдно, долговъ не дѣлалъ и всѣмъ своимъ дѣтямъ далъ приличное ихъ званію воспитаніе. Робертъ служилъ въ гусарахъ и вышелъ въ отставку полковникомъ, Юлій окончилъ съ отличіемъ естественный факультетъ Московскаго Университета и служилъ сперва въ Казенной Палатѣ въ Москвѣ, а потомъ управлялъ Отдѣленіемъ Государственнаго Банка въ Рязани; Владиміръ предался искусству и готовился въ Академію Художествъ; Карлъ жилъ музыкантомъ. Дочери учились или въ пансіонѣ, или въ институтѣ.

Въ этой большой и дружной семьѣ отцу жилось привольно. Онъ очень сблизился съ Юліемъ Александровичемъ, вмѣстѣ съ нимъ готовился къ экзаменамъ и, по своей воспріимчивости, всецѣло подпалъ подъ его вліяніе. Юлій былъ высокій, красивый малый, очень живой и общительный. Время свое дѣлилъ между ученьемъ и свѣтскими удовольствіями. Его очень любили въ семейныхъ домахъ, какъ веселаго, остроумнаго разскащика и ловкаго танцора, а между своими онъ являлся затѣйщикомъ всевозможныхъ игръ, празднествъ и домашнихъ спектаклей. Отецъ мой старался ему подражать, но у него не было ни смѣлости Юлія Александровича, ни его находчивости и изобрѣтательности въ забавахъ. Учились они также вмѣстѣ, съ усердіемъ; но Юлій успѣвалъ въ наукахъ болѣе, чѣмъ мой отецъ, котораго раньше

готовили въ корпусъ, а потому теперь приходилось подгонять его къ университетскому экзамену. Отцу не было еще и 17 лѣтъ, когда онъ предсталъ передъ синклитомъ профессоровъ въ экзаменаціонномъ залѣ Московскаго Университета. Отвѣчать ему пришлось въ присутствіи тогдашняго попечителя Учебнаго Округа извѣстнаго графа Строганова. По всѣмъ предметамъ онъ прошелъ успѣшно, кромѣ латыни. Строгій экзаменаторъ поставилъ ему неудовлетворительную отмѣтку. Сконфуженный и грустный вернулся онъ домой, когда вечеромъ, къ великому своему изумленію, получилъ записку отъ правителя канцеляріи попечителя, въ которой отецъ извѣщался, что графъ Строгановъ приглашаетъ его явиться къ нему на другой день, въ 10 часовъ утра. Съ трепетомъ вступилъ юноша въ пріемный кабинетъ сановника. Графъ принялъ его привѣтливо, ободрилъ, обласкалъ и самъ предложилъ ему переэкаменовку по Латинскому языку. Съ новыми силами принялся отецъ за ученье и черезъ три недѣли сдалъ на полную пятерку испытаніе по всѣмъ предметамъ для поступленія въ Медицинскую Академію. Здѣсь занятія его пошли успѣшно, и онъ переходилъ изъ курса въ курсъ не иначе, какъ съ похвальными отзывами и наградами.

Въ то время въ Московскомъ медицинскомъ мірѣ гремѣло два имени: Ѳ. И. Иноземцева и Г. И. Сокольскаго. Блестящія лекціи этихъ профессоровъ сразу увлекли молодаго студента. Онъ сдѣлался усернымъ слушателемъ и почитателемъ обоихъ, особенно Иноземцева. Ѳедоръ Ивановичъ отмѣтилъ его старательность и привлекъ его къ себѣ. Отецъ сталъ посѣщать Иноземцева, въ числѣ другихъ молодыхъ врачей, въ его пріемные часы, и заниматься съ приходившими къ нему во множествѣ больными.

Сокольскій плѣнилъ отца моего не только своей извѣстной „фармакопеей“, но и оригинальностью мышленія и своеобразностью обращенія. Онъ не искалъ популярности у студентовъ, былъ требователенъ, рѣзокъ и безпощаденъ въ своей критикѣ, но невольно внушалъ къ себѣ уваженіе ученостью, остроуміемъ и блескомъ изложенія. Григорій Ивановичъ имѣлъ въ Москвѣ большую практику и вышелъ изъ моды только въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Онъ доживалъ свой вѣкъ, почти всѣми забытый, въ Москвѣ, въ Кривоникольскомъ переулкѣ, на Арбатѣ, въ собственномъ домѣ. Отецъ мой продолжалъ навѣщать его изрѣдка и разъ взялъ меня съ собой, когда я былъ уже студентомъ I-го курса Московскаго Университета. Мы позвонили у крыльца деревяннаго, двухэтажнаго домика и по скрипучей, крашеной лѣстницѣ поднялись во второй этажъ. Высокая, свѣтлая передняя была вся заставлена шка-

пами и книгами. Въ слѣдующей комнатѣ, просторной, съ окнами на двѣ стороны и почти безъ мебели, на серединѣ, въ кожаномъ креслѣ съ низкой спинкой сидѣлъ Сокольскій. На немъ были валеные сапоги, шуба и мѣховая шапка, хотя въ комнатѣ было хорошо натоплено. Передъ старикомъ стояло рядомъ два сдвинутыхъ стола, заваленныхъ книгами и бумагами. На краю столовъ, на подоконникахъ и на книгахъ тамъ и сямъ лежали кучки сигарнаго пепла. Сокольскій, когда мы вошли, читалъ, держа передъ собой лупу, какую-то пожелтѣвшую, мнѣ показалось, Латинскую рукопись. Онъ не всталъ намъ на встрѣчу, а только снялъ мѣховую шапку и вынулъ изо-рта окурокъ сигары. Меня поразило его лицо своимъ сходствомъ съ Вольтеромъ, какъ его изобразилъ Гудонъ въ знаменитой статуѣ, сидящимъ въ креслахъ. Худое, бритое, обтянутое кожей лицо, нависшія брови, проницательные, строгіе глаза, тонкія, насмѣшливыя губы. Сходство съ Вольтеромъ Гудона усиливалось тѣмъ, что сухая, маленькая голова Сокольскаго держалась на тонкой, старческой шеѣ, выходившей изъ открытаго воротa сорочки. Григорій Ивановичъ принялъ насъ со свойственной ему добродушной суровостью, пригласилъ сѣсть, меня потрепалъ двумя пальцами по плечу и сейчасъ-же заговорилъ съ отцомъ о войнѣ (это было въ 1876 году), какъ будто продолжая недавно прерванную бесѣду. Затѣмъ онъ сталъ распрашивать меня о моихъ университетскихъ занятіяхъ и очень похвалилъ, когда узналъ, что я пошелъ по юридической, а не по медицинской части. Говорилъ онъ громко, нѣсколько въ носъ, откинувшись на спинку кресла и устремивъ глаза на свою сигару, которую безпрестанно вертѣлъ между пальцами. Я впослѣдствіи навѣщалъ его еще нѣсколько разъ уже одинъ, и онъ, видимо, относился благосклонно къ моимъ посѣщеніямъ. Разговоры наши преимущественно касались философскихъ вопросовъ: Сокольскій былъ поклонникомъ Гегеля и Нѣмецкой школы, а я слушалъ въ университетѣ лекціи Психологіи молодого профессора Троицкаго, который черпалъ свою мудрость у Александра Бека. Чтобы поощрить мою склонность къ отвлеченному мышленію, Сокольскій подарилъ мнѣ Нѣмецкій переводъ извѣстнаго сочиненія Локка „О человѣческомъ разумѣ“. Сокольскій былъ большимъ любителемъ часоваго мастерства. Во всѣхъ комнатахъ его квартиры на столахъ и окнахъ стояли часовые механизмы въ болѣе или менѣе разобранномъ видѣ. Семья Григорія Ивановича помѣщалась внизу, и онъ самъ занималъ верхній этажъ и жилъ одинъ, Олимпійцемъ. Безъ его зова никто не смѣлъ подняться въ его покои, а самъ онъ спускался только изрѣдка. Врачебнымъ дѣломъ онъ, повидимому, уже мало интересовался въ послѣдніе годы своей жизни. По крайней мѣрѣ, при мнѣ никогда не говорилъ о медицинскихъ предметахъ. Разъ какъ-то, когда

мой отецъ жаловался ему на недомоганье и просилъ совѣта, онъ сказалъ только: „Надо побольше ѣсть солёнаго, икры или селёдки, да при ѣздѣ подкладывать подъ себя подушку; отъ тряски по мостовымъ большой вредъ для нервовъ“. На этомъ разговоръ и кончился.

Своеобразный, умный старикъ умеръ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, въ глубокой старости.

По окончаніи курса въ Московской Медицинской Академіи „cum exemia laude“ отецъ мой, по совѣту Иноземцева, занялся бальнеологіей и одно время былъ консультантомъ въ водолечебномъ заведеніи Крейзера, на Тверскомъ бульварѣ. Ставъ на свои ноги, онъ вскорѣ обзавелся собственной квартирой и, простившись съ гостепріимнымъ домомъ дяди, сталъ жить самостоятельно. Приблизительно къ этому времени относится его знакомство съ семьей моего дѣда А. И. Розова, а затѣмъ сватовство и женитьба. Молодые поселились сперва въ флигелькѣ, въ Скатертномъ переулкѣ, но вскорѣ поѣхали въ провинцію: отецъ получилъ мѣсто врача при Людиновскомъ, Сукременскомъ и Песоченскомъ заводахъ. г. Мальцева, въ Жиздринскомъ уѣздѣ Калужской губерніи.

Про жизнь свою на заводахъ мать пишетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ отцу своему и мачихѣ, на Рождествѣ 1850 года: „Мы, благодаря Бога, живемъ мирно, и Андрей любитъ и балуетъ меня все попрежнему; онъ бѣдняжка, никакъ не можетъ привыкнуть къ деревенской жизни, ужасно скучаетъ и говоритъ: какъ вспомню о Москвѣ, такъ у меня сердце кровью обливается. У насъ рѣшительно нѣтъ никакихъ новостей, развѣ только-то, что 28 Ноября была такая ужасная вьюга, что въ одномъ нашемъ стану замерзло 130 человѣкъ; между прочими одна старушка, ѣхавшая домой съ трехлѣтней внучкой; дѣвочку бабушка засунула въ тулупъ и положила подъ кустъ, а сама отошла на нѣсколько сажень, чтобы высвободить изъ сугроба лошадь и сани, едва дошла и замерзла вмѣстѣ съ лошадью, а ребенка нашли послѣ шести сутокъ подъ снѣгомъ; его такъ занесло, что образовался пригорокъ, и конечно никто бы не замѣтилъ, что подъ снѣгомъ лежитъ живое существо, если бы тутъ не явилась неизвѣстно откуда собака, которая никого не подпускала къ кустамъ; это подало подозрѣніе, стали рыть и нашли живую дѣвочку очень истомленную шестисуточнымъ голодомъ. Она теперь у насъ въ больницѣ, потому что обѣ ноги отморожены и вся больна; однако мужъ надѣется, что она не только выздоровѣетъ, но даже будетъ ходить, потому что только половина ступней поражена Антоновымъ огнемъ. Вотъ какія у насъ бываютъ чудеса! Андрей во время этой вьюги тоже былъ въ дорогѣ, но ѣхалъ въ возкѣ и на лихой тройкѣ, а потому отъ мороза не страдалъ, только

очень было трудно выбраться изъ лѣсу: вѣтеръ положилъ огромнѣйшія деревья, которыя загородили всю дорогу, и нужно было прокладывать новую. Сестра Надя забыла прислать мнѣ книгъ и тоже не напомнила вамъ о воздухахъ, которыхъ я ждала съ большимъ нетерпѣніемъ и надѣялась приняться за нихъ, потому что у меня теперь нѣтъ никакой работы и книгъ тоже, а безъ занятій въ деревнѣ зимой страшная скука. О зелени не безпокойтесь: я давно уже кончила свой букетъ и сдѣлала зелень восковую, снимая воскъ съ натуральныхъ листовъ, для чего общипала всю оранжерею. Андрей не зналъ, что я дѣлаю ему букетъ, и очень имъ доволенъ".

За шесть лѣтъ пребыванія отца и матери въ Жиздринскомъ уѣздѣ у нихъ родилось трое дѣтей: Марія, Юлія и Евгенія. Молодая мать страстно привязалась къ старшей, Машенькѣ, которую сама выкормила. Машенька отвѣчала ей обожаніемъ и положительно не отходила отъ матери. Было что-то почти болѣзненное въ ихъ взаимной привязанности. Дѣвочка такъ всецѣло завладѣла матерью, что та не имѣла ни силъ, ни возможности кормить вторую дочь, названную Юліей въ честь Юліи Ѳедоровны Розовой. Къ ней была взята мамкой Анна Ивановна изъ села Песочнаго, куда отецъ переѣхалъ изъ Леонидова. Здѣсь же родилась третья ихъ дочь Евгенія.

Но не долго продолжалось семейное счастіе Андрея Егоровича и Екатерины Александровны. Разъѣзжая по обширной заводской территоріи, къ которой владѣлецъ С. И. Мальцевъ приписалъ нѣсколько тысячъ своихъ крестьянъ, отецъ завезъ къ себѣ въ домъ дифтеритную заразу. Сперва заболѣлъ онъ самъ и едва не сдѣлался жертвою ужасной болѣзни; потомъ, какъ только онъ сталъ поправляться, заболѣли двѣ старшія дѣвочки. Въ одну недѣлю обѣихъ не стало. Описать горе, отчаяніе матери не берусь; по словамъ Анны Ивановны (перешедшей отъ Юленьки къ новорожденной Евгеніи кормилицею) мать казалась нѣсколько дней послѣ смерти малютокъ какъ-бы не въ своемъ умѣ: ничего не ѣла, не спала ночей, часами сидѣла задумавшись на одномъ мѣстѣ.

Оставаться больше на Мальцевскихъ заводахъ, очевидно, было невозможно. На спѣхъ собрались мои родители изъ Песочнаго и съ новорожденной Еничкой пустились въ обратный путь, въ Москву*). Въ дорогѣ Анна Ивановна чуть не потеряла свою маленькую питомицу. Четырехнедѣльная Еничка скатилась съ колѣней уснувшей мамки на дно возка и такъ проѣхала до слѣдующей станціи.

*) Въ концѣ 1854 года.

Невесело было возвращеніе. Шесть счастливыхъ, спокойныхъ лѣтъ на заводахъ прошли, какъ одинъ день; наступила худая череда. Потеря двухъ старшихъ дочерей, послѣдствія собственной болѣзни, безутѣшное горе жены, утрата служебнаго положенія и связанная съ этимъ стѣсненность въ средствахъ, все это подѣйствовало угнетающимъ образомъ на отца. Къ счастію, въ Москвѣ его ждалъ теплый пріемъ подъ радушнымъ кровомъ Александра Ивановича и Юліи Ѳедоровны Розовыхъ. Дѣдушка сталъ пріискивать зятю новую службу въ Москвѣ и задумалъ упрочить состояніе своей старшей дочери покупкою ей дома. Случай къ тому скоро представился. Послѣ покойной бабушки Варвары Дмитріевны остался небольшой капиталъ; половину этихъ денегъ дѣдушка заплатилъ за домъ на Плющихѣ и записалъ его на имя своей дочери. Въ 1855 г. Плющиха считалась еще окраиною Москвы, и потому за такую, сравнительно небольшую сумму, дѣдъ могъ пріобрѣсти участокъ земли, почти въ тысячу квадратныхъ сажень, на углу Плющихи и Благовѣщенскаго переулка. Угловой каменный домъ имѣлъ два этажа и три лавки; кромѣ того на Плющиху выходилъ двухъэтажный деревянный флигель на каменномъ фундаментѣ; два одноэтажныхъ каменныхъ флигеля стояли во дворѣ среди хозяйственныхъ построекъ разной величины; во дворѣ былъ разбитъ садъ, съ колодцемъ и голубятней; словомъ, владѣніе моей матери представляло собою цѣлую усадьбу. Правда, главный домъ былъ нѣсколько запущенъ и потребовалъ нѣкоторой отдѣлки, но въ общемъ покупка оказалась весьма удачною. Во второмъ этажѣ большого дома поселилась новая домовладѣлица съ мужемъ и маленькой дочерью.

Но матери моей жилось нелегко на новомъ мѣстѣ. Характеръ ея очень измѣнился послѣ смерти ея старшихъ дѣтей. Куда дѣвались ея прежняя веселость, неутомимость и хозяйственная заботливость! Она стала задумчива, равнодушна къ окружающему и сосредоточенна, часами молилась она у себя въ комнатѣ. Да и здоровье ея видимо пошатнулось отъ перенесенныхъ волненій. Мое рожденіе окончательно подорвало ея силы.

Осталось неизвѣстнымъ съ точностью, отъ какой болѣзни скончалась мать. Повидимому послѣ родовъ у ней открылся какой-то острый легочный недугъ. Профессоръ Сокольскій, котораго отецъ пригласилъ къ больной въ концѣ ея болѣзни, нашелъ у ней скоротечную чахотку и съ обычной своей рѣзкостью сказалъ отцу: „Что вы за мной посылаете? Посылайте за гробовщикомъ“.

Къ несчастію, моя мать, лежавшая въ сосѣдней комнатѣ, услышала, не смотря на лихорадочное состояніе, жестокій приговоръ вра-

чебной знаменитости. Съ ней сдѣлался сильнѣйшій истерическій припадокъ, а когда она успокоилась, то стали замѣчать по временамъ потемнѣніе ея разсудка. Она часто громко молилась, потребовала къ своей постели образъ Николая Чудотворца и лежала, держа зажженную восковую свѣчку въ рукѣ. Боялись въ тѣ минуты, когда отецъ или близкіе выходили изъ ея комнаты, что она подожжетъ себя, и брали у нея свѣчу изъ рукъ. Разъ отецъ входитъ къ ней и видитъ, что она поджигаетъ себѣ палецъ. „Если будешь отнимать у меня свѣчку, буду жечь пальцы для Николая Угодника“, сказала ему больная. Въ свѣтлыя минуты больная совершенно сознательно относилась къ своему положенію, спокойно говорила о своей близкой кончинѣ, требовала къ себѣ дѣтей и ласкала насъ, утѣшала мужа, а за день до смерти исповѣдалась и причастилась въ полной памяти и распорядилась мельчайшими подробностями своихъ похоронъ, велѣла даже достать изъ сундука свое бѣлое подвѣнечное платье, въ которомъ желала быть положенной во гробъ; прочія свои вещи еще при жизни раздарила прислугѣ. Трогательная и истинно-христіанская ея кончина послѣдовала 25 Іюня 1856 года.

Я считаю для себя горемъ, что, лишившись матери въ такомъ раннемъ возрастѣ, не могъ сохранить въ памяти черты ея лица, и по странной случайности послѣ нея не осталось ни одного портрета. Она вообще не любила позировать и, кажется, съ нея былъ сдѣланъ только одинъ дагеротипный снимокъ. Гдѣ онъ, мнѣ неизвѣстно.

По смерти матери, отецъ былъ нѣкоторое время неутѣшенъ. Только что упомянутая няня наша Анна Ивановна разсказывала, что онъ при постороннихъ бодрился, но, оставшись одинъ, давалъ волю своему горю. „Бывало начнетъ читать газету, всю бумагу слезами смочитъ, разсказывала она, или начнетъ кушать, а слезы въ тарелку такъ и капаютъ“.

Мы дѣти, т. е. сестра Евгенія и я, оставались въ домѣ отца на попеченіи Анны Ивановны недолго. Я сперва отправленъ былъ въ Обуховскій переулокъ къ дядѣ отца Александру Игнатьевичу, откуда меня увезла бабушка Юлія Ѳедоровна при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Недѣли черезъ двѣ по кончинѣ матери, бабушка Юлія Ѳедоровна поѣхала въ Обуховскій переулокъ, въ домъ стариковъ Малевскихъ, куда меня только что перевезли изъ дома отца. Мнѣ было тогда около шести мѣсяцевъ, и бабушка была очень озабочена пріисканіемъ для меня надежной кормилицы (восьмой по счету: первыя семь оказались неподходящими). Пріѣзжаетъ Юлія Ѳедоровна въ Обуховскій переулокъ навѣстить меня, а меня въ большомъ домѣ найти

не могутъ. Оказалось, что одна изъ двоюродныхъ сестеръ отца, Шестакова, которой я надоѣлъ своимъ крикомъ, заперла меня въ бѣльевой шкапъ. Тамъ я чуть не задохнулся и если бы не пріѣздъ бабушки, то вѣроятно не остался бы въ живыхъ: изъ шкапа меня вынули посинѣвшаго и почти безъ дыханія. Юлія Ѳедоровна пришла въ негодованіе и тутъ же увезла меня въ своей каретѣ въ Скатертный переулокъ. По настоятельной просьбѣ бабушки отецъ перевезъ вскорѣ къ ней и сестру мою Евгенію, которой тогда только что минуло два года.

Про это первое наше пребываніе въ старомъ бабушкиномъ домѣ я, разумѣется, ничего не помню. Знаю только, по разсказамъ, что мы были окружены заботливымъ уходомъ обѣихъ бабокъ: Даріи Карловны и Юліи Ѳедоровны, дѣда Александра Ивановича и тетки Надежды Александровны. Семья моей покойной матери видѣла свое единственное утѣшеніе въ томъ, что осиротѣвшія малютки дорогой усопшей оставлены были на ихъ попеченіе. Но радость эта продолжалось недолго. Черезъ два года отецъ насъ взялъ обратно отъ бабушки при совершенно измѣнившихся условіяхъ своего личнаго существованія. Разскажу все по порядку.

Выше я упомянулъ, что отецъ съ юныхъ лѣтъ находился подъ вліяніемъ своего двоюроднаго брата, умнаго, живаго, дѣятельнаго Юлія Александровича. Во время предсмертной болѣзни моей матери Юлій Александровичъ часто навѣщалъ отца. Онъ къ этому времени былъ уже женатъ на красивой, кокетливой Раисѣ Николаевнѣ и имѣлъ отъ нея двухъ дѣтей (сына и дочь). Когда на выздоровленіе матери моей не оставалось болѣе надежды, онъ уговорилъ ее подписать завѣщаніе въ пользу мужа. Отцу моему, когда скончалась мать, было всего 36 лѣтъ отъ роду; онъ былъ не дуренъ собой, имѣлъ солидное служебное положеніе, а теперь, кромѣ того, сдѣлался домовладѣльцемъ. Онъ сталъ въ Москвѣ завиднымъ женихомъ, и не прошло года послѣ смерти первой жены, какъ ему стали сватать невѣстъ. Конечно въ началѣ онъ и слышать не хотѣлъ о новомъ бракѣ, но природная склонность къ семейной жизни, тяжесть одиночества и уговоры друзей взяли верхъ.

Одна изъ двоюродныхъ сестеръ отца была замужемъ въ Москвѣ за Шестаковымъ. Братъ Шестакова, Иванъ Николаевичъ, впослѣдствіи членъ Московской Судебной Палаты, женатъ былъ на дочери Каширскаго помѣщика В. В. Алексѣева. Черезъ Шестаковыхъ, породнившихся такимъ образомъ съ семьей Малевскихъ изъ Обуховскаго переулка, отецъ сталъ вхожъ въ домъ Алексѣевыхъ. Младшая Алексѣева, Екатерина Васильевна, была объявлена невѣстой отца. Наша няня Анна Ивановна любила разсказывать, какъ долго колебался отецъ

прежде, чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ. Онъ ѣздилъ часто на могилу покойной жены; будто-бы даже, передъ тѣмъ, какъ ѣхать въ домъ Алексѣевыхъ, чтобы сдѣлать предложеніе, со слезами молился передъ иконами покойной жены.

Свадьба должна была состояться весной 1859 года въ имѣніи Алексѣевыхъ Колтово, Каширскаго уѣзда, Тульской губерніи.

Я не знаю, по какимъ соображеніямъ отецъ настоялъ на томъ, чтобы мы, дѣти, были отпущены бабушкой на его свадьбу; но помню себя въ Колтовѣ среди многочисленнаго общества, на высокомъ каменномъ балконѣ съ колоннами; вижу и дорогу между зеленѣющими кустами, ведущую въ церковь, гдѣ вѣнчался отецъ. Изъ окна второго этажа мы съ сестрой смотрѣли, какъ по этой дорогѣ изъ церкви возвращались парами мужчины въ черныхъ фракахъ и женщины въ свѣтлыхъ платьяхъ. Помню, что няня Анна Ивановна, стоявшая за нами и также смотрѣвшая въ окно, утирала слезы.

Прогостивъ нѣсколько дней въ Колтовѣ, мы возвратились къ бабушкѣ въ Скатертный переулокъ, гдѣ оставались до начала зимы 1860 года.

Молодые поселились на Плющихѣ; но скромныя условія жизни въ Москвѣ, повидимому, ихъ не удовлетворяли. Отецъ искалъ бо́льшаго заработка, между тѣмъ практика давала ему немного, а у Екатерины Васильевны своего состоянія не было.

Посѣщая водолѣчебное заведеніе Крейзера, гдѣ отецъ прежде былъ консультантомъ, онъ познакомился съ Харьковскимъ помѣщикомъ Евреиновымъ, который много живалъ за границей на разныхъ „тепыхъ водахъ“ и задумалъ устроить курортъ въ мѣстечкѣ Кочеткѣ, на берегу Донца, въ Чугуевскомъ уѣздѣ, гдѣ издавна пользовался извѣстностью цѣлебный ключъ и было когда-то построено купальное зданіе. Заарендовавъ это заброшенное лечебное заведеніе, Евреиновъ употребилъ на это большія деньги и искалъ опытнаго врача, который могъ бы вести медицинскую часть предпріятія. Онъ предложилъ отцу взять на себя эти обязанности, и отецъ, давно мечтавшій о самостоятельномъ дѣлѣ, охотно согласился ѣхать въ Кочетокъ.

Рѣшившись оставить Москву, отецъ счелъ нужнымъ взять насъ, дѣтей, съ собой; онъ уѣзжалъ на долгое время, можетъ быть, на нѣсколько лѣтъ изъ Москвы, и боялся, что мы, по малолѣтству, совсѣмъ его забудемъ и что всякая связь между имъ и нами утратится.

Рѣшеніе это было жестокимъ ударомъ для „стараго дома“. Бабушка Юлія Ѳедоровна и дѣдъ Александръ Ивановичъ не хотѣли допускать

и мысли, что они лишаются единственнаго своего утѣшенія, что послѣдняя радость ихъ преклонныхъ лѣтъ отъ нихъ отымается. Старая бабушка Дарья Карловна даже отъ огорченія слегла въ постель. Но отецъ былъ непреклоненъ, и день отъѣзда насталъ....

Смутно помню ранніе зимніе сумерки; въ сѣняхъ и на крыльцѣ бабушкинаго дома столпилась прислуга; выносятъ узлы, подушки; въ домѣ уже зажжены огни; насъ ведутъ укутанными и сажаютъ въ возокъ, слышны всхлипыванья и громкій плачъ; на верху лѣстницы блѣдное лицо дѣда, освѣщенное свѣчкою, которую онъ держитъ въ рукѣ; кто-то насъ креститъ и порывисто цѣлуетъ, дверцы возка захлопываются....

Дорога до Харькова не осталась въ моей памяти; припоминается только, какъ во снѣ, остановка гдѣ-то на ночлегъ и спанье на полу на матрацѣ, да синія усѣянныя звѣздами главы церквей, мимо которыхъ мы проѣзжали. Затѣмъ дѣтскія воспоминанія переносятъ меня въ Харьковъ и Кочетокъ.

Дача, которую мы занимали въ Кочеткѣ, выходила крыльцомъ на улицу и съ трехъ сторонъ была окружена густымъ, тѣнистымъ садомъ. Возлѣ отдѣльно поставленной кухни, выходившей также въ садъ, росла огромная груша, которая къ концу лѣта покрывалась множествомъ плодовъ. За кухней былъ огородъ съ подсолнухами, кукурузой и калуферомъ; мы обыкновенно играли подъ высокой грушей, недалеко отъ кухни, откуда няня Анна Ивановна, черезъ окно, угощала насъ, вмѣсто завтрака, теплыми блинчиками съ сахаромъ. Противъ нашей дачи, на другой сторонѣ улицы, былъ домъ Евреинова, также съ садомъ и обширнымъ дворомъ. Въ саду стояли качели; и я часто одинъ перебѣгалъ улицу, чтобы покачаться на качеляхъ съ своей маленькой пріятельницей, дочерью Евреинова Наденькой. Бывало, Анна Ивановна хватится меня и спѣшитъ въ Евреиновскій садъ меня розыскивать, беретъ за руку и бѣжитъ со мной назадъ, подъ грушу. Вообще, если мы въ то время уцѣлѣли, то главнымъ образомъ благодаря заботливости нашей няни: отецъ съ утра уходилъ въ лечебное заведеніе, а мачиху мы видали рѣдко. Вскорѣ Екатерина Васильевна и вовсе уѣхала изъ Кочетка къ матери своей въ деревню, въ ожиданіи рожденія ребенка, а мы остались всецѣло на попеченіи Анны Ивановны, которая исполняла въ домѣ обязанности не только няни, но также ключницы. Съ Анной Ивановной ходили мы и на прогулку къ берегу Донца, густо заросшаго высокимъ тростникомъ, или къ цѣлебному источнику, гдѣ было купальное заведеніе, въ концѣ длинной живописной дороги, обсаженной по обѣимъ сторонамъ липами.

На зиму переѣхали мы въ Харьковъ. Отецъ тамъ былъ свободнѣе и могъ немного заниматься нами. Послѣ обѣда онъ забавлялъ насъ буквами, вырѣзанными изъ газетъ и наклеенными на картонъ. Составляя изъ буквъ слова, онъ быстро научилъ сестру и меня грамотѣ: мы въ нѣсколько дней усвоили склады. Въ Харьковѣ же взята была къ намъ бонна-Нѣмка, которая на слѣдующее лѣто поѣхала съ нами въ Кочетокъ. Со свойственной дѣтямъ легкостью мы къ осени уже могли довольно порядочно болтать понѣмецки. Но главный надзоръ за нами все-таки лежалъ на Аннѣ Ивановнѣ. Мачиха вернулась изъ Колтова съ новорожденнымъ сыномъ и всецѣло была поглощена заботами о немъ.

Такъ прошло около двухъ лѣтъ. Въ Харьковѣ отецъ сошелся съ кружкомъ медиковъ и профессоровъ мѣстнаго университета, и его стали уговаривать устроить въ городѣ собственное водолечебное заведеніе. Лица, причастныя къ городскому управленію, предлагали ему даже выхлопотать поддержку отъ города, въ видѣ дароваго помѣщенія для лечебницы.

Отцу мысль эта очень понравилась и чтобы, усовершенствоваться въ избранной имъ спеціальности и подготовиться къ устройству водолечебницы на новыхъ научныхъ началахъ, онъ задумалъ ѣхать за границу. Такъ какъ онъ предполагалъ пробыть съ этой цѣлью около года въ Берлинѣ, Парижѣ и Лондонѣ и, главное, у знаменитаго Присница въ Грефенбергѣ (въ Австрійской Силезіи), то съ Кочеткомъ пришлось разстаться. Екатерина Васильевна съ сыномъ возвратилась къ матери въ деревню, а насъ рѣшено было послать назадъ къ дѣду и къ бабушкѣ. Юлія Ѳедоровна, и Александръ Ивановичъ, конечно, съ радостью согласились взять насъ опять на свое попеченіе.

Ранней весной 1862 г., въ сѣрое, пасмурное утро нашъ возокъ, въ которомъ спдѣлъ отецъ въ большой енотовой шубѣ, няня Анна Ивановна и я съ сестрой, въ мѣховыхъ шапкахъ съ наушниками и теплыхъ рукавичкахъ, остановился въ Скатертномъ переулкѣ, у воротъ стараго бабушкинаго дома. Черезъ минуту мы были уже въ объятіяхъ обѣихъ бабушекъ, старой и молодой, дѣда и тетки Надежды Александровны.

Село Лукьяново.

ПЕРЕДЪ КРЫМСКОЙ ВОЙНОЙ.

(Изъ дипломатической переписки).

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, отношеніе между Пруссіей и Россіей было необыкновенно сердечнымъ. Не было ничего, что̀ могло бы поселить отчужденіе между кабинетами послѣ того какъ Фридрихъ Вильгельмъ IV-й высказалъ миролюбивую уступчивость въ Ольмюцѣ и на Дрезденской конференціи. Политическимъ предпріятіемъ Наполеона, 2 Декабря 1851 г., и возстановленіемъ имперіи не только не ослабились, но даже укрѣплялись эти связи. Робкія души побаивались, какъ-бы Наполеонъ, вслѣдъ за признаніемъ его, не бросилъ Европѣ перчатку и не началъ борьбы. Въ виду событій по ту сторону Рейна, сомкнулись тѣснѣе другъ съ другомъ три восточныя великія державы и стали, на сколько возможно, привлекать на свою сторону Англію. На это указываетъ одно *досель необнародованное* письмо, которое послалъ 4 Февраля 1852 изъ Петербурга Русскій государственный канцлеръ графъ Нессельроде Прусскому министру-президенту барону Мантейфелю. Приводимъ его въ переводѣ съ Нѣмецкаго *).

„Три восточныя великія державы, какъ ваше превосходительство изволите ихъ называть, должны-бы, на сколько возможно, согласиться въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ Франціи и Англіи. Имъ надо-бы стараться, пока можно, поддерживать согласіе съ *обѣими* западными великими державами, такъ какъ лишь это помѣшаетъ сердечному соглашенію (cordiale entente) между ними. Наконецъ, въ Петербургѣ и въ Берлинѣ обнаружилось, какъ важно и, стало-быть, желательно соединить Англію неразрывно съ тремя великими державами материка, и прежде всего притянуть ее къ предполагаемому союзу противъ наступательныхъ имперіалистскихъ предпріятій.

Въ этомъ мы согласны. Позвольте же мнѣ, откровенно поговорить объ оттѣнкахъ.

---

*) Сообщилъ Генрихъ фонъ-Пошингеръ въ „Deutsche Revue“. Октябрь 1907.

Силу Англіи, какъ великой державы, мы признаёмъ немаловажною; но слабость Англійскаго министерства очень хорошо доказана свыше двадцатилѣтнимъ опытомъ. Не забудемъ, къ примѣру, что уже въ 1830 году, въ правленіе Веллингтона и Пиля, Англійскій кабинетъ первый среди Европейскихъ кабинетовъ, призналъ новый порядокъ вещей во Франціи и чрезъ это чуть не опрокинулъ все политическое зданіе, воздвигнутое при содѣйствіи лорда Кастльрэ въ Шомонѣ, Вѣнѣ, Парижѣ и Аахенѣ. Если такъ случилось въ 1830 г. подъ давленіемъ мгновенно-возбужденнаго народнаго духа, то не будемъ-ли мы пойманы и теперь на туже удочку, послѣ того какъ впродолженіе двадцатидвухъ-лѣтнихъ политическихъ, религіозныхъ и торговыхъ треволненій, не исключая и Англіи, сдвинуты, если не нарушены совсѣмъ, всѣ правыя понятія, церковно-общественныя отношенія, такъ-же какъ и вещественныя выгоды? Ради сего, я высказалъ въ запискѣ моей взглядъ, что Англійскому министерству невозможно удержаться у кормила власти развѣ только при уступчивости тамошнихъ демагоговъ, и отъ сего страха я не въ состояніи избавиться. Тѣмъ не менѣе, я считаю верхомъ мудрости нераздѣльно соединить эту державу съ тремя сѣверными державами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я позволяю себѣ замѣтить, что пока достиженіе этой цѣли сомнительно, три союзныя державы должны-бы были поразмыслить о другомъ средствѣ для общаго самохраненія.

Это наводитъ меня на другое замѣчаніе. Географическое положеніе Пруссіи, конечно, указываетъ правительству ея особенныя отношенія къ Франціи и понуждаетъ его искать взорами какъ можно тверже и ближе опоры. Близкой опорой для Пруссіи является прежде всего Германскій союзъ, единодушіе и укрѣпленіе котораго мы могли-бы вторично и безъ принужденія предлагать, пользуясь удобнымъ случаемъ. Въ этомъ укрѣпленіи лежитъ надежное, если не единственное, ручательство того, что могущія обнаружиться завоевательныя вожделѣнія Наполеона въ Германіи не достигли-бы успѣха, не смотря на то, что врядъ-ли можно гадать о нападеніи на Прусскую Рейнскую провинцію безъ нарушенія нейтралитета Бельгіи, а это было-бы случаемъ для союзныхъ державъ, въ силу права, формально пригласить Англію къ дѣйствительному содѣйствію противъ новаго Наполеона, разъ уже собственные торговые интересы и заботы о своей безопасности не побуждаютъ Британскаго правительства къ поспѣшному вмѣшательству.

Возвращаясь къ исходной точкѣ этихъ разсужденій, именно сколько возможному единенію трехъ великихъ державъ на материкѣ, я съ удовольствіемъ повторяю слова, убѣжденно произнесенныя вашимъ превосходительствомъ: „Das Verhältniss zu Oesterreich muss man sich bemü-

hen so fest als möglich zu gründen“ (нужно стараться основать какъ можно прочнѣе отношеніе къ Австріи). Къ этому дѣйствительно прекрасному выраженію мнѣ прибавить нечего, а поэтому спѣшу окончить, всѣмъ сердцемъ желая в. п. счастливаго завершенія Датскихъ дѣлъ, и вновь прошу принять увѣренія въ моемъ искреннѣйшемъ почтеніи“.

Лѣтомъ 1852 переговоры между Пруссіей и Дармштадтской коалиціей изъ-за перестройки таможеннаго союза на основаніи Сентябрьскаго договора приняли такой опасный оборотъ, что Русскій государственный канцлеръ даже заходилъ съ разныхъ сторонъ со своимъ посредничествомъ. Примирительныя предложенія, какія графъ Нессельроде дѣлалъ своему Государю во имя прекращенія таможенно-политическаго кризиса, не соотвѣтствовали, однако, по содержанію письма министра Мантейфеля, цѣлямъ и намѣреніямъ Прусскаго кабинета. Въ письмѣ, съ отмѣткою: Киссингенъ, конецъ Іюля 1852, которымъ гр. Нессельроде отвѣчалъ на Мантейфелево письмо, онъ явно выразилъ свое сожалѣніе по этому поводу, т. е., что его посредничество оказалось безплоднымъ [1]).

„И такъ, я могу только желать, чтобы онъ (Прусскій кабинетъ) достигъ столь важной для всей Германіи и Пруссіи цѣли, на пути, по которому онъ пошелъ и на которомъ рѣшилъ пребывать, именно: сохраненія таможеннаго союза. На дняхъ я окончу свое продолжительное и, вѣроятно, дѣйствительное леченіе и вслѣдъ затѣмъ съѣзжу въ Италію, чтобы отдохнуть тамъ нѣсколько недѣль у дочери. На обратномъ пути въ Петербургъ, возможно, что я буду имѣть удовольствіе лично засвидѣтельствовать вамъ почтеніе, баронъ, и явить увѣренія въ моей искренней преданности вашему превосходительству“.

Къ этому можно присоединить до сего времени еще *не оглашавшійся разговоръ* [2]), который, около того же времени, велъ Русскій императоръ съ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ IV, въ бытность свою въ Берлинѣ.

„Я знаю“, замѣтилъ императоръ Николай, „что вы жалуетесь на твердость Германскихъ государей въ таможенно-союзномъ кризисѣ, также, что народы и страны ихъ неограничены въ таможенномъ вопросѣ для-ради Прусскаго пониманія. Не желая разбираться въ томъ, кто правъ или неправъ, я задамъ вамъ простой вопросъ: ежели-бы правительства пребывали въ своей политикѣ въ таможенномъ дѣлѣ, а народы воспротивились этому, пришла-ли-бы въ самомъ дѣлѣ Пруссія

---

[1]) Это письмо также не было оглашено.

[2]) Заимствованъ изъ *не оглашавшагося* доселѣ частнаго письма Прусскаго посланника въ Мюнхенѣ фонъ-Боккельберга, Мюнхенъ, 1 Іюля 1852.

на помощь государямъ противъ первыхъ?“ *)—„Конечно“, отвѣчалъ король.

Когда начались военныя дѣйствія между Россіей и Турціей, Пруссія и Австрія въ соединеніи съ Франціей и Англіей не уставали въ ихъ миролюбивыхъ стараніяхъ, для которыхъ новое основаніе положилъ протоколъ Вѣнской конференціи 5 Декабря 1853 года. Въ этомъ протоколѣ, формально пріобщавшемъ ихъ къ конференціи, представители четырехъ державъ выражали намѣреніе своихъ государей предложить обѣимъ воюющимъ сторонамъ ихъ добрыя услуги. Они опирались на многократныя увѣренія Русскаго императора, исключавшія всякую мысль о желаніи съ его стороны нанести ущербъ цѣлости Оттоманской имперіи. Существованіе Турціи въ границахъ, установленныхъ трактатами, провозглашалось ими, какъ необходимое условіе Европейскаго равновѣсія. Они считали, наконецъ, что единственнымъ способомъ для ихъ дворовъ достигнуть намѣченной цѣли является предложеніе Оттоманской Портѣ дружескаго посредничества четырехъ державъ къ возстановленію мира и предупрежденіе условій, на которыхъ она была-бы склонна вести переговоры. Коллективная нота въ этомъ смыслѣ была отправлена въ Константинополь.

Король Прусскій, наиболѣе дружелюбный къ Россіи, среди четырехъ представленныхъ въ Вѣнѣ державъ, хотѣлъ идти еще далѣе и оказать Россіи сильнѣйшую поддержку, къ чему онъ былъ побуждаемъ и со стороны Лондонскаго кабинета.

На это ссылается слѣдующее письмо графа Нессельроде къ Мантейфелю, съ помѣткою: Петербургъ, 23 Декабря 1853. Оно написано было на Французскомъ языкѣ.

Генералъ фонъ-Роховъ передалъ мнѣ особливое письмо, которое ваше превосходительство оказали честь мнѣ написать, и съ полнымъ довѣріемъ повѣдалъ мнѣ содержаніе его, равно какъ и приложенный меморандумъ. Политическія мысли, представленныя въ этихъ разновидныхъ документахъ и немедленно обращенныя мною ко взору Государя, могли только вызвать у него живѣйшій интересъ. Его величество увидѣлъ въ предложеніи короля принять посредничество Лондонскаго кабинета новое доказательство преданности и дружества своего державнаго шурина. Самъ я чувствую живую признательность за выраженное мнѣ довѣріе, которымъ преисполнено письмо в. п., и спѣшу искреннѣйше васъ поблагодарить.

Не отказываясь отъ использованія въ благопріятный моментъ столь обязательнаго предложенія, не могу отъ васъ утаить, г. баронъ, что теперешнія обстоятельства представляются мнѣ едва-ли благопріятными для новой оффиціозной попытки къ посредничеству со стороны Англій-

*) Т. е. противъ правительствъ.

скаго кабинета. Попытки этого рода, бывшія и ранѣе, до сей поры не имѣли успѣха. Онѣ даже принесли дѣлу возстановленія мира больше вреда, чѣмъ пользы. Такъ какъ Пруссія, къ нашему великому сожалѣнію, участвовала въ общихъ переговорахъ, завершившихся въ Вѣнѣ, то ей трудно было бы теперь сохранять противъ Англіи характеръ третьей державы. Въ Константинополѣ только-что предпринятъ шагъ къ державѣ четвертой *). Вѣроятно, со стороны обѣихъ морскихъ державъ будетъ произведена новая демонстрація къ морю, которая въ приложеніи къ Синопскому дѣлу, должна явиться болѣе компрометтирующей, чѣмъ прежнія. Доколѣ намъ неизвѣстенъ отвѣтъ Порты, доколѣ мы болѣе или менѣе не знаемъ строгаго характера, каковой Франція и Англія придадутъ ихъ распоряженію, достоинству Государя подобаетъ лишь стойкое ожиданіе.

Шагъ, о которомъ говорите ваше превосходительство, направляется прежде всего и въ особенности въ сторону лорда Абердина. Несмотря на теперешній кризисъ, мы не перестали поддерживать наилучшія отношенія съ этимъ государственнымъ мужемъ. Только благодаря дружескимъ объясненіямъ съ нимъ, нашему министру въ Лондонѣ удалось нейтрализовать или по крайней мѣрѣ смягчить вліяніе, дурныхъ настроеній другихъ членовъ кабинета. Если бы мы отняли у нашего министра задачу примиренія, которую онъ доселѣ выполняетъ къ полному удовольствію Государя, чтобы передать ее въ другія руки, и мы разрушили-бы оффиціальныя отношенія, которыя, въ свою очередь, тотчасъ порвали-бы дружественныя связи: предметъ заботъ нашихъ и лорда Абердина.

Будь прочнѣе положеніе лорда Абердина въ совѣтѣ и въ странѣ, то не пришли-бы мы туда, гдѣ вдругъ очутились. По этой причинѣ, желательно дѣйствовать не на его душу, но на его товарищей, изъ которыхъ одни по слѣпотѣ и страсти, другіе-же вслѣдствіе скрытаго разсчета увлекли противъ насъ Англію въ цѣлый рядъ все болѣе угрожающихъ мѣръ, и имъ удалось поставить насъ въ такое стѣснительное положеніе, какое дѣлаетъ невозможнымъ для насъ отступленіе и ставитъ предъ нами любое изъ двухъ: веденіе войны со всею страстностью или унизительное примиреніе.

При такихъ обстоятельствахъ спрашивать Англію объ ея условіяхъ (какъ вы предлагаете) совершенно безполезно. Насъ удовлетворило-бы полное и совершенное отреченіе отъ того, что̀ упорно называютъ нашими несправедливыми требованіями. Относительно Турціи мы

*) Сардиніи.

не обезпечены, потому что ей нѣтъ нужды отказываться отъ того, въ чемъ она уже отказала, а такъ какъ война ни въ коемъ случаѣ не можетъ причинить ей ущерба, то она не бѣжитъ опасности, оставаясь при своихъ сопротивленіяхъ. Желаннымъ для Англійскаго кабинета является то, что имѣлъ въ виду лордъ Радклифъ съ начала преній: заставить насъ показаться слабыми въ глазахъ Турціи и Европы и уничтожить до основанія наше политическое и нравственное вліяніе на Востокѣ.

Что касается до нашихъ условій, то они уже давно вамъ извѣстны. Уже давно Англійскій кабинетъ могъ-бы понять ихъ, еслибы пожелалъ. Они явствуютъ изъ объясненій, данныхъ въ Ольмюцѣ. Мы достаточно повторяли, что не хотимъ ни умноженій, ни завоеваній; но единственно, чего мы требуемъ, это благосклоннаго ручательства за религіозную свободу православной вѣры, что необходимо вслѣдствіе ставшихъ систематическими недружелюбныхъ отношеній, которыя Турецкое правительство усвоило въ послѣднее время для православія безъ его вины. До тѣхъ поръ пока будутъ упорствовать въ дачѣ этой простѣйшей гарантіи протектората (что ясно слѣдуетъ изъ буквы и духа всѣхъ нашихъ прежнихъ договоровъ) и доколѣ, подъ этимъ предлогомъ, у насъ будутъ оспаривать впредь, какъ и въ прошломъ, всѣ права надзора и дѣйствительной защиты вѣры, защиты, принадлежащей намъ въ Турціи почти съ незапамятныхъ временъ: до тѣхъ поръ насъ ставятъ въ положеніе невозможное для насъ. Россія не можетъ подписаться подъ уступкой, отрекаясь отъ этихъ правъ, безъ потери всякаго довѣрія на Востокѣ; не можетъ она уступить навсегда свое вліяніе Франціи и Англіи. Стоять на своемъ и понуждать къ этому путемъ угрозъ—все равно, что требовать отъ нея (т. е. Россіи) унизиться въ глазахъ Европы.

Вы утверждаете, г. баронъ, что истинная опасность для Европы лежитъ въ Парижѣ, и чтобы противостать этой опасности, вамъ рѣшительно необходимо имѣть миръ на Востокѣ. Я отвѣчу на это „да!“, еслибы вы могли достигнуть того, чтобы этотъ миръ былъ достойнымъ насъ. Напротивъ, иначе онъ уничтожитъ нашу нравственную силу и вмѣстѣ съ нею опору, которую союзники до сихъ поръ въ ней находили; такимъ образомъ, опасность, которую вы видите возрастающею въ Парижѣ, станетъ еще болѣе неизбѣжною.

Наилучшій и единственный способъ отвратить ее, это, чтобы наши союзники не обращались противъ насъ и неуклонно сохраняли нейтральное положеніе, ибо ничего другого мы и не требуемъ отъ нихъ. Если Австрія поколеблется, ободрите ее. Докажите ей, что страхъ—плохой совѣтчикъ. Укажите ей, какъ преувеличены, несвязны

и съ вѣтру схвачены всѣ военные планы и народныя возстанія, которыми запугиваетъ ее Французское правительство, какъ-будто отъ этого правительства зависитъ освобождать отъ оковъ мятежнаго генія въ чужихъ краяхъ, а у себя его нисколько не бояться; какъ-будто сама Англія, не смотря на союзъ съ Франціей, въ настоящее время, готова такъ ослѣпляться, что желаетъ Франціи выгодъ и военнаго положенія, которыя въ концѣ концовъ послужили-бы къ собственному вреду Англіи, въ качествѣ хозяйки положенія въ Турціи, въ Италіи, на Рейнѣ и въ Бельгіи. Если мы покинуты, и Россія будетъ отброшена въ безсильное уединеніе, тогда, слѣдовательно, вамъ должно оставаться однимъ съ Австрійскимъ кабинетомъ, лицомъ къ лицу со всякими требованіями Франціи и Англіи, которыя при этомъ, вѣроятно, не промахнутся и заставятъ васъ жестоко почувствовать ихъ, разъ когда-либо обнаружится результатъ теперешняго кризиса: потому что Франція и Англія неотразимы, и кромѣ нихъ никакой другой державы въ Европѣ больше нѣтъ.

Видите, г. баронъ, я откровенно отвѣчаю на письмо, которымъ вы меня почтили. Мое довѣріе служитъ доказательствомъ высокаго къ вамъ уваженія и моей живой благодарности. Выражая вамъ это чувство по особому повелѣнію Государя, я самъ благодаренъ вамъ за то, что̀ письмо ваше содержитъ лестнаго въ особенности для меня, почему и пользуюсь случаемъ снова выразить вашему превосходительству мое глубокое почтеніе.

Извѣстно, какъ трудно было королю Фридриху Вильгельму IV, въ продолженіи Крымской кампаніи, занимать положеніе, съ одной стороны, наперекоръ давленію Австріи и западныхъ державъ, а съ другой стороны, противъ своего вѣрнаго друга и близкаго родственника, императора Николая I. Твердость Фридриха Вильгельма IV была не всегда послѣдовательна. Хотя сердце его льнуло къ Россіи, однако онъ неоднократно дѣлалъ попытки сблизиться съ западными державами, которыя впрочемъ ни къ чему не вели. Несомнѣнно у него было только намѣреніе не запутать въ споръ за Балканскія земли Пруссію и Германію и самому ни подъ какимъ предлогомъ не выходить изъ своего нейтральнаго положенія. Россія естественно приводила въ движеніе всѣ дипломатическіе рычаги съ цѣлью привлечь на свою сторону Пруссію, и императоръ Николай I не разъ также лично обращался къ Фридриху Вильгельму IV, дабы убѣдить его въ честности своихъ намѣреній и неправотѣ его соперниковъ. Здѣсь можно приложить необнародованное письмо этого рода, которое относится ко времени, вслѣдъ за Вѣнской конференціей, когда Пруссія въ первый и послѣдній разъ была за одно съ западными державами. Затѣмъ Фридрихъ Вильгельмъ IV снова переносился мыслію къ посредничеству, Государь же всего ждалъ отъ военныхъ событій, которыя, онъ думалъ, скоро должны были обезоружить его противниковъ. Письмо писано Государемъ по-французски; въ „Deutsche Revue“ помѣщено по нѣмецки; слѣдуетъ нашъ Русскій переводъ.

С.-Петербургъ. 27 Апрѣля (9 Мая) 1854.

Дорогой Фрицъ!

Мой племянникъ Георгъ [1]) вручилъ мнѣ ваше любезное письмо отъ (17) 29 Апрѣля. Посредствомъ депешъ, которыя я велѣлъ написать къ Будбергу [2]), я думаю, что отвѣчу на ваши справедливые вопросы ко мнѣ по поводу посредничества почтеннаго Рохова [3]), котораго я, подобно вамъ, не могу забыть. (Вы потеряли въ немъ вѣрнаго слугу, одареннаго высшимъ умомъ, а я—достойнѣйшаго посредника въ нашихъ сношеніяхъ).

Теперь позвольте мнѣ просить васъ растолковать мнѣ, чего я не понимаю, что̀ называется выполненіемъ обязательствъ, на которыя вы согласились по протоколу 9 Апрѣля, и что̀ такое договоръ, недавно заключенный съ Австріей? На остріѣ всѣхъ соглашеній, вытекающихъ изъ Вѣнской конференціи, я вижу гарантію за цѣлость Оттоманской имперіи. Назначеніе этой гарантіи защищать-ли ее отъ Русскихъ завоеваній и плана, который упорно и напрасно мнѣ приписываютъ (присоединеніе къ моему царству княжествъ), или она (гарантія) простирается на возможное въ будущемъ, къ чему можетъ повести возстаніе христіанскихъ народовъ? Разъ это возстаніе, какъ кажется, приметъ значительные размѣры, то я не постигаю, какъ можно было христіанскимъ государямъ принимать на себя охрану status quo въ Турціи? Въ прилагаемой нотѣ я развилъ свои мысли на эту важную тему. Не угодно-ли вамъ, дорогой мой другъ, поразмыслить о томъ-же самомъ, сообразно съ чувствами, которыми наполнено такое благочестивое сердце, какъ ваше, и дать мнѣ знать, какъ вы объ этомъ думаете?

Благодарю васъ за свѣдѣнія, мнѣ переданныя, и даю вамъ слово сохранять ихъ тайну. Относительно вашего благого намѣренія посвятить себя еще дѣлу посредничества, которое до сихъ поръ имѣло такъ мало успѣха у западныхъ державъ, боюсь, что это по времени окажется для васъ неблагодарною задачей. Я думаю, что, ставя препятствія вашей дружбѣ со мною, онѣ (западныя державы) хотятъ предложить мнѣ не приносить понапрасну огромныхъ жертвъ. Такъ, пусть развиваются военныя дѣйствія. Когда они докажутъ моимъ врагамъ безсиліе этихъ послѣднихъ къ достиженію результата, который они

---

[1]) Супругъ великой княгини Екатерины Михайловны?

[2]) Русскій посланникъ въ Берлинѣ.

[3]) Прусскій посланникъ въ П.-Бургѣ, незадолго передъ тѣмъ умершій.

себѣ вообразили, тогда и наступитъ время для веденія переговоровъ. А до тѣхъ поръ всякій шагъ къ примиренію оказался-бы безполезнымъ и въ тоже время предосудительнымъ для посредника, который бы рѣшился на него. Предоставимъ его державамъ. Пускай онѣ сдѣлаютъ починъ предложеніямъ, а не я, который довелъ уступки до крайней границы. Оставайтесь, дорогой Фрицъ, по отношенію къ нимъ въ твердомъ и независимомъ положеніи, и вы будете служить миру лучше, чѣмъ еслибы вы предъявили ко мнѣ, въ качествѣ ихъ ходатая, несправедливыя требованія. Вотъ мое желаніе, которое я подношу вамъ, дорогой другъ, чтобы еще болѣе согласовать его съ вашимъ достоинствомъ и, само собою разумѣется, съ вашими интересами, равно какъ (думается мнѣ) съ достоинствомъ и интересами Германіи, которые вы ограждаете въ Европѣ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Никакого другого смысла не можетъ болѣе быть въ соединеніи со старой и честной дружбой, какая существуетъ между нами уже столько лѣтъ, которую видѣть разрушенною одинаково огорчило-бы насъ обоихъ, и живое и откровенное выраженіе которой я вамъ изъявляю отъ глубины сердца. Навсегда, дражайшій Фрицъ, вашъ старый вѣрный братъ и другъ Николай.

(Сообщено П. А. Россіевымъ).

*

Еще при Петрѣ Великомъ, князь Б. И. Куракинъ предостерегалъ наше правительство противъ курфюрста Бранденбургскаго. Екатерина тяготилась союзомъ съ Иродомъ (какъ она называла Фридриха II-го). Позднѣе графъ С. Р. Воронцовъ опасался личныхъ сношеній Александра Павловича съ королемъ Прусскимъ. Въ послѣднюю весну жизни, великодушному и полному сознаніемъ своего могущества Николаю Павловичу казалось, что военной силѣ нашей стоитъ проявиться, чтобы затихли его завистники и враги Россіи. Ему тогда не могло придти на мысль, что преемникъ его послужитъ къ созданію Германской Имперіи и затѣмъ станетъ просить Прусскаго перваго министра объ устройствѣ Берлинскаго конгресса. Но исторія помнитъ, что Александра Николаевича, еще отрока, возили, по настоянію его бабки, поклониться могилѣ Фридриха Второго, лютаго врага Россіи и всего славянства. П. Б.

ИЗЪ ПИСЬМА КНЯЗЯ ВИКТОРА ЛАРІОНОВИЧА ВАСИЛЬЧИКОВА КЪ Н. Ѳ. КОЗЛЯИНОВУ.

Питеръ, 30-го Апрѣля (1856).

Простите великодушно, любезный Николай Ѳедоровичъ, простите меня за то, что я сдѣлалъ вамъ дѣйствительную непріятность и сдѣлалъ ее совершенно сознательно, движимый чувствомъ эгоизма, иначе сказать самолюбія. Мнѣ навязали дѣло крайне тягостное и непріятное, какого мнѣ до сего дня не навязывали: ревизію всѣхъ дѣлъ интендантства со времени сотворенія мира другомъ нашимъ Затлеромъ до пришествія Лидерса въ Крымъ и появленія тамъ Червинскаго, предшественника его. Для таковаго дѣльца стали составлять цѣлую комиссію, вслѣдствіе чего я нашелся вынужденнымъ просить васъ и Лихачева. Я уже отсюда слышу страшныя ругательства ваши на таковое съ моей стороны самоуправство. Смиренно переношу все и благословляю судьбу, что высшее начальство согласилось на мою просьбу.

Теперь считаю нужнымъ объяснить вамъ, какимъ образомъ случилось подобное происшествіе. Когда Сатурна[1]) предназначали въ министры, мнѣ дѣлали предложеніе быть директоромъ канцеляріи Министерства, то есть посредникомъ между министромъ и его товарищемъ Катенинымъ. Вы понимаете, что я отказался. Между тѣмъ одинъ[2]) баринъ, недовольный вѣроятно тѣмъ, что дѣла нашего интендантства производятся безъ всякаго участія Министерства, основываясь на донесеніи г. Лидерса о недостаткѣ, оказавшемся въ заготовленныхъ запасахъ и о томъ, что армія въ теченіи мѣсяца была на половинной дачѣ провіанта, возродилъ вопросъ о необходимости комиссіи для разъясненія всѣхъ дѣлъ по снабженію арміи и ея госпиталей. Было пред-

---

[1]) Сухозанета? П. Б.

[2]) Князь Долгорукій, г. провіантмейстеръ Владиміръ Андреевичъ, впослѣдствіи Московскій генералъ-губернаторъ. П. Б.

положено командировать для сего г.-а. Будберга; но когда онъ это дѣло отъ себя отклонилъ и какъ я отказался отъ канцеляріи, меня немедленно воткнули какъ затычку въ это дѣло. Всѣ усилія и старанія мои отлавировать остались тщетными; поѣзжай, да и только!

Теперь происходитъ странное явленіе. Я громко и всѣмъ толкую, что юридически доказать всѣхъ злоупотребленій нѣтъ никакой возможности, и что еслибъ это и было исполнено, то польза отъ того была бы очень малая; потому что, по настоящей организаціи нашей, допускающей подобныя неисправности, при назначеніи другихъ лицъ, тѣже злоупотребленія неминуемо должны повториться. Поэтому, говорю я, буду я имѣть главною цѣлью не столько обвиненіе нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, сколько развитіе причинъ, по которымъ лица эти могли и, можетъ быть, должны были дѣйствовать такъ. Это изреченіе сдѣлало то, что мнѣ стали говорить, что это крайне непріятное порученіе и что я могъ бы отъ него отказаться. Къ несчастію, это дѣло невозможное: творю волю пославшаго мя.

Вотъ, любезный Николай Ѳедоровичъ, въ какую западню я попался и увлекъ и васъ за собою. Ругайте, но не слишкомъ жестоко. Не пропадать же мнѣ даромъ, не огрызаясь; а втроемъ, пожалуй, удастся намъ напакостить если не всѣмъ, такъ многимъ. Для дѣлопроизводства я набираю здѣсь чиновниковъ*) по возможности спеціальныхъ; а чтобы они не кривили душой, то хочу взять правителя дѣлъ изъ чужаго министерства, законника. То-то взбѣсятся, какъ узнаютъ! Для жительства отводятъ намъ всѣ замки и дворцы князя Воронцова, начиная съ Алупки.

(Сообщено Н. Ѳ. Козляиновымъ).

*) Въ числѣ ихъ былъ И. С. Аксаковъ. П. Б.

Письма И. С. Аксакова изъ Варваринской ссылки 1878 года.

А. Къ П. И. Бартеневу.

1.

Что̀ вамъ сказать про себя? Этотъ мѣсяцъ я прежде всего отдыхалъ отъ всѣхъ треволненій и суетъ,—занимался отдыхомъ какъ дѣломъ; къ тому же и погода была очаровательная и мое мѣстопребываніе прелестное. Отыскались даже, выражаясь „языкомъ боговъ“, какія-то еще непорванныя струны на моей заброшенной „лирѣ“, и я добрянцалъ нѣсколько пѣсень, попросту сказать, написалъ нѣсколько стихотвореній, даже безъ гражданскихъ мотивовъ. Такъ какъ, въ виду несомнѣнной перлюстраціи моихъ писемъ у меня нѣтъ особенной охоты распространяться въ почтовой бесѣдѣ, то я на остающейся страничкѣ переписываю вамъ одно, которое покороче; можете его вырѣзать и подарить моему старшему крестнику *).

Какъ литераторъ старосвѣтскій,
Я тѣшусь риѳмъ игрою дѣтской!

Прощайте, обнимаю васъ. Архивъ доходитъ до меня исправно. Вашъ Ив. Аксаковъ 18 Сент. 1878 г. Варварино.

Спустилась ночь въ убранствѣ звѣздномъ
И, дольнихъ чуждая страстей,
Какъ бы зажглись по синимъ безднамъ
Тьмы зоркихъ мыслящихъ очей.
Міръ опочилъ. Едва колышетъ
Листвы вѣтвей; кругомъ дрема̀
И сонъ. . . . . .
Лишь ночь не спитъ сама,
Живетъ и мощно, мѣрно дышетъ
И чутко землю сторожитъ,

*) И. С. Аксаковъ былъ крестнымъ отцемъ всѣхъ сыновей моихъ. П. Б.

Все вѣщимъ таинствомъ объемлетъ,
И все невидимое зритъ,
Неизглаголанному внемлетъ,
Беззвучный хоръ во мглѣ ведетъ...
И внятна сердцу пѣснь ночная.
И мнится—съ горнихъ тѣхъ высотъ
Зіяетъ правда неземная.

2.

Любезнѣйшій Петръ Ивановичъ!

Написалъ письма Помпею[1]), Дмитрію Самарину и Третьякову о Безсоновѣ, отъ котораго на дняхъ опять получилъ письмо. Помпею Н. писалъ, что если Эльпидифоръ не годится, главнымъ образомъ по непредставительности и по семинарской турнюрѣ, то Безсоновъ за то belhomme и импозантенъ.

Статью Хомякова о Восточной войнѣ 1854 года переводилъ я самъ[2]).

Очень радъ вашимъ отзывамъ о моихъ стихахъ. Я принадлежу къ той эпохѣ, когда эстетика играла важную роль въ общественномъ развитіи. Очень люблю „языкъ боговъ“ и даже давно, помню, потѣшалъ Хомякова и А. П. Елагину однимъ неоконченнымъ стихотвореніемъ, гдѣ между прочимъ говорилось...

Но я люблю „природы лоны“.
Мнѣ сладко пѣть, взывать къ нему,
И всѣ прозванья Аполлона
Любезны сердцу моему!

Прекраснѣйшая осень удерживаетъ меня покуда въ стихотворномъ настроеніи и въ расположеніи къ старосвѣтско-эстетическимъ забавамъ. 28 Сентября возьми и распустись, къ общей неожиданности и изумленію—роза, изъ породы Eglantine, которую Анна Ѳедоровна[3]) тотчасъ сорвала, засушила и послала владѣлицѣ Варварина, заставивъ меня приписать стихи. Вотъ они:

Среди цвѣтовъ поры осенней,
Видавшихъ вьюгу и морозъ,
Вдругъ распустился цвѣтъ весенній,
Одна изъ раннихъ алыхъ розъ.

---

[1]) Батюшкову. С. М. Третьяковъ былъ тогда Московскимъ головою. Товарищъ мой по студенчеству П. А. Безсоновъ, оставивъ мѣсто библіотекаря въ Московскомъ университетѣ, искалъ себѣ другого. П. Б.

[2]) Въ то время занимался я изданіемъ сочиненій А. С. Хомякова. П. Б.

[3]) Супруга Ивана Сергѣевича. Владѣлица села Варварина—ея сестра дѣвица Екатерина Ѳедоровна Тютчева. П. Б.

Пахнуло вдругъ дыханьемъ Мая,
Блеснуло солнцемъ вешнихъ дней,
И мнилось — гостья дорогая
Мнѣ принесла, благоухая,
Привѣтъ изъ юности моей!...

5 Октября 1878 г. Варварино.

3.

Не нашелъ я у себя черновой рукописи статьи о воспитаніи Алексѣя Степановича, любезнѣйшій Петръ Ивановичъ; но могу васъ увѣрить, что она *вся*, цѣликомъ напечатана въ „Днѣ“, кромѣ одной фразы, которую я опустилъ, посовѣтовавшись съ Ю. Ѳ. Самаринымъ. Это фраза о томъ, что „Богъ благословилъ Россію наилучшею формою правленія“. Опустили мы эту фразу потому, что статейка эта не предполагалась для печати. Это было что-то въ родѣ записки, написанной или для Блудова, или для Вяземскаго; за тѣмъ потому, что такая фраза требовала бы пространныхъ оговорокъ и объясненій; потому наконецъ, что въ самой статьѣ этой Хомяковъ говоритъ, что „честному писателю претитъ выступать въ печати съ мнѣніями, на которыя не дозволяется или неудобно возражать“. Для того, чтобы меня не обвинили когда-нибудь въ искаженіи подлинника, я и оговорился въ „Днѣ“, что печатаю въ отрывкахъ, давая разумѣть, что не все напечатано. Но на дѣлѣ только эта фраза и опущена. Впрочемъ я не теряю надежды отпечатать эту статью со временемъ, если я ее не передалъ Дмитрію Алексѣевичу [1]). Кстати, скажите или напишите послѣднему, что всѣ бумаги Хомякова или до Хомякова касающіяся, бывшія у Юрія Самарина, послѣ его смерти, по его приказанію переданы мнѣ: оригиналы Французскихъ статей, переписка съ Пальмеромъ и проч. Все это можно бы сдать въ музей. За тѣмъ цѣлая коллекція писемъ А. Ст. къ Самарину и еще къ нѣкоторымъ лицамъ. Имѣются ли они у Дм. Алексѣевича, такъ какъ онъ собираетъ письма? Возьмитесь за это дѣло [2]), и почему бы вамъ не напечатать нѣкоторыхъ у себя? [3])

---

[1]) Старшему сыну А. С. Хомякова, вновь поручившему мнѣ изданіе Полнаго Собранія сочиненій своего отца. Это было уже третье изданіе. Первымъ (вслѣдъ за кончиною А. С. Хомякова) тоже завѣдывалъ сначала я, но возвратившійся тогда (съ тѣломъ брата Константина) И. С. Аксаковъ упросилъ меня уступить ему продолженіе и окончаніе этого труда (сынъ же Хомякова по несовершеннолѣтію былъ тогда еще подъ опекою). П. Б.

[2]) Оно исполнено: въ послѣднемъ изданіи сочиненій А. С. Хомякова посчастливилось мнѣ изъ его писемъ составить особый (VIII) томъ—лучшая его біографія. П. Б.

[3]) Т. е. въ „Русскомъ Архивѣ“. И въ этомъ я послѣдовалъ указанію И. С. Аксакова. П. Б.

Стихотвореніе брата къ Хомякову конечно печатайте, я очень радъ. Я исправилъ его по подлинной рукописи брата, позднѣйшей, но имъ же выправленной. Нѣкоторые стихи имъ опущены, и это очень хорошо сдѣлано, потому что они слабы и заключаютъ въ себѣ только повтореніе.

Кстати, я списалъ для васъ еще три стихотворенія брата; можете ихъ также напечатать. Одно: „Поэту-укорителю“, т. е. Хомякову же въ отвѣтъ на его стихи: „Не говорите, то былое“; ихъ можно было бы сопоставить вмѣстѣ, перепечатавъ и пьесу Хомякова. Другое: посланіе къ А. Н. Попову, предъ его поѣздкой за границу, кажется въ 1842 году, а можетъ быть въ 43 году; во всякомъ случаѣ послѣ магистерскаго диспута А. Н. Попова. Третье стихотвореніе *Къ союзникамъ*, думаю 1844 года. Коптева и Глинку можно и не называть.

4.

Вы уже вѣроятно знаете, что я получилъ офиціальное разрѣшеніе возвратиться въ Москву. Проспмъ добраго и любезнаго доктора правъ*) помочь намъ въ пріисканіи квартиры, и тогда двинемся въ путь.

Затворы сняты; у дверей
Свободно стелется дорога...
Но я... Я медлю у порога
Тюрьмы излюбленной моей!
Въ моей изгнаннической доли
О, какъ привольно было мнѣ
Радушный кровъ, пріютъ неволи,
Въ твоей изящной тишинѣ!
Когда въ пылу борьбы неравной,
Трудовъ подъятыхъ и тревогъ,
Такъ рьяно съ ложью полноправной
Сразился я—и изнемогъ,
И прямо съ браннаго похмѣлья

*) Это была дѣвица Анна Михайловна Евреинова, получившая въ чужихъ краяхъ обширное юридическое образованіе и докторскую степень. Она нѣсколько разъ ѣздила въ Варварино къ опальному поэту. Императоръ Александръ Николаевичъ, позднею осенью 1878 года, возвращаясь изъ Крыма, спросилъ въ Клину выѣхавшаго къ нему на встрѣчу Московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукаго: Ну что нашъ enfant terrible (неугомонное дитя)? Князь отвѣчалъ, что Иванъ Сергѣевичъ живетъ тихо, и Государь приказалъ возвратить ему свободу мѣстожительства. Сосланъ онъ былъ за свою рѣчь о Берлинскомъ Конгрессѣ, произнесенную въ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ въ Москвѣ 22 Іюня 1878 года. Она появилась за границею прежде всего въ Англійскомъ переводѣ, а въ Россіи распространилась въ спискахъ; сосланъ же былъ Аксаковъ только во второй половинѣ Августа, по настоянію Австрійскаго посольства. П. Б.

Меня къ тебѣ на новоселье
Судьба нежданно привела,—
Какой отрадой и покоемъ,
Какимъ внезапнымъ звучнымъ строемъ
Душа охвачена была!
Какъ я постигъ благую разность,
Какъ оцѣпилъ я сердцемъ вдругъ
Твою трезвительную праздность,
Душеспасительный досугъ!...

Эти стихи не кончены и, по правдѣ сказать, несовсѣмъ удачны, а вамъ сообщаются только по вашей благосклонности къ автору, и потому что вы много собираете стиховъ и похуже.

Если, паче чаянія, кончу, то пришлю.

До свиданія. Все таки до половины Декабря, думаю, отъ сюда не выберемся. Вашъ Ив. Аксаковъ.

1 Декабря 1878 г. С. Варварино.

Б. Къ В. А. Елагину.

Варварино, 20 Ноября 1878 г.

Какъ обрадовало меня письмецо ваше, дорогóй Василій Алексѣевичъ, какъ будто отголосокъ, привѣтъ изъ давнихъ, дорогихъ дней! Въ самомъ дѣлѣ—въ *настоящемъ* у насъ нѣтъ съ вами товарищества, не было даже и общенія, такъ что я и не знаю ни вашей точки зрѣнія на событія послѣднихъ лѣтъ, ни вашихъ мнѣній о моей дѣятельности... Вотъ уже 4-й мѣсяцъ сижу я здѣсь въ Суздальской землѣ, и долженъ сознаться, что въ Москву меня нисколько не тянетъ. Не потому, чтобъ пребываніе въ деревенскомъ уединеніи, „на лонѣ мирной тишины“, было моимъ настоящимъ призваніемъ (не думаю: еще лѣтъ 10 тому назадъ, попавъ по неволѣ въ деревню, я навѣрное бы, какъ конь, нетерпѣливо грызъ удила), но потому, что ношу въ себѣ сознаніе, что моя пѣсня и всего нашего поколѣнія *спѣта*; далѣе—въ дѣятельности общественной внѣшней идти нельзя, некуда, во всякомъ случаѣ не намъ. Выдвинуты, поставлены вопросы, отвѣтовъ на которые намъ не дождаться; тѣсто заквашено, долгое пройдетъ время, пока оно выбродитъ.

Другая причина, почему меня совсѣмъ не тянетъ въ Москву, даже наоборотъ нѣсколько отталкиваетъ, это то, что Москва стала для меня совершенной пустыней. Люди духа, люди убѣжденій, люди

запечатлѣнные высшими дарами—всѣ перемерли, оставшіеся въ живыхъ поблекли, полиняли, измельчали. Вообще Москва страшно измѣнилась. Умственный уровень—можетъ быть и *незаконно* стоявшій такъ высоко въ былыя времена (незаконно потому, что этотъ цвѣтъ выросъ на почвѣ, правда исторической, бытовой, но полуварварской, съ крѣпостнымъ правомъ, съ вопіющей кривдой въ судахъ, съ униженіемъ прочихъ сословій), и такъ этотъ умственный уровень понизился ниже средняго. Золото и серебро умственное, какъ и металлическое, исчезло изъ обращенія, и въ обращеніи только истертая бумажная цѣнность*). Купечество стало господствующимъ классомъ и наложило на все свой буржуазный отпечатокъ вовсе не въ духѣ комедій Островскаго (это ужъ преданіе давно минувшихъ дней), но цивилизованный, нѣсколько иностранный,—во всякомъ случаѣ не интеллигентный, не духовный. Университетъ едва ли не худшій въ Россіи. Вообще въ Москвѣ нѣтъ ни общественной дѣятельности, ни жизни духа, по крайней мѣрѣ для меня; что̀ творится въ кругахъ молодежи, мнѣ мало извѣстно, она держалась и держится въ сторонѣ; но, кажется, современное молодое поколѣніе своимъ радикализмомъ исключаетъ себя совсѣмъ изъ общей исторической жизни народа, у него нѣтъ никакихъ связей ни съ дѣйствительностью, ни съ народною жизнію; но не спорю, что, при отсутствіи дѣятельности положительной, стихія отрицанія, вносимая имъ, будетъ играть немаловажную роль въ будущемъ, и съ нею придется считаться.

Здѣсь я живу непосредственною жизнью, въ прошломъ. Такова судьба людей въ Россіи! Въ 55 или 60 лѣтъ въ Англіи люди считаются только вступившими въ возрастъ зрѣлый, тутъ только и развертывается ихъ дѣятельность. У насъ они или умираютъ совсѣмъ, или умираютъ для настоящаго, становятся внѣ текущей жизни, сводятъ итоги, повѣряютъ пройденный путь, переживаютъ мыслію отжитое! Обращаясь къ прошлому, я не могу себѣ представить ни Хомякова, ни брата, ни въ особенности моего брата среди современныхъ явленій. Какъ мало считались они, и именно Конст. Серг. съ историческою силою послѣднихъ двухъ вѣковъ (съ 1680 г.)!!! И хотя я и не теряю вѣры въ Россію (главное, исключительно въ Русскій народъ), однакоже и мое послѣднее слово на порогѣ законченной дѣятельности: „все еще не видать свѣта!“ Москва падаетъ, а Петербургъ растетъ и растетъ, и Петербургскимъ путемъ ведетъ покуда Россію.

---

*) И. С. Аксаковъ былъ предсѣдателемъ Московскаго Купеческаго общества взаимнаго кредита. П. Б.

Всегда гнусна была пошлость, но пошлость и подлость съ аллюрами почти-свободнаго человѣка, почти-европейскаго интеллигентнаго человѣка, въ тысячу разъ гнуснѣе.

Но въ письмѣ съ вами невольно слишкомъ много и широко захватываешь общихъ вопросовъ, и только захватываешь, что̀ неудобно и для вопросовъ и для размѣра почтоваго листка. Какъ изъ Москвы меня изгнали безъ объясненія причины, такъ и до сихъ поръ она мнѣ не объявлена. Разумѣется ни я, ни моя жена, не требуемъ никакихъ объясненій и ни въ какія сношенія не ищемъ входить. Впрочемъ оно выходитъ съ исторической точки зрѣнія совершенно логически, въ порядкѣ вещей. Торжество политики Берлинскаго Конгресса должно было ознаменовать себя насиліемъ и безправіемъ: согнуться мы не могли (говорю про себя вмѣстѣ съ Слав. Комитетомъ), пришлось насъ сломать въ дребезги.

Прощайте. Что̀ Екатерина Ивановна? Это письмо придетъ какъ разъ къ ея имянинамъ; отъ всей души ее поздравляю и цѣлую ея ручки. Надолго ли вы въ Деритѣ? Что̀ дѣти ваши? Обнимаю васъ, пишите. Мой адресъ просто: въ г. Юрьевъ-Польскій, Владимирской губ. с. Варварино. Жена вамъ кланяется. Она блаженствуетъ въ уединеніи деревенскомъ; это то, о чемъ она всегда мечтала.

Вашъ Ив. Аксаковъ.

ПУШКИНЪ ВЪ ПОСЛѢДНІЕ ДНИ СВОИ.

ПИСЬМА КЪ НЕМУ ЖУКОВСКАГО [1]).

1.

Я не могу еще рѣшиться почитать наше дѣло конченнымъ. Еще я не далъ никакого отвѣта старому Геккерну; я сказалъ ему въ моей запискѣ, что не засталъ тебя дома, и что, не видавшись съ тобою, не могу ничего отвѣчать. Твой отвѣтъ невозвратно все кончитъ. Но ради Бога одумайся. Дай мнѣ счастіе избавить тебя отъ безумнаго злодѣйства, а жену твою отъ совершеннаго посрамленія. Жду отвѣта. Я теперь у Вьельгорскаго [2]), у котораго обѣдаю. **Ж.**

2.

Я обязанъ сдѣлать тебѣ нѣкоторыя объясненія. Вчера я не имѣлъ для этого довольно спокойствія духа. Ты вчера, помнится мнѣ, упомянулъ что-то о жандармахъ, какъ будто опасаясь, что хотятъ замѣшать въ твое дѣло правительство. На счетъ этого будь совершенно спокоенъ. Никто изъ постороннихъ ни о чемъ не знаетъ, и если дамы,

---

[1]) Эти письма давно извѣстны намъ, но мы не имѣли права ихъ печатать: нынѣ заимствуемъ ихъ изъ первой книжки изданія „Вѣсы“ нынѣшняго года. Содержаніе ихъ загадочно, и едва ли когда онѣ будутъ вполнѣ понятны. Извѣстна нѣжная любовь Жуковскаго къ Пушкину; но тутъ Жуковскій обнаружилъ и твердость нрава. Всѣ пять писемъ относятся къ послѣднимъ числамъ Января 1837 года, т. е. къ послѣднимъ днямъ жизни Пушкина; (одно чуть ли не накапунѣ поединка). Пушкину не хотѣлось умирать: о предстоявшемъ поединкѣ онъ сказывалъ не только Е. И. Загряжской и Жуковскому, но Карамзинымъ и княгинѣ В. Ѳ. Вяземской.

[2]) Графа Михаила Юрьевича.

то есть одна дама Загряжская[1]) смолчитъ, то тайна останется ненарушенною. Долженъ однако сказать, что вчерашній твой приходъ къ Вьельгорскому открылъ ему глаза; мнѣ же съ нимъ не для чего было играть комедію: онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, кои получили безъименныя письма[2]), но на его дружбу къ тебѣ и на скромность положиться можешь. Пишу это однако не для того только, чтобы тебя успокоить на счетъ сохраненія тайны. Хочу, чтобы ты не имѣлъ никакого ложнаго понятія о томъ участіи, какое принимаетъ въ этомъ дѣлѣ молодой Геккернъ.

Вотъ его исторія. Тебѣ ужъ извѣстно, что̀ было съ первымъ твоимъ вызовомъ[3]), какъ онъ не попалъ въ руки сыну, а пошелъ черезъ отца, и какъ сынъ узналъ о немъ только по истеченіи 24 часовъ, т.-е. послѣ вторичнаго свиданія отца съ тобой. Въ день моего пріѣзда, въ то время когда я у тебя встрѣтилъ Геккерна, сынъ

---

[1]) Жившая въ Зимнемъ дворцѣ фрейлина Екатерина Ивановна Загряжская († 1848), тетка Н. Н. Пушкиной, которая часто навѣщала ее на высотахъ Зимняго дворца (119 ступенекъ). Загряжская и сестра ея графиня Софья Ивановны Местръ, были богаты. Роскошь житейской ихъ обстановки, конечно, была заразительна и вызывала Пушкина въ несоотвѣтствовавшіе доходамъ его траты. Одна квартира, по близости отъ дворца, чего стоила! А была она необходима съ поселеніемъ у Пушкина двухъ его свояченицъ и умножившимся собственнымъ семействомъ (графиня Наталья Александровна Меренбергъ была тогда еще у кормилицы).

[2]) Не задолго передъ тѣмъ въ почтовомъ Петербургскомъ управленіи заведена была городская почта. Ею воспользовались враги Пушкина. Разныя лица начали получать письма одного и того же содержанія съ означенною на конвертѣ просьбою передать Пушкину. Въ письмѣ было сказано, что предсѣдатель общества рогоносцевъ (т. е. мужей, которымъ жены измѣнили) извѣщаетъ Пушкина о принятіи его въ число членовъ общества. Долго у насъ винили въ этой гнусной продѣлкѣ старика Гекерна, графа Уварова, князей П. В. Долгорукаго и И. С. Гагарина. Отчего же не Сенковскаго, Булгарина и другихъ Поляковъ, свившихъ себѣ гнѣздо въ Третьемъ Отдѣленіи Государевой Канцеляріи и за девять лѣтъ передъ тѣмъ чуть не погубившихъ Пушкина черезъ слабоумнаго митрополита Серафима по дѣлу о Гавріиадѣ? Тогда спасъ его Государь, которому Пушкинъ могъ повиниться въ грѣхѣ своей юности; а теперь прибѣгать къ нему въ семейномъ своемъ дѣлѣ и признаваться въ томъ, что причиною бѣды самъ онъ, было немыслимо. Однако Пушкинъ колебался. Помня, что Государь, послѣ Ноябрьской передряги, ему приказывалъ къ нему обратиться, онъ написалъ извѣстное письмо къ Бенкендорфу, но его не послалъ, и у него вынуто было изъ кармана, когда привезли его домой. Тогдашній чиновникъ Третьяго Отдѣленія П. И. Миллеръ взялъ себѣ это письмо. Много позднѣе онъ намъ показывалъ его. П. Б.

[3]) Это должно относиться не къ Ноябрю мѣсяцу 1836 года, когда молодой Геккернъ-Дантесъ и Пушкинъ помирились, а къ Генварю 1837 года, послѣ того какъ Пушкинъ и его будущій убійца сдѣлались свояками, и старикъ Геккернъ могъ ѣздить къ Пушкинымъ, какъ въ домъ родственный.

былъ въ караулѣ и возвратился на другой день въ часъ. За какую-то ошибку онъ долженъ былъ дежурить три дня не въ очередь. Вчера онъ въ послѣдній разъ былъ въ караулѣ и нынче въ часъ пополудни будетъ свободенъ. Эти обстоятельства изъясняютъ, почему онъ лично не могъ участвовать въ томъ, что̀ дѣлалъ его бѣдный отецъ, силясь отбиться отъ несчастія, котораго одно ожиданіе сводитъ съ ума. Сынъ, узнавъ положеніе дѣла, хотѣлъ непремѣнно видѣться съ тобою; но отецъ, испугавшись свиданія, обратился ко мнѣ. Не желая быть зрителемъ или актеромъ въ трагедіи, я предложилъ свое посредство, то есть хотѣлъ предложить его, написавъ въ отвѣтъ отцу то письмо, котораго брульонъ тебѣ показывалъ, но котораго не послалъ и не пошлю; вотъ все. Нынче поутру скажу старому Геккерну, что не могу взять на себя никакого посредства, ибо изъ разговоровъ съ тобою вчера убѣдился, что посредство ни къ чему не послужитъ, почему я и не намѣренъ никого подвергать непріятности отказа. Старый Геккернъ такимъ образомъ не узна̀етъ, что попытка моя съ письмомъ его не имѣла успѣха. Это письмо будетъ ему возвращено и мое вчерашнее оффиціальное свиданіе съ тобою можетъ считаться не бывшимъ.

Все это я написалъ для того, что счелъ святѣйшею обязанностію засвидѣтельствовать передъ тобою, что молодой Геккернъ во всемъ томъ, что̀ дѣлалъ его отецъ, совершенно посторонній, что онъ также готовъ драться съ тобою, какъ и ты съ нимъ, и что онъ также боится, чтобы тайна не была какъ-нибудь нарушена. И отцу отдать ту же справедливость. Онъ въ отчаяніи, но вотъ что онъ мнѣ сказалъ: je suis condamné à la guillotine, je fais un recours en grace si je ne réussis pas, il faudra monter, et je monterai, car j'aime l'honneur de mon fils autant que sa vie[1]).

Этимъ свидѣтельствомъ роль, весьма жалко и неудачно сыгранная, оканчивается. Прости. **Ж.**

3.

Ты поступаешь весьма неосторожно, невеликодушно и даже противъ меня несправедливо. Зачѣмъ ты разсказалъ обо всемъ Екатеринѣ Андреевнѣ и Софьѣ Николаевнѣ?[2]) Чего ты хочешь? Сдѣлать невозмож-

[1]) Я присужденъ къ гильотинѣ, я прибѣгаю къ милосердію. Если его не окажется, надо будетъ идти подъ гильотину, и я пойду, потому что дорожу честью моего сына какъ собственною.

[2]) Карамзинымъ.

нымъ то, что̀ теперь должно кончиться для тебя самымъ наилучшимъ образомъ. Думалъ долго о томъ, что̀ ты мнѣ вчера говорилъ; я нахожу твое предположеніе совершенно невѣроятнымъ, и имѣю причину быть увѣреннымъ, что во всемъ томъ, что̀ случилось для отвращенія драки, молодой Г. нимало не участвовалъ. Все есть дѣло отца и весьма натурально, чтобы онъ на все рѣшился, дабы отвратить свое несчастіе. Я видѣлъ его въ такомъ положеніи, котораго нельзя выдумать и сыграть какъ роль. Я остаюсь въ полномъ убѣжденіи, что молодой Г. совершенно въ сторонѣ, и на это вчера еще имѣлъ доказательство, получивъ отъ отца Г. доказательство матеріальное, что дѣло, о коемъ теперь идутъ толки, затѣяно было еще гораздо прежде твоего вызова. Я далъ ему совѣтъ поступить такъ, какъ и поступилъ, основываясь на томъ, что если тайна сохранится, то никакого безчестія не падетъ на его сына, что и ты самъ можешь предполагать, чтобы онъ хотѣлъ избѣжать дуэль, который имъ принятъ именно потому, что не онъ хлопочетъ, а отецъ о его отвращеніи. Въ этомъ послѣднемъ я увѣренъ, вчера еще болѣе увѣрился и всѣмъ готовъ сказать, что молодой Г. съ этой стороны совершенно чистъ. Это я сказалъ и Карамзинымъ, запретивъ имъ крѣпко на крѣпко говорить о томъ, что̀ слышали отъ тебя, и увѣривъ ихъ, что вамъ непремѣнно надобно будетъ драться, если тайна теперь или даже и послѣ откроется. И такъ требую отъ тебя уже собственно для себя, чтобы эта тайна у васъ умерла. Говорю для себя вотъ почему: полагая, что всѣ обстоятельства, сообщенныя мнѣ старымъ Геккерномъ, справедливы (въ чемъ я не имѣю причины и нужды сомнѣваться), я сказалъ, что понимаю его, какъ отца, въ правѣ и даже обязаннымъ предупредить несчастіе открытіемъ дѣла какъ оно есть; что это открытіе будетъ въ тоже время и репараціею того, что̀ было сдѣлано противъ твоей чести передъ свѣтомъ. Хотя я не вмѣшался въ самое дѣло, но совѣтъ могъ дать. Не могу же согласиться принять участіе въ посрамленіи человѣка, котораго честь пропадетъ, если тайна будетъ открыта? А эта тайна хранится между нами; намъ ее должно и беречь. Прошу тебя въ этомъ случаѣ беречь и мою совѣсть. Если что-нибудь откроется, и я буду это знать, то ужъ мнѣ по совѣсти нельзя будетъ утверждать того, что̀ непремѣнно должно нанести безчестіе. Напротивъ, я долженъ буду подать совѣтъ противный. Избави меня отъ такой горестной необходимости. Совѣсть есть человѣкъ; не могу же находить приличнымъ другому такого поступка, который осрамилъ бы самого меня на его мѣстѣ. И такъ требую тайны теперь и послѣ. Сохраненіемъ этой тайны ты такъ же обязанъ и самому себѣ, ибо въ этомъ дѣлѣ и съ твоей стороны есть много такого, въ чемъ долженъ ты сказать: виноватъ! Но болѣе всего ты

долженъ ее хранить для меня: я въ это дѣло замѣшанъ невольно и не хочу, чтобы кто-нибудь имѣлъ право сказать, что я нарушилъ довѣренность, мнѣ оказанную. Я увижусь съ тобою передъ обѣдомъ. Дождись меня. Ж.

4.

Вчера въ вечеру послѣ бала заѣхалъ я къ Вяземскому. Вотъ что à peu près [1]) ты сказалъ княгинѣ третьяго дня, уже имѣя въ рукахъ мое письмо: je connais l'homme des lettres anonymes, et dans huit jours vous entendrez parler d'une vengeance unique en son genre; elle sera pleine, complette; elle jettera l'homme dans la boue; les hauts faits de Rayeffsky [2]) sont un jeu d'enfant devant ce que je me propose de faire и тому подобное [3]).

Все это очень хорошо, особливо послѣ обѣщанія, даннаго тобою Геккерну въ присутствіи твоей тетушки (которая мнѣ о томъ сказывала), что все происшедшее останется тайною. Но скажи мнѣ, какую роль во всемъ этомъ я играю теперь и какую долженъ буду играть послѣ передъ добрыми людьми, какъ скоро все тобою самимъ обнаружится и какъ скоро узнаютъ, что и моего тутъ меду капля есть? И какимъ именемъ и добрые люди, и Геккернъ, и самъ ты наградите меня, если, зная предварительно о томъ, что̀ ты намѣренъ сдѣлать, приму отъ тебя письмо, назначенное Геккерну, и, сообщая его по принадлежности, засвидѣтельствую, что все между вами кончено, что тайна сохранится, и что каждаго честь останется неприкосновенною. Хорошо, что ты самъ обо всемъ высказалъ, и что все это мой добрый геній довелъ до меня заблаговременно. Само по себѣ разумѣется, что я ни о чемъ случившемся не говорилъ княгинѣ. Не говорю теперь ничего и тебѣ: дѣлай, что̀ хочешь. Но булавочку свою беру изъ игры вашей, которая теперь съ твоей стороны сильно мнѣ не нравится. А если Геккернъ теперь вздумаетъ отъ меня потребовать совѣта, то не долженъ ли я по совѣсти сказать ему: остерегитесь? Я это и сдѣлаю.

Вотъ тебѣ сказка. Жилъ-былъ пастухъ; этотъ пастухъ былъ и забубенный стрѣлокъ. У этого пастуха были прекрасныя овечки. Вотъ

---

[1]) Почти такъ.

[2]) Княгиня В. Ѳ. Вяземская, живучи въ 1824 г. въ Одессѣ, знала А. Н. Раевскаго; но „подвиги“ его относятся къ 1828 году. Про нихъ мы еще не вправѣ разсказывать. П. Б.

[3]) Я знаю сочинителя безъименныхъ писемъ, и черезъ недѣлю вы услышите о единственномъ въ своемъ родѣ отомщеніи. Оно будетъ полное и сочинителя замараетъ. Подвиги Раевскаго дѣтская игра въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ я намѣренъ сдѣлать.

повадился сѣрый волкъ ходитъ около овчарни. И думаетъ сѣрый волкъ, дай-ка съѣмъ у пастуха его любимую овечку; думая это, сѣрый волкъ поглядываетъ и на другихъ овечекъ, да и облизывается. Но вотъ узналъ прожора, что стрѣлокъ его стережетъ и хочетъ его застрѣлить. И стало это непріятно сѣрому волку, и онъ началъ дѣлать разныя предложенія пастуху, на которыя пастухъ не согласился. Но онъ думалъ про себя: какъ бы мнѣ доконать этого долгохвостаго хàхаля и сдѣлать изъ шкуры его дѣтямъ тулупы и кеньги. И вотъ пастухъ сказалъ своему куму: кумъ Василій, сдѣлай мнѣ одолженіе, стань на минуту свиньею и хрюканьемъ своимъ вымани сѣраго волка изъ лѣсу въ чистое поле; я соберу сосѣдей, и мы накинемъ на волка арканъ.—Послушай, братецъ, сказалъ кумъ Василій: ловить волка ты воленъ, да на что же мнѣ быть свиньею? Вѣдь я у тебя крестилъ. Добрые люди скажутъ тебѣ: свинья-де крестила у тебя сына. Нехорошо. Да и мнѣ самому будетъ невыгодно: пойду-ли къ обѣднѣ, сяду ли съ людьми обѣдать, сложу ли про красныхъ дѣвицъ стихи—добрые люди скажутъ: свинья пошла къ обѣднѣ, свинья сидитъ за столомъ, свинья стихи пишетъ. Неловко. Пастухъ, услышавъ такой отвѣтъ, призадумался; а что̀ онъ сдѣлалъ, право не знаю.

5.

Хотя ты и разсердилъ и даже обидѣлъ меня, но меня все къ тебѣ тянетъ—не брюхомъ, которое имѣю уже весьма порядочное, но сердцемъ, которое живо раздѣляетъ то, что̀ дѣлается въ твоемъ. Я приду къ тебѣ между $^1/_{12}$-го часомъ; обѣщаюсь не говорить болѣе о томъ, о чемъ говорилъ до сихъ поръ и что̀ теперь рѣшено. Но вѣдь тебѣ, можетъ быть, самому нужно что-нибудь сказать мнѣ. И такъ приду. Дождись меня пожалуйста, и выскажи мнѣ все, что̀ тебѣ надобно: отъ этого будетъ добро намъ обоимъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Передъ нами недавно изданный академикомъ А. А. Шахматовымъ большой томъ, въ 700 слишкомъ страницъ, озаглавленный „Разысканія о древнѣйшихъ Русскихъ лѣтописныхъ сводахъ“ (Спб. 1908). Въ этотъ томъ вошло и его изслѣдованіе, помѣщенное въ книгѣ четвертой XI тома Академическихъ „Извѣстей отд. Русск. языка и словесности“ („Сказаніе о призваніи Варяговъ“). О семъ изслѣдованіи я уже далъ свой отзывъ въ № 29—30 *Кремля*, при чемъ указалъ на пункты его со мной согласія и несогласія. Главное согласіе заключается въ томъ, что лѣтописный текстъ *легенды* о призваніи Варяговъ не дошелъ до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ; но всѣ попытки изслѣдователя возстановить ея первую редакцію, по моему крайнему разумѣнію, болѣе или менѣе сомнительны, хотя въ настоящемъ томѣ онъ много работалъ именно надъ симъ возстановленіемъ. Особенно бросается въ глаза его пренебреженіе къ тексту, который даетъ намъ Лѣтописецъ патр. Никифора и который несомнѣнно передаетъ первоначальный текстъ ближе всѣхъ другихъ извѣстныхъ намъ списковъ и сводовъ. Затѣмъ новѣйшій изслѣдователь, повидимому, повторяетъ старое заблужденіе о монахѣ Несторѣ, какъ составителѣ Лѣтописи, тогда какъ она несомнѣнно была составлена игуменомъ Сильвестромъ Выдубецкимъ; по крайней мѣрѣ сего вопроса изслѣдованіе даже не касается и называетъ Сильвестра только первымъ редакторомъ „Повѣсти временныхъ“ лѣтъ (стр. 206). Въ помянутомъ своемъ отзывѣ мы уже отнеслись критически къ попыткѣ А. А. Шахматова возстановить весь первоначальный текстъ древнѣйшаго лѣтописнаго свода. Кромѣ того, онъ пытается возстановить текстъ начальной Новгородской лѣтописи. Эти попытки теперь обставлены массою собраннаго имъ матеріала по всевозможнымъ спискамъ; но, не смотря на все богатство такого матеріала и кропотливую добросовѣстную работу надъ нимъ, главные выводы еще далеко не могутъ быть признанными за окончательные. Вновь укажу также на стараніе достоуважаемаго автора согласовать съ своими выводами Норманскую теорію и голословное повтореніе нѣкоторыхъ изъ аргументовъ, несостоятельность которыхъ уже безповоротно доказана.

А. А. Шахматовъ все-таки считается съ моими изысканіями. Но что сказать о тѣхъ Норманистахъ, которые продолжаютъ повторять сказку про бѣлаго бычка, совершенно замалчивая эти изысканія, такъ какъ научнымъ способомъ опровергнуть ихъ выводы они оказались безсильны. Выбитые изъ своихъ позицій на исторической почвѣ, они переносятъ вопросъ исключительно на почву филологическую, при чемъ не предъявляютъ никакихъ данныхъ изъ области народной рѣчи, а основываются только на собственныхъ именахъ, личныхъ и топографическихъ, которымъ часто даютъ самое ненаучное, произвольное толкованіе. Въ № 26—28 *Кремля* я приводилъ тому примѣры: извѣстный, старый Петербургскій Славистъ повторяетъ не имѣющее смысла чтеніе ex velocibus Danis, вмѣсто болѣе подходящаго Danais, или названіе Восточной Европы въ Исландскихъ сагахъ *Гардарики* толкуетъ варіантомъ *Гарзарики*, т.-е. въ смыслѣ Хазаріи. Послѣднее толкованіе поразительно по своей нелѣпости. Старый Славистъ не знаетъ того, что Гардарикія въ сагахъ значитъ „Страна Городовъ“ и что варіантомъ сего названія является тамъ *Гарды*, т.-е. просто „Города“. Понятно, что ученики сего Слависта дѣйствуютъ въ томъ же направленіи и съ такими же результатами. Это относительно ученія Норманистовъ въ начальной Русской исторіи. А по отношенію къ Туранистамъ начальной Славянской исторіи я указывалъ, какъ упорно и совершенно произвольно превращаютъ они слова *канасъ* въ хана, Греческую *авлу* въ Татарскій аулъ и т. п.

Любопытно, что всѣ новѣйшія сочиненія по начальной Русской и Славянской исторіи, игнорирующія мои Разысканія и повторяющія старые домыслы, болѣе или менѣе страдаютъ своей безплодностью, и не столько разъясняютъ, сколько запутываютъ относящіеся сюда вопросы. Для образца укажу на недавно появившуюся монографію г. Знойко „О походахъ Святослава на Востокъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1908, Декабрь). Вопіющія натяжки и невѣрные выводы, вообще маловѣдѣніе и недостатокъ историческаго смысла,—вотъ отличительныя черты ея. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько примѣровъ. Бѣлая Вежа или Саркелъ у него не Хазарская крѣпость, а греческая, и построена она позднѣе, чѣмъ опредѣляетъ Византійскій источникъ; въ этомъ случаѣ авторъ повторяетъ неудачную догадку одного Византиниста. Говоритъ онъ о походѣ на Хазаръ, Ясовъ и Касоговъ прямо изъ Кіева, слѣдовательно, не знаетъ о роли и положеніи Тмутраканской Руси, сосѣдней съ этими народами; при чемъ Хазарскій каганатъ распространяетъ до Камскихъ Болгаръ, а Тмутраканскую Русь считаетъ завоеваніемъ Святослава, тогда какъ ею владѣлъ уже отецъ его Игорь. Его предположенія,—что Святославъ въ 964 г. выступилъ изъ Кіева въ Мартѣ; въ Маѣ поплылъ внизъ по Окѣ, потомъ по Волгѣ, разгромилъ Болгаръ, Буртасовъ, Хазаръ, плавалъ по Каспійскому морю и очутился на Кубани, покорилъ Ясовъ и Касоговъ, съ Кубани, „выстроивъ новыя лодки, выплылъ въ Азовское море“, поднялся по Дону, взялъ Саркелъ (зачѣмъ, если онъ былъ Греческій?); потомъ по снѣгу „перетянулъ лодки въ Оку, въ землю Вятичей, покореніе которыхъ теперь докончилъ“, оттуда въ теченіе зимы—въ Десну и весной 967 года вернулся въ Кіевъ. Этотъ завоевательный непрерывный походъ, въ родѣ Александра

Македонскаго, походъ, между прочимъ, по морямъ и по замерзлымъ рѣкамъ, совершенно фантастиченъ и обличаетъ замѣчательное маловѣдѣніе автора. Любопытно, что, будучи незнакомъ съ моими *Разысканіями* и первымъ томомъ моей *Исторіи Россіи*, онъ, судя по ссылкамъ, незнакомъ и съ сочиненіемъ Френа Ibn Fozlan, гдѣ впервые сдѣлана попытка означенныя предпріятія Святослава связать въ одинъ походъ. Выбравъ самое неудачное мнѣніе относительно Саркела, г. Знойко точно также усваиваетъ себѣ самое неосторожное мнѣніе другого ученаго о „созданіи“ Кіевскаго великаго княжества на основаніи внѣшней торговли. По его мнѣнію, Русскіе походы на Востокъ, слѣдовательно и въ Каспійское море съ разграбленіемъ его Мусульманскихъ прибережій, имѣли своею цѣлью „пріобрѣтеніе заморскихъ рынковъ“. Отсюда, пожалуй, можно заключить, что гораздо позднѣе и Стенька Разинъ, съ Донскими казаками грабившій эти прибережья, ходилъ туда тоже ради пріобрѣтенія заморскихъ рынковъ! А между тѣмъ уже въ первой половинѣ IX вѣка, т.-е. за сто лѣтъ до Святослава, Русскіе купцы торговали въ Багдадѣ, о чемъ г. Знойко, повидимому, совсѣмъ не знаетъ. Не привожу дальнѣйшихъ перловъ его монографіи, очень сумбурной, изобилующей промахами, хотя своими ссылками претендующей на эрудицію. **Д. Иловайскій.**

*

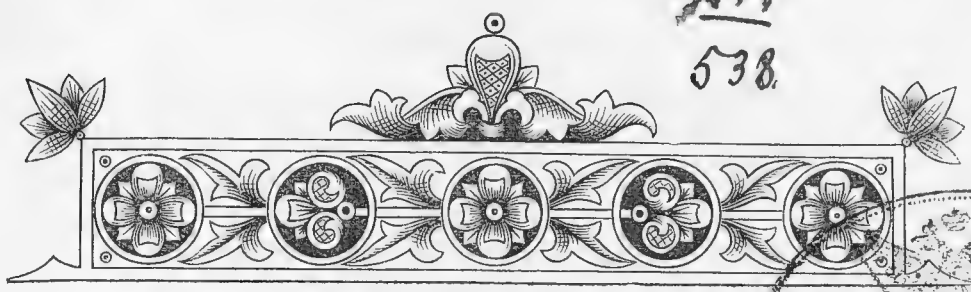
Большой Кремлевскій дворецъ. Указатель къ его обозрѣнію.

По порученію завѣдующаго придворною частію въ Москвѣ и начальника Московскаго Дворцоваго правленія князя Одоевскаго Маслова, составилъ С. П. Бартеневъ. Напечатано съ разрѣшенія министра Императорскаго Двора генералъ-адъютанта барона Фредерикса. М. 1909 г. Мал. 8-ка, 140 и двѣ не нумерованныя страницы. Со многими превосходно исполненными рисунками и видами зданій, церквей, залъ, комнатъ и отдѣльныхъ вещей.

Привѣтствуемъ появленіе этой небольшой но многосодержательной книжки. Въ ней имѣемъ мы обозрѣніе не теперешняго только дворца, но и протекшихъ судебъ его съ XV вѣка. Составитель тщательно изучилъ все, что̀ доселѣ было въ печати о Кремлевскомъ дворцѣ и съумѣлъ въ сжатомъ видѣ изложить исторію царскаго жилища. Кремль—каменная хроника Россіи. Благодаря художественно-историческому обозрѣнію его дворца чувствуется, какъ полонъ значеніе для Русскаго сердца каждый квадратъ Кремлевской земли.

Книжка уже разбирается, давая возможность посѣтителямъ главнѣйшимъ образомъ изъ среднихъ и нисшихъ сословій наглядно знакомиться съ Русскою исторіею. Рисунками, на которыхъ изображенъ Дворецъ въ былыя до-Петровскія времена, напоминаются еще уцѣлѣвшіе кое-гдѣ до нашихъ дней дома зажиточныхъ простолюдиновъ. * *

XVI
538.



ДѢЛО О ТРИДЦАТИ ШЕСТИ НЕЗАКОННЫХЪ БРАКАХЪ.

Эпизодъ изъ жизни Смоленской шляхты въ XVIII вѣкѣ.

Находясь долгое время подъ властью Литвы, а позднѣе Польши, Смоленская область при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ была окончательно присоединена къ Россіи.

Въ составѣ населенія возвращенной области было много шляхтичей, потомковъ Смоленскихъ бояръ и служилыхъ людей, а также Польскихъ и Литовскихъ выходцевъ[1]). Первымъ дѣломъ правительства было подтвердить всѣ привиллегіи шляхты, дарованныя какъ предшествовавшими государями, такъ и Польскими королями, при чемъ всѣ состоявшія въ ихъ владѣніи помѣстья были объявлены ихъ вѣчною и наслѣдственною собственностью. При этомъ было запрещено помѣстья звать Польскимъ словомъ „маетностями“. Это запрещеніе вышло при Петрѣ Великомъ[2]). До 1761 г. Смоленское шляхетство состояло подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Правительствующаго Сената, а въ этомъ году, по указу Сената 14 Марта[3]) оно подчинено вѣдѣнію Герольдмейстерской конторы. Шляхетство несло службу въ рядахъ особаго „Смоленскаго шляхетскаго полка“, не подчиненнаго общему военному начальству, имѣя у себя своего генералъ-маіора, генералъ-поручика, полковниковъ, ротмистровъ и друг. чины. Службу отправляли по наряду; если же шляхтичи призывались по особому наряду, то имъ было положено жалованіе[4]). Не смотря на всѣ распоряженія правительства,

---

[1]) Таковы: Догановскіе, Станкевичи, Швыйковскіе, Пышницкіе, Гурко-Ромейко, Пентковскіе, Толпыго, Корсаки, Рачинскіе и друг.

[2]) .....„а владѣть имъ впредъ въ вотчину, а помѣстьями и „маетностями“ не писать“. (П. С. З. т. IV № 1885). Вообще даже жители города Смоленска пользовались особыми привиллегіями. Такъ напримѣръ, указомъ Сената 1746 г., 14 Сент. было подтверждено право Смоленскихъ мѣщанъ покупать людей, но однако безъ земли.

[3]) П. С. З. т. XV № 11245.

[4]) Тамъ же т. I № 962, 983, и 1299.

клонившіяся къ тому, чтобы пріобрѣсти въ Смоленскихъ шляхтичахъ вѣрныхъ подданныхъ и способствовать скорѣйшему ихъ сліянію съ Русскимъ дворянствомъ, „польщизна“ пустила такіе глубокіе корни въ ихъ жизни, что долгое время Смоленская шляхта стоитъ совершенно особнякомъ: она имѣетъ свои обычаи, перенесенные изъ Польши, и не можетъ привыкнуть скоро къ Московскимъ порядкамъ, такъ что правительству надо было каждый разъ отдѣльными распоряженіями запрещать отступленія отъ всего установленнаго закономъ.

Такъ въ 1693 г., приговоромъ думнаго дьяка Украинцева „со товарищи“, было запрещено переукрѣплять свои помѣстья и вотчины, кромѣ актовъ, установленныхъ Уложеніемъ и указами государей, какими бы то ни было записями и другими способами, практиковавшимися въ Смоленской области шляхтою, болѣе знакомою съ Литовскимъ Статутомъ, чѣмъ съ законоположеніями Московскаго государства и практикою Помѣстнаго Приказа[1]). Вліяніе Польши и не могло не отразиться на высшихъ классахъ Смоленской области, найдя для этого удобную почву: еще въ половинѣ XV вѣка, когда княжество Смоленское доживало свои послѣдніе дни, мы замѣчаемъ среди бояръ Смоленскихъ тяготѣніе къ Западу: они желаютъ власти Литовскаго князя Витовта, сносятся съ нимъ и когда тотъ приходитъ, сдаютъ ему городъ[2]).

Сто лѣтъ Литовскаго владычества[3]) не могли также не подѣйствовать на нихъ, а многіе шляхтичи, выселившіеся изъ Польши и Литвы (одни, получивъ здѣсь помѣстья, другіе—коронныя мѣста) смѣшались скоро съ Смольянами высшихъ классовъ. Когда Смоленскъ становится яблокомъ раздора между Россіей и Польшей, большинство знати открыто держитъ руку Польскаго короля.

Съ возвращеніемъ Смоленска подъ власть Россіи, Польша, благодаря близости отъ него своей границы, продолжаетъ оказывать явнымъ и тайнымъ образомъ свое вліяніе на Смоленскую шляхту; этому

---

[1]) См. П. С. З. т. III, № 1478. Собственно этотъ приговоръ бояръ вызванъ слѣдующимъ: нѣкто Александръ Чижъ, Смоленскій шляхтичъ, далъ своей женѣ записку на владѣніе послѣ его смерти всѣми принадлежавшими ему помѣстьями и движимымъ имуществомъ. Когда скончался Чижъ, вдова его стала искать на братѣ покойнаго завѣщанное ей; но ей было отказано, такъ какъ „по указу Великихъ Государей, Уложенію и Новоуказнымъ статьямъ велѣно бездѣтнымъ женамъ давать изъ помѣстій мужей ихъ на прожитокъ что доведется, а всѣхъ помѣстій не давать“ (тамъ же). Напротивъ, „Литовскій статутъ“ позволялъ какъ угодно распорядиться помѣстьемъ, даже передать постороннему лицу (разд. VII, арт. I).

[2]) См. Пол. собр. Русск. лѣтоп. т. IV, стр. 103, V т. 253; VII, 76 и слѣд.

[3]) Смоленскъ сдался Витовту въ 1404 г., а въ 1514 г. в. к. Василій Ивановичъ отнялъ его у Литвы.

немало способствовало также и то, что много шляхтичей воспитывало своихъ дѣтей въ Польшѣ, въ школахъ и Іезуитскихъ коллегіяхъ. Католическое духовенство часто пріѣзжаетъ въ Смоленскую губернію, при чемъ посѣщаетъ шляхтичей православнаго исповѣданія, склоняя ихъ принять католичество, исповѣдуя и причащая тѣхъ изъ нихъ, которые въ тайнѣ были католиками. Пропаганда имѣла успѣхъ: немало совращалось въ католичество [1]). Наряду съ этимъ идетъ политическая пропаганда, столь же успѣшная: побѣги „за рубежъ“, въ Польшу, начавшіеся со времени присоединенія, дѣлаются болѣе и болѣе частыми, такъ что въ 1728 г. изданъ высочайшій указъ, въ которомъ угрожается самыми строгими наказаніями, если въ вышеописанныхъ винахъ явится кто изъ дворянъ или изъ офицеровъ и другихъ знатныхъ [2]). Былъ даже случай измѣны губернатора-камергера, князя Черкаскаго, вошедшаго въ сношенія съ Поляками [3]).

Сочувствіе Смоленской шляхты къ Польшѣ и ко всему Польскому было такъ сильно, что издавна вошло въ народъ въ поговорку: „Смоляне—Польская кость, собачьимъ мясомъ обросла“ [4]).

Польскій языкъ употреблялся всѣми шляхтичами, даже православными и игралъ туже роль, какъ позднѣе въ образованныхъ классахъ Французскій. Даже православное духовенство нерѣдко предпочитало Польскій языкъ своему родному [5]).

Правительство не могло не обратить вниманія на это, и половина

---

[1]) Такъ совратилась семья Потемкиныхъ, ротмистра Ивана Лярскаго, кн. Богдана Друцкаго-Соколинскаго и друг. См. Оп. дѣл. хр. въ арх. Св. Син. т. VI и т. VII ч. 2-я.

[2]) П. С. З., т. VIII, № 5347.

[3]) Императрица отнеслась къ нему очень милостиво: онъ былъ только сосланъ въ Сибирь. (См. манифестъ 16 Ноября 1734 г. П. С. З., т. IX № 6647, а также „Русскій Архивъ“ за 1871 г., гдѣ изложено подробно все это дѣло).

[4]) И. Д. Бѣловъ „Исторія въ поговоркахъ“. „Историческій Вѣстн.“. 1888 г., № 8 стр. 251. Народъ, напротивъ, всегда былъ во враждебныхъ отношеніяхъ къ Полякамъ и Литвѣ, на что указываютъ тоже разныя пословицы и поговорки; напримѣръ: „Къ кому Богородица, а къ намъ Литва“ (икона спасла Москву отъ Тамерлана, а Витовтъ ограбилъ Смоленскъ) и другіе пого́ворки.

[5]) Въ дѣлѣ о совращеніи въ католичество Смоленскаго шляхтича Дениса Потемкина съ семействомъ, которое велось въ Синодѣ въ серединѣ XVII столѣтія, жена его дѣлаетъ рукоприкладство къ допроснымъ пунктамъ на Русскомъ языкѣ, но Польскими буквами: „k siem doprosnym reczam Sofia Konstentinovna docz podpisala sie swojaruszna“. „Благочестивой вѣры“ попъ Андрей (Смоленскаго уѣзда, села Черенова), исповѣдывавшій православную прислугу Потемкиныхъ, подписался за себя и за брата: „k siemu doprosu pop Andrie zumiesta brata svoeho diseka (дьячка) Iakova po eho uproszeniu ruku prilozil“. (См. списокъ дѣлъ хранящихся въ архивѣ Св. Синода т. II, ч. I, дѣло о Потемкиныхъ).

XVII вѣка въ Смоленской губерніи проходитъ въ энергичной борьбѣ съ „польщизной“ [1]).

Только послѣ раздѣла Польши и присоединенія издревле принадлежавшихъ намъ областей, прилегаемыхъ къ Смоленской губерніи, въ ней прекращается Польское вліяніе; съ этого времени дворянство Смоленское можетъ быть названо вполнѣ Русскимъ, вѣрнымъ религіи, преданнымъ престолу и отечеству, что оно и доказало въ достопамятный 1812 годъ.

Мы сочли необходимымъ предпослать этотъ краткій очеркъ, такъ какъ, принявъ во вниманіе исторію Смоленскаго края и тѣ исключительныя условія, въ которыхъ онъ находился съ XV столѣтія, намъ будетъ ясно, чѣмъ вызваны столь частыя нарушенія Смоленскими шляхтичами Русскихъ законовъ и правилъ церкви, благодаря чему, между прочимъ, возникъ и тотъ весьма интересный процессъ, который мы намѣрены изложить въ настоящей статьѣ. Часто практиковалось заключеніе браковъ въ недозволенныхъ церковью степеняхъ родства и свойства, иногда очень близкихъ (2-й и 3-й), при этомъ сплошь и рядомъ „безъ вѣнечныхъ памятей“ [2]); вѣнчаніе также происходило не всегда въ церкви, но большей частью на дому.

---

[1]) Въ 1728 г. 16 Февраля указомъ Тайнаго Совѣта было запрещено шляхтичамъ посылать дѣтей для науки „за рубежъ“, а также изъ Польши и пускать духовныхъ особъ Римской вѣры и проживать имъ „у Смоленской шляхты“; тѣхъ же, которые находятся въ Смоленскѣ, было приказано немедленно выслать; дѣтей шляхтинскихъ, учащихся въ Польшѣ—возвратить, а если родители захотятъ обучать ихъ Латинскому и прочимъ языкамъ, то объявить имъ, чтобы отдавали ихъ въ Русскія школы, „понеже такихъ школъ въ Москвѣ и Кіевѣ довольное число“. (Позже, при архіеп. Гедеонѣ такія школы были устроены и въ Смоленскѣ). Въ этомъ же указѣ повелѣно, епископу Смоленскому „имѣть крѣпкое смотрѣніе“, чтобы шляхтичи Смоленскіе „свято блюли Греческую вѣру и нимало бы въ томъ соблазна не происходило“; о подозрѣваемыхъ въ противномъ предписывалось доносить (П. С. З., т. VIII, № 5238). Не смотря на эти мѣры и послѣдующія распоряженія правительства (см. напр. П. С. З., т. VIII, № 5251 и 5322), католическая пропаганда въ Смоленской губерніи продолжается: еще въ 1730 г. былъ пойманъ переодѣтый въ свѣтское платье монахъ Бернардинскаго ордена Вербицкій, проживавшій у шляхтичей, которыхъ немало совратилъ въ католичество. Онъ былъ схваченъ, но какими-то судьбами избѣжалъ наказанія и былъ только высланъ за границу. Этотъ случай вызвалъ изданный въ томъ же году сенатскій указъ (20 Апрѣля), который предписывалъ строго слѣдить на границѣ за всѣми пріѣзжающими и отъѣзжающими, „а если кто воровски проѣдутъ, таковыхъ, имая распрашивать, и чинить по прежде посланному указу“. (См. Оп. дѣл. хр. въ арх. Св. Син., т. VII № $^{71}/_{170}$ и № $^{73}/_{177}$, также П. С. З., т. VIII, № 5538).

[2]) Для совершенія вѣнчанія требовалась „вѣнечная память“, выдаваемая епископомъ, гдѣ предписывалось священнику обвѣнчать жениха и невѣсту, если не было къ тому законныхъ препятствій. Вѣнечныя памяти отмѣнены при Екатеринѣ II-й, и съ этого времени, при заключеніи брака, обращаются прямо къ священнику (См. Неволинъ. П. собр. соч. т. I, стр. 218 и слѣд.).

Первое время на это смотрѣли сквозь пальцы, и многіе такіе браки не преслѣдовались; но въ началѣ XVIII вѣка со стороны духовенства замѣчается стремленіе ревниво охранять постановленія церковныя о бракѣ, благодаря чему возникаетъ много дѣлъ, по обвиненію Смоленскихъ шляхтичей въ заключеніи „незаконныхъ браковъ“. Среди нихъ обращаетъ на себя вниманіе громадное дѣло, гдѣ къ отвѣтственности привлекаются сразу 36 человѣкъ, цѣлое общество шляхтичей обвиняется духовнымъ судомъ въ нарушеніи церковныхъ правилъ. Это дѣло, въ высшей степени любопытное съ процессуальной стороны и какъ характеризующее бытъ, нравы, обычаи шляхты и вообще знакомящее насъ съ жизнью того времени, началось въ 1726 году. Въ Февралѣ мѣсяцѣ Смоленскій шляхтичъ Петръ Азанчеевъ подалъ Филоѳею, епископу Смоленскому, жалобу на князя Михаила Друцкаго-Соколинскаго, обвиняя его въ томъ, что въ то время, когда жена его (просителя) ѣздила къ своей сестрѣ Настасьѣ Матвѣевой Воронецъ, князь, „знатно по совѣту съ отставнымъ поручикомъ Василіемъ Константиновымъ Брещинскимъ и съ его женой“, выѣхавъ отъ Брещинскаго съ толпою вооруженныхъ слугъ, напалъ на его дочь, дѣвицу Анну Азанчееву, ѣхавшую за матерью по дорогѣ въ усадьбу Воронецъ, связавъ кучера, бывшаго тогда съ нею, пересадилъ ее въ свои сани и, привезя къ себѣ, „учинилъ надъ ней насиліе плотское“ не вѣнчаясь. При этомъ проситель прибавилъ, что еще раньше князь Соколинскій просилъ руку его дочери, но что онъ не далъ согласія на бракъ, такъ какъ они находятся въ близкомъ свойствѣ между собой, а именно первая жена князя Соколинскаго Настасья Потемкина была ему, просителю, двоюродная сестра[1]). Преосвященный Филофей немедленно послалъ о вышесказанномъ донесеніе Св. Синоду, въ которомъ кромѣ того сообщалъ, что въ 1725 году князь Соколинскій обращался къ нему съ просьбой разрѣшить бракъ съ Анной Азанчеевой, находящейся съ нимъ въ близкомъ свойствѣ, но что онъ отказалъ въ этой просьбѣ[2]). Св. Синодъ увѣдомилъ пр. Филоѳея, что, на основаніи высочайшаго указа 12 Апрѣля 1722 г.[3]) дѣло о похищеніи Соколинскимъ Азанчеевой и объ ея изнасилованіи подлежитъ вѣдѣнію свѣтскаго суда.

---

[1]) Опис. дѣлъ, хранящ. въ арх. Св. Синода т. VI, № 195/157 стр. 229 и слѣд.

[2]) Это донесеніе и составляло собственно прибавленіе къ донесенію пр. Филоѳея Синоду объ отступленіи отъ православной церкви князя Богдана Соколинскаго (племянника князя Михаила Соколинскаго) и женитьбѣ его въ свойствѣ. Тамъ же, стр. 228.

[3]) Высочайш. резолюція на докладн. пункты Св. Синода („о любодѣйствѣ, насиліи надъ рабынями, кровосмѣшеніи“ и проч.) т. VI, стр. 680 и слѣд. Оп. дѣлъ, хр. въ арх. Св. Синода.

Но дѣло скоро переходитъ снова къ пр. Филоѳею: оказывается, что Соколинскій похитилъ Азанчееву съ согласія, какъ онъ заявляетъ, ея матери и что они вѣнчаны священникомъ, но не въ церкви, а на дому. Тогда пр. Филоѳей, по разсужденіи „съ одинадцатью духовными персонами“, постановилъ: развести Соколинскаго и Азанчееву „отъ плотскаго сожитія“ и взять у нихъ „сказки“, что они впредь не будутъ въ „беззаконномъ сожитіи“, а за то, что они вѣнчались тайно и не въ церкви, безъ благословенія и присяги родительской [1]) послать Соколинскаго въ монастырь на покаяніе; Азанчееву же за то, что дозволила дочери повѣнчаться съ Соколинскимъ противъ воли отца и зная ихъ свойствò, опредѣлилъ также послать въ Вознесенскій женскій монастырь подъ начало, а Анну Азанчееву возвратить отцу. Князь Соколинскій и Азанчеевы этому рѣшенію „учинились противны“, за что всѣ трое были держаны подъ началомъ и отпущены на поруки впредь до рѣшенія Синода, куда пр. Филоѳей отправилъ между тѣмъ обширное донесеніе вмѣстѣ съ копіями всего дѣлопроизводства, бывшаго въ архіерейскомъ приказѣ [2]).

Въ тоже время князь Соколинскій подалъ туда же прошеніе, въ которомъ указываетъ, что бракъ его съ Азанчеевой заключенъ съ согласія ея матери и по ихъ взаимной склонности; вѣнчались же они не въ церкви, а дома, такъ какъ во всей Смоленщинѣ издревле и донынѣ такъ водится и отъ архипастырей такое вѣнчаніе никогда не запрещалось. Далѣе онъ говоритъ, что женился на Азанчеевой послѣ смерти первой жены и „не насильно“, имѣетъ ужъ отъ Азанчеевой дочь и „слезно“ проситъ „простить его женитьбу“ и разрѣшить сожительство съ женой [3]). Св. Синодъ отказалъ князю Соколинскому, пріѣхавшему въ то время въ Петербургъ, въ просьбѣ и 29 Мая 1727 г. постановилъ: истребовать отъ него подписку въ томъ, что онъ немедленно выѣдетъ въ Смоленскъ, явится къ пр. Филоѳею и подчинится наказанію, налагаемому на него церковью, о чемъ сообщить послѣднему. Князь Соколинскій 30 Іюня 1727 г. подаетъ въ Синодъ другое прошеніе, благодаря которому и возникаетъ это громадное дѣло, производство котораго тянулось 15 лѣтъ.

Браки между родственниками практиковались въ Смоленской губ. весьма часто; князь Соколинскій, зная немало подобныхъ примѣровъ,

---

[1]) Петръ Великій, чтобы устранить возможность заключенія браковъ противъ воли брачущихся, узаконилъ, что родители до вступленія въ бракъ дѣтей, а господа—крѣпостныхъ, должны давать присягу въ томъ, что не принуждали ихъ къ браку. (См. Сергѣевичъ. Лекц. изслѣд. и замѣтки. Т. II, стр. 932).

[2]) Оп. дѣл., хр. въ арх. Св. Син. т. VI, № 308 (156), стр. 538.

[3]) Тамъ же, стр. 539.

рѣшилъ указать Синоду, что, кромѣ него, немало шляхтичей повинны въ такомъ-же нарушеніи церковныхъ правилъ, и между тѣмъ всѣ продолжаютъ жить со своими женами, а онъ одинъ лишь подвергается карѣ церковнаго суда.

Свое прошеніе онъ начинаетъ съ объясненія, что, женясь на Азанчеевой, онъ никогда не думалъ, что этотъ бракъ незаконенъ, такъ какъ въ Требникѣ Петра Могилы заключать браки „въ третьей степени въ двачисленныхъ фамиліяхъ“ разрѣшается; за симъ онъ перечисляетъ 36 извѣстныхъ ему случаевъ брака въ Смоленской губерніи между родственниками, находящимися въ болѣе близкомъ родствѣ и свойствѣ чѣмъ онъ и его жена, при чемъ заявляетъ, что заключеніе этихъ браковъ, въ запрещенныхъ церковью степеняхъ родства и свойства, объясняются тѣмъ, что, „по покоренiи Смоленска подъ Русскую державу, Смоленскимъ шляхтичамъ изъ за рубежа брать женъ запрещено, а съ Россійскимъ шляхетствомъ обхожденія они и доднесь не имѣютъ“.

Княземъ Соколинскимъ указаны слѣдующіе неправильные браки Смоленскихъ шляхтичей:

1) „Генералъ-маіоръ Потемкинъ взялъ дочь мужа своей двоюродной сестры—Гурковну“ (Гурко).

2) „Ротмистръ Александръ Воронецъ—родную тещу своего родного племянника“.

3) „Хорунжій Степанъ Корсакъ женился на вдовѣ своего двоюроднаго племянника, своей кумѣ; за его же двоюроднымъ братомъ была его свояченица, его жены сестра родная: за княземъ Михаиломъ Друцкимъ-Соколинскимъ была родная сестра Степана Корсака, а за Степаномъ Корсакомъ двоюродная сестра князя Михайлы; кромѣ того за роднымъ племянникомъ жены Корсака была его родная племянница“.

4) „Ѳедоръ и Давыдъ Швыйковскіе—родные братья; Ѳедоръ имѣлъ женою дочь Казиміра Воронца, а Давыдъ имѣлъ за собой Ѳедоровой жены родную племянницу“.

5) „Андрей Денисовичъ, родной дядя Самойлѣ Станкевичу: оба взяли родныхъ сестеръ въ жены дочерей Дмитрія Родвойскаго. Станкевичъ женился послѣ“.

6) „Дениса Потемкина родная тетка вышла за князя Ивана Соколинскаго, а Потемкинъ женился на родной племянницѣ Ивана Соколинскаго. Потемкинъ женился послѣ“.

7) „Михайло Храповицкій имѣлъ за собой двоюродную сестру Ивана Воронца, а Воронецъ взялъ родную сестру Храповицкаго“.

8) „Денисъ Храповицкій, родной племянникъ жены Ивана Воронца, взялъ за себя родную племянницу Ивана Воронца. Храповицкій женился послѣ“.

9) „Иванъ да Богданъ Лярскіе—родные братья; Иванъ женился на дочери Владиміра Швыйковскаго, и Богданъ взялъ жены Ивана родную племянницу. Богданъ женился послѣ“.

10) „Денисъ да Василій Потемкины—родные братья взяли отъ другой стороны двоюродныхъ сестеръ. Василій женился послѣ“.

11) „Иванъ да Илья Потемкины—родные братья; взяли отъ другой стороны двоюродныхъ сестеръ. Илья женился послѣ“.

12) „Яковъ Лярскій ротмистру князю Михайлѣ Иванову Соколинскому—двоюродный братъ; взяли оба отъ другой стороны двухъ сестеръ, родныхъ дочерей Самойлы Станкевича. Лярскій женился послѣ. (Бракъ его состоялся безъ благословенія епископа Смоленскаго Дороѳея и вѣнчаніе совершилось въ частномъ домѣ, почему онымъ преосвященнымъ Лярскій былъ разведенъ и преданъ клятвѣ церковной, но вслѣдствіе прошенія его преосвященному Рязанскому въ Москвѣ [1]), клятва съ него снята и ему позволено сожительствовать съ женой)".

13) „Юрій Швыйковскій взялъ двоюродную сестру Александра Пышницкаго, а Пышницкій взялъ родную сестру Юрія Швыйковскаго. (Пышницкій былъ разведенъ и подвергнутъ клятвѣ церковной, но, по прошеніи въ Москвѣ, ему разрѣшено сожительствовать съ женой)".

14) „Князь Давыдъ Соколинскій имѣлъ за собой родную сестру Михаила Воронца, а Воронецъ женился на двоюродной сестрѣ Соколинскаго".

15) „Яковъ Потемкинъ взялъ родную сестру Ивана Милашевича, а Милашевичъ женился на двоюродной сестрѣ Якова Потемкина".

16) „Иванъ и Яковъ Лярскіе—родные братья; князь Дмитрій Соколинскій имъ братъ двоюродный. Иванъ Лярскій взялъ родную сестру Якова Швыйковскаго, князь Дмитрій взялъ родную дочь Якова Швыйковскаго, а сынъ Якова Швыйковскаго взялъ дочь Якова Лярскаго. Сынъ Швыйковскаго женился послѣ".

17) „Павелъ Краевскій имѣлъ за собою родную тетку Григорія Швыйскаго, а Григорій Швыйковскій взялъ родную племянницу Краевскаго".

18) „Константинъ Догоновскій, родной братъ Петру Догоновскому, родной племянникъ ротмистру князю Михайлѣ Соколинскому и кн. Дмитрію Соколинскому, взялъ двоюродную племянницу жены Петра Догоновскаго, внучатную сестру Дмитрія Соколинскаго, двоюродную племянницу жены Михайлы Соколинскаго, тетки своей двоюродной—падчерицу".

19) „Якова Ѳедорова Швыйковскаго родная тетка была за Богданомъ Денисовичемъ, а за нимъ—Швыйковскимъ—родная племянница Богдана Денисовича".

20) „Генералъ-маіоръ Потемкинъ, князю Константину Соколинскому двоюродный братъ, а имѣли за собой родныхъ сестеръ, дочерей Матвѣя Станкевича".

21) „За Яковомъ Владиміровымъ Швыйковскимъ была родная сестра Ѳедора Воронца, а за нимъ, Воронцомъ,—двоюродная сестра Якова Швыйковскаго".

22) „Ѳедоръ и Дмитрій Похорскіе—двоюродные братья; Дмитрій взялъ Ѳедоровой жены родную племянницу; за Григоріемъ Каховскимъ—двоюродная сестра Ивана Рарога, а его, Каховскаго, родная сестра была за Иваномъ Рарогомъ".

23) „Михайлы Энгилярта (Энгельгардтъ) родная сестра за Василіемъ Лыкошинымъ, а онъ, Энгилярть, взялъ двоюродную тетку Василія Лыкошина".

24) „За сыномъ Василія Обуховскаго родная племянница жены его отца [2])."

25) „Пентковскіе—два брата родные; отъ другой стороны взяли одинъ мать, другой—падчерицу брата своего роднаго".

26) „По смерти Павла Верховскаго, Василій Азанчеевъ женился на его

---

[1]) Стефану Яворскому.

[2]) Всѣ упомянутые браки совершились еще до епископства въ Смоленскѣ Филоѳея; при немъ же состоялись остальные браки, перечисляемые Соколинскимъ.

женѣ, а сынъ Павла—Данило Верховскій взялъ Василія Азанчеева родную сестру".

27) „Генералъ-маіора Алексѣя Потемкина двоюродный племянникъ—Константинъ Рачинскій взялъ въ супружество его родную дочь".

28) „Князь Богданъ Соколинскій, двоюродный племянникъ Дениса Потемкина, взялъ въ супружество его родную дочь".

29) „Петръ Курошъ взялъ въ жены первой своей жены сестру внучатную; онъ и Иванъ Коховскій—внучатные братья, взяли сестеръ родныхъ, дочерей Константина Соколинскаго. Иванъ Курошъ и Петръ Курошъ оба женились на внучатныхъ сестрахъ".

30) „Князь Михайло Соколинскій взялъ родную сестру Владиміра Потемкина, а онъ, Владиміръ, взялъ князя Михайлы двоюродную сестру".

31) „Илья Потемкинъ, родной племянникъ Владиміра Потемкина и жены князя Михаила Соколинскаго, взялъ за себя родную сестру Соколинскаго".

32) „Петръ Швыйковскій, Андрею Швыйковскому племянникъ и Богдану Швыйковскому двоюродный братъ, взялъ жены Андрея Швыйковскаго родную внуку, а Богдана Швыйковскаго родную племянницу".

33) „Богданъ Швыйковскій родной своей племянницы взялъ двоюродную племянницу; оный-же Богданъ жены дѣда своего Швыйковскаго взялъ родную племянницу, оный-же Богданъ взялъ сестры своей внучатной—падчерицу".

34) „Михайло Ренголтъ—Ивану Потемкину двоюродный братъ, а взяли двухъ сестеръ родныхъ".

35) „Денисъ Ефимовичъ двоюродной своей сестры мужа взялъ родную дочь".

36) „Племянникъ родной Константина Лярскаго—Иванъ Лярскій взялъ племянницу двоюродную жены Константина, внучатную сестру жены Дениса Потемкина, родную племянницу жены Ивана Потемкина, сестру внучатную жены Василія Потемкина; послѣ той взялъ вѣнчальную—Михайлы Азанчеева родную племянницу Дениса и Ивана Потемкиныхъ*)".

Получивъ означенное прошеніе, Св. Синодъ опредѣлилъ о всѣхъ неправильныхъ бракахъ, указанныхъ Соколинскимъ, произвести немедленно пр. Филоѳею разслѣдованіе, совмѣстно съ Смоленскимъ губернаторомъ Панинымъ, и представить Синоду.

Но 13 Сентября того же года кн. Соколинскій заявилъ въ Синодъ, что пр. Филоѳей не можетъ и не долженъ производить этого разслѣдованія, такъ какъ взялъ съ него за благословеніе его женитьбы и за освобожденіе изъ подъ налога взятку—2-хъ жеребцовъ, цѣною въ 165 рублей и что вообще пр. Филоѳей не пренебрегаетъ всякими подарками, почему въ его дѣятельности господствуетъ полный произволъ. Такъ, напримѣръ, по словамъ просителя, онъ же сдѣлалъ слѣдующій беззаконный поступокъ: нѣкто Михаилъ Азанчеевъ вѣнчался было съ дочерью Василія Потемкина Маріею, но пр. Филоѳей, отнявъ

*) См. „Опис. дѣл., хранящихся въ арх. св. Синода" т. VI, стр. 539—543. Въ настоящее время браки во многихъ подобныхъ перечисленныхъ въ реэстрѣ князя Соколинскаго степеняхъ родства уже разрѣшаются церковью, напр., женитьба на внуч. сестрѣ.

ее отъ него безъ развода и „безъ всякаго резона“, отдалъ за Ивана Лярскаго[1]) „вѣдая близкое между ними свойство“.

Въ заключеніе кн. Соколинскій ходатайствовалъ о назначеніи для производства слѣдствія другаго лица, которое бы могло отнестись къ дѣлу съ бо́льшимъ безпристрастіемъ. Просьба его была уважена Синодомъ, и слѣдствіе было приказано произвести настоятелю Бизюкова монастыря Иннокентію Лотицкому совмѣстно съ Панинымъ, до Соколинскаго же съ женой имъ было велѣно не касаться.

Благодаря разнымъ проволочкамъ, опредѣленіе Синода отъ 29 Мая 1727 г., не было отправлено по назначенію, когда 30 Іюня поступило вышеизложенное прошеніе съ перечисленіемъ 36 незаконныхъ браковъ Смоленскихъ шляхтичей, почему было составлено новое опредѣленіе Синода, по которому указъ тоже не былъ посланъ своевременно, такъ какъ кн. Соколинскимъ не было доставлено гербовой бумаги, а 13 Сентября, какъ мы знаемъ, вслѣдствіе отвода, предъявленнаго кн. Соколинскимъ къ пр. Филоѳею, вышеозначенное опредѣленіе Синода было измѣнено.

Но въ указѣ на имя пр. Филоѳея (по содержанію опредѣленія отъ 13 Сентября) на этотъ разъ уже ничего не говорилось о приведеніи въ исполненіе рѣшенія его по личному дѣлу Соколинскаго, а говорилось только о 36 незаконныхъ бракахъ, имъ указанныхъ во второмъ прошеніи, почему 20 Марта 1728 г. пр. Филоѳей прислалъ вторичное донесеніе о постановленномъ рѣшеніи по дѣлу Соколинскаго, прося Св. Синодъ утвердить это рѣшеніе.

Между тѣмъ въ это время ведется въ Синодѣ дѣло[2]) о самомъ пр. Филоѳеѣ по доносу судьи архіерейскаго дома іеромонаха Лазаря Кобякова, съ обвиненіемъ архіерея въ неправильномъ поставленіи въ пресвитеры нерѣдко людей совсѣмъ неграмотныхъ, иногда дѣтей крестьянскихъ, за что бралось приличное вознагражденіе: „съ священника 13 рублей 10 алтынъ, а съ дьякона—въ попы (кромѣ того, что толмачи берутъ)“, а также въ томъ, что будто пр. Филоѳей позволялъ игуменьѣ Смоленскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря постригать въ старицы малолѣтнихъ дѣвочекъ, „каковыхъ уже пострижено 4, каждой не болѣе 15-ти лѣтъ отъ роду“.

---

[1]) Михаилъ Азанчевскій подавалъ прошеніе на высочайшее имя, обвиняя во всемъ шляхтича Корсака, который силой отнялъ состоявшую съ нимъ въ бракѣ (свою) падчерицу и выдалъ ее за Лярскаго (Оп. дѣл. хр. въ арх. Св. Синода т. VII, № $^{72}/_{170}$). Иванъ Лярскій обвинялся въ отступленіи отъ православной вѣры, о чемъ велось цѣлое дѣло. Т. VI, № $^{265}/_{166}$ ч. 2-я.

[2]) Опис. дѣл. хр. въ арх. св. Синода № $^{1102}/_{422}$ стр. 387 и слѣд. въ т. II.

Кромѣ того Лазарь Кобяковъ обвиняетъ пр. Филоѳея въ присвоеніи доходовъ съ разныхъ церквей и иконъ, въ вымогательствѣ и неправильномъ взиманіи всякихъ пошлинъ. Преосвященный-же Филоѳей, еще ранѣе донесенія Кобякова, самъ писалъ въ Синодъ, жалуясь, въ свою очередь, на эконома, обвиняя его въ неуважительномъ обращеніи, пьянствѣ и самовольствѣ: „онъ вездѣ пишетъ моимъ именемъ, а я не вѣдаю“, заявляетъ въ концѣ пр. Филоѳей.

Къ донесенію Кобякова вскорѣ прибавилась еще жалоба Смоленскаго шляхтича, ротмистра Швыйковскаго, которая, конечно, еще болѣе подлила масла въ огонь.

Съ Швыйковскимъ приключилось слѣдующее. 9 Октября 1725 г. бывшая его невѣстка Марія Станиславова Азанчеева, вышедшая *четвертымъ* бракомъ за шляхтича Александра Воронца, прислала съ своимъ служителемъ Александромъ Путятой пр. Филоѳею припасовъ да денегъ 30 рублей, наказавъ Путятѣ отдать припасы и деньги лично преосвященному; если же онъ откажется принять ихъ, то купить на эти деньги чернаго штофу и вручить послѣднему. Въ то время, какъ Путята готовился привести въ исполненіе распоряженіе своей госпожи, Богданъ Швыйковскій, родственникъ просителя и жившій у него въ домѣ и подъ его надзоромъ (по рѣшенію Смоленскаго надворнаго суда), по собственому почину, безъ всякаго участія послѣдняго, велѣлъ своимъ людямъ взять Путяту и привести на дворъ занимаемаго имъ помѣщенія. Вскорѣ послѣ того Иванъ Швыйковскій встрѣтилъ на улицѣ іеромонаха Троицкаго монастыря Пимена, который передалъ ему, что пр. Филоѳей проситъ его къ себѣ по дѣлу. Ничего не подозрѣвая, Швыйковскій пришелъ въ келью преосвященнаго, но только что хотѣлъ отдать должное ему почтеніе, какъ вдругъ архіерей приказываетъ запереть двери; въ тоже время духовникъ архіерея и протодьяконъ схватываютъ его за волосы, а самъ преосвященный принимается бить его палкой. Въ своей жалобѣ*) Швыйковскій говоритъ, что „при этомъ боѣ“ архіерей „изодралъ ему кафтанъ черный суконный, цѣною въ 15 руб., да часы серебрянные, цѣною въ 30 руб. пропали тожъ“; а по окончаніи „боя“, архіерей велѣлъ посадить просителя „на цѣпь, якобы сущаго вора“, и несчастный Швыйковскій сидѣлъ на цѣпи часовъ пять, „терпя всякое угнетеніе“. „А я“, продолжаетъ проситель, „служу у Смоленской шляхты ротмистромъ съ 1702 г., дѣдъ мой былъ генералъ-поручикомъ у той же шляхты; нынѣ же обруганъ и изувѣченъ отъ него, архіерея, безвинно, что ему не надлежало чинить надъ послѣднимъ шляхтичемъ, не то что̀ надъ офи-

*) См. оп. дѣл. хр. въ арх. Св. Синода, т. VI, № $^{52}/_{245}$.

церомъ, и прочіе архіереи и митрополиты ни надъ кѣмъ не чинили; и тотъ бой и увѣчье на мнѣ въ Смоленскѣ въ канцеляріи надворнаго суда осматриванъ и описанъ".

По всѣмъ обвиненіямъ, возводимымъ на пр. Филоѳея, Св. Синодъ опредѣлилъ сдѣлать тщательное разслѣдованіе архимандриту Андроньева монастыря въ Москвѣ Діонисію и секретарю Московской дикастеріи Шупинскому; а пр. Филоѳею посланы вопросные пункты, на которые тотъ вскорѣ посылаетъ подробные отвѣты, гдѣ указываетъ, что его неправильныя дѣйствія по церковному управленію объясняются существующими въ Смоленской епархіи обычаями и въ концѣ проситъ уволить его на покой, жалуясь на трудность ему управлять епархіей, такъ какъ онъ не знаетъ Русскаго языка. Дѣло въ томъ, что арх. Филоѳей былъ родомъ Грекъ и раньше управлялъ Охридской митрополіей Константинопольскаго патріархата, но былъ отрѣшенъ отъ должности за лишніе сборы съ подчиненныхъ ему епископовъ. Лишенный епархіи, пр. Филоѳей прибылъ въ Россію; получилъ доступъ къ императору Петру I, въ Мартѣ 1722 г. именнымъ указомъ назначенъ на архіерейскую каѳедру въ Смоленскѣ. Переводчикомъ къ нему былъ приставленъ выше упоминаемый монахъ Лазарь Кобяковъ.

Слѣдователи составили обширный докладъ и признали пр. Филоѳея виновнымъ по всѣмъ пунктамъ обвиненія. Св. Синодъ 1 Марта 1726 г. постановилъ извергнуть его изъ сана и представить это рѣшеніе на усмотрѣніе Императрицы, такъ какъ пр. Филоѳей былъ назначенъ высочайшею властью. Получивъ указъ о рѣшеніи Синода, пр. Филоѳей снова пишетъ подробное объясненіе и проситъ разрѣшенія самому пріѣхать, чтобы дать необходимыя объясненія. Синодъ рѣшилъ пріостановить приведеніе въ исполненіе своего рѣшенія, тѣмъ болѣе, что къ этому времени подоспѣло письменное удостовѣреніе казначея Смоленскаго архіерейскаго дома, которое во многомъ оправдывало епископа. Но ко времени пріѣзда пр. Филоѳея въ Петербургъ была получена новая на него жалоба отъ жены Голландскаго посланника въ Константинополѣ, обвинявшей архіепископа въ томъ, что, управляя Охридской епархіей, онъ взялъ у ней 7000 грошей и до сихъ поръ не возвратилъ ей этой суммы. Деньги были взяты пр. Филоѳеемъ для уплаты Греческимъ епископамъ Охридской архіепископіи, подчиненнымъ ему, съ которыхъ онъ бралъ въ свою пользу лишнія деньги. По прибытіи въ Россію, онъ „билъ челомъ" Петру I выплатить эти деньги изъ казны, говоря, что „долгъ нажитъ имъ отъ гоненія отъ нечестивыхъ Турокъ за правовѣріе". Однако личныя объясненія пр. Филоѳея были настолько удовлетворительны, что Синодъ въ особомъ мнѣніи ходатайствуетъ передъ Императрицей о полномъ его прощеніи „помино-

венія ради высокославныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра I“ съ тѣмъ, чтобы долгъ „Голландской посольшѣ“ онъ выплатилъ изъ своихъ доходовъ. Высочайшимъ указомъ 12 Апрѣля 1721 г., Императрица постановила простить пр. Филоѳея „для того, что онъ человѣкъ иностранный и здѣшнихъ правилъ, быть можетъ, не вѣдомъ“. Пр. Филоѳей былъ въ Смоленскѣ до 1727 г., когда окончательно уволенъ изъ епархіи *).

---

*) Интересна судьба ставленниковъ арх. Филоѳея, посвященныхъ имъ безъ достаточнаго удостовѣренія въ ихъ достоинствѣ. Синодъ опредѣлилъ всѣхъ признанныхъ слѣдователями недостаточно обученными, отрѣшить отъ ихъ приходовъ, пока не обучатся всему, что необходимо знать для священника и по испытаніи въ Синодѣ. Но вскорѣ они были освобождены отъ этого испытанія, вслѣдствіе поданнаго ими коллективнаго прошенія, гдѣ они, ссылаясь на непмѣніе средствъ, просятъ освободить ихъ отъ поѣздки въ Синодъ, а удостовѣриться въ пріобрѣтенныхъ ими свѣдѣніяхъ было приказано судьѣ Смоленскаго архіерейскаго дома іеромонаху Киріону Голубовскому, назначенному на мѣсто удаленнаго Лазаря Кобякова, и мѣстному протопопу Іереміи.

Голубовскій, донося о произведенныхъ имъ испытаніяхъ, писалъ, что изъ 57 поповъ и дьяконовъ—31 человѣкъ достойны священническаго сана, а 14 человѣкъ изъ остальныхъ, „за престарѣлыми лѣты и малопамятствомъ“, обучить невозможно. Синодъ повелѣлъ непзучившихся поповъ и дьяконовъ выслать въ Москву для вящаго удостовѣренія въ ихъ знаніяхъ. (т. II, № 102—422, стр. 388. Оп. дѣл. хр. въ арх. св. Синода). Чтобы судить о томъ, какія вообще дѣла творились въ то время въ Смоленскѣ и Смоленской губерніи, упомянемъ еще о нѣкоемъ Звѣревѣ, управителѣ, присланномъ изъ Монастырскаго Приказа для сбора съ вотчинъ Синода всякихъ податей. Пріѣхавъ въ Смоленскъ, онъ вскорѣ началъ невозможно относиться къ своимъ обязанностямъ, справедливо вызывая нареканія и жалобы: разъѣзжая по селамъ и деревнямъ, для сбора податей, онъ „чинилъ попамъ и крестьянамъ обиды немалыя“, а въ 1723 году, наканунѣ тезоименитства императрицы Екатерины I „невѣдомо за что“ забралъ всѣхъ архіерейскихъ пѣвчихъ подъ караулъ и держалъ ихъ весь слѣдующій день; такъ что всенощную и литургію въ высокоторжественный день арх. Филоѳей вынужденъ былъ совершать съ одними соборными попами. Если же пр. Филоѳей позволялъ себѣ многое, то и надъ нимъ же и его подчиненными, надо сказать, недостойнымъ образомъ глумились; такъ, тотъ-же Звѣревъ десятскаго попа села Порѣчья, Смоленскаго уѣзда, Григорья истязаньями заставилъ дать подписку въ томъ, что онъ съ села Порѣчья, Порѣчской волости, по переписнымъ книгамъ, соберетъ за драгунскихъ лошадей деньги, намѣреваясь ихъ присвоить, такъ какъ отлично зналъ, что для этого сбора отъ архіерейскаго дома назначены 4 боярскихъ сына; когда попъ Григорій заявилъ арх. Филоѳею о причиненныхъ ему истязаніяхъ, то Звѣревъ, вызвавъ его въ архіерейскій домъ, „поставилъ на правежъ“ и приказалъ солдату бить попа палкою по ногамъ, самъ же, смотря въ окно, кричалъ: „бей гораздо“, и несчастнаго били „смертно“. Крики истязуемаго разносились далеко кругомъ и были услышаны архіереемъ; дважды посылалъ онъ съ приказаніемъ прекратить истязаніе, но Звѣревъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія; втораго же посланника, толмача Василія Алексѣева, велѣлъ даже взять подъ караулъ. Попа бросили бить лишь тогда, когда онъ потерялъ сознаніе и „ноги опухли“. Вообще Звѣревъ вполнѣ оправдывалъ свое фамильное прозвище: живя рядомъ съ бывшими въ архіерейскомъ домѣ школами, онъ билъ учениковъ „батожьемъ“, нерѣдко даже дер-

Возвратимся къ разсматриваемому дѣлу Смоленскихъ шляхтичей. Мы упомянули, что пр. Филоѳей ходатайствовалъ передъ Синодомъ объ утвержденіи его рѣшенія, касавшагося лично князя Друцкаго-Соколинскаго. Синодъ утвердилъ рѣшеніе арх. Филоѳея, но такъ какъ его уже не было въ Смоленскѣ, то указъ объ этомъ былъ посланъ въ Іюнѣ 1728 г. на имя его преемника умнаго и образованнаго Гедеона Вишневскаго (изъ ректоровъ Московской академіи) ему, по опредѣленію Синода, было поручено произвести разслѣдованіе совмѣстно съ Панинымъ о 36 неправильно заключенныхъ бракахъ, указанныхъ кн. Соколинскимъ; архимандриту же Иннокентію было приказано „въ слѣдованіе не вступать“.

Высшія власти были заняты ходомъ этого дѣла и его рѣшеніемъ. 3-го Августа 1728 г. синодальный секретарь Дудинъ сообщилъ Св. Синоду, что онъ былъ призванъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, и отъ гг. министровъ графа Апраксина, гр. Головкина и кн. Долгорукова велѣно ему донести Св. Синоду, чтобы разслѣдованіе о незаконныхъ бракахъ Смоленскихъ шляхтичей произвести Св. Синоду и о результатѣ донести въ Верховный Тайный Совѣтъ.

Между тѣмъ кн. Соколинскій обратился въ Синодъ съ просьбой, чтобы пока „будетъ произведено слѣдствіе и учинена генеральная резолюція о всѣхъ Смоленскихъ шляхтичахъ, никому разводу ни чинить“. Въ Октябрѣ 1728 г. Св. Синодъ опредѣлилъ: „до окончательнаго рѣшенія по дѣлу о незаконныхъ бракахъ Смоленскихъ шляхтичей, развода означенныхъ шляхтичей съ женами ихъ не чинить; Соколинскому и женѣ его Аннѣ, по ихъ дѣлу, турбаціи чинить не велѣть и сожительства между ними отнюдь не имѣть, а жить по разнымъ домамъ“. Въ тоже время пр. Гедеонъ ведетъ въ Смоленскѣ тщательное разслѣдованіе о незаконныхъ бракахъ и въ Сентябрѣ 1729 г. представляетъ докладъ въ Св. Синодъ при особомъ мнѣніи, которое заслуживаетъ вниманія, такъ какъ въ немъ архипастырь предлагаетъ Синоду лучшій на его взглядъ способъ разрѣшить еще небывалый въ церковной практикѣ случай, небывалый по количеству лицъ, обвинявшихся въ нарушеніи церковныхъ правилъ, и при томъ такъ, чтобы съ одной стороны не нарушать церковныхъ правилъ и не оставить безъ наказанія пренебрегшихъ ими, такъ съ другой чтобы крайними мѣрами не оже-

---

жалъ въ „желѣзахъ“, чѣмъ навелъ такой страхъ на учениковъ, что всѣ они разбѣжались, и, какъ доносилъ пр. Филоѳей, школы остались „пусты“. Наконецъ по приказанію Синода, когда малочисленныя жалобы вызвали цѣлое о немъ дѣло, Звѣревъ былъ отозванъ Монастырскимъ Приказомъ и, по снятіи допроса, посланъ подъ карауломъ къ архим. Бизюкова монастыря. Какая кара его постигла, намъ неизвѣстно. (См. Оп. дѣл. хр. въ арх. Св. Синода т. IV, дѣло № 107—409).

сточить не совсѣмъ вѣрныхъ сыновъ церкви, какими были Смоленскіе шляхтичи. Задача не легкая: требовалось условіе, почти подобное тому, „чтобы волки были сыты, и овцы цѣлы“.

Пр. Гедеонъ въ своемъ мнѣніи говоритъ, что всѣхъ шляхтичей, указанныхъ кн. Михаиломъ Соколинскимъ, какъ нарушившихъ при своей женитьбѣ правила церковныя, слѣдовало-бы, конечно, развести съ женами, „ово да не повреждены будутъ правила церковныя соборными и отеческими писаніи узаконенныя и въ церкви святой долгимъ временемъ отъ всѣхъ и вездѣ свято соблюдаемыя; ово да не произойдетъ соблазнъ для иновѣрныхъ, повадки и послабленія для своихъ“; но такъ какъ „церковь мати есть чадолюбивая, снисходящая къ немощамъ человѣческимъ и не можетъ разрѣшить грѣхъ, но можетъ постановленное отъ себя правило приспѣвшей нуждѣ умягчити и сице съ запрещеннаго и грѣшнаго дѣла можетъ явити безгрѣшное, якоже имѣетъ власть узаконяти правило, сице равную власть имать тотъ же свой законъ умягчити, идѣже нѣтъ повреждения догматовъ и знатнаго соблазна“. Разумный іерархъ отлично понималъ, что если расторгнуть всѣ указанные незаконные браки, то изъ-за этого для шляхтичей „можетъ произойти безславіе имѣній разореніе, нищета; затѣмъ многіе изъ незаконноповѣнчанныхъ имѣютъ не только дѣтей, но и внуковъ; кому поручить ихъ воспитать, кому надзирать, чтобы супруги, по разлученіи, не возвратились къ сожительству? Дѣти ихъ будутъ лишены всякихъ правъ; при раздѣлѣ имущества между этими дѣтьми, неизбѣжныя ссоры, ненависть, тяжбы“ и т. п. Далѣе пр. Гедеонъ указываетъ, что „есть примѣры, что святѣйшими патріархами и архіереями подобные браки, по эпитиміи, были разрѣшаемы; многіе Смоленскіе шляхтичи были судимы и, по эпитиміи, имъ дозволено сожительство“.

Въ виду всего указаннаго, архіепископъ Гедеонъ полагалъ:

1) „Тѣмъ, которые были судимы преосвященнымъ митрополитомъ Стефаномъ и Смоленскими архіереями, но, по эпитиміи, не были разведены, позволить сожительство съ наложеніемъ эпитиміи“. (Яковъ Константиновъ Лярскій, Давидъ Владимировъ Швыйковскій). 2) „Тѣхъ, которые Св. Синодомъ или Смоленскими архіереями были судимы и разведены, разлучить съ наложеніемъ знатной эпитиміи за погрѣшеніе, за противность и за упрямство въ сожитіи (Александръ Пышницкій, и кн. Михайло Соколинскій)“. 3) „Поженившихся въ 7-й и 6-й степени, не разлучать, но позволить сожитіе съ великой эпитиміей“. 4) „Женившихся во 2-й, 3-й, 4-й и 5-й степеняхъ—всѣхъ развести, ради близкаго кровосмѣшенія, отчасти же потому, что ихъ немного и притомъ бракъ ихъ состоялся недавно (Денисъ Ефимовичъ) и нѣкоторые изъ нихъ кромѣ того бездѣтны (Илья Потемкинъ), въ нака-

заніе же положить на нихъ знатную эпитимію, какую Синодъ разсудитъ". 5) Церковный законъ о запрещенныхъ бракахъ въ извѣстныхъ степеняхъ родства и свойствà пр. Гедеонъ считалъ необходимымъ подтвердить указами Синода и Сената, „каковой указъ публиковать въ церквахъ и городахъ Смоленской эпархіи"; въ этомъ указѣ, по его мнѣнію, слѣдовало не только грозить нарушителямъ закона разводомъ, но „можно и штрафъ знатный денежный назначить или иное что для вящшаго страха и пресѣченія зла".

Въ Сентябрѣ 1730 года кн. Михаилъ Друцкій-Соколинскій заявилъ въ Синодѣ, что между нимъ и женою Анною существуетъ трехродство, а не двухродство, какъ думали судившіе его архіереи Филоѳей и Гедеонъ, чтò можетъ подтвердиться справкою. Въ заключеніе кн. Соколинскій проситъ снять проклятіе, наложенное на него публично въ Крестовой церкви пр. Филоѳеемъ, о чемъ заявилъ и судья Смоленскаго архіерейскаго дома Кирiанъ Голубовскій.

Находившійся на покоѣ пр. Филоѳей на посланный запросъ отвѣчалъ, что онъ въ Крестовой церкви „передъ собраніемъ шляхтичей говорилъ, чтобы они въ ближайшемъ родствѣ не брачились и на Соколинскаго не смотрѣли, понеже онъ за то, что такой соблазнъ чинитъ, проклятъ", а жены его и „фамиліи онъ не проклиналъ". 3-го Сентября 1731 г. Синодъ рѣшаетъ окончательно дѣло о неправильномъ бракѣ князя Михаила Соколинскаго. Въ своемъ опредѣленіи Св. Синодъ освободилъ его отъ проклятія, произнесеннаго пр. Филоѳеемъ и дозволилъ жить съ женою Анною, такъ какъ родство ихъ „трехродное, а не двухродное", и за то, что кн. Соколинскій женился „утайкою безъ вѣнчаной памяти и пренебрегши архіерейское запрещеніе" постановилъ принести ему кн. Соколинскому публичное покаяніе.

7 Ноября 1731 г. бывшіе въ соборѣ Смоляне съ изумленіемъ увидѣли князя Соколинскаго, представителя одного изъ знатнѣйшихъ шляхетскихъ родовъ, стоящимъ въ притворѣ во время обѣдни и просящаго „у входящихъ и выходящихъ прощенія въ своемъ прегрѣшеніи и смиренно съ покаяніями". Хотя пр. Гедеонъ, донося объ исполненіи кн. Соколинскимъ положенной на него эпитиміи и утверждаетъ, что кн. Соколинскій родство свое съ женой показалъ невѣрно и что, вообще, онъ считаетъ невозможнымъ разрѣшить имъ сожительство, такъ какъ прежними архіереями они были неоднократно разлучены, Синодъ своего рѣшенія не измѣнилъ.

Что касается до остальныхъ 36 шляхтичей, то дѣло о нихъ оставалось безъ движенія до 3-го Іюня 1741 г., когда Синодъ дѣлаетъ постановленіе: собрать свѣдѣнія объ оставшихся въ живыхъ шляхтичахъ изъ исчисленныхъ княземъ Друцкимъ-Соколинскимъ и „чинить

по этимъ дѣламъ пр. Гедеону по своему разсужденію, слѣдуя правиламъ св. отецъ и церковному преданію". Но свирѣпствовавшіе въ 1736 г. страшные пожары въ Смоленскѣ уничтожили архіерейскій домъ и множество частныхъ домовъ; сгорѣлъ также и архивъ, а съ нимъ вмѣстѣ и все производство о бракѣ Смоленскихъ шляхтичей. Донося объ этомъ, пр. Гедеонъ писалъ, что у него не имѣется никакихъ свѣдѣній по означенному дѣлу и просилъ прислать необходимыя справки изъ синодальной канцеляріи. Въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ, по своимъ частнымъ дѣламъ, генералъ-лейтенантъ Потемкинъ, командовавшій Смоленскимъ шляхетствомъ, и Синодъ рѣшилъ обратиться къ нему за справкой, всѣ-ли упомянутые шляхтичи живы, если-же нѣтъ, то кто изъ нихъ померъ. Оказалось, что Потемкинъ самъ не совсѣмъ правильно вступилъ въ бракъ, на что указываетъ на первомъ мѣстѣ кн. Соколинскій: жена Потемкина, дочь полковника Гурки, была падчерица его двоюродной сестры; впрочемъ, онъ женился по благословенію архіерея и съ вѣнечной памятью.

Изъ прочихъ 36 паръ, неправильно вступившихъ въ бракъ, были въ живыхъ шляхтичи: ротмистръ князь Д. М. Друцкой-Соколинскій, ротмистръ И. А. Вонлярлярскій, поручикъ Д. П. Верховскій, поручикъ П. Л. Курошъ, М. И. Энгельгардтъ, А. К. Пентковскій, К. Д. Рачинскій, В. В. Потемкинъ, И. И. Потемкинъ, Д. А. Ефимовичъ и ихъ жены. Изъ остальныхъ шляхтичей, указанныхъ кн. Соколинскимъ, одни къ этому времени были вдовы, другіе умерли*).

Въ Октябрѣ того-же года Синодъ опредѣлилъ пр. Гедеону, на основаніи свѣдѣній, присланныхъ изъ синодальной канцеляріи, объ оставшихся въ живыхъ шляхтичахъ немедленно „учинить рѣшеніе". Рѣшеніями пр. Гедеона многіе были недовольны: жалобы посыпались въ Петербургъ. Разведенные супруги просили не разлучать ихъ, ссылаясь на тѣхъ, которымъ сожительство было дозволено и указывая, что родство между ними гораздо болѣе отдаленное, чѣмъ между тѣми, которые не разведены. Не имѣвъ въ Синодѣ успѣха, нѣкоторые подаютъ прошенія прямо въ Верховный Тайный Совѣтъ и даже самой Императрицѣ, прося скорѣе рѣшить ихъ судьбу, постановивъ справедливое рѣшеніе.

Нельзя не согласиться, что въ своихъ прошеніяхъ Смоленскіе шляхтичи приводятъ весьма вѣскіе доводы въ пользу того, что развести такъ много супружескихъ паръ, послѣ долгихъ лѣтъ совмѣстной жизни, однимъ, такъ сказать, почеркомъ пера сдѣлать эти браки ничтожными—представляется дѣломъ рѣшительно-невозможнымъ, тѣмъ болѣе,

*) См. дѣло № $^{265}/_{166}$ т. VI оп. д. стр. 548.

что нельзя не принять въ разсчетъ грустную судьбу, которая ожидаетъ неповинныхъ дѣтей разведенныхъ супруговъ. Такъ Богданъ Корсакъ и два брата Повало-Швыйковскіе, просящіе не разлучать ихъ съ женами, заявляютъ, что у нихъ „дѣтей и внуковъ прижито съ тѣми женами болѣе 100 человѣкъ“ и вполнѣ основательно доказываютъ, что отъ того разлученія многое безславіе будетъ всему Смоленскому шляхетству, а имъ (просителямъ) вѣчное разореніе и всеконечная гибель и отъ сосѣдей поношеніе, больше же всего, куда дѣть женъ, дѣтей на воспитаніе? Они (дѣти) публично будутъ оглашены безчестными и ни въ свѣтскій, ни въ духовный чинъ негодными и наслѣдства лишенными*).

Синодъ былъ вынужденъ, взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, измѣнить прежнее свое рѣшеніе.

Въ новомъ опредѣленіи пр. Гедеону предписывается „просителей съ женами не разлучать“, за шляхтичами же Смоленскими вообще имѣть самый тщательный надзоръ, чтобы не вступали въ бракъ въ близкомъ родствѣ или свойствѣ, если же подобные примѣры будутъ повторяться, то съ ослушниками поступать, какъ повелѣваютъ правила св. отцовъ и высочайшіе указы.

Наступилъ 1743 годъ, дѣло продолжаетъ лежать въ Синодѣ, но „генеральной резолюціи“ все еще не кладется, а жалобы со стороны Смоленскихъ шляхтичей на дѣйствія пр. Гедеона, признавшаго одни браки терпимыми и объявлявшаго другіе ничтожными, продолжаютъ поступать и въ этомъ году; Синодъ же лишь наводитъ справки, правильны-ли факты указываемые просителями. Въ Смоленской епархіи между тѣмъ возникаютъ еще новые случаи нарушенія церковныхъ правилъ: служитель Смоленской шляхтянки Анастасіи Швыйковской Петръ Мартыновъ донесъ Св. Синоду, что ротмистръ Богданъ Константиновъ Друцкой-Соколинскій, обвинявшійся еще при епископѣ Филоѳеѣ въ отступленіи отъ православной вѣры и женитьбѣ въ близкомъ свойствѣ (см. выше) „поступаетъ въ беззаконіе, хочетъ взять въ жены племянницу 1-й жены, Софію Маслову“. Получивъ означенное донесеніе, Св. Синодъ опредѣлилъ: „сыскавъ означеннаго Друцкаго въ синодальную канцелярію, учинить ему запрещеніе вступить въ бракъ съ Масловой“. Но князь Соколинскій лично явился въ Мартѣ 1743 года въ Синодъ и объяснилъ, что онъ уже вступилъ въ бракъ и притомъ гораздо ранѣе доноса Мартынова; его показаніе подтвердилъ и пр. Гедеонъ, который въ своемъ донесеніи Синоду указывалъ, что князь Друцкой-Соколинскій вступилъ во второй бракъ еще въ 1739 году.

*) Тамъ же стр. 551.

При этомъ пр. Гедеонъ жаловался, что заключенію этого брака сильно содѣйствовала Смоленская губернская канцелярія и просилъ Синодъ принять мѣры, чтобы подобные случаи болѣе не повторялись. Потворство заключенію незаконныхъ браковъ со стороны Смоленской губернской канцеляріи объясняется, конечно, тѣмъ, что большинство служащихъ тамъ были мѣстные шляхтичи.

Синодъ опредѣлилъ: до рѣшенія дѣла о Друцкомъ-Соколинскомъ обязать послѣдняго съ женой „изъ Петербурга не выѣзжать, плотскаго сожитія не имѣть и на одномъ дворѣ не жить“.

Въ томъ же Мартѣ мѣсяцѣ 1743 года пр. Гедеонъ довелъ до свѣдѣнія Синода, что священникъ соборной церкви города Дорогобужа Прокопій Васильевъ до принятія сана, еще при пр. Филоѳеѣ, женился въ 6-й степени свойства, и просилъ указаній, какъ поступить ему въ данномъ случаѣ: развести-ли послѣдняго съ женой и запретить служеніе, или ограничиться наложеніемъ эпитиміи и дозволить сожитіе съ женой и служеніе. Но изъ дѣла Синодъ усмотрѣлъ, что на самомъ дѣлѣ еще въ 1729 году пр. Гедеонъ запретилъ вышеупомянутому священнику служеніе, разведя съ женой и наложивъ штрафъ въ 5 рублей. Синодъ, не согласившись съ мнѣніемъ пр. Гедеона, отмѣнилъ его распоряженіе и постановилъ считать бракъ правильнымъ.

Въ Ноябрѣ 1743 года, наконецъ, состоялось и послѣднее постановленіе Синода по описываемому нами дѣлу. Синодъ опредѣлилъ все производство объ оставшихся въ живыхъ шляхтичахъ, на которыя указывалъ князь Михаилъ Друцкой-Соколинскій, и также о князѣ Богданѣ Друцкомъ-Соколинскомъ и даже о священникѣ Васильевѣ, взять въ Москву и „тамъ Св. Синоду къ разсмотрѣнію и рѣшенію предложить незабвенно“, о чемъ объявить находившимся въ это время въ Петербургѣ просителямъ кн. Соколинскому и Рачинскому и послать указъ пр. Гедеону*).

Но видно и переносъ дѣла на разсмотрѣніе въ Москву ничѣмъ не могъ помочь Синоду рѣшить его окончательно и привести къ концу тянувшееся съ средины 1728 г. производство. Пріѣхавшій, согласно постановленію Синода, въ Москву кн. Богданъ Соколинскій очень долгое время напрасно ожидалъ этого рѣшенія и наконецъ, потерявъ всякую надежду, 2 Іюня 1744 года, подалъ прошеніе, въ которомъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему отъѣхать въ Смоленскъ для присмотра

*) Это постановленіе почему-то не подписалъ одинъ изъ членовъ Синода Амвросій, архіепископъ Велико-Новгородскій, и 5-го Декабря 1743 года Синодъ опредѣлилъ „по оного протоколу исполненіе чинить и безъ подписанія пр. Амвросія“. Тамъ же, стр. 553.

за деревнями, такъ какъ его отсутствіе сильно отражается на хозяйствѣ. Только 11-го Іюля Синодъ опредѣлилъ отпустить его въ Смоленскъ.

Тѣмъ дѣло и кончилось. „Генеральной резолюціи“ Смоленскіе шляхтичи такъ и не дождались. Понятно, что ея и не могло быть. Мы уже видѣли, что просители въ своихъ жалобахъ и арх. Гедеонъ въ своемъ мнѣніи указывали неоднократно на то, что невозможно объявить всѣ браки ничтожными, не принявъ въ разсчетъ, какъ поступить въ этомъ случаѣ съ дѣтьми и внуками тѣхъ шляхтичей, у которыхъ они были, какъ, наконецъ, учредить надзоръ за исполненіемъ рѣшенія Синода, чтобы „плотское сожитіе“ не продолжалось. Рѣшенія Синода, часто противорѣчащія одно другому, показываютъ, что Синодъ отчасти сознавалъ, что дѣло не такъ просто и что рѣшить его не только трудно, но и невозможно. Сверхъ того могли, подобно священнику Васильеву, оказаться и другіе нарушители церковныхъ правилъ, иные доносы и указанія, сдѣланные обвиняемыми въ заключеніи противозаконныхъ браковъ съ тою цѣлью, чтобы (какъ совѣтовалъ Чичикову опытный юрисконсультъ) замѣшать въ процессъ какъ можно больше лицъ: тогда-бы возникли новыя дѣла, чему не предвидѣлось-бы конца. Канцелярская волокита, которою отличались прежніе духовные и свѣтскіе суды, болѣе десятка лѣтъ заставила многихъ родителей ожидать рѣшенія своей судьбы и судьбы дѣтей; многіе, какъ мы видѣли, такъ и не успѣли дождаться рѣшенія дѣла. Сколько было перенесено волненій и какъ отразился на матеріальномъ положеніи многихъ шляхтичей этотъ тянувшійся такъ долго процессъ, конечно, легко судить, если принять во вниманіе, что многіе ѣздили хлопотать въ столицу, гдѣ проживались по году и болѣе, напрасно стараясь узнать, какъ рѣшилъ Синодъ ихъ участь.

Подлинное дѣло о незаконныхъ бракахъ Смоленскихъ шляхтичей находится въ архивѣ Св. Синода. Оно громадно по объему (1278 стр.). Профессоръ Барсовъ указываетъ, что настоящее дѣло „въ выпискахъ и толкованіяхъ церковныхъ правилъ и гражданскихъ законовъ, въ исчисленіи степеней родства 36 брачныхъ паръ, о которыхъ дѣло производилось, въ подробно и тщательно мотивированныхъ мнѣніяхъ Смоленскаго духовнаго приказа, а также подсудимыхъ 36 лицъ, подавшихъ прошенія, самого Св. Синода и пр. Гедеона, въ массѣ теоретическихъ соображеній, которыя были представлены относительно способовъ рѣшенія необычайныхъ брачныхъ компликацій, представлявшихся въ брачныхъ сопряженіяхъ 36 лицъ, въ ссылкахъ на брачную практику прошлаго времени—представляетъ весьма цѣнный матеріалъ для исторіи Русскаго брачнаго права и заслуживаетъ особеннаго вниманія Русскаго канониста“ (Т. д. хр. въ арх. Св. Син. т. VI № $^{308}/_{159}$

стр. 556). Допросные пункты, находящіеся въ дѣлѣ съ оправдательными документами, съ исчисленіемъ родства между супругами каждаго изъ этихъ браковъ, все это, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 549-я), „представляетъ обильный матеріалъ для генеалогіи Смоленскихъ шляхетскихъ родовъ и для мѣстной бытовой исторіи“.

Но мы не обращались къ изученію подлиннаго дѣла, такъ какъ для насъ была любопытна его фактическая сторона, имѣющая, полагаемъ, не одинъ только мѣстный интересъ*).

Насколько въ Смоленскомъ дворянствѣ велика духовная связь съ Польской шляхтой, видно изъ того, что, много лѣтъ спустя послѣ описаннаго нами эпизода, еще наблюдаются единичные случаи тяготѣнія отдѣльныхъ дворянскихъ фамилій къ Польшѣ. Такъ, во время Польскаго мятежа 1830 года, по отзывамъ современниковъ, нѣкоторыя дворянскія семьи открыто выражали свое сочувствіе повстанцамъ.

Занимаясь въ 1889 году въ архивѣ канцеляріи Смоленскаго губернатора, мы имѣли въ рукахъ цѣлый рядъ секретныхъ дѣлъ по обвиненію нѣкоторыхъ дворянъ Краснинскаго уѣзда въ тайномъ содѣйствіи Польскимъ помѣщикамъ сосѣдней Могилевской губерніи во время Польскаго возстанія 1863 г. Любопытно также и то обстоятельство, что среди многихъ Смоленскихъ дворянскихъ фамилій до сихъ поръ держится обычай заключать браки въ близкихъ степеняхъ родства. Намъ лично извѣстно нѣсколько случаевъ заключенія Смоленскими дворянами браковъ между двоюродными братьями и сестрами, и еще не такъ давно, по доносу священника, одинъ изъ браковъ, заключенныхъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства, былъ расторгнутъ.

К. Ровинскій.

*) Матеріаломъ для нашей статьи послужило „Описаніе дѣлъ, хранящихся въ архивахъ Св. Синода“, издававшееся въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ спеціально для этой цѣли составленною коммиссіею, въ которой дѣятельное участіе принималъ пр. Барсовъ, сдѣлавшій экстрактъ изъ дѣла „о противозаконныхъ бракахъ Смоленскихъ шляхтичей“. Мы воспользовались этимъ трудомъ и, дополнивъ выдержками изъ другихъ дѣлъ, имѣвшихъ связь съ процессомъ Смоленскихъ шляхтичей и выписками изъ Полнаго Собранія Законовъ, старались сдѣлать изъ всего матеріала болѣе или менѣе связный разсказъ.

ПИСЬМА КЪ В. С. ШЕРЕМЕТЕВУ.

Покойный Нижегородскій губернаторъ Н. М. Барановъ подарилъ мнѣ разныя бумаги, принадлежавшія В. С. Шереметеву, который въ 1794—1796 г.г. былъ правителемъ Изяславской, а затѣмъ Волынской губерніи.

Генералъ-майоръ Василій Сергѣевичъ Шереметевъ родился 20 Февраля 1752 г., поступилъ на службу 14 лѣтъ, въ 1766 г., скончался 8 Февраля 1831 года.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ графомъ С. Д. Шереметевымъ Н. П. Барсукову *), Василій Сергѣевичъ приходился троюроднымъ братомъ внуку фельдмаршала, графу Н. П. Шереметеву. Въ 1792—1793 г.г. онъ командовалъ коннымъ полкомъ; былъ выключенъ изъ списковъ полка по словесному указу 7 Января 1797 г.; съ 1793 г. считался въ войскахъ, находящихся подъ командою генералъ-аншефа М. Н. Кречетникова. Потомъ завѣдывалъ, какъ попечитель, Странноприимнымъ графа Шереметева домомъ въ Москвѣ. Былъ женатъ на Татьянѣ Ивановнѣ Марченко.

Въ подаренныхъ мнѣ Н. М. Барановымъ бумагахъ оказалось 14 писемъ къ В. С. Шереметеву; между ними автографы любимца Екатерины II князя Платона Зубова, его брата графа Валеріана, кн. Е. Р. Дашковой, фельдмаршала кн. Н. В. Репнина, ген.-майора Алексѣя Петровича Мелиссино, убитаго въ 1813 г. подъ Дрезденомъ, ген.-провіантмейстера Петра Ивановича Новосильцева († 1805 г.), графа Алексѣя Ивановича Васильева, († 1807 г.), и, наконецъ, Варлаама Шишацкаго, епископа Житомирскаго, такъ печально окончившаго въ 1813 г. свое видное поприще архіепископомъ Могилевскимъ. (Онъ пострадалъ въ 1812 г. за легкомысленное принесеніе въ каѳедральномъ Могилевскомъ соборѣ присяги Наполеону, служеніе литургіи и молебна съ возглашеніемъ его имени и разсылку изъ Консисторіи указовъ объ исполненіи сего всѣмъ подчиненнымъ мѣстамъ и лицамъ. Варлаамъ, лишенный архіерейства и священства, былъ сосланъ простымъ монахомъ на пребываніе въ Новгородъ-Сѣверскій Спасскій монастырь, при чемъ у него были отобраны и знаки ордена Св. Анны 1-й степени († 1823 г.).

*) Дневникъ Храповицкаго. М. 1902. (Указатель).

О печальной судьбѣ архіепископа Варлаама мной уже было разсказано на страницахъ „Русскаго Архива“ (6-й вып. 1903 года). Теперь, на основаніи документовъ, обнародованныхъ въ превосходномъ трудѣ Рункевича „Исторія Минской архіепископіи“, я позволяю себѣ привести еще нѣсколько біографическихъ свѣдѣній объ этомъ несчастномъ владыкѣ.

Варлаамъ, въ мірѣ Григорій Шишацкій, изъ села Красиловки, нынѣ Козелецкаго уѣзда Черниговской губерніи, родился въ 1750 г. Его отецъ былъ поселянинъ. Онъ отдалъ сына въ Переяславскую семинарію, изъ которой, въ виду блестящихъ способностей, онъ былъ переведенъ въ Кіевскую академію. По окончаніи курса три года онъ преподавалъ риторику въ Переяславской семинаріи, въ 1776 г. принялъ монашество и былъ назначенъ префектомъ. Въ 1780 г. Варлаамъ произведенъ въ игумена и получилъ въ управленіе Мошногорскій Вознесенскій монастырь, а затѣмъ Переяславскій Михайловскій. Въ 1785 г. сталъ ректоромъ семинаріи и присутствующимъ въ духовной консисторіи. Онъ все время считался однимъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ на Переяславской каѳедрѣ. По упраздненіи въ 1785 г. Переяславской епархіи, Варлаамъ перешелъ въ Новгородъ-Сѣверскую, удержавъ за собою всѣ должности, перемѣнивъ только Переяславскій монастырь на Макошинскій Николаевскій. Въ 1786 г., по ходатайству преосвященнаго Виктора, Синодъ назначилъ его „старшиною Виленскихъ монастырей“. Въ Вильнѣ Варлаамъ пробылъ около двухъ съ половиной лѣтъ. Когда въ 1789 г. въ Польшѣ произошли безпорядки и преосвященный Викторъ Садковскій, епископъ Переяславскій и викарій Кіевскій, былъ схваченъ Польскимъ отрядомъ и въ кандалахъ отвезенъ въ Варшаву (гдѣ пробылъ болѣе полугода въ тюрьмѣ), Варлаамъ, не согласившійся принести вѣрноподданническую присягу Рѣчи Посполитой, бѣжалъ изъ предѣловъ Польши въ Могилевъ. Долго оставаясь безъ мѣста и сильно бѣдствуя, онъ отправился въ Петербургъ и выпросилъ себѣ у митрополита Гавріила настоятельство Новгородскаго Вяжицкаго монастыря. Опредѣленный затѣмъ игуменомъ Кирилловскаго монастыря, онъ былъ назначенъ присутствующимъ въ Новгородской духовной консисторіи. Когда въ 1794 г. въ Синодѣ зашла рѣчь объ избраніи помощника преосвященному Виктору въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ, то митрополитъ Гавріилъ вызвалъ Варлаама, и онъ былъ опредѣленъ въ самый богатый Дятловичскій Преображенскій монастырь съ назначеніемъ членомъ консисторіи. Варлаамъ оказалъ большую услугу по возсоединенію уніатовъ. Затѣмъ онъ былъ въ 1795 г. епископомъ Житомирскимъ, въ 1799 Волынскимъ, въ 1805 архіепископомъ Могилевскимъ, гдѣ и лишился архіерейскаго сана.

„Нравомъ добротливымъ
Многимъ услужилъ,
Чаялъ себѣ вѣрныхъ,
Тѣмъ враговъ нажилъ“.

Такъ писалъ Варлаамъ въ своемъ печальномъ уединеніи...

А. Титовъ.

Ростовъ-Великій.
1908. Мая 27.

I.

Милостивый государь мой Василій Сергѣевичъ!

Приложенное при семъ письмо къ Польскому господину генералъ-порутчику Пулавскому, объявляющее о всемилостивѣйшемъ отъ Ея Императорскаго Величества пожалованіи ему пенсіи, покорнѣйше прошу ваше превосходительство, по пребыванію его въ губерніи вамъ ввѣренной (какъ то по слухамъ мнѣ извѣстно), приказать ему доставить; есть-ли бы оной Пулавской изъ оной губерніи уже уѣхалъ, то прошу письмо сіе послать за нимъ въ слѣдъ и о полученіи онаго меня извѣстить. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь пребыть на всегда вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Николай Репнинъ.

Гродно, 10 Марта 1795.

II.

Милостивый государь мой Василій Сергѣевичъ!

Бывшему въ Польской коронной артиллеріи хорунжему Антону Глембоцкому, который, по обезоруженіи присоединившихся къ Россіи Польскихъ въ Украйнѣ войскъ, имѣетъ жительство въ Волынской губерніи, прикажите, ваше превосходительство, объявить, чтобъ онъ отправился въ Санктпетербургъ и явился у меня, и на проѣздъ не оставьте снадбить его пашпортомъ. Въ прочемъ съ истиннымъ почтеніемъ пребываю вашего превосходительства покорный слуга графъ Платонъ Зубовъ.

Іюня 4-го дня 1795 года. Сарское Село.

III.

Милостивой государь мой Василій Сергѣевичъ!

Ротмистръ конной гвардіи господинъ Майковъ по дружбѣ своей къ графинѣ Потоцкой взялъ на себя трудъ управлять ея деревнями, паче на время сіе, гдѣ онъ долженъ подъ предводительствомъ вашимъ дѣлать расчетъ съ разорителями ея и ея имѣній. Будьте къ нему благосклонны; въ случаѣ справедливости я и просить васъ не стану, знавъ первымъ предметомъ вашимъ оную; нужна строгость для коварства, и человѣкъ вашего характеру конечно обязанъ защищать притѣсненнаго. Почему я увѣренъ, что господинъ Майковъ найдетъ въ васъ своего руководителя и покровительствующаго ему человѣка.

Впротчемъ пребываю съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и преданностію вашъ, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга графъ Валеріанъ Зубовъ.

1795 году 15 Сентября. С.-Петербургъ.

P. S. Въ надеждѣ на васъ я взялъ на себя сказать вашему превосходительству, что я беру въ свое покровительство господина *Ждановича*, коимъ вы за службу его интересовались; не найдите худымъ, что я его по надобностямъ моимъ употреблять буду. Графъ Валеріанъ Зубовъ.

IV.

Милостивый государь мой Василій Сергѣевичъ!

Изъ всемилостивѣйше пожалованныхъ мнѣ въ Могилевской губерніи деревень, лежащихъ при прежней границѣ, въ разныя времена перешло черезъ оную крестьянъ моихъ до четырехъ сотъ душъ, и жительствуютъ теперь нѣкоторыя въ селеніяхъ ввѣренной вамъ губерніи, для отысканія коихъ намѣрена я отправить повѣреннаго. Но чтобъ не поступили онѣ въ ревизію мѣстамъ, гдѣ онѣ имѣютъ жительство и чрезъ то не сдѣлалось бы въ возвратѣ ихъ препятствія, ваше превосходительство почтеннѣйше прошу приказать, чтобы таковые мои крестьяне, при ревизіи исключены были отъ написанія въ тѣхъ селеніяхъ гдѣ онѣ живутъ; а когда повѣренной мой требовать ихъ будетъ въ отдачу на прежнее жилище, то безпрекословно ихъ ему вручить. Ваше превосходительство, выполнивъ сію мою прозьбу обяжете меня къ чувствованію благодарности и усугубите искреннее почтеніе, съ которымъ я пребываю вашему превосходительству, милостивому государю моему покорная услужница княгиня Дашкова.

Сентября 3 дня 1794 года.

№ 1937. *Копія.*

ПРОМЕМОРІЯ.

Изъ Кіевской оберъ-провіантмейстерской коллегіи въ Конно-Гренадерской полкъ военнаго ордена.

Главная провіантская канцелярія посланнымъ въ сію коммисію отъ 17 числа прошедшаго мѣсяца Ноября указомъ подъ № 3280-мъ предписала излишне издержанныя онымъ полкомъ прошлаго 791 года Сентября съ 10 сего года Мая по 16 число на неуказное продовольство лошадямъ фуража по заготовительнымъ цѣнамъ деньги двѣ тысячи пятьсотъ тридцать три рубля девять копѣекъ, при первомъ въ оной полкъ отпускѣ оныхъ, удержать съ тѣмъ, дабы оной взыскалъ самъ съ кого слѣдуетъ изъ бывшихъ въ полку штабъ-офицеровъ и ротныхъ командировъ, по силѣ полковничьей конного полку инструкціи; о чемъ полкъ исполненіемъ увѣдомляетъ съ тѣмъ, дабы благоволилъ вышеписанную

сумму двѣ тысячи пятьсотъ тридцать три рубля девять копѣекъ нынѣ-жъ записать въ провіантской суммѣ въ приходъ коммисію увѣдомить, и оные употребить на настоящее строевыхъ и подъемныхъ лошадей продовольствіе по апробованнымъ отъ главнаго начальства цѣнамъ. Равномѣрно и изъ числа асигнованныхъ отъ Владимирской Казенной Палаты девяти тысячъ, когда всего числа на удовольствіе находящихся у покупки въ полкъ лошадей штабъ и оберъ-офицеровъ будетъ не востребовано, то достальные удержать при полку, по тому же употребить на настоящее тѣхъ лошадей по апробованнымъ цѣнамъ продовольствіе, потомъ коммисію увѣдомить. Декабря 21 дня 1793 году. Подлинную подписали: Иванъ Ѳербицкой. Порутчикъ Петръ Ястребовъ. Алексѣй Мелиссино.

V.

Ваше превосходительство!

Какого рода ни бываютъ преступленія, но больше моего быть не могутъ, когда въ безпримѣрномъ милосердіи и благодѣяніяхъ вашего превосходительства не съищу я онымъ милостиваго снисхожденія. Въ проѣздѣ вашего превосходительства чрезъ Батуринъ предъ вами сказалъ я, что въ немедленномъ времени буду въ Житомирѣ. Но . . . *) осмѣливаюсь нынѣ объясниться, что въ тотъ самый день получилъ я и отзывъ съ порученіемъ мнѣ новой здѣсь должности и комисіи для усмиренія бунтующихъ въ уѣздѣ одной помѣщицы крестьянъ. Не страшитъ меня лишеніе мѣста сего чрезъ самовольную отлучку, ниже смущаютъ пожертвованія, хотя бы оныя сопряжены были съ выгодами моими, сколько угнетаютъ неизбѣжныя слѣдствія, что попасть я могу подъ отвѣтъ такого сорта людямъ предлежащій.

Ваше превосходительство явите ко мнѣ въ семъ разѣ столько милостей, чтобы по письму вашего превосходительства къ здѣшнему господину правителю губерніи могъ я безотвѣтно отъ сюда отлучиться; когда же поводомъ сихъ тѣсныхъ обстоятельствъ моихъ теряю я что̀ и малѣйшее изъ благоволеній вашего превосходительства ко мнѣ, то всю жизнь мою не жизнью, а однимъ нещастнымъ мечтаніемъ почту. Послѣдующее время въ вѣкѣ моемъ обнаружитъ, колико къ безпримѣрно благодѣтельнѣйшимъ вашего превосходительства добродѣтелямъ въ чувствахъ души моей заключается вліяній, и никто не пресилѣетъ соравняться съ таковымъ быти благоговѣніемъ къ особѣ и имени вашего превосходительства, съ каковымъ во всю жизнь и со всеглубо-

*) Слово вырвано. А. Т.

чайшимъ высокопочитаніемъ пребуду вашего превосходительства всепреданнѣйшій слуга Данило Смѣловскій.

1797 года. Генваря 1 числа.

VI.

Милостивый государь мой Василій Сергѣевичъ!

Почтенное письмо вашего превосходительства чрезъ г-на Кардашевскаго я имѣлъ честь получить; всеусердно благодарю васъ за помѣщеніе къ должностямъ мною рекомендованныхъ, и ревнуя выполнить требованія ваши, не только въ губернскомъ, но и во всѣхъ уѣздныхъ городахъ далъ знать приказнымъ служителямъ о приглашеніи на службу въ Изяславскую губернію съ описаніемъ выгодъ въ письмѣ вашемъ означенныхъ. Сердечно буду радъ, ежели въ губерніи мнѣ ввѣренной найдутся люди соотвѣтственные вашимъ намѣреніямъ; коликое число согласится, ваше превосходительство увѣдомить не премину, пребывая (и пр.).

Августъ Пяскенскій.

Апрѣля 25 дня 1795 года.
Харьковъ.

VII.

Милостивый государь мой Василій Сергѣевичъ!

Извините, ваше превосходительство, что я такъ долго замедлилъ отвѣтомъ на письмо ваше касательно господина доктора Гейнча. Причиною сему наиболѣе было то, что Медицинская Коллегія съ одной стороны не имѣла точнаго постановленія, какимъ образомъ считать старшинство медицинскихъ чиновъ, поступившихъ въ подданство Россіи со новопріобрѣтенными отъ Польши областями съ того-ли времени, какъ они каждой по ихъ званію получили свою степень, или какъ подошли подъ Россійскую державу; ибо, какъ небезъизвѣстно вашему превосходительству, старшинство, кто въ какомъ чину сколько лѣтъ дѣйствительно состоитъ при производствѣ наблюдается. Съ другой же стороны, поелику упомянутый г. докторъ Гейнчъ имѣетъ уже чинъ Польскаго дѣйствительнаго надворнаго совѣтника, то какимъ образомъ и съ тѣми, кои уже имѣютъ Польскіе чины, при представленіяхъ къ переименованію оныхъ въ Россійскіе поступать, коллегія никакого положенія не имѣла, что̀ въ предположеніи вознести на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената, отъ котораго и должно ожидать резолюціи; сколь же скоро оная воспослѣдуетъ, тогда за особливое удовольствіе почту все возможное съ моей стороны къ пользѣ господина Гейнча

исполнить въ вящее подтвержденіе того истиннаго почтенія и непремѣнной преданности, съ коими пребываю всегда (и пр.).

Алексѣй Васильевъ.

Іюня 11-го дня 1795 года

VIII.

Милостивый государь мой Василій Сергѣевичъ!

Почитая новостію, спѣшу у сего сообщить вашему превосходительству росписаніе войскамъ, въ 18-й день минувшаго Іюня за собственно-ручнымъ Ея Величества подписаніемъ состоявшееся; къ тому еще должно присовокупить по особо имяннымъ повелѣніямъ опредѣленныхъ генералъ-поручиковъ: Апраксина подъ команду его сіятельства графа Петра Александровича*), Загряжскаго подъ команду князя Николая Васильевича Репнина. Я всегда былъ, и за симъ есмь съ истиннымъ почтеніемъ и преданостію (и пр.).

Андрей Ячванисъ.

13-го Іюля 1795 года.
Кіевъ.

IX.

Милостивой государь мой Василій Сергѣевичъ!

Ея Императорскаго Величества именнымъ указомъ отъ 18 сего мѣсяца даннымъ Сенату всемилостивѣйше пожалованы мнѣ въ Подольской губерніи староства Куцкое и Ласковицкое въ вѣчное и потомственное владѣніе, для принятія коихъ и отправленъ господинъ капитанъ Иванъ Михайловичъ Кришпинъ, которому покорнѣйше прошу изъявить ваше всевозможное вспоможеніе и руку помощи въ порученной ему комиссіи; яже не премину оказать вашему превосходительству мою благодарность и признательность, съ коими я имѣю честь пребыть и пр. Степанъ Стрекаловъ.

29 Августа 1795 года.

X.

Милостивый государь мой Василій Сергѣевичъ!

Имѣя честь получить почтенныя вашего превосходительства отъ 7 и 8 настоящаго мѣсяца письма, поспѣшаю принести вамъ, милостивый государь мой, всеусерднѣйшую благодарность за благосклонное

*) Румянцова. П. Б.

расположеніе къ доставленію мнѣ выгодъ и способности въ отдѣленіи деревень. Принимая сіе чувствительнѣйшимъ благодѣяніемъ, всепокорнѣйше прошу не оставить совершеніемъ онаго и начальническимъ покровительствомъ сихъ деревень. Осипу Петровичу *) конвертъ, отъ васъ доставленный, вѣрно врученъ. Онъ и Анна Петровна, слава Богу, здоровы и обѣщали прислать для пересылки къ вамъ письма.

Поручая себя въ продолженіе лестной для меня благосклонности вашей, имѣю честь пребывать и пр. Покорнѣйшій и обязанный слуга Петръ Новосильцевъ.

24 Октября 1795 году. С. Петербургъ.

P. S. простите мнѣ, милостивый государь мой, что осмѣливаюсь вложить здѣсь письмо къ Петру Савичу, также комиссіонеру моему, отъ Александра Яковлевича Протасова, всепокорно прося приказать оныя доставить. Присланное отъ Осипа Петровича теперь на имя ваше письмо здѣсь препровождается.

XI.

Милостивый государь мой Василій Сергѣевичъ!

По справкѣ оказалось, что маіоръ Орда въ отставку назначенъ и до настоящей отпущенъ, а посему обстоятельству и не могу я надѣяться, чтобъ онъ могъ быть у меня дежуръ-маіоромъ; рекомендуетъ же мнѣ полковникъ Екатеринославскаго гренодерскаго полку тогожъ полку секундъ-маіора Селунскаго, но и сей въ употребленіи по губерніи вашего превосходительства у сочиненія ревизскихъ сказокъ, а скоро сказываютъ кончитъ, то покорно прошу васъ, милостивый государь мой, отпустить ко мнѣ онаго. За неимѣніемъ у меня маіора и дежурства нѣтъ, на всѣ прежнія мои писанія ожидаю увѣдомленія какъ и исполненія, сего отъ дружбы вашей ожидать буду съ тѣмъ истиннымъ почитаніемъ и преданностію, какъ я есмь, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Петръ Прозоровскій.

Декабря 2 дня 1795 года, Меджибожъ.

XII.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Писаніе вашего превосходительства имѣлъ я честь получить. Долгомъ моимъ почелъ бы я поступить по содержанію онаго; но

*) Козодавлеву. Анна Петровна—его супруга. А. Т.

неизвѣстность, какъ скоро начнется дѣло, мнѣ ли скажутъ быть при церемоніи, или можетъ быть кому другому, а по сему одинъ ли я теперь долженъ пріѣхать или со всѣмъ моимъ клиромъ и ризницею, расположила меня отдать его превосходительству достодолжное мое почтеніе на пути въ мѣстечкѣ Корцѣ, и здѣсь освѣдомляться, что̀ впредъ мнѣ слѣдуетъ предпріять въ разсужденіи ожидаемаго его превосходительства прибытія въ городъ Житомиръ? О чемъ донеся вашему превосходительству, имѣю честь быть съ совершеннымъ высокопочтеніемъ и преданностію вашего превосходительства, милостиваго государя, всепокорнѣйшій слуга

Варлаамъ епископъ Житомирскій.

20 Ноября 1795 года
Острогъ.

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАПИСЕЙ А. А. ВАСИЛЬЧИКОВА.[1]

I.

РАЗСКАЗЪ А. И. ВАСИЛЬЧИКОВОЙ.

Опала Архаровыхъ.

Дядя мой Николай Петровичъ Архаровъ служилъ съ честью и отличіемъ въ царствованія Екатерины и Павла. Его быстрый взглядъ на дѣло и находчивый умъ доставляли ему общее уваженіе. Отецъ мой былъ назначенъ при Павлѣ военнымъ губернаторомъ Московскимъ. Въ 1800 г. отецъ и дядя впали въ немилость. Указъ о ссылкѣ ихъ въ деревню былъ полученъ совершенно неожиданно. Хотя мнѣ было тогда только пять лѣтъ, но я такъ поражена была общимъ несчастьемъ и мнѣ такъ часто потомъ объ этомъ говорили, что день отъѣзда остался навсегда мнѣ памятенъ. Нашъ дворъ[2] былъ наполненъ людьми. Полкъ, названный въ честь отца моего Архаровскимъ, стоялъ въ строю. Отца моего любили, и многіе солдаты плакали. Офицеры и адъютанты изъявляли горестное сожалѣніе. Нѣкоторые люди изъ разныхъ сословій оказывали намъ признаки искренняго участія. Поспѣшный отъѣздъ въ отдаленную деревню очень затруднялъ моихъ родителей. Я помню, что Карамзинъ привезъ мѣшокъ съ книгами, полезными для нашего воспитанія. Учитель музыки, нѣкто г-нъ Минелли, предлагаетъ капиталъ, собранный долговременными трудами. Родные привозятъ намъ все нужное для дороги. Отъѣздъ отца моего, впавшаго въ немилость, есть лучшій вѣнокъ его жизни. Князь Николай Васильевичъ Репнинъ, встрѣтившій его на дорогѣ, сказалъ ему, что онъ видалъ какъ отдаютъ почести похоронному шествію, но въ первый разъ свидѣтелемъ такой чести, отдаваемой лицу живаго человѣка.

За нѣсколько верстъ до села Разсказова Тамбовской губерніи, гдѣ намъ суждено было жить, нарочный, высланный къ намъ на встрѣчу, увѣдомляетъ, что домъ нашъ совершенно сгорѣлъ. Родители мои и дядя

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“ сего года I, 10.

[2]) И. П. Архаровъ жилъ на Пречистенкѣ, нынѣ домъ Кошкина. П. Б.

были этимъ чрезвычайно огорчены. Они не знали, куда помѣстить многочисленное семейство и гдѣ найти для себя убѣжище. Положеніе ихъ было самое тягостное; будучи подъ гнѣвомъ царскимъ, они убѣждены были, что никто не захочетъ оказать имъ участіе. Съ этимъ убѣжденіемъ они въѣзжаютъ въ Разсказово, часть котораго принадлежала зажиточному фабриканту Василію Яковлевичу Тулину, отцу многочисленнаго семейства. Этотъ добродѣтельный человѣкъ съ женою и дѣтьми вышелъ къ намъ на встрѣчу. Онъ принялъ насъ какъ близкихъ родственниковъ съ участіемъ благороднаго и сострадательнаго человѣка, всѣми способами старался успокоить отца и дядю, отдалъ намъ свой прекрасный домъ со всѣмъ что̀ въ немъ было, и самъ со своимъ семействомъ помѣстился въ одномъ изъ фабричныхъ зданій. Василій Яковлевичъ вскорѣ умеръ. Вдова его и дѣти продолжали благодѣтельствовать намъ. Мы прожили у нихъ десять мѣсяцевъ. Когда манифестъ Александра I-го возвратилъ насъ въ Москву, мы разстались съ призрѣвшимъ насъ семействомъ съ чувствами глубокой благодарности и любви. Это семейство осталось для насъ на вѣкъ незабвеннымъ и когда, 37 лѣтъ спустя, въ 1837 году, во время краткаго моего пребыванія въ селѣ Разсказовѣ, я снова увидѣлась съ Тулиными, то они приняли меня какъ родную; я ихъ всѣхъ узнала, и мы вмѣстѣ плакали о горестныхъ утратахъ и прошедшихъ радостяхъ.

II.

Екатерина II-я о Сенатѣ.

Д. Н. Свербеевъ, разбирая въ Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ дѣла по дипломатическимъ сношеніямъ съ Персіею, нашелъ между ними двѣ бумаги не нумерованныя, но за собственноручными резолюціями и подписью Екатерины II-й.

Одна изъ этихъ бумагъ есть докладъ генералъ-прокурора князя Вяземскаго, въ которомъ онъ увѣдомляетъ Императрицу о мнѣніи народномъ относительно Сената. „На Сенатъ“, говоритъ онъ, „стали съ нѣкотораго времени смотрѣть, какъ на учрежденіе лежащее въ основѣ всей правительственной системы Русской, какъ на учрежденіе, нѣкоторымъ образомъ контролирующее и стѣсняющее Верховную Власть, и это мнѣніе все болѣе и болѣе въ народѣ утверждается“. Екатерина подъ этимъ докладомъ подписала: „Пособить этому весьма легко; надо только въ сенаторы жаловать людей знатнаго рода, неукоризненной честности, но не дальняго ума“.

ЗАМѢТКИ О КРЫЛОВѢ.

I.

Источникъ одного устнаго аполога Крылова.

Вліяніе Дмитревскаго и драматической литературы второй половины XVIII в. сдѣлало Крылова убѣжденнымъ сторонникомъ Французскаго классицизма. Какъ умный и тонкій человѣкъ, онъ хорошо чувствовалъ недостатки его Русскихъ переѣвовъ и иногда высмѣивалъ ихъ („Тріумфъ", „Каибъ"), но въ своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ на поэзію всегда держался взглядовъ Буало, Лагарпа и Баттё, даже тогда, когда стихійное развитіе таланта и вѣяніе времени сдѣлали его писателемъ реальнымъ и народнымъ. Къ Карамзину и Жуковскому онъ относился съ ироніей; Пушкина и Гоголя мало понималъ, хотя и не отрицалъ силы ихъ дарованій. Даже поэма „Русланъ и Людмила" при всей ея зависимости отъ поэзіи XVIII в. показалась ему слишкомъ смѣлой и даже уродливой; тѣмъ болѣе „Борисъ Годуновъ".

С. А. Соболевскій разсказывалъ объ этомъ такъ („Русск. Старина" 1870, Іюль, стр. 88): „Пушкинъ прочелъ „Бориса Годунова" Крылову, зная напередъ, что ему строгому классику, не можетъ быть по нутру не классическая драма. Крыловъ слушалъ прилежно и очень хвалилъ частности, но не сказалъ ни слова о цѣломъ сочиненіи. Тогда его спросилъ Пушкинъ: „вѣрно вамъ не нравится мой „Борисъ"? Въ отвѣтъ на это и послѣдовалъ отъ И. А. апологъ: „Проповѣдникъ говорилъ, что всякое созданіе Божіе есть верхъ совершенства. Горбунъ, съ горбами спереди и сзади, подошелъ къ каѳедрѣ проповѣдника, показалъ ему свои горбы и спросилъ его: „неужели и я верхъ совершенства?" А проповѣдникъ, удивившись его безобразію, отвѣтилъ: „да, между горбунами горбатѣе тебя нѣтъ, ты *совершеннѣйшій* горбунъ. Такъ и твоя драма, Александръ Сергѣевичъ: она наиприкрасна въ *своемъ родѣ*", прибавилъ Иванъ Андреевичъ. Это было при Жуковскомъ".

Иначе разсказываетъ М. Ѳ. Де-Пуле (тамъ же I, стр. 555), со словъ лица, повидимому, менѣе освѣдомленнаго, чѣмъ Соболевскій. „Пушкинъ еще въ первую пору своей поэтической дѣятельности, на одномъ литературномъ вечерѣ читалъ какое то стихотвореніе, написанное имъ въ крайне-романическомъ

(романтическомъ?) родѣ. Всѣ были въ восхищеніи, но Крыловъ оставался равнодушенъ. Пушкинъ обратился къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ: „А что, И. А., признайтесь искренно, пьеса моя вамъ не понравилась?“—„Нѣтъ, ничего, понравилась“, отвѣчалъ добродушно Крыловъ, „только послушайте, я разскажу вамъ анекдотъ. Однажды какой то проповѣдникъ говорилъ своимъ слушателямъ, что все созданное Богомъ прекрасно, всѣ творенія его прекрасны и пр., и пр. Въ это время подошелъ къ нему, къ каѳедрѣ, горбатый и сказалъ ему: „Помилуй, какъ прекрасны! А посмотри на мой горбъ!..“—„Ничего, мой другъ, отвѣчалъ ему проповѣдникъ, и это также прекрасно“...

Мы разыскали источникъ этого аполога въ „Письмовникѣ“ Курганова (по изданію 1831 г., Москва, стр. 241—242). „Горбунъ, сидя въ киркѣ, слышалъ, какъ пасторъ въ своей проповѣди говорилъ: „что Богъ ни сотворилъ, то хорошо сотворено“. Сіе показалось ему сомнительно, и для того, дождавъ попа у дверей, спросилъ: „отче! вы говорили, что всѣ вещи хорошо сотворены, а видите, каковъ я.“ Пасторъ ему на то: „другъ мой, ты совсѣмъ человѣкъ, и какъ быть горбуну, изрядно устроенъ“.

Крыловъ хорошо былъ знакомъ съ подобнаго рода сборниками: онъ пользовался ими, напр., и въ своихъ басняхъ „Напраслина“ и „Прихожанинъ“ (см. изданное подъ моимъ наблюденіемъ полное собраніе сочиненій Крылова, т. IV, стр. 407 и 428).

II.

Любовь Крылова.

Впервыя о любви Крылова упомянула „Сѣверная Пчела“. Въ 61 № этой газеты за 1845 г.*) было помѣщено объявленіе о имѣвшемъ скоро выйти въ свѣтъ „Альманахѣ любопытныхъ стихотвореній и прозаическихъ сочиненій знаменитыхъ писателей XVIII в., или вовсе не напечатанныхъ, или чрезвычайно рѣдкихъ“. Въ этомъ альманахѣ, между прочимъ, должна была быть напечатана „цѣлая исторія любви знаменитаго нашего баснописца Крылова, изложенная въ стихахъ“. Никакихъ другихъ свѣдѣній объ этомъ сборникѣ намъ не удалось разыскать.

Въ 1868 г. г. Алабинъ напечаталъ въ „Русскомъ Архивѣ“ (864—865) разсказъ о любви Крылова къ дочери Брянскаго „протопопа, мѣстнаго помѣщика и дворянина“, Аннѣ Алексѣевнѣ Константиновой, составленный съ ея словъ, мало похожій на правду и дышащій сантиментальностью престарѣлой дѣвы.

„Это то прелестное существо всѣмъ пламенемъ первой страсти полюбилъ И. А. Крыловъ во время своего пребыванія въ Брянскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ познакомился съ семействомъ А. А.; въ этомъ-то существѣ, кроткомъ и чистомъ, нашелъ онъ самую глубокую взаимность. Молодые люди рѣшились

*) Т. е. черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по кончинѣ Крылова. П. Б.

навсегда соединить свою судьбу. Крыловъ формально просилъ руки Анны Алексѣевны. Но..: несчастное *но*... онъ былъ бѣденъ, безвѣстенъ, не имѣлъ приличнаго служебнаго положенія; ея родители были тщеславны, гордились своимъ родствомъ съ Ломоносовымъ, считали въ своей семьѣ *генераловъ*[1]); А. А. была еще молода, красавица, для нея искали партіи болѣе блестящей и отказали Крылову. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ (по какому именно поводу Крыловъ посѣтилъ Брянскій уѣздъ, мы не знаемъ). А. А. плакала, тосковала, по ея собственнымъ словамъ, таяла, какъ воскъ, родные стали бояться за ея жизнь, сжалились и изъявили согласіе на бракъ ея съ Крыловымъ. Она сама и родные ея поспѣшили написать объ этомъ счастливомъ обстоятельствѣ Крылову и звали его въ Брянскъ играть свадьбу. Но... опять это несчастное *но*... Отъ Петербурга до Брянска не такъ было близко, какъ теперь. Крыловъ отвѣтилъ, что у него нѣтъ средствъ пріѣхать въ Брянскъ, а потому онъ проситъ осчастливить его—привезти невѣсту въ Петербургъ, гдѣ можетъ быть немедленно устроена свадьба. Такой отвѣтъ оскорбилъ и разсердилъ родителей А. А., и они рѣшительно отказали И. А., прекративъ затѣмъ всякія съ нимъ сношенія. Тѣмъ это дѣло и кончилось для свѣта, но не для любящихъ сердецъ. Они остались вѣрны другъ другу, всю жизнь. Крыловъ страданія свои изливалъ въ поэтическихъ стонахъ и на всю жизнь остался холостякомъ; А. А. плакала, молилась, всю жизнь сохранивъ святую любовь къ своему избраннику, отказалась отъ представлявшихся прекрасныхъ партій и осталась дѣвушкою".

У насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній относительно пребыванія Крылова въ Брянскомъ уѣздѣ. До половины 1793 г. (съ 1782 г.) онъ безвыѣздно живетъ въ Петербургѣ: по крайней мѣрѣ мы имѣемъ рядъ непрерывныхъ фактовъ, доказывающихъ это, кромѣ короткаго промежутка съ Августа 1790 г. по декабрь 1791 г., относительно котораго пока нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Между тѣмъ любовная исторія Крылова разыгралась по всѣмъ даннымъ въ 1792—1793 гг., когда онъ въ Петербургѣ издавалъ свои журналы. Отголосокъ этой исторіи есть въ его стихотвореніяхъ этого времени.

Его „Анюта"—щеголиха и кокетка, черезчуръ увлеченная Французскими модами, разоряющаяся на нихъ[2]); ей 15 лѣтъ; Крыловъ съ нею видится и споритъ по поводу только что написанныхъ стиховъ, повидимому, въ Петербургѣ[3]); есть указанія на то, что онъ находился съ нею въ связи; онъ хотѣлъ бы быть богатымъ, чтобы навсегда привязать ее къ себѣ[4]); уѣзжая изъ Петербурга, И. А. оставляетъ ее тамъ[5]); во время своихъ странствій тоскуетъ о ней[6]).

---

[1]) Н. Н. Расвскаго? В. К.
[2]) См. мое изданіе, IV, 17—21.
[3]) Тамъ же стр. 21—27.
[4]) Тамъ же стр. 30—36.
[5]) Тамъ же стр. 44—45.
[6]) Тамъ же стр. 53—54.

Все это не совпадаетъ съ разсказомъ г. Алабина. „Анюта“ указанныхъ выше стихотвореній и А. А. Константинова—несомнѣнно два разныхъ лица. Романъ съ послѣднею, если онъ только былъ, долженъ быть пріуроченъ къ болѣе позднему времени, и не къ Константиновой относятся стихотворенія 1792—1793 г.г. Вызываетъ недоумѣніе одно: какъ могъ звать Крыловъ невѣсту въ Петербургъ, въ которомъ онъ не былъ съ 1793 по 1806 г.? Если бы онъ былъ у Константиновыхъ въ 1790—1791 г.г., то его отношенія къ А. А. отразились бы въ послѣдующихъ стихотвореніяхъ, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Повидимому, на какія-то тяжелыя перипетіи своей любви глухо намекалъ Крыловъ Быстрову въ 1831 г. въ разговорѣ по поводу стихотворенія „Къ счастью“ (1793 г.)[1].—„И. А., за что это вы пеняете на фортуну, когда она такъ милостива къ вамъ?“—„Ахъ, мой милый, со мною былъ случай, о которомъ теперь смѣшно говорить, но тогда... я скорбѣлъ и не разъ плакалъ, какъ дитя... Журналу[2] не повезло[3]), полиція и еще *одно обстоятельство*... Да, кто былъ молодъ и не дѣлалъ на своемъ вѣку проказъ!“...

Въ извѣстныхъ намъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ „Анютѣ“, нѣтъ „цѣлой исторіи любви“, „изложенной въ стихахъ“. Если будетъ найденъ альманахъ, о которомъ писала „Сѣверная Пчела“, онъ, несомнѣнно, прольетъ свѣтъ на этотъ темный до сихъ поръ еще случай въ жизни баснописца. Неужели рукопись альманаха безслѣдно исчезла? Напечатанъ онъ не былъ[4]).

III.

Вѣроятный источникъ одной остроты Крылова.

По свидѣтельству Н. М. Колмакова („Русскій Архивъ“ 1865, стр. 1012), „графиня С. В. Строганова однажды спросила Крылова, зачѣмъ онъ не пишетъ болѣе басенъ.—„Потому“, отвѣчалъ Крыловъ, „что я болѣе люблю, чтобы меня упрекали, для чего я не пишу, нежели дописаться до того, чтобы спросили, зачѣмъ я пишу“.

Острота эта—перефразировка одного анекдота, на разные лады повторявшагося въ старинныхъ анекдотическихъ сборникахъ. Въ „Товарищѣ разумномъ и замысловатомъ, или собраніи хорошихъ словъ, разумныхъ замысловъ, скорыхъ отвѣтовъ, учтивыхъ насмѣшекъ и пріятныхъ приключеній знатныхъ

---

[1]) „Сѣв. Пчела“ 1845, № 203.

[2]) „СПБ. Меркурій“.

[3]) См. мое изданіе, I, стр. XLII—XLI.

[4]) Алексѣй Алексѣевичъ Константиновъ, зять Ломоносова, библіотекарь Екатерины Великой, умеръ въ Петербургѣ въ 1808 году (См. „Петербургскій Некрополь“, изданный при „Русскомъ Архивѣ“ 1882 года В. В. Сапковымъ). Очень можетъ быть, что отецъ его былъ Брянскимъ помѣщикомъ и въ тоже время священникомъ, и дѣвицы Константиновы ѣздили въ Брянскъ къ своему дѣдушкѣ. Въ книгѣ „Архивъ Раевскихъ“ указаній объ этой любви Крылова не имѣется. П. Б.

мужей древняго и нынѣшняго вѣковъ“ П. Семенова (М. 1787, 3-е изд.), напр., разсказывается (I, стр. 75): „Катонъ Древній, смотря на чрезмѣрное тщаніе, которое многіе Римляне, будучи не великими людьми, имѣли о поставленіи себѣ статуй, „я желаю лучше“, сказалъ, „чтобъ спросили, для чего не поставили статуй Катону, нежели для чего ему оныя поставили“. Или въ другомъ мѣстѣ (III, 48): „Мудрецъ, будучи вопрошенъ, для чего онъ не членомъ въ общественномъ училищѣ, отвѣчалъ: „мнѣ, какъ Катону, сей вопросъ пріятенъ, котораго спросили, для чего ему не поставятъ статуй, отвѣчалъ: „для меня сіе честнѣе, нежели спросили бы, для чего поставлены“.

Крыловъ ловко примѣнилъ этотъ анекдотъ къ себѣ, слегка его измѣнивъ. Къ старости онъ больше всего боялся исписаться и пережить себя. Въ 1829 г. онъ писалъ В. А. Олениной (мое изданіе, III, 428): „Прочтите мои басни и скажите... чистосердечно, на много ли я поглупѣлъ, и какъ онѣ въ сравненіи съ прежними моими баснями. Ахъ, какъ я боюсь, чтобъ не сдѣлаться архіепископомъ Гренадскимъ, и чтобъ мнѣ не сказали: „point d'homelies, monseigneur“. Въ 1832—1833 г.г. онъ пишетъ свои послѣднія басни*) „чтобы не спросили, зачѣмъ пишетъ“.

Вл. Каллашъ.

*) См. мою брошюру: „О хронологіи басенъ Крылова“, СПБ, 1907. (Изъ Академическихъ „Извѣстій“).

ПИСЬМО С. А. СОБОЛЕВСКАГО КЪ А. П. ЕЛАГИНОЙ.

Съ письмомъ вашимъ ко мнѣ случилось слѣдующее.

Есть у меня пріятель въ Москвѣ, который имѣетъ привычку просить у меня денегъ, а по сей причинѣ я имѣю привычку не распечатывать его писемъ и класть ихъ подъ зеленое сукно. Не знаю, какъ-то въ торопяхъ я не узналъ вашей руки, почелъ ваше письмо его письмомъ и только послѣ распечаталъ оное.

Теперь вижу, что я сдѣлалъ *хорошо*, взявши вамъ каюту etc.[1]), но что мнѣ еще слѣдуетъ запастись мѣстомъ для вашей горничной. Вы уже знаете, что и это у меня въ запасѣ. Ожидаю вашего разрѣшительнаго *да*, чтобы заплатить за оное, билетъ же на каюту лежитъ у меня. Скоро же вы собрались въ дорогу! Когда мы праздновали ваши имянины[2]), то объ этомъ не было и въ поминѣ.

Кстати объ имянинахъ. Вотъ вамъ и акаѳистъ:

Святая мученица Евдокія,
Моли Бога за насъ!
Мы всѣ грѣшные такіе!!!
А первый изъ нихъ азъ. Св. м. Е., м. Б. за насъ.
Мы всѣ усердно
Къ тебѣ прибѣгаемъ,
А ты милосердно
Напои насъ чаемъ. Св. М. Е., м. Б. за насъ и т. д.

Предложите Армфельду[3]) дополнить; никакъ не слажу съ: на моé лютоé тѣлесе озлобленіé; зачѣмъ не на надлежащихъ мѣстахъ удареніе?

Съ вами на пароходѣ поѣдетъ особенно плѣнившая меня и мною обожаемая нѣкая особа[4]). Надѣюсь, что вы меня будете хвалить четверо сутокъ сряду на пропалую, чтобы не пропалъ въ ея памяти совсѣмъ отъ любви пропадающій **С. Соболевскій.** 21 Марта 1842.

---

[1]) А. П. Елагина собиралась тогда ѣхать въ Германію, чтобы повидаться съ женившимся въ 1841 году Жуковскимъ и познакомиться съ его супругою. На возвращеніе ея была написана Н. М. Языковымъ „Пѣснь Балтійскимъ водамъ“. П. Б.

[2]) 1 Марта. Соболевскій (жившій тогда въ Петербургѣ на устроенной имъ Мальцевской бумагопрядильной мануфактурѣ), пріѣзжалъ на время въ Москву. П. Б.

[3]) Александръ Осиповичъ Армфельдъ, профессоръ Судебной Медицины въ Московскомъ Университетѣ, пріятель Елагиныхъ, былъ извѣстенъ остроуміемъ и шуточными стихами. Помню, пріѣхалъ онъ къ А. П. Елагиной съ обѣда, который давали актеру Щепкину въ Школѣ Живописи и Ваянія. Много было участниковъ? спросила его Авдотья Петровна.—Охъ, много, такъ много, что мнѣ приходилось переводить губы изъ горизонтальнаго въ вертикальное положеніе. И онъ показалъ это губами. П. Б.

[4]) Я отъ моей любовной боли,
Когда-бъ имѣлъ на это воли,
Нацѣловалъ бы ей мозоли.

ЗАЗДРАВНЫЯ ЧАШИ.

Знакомый всѣмъ обычай пить за здоровье на пиршествахъ, извѣстный еще древнимъ Грекамъ и Римлянамъ, употребителенъ почти во всей Европѣ. Онъ ничто иное выражалъ, какъ благословеніе или желаніе благоденствія тому, за чье здоровье пилось, по сему и сопровождался молитвеннымъ воззваніемъ. Символомъ этого служила чаша, которая въ Священномъ Писаніи иногда значитъ жребій, благоденствіе и утѣшеніе, какъ видно изъ Псалмовъ XV, 15, и XXIII, 5. Византійскіе историки называютъ заздравную чашу Славянскимъ словомъ sdravitza, *здравица*, которое на Сербскомъ значитъ и чашу, и самый тостъ; *чашу пити припити*, пить за чье здоровье. Сосуды эти въ старину были немалые, какъ можно судить по дошедшимъ до насъ и по народной пословицѣ: „чаша море Соловецко, пьютъ за здоровье молодецко“.

По примѣру Греческихъ киновій, заздравныя чаши предлагаемы были на праздничныхъ трапезахъ, въ древнихъ Русскихъ монастыряхъ, за святительскими и великокняжескими столованьями, въ дни торжественные. Какъ чаши сопровождались пѣніемъ тропарей: то и называли ихъ *тропарными*. Св. игуменъ Печерскій Ѳеодосій, возставая противъ ихъ злоупотребленія, допускаетъ только три чаши за обѣдомъ: одну въ славу Іисуса Христа, другую въ славу Богоматери, а третію за здравіе князя. Строгій обѣтъ воздержанія, наложенный на себя черноризцами стараго времени, отвергалъ сіи чаши утѣшенія и благоговѣнія, какъ видно изъ указа 1642 года: повелѣно не принуждать пить заздравныя чаши тѣхъ старцевъ, которые дали обѣтъ не вкушать хмѣльнаго питья и медвянаго квасу. Объ употребленіи сихъ застольныхъ, заздравныхъ чашъ составленъ былъ въ монастыряхъ особенный *чинъ и уставъ на трапезѣ за приливомъ о здравіи благочестивѣйшему царю и великому князю*, внесенный въ Требникъ. На нѣкоторыхъ чашахъ, чарахъ и братикахъ читаемъ назидательную надпись, заимство-

ванную отъ одного изъ Греческихъ писателей Евбула: „Чару (чашу) пить, здраву быть; другую пити, умъ обвеселити; утроити, умъ устроити; учетверити, умъ погубити, много пити, безъ ума быти“.

Въ Проскинитаріи своемъ Арсеній Суховъ упоминаетъ о заздравныхъ чашахъ у Іерусалимскаго патріарха. Обычаю Восточныхъ подражали и Русскіе святители. Изъ государственныхъ грамотъ видно, что, послѣ поставленія Всероссійскихъ митрополитовъ, за столомъ у нихъ были три чаши: *Петра Чудотворца, царя и митрополита*. Такія же чаши подавались за Петровымъ, Успенскимъ и другими торжественными столами у Московскихъ патріарховъ. Для этого были особенныя правила, строго соблюдавшія своего рода чиность. Во время пребыванія въ Москвѣ Восточныхъ патріарховъ Паисія и Макарія, за столомъ давали *чаши государевы и патріаршія*, при коихъ пѣли многолѣтіе пѣвчіе, дьяки и поддьяки.

Съ этимъ обрядомъ соединено было молитвенное возглашеніе, родъ поста, который тоже назывался *чашею*. Въ Верховажской рукописи (конца XVI вѣка) сохранилась *чаша митрополита Всероссійскаго Макарія*, которую выписываемъ для читателей.

„Чаша государя нашего преосвященнаго Макарія, митрополита всея Россіи. Дабы государь нашъ здравъ былъ на многія лѣта и молилъ бы Господа Бога и Пречистую Богородицу и великихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ о государствѣ царя, великаго князя Ивана Васильевича, самодержца всея Россіи многолѣтномъ здравіи и спасеніи и о его благовѣрной царицѣ, великой княгинѣ Маріи и о его богодарованныхъ чадѣхъ царевичахъ Иванѣ и Ѳеодорѣ, и о его братьи благовѣрныхъ князьяхъ, Георгіи и Владимирѣ и о всѣхъ благочестивыхъ князьяхъ и о боярахъ, и о христолюбивомъ воинствѣ и о всемъ православномъ христіанствѣ; понеже онъ сопрестольникъ и намѣстникъ прежъ бывшихъ великихъ святителей и чудотворцевъ Петра, Алексѣя и Іоны, и на ихъ мѣстѣ стоитъ и Пречистыя Богоматери чудотворный образъ неуклонно зритъ и цѣльбоноснымъ гробамъ великихъ чудотворцевъ всегда прикасается. Чтобы его государевыми молитвами Господь Богъ царю государю великому православному благая и полезная устроилъ, а ему бы государю Богомъ порученное стадо словесныхъ овецъ добрѣ упасти и Богу непорочно отдати“.

„Блаженно, если святое Россійское царство, сподобльшеся отъ Бога таковый благоплодный зрѣлый садъ, благочестіемъ умноженный и пресладкій добродѣтельнымъ и добролиственнымъ благоуправленіемъ, имже мы вси, яко благосѣннолиственнымъ древомъ, покрываемся отъ

всякаго вреда вражія, и избавляемся душевнѣ и тѣлеснѣ, отъ него же и пресладкаго вкуса Благоразумія насыщаеми вселимся".

За столами великокняжскими и царскими соблюдался подобный обрядъ, заимствованный, какъ выше замѣтили, отъ Византійскаго двора, гдѣ кромѣ заздравныхъ чашъ, были и *прощальныя*. Такую чашу предлагалъ въ 1399 году великій князь Тверской Михаилъ на праздникъ по случаю встрѣчи иконы Страшнаго Суда, присланной ему отъ Константинопольскаго патріарха. Чаша сія была для него предсмертною. „Братья, сказалъ онъ, иду отъ людей къ Богу. Отпустите меня съ искреннимъ благословеніемъ".

О здравіи царя и царицы съ царевичами и царевнами предлагалась чаша за брачными, родильными, крестинными, именинными и праздничными столами, на пиршествахъ по случаю вѣнчанія на царство, при объявленіи наслѣдниковъ престола и пріема иностранныхъ пословъ, знатныхъ иностранцевъ и восточныхъ святителей въ грановитой столовой, золотой и передней палатахъ. По случаю прибытія въ Россію посла отъ императора Максимиліана 1514 г., въ наказѣ Іоанна III Новгородскому намѣстнику, окольничему Ивану Морозову предписано: „подавать за столомъ двѣ чаши пить за здоровье братьевъ государей: а какъ будетъ чаша подати, и ты-бъ чашу подалъ вмѣстѣ и мою и Максимиліанову, а помянулъ бы еси мое первое здоровье". Датскій герцогъ Іоаннъ, женихъ Ксеніи Борисовны, въ новый годъ, стоя, пилъ царскія чаши съ Московскими сановниками и Датскими послами.

Предъ Русскимъ посломъ въ Лондонѣ Королева Елизавета стоя пила *чашу Бориса*, именуя его „своимъ братомъ сердечнымъ".

Подобно святительской, и царская чаша сопровождаема была молитвеннымъ воззваніемъ. Приведемъ здѣсь оное изъ царствованія Іоанна IV.

„Чаша государева, царя, великаго князя Івана Васильевича, всея Россіи. Дай Богъ, здравъ былъ царь государь нашъ князь великій Іванъ Васильевичъ, Самодержецъ всея Россіи, *на многа лѣта* и съ его благовѣрною Царицею, Великою Княгинею Марьею и съ своими Богомъ дарованными чады, а съ нашими государи царевичи Іоанномъ и Ѳеодоромъ и съ своею братьею, благовѣрными князи Георгіемъ и Владимиромъ и съ бояры и съ христолюбивымъ воинствомъ изъ доброохоты и со всѣми православными христіаны. Подай же ему, Господи, государю, чего у Господа Бога желаетъ благихъ, иже къ пользѣ душевнѣй и тѣлеснѣй, во вся дни царства его *на многа лѣта*. Чтобы

Господь Богъ избавилъ и Пречистая Богородица и великіе чудотворцы царя государя великаго князя и все православіе отъ латынства, отъ Оссерменства и отъ всѣхъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, а царя государя бы нашего рука высока была надъ всѣми супостаты и царство бы его государево исполнилъ Богъ всякія благости. А кто ему Государю добра хочетъ, тѣ бы всѣ съ Государевы здравы были и спасены на *многія лѣта*. А не доброхота бъ Государю и не было. Все бы Государю благая и полезная мыслили. А кто про Государево здоровье чашу изопьетъ, тотъ бы здравъ былъ и спасенъ, и у кого, и домъ его всякая благости. Во многолѣтнѣй животъ и здравіе и во благоденство, благоспѣшеніе, и иже на враги побѣда, благочестивому и христолюбивому царю, великому князю Івану Васильевичу, самодержцу всея Россіи, сотвори, Господи, по милости Твоей и даруй многое благоденство царю нашему. Благодать Божія, буди съ тобою, царю святый, православный, тако да утвердитъ тя и сохранитъ и воздвигнетъ къ добродѣтелемъ дѣйственымъ, купно-храненію и исправленію вѣры и укрѣпи и споспѣши на сопротивныя наша, Святый царю, царствуй и здравствуй *на многа лѣта*. И глаголати единогласно: сотвори, Господи, по милости твоей, и даруй многое благоденство царю нашему!“

При каждой статьѣ возглашенія, оканчивавшагося многолѣтіемъ, пѣвчіе, дьяки и поддьяки по статьямъ пѣли *многа лѣта*. Пили чашу, или кубокъ до дна и опрокидывали его себѣ на голову, въ знакъ того, что не осталось въ немъ ни капли; ибо, по старому повѣрью, „кто не допиваетъ, тотъ зла желаетъ“. Чаши подавались чашниками, которыхъ должность была подносить напитки—при большихъ царскихъ столахъ.

Борисъ Годуновъ велѣлъ искуснымъ книжникамъ сочинить особенную молитву для чтенія во всѣхъ домахъ на трапезахъ и вечеряхъ за чашами „о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи—Слуги Божія, Царя Всевышнимъ избраннаго и превознесеннаго, самодержца всей восточной и сѣверной страны; о царицѣ и дѣтяхъ ихъ; о благоденствіи и тишинѣ отечества и церкви подъ скипетромъ единаго христіанскаго вѣнценосца въ мірѣ, чтобъ всѣ иные властители предъ нимъ уклонялись и рабски служили ему, величая имя его отъ моря до моря и до конца вселенныя; чтобъ Русскіе всегда съ умиленіемъ славили Бога за такого Монарха, котораго умъ есть пучина мудрости, а сердце исполненно любви и долготерпѣнія, чтобъ вся земля трепетала нашего меча, а земля русская непрестанно высилась и разширялась; чтобъ юныя

цвѣтущія вѣтви Борисова дома возрасли благословеніемъ небеснымъ и непрерывно осѣнили оную до скончанія вѣковъ".

Торжественный обрядъ молитвословія надъ заздравными чашами совершался и въ послѣдующія царствованія; но самыя возглашенія перемѣнялись по обстоятельствамъ. Дворская обрядность давала высокое значеніе сему обычаю, какъ выраженію преданности и благоговѣнія къ самодержцу; нарушеніе его считалось за великое преступленіе, почти наровнѣ съ оскорбленіемъ царскаго величія.

Кому изъ читателей исторіи Петра Великаго не извѣстенъ его заздравный кубокъ, *большой орелъ*, который должны были пить до дна участники въ его столахъ: а онъ вмѣщалъ въ себѣ не одну бутылку Венгерскаго вина. Тогда введены, *за круговою чашею*, вмѣсто прежнихъ молитвенныхъ возгласовъ, тосты по образцу Европейскихъ. Первымъ былъ „призваніе милости Божіей, а вторымъ благоденствія семейству Ивана Михайловича Головина", т. е. флота. Послѣдній тостъ Петръ I-й почиталъ столь важнымъ, что обѣщалъ шуту своему Лакосту 100 т. р., еслибъ когда нибудь случилось пропустить этотъ завѣтный кубокъ. Иногда сопровождались тосты застольными пѣснями, какъ наприм., любимою Петромъ I „Чарочки по столику и похаживаютъ". Слово *чаша* замѣнилъ *тостъ*, отъ Англійск. toast, которое значитъ—поджаривать, грѣть, говоря о хлѣбѣ. Потомъ именовали ту особу, за здоровье которой желаютъ пить. Подъ словомъ *тостъ* разумѣется не только питье за чье либо здоровье, но и добрыя желанья, радушныя привѣтствія и торжественные возгласы, относящіеся къ лицу или событію, къ настоящему и будущему, къ присутствующимъ и отсутствующимъ, или, какъ говаривалъ старый графъ А. Г. Орловъ, Московскій хлѣбосолъ, *тамошнимъ и здѣшнимъ и всѣмъ другамъ сердечнымъ*.

Въ Шенкурской и Вельской округахъ, на пиршествахъ въ храмовые праздники, хозяинъ подаетъ гостямъ круговую братину съ пивомъ; принимая ее съ знаменіемъ креста, приговариваетъ: „Празднику честному златъ вѣнецъ, а хозяину доброе здоровье!" Заздравная сія чаша обходитъ по порядку всѣхъ гостей.

На Святой Руси, гдѣ взаимная довѣренность, любовь и дружба соединяютъ людей праздновать счастливыя событія въ жизни своей, тамъ благоговѣніе и преданность къ царю своему предлагаютъ кубокъ за его здравіе и долгоденствіе, тамъ раздается обрусѣвшая у насъ пѣсня: „*Боже Царя храни!*"

И. Снѣгиревъ.

(Изъ № 45-го Вѣдомостей Московской Городской Полиціи 1848 года).

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ КІЕВСКАГО МИТРОПОЛИТА ЕВГЕНІЯ БОЛХОВИТИНОВА *).

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Ожидая часа смертнаго и воспоминая грѣхи мои предъ Богомъ и человѣками, обращаюсь во 1-хъ, къ Спасителю моему съ теплымъ моленіемъ, да очиститъ Онъ благодатію Своею множество золъ моихъ, а потомъ прошу всѣхъ, предъ кѣмъ я согрѣшилъ и кого я чѣмъ либо обидѣлъ, христіански простить мнѣ и о мнѣ грѣшномъ возносить свои молитвы. Взаимно и самъ я прощаю всѣмъ, по человѣчеству чѣмъ-нибудь оскорбившимъ меня, да тако, другъ другу оставляя грѣхи, всѣ совокупно, по благодати Христовой и Евангельскому обѣтованію, пріимемъ оставленіе грѣховъ и отъ Отца Небеснаго.

Объ имѣніи моемъ, которое состоитъ болѣе въ книгахъ, нежели въ вещахъ и деньгахъ, завѣщаваю слѣдующее:

1) Указанныя книги отдать въ Консисторію управляемой мною епархіи.

2) Всѣ рукописныя переплетенныя книги и дипломы, данные мнѣ отъ ученыхъ обществъ, отдать въ библіотеку Кіево-Софійскаго собора, а высочайшіе рескрипты въ архіерейскую ризницу, гдѣ и рескрипты, данные предмѣстникамъ моимъ хранятся.

3) Изъ книгъ печатанныхъ, какихъ нѣтъ въ Семинаріи, отдать въ оную, а кои есть въ ней, тѣ—въ библіотеку Кіево-Софійскаго собора для соборянъ.

---

*) Это завѣщаніе знаменитаго іерарха Русской церкви было уже не разъ печатано въ разныхъ изданіяхъ, но только *не вполнѣ*. Здѣсь оно печатается съ полнаго списка, сдѣлавшаго вскорѣ послѣ кончины завѣщателя († 23 Февр. 1837). Составлено же завѣщаніе еще въ 1835 году. При погребеніи м. Евгенія было читано, предъ возглашеніемъ *вѣчной памяти*, и завѣщаніе это въ начальной своей части.

4) Ландкарты, атласы и естампы въ Академическую библіотеку.

5) Всѣ писанныя бумаги и записки не переплетенныя отдать наслѣдникамъ.

6) Всѣ вещи мои, сколько останутся затѣмъ, принадлежатъ наслѣдникамъ моимъ.

7) О деньгахъ до сего времени у меня наличныхъ прилагаю особое росписаніе.

Каталоги книгъ моихъ щитать вѣрнѣйшими, составленные въ 1825 и 1826 годахъ съ пріобрѣтенными послѣ того книгами, въ каталогѣ еще не вписанными, а по прежнимъ каталогамъ многія книги я уже отдалъ въ семинаріи Воронежскую, Новгородскую, Вологодскую, Калужскую, и въ академіи Казанскую и Кіевскую.

Наслѣдниками по мнѣ два сына родной моей сестры Евфросиніи Алексѣевны и двѣ ея дочери съ дѣтьми, кои всѣ въ губернскомъ городѣ Воронежѣ. Всѣмъ имъ на четыре части по ровну завѣщаваю раздѣлить все по мнѣ имѣніе въ вещахъ.

Грѣшное мое тѣло прошу погребсти въ Срѣтенскомъ придѣлѣ Кіево-Софійскаго собора за правымъ клиросомъ, къ стѣнѣ Софійскаго собора.

Господи Боже мой, во тріехъ ипостасѣхъ исповѣдуемый! Благодарю Тя за всѣ милости, на меня недостойнаго во всю жизнь мою изліянныя! Оставляя все земное и суетное, къ Тебѣ, Единому вѣчному благу, обращаюся и въ руцѣ Твои предаю духъ мой.

Подлинное подписалъ собственноручно смиренный Евгеній недостойный митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

При семъ завѣщаніи свидѣтелями были: Кіево-Николаевскій архимандритъ Авксентій [1]) и Братскій архимандритъ Иннокентій [2]).

$18\frac{2}{18}35$ г.

Сохраненіе моего имѣнія до отдачи наслѣдникамъ поручаю Кіево-Печерской лавры отцу намѣстнику архимандриту Серафиму [3]).

---

[1]) Архим. *Авксентій Галицкій,* бывшій воспитанникъ и затѣмъ учитель старой Кіевской Академіи.

[2]) Знаменитый *Иннокентій Борисовъ,* тогдашній ректоръ новой Кіевской Академіи и настоятель Кіево-Братскаго Академическаго монастыря.

[3]) Архим. *Серафимъ Покровскій* приглашенъ былъ м. Евгеніемъ изъ Пскова, гдѣ, въ бытность Евгенія Псковскимъ архіепископомъ, онъ былъ экономомъ архіерейскаго дома. На экономскую же сначала должность пригласилъ его м. Евгеній вскорѣ по назначеніи своемъ въ Кіевъ. Письма м. Евгенія къ этому Серафиму, еще нигдѣ непапечатанныя и служащія къ характеристикѣ Евгенія какъ *домохозяина,* хранятся въ Библіотекѣ Одесскаго Императ. Общества Исторіи и древностей; сообщены туда Псковичемъ А. С. Князевымъ.

РОСПИСАНІЕ

денегъ до нынѣ у меня находящихся раздѣлить:

Племяннику, протоіерею Болховскому[1]) съ дѣтьми его 5000, лѣкарю Никандру Болховскому 5000, племянницѣ Глафирѣ Устиновой съ дѣтьми 5000, дѣтямъ племянницы умершей Вѣры Постовой 5000, въ Печерскую лавру для положенія въ банкъ на братскую кружку 5000, соборянамъ Кіево-Софійскимъ 1000, служителямъ архіерейскимъ Софійскимъ 1000, на погребеніе 1000, консисторскимъ приказнымъ 1000. Въ семинарію на содержаніе бѣдныхъ учениковъ 1000.

Прибавленіе къ завѣщанію 1835 года.

Портретъ мой въ кабинетѣ отдать въ Софійскій соборъ. Портреты мои, малый что̀ въ гостинницѣ и второй что̀ въ спальнѣ, отдать наслѣдникамъ. Книгу Церковный Календарь, печатанный въ Москвѣ 1803 г. съ моими въ немъ записками отдать наслѣдникамъ. Книгу Четверо-Евангеліе профессора Чеботарева съ моими записками отдать въ Академическую библіотеку[2]).

1837 года Апрѣля 9 дня списалъ священникъ Іоаннъ Стасиневичъ[3]).

---

[1]) Этотъ *Болховскій* въ 1804 г. окончилъ курсъ Александро-Невской Академіи, куда поступилъ изъ Воронежской д. семинаріи. Подъ руководствомъ дяди своего *Евгенія,* бывшаго тогда, въ званіи архимандрита, преподавателемъ въ этой Академіи общей и Русской Церковной Исторіи, онъ написалъ кандидатское сочиненіе: о книгѣ, именуемой: „Православное исповѣданіе вѣры Восточной церкви". Оно было напечатано и въ книжныхъ роспискахъ приписывается самому Евгенію. См. Чистовича: Исторія С. Петербургской Д. Академіи, стр. 142.

[2]) Интересно бы знать, какія записи и отмѣтки митр. Евгенія находятся на экземплярѣ „Четверо-Евангелія" профессора Чеботарева, завѣщаннымъ имъ въ Кіево-Академическую библіотеку.

[3]) Священникъ *Іоаннъ Григорьевичъ Стасиневичъ,* воспитанникъ Кіевской семинаріи, выпуска 1835 года, священствовалъ со дня своего рукоположенія до кончины въ мѣст. *Шполъ,* Кіевской губерніи, Звенигородскаго уѣзда. Скончался въ званіи протоіерея, на 86-мъ году жизни, 28 Августа 1898 г. Сдѣланный имъ списокъ завѣщанія м. Евгенія находился въ портфелѣ покойнаго редактора „Кіевской Старины" (тоже теперь, къ великому общему сожалѣнію, *покойнаго* Ѳ. Г. Лебединцева) и присланъ намъ вмѣстѣ съ другими историческими матеріалами, бывшими въ томъ портфелѣ, кандидатомъ Кіевской Д. Академіи *Павломъ Никол. Стасиневичемъ,* внукомъ Ѳ. Т. Лебединцева. Л. С. М.

Поруганіе монаховъ.

Саратовскаго Спасо-Преображенскаго монастыря настоятель архимандритъ Савва, усмотрѣвъ, что на Саратовской ярмаркѣ продаютъ куклы, служащія къ соблазну христіанамъ и въ посмѣяніе монашескаго сана, отобравъ одну изъ нихъ изъ лавки, представилъ въ Саратовское Губернское Правленіе, требуя, чтобы оныя были истреблены. Фарфоровая кукла сія представляла монаха, несущаго на себѣ въ снопѣ крестьянку. Въ тоже время архимандритъ Савва донесъ о томъ и преосвященному Амвросію, епископу Пензенскому[1]), который отнесся къ управляющему Саратовскою губерніею, дабы таковыя и подобныя тому, производящія соблазны, вещи не только продаваемы, но нигдѣ и употребляемы не были. Получивъ сообщеніе о семъ отъ управляющаго Саратовскою губерніею и усматривая, что таковыя изобрѣтенія могутъ дать поводъ къ толкамъ, противнымъ благонравію и, заражая тѣмъ невинныя понятія неопытной юности, внушать неуваженіе къ духовенству, и потому находя совершенно неприличнымъ и предосудительнымъ давать подобныя вещи въ забаву дѣтямъ, г. министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія немедленно отнесся къ г. управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, дабы по сношенію его съ министромъ финансовъ воспрещено было выдѣлывать на фабрикахъ подобныя вещи.

Между тѣмъ, по донесенію Саратовскаго Губернскаго Правленія о поступкѣ и требованіи архим. Саввы, министръ юстиціи довелъ до свѣдѣнія Комитета гг. Министровъ о послѣдовавшемъ по сему опредѣленіи Правительствующаго Сената. По представленіи же меморіи Комитета Государю Императору[2]) послѣдовала собственноручная Его Величества резолюція: „Куклу прислать сюда, узнавъ, гдѣ она сдѣлана“, почему означенная кукла и представлена была на высочайшее усмотрѣніе. Его Императорское Величество, повелѣвая объявить монаршее свое благоволеніе архим. Саввѣ за поступокъ его, свидѣтельствующій ревность по благочестію, предоставилъ г. министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія сдѣлать сіе извѣстнымъ по всѣмъ епархіямъ, во исполненіе чего онъ, г. министръ, предложивъ о семъ Св. Синоду для надлежащаго съ его стороны распоряженія, вмѣстѣ съ симъ присовокупляетъ, что Государь Императоръ изъявилъ волю свою, дабы выставка и отдѣлка подобныхъ сему соблазнительныхъ фигуръ была повсемѣстно воспрещена съ истребленіемъ таковыхъ, если гдѣ оныя находятся.

---

[1]) Саратовская губернія принадлежала въ то время къ епархіи Пензенской, которая называлась *Пензенскою и Саратовскою*. Такъ было до 1828 г., когда Саратовъ сдѣлался каѳедральнымъ городомъ самостоятельной Саратовской епархіи.

[2]) Александру Павловичу.

Послѣднія отношенія Магницкаго къ Сперанскому.

Въ 11-мъ № „Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ 1860 г. [1]) помѣщена статья: „Письмо М. Л. Магницкаго къ М. М. Сперанскому“ съ такимъ подстрочнымъ примѣчаніемъ: „это отрывокъ изъ ненапечатанной рукописи Александра Скарлатовича Стурдзы“. Письмо помѣщенное представляетъ черту изъ жизни преосвящ. Гавріила, архіепископа сначала Екатеринославскаго, Херсонскаго и Таврическаго, потомъ Херсонскаго и Таврическаго, и наконецъ Тверскаго и Кашинскаго [2]). Сверхъ того, оно касается знаменитаго государственнаго человѣка и снимаетъ обвиненіе „въ самой черной неблагодарности къ нему“ (см. „Русскій Вѣстникъ“ 1859 г. т. XXIII, статью: „Общество Любителей Отечественной словесности въ Казани“ стр. 77-я) съ памяти Магницкаго, личности, во многихъ отношеніяхъ замѣчательной, обладавшей несомнѣнными дарованіями и рѣдкими недостатками. По свидѣтельству А. С. Стурдзы, самымъ поучительнымъ трудомъ и подвигомъ въ жизни раба Божія *Михаила Магницкаго* была истинно-христіанская, благоухавшая вѣрою и смиреніемъ кончина его. Но поученіе сіе, среди шума мірской суеты, заключилось по необходимости въ тѣсный кругъ родныхъ его, друзей и домочадцевъ [3]).

---

[1]) Это былъ *первый* годъ изданія этихъ „Вѣдомостей“, а вмѣстѣ *первый примѣръ* изданія въ Россіи епархіальнаго печатнаго органа, которому стали слѣдовать вскорѣ и другія епархіи. Въ 1861 г. появились уже наприм. Епарх. Вѣдомости *Кіевскія, Ярославскія и Черниговскія.* Примѣръ „Херс. Еп. Вѣд.“ былъ, можно сказать, блестящій. Въ нихъ работали такія даровитые люди, какъ протоіереи: *Михаилъ Карп. Павловскій, Арсеній Гавр. Лебединцевъ* (Севастополецъ), *Іоаннъ Матв. Знаменскій, Серафимъ Ант. Серафимовъ, Николай Вас. Неводчиковъ, Мартирій Ѳедор. Чемена* и др. Кромѣ статей общаго духовнаго содержанія въ „Херс. Еп. Вѣд.“ помѣщалось много статей по мѣстной исторіи.

[2]) Архіеп. *Гавріилъ Розановъ* былъ основателемъ самостоятельной архіерейской каѳедры въ Одессѣ въ 1837 г. Передъ этимъ онъ былъ въ Екатеринославѣ, а въ 1837 г. переведенъ въ Тверскую епархію, гдѣ и скончался 8 Сент. 1858. Кромѣ дѣлъ епархіальныхъ, онъ началъ трудиться надъ изслѣдованіемъ мѣстной исторіи. Его можно назвать *лѣтописцемъ Новороссіи.* И въ Твери подъ его руководствомъ издана книга. „Тверскіе Іерархи“ протоіерея *Космы Чередњева.* Тверь. 1858 г. Въ Одессѣ архіеп. Гавріилъ былъ дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ Одесскаго Императ. Общества Исторіи и древностей и въ музей его передалъ свои рукописные сборники драгоцѣнныхъ историческихъ документовъ.

[3]) Къ друзьямъ Магницкаго въ Одессѣ принадлежали главнымъ образомъ: А. С. Стурдза и его семейство, протоіерей Мих. Карп. Павловскій, бывшій духовникомъ Магницкаго, семейство вдовы генерала-доктора Александры Аѳанасьевны Попандопуло. Другомъ его также былъ и мѣстный архіерей *Гавріилъ Розановъ.*

Такъ какъ „Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости“ за 1860 г. составляютъ теперь библіографическую рѣдкость, то мы считаемъ нелишнимъ помѣстить напечатанный въ нихъ отрывокъ изъ воспоминаній А. С. Стурдзы съ письмомъ Магницкаго къ Сперанскому.

„Въ 1837-мъ году посѣтилъ Одессу, въ первый и послѣдній разъ, графъ М. М. Сперанскій. Не смотря на старую дружбу, Магницкій сперва не хотѣлъ домогаться свиданія съ первостепеннымъ государственнымъ сановникомъ. Онъ колебался, но потомъ внялъ голосу *мудрости и пріязни*, который заставилъ его написать къ Сперанскому слѣдующее замѣчательное письмо.

„Какъ скоро узналъ я, мой почтеннѣйшій Михаилъ Михайловичъ, что вы сюда пріѣхали, первое движеніе моего сердца, первое чувство всего моего семейства было обнять стараго благодѣтеля и друга. Но за глупымъ сердцемъ заговорилъ разумъ: ты въ опалѣ, люди придворные этой чумы боятся; тотъ, котораго ты въ углу своемъ почитаешь своимъ другомъ, на большомъ театрѣ міра не разъ показалъ тебѣ противное, толкалъ ногой *мертвеца политическаго*, чуждаго всего тебѣ принадлежащаго; угодники, его окружающіе, тебя бѣгали. Что̀ за охота бросаться въ холодную ванну? Вчера пріѣзжалъ ко мнѣ здѣшній архіерей, другъ моего Вологодскаго изгнанія [1]), свидѣтель моихъ къ вамъ чувствъ. Первое слово: о васъ, какъ я съ вами увидался? За что поссорились?—Не ссорились и ничего другъ противъ друга не имѣемъ. Чтожъ это значитъ? и, подумавъ, добрый пастырь рѣшилъ: *есть въ которомъ нибудь недостатокъ смиренія.*—Въ обоихъ, отвѣчалъ я. Но какъ въ словахъ смиренномудраго былъ завернутъ духъ, то оно такъ принялось у меня на сердцѣ, что въ тотъ же день рѣшился я предъ вами смириться. И подлинно, шли мы съ вами далеко и долго, разными дорогами, и пришли—ко гробу! [2]) Еще шагъ, и увидимся тамъ, куда ни мѣтки, ни орденскія мантіи не пролѣзаютъ; надобно бросить все горючее въ дорогѣ, чтобъ тамъ не вспыхнуло. Угодно ли?“

---

[1]) Во время пребыванія Магницкаго въ Вологдѣ, преосв. Гавріилъ Розановъ, въ званіи архимандрита, былъ сначала префектомъ, а потомъ ректоромъ Вологодской дух. семинаріи (съ 1811 по 1819 г.). Магницкій сблизился съ Гавріиломъ, и въ Вологдѣ Гавріилъ присоединилъ къ Православію жену Магницкаго, Француженку, а въ Одессѣ пришлось ему хоронить самого Магницкаго.

[2]) Сперанскій недолго жилъ послѣ этого: онъ скончался 13 Февр. 1839 г.; Магницкій же нѣсколькими годами пережилъ его († 21 Ноября 1844 г.). Покойный о. протоіерей М. К. Павловскій говорилъ намъ, что Магницкій гдѣ-то помѣстилъ статью по поводу смерти Сперанскаго.

Могло ли не подѣйствовать на высокую душу Сперанскаго столь искреннее изліяніе знакомой ему души? Старые друзья имѣли частыя свиданія“ [1]).

Прибавимъ нѣсколько извѣстій о Магницкомъ изъ времени Одесской его жизни. Когда умерла въ 1844 г. 16 Января сестра А. С. Стурдзы графиня *Роксандра Скарлатовна Эдлингъ* [2]), оставившая по себѣ неизгладимую память въ Одессѣ и въ Бессарабіи своею всестороннею благотворительностію, погребли ее, по желанію ея, на участкѣ земли Одесскаго Михайловскаго женскаго монастыря, для основанія котораго она много потрудилась. Могила ея была до времени одинокой на этомъ участкѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Одессы, за чертою тогдашняго *порто-франко*, на такъ называемомъ нынѣ *Среднемъ Фонтанѣ*. Впослѣдствіи, по ея завѣщанію, братъ ея А. С. Стурдза построилъ здѣсь прекрасную церковь во имя Воскресенія Христова, освященную 4 Августа 1846 года; и съ этихъ поръ этотъ участокъ сдѣлался мѣстомъ для погребенія членовъ семейства Стурдзы (самъ Стурдза погребенъ тамъ въ 1854 г., возлѣ сестры своей), а также общею усыпальницей для женскаго Одесскаго монастыря и для Общины сестеръ милосердія, основанной въ 1850 г. А. С. Стурдзою и носящей доселѣ названіе *Стурдзовской*. Но все это сдѣлалось уже по смерти Магницкаго, а при жизни его могила *Роксандры Скарлатовны* была одинокой въ степи, въ пустынномъ мѣстѣ, и только глубокая *вѣра* этой приснопамятной рабы Божіей, завѣщавшей соорудить церковь въ этой степи, предчувствовала, что эта *пустыня населится*. И вотъ Магницкій, вдохновенный видомъ одинокой могилы въ утѣшеніе роднымъ и друзьямъ графини Роксандры, написалъ нѣчто въ родѣ *поэмы въ прозѣ* подъ названіемъ: „Дума на гробѣ графини Роскандры Эдлингъ, урожденной Стурдзы“. Дума эта, датированная 30 Янв. 1844 г., напечатана А. С. Стурдзою уже по смерти Магницкаго въ 12 № „Одесскаго Вѣстника“ 1845 года, а за тѣмъ перепечатана въ книгѣ, которую въ 1848 году издалъ въ Одессѣ А. С. Стурдза въ память сестры своей подъ заглавіемъ: Дань памяти графини Роксандры Скарлатовны Эдлингъ [3]) съ портретомъ

---

[1]) Свой своему по неволѣ братъ. И Магницкій былъ происхожденія духовнаго (кажется, правнукъ сочинителя первой Русской грамматики). П. Б.

[2]) Читателямъ „Русскаго Архива“ памятны записки графини Эдлингъ. П. Б.

[3]) Роксандра Стурдза, въ замужествѣ графиня Эдлингъ, недолго пережившая супруга своего и скончавшаяся бездѣтною, родилась въ Константинополѣ въ 1786 г. Окт. 12-го. Она принадлежала къ древней фамиліи бояръ Стурдза, извѣстныхъ въ лѣтописяхъ Молдавіи съ 1526 года; въ женскомъ колѣнѣ она происходила отъ рода князей Мурузи и Гика, въ которомъ многіе пострадали за правду до пролитія крови.

покойницы и изображеніемъ построеннаго при ея гробѣ храма Воскресенія Христова.

Кстати замѣтимъ здѣсь: до какой степени глубокое предубѣжденіе противъ *искренности* религіозныхъ убѣжденій Магницкаго (въ періодъ 1819—1826 г.г.) существуетъ доселѣ въ нашей литературѣ (преимущественно въ либеральномъ ея лагерѣ), это видно изъ отзыва о немъ въ Февральской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1908 г. Здѣсь ему ставится въ вину даже то, что̀, съ точки зрѣнія либераловъ, повидимому, слѣдовало бы поставить ему въ похвалу—именно: отсутствіе лицепріятія въ Магницкомъ и защита имъ своихъ принциповъ даже противъ сильныхъ міра сего... „Вѣстникъ Европы“ говоритъ: „*Адская* сила, сидѣвшая въ Магницкомъ, помрачала даже его *практическую смѣтку* и не разъ толкала его *на безумства, которыя могли обойтись ему дорого*. Такова наприм. его попытка обличить въ ереси архіепископа Филарета, тогда самаго виднаго іерарха Русской Церкви, лицо, *интимная близость котораго къ престолу* ни для кого не была тайною; таковъ же былъ его доносъ въ 1825 г. на *членовъ Императорской фамиліи* по поводу опредѣленія на службу въ Смольный Институтъ и въ Инженерное Училище профессоровъ Арсеньева и Германа, передъ этимъ уволенныхъ изъ Петербургскаго Университета, „за безбожіе и вольнодумство“. Смольный Институтъ находился въ вѣдѣніи Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Инженерное Училище—въ вѣдѣніи Великаго Князя Николая Павловича; поэтому Магницкій счелъ долгомъ обратиться къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбою довести до свѣдѣнія Государя, что „правительство изгоняетъ вредныхъ профессоровъ, а члены Императорской фамиліи даютъ имъ мѣста̀“, и когда министръ (Шишковъ) оставилъ это дерзкое представленіе безъ отвѣта, Магницкій не задумался повторить его, съ угрозою, что если министръ не хочетъ доложить Государю, то *онъ самъ* доложитъ, послѣ чего Шишковъ предложилъ ему *не вмѣшиваться куда не слѣдуетъ*“ (Стр. 814—815).

Изъ бумагъ протоіерея Серафима Антоновича Серафимова.

Знаменитый архипастырь Иннокентій (Борисовъ), въ 1836 году, путешествовалъ по Тавріи, будучи еще архимандритомъ и ректоромъ Кіевской Д. Академіи. По прибытіи въ Севастополь, узнавъ, что адмиралъ Черноморскаго флота Лазаревъ былъ тутъ и квартировалъ въ кораблѣ N, онъ пожелалъ сдѣлать визитъ знаменитому моряку. Въ назначенный день, съ протоіереемъ Гавриловымъ, о. архимандритъ былъ уже на адмиральскомъ кораблѣ. Сперва посѣтители, разумѣется, спросили капитана корабля: могутъ ли они видѣться съ г. адмираломъ. Капитанъ тотъ часъ доложилъ его превосход-ву, что *архимандритъ Кіевскій*, путешествующій по Крыму, желаетъ отдать вамъ честь... Лазаревъ, выслушавъ это, сморщился и сказалъ: „ужъ эти мнѣ *попы!*“ Прикажете ввести его?—Пусть. Архимандритъ является и съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ привѣтствуетъ его превосход-во. Адмиралъ, стоя почти спиною, слушалъ привѣтъ. Затѣмъ спрашиваетъ его: имѣете ли вы во мнѣ какую-нибудь надобность?—Нѣтъ, отвѣчалъ Иннокентій, я желалъ только отдать вамъ честь. Такъ прощайте, было отвѣтомъ Лазарева. Само собою, холоднымъ по́томъ обдало посѣтителя отъ такого страннаго пріема. Капитанъ корабля вѣжливо, пригласивъ его въ свою каюту, спросилъ: Не угодно ли вамъ воды? Сдѣлайте милость, отвѣчалъ гость. Ему подали стаканъ воды и розоваго варенія. Успокоившись нѣсколько духомъ, сильно смутившійся отъ неожиданной встрѣчи, архимандритъ спросилъ капитана: „Это тотъ Лазаревъ, который нѣсколько разъ совершилъ путешествіе вокругъ свѣта?“ Такъ точно. „И такъ, отвѣчалъ Иннокентій, *онъ вокругъ свѣта ѣздилъ*, а *въ свѣтѣ не былъ*[1])... Думалъ ли знаменитый адмиралъ, что черезъ 25 лѣтъ оскорбленный имъ витія скажетъ надъ гробомъ его краснорѣчивое слово? Впрочемъ, говорятъ, отношенія Иннокентія къ Лазареву всегда были сухи[2]).

---

[1]) *А. Г. Лебединцевъ* разсказывалъ намъ, что такую характеристику Лазарева сдѣлала графиня *Елисавета Ксаверіевна Браницкая* (впосл. княгиня Воронцова), будучи еще дѣвушкой. Лазаревъ присватывался къ ней; но, поговоривши съ нимъ гдѣ-то на вечерѣ, она послѣ такъ отзывалась о немъ: „видно, что онъ ходилъ вокругъ свѣта, а самаго свѣта не видѣлъ“.

[2]) М. П. Лазаревъ скончался 11 Апрѣля 1851 г. въ Вѣнѣ. Тѣло его погребено въ Севастополѣ 7-го Мая 1851 г., при участіи архіеп. Иннокентія и Греческаго митрополита Агаѳангела. См. *Одесск. Вѣд.* 1851 г. № 41-й.

О митрополитѣ Агаѳангелѣ *).

Въ 1837 году, по представленію адмирала Лазарева, состоялось высочайшее повелѣніе выселить изъ Севастополя всѣ семейства, не принадлежавшія къ морскому вѣдомству. Указъ былъ полученъ въ Чистый Четвертокъ, а въ Великій Пятокъ адмиралъ приказалъ исполнить его, во всей точности. Тщетно бѣдные жители, преимущественно Греки, умоляли начальство дать имъ по крайней мѣрѣ провести Пасху послѣднюю въ домахъ своихъ: мольбы ихъ не были уважены. Плачъ и рыданіе огласили городъ. Несчастные изгнанники со слезами обратились тогда къ извѣстному князю Александру Николаевичу Голицыну, который, потерявъ зрѣніе, жилъ въ своемъ имѣніи на Южномъ берегу. Выслушавъ жалобу ихъ, князь описалъ всю эту исторію и послалъ прямо къ Государю Императору. Чрезъ нѣсколько недѣль пріѣзжаетъ флигель-адъютантъ съ приказаніемъ строжайше изслѣдовать дѣло и объяснить, почему такъ поступлено съ бѣдными обывателями? Но какъ въ слѣдственную коммиссію назначены были членами приверженцы Лазарева, то дѣло замяли и Государя успокоили. Затѣмъ адмиралъ и служащіе въ штабѣ его стали розыскивать: кто донесъ Государю объ этомъ дѣлѣ? Подозрѣніе почему-то пало на митрополита Агаѳангела, старца всѣми уважаемаго. И вотъ, когда въ одинъ торжественный день всѣ чины морскаго вѣдомства явились къ адмиралу Лазареву съ поздравленіями, то вмѣстѣ представился и митрополитъ. Въ пріемной всѣ ждутъ выхода начальника флота. Вдругъ приходитъ отъ него генералъ Авиновъ, начальникъ штаба, и въ присутствіи всѣхъ объявляетъ преосвященному: „Адмиралъ принимаетъ всѣхъ, кромѣ васъ“. Пораженный такою обидою, совершенно невинно, старецъ упалъ. Его

*) Греческій митрополитъ *Агаѳангелъ*, по фамиліи *Типальдосъ*, родился на островѣ Кефалоніи въ 1777 г., въ 1806 г. патріархомъ *Григоріемъ V* (извѣстнымъ впослѣдствіи мученикомъ, во время возстанія Грековъ въ 1821 г.) посвященъ былъ въ санъ архимандрита; въ 1808 г.—епископъ; въ 1815 г. занялъ каѳедру митрополита въ родной Кеоалоніи. Въ 1822 г., по причинѣ страшнаго гоненія отъ Турокъ, по приглашенію императора Александра I-го, прибылъ въ Россію и получилъ въ управленіе *Георгіевскій монастырь*, въ Крыму, въ г. Балаклавѣ, близъ Севастополя, которымъ управлялъ до 1853 г. Въ 1856 г. переселился въ Іерусалимъ и водворился внутри Греческаго патріаршаго монастыря, гдѣ провелъ тихо послѣднія 9 лѣтъ своей долгой жизни. Скончался въ 1865 г. 20 Мая и погребенъ на Сіонскомъ кладбищѣ. (См. ст. о немъ архим. *Леонида Кавелина* въ „Херсонскихъ Епарх. Вѣд.“ 1865 г. № 15-й). Митр. Агаѳангелъ лично знакомъ былъ съ протоіереемъ Сер. А. Серафимовымъ и съ его, конечно, словъ Серафимовъ записалъ сообщаемое здѣсь объ адмиралѣ Лазаревѣ. Л. М.

подняли и повезли домой. Спустя нѣсколько недѣль получена была въ Севастополѣ вѣсть о смерти сына Авинова, утонувшаго у береговъ Греціи. Въ городѣ стали объяснять это несчастіе какъ наказаніе Промысла за оскорбленіе невиннаго святителя. И вотъ однажды пріѣзжаетъ къ митрополиту Агаѳангелу жена Авинова со всѣми дѣтьми и, павъ ему въ ноги, горячо умоляетъ его о прощеніи ея мужа.—„По сану своему и обязанности Христіанской я прощаю его, сказалъ преосвященный, но Богъ взыщетъ съ него“. Потомъ пріѣзжалъ и самъ Авиновъ просить прощенія. Наконецъ явился къ митрополиту и самъ адмиралъ съ кипою портретовъ святителя, передъ тѣмъ отлитографированныхъ въ Николаевѣ. „Вотъ, преосвященнѣйшій, сказалъ онъ, ваши портреты напечатаны; прошу васъ подарить мнѣ одинъ“. Митрополитъ, поблагодаривъ, предложилъ ему два портрета: одинъ ему, другой—его супругѣ[1]). Само собою, благій старецъ все простилъ. Такъ великіе люди часто забываются!..[2])

Извѣстно, что въ древней церкви епископы главныхъ областей, по рукоположеніи своемъ, извѣщали другъ друга особыми посланіями о вступленіи своемъ на каѳедру. По паденіи Костантинополя,

---

[1]) Одинъ изъ таковыхъ потретовъ своихъ м. Агаѳангелъ подарилъ протоіерею Серафимову. Мы видѣли этотъ портретъ. На немъ м. Агаѳангелъ въ черномъ клобукѣ—старичекъ съ пріятнымъ лицомъ, съ большою сѣдою бородою—сидитъ въ креслѣ. Внизу подпись большими Греческими буквами: „Μητροπολίτης Αγαθαγγελος“.—„Μνήσθητι τῶν ἁγιάτων σῦ καὶ εἰς τον αἰῶνα ϑχ ἁμαρτησης“ (т. е. *помни послѣдняя твоя—и во вѣкъ не согрѣшиши*). Въ самомъ низу маленькими буквами: „Печат. при Черном. Гидр. Депо въ Николаевѣ“ На оборотѣ надпись о. Серафимова: „Даръ высокопреосв. м. Агаѳангела 2 Генв. 1850 г. Одесса“. Портретъ этотъ, по порученію жены покойнаго о. Серафимова, *Надежды Яковлевны Серафимовой*, 82-лѣтней старицы, и доселѣ здравствующей, мы отослали въ Музей Кіевской Духовной Академіи, коей о. Серафимовъ былъ воспитанникомъ (выпуска 1841 г.) и *баккалавромъ* (доцентомъ) до 1844 г.

[2]) Кстати сообщимъ здѣсь два анекдота объ адмиралѣ Авиновѣ, переданные намъ бывшимъ Севастопольцемъ, протоіереемъ *Арсеніемъ Гаврил. Лебединцевымъ* въ 1886 г.

1) Когда Авиновъ былъ главнымъ командиромъ въ Севастополѣ, къ нему приходитъ какъ-то одинъ археологъ и проситъ дать ему какія-то разъясненія о бывшемъ когда-то здѣсь *храмѣ Діаны*. Авиновъ отвѣчалъ ему такъ: „Никакого тутъ храма Діаны не было. Я вотъ уже 30 лѣтъ здѣсь и ничего объ этомъ не слышалъ“.

2) Извѣстный писатель *Несторъ Кукольникъ* пріѣхалъ въ Севастополь и хотѣлъ представиться Авинову. Доложили. Входитъ.—„Кто вы?“ спрашиваетъ Авиновъ.—Я Кукольникъ.—„А, Кукольникъ? Такъ идите къ полиціймейстеру, къ полиціймейстеру; онъ тамъ уже распорядится о васъ“. Авиновъ думалъ, что это пріѣхалъ *устроитель куколъ*. Такъ-то всѣ эти тогдашніе моряки! Они были герои на водахъ и въ сраженіяхъ... А въ простыхъ людскихъ, и особенно въ учено-литературныхъ отношеніяхъ, они были грубоваты и простоваты до наивности... Александръ Павловичъ Авиновъ, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ знаменитаго Лазарова, сконч. 12-го Сент. 1854 г.

патріархи Константинопольскіе прекратили это, по крайней мѣрѣ не извѣщали о восшествіи на патріаршескую каѳедру предстоятелей Русской церкви или Синодъ. Причиною сему—опасеніе не навлечь подозрѣнія въ приверженности къ Россіи. Но въ 1850 г. обычай этотъ былъ возобновленъ при патріархѣ Константинопольскомъ Анѳимѣ, по совѣту настоятеля нашей посольской церкви архимандрита Софоніи *), который самъ сообщилъ мнѣ объ этомъ, присовокупивъ къ своему разсказу слѣдующее: „Въ 185... году пріѣхалъ въ Константинополь директоръ канцеляріи Св. Синода Войцеховичъ. Я поѣхалъ съ нимъ къ патріарху. Первосвятитель принялъ насъ ласково. Послѣ нѣсколькихъ словъ, г. Войцеховичъ спросилъ патріарха: получили ли вы отвѣтъ на ваше посланіе о вступленіи на каѳедру отъ первенствующаго члена Русскаго Синода митрополита Никанора?—Нѣтъ, сказалъ патріархъ, никихъ писемъ я не имѣю отъ него.—Какъ же это? сказалъ архимандритъ Софонія, не я ли принесъ вамъ переводъ письма митрополита? Въ это время изъ гостиной удалились всѣ служители патріарха, такъ называемые чубукчіи. Тогда преосвященный Анѳимъ сказалъ: „Да, я получилъ, получилъ письмо митрополита; очень благодаренъ. Только я остерегаюсь, чтобы о перепискѣ этой мои люди не знали; ибо *за нами тутъ слѣдятъ*“... Вотъ каково положеніе православныхъ епископовъ въ Турціи!.

*) Архим. *Софонія Сокольскій*, магистръ С.-Петербургской д. Академіи 1827 г., былъ настоятелемъ Русской посольской церкви въ Константинополѣ съ 1848 по 1853 г. Съ 1863 г. по 1871 г. онъ служилъ въ Херсонской епархіи въ званіи викарія *епископа Ново-Миргородскаго*. Здѣсь и познакомился и близко сошелся съ нимъ протоіерей Серафимовъ. Софонія скончался *архіепископомъ Туркестанскимъ* въ 1877 г.

Письмо В. А. Жуковскаго къ Б. А. Ашику *).

Сію минуту получилъ вашу записку и спѣшу отвѣчать на нее. Къ сожалѣнію своему я не получилъ экземпляра вашей книги, о которомъ вы въ запискѣ вашей упоминаете. Если этотъ экземпляръ былъ ко мнѣ посланъ въ прошедшемъ году, то онъ ко мнѣ не дошелъ, ибо нѣтъ между моими книгами, которыя здѣсь со мною въ Баденѣ. Мои другія книги отправлены мною въ Петербургъ еще въ 1848 году. Слѣдовательно здѣсь не обманываетъ меня и моя память, которую бы въ противномъ случаѣ я могъ обвинить въ ошибкѣ. Однимъ словомъ, я долженъ полагать, что экземпляръ или пропалъ или засѣлъ въ Петербургѣ. Если это подписной экземпляръ, то благоволите увѣдомить моего корреспондента коллежскаго совѣтника Ростислава Родіоновича Родіонова о высылкѣ слѣдующей за него суммы (адресъ Родіонова въ С. П. Б. въ Канцелярію Государыни Императрицы) а отъ меня примите искреннюю благодарность за то, что вы удостоили внести меня въ число вашихъ подписчиковъ. Трудъ вашъ достоинъ всякаго уваженія. Вы знакомите отечество съ историческими сокровищами міра, которыми оно, до сихъ поръ безъ вѣдома, обладаетъ. Я обѣщаю себѣ большое наслажденіе отъ чтенія вашей книги по моемъ возвращеніи въ Петербургъ. Повторяю мою благодарность за то, что вы оказали мнѣ весьма лестное для меня вниманіе, признавъ меня достойнымъ оцѣнить вашъ ученый трудъ. Извините, что я не соблюлъ обыкновенной формулы въ письмѣ моемъ и въ главѣ не выставилъ, какъ водится, вашего имени и отчества, это не моя, а ваша вина: вы не прислали мнѣ полнаго адреса.

Прошу васъ принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи, съ коимъ честь имѣю быть, милостивый государь,

вашимъ покорнѣйшимъ слугою Жуковскій.

Баденъ-Баденъ 1850 $^{3}/_{15}$ Октября.

Вверху письма рукою Ашика: „Книга была отправлена въ Апрѣлѣ 1849 г. № 241 и имѣю росписку почтоваго чиновника“.

„Писано г. Родіонову 21 Октября. *Ожидать*“.

---

*) *Антонъ Балтазаровичъ Ашикъ*, Одесскій археологъ, скончался 24 Мая 1854 г. Въ 1848 г. онъ издалъ сочиненіе: „Воспорное царство съ его палеографическими и надгробными памятниками, росписными вазами, планами и видами“, Одесса, 1848 г., in 4°, въ 3-хъ книгахъ. Сочиненіе это Ашикъ послалъ, между прочими выдававшимся въ то время лицамъ, и Жуковскому. Послѣдній и пишетъ къ нему по этому поводу. Письмо Жуковскаго списано нами съ подлинника, сообщеннаго намъ, вмѣстѣ съ другими бумагами Ашика, вдовою его *Анною Вас. Ашикъ*, въ 1873 г., въ Кишиневѣ, гдѣ въ то время она жила съ своимъ семействомъ. Л. М.

Экспромтъ Н. В. Кукольника.

Въ 1886 году лѣтомъ я познакомился съ отставнымъ генераломъ (по аудиторіатской части) *Иваномъ Степановичемъ Косюрою*, пріѣхавшимъ изъ Харькова въ Одессу пользоваться въ извѣстномъ популярномъ тогда гидропатическомъ заведеніи д-ра *Шорштейна*, куда и я часто навѣдывался. И. А. Косюра былъ уже очень пожилой человѣкъ, служилъ когда-то въ Петербургѣ и имѣлъ встрѣчи и знакомства съ нѣкоторыми изъ тогдашнихъ литераторовъ и художниковъ. Между прочимъ онъ разсказалъ намъ слѣдующее о Н. В. Кукольникѣ.

Въ Петербургѣ Н. В. Кукольникъ жилъ на дачѣ Безбородки. Справлялъ онъ разъ свои именины. Были тутъ М. И. Глинка, Брюловъ. Была одна пѣвица-любительница *Шиловская*. Прекрасно пѣла она романсы. Въ честь именинника, по просьбѣ Глинки, она спѣла, и Глинка расплакался... Глинка и Кукольникъ любили выпить. Все уже они повыпивали и негдѣ было больше достать. Тогда Кукольникъ въ азартѣ произнесъ слѣдующій экспромтъ:

Дача Безбородки—
Скверная земля!
Ни вина, ни водки
Въ ней достать нельзя!

И. С. Косюра видѣлъ и Гоголя. По его словамъ, Гоголь жилъ на Крестовскомъ островѣ *(Новая Деревня)*. Л. С. М.

Къ посмертной судьбѣ Н. Г. Чернышевскаго *).

Когда получено было въ Одессѣ извѣстіе о смерти Чернышевскаго, то студенты здѣшняго Университета 21 Октября 1889 года думали отслужить по немъ панихиду и для этого пришли къ каѳедральному собору въ числѣ 200 человѣкъ. Но полиція напередъ прознала объ ихъ намѣреніи и не допустила ихъ въ церковь. И по другимъ Одесскимъ церквамъ полицейскіе пошли къ настоятелямъ и объявили запрещеніе мѣстнаго духовнаго и свѣтскаго начальства служить панихиды по Николаѣ... Вотъ записка (въ буквальной точности), врученная Настоятелю одной изъ Одесскихъ церквей полицейскимъ чиновникомъ, вошедшимъ къ нему въ алтарь во время совершенія проскомидіи:

„Настоятелямъ церквей.

Вслѣдствіе распоряженія архіепископа Никанора и Одесскаго градоначальника. Если кто явится изъ студентовъ къ нему (т. е. настоятелю) и будетъ просить отслужить панихиду по Николаѣ, то настоятель

*) Какъ за это, такъ и за предъидущія сообщенія (начиная съ Завѣщанія митрополита Евгенія) обязаны мы благодарностью Л. С. Мацѣевичу. Ему же принадлежатъ и примѣчанія. П. Б.

обязанъ записать адресъ студента и панихиды не служить. 2-ое. Если будетъ кто проспть изъ частныхъ лицъ отслужить панихиду по Николаѣ Чернышевскомъ, то поступать съ нимъ такъ же, какъ и съ первымъ; если на чьей либо панихидѣ, гдѣ будетъ упомянуто имя Николай и будутъ собираться студенты, такъ же не служить".

Сообщ. Л. С. М.

ИЗЪ ПИСЬМА Н. И. МЕРДЕРЪ КЪ ИЗДАТЕЛЮ „РУССКАГО АРХИВА".

(По поводу книжки Ѳедорова о Чернышевскомъ 1906 г.).

Рѣшаюсь высказать вамъ мое откровенное мнѣніе о книжкѣ про „великаго" Чернышевскаго, которую я только немного перелистовала, но этого было достаточно, чтобъ убѣдиться въ великомъ множествѣ въ ней подтасовокъ, вранья и замалчиванія случаевъ, самаго грубаго и глупаго свойства: ибо стоитъ современнику описываемыхъ событій, находящемуся въ курсѣ дѣла, прочитать эту книжонку, чтобъ ложь, которою она пропитана, бросилась въ глаза. Опровергать и выяснять пришлось бы такъ много, что я за это не берусь, а позволю себѣ только обратить ваше вниманіе на то, что, при извѣстномъ замалчиваніи одного факта и фальшивомъ освѣщеніи другаго, можно убѣлить бѣлѣе снѣга самого сатану, чему служитъ доказательствомъ романъ, написанный какой-то Англичанкой, героемъ котораго она умудряется представить (и въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ) Іуду Искаріотскаго, этого прототипа лукавства, сребролюбія и тупости Жидовской. А такъ какъ людей съ куриными мозгами несравненно больше чѣмъ здравомыслящихъ, то эта гнусная продѣлка удалась ей какъ нельзя лучше: романъ читался съ большимъ интересомъ и многихъ ввелъ въ искушеніе, что̀ и требовалось доказать тѣмъ, кому нужно паденіе христіанства.

Для примѣра, укажу вамъ на удаленіе Чернышевскаго изъ кадетскаго корпуса, гдѣ онъ былъ преподавателемъ. Вѣдь стоитъ только обсудить этотъ эпизодъ безъ предвзятой мысли, чтобъ убѣдиться, что, упоминая о немъ, авторъ либо глупъ, либо расчитывалъ на близорукость читателей. Надо не понимать значенія арміи для государства и дисциплины, безъ которой она существовать не можетъ, а еще менѣе этики военнаго духа, ставящей честь выше самой жизни, чтобъ не возмутиться нахальствомъ этого поповича, дозволившаго себѣ препятствовать *дѣйствіемъ* офицеру въ исполненіи его обязанностей, т. е. (какъ сказано у г-на Ѳедорова), „остановить слегка рукой" дежурнаго офицера при исполненіи его обязанностей, когда тотъ хотѣлъ войти въ классъ, гдѣ шумѣли, для водворенія порядка уже нарушеннаго въ другихъ классахъ. Я дала прочесть эти строки моему сыну, бывшему военнымъ и воспитывавшемуся въ военномъ училищѣ, и его

не подкупила лукавая форма въ изложеніи этого случая; онъ сказалъ, что въ подобномъ случаѣ онъ не удовольствовался бы извиненіями, а потребовалъ бы немедленнаго удаленія оскорбителя, нахально позволившаго себѣ вмѣшаться въ жизнь заведенія съ недоступными его понятію порядками, съ цѣлью внести смуту въ дѣтскіе умы и подвергнуть глумленію прямое начальство мальчиковъ. Обязанность дежурнаго офицера входить въ классы во всякое время и слѣдить не только за поведеніемъ дѣтей, но и за преподаваніемъ учителя. Это такъ вездѣ и даже въ республикахъ. Разумѣется, Чернышевскому это было извѣстно; но такъ какъ задачей этихъ людей—уничтоженіе понятій о родинѣ, о чести, о Богѣ, о совѣсти и долгѣ, то вся эта штука имъ была продѣлана съ умысломъ. Вообще они всегда поступаютъ съ умысломъ, и въ этомъ заключается какъ ихъ успѣхъ, такъ и поразительное сходство ихъ системы съ системой Іезуитовъ. Стоитъ только изучить хоть немножко правила сыновъ Лойолы, чтобы понять систему „печальныхъ Минервиныхъ птицъ“. А какъ эта кличка подходитъ къ Чернышевскому! Лицо филина въ старости и какого-то пошлаго жеманства въ юности. Этотъ ротъ собранный въ то, что̀ Французы называютъ un cul de poule, чего стоитъ! Замѣтьте вотъ что еще: авторъ біографіи упоминаетъ только вкратцѣ о женитьбѣ своего героя. Почему? Сказать было что̀. Обвѣнчался онъ не какъ всѣ, а противъ воли родителей невѣсты и заставивъ ее бѣжать изъ родительскаго дома. Никогда не забуду я горестнаго смущенія ея отца, этого милаго чудака Сократа Евгеньевича, послѣ такого пассажа. Я была тогда дѣвочкой, но вся эта исторія произвела на меня сильное впечатлѣніе. Да и безъ сомнѣнія сама Олинька Сократова (какъ мы ее звали) не взирая на свою распущенность, была въ немаломъ конфузѣ отъ поступка, на который она рѣшилась подъ вліяніемъ своего развивателя. Не даромъ не нашелъ мѣста въ біографіи Чернышевскаго этотъ прологъ къ роману „Что̀ дѣлать“, гдѣ осмѣяно таинство брака и воспѣваются прелести свободной любви.

А каково заглавіе всей книжонки! „Жизнь великихъ Русскихъ людей!“ Не глумленіе ли это надъ здравымъ смысломъ? Если переводчикъ исторіи Вебера, Стюарта-Милля и другихъ книгъ, а также истолкователь соціалистическихъ теорій, потерявшихъ всякій смыслъ въ настоящее время, благодаря новымъ твореніямъ анархическаго оттѣнка, съ придачей пошлѣйшаго и бездарнѣйшаго романа „Что̀ дѣлать“, удостоивается титула „великаго“, то какъ же именовать дѣятелей потрудившихся на истинную пользу и на славу Русской науки? Но въ томъ-то и штука, что гг. Ѳедоровымъ нужны Чернышевскіе, породившіе Рысаковыхъ и Струве. Не могу также не привлечь вашего вниманія

на упоминаніе о набожности священника-отца, при замалчиваніи атеизма сына. Соврать, что „великій Русскій человѣкъ“ вѣрилъ въ Бога, г-нъ Ѳедоровъ не могъ, камни бы возопіяли противъ такой лжи, и вотъ, онъ обходитъ этотъ вопросъ молчаніемъ, расчитывая на близорукость читателей, на неумѣніе читать между строками и на отсутствіе привычки всматриваться въ глубь вещей. Встрѣтила я, между прочимъ, мѣсто заставившее меня улыбнуться; это отвѣтъ „страдальца за истину“ „жертвы гнуснаго режима“, на приторныя и дурацкія соболѣзнованія нашихъ дамъ (тѣхъ самыхъ, отъ овацій которыхъ должны были запрятать плѣнныхъ Японцевъ въ Медвѣдь). „Ахъ, какъ вы страдали! Принудительная работа! Ахъ! Ахъ!“ Онъ отвѣтилъ на это замѣчательную, по цинизму, въ его устахъ, истину: „*Повѣрьте, что работа эта существуетъ больше въ журналистикѣ, чѣмъ въ дѣйствительности*“. Прелестное признаніе отъ автора, породившаго, вмѣстѣ съ Некрасовымъ и другими, эту самую лживую журналистику, въ Современникѣ, этой наемной плакальщицѣ надъ страданіями каторжниковъ, распутныхъ женщинъ и пойманныхъ на мѣстѣ преступленія политическихъ убійцъ и ихъ друзей. Ну, какъ не сказать, что мы далеко далеко отстали отъ Европы? Возможно ли тамъ такое втираніе очковъ въ глаза общества? Пишутъ и тамъ лживые дифирамбы „своимъ“, но развѣ серьезные люди обращаютъ на это вниманіе?

А какой пошлый тонъ всей книжки! Какъ расчитаны такія подробности, какъ то, что Чернышевскій не выходилъ изъ халата, на читателей, подготовленныхъ теперешней либерально-бездарной печатью къ умиленію надъ такими благоглупостями! Простите пожалуйста за длинное письмо, но я и вообще со всѣми откровенна, а васъ слишкомъ люблю и уважаю, чтобъ не говорить то, что думаю. Какъ ни боюсь я, чтобъ письмо это не заставило васъ меня разлюбить, я не могу не послать вамъ его; надо, чтобъ вы меня знали такой какая я, чтобъ вы меня хорошенько раскусили... и дай-то Богъ, чтобъ раскусивши, не выплюнули! Мнѣ это было бы очень больно. **Надежда Мердеръ.**

Въ видѣ извиненія, объясненія, назовите какъ хотите, моего, можетъ быть, слишкомъ жесткаго отношенія къ Чернышевскому, скажу вамъ, что еслибъ у васъ былъ любимый братъ, 24-хъ лѣтній молодой человѣкъ, воспитанный въ правилахъ православной вѣры, въ дворянской семьѣ, который, доведенный до злѣйшей чахотки душевными волненіями и страданіями, чувствуя приближеніе смерти, рыдалъ бы у вашихъ ногъ, жалуясь на то, что Чернышевскій отнялъ у него Бога и что вотъ теперь, умирая, онъ, кромѣ черной бездонной ямы, ничего передъ собой не видитъ: вы можетъ быть, поняли бы мое враждебное отношеніе къ этому человѣку.....

Обще-приходскія молебствія во время холеры.

(1848).

Въ минувшемъ году Москва была свидѣтельницей и участницей общественныхъ молебствій по разнымъ приходамъ; прихожане съ духовенствомъ своихъ приходовъ, съ св. иконами, крестами и хоругвями стекались на площади и перекрестки улицъ, для принесенія Богу совокупной молитвы о сохраненіи ихъ отъ губительной холеры. Здѣсь проявлялось благотворное и цѣлебное дѣйствіе вѣры, которая успокоивала и ободряла души и сердца, сообщала имъ духовную силу, торжествовавшую надъ естественнымъ зломъ, изгоняя страхъ и робость, открывавшіе доступъ болѣзни. Такъ вѣра и благочестіе ополчались противъ невидимаго, внезапнаго бѣдствія, которое, какъ учитъ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Филаретъ, „не есть дѣйствіе случая или нѣкоей непонятной судьбы, но дѣйствіе Провидѣнія Божія, управляемое правосудіемъ и милосердіемъ“.

Какъ въ жизни каждаго человѣка, такъ и въ жизни цѣлыхъ обществъ по временамъ является потребность въ особенномъ молитвенномъ обращеніи къ Богу и въ соединеніи его съ особеннымъ внѣшнимъ выраженіемъ. Грозитъ-ли какая опасность, тяготѣетъ-ли какая скорбь надъ обществомъ—души и сердца сливаются въ одну общую молитву, которая высказывается въ открытомъ и доступномъ для всѣхъ Богослуженіи. Если храмъ не можетъ вмѣстить въ себѣ жителей всего околотка, то молитва совершается на стогнахъ града, подъ открытымъ небомъ. „Мы почитаемъ священными всѣ мѣста и всѣ времена“, говоритъ Св. Климентъ Александрійскій, „которыя внушаютъ духу нашему мысль и воспоминаніе о Богѣ“. Таковъ источникъ всенародныхъ умилостивительныхъ молебствій!

Для незнакомыхъ съ исторіею, укажемъ на примѣры, свидѣтельствующіе, сколь древне и важно начало такихъ молебствій въ христіанскомъ мірѣ, и сколь насущно и живуща потребность въ нихъ, среди разныхъ напастей *).

*) Разсужденіе о крестныхъ ходахъ Православныя церкви. М. 1842 г.

Церковная Исторія представляетъ намъ, что молебствія и ходы крестные совершались не только при начатіи дѣла важнаго для Церкви и Государства, но и въ случаѣ опасности для жизни и благосостоянія гражданъ. Въ Восточной Церкви издревле учреждены покаянные и умилостивительные ходы во время наводненій, засухъ, землетрясеній и моровой язвы. Гдѣ умъ и средства человѣческія были ничтожны, тамъ обращались къ всесильной помощи Божіей. Когда при Юстиніанѣ свирѣпствовала въ Царь-градѣ моровая язва, Св. Евтихій патріархъ совершилъ отъ Св. Софіи къ Влахернскому храму умилостивительный ходъ, доставившій отраду отчаяннымъ жителямъ. Въ царствованіе Михаила Паѳлагонянина засуха угрожала голодомъ; среди общаго унынія братья императора и царедворцы носили съ молебствіемъ нерукотворенный образъ Спасителя и другую святыню изъ дворца въ церковь Влахернскія Богоматери. Молитва вѣры низводила дождь. Восточная Церковь также совершала благодарственные ходы въ дни воспоминаній о великихъ естественныхъ бѣдствіяхъ. При этомъ торжествѣ императоры являлись передъ народомъ во всемъ величіи и лѣпотѣ своего сана; а во дни скорби они мѣняли порфиру на власяницу, сами носили съ семействомъ своимъ церковную святыню. Народъ всякаго возраста, пола и званія, благоговѣйно встрѣчалъ и сопровождалъ священное это шествіе, съ непокрытыми головами, и безъ обуви. Общимъ воззваніемъ было: Господи помилуй! Съ молитвою соединялись посты, покаяніе и милостыня.

Благочестивому примѣру Восточной Церкви неуклонно слѣдовала и отечественная. Въ XIV вѣкѣ моровая язва, извѣстная подъ именемъ Черной смерти, истребивъ въ Китаѣ до 13 милліоновъ людей, наконецъ появилась въ Псковѣ. Призванный по сему случаю Псковичами архіепископъ Новогородскій Св. Василій въ священныхъ ризахъ обошелъ вокругъ города съ животворящимъ крестомъ и св. мощами при громогласномъ пѣніи и всеобщемъ воззваніи: Господи помилуй! *) „Не было такого каменнаго сердца, говоритъ лѣтопись, которое бы не изливалось въ слезахъ предъ Богомъ“. Не напрасны были сіи слезныя молитвы: бѣдствіе вскорѣ прекратилось. Въ царствованіе Михаила Ѳедоровича постигли Россію двѣ напасти: засуха и скотскій падежъ, сопровождаемые голодомъ. Тогда патріархъ Іосифъ, въ 1643 г. повелѣлъ Вологодскому и Великопермскому архіепископу Варлааму „молить Бога и Пречистую Богородицу и всѣхъ Святыхъ и ходити со кресты и со святыми честными иконами около града на три стадіи по три дня“. Подобныя мѣры принялъ патріархъ Никонъ, среди моровой язвы,

*) Древн. Россійская Вивліоѳика, VI.

опустошавшей Москву въ 1656 году. Въ пастырскомъ посланіи своемъ сей іерархъ увѣщевалъ всѣхъ „искреннимъ покаяніемъ очистить грѣхи свои, и молитвою и постомъ, со слезами, уставити праведный гнѣвъ Божій“ *). „Пріидите убо вси, взываетъ онъ, возопіемъ и восплачемъ вси православніи народы, мужи и жены и отрочате, всякаго чина и возраста, поклонимся и припадемъ и возставимъ обще передъ Господомъ плачъ, на возрасть и родови раздѣлившеся“. Когда чума свирѣпствовала въ древней столицѣ, 1771 г., тогда по приходамъ носили изъ церкви св. иконы и хоругви, на перекресткахъ святили воду. Кромѣ того, въ умилостивленіе и благодарность за избавленіе отъ бѣдъ, сооружали обѣтныя церкви, кои большею частію ставились обыденкою, т. е. въ одинъ день, и слыли *обыденными*: таковы въ Москвѣ Св. Николая Гостунскаго въ Кремлѣ и пророка Иліи Обыденнаго. Самый Архангельскій соборъ, сіе царственное кладбище, есть памятникъ народнаго бѣдствія, претерпѣннаго Россіею отъ рослой рѣчи. Сколько еще встрѣтится въ Отечественной Исторіи и насущномъ быту народа примѣровъ торжества вѣры и благочестія надъ бѣдствіями естественными и нравственными? Не служитъ ли это убѣдительнымъ и отраднымъ доказательствомъ, что Русскій народъ жилъ, и до нынѣ живетъ, религіозною жизнію, которая неразрывно связана съ общественною и семейною, скрѣпляетъ всѣ его родственныя и племенныя связи: на этомъ основномъ *камнѣ* утверждается весь его бытъ, всѣ отношенія, надежды, обѣты и вся нравственная сила. Молитва вѣры, и въ скорби, и въ радости, соединяетъ людей въ одну душу передъ лицемъ Бога. „*Соборомъ*, говорятъ, всѣ бѣды побѣдимъ; за Богомъ молитва не пропадаетъ“.

Съ такимъ сознаніемъ и убѣжденіемъ совершаются прихожанами соборныя молебствія, по случаю радостныхъ и печальныхъ событій въ семействѣ и въ цѣломъ околоткѣ. Русскій Православный, безъ молебствія и водосвятія не дѣлаетъ закладки своего дома и не переходитъ на новоселье. Во время засухи, безведрія и скотскаго падежа въ селахъ обносятъ св. иконы, кресты и хоругви вокругъ полей и дворовъ. Сколь часто совокупная, мірская молитва увѣнчивалась благословеніемъ небеснымъ! Въ Новгородѣ были двѣ церкви, а въ Псковѣ два монастыря во имя пророка Иліи Мокраго и Сухаго, низводившаго и удерживавшаго дождь молитвою. Въ одни бывалъ умилостивительный крестный ходъ при засухѣ, а въ другіе при безведріи. Въ Москвѣ также совершали крестное хожденіе изъ церкви св. Пророка на Ильинскій крестецъ и на Воронцово поле съ моленіемъ о вёдрѣ (ради сухости), а въ Ильинскую церковь, за Пречистенскими воротами, для испроше-

*) Выходы Государей и Царей М. 1844 г.

нія дождя. Въ Уставѣ Патріаршемъ сказано: „что суши ради прибавлено было прошеніе“. Не рѣдко и самъ царь съ боярами сопровождалъ пѣшій сіе священное шествіе. Факты сіи принадлежатъ къ исторіи религіозной жизни народа, которая не престаетъ высказываться въ наше время.

За семнадцать тому лѣтъ, какъ въ первый разъ появилась въ Москвѣ холера, по нѣкоторымъ приходамъ, носили изъ приходскихъ церквей мѣстные образа и совершали на перекресткахъ водосвятія. Молитва вѣры и утѣшительно-назидательное воззваніе архипастыря благотворно дѣйствовали на души, потрясенныя страхомъ отъ грозившей опасности. Въ это время скорби и унынія явился ангеломъ-утѣшителемъ самъ Царь въ древней столицѣ. Купечество Московское, ревностное къ благочестію и благолѣпію церковному, учредило въ память сего событія ежегодныя молебствія по торговымъ рядамъ, куда поднимаются нѣкоторыя чудотворныя иконы, и передъ ними совершается соборнѣ благодарственный молебенъ съ водосвятіемъ. Усердіе рядовичей придаетъ сему духовному торжеству все возможное великолѣпіе и торжественность, а благоговѣніе ихъ всю умилительность и важность. Превосходный хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ заключаетъ священнодѣйствіе духовнымъ концертомъ.

При вторичномъ посѣщеніи Москвы холерою, возобновились и общественныя молебствія, съ крестнымъ хожденіемъ, изъ приходскихъ церквей, въ коемъ поднимаемы были и чудотворныя иконы, и святыни изъ соборовъ и монастырей. Во множествѣ стекавшійся, на такое священнодѣйствіе, народъ, среди ненастной погоды, молился подъ открытымъ небомъ и съ открытою головою, преклонялъ колѣна на сырую землю, не опасаясь и не испытывая вредныхъ слѣдствій, какія можно бы было предполагать. Когда душа укрѣплена вѣрою, а сердце согрѣто молитвою, тѣло пребываетъ здравымъ: „не убоится стрѣлы, летящія во дни, и сряща бѣса полуденна“. Такое соборное мірское моленіе не уныніе и не страхъ вселяло народу, но надежду и бодрость, какъ плодъ живой вѣры и благочестія.

Признавая въ скорбномъ посѣщеніи правосудіе и милосердіе Божіе, частію наказующее грѣхи, частію побуждающее къ исправленію, архипастырь нашъ указуетъ въ немъ „побужденіе къ улучшенію жизни нашей въ отношеніи къ благочестію, благонравію, воздержанію и человѣколюбію“.

И. С.*)

(Изъ Вѣдомостей Московской Городской Полиціи № 10-го 1848 года).

*) И. Снѣгиревъ.

ПИСЬМА АРХІЕПИСКОПА НИКАНОРА КЪ И. У. ПАЛИМПСЕСТОВУ*).

Можетъ быть, иные, прочитавъ нижеслѣдующія письма, поставятъ вопросъ: сто́итъ ли передавать ихъ печати? Письма эти, дѣйствительно, малосодержательны. Но цѣль у меня одна: бросить, хотя и самый слабый, лучъ на свѣтлую личность Никанора. Этотъ архипастырь воистину былъ яркимъ и живительнымъ свѣтильникомъ на высокомъ свѣчникѣ нашей православной церкви и въ добавокъ звѣздою первой величины въ ученомъ мірѣ. Для оцѣнки его личности нельзя обойти и сердце его. Что̀ такое я предъ Никаноромъ, который съ такимъ почтеніемъ и съ такими теплыми чувствами относился ко мнѣ? Въ сравненіи съ нимъ, я не болѣе, какъ чернорабочій, хотя позволю себѣ сказать, немало потрудившійся для воображаемой мною общей пользы.

Да, умъ былъ его необычайнаго свѣта; но и сердце дышало теплотою. Скажутъ: тутъ нѣтъ ничего выдающагося; намъ заповѣдана любовь даже и ко врагамъ. Это такъ; но любовь, уваженіе, обычныя ли среди насъ явленія? Къ кому бы напр. намъ относиться съ глубокими чувствами уваженія и любви, какъ не къ такимъ лицамъ, какъ именитый витія и мыслитель Иннокентій, провозглашенный въ стѣнахъ Академіи Наукъ геніальною личностію? Однако вотъ что писалъ Погодинъ въ своемъ „Вѣнкѣ на могилу высокопреосвященнаго Иннокентія". „Даже очевиднымъ его достоинствамъ не воздали должной чести слѣпые, грубые и жестокіе современники. Въ журналахъ нашихъ, навязывающихъ намъ въ каждомъ нумерѣ по новому пряничному своему генію, въ журналахъ нашихъ, въ продолженіе двадцатилѣтней слишкомъ дѣятельности Иннокентіевой, вы не найдете двухъ страницъ о его сочиненіяхъ. Обильныя образцами высокаго краснорѣчія и примѣрами ораторскихъ движеній новыхъ

*) Многоуважаемый Иванъ Устиновичъ Палимпсестовъ (Саратовскій уроженецъ) долго служилъ въ Министерствѣ Госуд. Имуществъ. По его мысли началось такъ называемое озеленѣніе. Онъ убѣжденъ былъ, что въ старину южно-русскія степи и Крымскія горы были богаты лѣсомъ. Можно бы собрать нѣсколько томовъ его статей по предметамъ обще-государственной пользы. Онъ славился выразительно-художественнымъ чтеніемъ Шестопсалмія за всенощными. Нарочно пріѣзжали его послушать. П. Б.

и сильныхъ, составляющія сокровище Русской словесности и Русской науки, сокровище христіанскаго міра всѣхъ исповѣданій, драгоцѣнныя сочиненія Иннокентія пройдены молчаніемъ отъ современной критики. А находились еще и такіе легкомысленные, опрометчивые судьи, которые за то или другое слово, вырвавшееся у витіи въ потокѣ неудержимой рѣчи, за какое нибудь общее мѣсто, проскользнувшее по привычкѣ, за неосторожное изреченіе, которое можно истолковать въ худую сторону, произносили Иннокентію приговоръ осужденія, забывая всѣ его дѣла, всѣ его заслуги, труды, достоинства, всѣ доказательства благороднаго взгляда на жизнь".

Да, забывчивы мы къ такимъ нашимъ дѣятелямъ, которыхъ заслуги или труды во благо народно-государственной нашей жизни безцѣнны.

I.

1888 г. Декабря 24, передъ праздничною вечернею. Спб.

Любезнѣйшій и глубокочтимый Иванъ Устиновичъ.

Съ праздникомъ! Пишу, чтобъ написать нѣсколько строкъ, чтобъ не оказаться предъ вами невѣжею.

Ваши вопросы я прочиталъ съ назиданіемъ для себя, передамъ другимъ и Владимиру Карловичу Саблеру. Знаю, что читалъ и Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ. Всѣ охаютъ; но что̀ выйдетъ, одинъ Богъ знаетъ.

Владыкѣ Леонтію я кланяюсь и слово ваше передамъ.

Прежнюю вашу записку также читалъ и умилялся. Но чтожъ изъ этого? Я самъ пишу записки, обыкновенно мною читаются онѣ, потомъ кладутся и въ концѣ концовъ забываются. А жизнь идетъ своимъ чередомъ.

Храни васъ милость Божія отъ всякаго зла!

Не боясь я подамъ записку, которою рискую сдѣлать себѣ, быть можетъ, и большое зло. Помолитесь за нашу немощь предъ святителями Московскими.

Душевно преданный вамъ и глубокочтущій васъ, вашего превосходительства всепокорнѣйшій слуга Никаноръ, архіепископъ Херсонскій и Одесскій.

*

Память измѣняетъ старику, доживающему восьмой десятокъ жизни. Не могу теперь припомнить, о какихъ вопросахъ идетъ рѣчь. Я посылалъ Никанору и печатныя, и письменныя произведенія моего пера. Едва ли здѣсь подъ вопросами не разумѣется моя записка объ исправленіи нашихъ богослужебныхъ книгъ, и въ частности Часослова, ко-

торый теперь дѣлается первою книгою въ нашихъ церковно-приходскихъ школахъ и входитъ въ составъ почти всѣхъ богослуженій. Дѣйствительно, нѣкоторыя мѣста въ Часословѣ настоятельно требуютъ исправленій, на что я и указывалъ Никанору, предсѣдателю Училищнаго Совѣта. Указаній этихъ было немало. Напр. въ Шестопсалміи (псаломъ 37) читаемъ: „яко лядвія моя наполнишася поруганія“. Эти слова, замѣчу, вообще читаются какъ-то сквозь зубы, особливо чтецами изъ женскаго пола, напр. монахинями. А между тѣмъ въ Русской Псалтири вотъ какъ переведены эти слова: „ибо чресла мои полны воспаленіями“. Приведу другой примѣръ. Въ величественномъ 103 псалмѣ, находящемся также въ Часословѣ, читаемъ: „тамо корабли преплываютъ, змій сей, его же создалъ еси ругатися ему“*). Невольно возникаетъ вопросъ: имѣются ли творенія Премудраго Творца, надъ которыми наша св. церковь учила бы ругаться, и не переходитъ ли это ругательство, какъ нѣчто позволительное, на нашихъ домашнихъ животныхъ и на присныхъ намъ, въ семейную среду? А между тѣмъ вотъ переводъ этихъ словъ въ Русской Псалтири. „Тамъ плаваютъ корабли, тамъ этотъ левіаѳанъ, котораго Ты создалъ играть въ немъ“. Эхъ, грустно становится старику, т. е. мнѣ, когда припоминаю разговоры съ нѣкоторыми священно-служителями, даже съ однимъ, кончившимъ курсъ въ Академіи, о зміи, его же создалъ еси ругатися ему. Въ этомъ зміи, созданномъ для ругательства надъ нимъ, они разумѣли змія, искусившаго Еву. Но вотъ еще примѣръ. Въ Часословѣ, въ молитвѣ Манассіи, мы читаемъ нѣчто въ родѣ открытаго кощунства: „яко непостоянно великолѣпіе славы Твоея“; а между тѣмъ смыслъ этихъ словъ такой: никто не постоитъ предъ великолѣпіемъ славы Твоея (такъ переведены вышеозначенныя слова въ позднѣйшихъ изданіяхъ Часослова). Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые думаютъ, что исправленіе богослужебныхъ книгъ подѣйствуетъ къ умноженію нашего раскола; но почему бы не исправить только тѣ книги, напр. Часословъ, Псалтирь, Молитвенникъ, которыя употребляются въ нашихъ народныхъ школахъ? А съ другой стороны, почему бы не сдѣлать такихъ исправленій, отъ которыхъ нельзя ожидать умноженія раскола, напр. исправить знаки препинанія, поставить запятую тамъ, гдѣ стоитъ точка, разрушающая смыслъ пзреченія. Приведу примѣръ. Въ псалмѣ 32, также входящемъ въ составъ Шестопсалмія, читаемъ слѣдующія строки: „и устнами радости восхвалятъ Тя уста моя. Аще поминахъ Тя на постели моей“. При такой постановкѣ этихъ строкъ теряется смыслъ ихъ. Къ чему предъ придаточнымъ предложеніемъ,

*) Можетъ быть, это значитъ, что корабль (змій) посмѣвается силѣ моря. П. Б.

вмѣсто запятой, стоитъ точка, и это предложеніе начинается большою буквою? Вотъ понятный смыслъ этихъ строкъ въ Русской Псалтири: „и радостнымъ гласомъ восхвалятъ Тебя уста мои, когда я воспоминаю о Тебѣ на постелѣ моей“.

Въ своей запискѣ, прочитанной Никаноромъ, я привелъ и другіе примѣры и, сколько мнѣ помнится, такъ заключилъ ее: если исправленіе нашихъ богослужебныхъ книгъ несвоевременно, какъ соединенное съ умноженіемъ раскола, то пусть дѣти нашего народа, обучающіяся въ школахъ и читающія исправленныя книги, придутъ въ убѣжденіе, что непозволительно ругаться надъ какою бы то ни было тварью, а ругательство (эту язву Русскаго народа), переносить въ семейный и общественный бытъ.

Но умѣстно ли это мое писаніе въ органѣ Русской старины, въ „Русскомъ Архивѣ“? Смѣю сказать: умѣстно. Пусть наше потомство знаетъ, что въ прошедшія времена не было правильно поставленныхъ знаковъ препинанія даже въ Шестопсалміи, входящемъ въ составъ всѣхъ (за исключеніемъ Пасхальныхъ) утреннихъ или всенощныхъ богослуженій.

*

II.

1888 г. Мая 1.

Ваше превосходительство, милостивый государь.

Простите. До сихъ поръ не удосужился написать.

Или я не получалъ книгу: „За Истину и Правду“ [1]), или, передъ праздниками, очищая столы, ее втиснули въ книжный шкафъ. Увы! Даже я никакъ не могу прочитать все то, что̀ получено. А читаю я, волею-неволею, очень много. О книгѣ справлюсь у своего секретаря. Теперь ночь.

Къ сожалѣнію, серьезныя книги мало читаются.

По Училищному Совѣту, въ которомъ я пресѣдательствую, дѣлается многое. Но Совѣтъ заваленъ книгами, записками, проэктами, такъ что нельзя управиться съ предложеніями.

О поддѣльныхъ свѣчахъ [2]) идетъ весьма сложная переписка съ высшими государственными учрежденіями. Сколько мнѣ извѣстно, они не

---

[1]) Эту книгу, съ благословенія въ Бозѣ почившаго митрополита Макарія и по совѣту его, я составилъ въ защиту православной церкви и ея служителей. Она имѣла три изданія.

[2]) Здѣсь намекъ на мою статью по этому дѣлу.

хотятъ стать на нашу точку зрѣнія. Вообще они отказываются отъ всякаго протекціонизма религіознымъ учрежденіямъ. Идетъ особое дѣло и о лампадномъ маслѣ.

Православное Обозрѣніе я выписываю, но не получаю. Оно механически направлено въ Одессу, тамъ и получается и никѣмъ не читается.

Ваши воспоминанія о знаменитомъ Иннокентіи мною прочитаны. Сперва казалось, что много хвалебныхъ словъ, а потомъ съ этимъ миришься въ виду фактовъ. Слава Богу, что память славнаго человѣка съ похвалами. Ваши воспоминанія—это вѣнки изъ цвѣтовъ на его славную могилу.

Меня тутъ спрашивалъ одинъ много и разносторонне-свѣдущій человѣкъ, какъ я самъ понимаю, какъ въ Одессѣ понимаютъ Иннокентія. Я отвѣтилъ, что понимаю и понимаютъ, какъ свѣтлую личность. Увы! Какъ и солнце. Повидимому и здѣсь, около центра, готовится какое-то сказаніе объ Иннокентіи.

Благодарю васъ за ласковое слово и о моемъ недостоинствѣ. Я еще не установившаяся въ молвѣ величина.

Кланяюсь вамъ съ сердечнымъ сочувствіемъ и доброжелательностью. Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Никаноръ, архіепископъ Херсонскій и Одесскій.

*

Для меня въ высшей степени былъ пріятенъ отзывъ владыки Никанора про „Мои воспоминанія объ Иннокентіи“, книгѣ, вышедшей въ 1888 г. Я немного получалъ подобныхъ отзывовъ объ этомъ произведеніи моего старческаго пера; но для меня особенно цѣненъ отзывъ о. протоіерея Михаила Павловскаго, бывшаго профессора Ришельевскаго Лицея и потомъ Новороссійскаго университета.

Остановлюсь на словахъ владыки Никанора, сказанныхъ въ письмѣ его ко мнѣ: „Увы! какъ и солнце“, т. е. не безъ пятенъ. Такъ надобно понимать эти слова. Но бросаютъ ли они какую нибудь тѣнь на свѣтлую личность Иннокентія? Кто изъ смертныхъ, въ образѣ самыхъ свѣтлыхъ и высоконравственныхъ личностей, не имѣлъ на себѣ пятенъ, какія имѣетъ и ярко свѣтящееся солнце. „Неужели (говоритъ М. П. Погодинъ) Иннокентій не имѣлъ недостатковъ и пороковъ? Я терпѣть не могу безусловныхъ панегириковъ и не вѣрю въ земное совершенство, слѣдуя Апостолу Павлу, сказавшему, что всякій человѣкъ есть ложь, и Псалмопѣвцу Давиду, восклицавшему: аще Ты, Господи, назриши, то кто постоитъ? Иннокентій, какъ всѣ мы, грѣшные люди, имѣлъ, вѣроятно, свои пороки и недостатки, которые могли относиться къ его званію, къ привычкѣ властвовать, къ заведенному порядку. Желательно, чтобы всѣ они были скорѣе оглашены, тщательно изслѣдованы и безпристрастно осуж-

денны; да, читая ихъ, смиряемся мыслію, какъ слаба человѣческая природа, самая высшая; да, читая ихъ, назидаемся, какъ осторожну и внимательну должно быть человѣку въ наблюденіи за собою, если и самые избранные, надѣленные Божьими дарами, такъ легко увлекаются и такъ скоро падаютъ! Высокая душа Иннокентіева вѣрно сама будетъ рада такому обнаженію, чтобы разчесться вѣрнѣе съ своими современниками и не получить отъ земли ничего лишняго; а расчетъ съ небомъ у всякаго особый, его же никто исповѣсть до страшнаго суда Божія. Друзьямъ Иннокентія, слѣдовательно, нечего опасаться за его славу, за его память: какъ бы ни были велики его проступки (если они были), у него много останется еще въ запасѣ достоинствъ, за которыя должно будетъ намъ поминать имя его съ благодарностію во вѣки вѣковъ".

Покойный о. протоіерей Г. Рудневъ, служившій въ Симферополѣ и оставившій по себѣ самую добрую память, вотъ что однажды сообщилъ мнѣ: „Иннокентій особенное вниманіе обращалъ на чтеніе во время богослуженія и нерѣдко повторялъ: приходская церковь не монастырь; можно не все читать, но читать избранное слѣдуетъ вразумительно и съ чувствомъ. Обозрѣвая церкви своей Херсоно-Таврической епархіи, онъ назначалъ, кто и что̀ долженъ прочитать напр. во время утреней или всенощнаго богослуженія. Однажды на меня, бывшаго въ то время молодымъ священникомъ, выпалъ жребій прочитать канонъ. Прочиталъ я, конечно, съ большою робостію и являюсь въ алтарь за благословеніемъ; но владыка встрѣтилъ меня во святая святыхъ такими словами, о нихъ же не лѣть есть и глаголати: скотина, безсловесная тварь и т. п. Онъ такъ былъ недоволенъ моимъ маловразумительнымъ и дрожащимъ чтеніемъ, что я ожидалъ отъ него удара; но гнѣвъ незабвеннѣйшаго для насъ святителя кончился приказаніемъ: сдѣлать здѣсь же, въ алтарѣ, при немъ, 40 земныхъ поклоновъ, и такъ, чтобы прикосновеніе лба къ полу было слышно и ему. Ревность по дому Божію, по видимому, снѣдала этого дивнаго во святителяхъ: носились слухи, что онъ иныхъ плохихъ чтецовъ въ алтарѣ ударялъ книгою по головѣ. Воистину то былъ ревностнѣйшій служитель алтаря Господня! И осудимъ ли мы его за подобные поступки? Святитель и Чудотворецъ Николай развѣ не сотворилъ заушенія Арію, горя любовію къ истинной вѣрѣ въ Богочеловѣка, Господа нашего Іисуса Христа?"

Иннокентій дѣйствительно была горячая личность. Вотъ является іерей, съ мрачною тѣнью на свое высокое призваніе, напр. любящій выпить. Иннокентій беретъ его въ кабинетъ и чинитъ надъ нимъ такую собственноручную расправу, что и пряди волосъ летятъ, и на щекахъ являются красныя пятна. Но чѣмъ кончается расправа? Честнымъ словомъ виновнаго, что онъ впредъ и капли хмѣльнаго въ ротъ не возметъ; а со стороны владыки самымъ отеческимъ прощаніемъ, которое до того трогаетъ виновнаго, что слезы ручьями льются изъ его глазъ, и онъ не перестаетъ повторять: это воистину нашъ благосердый отецъ; другой владыка, что̀ сдѣлалъ бы со мной, у котораго такая большая семья, что не только дьячку, но и священнику трудно прокормить ее? А между тѣмъ владыка могъ бы меня послать во дьячки. Пить больше не буду.

III.

1889 г. Апрѣля 6, Великій Четвертокъ. Спб.

Высокоуважаемый Иванъ Іустиновичъ. Христосъ воскресе!

Прочиталъ я самъ ваше „Вторженіе“ [1]). Показалъ Владимиру Карловичу. Всякое подобное дѣло съ нашей стороны упирается въ одинъ пунктъ—въ Константина Петровича. Не думайте, что онъ не хлопочетъ, но передъ его лбомъ глухая стѣна [2]), которую не расшибешь. Этимъ сказано все. Сердечно-уважающій васъ вашъ покорнѣйшій слуга Никаноръ, архіепископъ Херсонскій и Одесскій.

IV.

1890 г. Октября 22, Одесса.

Ваше превосходительство, высокоуважаемый и любезнѣйшій Иванъ Іустиновичъ.

Получилъ я ваше посланіе въ Москвѣ, но такъ, что и написать уже было трудно, время не позволяло. Длинные выѣзды дѣлать въ Москвѣ и не могъ по недостатку времени и по моему ослабленію, по которому уже слабо двигаюсь по комнатамъ. Прошу не взыскать.

Москва унесла у меня послѣднія силы, потому что по прибытіи изъ Москвы у меня открылся сильнѣйшій отекъ отъ истощенія. Теперь я уже съ трудомъ ворочаюсь съ бока на бокъ. Ослабѣлъ.

Брошюру о Чернышевскомъ получилъ. Невѣрно вы изволите представлять и изображать обстоятельства смерти протоіерея Гавріила Ивановича Чернышевскаго. На дняхъ я напечатаю надгробное слово надъ о. протоіереемъ. Тамъ вы увидите, какъ происходило дѣло.

Затѣмъ, ave, caesar! Morituri te salutant. Prope moriturus te salutat. Ave et valeas [3]). Богъ съ вами отнынѣ и во вѣки! Никаноръ, архіепископъ Херсонскій и Одесскій.

---

[1]) Здѣсь разумѣется моя довольно обширная статья подъ заглавіемъ „Вторженіе въ верховныя права“. Она была помѣщена въ „Православномъ Обозрѣніи“. Въ ней разбирался вопросъ: имѣютъ ли право наши думы дѣлать постановленія, что IV Заповѣдь Божія ни для кого не обязательна, и торговать или производить какія бы то ни было работы дозволяется во всѣ праздничные дни, что, конечно, не можетъ не возмущать истинно-вѣрующихъ христіанъ. Живя въ восмидесятыхъ годахъ въ Москвѣ, я видѣлъ, что многіе и многіе магазины и лавки открыты для торговли въ самые большіе праздники и высокоторжественные дни. И это въ сердцѣ Россіи! А изъ сердца, какъ изъ первоисточника, по слову Св. Писанія, исходятъ помышленія благія и злыя. Не заражаетъ ли Москва и всю святую Русь?

[2]) Въ другомъ (къ сожалѣнію потерянномъ) письмѣ владыка Никаноръ называетъ эту стѣну „отъ лѣтъ одряхлѣвшею“. Здѣсь ясный намекъ на личность, которая, какъ носились слухи, не сочувственно относилась къ свѣтлой личности Никанора.

[3]) Прощай, Кесарь! Идущіе умирать тебя привѣтствуютъ. Скоро идущій умирать тебѣ привѣтствуетъ. Прости и будь здоровъ.

Письма архіепископа Никанора Мемнону, епископу Елисаветградскому.

Помѣщаемыя ниже семь писемъ архіеп. Никанора къ єп. Мемнону, писаны изъ С.-Петербурга въ Одессу. Въ это время Никаноръ, повидимому, достигъ зенита своей славы. Преосв. Гермогенъ, епископъ Псковскій, въ письмѣ отъ 21 Іюня 1887 г. къ преосв. Саввѣ, Тверскому [1]), между прочимъ упоминаетъ, что Никанору „въ Петербургѣ оказываютъ особенное вниманіе, которое онъ заслужилъ. Ему, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ здѣсь жить легче и пріятнѣе, чѣмъ въ Одессѣ. Можно надѣяться, что и болѣзненные припадки, на которые онъ теперь жалуется, со временемъ прекратятся у него въ Петербургѣ".

Къ свѣдѣніямъ о Никанорѣ, помѣщеннымъ мною въ „Русскомъ Архивѣ" 1906 г., прибавлю нѣсколько строкъ изъ автобіографіи Саввы архіеп. Тверскаго. Эти строки у него вылились какъ разъ передъ отъѣздомъ Никанора изъ Одессы въ Петербургъ для присутствія въ Св. Сунодѣ.

2 Іюня 1887 г.: „Проводивши вчера одного почтеннаго гостя [2]), сегодня встрѣчаю другого. Преосв. Никаноръ архіеп. Херсонскій, вызванный въ Петербургъ для присутствованія въ Св. Сунодѣ, телеграммою изъ Москвы просилъ моего позволенія провести у меня вечеромъ часа два между поѣздами почтовымъ и курьерскимъ. Я былъ, конечно, очень радъ такому именитому гостю. Когда гость пожаловалъ ко мнѣ, ему предложены были чай и ужинъ. Между нами, послѣ продолжительной разлуки (съ 1868 г.), шла братская откровенная бесѣда. Преосвященный жаловался на приливы крови къ головѣ, на острую боль въ правомъ глазѣ, вслѣдствіе сквозного вѣтра въ церкви; не хвалился мирными, дружелюбными отношеніями съ ген. губернаторомъ Роопомъ; распрашивалъ меня о порядкахъ при засѣданіяхъ сунодскихъ и пр."..... „При входѣ въ мою гостинную преосвященный внесъ съ собою и положилъ около себя на кресло маленькій саквояжъ. При этомъ я спросилъ его: А гдѣ же вашъ багажъ; оставленъ на станціи или отправленъ впередъ?—Отправленъ впередъ, былъ отвѣтъ; а этотъ маленькій саквояжъ, продолжалъ онъ, я всегда имѣю

---

[1]) Автобіографическія Записки. Т. VIII, стр. 352.

[2]) Преосв. Владимира Петрова, епископа Ставропольскаго † 2 Сентября 1897 г.

въ дорогѣ при себѣ; въ немъ лежатъ помада, духи и прочія косметическія снадобья". Такъ вотъ какъ, думаю себѣ, ѣздятъ по дорогамъ современные Русскіе архіереи! Послѣ слышу, что Никаноръ, пріѣхавъ въ Петербургъ и разъѣзжая по аристократическимъ домамъ, являлся въ гостиныя въ богатыхъ рясахъ, до того раздушенныхъ, что бесѣдующимъ съ нимъ было душно до головокруженія. Таковъ типъ нашихъ новыхъ, молодыхъ архіереевъ!"....

Епископъ Мемнонъ Вишневскій, въ мірѣ Александръ, уроженецъ Олонецкой губерніи, сынъ дьякона. Изъ Олонецкой семинаріи онъ поступилъ въ С.-Петербургскую Академію; кандидатъ XXI курса (1851—1855 г.). Въ Апрѣлѣ 1855 г., передъ окончаніемъ курса, постриженъ въ монашество, а по окончаніи назначенъ преподавателемъ логики и психологіи въ Смоленскую семинарію; въ 1860 г. опредѣленъ инспекторомъ Калужской духовной семинаріи; въ 1864 г. возведенъ въ санъ архимандрита; въ 1866 г.—ректоръ Подольской семинаріи; въ 1868 г. настоятель Полоцкаго Пинскаго монастыря; въ 1875 г. настоятель Полоцкаго же Богоявленскаго монастыря; въ 1884 г. рукоположенъ во епископа Елисаветградскаго, викарія Херсонскаго, съ 1891 г. еп. Новомиргородскій, 1-й викарій той же Херсонской епархіи. Скончался 6 Ноября 1903 г. въ 10 ч. вечера отъ угара въ монастырской банѣ. На викаріатствѣ пробылъ почти 20 лѣтъ, чему примѣровъ не было со времени учрежденія викаріатствъ [1]).

Въ одномъ изъ писемъ архіеп. Никаноръ проситъ „непремѣнно пустить въ быстрѣйшій ходъ его предложеніе объ открытіи церковныхъ школъ повсюду, особенно же школъ грамотности для дѣвочекъ, непремѣнно съ пѣніемъ и рукодѣльемъ". Въ 1887 г. въ Петербургѣ это былъ самый модный вопросъ, и почти всѣ владыки старались угодить Константину Петровичу Побѣдоносцеву, затѣявшему эти школы и насаждавшему ихъ съ большой энергіей. Правда, такихъ школъ немало было и на бумагѣ. Въ большинствѣ онѣ служили синекурами для избранниковъ и укрывательствомъ для семинаристовъ и неудачниковъ изъ духовнаго званія отъ воинской повинности. Но о нихъ говорили и писали, много писали, о чемъ свидѣтельствуютъ и епархіальныя вѣдомости, изводившія массу бумаги для помѣщенія школьныхъ отчетовъ о благоуспѣшныхъ дѣйствіяхъ завѣдывающихъ ими наблюдателей, въ особенности же епархіальныхъ. Эти почтенные дѣятели, впрочемъ, не безкорыстно издавали свои труды съ раздутыми отчетами, требуя изъ скудныхъ средствъ такой гонораръ, что ему могъ бы позавидовать самый дорогой современный литераторъ. Въ одной губерніи на протесты противъ этого мздоимства послѣдовало властное слово: „Сдаю свои резолюціи для исполненія, а не для легкомысленной критики" [2]).

Читая эти строки, невольно вспоминаются подобнаго рода модныя и, судя по обстоятельствамъ, сравнительно скоро преходящія начинанія. Извѣстно, что императоръ Александръ I, подъ вліяніемъ своего министра духовныхъ дѣлъ кн. А. Н. Голицына, усиленно насаждалъ въ Россіи библейскія общества.

---

[1]) Біографическій Словарь студентовъ СПБ. Духовной Академіи. А. Родосскій. СПБ. 1907 г. стр. 271.

[2]) „Русскій Архивъ". 1906. II, 345 и 1908. VI 239.

Сопровождавшій Александра I, во время его путешествія по Россіи въ 1816 г. извѣстный историкъ А. М. Михайловскій-Данилевскій въ своемъ дневникѣ писалъ, что „самые отличные люди, которыхъ я нашелъ въ семи Великороссійскихъ губерніяхъ, какъ по поведенію своему, такъ и по образованію, были архіереи, и императоръ оказывалъ имъ особое вниманіе, принималъ ихъ въ кабинетѣ и за обѣдомъ сажалъ ихъ возлѣ себя по правую сторону. Членовъ библейскихъ обществъ Государь тоже въ сію поѣздку много ласкалъ. *На все въ свѣтѣ бываетъ мода,* думалъ я“; такъ заключаетъ эту страницу своего дневника Данилевскій. Сошелъ со сцены Голицынъ, появился Фотій, и самая память о библейскихъ обществахъ, выражаясь языкомъ одного Екатерининскаго духовнаго писателя, „погибе съ шумомъ“.

А. Титовъ.

1.

Получ. 20. 1887 г.

1887 г. Іюня 14. С. П. Б.

Ваше преосвященство, возлюбленный о Господѣ братъ!

Путешествіе описывать не стану.

Васъ и преосвященнаго Іустина[1]) я хвалю и предъ владыкою митрополитомъ[2]), похвалилъ такъ сильно, что даже ему самому, повидимому, стало пріятно. Онъ благосклонно улыбнулся.

Скажу, что здѣшній владыка митрополитъ явно бодрѣе Кіевскаго[3]). Ничего въ немъ немощнаго. Какъ былъ 20 лѣтъ назадъ, такъ и есть.

Рѣшенія объ опредѣленіи на всякія мѣста благоволите всѣ безъ исключенія присылать на мое усмотрѣніе и утвержденіе.

„Московскія Вѣдомости“ мнѣ не высылайте. Вообще журналовъ и книгъ не высылайте, коли у васъ получатся.

По секрету: считается рѣшеннымъ дѣломъ, что преосвященный Павелъ не возвратится въ Грузію. На его мѣсто имѣется въ виду Палладій Казанскій, который уѣхалъ въ Казань. Другихъ перемѣщеній не предвидится.

Письмо Вагнера пришлите: объ немъ здѣсь говорятъ. Говорилъ Константинъ Петровичъ. Вообще письма высылайте сюда.

О служеніяхъ скажу, что я о нихъ подумалъ еще въ Одессѣ. Мое умолчаніе о Крестовой было умышленно. Во-первыхъ, изъ Крестовой я взялъ и пѣвцовъ, и утварь, и ризы. Некому пѣть при архіе-

---

[1]) Охотинъ, еп. Курскій.

[2]) Исидоръ.

[3]) Платонъ.

рейскихъ службахъ. Некому сослужить. Не во что одѣться. Чтобъ служить архіерею, все нужно брать изъ собора. А этимъ соборные были бы тяжко обременены и стали бы, навѣрное, роптать, особенно за окончательное отвлеченіе отъ собора служащихъ діаконовъ и т. д. Я бы попросилъ ваше преосвященство даже въ соборѣ служить по высокоторжественнымъ днямъ; по прочимъ же служить только по усмотрѣнію особой нужды и по *искреннему* приглашенію со стороны о. ключаря. Такъ прошу, по соображенію тѣхъ обстоятельствъ, что при самомъ соборѣ теперь нѣтъ достаточнаго числа сослужащихъ, а брать отъ другихъ церквей также не приходится, потому что гдѣ было по два діакона, оттуда лишнихъ я взялъ въ свою свиту. И потому должно остерегаться обременить и соборъ, и причты другихъ церквей, чтобы не вызвать основательнаго ропота.

Благоволите имѣть въ виду, что и Николай Яковлевичъ Лисицкій[1]) отпрашивался у меня отъ регенства почти *со слезами на глазахъ*. Да, *со слезами*. И я *упрашивалъ* его такъ же настойчиво, какъ онъ отпрашивался, въ томъ соображеніи, что хоръ безъ него рухнетъ; а это возбудитъ такой грохотъ въ городѣ, что отголоски его дойдутъ сюда немедленно и крайне затруднятъ даже продленіе моего пребыванія здѣсь: ген.-губернаторъ нажалуется. Несомнѣнно, что архіеп. Леонтія убрали отсюда по требованію ген.-губернатора. Я и не желаю жить здѣсь больше года. Но дайте годъ прожить болѣе или менѣе спокойно.

Государыня Императрица изволила вспомнить пребываніе въ Николаевѣ въ такихъ выраженіяхъ: „О, такая хорошая погода была, такъ хорошо было, такъ радостно. Вотъ въ Одессу.... Харьковская, Херсонская губерніи считаются худшими въ политическомъ отношеніи“.

Прощайте, любезный братъ, молите Бога о насъ. Я не премину случая сдѣлать вамъ возможное добро. Зачѣмъ вызвали сюда Уфимскаго[2]), никто сказать мнѣ не умѣетъ. Понравился. Ходатайствовалъ Веніаминъ Иркутскій, котораго однакоже не удерживали. Вся сила въ Константинѣ Петровичѣ и В. К. Саблерѣ, но черезъ церковно-приходскія школы и церковное пѣніе.

Принимаются мѣры, чтобы обученіе церковному пѣнію въ семинаріяхъ сдѣлать дѣйствительно обязательнымъ. Уже написанъ протоколъ... Объ уровнѣ семинарій разумѣніе вообще невысокое. Вашъ покорнѣйшій слуга Никаноръ, архіепископъ Херсонскій.

---

[1]) Бывшій регентомъ архіерейскаго хора и смотрителемъ Одесскаго духовнаго училища; теперь въ отставкѣ больной.

[2]) Діонисій Хитровъ.

2.

1887 г. Іюня 15.

Секретарь Яковъ Діонисьевичъ*) учинилъ слѣдующую непростительную неосмотрительность. Въ епархіальномъ отчетѣ говорится: „Здѣсь прилагаю печатную брошюру, отчетъ по обозрѣнію епархіи за 1886-й годъ". Сія брошюра не приложена. А она передана была въ Консисторію въ числѣ 600 экземпляровъ. Благоволите: 1) отъ моего лица сдѣлать г. секретарю надлежащее внушеніе, что такая банальная неосмотрительность худо рекомендуетъ насъ предъ глазами высшаго начальства; 2) эту брошюру безотлагательно вышлите въ 2—3 экземплярахъ на мое имя; 3) если не окажется ея у секретаря, то при себѣ велите отпереть въ моемъ кабинетѣ, въ кабинетскомъ столѣ дверцу справа отъ кресла, выдвиньте нижній ящикъ и тамъ найдете этой брошюры 5 экземпляровъ; 3 изъ нихъ благоволите выслать сюда, а ящикъ заприте при себѣ.

Передайте Якову Діонисьевичу слѣдующее. Преосв. архіеп. Савва, безъ моего вызова, самъ объяснилъ мнѣ пріемы, которыхъ держалась Харьковская консисторія при.... Оказалось, что, по отбытіи въ Одессу, найдены цѣлыя чуть ли не тысячи дѣлъ. „Что̀ хотѣли, мнѣ подавали; чего не хотѣли, то припрятывали, держа подъ сукномъ. А я почемъ знаю, какія у нихъ тамъ дѣла? Я вижу и знаю только то, что̀ мнѣ подается". Такъ объяснялъ преосв. Савва. Такую же систему я подмѣчаю и знаю, особенно съ начала, пока не ознакомишься съ текущими дѣлами. Да и то много залежалаго. Потрудитесь объяснить это Якову Діонисьевичу, да и членамъ, особенно суднаго и ставленническаго столовъ. Да и предостеречь, чтобъ особенно теперь остерегліись они подобной системы задерживанья дѣлъ. Что̀ сталось съ старымъ священникомъ Крыжановскимъ? На чемъ стало дѣло о сожженіи дома вдовы Постриганевой и о. благочиннаго Ленякскаго? На чемъ стало дѣло о хожденіи въ вывороченой рпзѣ и о М. Ровномъ и прочее таковое. Покорнѣйшій слуга Никаноръ а. Х.

3.

Получено 3, отписано 4 Іюля.

1887 г. Іюня 27. С. П. Б.

Ваше преосвященство, возлюбленный о Господѣ братъ!

О преосвященномъ Германѣ, по его собственной иниціативѣ, рѣшено, что онъ въ Августѣ отбудетъ въ Москву; а теперь онъ пере-

*) Буханцевъ.

селяется на жительство въ Лавру. Его и другихъ тяготило то, что, не имѣя свиты, онъ не могъ служить и оставилъ церковь Благовѣщенскаго подворья безъ службы, отчего терпитъ даже синодское хозяйство, не говоря о нарушеніи преданія. Свита при архіереѣ, по здѣшнему, необходимость, а для подворья простой расчетъ: пѣвчіе привлекаютъ молящихся. Всякій церковный сборъ, кромѣ братскаго кружечнаго, поступаетъ въ пользу Хозяйственнаго Управленія; впрочемъ, довольно оригинально. Напримѣръ, наша церковь отдана на откупъ якобы старостѣ Попову, онъ вноситъ въ казну 2500 р. А думаю, что оборотъ здѣсь недалекъ отъ нашего соборнаго. Пользуется благосклонностью ближайшаго начальства, и собственно мы у него состоимъ на откупу или на откупѣ.

Прелюбезнѣйшему о. Аѳанасію я въ Московскомъ желѣзнодорожномъ вокзалѣ сказалъ, что *свою правду ищуще поставити, правдѣ Божіей не повинуемся*. Въ немъ множество достоинствъ, о которыхъ онъ и любитъ говорить: конечно, умъ, магистерство, степенность, ростъ, оригинальный видъ (онъ раздобрѣлъ), цѣломудріе, неподкупность даже для барынь (которыя пытались его подкупить въ извѣстныхъ видахъ). Его уважаютъ и отличаютъ въ Москвѣ, какъ старѣйшаго и ученаго. Всюду приглашаютъ въ ученыя корпораціи; но, несомнѣнно, онъ держитъ оппозицію митрополиту и консисторіи. Его посадили въ консисторію—отказался. Самъ со временемъ пошелъ просить другаго монастыря, митрополитъ отказалъ и наговорилъ горькихъ вещей и т. п. Думаю, что положеніе въ этомъ отношеніи совсѣмъ испорчено.

Благоволите, ваше преосвященство, неотложно позвать о. благочиннаго, протоіерея Тихомирова, и сказать ему, чтобы онъ, не медля ни одного дня, выслалъ сюда слѣдующую членамъ моей свиты, состоящей на мѣстахъ по его благочинію, слѣдующую имъ кружку *неотложно*. Выслать на мое имя. Скажите тоже въ консисторію, чтобъ повторили предписаніе и другимъ благочиннымъ, чтобы причты высылали не черезъ благочинныхъ, а сами непосредственно за общею подписью и церковныхъ старостъ на мое имя, а благочинные чтобы только контролировали вѣрность и неотложность высылки; жалованья также, земельныя деньги также. Чтобы благочинные разъяснили мнѣ всѣ источники довольствія каждаго члена моей свиты подробно, обстоятельно. Прошу васъ и консисторію о семъ самымъ настоятельнымъ образомъ. Это теперь моя главная забота!

Глядите, какъ бы Вл. К. Саблеръ, гоняясь за штундою въ Кіевской губерніи, вообще на Югѣ, не проникъ и въ Херсонскую. Попросите о. ректора, которому кланяюсь, сообщить о семъ нашимъ

миссіонерамъ. Саблеръ уже отбылъ въ Кіевъ, спеціально по части штунды.

Кланяюсь. Молите Бога о насъ. Всепокорнѣйшій слуга, Никаноръ, архіеп. Херсонскій и Одесскій.

Свита прибыла благополучно. Жены возмутились было противъ миріадъ клоповъ, и блохъ, и таракановъ, но теперь умиротворились.

Больны теленокъ и діаконъ изъ женскаго монастыря, Кульчицкій, не особенно. Прочіе, особенно мальчишки, рады. И мы имъ рады. А только забота!

Богъ съ вами!

Вообразите, о. ключарю экономъ В. Д. Мочульскій, по своей *злосчастной* идеѣ, задержалъ вещи 3 недѣли въ Одессѣ. Тамъ, между прочимъ, орлецы. Служить — орлецовъ нѣтъ. Посылали въ Лавру одолжить. Вотъ пришла злосчастная человѣку мысль! Каждый день поругиваемъ. Вещи не получены.

Пару лучшихъ лошадей отправить на прокормъ въ Бизюковъ монастырь. Только чтобъ отнюдь не допускали до кобылъ, а то испортятъ навѣкъ.

4.

Получ. 10 Сентября, отписано 28 Сент.

1887 г. Сентября 5. С. П. Б.

Ваше преосвященство, возлюбленный о Господѣ братъ!

Миссіонерскій комитетъ благоволите собрать, оныя деньги отослать; впрочемъ, какъ комитетъ рѣшитъ.

Оный Гавріилъ пьяный лѣзъ на глаза владыки-митрополита Исидора, архіеп. Ярославскаго и Рязанскаго и епископа Германа, путешествовавшихъ вмѣстѣ изъ Званки въ Петербургъ. Въ Петербургъ явился безъ клобука, лѣзъ ко мнѣ, но я не принялъ. Понадобится, я для него не поскуплюсь на мѣры укрощенія, *до снятія сана*. Такъ ему моимъ именемъ и объясните. Если будетъ безчинствовать въ городѣ, моимъ именемъ попросите Якова Ивановича Бунина*) безъ жалости сажать этого буяна въ полицейскій клоповникъ. Попросите и градоначальника.

Относительно книгъ не безпокойтесь. Въ Москвѣ должны знать, что я живу не въ Одессѣ. Складывайте въ кучу—и только. Коли хо-

*) Одесскій полицмейстеръ.

тите пользоваться, пользуйтесь. Я не желаю здѣсь заваливаться. Слишкомъ заваленъ и занятъ.

По секрету: преосвященнаго Августина переводятъ викаріемъ на Донъ, согласно прошенію, „куда-нибудь“. Серафимъ, викарій Донской, умираетъ. Лосева, ректора Вологодскаго, дѣлаютъ викаріемъ Харьковскимъ. Въ Каменецъ-Подольскъ викаріемъ предполагается Амфилогій [1]) ученый Московскій. Какіе-то ректоры перемѣняются. О. Николая—ректоромъ въ Вологду. Кіевскими порядками здѣсь продолжаютъ быть недовольны. Кіевскій владыка прибудетъ сюда въ Ноябрѣ, Московскій также. Преосвященный Павелъ [2]) уѣдетъ, *по секрету*, въ Казань. На его мѣсто вызовутъ въ Синодъ, повидимому, Литовскаго.

Протоіерея Крупскаго въ 50-лѣтіе представляли къ митрѣ, Синодъ отклонилъ, владыка не соизволилъ. Константинъ Петровичъ воротился около половины Сентября. Теперь въ Смоленскѣ боленъ. Повидимому, пишутъ нѣчто на Пензенскаго [3]) и Тамбовскаго.

Прощайте, Богъ съ вами. Молите Бога о насъ. Тамъ какая-то барыня написала сюда что-то на васъ, что ваши монахи безчинно держатъ себя въ церкви при богослуженіи. Пугните маленько. Въ другой разъ Кон. П-чъ объ этомъ не заикался. Подробности спросите у Михаила Андреевича [4]).

Скажите ему, что онъ умеръ что-ли? Надо бы получить отъ него хоть двѣ строки, особенно на счетъ племянницы Ольги [5]).

Кляняюсь. Глубоко-благожелательный вашего преосвященства покорнѣйшій слуга Никаноръ, архіепископъ Херсонскій.

... Непремѣнно пустите въ быстрѣйшій ходъ мое предложеніе объ открытіи церковныхъ школъ повсюду, особенно же школъ грамотности для дѣвочекъ, непремѣнно съ пѣніемъ и рукодѣльемъ.

Присоединяю къ этому предложеніе о повсюдномъ открытіи внѣцерковныхъ собесѣдованій. Когда читаешь отчеты, когда слышишь, что̀ сдѣлано другими, въ другихъ епархіяхъ, приходится краснѣть, стыдно становится. Не стѣсняясь, объясняютъ нашъ неуспѣхъ не инерціею духовенства, а недостаткомъ нашего вліянія, неумѣньемъ взяться за дѣло. *Обличи*, *запрети*, *умоли*... Дѣйствуй, какъ хочешь, а

---

[1]) Амфилохій Казанскій, съ 1884 г. еп. Углическій, викарій Ярослав. епархіи, жилъ въ Спасо-Яковлевскомъ Ростовскомъ мон., гдѣ и скончался 20 Іюня 1893 г.

[2]) Лебедевъ, экзархъ Грузіи.

[3]) Григорій Медіоланскій.

[4]) Свящ. Юркевичъ, б. инспекторъ Одесскаго Епарх. жен. училища.

[5]) Теперь супруги прот. Сергія Петровскаго, законоучителя Одесс. Кадет. корп. Она дочь брата преосвященнаго Никанора, б. члена Окружнаго Суда, Ильи Бровковича.

чтобъ было, какъ у другихъ есть. Разсужденіе здравое. Сообщите это членамъ консисторіи, благочиннымъ и т. д. Обличи, братъ, настой благовременно и безвременно, умоли... и проч.

5.

Получ. 7 Февраля 1888 г. и отписано быть имѣетъ, когда окажется удобнымъ, и это сдѣлано отъ 15 Февраля.

1888 г. Января 31.

С. П. Бургъ.

Ваше преосвященство, возлюбленный о Господѣ братъ!

Прежде всего объ о. Захаріи. Знаете, я далъ бы совѣтъ... совѣтъ—никакъ не вести дѣло къ дальнѣйшей огласкѣ. Сказать: аще не исправится, то пустите дѣло въ ходъ. А бумаги подержите у себя въ сокровенности на всякій случай. По моему, не устранять бы его отъ должности казначея: еще способенъ. А только повѣрять его ежемѣсячно, какъ дѣлаю я, лично со старшею братіею, такъ, чтобы видна была вамъ самимъ каждая копейка пришедшая и ушедшая.

По моему вы гораздо больше рискуете, ввѣряя свое хозяйство человѣку, совершенно невѣдомому. На принятіе его въ монастырь я сейчасъ же соглашусь.

Нарядить его въ рясоворъ вы можете собственною властію, вашимъ архіерейскимъ благословеніемъ; но утвердить за нимъ сразу и должность казначея мнѣ было бы затруднительно. Что же до посвященія его сразу въ монашество, то вопреки правиламъ Святыхъ Отецъ, на сіе я не согласенъ. Вѣрю, что онъ человѣкъ хорошій; но склонности человѣческія бываютъ переходчивы. Сами остерегитесь, какъ бы онъ не насмѣялся надъ другими, а бѣсъ надъ нимъ.

Текущія новости, что Казанскаго Кирилла дѣлаютъ Екатеринбургскимъ. Викарія въ Казань изберетъ Павелъ архіепископъ. Въ Великоустюгъ викаріемъ почти самостоятельнымъ избрали Іоанникія, настоятеля Маркова монастыря въ Витебскѣ. Въ Елабугу архіерея пока не избрали. Во Владимиръ викарія и избирать, повидимому, не станутъ. Кандидатовъ на архіейство совсѣмъ нѣтъ. Аѳанасія Плавскаго—увы! не хотятъ, Александра Владимиро-Волынскаго желаютъ, но и не называютъ.

Спасайтеся о Господѣ. Кланяемся сердечно. Лѣто провести на Фонтанѣ желали бы. Мечтаемъ о семъ, но вѣрнаго, даже вѣроятнаго, ничего.

Болѣе ясное что-либо скажемъ чрезъ о. намѣстника Иннокентія, котораго ожидаемъ сюда.

Богъ да хранитъ и благословитъ вашу мирную обитель, нашъ домъ и всѣхъ христолюбцевъ. Срѣтенскій приходъ бунтуетъ; не имѣетъ въ себѣ ничего пастырскаго о. Попруженко[1]), собесѣдникъ и человѣкоугодникъ. Мосоновъ скончался въ день моего прибытія въ Одессу, именно 25 Января. Старался меня выжить. Х. Х. Роппъ у насъ не былъ, и мы на поклонъ къ нему не ѣздили. Это мнѣ полезно. Господь со всѣми!

Вашего преосвященства, милостивѣйшаго архипастыря покорнѣйшій слуга Никаноръ архіепископъ Херсонскій и Одесскій.

6.

1888 г. Сентября 16. (Одесса).

Ваше преосвященство, возлюбенный о Господѣ братъ!

О. протоіерей А. Кудрявцевъ[2]) вчера Богу душу отдалъ.

Слишкомъ тѣсно обложенный дѣлами и заботами, покорнѣйше прошу васъ прибыть сегодня сюда къ 4-мъ часамъ. Тутъ отслушаете всенощную, или же въ университетской церкви. Желательно, чтобы и выносъ сегодня совершили.

Завтра съ 9 часовъ утра отслужить въ университетской церкви литургію, къ отпѣванію я пріѣду.

На обѣдъ завтра просимъ къ намъ. Прошу, хоть на словахъ, отвѣта.

Вашего преосвященства покорнѣйшій слуга Никаноръ архіепископъ Херсонскій.

7.

14 Ноября.

1888 г. Ноября 7.

С. П. Б.

Ваше преосвященство, возлюбленный о Господѣ братъ!

Сейчасъ прочиталъ ваше посланіе.

Если г. Шапиро своенравенъ, то и предоставляемъ его волѣ Божіей.

Новостей пока никакихъ. Вызывается въ Святѣйшій Синодъ преосвященный Алексій Литовскій.

Съ любовію о Господѣ и сердечнымъ уваженіемъ вашего преосвященства покорнѣйшій и доброжелательный слуга Никаноръ архіепископъ Херсонскій.

[1]) Прот. Георгій Ивановичъ Попруженко, настоятель Одесской Срѣтенской церкви, теперь умершій.

[2]) Прот. Александръ Никол. Кудрявцевъ, проф. въ Новорос. университетѣ.

Письмо игуменьи Миропіи.

Одесса. Михайло-Архангельскій монастырь.

Ваше высокопреосвященство, высокопреосвященнѣйшій архипастырь и отецъ!

Осмѣливаюсь васъ безпокоить своимъ писаніемъ.

Желаю высказать вамъ свои поступки, какъ доброму отцу и бладѣтелю своему. О. протоіерей Тихомировъ 30-го Августа служилъ раннюю литургію, на которой была приложена заупокойная эктенія, ежедневно прилагаемая за прихожанъ умершихъ, но не за Государя Императора Александра Николаевича, который даже не поминался въ это время. Я напомнила ему, что, кажется, въ этотъ торжественный день не полагается поминовеніе усопшихъ и сказала, что говорю на томъ основаніи, что имѣю указъ отъ вашего высокопреосвященства—слѣдить за уставомъ церковнымъ. На это онъ мнѣ отвѣтилъ: „Оставьте ваши уставы“, и только не добавилъ: „И убирайтесь съ ними“. Такъ съ этимъ и отошла я отъ него. На всенощной же подъ этотъ день протоіерей освящалъ хлѣбы, вино и елей, но не помазывалъ освященнымъ елеемъ предстоящихъ, что̀ дѣлалъ и раньше нѣсколько разъ, о чемъ я не рѣшалась ему напоминать во избѣжаніе непріятностей и беззащитности своей: такъ какъ васъ нѣтъ въ Одессѣ, то за меня некому и слова сказать. Вы изволили мнѣ предоставить церковный звонъ на томъ основаніи, что вездѣ принято, какъ на Руси, такъ и на Дону звонить на достойно, когда поютъ: „*Достойно и праведно есть поклонятися Отцу и Сыну и Св. Духу*“. Въ это время и я приказала звонить. И на это сдѣлалъ возраженіе о. протоіерей. Мнѣ кажется, здѣсь никакого нѣтъ отступленія отъ общихъ правилъ. Полагаюсь вполнѣ на ваше архипастырское распоряженіе, какъ прикажете мнѣ, такъ и буду поступать. Вы всегда милостиво снисходили къ моимъ ошибкамъ, по неопытности моей, и теперь прошу простить меня, если я въ чемъ поступила неправильно.

Благодареніе Господу, вашими святительскими молитвами у насъ въ обители все мирно и благополучно. Всѣ сестры ввѣренной мнѣ обители располагаются ко мнѣ и съ любовію и покорностію относятся ко мнѣ, что̀ меня очень утѣшаетъ. Домъ новостроющійся на Среднемъ Фонтанѣ, думаю, будетъ готовъ къ зимѣ (если Господь поможетъ), и сестры перейдутъ жить въ него. Прошлую зиму такъ было холодно, что бѣдныя сестры многія поплатились своимъ здоровьемъ, получили ревматизмы. Не ожидала, чтобы вышелъ такой хорошій

домъ. Помѣщеніе будетъ хорошее: десять комнатъ всѣхъ, шесть изъ нихъ небольшихъ, а четыре порядочной величины.

Старая игуменія съ каждымъ днемъ замѣтно слабѣетъ физически, да и нравственныя силы упадаютъ; иногда являются такія неумѣстныя требованія, что затрудняюсь ихъ исполнять, но все-таки, на сколько можно, успокаиваю ее. Простите меня, добрый владыка, что я отнимаю у васъ время. Не осмѣлюсь больше васъ безпокоить, если не будетъ на то вашего благословенія.

Земно кланяюсь вамъ, прошу вашихъ святительскихъ молитвъ и благословенія, какъ себѣ, такъ и всѣмъ сестрамъ нашей обители.

Вашего высокопреосвященства, милостивѣйшаго архипастыря и Отца, смиренная послушница игуменія Миропія.

Сентября 3-го дня 1887 г.

20 Сентября 1887 г.

Конфиденціально.

Ваше преосвященство, любезный братъ!

Пригласите къ себѣ мать игуменію Миропію и разъясните ей мою непремѣнную волю: 1) чтобы на отступленіе монастырскаго причта отъ устава она всякій разъ жаловалась вамъ, или даже мнѣ; а 2) сама чтобы воздерживалась отъ всякихъ непосредственныхъ внушеній монастырскому причту, особенно же о. протоіерею, который по лѣтамъ годится ей въ отцы, а по заслугамъ не можетъ быть и сравниваемъ съ нею, и что 3) игуменьѣ всегда полезно и назидательно прочитывать то огласительное поученіе по архіерейскому служебнику, которое читано ей мною при ея поставленіи въ санъ игуменіи,—прочитывать именно тѣ слова, которыя мною опущены и въ которыхъ сама церковь опредѣляетъ что̀ такое игуменъ или игуменія, и ничимъ же больше отъ прочихъ сестеръ, точію старѣйшая между ними; 4) должна она помнить, что живетъ во градѣ Одессѣ, а не въ Усть-Медвѣдицѣ. Аще же протоіерей обидитъ, и ему будетъ сдѣлано тоже внушеніе, какъ и дѣлано. Передайте ей однакоже мое благословеніе и благожеланіе душевнаго мира. Сердечно чтущій васъ

Никаноръ архіепископъ Херсонскій.

ИЗЪ АРХИВА Н. Н. НОВОСИЛЬЦОВА [1]).

I.

„Союзъ Вольныхъ Поляковъ“.

Секретное дѣло № 11 (по описи № 77) объ открытыхъ: тайномъ Союзѣ Вольныхъ Поляковъ и тайномъ политическомъ союзѣ въ городѣ Краковѣ. Марта 29 дня 1822. На 98 листахъ.

Въ этомъ дѣлѣ, начинающемся „выпискою насчетъ прикосновенности Добржицкаго [2]) къ тайному обществу, подъ названіемъ народоваго общества“, прежде всего обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія обстоятельства.

Изъ „перехваченнаго“ письма Карскаго къ Добржицкому и затѣмъ изъ показаній Карскаго было обнаружено, что Добржицкій „зналъ о

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“, 1908 года, вып. 1-й.

[2]) Колачковскій, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ (Wspomnienia jenerala Klemensa Kolaczkowskiego, odroku 1820 do 1830, III), говоритъ, что правительство напало на слѣдъ тайнаго общества такимъ путемъ. Въ началѣ Марта 1822 года, вслѣдствіе доноса изъ Парижа, былъ арестованъ на границѣ бывшій капитанъ *Курскій,* возвращавшійся изъ Парижа, и при немъ было найдено письмо на имя чиновника Калишскаго казначейства Добржицкаго, которое онъ не успѣлъ вручить. Результатомъ этого было привлеченіе къ слѣдствію Добржицкаго, маіора Лукасинскаго, подполковниковъ Доброгойскаго и Прондзынскаго, капитана Кошутскаго, маіора Махницкаго, Цихоцкаго, Шредера и другихъ. Теодоръ Моравскій (журналистъ), одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ тайнаго общества, успѣлъ скрыться за границу. Генералъ Уминскій, Матвѣй Мельжинскій и Іосифъ Крыжановскій (шуринъ Колачковскаго) были арестованы въ 1826 году, въ Пруссіи. По словамъ автора „Воспоминаній“, большую услугу правительству въ этомъ дѣлѣ оказалъ полковникъ Шнейдеръ, разсчитывавшій своими разоблаченіями заслужить милость по тяготѣвшему надъ нимъ обвиненію въ многоженствѣ (proces o wielozenstwo).

нахожденіи въ Дрезденѣ генераловъ Уминскаго [1]) и Княжевича [2]), равно о причинѣ таковаго ихъ тамъ нахожденія". Добржицкій самъ говорилъ Карскому, что Уминскій находится въ Дрезденѣ „для свиданія съ Аглицкимъ посланникомъ, дабы чрезъ посредство Аглицкаго кабинета увѣдомить Порту и о Союзѣ Поляковъ". Кромѣ этого, Добржицкій „зналъ о поѣздкѣ генерала Пашковскаго [3]) на Украйну, для распространенія „Союза", а также „о поддержаніи онаго Союза чрезъ генерала Княжевича съ Прусскою партіей".

Что касается Карскаго, то онъ являлся, въ данномъ случаѣ, исполнителемъ порученій Добржицкаго и другихъ членовъ Союза. Онъ ѣздилъ къ Уминскому съ письмомъ отъ Добржицкаго, но по его словамъ, онъ сжегъ это письмо, не найдя Уминскаго въ Дрезденѣ. Онъ же ѣздилъ въ Парижъ къ Скаржинскому съ письмомъ отъ того же Добржицкаго и еще съ какою-то „извѣстной" статьею о Союзѣ, „для припечатанія въ журналѣ". Между прочимъ, „при проѣздѣ черезъ Калишъ во Францію", Карскій представилъ Добржицкому „рекомендательное письмо" отъ Доброгойскаго. Въ концѣ этого письма была приписка (по-польски, конечно): „хорошо бы вы сдѣлали, еслибы дали ему (Карскому) немного денегъ".

Одновременно съ симъ, изъ показаній Доброгойскаго выяснилось, что Союзъ имѣлъ свой уставъ. Доброгойскій, получивъ его отъ маіора Лукасинскаго, передалъ затѣмъ, въ 1821 году, Добржицкому, при свиданіи съ нимъ въ Калишѣ.

Тотъ же Добржицкій завѣдывалъ кассою Союза.

---

[1]) Уминскій, Янъ (1780—1851), принималъ участіе въ возстаніи 1794 года и въ нашествіи Наполеона на Россію. Въ 1816 году служилъ въ Царствѣ Польскомъ, а затѣмъ переѣхалъ въ княжество Познанское, гдѣ учредилъ тайное общество Косиньеровъ. Въ 1826 году, по обнаруженіи связей его съ Декабристами, былъ арестованъ и заключенъ въ Торнскую крѣпость; но оттуда, въ началѣ возстанія 1830 года, бѣжалъ въ Варшаву. Заочно приговоренный Прусскимъ военнымъ судомъ къ смертной казни, за побѣгъ изъ крѣпости, Уминскій, по усмиреніи возстанія, нашелъ убѣжище во Франціи.

[2]) Княжевичъ, Карлъ (1762—1842), во время возстанія 1794 года былъ начальникомъ штаба у генерала Заіончека. Принималъ участіе въ походѣ Наполеона на Россію, а потомъ въ созданіи въ Царствѣ Польскомъ Польской арміи. Въ 1817 году поселился въ Дрезденѣ; когда же были обнаружены его связи съ Декабристами, то, опасаясь выдачи Русскому правительству, Княжевичъ удалился въ Парижъ. Тамъ, во время возстанія 1830 года, онъ исполнялъ дипломатическія порученія Польскаго революціоннаго правительства.

[3]) Пашковскій, Францишекъ (1778—1856), бывшій адъютантъ Мюрата, потомъ участникъ Наполеонова нашествія на Россію и, наконецъ, генералъ Польскихъ войскъ въ Царствѣ Польскомъ.

По слѣдующимъ за симъ выпискамъ изъ слѣдственныхъ протоколовъ и актовъ индагаціи (дознанія) предъ нами вырисовывается цѣлый рядъ силуетовъ Польской университетской молодежи.

Увлекающаяся и самонадѣянная, эта молодежь, конечно, искренно вѣрила въ свою провиденціальную роль и, жадно вслушиваясь въ льстивыя рѣчи патріотовъ, звавшихъ ее къ великимъ подвигамъ, легкомысленно обрекала и себя самоё и родной край на новое горе и бѣдствія.

„Co nam napsuli prawnicy
Odrobia cicho szkolnicy“ [1]),

многозначительно говорится въ одномъ рукописномъ стихотвореніи, и въ этихъ фальшивыхъ и подстрекательныхъ фразахъ уже заключалась цѣлая программа дѣйствій...

Мы видимъ, какъ Варшавскіе студенты втихомолку вырѣзываютъ на университетскихъ скамьяхъ какія-то криминальныя надписи; какъ они шумно празднуютъ на Бѣлянахъ [2]) годовщину конституціи 3-го Мая; какъ зачитываются разсужденіями Коллонтая [3]) о причинахъ „упадка“ этой конституціи, и разными другими „вольнодумственными“ книгами и „манускриптами“, наивно оправдываясь потомъ предъ „подлежащими властями“ и стараясь отвести имъ глаза хитроумными объясненіями. Между прочимъ у студента Обнинскаго, среди разныхъ нелегальныхъ изданій и рукописей, обнаруживается стихотворный отрывокъ, въ которомъ говорится, что „убійство не есть преступленіе, когда дѣло идетъ о благѣ отечества, а мщеніе есть добродѣтель“.

Обнинскій объяснялъ, что всѣ эти произведенія онъ хранилъ исключительно съ тою цѣлью, „чтобы, иногда перечитывая ихъ, видѣть постепенное развитіе собственныхъ чувствъ и способностей и напоминать себѣ господствовавшій въ юности его духъ времени“. Стихотворный отрывокъ, съ восхваленіемъ убійства и мщенія, взятъ имъ изъ

---

[1]) „Что намъ напортили законники,
То тихо исправятъ школьники“.

[2]) Бѣляны—старинная роща, въ трехъ верстахъ отъ Варшавы; среди нея находится древній католическій монастырь, ордена Камедуловъ. 1-го мая 1821 года, на Бѣлянахъ, произошло, въ присутствіи Уминскаго, Лукасинскаго, Моравскаго, Собанскаго (съ Волыни) и другихъ, объединеніе тайныхъ обществъ: Косиньеровъ и Національныхъ Масоновъ.

[3]) Гуго Коллонтай (1750—1812), ксендзъ, одинъ изъ творцовъ конституціи 3 Мая 1791 года. Во время возстанія 1794 года, стоялъ во главѣ гражданскаго управленія б. Рѣчи Посполитой. Считается отцомъ Польскаго радикализма. Кременецкій лицей обязанъ ему своимъ созданіемъ не меньше, чѣмъ графу Чапскому.

„трагическаго сочиненія“ Юліана Нѣмцевича: „Владиславъ подъ Варной“ *), а что̀ касается „сочиненій, оскорбительныхъ для памяти Россійскихъ государей и наполненныхъ злобою противу Россійской націи“, то таковыя „были писаны и собираемы еще до присоединенія Царства Польскаго къ Россійской имперіи, тогда, когда вообще духъ народа Польскаго вооруженъ былъ противу Россіи чувствами неблагопріятными, и когда всякой изъ Поляковъ старался выказывать себя подобнымъ образомъ мыслей“.

Надо полагать, что такими объясненіями Обнинскому вполнѣ удалось реабилитировать свою политическую благонадежность, въ особенности послѣ того, какъ, наряду съ инкриминированными произведеніями, у него оказались оды собственнаго его сочиненія: въ честь императора Александра I, великаго князя Константина Павловича и Россійскаго воинства, а также „ругательные стихи противу Буонапарта“ и „критическое язвительное сочиненіе въ прозѣ противу правительства б. Герцогства Варшавскаго, тогдашнихъ министровъ и проч.“

Другой студентъ, Войцеховскій, не менѣе искренно увѣрялъ, что онъ о „тайныхъ собраніяхъ“ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, тѣмъ болѣе, что такія собранія воспрещены намѣстникомъ. По его словамъ, онъ даже ресторановъ, кофеень и билліардныхъ никогда не посѣщалъ, такъ какъ это такія мѣста, гдѣ весьма легко испортить свою репутацію, и т. д.

Но уже изъ показаній Поляковъ, студентовъ Берлинскаго и Бреславльскаго университетовъ, мы узнаемъ, что съ 1819 года среди Польской молодежи существовалъ особый союзъ Związek Polski, девизомъ котораго были слова: „Wolnosć, Ojczyzna“.

---

*) Здѣсь невольно приходитъ на память слѣдующій фактъ, сообщаемый Н. К. Шильдеромъ („Императоръ Николай I и восточный вопросъ“ (1826—1830 гг.), Русская Старина, 1901 г., Январь), какъ превосходная иллюстрація благожелательнаго отношенія императора Николая Павловича къ Полякамъ, наканунѣ самаго возстанія. „Да сблизятся Поляки и Русскіе все болѣе другъ съ другомъ. Вотъ въ чемъ цѣль всѣхъ моихъ желаній и всѣхъ стремленій моего разума“, писалъ императоръ Николай въ 1828 году цесаревичу Константину Павловичу, при пожалованіи Варшавѣ 12 орудій, найденныхъ въ Варнѣ. Государь придавалъ большое значеніе этому замѣчательному для Варшавы и Поляковъ историческому воспоминанію, „ибо достойно вниманія, что здѣсь (т. е. въ Варнѣ) явилась именно Русская армія съ Польскимъ королемъ (т. е. съ самимъ императоромъ Николаемъ), чтобы отомстить смерть другого Польскаго короля“...

Рѣчь идетъ „о мужественномъ сынѣ Ягайлы, Владиславѣ, королѣ Польскомъ, павшемъ подъ Варною, ратуя подъ знаменемъ Христовымъ... Изъ найденныхъ орудій императоръ предполагалъ „воздвигнуть Владиславу памятникъ въ Варшавѣ, достойный героя и въ честь Россійскихъ войскъ, отмстившихъ побѣдою за его паденіе“.

Члены этого Союза, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые слушали лекціи въ Нѣмецкихъ университетахъ, носили сначала особыя ленточки на груди, голубаго, краснаго и бѣлаго цвѣтовъ, а потомъ стали носить желѣзныя кольца, на внутренней сторонѣ которыхъ были выгравированы золотомъ начальныя буквы девиза: „W. i. O.“, а на наружной: „Z. P.“

Цѣлью этого Союза, какъ утверждали Берлинскіе студенты Шанецкій и Марцинковскій, было поддержаніе Польской національности въ Нѣмецкихъ университетахъ, укрѣпленіе узъ дружбы между членами Союза, охраненіе репутаціи каждаго члена и—главное—серьезное занятіе науками. Одинъ изъ членовъ Союза завѣдывалъ кассой, другой—фехтовальной залой, а третій—предсѣдательствовалъ на собраніяхъ въ какой нибудь излюбленной пивной: у Гольцмана или же „Подъ медвѣдемъ“.

У членовъ Союза была выработана своя „конституція“, впослѣдствіи (въ 1821 году) якобы сожженная, вмѣстѣ со всѣми протоколами, списками членовъ и баллотировочными шарами (бѣлыми и черными).

Каждый вновь вступающій въ Союзъ долженъ былъ принимать присягу на вѣрность конституціи, обѣщая при этомъ хранить тайны Союза и всѣми силами содѣйствовать осуществленію его цѣлей. На столѣ, во время присяги, лежали двѣ крестообразно сложенныя шпаги, протоколъ и списокъ членовъ. По окончаніи присяги, всѣ присутствовавшіе подходили къ новому члену и давали ему братскій поцѣлуй...

*

Въ Мартѣ 1823 года, великій князь Цесаревичъ препроводилъ Новосильцову полученные имъ изъ Берлина, чрезъ Прусскаго генеральнаго консула въ Варшавѣ Шмидта, протоколы слѣдственной коммиссіи о допросѣ студента Берлинскаго университета Сальковскаго, по поводу существованія студенческаго общества Polonia.

Въ препроводительномъ письмѣ (отъ $^{9}/_{21}$ Марта за № 88), написанномъ на бланкѣ „Royaume de Pologne. Affaires Étrangères“, великій князь, между прочимъ, сообщалъ, что Прусская слѣдственная коммиссія, какъ увѣдомилъ Шмидтъ, пришла къ убѣжденію, что общество Polonia имѣетъ своею задачею не одно только сохраненіе Польской національности, но также и возстановленіе политической и географической цѣлости старой Польши („que les employés chargés de l'enquête avaient trouvé dans cette association non seulement le but de conserver la nationalité polonaise, mais encore celui du rétablissement de l'integrité politique et géografique de l'ancienne Pologne“).

Присланные протоколы были переданы Новосильцовымъ предсѣдателю Варшавской слѣдственной коммиссіи, апелляціонному судьѣ Фаленскому (Juge d'Appel et Président de la Commission d'enquête établie à Varsovie), который, по разсмотрѣніи ихъ былъ, какъ это видно изъ рапорта Новосильцова великому князю цесаревичу отъ $\frac{21\text{ Мая}}{12\text{ Іюня}}$ 1823 года, нѣсколько разочарованъ, не найдя въ нихъ никакихъ данныхъ, которыя бы давали возможность добраться до главнаго источника студенческихъ конспирацій. Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Прусскою слѣдственною коммиссіею и неоднократно ѣздя въ Берлинъ, съ спеціальными порученіями, Фаленскій, конечно, не могъ не видѣть, что за молодежью стоятъ и дѣйствуютъ другія лица.

Въ этомъ отношеніи весьма любопытна имѣющаяся въ дѣлѣ „выпись изъ письма, писаннаго къ г-ну Фаленскому отъ 29 Генваря 1829 года изъ Берлина дѣйствительнымъ тайнымъ Прусскимъ совѣтникомъ и королевскимъ камергеромъ, управляющимъ тайными слѣдственными коммиссіями".

Въ ней изложено слѣдующее: „nos académies allemandes ne sont pas encore tranquillisées; le gros de jeunes gens est calmé et guerri de l'épidémie politique, mais les vieux démagogues continuent leurs séductions et menées carbonariques; nous sommes à la veille de leur porter un coup mortel après avoir fait il y a quelques semaines des découvertes très intéressantes (Signé: le baron de Kampt)" *).

*

Императоръ Александръ I съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ слѣдственнаго производства по дѣламъ о тайныхъ обществахъ въ Царствѣ Польскомъ. Объ этомъ въ достаточной степени свидѣтельствуютъ находящіеся въ дѣлѣ черновики двухъ всеподданнѣйшихъ рапортовъ Новосильцова.

Въ рапортѣ отъ $^1/_{13}$ Апрѣля 1822 года Новосильцовъ докладываетъ Государю:

„Ваше величество. Вслѣдствіе приказаній, данныхъ намѣстникомъ (le prince-lieutenant) президенту Калишскаго воеводства (président du Palatinat de Kalisch) г. Радушевскому, о которыхъ я имѣлъ счастіе докладывать вашему императорскому величеству въ послѣднемъ моемъ рапортѣ, г. Радушевскій оставался въ Варшавѣ въ теченіи всей этой

*) Подпись не вполнѣ отчетлива. Подъ выпиской сдѣлана слѣдующая замѣтка: „подлинное письмо будетъ представлено вашему высокопревосходительству при дѣлѣ о Малевскомъ".

недѣли. Я ознакомилъ его со всѣми свѣдѣніями, добытыми нами благодаря показаніямъ отставного офицера (l'officier congédié) Нагурскаго. Такъ какъ большинство членовъ этого общества, состоящаго изъ небольшихъ отдѣленій, проживаютъ въ Калишѣ, то г. Радушевскій выразилъ мнѣ желаніе повидаться съ лицомъ, сообщившимъ намъ эти свѣдѣнія, и я устроилъ ему у себя свиданіе съ Нагурскимъ. Послѣдній, въ моемъ и генерала Раутенштрауха присутствіи, далъ самыя обстоятельныя объясненія относительно того, что̀ ему пришлось узнать. Г. Радушевскій весьма тщательно разспрашивалъ его о разныхъ лицахъ. Между прочимъ, Нагурскій назвалъ Радушевскому его собственнаго секретаря, который состоитъ членомъ тайнаго общества. Въ концѣ концовъ, г. Радушевскій сказалъ намъ, что онъ вполнѣ убѣдился, что все то что̀ сообщилъ Нагурскій была истинная правда, и что, дѣйствительно, большая часть указанныхъ Нагурскимъ лицъ извѣстны и ему, какъ сумасброды (mauvaises têtes), каковыми, впрочемъ, въ Калишѣ являются почти всѣ молодые люди. Послѣ такого признанія со стороны должностного лица, которое въ этомъ отношеніи, конечно, должно быть лучше освѣдомлено, чѣмъ кто-либо другой, мы стали совѣщаться о мѣрахъ къ обнаруженію коноводовъ, или, по крайней мѣрѣ, болѣе видныхъ лицъ изъ числа принадлежащихъ къ тайному обществу. Сначала мы думали, что наилучшимъ средствомъ достигнуть этого было бы допросить двухъ-трехъ лицъ, которыя участвовали въ принятіи Нагурскаго въ это общество; но вслѣдъ затѣмъ мы сообразили, что на этихъ лицахъ наша путеводная нить и оборвалась бы. Между тѣмъ, намъ необходимо найти такое средство, которое позволило бы добраться до самаго источника этого общества (un moyen qui put nous faire remonter à la source de cette société), и я пришелъ къ заключенію, что въ этомъ отношеніи ничего не могло быть цѣлесообразнѣе, какъ прослѣдить за поступленіемъ денежныхъ взносовъ (la contribution) каждаго члена общества. Одни изъ членовъ, какъ это было изъяснено въ послѣднемъ моемъ рапортѣ, ежегодно вносятъ десять дукатовъ, другіе—пять, и третьи—одинъ дукатъ. Поэтому, мы и рѣшили, что г. Радушевскій воспользуется содѣйствіемъ Нагурскаго, который, продолжая платить свои пять дукатовъ, постарается проникнуть въ тайну денежныхъ фондовъ этого общества“.

Въ другомъ рапортѣ отъ 14 (16) Іюля 1822 г. Новосильцовъ докладываетъ Государю, что великій князь цесаревичъ еще не возвратился изъ своего путешествія, а аудиторъ Іовецъ все еще боленъ, вслѣдствіе чего, со времени послѣдняго рапорта, въ ходѣ слѣдственнаго производства о лицахъ, доставленныхъ полковникомъ Феньшау изъ Калиша, не послѣдовало ничего новаго.

„Я ожидаю, продолжаетъ Новосильцовъ, пріѣзда великаго князя, чтобы испросить приказаній его высочества на тотъ случай, если болѣзнь Іовца продлится“.

„Намѣстникъ сообщилъ мнѣ полученный имъ отъ президента Калишскаго воеводства рапортъ [1]). Извлеченіе изъ этого рапорта я прилагаю здѣсь. Ваше величество усмотрите изъ него, что извѣстіе о самоубійствѣ Дзвонковскаго (о чемъ я уже доносилъ въ послѣднемъ рапортѣ) произвело въ Калишѣ большую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, спасительную сенсацію (une sensation très vive, mais en même tems très salutaire). Уже болѣе не сомнѣваются въ томъ, что правительство имѣетъ въ своихъ рукахъ положительныя данныя къ изобличенію членовъ тайныхъ обществъ въ ихъ преступныхъ намѣреніяхъ. Какъ на результатъ проистекающей отсюда боязни, слѣдуетъ указать на слѣдующій случай. Нѣкто Гиль (Giehl), старшій счетчикъ (premier calculateur) воеводской коммиссіи, явившись къ президенту Радушевскому, заявилъ, что ему совершенно случайно пришлось нѣкоторое время хранить у себя въ канцеляріи бумаги одного тайнаго общества (que le hazard a voulu qu'il ait eu, pendant quelque tems, chez lui en dépôt, les papiers d'une de ces sociétés secrètes). Узнавъ о пріѣздѣ въ Калишъ полковника Феньшау, для арестованія, по приказу высшей власти, нѣкоторыхъ членовъ этого общества, а также о томъ, что у многихъ лицъ производится осмотръ бумагъ, онъ (Гиль) намѣревался было представить президенту хранившіяся у него бумаги; но въ это самое время къ нему явился счетчикъ воеводской же коммиссіи Бобровскій и отъ имени секретаря той же коммиссіи, Колинскаго, потребовалъ возвращенія тѣхъ бумагъ, и затѣмъ сжегъ ихъ. Президентъ Радушевскій тотчасъ же арестовалъ Бобровскаго, Колинскаго и еще одного счетчика, Жица (Żic). При этомъ, конечно, были запрошены Гиль и финансовый чиновникъ Вигантъ; но оказалось, что они не принадлежали къ тайному обществу, хотя и знали объ уничтоженныхъ бумагахъ“.

Далѣе, Новосильцовъ сообщаетъ, что изъ протоколовъ допроса арестованныхъ чиновниковъ видно, что они принадлежали къ Бреславльскому тайному обществу Polonia [2]).

---

[1]) Этого рапорта, ни извлеченія изъ него нѣтъ.

[2]) Изъ имѣющейся въ дѣлѣ слѣдственной переписки о студентѣ Бреславльскаго университета Монковскомъ видно, что „въ Бреславльскомъ университетѣ, товариществомъ, называемымъ Полонія, предводительствовалъ Наполеонъ Чапскій“. На Монковскаго первоначально указывалось какъ на „адъютанта“ Чапскаго; но студенты Мошинскій и Дзиковскій утверждали, что „судя по ограниченному разуму его (Монковскаго) и по малому значенію въ томъ университетѣ, они не полагаютъ, чтобы онъ могъ быть

Но мы уже знаемъ (продолжаетъ Новосильцовъ) изъ допросовъ, произведенныхъ здѣсь и въ Берлинѣ, а также изъ рѣчей, произносившихся на тайныхъ собраніяхъ (par les discours prononcés dans les assemblées de ces sociétés), изъ писемъ, записокъ и другихъ документовъ, захваченныхъ частью въ Берлинѣ, а частью въ Варшавѣ, что общество, извѣстное подъ именемъ Polonia, находится въ единеніи съ подобнымъ же обществомъ Arimania (que la société secrète connue sous le nom de Polonia réunie à celle d'Arimania). Послѣднее распространило свои дѣйствія по всей Германіи и является не чѣмъ инымъ, какъ организованнымъ среди студентовъ комплотомъ, съ цѣлью объединенія всѣхъ Нѣмецкихъ государствъ. Я убѣжденъ, что изъ всѣхъ тайныхъ обществъ—это наиболѣе опасное.

Съ другой стороны, если общество Polonia, единящееся съ обществомъ Arimania, есть не одно и тоже, что̀ *Національное Масонство*, то, во всякомъ случаѣ, оно преслѣдуетъ тѣже цѣли, что̀ и это послѣднее и воодушевлено тѣмъ же самымъ духомъ. Основаніемъ для такого предположенія служитъ, между прочимъ, то поражающее обстоятельство, что и въ томъ и другомъ обществахъ фигурируютъ однѣ и тѣже лица. Напримѣръ, Кошутскій, получившій свой патентъ или дипломъ на званіе члена общества Polonia изъ Бреславля,—этотъ самый Кошутскій принимаетъ Нагурскаго въ новое общество Національнаго Масонства (dans la nouvelle Maçonnerie Nationale) и приводитъ его къ присягѣ передъ Добецкимъ. Равнымъ образомъ, Колинскій одинъ изъ тѣхъ, которые извѣстны правительству по своей принадлежности къ масонству. Я, положительно, увѣренъ, что Полонія и Національное Масонство отличаются одно отъ другаго лишь своими названіями.

Президентъ Калишской воеводской коммиссіи, увѣдомляя намѣстника о томъ, что̀ произошло въ Калишѣ, спрашиваетъ, не слѣдуетъ

въ тѣсной связи съ Чапскимъ, а еще менѣе его адъютантомъ; таковымъ скорѣе могъ быть Бреславльской академикъ по прозванію Гура".

Монковскій, впрочемъ, былъ привлеченъ къ слѣдствію по другому обвиненію: имъ было оказано содѣйствіе къ побѣгу изъ Бреславльской тюрьмы „ученика" Калиновскаго, арестованнаго университетскимъ сенатомъ, по требованію „здѣшняго правительства". Но такъ какъ вслѣдъ затѣмъ было выяснено, что, не смотря на оказанное Калиновскому содѣйствіе, Монковскій все таки не находился „въ какихъ либо соотношеніяхъ" съ нимъ, то дѣло о немъ было прекращено, согласно съ заключеніемъ Новосильцова. Повидимому, при этомъ было принято во вниманіе также и то, что Монковскій за свое содѣйствіе уже былъ наказанъ въ Бреславлѣ тюремнымъ заключеніемъ. Великій князь цесаревичъ потребовалъ только, чтобы Монковскій съ избраннаго имъ мѣста жительства никуда не отлучался, „дабы, въ случаѣ надобности, можно было отыскать его во всякое время". (Сообщ. вел. кн. цесар. Новосильцову отъ 16 Генваря 1824 г., № 256).

ли отправить арестованныхъ чиновниковъ въ Варшаву. Я ни одной минуты не поколебался бы вытребовать ихъ сюда; но, не зная, какого мнѣнія будетъ великій князь о такой мѣрѣ (sur cette mesure), полагаю, что намъ слѣдуетъ подождать его высочество, который въ настоящее время находится уже не такъ далеко. Пока же я сообщилъ генералу Курутѣ извлеченіе изъ полученнаго изъ Калиша письма; онъ перешлетъ его съ курьеромъ, который отправляется сегодня, и мы можемъ еще до возвращенія великаго князя получить распоряженіе его высочества. Было бы крайне желательно, чтобы коммиссія, которую назначилъ намѣстникъ для допроса арестованныхъ здѣсь лицъ (pour examiner les prévenus arrêtés ici), могла поскорѣе собраться; такъ какъ дѣла этого рода, накопляясь и усложняясь, превышаютъ силы одного человѣка, который ихъ теперь вѣдаетъ. О назначеніи этой коммиссіи я уже докладывалъ вашему величеству, въ одномъ изъ послѣднихъ рапортовъ; она состоитъ изъ статскаго совѣтника Ильницкаго, референдарія Станковича, судьи Фаленскаго и генеральнаго прокурора Подоскаго".

*

Въ концѣ дѣла приложена большая рукопись: Katechizm dla Polakow. Катехизисъ составленъ въ конституціонно-демократическомъ духѣ, по образцу Французскаго катехизиса de-Pradt'a. О Польшѣ говорится въ немъ, что это „Европейская страна съ неизвѣстными теперь границами, обиталище вѣтви великой Славянской семьи, страна, знаменитая по своимъ несчастьямъ и по обнаруженной ею непоколебимости (okazaney stałości)..." „Что представляетъ собою Польша для Европы?" „Польша есть узелъ, связывающій Западъ съ Востокомъ. Сильная сама по себѣ, она должна быть оплотомъ для Запада и проводникомъ просвѣщенія (oswiaty) съ Запада на Востокъ"... и т. д.

Бергъ, говоря, въ своихъ „Запискахъ о Польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ" о „всевозможныхъ Польскихъ катехизисахъ", упоминаетъ, между прочимъ, о „Народномъ катехизисѣ", составленномъ Правдовскимъ. По словамъ Берга, „этотъ катехизисъ, не будучи писанъ никакими канониками, имѣлъ и донынѣ имѣетъ силу писаннаго религіознаго устава для значительной массы Поляковъ, жилъ и дѣйствовалъ долго и еще будетъ дѣйствовать въ грядущихъ поколѣніихъ". Онъ помѣщенъ въ приложеніи къ книгѣ Ю. Ѳ. Самарина: „Іезуиты и ихъ отношенія къ Россіи", Москва, 1868 г.

Примѣчаніе. Въ книгѣ: „Сто лѣтъ борьбы Польскаго народа за свободу", составленной Ю. Подвинскимъ по Б. Лимановскому, Л. Кульчицкому и др. (Книгоиздательство „Молодая Польша", Москва, 1907 г.),

приводятся свѣдѣнія о Польскихъ тайныхъ обществахъ въ Царствѣ Польскомъ. Изъ нихъ видно, что масонство возникло въ Польшѣ еще при Станиславѣ Августѣ и развилось особенно сильно во времена Герцогства Варшавскаго. Въ самой Варшавѣ находилась „каѳедра благочестія и совершенства“, въ храмѣ Изиды, а министръ народнаго просвѣщенія Станиславъ Потоцкій былъ одно время верховнымъ магистратомъ Польскаго Востока. Изъ Польши масонство проникло въ Литовско-русскія области... Польскіе историки утверждаютъ, что руководители масонскихъ ложъ рѣшительно противились вступленію ихъ на путь политики. Маіоръ Польскихъ войскъ Валеріанъ Лукасинскій первый нарушилъ эти традиціи: онъ учредилъ *Національно-масонскій союзъ*, цѣлью котораго была независимость Польши.

Въ соотвѣтствіи съ этою цѣлью объяснялись и всѣ масонскіе символы: убіенный Гирамъ означалъ растерзанную Польшу; три злодѣя, убившіе его, означали державы, подѣлившія между собою Рѣчь Посполитую; дѣти Гирама—это франмасоны, обязанностію которыхъ является борьба съ убійцами и работа ради воскрешенія отца...[1])

Національное Масонство быстро распространилось въ Польской арміи. Въ отдѣльныхъ полкахъ возникли ложи, къ которымъ присоединились, кромѣ офицеровъ, также молодые чиновники и помѣщики. Когда же эти ложи были закрыты, то Лукасинскій образовалъ тайный союзъ изъ самыхъ надежныхъ людей, съ которыми затѣмъ и продолжалъ работу.

Независимо отъ Національнаго Масонства, капитанъ Маевскій, полковникъ Лаговскій и военный чиновникъ Заблоцкій организовали въ 1820 году, въ Волынской губерніи, „Союзъ Тампліеровъ“, а Варшавскіе студенты образовали „Союзъ Свободныхъ Поляковъ“. Масонскій орденъ получилъ названіе „Союза Косиньеровъ“. По предложенію генерала Уминскаго, въ Варшавѣ былъ образованъ „Центральный комитетъ“, въ составъ котораго вошли Лукасинскій, Прондзынскій, Моравскій и др. По проекту Моравскаго, былъ организованъ новый союзъ, представлявшій собою точную копію Карбонарскихъ вентъ: десять человѣкъ образовали *гмину*[2]), нѣсколько гминъ—*округъ*, нѣ-

[1]) Идея этихъ символовъ, очевидно, заимствована у Якобитовъ. Извѣстно, что партизаны Карла I, желая воспользоваться франмасонствомъ, какъ могущественнымъ орудіемъ, для поддержанія королевской власти, основали нѣсколько масонскихъ ложъ, въ которыхъ были установлены такіе символы: Гирамъ—это Карлъ I; убійцы Гирама-Кромвель и его сателиты; таинственное слово, которое убійцамъ не удалось вырвать у архитектора Соломонова храма, было: royauté—королевская власть (*** Le Secret de la Franc-Maçonnerie, Paris, 1905.—P. M. Lenervien. Le cléricalisme maçonnique. Paris, 1898).

[2]) У Французскихъ Карбонаріевъ, *вента* (vente) состояла изъ двадцати членовъ,

сколько округовъ—*область*. Магистры, т. е. руководители гминъ, входили съ представленіями къ магистрамъ своихъ округовъ, магистры сихъ послѣднихъ—съ магистромъ области. Въ непосредственной связи съ центральнымъ комитетомъ находились только магистры областей. Было образовано семь областей: 1) армія, 2) Царство Польское, 3) Герцогство Познанское, 4) Литва, 5) Волынь, 6) Краковская республика и 7) Галиція. Впослѣдствіе были образованы еще двѣ области, Подольская и Украинская. Союзъ носилъ названіе „Національнаго патріотическаго общества". Въ 1822 году въ однихъ только Литовско-русскихъ губерніяхъ насчитывали уже около 5000 гминъ.

*

14 Марта 1824 [1]).

Секретно.

Отъ главнокомандующаго Литовскимъ Отдѣльнымъ Корпусомъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича [2]). Господину дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалеру Новосильцову.

Членъ извѣстный вашему высокопревосходительству существующей въ Варшавѣ Слѣдственной коммисіи, состоящій при мнѣ флота капитанъ-командоръ Колзаковъ, представилъ мнѣ записку оной коммисіи, коею испрашивается разрѣшеніе: 1-е) о вновь открываемомъ тайномъ политическомъ союзѣ въ Краковѣ и 2-е) о происшествіи въ домѣ Скурковскаго въ день св. Михаила прошлаго 1823 года.

Записку сію препровождая въ оригиналѣ на усмотрѣніе вашего высокопревосходительства, нужнымъ нахожу присовокупить нащетъ ея мое мнѣніе, что цѣль оной есть ничто иное, какъ происки статсъ-референдарія Ганкевича, рукою коего она писана, дабы распложать дѣло и время отъ времени присоединять къ нему новыя и даже ничего незначущія обстоятельства, подобныя происшествію въ домѣ Скурковскаго, выставляя таковые случаи въ важномъ видѣ, съ одной стороны для того, дабы новыми дополненіями продлить извѣстное вашему высокопревосходительству производимое здѣсь военносудное дѣло, а съ другой, чтобы явить усердіе и пріобрѣсть въ глазахъ начальства новую для себя цѣну. Ганкевичъ и предъ симъ, какъ извѣстно вашему

или *добрыхъ кузеновъ* (bons cousins). По словамъ Маршанжи, о запискѣ котораго мы упоминали въ сообщеніи о „Польскихъ Карбонаріяхъ", Французскіе Карбонаріи въ 1821 г. представляли собою государство въ государствѣ, а ихъ центральный комитетъ (le Comité-Directeur) являлся—„une sorte de gouvernement occulte...."

1) Время полученія бумагъ.

2) Бланкъ.

высокопревосходительству, обратилъ на себя мое вниманіе; ибо, будучи назначенъ къ засѣданію въ военномъ судѣ съ голосомъ изъяснительнымъ, оказалъ потомъ трусость и домогался назначенія къ засѣданію въ званіи судіи, кромѣ его, еще одного гражданскаго чиновника, при чемъ была у него не иная цѣль, какъ выказать себя предъ публикою и начальствомъ. По симъ уваженіямъ, я приказалъ вновь внушить статсъ-референдарію Ганкевичу, дабы онъ отъ подобныхъ невмѣстныхъ дѣйствій всемѣрно воздержался и исполнялъ въ точности приказанія начальства и долгъ свой, не распложая производимаго слѣдствія, которое въ противномъ случаѣ было бы безконечно, подъ опасеніемъ неминуемаго взысканія. Варшава, Марта 3 дня 1824 года.

Генералъ-инспекторъ всей кавалеріи Константинъ.

№ 27.

Въ упоминаемой запискѣ весьма пространно, на девяти страницахъ большаго формата, излагается слѣдующее.

Во время отсутствія великаго князя цесаревича, слѣдственная коммиссія, которой было поручено изслѣдованіе дѣла о „Союзѣ Вольныхъ Поляковъ“, приведя послѣднее, „въ главныхъ статьяхъ, къ совершенному окончанію и слѣдуя порядку, принятому при прежнихъ сего рода слѣдствіяхъ, донесла о томъ предварительно г. сенатору Новосильцеву, дабы заблаговременно довести до высшаго свѣдѣнія и дальнѣйшаго соображенія степень доказательности розыскиваемаго предмета“. Но вслѣдъ затѣмъ „было открыто“, что, кромѣ „буршскаго общества между Краковскими студентами“, существовалъ тамъ еще „тайный союзъ любителей національности“. Первоначально, цѣль этого союза состояла „въ расширеніи учебныхъ познаній чтеніемъ сочиняемыхъ разсужденій и въ усиліи соединить несогласно живущихъ между собою университетскихъ студентовъ; но вскорѣ послѣ основанія того союза цѣль сія перемѣнилась въ иную“: цѣлью сдѣлалось—„соединеніе Польши...“

Свѣдѣнія эти были сообщены коммиссіи нѣкіимъ Келлеромъ, который былъ „извѣстенъ по прежнему студентскому дѣлу“ и обнаружилъ раскаяніе. Въ свою очередь, Келлеръ обо всемъ узналъ отъ своего пріятеля Крашковскаго, тоже извѣстнаго „по прежнему буршескому дѣлу“ и находившагося въ данное время въ Царствѣ Польскомъ.

Призванный въ коммисію, Крашковскій все это подтвердилъ, заявивъ, однакоже, что выѣхалъ изъ Кракова „еще до сочиненія устава сего общества и, будучи въ арестѣ по дѣлу буршества, никогда уже

въ Краковъ не возвращался, объ ономъ обществѣ пересталъ думать и не знаетъ чѣмъ оно кончилось, ибо съ прежними сотоварищами своими никогда даже не сносился".

Что̀ касается происшествія, въ домѣ Скурковскаго, о которомъ коммисія узнала тѣмъ же путемъ, то изъ объясненій Крашковскаго обнаружилось слѣдующее.

Родственникъ Крашковскаго, помѣщикъ Скурковскій, проживавшій въ деревнѣ, близъ Радома, пригласилъ къ себѣ на именины, „малую компанію" гостей. Тамъ были: Крашковскій, зять Скурковскаго, „отставной эскадронный шефъ прежней Польско-французской гвардіи" Викентій Добецкій, отставной капитанъ 7-го пѣхотнаго полка Мальчевскій, членъ Радомской воеводской коммиссіи Поплавскій и другіе. Послѣ обѣда, когда дамы перешли въ другія комнаты, мужчины, оставшись допивать свое вино, продолжали оживленную бесѣду и даже пѣли. Между прочимъ, кому-то изъ гостей вздумалось прочесть отрывокъ изъ комедіи: „Лейбъ-кучеръ Петра III"*). „Прочитанныя изъ оной нѣкоторыя выраженія показались умамъ, воспламененнымъ напитками, раболѣпными и недостойными людей либеральныхъ..." Отсюда разговоръ перешелъ на политику. При этомъ было высказано много оскорбительныхъ вещей по адресу Россіи и, въ частности, императора Александра I. Въ концѣ концовъ было устроено своего рода аутодафе: „пьяная" компанія соорудила транспарантъ съ буквою А и торжественно сожгла его, при пѣніи тутъ же сочиненнаго гимна, изъ котораго въ памяти Крашковскаго остались слѣдующія слова: „Да ниспошлютъ боги, чтобъ мы за обиды, содѣланныя предками твоими Польскому народу, могли когда-либо отомстить!..."

Слѣдственная коммиссія (испрашивая указаній, не слѣдуетъ ли вопросъ о тайномъ политическомъ обществѣ въ Краковѣ присоединить „къ дѣлу объ изслѣдуемомъ здѣсь таковомъ же союзѣ, начавшемуся по признанію Гельтмана") относительно происшествія въ домѣ Скурковскаго высказалась, что оно подлежитъ „обыкновенному судопроизводству" и не должно быть смѣшиваемо съ дѣлами о тайныхъ обществахъ; но что всетаки необходимо, чтобы „преступные воспаленцы были преданы въ руки уголовнаго закона..."

Но мы уже знаемъ, какъ къ этой запискѣ отнесся великій князь цесаревичъ.

*) Сочиненіе Августа Коцебу, которому за эту комедію досталось отъ императора Павла. П. Б.

II.

„Найденное въ В. О. Л. Н., между бумагами Сташица".

Дѣло (по описи) № 811.

Таинственныя буквы В. О. Л. Н. означаютъ собою „Варшавское Общество Любителей Наукъ" („Warszawskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk"), основанное въ 1800 году и просуществовавшее до 1832 года. Сташицъ, Станиславъ (1755—1826) ксендзъ, извѣстный Польскій ученый и общественный дѣятель, одинъ изъ главныхъ учредителей „Варшавскаго Общества Любителей Наукъ" и впослѣдствіи предсѣдатель его.

Н. Ѳ. Дубровинъ, въ статьѣ „Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка" („Р. Старина", 1902, Сентябрь), даетъ намъ любопытную характеристику „Варшавскаго Общества Любителей Наукъ". По его словамъ, оно, преслѣдуя политическія цѣли, постановило въ торжественныхъ случаяхъ произносить и печатать похвальныя рѣчи въ честь своихъ членовъ и вообще соотечественниковъ, отличившихся на разныхъ поприщахъ дѣятельности. Такъ 29 Іюня 1809 года, графъ Феликсъ Лубенскій сказалъ слѣдующее: „Нынѣшняя народность наша сохраненіемъ своимъ обязана вамъ, ученые Поляки, столько же, какъ и героямъ, доказавшимъ ее подвигами храбрости. Тогда какъ они въ разныхъ отдаленныхъ краяхъ прославляли имя и заявляли о существованіи Поляка, вы, среди роднаго народа, съ мужествомъ, равнымъ ихъ мужеству, охраняли бытіе отчизны. Тогда предсѣдатель Альбетранди, Чацкій, Коллонтай, Оссолинскій, Пражмовскій, Богушъ, Сѣраковскій, Суровецкій и другіе, отыскиваніемъ въ лѣтописяхъ памятныхъ дѣяній Поляковъ утверждали въ сердцѣ Поляка чувства народнаго достоинства. Тогда Сташицемъ объяснены свойства отечественной почвы и физическія перемѣны, происшедшія въ продолженіи вѣковъ на семъ великомъ поприщѣ доблестныхъ дѣлъ праотцевъ. Тогда Нѣмцевичъ воспѣвалъ плачевныя пѣсни роднаго ему народа надъ гробомъ отечества; тогда Вороничъ почерпалъ изъ минувшихъ вѣковъ вдохновенныя предсказанія, подкрѣплявшія надежды наши. Все это дѣлалось, не смотря на строгое за нами наблюденіе враговъ, не благопріятствующихъ нашей народной славѣ, и не безъ явной опасности, которой, однакожъ, не боялась подвергать себя добродѣтель Поляковъ"... *)

*) „Что имѣемъ, не хранимъ, потерявши плачемъ". И до сихъ поръ Польскій языкъ обиленъ словами Латинскими, Французскими, Нѣмецкими и даже Турецкими. Когда князь В. А. Черкаскій ѣхалъ на свою должность въ Варшаву, кто-то прислалъ ему цѣлую книжку на Польскомъ языкѣ, въ которой ни одного слова не было Польскаго. Словесность Польская начала совершенствоваться уже послѣ паденія Польши, и нынѣшнему расцвѣту ея радуется всякое Славянское сердце. П. Б.

Волынскій помѣщикъ, графъ Иванъ Тарновскій писалъ Сташицу 4 Марта 1810 года: „Я съ удовольствіемъ и удивленіемъ смотрѣлъ на усилія моихъ собратьевъ, изъ коихъ одни старались сохранить языкъ и духъ народный, другіе старались обрѣсти на поприщѣ славы прежнее отечество. Наконецъ, наступило время, когда на могилахъ Обертина и на поляхъ подъ Тарновомъ воскрешена память вѣка Сигизмундовъ; тогда я не могъ оставаться праздным свидѣтелемъ такихъ благородныхъ усилій и прибылъ сюда со множествомъ юношей изъ земли братьевъ, кои стонутъ подъ чужимъ владычествомъ насилія“...

„Получивъ это письмо (продолжаетъ Н. Ѳ. Дубровинъ) и желая имѣть еще одного горячаго дѣятеля въ Русскихъ владѣніяхъ, Общество Любителей Наукъ поторопилось избрать графа Тарновскаго въ свои члены“.

Впрочемъ не однѣми рѣчами Общество наукъ стремилось возбудить патріотическое настроеніе. Въ дѣлахъ его сохранились стихи перваго предсѣдателя, епископа Альбетранди, въ которыхъ онъ, осмѣивая сперва союзъ Россіи съ Австріею, потомъ Россіи съ Пруссіею, превозносилъ могущество и побѣды Наполеона и называлъ Австрію несчастною, Пруссію—хищною, а Русскихъ—кровожадными дикарями, и отсылаетъ ихъ на холодный Сѣверъ и въ степи. Членъ Общества Суровецкій пошелъ дальше. Онъ подалъ предсѣдателю Сташицу проектъ выбитія медали въ память паденія и возстановленія Польши. Онъ предлагалъ поражаемую Св. Георгіемъ Побѣдоносцемъ змѣю превратить въ изображеніе Россіи и представить ее гидрою о трехъ головахъ, поражаемыхъ на Дунаѣ, Эльбѣ и Вислѣ громами Французскаго орла. Къ этому орлу, по его призыву, прилетаетъ Польскій бѣлый орелъ съ намѣреніемъ раздавить сію гидру, уже выпускающую въ судорожныхъ движеніяхъ гербъ Литвы, который она прежде придерживала ногою... Все это горячило, живило и возбуждало Поляковъ нашихъ Западныхъ губерній. Они, въ особенности привилегированное сословіе, приготовлялись ко *всеобщему движенію*...

Но въ числѣ членовъ Варшавскаго Общества Любителей Наукъ были не одни Поляки. Какъ видно изъ монографіи Александра Краусгара, посвященной исторіи этого Общестна, въ спискахъ его числились ученые, писатели и общественные дѣятели Западной Европы (напр. Гумбольдтъ, Араго, Гёте, Кювье и мн. др.), а также Русскіе: Державинъ, Жуковскій, митроп. Евгеній, гр. Румянцевъ, Гулакъ-Артемовскій, Строевъ, Полевой, Калайдовичъ, Качановскій, Н. Н. Новосильцовъ, князь Вяземскій...

Списокъ этотъ помѣщенъ г. Краусгаромъ, въ видѣ приложенія къ послѣднему тому, носящему подзаголовокъ: „Czasy polistopadowe. Epilog. 1831—1836 (стр. 488—504). По словамъ г. Краусгара, списокъ былъ составленъ послѣ возстанія 1830—1831 г.г. для представленія намѣстнику Царства Польскаго, кн. И. Ѳ. Паскевичу, который, разсмотрѣвъ его, сдѣлалъ на немъ свои замѣчанія.

Замѣчанія кн. Паскевича весьма любопытны. Противъ имени, напр., митроп. Евгенія намѣстникъ выразилъ удивленіе тому непонятному стремленію Поляковъ къ привлеченію въ члены Варшавскаго Общества Любителей Наукъ, одновременно съ бунтовщиками (vraz z buntownikami), такихъ вѣрноподданныхъ Русскихъ людей, какъ Кіевскій митрополитъ, или же Калайдовичъ, Строевъ и др. Кн. Паскевичъ полагалъ, что Нѣмцевичу, Лелевелю, Чарторыжскому, Городыскому, Пражмовскому и другимъ заправиламъ Общества эти Русскія имена были необходимы для того, чтобы, въ цѣляхъ возстанія, подѣйствовать на умы своихъ единоплеменниковъ связями не только съ Западной Европой, но и съ Россіей. Въ такомъ же родѣ сдѣланы замѣтки предъ именами другихъ Русскихъ людей. Между прочимъ, предъ именемъ Н. Н. Новосильцова кн. Паскевичъ написалъ: „Новосильцовъ уже давно предвидѣлъ и предсказывалъ возстаніе 1830 г., но предупредить его не могъ".

А. А. Сидоровъ въ своемъ трудѣ: „Русскіе и Русская жизнь въ Варшавѣ" (1815—1895. Историч. очеркъ, вып. I. Варшава, 1899 г. стр. 67), говоритъ, что когда въ Варшавѣ вспыхнулъ мятежъ, Новосильцовъ находился въ Вильнѣ. Его Варшавская канцелярія, архивъ и богатая библіотека были расхищены революціонерами. Затѣмъ г. В. Р—въ, въ „Энциклопед. словарѣ Брокгауза и Эфрона" (т. XXI) отмѣчаетъ, что обширное собраніе бумагъ Новосильцова сгорѣло большею частью во время возстанія и только часть перешла къ его племяннику, С. В. Н. Наконецъ въ книгѣ „Сто лѣтъ борьбы Польскаго народа за свободу" (Москва, 1907 г. изд. книгоиздательства „Молодая Польша", стр. 101), говорится, что послѣ вступленія въ 1831 г. въ Варшаву многіе офицеры, проникнутые словами, начертанными на Польскихъ знаменахъ (*„За вашу и нашу вольность"*), съ жадностью набросились на революціонные журналы и тщательно искали проекта Русской Конституціи, рукопись котораго, *найденная въ бумагахъ Новосильцова*, была во время возстанія отпечатана въ Варшавѣ на Русскомъ и Польскомъ языкахъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что часть этихъ бумагъ могла попасть и въ Варшавское Общество Любителей Наукъ и до времени сохраняться тамъ между бумагами Сташица.

Въ реэстрѣ входящихъ бумагъ канцеляріи намѣстника за 1833 г. мы находимъ такую отмѣтку: „бумаги, отъ коллежскаго ассессора Очкина переданныя". Очевидно Очкинъ нашелъ ихъ, разбирая по приказанію кн. Паскевича бумаги и библіотеку Варшавскаго Общества Любителей Наукъ.

Бумаги эти, написанныя Новосильцовымъ по-французски, ужаснымъ грифонажемъ, начинаются замѣткой по поводу объясненій одного изъ лицъ, привлеченныхъ къ дѣлу о тайныхъ обществахъ (повидимому, Лукасинскаго), о томъ, что Національное Масонство было вредно не болѣе другихъ обществъ, которыя, служа средствомъ для сближенія людей между собою, могутъ сдѣлаться вредными вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ.

У Новосильцова является вопросъ: не было ли Національное Масонство *прелюдіей* къ другимъ Польскимъ тайнымъ обществамъ? Прикрываясь широкимъ словомъ „національность", не служило ли оно *пробнымъ камнемъ* для распознаванія людей, достойныхъ быть допущенными въ святилище тайны?..

Эти и затѣмъ другіе вопросы Новосильцовъ намѣревается предложить Лукасинскому, въ надеждѣ, что тотъ не пожелаетъ подвергнуть сомнѣнію свое чистосердечіе и станетъ справедливо отвѣчать на нихъ.

Важность признаній Лукасинскаго обусловливается тѣмъ, что онъ былъ не только основатель Національнаго Масонства, но и членъ Центральнаго Комитета, шуринъ предсѣдателя этого Комитета и областной военный начальникъ *).

Засимъ, Новосильцовъ отмѣчаетъ метаморфозу, происшедшую съ Національнымъ Масонствомъ, сначала въ Познани, а потомъ въ Царствѣ Польскомъ.

Адъютантъ Домбровскаго, Щанецкій, командированный въ княжество Познанское въ качествѣ эмиссара по пропагандѣ Національнаго Масонства, возвратясь въ 1820 г. въ Варшаву, говорилъ, что въ Познани Національное Масонство уже измѣнило свою программу, превратившись въ Общество Косиньеровъ. Онъ же сообщилъ, что въ Познанскихъ Масонскихъ ложахъ бюстъ императора Александра замѣненъ бюстомъ Костюшки...

Затѣмъ, весною 1821 г. является въ Варшаву генералъ Уминскій и передаетъ Лукасинскому въ Бѣлянскомъ лѣсу уставъ Общества Косиньеровъ, составленный, по Карбонарскому трафарету, редакторомъ одной изъ Варшавскихъ газетъ Моравскимъ.

Съ этого времени, цѣль Національнаго Масонства, „воскрешеніе прежней Польши", принимаетъ новый видъ.

---

*) Л. Ф. Пантелѣевъ („Изъ воспоминаній прошлаго", т. II, Спб. 1908 г., стр. 103), повѣствуя о своей прикосновенности къ Польскому мятежу 1863 г. и о ссылкѣ затѣмъ въ Сибирь, упоминаетъ, между прочимъ, о Лукасинскомъ. „Еще студентомъ отъ товарищей Поляковъ я слыхалъ о Лукасинскомъ и о томъ, какъ Константинъ Павловичъ, уходя изъ Варшавы, захватилъ съ собой Лукасинскаго; что съ тѣхъ поръ судьба его совершенно неизвѣстна". Но въ 1866 г. Пантелѣеву пришлось встрѣтиться въ Петербургской пересыльной тюрьмѣ съ доставленнымъ туда изъ Шлиссельбурга студентомъ-медикомъ Степушемъ и отъ него узнать, что Лукасинскій находится въ Шлиссельбургской крѣпости. „По словамъ Степуша, Лукасинскій говорилъ на смѣси языковъ Русско-Польско-Французскаго, писалъ мемуары и не терялъ надежды получить свободу. До 1861 г. онъ былъ въ казематномъ заключеніи. Въ 90-хъ годахъ, въ проѣздъ черезъ Львовъ я (говоритъ Пантелѣевъ) далъ г. Белзѣ, хранителю при музеѣ Оссолинскихъ, свѣдѣніе о Лукасинскомъ, и онъ тогда же помѣстилъ его въ какомъ-то Галицкомъ изданіи". На дняхъ вышелъ въ свѣтъ I-ый томъ обширной монографіи Львовскаго профессора Ашкинази, посвященный Лукасинскому.

Далѣе, Новосильцовъ отмѣчаетъ, что революціонеры, въ своемъ стремленіи заразить всю массу Польскаго народа демократическими началами, несомнѣнно, кончатъ тѣмъ, что привьютъ народу болѣзненное желаніе замѣнить монархическій образъ правленія народнымъ, т.-е. однимъ изъ самыхъ несправедливыхъ и насильственныхъ видовъ государственнаго управленія. Стремленіе къ такой замѣнѣ Новосильцовъ усматриваетъ уже въ самой конституціи Царства Польскаго, именно, въ Польскомъ текстѣ ея.

При составленіи столь важнаго документа какъ конституціонная хартія, каждое слово должно быть строго обдумано и взвѣшено, между тѣмъ въ Польской Конституціи обнаруживается явное желаніе заслонить монархическую власть Польскимъ правительствомъ; а это можетъ дать людямъ восторженнымъ и одностороннимъ, не говоря уже о врагахъ общественнаго порядка и спокойствія, превосходное оружіе для вліянія на людей слабыхъ, невѣжественныхъ и неопытныхъ. И на повѣрку выйдетъ, что конституція, дарованная великодушнымъ монархомъ съ цѣлью облагодѣтельствовать Польскій народъ, приведетъ его лишь къ химерическимъ и опаснымъ мечтаніямъ.

Новосильцовъ не допускаетъ и мысли, чтобы въ Россійской Имперіи, обнимающей собою и Царство Польское, могло быть поколеблено начало монархической власти; но онъ видитъ, что положеніе, занятое Царствомъ Польскимъ по отношенію къ Россіи, является не только предлогомъ и средствомъ для деморализаціи другихъ народовъ, подвластныхъ Россійскому скипетру, но и прямою угрозою самымъ жизненнымъ выгодамъ государства...

Дальнѣйшія замѣтки Новосильцова касаются различныхъ предметовъ. Въ одной говорится о находящихся въ распоряженіи Верховнаго Уголовнаго Суда средствахъ къ изобличенію въ государственномъ преступленіи; въ другой—о необходимости снабженія особыми полномочіями Польскихъ коммиссаровъ, назначенныхъ для заключенія торговаго договора съ Пруссіею и Австріею; въ третьей—о разницѣ въ предначертаніяхъ къ устройству Государственнаго Совѣта; въ четвертой—объ испрошеніи наградъ двумъ чиновникамъ; въ пятой—объ изготовленномъ министромъ финансовъ декретѣ о Польской монетѣ; наконецъ, въ шестомъ, состоящемъ всего изъ двухъ словъ, можно прочесть только одно: „ложи“.

Въ самомъ концѣ находится черновикъ записки къ великому князю цесаревичу, при которой Новосильцовымъ было препровождено извлеченіе изъ письма Н. И. Тургенева къ князю Вяземскому*), касающееся возмущенія въ казармахъ одного изъ гвардейскихъ полковъ въ Петербургѣ.

*) Князь П. А. Вяземскій былъ въ 1818 году приглашенъ Новосильцовымъ на службу въ Варшаву, гдѣ прослужилъ около трехъ лѣтъ. Его близость къ Польскимъ дѣятелямъ (Нѣмцевичу, Моравскому и др.), извѣстнымъ своею враждою къ Россіи, обратила на себя вниманіе Новосильцова. Когда въ 1821 году онъ уѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ, Новосильцовъ написалъ ему отъ имени цесаревича, чтобъ онъ не возвращался въ Варшаву. Впослѣдствіи Константинъ Павловичъ просилъ Государя простить Вяземскому его увлеченія и дать ему мѣсто (А. А. Сидоровъ. „Русскіе и Русская жизнь въ Варшавѣ“, стр. 40).

Новосильцовъ проситъ Государя наградить орденомъ Св. Анны 2-ой ст. своего секретаря Дешана (Deschamps). Объ этомъ Дешанѣ упоминается въ „Мемуарахъ“ графа Морріоля по поводу проекта Россійской Конституціи (стр. 329): „Le projet de cette constitution fut confié à un Français nommé Deschamps, secrétaire intime de m. Novosiltsoff, commissaire de l'Empereur à Varsovie. J'ai vu ce projet, dont plusieurs articles étaient déjà approuvés et signés par la main impériale et bien imprudente de Sa Majesté. Mais les grands de l'Empire l'ayant supplié de retarder au moins cette mesure, elle fut heureusement ajournée“.

Конечно, подъ вельможами, умолявшими Императора не спѣшить съ Россійскою конституціею, авторъ „Мемуаровъ“ разумѣлъ гр. Кочубея, Строганова, Новосильцова, Карамзина*), которые, какъ извѣстно, остерегали государя отъ увлеченій Польскимъ вопросомъ, доказывая, что „возстановленіе Польши—гибель Россіи“...

Костомаровъ, въ своей монографіи „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“ (т. II, стр. 448), упоминаетъ о *Дешампѣ*, учителѣ фехтовальнаго искусства въ Варшавскомъ кадетскомъ корпусѣ и Французскаго языка. Предъ началомъ возстанія 1794 г. этотъ Дешампъ, въ числѣ другихъ лицъ, былъ арестованъ Русскимъ посланникомъ въ Варшавѣ Игельстромомъ. Изъ найденной у него переписки было обнаружено существованіе въ краѣ заговора, „но не было нитей, за которыя бы можно было схватиться“...

Трудно допустить, чтобы этотъ учитель фехтованія сталъ потомъ секретаремъ у Новосильцова...

Alexandre-Nicolas-Léonard-Charles-Marie comte de Moriolles (1760—1845), major de second du régiment de Penthièvre dragons; въ 1792 году эмигрировалъ въ Германію, а затѣмъ въ Польшу. Съ 1797 по 1810 пользовался гостепріимствомъ графа Браницкаго въ Бѣлой Церкви. По смерти Браницкаго, онъ поступилъ, благодаря протекціи графини Браницкой, воспитателемъ къ сыну великаго князя цесаревича Константина Павловича, Павлу Александрову. По окончаніи воспитательскихъ обязанностей, остался при дворѣ цесаревича, comme une sorte de commensal, sans titre ni fonctions“ (по выраженію Фредерика Массона), но съ весьма приличнымъ содержаніемъ. Въ 1833 г. возвратился во Францію. Въ запискахъ его читаемъ:

J'ai le bonheur de transmettre ci-joint à votre altesse impériale l'extrait de la lettre de m-r Tourguéneff au prince Wiazemski, concernant l'événement qu'a eu lieu à St-Pétersbourg dans une des cazernes des gardes. Je garantis la comformité de cet extrait avec l'article. Mémoires du comte de Moriolles sur l'Émigration, la Pologne et la cour du grand-duc Constantin (1789—1833). Précédée dune introduction par Frédéric Masson. Paris. 1902.

*) А также и Крылова въ баснѣ „Пестрыя Овцы“. П. Б.

Императоръ Александръ, изъ суетного желанія прослыть сторонникомъ новыхъ началъ, даровалъ Полякамъ самую либеральную конституцію, но Поляки нисколько не были подготовлены къ ней, ни довольно просвѣщены, чтобы сдѣлать изъ нея хорошее употребленіе (стр. 263). Вообще они неспособны были оцѣнить всѣхъ благодѣяній Александра, который могъ раздавить Польшу своимъ скипетромъ, но вмѣсто того поставилъ ее въ рядъ другихъ націй, снабдивъ при этомъ значительными матеріальными средствами. Поляки ненавидѣли царственную руку, которая такъ великодушно была протянута къ нимъ, и продолжали мечтать о томъ, чего не сумѣли сохранить и чѣмъ не въ силахъ были вновь овладѣть. Въ этомъ заключался весь ихъ патріотизмъ. Но опытъ, испробованный Александромъ на нѣсколькихъ провинціяхъ его обширной Имперіи, названныхъ имъ Царствомъ Польскимъ, возбудилъ въ остальныхъ зависть и неудовольствіе, давъ вмѣстѣ съ тѣмъ сильный толчекъ къ широкому распространенію въ Имперіи либеральныхъ идей, опасность которыхъ была сознана впослѣдствіи и самимъ государемъ (стр. 264). Szymon Askenazy Nowosilcowszczuzna. Tygodnik Illustrowany 1906, № 47, str. 1024—1025 (съ приложеніемъ двухъ портретовъ императора Александра I, въ мундирѣ Польскаго генерала, и Н. Н. Новосильцова).

Шимонъ Ашкенази, профессоръ Львовскаго университета, род. въ 1867 г. въ м. Завихвостѣ, получилъ образованіе въ Варшавскомъ университетѣ и затѣмъ въ Геттингенѣ. Въ 1907 г. избранъ членомъ Краковской академіи наукъ. По этому поводу, одинъ изъ его біографовъ (Tygodnik Ilustr. 1908. № 23) разражается сѣтованіемъ на отсутствіе въ Варшавѣ Польскаго университета и на то, что мѣста Польскихъ ученыхъ занимаютъ здѣсь „pachołkowie biurokracyi przybrani w togi profesorskie“...

По словамъ этого Ашкенази, Н. Н. Новосильцовъ, „Pan Senator“, извѣстный нынѣшнему поколѣнію уже только изъ Мицкевичевыхъ „Дзядовъ“ [1]) да еще изъ потускнѣвшей трагедіи Конгрессоваго Королевства, представляетъ собою весьма жизненный типъ крупнаго Россійскаго дѣятеля извѣстнаго направленія. Новосильцовъ является именно тѣмъ, что̀ Французы называютъ un précurseur. Начавъ свою карьеру какъ крайній вольнодумецъ и кончивъ ее какъ крайній угнетатель (skrajny gębiciel), онъ, по справедливости, долженъ считаться отцомъ „мужей“ Учредительнаго Комитета въ Царствѣ Польскомъ [2]) и дѣдомъ въ прямой линіи нынѣшнихъ „истинныхъ Русскихъ людей“ („Prawdziwych Rosyan“), и въ боковой—„Октябристовъ“ („Październikowców“)...

---

[1]) Мицкевичъ, въ III-ей части своей поэмы „Dziady“, описалъ произведенное Новосильцовымъ слѣдствіе о революціонныхъ обществахъ въ Вильнѣ и вызванное этимъ увольненіе кн. Чарторижскаго отъ должности попечителя Виленскаго учебнаго округа. Новосильцовъ выставленъ Мицкевичемъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Дьяволъ, фигурирующій въ поэмѣ, называетъ Новосильцова своимъ „наидражайшимъ сыномъ“ („ten mój najmilszy syn“).

[2]) Подразумѣваются, конечно, князь Черкасскій, Милютинъ, Соловьевъ...

Ашкенази говоритъ: Александръ I, предъ вступленіемъ на тронъ, былъ связанъ обязательствомъ ввести въ Россіи конституцію. Сдѣлавшись императоромъ, онъ, хотя и уклонился отъ этого, тѣмъ не менѣе не переставалъ мечтать о Россійской Конституціи и бесѣдовать о ней то съ Чарторижскимъ, то со Строгоновымъ, то со Сперанскимъ... Наконецъ, уже по устройствѣ Царства Польскаго, онъ, на первомъ сеймѣ въ Варшавѣ, въ 1818 г. торжественно объявилъ о своемъ рѣшеніи дать Россіи конституцію и тогда же поручилъ Новосильцову составленіе ея на либеральныхъ и федеративныхъ началахъ, предложивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, взять за образецъ конституцію Царства Польскаго.

Новосильцовъ тотчасъ же принялся за работу, постоянно сообщая Государю о ходѣ своихъ занятій. И когда, въ слѣдующемъ году, Александръ вновь посѣтилъ Варшаву, Новосильцовъ поднесъ ему уже готовый проектъ Россійской Конституціи, состоявшій изъ шести главъ и 189 статей.

Но, восклицаетъ г. Ашкенази, вмѣсто либеральной идеи, одухотворявшей Польскую Конституцію, Новосильцовъ ввелъ въ Россійскую Конституцію такія постановленія, которыя обращали народное представительство въ совершенную фикцію, а вмѣсто федеративной идеи—еще сильнѣе укрѣпилъ Имперію.

Этою конституціею, находившеюся еще только на бумагѣ, Новосильцовъ задумалъ воспользоваться, какъ орудіемъ, для того, чтобы сразу убить живую коституцію Царства Польскаго. Съ такимъ намѣреніемъ, онъ представилъ Императору неизвѣстный до сихъ поръ и только *теперь* открытый имъ, г. Ашкенази, въ государственномъ архивѣ, среди секретнѣйшихъ бумагъ Александра I, меморіалъ, на Французскомъ языкѣ, касающійся конституціонныхъ отношеній Россіи къ Царству Польскому.

„Царство Польское, читаемъ въ этомъ меморіалѣ, всегда останется кремнемъ, который при малѣйшемъ сотрясеніи будетъ издавать искры“.

За симъ слѣдуетъ „проектъ“, въ которомъ выражается мысль, что такъ какъ конституція Россійскаго государства покоится на тѣхъ принципахъ, какіе положены въ основу конституціи Царства Польскаго, то существованіе двухъ конституцій въ одной и той же Имперіи является совершенно безполезнымъ. Царство Польское, какъ намѣстничество, составляя часть Россійской Имперіи, должно быть организовано примѣнительно къ статутамъ Имперской конституціи, съ нѣкоторыми лишь спеціальными особенностями. Польская же армія, сохраняя свою организацію, своихъ орловъ, цвѣта и знамена, должна, подъ именемъ Западной арміи Россійской Имперіи, находиться подъ главнымъ начальствомъ великаго князя цесаревича Константина Павловича.

„Нужно себѣ вообразить, что все это значило! патетически восклицаетъ г. Ашкенази. Царство Польское только что начинало жить, устраиваться и

развиваться, до Ноябрьской революціи было еще далеко... И вотъ, въ то время, когда уже начиналъ налаживаться единственно вѣрный и возможный путь для рѣшенія Польско-русскаго вопроса—приходитъ непримиримый врагъ и, подъ предлогомъ проектируемой фиктивной конституціи Россійской, совѣтуетъ однимъ взмахомъ конфисковать конституцію „Królestwa", уничтожить въ зародышѣ реформаторское дѣло и ускорить, провокировать (sprowokawać) революціоннный взрывъ"... Таково именно (заключаетъ авторъ) значеніе смертоноснаго (morderczego) законопроекта Новосильцова... Авторъ твердо убѣжденъ, что наибольшею опасностью для Польши и для блага самой Россіи всегда была и будетъ „*Новосильцовщина*"...

III.

Эпилогъ одного романа.

Дѣло № 233 (по описи № 490) о разводѣ жены генералъ-адъютанта Чернышева, урожденной графини Моравской. 5 (17) Декабря 1818 г. На 49 листахъ.

Письмо А. И. Чернышева[1]) къ Н. Н. Новосильцову.

Милостивый государь Николай Николаевичъ.

Я имѣлъ честь получить отношеніе вашего превосходительства отъ 23 Іюня за № 381[2]), при коемъ, по сообщенію начальника Римско-католическихъ церквей Варшавской епархіи, препровождая два экземпляра постановленія тамошняго духовнаго суда по дѣлу съ женою моею, требуете обратной отсылки подлиннаго экземпляра съ засвидѣтельствованіемъ пріема оставшейся у меня копіи. Въ слѣдствіе чего оный подлинный экземпляръ съ засвидѣтельствованіемъ и имѣю честь при семъ препроводить.

Но дѣло сіе, до котораго касаются присланныя ко мнѣ бумаги, заставляетъ еще меня утруждать васъ, милостивый государь, моею покорнѣйшею просьбою. Бумаги сіи заключаютъ повѣстку или позывъ

---

[1]) Александръ Ивановичъ Чернышевъ (1786—1857), генералъ-адъютантъ императора Александра I, пользовался большимъ довѣріемъ и расположеніемъ Государя. Неоднократно онъ былъ посылаемъ въ Парижъ и доставлялъ оттуда цѣнныя свѣдѣнія. Дѣятельность Чернышева до конца Отечественной войны была лучшей страницей изо всей послѣдующей его жизни. Въ царствованіе Николая I онъ занималъ должность военнаго министра. Въ 1826 году возведенъ въ графское достоинство, а въ 1841 въ княжеское (Великій Князь Николай Михайловичъ, „Генералъ-адъютанты императора Александра I". Историческій Вѣстникъ 1908 г., Февраль).

[2]) Черновика этой бумаги въ дѣлѣ нѣтъ.

о женѣ моей въ тамошній духовный судъ, въ теченіи двадцати дней со дня полученія онаго, чтобъ возражать и отвѣтствовать на начатый женою моею искъ о разводѣ со мною.

Удивленный симъ неожиданнымъ ея шагомъ, я съ одной стороны долженъ, кажется, равнодушно ожидать послѣдствій сего неосновательнаго ея поступка, уповая, что желанія ея не могутъ получить удовлетворительнаго рѣшенія; ибо, хотя я и несвѣдущъ въ тамошнихъ законахъ, кои въ основаніе дѣла сего могутъ быть приняты, соображая однакожъ представленныя ею причины, могу предвидѣть, что жалобы ея въ окончательномъ рѣшеніи будутъ отвержены. Но съ другой стороны, не предвидя въ точности настоящаго послѣдствія той жалобы и опасаясь, чтобъ несправедливыя ея въ нѣкоторыхъ статьяхъ представленія не снискали желаемаго ею успѣха, я нахожусь въ необходимости послать туда мое возраженіе и настоящее объясненіе дѣла, которое послужитъ къ отверженію ея просьбы.

На сей конецъ вижу необходимость уполномочить тамъ для ходатайства знающаго таковыя дѣла стряпчаго, который бы, предъявивъ въ помянутомъ судѣ мои объясненія и возраженія, объявилъ несогласіе мое на разводъ и старался о недопущеніи онаго. Какъ же по отдаленности мѣста и по неимѣнію тамъ частнаго знакомства, не могу сего сдѣлать безпосредственно, а самому мнѣ отлучиться туда лично по важности порученій и по трудности испросить въ столь краткое время высочайшее на то позволеніе никакъ теперь невозможно: то пріемлю смѣлость покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, о принятіи на себя, по благорасположенію вашему ко мнѣ, прилагаемаго у сего вѣрющаго письма и о избраніи по оному со стороны моей стряпчаго, который бы по сообщаемымъ мною возраженіямъ и объясненіямъ, не допустилъ худыхъ по иску жены моей послѣдствій и, стараясь о совершенномъ отверженіи жалобъ ея, исходатайствовалъ вмѣстѣ съ симъ приказаніе о скорѣйшемъ возвращеніи ея къ супружескому сожитію со мною, которое оставила она самовольно.

Въ прочемъ я бы желалъ по разнымъ причинамъ и вовсе избѣжать сего разводнаго дѣла; и потому присовокупляю еще просьбу мою къ вашему превосходительству о предпринятіи мѣръ въ правительствѣ Царства Польскаго, чтобы приказано было духовному начальству не входить въ разсмотрѣніе того дѣла; а между тѣмъ посредствомъ внушеній или принужденій со стороны исполнительной власти выслать ее къ супружескому сожитію, котораго по всѣмъ правамъ оставлять

она не должна, будучи обязана слѣдовать за мужемъ. Полагаясь на право свое, я бы желалъ требовать сего чрезъ посредство моего собственнаго начальства; но поелику, за отсутствіемъ моимъ изъ столицы, посредство сіе не можетъ быть употреблено столь поспѣшно, чтобъ предупредить начатыя уже женою моею по суду духовному дѣйствія, то по симъ причинамъ я усерднѣйше прошу ваше превосходительство взять ваши мѣры о удовлетвореніи чрезъ правительство Польскаго Царства сей справедливой моей просьбы. **А. Чернышевъ.**

Іюля 8 дня 1819 года.

г. Ростовъ.

Черновой отвѣтъ.

„Съ полнымъ соучастіемъ въ прискорбіи, о которомъ вы, милостивый государь, изъяснились по случаю поступка жены вашей, я немедля вошелъ съ кѣмъ слѣдовало въ личныя объясненія; но при всѣхъ моихъ желаніяхъ, приведеніе въ дѣйствіе оныхъ требованій вашихъ оказалось совершенно невозможнымъ.

Жена ваша, вышедши замужъ за прежняго мужа своего, покойнаго князя Доминика Радзивила[1]), состоявшаго въ службѣ сего края еще въ 1810 году, переселилась въ Варшаву и водворилась здѣсь на постоянное жилище. Прежде, яко жена полковника Радзивила, потомъ яко оставшаяся по немъ вдова его, живущая въ здѣшнихъ его имѣніяхъ, а наконецъ яко урожденная Полька, поселившись въ семъ краѣ, пріобрѣла полныя права здѣшней гражданки. Затѣмъ коль скоро оставивъ супружеское сожитіе съ вами, къ которому обязалась новымъ бракомъ, возвратилась сюда, яко на прежнее свое жилище: то лишать ее сего права гражданства, а тѣмъ менѣе высылать отсюда употребленіемъ къ тому власти, по правилу жалованнаго Его Императорскимъ Величествомъ сему краю устава[2]), никакъ было невозможно, потому болѣе, что жена ваша, въ порядкѣ правилъ вѣроисповѣданія своего, объявила здѣсь искъ объ уничтоженіи состоявшагося между вами брака, который могъ бы возлагать на нее обязанность слѣдовать за своимъ мужемъ.

---

[1]) Первый мужъ ея былъ графъ Старжинскій.

[2]) Зачеркнуто: о сохраненіи коего Государь Императоръ высочайше повелѣлъ имѣть точное наблюденіе, яко о законоположеніи, обезпеченномъ императорскимъ словомъ.

Невозможно также было и то, чтобъ здѣшнее правительство мѣшалось въ дѣла судовъ духовныхъ. Здѣсь духовныя власти всякаго исповѣданія нимало не зависимы по дѣламъ ихъ религій отъ вліянія гражданской власти. Запрещеніе или позволеніе разсмотрѣнія подобнаго дѣла здѣсь не есть принадлежность гражданской власти: духовные суды сами опредѣляютъ принадлежность или непринадлежность (forum) представляемаго имъ дѣла, коего разрѣшеніе имѣетъ вліяніе на причастныхъ по мѣрѣ совѣсти и убѣжденія религійнаго.

Въ такомъ стеченіи обстоятельствъ всѣ мои домогательства должны были оставаться тщетными.

Но чтобъ споспѣшествовать, сколько возможно, моимъ содѣйствіемъ въ семъ конечно прискорбномъ для вашего превосходительства дѣлѣ, я выполнилъ другое требованіе ваше, коль скоро обозрѣлъ и удостовѣрился о невозможности перваго. По приложенному при отношеніи вашемъ на мое имя полномочію я выбралъ не одного, а двухъ здѣшнихъ стряпчихъ: Розвадовскаго и Гавдецкаго. Послѣдній есть присяжный адвокатъ при судахъ духовныхъ, а первый таковый же адвокатъ какъ при судахъ духовныхъ, такъ и гражданскихъ. Оба они изъ числа тѣхъ стряпчихъ, которые по таковымъ дѣламъ пользуются здѣсь величайшею публичною довѣренностію и удостоенные офиціальнымъ къ сей должности назначеніемъ. Имъ вручилъ я данное мнѣ отъ васъ полномочіе и равномѣрно отъ себя по силѣ онаго уполномочилъ, чтобъ по вашему наставленію и всѣми законными мѣрами старались въ здѣшнемъ духовномъ судѣ отвергнуть искъ жены вашей о разводѣ и исходатайствовать судебное опредѣленіе и приказаніе обратиться къ супружескому сожитію. А между тѣмъ старался я употребленіемъ частныхъ средствъ, чрезъ особы имѣющія особенную связь и довѣренность у жены вашей, навести ее дружескими внушеніями на путь истины и склонить къ сожитію, которое вы столько со стороны вашей цѣните и по долгу христіанскому сохранить оное желаете.

Но къ сожалѣнію и сіи оба средства остались безполезными. Ни посредничество пріятелей и родни, ни внушенія употребленныхъ къ тому духовныхъ лицъ, ни собственныя мои предложенія не могли склонить ее къ продолженію сожитія съ вами. Ссылаясь упорно на свои причины, помѣщенныя въ извѣстномъ вашему превосходительству исковомъ прошеніи ея, она рѣшительно и постоянно осталась въ намѣреніи къ вамъ не возвращаться и продолжать искъ въ здѣшнихъ духовныхъ судахъ объ уничтоженіи состоявшагося между вами брака.

Столько же съ другой стороны остались безуспѣшными и возраженія, чинимыя въ духовныхъ судахъ отъ уполномоченныхъ со стороны вашей стряпчихъ. Всѣ опроверженія, дѣлаемыя ими по сообщеннымъ отъ васъ наставленіямъ и по собственному ихъ усмотрѣнію, примѣняемому къ законамъ и правиламъ Римской церкви, духовнымъ судомъ отвержены. Сей судъ то только одно принялъ во уваженіе: что поелику жена ваша во время состоявшагося между вами бракосочетанія была здѣшняя жителька и прихожанка, то бракъ ея, благословенный не здѣшнимъ, но ино-приходскимъ священникомъ, есть неваженъ и ничтоженъ, и посему оный расторгнувъ, позволилъ женѣ вашей, буде пожелаетъ, вступить въ новые обѣты, какъ то ваше превосходительство усмотрите изъ прилагаемыхъ у сего двухъ приговоровъ, которыхъ и переводы на Россійскій языкъ пріобщаю.

Тщетно было бы входить, правильны ли въ своемъ родѣ сіи приговоры. Тутъ довольно обратить вниманіе на то только, что они, яко единогласно въ двухъ инстанціяхъ духовныхъ судовъ опредѣленные, по правилу Римской церкви, рѣшительны и законосильны, а для жены вашей удовлетворительны; ибо она совершенно освобождена ими отъ супружескаго союза съ вами и въ правѣ теперь уже заключить новый бракъ, чего однакожъ я не имѣлъ еще никакихъ причинъ предполагать ея намѣреніемъ, тѣмъ болѣе, что по окончаніи сего дѣла она отлучилась изъ Варшавы и отправилась въ чужіе края на неопредѣленное время".

Письмо это предполагалось закончить слѣдующими строками: „Въ такомъ прискорбномъ конечно для васъ положеніи, вашему превосходительству не остается какъ только переносить съ христіанскимъ духомъ тягость вашего положенія, или обратиться съ просьбою къ благочестивымъ властямъ нашей Греко-Россійской церкви, которая, будучи чадолюбивою матерію православныхъ исповѣдниковъ своихъ, конечно освободитъ и васъ со стороны своей отъ союза, нарушеннаго и оставленнаго иновѣрною женою вашею". Эти строки были зачеркнуты Новосильцовымъ.

*

Свадьба А. И. Чернышева съ княгинею Радзивилъ была романическая. Они встрѣтились въ дер. Зауше, Новоградскаго повѣта, Гродненской губерніи. Чернышевъ заѣхалъ туда „проѣздомъ", а княгиня пріѣхала изъ Варшавы съ цѣлью „навѣстить отца".

Вѣнчали ихъ (28 Янв. 1817 г.) ксендзъ Адальбертъ Магнушевскій и затѣмъ полковой священникъ Воронежскаго пѣхотнаго полка. Послѣ свадьбы

супруги уѣхали въ Петербургъ, а черезъ два мѣсяца г-жа Чернышева, воспользовавшись отъѣздомъ мужа въ командировку, на Донъ, поспѣшно возвратилась въ Варшаву и немедленно же стала хлопотать о разводѣ. Духовный судъ, въ 1-ой и 2-ой инстанціяхъ, призналъ бракъ недѣйствительнымъ и, расторгнувъ его, дозволилъ г-жѣ Чернышевой вступить въ новый, четвертый.

Основываясь на постановленіяхъ Тридентскаго Собора (XXIV засѣданіе, о преобразованіи супружескихъ союзовъ), а также на толкованіяхъ этихъ постановленій въ конгрегаціи кардиналовъ 1 Іюня 1594 г., декретахъ папы Григорія IX (4-я книга, III гл., № 7) и объясненіяхъ извѣстнаго канониста Валенса, судъ призналъ, что, въ данномъ случаѣ, „ни приходскій священникъ невѣсты, т. е. настоятель Варшавскаго костела Св. Креста, ни настоятель того прихода, въ коемъ отвѣтчикъ основалъ жительство, ни даже придворный священникъ двора Его Императорскаго Величества, коего отвѣтчикъ есть генералъ-адъютантъ, при сочетаніи сего брака не присутствовали и никѣмъ изъ нихъ не было дано позволеніе ксендзу Адальберту Магнушевскому на благословеніе сего брака“...

А. И. Чернышеву ничего не оставалось болѣе, какъ обратиться въ С.-Петербургскую Духовную Консисторію съ ходатайствомъ о расторженіи брака его съ княгинею Радзивилъ и о разрѣшеніи ему вступить въ новое супружество. Въ дѣлѣ имѣется черновикъ этого прошенія, принадлежащій перу Н. Н. Новосильцова, а также копія журнальнаго постановленія Святѣйшаго Синода отъ 8 Мая 1812 года по дѣлу о разводѣ генералъ-адъютанта, князя Василія Сергѣевича Трубецкого съ его женою, Катериною-Фредерикою-Вильгельминою-Бенигною герцогинею Саганскою, урожденною принцесою Курляндскою. Будучи обвѣнчана съ княземъ Трубецкимъ въ 1805 году, въ церкви императорскаго Россійскаго посольства въ Дрезденѣ, княгиня, тѣмъ не менѣе, въ слѣдующемъ же году отказалась слѣдовать за мужемъ въ Россію. И такъ какъ князь Трубецкой „рѣшился лучше пожертвовать своею склонностью къ ней, принцессѣ, нежели оставить для нея свое отечество, то, съ его согласія, бракъ былъ расторгнутъ „по именному его величества короля Прусскаго Фридерика повелѣнію въ столичномъ городѣ Берлинѣ тамошнимъ камеръ-герихтомъ“. При этомъ княгинѣ Трубецкой было дозволено вступить въ новое супружество. Что̀ касается самого князя, то ему пришлось по этому дѣлу обратиться къ своимъ духовнымъ властямъ. Дѣло восходило до Святѣйшаго Синода, которымъ, наконецъ, и было опредѣлено, на основаніи 35 правила Св. Василія Великаго, „расторгнувъ бракъ князя Трубецкаго съ герцогинею Саганскою, дозволить ему вступить въ супружество съ другимъ безпрепятственнымъ лицемъ“.

Конечно, такое рѣшеніе являлось для А. И. Чернышева отличнымъ прецедентомъ.

Сообщ. **И. Г. Попруженко.**

ИЗЪ БУМАГЪ ГРАФА А. П. ОЖАРОВСКАГО [1]).

I.

Письмо Дибича къ графу Ожаровскому.

Милостивый государь графъ Адамъ Петровичъ!

Государь Императоръ изволитъ выѣхать изъ Черновицъ не прежде 29-го числа и будетъ имѣть ночлѣгъ [2]) не въ Могилевѣ (на Днѣстрѣ), а въ Брычанахъ, 30-го числа прибудетъ въ Тульчинъ [3]), двумя днями позже противъ прежняго назначенія. По сему случаю Государь Императоръ предоставляетъ вашему сіятельству и г. генералъ-адъютанту Чернышеву отправиться впередъ до Тульчина и тамъ ожидать прибытія Его Величества.

Извѣщая о томъ ваше сіятельство, покорнѣйше прошу увѣдомить о семъ отъ себя Александра Ивановича [4]). Съ истиннымъ поченіемъ и преданностью имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Иванъ Дибичъ.

Черновицы. 25 Сентября 1823 года.

---

[1]) Графъ Адамъ Петровичъ Ожаровскій (1776—1855), сверстникъ императора Александра Павловича и приближенное къ нему лицо. Его отецъ погибъ въ Страстной Четвергъ 1794 года во время Варшавскаго избіенія, и тѣмъ самымъ графъ Адамъ конечно предъявлялъ свою приверженность къ Россіи. Его супруга Анна Ивановна Муравьева-Апостолъ, сестра Декабристовъ, а ихъ сынъ—дѣдъ Петра Александровича Чеевина, который въ наши дни былъ любимцемъ императора Александра Александровича. П. Б.

[2]) Правописаніе подлинника.

[3]) На большіе манёвры. Тогда же Государь видѣлся въ Черновицахъ съ императоромъ Австрійскимъ, и Европа увѣрилась, что Россія не станетъ помогать освобожденію Грековъ отъ Турецкаго ига. П. Б.

[4]) Чернышева.

II.

Письмо императра Александра Павловича къ графу Адаму Петровичу Ожаровскому.

(Карандашемъ написанное).

Si vous n'éties auprès de moi, général, que depuis trois jours, je vous répondrais, que rien n'est plus naturel que ce que vous aves fait. Mais comme il y a déjà 15 ans que vous vous trouves aide-de-camp-général, je vous observerais, que vous auries pu vous dire, en recevant la lettre du général Diebitsch, qu'aparemant[4]) il y avoit quelque raison qui m'a porté à vous faire savoir d'aller à Toultchin, et non de rester à Chotin.

Rien de plus naturel encore qu'ayant trouvé un ancien compagnon de service et malheureux[5]), vous aves été le voir. Mais dans votre place, vous auries du avoir asses de tact pour donner la juste mesure à votre démarche.

Si vous vous series borné à aller le voir, c'eût été convenable.

Par contre, quand par un arrangement de comandant on vous loge ches un individu, comme pour être un des Étéristes les plus marquants[5]), que vous receves par mon ordre un avis d'aller plus loin, et que vous, au lieu de cela, préféres rester ches cet Étériste quatre jours, c'est manquer et de tact et de convenance.

Votre discernement auroit du vous engager à quitter un logement pareil, le plus tôt possible, à plus forte raison, quand vous en receves l'injonction par mon ordre.

Quand à l'intercession que vous m'adresses à l'égard de cet individu, elle est déplacée, et j'ai des données plus exactes sur la conduite que j'ai à tenir vis-à-vis de personnages pareils que ce que vous pouves m'en apprendre.

A.

Toultchin. Le 2 Octobre 1823.

Переводъ.

Если-бы вы, генералъ, состояли при мнѣ всего три дня, то я отвѣтилъ-бы вамъ, что все, что вы сдѣлали, вполнѣ понятно и естественно. Но такъ какъ вы уже болѣе 15 лѣтъ состоите генералъ-адъютантомъ, то я дол-

[4]) Въ подлинникѣ такъ.

[5]) Князь Кантакузенъ, сотрудникъ Греческаго возстанія. П. Б.

женъ вамъ замѣтить, что, получивъ письмо генерала Дибича, вы должны были сказать себѣ, что, вѣроятно, должно-быть, была какая-нибудь особая причина, почему я велѣлъ передать вамъ отправиться въ Тульчинъ, а не оставаться въ Хотинѣ.

Ничего не могло быть естественнѣе съ вашей стороны, какъ навѣстить стараго товарища по службѣ въ несчастіи.

Но на вашемъ мѣстѣ, вы должны были имѣть достаточно сметки, чтобы придать должную мѣру вашему образу дѣйствій.

Если-бы вы ограничились лишь посѣщеніемъ вашего друга, то дѣло было-бы въ порядкѣ. Но когда васъ, по распоряженію командующаго, помѣстили у этого человѣка, слывущаго однимъ изъ самыхъ видныхъ Этеристовъ, а вы получили мой приказъ ѣхать дальше, то вы предпочли вмѣсто того остаться у этого Этериста впродолженіи четырехъ сутокъ; это я считаю безтактностью и отсутствіемъ благоприличія. Ваша разсудительность должна была васъ заставить покинуть подобное жилище какъ можно скорѣе, тѣмъ болѣе, что вы получили наказъ мой въ этомъ смыслѣ.

Что-же касается вашего заступничества по поводу этой личности, то считаю его неумѣстнымъ, и у меня есть данныя гораздо болѣе точныя относительно того, какъ я долженъ держать себя съ подобными личностями, чѣмъ тѣ, которыя вы мнѣ можете сообщить о томъ. А. Тульчинъ. 2-го Октября 1823.

III.

Отвѣтъ графа Ожаровскаго на письмо Государя.

Sire,

C'est avec une respectueuse sincérité et une confiance entière dans votre coeur et cette sagesse qui saura, je n'en doute pas, trouver le cachet de la verité dans ce que j'ose importuner Votre Majesté.

Je me trouve déréchef dans le cas bien pénible pour moi d'avoir encouru votre disgrâce, et cependant ma conscience ne me reproche rien, et j'ose assurer Votre Majesté que je n'ai pas eu la moindre intention qui ne fût pure. Je suis resté à Chotin certainement bien loin de croire que votre volonté fût que je ne m'y trouve point. Ma faute consiste uniquement en ce que j'ai mal interprêté le mot de „предоставляетъ“, qui se trouve dans l'avis ci-joint, mais si j'avais pû deviner seulement votre désir, aucune considération au monde ne m'aurait retenu un moment.

Je suis donc resté dans l'intime persuasion que Votre Majesté avait la bonté de me donner le choix de rester ou de partir, et si je me suis décidé à rester, c'est pour le motif de me trouver sur la ligne des couriers de Pétersbourg pour avoir plutôt des nouvelles de ma femme, et

par un second encore, c'est l'envie extrême[6]) de pouvoir faire selon moi une bonne action. J'ai trouvé mon quartier désigné dans la maison du p-ce Kantakouzine, ancien camarade de service dans la garde à cheval; sa situation malheureuse que les circonstances et la faiblesse ont attirées, le sort d'une excellente et bien intéréssante femme et quatre enfants charmants m'ont vivement touché, et je voulais, je l'avoue, s'il est possible en parler à Votre Majesté Impériale sur les lieux et inteceder (?), si c'est possible, à l'amélioration de ce sort, d'autant plus que je suis pleinement convaincu que c'est seulement une malheureuse victime des coupables mensonges des menteurs.

Voilà, Sire, uniquement les deux motifs qui m'ont fait rester à Chotin; aucun autre, je vous en donne ma parole d'honneur, ne s'en est melé; mais j'ose répéter encore à Votre Majesté que ces deux motifs même ne m'auraient certainement pas fait balancer un instant pour exécuter la volonté de Votre Majesté si j'avais sû la deviner. Voilà, Sire, l'exacte et pure vérité; j'ai pris le parti de la soumettre à Votre Majesté, car je tremble que cette circonstance ne laisse encore peser sur moi un de ses nuages que le véritable attachement que je vous porte fait souvent, je (vous) l'avoue, et sans exagératon, le malheur de ma vie.

Переводъ.

Государь, съ глубокимъ чувствомъ уваженія и искренности, а также полнаго довѣрія къ вашему сердцу и уму, который, не сомнѣваюсь, съумѣетъ распознать всю силу правды моего къ Вамъ обращенія, смѣю обезпокоить Ваше Величество. Я нахожусь отнынѣ въ затруднительномъ положеніи, чувствуя вашу ко мнѣ немилость. И все-таки моя совѣсть совершенно чиста и ни въ чемъ не упрекаетъ меня. Смѣю увѣрить Ваше Величество, что я не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія, которое было-бы невполнѣ чисто. Оставаясь въ Хотинѣ, я былъ далекъ отъ мысли, что ваша воля состояла въ томъ, чтобы меня тамъ вовсе не было. Единственная моя вина та, что я не съумѣлъ вѣрно понять смыслъ слова „предоставляетъ“, которое было упомянуто въ нижеприлагаемомъ увѣдомленіи; но еслибъ я только могъ угадать ваше желаніе, то никакое соображеніе въ мірѣ не могло-бы удержать меня тамъ единую минуту. И такъ я остался въ Хотинѣ въ полномъ и искреннемъ убѣжденіи, что Ваше Величество милостиво хотѣло дать мнѣ на выборъ—остаться или ѣхать, а если я рѣшилъ остаться, то причиной тому было мое желаніе находиться на пути слѣдованія курьеровъ изъ Петербурга, чтобы получать скорѣе извѣстія отъ моей жены, а во вторыхъ сильное желаніе сдѣлать по моему доброе дѣло. Мнѣ указали квартиру въ домѣ князя Кантакузена, прежняго моего товарища по службѣ въ конногвардейскомъ полку; но несчастное положеніе въ виду неблагопріятныхъ обстоятельствъ и его собственной слабости,

[6]) Трудно разобрать—et la joie?

а также участь прекрасной и весьма интересной жены и четырехъ прелестныхъ дѣтей, глубоко тронули меня, и я хотѣлъ, сознаюсь, при первой возможности, поговорить о немъ съ Вашимъ Величествомъ и постараться облегчить, елико возможно, его горькую участь, тѣмъ болѣе, что вполнѣ увѣренъ, что это лишь несчастная жертва преступнаго злословія [7]).

Вотъ, Государь, эти только двѣ причины, которыя заставили меня остаться въ Хотинѣ: никакой другой не было, даю вамъ честное слово; но вмѣстѣ съ тѣмъ смѣю еще разъ повторить Вашему Величеству, что и эти двѣ причины, конечно, не могли бы меня поколебать ни на одно мгновенье въ исполненіи воли Вашего Величества, если бы я только могъ угадать ее.

Вотъ, Государь, чистѣйшая и точная правда. Я рѣшился повергнуть ее къ стопамъ Вашего Величества, ибо дрожу при мысли, что это обстоятельство можетъ снова навлечь на меня одну изъ тѣхъ скорбей, которыя, не смотря на всю мою привязанность къ вамъ, сознаюсь, безъ преувеличенія составляютъ нерѣдко несчастіе моей жизни.

IV.

Vous prenes un air de sévérité à laquelle vos anciennes bontés ne m'ont pas accoutumé, cela me jette toujours dans une peine et découragement qui me donne un air de coupable, sans l'être, et voilà la source de ces nuages que je voudrais éviter au prix de tout au monde et mériter une fois pour toute votre concession en vous prouvant surtout que mon dévouement et attachement pour vous est trop vieux, trop fidèle pour me permettre d'être jamais coupable. (Encore votre attention d'une faute d'intention ou de volonté) [8]). Votre coeur, j'en suis sûr, saura facilement me pardonner toujours les fautes d'autrui. C'est dans cette confiance que je me prosterne [9]) au pied de Votre Majesté en vous demandant grâce, Sire, pour celle que je viens de commettre sans le savoir, ni vouloir.

A. Ojarovski.

Le 2 Oct. 1823. Toultchine.

Переводъ.

Вы принимаете строгій видъ, къ которому меня не пріучили ваши прежнія милости, и это повергаетъ меня въ такую скорбь, что я теряю бодрость духа и дѣлаюсь похожимъ на дѣйствительно виновнаго, не будучи имъ нисколько. Вотъ настоящій источникъ всѣхъ этихъ скорбей, которыхъ я желалъ-бы избѣжать цѣною всего на свѣтѣ и заслужить разъ навсегда ваше снисхожденіе,

---

[7]) Неясно въ подлинникѣ.

[8]) Скобка въ подлинникѣ.

[9]) Неясно въ подлинникѣ.

доказавъ на дѣлѣ и прежде всего, что моя преданность къ вамъ слишкомъ стара, слишкомъ вѣрна, чтобы дозволить мнѣ быть когда-либо виновнымъ. (Еще обращаю Ваше вниманіе на ошибку преднамѣренную или безвольную).

Ваше сердце, я увѣренъ, легко съумѣетъ простить мнѣ всегда ошибки другихъ. Въ этой увѣренности я и припадаю къ стопамъ Вашего Величества, прося снисхожденія за тотъ проступокъ, который я сдѣлалъ, Государь, въ сущности не зная и не вѣдая. А. Ожаровскій. 2 Окт. 1823. Тульчинъ.

V.

Письмо императора Николая Павловича къ графу Ожаровскому.

Monsieur le comte Ojarovski,

Je viens de recevoir la lettre que vous m'aves adressée en date du 21 de ce mois, et je me fais un véritable plaisir de vous assurer que je suis particulièrement sensible aux expressions de dévouement qu'elle renferme.—Croyes que je sais leur rendre justice, comme j'ai toujours scu[10]) apprécier les sentiments qui vous attachaient à Celui dont nous pleurons la perte, et dont la mémoire sacrée est un lien qui m'unira toujours à ses plus fidèles serviteurs. Si, dans ce moment de douleur et de regret, l'assurance de mon sincère intérêt peut vous procurer quelque consolation, je vous l'offre avec le même empressement avec lequel je me plairai toujours à vous en donner des preuves. Je ne saurai qu'applaudir la résolution que vous aves prise de vous rendre auprès des dépouilles mortelles du Grand Souverain qui sera l'objet de nos éternels regrets. L'affliction dont votre coeur est pénétré est un gage de la noblesse de vos sentiments, et m'est garant du zèle qui vous animera pour notre service et du dévouement que je réclame de votre part.

Receves, monsieur le comte Ojarovski, l'assurance de mon attachement et de ma parfaite estime. Votre affectionné Nicolas.

St. Pétersbourg, le 27 Déc. 1825.

Переводъ.

Графъ. Я только что получилъ ваше письмо, помѣченное 21-ымъ числомъ текущаго мѣсяца, и считаю особеннымъ удовольствіемъ выразить вамъ, какъ я былъ глубоко тронутъ выраженными вами чувствами преданности въ этомъ письмѣ. Повѣрьте, что я отдалъ должную справедливость вашимъ словамъ, какъ и всегда умѣлъ цѣнить чувство привязанности вашей къ Тому, потерю коего мы всѣ оплакиваемъ, и чья священная память есть достояніе,

[10]) Правописаніе подлинника.

которое меня всегда будетъ соединять съ его вѣрными слугами. Если, въ настоящую минуту горя и скорби, увѣреніе въ искреннемъ участіи моемъ къ вамъ можетъ послужить вамъ утѣшеніемъ, я приношу его вамъ съ той же поспѣшностью, съ которой всегда буду стараться доказать вамъ его на дѣлѣ и впредъ. Я вполнѣ сочувствую рѣшенію, принятому вами, отправиться къ праху Великаго Государя, который будетъ вѣчно оплакиваемъ нами. Скорбь, которою проникнуто ваше сердце, служитъ доказательствомъ чувствъ Вашихъ и залогомъ того усердія, которое будетъ одушевлять васъ при служеніи мнѣ и чувства преданности, которую я ожидаю отъ васъ. Примите, графъ, выраженіе моей привязанности и моего полнаго уваженія къ вамъ. Благосклонный къ вамъ Николай. С. Петербургъ. 27 Декабря 1825.

VI.

Письмо графа Ожаровскаго къ императору Николаю Павловичу.

Sire,

Accoutumé par la constante bienveillance de feu l'Empereur, de glorieuse et adorée mémoire, à la liberte de lui soumettre la verité chaquefois que Dieu daignait m'accorder asses de lucidité pour la saisir, et dans toute circonstance urgente, mon coeur rempli de dévouement pour Votre Majésté Impériale, me porte à en faire de même dans ce moment où, privé du bonheur de vous servir autrement, je suis frappé de la nécessité de vous faire connaître, Sire, les observations bien impartiales d'un fidèle serviteur. Initié depuis longtemps aux vues nobles et bienfaisantes que ce Grand Souverain avait pour la Pologne, j'ai en aussi l'occasion de suivre et la gradation des choses et la connaissance des hommes employés dans cet état de sa création.

Maintenant observateur impartial et uniquement intéressé à voir conservé cet oeuvre de la plus haute sagesse et bonté, autant que frappé de danger qui résulterait si Votre Majesté Impériale ignorait toute la vérité, je ne puis m'empêcher de vous la soumettre, Sire, et mû par les mêmes sentiments, que jadis, puisse le Ciel permettre que Vous daignes aussi l'accueillir comme le fesait l'Être Céleste auquel vous avessuccédé.

En constituant la Pologne, la branche si conséquente du militaire fût confiée par feu l'Empereur à un frère chéri [11]), qui par un dévouement et un zèle sans bornes a dignement accompli sa tâche, et l'armée Polonaise se trouve dans tous ses détails sur le pied le plus parfait.

---

[11]) Константинъ Павловичъ.

Il n'en est pas ainsi de l'administration civile, qui confiée constitutionellement à un conseil présidé par les lieutenants aurait pû mener également cette branche à la même perfection, mais qui malheureusement est bien loin de là.

Il me paraît, superflu, Sire, de vous faire une longue énumération des causes qui ont ammenées sucessivement un résultat loin d'être satisfaisant dans ce moment. Le fait est que: ce conseil composé de vues bien divergentes, se trouve présidé maintenant par le plus parfait honnête homme, mais qui, accablé d'âge et d'infirmité [12]) n'est plus en état de déployer la capacité et l'énergie absolument nécessaire pour mettre de l'harmonie dans ses vues, donner l'impulsion indispensable, et tenir comme il faudrait les rênes du gouvernement. La faiblesse, l'indifférence, le manque de lumière, la fénéantise et peut-être la malveillance completteront bientôt dans cet état de choses un chaos, duquel naîtront les fautes qui vous mettroient, Sire, dans la triste nécessité et (vous priveroient?)[13]) du bonheur que votre règne glorieux promet. Mais, Sire, heureusement à côté du mal, le Ciel vous accorde le remède pour le prévenir. Il vous a donné l'homme le plus nécessaire et le plus capable sous tous les rapports d'entrer dans vos vues et de remettre les choses sur un pied tout-à-fait désirable; cet homme c'est le prince Lubecki, c'est sur lui que j'ai entendu mainte fois l'Empereur Alexandre, (cet excellent juge des hommes), prononcer en montrant la tête et le coeur: „Cet homme est également bien ici et bien là".

Effectivement, Sire, Lubecki tenant comme votre lieutenant du Royaume, les rênes de l'administration, pourrait tout consilier, servir de contrepoids au mal existant et remplir avec autaut d'énergie que de capacité ce poste aussi difficile que conséquent. Voici, Sire, le moyen bien efficace pour obvier au mal, mais c'est le seul; voici l'homme qu'il faut, mais c'est le seul. Lui seul, absolument Lui, et pas un autre que Lui: c'est la vérité dont je suis frappé et que je n'ai pû m'empêcher de soumettre à la haute sagesse de Votre Majesté Impériale qui en saura, je n'en doute pas, pénétrer les détails.

Sire, c'est la première fois que j'ose me permettre cette démarche près de vous; elle est uniquement dictée par ma conscience, l'urgence des circonstances et mon dévouement absolu pour Votre Majesté Impériale; peut être est-ce la démarche, mais dans tous les cas daignies, je vous en supplie, me la pardonner en faveur des motifs qui me guident et de la pureté de mes intentions.

---

[12]) Заіончекъ.

[13]) Пропущено.

Veuilles surtout, Sire, ne jamais douter du dévouement parfait, avec lequel je ne cesserai jamais d'apprécier le bonheur de pouvoir me dire toujours et partout de Votre Majesté Impéraile le plus fidêle et soumis sujet.

A. Ojarovski.

Varsovie, le 23 Nov. (5 Déc). 1829.

Переводъ.

Государь, привыкнувъ къ постоянному благоволенію блаженной и славной памяти покойнаго Государя и свободѣ, съ которой Онъ дозволялъ мнѣ высказывать Ему всегда правду, когда только Господь давалъ мнѣ достаточно прозрѣнія для ея открытія, и при всякомъ не терпящемъ отлагательства дѣлѣ, мое сердце, преисполненное чувства преданности къ Вашему Императорскому Величеству, побуждаетъ меня поступить также и въ настоящую минуту, когда я лишенъ возможности иначе служить вамъ, Государь, и я вынужденъ изложить вамъ всѣ доводы безпристрастнаго и вѣрнаго слуги. Давно уже посвященный въ благородныя и благодѣтельныя намѣренія Великаго Государя относительно Польши, я имѣлъ также случай прослѣдить и весь ходъ дѣлъ, и знакомство съ лицами причастными къ нему и его творенію. Будучи теперь безпристрастнымъ наблюдателемъ и заинтересованный собственно тѣмъ, чтобы сохранить оное дѣло высочайшей мудрости и доброты, а вмѣстѣ съ тѣмъ пораженный той опасностью, которая грозитъ наступить, если Ваше Величество не будете знать всей правды, я не могу скрывать ее отъ васъ, Государь. Движимый тѣми же чувствами, какъ прежде, я и повергаю ее къ вашимъ стопамъ. Да дозволитъ Небо, чтобы вы ее приняли также точно, какъ дѣлало это Небесное Существо, которому вы наслѣдовали.

Преобразовывая Польшу, покойный Государь поручилъ важную часть управленія войсками своему дорогому брату, который выполнилъ это дѣло съ безграничной преданностью и усердіемъ, и армія Польская находится во всѣхъ отношеніяхъ въ прекрасномъ состояніи. Нельзя сказать того же о гражданскомъ управленіи: порученное Конституціонному Совѣту подъ предсѣдательствомъ намѣстниковъ, оно могло бы достигнуть того же совершенства, какъ и военное, но, къ несчастью, далеко отъ этого. Мнѣ кажется лишнимъ, Государь, перечислять вамъ всѣ причины, приведшія къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ. Фактъ тотъ, что Совѣтъ, составленный изъ людей самыхъ разнокалиберныхъ взглядовъ, находится подъ предсѣдательствомъ самаго честнаго, но удрученнаго годами и немощами, человѣка, который больше неспособенъ выказать достаточно энергіи и качествъ, необходимыхъ для стройнаго объединенія всѣхъ взглядовъ, для необходимаго импульса при управленіи страною. Слабость, равнодушіе, недостатокъ прозорливости, лѣность и можетъ быть даже недоброжелательность вскорѣ доведутъ положеніе дѣлъ до хаоса, изъ котораго возникнутъ такія ошибки, которыя поставятъ Ваше Величество въ тяжкую необходимость отказаться отъ блага, обѣщаемаго такъ много вашимъ славнымъ царствованіемъ. Но къ счастью, рядомъ со зломъ, Небо дало

вамъ, Государь, и средство его предупрежденія. Оно дало вамъ человѣка самаго необходимаго, самаго способнаго во всѣхъ отношеніяхъ осуществить ваши намѣренія и вернуть положеніе дѣлъ на желанную почву. Этотъ человѣкъ князь Любецкій. О немъ часто говаривалъ Государь Александръ Павловичъ,—я не разъ это слышалъ,—указывая на голову и сердце: „У этого человѣка и здѣсь, и тамъ все хорошо". И дѣйствительно, Государь, Любецкій въ качествѣ намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, держа въ рукахъ бразды правленія, могъ-бы соединить въ себѣ все, служить противовѣсомъ существующему злу и со свойственной ему энергіей и способностью занимать столь видный и отвѣтственный постъ. Вотъ, Государь, дѣйствительное средство противу зла; но оно единственное; вотъ человѣкъ подходящій, но онъ, единственный. Онъ одинъ, несомнѣнно онъ и никто другой,—вотъ въ чемъ истина, которой я проникнутъ и которую не могу утаить отъ Вашего Величества; ваша мудрость съумѣетъ вникнуть во всѣ подробности этого дѣла. Впервыя, Государь, я осмѣливаюсь хлопотать о чемъ нибудь передъ вами, и это обусловлено единственно сознаніемъ долга совѣсти, серьезнымъ положеніемъ дѣлъ и обстоятельствъ и моей безусловной преданностью Вашему Императорскому Величеству; можетъ быть, въ послѣдній разъ обращаюсь къ вамъ, но во всякомъ случаѣ умоляю васъ простить эту выходку въ силу причинъ, ее вызвавшихъ и руководящихъ мною, а также чистоты моихъ намѣреній.

Особенно прошу васъ, Государь, никогда не сомнѣваться въ моей глубокой преданности, съ которой я никогда не премину цѣнить счастье всегда и вездѣ считать себя Вашего Императорскаго Величества наиболѣе вѣрнымъ подданнымъ. А. Ожаровскій.

Варшава 23 Ноября (5 Декабря) 1829.

Примѣчаніе. Николай Павловичъ послушалъ Ожаровскаго, но вмѣсто Любецкаго выбралъ болѣе молодаго, но не энергичнаго Соболевскаго. Вскорѣ послѣдовало Польское возстаніе.

Сообщилъ К. Я. Гротъ.

Изъ воспоминаній князя Дмитрія Николаевича Долгорукова.

Въ 1853 году доктора приказали мнѣ провести зиму въ тепломъ климатѣ. Я служилъ въ Кавалергардскомъ полку. Моя мать, зная, что Государь Николай Павловичъ не любитъ, чтобы молодые люди ѣздили за границу, обратилась къ Наслѣднику (командиру Кавалергардскаго Корпуса), прося его устроить, чтобы я получилъ отпускъ 11-ти мѣсячный. Наслѣдникъ обѣщалъ, но Государь согласился только на шести-мѣсячный. Я вышелъ въ отставку, что̀ огорчило моего отца.

Весною 1854 г. я былъ въ Неаполѣ и, узнавъ, что наши войска перешли въ Молдавію и начнется война съ Турціею, я отправился въ Варшаву, явился къ фельдмаршалу князю Паскевичу и попросилъ его взять меня ординарцемъ.—Охотно я бы взялъ васъ; но вы знаете, какъ Наслѣдникъ не любитъ, чтобы гвардейскіе офицеры переходили въ армейскіе. Поѣзжайте въ Петербургъ, и если вамъ удастся поступить въ армейскій полкъ, то пріѣзжайте ко мнѣ въ штабъ.—Въ Петербургѣ я поступилъ въ Гессенъ-Кассельскій полкъ и отправился къ фельдмаршалу, который осаждалъ тогда Силистрію. Я нашелъ фельдмаршала больнымъ, и онъ уѣхалъ. Начальство перешло къ князю Горчакову, и всѣ адъютанты и ординарцы перешли къ нему. Князь Горчаковъ началъ энергично осаждать Силистрію. Былъ назначенъ и день ея взятія, ночью мы были уже въ траншеяхъ, какъ неожиданно адъютантъ фельдмаршала пріѣхалъ съ приказомъ не брать крѣпость и отступить.

Къ зимѣ мы пришли въ Кишиневъ, гдѣ провелъ зиму князь Горчаковъ со своимъ штабомъ, помогая князю Меншикову войсками. Часто посылалъ онъ курьеровъ въ Севастополь. Моя очередь тоже пришла. Я поѣхалъ съ письмомъ къ князю Меншикову и съ приказаніемъ все осмотрѣть и доложить подробно о ходѣ осады. Я остановился у свиты Великихъ Князей, осмотрѣлъ всѣ бастіоны съ Остенъ-Сакеномъ и Тотлебеномъ и, получивъ разныя свѣдѣнія и письмо отъ князя Меншикова, возвратился въ Кишиневъ.

Затѣмъ я ѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ тогда умеръ Государь Николай Павловичъ. Князь Горчаковъ назначенъ былъ на мѣсто Меншикова.

Изъ Петербурга я поѣхалъ прямо въ Севастополь, въ концѣ Марта, и дежурилъ часто на 4-мъ бастіонѣ. Все лѣто изъ Петербурга

убѣждали князя Горчакова сдѣлать диверсію для Севастополя со стороны Черной рѣчки. Князь не соглашался, будучи убѣжденъ, что невозможно атаковать непріятеля въ этой мѣстности и что мы навѣрно потеряемъ сраженіе. Въ Августѣ пріѣхалъ генералъ Вревскій изъ Петербурга. Что̀ именно онъ доложилъ князю Горчакову, намъ неизвѣстно; но князь рѣшился дать сраженіе противъ своего убѣжденія. Вечеромъ наканунѣ я слышалъ, какъ генералъ Вревскій сказалъ князю: Demain sera un grand jour de gloire pour vous, mon prince *). Князь сдѣлалъ знакъ неудовольствія. На другой день, во время сраженія, явно было, что князь искалъ смерти; но Богъ его спасъ, и изъ всей многочисленной его свиты никто не былъ убитъ, кромѣ генерала Вревскаго. Не Промыселъ ли это Божій? Послѣ сраженія мнѣ пришлось по службѣ взойти къ князю. Я нашелъ его молящимся на колѣняхъ и плачущимъ.

Послѣдній день въ Севастополѣ князь потребовалъ адъютанта. Я явился. Замѣтно было его смущеніе. Онъ зналъ, что я единственный сынъ у моихъ родителей, и онъ былъ убѣжденъ, что, посылая меня въ этотъ день на бастіонъ, посылаетъ на явную смерть. Онъ сказалъ князю Васильчикову: Дайте ему хорошаго казака. Когда явился я благополучно съ 4-го бастіона, князь приказалъ мнѣ всю ночь находиться у моста при переправѣ жителей Севастополя и чтобы къ разсвѣту ни одинъ житель не оставался въ городѣ. Всю ночь бабы на повозкахъ кричали, плакали. Утро приближалось. Начали уже разбирать мостъ, а еще нѣсколько повозокъ съ пожитками не успѣли переправиться. Что̀ дѣлать съ ними? Я рѣшился побросать ихъ въ море. Послѣ всѣхъ войскъ главнокомандующій съ генераломъ Коцебу оставилъ Севастополь и со мною, дежурнымъ адъютантомъ. Во время переправы Коцебу сказалъ князю: „Какой великолѣпный видъ! Севастополь весь пылающій! Это достойно кисти Брюлова“. Князь не посмотрѣлъ и даже отвернулся. Во время переправы князь спросилъ меня: Было жутко на бастіонѣ? Я отвѣчалъ, что не болѣе обыкновенной бомбардировки.

Въ Октябрѣ пріѣхалъ въ Севастополь дядя мой князь Борисъ Дмитріевичъ Голицынъ. Видя, что я худѣю и дурно себя чувствую, онъ просилъ князя Горчакова отпустить меня въ Петербургъ. До Москвы я доѣхалъ на перекладной. Въ Апрѣлѣ я женился, и мы поѣхали въ Варшаву, гдѣ уже былъ князь Горчаковъ намѣстникомъ. Въ Августѣ было коронованіе Государя Александра Николаевича, и я былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ гвардію: большая награда по милости моего добрѣйшаго начальника. Произведенный въ полковники, я находилъ, что неудобно оставаться въ этомъ чинѣ, будучи адъютантомъ, и вы-

*) Завтра, князь, будетъ для васъ великій день славы.

шелъ въ отставку: хотя князь предложилъ мнѣ командовать Александрійскимъ гусарскимъ полкомъ, но я отказался.

Вотъ какъ я отплатилъ неблагодарностью моему доброму начальнику за всѣ его милости.

Мы поселились въ Петербургѣ. Въ имянины моей матери Государь пріѣхалъ ее поздравить и сказалъ моему отцу: Вашъ сынъ вышелъ въ отставку. Мой отецъ отвѣтилъ: Да, онъ сдѣлалъ эту глупость, говоря, что онъ слабъ здоровьемъ для военной службы. Государь возразилъ: Кромѣ военной есть другія службы. Когда Государь уѣхалъ, мой отецъ позвалъ меня къ себѣ и сказалъ: Государь тебѣ предложитъ служить. Я буду просить зачислить тебя въ придворный чинъ.— Ни за что не желаю! Это очень огорчило моего отца.

Два года мы провели въ Италіи, а вернувшись въ Россію, поселились въ Москвѣ, чтобы воспитывать сыновей дальше отъ гвардейской молодежи и роскоши Петербургской; но впослѣдствіи я сожалѣлъ объ этомъ. Когда мой отецъ скончался, моя мать, зная, какъ огорчало моего отца, что я не служу, обратилась, не сказавъ мнѣ, къ Императрицѣ и просила ее доложить Государю ея просьбу сдѣлать меня шталмейстеромъ. Государь сказалъ: Я давно это бы сдѣлалъ, но думалъ, что онъ этого не желаетъ (какимъ образомъ дошло мое нежеланіе до Государя, я не знаю). Скажите, что въ Москвѣ я исполню желаніе княгини. Въ Москвѣ, послѣ свадьбы Великой Княжны Маріи Александровны, я былъ пожалованъ шталмейстеромъ и поступилъ въ члены Комитета Человѣколюбиваго Общества, былъ попечителемъ Набилковскаго Училища, послѣ членомъ Тюремнаго Комитета и попечителемъ Мясницкой больницы, наконецъ въ Комиссіи о построеніи Храма Спасителя. Былъ я и предсѣдателемъ Общества Торговаго Мореплаванія.

Въ царствованіе императора Александра II-го были маневры въ Рузскомъ уѣздѣ, и многіе офицеры жили у меня въ деревнѣ. Меня удивило, что у офицеровъ всѣ денщики были Поляки, Финны, Латыши и ни одного Русскаго. На мой вопросъ мнѣ отвѣчали, что когда Русскій солдатъ попадетъ въ деньщики, то сейчасъ же начинаетъ пьянствовать. Я передалъ это Николаю Моченову (онъ теперь старшина), и тотъ мнѣ отвѣтилъ: Это вы виноваты.—Какимъ образомъ?—Да, вы виноваты; вы, дворяне, имѣете право говорить правду Государю. Зачѣмъ онъ распускаетъ такъ свой народъ?

Князь Димитрій Долгоруковъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА И. Д. ПОПКО*).

1854 годъ. Лагерь при селеніи Кюрухъ-дара (Пустой Оврагъ) Іюля 25. До обѣда въ походной церкви отпѣта панихида за упокой воиновъ, погибшихъ вчера. Они полегли далеко отъ отечества, въ чужой землѣ, но безсмертныя души ихъ упокой Боже въ общемъ и вѣчномъ человѣческомъ отечествѣ, гдѣ нѣтъ ни печалей, ни болѣзней, ни раздѣленія народностей, мнѣній и вѣрованій. За „вѣчной памятью“ пропѣли „Тебе Бога хвалимъ“, и сладкозвучному хору Тульскаго полка подпѣвали густымъ басомъ батарейныя пушки. По окончаніи молебствія на парадѣ князь Бебутовъ, собравъ въ тѣсный кругъ генераловъ и офицеровъ, произнесъ рѣчь въ благодарность за бой.

На поле сраженія послана была колонна для преданія землѣ непріятельскихъ тѣлъ; она трудилась цѣлый день и не кончила своего печальнаго урока.

26. Въ Александрополь повезли трофеи и повели плѣнныхъ. Какъ-то назовутъ сраженіе? Караялъ, Кюрукъ-дара, Огузы, Суботань, Гадживали, Яглы—вотъ сколько именъ окружаютъ поле битвы. Я проѣхалъ его и видѣлъ въ различныхъ видахъ бренность и срамоту человѣческаго состава. Убитые при наступленіи лежатъ на спинѣ, а при отступленіи—ницъ. У лежавшихъ на спинѣ дѣторолныя части страшно раздуты и напряжены, у лежавшихъ ницъ видѣнъ калъ, гдѣ роятся мухи и спѣшатъ насытиться человѣческими останками, пока не завладѣли ими черви... И вотъ человѣкъ, который обкрадываетъ казну, чтобы имѣть хорошаго повара, который любитъ усладить чрево и угостить нужныхъ ему людей изысканными блюдами, тогда какъ онъ самъ—ходячая снѣдь отвратительныхъ тварей.

---

*) Иванъ Діомидовичъ Попко, образованный генералъ, участвовавшій въ Кавказскихъ экспедиціяхъ, оставилъ любопытныя записки, вѣрно и характерно отразившія состояніе Русской арміи на Кавказѣ, его жизнь и подвиги. Наблюдательный и тонкій умъ его даетъ живую картину Кавказской войны, такъ мало изученной до сихъ поръ и мало освѣщенной въ запискахъ современниковъ.

С. Фарфоровскій.

27. Куда ни ступишь въ лагерѣ, вездѣ воняетъ хвастовство; вездѣ слышишь толки про послѣднее сраженіе, всякій норовитъ высказать себя храбрецомъ, всякій вретъ, какъ сивый меринъ. Немногіе молчатъ, немногіе говорятъ истину. Богатырей, взявшихъ у непріятелей пушки, высказывается столько, что если свести ихъ разсказы, то къ цифрѣ орудій отбитыхъ у Турокъ придется приставить ноль.

Разскажу я быль, въ которой нѣтъ ничего богатырскаго. За нѣсколько дней до сраженія рядовой М. Евсѣевъ взялъ у меня товаръ, чтобы сшить мнѣ пару сапогъ. Судьба послала намъ бой да такой, послѣ котораго во всякой части оказался большой недочетъ въ людяхъ. Впечатлѣнія и послѣдствія этого кроваваго дня вытѣснили у меня мысль о сапогахъ. На другой послѣ боя день вечеромъ говорятъ мнѣ, что какой-то солдатъ ищетъ меня съ сапогами. „Давай его сюда“, и вотъ передо мной рядовой Евсѣевъ съ обвязанной головой и съ подвязанной рукой, согнувшійся и стонущій отъ ранъ. „Что ты?“—Принесъ ваши сапоги.—„Да что съ тобой?“—Изъ меня вырѣзали вчера двѣ пули.—„Стало быть ты сшилъ сапоги до сраженія?“—Никакъ нѣтъ, до сраженія не успѣлъ докончить, а вчера нанялъ дошить земляка.—„Да ты вѣдь раненъ?“—Взялся, такъ долженъ дошить, хотя и раненъ. Евсѣевъ былъ раненъ въ лѣвое плечо и въ лѣвую скулу.

Изъ Турецкаго войска пріѣзжалъ еффенди просить дозволенія предать землѣ правовѣрныхъ. Онъ повѣдалъ намъ, что въ сраженіи убитъ Гассанъ-паша, прибывшій изъ Арабетана съ войсками, закаленными въ военныхъ экспедиціяхъ противъ Бедуиновъ.

28. Рано утромъ командующій отправился на рекогносцировку къ Карсу. Кругомъ нѣмое запустѣніе; деревни, какъ могилы. Только забытый котенокъ выползъ изъ развалинъ. Въ его мяуканьи выражалась и тоска одиночества, и радость свиданія съ людьми. Среди могилъ бѣдныхъ мусульманъ пять-шесть памятниковъ богатыхъ съ эпитафіями на Турецкомъ языкѣ. На одномъ изъ памятниковъ нацарапано по русски: Ефимъ Ивановъ. Какъ попала сюда эта надпись? Съ дер. Суботань мы предприняли обратный путь, напрямки. Вечеръ съ прохладой, съ вереницей коней, тянувшихся на водопой, съ солдатской пѣсней, которой вторитъ рожокъ, съ дымкомъ бивачнаго огня, съ ракетой взвившейся подъ облака, съ барабаннымъ боемъ на „Отче нашъ“, съ задумчивымъ свѣтомъ полнаго мѣсяца, съ горькимъ воспоминаніемъ про бывшее, съ тревожной мечтою о будущемъ и, наконецъ, съ крѣпкимъ здоровымъ сномъ.

30. Отправились изъ нашего лагеря въ Турецкое войско подъ бѣлымъ флагомъ въ качествѣ эльчи (парламентера) прапорщикъ Веку-

ловъ и два переводчика для отвоза къ Туркамъ писемъ и поклоновъ отъ ихъ плѣнныхъ офицеровъ.

31. Наши эльчи, по возвращеніи, разсказывали. „Турецкое войско расположено лагеремъ около Карса. Отрядъ баши-бузуковъ, остановивъ насъ, представилъ начальнику Гаджи-Темиръ-Агѣ, который угостилъ насъ кофеемъ, обѣдомъ и чаемъ. Версты за три до главнаго лагеря насъ встрѣтилъ эскадронъ драгунъ; командиръ его вѣжливо попросилъ насъ, чтобы мы завязали себѣ глаза. Такъ мы прибыли къ ставкѣ мушира. При въѣздѣ въ лагерь, караулъ намъ отдалъ честь, о чемъ намъ сказалъ сопровождавшій насъ Турецкій офицеръ. Муширъ принялъ ласково, попросилъ сѣсть и приказалъ подать кофе и трубку. Переговоривъ о дѣлѣ, онъ съ добродушіемъ хвалилъ нашу кавалерію и Кавказскую пѣхоту. О своей кавалеріи онъ отзывался съ невыгодной для нея стороны; сдѣлалъ замѣчаніе о недостаткѣ повиновенія и исполнительности ему подчиненныхъ пашей. Въ сраженіи 24-го онъ стоялъ на вершинѣ Караяла и обозрѣвалъ поле битвы въ трубу. Многихъ офицеровъ онъ замѣтилъ въ лицо. Особенно поразилъ его генералъ съ большими бакенбардами, въ бѣлой фуражкѣ, который распоряжался кавалеріей. „Это былъ генералъ Багговутъ,“ сказалъ Векиловъ.—„Кланяйтесь ему, кланяйтесь отъ меня и вашимъ храбрымъ драгунамъ“, сказалъ муширъ. „24-го они показали свою доблесть, и на мѣстѣ ихъ начальника я бы ихъ наградилъ; вы были одинъ противъ трехъ, и все таки ваша взяла“ замѣтилъ муширъ. Въ это время сопровождавшіе Векилова казаки разговаривали въ другой палаткѣ съ Поляками и Венгерцами, служащими у мушира. Многіе изъ нихъ хорошо говорятъ по русски. Они сообщили, что Кронштадъ и Одесса взяты, а Севастополь въ блокадѣ. Прапорщикъ Векиловъ получилъ отъ мушира золотую съ брилліантами табакерку, а казаки по серебрянымъ часамъ. Муширъ прислалъ князю Бебутову письмо и 5000 піастровъ для раздачи плѣннымъ.

3 Августа. Турецкій лагерь подвинулся къ намъ. Говорятъ о намѣреніи Турокъ сдѣлать ночное нападеніе; князь Барятинскій отправился въ Тифлисъ. Вокругъ насъ гніютъ 400 труповъ, свѣжо похороненныхъ. Здѣсь же разлагаются до 1000 труповъ конскихъ, едва забросанныхъ землей; мы должны бѣжать изъ этой долины тлѣнія.

4 Августа. Пріѣхалъ въ лагерь Ксенофонтъ нашей войны, графъ В. А. Соллогубъ. Я показывалъ ему поле битвы. Оно утопало въ сумеркахъ. Не такъ ли исчезнутъ въ ночи забвенія всѣ наши побѣды и пораженія?

7 Августа. Вчера былъ полковой праздникъ драгунскаго князя Варшавскаго полка. Подъ наметами разставили столы разныхъ размѣровъ и высоты. Ѣды и пойла было вдоволь. Былъ медъ, арбузы, дыни, абрикосы. Были споры о храбрости. Два хора музыкантовъ играли, два хора пѣли; многіе послѣ битвы потеряли голоса. Пили здоровье всѣхъ, кромѣ того, чье имя носитъ полкъ. Не попалъ ли онъ въ ликъ тѣхъ святыхъ, кому никто свѣчи не ставитъ?

10 Августа. Генералъ-лейтенантъ А. Ѳ. Багговутъ, по болѣзни отъ ранъ volens-nolens сложилъ должность начальника кавалеріи и отправился въ Тифлисъ. Удрученный скорбью онъ собирается въ дорогу, а рядомъ съ нимъ идетъ пиръ съ музыкой, пѣснями, кликами ура и т. д. Немногіе изъ подчиненныхъ генерала провожали его. Въ ту минуту какъ было получено извѣстіе о его уходѣ, генералъ написалъ приказъ. Вотъ онъ отъ слова до слова: „По случаю приключившейся болѣзни я слагаю съ себя начальство надъ кавалеріею и передаю оное, по волѣ г. командующаго корпусомъ, старшему послѣ себя генералу. Разставаясь съ храбрыми товарищами и братьями, я не могу скрыть душевную мою скорбь, что лишаюсь чести командовать такими молодцами. Въ сраженіи 24-го вы, братья мои ратные, отъ перваго до послѣдняго, явили чудеса храбрости, выполняли долгъ чести, превышая силы присвоеннаго вамъ оружія, ходили въ аттаку на батареи, на пѣхоту и мимоходомъ опрокидывали кавалерію. Такія совокупныя усилія рѣдки въ исторіи тактики; продолжайте пожинать лавры для славы Русскаго оружія, строемъ разите врага, исполняйте обязанности: это совѣтъ опытнаго привыкшаго къ трудамъ боевой жизни стараго вашего начальника“.

12. День ознаменовался обѣдомъ въ сборномъ линейномъ казачьемъ полку „по случаю оставленія казаковъ флигель-адъютантомъ Скобелевымъ“. Обѣдъ, какъ обѣдъ, съ шампанскимъ. Пропѣта была свѣже испеченная въ печи поэтическаго таланта гр. С. пѣсня:

Видно, Турки въ самомъ дѣлѣ
Заартачились не въ прокъ,
Позабыть уже успѣли
Прежде заданный урокъ и т. д.

Патріотическая билиберда.

14-го. Мы не воюемъ, а обѣдаемъ. Былъ обѣдъ у командира 4-го драгунскаго полка. Хозяинъ не могъ обѣдать, онъ былъ 13-мъ. Вечеромъ нашъ сослуживецъ задалъ пиръ съ двумя хорами музыки и хоромъ пѣсенниковъ Туляковъ.

15-го. Былъ на Грузинскомъ обѣдѣ. Грузины добрый и веселый народъ, любятъ покушать, выпить, посмѣяться. Любятъ наслаждаться жизнью безъ лишнихъ затѣй. Уютный уголокъ, два-три пріятеля; азарпеша, наполненная Кахетинскимъ, кусокъ шашлыка, вотъ о чемъ мечтаетъ беззаботный сынъ Иверіи. Не съ такой легкостью отрѣшается отъ требованій жизни Армянинъ. Грузинъ поэтъ, Армянинъ-практикъ. Грузинъ гуляка и рубака; Армянинъ трезвый и миролюбивый промышленникъ...

17. Игра—неразлучная спутница насъ: играютъ и въ офицерскихъ палаткахъ на золото, играютъ солдаты на мѣдь. Это игра въ карты. А вотъ и другая, преслѣдуемая, укрывающаяся за чертой лагеря. Мѣдный грошъ взвивается кверху и падаетъ орломъ или рѣшкою. Вокругъ толпа, гдѣ вы встрѣтите и фуражку гренадера, и шапку линейнаго казака, и папаху милиціонера, и картузъ частнаго человѣка.

Наши казаки, не видя непріятеля, ползутъ изъ лагеря Богъ знаетъ куда за фуражемъ и по другимъ надобностямъ. При этомъ есть и шалости. Полковникъ Т. ходилъ за фуражемъ, взявъ двѣ сотни мусульманъ. Послѣдніе ринулись на деревню и стали грабить. Нѣкоторые потомки Чингисъ-хана съ неистовствомъ нападали на женщинъ и въ одно и тоже время насыщали двѣ различныя страсти, сдирая съ дѣвушекъ украшенія и насилуя ихъ.

18. Противъ безпорядковъ приняты мѣры. Жители окрестныхъ деревень приписали эти мѣры Тоштамуру-агѣ и повергли къ острымъ носкамъ его сапогъ жирныхъ баранчиковъ. Тоштамуръ-ага Татаринъ, прапорщикъ и дипломатъ. Онъ имѣетъ вліяніе на судьбу ихъ. Не въ его ли власти навести Русскій отрядъ на хорошій сѣнокосъ или увести отъ него и отъ разграбленія деревни?

Въ обѣдъ явился къ князю Бебутову черводаръ съ жалобой, что хаибъ 1-го конно-мусульманскаго полка Рустемъ-бекъ отнялъ у него его „мальчика Ганимеда“, безъ котораго ему не спится... Для Закавказья это обычное дѣло. Когда появляется саранча, тогда по всему краю ищутъ такого человѣка, который избѣгнулъ искушенія этого порока. Отыскавъ съ большимъ трудомъ, его посылаютъ на г. Араратъ къ источнику св. Іакова. Тогда являются съ нимъ стаи скворцовъ, съѣдающихъ саранчу.

Вечеромъ съ аукціона продавали имущество убитыхъ офицеровъ. „Два сюртука, шарфъ, лядунка—4 рубля, кто больше?“ И товарищи равнодушно, а иногда даже съ остротами набавляютъ цѣну за обрызганные кровью сюртукъ и лядунку.

22. Въ нашемъ лагерѣ празднуютъ коронацію, Турки—Курбанъ-Байранъ. Послѣ литургіи съ многолѣтіемъ взвилась ракета и открылась пушечная пальба. Войска выстроились, чтобы принять привѣтъ

командующаго корпусомъ. Въ эту минуту прибылъ фельдъегерь изъ Петербурга (онъ отправленъ былъ оттуда 12-го). Что онъ привезъ? Депеши распечатаны. Высочайшій рескриптъ и орденъ Андрея Первозваннаго Бебутову, Георгія 3 степени начальнику артиллеріи Бриммеру, генеральскій чинъ полковнику Невѣровскому (въ Тифлисѣ фельдъегерь сдалъ Георгія 3 степени князю Барятинскому). Начались поздравленія. Наслѣдникъ прислалъ Бебутову при рескриптѣ собственные знаки ордена св. Андрея, которые тотъ сей часъ же и одѣлъ. У Бебутова былъ обѣдъ съ Шампанскимъ, портеромъ, пуншемъ и т. д. Были за столомъ священники Русскій, Армянскій и Римско-католическіе. Сидѣли почетные Курды во всемъ красномъ, до сапогъ включительно.

23. Утромъ всѣ генералы поздравляли князя Бебутова. Bellum parat bellum, обѣдъ рождаетъ обѣдъ. Угрожаетъ цѣлый рядъ обѣдовъ, даваемыхъ другъ другу.

Послѣ обѣда, сидя у меня, майоръ И. С. Л. высказалъ слѣдующее общее завѣтное убѣжденіе: чтобы быть въ милости у начальства, надо родиться сыномъ фельдмаршала, или давать лакомые обѣды. Послѣднее средство тоже хорошо, но требуетъ повтореній.

У князя Баратова серебряная азарпеша (буквально „тысяча отправленій“) наполнялась Кахетинскимъ и осушалась при восклицаніяхъ „алла-верды“, „яхши-олъ“. Въ честь этому сосуду, разливающему утѣшеніе по всей Иверіи, высказаны были привѣтствія, и чтобы засуха не касалась дна, и чтобы края ея румянились Кахетинскимъ, каждый день, какъ небо-зарей, два раза. При этомъ вспомнили Грузины пословицу „коли арба не привезла дровъ, то сама пойдетъ на дрова“.

Авторъ „Тарантаса“, бесѣдуя, какъ простой смертный, разсказалъ анекдотъ. Одинъ армейскій любезникъ спросилъ у красавицы: „почему у нея ручки такъ бѣлы и свѣжи?“—Оттого, отвѣтила дама, что я всегда скрываю ихъ въ перчаткахъ.—„Это странно“, замѣтилъ простодушно офицеръ, „я 40 лѣтъ прячу свою спину, а она у меня черна и жестка“.

10 Сентября Грузинскій обѣдъ у князя Андроникова, съ густымъ Кахетинскимъ. Это исподній слой, подонки изъ чудовищнаго кувшина, вмѣщающаго въ себѣ нѣсколько бочекъ вина. Да будетъ благословенна Грузія за эти сливки вина. Вотъ нѣкоторыя замѣтки изъ вечерней бесѣды.

Теперь время не Петрово,
Адмиральскій часъ пробьетъ,
И въ австеріи хмельного
Никто даромъ не дастъ.

Спитъ во гробѣ Алексѣичъ,
А потомокъ-то его
Лупитъ съ насъ за ерофеичъ,
Пятъ целковыхъ за ведро.

Разговоръ вертѣлся около двухъ генеральскихъ именъ, Полтинина и Раевскаго. Первый на каждомъ шагу сыпалъ рифмованныя остроты, въ родѣ слѣдующихъ: вотъ бандара, выпить пора; вотъ чертова долина, здѣсь выпить половину; вотъ гора Гутъ, всё выпить тутъ. Раевскій по цинизму превосходилъ всѣхъ. Его моютъ и брѣютъ насильно.

ПОЛТАВСКАЯ ПОБѢДА.

I.

Указъ Петра Великаго.

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій Петръ Великій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, указалъ на незабвенную память на Полтавскихъ поляхъ, гдѣ съ Швецкимъ войскомъ была баталія, сдѣлать пирамиду каменную съ фигурами той баталіи, и какимъ образомъ оную сдѣлать и съ какими фигуры учинить чертежъ въ Военной Коллегіи и о томъ въ Военную Коллегію и въ Штатсъ-контору и къ Кіевскому губернатору послать указы.

Указъ о томъ объявили генералъ-прокуроръ господинъ Ягушинской, Александръ Меншиковъ, графъ Яковъ Брюсъ, графъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ, баронъ Петръ Шафировъ, графъ Андрей Матвеовъ, оберъ-секретарь Позняковъ.

Подписано Октября 24 дня 1722 г.

(Выписано изъ Сенатскаго производства книги за № 1136 лист. 1).

II.

Новая книга о Полтавской битвѣ.

И. Фр. Павловскій. Битва подъ Полтавой 27 Іюня 1709 года и ея памятники. Иллюстрированное изданіе съ 141 рисункомъ и 4 планами. Полтава 1909. 8°, VII, 251, XXXIII стр.

Можно было думать, что исполняющійся двухсотлѣтній юбилей Полтавской побѣды вызоветъ извѣстное оживленіе въ спеціальной и общей исторической литературѣ. Различныя стороны этого событія еще не вполнѣ выяснены, и многія изъ нихъ нуждаются или въ новомъ обслѣдованіи, или во внимательномъ пересмотрѣ стараго. На ряду съ спеціальными вопросами стратегиче-

скаго искусства возникаютъ и вопросы общеисторическіе, также требующіе рѣшенія; такъ напримѣръ, если Балтійскій вопросъ XVI—XVII вв. и въ періодъ послѣ Ништадскаго мира основательно изслѣдованъ въ работахъ проф. Форстена и Поліевктова, то многія стороны международной политики за время самой Сѣверной войны насущно нуждаются въ изученіи. Тогда только станетъ яснымъ значеніе Сѣверной войны, значеніе каждаго отдѣльнаго ея эпизода для общихъ судебъ Западной Европы. Несомнѣнно, что громы Полтавской побѣды немедленно отдались и въ возвышавшейся Пруссіи, и въ отдаленной Испаніи, и въ державѣ склонявшагося къ закату Короля-Солнца. Такихъ вопросовъ немало. На многіе изъ нихъ было естественно ожидать отвѣтовъ къ юбилейнымъ днямъ, но пока что, ожиданія далеко не оправдываются. Если и слышно о готовящихся спеціально-военныхъ изслѣдованіяхъ, то пока приходится отмѣтить небольшую, но цѣнную и остроумную статью проф. Платонова „Къ исторіи Полтавской битвы“, въ Январской книжкѣ „Русской Старины“ нынѣшняго года. Тотъ же недостатокъ и въ литературѣ общедоступной. Появившіяся въ небольшомъ количествѣ брошюры не блещутъ новизною, да и не всегда вѣрно передаютъ старое.

Хотя бѣглаго взгляда на книгу г. Павловскаго достаточно, чтобы опредѣлить ея характеръ, тѣмъ не менѣе указаніе автора въ предисловіи на свои розысканія и подборъ матеріала въ архивахъ, музеяхъ и библіотекахъ, а также приложенный библіографическій перечень производятъ пріятное впечатлѣніе. Но по мѣрѣ знакомства съ работою г. Павловскаго впечатлѣніе быстро разсѣевается. Прежде всего приходится отмѣтить поразительное неумѣнье разобраться въ матеріалѣ; вмѣсто стройнаго и цѣльнаго построенія по выдержанному плану у г. Павловскаго все пестро и хаотично. Авторъ совершенно не разбираетъ важнаго отъ второстепеннаго; напрасно было бы ловить его основную мысль, безполезно искать общій планъ. Нѣтъ ни выпуклости рисунка, ни яркости красокъ; все безцвѣтно, громоздко, изрѣдка велерѣчиво. Уже одного перечисленія главъ достаточно, чтобы показать полное отсутствіе руководящей идеи. Начинается книга главою „Каплуновская Божья Матерь“. Глава эта стоитъ совершенно особнякомъ и скорѣе всего должна начинать собою второй отдѣлъ книги, отдѣлъ о памятникахъ Полтавы. Вторая глава всего на 8 страницахъ говоритъ о событіяхъ Сѣверной войны до Полтавской битвы. Глава III—Осада Полтавы и глава IV—Полтавскій бой составлены удовлетворительнѣе, но также загромождены ненужнымъ балластомъ. Послѣдующія главы (V—VII) разсказываютъ о событіяхъ, слѣдовавшихъ за побѣдою; онѣ также составлены крайне неровно. Главы VIII и IX довольно любопытны, знакомя съ отраженіемъ Полтавской битвы въ поэзіи и искусствѣ. Далѣе идутъ главы, составленныя совершенно безъ всякаго плана. Такъ въ первой половинѣ X главы неожиданно описывается школа, основанная плѣнными Шведами.... въ Тобольскѣ (?!); во второй же половинѣ главы напечатаны списки воинскихъ частей, принимавшихъ участіе въ Полтавскомъ сраженіи. Въ главѣ XI—Памятники Полтавской побѣды, на ряду съ трактованьемъ непосредственнаго сюжета главы встрѣчаются безконечные экскурсіи въ сторону, ненужныя біографическія

свѣдѣнія (напр. біографія Руденка), длинныя и скучныя описанія; тѣже замѣчанія можно отнести и къ послѣдней главѣ. Если размѣщеніе главъ неудовлетворительно, то не выдерживаетъ критики и комбинація матеріала въ самихъ этихъ главахъ. Неожиданные скачки въ сторону сплошь и рядомъ прерываютъ начатый разсказъ, все изложеніе безпорядочно и неряшливо. Эта неряшливость отражается и въ обращеніи автора съ матеріаломъ, главное, съ пособіями; и часто это приводитъ къ грубымъ ошибкамъ. На стр. 7 г. Павловскій, не называя источника, почти буквально цитируетъ литографированный курсъ проф. Ключевскаго и только въ одномъ мѣстѣ дѣлаетъ попытку отступить отъ подлинника и замѣнить одно слово другимъ; но замѣна эта какъ разъ и убиваетъ г. Павловскаго. У Ключевскаго: „При Иванѣ III, со времени завоеванія Новгородской земли, западныя границы Московскаго государства дошли до побережья Финскаго залива. Здѣсь эта *граница шла по не длинной полосѣ залива отъ устья Нарвы, теряясь въ пустынѣ сѣвернаго устья Невы и захватывая Западный берегъ Ладожскаго озера.* Это старинная Вотская пятина Новгорода потомъ стала извѣстна подъ именемъ двухъ областей Ингріи и Карелiи“; у г. Павловскаго: „При Іоаннѣ III, когда покоренъ былъ Новгородъ (1478 г.), Сѣверо-западная граница Русскаго государства доходила до побережья Финскаго залива; *граница эта шла по недлинной полосѣ залива отъ устья Нарвы, теряясь въ пустынѣ сѣвернаго устья Невы, захватывая З. берегъ Ладожскаго озера.* Это была „Вотьская община“, которая затѣмъ стала извѣстна подъ именемъ Ингріи и Карелiи“. Замѣщеніе одного слова другимъ выказало полную историческую несостоятельность автора, который Вотьскую (или Водьскую) пятину Новгородскихъ владѣній превратилъ въ небывалую „Вотьскую общину“. Небрежность по части пользованія источниками проявляется и въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ цитируетъ съ опредѣленными ссылками и въ кавычкахъ; напр. на стр. 38 неправильно цитируется Пушкинъ, на стр. 74 въ другомъ отрывкѣ изъ „Полтавы“ пропущена цѣлая строчка. Общее непріятное впечатлѣніе усиливаетъ рядъ опечатокъ (стр. 24, 43, 87, 99, 140 и мн. др.).

Неудачному тексту соотвѣтствуетъ и неудачное выполненіе рисунковъ. Но подборъ ихъ сдѣланъ недурно, и многіе портреты и рисунки представляютъ значительный интересъ. Укажемъ только автору, что въ Нарвскомъ музеѣ имѣется весьма любопытное изображеніе Карла XII въ бою, и его слѣдовало бы воспроизвести на ряду съ изображеніемъ, даннымъ на стр. 161. Жаль, что благопріятное впечатлѣніе отъ удачнаго подбора рисунковъ теряется при плохомъ и грубо-неряшливомъ воспроизведеніи ихъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ нѣкоторые пропуски и неточности въ библіографическомъ указателѣ: кромѣ Суворинскаго изданія „Исторія Петра“ Брикнера надо указать недавнее изданіе Сойкина; пропущена прекрасная статья проф. Герье „Послѣдній Варягъ“ („Древняя и Новая Россія“ 1876 г.), неточно обозначеніе статьи проф. Платонова (не „Схема Полтавской битвы“, а „Къ исторіи Полтавской битвы“), и помѣщена она не въ Февральской, а въ Январской книжкѣ „Русской Старины“. **И. Б-нъ.**

III.

Полтавской побѣдѣ.

Двухсотлѣтній юбилей Полтавской побѣды приближается. До празднества осталось всего два мѣсяца; не успѣемъ оглянуться, какъ надвинется и 27 Іюня, день св. Самсона, который Русскій державный Самсонъ увѣковѣчилъ въ исторіи народовъ битвой подъ Полтавой.

Какъ-то наша столица ознаменуетъ юбилей? Вѣдь онъ долженъ быть особенно близокъ Петербургу, такъ какъ великая побѣда, по словамъ Петра, окончательно закрѣпила существованіе сѣвернаго Парадиса. Геніальный побѣдитель повелѣлъ выстроить въ память важнѣйшаго въ его царствованіи событія храмъ на Выборгской сторонѣ. Въ царствованіе Елисаветы Петровны церковь была возобновлена.

При основаніи столицы поселенія прежде всего стали расти въ сѣверной, зарѣчной части; впослѣдствіи Петербургъ потянулся на другую сторону и тамъ именно разросся. И Петербургская, и Выборгская стороны отошли тогда на задворокъ, а до начала текущаго столѣтія мало кто ими интересовался. Забывалась и Петровская старина. При Петрѣ храмъ Полтавской побѣды смотрѣлъ свободно на Большую Невку, съ теченіемъ же времени уродливыя фабричныя зданія грубо отодвинули его отъ красивой рѣки, и теперь онъ ютится на Самсоніевскомъ проспектѣ (который ошибочно называется Большимъ, представляетъ же собою узкую длинную щель, по которой дымятъ и грохочутъ поѣзда городской Лѣсной желѣзной дороги).

Извнѣ храмъ не отличается красотой, и время наложило еще отпечатокъ запущенности и ветхости. Внутри грубыя руки доморощенныхъ мастеровъ въ теченіе долгихъ лѣтъ постепенно обезобразили чудный иконостасъ, нагромоздили какія-то нелѣпыя тюремныя рѣшетки, покрыли густымъ слоемъ шаблона и невѣжества все художественное и оригинальное.

Къ юбилею рѣшили основательно реставрировать храмъ-памятникъ. Сейчасъ тамъ кипитъ работа. Надо отдать справедливость мѣстной строительной комиссіи: она горячо приняла къ сердцу заботу о возстановленіи произведеній Елисаветинскаго времени, когда, какъ извѣстно, вліяніе пышно-изящной эпохи Людовиковъ XIV и XV сказалось сильно и у насъ на строеніяхъ и внутренней отдѣлкѣ ихъ.

Особую достопримѣчательность Самсоновскаго храма составляетъ большой иконостасъ, своего рода chef-d'oeuvre. Почитатели художественной старины, любуясь имъ, приходятъ въ полное умиленіе. Эта драгоцѣнность многіе годы оставалась въ полной безызвѣстности, а мѣстные столяры и маляры безцеремонно загоняли въ него гвозди, подравнивали и подрубливали, малевали и затирали иконопись. Предсѣдатель строительной комиссіи священникъ Покровскій, строитель Аплаксинъ и другіе члены за время работъ по реставраціи на дѣлѣ

основательно изучили курсъ исторіи искусствъ. Они знакомили меня съ иконостасомъ, съ престоломъ, съ иконами, съ такимъ же жаромъ и упоеніемъ, какъ бывало дѣлалъ это незабвенный Д. В. Григоровичъ при обзорѣ музеевъ.

Работы ведутся подъ наблюденіемъ Императорской Археологической Комиссіи.

Денегъ на реставрацію по подпискѣ отъ церковнаго сбора поступило всего 10,000 р. съ небольшимъ: сумма ничтожная по сравненію съ расходами, общій итогъ которыхъ достигаетъ 120,000 р. На покрытіе ихъ въ распоряженіе комиссіи поступило: пожалованныя Государемъ Императоромъ изъ личныхъ средствъ, капитула орденовъ и казны—48,000 р., отъ Петербургскаго городского общественнаго управленія 25,000 р., Д. И. Поршнева—10,000 р., А. Д. и В. Д. Лебедевыхъ—7,000 р., Ѳ. Я. и Н. Я. Колобовыхъ—1,000 р., А. В. Озерова—1,000 р., Н. В. Елисѣева—1,000 р. Кромѣ того потомки графа Шереметева, доблестнаго боевого сподвижника Петра, предложили поставить на свой счетъ передъ церковью бронзовую статую Петра, работы Антокольскаго. Такъ какъ улица очень узка, то необходимо образовать площадку, прикупивъ небольшіе участки отъ Самсоніевской мануфактуры и дѣтскаго пріюта. Надо надѣяться, найдутся жертвователи, найдутся почитатели памяти Петра и помогутъ привести въ полный праздничный видъ къ двухсотлѣтнему юбилею храмъ Полтавской побѣды.

Воспоминаніе о Полтавской битвѣ не можетъ не вліять на подъемъ сознанія національнаго достоинства. Начало каждаго изъ послѣднихъ трехъ столѣтій отмѣчалось грозой для Россіи; но просыпались дремавшія силы—и наша родина справлялась побѣдоносно съ врагами. За Смутнымъ временемъ, за позорной эпохой самозванцевъ, Россія встрепенулась и стряхнула Польское иго, за Нарвскимъ разгромомъ молодой Русской арміи послѣдовала Полтавская побѣда, за пораженіемъ подъ Аустерлицемъ настали Бородино и Лейпцигъ. Неужели горестные Мукденскіе дни не смѣнятся радостью побѣднаго торжества?! Быть этого не можетъ.

В. С. Кривенко.

(„Новое Время“ 1909, № 11903).

Изъ записной книжки „Русскаго Архива“.

Намъ попался въ руки листокъ, на которомъ изображенъ покойный нашъ пріятель, извѣстный библіографъ Григорій Николаевичъ Геннади. Онъ обложенъ книгами. Входитъ слуга и докладываетъ, что пріѣхали Майковъ и Полонскій. „Не надо, не надо!, кричитъ ему Геннади: они еще не померли“. Тоже приходится отвѣчать лицамъ, доставляющимъ въ „Русскій Архивъ“ статьи, въ которыхъ разсказывается о событіяхъ недавнихъ и о лицахъ еще живущихъ. Карамзинъ говаривалъ, что исторія не любитъ живыхъ, а покойный Государь Александръ Александровичъ изволилъ однажды выразиться по поводу слуховъ о существованіи Записокъ графа А. В. Адлерберга: „Онъ ихъ не пишетъ, потому что боится сказать неполную правду“.

Ходили однако слухи про существованіе Записокъ графа Адлерберга. По кончинѣ его я спросилъ о томъ его вдову, многоуважаемую графиню Екатерину Николаевну. Вмѣсто отвѣта она вынесла мнѣ на подносѣ груду небольшихъ рукописныхъ книжекъ, въ которыхъ много лѣтъ сряду дѣлалъ онъ выписки изъ Новаго Завѣта. Въ благочестіи воспитанъ онъ былъ своей матерью графинею Марьей Васильевной, рожденною Нелидовой. Да и отца его, принявшаго православіе, графа Владимира Ѳедоровича, случалось мнѣ видать въ домовой церкви (на „Фонтанкѣ, № 20-й“), усердно молящагося на колѣняхъ. Отъ него я слышалъ, что нѣкогда велъ и онъ свои Записки, но уже въ старости сжегъ ихъ. Его разсказы отличались точностью: „этому я самъ былъ свидѣтель, про это я только слышалъ и не ручаюсь“.

*

15 Января 1891.

М. Г. Черняевъ провелъ у меня вечеръ. Когда онъ былъ генералъ-губернаторомъ въ Ташкентѣ, Бухарскій эмиръ прислалъ къ нему съ увѣдомленіемъ, что ему грозятъ Авганцы, и что только подъ покровительствомъ Бѣлаго Царя онъ рѣшается дѣйствовать одинъ, прося чтобы Русскіе своимъ появленіемъ подѣйствовали на Авганцевъ. Черняевъ послалъ депешу Гирсу и Ванновскому (одна депеша стоила 400 рублей) и просилъ разрѣшенія передвинуть войска. Двѣ недѣли никакого отвѣта. Тогда Черняевъ телеграфировалъ Рихтеру съ просьбой

бой доложить Государю, такъ какъ иначе онъ долженъ будетъ поступать безъ всякихъ разрѣшеній. Черезъ десять дней предложеніе Черняева относительно помощи эмиру было разрѣшено, но съ приказомъ двинуть войско только въ крайнемъ случаѣ и съ повелѣніемъ прибыть въ Петербургъ. Тутъ онъ подалъ въ отставку (назначенъ членомъ Военнаго Совѣта) и попросилъ пріема у Государя въ Петербургѣ.

Въ пріемной комнатѣ Черняевъ увидалъ бывшихъ уже у Государя Ванновскаго и своего преемника Розенбаха. Государь велъ съ нимъ долгую бесѣду. „Вы со всѣми перессорились. Вамъ оставаться тамъ нельзя“. Когда Черняевъ сказалъ, что власти царской совсѣмъ не существуетъ, Государь не прогнѣвался, а спросилъ: Да гдѣ же она?—У начальниковъ канцелярій.—Какъ такъ?—Черняевъ доказалъ ему, что и министерская власть погибла и что министры составляютъ доклады по свѣдѣніямъ представляемымъ мелкими чинами.—Мимоходомъ Черняевъ сказалъ, что еще недавно Ванновскій по какому-то дѣлу совершенно спокойно выразился на замѣчаніе Черняева, что воля Государя такова: „А развѣ онъ можетъ это сдѣлать?“ Тутъ Государь страшно поблѣднѣлъ, началъ тяжко ходить по комнатѣ и, успокоившись, сказалъ: „Да! Это значитъ, что они тамъ предварительно совѣщаются.“—Государь предложилъ Черняеву проѣхаться за границу. Черняевъ отвѣчалъ: Теперь зима, мнѣ тамъ нечего дѣлать, да и въ Европѣ мое появленіе будутъ дурно толковать. Въ теченіи мѣсяца его приглашали на балы и придворныя собранія, и Государь выражалъ ему милость. За тѣмъ онъ уѣхалъ въ кругосвѣтное плаваніе и чрезъ Владивостокъ и всю Сибирь возвратился въ Россію.

Отецъ князей ***, старшаго Владимира, Дмитрія и Николая, бѣдный мятежникъ-Полякъ послѣ неудачъ въ Алжирѣ, черезъ посредство нашего посланника въ Парижѣ Н. Д. Киселева, обратилъ на себя вниманіе императора Николая Павловича, получилъ пенсію и сталъ хлопотать о княжескомъ яко бы потомственномъ своемъ достоинствѣ. Черняевъ помнитъ, какъ на Кавказѣ (гдѣ онъ былъ квартирмейстеромъ), пришелъ къ нему для объявленія сенатскій указъ, повелѣвавшій отцу*** и его сыновьямъ не употреблять княжескаго титула, такъ какъ документы, ими поданные, не достаточны. Князь Барятинскій *), за ужиномъ у одного изъ нихъ, при многихъ сказалъ: „Ничего; я напишу Государю, и вѣроятно вы останетесь князьями.“

*

Ноябрьскій выпускъ „Русскаго Архива“ 1870 года былъ задержанъ Московскою цензурою и пролежалъ въ ея складахъ до Марта мѣсяца 1871 года. Въ этомъ выпускѣ была помѣщена знаменитая записка Карамзина о Россіи 1811 года (до того небольшія выдержки изъ нея появились у Пушкина въ его „Современникѣ“, и она была извѣ-

*) Отъ В. А. Кузнецова слышалъ я, что князь Барятинскій осуждалъ Скобелева за то, что онъ не занялъ Константинополя. „Онъ подлежалъ бы за это военному суду, но тутъ всякія кандалы обратились бы въ лавры“.

стна въ рукописи немногимъ любителямъ). Когда я гостилъ лѣтомъ 1870 года у князя Вяземскаго въ Царскомъ Селѣ, въ Александровскомъ дворцѣ, младшій сынъ Карамзина Владиміръ Николаевичъ уговаривалъ меня помѣстить въ „Русскомъ Архивѣ“ записку его отца. Я уклонялся, такъ какъ слышалъ отъ князя Вяземскаго, что это будетъ неугодно Государю. Зимою этого же года въ Москву пріѣхали Карамзины, Александръ и Владиміръ, съ сестрою своею дѣвицею Елисаветою Николаевною. Я встрѣтился съ ними у племянника ихъ князя Н. П. Мещерскаго, на Большой Никитской. Оба настоятельно просили меня приступить къ печатанію, не смотря на заявленіе сестры ихъ, которая говорила, что не даетъ своего согласія, такъ какъ она получаетъ Карамзинскую пенсію; но оба брата увѣрили меня, что всю отвѣтственность берутъ они на себя. Книжка отпечатана и немедленно задержана*). Я тотчасъ же написалъ о томъ въ Петербургъ къ Владиміру Николаевичу, чтобы онъ принялъ необходимыя мѣры. Каково же было мое удивленіе и огорченіе, когда вмѣсто отвѣта пришло ко мнѣ письмо отъ моего товарища по университету и пріятеля П. А. Васильчикова, которому братья Карамзины поручили мнѣ напомнить, что вѣдь я же зналъ о томъ, что Государь не желаетъ оглашенія записки? Въ негодованіи я кинулся къ князю Н. П. Мещерскому, и тотъ нарочно поѣхалъ въ Петербургъ улаживать дѣло. Тогда братья Карамзины обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ, а тотъ къ министру двора. Сей послѣдній приказалъ отыскать подлинную рукопись, которую, какъ извѣстно, Карамзинъ написалъ по желанію Великой Княгини Екатерины Павловны, жившей тогда въ Твери, куда къ ней ѣзжали изъ Москвы Ростопчинъ и Карамзинъ (въ 1811 году, читавшій тамъ императору Александру Павловичу выдержку изъ своей, тогда еще неизданной, Исторіи Государства Россійскаго). На Карамзинской рукописи, рукою Великой Княгини, означено: „A mon frère seul“ (только для моего брата). На основаніи этой помѣтки министръ двора графъ Адлербергъ счелъ рукопись собственностью Государя Императора, унаслѣдованною отъ его дяди Александра Павловича. Я же, почти не зная лично графа, но будучи знакомъ съ его двоюродною сестрою княгинею Луизою Трофимовною Голицыною, рѣшился обратиться къ нему съ письмомъ, въ которомъ было сказано, что вся эта продѣлка цензуры есть комокъ грязи, кинутый въ свѣтлое (увы тогда еще!) царствованіе и что позоръ ареста долженъ быть смытъ не только съ Карамзина, но и съ моего скромнаго

*) М. Н. Катковъ помѣстилъ тогда, по моей просьбѣ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ нѣсколько своихъ вѣскихъ словъ, а М. П. Погодинъ въ „Русскомъ Архивѣ“ замѣтку подъ заглавіемъ: „Библіографическая слеза“.

имени. Графъ доложилъ Государю, и записка черезъ четыре мѣсяца по задержаніи выпущена въ свѣтъ, съ опущеніемъ словъ: „двора любострастнаго“ про Екатерину и того мѣста, гдѣ Карамзинъ говоритъ, что Павелъ строилъ себѣ крѣпость, а построилъ гробъ.

Прошли года. Въ Августѣ 1872 года я отпечаталъ мою первую книгу сборника „Девятнадцатый Вѣкъ“, въ которой помѣщены между прочимъ Записки Декабриста Басаргина, нѣсколько писемъ и бумагъ Рылѣева и моя замѣтка о томъ, что императоръ Николай Павловичъ, послѣ того, какъ Политковскій обокралъ инвалидовъ, до того огорчился, что занемогъ и говорилъ: „конечно Рылѣевъ и его братія со мной бы этого не сдѣлали“. „Девятнадцатый Вѣкъ“ былъ арестованъ, и я, считая книжку погибшею, отправился работать надъ архивомъ князя Воронцова, въ Одессу, откуда въ концѣ Сентября, уѣхалъ отдохнуть въ Алупку. Однажды князь С. М. Воронцовъ, воротившись съ прогулки, говоритъ мнѣ: „я встрѣтилъ Адлерберга; онъ узналъ отъ меня, что вы здѣсь и сказалъ, что ему нужно васъ видѣть“. На другой день поѣхалъ я въ Ливадію, недоумѣвая, что̀ за причина вызова, и, признаюсь, нѣсколько побаиваясь. Каково же было мое изумленіе, когда графъ Адлербергъ сказалъ: „Государь изволилъ приказать передать вамъ, что онъ прочелъ „Девятнадцатый Вѣкъ“ и разрѣшилъ его къ выпуску въ свѣтъ, но удивляется, отчего вы сдѣлались Плутархомъ Декабристовъ?“. Никакъ не ожидалъ я этого и по счастію тутъ же вспомнилъ, что у меня въ карманѣ списокъ письма, которымъ Николай Павловичъ отвѣчалъ Елисаветѣ Петровнѣ Подчасской на ея просьбу повидаться въ Петропавловской крѣпости съ заточеннымъ въ ней братомъ ея, княземъ Сергѣемъ Петровичемъ Трубецкимъ (трогательное письмо это напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1872, II, въ кн. 2-ой).— „Доложите, графъ, Государю, что благость его царствованія пролила свѣтъ и въ потемки прошедшаго, а для занимающагося Русской Исторіею выступаютъ изъ этихъ потемокъ головы Декабристовъ; историческое же безпристрастіе не позволяетъ мнѣ быть чьимъ-либо Плутархомъ. Вотъ и доказательство, прибавилъ я, вынимая изъ кармана письмо Николая Павловича; испросите мнѣ разрѣшеніе и его напечатать въ „Русскомъ Архивѣ“.

Съ этого началось мое личное знакомство съ графомъ А. В. Адлербергомъ. Изрѣдка пріѣзжая въ Петербургъ (по пути въ Ревель), я по многу съ нимъ бесѣдовалъ, въ особенности въ царствованіе Александра Александровича, и эти бесѣды принадлежатъ къ лучшимъ воспоминаніямъ моей издательской жизни.

*

Весною 1849 года императоръ Николай Павловичъ со всѣмъ высочайшимъ дворомъ провелъ около трехъ недѣль въ Москвѣ. Происходило освященіе возобновленнаго Большаго Кремлевскаго дворца, и давались празднества. А между тѣмъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ незадолго передъ тѣмъ лилась кровь на улицахъ. Печать почти безмолвствовала, и о томъ времени можно повторить слова Шевченки: Все молчитъ, бо благоденствуетъ. Петербургскую „Сѣверную Пчелу“ звали въ чужихъ краяхъ Газетою Придворною (die Hofzeitung). „Московскія Вѣдомости“ (подъ редакціею Хлопова) выходили по разу въ недѣлю, и лишь немногія въ Москвѣ лица знали, что уже все приготовлено къ походу на Венгрію. На Ѳоминой недѣлѣ главный Московскій вельможа князь Сергій Михайловичъ Голицынъ далъ великолѣпный балъ. Государь, чтобы нѣсколько отдохнуть, пошелъ съ нимъ въ его кабинетъ, куда имъ подали чаю. „Ты никакъ не догадаешься, Голицынъ, чѣмъ я сегодня утромъ занимался“, сказалъ Государь.—„Не могу знать, Ваше Величество“.—„Читалъ корректуру. У меня есть полковникъ Милютинъ, которому я поручилъ написать исторію Итальянской кампаніи. Какія тамъ прелести! Какія черты! Я узнаю себя въ моемъ отцѣ. Вотъ и мнѣ, какъ ему, приходится спасать союзную страну. Скажи, князь, помнишь ты моего отца?“—„Какъ же, Ваше Величество: я былъ уже при немъ женатъ“.—„Ну что, похожъ я на него?“—„Что̀ Вы, что̀ Вы, Государь! Вѣдь императоръ Павелъ былъ сумасшедшій“. При этихъ словахъ Николай Павловичъ замолчалъ, выпрямился и, въ сопровожденіи князя, пошелъ назадъ въ залу, гдѣ танцовали; а уѣзжая съ бала, сухо простился съ хозяиномъ. Обыкновенно князь Голицынъ, старшій опекунъ Московскихъ учрежденій Императрицы Маріи, пріѣзжалъ около часу во дворецъ, и Государь ѣздилъ съ нимъ въ какое-либо изъ учрежденій, состоявшихъ въ его вѣдомствѣ. Проходитъ день, другой, третій, а князя Голицына не зовутъ къ Государю. Наконецъ обычная поѣздка состоялась. Государь, сидя съ княземъ въ коляскѣ, все молчитъ, а возвратившись во дворецъ, приказываетъ ему идти съ нимъ въ его спальню, снимаетъ верхнее платье и, ложась на желѣзную кровать свою, говоритъ: „Снимай мундиръ и ложись рядомъ, по товарищески“. Можно себѣ вообразить гиганта Николая лежащаго рядомъ съ малорослымъ и невзрачнымъ княземъ. „Голицынъ, какъ ты меня обидѣлъ!“—„Чѣмъ, Ваше Величество? Я ума не приложу, за что Вы изволите на меня гнѣваться?“—„А что ты сказалъ мнѣ про моего отца“?—„Не повторяйте, Государь, я и теперь долженъ сказать тоже“. (Разсказано мнѣ графомъ Сергіемъ Григорьевичемъ Строгановымъ, со словъ самого князя Голицына).

Николай Павловичъ любилъ кататься по Москвѣ и для знакомства съ нею бралъ къ себѣ въ коляску кого-либо изъ Московскихъ сторожиловъ. Однажды проѣзжалъ онъ по улицѣ Покровкѣ и, увидя на церкви Введенія въ Барашахъ императорскую корону, спросилъ своего спутника, престарѣлаго князя Масальскаго: „Зачѣмъ это?“—„Это, Государь, въ память брака императрицы Елисаветы Петровны съ Разумовскимъ“. Николай Павловичъ отвернулся и больше не говорилъ съ княземъ Масальскимъ.

Когда князю С. М. Голицыну объявили о нежданной никѣмъ кончинѣ Императора Николая Павловича, онъ нисколько не смутился и сказалъ: „Ну, чтожъ! И пора. Довольно нацарствовалъ“. Извѣстно, что о кончинѣ Государя узнали раньше въ Лондонѣ и Парижѣ, нежели въ Москвѣ. Я помню, какое страшное впечатлѣніе произвело это событіе: Государь скончался въ Пятницу, а до Понедѣльника ни о чемъ больше нельзя было думать. Многіе радовались. Помню, что А. И. Васильчикова стала на колѣни и пожелала ему царствія небеснаго. Въ разрѣзъ съ большинствомъ моихъ знакомыхъ, С. А. Соболевскій сказалъ мнѣ: „умеръ великій человѣкъ“, чему я тогда удивился. Ходила острота А. П. Ермолова: это не незабвенный, а неудобозабываемый.

*

Софья Александровна Ермолова, дочь приснопамятныхъ Московскому образованному обществу Александра Димитріевича и Елисаветы Григорьевны Чертковыхъ, относится къ памяти Гоголя съ трогательнымъ умиленіемъ. Онъ былъ другомъ ея матери, и она помнитъ его съ ранняго своего дѣтства.

„Мы дѣти и подростки всегда радовались, когда онъ къ намъ приходилъ. Было въ немъ что-то обаятельное. Чудесные глаза, проницательные и въ тоже время кроткіе и добрые, то задумчивость, то шутливость производили впечатлѣніе неизгладимое“. Гоголь былъ носастъ, у красавицы Е. Г. Чертковой также былъ большой, но изящный носъ. Сопоставленіе этихъ носовъ давало Гоголю поводъ къ разнымъ шуткамъ. У Чертковыхъ онъ держалъ себя откровенно и добродушно и не стѣснялся читать нѣкоторыя свои произведенія. Софья Александровна помнитъ, какъ однажды онъ началъ икать и говорилъ: „чортъ возьми, какъ я у васъ объѣлся, напала икота“, и далѣе разный вздоръ. Да перестаньте же, говорятъ ему. „Что же вы мнѣ мѣшаете“, отвѣчаетъ Гоголь. Оказалось, что это было началомъ его какой-то повѣсти. Извѣстно, какъ превосходно онъ читалъ; выводимыя имъ лица говорили словно живыя, и онъ лицедѣйствовалъ, какъ чудесный актеръ на сценѣ.

Мать С. А. Ермоловой познакомилась съ Гоголемъ вѣроятно черезъ свою пріятельницу графиню Луизу Карловну Вьельгорскую, дѣтямъ которой Гоголь, кажется, давалъ уроки. На первомъ представленіи „Ревизора“ Гоголь сидѣлъ въ ложѣ у Чертковыхъ. Гоголя стали вызывать, онъ пригнулся къ полу и ползкомъ ушелъ изъ ложи. Каково же было удивленіе Чертковыхъ, когда, пріѣхавъ домой, они застали у себя Гоголя хранящимъ на диванѣ? Дружба съ Гоголемъ усилилась, когда Елисавета Григорьевна вмѣстѣ съ нимъ и другими ухаживала за умиравшимъ въ Римѣ прекраснымъ юношей, графомъ Іосифомъ Михайловичемъ Вьельгорскимъ. („Ночи на Виллѣ“). Чертковы уѣхали въ Москву, Гоголь остался въ Римѣ и переписывался съ Елисаветой Григорьевной; но какъ-то долго отъ него не было писемъ, и въ отвѣтъ на напоминаніе о томъ, Гоголь прислалъ большой листъ бумаги, на которомъ было имъ написано лишь нѣсколько строкъ въ такомъ родѣ: а правда ли, что въ новой вашей залѣ подоконники не ровные?

Гоголь познакомилъ съ Чертковыми и сестеръ своихъ, и онѣ съ матерью гостили у Чертковыхъ въ ихъ Воронежской Ольховаткѣ.

С. А. Ермолова вполнѣ убѣждена въ полной искренности Гоголя и въ живомъ его благочестіи.

ОСТАФЬЕВСКІЙ АРХИВЪ КНЯЗЕЙ ВЯЗЕМСКИХЪ. Томъ V, выпускъ 1-й. Изданіе графа С. Д. Шереметева, подъ редакціей и съ примѣчаніями П. Н. Шеффера. С. П. б. 1909. Бол. 8-ка. IX и 168 стр. съ указателемъ и двумя портретами.

Остафьево—небольшое помѣстье, близъ города Подольска Московской губерніи, славилось нѣкогда (еще на нашемъ вѣку) тѣмъ, что оттуда Москвичи брали кормилицъ для своихъ младенцевъ; для всего же грамотнаго Русскаго люда останется оно навсегда памятнымъ въ исторіи нашей словесности и просвѣщенія богатымъ архивомъ, наслѣдіемъ своихъ владѣльцевъ князей Андрея Ивановича, Петра Андреевича и Павла Петровича Вяземскихъ. Это какъ-бы питалище историографической любознательности. Теперешній владѣлецъ его издалъ уже (съ превосходными примѣчаніями В. И. Саитова) четыре тома Остафьевскаго Архива, содержащіе въ себѣ драгоцѣнную переписку князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ, безъ которой нельзя обойтись Русскому историографу въ занятіяхъ царствованіями Александра и Николая Павловичей. Появившійся теперь 1-й выпускъ V-го тома почти весь состоитъ изъ писемъ кн. Петра Андреевича къ его супругѣ. Примѣчаніями занимался П. Н. Шефферъ, выступающій въ дѣлѣ Русской библіографіи, кажется, впервыя. Пожелаемъ ему успѣха.

Князь Петръ Андреевичъ—прямой потомокъ Рюрика, черезъ 25 колѣнъ; имя его славно въ Россіи. Его супруга не выступала изъ предѣловъ женской скромности. Она—внучатная племянница фельдмаршала Румянцова-Задунайскаго. Она родилась въ Яссахъ, гдѣ отецъ ея, князь Ѳ. С. Гагаринъ, служилъ при князѣ Потемкинѣ. Онъ былъ повѣшенъ въ Варшавѣ Поляками въ Великій Четвергъ 1794 года, а мать ея Прасковья Юрьевна, рожд. княжна Трубецкая, пріятельница Карамзина, переводившая на Русскій языкъ „Подражаніе Іисусу Христу“, не побоявшаяся летать на воздушномъ шарѣ. Молодою вдовою съ двумя сыновьями и четырьмя дочерьми, вышла она вторично замужъ за богача Кологривова (Гатчинскаго генерала) и невольно поставила въ зависимость отъ него дѣтей своихъ. Они жили въ Москвѣ, въ такъ называемой Тишинѣ, гдѣ Кологривову принадлежала цѣлая усадьба съ обширнымъ садомъ и прудомъ. Это нынѣшній Народный Домъ на Большой Грузинской площади, со стороны которой онъ еще не былъ огороженъ невзрачнымъ зданіемъ бань. Приводимъ преданіе, за точность котораго не ручаемся. Въ Августѣ 1811 г. собрались къ Кологривовымъ гости, и въ числѣ ихъ князь Вяземскій, Перовскій и другіе пріятели молодыхъ сыновей хозяйки. Одна изъ княженъ бросила въ прудъ свой башмачекъ; доставать его кинулась молодежь, причемъ 19-ти лѣтній князь Вяземскій упалъ въ прудъ и заболѣлъ до того, что уже не могъ ѣхать къ себѣ домой на Волконку къ Антипію, а остался до выздоровленія въ Грузинахъ. Княжна Вѣра за нимъ ухаживала, и тутъ они полюбили другъ друга. Чтобы не откладывать брака до Генваря, они повѣнчались осенью, и преданіе говоритъ, что князь былъ еще очень слабъ и подъ вѣнцомъ въ церкви долженъ былъ сидѣть въ креслахъ. Съ тѣхъ поръ княгинѣ, въ теченіи долгой ея жизни, приходилось бывать хожалкою за своимъ супругомъ. Князь Вѣтропрахъ и Княгиня Вѣтрона, какъ называлъ ихъ нѣкогда Пушкинъ, пере-

жили даже золотую свою свадьбу. Уходъ за мужемъ-поэтомъ, доставленіе ему всякихъ удобствъ житейской обстановки, переписываніе ему его рукописей, были непрестаннымъ занятіемъ княгини. Предпослѣдніе свои годы жили они подъ Франкфуртомъ на Майнѣ, въ Гомбургѣ. Я пріѣхалъ къ нимъ погостить въ 1876 году. Князя не было дома: онъ уѣзжалъ въ Югенгеймъ къ Императрицѣ Маріи Александровнѣ (высоко цѣнившей его). Княгиня сказала мнѣ, что онъ возвратится вечеромъ. Я пришелъ къ назначенному часу. Прошло довольно времени, а его все нѣтъ: оказалось, что съ желѣзной дороги онъ предпочелъ дойти домой пѣшкомъ. Надо было видѣть, какъ оживилось лицо престарѣлой, грузной княгини, когда послышались его шаги. Кто-то изъ бывшихъ тутъ обратился къ ней со стихами піиты XVIII вѣка, Петрова:

Мать истинная чадъ,
Живой источникъ мнѣ отрадъ,
Всегда любовница, всегда моя невѣста!

До глубочайшей старости княгиня Вѣра Ѳедоровна отличалась живымъ умомъ и умѣла дѣйствовать на окружавшихъ ее. Зять ея гр. Валуевъ назвалъ ее la lionne de Bade (Баденская Львица). Городское управленіе Гомбурга предоставило ей особое зданіе, куда она выпросила у Государя перенести изъ Эмса походную его церковь (замѣненную въ Эмсѣ каменнымъ православнымъ храмомъ). Позднѣе, въ Баденъ-Баденѣ навѣщалъ ее престарѣлый императоръ Вильгельмъ. Она уже не могла принимать его иначе, какъ лежа. Передъ нею висѣла старинная икона Божіей Матери. „Вотъ (сказала она представителю лютеранства) не чтутъ у васъ Богородицу и почти враждебно относятся къ иконамъ; а мнѣ отрадно посмотрѣть на нее, и она зоветъ меня къ молитвѣ“. Когда скончался князь (въ Н. 1878), она, не будучи въ силахъ перебраться на житье въ Россію, пріѣхала на желѣзную дорогу, увозившую въ Петербургъ тѣло князя и приказала поставить въ вагонъ небольшой гробикъ съ останками ихъ дочери княжны Надежды, скончавшейся въ 1840 году въ Баденъ-Баденѣ. Такова была сила ея воли.

У нихъ было нѣсколько человѣкъ дѣтей, умиравшихъ подростками. Изъ взрослыхъ дочерей одна скончалась въ Римѣ въ 1835 году, другая (супруга графа Валуева) въ 1849 году. Дожилъ до старости одинъ князь Павелъ Петровичъ, не только сберегшій, но еще шире развернувшій знамя здраваго просвѣщенія, подъ которымъ жили его родители.

Въ изданномъ теперь выпускѣ „Остафьевскаго Архива“ помѣщено очень немного отвѣтныхъ писемъ княгини. Переписка шла, когда княгиня ѣздила въ Одессу для морскихъ купаній ея дѣтямъ (1824) и за тѣмъ когда князь ѣздилъ для своего здоровья къ другому морю (1825), которому посвящено три его прекрасныхъ стихотворенія. Прозою въ письмахъ къ женѣ онъ описываетъ Ревельскую свою жизнь даже лучше, нежели въ стихахъ и сопровождаетъ картины „Сѣвернаго Неаполя“ замѣтками иного рода. Приводимъ выдержку.

„Здѣшнія дороги тамъ, гдѣ нѣтъ песка, чрезвычайно хороши; слой земли каменистый, и вездѣ натуральное шоссе превосходное. Зато пропадешь въ пескахъ съ лошадьми Чухонскаго происхожденія и Нѣмецкаго воспитанія. Поля хорошо обработаны и всѣ обведены оградами, по большей части изъ камней, другъ на друга поставленныхъ,

вышиною въ аршинъ или въ полтора: признакъ уже нѣкоторой образованности въ домоводствѣ и обдуманности. У насъ все дѣлается на Божію волю. Русскому Богу много хлопотъ за нами, Чухонскому менѣе: люди менѣе на Него надѣются и менѣе плошаютъ. Наружность здѣшнихъ селъ и поселеній бѣдная, пустая, даже отвратительная; но на дѣлѣ, полагаю, нѣтъ большой бѣдности. Я не могъ еще порядочно узнать, какіе плоды принесла здѣсь свобода крестьянъ, или по крайней мѣрѣ нѣкоторое ихъ освобожденіе. Кажется, de fait все или многое осталось по прежнему, и ни господа, ни крестьяне не дали еще себѣ отчета въ новомъ своемъ положеніи. Вообще всетаки мѣра принятая хороша: главное дѣло сдѣлано. Рабство, наростъ уродливый на тѣлѣ, срѣзанъ; отъ врачей, отъ больныхъ, отъ времени, отъ обстоятельствъ зависитъ послѣдствіе. Скоро ли больной встанетъ на ноги и пойдетъ, долѣе ли пролежитъ и прохвораетъ, но все уже онъ облегченъ и не умеръ подъ ножемъ оператора. Весь этотъ переворотъ, конечно, доселѣ болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ существующій, совершился безъ шума, безъ бунта. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что не всѣ были разомъ освобождены, а по ломтямъ. Можетъ быть, другая, а не Чухонская природа, и не выдержала-бы этой очереди. Все растущее поколѣніе будетъ грамотное: не даютъ причастія дѣтямъ безъ экзамена. Вотъ лучшее орудіе, чтобы добыть и упрочить свободу. Всю ночь мы проѣхали или простояли въ корчмѣ или у корчмы, или пролежали, а утромъ очутились мы въ мызѣ г-на Рамма Padis Kloster. По внушеніямъ рыцарскихъ преданій и наущеніямъ голоднаго желудка, постучались мы у воротъ замка. Насъ впустили; самихъ хозяевъ не было, но былъ пріятель дома и пилъ кофе. Тутъ также развалины древняго монастыря (все это памятники католицизма) и развалины, поруганныя Чухонскимъ и варварскимъ расчетомъ. Многія стѣны обломали, и построили изъ нихъ господскій домъ; въ остальныхъ стѣнахъ завели амбары, хлѣва, подвели соломенную крышу, и Чухонская экономія ругается прахомъ столѣтій".

Станемъ ждать слѣдующаго выпуска „Остафьевскаго Архива" и писемъ изъ Ревеля 1826 года: князь Вяземскій ѣздилъ туда по кончинѣ Карамзина съ его вдовою (Ревельскою уроженкою) и дѣтьми.

Приложены портреты князя (1817) и княгини и чудесный рисунокъ Пушкина. Въ чертахъ князя можно усмотрѣть его Ирландское по матери происхожденіе. **П. Б.**

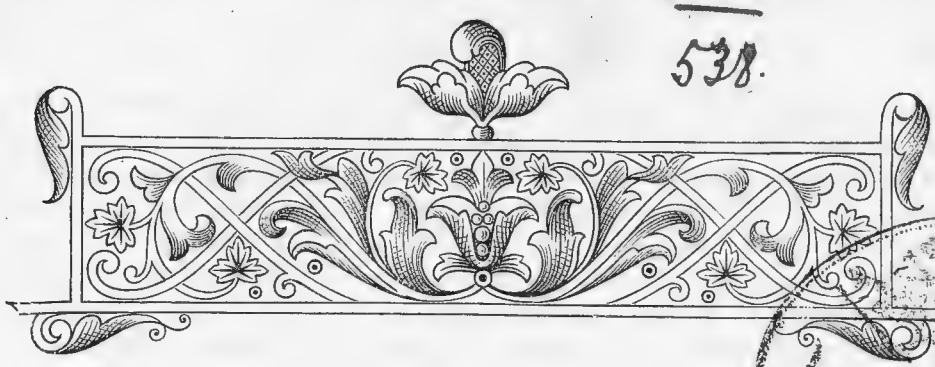
ПОПРАВКИ.

На стр. **122** Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ названъ студентомъ, тогда какъ онъ былъ только воспитанникомъ Инженернаго Училища.

На стр. **148**. Князь В. А. Долгорукій не выѣзжалъ въ Клинъ въ 1878 г. на встрѣчу къ Государю, а сопровождалъ его отъ Москвы до Клина.

Въ 7-й тетради и въ Записной книжкѣ „Русскаго Архива" сказано, что король Шведскій Оскаръ II-й былъ свекромъ нашей Маріи Павловны, тогда какъ онъ отецъ ея свекра нынѣшняго Шведскаго короля Густава V-го (женатаго на принцессѣ Викторіи Баденской).

538.



ГРАФЪ Н. П. ПАНИНЪ.

(біографическій очеркъ).

Графы Панины, мужское поколѣніе которыхъ угасло въ лицѣ графа Владимира Викторовича, принадлежатъ къ старинному нашему служилому сословію: одинъ изъ Паниныхъ дрался съ Татарами въ походѣ Іоанна Грознаго на Казань. Они переселились въ Россію изъ Италіи, изъ Лукки, о чемъ свидѣтельствуетъ нѣкто Христофоръ Паньини, съ которымъ въ 1718 году переписывался объ общемъ ихъ гербѣ генералъмаіоръ Иванъ Васильевичъ Панинъ. Но Панины поднялись въ значеніи не воинскими только доблестями Ивана Васильевича, но и его женитьбою на Аграфенѣ Васильевнѣ Эверлаковой (1686—1753), племянницѣ тогдашняго „полудержавнаго властелина“ князя Меншикова. Аграфена Васильевна, сколько можно судить по ея письму къ мужу („Р. Арх.“ 1888), была женщина крѣпкаго сложенія и, какъ многія другія жены, сопровождала мужа въ его походахъ. Послѣ покоренія Лифляндской крѣпости Пернавы Иванъ Васильевичъ сдѣлался ея комендантомъ, и тамъ у него родились оба прославившіе Панинское имя сына, Никита и Петръ. Изъ дочерей его оставила по себѣ благую память княгиня Александра Ивановна Куракина, про которую можно сказать, что въ наше время въ Москвѣ говорили про Екатерину Сергѣевну Шереметеву: шелковыми возжами цѣлое племя въ рукахъ держала. Она была старше братьевъ и, конечно, дѣйствовала на судьбу ихъ.

Жизнь въ Пернавѣ могла отразиться на графахъ Паниныхъ: какъ дипломатъ Никита Ивановичъ, такъ и воинъ Петръ Ивановичъ любили водиться съ Нѣмцами, что продолжалось и до нашихъ дней, благодаря связямъ брачнымъ. Графъ Петръ Ивановичъ, въ первомъ бракѣ женатый на А. А. Татищевой и имѣвшій отъ нея очень много дѣтей (умиравшихъ въ младенчествѣ), женился вторично на такъ называемой Богородицыной дочкѣ, Марьѣ Родіоновнѣ Вейделевой и имѣлъ отъ нея дочь Софью Петровну Тутолмину и сына Никиту, человѣка въ высокой степени замѣчательнаго какъ по своимъ дарованіямъ, такъ и по своему нраву: онъ можетъ быть предметомъ психологическаго изученія. Шесть первыхъ мѣсяцевъ царствованія Александра Павловича онъ былъ

у насъ главнымъ правительственнымъ лицомъ, и его опала, подобно опалѣ Сперанскаго, устранявшая его тридцать четыре года сряду отъ общественной дѣятельности, не разъяснена вполнѣ. Императоръ Николай Павловичъ считалъ его участникомъ въ трехъ заговорахъ: первый, противъ Екатерины, извѣстенъ только по слухамъ; благодаря второму, Россія избавилась отъ злоключеній, которыми ей грозило умоповрежденіе императора Павла; заговоръ третій остается загадкою. Покойный князь П. А. Вяземскій передавалъ мнѣ со словъ Карамзина, что графъ Н. П. Панинъ переодѣвался банщицею и въ банѣ Зимняго дворца имѣлъ совѣщанія съ великимъ княземъ Александромъ о томъ, какъ быть въ виду явнаго умопомѣшательства Государя. Извѣстіе это казалось намъ невѣроятнымъ, но, побывавъ въ Ревелѣ и Финляндіи, мы узнали, что тамъ и до сихъ поръ въ баняхъ моютъ преклонныхъ лѣтъ женщины; немудрено, что такъ было и въ Петербургѣ въ старину.

Графъ Никита Петровичъ Панинъ родился въ 1770 году, 17 Сентября, въ Харьковѣ, въ то время, когда отецъ его осаждалъ страшную тогда Бендерскую крѣпость. Видно, что и его мать не разставалась съ мужемъ (но, конечно, не тогда какъ онъ усмирялъ Пугачевскій бунтъ). Она сама любила охоту, и сохранился ея карабинъ. Скончалась она въ 1775 году. Двое дѣтей ея выростали если не въ домѣ тетки своей, княгини А. И. Куракиной, то во всякомъ случаѣ подъ надзрѣніемъ ея и незамужней ея дочери, княжны Аграфены Александровны; у отца же водворилась въ его обширной усадьбѣ на Мясницкой (нынѣ домъ Липгарта, что̀ съ часами) и въ Подмосковномъ Михалковѣ (гдѣ имъ выстроено подобіе Бендеръ) нѣкая баронесса Баумбергеръ. Мальчикъ-графъ, единственная надежда родовой гордыни, живалъ, конечно, и въ Петербургѣ у своего дяди, вицеканцлера, который, лишившись (незадолго до его рожденія) своей невѣсты, графини Шереметевой, велъ жизнь холостяка. Можетъ быть, Фонъ-Визинъ принималъ участіе въ обученіи и воспитаніи графа Никиты Петровича. Дядя умеръ, когда ему не исполнилось еще и 13 лѣтъ, и отецъ взялъ его къ себѣ въ Москву. Только что поднявшись на ноги, онъ участвовалъ въ кратковременномъ Финляндскомъ походѣ великаго князя Павла Петровича, воспитанника своего дяди; но оба они пороху не понюхали. Трогательны тогдашнія письма къ нему его отца, удрученнаго ранами и перенесеніемъ великихъ трудовъ. Онъ же самъ обнаружилъ безсердечность, какъ свидѣтельствуетъ родственникъ его князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ въ письмахъ къ своему брату: „Москва 17 Іюля 1788 года. Я нашелъ, что его дѣти не особенно опечалены состояніемъ отца. Сынъ—ледышка и мало отвѣчаетъ на нѣжность, которую отецъ не перестаетъ питать къ нему. Въ настоящее время новая причина для огорченія старика: онъ проситься вступить волонтеромъ; послано письмо къ Государынѣ. Приготовленія къ его отъѣзду, мысль, что онъ больше его не увидитъ, подтачиваютъ его силы, и онъ въ постоянномъ изнеможеніи. Сынъ, напротивъ, не дождется отъѣзда. Не смотря на желаніе отличиться, думаю, что чувства сына должны были бы одержать верхъ, и я не пожелалъ бы бросить отца на краю его могилы. У мо-

лодого человѣка такой холодный характеръ, что тётки не перестаютъ на него жаловаться, и я самъ, другъ мой, не очень имъ доволенъ: онъ никого не уважаетъ, до сихъ поръ не былъ у меня, и каждый разъ, какъ я его вижу, мнѣ кажется, что я встрѣчаюсь съ незнакомымъ человѣкомъ. Дома онъ ничѣмъ не занимается, приходитъ только къ обѣду, уходитъ тотчасъ же и бросаетъ людей, пріѣхавшихъ къ его отцу, его же оставляетъ совсѣмъ одного, когда тотъ засыпаетъ. Когда я тамъ, я забочусь о старикѣ, и при видѣ насъ около старика можно подумать, что я сынъ, а не тотъ. Къ счастью, добрый старикъ не замѣчаетъ этого; его нѣжность не даетъ ему размышлять о поступкахъ сына". „Орелъ 1788 Сентября 9. Радуюсь совершенно о мысляхъ, вами о графѣ Никитѣ Петровичѣ Панинѣ полученныхъ. Я никогда не спорилъ о его умѣ, знаніяхъ и скромности въ поведеніи; я всегда смѣло заключалъ, что мало изъ сверстниковъ своихъ подобныхъ себѣ встрѣтитъ, но о душѣ, чистосердечіи, благодарности и приверженности, думаю, не ошибусь, если скажу, что ни на отца, ни на дядюшку въ ономъ не походитъ, и что сіе совершенно сожалительно, ибо при сихъ послѣднихъ качествахъ первыя хороши, а безъ нихъ всегда будешь сожалѣть, что расположеніе души не отвѣчаетъ украшенію ума*).

Съ раннихъ поръ графъ Никита Петровичъ долженъ былъ помышлять о томъ, какое значеніе имѣлъ наслѣдникъ престола для него и всей его многочисленной родни, и онъ не могъ не желать скорѣйшаго воцаренія его. Князь П. А. Вяземскій сказывалъ намъ, что графъ Никита Ивановичъ обращался къ Государынѣ съ напоминательнымъ письмомъ про обѣщаніе ея передать власть свою сыну, когда онъ достигнетъ совершеннолѣтія. Молодой племянникъ долженъ былъ знать о томъ и, можетъ быть заговоръ противъ Екатерины, въ которомъ его обвиняли, и состоялъ лишь въ томъ, что онъ говорилъ съ Павломъ Петровичемъ объ этомъ письмѣ и указывалъ ему на цѣлый рядъ лицъ, къ нему приверженныхъ и недовольныхъ преобладающимъ значеніемъ князя Потемкина. Говорятъ, что Павелъ приказалъ ему написать имена этихъ лицъ и отнесъ къ матери этотъ списокъ. Тутъ надо искать и соучастія великой княгини, одержимой, по выраженію Ростопчина, необузданной жаждою власти (la fureur de régner): тайное завѣщаніе, написанное, когда Павелъ Петровичъ собирался на войну и положенное митрополитомъ Платономъ на храненіе въ Успенскомъ соборѣ, начинается словами: Мы Павелъ и Мы Марія (и это за 8 лѣтъ до кончины Екатерины!).

По кончинѣ отца (Апрѣль 1789), девятнадцатилѣтній графъ Панинъ сдѣлался владѣльцемъ большихъ помѣстій, и въ числѣ ихъ Дугинымъ (Сычевскаго уѣзда, Смоленской губ., которое пожаловано было Екатериною его дядѣ). Въ Январѣ 1790 года онъ женился на старшей дочери графа В. Г. Орлова. Вотъ какъ описываетъ онъ графу С. Р. Воронцову свое тогдашнее придворное положеніе.

*) „XVIII-й Вѣкъ", изданіе князя Ѳ. А. Куракина, подъ редакціею В. Н. Смольянинова, т. I-й, стр. 100 и 105.

„Въ 1791 году пріѣхалъ я Петербургъ, чтобы вступить въ должность камеръ-юнкера. Я не нашелъ уже въ императорской семьѣ того счастливаго единенія и согласія, свидѣтелемъ которыхъ я былъ по возвращеніи изъ арміи. Нелидова уже владычествовала; великая княгиня, нынѣ императрица, была презираема, оскорбляема, и ей не выказывали никакого уваженія всѣ тѣ, которые хотѣли угодить Государю. Я не послѣдовалъ этому примѣру. Поведеніе мое, очевидно, не понравилось. Великій князь употреблялъ сперва ласку, потомъ выражалъ холодность, наконецъ сталъ грозить и все для того, чтобы присоединить меня къ числу обожателей его кумира. Ласки не подкупили меня, угрозы не испугали. Тогда поселились коварныя и иносказательныя рѣчи, въ которыхъ мнѣ давалось понять, что благоволеніе великаго князя будетъ наградою моего слѣпого повиновенія тому, чего отъ меня требовалось, т. е. *уваженія къ Нелидовой и презрѣнія къ великой княгинѣ*. Я отвѣчалъ, что ничего не понимаю изъ таинственныхъ рѣчей, и гнѣвъ усилился. Такъ какъ всѣ намеки шли не прямымъ путемъ, а черезъ посредство людей презираемыхъ, то я попросилъ позволенія объясниться съ великимъ княземъ. Мнѣ это разрѣшили, и я окончательно палъ въ его мнѣніи. Мнѣ невозможно довѣрить бумагѣ все, что произошло при этомъ объясненіи въ Августѣ 1791 года; достаточно сказать, что мое сопротивленіе вырвало изъ устъ Государя слѣдующія угрожающія слова: *Вашъ путь можетъ повести васъ только къ окну или къ двери*. Я отвѣчалъ, что не сверну съ пути чести и вышелъ изъ кабинета, не дожидаясь кивка головой, который у великихъ князей означаетъ: „*убирайтесь*“.

„Покойная императрица Екатерина, увѣдомленная о насиліяхъ, которымъ я подвергался, назначила меня церемоніймейстеромъ, чтобы удалить отъ подобныхъ выходокъ. Великій князь вообразилъ, что я самъ добивался этой должности, и подозрѣніе усилило его непріязнь ко мнѣ, которую онъ питалъ, не знаю почему. Не имѣя болѣе возможности вредить мнѣ, онъ со всею силою обрушилъ свой гнѣвъ на мою сестру, и во время придворнаго бала велѣлъ ей удалиться подъ предлогомъ, что она не значилась въ спискѣ, хотя она была приглашена отъ его имени. Между тѣмъ покойная императрица, которая удостоивала меня своей благосклонности, назначала меня послѣдовательно оберъ-церемоніймейстеромъ, министромъ въ Неаполь, затѣмъ въ Гагу. Каждое повышеніе раздражало великаго князя только по тому, что съ нимъ не совѣтовались. Князь Репнинъ, вернувшись во время этихъ событій въ Петербургъ, старался возстановить меня въ милости великаго князя; казалось, онъ въ этомъ успѣлъ, мнѣ даже назначили частную аудіен-

цію; но вскорѣ прежняя злоба воскресла. Причины этой злобы я не знаю".

Снѣдаемый честолюбіемъ и жаждою дѣятельности, почти юноша, чрезвычайно даровитый, оставался долго въ придворныхъ званіяхъ и только въ 1795 году назначенъ Литовскимъ губернаторомъ въ Вильну, гдѣ генералъ-губернаторомъ былъ близкій его родственникъ князь Н. В. Репнинъ. Въ этой должности графъ Панинъ пробылъ полтора года. Онъ участвовалъ въ такъ называемой демаркаціи, т. е. разграниченіи нашихъ владѣній съ Прусскими по третьему раздѣлу Польши. Въ Августѣ 1796 г. поѣхалъ онъ въ отпускъ въ Петербургъ, гдѣ ему пришлось пробыть почти цѣлый годъ. Ему предложено было мѣсто посланника въ Константинополѣ (которое передъ тѣмъ занималъ тоже молодой человѣкъ В. П. Кочубей), по этому поводу онъ писалъ въ Вильну князю Репнину, отъ 26 Августа, въ самый разгаръ празднествъ по случаю пріѣзда Шведскаго короля.

„Молодой король[1]) вызываетъ всеобщія одобренія и плѣняетъ всѣ сердца. Удивляются его духовному и физическому складу, достоинству его поступковъ, знанію выше его лѣтъ, привѣтливости, сдержанности и благородному образу дѣйствій. Мнѣ была доставлена честь присутствовать при дворѣ каждый разъ, какъ онъ появлялся, и я никогда не видалъ его смущеннымъ даже возлѣ императрицы. Ея величество, кажется, восхищена и воздаетъ должное успѣхамъ его воспитанія. Не скрою, князь, горькаго чувства при видѣ графа Гаги возлѣ нашихъ великихъ князей. Они безконечно теряютъ при сравненіи[2]). Регентъ[3]), который носитъ имя графа Вазы, не внушаетъ тѣхъ же чувствъ, какъ его племянникъ. Это маленькій человѣчекъ, полный огня; но въ немъ ничто не говоритъ о происхожденіи. Ваша свѣтлость упрекаете меня, можетъ быть, что я такъ долго останавливаюсь на подробностяхъ и не говорю о свадьбѣ. Но я не могу ничего сказать опредѣленнаго по этому поводу. Одни говорятъ, что она рѣшена, другіе, что это еще гадательно. Что вѣрно, это то, что король до сихъ поръ дѣлаетъ видъ, будто еще ничего нѣтъ, что могло бы вызвать толки въ народѣ и обсужденіе его чувствъ. Я знаю изъ вѣрнаго источника, что онъ еще не высказывался открыто, и сама императрица говорила графу Орлову, что еще ничего не рѣшено. Я льщу себя надеждою, что неизмѣнное

---

[1]) Густавъ IV-й родился въ 1778 г., и какъ несовершеннолѣтній состоялъ подъ опекою дяди. П. Б.

[2]) Этотъ отзывъ совершенно сходенъ съ замѣчаніями Татищева. См. „Архивъ Князя Воронцова" т. XVIII, стр. 317.

[3]) Дядя Густава IV-го и его преемникъ на Шведскомъ престолѣ, Карлъ Зюдерманландскій.

счастье нашей высокой повелительницы доведетъ до благополучнаго конца это дѣло, какъ все, что̀ она предпринимала для славы Россіи".

„Я считалъ бы недостаткомъ уваженія, которое по многимъ причинамъ питаю къ вашей свѣтлости, если бы умолчалъ о новыхъ предложеніяхъ мнѣ вступить на дипломатическое поприще. Едва я пріѣхалъ сюда, какъ меня спросили, подойдетъ ли мнѣ назначеніе въ Константинополь. Я сдѣлалъ все возможное, чтобы избавиться отъ этого, не высказывая, однако, своего нежеланія. Великій князь говорилъ со мною даже отъ имени Государыни, но въ формѣ предположеній, прибавляя, что ея величество не хочетъ въ этомъ случаѣ приказывать*). Я не войду въ подробности важныхъ соображеній, которыя внушаютъ мнѣ отвращеніе къ этому назначенію; онѣ не могутъ ускользнуть отъ вашей проницательности; но, высказывая отвращеніе, я прибавилъ что, каково бы ни было рѣшеніе Государыни, я почту себя счастливымъ всюду, гдѣ буду имѣть честь служить ей. Принужденный сейчасъ ѣхать на балъ къ графу Строгонову, который будетъ удостоенъ присутствіемъ царской семьи и графа Гаги, я долженъ до слѣдующаго случая отложить передачу разговора съ княземъ Зубовымъ относительно Ливоніи.

Князь Репнинъ отвѣчалъ: „Гродно, 6 (17) Сентября 1796 г. Предложеніе миссіи въ Константинополѣ безспорно знакъ отмѣннаго довѣрія; но, признаюсь, я боюсь для васъ этого мѣста и не желаю его вамъ. Что̀ касается возможности движенія нашихъ войскъ противъ Французовъ, то, конечно, нужно остановить этотъ разрушительный потокъ, и только мы можемъ это сдѣлать; но не скрою моего убѣжденія, что, какъ только мы ввяжемся въ эту войну, въ Турціи также вспыхнетъ война, потомъ Пруссія и волненія въ нашихъ новыхъ владѣніяхъ, которыя заставятъ насъ, такъ сказать, помимо нашей воли, принимать участіе въ настоящихъ дѣлахъ Европы, а этого мы могли бы избѣжать, если бы у насъ не было присоединенія новыхъ областей. То, что̀ вы мнѣ говорите о любезности Шведскаго короля, радуетъ меня въ виду союза, желаемаго всѣми нами, и мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ былъ уже заключенъ".

Въ слѣдующемъ письмѣ къ кн. Репнину находимъ важное дополненіе къ извѣстному разсказу графа Ростопчина о неудачѣ Шведскаго брака.

Петербургъ, 19 (30) Сентября 1796 г.

Императрица уже нѣсколько дней нездорова, и король не могъ съ нею проститься. Дѣло бракосочетанія встрѣтило большія затрудне-

*) Благорасположеніе Екатерины къ молодому графу Панину проистекало изъ того, что она оцѣнила его необыкновенныя дарованія; къ тому же онъ вступилъ въ родство съ дорогимъ для нея семействомъ графовъ Орловыхъ.

нія, и впродолженіи 8 дней благопріятный исходъ переговоровъ былъ весьма сомнителенъ. Общество находилось бы на этотъ счетъ долго въ невѣдѣніи, если бы не явилось прискорбное и почти невѣроятное недоразумѣніе, которому свидѣтелемъ былъ весь городъ. Въ день обрученія весь дворъ былъ приглашенъ на балъ, имѣвшій быть послѣ церемоніи. Духовенство было уже въ церкви, въ торжественныхъ ризахъ, свѣчи были уже зажжены. Вдругъ приходитъ обратный приказъ, и всѣ расходятся. Король и регентъ совсѣмъ не появлялись въ церкви, и не было видно никого изъ царской семьи. Говорятъ, что причина этого необычайнаго происшествія заключалась въ затрудненіи, явившемся въ то время относительно свободнаго исполненія обрядовъ нашей церкви, котораго требуютъ для великой княжны. Какъ бы ни было, но сегодня стало извѣстно, что всѣ затрудненія счастливо улажены, и что союзъ, на которомъ сходятся желанія всѣхъ настоящихъ Русскихъ, совершится. Честь и слава могучему генію, обширные замыслы котораго ничто не можетъ разрушить. Великая княжна сохранитъ свою вѣру. Общество остается въ невѣдѣніи относительно поѣздки ея высочества, но не можетъ быть сомнѣнія, что обрученіе состоится, хотя и не въ присутствіи обручаемыхъ *).

Петербургъ, 14 (25) Октября 1796 г.

„Сообщая вамъ о томъ, что̀ здѣсь произошло во время пребыванія Шведскаго короля, я, подъ страхомъ стать въ неловкое положеніе, долженъ былъ говорить обинякомъ, и вотъ почему въ письмѣ моемъ отъ 19 Сентября говорилъ вамъ о бракосочетаніи, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. На это надѣются, потому что извѣстія изъ Стокгольма довольно благопріятны, но исполненіе нашихъ желаній зависитъ отъ рѣшенія Шведскаго духовенства. Необдуманный и поспѣшный шагъ нашихъ министровъ въ этомъ дѣлѣ чуть было не нарушилъ союза въ минуту обрученія. Толковали на балу, въ оперѣ, на всѣхъ празднествахъ и не имѣли ни одного совѣщанія по правиламъ. Одинъ наставлялъ герцога, другой въ тоже время говорилъ съ Рейтергольмомъ или съ посланникомъ. Всѣ пункты обсуждались въ перемежку, и въ концѣ получилось несогласіе въ самомъ важномъ: свободѣ вѣроисповѣданія. Объ этомъ говорилось въ общихъ выраженіяхъ и такъ какъ король отвѣчалъ, что онъ не сдѣлаетъ насилія надъ совѣстію великой княжны, то сочли этотъ вопросъ окончательно рѣшенымъ и назначили день обру-

*) Заочное обрученіе (какъ впослѣдствіи Наполеона съ Маріею-Луизою). Екатерина была увѣрена, что бракъ состоится, и въ Стокгольмъ уже доставлена была вся наша церковная утварь. Письма Екатерины къ Шведскому королю о православномъ исповѣданіи принадлежатъ къ лучшему, что̀ о томъ написано свѣтскими людьми.

ченія. Одновременно былъ составленъ какъ бы манифестъ, въ которомъ съ увѣренностію говорилось, что великая княжна будетъ имѣть свою церковь для исполненія обрядовъ своей вѣры; хотѣли, чтобы молодой король подписаль эту бумагу и представили ее въ самый день обрученія. Король, пораженный изумленіемъ, отвѣтилъ, что его слова достаточно, что онъ находитъ публичный актъ такого рода не соотвѣтственнымъ основнымъ законамъ своей земли, что онъ можетъ терпѣть вѣру королевы, но не покровительствовать ей открыто при своемъ дворѣ. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, король написалъ самъ бумагу, заключающую въ себѣ суть вопроса и утвердающую, что совѣсть великой княжны не будетъ смущена; онъ ее подписалъ и направилъ къ Государынѣ. Бумагу эту отвергли, такъ какъ она всетаки не представляла собою публичнаго и важнаго акта, каковаго отъ него требовали. Съ этой минуты началось недовѣріе, и недовольствомъ смѣнились согласіе и дружелюбіе, которыя легко могли обойти всѣ затрудненія. Церемонія была рѣзко отмѣнена. На слѣдующее утро состоялось совѣщаніе между Государынею и высокими путешественниками. Оно было очень бурно. Регентъ, который думалъ или дѣлалъ видъ что думаетъ, будто сомнѣнія его племянника не имѣли основанія, употреблялъ все свое краснорѣчіе переубѣдить его, но напрасно. Молодой принцъ (который убѣжденъ, что требуемый актъ оттолкнетъ отъ него его подданныхъ) обнаружилъ энергію и твердость, какой никто въ немъ не подозрѣвалъ. Онъ оставался непреклоннымъ до послѣдней минуты, но выражалъ глубокую печаль. Она конечно непритворна, если онъ влюбленъ, какъ это утверждаютъ. Чтобы оправдать его отъ упрековъ въ упрямствѣ, которые ему часто дѣлаютъ, я долженъ замѣтить, что Шведскіе законы на счетъ вѣроисповѣданія запутаны и противорѣчивы; но есть одинъ весьма ясный, который запрещаетъ правящей королевѣ быть другой вѣры. Вотъ эта-то неясность законовъ и объяснетъ раздѣленіе голосовъ Шведскихъ министровъ. Они всѣ открыто стали на нашу сторону, и мы знаемъ, что не было недостатка стараній убѣдить своего повелителя. Какъ къ послѣднему средству, прибѣгли къ предоставленію вопроса на обсужденіе консисторіи Стокгольма, такъ какъ съ самаго начала король объявилъ, что онъ утвердитъ рѣшеніе своего духовенства. Такимъ образомъ согласіе на бракосочетаніе предоставлено правящему герцогу, безъ малѣйшаго участія короля. Между тѣмъ послѣдній курьеръ нашего посланника привезъ пріятное извѣстіе, что консисторія не противится нашимъ требованіямъ. Такимъ образомъ всѣ трудности устранены. Если все кончится согласно нашимъ желаніямъ, бракосочетаніе будетъ объявлено въ началѣ Ноября".

По воцареніи Павла Петровича служебная судьба графа Панина не улучшилась. Какъ бы въ насмѣшку его назначили шефомъ драгунскаго полка въ Кексгольмѣ, такъ какъ въ Вильнѣ онъ состоялъ въ чинѣ генералъ-маіора; былъ же онъ человѣкъ вовсе не военный, хотя и стрѣлялъ изъ ружья отлично. Наконецъ, по ходатайству князя Репнина, онъ получилъ должность третьяго члена Иностранной Коллегіи. Приводимъ выдержки изъ его писемъ къ женѣ, остававшейся въ Петербургѣ въ то время, когда онъ ѣздитъ въ Москву на празднества коронаціи.

„Москва, Среда, 15 Апрѣля 1797 г.

Я благополучно прибылъ сюда третьяго дня въ Понедѣльникъ, въ 6 часовъ вечера. Вчера былъ назначенъ день для пріема всѣхъ тѣхъ, которые были удостоены милости Государя и такъ какъ я получилъ тайнаго совѣтника (что̀ вы, конечно, знаете), то долженъ былъ явиться ко двору въ толпѣ всѣхъ, получившихъ чины и ордена. Между тѣмъ вся моя поклажа еще не пришла; мнѣ нечего было надѣть, и стоило большихъ трудовъ какъ нибудь скрыть свою нищету, взявъ у одного штаны, у другого шпагу. Это заняло у меня все утро до 9 часовъ, когда пора уже было являться ко двору. Церемонія задержала меня тамъ до часу; обѣдъ у князя Безбородки и визиты наполнили остатокъ дня. Мнѣ хотѣлось впрочемъ узнать что нибудь опредѣленное относительно своего положенія прежде чѣмъ писать вамъ.

Возвращаюсь къ своему путешествію. Мое письмо № 5 помѣчено Завидовымъ, и я вамъ писалъ о сломанной во второй разъ рессорѣ моего экипажа. Ее исправили насколько возможно въ этой деревнѣ. Но, не доѣзжая 12 верстъ до Клина, снова сломались обѣ рессоры разомъ безъ малѣйшаго толчка. Я первый замѣтилъ это по наклону экипажа, когда переднія стекла коснулись сидѣнья. Надо было мужественно встрѣтить эту неудачу; мы съ сестрою сѣли въ кибитку и добрались до ближайшей деревни. Тамъ наняли мы телѣги для перевозки самыхъ необходимыхъ вещей, а сами въ кибиткѣ поѣхали въ Клинъ. Вы бы умерли со смѣху, если бы увидѣли смѣшную фигуру сестры въ мужскомъ плащѣ. Наконецъ пріѣзжаемъ мы въ этомъ изящномъ экипажѣ въ Клинъ, и небо посылаетъ намъ ангела-хранителя—городничаго Клина. Послѣдній далъ намъ старую архіерейскую коляску, и на слѣдующій день рано утромъ мы отправляемся, сестра съ горничной въ колескѣ, Панинъ, Приклонскій и я въ открытыхъ почтовыхъ телѣжкахъ. Такимъ способомъ проѣхали мы три послѣднія станціи по ужаснѣйшимъ дорогамъ и при невозможной погодѣ. Слава Богу, никто не пострадалъ; сестра и мои спутники чувствуютъ себя насколько можно, хорошо.

При выѣздѣ изъ дома князя Безбородки, гдѣ я обѣдалъ, карета моя зацѣпилась за крестьянскую телѣгу, переѣхала черезъ нее и опро-

кинулась. Я счастливо отдѣлался царапиной на лбу и ушибомъ бока. Чувствуя себя отлично, я черезъ нѣсколько часовъ снова выѣхалъ. Объ этомъ не стоило бы упоминать, если бы я не боялся обычныхъ преувеличеній въ подобныхъ случаяхъ и не ожидалъ бы, что меня представятъ въ Петербургѣ умирающимъ *). Вы согласитесь, что довольно забавно, сдѣлавъ не опрокинувшись 700 верстъ по непроѣзднымъ дорогамъ, свалиться на мостовой.

По всѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я могъ собрать за это короткое время, Государь пробудетъ здѣсь до первыхъ дней Мая. Я еще не знаю, дадутъ ли мнѣ приказъ оставаться здѣсь послѣ его отъѣзда или ѣхать въ Петербургъ, но я постараюсь разузнать, чтобы сообщить вамъ.

Общественныя новости очень печальны: Французы уже въ 24 миляхъ отъ Вѣны, и императоръ умоляетъ насъ о помощи. Мы не хотимъ воевать, но примемъ угрожающее положеніе. Это тайна, мой ангелъ, и вы покажете эти строки только вашему отцу.

Я не могу составить себѣ никакого сужденія о пріемѣ, который мнѣ сдѣлали вчера во время представленія. Его величество, будучи въ порфирѣ и вѣнцѣ, не имѣлъ возможности удостоить меня нѣсколькими словами, даже если бы намѣревался оказать мнѣ таковую милость.

Москва, Понедѣльникъ, 20 Апрѣля 1797.

Вы спрашиваете, скоро ли я вернусь. Какъ хотѣлъ бы я удовлетворить ваше любопытство. Но до сихъ поръ ничего опредѣленнаго неизвѣстно относительно отъѣзда двора, хотя болѣе освѣдомленные предполагаютъ, что онъ пробудетъ здѣсь не далѣе первыхъ дней Мая. Такъ какъ продолжаютъ пользоваться моимъ перомъ, и никогда еще въ дипломатіи не было такого труднаго положенія, то мнѣ невозможно проситься уѣхать раньше назначеннаго времени, чтобы окончательно не впасть въ немилость. И всетаки я предвижу возможность, дорогая Софи, быть въ вашихъ объятіяхъ черезъ двѣ недѣли. Это зависитъ отъ обстоятельства, о которомъ я долженъ молчать. Покоримся и будемъ надѣяться, что Господь поддержитъ насъ.

Москва, начато въ Четвергъ 23 Апрѣля 1797 г.

На другой день послѣ пріѣзда и спустя нѣсколько часовъ послѣ паденія, о которомъ я вамъ писалъ, получаю я записку отъ князя Репнина, въ которой онъ приглашаетъ меня къ себѣ по важному дѣлу, относящемуся ко мнѣ. Я поспѣшно отправляюсь и узнаю, что Государь, считая нужнымъ послать въ Германію двухъ довѣренныхъ

*) И правда: докторъ Рожерсонъ писалъ къ графу С. Р. Воронцову изъ Петербурга, что Панинъ чуть не умеръ при этомъ случаѣ.

лицъ для тайнаго совѣщанія, обратилъ свои взоры на князя Репнина и на меня, что мы должны выѣхать вмѣстѣ и разстаться въ Берлинѣ, гдѣ мнѣ остановиться, а фельдмаршалу ѣхать къ Римскому императору. Объявляя мнѣ объ этомъ неожиданномъ назначеніи, князь прибавилъ, что чувствуетъ, какъ оно должно огорчить меня при тѣхъ печальныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я нахожусь*), но что онъ надѣется, что я не захочу подвергнуть себя тяжкимъ послѣдствіямъ отказавшись. Я было открылъ ротъ, но онъ продолжалъ, говоря, что это государыня предложила меня съ намѣреніемъ дать возможность узнать меня и возстановить, такъ сказать, въ мнѣніи Государя, что она не сомнѣвается въ томъ, что я оправдаю ея вниманіе, но что ослушаніе сдѣлаетъ безполезнымъ все ея расположеніе и покровительство. Будьте покойны, если возможно, дорогая Софи, и не высказывайте пока своего мнѣнія; выслушайте мою исповѣдь и тогда судите. Первая моя мысль была о васъ, дорогой другъ; она растерзала мое сердце. Вторая была, что служба, которой отъ меня требуютъ, можетъ принести благо человѣчеству. Я подчинился и согласился въ надеждѣ, что мы скоро сможемъ соединиться.

Послѣдующіе дни нѣкоторое недомоганіе послѣ паденія дало мнѣ предлогъ не выходить; я употребилъ ихъ на измышленіе средствъ избѣгнуть предлагаемаго отъѣзда съ княземъ Репнинымъ. Мое намѣреніе было, оставшись послѣ него нѣсколько дней, получить возможность сдѣлать крюкъ, чтобы лично сказать вамъ о моемъ назначеніи, узнать ваше рѣшеніе и увезти васъ съ собою, если ваше здоровье позволитъ. Вотъ что я подразумѣвалъ, мой нѣжный другъ, предупреждая васъ, что можетъ быть чрезъ двѣ недѣли я буду въ вашихъ объятіяхъ. Я не предвидѣлъ никакихъ препятствій этому намѣренію. Увы, я заблуждался... Небу не угодно, чтобы я имѣлъ счастье видѣть васъ въ Петербургѣ до своего отъѣзда. Мнѣ это не разрѣшается. Почти все для моего отъѣзда готово, и придется по всей вѣроятности ѣхать на слѣдующей недѣлѣ.

Берлинъ слишкомъ далеко; надо съѣхаться въ Вильнѣ или въ Варшавѣ. Придется остановиться на нѣсколько дней въ сей послѣдней, такъ какъ тамъ я встрѣчу Прусскаго короля; онъ долженъ быть тамъ 21 Мая. Проѣхать въ Вильну не составитъ большаго объѣзда; но я еще не знаю опредѣленно, смогу ли туда поѣхать. Какъ и съ кѣмъ предпринять это путешествіе, спросите вы? Думаю, что присутствіе дѣтей повлечетъ за собою неудобства и задержки, и свиданіе можетъ

*) Кончина дѣтей (малолѣтнихъ) и недавнее разрѣшеніе жены отъ бремени. П. Б.

не состояться. Мое мнѣніе просить maman [1]) позаботиться объ нихъ, тѣмъ болѣе, что по всей вѣроятности мое порученіе продлится, самое большее, пять или шесть мѣсяцевъ.

Я рѣшилъ оставить за собою домъ Бетлинга на Англійской набережной. Лучше пожертвовать тысячью рублями и быть увѣреннымъ, что снова получишь хорошее помѣщеніе по возвращеніи.

Москва, Вторникъ утромъ, 28 Апрѣля 1797 г.

Хорошія вѣсти! Отличныя вѣсти, обожаемый другъ! Благодарите милосердое Небо и поцѣлуйте меня. О поѣздкѣ въ Берлинъ нѣтъ больше рѣчи. Черезъ нѣсколько дней я полечу въ ваши объятія... Извѣстіе о подписаніи предварительныхъ переговоровъ между Австріей и Франціей, привезенное вчера курьеромъ, дѣлаетъ ненужнымъ переговоры, возложенные на меня, и какъ только я получилъ отъ Государя отмѣну поѣздки, я послалъ взять себѣ паспортъ. Мнѣ не нужно говорить, чтобы вы остановили ваши сборы, въ случаѣ если приняли рѣшеніе съѣхаться со мною.

Государь уѣзжаетъ 3, государыня на слѣдующій день; вчера мнѣ сказали, что я смогу выѣхать только спустя 2 или 3 дня послѣ ея отъѣзда.

Москва, Среда 29 Апрѣля 1797 г.

Хотите новостей? Колычевъ, министръ въ Берлинѣ, женится на нѣкоей дѣвицѣ, имени которой я не знаю, но вы объ ней слыхали; а молодой Шуваловъ, адъютантъ Государя [2], женится на княжнѣ Щербатовой. Вы вѣрно знаете, что графъ Остерманъ получилъ отставку, и князь Безбородко назначенъ канцлеромъ. Говорятъ, что фельдмаршалъ Суворовъ сосланъ въ свои помѣстья близъ Новгорода, но я не могу этого утверждать. Домъ князя Безбородки купленъ за шестьсотъ пятьдесятъ тысячъ вмѣстѣ съ меблировкою, и Государь будетъ жить тамъ всякій разъ, когда почтитъ Москву своимъ присутствіемъ; предполагаютъ, что это будетъ ежегодно".

Докторъ Рожерсонъ писалъ въ Лондонъ графу С. Р. Воронцову.

10 (21) Іюня 1797 г.:

„Молодой Панинъ достойный человѣкъ, но не пользуется расположеніемъ Государя. По отъѣздѣ двора онъ оставался здѣсь, чтобы отправлять дѣла Коллегіи. По его пріѣздѣ въ Москву онъ въ одинъ и

---

[1]) Графиню Елисавету Ивановну Орлову (рожденную графиню Штакельбергъ) мать графини Софьи Владимировны Паниной.

[2]) Дѣдъ графовъ Петра и Павла Андреевичей, дѣятелей нашего времени.

тотъ же день два раза опрокинулся съ каретою и едва не былъ убитъ. Все это не произвело никакого впечатлѣнія. Онъ*) никогда не проститъ ему его ослушанія, т. е. что въ то время какъ онъ былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ государынею, молодой человѣкъ, тогда 20-ти лѣтъ, не хотѣлъ грубо относиться къ той, которую Государь называлъ *другою партіею*. Онъ очень уменъ, нравственень, чудно пишетъ по французски и по русски; но неловокъ въ обращеніи. Онъ будетъ просить о какой нибудь иностранной миссіи по пріѣздѣ Кочубея. Онъ мнѣ сказалъ, что приметъ всякую кромѣ Берлина, который онъ ненавидитъ; онъ твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ".

Графъ Панинъ описываетъ свое тогдашнее положеніе въ позднѣйшихъ письмахъ къ графу С. Р. Воронцову слѣдующимъ образомъ:

„Мои обязанности, какъ члена Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, продолжались шесть мѣсяцевъ; на меня на одного была возложена иностранная переписка и переписка Государя со всѣми коронованными особами. Князь Безбородко относился ко мнѣ очень снисходительно. Государь не разъ говорилъ ему, что доволенъ моей работой, и вмѣстѣ съ тѣмъ его нерасположеніе выражалось такъ явно, что онъ ни разу не обращался ко мнѣ".

„Первые дни царствованія я претерпѣвалъ много несправедливостей, и ихъ скопилось такъ много, что я давно потерялъ счетъ. Только въ Апрѣлѣ попалъ я въ потокъ милостей, разливавшійся вокругъ трона; но меня увѣряли, что князю Безбородкѣ вмѣстѣ съ докторами Рожерсономъ и Бекомъ, стоило большихъ трудовъ выхлопотать мнѣ чинъ тайнаго совѣтника. До этого времени я терпѣливо все сносилъ; но когда Кочубей былъ назначенъ членомъ, мое терпѣніе истощилось, и я откровенно признался князю Безбородкѣ, что у меня нѣтъ болѣе силъ оставаться въ Коллегіи и что я предпочту всякое назначеніе за границу (исключая Берлина по причинѣ развращенности его двора). Канцлеръ, показывая видъ, что входитъ въ мои интересы, удостоилъ замѣтить, что назначеніе втораго разряда отодвинетъ меня назадъ по службѣ и обѣщалъ мнѣ назначеніе Шведскимъ посланникомъ, если мѣсто Австрійскаго посланника не скоро станетъ свободнымъ. И дѣйствительно, была уже рѣчь о посылкѣ меня въ Стокгольмъ, какъ письмо молодого Шведскаго короля настолько раздражило Государя, что рѣшено держать тамъ только повѣреннаго. Спустя нѣсколько дней пришла депеша отъ Колычова, которая возбудила недовольство Государя. Было рѣшено отозвать этого министра, и меня назначили на его мѣсто, не спросивъ

*) Т.-е. императоръ Павелъ Петровичъ. П. Б.

о томъ. Я узналъ объ этомъ назначеніи съ великою горестью, и она еще усилилась, когда мнѣ объявили о позорныхъ переговорахъ, которые я долженъ былъ вести съ Гальяромъ [1]). Всѣ мои представленія были безплодны; надо было повиноваться".

Самъ графъ Никита Петровичъ, нѣсколько позже, въ 1800 году, въ одномъ изъ писемъ къ барону Крюденеру [2]) описывалъ свою дѣятельность въ Берлинѣ слѣдующимъ образомъ.

„Въ 1797 г. напрасная боязнь волненій въ Польшѣ побудила Государя войти въ переговоры о мирѣ съ пятью разбойниками, которые въ то время правили Франціей подъ именемъ директоровъ. Взоры обратились на новаго министра по иностраннымъ переговорамъ, вся опытность котораго ограничивалась шестьюмѣсячной работой въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. На него косо смотрѣли при дворѣ, и онъ не имѣлъ никакой поддержки; не смотря на это, преданность его къ правому дѣлу и вѣрность отечеству заставили его взять на себя довольно щекотливое порученіе съ единственною цѣлью помѣшать его исполненію. Ему это удалось, не смотря на всѣ облегченія, которыя ему дѣлалъ республиканскій агентъ. Три раза отказывала Коллегія, и столько же разъ уполномоченный настаивалъ; что же вышло? Образъ его дѣйствій, хотя и противорѣчилъ его инструкціямъ, получилъ одобреніе болѣе нежели на словахъ; ибо вскорѣ Государь выступилъ противъ Франціи. Этимъ посредникомъ былъ я: доказательство, что я возвышаюсь передъ вашими глазами и продолжаю служить въ Коллегіи".

За выходомъ въ отставку Кочубея изъ Иностранной Коллегіи, графъ Панинъ былъ вызванъ на его мѣсто изъ Берлина. Вотъ его письмо къ супругѣ. Петербургъ, Пятница 23 Сентября, 10 ч. утра 1799.

„Я пріѣхалъ въ Ульянку, и я вамъ, кажется, писалъ что̀ со мною было, т. е. о послѣднихъ трехъ перепряжкахъ въ бричкѣ. Колыханіе экипажа по избитымъ дорогамъ вызвало у меня тошноту. Въ Стрѣльнѣ я нашелъ Сиверса, Цизмера и весьма любезное письмо моего предмѣстника [3]), которымъ онъ увѣдомляетъ меня о всѣхъ его заботахъ по моему помѣщенію и о переговорахъ съ г-жею Грёбенъ. Въ Ульянкѣ встрѣтилъ меня у подножки брички добрый Трофимъ, примчавшійся верхомъ. Проведя ночь въ Ульянкѣ въ помѣщеніи Шварца и отправивъ въ Гатчину курьера, я на слѣдующее утро поѣхалъ въ городъ прямо къ графу Кочубею. Наша бесѣда длилась около трехъ часовъ, и я какъ нельзя болѣе остался доволенъ его пріемомъ, взглядами, способомъ дѣйствій и благородствомъ его чувствъ. Онъ говорилъ со мною

[1]) Повѣреннымъ Французской Республики при Берлинскомъ дворѣ. П. Б.

[2]) Его замѣстителю при Берлинскомъ Дворѣ. П. Б.

[3]) Т. е. Кочубея. П. Б.

вполнѣ откровенно и сообщилъ мнѣ много любопытныхъ свѣдѣній. Когда я хотѣлъ распроститься съ нимъ, онъ пригласилъ меня къ обѣду; но, чтобы дать ему время переодѣться, я отправился съ визитами къ де-Рибасу и графу Палену. Первый принятъ при дворѣ посредственно, послѣдній очень хорошо. Оба приняли меня какъ стараго друга.

Послѣ обѣда у Кочубея я поѣхалъ, наконецъ, осмотрѣть нашъ домъ и сдѣлалъ визитъ г-жѣ Грёбенъ [1]). Она сидѣла въ вашей уборной. Хотѣла уступить мнѣ часть бель-этажа, но, не желая стѣснять ее и находя неудобнымъ такое близкое сосѣдство, я удовольствовался нижнимъ этажемъ.

Шведскій посланникъ [2]), съ которымъ я совѣщался, прежде чѣмъ быть у вице-канцлера, сидѣлъ у г-жи Грёбенъ. Онъ, казалось, былъ очень доволенъ увидать меня и много разсказывалъ о васъ. Шевалье Горта [3]) и Датскій министръ присутствовали тутъ же.

На первое время я поселился въ комнатѣ, которую приготовилъ до нашего отъѣзда и которая должна стать моимъ кабинетомъ. Около 8 часовъ я снова вышелъ изъ дому, чтобы привѣтствовать вашу тетушку Тизенгаузенъ. Она живетъ въ домѣ бывшемъ Меньшикова на Мойкѣ, но къ счастью скоро изъ него переѣдетъ. Я нашелъ тетушку постарѣвшей и въ удрученномъ состояніи духа, мужа все такимъ же, дочь похудѣвшей и похорошѣвшей, младшаго сына вполнѣ возмужавшимъ (онъ выше меня); старшій въ Итальянской арміи, гдѣ онъ раньше получилъ орденъ св. Анны на шею и недавно Мальтійскій крестъ. Его родители, кажется, очень оцѣнили мою поспѣшность увидѣть ихъ; но я не остался у нихъ ужинать и поѣхалъ къ г-жѣ Загряжской; она была въ большомъ волненіи и не приняла меня. Ниже я вамъ объясню причину.

Возвратившись домой, въ этотъ же день вечеромъ въ 10 часовъ (т. е. на другой день моего пріѣзда изъ деревни), я узналъ, что курьеръ мой возвратился съ отвѣтомъ изъ Гатчины [4]) и, не найдя меня дома, отправился искать меня по городу. Это тотъ фельдъегерь, который ѣхалъ со мной. Онъ очень глупъ, и я опасался, что онъ вернется ко мнѣ только на слѣдующее утро, а такъ какъ письмо заключало въ себѣ, по всей вѣроятности, приказъ Государя явиться тотчасъ

---

[1]) Грёбены занимали помѣщеніе Паниныхъ.

[2]) Стедингъ.

[3]) Португальскій посланникъ.

[4]) Графъ сообщилъ о своемъ пріѣздѣ графу Растопчину и ждалъ отъ него отвѣта.

въ Гатчину, то я не буду имѣть времени этого исполнить. Судите о моемъ томленіи, дорогой другъ; оно продолжалось около часу, и я уже хотѣлъ велѣть разыскивать фельдъегеря черезъ полицію, какъ онъ явился, наконецъ съ письмомъ, копію съ котораго при семъ прилагаю. Я вамъ ее посылаю, чтобы вы сами увидали вѣжливость, съ которою писавшій обращается ко мнѣ. Долженъ упомянуть, что въ этотъ же день имѣлъ я счастье получить ваши первыя письма, № 1 и 2, изъ Теплица. Еслибы онѣ замедлили, то повергнули бы меня въ жестокую неизвѣстность о томъ, что̀ для меня дороже всего на свѣтѣ.

Въ Четвергъ, 15 утромъ, пока я еще одѣвался, у меня перебывали многіе, между прочими: графъ Паленъ, Рибасъ, Тизенгаузенъ и Александръ Николаевичъ Зиновьевъ. Я напросился на обѣдъ къ Тизенгаузенамъ, но прежде посѣтилъ вице-канцлера *) и князя Гагарина. Сей послѣдній обѣдалъ, и я его не увидалъ. Послѣ обѣда у вашей тетушки я поѣхалъ къ Загряжской, которая въ этотъ разъ допустила меня и приняла какъ бывало прежде. Затѣмъ я отправился къ Кочубею, у котораго совѣщался съ Кобенцелемъ. Кстати о немъ: вы его не узнаете; онъ измѣнился и похудѣлъ страшно, и надъ лѣвымъ глазомъ у него ужасающій шрамъ вслѣдствіе нарыва, отъ котораго ему грозила возможность лишиться глаза. Это относительно физическаго состоянія; что̀ до нравственнаго, судите, какъ онъ долженъ страдать, когда я вамъ скажу, что княгиня Долгорукая со всей семьей выслана въ свои помѣстья. Къ тому же на посланника косо смотрятъ при дворѣ.

Заѣхавъ на короткое время домой, я собирался вернуться къ Загряжской, чтобы провести у нея вечеръ, какъ ко мнѣ пріѣхалъ Завадовскій. Онъ меня задержалъ почти на три часа, такъ что было уже поздно, и я легъ спать натощакъ. Завадовскій выражалъ мнѣ много уваженія и довѣрія. Въ этотъ же вечеръ я получилъ письмо изъ Гатчины (копія съ котораго при семъ), гдѣ мнѣ назначался день представленія ко двору.

Въ Пятницу, 16-го, не произошло ничего примѣчательнаго. Я обѣдалъ у графа Палена съ семьею Тизенгаузеновъ, Ребиндеромъ и другими лицами, а ужиналъ у Загряжской. Я забылъ вамъ сказать, что въ день, когда я въ первый разъ къ ней поѣхалъ, я встрѣтилъ въ двухъ шагахъ отъ ея дома Зубову, которая, какъ и всѣ, не ожидала меня такъ скоро и была рада меня видѣть. Она говорила о васъ съ нѣжностью. Другая изъ вашихъ пріятельницъ, встрѣча съ которой была

*) Князя А-ра Борисовича Куракина. П. Б.

мнѣ весьма пріятна, это Лопухина [1]). Она напомнила мнѣ первое время нашего счастливаго супружества, и я былъ глубоко растроганъ.

Въ Субботу, 17-го, я рисковалъ остаться безъ обѣда, такъ какъ разсчитывалъ на графа Кочубея или же на барона Григорія Строгонова, но обоихъ не было дома; тогда я прибѣгъ къ Загряжской, и она оставила меня обѣдать. Я хотѣлъ ѣхать въ Гатчину въ 5 часовъ, такъ какъ дорога плоха; но Тизенгаузенъ [2]) предложилъ мнѣ свой экипажъ, и я заполучилъ его только послѣ восьми. Эта задержка заставила меня провести ночь въ дорогѣ, и я прибылъ въ Гатчину только въ два часа утра. Тамъ всѣ уже спали, и я съ великимъ трудомъ отыскалъ приготовленную для меня во дворцѣ комнату. Ростопчинъ нѣсколько дней нездоровъ; будучи предупрежденъ объ этомъ и боясь, что меня заставятъ ждать, я послалъ впередъ записку, прося увѣдомить меня, когда онъ принимаетъ, а также означить часъ представленія, который былъ мнѣ неизвѣстенъ. Его отвѣтъ, принесенный мнѣ отъ Анны Степановны [3]), гласилъ: Графъ Ростопчинъ имѣетъ честь засвидѣтельствовать свое почтеніе его сіятельству графу Панину и будетъ радъ принять его сегодня въ 10 часовъ утра. Онъ счелъ бы своимъ долгомъ предупредить его посѣщеніе, если бы былъ въ состояніи выходить изъ комнаты.

Когда я пріѣхалъ къ нему, пріемъ его и бесѣда были въ томъ же духѣ высшей вѣжливости, и онъ даже краснѣлъ и не могъ скрыть своего замѣшательства, когда я, говоря о дѣлахъ, обращался къ нему, какъ къ старшему [4]); когда же онъ просилъ меня изложить откровенно мои взгляды на дѣла, я сдѣлалъ это со всею осторожностью, чтобы не затронуть самолюбіе или разоблачить невѣжество. Однимъ словомъ, я очень доволенъ обращеніемъ моего новаго сослуживца; но это не мѣшаетъ мнѣ быть всегда на чеку.

Въ $12^3/_4$. Я покидаю васъ, мой прекрасный ангелъ, чтобы одѣться, пройти въ нѣсколько магазиновъ и пообѣдать у Кочубея, послѣ чего зайду къ себѣ продолжать письмо и кончить отправку курьера.

---

[1]) Супруга свѣтлѣйшаго князя, тогдашняго генералъ-прокурора, мачиха княгини Гагариной, которая была для императора Павла предметомъ рыцарскаго поклоненія? П. Б.

[2]) Сестра тещи графа Панина была за графомъ Тизенгаузеномъ: еще Нѣмецкія связи, которыми усиливалась Панинская чопорность. П. Б.

[3]) Протасовой, племянница которой, Екатерина Петровна, была супругою графа Ростопчина. П. Б.

[4]) Пылкій графъ Ростопчинъ говорилъ про себя, что не можетъ добиться, чтобы на лицѣ у него не выражалось того, что онъ чувствовалъ. Онъ былъ подвиженъ, хотя возрастомъ старше графа Панина, человѣка сухого и крайне сдержаннаго. Не мудрено, что они вскорѣ повздорили. П. Б.

Въ $6^1/_2$ вечера. Только сейчасъ могъ я вернуться, мой нѣжный другъ, и берусь за перо, единственное утѣшеніе въ моемъ печальномъ одиночествѣ. Вотъ продолженіе моего дневника.

Воскресенье, 18-го, прослушавъ службу въ дворцовой церкви, я представлялся ихъ величествамъ въ пріемной комнатѣ. Государь говорилъ о дурномъ состояніи дорогъ; ни слова о дѣлахъ; императрица также сказала мнѣ нѣсколько незначительныхъ словъ. Спустя нѣсколько минутъ по отбытіи ихъ величествъ, оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ объявилъ мнѣ, что я буду обѣдать съ Государемъ. Это не былъ большой обѣдъ, а какъ бы частный; потому утверждаютъ, что это особая милость. Однимъ словомъ, я обѣдалъ и былъ посаженъ настолько далеко отъ Государя, что ему было бы трудно разговаривать со мною. По выходѣ изъ за стола остаются еще минутъ 20, какъ бы на пріемѣ. Ко мнѣ больше не обращались, исключая императрицы, которая спрашивала о нѣкоторыхъ подробностяхъ касательно великой княгини Анны[1]). Вечеромъ давали на придворномъ театрѣ оперу „Павелъ и Виргинія“; я былъ. Во время спектакля фурьеръ подошелъ спросить, ужинаю ли я съ Государемъ. Я отвѣчалъ, что мнѣ это неизвѣстно; онъ совѣтовалъ явиться, но мнѣ казалось болѣе осторожнымъ посовѣтоваться объ этомъ со своими знакомыми. Всѣ сошлись на мнѣніи, что вопросъ слѣдуетъ выяснить черезъ посредство гофъ-маршала. Такъ какъ его по близости не было, то Гурьевъ послалъ къ нему фурьера; но я не получилъ отвѣта до той минуты, какъ пошли ко столу, а потому не имѣлъ возможности присутствовать и отправился къ Ростопчину. Какъ только я ему разсказалъ о происшедшемъ, онъ заявилъ, что мои сомнѣнія были неумѣстны, что, обѣдавъ съ Государемъ, я имѣлъ право присутствовать и на ужинѣ, что̀, впрочемъ, мое отсутствіе не можетъ мнѣ повредить. Я оставался съ нимъ и его женою до половины одиннадцатаго, послѣ чего легъ спать еще разъ съ пустымъ желудкомъ.

Слѣдующій день, Понедѣльникъ, 19-го, прошелъ въ посѣщеніяхъ и поздравленіяхъ. Обѣдалъ я у Ростопчина и въ 7 часовъ, вмѣстѣ со всѣми, поздравлялъ Государя со днемъ его рожденія[2]). Такъ какъ цѣлованіе руки предоставлено только первымъ двумъ классамъ, то я находился въ толпѣ, и меня не замѣтили. Имѣя намѣреніе на этотъ разъ ужинать во дворцѣ, я посовѣтовался съ гофъ-маршаломъ, но онъ отсо-

---

[1]) Супруги великаго князя Константина Павловича; она въ это время находилась въ Карлсбадѣ, гдѣ ее видѣлъ гр. Панинъ, ѣздившій съ женою изъ Берлина на Карлсбадскія воды. П. Б.

[2]) Т. е. канупомъ его рожденія, которое было 20 Сентября 1754 года. П. Б.

вѣтовалъ, говоря, что списокъ лицъ, приглашенныхъ на ужинъ, отличается отъ обѣденнаго. Итакъ, я остался не солоно-хлебавши.

Во Вторникъ, 20-го, торжественный пріемъ; ничего замѣчательнаго не произошло. Я не былъ приглашенъ къ главному столу и сѣлъ за маршальскій между Василіемъ Николаевичемъ Зиновьевымъ и княземъ Бѣлосельскимъ. Иностранные министры, которые всѣ были въ этотъ день въ Гатчинѣ, окружили меня и привѣтствовали при моемъ входѣ въ залу столь сердечно, что я почти потерялъ голову и, признаюсь вамъ, дорогая Софи, не только отъ умиленія, но и отъ страха: ибо я боялся, что это слишкомъ изъявительно и что въ эту минуту Государь можетъ появиться среди насъ. Это случилось въ концѣ представленія, и я воспользовался этимъ предлогомъ, чтобы бѣжать отъ Европы.

Во время бала я былъ на виду, и все же меня не удостоили ни однимъ словомъ. Все вниманіе и всѣ заботы обращались на шевалье Витворта [1]).

Въ минуту, когда Государь покидалъ балъ, явился Толбухинъ (этотъ шалунъ, котораго вы видѣли въ Берлинѣ) курьеромъ отъ Суворова съ извѣстіемъ о сдачѣ Тортоны. Тотчасъ же былъ назначенъ на слѣдующій день благодарственный молебенъ, и всѣ, кто пріѣхалъ изъ города, даже и дипломатическій корпусъ, обязаны на немъ присутствовать. Эти господа были размѣщены кое-какъ въ двухъ верстахъ отъ Гатчины, но большинство прибывшихъ изъ Петербурга на празднество, не имѣя помѣщенія, должно было провести ночь (въ ужасную погоду) у себя экипажахъ. Бѣдный вице-канцлеръ [2]) очутился бы въ такомъ же положеніи, если бы я не предложилъ ему раздѣлить со мною комнату. Къ счастью со мной былъ тюфякъ, другой нашелся въ помѣщеніи, и я ему устроилъ довольно сносную постель.

На слѣдующій день, Среда, 21-го, послѣ молебна я снова былъ приглашенъ обѣдать съ Государемъ. Послѣ обѣда я побылъ нѣкоторое время у Ростопчина и въ 5 часовъ отправился назадъ въ городъ.

Вы навѣрно удивлены, дорогая Софи, что я начинаю уже четвертый листъ и еще ничего не сказалъ о своемъ назначеніи и обязанностяхъ. Но я знаю столько же, сколько и вы, мой ангелъ. Ростопчинъ, говоря со мною съ полной откровенностью, сообщая самыя секретныя бумаги, которыхъ никогда не видалъ мой предшественникъ [3])

[1]) Англійскаго посла. П. Б.

[2]) Великолѣпный князь Куракинъ, столь неспособный ко всякому физическому лишенію. П. Б.

[3]) Кочубей, племянникъ скончавшагося въ Апрѣлѣ этого года канцлера князя Безбородки. П. Б.

и обращаясь со мною какъ съ членомъ Коллегіи, ни словомъ не обмолвился о моемъ назначеніи, хотя мы въ сложности провели болѣе 12 часовъ вмѣстѣ. Со всѣхъ сторонъ приходятъ поздравительныя письма, иностранные министры смотрятъ на меня, какъ на министра, я съ ними совѣщаюсь, и все же я ничто. Кочубей писалъ Ростопчину нѣсколько дней спустя по моемъ прибытіи и послалъ ему проектъ указа о моемъ назначеніи, въ которомъ мнѣ дается чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и званіе вице-канцлера. Письмо осталось безъ отвѣта. Однако, когда меня вызывали, Ростопчинъ поднесъ Государю для подписи указъ о назначеніи меня вице-канцлеромъ, а его величество отвѣчалъ: „Успѣемъ, когда онъ пріѣдетъ“. Когда Кочубей пріѣхалъ на праздникъ въ Гатчину, онъ спросилъ Ростопчина, почему до сихъ поръ ничего не рѣшено на мой счетъ, и тотъ отвѣчалъ, что этому помѣшала его болѣзнь, такъ какъ онъ хотѣлъ самъ представить Государю всѣ относящіяся до моего назначенія бумаги и что онъ это сдѣлаетъ черезъ нѣсколько дней. Онъ повторилъ, что надѣется на назначеніе меня вице-канцлеромъ. Я подозрѣваю, что Ростопчинъ умышленно задерживаетъ дѣло, такъ какъ самъ замышляетъ что-то для себя черезъ посредство своего друга Кутайсова (званіе канцлера или что нибудь равнозначущее, только въ новой формѣ). Что̀ бы ни было, я вполнѣ спокоенъ и даже почти равнодушенъ. Я даже радъ этой задержкѣ, такъ какъ это даетъ мнѣ время передохнуть, сообразиться и прочитать много бумагъ, содержаніе которыхъ для меня важно. Я ничего не сказалъ Ростопчину относительно себя, ибо не хочу терять выгоды моего теперешняго положенія: *человѣка не просящаго ничего, призваннаго въ Коллегію помимо всякаго заискиванья или покровительства и спокойно ожидающаго, что́ захотятъ изъ него сдѣлать.* Иностранные министры, кажется, съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ я, ждутъ, когда я вступлю въ должность.

Мнѣ остается только объяснить вамъ большое волненіе Загряжской, которое помѣшало ей принять меня въ первое мое посѣщеніе. Съ тѣхъ поръ, какъ Кочубей въ Петербургѣ, она дѣлала все возможное, чтобы женить его, и вы догадываетесь на комъ; но это не удавалось. Когда она узнала, что я пріѣхалъ, то впала въ отчаяніе, такъ какъ мое появленіе означило отъѣздъ Кочубея; меня не ожидали такъ скоро, и она еще не пошла на Кочубея послѣднимъ штурмомъ. Тутъ же она ускорила дѣло и имѣла счастье достигнуть своего, такъ какъ Кочубей не смогъ устоять передъ обмороками тетки и племянницы*).

*) Т. е. бездѣтной Натальи Кирилловны Загряжской и любимой ея племянницы Маріи Васильевны, дочери Анны Кирилловны и Василія Алексѣевича Васильчиковыхъ. П. Б.

Изъ этого дѣлаютъ еще тайну, но женихъ признался мнѣ. Я явился къ Загряжской въ рѣшавшую минуту. Вы понимаете теперь, почему меня не захотѣли принять.

По возвращеніи изъ Гатчины я не нашелъ уже г-жи Грёбенъ и занялъ бельэтажъ, по разнымъ причинамъ: 1-е. Я отдѣлываю большую нижнюю комнату и оклеиваю ее красивыми обоями. Угловая на улицу будетъ кабинетомъ для совѣщанія съ иностранными министрами, слѣдовательно ее надо нѣсколько украсить. 2-е. У меня посѣщеній безъ конца; нижнее помѣщеніе не достаточно хорошо, чтобы принимать гостей. 3-е. Каждое кресло, каждый столъ, каждый цвѣтокъ въ диванной, гдѣ я работаю, напоминаетъ мнѣ Софи, и хотя мнѣ не надо напоминаній, чтобы думать о ней съ утра до вечера, но эти нѣмые свидѣтели вызываютъ слезы на глаза, и слезы эти сладки.

До этого времени я еще не заводилъ своей кухни и сегодня вечеромъ въ первый разъ буду ѣсть стряпню Егора. Ротъ боленъ, и его замѣщаетъ Алексѣй. Причесываетъ меня камердинеръ барона Строгонова, а въ выѣздные я взялъ Семена у сестры.

Здѣсь были очень недовольны великой княгинею [1]), и ей велѣно немедля вернуться. Признаюсь, я не вполнѣ спокоенъ за вашего beau-frère'a [2]). Нѣкоторые говорили мнѣ, что Ренне [3]) лишится мѣста.

Лицамъ, состоящимъ при дворѣ въ дѣйствительной службѣ, недавно дали довольно красивую форму. Обыкновенное платье точно подражаніе Виндзорскому, только зеленый цвѣтъ замѣненъ темно-синимъ. Парадная форма съ очень красивымъ золотымъ шитьемъ.

Большинство моихъ знакомыхъ утверждаетъ, что я буду пожалованъ въ командоры Мальтійскаго ордена. Я буду этимъ доволенъ изъ за формы; но пока объ этомъ нѣтъ еще рѣчи. Кстати о командорствѣ: Мезоннёвъ по прежнему къ вамъ привязанъ и часто говоритъ о пріятныхъ минутахъ, проведенныхъ въ нашемъ домѣ. Нашъ Берлинскій образъ жизни вызвалъ здѣсь большую огласку.

Почтальонъ, котораго я вамъ посылаю съ этимъ пакетомъ, былъ очень любезно предложенъ мнѣ графомъ Ростопчинымъ. Онъ будетъ сопровождать васъ сюда, и его надо всегда посылать впередъ для заказа лошадей. Вотъ для бо́льшей вѣрности открытый листъ ко всѣмъ станціоннымъ смотрителямъ. Отъ васъ будетъ зависить, держать его

---

[1]) Анной Ѳедоровной.

[2]) Тутолмина, который находился при великой княгинѣ.

[3]) Гофмейстерина великой княгини.

у себя, чтобы внушать уваженіе этимъ господамъ, или посылать впередъ съ почтальономъ, у котораго есть подобный, съ тою только разницею, что онъ не подписалъ графомъ Ростопчинымъ. Почтальону не надо давать за прогоны (онъ ѣдетъ за счетъ почты), а только на ѣду; послѣ мы ему сдѣлаемъ подарокъ.

Вызванный назадъ, графъ Панинъ писалъ своей женѣ, которая оставалась въ Германіи: „Петербургъ 8 Октября 1799 г.

Сегодня уже недѣля, какъ я ѣздилъ въ Гатчину благодарить Государя за назначеніе меня въ Коллегію; ночевалъ въ Гатчинѣ, а на слѣдующій день въ Воскресенье, послѣ обѣда, съ его величествомъ вернулся сюда. Послѣ завтра я снова поѣду ко двору, чтобы присутствовать на празднествахъ бракосочетанія, которыя начнутся 12 и продолжатся до 18.

Эрцгерцогъ пріѣхалъ. Дитрихштейнъ, состоящій въ его свитѣ, единственный, которому не дали помѣщенія въ Гатчинѣ. Можете судить, какую мину состроилъ нашъ мальчикъ-министръ [1]). Онъ дуется, и не отдалъ мнѣ визита, хотя бы присылкою карточки; впрочемъ, увѣряютъ, что только я былъ такимъ счастливцемъ.

Лестныя извѣстія, что въ Берлинѣ сожалѣютъ обо мнѣ, были подтверждены отъ имени короля его повѣреннымъ по дѣламъ.

Петербургъ 20 Октября 1799 г.

Мнѣ посчастливилось избавиться отъ празднествъ въ Гатчинѣ, откуда я вернулся тотчасъ же по совершеніи бракосочетанія великой княжны Александры.

Дитрихштейна больше здѣсь нѣтъ. Увидавъ явныя и весьма рѣзкія доказательства немилости Государя, онъ собралъ свои вещи и уѣхалъ, не видавъ даже двора [2]).

Молодаго Ожаровскаго заключили въ Шлиссельбургскую крѣпость за какое-то упущеніе въ одеждѣ. Я дѣлалъ все возможное, чтобы выручить его, но къ сожалѣнію безуспѣшно. Цизмеръ увѣдомляетъ меня, что въ послѣднемъ номерѣ Петербургской газеты сказано слѣдую-

---

[1]) Панины видѣли Дитрихштейна въ Берлинѣ и не были о немъ высокаго мнѣнія.

[2]) На пути въ Петербургъ въ концѣ 1799 г. аббатъ Жоржель встрѣтилъ графа Дитрихштейна. Въ сочиненіи его „Voyage à St. Pétersbourg“ сказано о немъ (стр. 131): „Онъ подвергся немилости Павла I-го, который...приказалъ ему немедленно покинуть Петербургъ и Россійскую имперію“. Въ письмѣ Кобенцеля къ графу Коллоредо отъ 7/18 Октября 1799 г. сказано: „Первая гроза разразилась надъ нашимъ бѣднымъ Дитрихштейномъ; пріемъ, сдѣланный ему, настолько же жестокъ для него, насколько оскорбителенъ для насъ“. Vertrauliche Briefe Thuguts II, 192.

щее: „Исключенный изъ службы лейбъ-гвардіи коннаго полку подпоручикъ Ожаровскій всемилостивѣйше принятъ паки въ службу по прежнему“.

Должность канцлера по кончинѣ Безбородки, предложена была послу въ Лондонѣ графу С. Р. Воронцову. Онъ имѣлъ благоразуміе отказаться отъ нея, получая подробныя свѣдѣнія о томъ, что̀ тогда происходило въ нашемъ управленіи отъ двухъ своихъ поклонниковъ, графовъ Ростопчина и Панина, которые остались теперь главными дѣятелями. Согласія между ними быть не могло. Измѣна Австріи послѣ побѣдъ Суворова довела Павла Петровича до явныхъ проявленій умоповрежденія (признаки котораго замѣчались у него еще въ 1776 году, по кончинѣ первой его супруги). Бѣда висѣла надъ нимъ и его царствованіемъ. Панинъ и Ростопчинъ относились къ ней не одинаково. Сей послѣдній любилъ Государя, внушавшаго и не ему одному сердечную приверженность. Панинъ же захлебывался въ сознаніи собственныхъ достоинствъ. Вѣроятно въ это время, т. е. осенью 1800 года, происходили свиданія въ банѣ и замышлялось учрежденіе регентства по современному примѣру съ Англійскимъ Георгомъ III-мъ, въ теченіи болѣзни котораго былъ регентомъ его сынъ и наслѣдникъ. Покойный С. М. Соловьевъ передавалъ намъ, что въ бумагахъ Государственнаго Архива сохраняется черновая бумага Екатерины о томъ, что пока наслѣдникъ престола не достигъ 25-лѣтняго возраста, регентство предоставляется его матери. Въ данномъ случаѣ это было бы регентство изъ Берлина, ибо императрица-мать не умѣла говорить по-русски и предана была Пруссіи. Между тѣмъ болѣзненные припадки Павла усиливались: онъ вызывалъ съ собою на поединокъ Европейскихъ государей; онъ, ни съ того, ни сего затѣялъ войну съ Англіей и обрушился гнѣвомъ на вѣрнаго слугу Россіи графа Воронцова, уволилъ его отъ службы и наложилъ запрещеніе на его имѣнія. Графъ Панинъ писалъ ему:

Петербургъ, 9 Апрѣля 1800 г.

Невозможно описать мое удивленіе, горесть и возмущеніе, овладѣвшія мною, когда два дня тому назадъ я узналъ черезъ графа Ростопчина содержаніе его послѣдняго письма, которое было приказано ему написать вамъ. Такъ какъ мнѣ неизвѣстно, было ли у него время и желаніе присоединить частное письмо, чтобы объяснить, что̀ предшествовало этому изліянію желчи, я хочу дать вамъ въ этомъ отчетъ, но предупреждаю васъ, уважаемый другъ, что этотъ разсказъ исходитъ изъ устъ графа Ростопчина. „Когда я представилъ Государю, говорилъ онъ, письмо князя Воронцова, въ которомъ перечислялись препятствія

къ возвращенію нашихъ войскъ въ Маѣ мѣсяцѣ, его величество не только не изъявилъ неудовольствія, но казался даже довольнымъ и, посчитавъ по пальцамъ, въ какое время могутъ войска прибыть въ Россію, высказался въ такихъ выраженіяхъ, что, казалось, разсчетъ вполнѣ соотвѣтствовалъ его ожиданіямъ. Итакъ я былъ вполнѣ спокоенъ по выходѣ отъ Государя; но не успѣлъ я вернуться домой и выпить свой бульонъ, какъ мнѣ доложили о пріѣздѣ Кутайсова. Онъ сказалъ мнѣ, что является съ приказомъ Государя немедленно написать письмо къ графу Воронцову, въ которомъ объявить, что если послѣднему такъ трудно исполнять приказы его величества, то онъ можетъ подавать въ отставку. Вы знаете, продолжалъ Ростопчинъ, что въ такихъ случаяхъ требуется слѣпое повиновеніе и что *всякое объясненіе только усиливаетъ гнѣвъ*. Итакъ я взялся за перо и, смягчивъ, насколько возможно выраженія, отдалъ письмо Кутайсову на прочтеніе Государю. Его величество остался недоволенъ и передѣлалъ его сплошь въ менѣе мягкихъ выраженіяхъ".

„При этихъ словахъ я заявилъ Ростопчину, что подобное возмутительное оскорбленіе лишитъ по всей вѣроятности родину вашей службы, и вы подадите въ отставку. Ростопчинъ такого же мнѣнія, и я долженъ отдать ему справедливость, что онъ, кажется чувствуетъ утрату, которую мы всѣ понесемъ. Онъ думаетъ, что если вы попросите остаться въ Англіи, вамъ это разрѣшатъ, но боится, что преслѣдованіе выразится въ приказѣ вашему сыну непремѣнно пріѣхать и вступить въ исправленіе своихъ обязанностей [1]). Когда я спросилъ его, почему депеша ваша, вначалѣ одобренная, вызвала черезъ четверть часа такой взрывъ, онъ отвѣчалъ, что причину надо искать исключительно въ характерѣ Государя и что это уже не первый примѣръ. Если вы меня спросите, дорогой графъ, что̀ я объ этомъ думаю, я вамъ отвѣчу съ полной откровенностью, что съ одной стороны Государь, а съ другой Ростопчинъ способны на все: одинъ по вспыльчивости, другой по полному отсутствію правилъ. Нужно, чтобы вы все знали. Вчера мнѣ сообщили изъ довольно хорошихъ источниковъ, что Головинъ [2]), *закадычный другъ Ростопчина*, хочетъ войти въ дипломатическій корпусъ и всегда добивался поста въ Лондонѣ. Хотя я всегда былъ очень дурного мнѣнія о Ростопчинѣ, но Боже сохрани меня подозрѣвать его въ этой низости. Скажу только, что если Головинъ замѣститъ васъ, я не могу отдѣлаться отъ сильнаго подозрѣнія.

---

[1]) Будущій фельдмаршалъ числился въ Преображенскомъ полку. П. Б.

[2]) Графъ Николай Николаевичъ Головинъ, супругъ Варвары Николаевны, Записки которой такъ любопытны, что нельзя не пожелать полнаго ихъ появленія въ печати. П. Б.

Что̀ бы ни вышло и какъ бы глубока ни была моя печаль, если бы вы вышли въ отставку, я не позволю себѣ больше умолять васъ о терпѣніи. Чаша переполнена, я чувствую, и я сталъ бы умолять васъ послужить еще общественному благу только въ томъ случаѣ, если бы Государь далъ вамъ полное удовлетвореніе, что̀ съ его стороны было бы первымъ случаемъ. Впрочемъ ваша отставка будетъ имѣть еще горшія послѣдствія, чѣмъ потеря вѣрнаго слуги, потому что я предвижу, что Англія не будетъ спѣшить замѣстить Витворта, а въ отместку и ей не дадутъ вашего замѣстителя.

Закончу письмо, предложивъ вамъ совѣтъ, продиктованный самой глубокой преданностью и живѣйшей благодарностью за всю вашу доброту. Если вы пошлете свою отставку, не просите оставаться въ Англіи; скажите только, что вы очень больны, что доктора противятся вашему отъѣзду и что вы не можете опредѣлить время вашего возвращенія въ Россію. Такимъ образомъ вы сдѣлаете видъ, что склоняетесь передъ необходимостью; вы выиграете время, а когда здѣсь смягчатся, вы можете представить свою просьбу, не подвергаясь опасности отказа.

Если бы я думалъ, дорогой графъ, что вамъ нужны утѣшенія, я сказалъ бы вамъ, что въ Россіи *нѣтъ никого*, въ полномъ смыслѣ этого слова, кто бы былъ обезпеченъ противъ оскорбленій и несправедливостей; что *тиранія достигла своей высшей точки* и что достаточно имѣть благородный характеръ, чтобы возбудить подозрѣніе и подвергнуться притѣсненію. Суворовъ подвергся немилости, потому что въ одномъ рапортѣ генерала Бауера прочли, что генералиссимусъ имѣлъ въ Италіи ординарцемъ генерала. Суворовъ уже ѣхалъ сюда, когда узналъ объ этомъ упрекѣ, и онъ тотчасъ же повернулъ назадъ подъ предлогомъ болѣзни. Въ судебныхъ дѣлахъ часто отдаютъ приказъ рѣшить въ пользу такого-то безъ малѣйшаго вниманія на законы. Узнавъ все это, мой уважаемый другъ, какъ можете вы чувствовать обиду по отношенію къ себѣ?

Такъ какъ это письмо будетъ послѣднимъ за время вашей службы, я считаю своимъ долгомъ присоединить выраженіе моей глубокой благодарности за всѣ лестныя поощренія, которыя я видѣлъ отъ васъ во всѣхъ случаяхъ, за довѣріе, которымъ вы почтили меня въ общественныхъ дѣлахъ, а главное за дружбу, трогательныя доказательства которой я получалъ, хотя не имѣю счастія быть вамъ лично знакомъ. Та, которая пишетъ эти строки *) подъ мою диктовку, можетъ засвидѣтельствовать искренность моихъ чувствъ, такъ плохо выраженную въ письмѣ,

*) Т. е. графиня С. В. Панина.

она раздѣляетъ ихъ, и самые пріятные наши разговоры тѣ, когда мы говоримъ о васъ. Моя дипломатическая карьера, вѣроятно, не долго продлится; но если мнѣ придется снова вступить въ службу въ болѣе счастливыя времена, моимъ первымъ стремленіемъ будетъ приблизиться къ вамъ и заслужить службой подъ вашимъ начальствомъ ваше расположеніе. Я не знаю никого въ Россіи кромѣ васъ, къ кому бы болѣе подошло мѣсто канцлера, и при комъ я могъ бы служить помощникомъ. При другихъ условіяхъ я откровенно заявлю, что слишкомъ молодъ, чтобы занимать второе мѣсто въ Коллегіи и оставлю его, когда захотятъ.

Выслушайте, графъ, еще разъ исповѣданіе моей политической вѣры. Я торжественно протестую противъ нашего выхода изъ коалиціи. Я думаю, что именно Россія должна окончить эту войну *своимъ вооруженнымъ вмѣшательствомъ*, и что, сдѣлавъ это, мы поднимемся на высшую ступень славы и могущества. Я стою за союзъ съ Англіей, Пруссіей и Оттоманской Портою. Мое убѣжденіе, что надо взнуздать честолюбіе Австріи политикою Екатерины Второй и сдержать Швецію союзомъ съ Турціей. Разрывъ между двумя императорскими дворами, охлажденіе съ Англіей, равнодушіе къ Оттоманской Портѣ, оставленіе бывшихъ Венеціанскихъ острововъ и всѣ дѣйствія, связанныя съ Мальтійскимъ орденомъ, по моему мнѣнію, очень вредны для Имперіи, и я заявлю, что во всемъ этомъ *не принималъ непосредственнаго или косвеннаго участія*. Я жду отъ вашей доброты, графъ, что, когда моя честь и репутація этого потребуютъ, вы засвидѣтельствуете, что таковы были мои убѣжденія“.

Опальный графъ С. Р. Воронцовъ писалъ къ Н. П. Панину, не зная что тотъ въ ссылкѣ: Соутгамптонъ, 10 (22) Марта 1801. Такъ какъ по всѣмъ газетамъ, доходящимъ до этого маленькаго городка, я вижу, что война между Россіею и Англіею кажется неизбѣжною, то не думаю, чтобы позволеніе Государя жить гдѣ я хочу для поправленія моего разстроеннаго здоровья, а также здоровья моей бѣдной дочери, которая еще серьезнѣе меня больна, простиралось такъ далеко, что я могу продолжать жить въ этомъ уголкѣ. А потому, чего бы это ни стоило для меня и моей дочери, я рѣшился покинуть островъ; но такъ какъ дочь не въ состояніи перенести долгаго морскаго путешествія отсюда въ Гамбургъ, особенно въ такое бурное время, я принужденъ ѣхать на Кале, а безъ паспорта отъ Французскаго правительства я не могу пріѣхать въ Кале и оттуда проѣхать черезъ Французскую республику въ Пирмонтъ въ Германіи; а потому

я рѣшился написать Колычеву въ Парижъ и просить его достать мнѣ паспортъ и прислать сюда. Я отослалъ письмо въ Лондонъ къ Неаполитанскому министру съ просьбою передать письмо для Колычова г-ну Отто, агенту Французскаго правительства, дабы онъ отослалъ его въ Парижъ. Я считаю своимъ долгомъ увѣдомить ваше сіятельство о своемъ рѣшеніи и о шагѣ, который я предпринялъ и беру на себя смѣлость послать вамъ копіи съ письма къ Колычову и Неаполитанскому министру, князю Кастельчикала, прося васъ донести о семъ государю.

Если его величество захочетъ мнѣ отвѣтить, то прошу не посылать письма сюда, гдѣ меня уже не будетъ, а отослать г-ну Форсмаму въ Гамбургѣ, котораго я не замедлю извѣстить, какъ только вступлю на материкъ, о времени моего прибытія въ Пирмонтъ".

Графъ Воронцовъ поселившійся въ малолюдномъ и уединенномъ тогда приморскомъ мѣстечкѣ (нынѣ большомъ городѣ) писалъ графу Панину вскорѣ по кончинѣ гонителя своего: „Соутгамптонъ, 4 (16) Апрѣля 1801.

Я предполагаю и надѣюсь, что это письмо застанетъ васъ въ Петербургѣ, любезный графъ, и что въ то короткое время, которое мнѣ остается жить въ виду моего здоровья, разстроеннаго еще болѣе различными ударами, нанесенными моей душѣ, я буду еще имѣть утѣшеніе поддерживать съ вами дружескую и откровенную переписку, прерванную только бѣдственными обстоятельствами, которыя, заставивъ стонать наше несчастное отечество и превративъ насъ въ чернокожихъ рабовъ, подрывали самую основу существованія Россійскаго государства. Если бы это время бѣдствія продолжалось еще немного, надо было ожидать народнаго возстанія, а народное возстаніе у насъ вещь ужасная: оно породило бы милліоны Стенекъ Разиныхъ и Пугачевыхъ; оно превзошло бы въ своихъ ужасахъ всѣ звѣрства Парижской сволочи въ предмѣстьяхъ С. Марсана и С. Антуана въ первые годы Французской революціи. Не только все дворянство, но и царская фамилія были бы перерѣзаны. Вотъ чего могла ожидать Россія и на что надѣялись наши добрые и постоянные друзья Шведы и Французы. А потому они разсыпаются въ похвалахъ покойному Государю, котораго я ни въ чемъ не обвиняю, потому что твердо убѣжденъ, что онъ былъ помѣшанъ, и не постигаю, почему для его же собственнаго блага, по человѣколюбію и чтобы спасти положеніе дѣлъ, его не передали заботамъ врачей, тѣмъ болѣе, что такіе случаи были въ Даніи и Португаліи*). Но наконецъ Провидѣніе спасло Россію отъ окончательнаго кру-

*) Да и въ Англіи. П. Б.

шенія. Да сохранитъ намъ Богъ настоящаго Государя и его прекрасный характеръ. Льщу себя надеждою, что онъ обладаетъ той душевной высотой, которая заставляетъ понимать, что если человѣкъ окончательно униженъ и опозоренъ, то онъ становится презрѣннымъ существомъ, что приказывать рабамъ не значитъ править людьми, а быть надсмотрщикомъ надъ галерами; что, уважая личность своихъ подданныхъ, онъ сдѣлаетъ ихъ людьми, которыми только и лестно править.

Я надѣюсь, что за исключеніемъ жестокостей, шпіонства и доносовъ (отвратительныхъ источниковъ развращенія и униженія народнаго характера), которыя необходимо уничтожить въ самомъ скоромъ времени, не будутъ спѣшить производить важныя перемѣны; что соберутъ совѣтъ изъ людей честныхъ, умѣлыхъ и знакомыхъ съ внутренними дѣлами государства, что все обсудится безъ горячности и поспѣшности, и что только послѣ зрѣлаго обсужденія и мудраго, но свободнаго совѣщанія примѣнятъ необходимыя живительныя лѣкарства къ безчисленнымъ ранамъ, покрывающимъ и разъѣдающимъ несчастное и громадное тѣло Россіи.

Муравьевъ*) сообщилъ мнѣ подробности вашей опалы. Онѣ дѣлаютъ вамъ много чести, дорогой графъ, и образъ вашихъ дѣйствій достоинъ васъ. Письмо, которое онъ писалъ мнѣ по этому поводу, заставляетъ меня его уважать.

Хочу познакомить васъ еще съ однимъ человѣкомъ, который достоинъ вашего уваженія. Это мой старинный другъ и товарищъ по военной службѣ Кириллъ Степановичъ Рындинъ. Я вамъ укажу только на двѣ черты. Послѣ вашей опалы онъ написалъ мнѣ слѣдующее: „Въ короткое время, что̀ я видѣлъ въ..... (неразобрано) графа Н. П. Панина, я имѣлъ счастіе его спознать и... добродѣтельнаго и препочтеннѣйшаго человѣка“. И онъ писалъ это открыто по почтѣ. Три дня послѣ того, какъ у меня конфисковали часть имущества и остальное взяли подъ секвестръ, онъ прислалъ мнѣ указъ объ этомъ беззаконіи, и письмо опять таки открыто по почтѣ; послалъ переводъ на 4000 рублей подъ рискомъ быть засаженнымъ въ крѣпость или сосланнымъ въ Камчатку. Развѣ это не рѣдкій, уважаемый человѣкъ для всѣхъ временъ и особенно за послѣднее царствованіе?“.

По воцареніи императора Александра Павловича вызванный имъ немедленно изъ Москвы, графъ Никита Петровичъ писалъ къ оставшейся тамъ своей супругѣ. Петербургъ, Пятница 22 Марта 1801 г.

---

*) И. М. Муравьевъ-Апостолъ, соспѣшникъ графа Панина, отецъ трехъ Декабристовъ. П. Б.

Пріѣхавъ сюда въ ночь съ Среды на Четвергъ, я нашелъ сестру [1]) уже спящей; но послѣ долгаго совѣщанія съ Приклонскимъ [2]) мы рѣшились ее разбудить. Не стану говорить вамъ о нашей обоюдной радости и о той жадности, съ которой я поглащалъ всѣ интересныя подробности о событіи дня. Послѣ бесѣды, продолжавшейся до 5 часовъ утра, я поднялся въ бель-этажъ, который сестра освободила для меня и прилегъ на минуту, не желая спать, не смотря на усталость, такъ какъ хотѣлъ явиться ко вставанію Государя. Въ 7 часовъ я былъ уже въ его предспальной комнатѣ; его величество былъ давно одѣтъ, но такъ какъ онъ занимался съ своими секретарями, то мнѣ пришлось ждать около часа. Какъ только ввели меня въ кабинетъ, я бросился на колѣни, чтобы облобызать его руку; но Государь поднялъ меня, поцѣловалъ меня нѣсколько разъ съ такою добротою, что я не нахожу выраженій. Онъ тотчасъ же завелъ разговоръ, полный довѣрія и касающійся его особы. Я не буду пересказывать ее здѣсь и скажу только вамъ, что она долго продолжалась въ томъ же духѣ; послѣ его императорское величество перешелъ на политику, и я имѣлъ счастье увидать во всемъ, что онъ мнѣ сказалъ самое неограниченное довѣріе; оно простиралось такъ далеко, что онъ удостоилъ отложить всякое рѣшеніе до моего пріѣзда, заявивъ министрамъ, что не хочетъ ничего дѣлать, не выслушавъ меня. Въ концѣ бесѣды Государь сказалъ мнѣ, что призвалъ меня, дабы передать мнѣ руководство иностранныхъ дѣлъ, простеръ свою снисходительность и доброту до того, что извинялся за оставленіе на мѣстахъ князя Куракина и графа Палена и спрашивалъ, соглашусь ли служить съ ними, давая формальное обѣщаніе, что я одинъ буду направлять дѣла. Его величество предложилъ мнѣ званіе вице-канцлера, и мнѣ показалось, что, желая изъ пощады сохранить это мѣсто за княземъ Куракинымъ, онъ былъ въ замѣшательствѣ. Могъ ли я, при видѣ такой великодушной деликатности, отвѣтить иначе, какъ отказавшись въ знакъ моей безкорыстности? Итакъ я тотчасъ предложилъ Государю снять съ меня званіе вице-канцлера, сказавъ, что его уваженіе и довѣріе единственные предметы моего честолюбія, что я не признаю соперничества въ службѣ ему, что онъ можетъ дать мнѣ какое хочетъ званіе и можетъ быть увѣренъ въ моемъ повиновеніи и безграничной преданности. По манерѣ Государя разговаривать со мной я

---

[1]) Софью Петровну Тутолмину (1772—1833). Она была на два года моложе брата своего, который пережилъ ее тремя годами, и кажется, что она одна пользовалась его полнымъ, безоглядымъ благорасположеніемъ. П. Б.

[2]) Это другъ Паниныхъ, не побоявшійся оправдывать графа передъ императоромъ Павломъ. П. Б.

имѣлъ удовлетвореніе увидѣть, что мое поведеніе въ этомъ отношеніи получило высочайшее одобреніе, и я еще былъ вознагражденъ впечатлѣніемъ, которое оно произвело на князя Куракина. Сохраненіе исключительно только званія льститъ ему и не возбуждаетъ сожалѣнія, что онъ обреченъ на полное безвластіе. Но продолжу свой разсказъ. Покинувъ дворецъ, я отправился къ нему, и онъ принялъ меня какъ брата, даже не зная еще, какое я ему оказалъ вниманіе. Судите о моемъ изумленіи, мой нѣжный другъ, когда онъ прочелъ мнѣ завѣщаніе покойнаго Государя, писанное еще въ 1788 году и въ которомъ онъ, въ числѣ даровъ разнымъ лицамъ, приказываетъ передать послѣ своей смерти главѣ моего дома (слѣдовательно мнѣ) брилльянтовую пряжку, которую носятъ на шляпѣ, и свой портретъ и вмѣстѣ съ тѣмъ накладываетъ на своего наслѣдника обязательство возмѣстить своими благодѣяніями мнѣ то, чего онъ не могъ сдѣлать моему дядѣ. Молодой Государь только сегодня вечеромъ узналъ объ этомъ завѣщаніи и объявилъ, что исполнитъ намѣренія своего отца съ самой тщательной точностью. До тѣхъ поръ, пока я не получу завѣщанную мнѣ вещь, что̀ должно быть въ скоромъ времени, я долженъ наложить на васъ молчаніе, исключая только вашего отца, котораго прошу о той же скромности.

Послѣ посѣщенія Куракина я вернулся домой, гдѣ нашелъ большинство родныхъ и друзей. Баронъ Армфельдъ былъ въ ихъ числѣ и, казалось, былъ радъ меня видѣть; князь Куракинъ вскорѣ тоже пріѣхалъ и остался обѣдать. Послѣ обѣда я отправился къ графу Палену, который уже былъ у меня. Мы должны были вмѣстѣ отправиться къ Государю, но неожиданное совѣщаніе съ Испанскимъ посломъ заставило насъ измѣнить намѣреніе. Я вернулся ко двору, куда меня вызвала императрица-мать и держала меня около часа въ присутствіи князя Куракина. Если бы я могъ передать вамъ все то, что̀ она мнѣ говорила, я увѣренъ, что этотъ листъ бумаги былъ бы залитъ вашими слезами. Невозможно слушать ее и не растрогаться до глубины души. Отъ нея я отправился къ большому двору и, встрѣтивъ случайно ихъ императорскія величества, которыя шли къ церковной службѣ, я былъ представленъ молодой государынѣ въ минуту, когда менѣе всего этого ожидалъ. Она похорошѣла и совершенно измѣнилась въ обращеніи. Непринужденность, полная достоинства, смѣнила ту необычайную застѣнчивость, которая когда-то мѣшала ей выставлять на видъ свойства такъ пригодныя для представительства. Она спросила о васъ въ милостивыхъ выраженіяхъ. Я оставался еще нѣсколько времени при дворѣ и вернулся домой къ ужину; вамъ легко понять, мой нѣжный другъ, что я нуждался въ отдыхѣ и не былъ въ состояніи писать. Со времени

нашей разлуки до послѣдней ночи я въ общемъ спалъ только три съ половиною часа. Это было въ Зимогорьѣ, гдѣ ужасная мятель заставила меня дожидаться утра, чтобы продолжать дорогу. Итакъ берусь за свой дневникъ. Сегодня долженъ былъ встать до 7 часовъ утра, такъ какъ мнѣ надо было отправиться къ Государю. Занятія съ министрами, которые явились раньше, затянулись настолько, что меня ввели только около 9 часовъ. Государь обошелся со мною съ прежней добротою и удостоилъ передать мнѣ вполнѣ управленіе иностранными дѣлами. Я самъ буду дѣлать ему доклады и имѣю право посылать на свое мѣсто Энгеля каждый разъ, какъ мое присутствіе не будетъ необходимымъ. Исключительно на меня возложены совѣщанія съ дипломатическимъ корпусомъ, и, наконецъ, редакція всего, что̀ будетъ писаться, также входитъ въ кругъ моихъ обязанностей. Для начала его императорское величество довѣрилъ мнѣ работу, которая требуетъ такого прилежанія, что я долженъ бы уже сидѣть за дѣломъ и заслуживаю упрекъ, что занимаюсь диктовкою такого длиннаго письма. Не обижайтесь же, мой другъ, краткости послѣдующихъ; я знаю, что плохо бы исполнилъ ваше желаніе, если бы надрывалъ свое здоровье позднимъ сидѣньемъ, для того только, чтобы вы могли прочесть нѣсколько лишнихъ строкъ. На первое время у меня едва ли останется полчаса для себя; но работы убудетъ, какъ только намъ удастся возстановить нѣкоторый порядокъ.

Завтра переносятъ съ большой пышностью тѣло усопшаго въ крѣпость. Я долженъ былъ нести передъ процессіей большую царскую корону. Разстояніе въ восемь верстъ, такъ какъ приходится переходить два моста, и это составляетъ большой обходъ. Судите, какъ бы это было трудно, потому что я не успѣлъ еще отдохнуть и долженъ былъ идти безъ верхняго платья по стужѣ. Къ счастью его императорское величество избавилъ меня отъ этой тяготы, такъ что я буду имѣть счастье сидѣть у себя въ кабинетѣ съ перомъ въ рукѣ, тогда какъ тотъ, кто меня замѣститъ въ церемоніи, насладится честью нести корону.

Остатокъ дня былъ не менѣе утомителенъ, и если я вамъ не пишу подробностей, то это потому, что время подумать, что я кончаю уже третій листъ.

Князь Долгорукій [1]) и Тутолминъ пріѣхали сегодня утромъ и передали мнѣ ваши письма. Я узналъ съ удивленіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ удовольствіемъ, что вы еще не разрѣшились отъ бремени [2]): ибо, если бы это случилось тотчасъ по моемъ отъѣздѣ, я не могъ бы отдѣлаться

[1]) Князь Юрій Владимировичъ, тогдашній Московскій генералъ-губернаторъ. П. Б.

[2]) Вскорѣ родился графъ Викторъ Никитичъ, впослѣдствіи министръ юстиціи. П. Б.

отъ страха, что этотъ отъѣздъ ускорилъ роды; теперь безъ безпокойства и только съ нетерпѣніемъ буду ждать Брянчанинова.

То, чего мы желали для вашего дяди*), сдѣлалось, какъ вы это въ подробности увидите изъ письма къ вашему отцу. Сегодня вечеромъ я отправилъ фельдъегеря въ Дрезденъ и предполагаю, что вы будете имѣть удовольствіе увидѣть дядю до нашего соединенія.

Я уже писалъ вамъ, что молодая государыня не забыла и васъ. Ея императорское величество чувствовала себя нездоровою подъ Свѣтлый Праздникъ и не могла присутствовать на службѣ. У нея болѣло горло и была лихорадка; но теперь ей много лучше, и я надѣюсь имѣть честь имѣть частную аудіенцію сегодня или завтра, на что она сама выразила желаніе до своего нездоровья.

Я работаю съ Государемъ всѣ дни въ его кабинетѣ, то рано утромъ, то вечеромъ и часто по нѣскольку разъ на день.

Такъ какъ мнѣ было очень неудобно у сестры по причинѣ моихъ бумагъ, то я искалъ себѣ какое нибудь помѣщеніе, пока не найдется хорошій домъ, и Неаполитанскій министръ отдаетъ мнѣ на мѣсяцъ домъ, который занималъ Розенкранцъ. Итакъ посылайте мнѣ поскорѣе людей и самыя необходимыя вещи. Мнѣ некогда давать вамъ о себѣ извѣстія. Впрочемъ никакихъ новостей нѣтъ. Если я начну вамъ говорить о добродѣтеляхъ молодого Государя и о чувствахъ, которыя онъ внушаетъ всѣмъ, кто къ нему приближается, то никогда не кончу. Это сердце и душа Екатерины II, и каждый часъ и день онъ выполняетъ обязательства, принятыя имъ на себя въ манифестѣ.

Не долго находился графъ Панинъ въ такомъ мягкомъ настроеніи. Предавшись съ горячностью занятіямъ государственными дѣлами, онъ не замедлилъ обнаружить свою неуступчивость и полную вѣру въ самого только себя, разошелся вполнѣ съ графомъ С. Р. Воронцовымъ, сдѣлался тяжелъ и для Государя (котораго былъ на семь лѣтъ старше). Черезъ два съ небольшимъ мѣсяца по прибытіи изъ ссылки, онъ уже писалъ Александру Павловичу. „28 Мая 1801. Мой первый долгъ по отношенію къ вашему императорскому величеству будетъ послушаніе. Я послѣдовалъ вашему велѣнію относительно графа Воронцова, поставивъ въ извѣстность переговоры, начатые съ Лондонскимъ дворомъ; но, доказавъ такимъ образомъ, что ничто не можетъ ослабить мое полное

*) Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій почти во все царствованіе Павла жилъ за границей (въ Дрезденѣ и Карлсбадѣ) какъ бы въ ссылкѣ и находился подъ надзоромъ Русскаго посланника въ Берлинѣ. П. Б.

подчиненіе, я умоляю ваше величество позволить мнѣ исполнить долгъ, не менѣе священный, говорить съ вами съ той искренностью, которую вы отъ меня ожидаете, и которая ни разу не нарушилась, съ тѣхъ поръ, какъ я имѣю счастье приближаться къ вамъ.

Въ городѣ держатся слухи, что ваше императорское величество предназначаете графу Воронцову*) мѣсто канцлера. Я, можетъ быть, питалъ вздорную надежду, дерзая вѣрить, что ваше величество найдете въ своемъ великодушіи причины предупредить меня объ этомъ рѣшеніи, но какъ бы ни было, признаюсь, что долго не придавалъ этому вѣры. Нѣсколько словъ вашихъ, Государь, въ послѣднихъ нашихъ разговорахъ возбудили во мнѣ сомнѣнія и, обсудивъ, я подумалъ, что объясненіе можетъ быть полезно для блага службы вамъ. Правда, это не единственная цѣль моего поступка; но смѣю думать, что ваше величество достаточно меня знаете, чтобы быть убѣжденнымъ, что всякое другое побужденіе подчинено во мнѣ желанію, чтобы дѣла процвѣтали.

Если ваше императорское величество дѣйствительно дарите графа Воронцова своимъ довѣріемъ въ дѣлахъ политики и считаете этого министра способнымъ направлять кабинетъ, то у него никогда не будетъ дѣятельнаго кабинета безъ ущерба службѣ, потому что портфель иностранныхъ дѣлъ не можетъ быть сразу въ нѣсколькихъ рукахъ. Въ виду этого предположенія я умоляю ваше величество довѣрить мнѣ ваши высочайшія намѣренія, дабы я могъ пойти самъ имъ на встрѣчу и чтобы моя отставка явилась какъ бы добровольнымъ отказомъ, чтобы такимъ образомъ спасти правдоподобность безъ вреда для моей чести. Смѣю льстить себя надеждой, Государь, что не сдѣлался недостойнымъ подобной пощады.

Если, наоборотъ, ваше величество думаете, что Воронцовъ можетъ исполнять обязанности канцлера, если я стану его помощникомъ, то умоляю васъ принять во вниманіе, что до вашего царствованія я занималъ второе мѣсто въ Коллегіи, что я добровольно пожертвовалъ своимъ самолюбіемъ и личными выгодами, ставъ по своему желанію на третье мѣсто, что по вашему милостивому довѣрію, Государь, я теперь одинъ управляю иностранными дѣлами и что отнять у меня это довѣріе значитъ объявить всей Россіи, что я сталъ недостойнымъ этого довѣрія. Если бы на меня обрушилось это несчастіе, я бы ждалъ, что ваше величество по своей справедливости удостоите ука-

*) Прибывшему изъ Владимирской деревни графу Александру Романовичу.

зать на мои проступки и выслушаете мои оправданія. Тогда я съ увѣренностью буду просить допроса всѣхъ безпристрастныхъ свидѣтелей моихъ поступковъ и послѣ ихъ отзыва просить снисхожденія. Наконецъ, въ томъ случаѣ, если общественные слухи не имѣютъ основанія, я повторяю свое заявленіе, которое имѣлъ уже честь вамъ высказать, что готовъ совѣтоваться съ тѣмъ, кого вы будете считать достойнымъ допустить до тайныхъ дѣлъ; что въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ будетъ даже полезно услышать мнѣніе тѣхъ, у которыхъ есть большая опытность, какой я не имѣю и что, не ожидая вашихъ приказаній, я самъ буду искать совѣтовъ, которые помогутъ мнѣ нести тяжесть, несоотвѣтственную моимъ силамъ. Я никогда не покраснѣю признаться въ этомъ. Ваше величество имѣли уже случай узнать образъ моихъ мыслей, и если судьба сохранитъ мнѣ еще счастіе работать подъ вашимъ взоромъ, вы убѣдитесь, что все мое честолюбіе стремится къ тому, чтобы заслужить ваше благоволеніе своимъ повиновеніемъ и безкорыстіемъ, а также усердіемъ къ службѣ.

У васъ, Государь, льщу себя надеждой, есть болѣе полезные слуги; но моя совѣсть увѣряетъ меня, что у васъ нѣтъ ни одного, у котораго я бы не могъ оспаривать самую чистую привязанность и вѣрность, поддерживаемую правдою и справедливостью. Если бы хоть одинъ поступокъ, общественный или частный, могъ опровергнуть это, если бы преслѣдованія, которымъ я подвергался, не оставили мои чувства внѣ сомнѣнія, я былъ бы самымъ дерзкимъ человѣкомъ, рѣшаясь обращаться къ вамъ съ такими рѣчами.

То что̀ ваше величество разсказывали мнѣ вчера о своемъ восшествіи на престолъ наполнило меня глубокою печалью. Если вы считаете меня причиной дѣйствія, предосудительнаго вашей славѣ*), мое присутствіе должно вызывать въ васъ отвращеніе; я готовъ бросить все, кромѣ жены и дѣтей, чтобы освободить васъ отъ своего присутствія и въ добровольной ссылкѣ оплакивать свое несчастіе, что потерялъ довѣріе повелителя, которому я съ радостью отдалъ бы свою жизнь. Одного вашего слова, одного жеста достаточно для этого; но и въ могилу унесу я искреннее убѣжденіе, что я, служа своей родинѣ, первый дерзнувъ развернуть передъ вашими глазами горестную картину опасностей, которыя грозили гибелью государства“.

---

*) Вспомнились совѣщанія въ дворцовой банѣ, когда вѣроятно вымогалось согласіе быть регентомъ. Вспомнимъ, что графъ Панинъ былъ на семь лѣтъ старше Александра Павловича. Конечно обоимъ не приходило и въ мысль, что̀ потомъ случилось. П. Б.

За границу Панинъ Воронцову писалъ: „У молодаго государя правильное сужденіе, самыя великодушныя намѣренія, ангельское терпѣніе и большое усердіе къ работѣ. Единственное (между нами) о чемъ я сожалѣю и что̀ заставляетъ меня вздыхать, это упрямство, съ которымъ онъ слѣдуетъ ложнымъ принципамъ и опаснымъ софизмамъ, внушеннымъ коварнымъ воспитаніемъ Лагарпа. Если этотъ негодяй явится сюда, и если его будутъ слушать, вы скоро услышите, дорогой графъ, что я отказался отъ всякой службы".

Къ Государю другой разъ онъ обращался письменно: „С. Петербургъ, 13 Іюля 1801. Работа, которой я теперь занимаюсь, дастъ вашему величеству возможность узнать мои политическія воззрѣнія во всей ихъ полнотѣ. Если способъ дѣйствія, который я буду имѣть честь представить на ваше разсмотрѣніе, какъ мое исповѣданіе вѣры, дастъ вамъ основанія думать, что я преданъ другимъ интересамъ помимо вашихъ, ваше величество должны лишить меня довѣрія, котораго я, стало быть, недостоинъ; если же, наоборотъ, мнѣ удастся обнажить сердце, полное стремленія къ вашей славѣ и ко благу службы, я буду имѣть право умолять, чтобы вы судили меня только по поступкамъ и поставили бы внѣ всякихъ нападокъ интриги. Я говорю *интриги*, Государь, потому что знаю, что таковая на меня направлена. До сего дня я ее, однако, презиралъ, и это лучшее доказательство моей вѣры въ ваши добродѣтели.

Мнѣ остается сдѣлать только одно замѣчаніе. Всѣ иностранцы знаютъ, что ихъ письма открываются на почтѣ. Достаточно, чтобы они знали, что ваше величество обращаете вниманіе на мнѣнія иностранныхъ дворовъ относительно образа дѣйствія вашего кабинета, и дипломатическая переписка тотчасъ же станетъ орудіемъ интриги; а какъ имъ этого не знать, когда эти перехваченныя депеши проходятъ черезъ столько рукъ, и Энгель имѣетъ возможность узнавать, какое впечатлѣніе производитъ на васъ чтеніе этихъ депешъ?"

Вотъ что сказано въ письмѣ дворцоваго доктора Роджерсона къ графу Семену Романовичу Воронцову отъ 16 (28) Іюля 1801 г.: „Графъ Панинъ держится *одинокимъ и изолированнымъ*; я его рѣдко вижу по его возвращеніи; онъ все сидитъ работая у себя въ кабинетѣ; онъ живетъ на дачѣ". Въ другомъ письмѣ отъ 29 Августа: „Я мало зналъ графа Панина до своего пріѣзда въ Берлинъ*); потомъ я засталъ его здѣсь въ

*) Докторъ Роджерсонъ въ 1798 г. проѣздомъ черезъ Берлинъ въ Англію видѣлся съ графомъ Никитою Петровичемъ.

званіи вице-канцлера и въ немилости; я его часто видѣлъ и старался оказывать ему услуги. Съ его возвращенія я видѣлъ его рѣдко и не имѣлъ съ нимъ откровенныхъ бесѣдъ. Я не заискиваю у него, а онъ, всегда чопорный, замкнутый, такъ занятъ cogitatione своего кабинета, что, кажется, ничего кромѣ не видитъ. Онъ ни къ кому не привязанъ; его обхожденіе непривѣтливое. Такъ какъ онъ ни у кого не бываетъ, и такъ какъ къ нему рѣдко ѣздятъ, за исключеніемъ часовъ отдыха, когда его можно видѣть, то и выходитъ, что тѣ, у кого нѣтъ неотложныхъ дѣлъ къ нему, совсѣмъ перестаютъ бывать у него. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя оспаривать его способностей и рѣдкихъ знаній. Вначалѣ мнѣ хотѣлось, чтобы вашъ братъ и онъ сблизились; но думаю, что влеченіе (понятное) вашего брата къ графу Кочубею возбудило въ немъ недовѣріе или зависть. Онъ, кажется, пользуется большимъ, но не исключительнымъ довѣріемъ Государя. Съ вашимъ братомъ совѣтуются во всѣхъ важныхъ вопросахъ". „Графъ Кочубей въ день своего отъѣзда говорилъ мнѣ, что графъ Панинъ, когда зашла рѣчь объ этомъ визитѣ[1]), на колѣняхъ умолялъ Государя не допускать его пріѣзда, но не достигъ своего".

Графъ Н. П. Панинъ своими дарованіями, превосходствомъ своей работоспособности, самымъ богатствомъ своимъ, тѣснилъ собою тѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ сношенія. Съ пріѣздомъ Лагарпа нерасположеніе къ нему Государя должно было усилиться: Лагарпъ, пріятель главныхъ дѣятелей Французской революціи, зналъ про ненависть къ нему графа Панина, который не скрывалъ ея. Къ тому же, какъ видно изъ Записокъ умной и зоркой графини Эдлингъ, приходя къ матери своей, Александръ Павловичъ всякій разъ видѣлъ одежды и окровавленную сорочку своего родителя, которыя та всегда держала при себѣ на виду, перевозя ее съ собою и въ Павловскъ, и въ Гатчину и вѣроятно въ Москву. Ноябрьскіе переговоры съ графомъ Панинымъ о регенствѣ и невольное косвенное прикосновеніе къ роковому событію вспоминались и терзали душу Государя постоянно, до самой кончины. Преданіе увѣряетъ, что въ день увольненія графа Панина отъ службы, пока графъ Панинъ откланивался, полицейскій чиновникъ явился къ нему въ домъ и въ его кабинетѣ отобралъ какія-то прежнія записки Государя[2]).

Увольненіе въ трехлѣтній отпускъ состоялось въ Москвѣ 30 Сентября 1801 года, и съ тѣхъ поръ Государь и его первый министръ

[1]) Т. е. пріѣзда Лагарпа. П. Б.

[2]) Говорятъ, что камердинеру своему графъ Панинъ сказалъ, что онъ долженъ былъ съ пистолетомъ въ рукѣ не допускать никого къ его бумагамъ. П. Б.

никогда уже не видались. Высокодаровитый, трудолюбивый графъ только что перешелъ на 32-й годъ жизни, какъ началась для него долголѣтняя пора всякихъ оскорбленій, и его донимали „мученіемъ покоя“ до самой кончины (1-го Марта 1836).

Вотъ что сказано въ извѣстномъ сочиненіи Биньона:

„Полковникъ Дюрокъ, котораго первый консулъ послалъ въ Россію по случаю восшествія на престолъ императора Александра, встрѣтилъ въ этомъ молодомъ государѣ мысли, во многомъ согласныя съ Французскимъ правительствомъ; но не то было съ гр. Панинымъ, который сталъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Судьба Панина, заставлявшая его противиться интересамъ Франціи, захотѣла, чтобы это два раза было причиною его выхода изъ министерства. Павелъ Первый далъ ему отставку, когда захотѣлъ сблизиться съ Французскимъ правительствомъ; по той же причинѣ удалилъ этого министра и Александръ. Этотъ Государь желалъ, чтобы полковникъ Дюрокъ присутствовалъ на его коронованіи въ Москвѣ, того же желалъ и первый консулъ; но Панинъ, вопреки волѣ своего повелителя, предложилъ полковнику Дюроку поторопиться своимъ отъѣздомъ во Францію, выставляя ему на видъ, что, не нося дипломатическаго характера, онъ не можетъ занять подобающаго мѣста въ церемоніи коронованія. Послѣ этихъ намековъ, въ которыхъ полковникъ Дюрокъ думалъ видѣть образъ мыслей Русскаго монарха, онъ оставилъ Петербургъ 14 Сентября, наканунѣ дня въѣзда Государя въ Москву. Спустя нѣкоторое время Государь узналъ объ образѣ дѣйствій, вопреки его воли, своего министра; онъ разгнѣвался и когда, спустя нѣсколько дней произошло легкое разногласіе между Панинымъ и княземъ Куракинымъ, канцлеромъ, Государь воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отдать приказъ непослушному министру отправиться путешествовать въ продолженіи трехъ лѣтъ. Эта отставка Панина была окончательной. Онъ болѣе не участвовалъ въ дѣлахъ государства. Графъ Кочубей сталъ его преемникомъ“.

Сохранился слѣдующій устный разсказъ о причинахъ паденія Панина. Онъ записанъ со словъ Н. А Муханова. Тутъ сказано.

Однажды Панинъ получилъ отъ графа Воронцова очень конфиденціальное письмо, въ которомъ посланникъ, обращаясь ко взаимному довѣрію, царившему въ ихъ отношеніяхъ, просилъ его сказать съ полной откровенностью, что̀ онъ думаетъ о новомъ царствованіи и о личномъ характерѣ молодого Государя. Панинъ не колеблясь отвѣчалъ, что не ждетъ ничего хорошаго, что Государь человѣкъ легкомыслен-

ный, пустой, любящій танцы, и болѣе занятъ тѣмъ, чтобы нравиться женщинамъ, чѣмъ желаніемъ вникать въ дѣла правленія. Это письмо, нося характеръ слишкомъ интимный, чтобы ввѣрить его почтѣ, было отослано въ Лондонъ съ однимъ изъ курьеровъ, которыми располагалъ Панинъ. Не смотря на это, Государь скоро былъ объ немъ освѣдомленъ; увѣряютъ, будто самъ графъ Воронцовъ отослалъ письмо прямо къ нему... Какъ бы ни было, но Александръ вскипѣлъ негодованіемъ и тотчасъ же снялъ съ Панина всѣ его полномочія и приказалъ выѣхать изъ Петербурга. Такое неожиданное паденіе неизбѣжно должно было вызвать тысячу предположеній, изъ которыхъ ни одно не приближалось къ правдѣ. Сама императрица-мать, не зная дѣйствительной причины такой рѣзкой перемѣны въ отношеніяхъ Государя, упрекала сына. Она выставляла ему на видъ, что такъ нельзя царствовать, что, выказывая такое печальное непостоянство характера, онъ не сможетъ никого къ себѣ привязать, что изъ всѣхъ его министровъ Панинъ безъ сомнѣнія заслуживалъ наибольшаго довѣрія по своимъ способностямъ, преданности, честности характера и безусловной невинности въ отношеніи къ смерти Павла. Послѣднее обстоятельство имѣло, очевидно, въ глазахъ государыни особенно важное значеніе, потому что она къ нему возвращалась нѣсколько разъ. Александръ не отвѣтилъ ни слова; но, вернувшись въ свой кабинетъ, написалъ матери записку, въ которой сообщилъ ей объ участіи Панина въ заговорѣ противъ Павла и послалъ ей письмо Панина къ Воронцову. Съ этой минуты Панинъ безповоротно палъ въ мнѣніи государыни; она обвинила его въ предательствѣ и лжи и воспылала къ нему ненавистью, которая равнялась по силѣ разочарованію въ немъ“.

Кочубей, преемникъ графа Никиты Петровича, разсказываетъ о ходѣ дѣла и, что̀ особенно важно, о настоящей причинѣ нерасположенія Александра къ Панину, въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову, отъ 6 Октября 1801 г. слѣдующее:

„Вы безъ сомнѣнія, дорогой графъ, узна́ете съ такимъ же удивленіемъ, какъ и я, о моемъ назначеніи на мѣсто графа Панина. Вы знаете мое отвращеніе къ дипломатической карьерѣ. Оно такъ велико, я чувствую себя настолько не подготовленнымъ для тѣхъ важныхъ, запутанныхъ дѣлъ, которыя мнѣ довѣрили, что я бы ни минуты не колебался отказаться отъ мѣста, которое теперь занимаю, если бы мнѣ его предложили заранѣе; но я находился въ невѣдѣніи и, не смотря на то что я раньше постоянно отказывался и желалъ заниматься внутренними дѣлами, Государь приказалъ мнѣ замѣстить Панина и нарушилъ всѣ

мои намѣренія. Было бы слишкомъ долго подробно разсказывать вамъ всѣ обстоятельства этой перемѣны. Я себѣ объясняю это тѣмъ, что Панинъ, желая все подчинить своимъ взглядамъ, встрѣтилъ отпоръ въ лицѣ Государя. Онъ остался недоволенъ и захотѣлъ пробить стѣну лбомъ. Разногласіе, возникшее съ княземъ Куракинымъ по поводу приказа, выданнаго Панинымъ за приказъ Государя заниматься только текущими дѣлами департамента, тогда какъ важными будетъ вѣдать онъ самъ, заставило Куракина пожаловаться Государю. Такъ какъ его величество не придавалъ такого толкованія приказамъ, испрошеннымъ Панинымъ, то счелъ нужнымъ отдать справедливость требованіямъ Куракина и позволилъ, чтобы, по примѣру временъ Остермана, совѣщанія происходили у вице-канцелера, который въ тоже время получилъ право присутствовать при занятіяхъ Государя съ графомъ Панинымъ. Этотъ, обиженный, попросилъ на три года отпуска, который ему и былъ тотчасъ же данъ. Я зналъ кое-что объ этой ссорѣ; я зналъ также наканунѣ, что Государь получилъ письмо, и все же мое удивленіе было велико, когда я на балу получилъ указъ о назначеніи. На другой день я отправился къ Государю, который, разсказавъ мнѣ все происшествіе, старался какъ нибудь оправдать свое рѣшеніе по отношенію меня безъ моего вѣдома. Онъ сказалъ, что невозможно было не принять отставки Панина безъ риска уронить себя: иначе послѣдній сталъ бы считать себя настолько необходимымъ, что послѣ съ нимъ нельзя бы было справиться. Вотъ приблизительно все, что я знаю о происшествіи, очень непріятномъ для меня, такъ какъ оно повергаетъ меня въ водоворотъ круга, въ который я не хотѣлъ вступать, будетъ дѣйствовать на мои домашнія дѣла, и потому что я совершенно одинъ въ такомъ важномъ департаментѣ, имѣя помощникомъ человѣка, не могущаго разобраться въ дѣлахъ. Если счастье будетъ мнѣ благопріятствовать, я надѣюсь, что смогу удалиться отъ этой должности, сохранивъ честь Государя и мое личное достоинство.

Въ послѣднемъ случаѣ все же не думаю, чтобы графъ Панинъ могъ снова вступить на службу. Государь, кажется, имѣетъ довольно опредѣленныя воззрѣнія на этотъ счетъ. Я попробовалъ почву, заговорилъ о способностяхъ графа Панина. Онъ, какъ мнѣ показалось, нерасположенъ къ нему еще и за переворотъ, которымъ возведенъ онъ на престолъ. Панинъ, какъ вы знаете, первый заговорилъ съ нимъ о регентствѣ, и вотъ Государь думаетъ теперь, что было преступно ему, Государю, думать о регентствѣ. И все же это посовѣтовалъ бы ему всякій мыслящій человѣкъ“.

Говоря о предстоявшей важнѣйшей роли Александра Романовича Воронцова въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, баронъ Николаи въ письмѣ къ С. Р. Воронцову отъ 17 Октября 1801 г. замѣчаетъ объ укоренившемся въ отношеніи къ Панину невыгодномъ мнѣніи слѣдующее: „Почувствовали, что ловко написать бумагу, изложить ее хорошимъ Французскимъ языкомъ еще не значитъ умѣть вѣрно судить, принять хорошее рѣшеніе въ политикѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстная мрачность, небрежность въ обхожденіи, поступки эгоизма, недовѣрія и недоброжелательства, а главное воспоминаніе о первомъ проектѣ переворота 12 Марта, составленнаго у него вмѣстѣ съ покойнымъ Рибасомъ, заставили потускнѣть то хорошее мнѣніе, которое сложилось о Панинѣ. Правда, что его планъ не заключалъ въ себѣ той жестокости, которая совершилась, но неисчислимыя послѣдствія регентства пугали болѣе нежели совершившійся фактъ“.

Всю остальную жизнь графъ Панинъ провелъ подъ царскою опалою. Въ 1802 году собрался онъ путешествовать по Европѣ и хотѣлъ начать со Швеціи, но Густавъ IV-й воспретилъ ему въѣздъ въ его владѣнія. По возвращеніи изъ невольнаго странствованія, думалъ онъ, что будетъ вновь принятъ на службу, но не былъ даже допущенъ въ Петербугъ. Въ 1806 году Смоленское дворянство избрало его начальникомъ своего ополченія, но Государь не допустилъ того. Ему запрещено было даже оставаться въ Москвѣ въ случаѣ пріѣзда Государя (Декабрь 1809). Графъ В. Г. Орловъ тщетно умолялъ Николая Павловича о снятіи опалы съ его зятя, которому оставалось полновластвовать только въ Дугинѣ, куда семейство его пріѣзжало изрѣдка. Да и въ Москвѣ его супруга и дѣти жили у графа Орлова на Большой Никитской (нынѣ наслѣдниковъ княгини М. А. Мещерской), а самъ онъ помѣщался въ Газетномъ переулкѣ въ своемъ домѣ (нынѣ Толмачева). Въ великолѣпномъ Дугинѣ раздѣляли его отшельничество секретарь Французъ Пайэль съ женою-чтицею. Когда пришло извѣстіе о кончинѣ Александра Павловича, Француженка позволила себѣ выразить удовольствіе; графъ Никита Петровичъ выпрямился во весь исполинскій ростъ свой и строго сказалъ, что въ его присутствіи онъ не дозволяетъ отзываться о его Государѣ иначе какъ съ величайшимъ уваженіемъ. Страсть къ охотѣ не покидала его. Получивъ изъ за границы ружье въ золотой оправѣ, онъ поѣхалъ въ лѣсъ его опробовать и расшибъ себѣ бокъ, и эта болѣзнь свела его въ могилу. П. Б.

МОИ СНОШЕНІЯ СЪ РОСТОПЧИНЫМЪ.

Записка графа Н. П. Панина [1]).

Начато въ Дугинѣ въ первыхъ числахъ Февраля и кончено по возвращеніи моемъ въ Москву 6 Марта 1814 г.

Это темное имя не было мнѣ еще извѣстно, и я не зналъ, что на немъ было наложено пятно позора въ царствованіе Петра Великаго [2]), когда тотъ, кто прославилъ его своими интригами, появился при дворѣ Екатерины въ званіи камергера. Извѣстно, какъ эта великая государыня прогнала его со службы вслѣдствіе поединка, который онъ вызвалъ своей наглостью и который онъ по своей низости не принялъ [3]).

Ростопчинъ провелъ нѣкоторое время въ ссылкѣ. Мнѣ неизвѣстно, вслѣдствіе чьего покровительства онъ потомъ появился въ столицѣ, но моя первая встрѣча съ нимъ произошла въ домѣ Загряжской. Онъ и я часто посѣщали ее. Эта почтенная особа находила удовольствіе въ его шутовствахъ. Она была къ нему расположена; я былъ этому свидѣтелемъ почти ежедневно и, будучи очень молодъ и неопытенъ, я долженъ былъ повѣрить, что Ростопчина оклеветали въ дѣлѣ, которое навлекло на него немилость государыни. Эта моя ошибка, вполнѣ естественная, заставила меня выслушать его просьбу, когда онъ прибѣгнулъ

---

[1]) Переведено съ Французскаго, изъ 7-й части. „Матеріаловъ для жизнеописанія графа Н. П. Панина“. Для поясненія этой записки отсылаемъ читателей къ 12-му выпуску „Русскаго Архива“ 1876 года. П. Б.

[2]) Указъ 1707 г. о ссылкѣ Ростопчина за лжесвидѣтельство въ Монастырскій Приказъ для содержанія въ монастырѣ въ работѣ въ кандалахъ. См. Полн. Собр. Зак. № 2179.

[3]) Объ этомъ эпизодѣ см. нѣкоторыя свѣдѣнія въ „Архивѣ Князя Воронцова“ XII, 167. П. Б.

къ моему посредничеству у графини Протасовой, чтобы получить руку ея племянницы. Анна Степановна благоволила обратить вниманіе на это желаніе, не смотря на отвращеніе, которое она питала къ этой свадьбѣ. Итакъ, первыя мои сношенія съ этимъ человѣкомъ должны были заслужить мнѣ его благодарность.

Моя служба въ Литвѣ, удаливъ меня отъ двора, положила конецъ нашимъ сношеніямъ, а когда я снова появился, то Ростопчинъ, смѣшавшись въ Гатчинѣ съ толпою, которою окружалъ себя наслѣдникъ престола трона, наряженный въ Прусскую форму, ставъ любимцемъ, шутомъ и капраломъ великаго князя, не могъ уже сойтись со слугою государыни, ненавидимой ея наслѣдникомъ.

Такое положеніе вещей не долго продолжалось. Роковой день 6 Ноября 1796 года повергнулъ въ печаль и ужасъ всѣхъ благомыслящихъ людей и вдругъ выдвинулъ шайку проходимцевъ, извѣстныхъ подъ кличкою *Гатчинцевъ*. Ни для кого не составляетъ тайны, что именно это было причиною счастія для того, кто быстро прошелъ первыя ступени службы, чтобы потомъ добровольно взять на себя ремесло палача.

Вскорѣ по восшествіи на престолъ новаго государя я перемѣнилъ службу и, будучи употребляемъ по дипломатіи, имѣлъ счастіе впродолженіе нѣкотораго времени не быть ни въ какихъ сношеніяхъ съ Ростопчинымъ, который нагло принялъ портфель военнаго министра.

Меня посылаютъ въ Берлинъ, и во время моей миссіи въ Пруссіи онъ обмѣниваетъ этотъ портфель на портфель иностранныхъ дѣлъ. Переписка моя съ нимъ въ это время была незначительна, такъ какъ большинство моихъ депешъ было направляемо къ государю. Однако въ одномъ изъ писемъ, которыя я сохранилъ, упоминается о моихъ, какъ онъ выражается, *талантахъ*, и я сохраняю это письмо изъ за противоположности мнѣнія, выраженнаго въ немъ, съ мнѣніемъ, которое ему приписываетъ статья, напечатанная Французскимъ правительствомъ въ № 185 „Journal des bouches de l'Elbe“ 1812 года.

Ростопчинъ занималъ первое мѣсто въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, когда освободилось мѣсто вице-канцлера по уходѣ въ отставку графа Кочубея. Я никогда не могъ объяснить себѣ, что̀ заставило покойнаго государя предоставить мнѣ это мѣсто; но такъ какъ Ростопчинъ пользовался въ то время большимъ довѣріемъ, то весьма правдоподобно, что онъ не воспротивился этому, и рескриптъ, призывающій меня въ Коллегію, написанъ его рукою (онъ находится между моими бумагами). Государь въ своихъ письмахъ удостоивалъ меня свидѣ-

тельствами уваженія и довѣрія, но не любилъ меня, и мой характеръ ему не подходилъ. Это знаютъ всѣ. Государыня дарила меня своимъ расположеніемъ, но расположеніемъ безплоднымъ, и въ это время она не имѣла никакого вліянія на выборъ дѣятелей. Мой единственный покровитель, князь Безбородко, умеръ, и единственный родственникъ, который могъ интересоваться мною, ф.-маршалъ кн. Репнинъ, былъ въ полной опалѣ. Итакъ я долженъ думать, что государь призвалъ меня въ Коллегію по своему собственному почину, а Ростопчинъ, судя обо мнѣ по себѣ, вообразилъ, что я окончательно отрекусь отъ всѣхъ моихъ убѣжденій, чтобы возстановиться въ милости государя. Какъ бы ни было, я предоставляю людямъ, болѣе прозорливымъ, чѣмъ я, примирить его согласіе на мое назначеніе съ мнѣніемъ, въ которомъ онъ сравниваетъ меня съ *глупымъ Французскимъ эмигрантомъ*.

Образъ дѣйствій его во время управленія иностранными дѣлами извѣстенъ всѣмъ Европейскимъ кабинетамъ. Существуютъ достойные свидѣтели того, какъ я справлялся съ трудной задачею быть вторымъ. Будь это Русскій, будь иностранецъ, я обращаюсь теперь къ ихъ свидѣтельству. Тѣ, которые были руководителями главныхъ Европейскихъ кабинетовъ, еще живы. Представители этихъ кабинетовъ при нашемъ дворѣ знаютъ мои убѣжденія, мои работы и мои невзгоды. Пусть они скажутъ, заслужилъ ли я или нѣтъ уваженія и довѣрія ихъ государей! Одинъ изъ свидѣтелей, которыхъ я вызываю, оказался потомъ моимъ врагомъ. Это графъ Семенъ Воронцовъ. Я не отвергаю его свидѣтельство и взываю къ его совѣсти. Пусть прочтутъ мои бумаги; тамъ найдутъ не одно почетное свидѣтельство и, можетъ быть, поймутъ ненависть, которою подарилъ меня Ростопчинъ, хотя я не сдѣлалъ ему ни малѣйшаго зла.

Такъ какъ главная цѣль этой записки выяснить мои сношенія съ нимъ, то слѣдуетъ познакомиться съ перепискою, изъ которой увидятъ, съ какою низкою легкостью онъ отпирается отъ своихъ словъ и приноситъ публичное покаяніе, какъ только потребуютъ отъ него объясненія его необоснованныхъ увѣреній.

Въ концѣ 1800 года онъ, наконецъ, убѣдился, какъ неудобно имѣть неподкупнаго свидѣтеля въ лицѣ вице-канцлера. Извѣстно, что я отказался подписать оффиціальную ноту его изобрѣтенія, которою продолжалась лживость отношеній и которая вредила чести государя. Перлюстрація дала ему возможность узнать мнѣніе дипломатическаго корпуса касательно нашихъ взаимныхъ отношеній въ этомъ обстоятельствѣ, которое безъ всякой причины ссорило насъ съ давнишнимъ союзникомъ. Причина, болѣе чѣмъ достаточная, чтобы удалить меня. Но была

и другая, болѣе значительная для этой подлой души. Надо было въ концѣ года представить отчетъ въ расходахъ по Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, и этотъ отчетъ долженъ былъ подать поводъ къ спекуляціи, къ которой нельзя было присоединить моего имени. Царскій указъ назначаетъ меня 15 Ноября въ Сенатъ, а къ Новому Году государю представляютъ отчетъ доходовъ и расходовъ по Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ выставлена крупная сумма сбереженій, и эту сумму тотчасъ же отдаютъ Ростопчину какъ благодарность; но отчетъ неправиленъ: всѣ экстраординарные расходы нашихъ заграничныхъ министровъ исключены и перенесены за счетъ будущаго года.

Этотъ случай, свидѣтелемъ котораго я не могъ быть, такъ какъ былъ въ ссылкѣ, разсказанъ мнѣ служащими въ Коллегіи, когда я въ слѣдующемъ году снова вступилъ въ Коллегію.

Я никогда не могъ провѣрить, была ли ссылка, которая скоро послѣдовала за перемѣной моей дѣятельности, дѣломъ его рукъ, но тѣ преслѣдованія, которымъ я во время ея подвергался, могутъ быть приписаны только его коварнымъ поступкамъ, въ чемъ можно убѣдиться изъ послѣдующаго.

Вся эта низкая интрига извѣстна тѣмъ, кто имѣлъ въ рукахъ произведенія Коцебу. Объ ней очень подробно говорится въ мемуарахъ подъ заглавіемъ: „Памятный годъ моей жизни“. Итакъ я могу не грязнить моего пера передачею этого дѣла, о которомъ нельзя говорить, не загрязнивъ памяти покойнаго государя, и я ограничусь упоминаніемъ одного только письма, которое возбудило гнѣвъ этого несчастнаго монарха, такъ какъ его приписали мнѣ.

Это письмо, здѣсь прилагаемое въ подлинникѣ, было написано Приклонскимъ къ Муравьеву и давно передано мнѣ. Было ли оно перлюстровано въ Москвѣ или въ Петербургѣ, я никогда не могъ узнать, да это и не важно. Чтобы судить о Ростопчинѣ, который представилъ это письмо подъ видомъ моего, достаточно разрѣшить слѣдующіе вопросы:

Похожъ ли былъ почеркъ на мой? Могъ ли Ростопчинъ не знать моего почерка, послѣ того какъ читалъ сотни моихъ донесеній въ мою бытность въ Пруссіи, потомъ, когда я занималъ постъ вице-канцлера и писалъ ему ежедневно по одной, по двѣ записки на день?

Могъ ли Татищевъ, Московскій почтдиректоръ, смѣшать мой почеркъ съ каракулями Приклонскаго, когда раньше служилъ подъ моимъ начальствомъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и подавалъ мнѣ аккуратно два раза въ недѣлю свои работы, которыя я всегда исправлялъ своей рукой?

Не доказывало ли само содержаніе письма и число, что я, въ своей ссылкѣ, не могъ быть авторомъ?

Такому ожесточенію Ростопчина противъ меня я противоставлялъ молчаніе, полное глубочайшаго презрѣнія. Новое царствованіе и довѣріе государя даютъ мнѣ возможность отомстить за низость; я этого не дѣлаю. Какое соображеніе заставляетъ меня такъ поступать? Я предоставляю его собственной совѣсти, и въ награду за такое обыкновенное снисхожденіе появляется пасквиль, напечатанный въ „Journal de l'Empire“ и перепечатанный въ „Journal des bouches de l'Elbe“ подъ названіемъ „Черновикъ одного письма къ графу Семену Воронцову отъ 30 Іюня 1801 года“: явная цѣль этого письма разрушить довѣріе, связывавшее двухъ вѣрныхъ слугъ государства!

Но прежде, чѣмъ остановиться на этомъ низкомъ пасквилѣ, надо развернуть послѣдствія событій.

Со времени моего послѣдняго министерства и до возвращенія изъ-за границы, Ростопчинъ, глубоко тая свою ненависть, не могъ имѣть со мной никакихъ сношеній. Онъ появляется въ Москвѣ, жена встрѣчаетъ его въ одномъ домѣ, и онъ дѣлаетъ видъ, что незнакомъ съ нею. Приклонскій отдаетъ ему почести, какъ бывшему начальнику; онъ бѣжитъ его какъ чумы, вспоминая, вѣроятно, что мужественный поступокъ Приклонскаго открылъ государю Павлу тайну письма. Служитъ ли это поведеніе доказательствомъ чистой совѣсти или запятнанной?

Проходитъ нѣсколько лѣтъ, не внося никакихъ измѣненій въ условія, которыя держали насъ въ отдаленіи другъ отъ друга, и нужны были несчастія 1812 года, чтобы заставить меня помимо моей воли измѣнить рѣшеніе никогда не видаться съ Ростопчинымъ. Смоленская губернія была занята непріятелемъ, армія отступала, всѣ умы находились въ смятеніи, а Ростопчинъ правилъ Москвою. Въ это время друзья старались убѣдить меня, что общество ждетъ отъ меня яркаго свидѣтельства преданности родинѣ, состоявшаго въ шагѣ, который доказалъ бы мое отреченіе отъ личной непріязни и желаніе способствовать всѣмъ мѣрамъ, принятымъ для общественнаго блага, не считаясь съ начальникомъ, которому онѣ поручены. Этотъ шагъ, который, какъ говорили, требовало отъ меня общество, состоялъ въ томъ, чтобы я сдѣлалъ визитъ Московскому генералъ-губернатору. Мнѣ это чрезвычайно претило, и я уступилъ только настойчивымъ просьбамъ тестя. Мы поѣхали вмѣстѣ; посѣщеніе прошло въ незначительныхъ разговорахъ, въ общихъ мѣстахъ и не заслуживало бы упоминанія, если бы не являлась вѣроятность, что неожиданный поступокъ подобнаго свой-

ства съ моей стороны могъ ввести Ростопчина въ заблужденіе относительно моихъ къ нему чувствъ.

Спустя нѣкоторое время, послѣ моего возвращенія изъ арміи, куда я отвезъ своего сына, я принужденъ былъ еще разъ посѣтить этого человѣка, и это было въ послѣдній разъ. Я долженъ былъ сообщить ему необходимыя указанія Бенигсена и просить артеллерійскихъ орудій. Я былъ принятъ, какъ и первый разъ, вѣжливо, но съ меньшей осторожностью.

Непріятель бѣжалъ, и отечество было очищено отъ ихъ присутствія; я вернулся въ свои помѣстья и жилъ въ полномъ уединеніи, когда въ Мартѣ мѣсяцѣ 1813 года получилъ отъ своихъ Петербургскихъ друзей неопредѣленное извѣщеніе о какомъ-то письмѣ, напечатанномъ въ общественныхъ листкахъ. Выраженія моего корреспондента были неясны и вмѣстѣ съ тѣмъ такого свойства, что живо заинтересовали меня. Я обращаюсь къ сестрѣ, чтобы получить объясненіе; она ловко обходитъ вопросъ; я настаиваю просто изъ любопытства, такъ какъ былъ далекъ отъ мысли, что моя честь замѣшана въ открытіи этой тайны; я упрекаю сестру въ небрежности, съ которой она отнеслась къ моему порученію, а она въ отвѣтъ требуетъ, чтобы я ей болѣе ничего объ этомъ не говорилъ. Вслѣдствіе безграничнаго довѣрія къ ней, я исполняю ее желаніе и молчу. Вскорѣ и самое письмо моего Петербургскаго корреспондента изглаживается изъ моей памяти.

Въ Апрѣлѣ я проѣзжалъ черезъ Москву, чтобы ѣхать къ своей семьѣ и только тогда получилъ отъ графа Моркова нѣкоторыя указанія на пасквиль, приписанный Ростопчину общественными листками, состоявшими на откупу у Французскаго правительства. Было ли то забывчивостью или осторожностью, но графъ Аркадій Ивановичъ довелъ до моего свѣдѣнія только выраженія наименѣе оскорбительныя этого гнуснаго пасквиля и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ мнѣ № 5-й „Русскаго Вѣстника“, стараясь заставить меня считать эту статью формальнымъ и достаточнымъ опроверженіемъ письма, напечатаннаго подъ именемъ Ростопчина. Явная цѣль сообщеній и совѣтовъ Моркова было желаніе убѣдить меня противопоставить отвратительному писанію мое глубокое презрѣніе. Мы разстались, не прійдя къ согласію, какъ смотрѣть на это. Одинъ изъ чиновниковъ Ростопчина, котораго мнѣ хотѣлось попытать, испугался, когда я заговорилъ о „Journal des bouches de l'Elbe“ и сдѣлалъ видъ, что не слышитъ меня.

Въ то время я могъ остановиться только на одномъ рѣшеніи— хранить молчаніе, стараться, чтобы ничто не встревожило мою семью

и ждать, чтобы статья попала ко мнѣ въ руки для дальнѣйшихъ поступковъ.

Вскорѣ случай далъ мнѣ возможность ознакомиться во всѣхъ подробностяхъ съ гнуснымъ заговоромъ, измышленнымъ низостью моего врага. Привлеченный въ Петербургъ любовью къ сестрѣ, которая заболѣла какъ разъ въ то время, какъ хотѣла пріѣхать ко мнѣ, я, наконецъ, нашелъ газету, напечатавшую письмо Ростопчина къ графу Семену Воронцову. Въ тоже время я узналъ о томъ злѣ, которое причинилъ этотъ пасквиль моей бѣдной сестрѣ и которое подлый авторъ не сможетъ искупить всей своей кровью; съ большимъ сожалѣніемъ узналъ, что прибѣгли къ женскому посредничеству, чтобы избавить Ростопчина отъ заслуженнаго возмездія; узналъ о безумной надеждѣ, которую онъ возлагаетъ на письмо къ Глинкѣ, и у меня не осталось больше сомнѣнія, что его наглость равняется его низости. Однако чрезвычайное волненіе сестры, когда я досталъ газету, намѣтило мнѣ способъ дѣйствія для сохраненія спокойствія дорогой для меня личности: оно заставило меня подавить все возмущеніе и отложить требованіе должнаго удовлетворенія до того времени, пока обстоятельства позволятъ смягчить слѣдствія моего рѣшительнаго шага.

Рѣшившись, не смотря на возраженія нѣкоторыхъ друзей, потребовать отъ Ростопчина опроверженія или отрицанія въ ясныхъ выраженіяхъ и прибѣгнуть въ случаѣ отказа къ оружію, я не могъ еще опредѣлить время; а разговоръ, который я имѣлъ съ однимъ очень уважаемымъ лицомъ наканунѣ моего отъѣзда изъ Петербурга, заставилъ меня отложить исполненіе рѣшенія на неопредѣленный срокъ. Онъ замѣтилъ мнѣ, что газета, заключавшая въ себѣ пасквиль, запрещена въ Россіи и такъ какъ ее прочло небольшое количество лицъ, то можно предположить, что она мнѣ еще не попадалась. Я съ радостью ухватился за способъ, дававшій мнѣ возможность согласить желаніе покоя сестрѣ съ желаніемъ возстановить мою честь.

Итакъ я перевезъ ее въ деревню и жилъ спокойно съ семьей. Въ Іюлѣ я долженъ былъ устроить нѣкоторыя дѣла въ Дугинѣ и рѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы покончить съ Ростопчинымъ. Изъ Петербурга приходитъ извѣстіе, что его мѣсто замѣщается другимъ; я хочу дождаться такого благопріятнаго событія для своихъ цѣлей и теряю случай, который представляло мнѣ мое пребываніе въ помѣстьяхъ и отсутствіе семьи.

По отъѣздѣ сестры въ Петербургъ, свободный отъ заботъ, наложенныхъ на меня нѣжностью къ ней, я сталъ заниматься предварительными распоряженіями, которыхъ не можетъ избѣгнуть глава семьи,

когда онъ принялъ рѣшеніе, отъ котораго зависитъ его жизнь. Необходимость считаться съ дружескими отношеніями замедляла не разъ мою работу. Теперь она кончена; завѣщаніе написано; приняты всѣ зависящія отъ меня мѣры, чтобы ослабить печальныя послѣдствія для дѣтей и близкихъ, если я буду убитъ. Мнѣ нуженъ былъ предлогъ, чтобы съѣздить въ Москву. Судьба его предоставляетъ, и я воспользуюсь имъ, не для того, чтобы драться, а чтобы заставить Ростопчина опровергнуть письмо и получить согласіе двухъ друзей быть секундантами въ случаѣ отказа. Самое подходящее мѣсто для встрѣчи я считаю границу Московской губерніи въ Тверской губерніи, близъ помѣстья Рукина, гдѣ я, въ случаѣ надобности, буду имѣть помощь.

Надо ли говорить о побужденіяхъ, заставившихъ принять рѣшеніе? Надо ли говорить о соображеніяхъ, которыя я противопоставляю моимъ друзьямъ, совѣтовавшимъ мнѣ оставаться бездѣятельнымъ и пассивнымъ? Сказать ли имъ, что ихъ предположеніе, будто я могу отказаться отъ возстановленія чести съ оружіемъ въ рукахъ, заставляетъ меня это сдѣлать? Обопрусь ли я на примѣръ Питта, который считался съ такимъ же презираемымъ человѣкомъ, какъ Ростопчинъ? И наконецъ, изложу ли я на этихъ листкахъ всѣ „за“ и „противъ“, которые волновали меня въ моемъ одиночествѣ? Я было хотѣлъ это сдѣлать, но стоитъ ли? Побѣдивъ, я буду молить о своемъ грѣхѣ Бога, и только Онъ можетъ разрѣшить мнѣ его; друзья ничего отъ меня не потребуютъ. Если я паду, то моя апологія не убавитъ сожалѣній, которымъ они почтятъ мою память, если я того достоинъ.

Продолженіе *).

Прибывъ въ Москву, я только на третій день могъ имѣть совѣщаніе съ однимъ изъ друзей по поводу главной цѣли моего пріѣзда и, вычеркнувъ, по его совѣту, послѣдній параграфъ письма, приготовленнаго Ростопчину, я отослалъ его къ нему въ тотъ же день 20 Февраля въ конвертѣ Булгакова, таковымъ, какъ оно находится въ собраніи оправдательныхъ документовъ. Отсылка этого письма имѣла свидѣтелемъ князя Барятинскаго. Сопроводительное письмо къ Булгакову выражало только желаніе быть увѣреннымъ, что содержимое передано въ собственныя руки. Побудительная причина его была предохранить меня противъ случая, если бы Ростопчинъ нашелъ возможнымъ нагло сохранить молчаніе.

*) Очевидно до этого мѣста записка была составлена графомъ до отправленія въ Москву; продолженіе писано послѣ возвращенія въ Дугино изъ Москвы, въ началѣ Марта 1814 года.

21-го вечеромъ и довольно поздно Булгаковъ принесъ въ домъ княгини Лобановой письмо Ростопчина, помѣченное этимъ же днемъ; а такъ какъ меня еще не было, то передалъ его княгинѣ, которую я уполномочилъ принять его.

Этотъ уклончивый и расплывчатый отвѣтъ не могъ удовлетворить меня и, читая его, я жалѣлъ, что вычеркнулъ послѣдній параграфъ моего письма. Онъ гласилъ такъ:

„Хочу надѣяться, что вашъ отвѣтъ будетъ достаточно опредѣленъ и удовлетворителенъ, дастъ мнѣ возможность не прибѣгать къ другимъ мѣрамъ и ограничиться глубокимъ презрѣніемъ, которое авторъ грязнаго пасквиля долженъ возбуждать въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ“.

Къ великому моему изумленію, пріятель мой нашелъ этотъ лукавый отвѣтъ достаточнымъ и сильно настаивалъ, чтобы я имъ удовлетворился. Мнѣ было невозможно уступить этому мнѣнію и, принявъ рѣшеніе отвѣчать, я съ большими усиліями написалъ письмо въ умѣренномъ тонѣ съ единственною цѣлью избѣгнуть упрековъ своей семьи въ томъ, что я вызывалъ Ростопчина на крайнія мѣры. Этотъ отвѣтъ 22 Февраля въ конвертѣ на имя Булгакова былъ доставленъ къ нему на домъ въ 8 часовъ вечера. Я самъ его понесъ. Онъ былъ дома, но не принялъ меня, такъ какъ былъ не одѣтъ.

Прошелъ весь день 23, и я ничего не слыхалъ ни о Ростопчинѣ, ни о Булгаковѣ. На слѣдующее утро меня взяло зло; въ половинѣ девятаго я послалъ къ послѣднему сему Степанова съ просьбою зайти ко мнѣ и приготовился послать Ростопчину слѣдующія нѣсколько словъ: „*Формальное опроверженіе или полное удовлетвореніе*“, какъ въ 11 часовъ явился ко мнѣ князь Андрей Оболенскій. Онъ былъ обо всемъ освѣдомленъ. Я не скрылъ, что мѣра моей сдержанности переполнилась; я даже признался ему, что въ этомъ отношеніи не доволенъ собою. Мы толковали о дѣлѣ, когда доложили о Булгаковѣ. Онъ входитъ и ограничивается любезностями. Нѣкоторое время мы говоримъ о происшествіяхъ дня; наконецъ я говорю ему громко: „Я былъ третьяго дня у васъ и жалѣю, что не засталъ васъ по двумъ причинамъ; первое: я хотѣлъ васъ видѣть, а второе, я долженъ былъ передать вамъ важное письмо, которое я не рѣшался довѣрить вашему слугѣ. Получили ли вы его?“—„Да, графъ“.—„Сдѣлали ли вы изъ него должное употребленіе?“—„Какъ могъ бы я не сдѣлать этого? (опуская руку въ карманъ). Вотъ отвѣтъ, который мнѣ поручили передать вашему сіятельству.“ Это было послѣднее письмо Ростопчина отъ

23 Февраля, помѣченное, какъ я подозрѣваю, заднимъ числомъ. Я беру его, и, положивъ нераспечатаннымъ на столъ, разговариваю нѣкоторое время о незначительныхъ вещахъ. Минутъ черезъ пятнадцать князь поднимается и хочетъ прощаться. Я прошу его снова сѣсть и, взявъ письмо Ростопчина, читаю его про себя. Едва я его пробѣжалъ, какъ обратился къ Булгакову и поручилъ ему передать Ростопчину словесный отвѣтъ, который находится въ моихъ бумагахъ по этому дѣлу.

Колебаніямъ нѣтъ больше мѣста. Опроверженіе формальное, но вмѣстѣ съ тѣмъ настолько нескусное, въ сравненіи съ двумя письмами, что авторъ, вмѣсто того, чтобы сложить на Французское правительство всю гнусность, оставляетъ ее всю на себѣ и добровольно подвергаетъ себя презрѣнію общества[1]). Пусть будетъ такъ.

Пока исходъ дѣла былъ еще не ясенъ, я долженъ былъ позаботиться о секундантѣ. Первый, которому я обратился, отклонилъ предложеніе подъ благовиднымъ предлогомъ. Второй, которому я только намекнулъ, казалось, былъ готовъ оказать мнѣ эту услугу.

Панинъ[2]).

Статья эта написана на основаніи семи томовъ книги: „Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина“. Спб. 1887—1892. Книгу эту издала покойная княгиня Марія Александровна Мещерская, внука графа Панина. Она достоподражательно благоговѣла къ его памяти, и по ея заказу ваятель Антокольскій изготовилъ большое мраморное его изображеніе (въ креслахъ), поставленное въ его кабинетѣ, въ селѣ Дугинѣ. П. Б.

---

[1]) Графъ Ростопчинъ принужденъ былъ отказаться отъ оскорбительныхъ для графа Панина выраженій въ письмѣ къ графу Воронцову и приписалъ ихъ Французамъ; поэтому вызывать его на поединокъ уже не приходилось. П. Б.

[2]) Можетъ быть, графу Панину было неизвѣстно, что противникъ его не бралъ ружья въ руки. Самъ онъ былъ отличнымъ стрѣлкомъ. Въ Мартѣ 1813 года имя графа Ростопчина гремѣло во всей Европѣ, и въ Лондонѣ названа его именемъ одна улица. Вызовъ генералъ-губернатора, облеченнаго тогда властью на нѣсколько губерній, удовлетворялъ тщеславію вызывателя. Изъ двухъ враждебныхъ другъ другу дѣятелей Павловскаго царствованія, одинъ осужденъ былъ на „мученіе покоя“, другой прославилъ себя на весь міръ. П. Б.

Преславная Викторія

по поводу 200-лѣтія Полтавской побѣды.

„...Воинскимъ дѣломъ
мы отъ тьмы къ свѣту пришли,
и которыхъ не знали на свѣтѣ,
нынѣ почитаютъ".

(Изъ письма Петра Великаго къ царевичу Алексѣю, отъ 11 Октября 1715 г.).

Къ началу XVIII столѣтія Россія закончила свое вѣковое движеніе на Востокъ и рѣшительно повернула на новую дорогу, на Западъ—„востосковалась по Западному морю, у котораго родилась, и снова пришла къ нему за средствами къ возрожденію". Выразителемъ этого историческаго движенія, начало котораго можно отнести еще ко временамъ Іоанна Грознаго, былъ Московскій царь Петръ Великій. Онъ поставилъ себѣ цѣлью возвращеніе „дѣдовскаго наслѣдства", старыхъ Русскихъ земель, которыя „генералъ Делагардій, вшедъ дружески, въ три года войною отобралъ", и которыя затѣмъ были уступлены Шведамъ по Столбовскому и Кардискому миру,—обезпеченіе торговли и пристаней на Западномъ морѣ, „ибо чрезъ сихъ артерій можетъ здравѣе и прибыльнѣе сердце государственное быть". Но это Западное, Варяжское или Балтійское море было теперь какъ бы „Шведскимъ озеромъ"; со всѣхъ сторонъ окружали его владѣнія Швеціи, которой принадлежала гегемонія на Сѣверо-востокѣ Европы. Естественно, что Петръ В. примкнулъ къ тайному союзу противъ Швеціи, образовавшемуся изъ наиболѣе обобранныхъ ею державъ, Даніи и Польши (въ это время на Юго-западѣ Европы образовался союзъ противъ гегемоніи Франціи). Ближайшимъ поводомъ войны царь выставилъ „многія неправды" Шведскаго короля: „война произошла отъ *озлобленія*, нанесеннаго въ Ригѣ не только посламъ, но и самой царской особѣ". 9 Августа 1700 г., на другой день послѣ извѣстія о заключеніи мира съ Турками, Петръ В. приступаетъ уже къ новому своему „подвигу"—къ войнѣ съ Швеціей, во главѣ которой стоялъ юный король-герой, Карлъ XII (на 10 лѣтъ моложе Петра). Къ великой досадѣ главнаго посредника образовавшагося тройного союза противъ

Швеціи, Ливонца І. Р. фонъ-Паткуля (этой блуждающей звѣзды на политическомъ горизонтѣ), царь намѣтилъ для своего похода именно „сердце Ливоніи“— Нарву (древній Ругодивъ), а также Новгородскій Орѣшекъ (Нотебургъ) „гдѣ протокъ изъ Ладожскаго озера“.

Полтавская битва—это вершина военнаго генія Петра В., полное оправданіе его военной системы, „главное дѣло“, рѣшающая, заключительная битва, блестящій экзаменъ той „троекратной“ или „трехвременной жестокой школы“, которая продожалась три обычныхъ школьныхъ періода, т. е. 21 годъ, и которая извѣстна подъ именемъ Великой Сѣверной или, какъ ее называли, „Свейской войны“, глубоко національной по своему происхожденію, задачамъ, цѣлямъ, способамъ и даже по самому поводу.

Къ Полтавѣ Россія пришла отъ Нарвы. Петръ получилъ подъ Нарвой отъ Карла XII свой *первый суровый урокъ* (19 Ноября 1700 г.). Въ числѣ другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ главною причиною пораженія были отсутствіе въ войскѣ „прямого порядка и ученія“, а также главнокомандующій „Голландецъ“ (герцогъ де-Круи). Русскіе ученики въ военномъ дѣлѣ, подъ руководствомъ Петра В., прежде всего наблюдавшаго, чтобы „Богомъ дарованнаго времени не потерять“, скоро обнаруживаютъ свои *первые успѣхи*.

1701 г. 1 Іюня „зѣло чудесно, нечаемое счастье“, отраженіе „злобнѣйшихъ“ Шведовъ отъ Архангельска. 29 Декабря *первая побѣда* при Эрестферѣ.

1702 г. 18 Іюля побѣда при Гуммельсгофѣ, разорены *Лифлянты:* „больше того разорить непріятельской земли нечего“. 11 Октября „послѣ 10 часовъ сдалась на акордъ крѣпость *Нотебургъ*“, Новгородскій Орѣшекъ, переименованный въ Шлиссельбургъ, т. е. Ключъ-городъ.

1703 г. 1 Мая взяты *Канцы* (Ніеншанцъ), малый земляной городокъ. 5 Мая взято два непріятельскихъ корабля. 16 Мая *ронили* громадныя деревья, рубили городокъ *Питербурхъ*, устроена верфь на Лодейномъ полѣ, отражены приступы Шведовъ къ Петербургу.

1704 г. 13 Іюня *Дерптъ* „сей отечественный градъ паки полученъ“. 9 Августа *при Нарвѣ*, „гдѣ Господь передъ четырьмя лѣты оскорбилъ, нынѣ веселыми побѣдителями учинилъ, ибо сію преславную крѣпость черезъ лѣстницы шпагою въ три четверти часа получили“. Вновь отражены Шведы отъ Петербурга.

Въ четыре года отъ Нарвы до Нарвы, пока Карлъ „увязъ въ Польшѣ“, цѣль войны достигнута: вся Ингрія въ рукахъ, т. е. земли, уступленныя по Столбовскому миру, разорены Ливонія, Эстонія и, кромѣ того, „люди зѣло бодры и учреждены“. Но, конечно, Карлъ не согласится уступить даже части этихъ пріобрѣтеній, хотя бы одинъ только Петербургъ, поэтому надо продолжать войну. Не теряя „Богомъ дарованнаго“ времени, Петръ спѣшитъ въ Литву на помощь своему союзнику, „детронизованному“ Польскому королю и курфюрсту Саксонскому Августу II (Датскій союзникъ, Фридрихъ IV, еще наканунѣ войны принужденъ былъ отстать отъ союза).

Уже въ эту кампанію 1705—1706 г. обнаруживается *основной планъ* войны, котораго Петръ В. будетъ держаться и при нашествіи Карла до самой Полтавы. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы бить Шведовъ по частямъ для школы Русскихъ и не давать ни подъ какимъ видомъ генеральнаго сраженія, т. е. вести войну „Скиѳскимъ подобіемъ", какъ презрительно отзывались Шведы. Отличительныя черты этого плана, какъ и всей вообще военной системы Петра—осторожность, предпочтеніе войны оборонительной, нерасположеніе къ генеральнымъ сраженіямъ, „которыми можно было вдругъ выиграть, но можно вдругъ и потерять": это черты, отличавшія еще князей Суздальскихъ, соединенныя съ чисто-Петровскими чертами, непрерывная кипучая дѣятельность, постоянное ученіе („школа"), предусмотрительность, требованіе самодѣятельности отъ подчиненныхъ, ободреніе въ неудачахъ и т. п.

Послѣ занятія Полоцка, Вильны, Петру приходится *ободрять* своего фельдмаршала, Б. П. Шереметева, по поводу „потерки", т. е. пораженія при *Муръ-музѣ* (Гемауертверкъ въ Курляндіи, 15 Іюля 1705 г.): „не извольте печальну быть", писалъ ему шедшій на помощь Петръ, „господинъ Леингоптъ (Левенгауптъ) яко Нарцисъ отъ Эхо отъ насъ удаляется".

Получивъ извѣстіе, что Русское войско, стоявшее на зимнихъ квартирахъ *въ Гроднѣ*, отрѣзано Карломъ отъ своей границы, Петръ, „съ приближающимся Лазаремъ въ адской горести живымъ" (въ началѣ Февраля было получено извѣстіе о страшномъ пораженіи Саксонско-Русскаго войска при Фрауенштадѣ), распорядился насыпать *валъ* отъ Смоленска до Пскова („рубежи зѣло голы"), а Меншикову послалъ приказаніе: *„не медля выходить* изъ Гродны;.... если до *травы* простоите, то сіе *за непріятеля* почтено будетъ". 24 Марта Русское войско благополучно вышло изъ Гродны, къ великой радости Петра, писавшаго по этому случаю Меншикову: „Min Bruder" и т. д.

Черезъ семь мѣсяцевъ послѣ выхода изъ Гродна, при *Калишѣ* (18 Октября 1706 г.) „такая сія *прежде небываемая баталія* была, что радостно было смотрѣть, какъ съ обѣихъ сторонъ регулярно бились, и зѣло пріятно видѣть, какъ *все поле мертвыми тѣлами устлано*", доносилъ Меншиковъ, который здѣсь выигралъ передъ исторіею свой процессъ съ Огильви, доказавъ, что *Русское войско не нуждается въ наемномъ фельдмаршалѣ*.

Но за пять дней до Калиша союзникъ Петра, Августъ II, заключилъ съ Шведами миръ (въ Альтранштатѣ), при чемъ выдалъ состоявшаго въ то время на Русской службѣ Паткуля*). Теперь Шведъ не увязнетъ больше въ Польшѣ, и все бремя войны надо брать на Русскія плечи. Не любя войны для войны, царь желаетъ мира, не потому, чтобы боялся Шведа, а „по причинѣ сильнаго пролитія христіанской крови". Но дипломатическія средства не дѣйствуютъ („лѣвшею не умѣю владѣть, а въ одной рукѣ принужденъ держать *шпагу и перо*", впослѣдствіи писалъ Петръ), а въ Польшѣ всѣ дѣла идутъ „какъ молодая брага".

*) Паткуль былъ колесованъ Шведами 10 Ноября 1707 г.

Между тѣмъ, по свидѣтельству лорда Мальборо, побывавшаго подъ Лейпцигомъ въ Апрѣлѣ 1707 г., глаза Карла метали молніи при разговорѣ о Русскомъ царѣ: на столѣ его лежала карта Московскаго государства. Однако, только въ Августѣ *Карлъ двинулся изъ Саксоніи*, съ намѣреніемъ „навѣстить варваровъ въ Москвѣ“, заключить миръ „по-саксонски“, т. е. свергнуть Петра. Побѣдителю трехъ государей предшествовала слава подобная той, какая сто лѣтъ спустя предшествовала Наполеону.

Въ виду подвигающагося грознаго нашествія Карла XII, согласно основному плану войны, снова раздался знакомый тревожный кличъ Петра: „хранить границы!“ Отдано также распоряженіе о сбереженіи хлѣба въ лѣсахъ, ямахъ; объявленъ новый рекрутскій наборъ. Къ этой тревогѣ присоединяются еще новыя опасныя „*оплядки*“. Закипѣлъ злой бунтъ на Югѣ и Юго-востокѣ: поднялись *Башкирцы* (мысль „умирить варваровъ посредствомъ другихъ варваровъ“ Калмыковъ), появился „новый Разинъ“ Бахмутскій атаманъ *К. А. Булавинъ* со своими сподвижниками (Некрасовъ, Драный, Голый и др.) поднялись *верховые Донскіе городки* (три рѣки, Хоперъ, Бузулукъ, Медвѣдица: „сія *сарынь* кромѣ жесточи не можетъ унята быть“). Понятно, что больной Петръ сталъ раздражителенъ „не со злобы“. Къ счастью, Волжскій бунтъ не соединился съ Донскимъ, а Карлъ четыре мѣсяца простоялъ на берегахъ Вислы и предпринялъ свой „зимній походъ“ въ Литву.

6 Января 1708 г., отправляясь въ Гродно, царь отдаетъ приказаніе (Нарышкину) „*устроить къ оборонѣ* Псковъ и Дерптъ“, а 26 Января, черезъ 2 часа послѣ отъѣзда царя, *въ Гродно выступили Шведы*. Обезсиленный отъ лихорадки („скорбутикъ“) Петръ направился укрѣплять Петербургъ, Москву и окрестности. Не знали, куда направится Карлъ: надо было *смотрѣть во всѣ стороны*. Только къ Іюлю Карлъ дошелъ до Днѣпра. Уже здѣсь обнаружилось вліяніе сырости и дурной пищи на Шведскихъ солдатъ, которые говорили, что у нихъ три доктора: „докторъ—Водка“, „докторъ—Чеснокъ“ и „докторъ—Смерть“. Слѣдуя основному плану Петра, Русское войско отступаетъ и задерживаетъ Шведовъ на переправахъ („Сапѣжинская Березина“ въ 5 миляхъ отъ Головчина), вступая въ бой съ отдѣльными Шведскими отрядами.

3 Іюля „одна треть нашей арміи прежде генеральной баталіи *видѣлась съ непріятелемъ хорошенько*“ при *Головчинѣ*.

29 Августа при *м. Доброе* (на р. Черной Напѣ), „я, *какъ и почалъ служить*, писалъ Петръ, такого огня и порядочнаго дѣйствія отъ нашихъ солдатъ не слыхалъ и не видѣлъ (дай Боже и впредь такъ!)“

28 Сентября при деревнѣ *Лѣсной* (на берегахъ р. Сожи) произошелъ кровавый бой до вечера съ отрядомъ Левенгаупта. „Сія у насъ *побѣда* можетъ *первая* назваться, понеже надъ регулярнымъ войскомъ никогда такой не бывало; къ тому-жъ еще гораздо меньшимъ числомъ будучи надъ непріятелемъ. И поистинѣ оная виною всѣхъ благополучныхъ послѣдованій Россіи, понеже тутъ *первая солдатская проба* была, и людей конечно ободрила, и *мать Полтав-*

ской баталіи какъ ободреніемъ людей, такъ и временемъ, ибо по девятимѣсячномъ времени оное младенца счастье произнесла".

Еще 14 Сентября Карлъ, оставивъ Левенгаупта въ жертву Русскимъ, повернулъ *въ Украину* (еще раньше объ этомъ намѣреніи Карла сообщалъ изъ Гаги А. А. Матвѣевъ). Скоро объяснилась и причина такого поворота. Черезъ мѣсяцъ послѣ Лѣсной (27 Октября, въ Погребкахъ) царь узналъ, что „столпъ непоколебимый, адамантъ несокрушимый", какъ онъ себя называлъ, одинъ изъ первыхъ Андреевскихъ кавалеровъ, въ послѣднее время особенно тяжко больной и даже отправившійся (въ Борзну) для предсмертнаго соборованія, Малороссійскій гетманъ *И. С. Мазепа*[1]), узнавъ о вступленіи Карла въ Украину, „порвался какъ вихрь" на встрѣчу славному завоевателю, обѣщая поднять на его сторону всю Малороссію. На смѣну „проклятаго" въ Глуховѣ гетмана выбранъ новый гетманъ (Ив. Скоропадскій), а 2 Ноября „о шти часахъ (Батуринскія) фортеціи по двухчасовомъ огню взяли", а затѣмъ Меншиковъ рѣшилъ, что „зѣло лучше *сжечь Батуринъ*" гетманскую столицу. *Малороссійскій народъ твердо стоялъ на сторонѣ царя*, только Запорожцы съ Кошевымъ К. Гордѣенкомъ стали на сторону „Мазепинцевъ"; но 14 Мая 1709 г. было разорено и это „проклятое гнѣздо" („сіе дѣло изъ первыхъ", писалъ Петръ) и выбранъ новый Кошевой (Сорочинскій). Въ Ноябрѣ того же 1708 г. царь занялъ Путивль, Лебединъ, Веприкъ, а Карлъ—Ромны, Гадячъ. Началась „Украинская Кампанія".

Зима 1708—1709 гг. была необычайно сурова: птицы на воздухѣ мерзли, люди ознобляли руки, ноги; Шведы еще хуже страдали въ степи. Главнымъ обстоятельствомъ зимней кампаніи 1709 г. является послѣдовательное движеніе Шведовъ къ *Веприку*, *Опошнѣ*, *Красному-Куту* и, наконецъ (въ Апрѣлѣ) къ *Полтавѣ*. Движеніе это сопровождалось столкновеніями небольшихъ отрядовъ и приводило въ недоумѣніе Петра. „Зѣло нужно (писалъ онъ еще 22 Января) черезъ добрыхъ *шпиговъ* (къ чему лучше нѣтъ поповъ) провѣдать, *напряжутъ-ли* непріятели маршировать?"[2]) Слѣдуя правилу, *что опаснѣе, то лучше*" (т. е. что̀ осторожнѣе), Петръ отправляется въ *Бѣлгородъ*, затѣмъ въ *Воронежъ*, гдѣ находились верфи, а оттуда въ *Азовъ*, подозрѣвая возможность нападенія Турокъ. Между прочимъ, большое огорченіе ему доставилъ „*торопкій поступокъ*" фельдмаршала Шереметева, проигравшаго „Лохвицкое дѣло" (потеря майора Бартенева). Наконецъ, къ началу Мая Карлъ формально атаковалъ Полтавскую крѣпость.

---

[1]) Жертвою Мазепы, по ошибкѣ Петра между прочимъ стали генеральный судья *Вас. Леонт. Кочубей* (родовое помѣстье его *Диканька* въ 24 верстахъ отъ Полтавы) и Полтавскій полковникъ *Ив. Ив. Искра*, казненные въ Борщаговкѣ, недалеко отъ Бѣлой Церкви 14 Іюля 1708 г.

[2]) „Быть можетъ, на этотъ вопросъ возможенъ тотъ отвѣтъ, что Карлъ желалъ обойти Русскія силы съ лѣваго фланга, имѣя въ виду выйти къ Бѣлгороду и тѣмъ открыть себѣ дорогу внутрь Московскаго государства". (Проф. С. Ѳ. Платоновъ, „Къ исторіи Полтавской битвы", въ „Р. Старинѣ", Январь 1709 г.).

„Въ Кіевѣ и всюду на Украинѣ было тихо. Сѣчь лежала въ развалинахъ, все какъ будто притаило дыханіе, дожидаясь, чѣмъ разыграется „кровавая игра“ между Петромъ и Карломъ („сія игра въ рукахъ Божіихъ“, писалъ Петръ).

„Не вельми трудная“ (по словамъ Ѳеофана Прокоповича) Полтавская крѣпость (на правомъ берегу р. Ворсклы), гарнизонъ которой состоялъ изъ 4200 солдатъ и 2600 вооруженныхъ обывателей, подъ командою мужественнаго *И. С. Келлина,* еще съ начала Апрѣля „въ зѣло доброй содержитъ себя дефензіи“. Къ началу Мая Шведы повели осадныя работы къ Полтавѣ. Съ непріятелемъ происходитъ „немалый ранкортъ“, т. е. частыя вылазки. Для усиленія гарнизона крѣпости Меншикову удалось ввести только 900 человѣкъ подъ начальствомъ бригадира *Головина.* 26 Мая, послѣ отбитаго наканунѣ штурма, у деревни *Крутой-Берегъ* (на лѣвомъ берегу Ворсклы, близъ сліянія рѣчки Коломака) происходитъ *соединеніе арміи* Шереметева (шедшаго съ береговъ Хорола) съ арміей Меншикова. По донесенію Меншикова отъ 28 Мая, „прошлой ночи мы заложили *послѣдній шанецъ* къ самымъ непріятельскимъ по самую рѣку *апрошамъ*“ *). 1 Іюня отбитъ новый штурмъ.

Приближалась развязка. Царь изъ Азова, гдѣ онъ съ 1 Мая началъ принимать лѣкарство, отъ котораго „какъ ребенокъ безъ силъ сталъ“, черезъ Харьковъ спѣшитъ къ Полтавѣ, отдавая на пути распоряженія: „понеже въ нужномъ дѣлѣ и *часъ потерять нужный бываетъ худо*, для того, ежели что надлежитъ нужно, *и не дожидаясь меня дѣлайте*“. 4 Іюня царь пріѣхалъ къ арміи, а черезъ три дня писалъ: „съ помощію Божіею будемъ конечно въ семъ мѣсяцѣ *главное дѣло* съ оными (т. е. со Шведами) имѣть“.

Но это уже не были Шведы 1700 и 1707 годовъ; это было войско страшно истомленное, упалое духомъ. Карлъ не проигралъ ни одной битвы, попрежнему могъ считаться непобѣдимымъ, а между тѣмъ (благодаря именно системѣ Петра) у него не было уже половины того блестящаго войска, съ которымъ онъ перешелъ Вислу въ 1707 г. Первый министръ Карла, гр. Пиперъ, совѣтовалъ ему возвратиться въ Польшу; но Карлъ замѣтилъ, что „этотъ переходъ похожъ будетъ на бѣгство“, а въ разговорѣ съ генералъ-квартирмейстеромъ, Гилленкрономъ, между прочимъ, сказалъ: „если бы Богъ послалъ ангела небеснаго съ приказаніемъ отступить отъ Полтавы, то я бы и тогда не отступилъ“. Въ это время на другомъ берегу Ворсклы происходилъ военный „консиліумъ“, обсуждался вопросъ, какъ выручить Полтаву *безъ генеральнаго боя* „яко зѣло опаснаго дѣла?“

Между тѣмъ Полтавская крѣпость все больше и больше стѣснялась непріятелемъ, который „сапами сквозь валикъ изъ палисадъ вкопался“. Обмѣнивались посредствомъ пустыхъ бомбъ, гарнизонъ испытывалъ крайнюю нужду

*) *Апроши*—подступы осадныхъ работъ: рвы зигзагами съ насыпью на одной сторонѣ, вырываемые осаждающими, чтобы приблизиться къ укрѣпленію (Энцикл. Словарь Ф. Павленкова).

въ боевыхъ и съѣстныхъ припасахъ. 20 Іюня Русская армія *переходитъ на правый берегъ* Ворсклы въ двухъ миляхъ вверхъ отъ Полтавы, у деревень *Черняховой* и *Петровки*, располагается лагеремъ возлѣ д. *Семеновки*. 25 Іюня наша армія поворачиваетъ къ Полтавѣ и останавливается въ четверти мили отъ непріятеля. Въ одну ночь построены *ретраншементы**). Тутъ же узнали, что Карлъ раненъ въ ногу казацкой партіей. 26 Іюня обозрѣніе расположенія (ситуаціи): въ центрѣ нашей арміи стоялъ Шереметевъ, на лѣвомъ крылѣ Меншиковъ, на правомъ крылѣ Ренне, впереди артиллерія Брюса; у Шведовъ главнокомандующій фельдмаршалъ Реншильдъ, пѣхотою командовалъ ген. Левенгауптъ, кавалеріей Крейцъ, артиллерія ничтожна.

27 Іюня (память св. Самсонія), *день главной баталіи*. „Насталъ часъ, который долженъ рѣшить судьбу“, гласилъ приказъ Петра В., заканчивавшійся слѣдующими безсмертными словами: „А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія во блаженствѣ и славѣ для благосостоянія вашего“.

Передъ разсвѣтомъ, въ 4 ч. утра Шведы обрушились на Русскую конницу „съ страшною фуріею“, взяли два недоконченныхъ редута, причемъ ген. Ренне былъ раненъ, и его смѣнилъ ген. Боуръ. 6 непріятельскихъ батальоновъ и 10 эскадроновъ были оттѣснены въ лѣсъ. Въ то время какъ Боура преслѣдуетъ Левенгауптъ, Меншиковъ и Ренцель атаковали лѣсъ, и непріятель былъ побитъ наголову (плѣнъ ген. Шлиппенбаха и Розена). Въ 9 ч. утра обѣ арміи стали въ „ордеръ-баталіи“, 2 часа шелъ отчаянный бой. Петръ, въ зеленомъ кафтанѣ съ небольшими красными отворотами, въ зеленыхъ чулкахъ и изношенныхъ башмакахъ, съ пикою въ правой рукѣ, лично распоряжался въ огнѣ; его треугольная шляпа и орчакъ сѣдла были прострѣлены, пуля попала также въ крестъ на его груди. Не уступалъ Петру и его противникъ Карлъ, и тоже лично распоряжался боемъ. Но вотъ ядро попало въ коляску Карла, перебиты лошади и знаменитые „драбанты“, происходитъ всеобщее замѣшательство Шведовъ. Реншельдъ, со словами: „спасайте короля!“ бросается къ нему на помощь, но уже „все побѣжало“.

По окончаніи битвы происходилъ обѣдъ, во время котораго Петръ провозгласилъ знаменитый *тостъ* „за здоровье своихъ учителей въ военномъ искусствѣ“. „Хотя и зѣло жестоко въ огнѣ оба войска бились, однакожъ (писалъ онъ), то все *долѣе двухъ часовъ не продолжалось*; ибо непобѣдимые господа Шведы скоро *хребетъ показали* и отъ нашихъ войскъ съ такою храбростію вся непріятельская армія (съ малымъ уономъ нашихъ войскъ, еже наивящше удивительно есть) кавалерія и инфантерія весьма опровергнута, что Шведское войско ни единожды потомъ не останавливалось, но безъ остановки отъ нашихъ шпагами и байонетами колото...“

---

*) *Ретраншементы*—внутри укрѣпленій вторичныя преграды, дающія возможность гарнизону отступить и удержать за собою внутреннее пространство; они располагаются за тѣми частями укрѣпленій, которыя болѣе другихъ подвержены атакѣ (Энцикл. Словарь Ф. Павленкова).

Непріятельскихъ труповъ только у редутовъ насчитано 9234. Въ числѣ множества плѣнныхъ, взятыхъ Русскими, находились первый министръ Карла, гр. Пиперъ, фельдмаршалъ Реншильдъ и четыре генерала. Русскихъ при Полтавѣ побито „всего 1345“, ранено 3290. „И тако милостью Всевышняго совершенная викторія, которой подобной мало слыхано“.

Вечеромъ того же дня кн. М. М. Голицынъ и Боуръ, а на другой день Меншиковъ отправились въ погоню за Шведами, которые 29-го были уже въ Новосенжаровѣ, а 30-го у *Переволочны* (при устьѣ Ворсклы). Для переправы короля черезъ Днѣпръ достали двѣ лодки, связали ихъ и поставили на нихъ повозку Карла, который взялъ съ собою только столовый серебряный сервизъ и деньги, собранныя въ Саксоніи; нашлась лодка и для Мазепы, захватившаго съ собою два боченка съ золотыми. „Послѣдній Варягъ“ (какъ называютъ Карла) и послѣдній вольный казакъ явились бѣглецами въ предѣлахъ Турецкаго султана! Большая часть Шведскаго войска, подъ начальствомъ Левенгаупта и Крейца, осталась на лѣвомъ берегу Днѣпра. На разсвѣтѣ 31 Іюня звуки трубъ и барабановъ извѣстили о прибытіи Меншикова съ 9000 конницы. Шведамъ оставалось сдаться. При *Полтавѣ-Переволочнѣ* всего взято *въ плѣнъ:* штабъ-офицеровъ 59, оберъ-офицеровъ 1102, рядовыхъ 16,977, т. е. *болѣе 18000* человѣкъ.

28 Іюня утромъ надъ могилою павшихъ въ Полтавскомъ бою воиновъ царь водрузилъ деревянный крестъ, съ надписью: „Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога слова 1709, Іюня 27 дня“ (таково происхожденіе такъ называемой „Шведской могилы“), принесъ благодареніе Богу за побѣду, по преданію, въ церкви *Спаса Нерукотвореннаго* въ г. Полтавѣ, гдѣ былъ встрѣченъ жителями съ храбрымъ И. С. Келлинымъ во главѣ, и затѣмъ отдыхалъ послѣ подвиговъ своихъ. Во время послѣдовавшихъ наградъ Полтавскимъ побѣдителямъ, между прочимъ, царь получилъ чинъ генерала и „шаутбенахта“, т. е. вице-адмирала.

13 Іюля Русская армія оставила Полтавское поле вслѣдствіе страшнаго смрада отъ мертвыхъ тѣлъ и долговременнаго стоянія двухъ многочисленныхъ армій и двинулась къ *Рышетиловкѣ*, откуда Шереметевъ направился осаждать Ригу, Меншиковъ въ Польшу, а царь—въ Кіевъ (15 Іюля—15 Августа). Въ Кіево-Софійскомъ соборѣ префектъ Академіи Ѳеофанъ встрѣтилъ побѣдителя надъ „Львомъ Свейскимъ“ знаменитымъ панегирикомъ („Таковую убо и столь преславную побѣду твою, о преславный побѣдителю, кое слово изрещи, кая похвала по достоянію увѣнчати можетъ?“).

14 Ноября царь собственноручно бросилъ *три первыя бомбы* въ осажденную Ригу, „отмщенія начало учинилъ“ за „избавленіе“, послужившее, какъ мы видѣли, поводомъ къ войнѣ. Въ слѣдующемъ 1710 г., пока Карлъ „увязъ въ Турціи“ (какъ раньше въ Польшѣ), подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ Полтавы одинъ за другимъ сдаются: *Выборгъ*, крѣпкая *подушка* Петербургу, *Рига* (въ Іюлѣ), при чемъ Лифляндцы приносятъ присягу на вѣрность, *Пернау, Аренсбургъ* (въ Августѣ), *Кексгольмъ*, *Ревель* (въ Сентябрѣ). Курляндія связана

брачнымъ союзомъ герцога Фридриха-Вильгельма съ Анной Іоанновной, съ обязательствомъ герцога построить церковь „по Греческому украшенію“.

Ближайшее *значеніе Полтавской побѣды* вполнѣ оцѣнено современниками и особенно самимъ Петромъ. Въ письмахъ къ близкимъ лицамъ (князю кесарю Ромодановскому, Апраксину, Екатеринѣ и друг.), говоря о „зѣло *преславной* и нечаемой викторіи“, дарованной „чрезъ неописанную храбрость нашихъ войскъ“, о множествѣ взятыхъ знаменъ, пушекъ, Петръ отмѣчаетъ и непосредственныя слѣдствія Полтавской побѣды. „И тако Божіею помощью вся непріятельская, толь въ свѣтѣ славная *армея* (которая бытіемъ въ Саксоніи *немалый страхъ* въ Европѣ причиняла) къ государю Россійскому *въ руки досталась*“... или, по другому выраженію, „*Фаетоновъ конецъ воспріяла*“. Не Россія только избавлялась отъ постояннаго страха передъ Шведскою арміей, которая подъ Полтавой потеряла обаяніе своей непобѣдимости. Въ лицѣ арміи надломлена была главная Шведская сила, и Швеція потеряла господствующее значеніе въ системѣ Европейскихъ государствъ, которое по праву переходило теперь къ Россіи. „Нынѣ уже совершенно *камень во основаніе Петербурга* положенъ съ помощью Божіею“, т. е. вполнѣ обезпечено существованіе любимаго Петромъ города вслѣдствіе незамедлившаго полнаго подчиненія всего Прибалтійскаго края, а слѣдовательно, „нынѣ уже безъ сумнѣнія желаніе вашего величества (т. е. князя-кесаря) еже *резиденцію вамъ имѣти въ Петербурхѣ*, совершилось чрезъ сей *упадокъ конечный* непріятеля“.

Такимъ образомъ Полтавскою побѣдою достигалась главная цѣль войны— утвержденіе на берегахъ Балтійскаго моря и возвращеніе „дѣдовскаго наслѣдства“. Унизительный Столбовскій миръ невозвратимо уничтожался, и въ то же время исполнялась великая историческая задача, предпринятая еще 150 лѣтъ тому назадъ.

Непосредственно послѣ Полтавы уже стала замѣтна *перемѣна въ отношеніяхъ* къ Петру, а слѣдовательно и къ Россіи со стороны Европейскихъ государей. Тѣ, которые еще недавно и „говорить не хотѣли“ (по донесенію кн. П. А. Голицына изъ Вѣны) или соглашались на союзъ съ Россіей за слишкомъ дорогую цѣну, теперь сами ищутъ сближенія, ухаживаютъ за Петромъ. Въ Варшавѣ, куда царь отправился изъ Кіева, ему приносятъ поздравленія Польскіе сенаторы, а ставленникъ Карла, Лещинскій, по словамъ Петра, „бороду отростилъ для того, *корона его умерла*“. Прежніе союзники, Августъ II Саксонскій и Фридрихъ IV Датскій, спѣшатъ возобновить съ Петромъ свои договоры, при чемъ о Датскомъ союзникѣ нашъ посланникъ (А. А. Матвѣевъ) замѣчаетъ: „не далъ я ничего, ни человѣка, ни шелега“. Появляется и новый союзникъ, король Прусскій. Лейбницъ ставилъ Полтавскую побѣду въ причинную связь съ реформами. Впослѣдствіи и Вольтеръ (въ своей „Histoire de Pierre le Grand“) говорилъ о Полтавской битвѣ: „это единственное во всей исторіи сраженіе, слѣдствіемъ котораго было не разрушеніе, а счастье человѣчества, ибо оно представляло Петру необходимый просторъ, чтобы идти далѣе *по пути преобразованій*“. Съ Полтавской побѣды дѣятельность Петра, до сихъ поръ

поглощаемая войной и сборомъ средствъ для нея, гораздо больше обратилась на внутреннее устройство страны. Въ годъ Полтавы, по возвращеніи въ „святую землю“, т. е. въ Петербургъ, царь заложилъ церковь св. Самсонія, а также корабль „Полтаву“ (6 Декабря) въ память Полтавской викторіи, 21 Декабря совершилъ входъ въ Москву съ великимъ тріумфомъ: семь тріумфальныхъ воротъ, украшенныхъ золотомъ, эмблематическими картинами, покрытыхъ надписями. Петръ установилъ также ежегодно праздновать день Полтавской викторіи, „день Русскаго воскресенія“, „начало нашего спасенія“, „начало нашего благополучія“ и т. п.

Но Россія еще должна была фактически занять мѣсто въ Европѣ, уступленное ей Швеціей подъ Полтавой. Съ другой стороны, какъ ни надломлены были силы Швеціи, все-же ихъ оставалось достаточно, чтобы особенно съ чужою помощью противиться признанію завоеваній Россіи. Отсюда цѣлый міръ новыхъ сложныхъ отношеній, то враждебныхъ, то мирныхъ: двѣнадцатилѣтній тяжелый путь отъ Полтавы до Ништадта. Отсюда (несмотря на щедрые „ефимки“, мѣха, шубы черныхъ лисицъ со стороны нашего посланника въ Турціи, П. А. Толстаго), „смертный пиръ“ на берегахъ Прута (8—9 Іюля 1711 г.), при чемъ здѣсь впервые выступаютъ Славяне (Черногорцы, Австрійскіе Сербы, также Молдаване), „заграничная война“, во время которой Русскіе, между прочимъ, собираютъ контрибуціи съ Гамбурга, Любека, Штетина, распоряжаются въ Мекленбургѣ (бракъ Екатерины Іоанновны), небывалое усиленіе Русскаго вліянія въ Польшѣ („эксвинкуленція“ князя Г. Ѳ. Долгорукаго, возбудившая немалую „жалюзію“ въ другихъ государствахъ), двукратные удары Финляндіи „двухъ ради причинъ: первое, было бы что при мирѣ уступить... другое, что сія провинція есть матка Швеціи“ (Гангудъ, „морская Полтава“, 15 Іюля 1714 г.), высадка въ Шоніи или Сканіи (въ память ея медаль: „Петръ Великій Всероссійскій 1716“, „владычествуетъ четырьмя“) и т. д. Начавшіеся въ 1718 г. мирные переговоры съ Швеціей на *Аландѣ* прерваны смертью короля-героя; потребовалось еще три высадки въ окрестностяхъ Стокгольма (1719, 1720, 1721 гг.), и только *30 Августа 1721 г.*, послѣ четырехмѣсячныхъ переговоровъ, Шведскіе уполномоченные подписали, наконецъ, „вѣчно славный“ Ништадскій миръ, которымъ за Россіей признавались пріобрѣтенія, добытыя на Полтавскомъ полѣ. 22 Сентября, во время втораго церковнаго торжества по поводу заключенія мира, Петръ Великій принялъ титулъ „Императора Всероссійскаго“ (а не „цесаря оріентальнаго“), чѣмъ выказалъ уваженіе къ великому Русскому народу, вполнѣ оправдавшему довѣріе къ нему Великаго Вождя.

Полтавская битва не могла быть забыта и потомствомъ. Въ 1787 г. она воспроизведена на маневрахъ войскъ, подъ предводительствомъ Потемкина и Суворова, въ присутствіи Екатерины Великой, и черезъ 30 лѣтъ повторена (въ 1817 г.) въ присутствіи императора Александра I. Въ столѣтнюю годовщину Полтавскаго боя, въ 1809 г. въ г. Полтавѣ воздвигнутъ пямятникъ „въ видѣ колонны“ (такъ называемой памятникъ „Славы“) на мѣстѣ предполагаемой встрѣчи царя жителями съ комендантомъ И. С. Келлинымъ во главѣ.

Въ 1817 г., по повелѣнію импер. Александра I, былъ сооруженъ другой памятникъ „въ видѣ обелиска“ на мѣстѣ отдыха Петра. Въ 1837 г. устроена каменная покрышка или обшивка (по мысли того же Александра I, пожертвовавшаго для этого 2000 р.) надъ ветхою деревянною церковью св. Спаса Нерукотвореннаго, въ которой, по преданію, Петръ молился послѣ побѣды, а въ 1849 г. на мѣстѣ отдыха воздвигнутъ новый памятникъ „въ видѣ пирамиды“. Въ 1856 г. у подножія „Шведской могилы“ освященъ маленькій храмъ во имя св. Самсонія, въ которомъ находятся иконы, пожертвованныя полками, участвовавшими въ Полтавскомъ бою. Въ 1892 г. учрежденъ „Переволоченскій 176-й п. полкъ“. Въ 1893 г. на средства І. С. Судіенка, обновлена старая „Шведская могила“, сооруженъ большой крестъ изъ сѣраго Сердобольскаго гранита (9 арш. высоты), съ надписью, въ которой приведены слова изъ безсмертнаго приказа Петра В., а также перечисляются имена павшихъ въ бою воиновъ. Здѣсь возникъ цѣлый рядъ человѣколюбивыхъ и просвѣтительныхъ учрежденій. У подножія могильнаго холма съ 26-го на 27-е Іюня, подъ навѣсомъ изъ зелени и цвѣтовъ, городскимъ духовенствомъ, при огромномъ стеченіи народа, ежегодно совершается торжественная панихида по убіеннымъ воинамъ *).

„Эта викторія была однимъ изъ величайшихъ всемірно-историческихъ событій: могущество Швеціи, созданное искуственно посредствомъ завоеваній, было сокрушено; исчезла завѣса, скрывавшая Россію отъ остальной Европы, и передъ изумленными народами Запада явилось новое обширное и могущественное государство, умѣвшее побѣдить вождя и войско, считавшіеся до сихъ поръ непобѣдимыми. При громѣ Полтавской побѣды родился для Европы, для общей Европейской жизни новый великій народъ. Но и не одинъ народъ: при громѣ этой битвы родилась цѣлое новое племя, племя Славянское, нашедшее для себя достойнаго представителя, при помощи котораго могло подняться для сильной и славной исторической жизни. Въ Европейской исторіи наступила новая эпоха“ (слова С. М. Соловьева).

А. П. К.

*) „*Шведская могила*“ въ 5 верст. отъ города; на обратной сторонѣ креста слѣдующая надпись: „Погребены: бригадиръ Фелейнгеймъ, полковники: Нечаевъ и Ловъ, подполковникъ Козловъ, майоры: Кропотовъ, Ерстъ и Гельтъ; оберъ-офицеровъ 45, капраловъ и рядовыхъ 1293. Всего 1345“. Такъ назыв. *Памятникъ „Славы“* въ видѣ колонны, на верху которой орелъ съ лавровымъ вѣнкомъ во рту и перунами въ когтяхъ, находится въ центрѣ города, посреди кадетскаго сада; надпись: „сооруженъ попеченіемъ губернатора князя А. Б. Куракина“ (Это правнукъ кн. Бориса Ивановича Куракина, который тоже дрался подъ Полтавою и въ память того завѣщалъ построить процвѣтающую до нынѣ Куракинскую богадѣльню въ Москвѣ). Памятникъ на мѣстѣ отдыха въ видѣ треугольной пирамиды, увѣнчанной военными доспѣхами на щитѣ, находится близъ Спасской церкви; надпись: „Петръ I покоился здѣсь послѣ подвиговъ своихъ 27 Іюня 1709 года.“ „Воздвигнутъ 27 Іюня 1849 г. въ царствованіе императора Николая I“.

КЪ 200-ЛѢТІЮ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ [1]).

Здѣсь былъ смѣлый жребій кинутъ,
Здѣсь рѣшенъ вѣковъ вопросъ,
И въ составъ Европы вдвинутъ
Новый Сѣверный колоссъ [2]).

Не удивительно, что послѣ Полтавской побѣды пребываніе Петра за границей было рядомъ тріумфовъ: Людовикъ XIV, курфюрстъ Ганноверскій и другіе, наперерывъ стараются сблизиться съ Русскимъ монархомъ и дѣлаютъ ему лестныя предложенія, даже и раздѣлъ Польши (отъ чего онъ съ достоинствомъ отказался, какъ истый Славянинъ, мечтавшій даже объ освобожденіи Балканскихъ братьевъ).

Напомнимъ о важнѣйшихъ чертахъ Полтавскаго боя, какъ онѣ вкратцѣ изложены были самимъ Петромъ, въ его письмѣ „изъ лагеря отъ Полтавы къ генералъ-адмиралу Апраксину". „Сегодня, на самой утренней зарѣ, непріятель нашу конницу со всею арміею и конною и пѣшею аттаковалъ, каторая (т. е. наша конница), хотя зѣло по достоинству держалась, однакоже принуждена была уступить съ великимъ убыткомъ непріятелю. Потомъ непріятель сталъ во фрунтъ противъ нашего лагеря, противъ котораго (т. е. непріятеля) тотчасъ всю пѣхоту мы изъ траншамента вывели и передъ очи непріятелю поставили, а конницу—на обоихъ флангахъ, что̀ непріятель увидя, тотчасъ подошелъ аттаковать насъ, противъ котораго наши навстрѣчу пошли, и такъ онаго встрѣтили, что съ поля сбили" (далѣе перечисляются трофеи и плѣнные). И единымъ словомъ сказать, вся непріятельская армія Фаэтоновъ конецъ воспріяла, а о королѣ намъ неизвѣстно еще, съ нами ль или со отцы нашими обрѣтается; а за разбитымъ непріятелемъ посланы генералъ-поручики кн. Голицынъ и Боуръ съ конницею". Дальнѣйшая судьба Шведской арміи извѣстна.

Перенесемся мысленно въ современную намъ Полтаву и посмотримъ, какіе памятники въ ней самой и въ ея окрестностяхъ напоминаютъ намъ о великомъ днѣ.

---

[1]) Изъ читаннаго авторомъ въ засѣданіи Московскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества 21 Февр. 1909 года.

[2]) Изъ стихотворенія князя П. А. Вяземскаго.

Первый и важнѣйшій памятникъ—это, конечно, „Шведская могила“ съ окружающимъ ее полемъ битвы. Курганъ, извѣстный подъ именемъ „Шведской могилы“, находится въ 4—6 верстахъ отъ города (смотря по какой дорогѣ къ нему идти). Кто же погребенъ подъ нимъ, невольно спрашивается. Потеря Русскихъ простиралась до 1350 чел., Шведовъ пало почти въ семь разъ больше—9234 чел., а по другимъ—болѣе 13 тысячъ, причемъ тѣла убитыхъ были такъ перемѣшаны, что невозможно было разобрать, гдѣ Русскіе, гдѣ Шведы, а потому убитые были собраны всѣ вмѣстѣ въ одну огромную кучу, а по другимъ свидѣтельствамъ, офицеры въ одну могилу, рядовые въ другую, и надъ ними насыпанъ общій высокій курганъ, существующій и понынѣ, далеко, впрочемъ, не въ первоначальномъ видѣ.

П. П. Свиньинъ отмѣчаетъ въ своихъ путевыхъ очеркахъ, что курганъ этотъ вышиною въ 4 сажени и почти столько же въ поперечникѣ верхней площадки. Повидимому, теперешніе размѣры его нѣсколько иные: мнѣ прошлымъ лѣтомъ онъ показался ниже, и верхняя площадка его меньше. Да и не мудрено, что онъ умалился: онъ почти весь пересыпанъ, такъ какъ духовное вѣдомство, въ руки котораго онъ попалъ, задумало устроить внутри его церковь, причемъ останки костей были выгребены и перенесены на погостъ при вновь выстроенной неподалеку церкви во имя Св. Сампсонія, память котораго чествуется 27 Іюня. Быть можетъ, такое святотатство и покрывается устройствомъ часовни внутри кургана; но разсказъ объ этомъ провожавшаго насъ монаха произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе. Разъ имѣется рядомъ большой храмъ, непростительно было касаться священной братской могилы и тревожить дорогіе останки виновниковъ Русской славы.

Сохранилось преданіе, что Петръ выразилъ желаніе, чтобы на мѣстѣ битвы былъ построенъ храмъ, и чтобы при храмѣ былъ протопопъ въ золотой шапкѣ; но онъ, конечно, не имѣлъ въ виду разорять когда бы то ни было насыпанный имъ курганъ, также какъ не рѣшались на это и ближайшіе потомки, дорожа неприкосновенностью этого памятника.

Первоначальный планъ постройки на мѣстѣ битвы храма, согласно волѣ царя, начертанъ Полтавскимъ архитекторомъ Абросимовымъ такимъ образомъ, чтобы этотъ храмъ былъ утвержденъ на величественной гранитной аркѣ въ 16 саж., переброшенной черезъ курганъ, и на выполненіе этого плана даже завѣщанъ тайн. сов. І. С. Судіенкомъ къ столѣтію битвы (въ 1809 г.) капиталъ, достигшій потомъ до 220,000 р. Но завѣщаніе не скоро достигло своей цѣли: каждый изъ мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ представлялъ свои предложенія на использованіе этого капитала (напр. на устройство кадетскаго корпуса), къ тому же наслѣдники завѣщателя несразу внесли завѣщанную сумму, а другихъ пожертвованій не притекало, и дѣло кончилось тѣмъ, что какія были деньги, тѣ перешли къ Полтавскому монастырю, въ вѣдѣніе котораго отдана часть поля съ могилой, и только въ 1850-хъ годахъ выстроена близъ могилы обыкновенная церковь; могила передѣлана впослѣдствіи въ часовню подъ сво-

дами, которые покрыты вѣчною сыростью и плѣсенью, а весной, говорятъ, даже даютъ течь.

Такимъ образомъ Шведская могила перестала быть могилою по своему внутреннему содержанію. По внѣшнему виду она тоже не производитъ того впечатлѣнія, какого отъ нея ожидаешь и какое она производила когда-то въ своемъ нетронутомъ видѣ съ простымъ крестомъ на верху. Если представить себѣ широкое открытое поле и на немъ огромный зеленый курганъ съ бѣлѣющимъ крестомъ, то получится грандіозный, внушительный видъ. Таковой была Шведская могила въ прежнее время, когда путешественникъ издалека ее усматривалъ, отъ нея могъ свободно озирать окрестность и предаваться воспоминаніямъ. П. И. Свиньинъ, оставившій намъ рисунокъ могилы, писалъ о ней въ 1839 г.[1]): „Видъ съ кургана открытъ на далекое пространство. Съ одной стороны выказывается монастырь, а немного правѣе и самая Полтава. Отсюда начинался лѣсъ, раздѣлявшійся на двѣ части небольшою лощиною. Отъ одной до другой были протянуты прямою линіею Русскіе редуты, къ которымъ перпендикулярно примыкали другіе редуты, закрывавшіеся также прямою линіею редутовъ. Недалеко отсюда находилась и Шведская армія; за лѣсомъ обширное поле—великій просторъ для военныхъ дѣйствій“. Ничего подобнаго вы не увидите съ этого мѣста теперь. Могила закрыта почти со всѣхъ сторонъ и имѣетъ вокругъ себя только небольшую площадку, занятую палисадникомъ. Надо подойти къ ней почти въ упоръ, чтобы ее узнать. Съ одной стороны церковь на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ шаговъ; съ другой—рядъ зданій, настроенныхъ монастырскимъ духовенствомъ, которое поспѣшило практически использовать доставшійся ему участокъ земли (тутъ и семинарскія, и богадѣльныя зданія); съ третьей стороны что-то въ родѣ дачъ. Когда провожавшіе меня Полтавцы, подходя къ самому мѣсту, сказали: „вотъ мы и на Шведской могилѣ“, я съ удивленіемъ спросилъ: „гдѣ же могила?“ „И только увидавъ, наконецъ, крестъ на бугрѣ изъ за угла зданія, я ее примѣтилъ[2]). Этотъ крестъ изъ сѣраго гранита, вышиною въ 10 арш. 12 верш., сооруженъ въ 1894 г., и по преданію это четвертый крестъ со временъ Петра. Первый изъ нихъ, по преданію, былъ водруженъ самимъ Петромъ на другой день послѣ битвы, 28 Іюня, и съ того времени успѣли сгнить три креста, которые всѣ были деревянные[3]), а иногда обивались жестью. Въ началѣ XIX в., къ столѣтію битвы, второй Малороссійскій ген.-губернаторъ кн. Я. И. Лобановъ-Ростовскій приказалъ даже вызолотить бывшій при немъ крестъ, и по сказанію кн. И. М.

[1]) П. Свиньинъ, Картины Россіи. СПБ. 1839. Подробно исторія этого храма (безъ упоминанія арх. Абросимова) изложена въ брош. И. Ф. Павловскаго: „Къ исторіи Шведской могилы“. Полтава, 1904.

[2]) Описаніе теперешняго памятника и текстъ надписи на немъ, см. у Павловскаго. Болѣе всего достойны вниманія слова на передней сторонѣ „А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россія“.

[3]) Второй крестъ былъ поставленъ въ 1828 г. по распоряженію генер.-губернатора кн. Н. Г. Репнина, при чемъ надпись, начертанная Петромъ на старомъ крестѣ, была замѣнена словами изъ приказа Петра по войскамъ.

Долгорукова, посѣтившаго Полтаву въ 1810 г., благодаря этому Шведская могила съ сіяющимъ на ней крестомъ была видна „изъ большой отдаленности". Тогда она еще не была застроена. Такою она оставалась и до 1850-хъ годовъ.

Передъ кн. Лобановымъ-Ростовскимъ, по выдѣленіи въ 1802 г. изъ Новороссійскаго ген.-губернаторства особой Полтавской губерніи, первымъ Малороссійскимъ генер.-губернаторомъ былъ кн. А. Б. Куракинъ. Имъ установленъ существующій до сихъ поръ обычай совершать торжественную заупокойную службу на Шведской могилѣ наканунѣ дня битвы, 26 Іюня, архимандритомъ Крестовоздвиженскаго монастыря, которому даны нѣкоторыя преимущества архіерейскаго чина (онъ митрофорный). До этого времени поминаніе убіенныхъ совершалось случайно, особенно при какихъ нибудь важныхъ посѣщеніяхъ. Такъ, Екатерина II посѣтила это мѣсто въ 1787 г. и повелѣла своимъ войскамъ, подъ руководствомъ Суворова и Кутузова, произвести здѣсь маневры, приноравливаясь по возможности къ движеніямъ Петра и Карла. „Взоры зрителей, пишетъ Свиньинъ, очарованныхъ движеніями войскъ въ сихъ маневрахъ, казалось, слѣдили бѣгущаго Карла", и „конечно, тѣнь Петра ликовала тогда въ горнихъ селеніяхъ, видя древо, насажденное имъ, принесшимъ столь благодатные плоды". Такіе же маневры повторялись потомъ при Александрѣ I и Николаѣ I.

Но, представляя себѣ ликующую тѣнь Петра, преемники его не подумали объ исполненіи его завѣта, ясно выраженнаго имъ въ указѣ Сенату 1723 г.: „въ память на Полтавскихъ поляхъ надъ Свѣйскими войсками полученной викторіи, въ пристойномъ мѣстѣ, гдѣ та баталія была, сдѣлать пирамидъ каменный"; а еще за четыре года передъ этимъ желаніе Петра было болѣе подробно выражено имъ: „во знакъ и вѣчное напоминаніе той преславной викторіи, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ тотъ бой былъ, а именно, неподалеку отъ Полтавы, построить монастырь мужской, въ немъ церковь каменную во имя св. ап. Петра и Павла, да нижнюю—преп. Сампсона Страннопріимца, на котораго память та преславная викторія получена; а передъ церковію сдѣлать пирамиду каменную съ изображеніемъ на ней персоны Его Государевы въ совершенномъ возрастѣ, на конѣ, вылитую изъ мѣди желтой, и подъ ней бой самымъ достойнымъ художествомъ, а по сторонамъ той пирамиды, на доскахъ мѣдныхъ же, учинить надпись со объясненіемъ всѣхъ дѣйствій отъ вступленія въ Украину короля Шведскаго и съ полученіемъ сей баталіи" (Полн. Собр. Зак., т. IV, ст. 2236). Есть глухое извѣстіе, что въ XVIII в. на Полтавскомъ полѣ былъ памятникъ въ видѣ столба; но какова была его судьба, неизвѣстно, и во всякомъ случаѣ ни слѣдовъ, ни воспоминаній о немъ на мѣстѣ не осталось никакихъ.

Не исполненъ и другой завѣтъ Петра—совершать въ день битвы особую службу, которая по его порученію была составлена извѣстнымъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ (это бывшій ректоръ Славяно-россійской академіи, потомъ архіепископъ Тверской) и положенная спеціально на ноты Ширяевымъ, какъ значится на рукописномъ ея экземплярѣ Императорской Публичной Библіотекѣ. Самая служба напечатана въ мѣсячной Минеѣ подъ 27-мъ Іюня, но она не

совершается, а служится 27 Іюня обычный благодарственный молебенъ. Не умѣстно ли было бы, въ уваженіе „блаженнаго и вѣчно достойнаго памяти“ великаго царя, совершать по этому чину службу въ юбилейные дни 200-лѣтія побѣды съ тогдашними напѣвами по соч. Ширяева? Эта служба между прочимъ, представляетъ весьма любопытный образецъ отношенія Петра Вел. какъ къ своей особѣ, такъ даже и къ вопросамъ международныхъ отношеній, какъ объ этомъ можно судить по его редакціоннымъ замѣткамъ къ нѣкоторымъ вновь составленнымъ пѣснопѣніямъ и молитвословіямъ службы. Такъ, напр., Петръ В., смягчилъ нѣкоторыя чрезмѣрныя восхваленія его, доходившія до того, что составитель службы называлъ его Христомъ (въ нарицательномъ смыслѣ—помазанникъ). Особенно же настоятельно Петръ устранялъ изъ текста выходки противъ „Свѣянъ“, „Лютеровъ“ и „невѣрныхъ“, напоминая составителю службы, что и Шведы вѣруютъ въ Христа и признаютъ крестъ святой.

Когда стоишь на верху Шведской могилы и читаешь на ея крестѣ надписи о погибшихъ и погребенныхъ здѣсь Русскихъ людяхъ, невольно является вопросъ: гдѣ же настоящая „Шведская“ могила, гдѣ зарыты тѣла Шведовъ, которыхъ по описаніямъ погибло столь великое число (отъ 9,000 до 13,281 чел.)? Часть ихъ, повидимому, могла попасть и въ Русскую могилу; некогда да и трудно было разбирать трупы, и Петръ Великій, хороня на другой день павшихъ въ битвѣ и совершая по нимъ торжественную панихиду, не чуждался, конечно, присутствіемъ на этомъ мѣстѣ иновѣрныхъ убитыхъ: мы уже видѣли какую терпимость онъ показалъ къ вѣрѣ Шведовъ въ сочиненной для него церковной службѣ. Если въ день побѣды онъ за живыхъ Шведовъ подымалъ заздравный кубокъ, какъ за своихъ учителей въ военномъ дѣлѣ, то и убитымъ онъ врядъ ли могъ отказать въ заупокойной молитвѣ.

Но кромѣ этого слѣдуетъ отмѣтить, что въ 2-хъ верстахъ отъ могилы, носящей названіе Шведской, указывается курганъ небольшихъ размѣровъ съ двумя еще меньшими могилами по бокамъ, гдѣ по преданію и были зарыты убитые Шведы, отчего будто и самое это урочище носитъ названіе „Побиванка“ или „Побиваница“. Странно только, что эти послѣдніе курганы не называются „Шведскими“, а это названіе перенесено на Русскую могилу. Есть еще въ мѣстности Пришибѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Полтавы, могила съ крестомъ, называемая „Шведской“, гдѣ мѣстное населеніе одинъ разъ въ годъ служитъ панихиду по убитымъ Русскимъ воинамъ. На всемъ же Полтавскомъ полѣ никакихъ знаковъ, хотя бы въ видѣ простого креста или камня, не отмѣчена ни одна собственно-Шведская могила.

Невольно напрашивается сравненіе изъ нашей послѣдней войны. По какимъ бы ни было побужденіямъ наши побѣдители поставили и торжественно открыли памятникъ павшимъ Русскимъ воинамъ на Дальнемъ Востокѣ. Казалось бы, что и для насъ не было бы униженіемъ собственнаго достоинства поставить какой-нибудь памятникъ Шведамъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Петръ торжественно призналъ ихъ своими учителями, и гдѣ по выраженію ихъ плѣннаго генералъ-фельдмаршала Реншельда, ученики такъ жестоко отплатили своимъ учителямъ. Два года тому назадъ изъ Швеціи, въ виду приближенія

200-лѣтія битвы, посылались лица, чтобы на мѣстѣ осмотрѣть поле битвы и собрать свѣдѣнія, сохранившіяся объ этомъ событіи, а также высказать соображенія о постановкѣ памятника своимъ соотечественникамъ. Имъ сказали, во-первыхъ, что такъ называемая Шведская могила есть въ сущности Русская, и что ихъ памятнику здѣсь не мѣсто. Во-вторыхъ, по разсказамъ Полтавцевъ, они будто бы встрѣтили какія-то затрудненія или недружелюбное отношеніе со стороны духовныхъ властей, распоряжающихся Шведской могилой; что же касается вышеуказанныхъ будто бы настоящихъ Шведскихъ могилъ, то онѣ, кажется, остались подъ сомнѣніемъ въ виду ихъ отдаленности отъ главнаго мѣста битвы, если принять за таковое нашу Шведскую могилу. Во всякомъ случаѣ Шведы увидѣли, что ихъ намѣреніе вызоветъ немало хлопотъ и уѣхали ни съ чѣмъ *). Говорятъ, что при этомъ Шведы высказывали еще соображеніе о неудобствѣ соединенія своего торжества съ Русскимъ, а именно боязнь какихъ нибудь враждебныхъ манифестацій въ родѣ тѣхъ, какія, по преданію, будто бы устраивались ими когда-то въ годовщины битвы, когда въ торжественныхъ ходахъ водили будто бы, какъ посмѣшище, Шведовъ, настоящихъ или переодѣтыхъ. Уже одно допущеніе съ ихъ стороны подобной мысли въ наше время очень странно; тѣмъ не менѣе, если это правда, то все это явно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ смотрятъ на насъ иностранцы. Что же касается указаній на участіе Шведовъ въ какихъ-то шутовскихъ процессіяхъ или народныхъ увеселеніяхъ по случаю празднованія побѣды, то тутъ, повидимому, какое-то недоразумѣніе; по крайней мѣрѣ, я не знаю никакихъ достовѣрныхъ указаній на этотъ счетъ. Извѣстно, что по одержаніи побѣды Петръ имѣлъ торжественный въѣздъ съ плѣнными Шведами въ г. Полтаву, а потомъ въ Москву, но никакимъ униженіямъ плѣнники при этомъ не подвергались, исключая развѣ того, что онъ даже плѣнныхъ генераловъ заставилъ слѣдовать за собою пѣшкомъ по одиночкѣ, а остальныхъ по 4 въ рядъ, и такихъ рядовъ было 5521. Сатирическія выходки можно отмѣтить развѣ только въ народныхъ картинкахъ, да въ тѣхъ эмблемахъ, какими украшались фейерверки, сожженные въ честь Петра въ столицахъ по случаю побѣды и въ ея годовщину.

По вступленіи въ Полтаву, царь имѣлъ отдыхъ у коменданта Келлина въ домѣ Магденка, у Спасской церкви, стоявшей тогда еще почти на концѣ города, на возвышенной его сторонѣ. Домъ Магденка теперь не существуетъ. На его мѣстѣ по распоряженію ген.-губернатора кн. Н. Г. Репнина былъ поставленъ въ 1818 г. кирпичный обелискъ съ надписью. „Здѣсь Петръ I покоился послѣ трудовъ своихъ“, а пониже слова: „Благоговѣй, мѣсто свято есть“. Императоръ Николай I въ 1849 г. почему-то замѣнилъ этотъ обелискъ болѣе низкой пирамидой, на верху которой мечъ и щитъ, а сверхъ щита—шлемъ и лавры; на фундаментѣ изображеніе покоющагося льва. Нижняя часть надписи уже не воспроизведена. Въ 24 саженяхъ отъ этого памятника находится вышеупомянутая Спасская церковь. Здѣсь Петръ служилъ благодарствен-

*) Въ послѣднее время, кажется, Шведское правительство возвратилось къ своему намѣренію.

ный молебенъ послѣ битвы по вступленіи въ городъ. Но теперешняя церковь—это только одинъ придѣлъ тогдашняго большого деревяннаго храма. Остальная часть его за ветхостью разобрана въ 1811 г., и оставленъ только болѣе сохранившійся придѣлъ во имя Спаса Нерукотвореннаго. Въ 1837 г. наслѣдникъ престола, будущій императоръ Александръ II, осмотрѣвъ эту церковку при посѣщеніи Полтавы во время своего образовательнаго путешествія по Россіи, приказалъ принять всѣ мѣры къ сохраненію этого историческаго памятника. Была собрана по подпискѣ сумма, на которую вокругъ церкви былъ выстроенъ каменный футляръ, т. е. старая деревянная церковь была заключена въ каменную, такъ что между ихъ стѣнками остается свободный проходъ; кромѣ того на нѣкоторомъ отдаленіи выстроена новая колокольня въ томъ же стилѣ. Празднованіе столѣтняго юбилея битвы, кромѣ столичныхъ торжествъ, сопровождалось торжественной панихидой на Шведской могилѣ, и должно было ознаменоваться открытіемъ въ Полтавѣ памятника столѣтію побѣды; но онъ не былъ законченъ къ сроку и былъ открытъ только въ 1811 г., а торжество закладки происходило въ годовщину битвы 27 Іюня 1804 г. Онъ представляетъ высокую желѣзную изъ 4-хъ кусковъ колонну, опоясанную въ мѣстахъ соединенія вѣнками, а пьедесталъ изъ мѣстнаго гранита, добытаго въ Кременчугскомъ уѣздѣ. На верху на полушарѣ стоитъ орелъ, обращенный къ полю сраженія, съ лавровымъ вѣнкомъ въ клювѣ; ограда—изъ Шведскихъ пушекъ, у основанія колонны бронзовыя эмблематическія изображенія, дарованныя императоромъ Александромъ I; колонна опоясана бронзовыми вѣнками. Въ настоящее время памятникъ представляется въ совершенно-обшарпанномъ видѣ, хотя и занимаетъ видное мѣсто въ Александровскомъ саду, противъ кадетскаго корпуса. Надо пожелать, чтобы къ 200-лѣтней годовщинѣ онъ по возможности былъ приведенъ въ приличный видъ.

Кромѣ памятниковъ, восходящихъ ко времени Петра, слѣдуетъ упомянуть еще нѣкоторые достопримѣчательные предметы. Такъ, въ Полтавскомъ корпусѣ есть портретъ Петра Великаго, написанный, какъ полагаютъ, около 1709 г., Ларжильеромъ. По близости отъ вышеупомянутой Спасской церкви по той же улицѣ, въ другой церкви (Исаакія Далматскаго), построенной въ память дня рожденія Петра, должна быть бронзовая вызолоченная доска, на которой была вырѣзана вся Полтавская баталія по модели, выдѣланной, по преданію, самимъ Петромъ изъ бронзы для памятника битвы (Свиньинъ, Карт. Россіи, 294). Мнѣ эту доску не пришлось видѣть.

Въ 9 верстахъ отъ Полтавы, въ с. Жукахъ, гдѣ незадолго передъ сраженіемъ находился Карлъ XII, были двѣ православныя иконы, у которыхъ оборотная доска превращена Шведами въ шашечницы. Шведскіе офицеры, по преданію, такъ заигрались въ шашки, что не замѣтили приближенія Русскихъ и были взяты въ плѣнъ. Петръ опредѣлилъ 12 рублей на свѣчи и масло къ этимъ иконамъ. Такія же иконы Свиньинъ въ 1830-хъ гг. видѣлъ и въ селѣ Яковцахъ, въ 3-хъ верстахъ отъ Полтавы. Но изъ всѣхъ этихъ иконъ теперь уцѣлѣла, кажется, только одна, въ с. Жукахъ, велич. 9 × 12 вер. Она прибита на золоченую доску къ стѣнкѣ праваго клироса потомками казненнаго

Кочубея. На другой сторонѣ надпись: „Сія икона святая пострадала отъ Люторовъ и еретиковъ Свѣйскихъ року 1709“. Подъ иконою въ рамѣ стихи, сочиненные мѣстнымъ протопопомъ (Жученкомъ) въ 1780 г., гдѣ излагаются безчинства Шведовъ по отношенію къ Русской святынѣ. Вотъ одна строфа этого длиннаго стихотворенія:

Лютры церкви святыя въ тюрьмы превращаху,
Подножія[1]) и дамы[2]) съ[3]) иконъ сочиняху,
Съ иконъ подгнеты[4]) котломъ и до грубъ[5]) иконы.
Съ иконъ, увы, помосты дѣлали подъ кони;
Тогда и та икона пострада святая,
Юже въ дамъ пречерти рука проклятàя..

Наконецъ, кое-какія вещи изъ военныхъ принадлежностей, случайно найденныя въ землѣ на полѣ битвы или въ ближайшихъ окрестностяхъ, хранятся въ Полтавѣ, какъ зародышъ будущаго музея 1709 года. Этотъ музей долженъ составлять одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ въ 200-лѣтнемъ юбилеѣ Полтавской битвы. Объ устройствѣ музея, насколько мнѣ извѣстно, вопросъ поставленъ на очередь. Что же касается его помѣщенія, то оно почему-то намѣчается въ придѣлѣ Сампсоніевской церкви у Шведской могилы, и съ этой спеціальною цѣлью церковь даже расширена недавно.

Желательно, чтобы поле Полтавской битвы или по крайней мѣрѣ Шведская могила и церковь съ музеемъ Полтавской битвы были переданы въ вѣдѣніе военнаго вѣдомства, ибо это памятникъ Русской военной славы, а не церковной исторіи.

Необходимо пріостановить дальнѣйшую застройку поля битвы зданіями, особенно по близости могилы и со стороны города, а тѣ зданія, которыя тамъ настроены духовнымъ вѣдомствомъ и заслоняютъ великій историческій памятникъ какъ разъ со стороны города, имѣть въ виду къ сломкѣ, если не сейчасъ, то хотя бы когда они придутъ въ ветхость.

Пора проложить отъ города къ Шведской могилѣ хорошую прямую дорогу, какой до сихъ поръ не имѣется, и приходится пробираться туда окружнымъ проселочнымъ путемъ, далеко неудобнымъ, черезъ овраги.

Идея Полтавскаго музея должна быть проведена независимо отъ Петербургскаго: если въ столицѣ имѣется въ виду устроить подобный музей, то онъ долженъ быть посвященъ памятникамъ Великой Сѣверной войны вообще; а все то, что связано съ событіями изъ этой войны, происходившими въ Малороссіи, должно принадлежать Полтавскому музею; это необходимо даже въ цѣляхъ закрѣпленія въ мѣстномъ населеніи мысли о великой мощи Россіи и для незабвенной памяти великаго императора. Помѣщеніе для музея, намѣчаемое въ придѣлѣ Сампсоніевской церкви, едва ли подходяще.

---

[1]) помосты,
[2]) шахматныя, шашечныя доски,
[3]) изъ.
[4]) подтопки.
[5]) для печей.

Для этого музея должны быть собраны въ одно мѣсто всѣ вещественные памятники событія: оружіе, документы мѣстныхъ архивовъ, историческія иконы въ родѣ Жуковской, старые кресты съ такъ назыв. Шведскихъ могилъ, фотографіи и описанія памятниковъ, зданій, планы, карты, портреты историческихъ лицъ, начиная съ портрета самого Петра, хранящагося въ кадетскомъ корпусѣ. Кромѣ того, необходимо собрать все сохранившееся въ преданіяхъ мѣстныхъ жителей о событіяхъ и лицахъ того времени, а также объ отдѣльныхъ памятникахъ (напр. у Свиньина преданіе о Спасской церкви, о комендантѣ и его домохозяинѣ, Магденкѣ, о козакѣ Дзюбѣ, и преданія о самомъ Петрѣ В. въ другихъ источникахъ).

Вмѣстѣ съ тѣмъ казалось бы своевременнымъ поставить на очередь вопросъ о постановкѣ какого нибудь памятника убитымъ Шведамъ на Полтавскомъ полѣ, съ тѣмъ, чтобы и онъ находился въ завѣдываніи военнаго вѣдомства. Закладку этого памятника было бы умѣстно пріурочить къ юбилейнымъ торжествамъ, какъ проявленіе великодушія и доказательство народнаго достоинства.

Что же касается непосредственнаго участія Московскаго Отдѣла въ юбилейныхъ празднествахъ, мнѣ казалось бы цѣлесообразнымъ, напр. слѣдующее:

1) Устроить для желающихъ изъ г. г. членовъ особую поѣздку въ Полтаву къ юбилейнымъ торжествамъ.

2) Устроить отъ имени Отдѣла соотвѣтственныя событію народныя чтенія для Московскихъ военныхъ командъ по казармамъ и такія же чтенія по народнымъ аудиторіямъ съ туманными картинами.

3) Посвятить событію какое нибудь изданіе для раздачи нижнимъ чинамъ и народу. Въ виду того, что изданіе такихъ брошюръ намѣчено Петербургскимъ отдѣломъ Военно-историческаго общества, Московскій Отдѣлъ могъ бы издать къ юбилею литературно-художественный сборникъ, въ который бы могли войти: 1) перечень историческихъ событій Сѣверной войны; 2) тѣ произведенія въ видѣ стихотвореній, изъ поэмъ, которыя посвящались Полтавскимъ событіямъ въ Русской художественной литературѣ; 3) иллюстраціи въ родѣ тѣхъ, какія даны были при настоящемъ докладѣ; 4) народныя преданія о событіяхъ и лицахъ того времени (для примѣра укажу оду, написанную къ столѣтію битвы Ив. Саларевымъ, воспитанникомъ Университетскаго Пансіона и напечатанную въ „Трудахъ“ его воспитанниковъ за 1811 г., ч. III, стр. 127—132).

4) Желательно по случаю предстоящихъ юбилейныхъ дней устроить торжественное засѣданіе Общества и его Отдѣловъ, а также имѣть въ виду для очередныхъ засѣданій доклады, въ которыхъ могли бы быть использованы новые матеріалы изъ Московскихъ архивовъ.

5) Устроить въ Москвѣ выставку въ связи съ 200-лѣтіемъ битвы, для чего уже имѣются въ виду предметы изъ Московскихъ частныхъ собраній, напр. П. И. Щукина (гобеленъ съ рисункомъ Полтавской битвы, письмо Карла XII изъ Бендеръ и др.), не говоря о казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ.

Н. Янчукъ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ПИСЕМЪ С. А. СОБОЛЕВСКАГО КЪ С. П. ШЕВЫРЕВУ [1]).

(1829—1833).

I.

1829 (безъ мѣсяца) Флоренція, Вторникъ.

Я пріѣхалъ сюда въ Субботу по утру, нашелъ письмо отъ Кирѣевскаго. Спѣшу дать тебѣ примѣръ аккуратности. Вотъ выписка, удивляйся! Кирѣевскій (Иванъ? да, Иванъ) ѣдетъ въ Европу, не знаю именно когда и куда, вѣроятно около 15 Октября. Баратынскій съ Погодинымъ издаютъ альманахъ, онъ еще не окрещенъ [2]). Отличается въ ..... брани „Телеграфа“ съ „Галатеей“ Ротчевъ, переводчикъ Макбета. *Мессинской невѣсты* не принимаютъ на Петербургскій театръ иначе, какъ чтобы ее „авторъ или переводчикъ“ раздѣлилъ на 5 актовъ и чтобы „назвалъ“ корифеевъ! Ротчевъ на все согласенъ. „Выжигинъ“ все въ чести. Булгаринъ пишетъ историческій романъ [3]) и мѣтитъ въ исторіографы!

Вотъ тебѣ, душеобразный мой Шевыревъ, le dépouillement [4]) письма Кирѣевскаго. Каковъ? И онъ въ Европу! Я писалъ въ Субботу же Авдотьѣ Петровнѣ [5]), чтобы она сообщила мнѣ куда, и какъ, и съ какой цѣлью; боюсь, чтобы эта внезапная рѣшимость не происходила отъ болѣзни, и я рѣшился написать къ Погодину объ этомъ. Теперь нижайшія мои просьбы.

---

[1]) Примѣчаніе къ этимъ письмамъ сдѣланы покойнымъ Яковомъ Аписимовичемъ Орломъ-Ошмянцовымъ. П. Б.

[2]) Вѣроятно—„Комета Белы“.

[3]) Это говорится объ его „Дмитріи Самозванцѣ“.

[4]) Исчерпанное содержаніе.

[5]) А. П. Елагиной, по первому мужу Кирѣевской; некрологъ-біографію ея см. въ 8-мъ вып. Рус. Арх. 1877 г.

1) У меня ergo нѣтъ въ Россіи даже и лѣниваго корреспондента! Долгъ человѣколюбія требуетъ, чтобы ты мнѣ писалъ регулярно все новое. 2) Проси и понукай княгиню [1]) объ письмахъ; напишу тоже прямо къ ней. 3) Ѣду дней чрезъ 5· или 8 (если пріѣдетъ Мицкевичъ) въ Парижъ, остановлюсь въ Торино. И такъ пиши въ Торино, развѣ что очень нужное сюда. 4) Скажи Риччи [2]), что:

Chi non a mangiato ortolani in riso,
Non sa, che cosi si mangiano nel paradiso [3]).

II.

Парижъ, 8 Декабря (1829).

Здравствуй, душа моя Шевыревъ, безцѣнная и пребезподобная. Вотъ тебѣ новости отъ Погодина, отъ 29 Декабря. Пушкинъ жилъ съ мѣсяцъ въ Москвѣ проѣздомъ изъ Эрзерума. Баратынскій въ Тамбовѣ, Веневитиновы ѣдутъ въ Питеръ, Иванъ [4]) по первому пути въ Парижъ. Вотъ и все. Что же ты, о, minimum человѣческаго рода, мнѣ ничего не сообщаешь ни о Москвѣ, ни о Риччи? Пиши, пиши: Rue place Vendôme, № 1.

Парижъ, братъ, чудо! Всего хорошаго много, даже Русскихъ журналовъ у Férussac и Jullien; правда, что за 1827 годъ. Я со всѣми этими уродами познакомился, все это кроено на одну стать, что̀ Jullien, что̀ Полевой, что̀ Гречъ, что̀ Vieusseux во Флоренціи... Театры здѣсь не то, чего мы надѣемся: опера—славная, но трагедія *совертенно ничьмъ не лучше* ни Московской, ни Петербургской, даже рѣшительно нѣтъ ни одного актера равнаго хорошимъ мѣстамъ Мочалова и Каратыгина; въ балетѣ декораціи хуже Итальянскихъ; костюмы бѣднѣе гораздо Московскихъ; corps de balet—рѣшительно во сто разъ хуже Московскихъ; первый плясунъ, Paul, очень, очень немногимъ лучше Richarda старшаго; да еще Богъ знаетъ. Маленькіе театры занимательны остроумною игрою актеровъ и самыми піесами. Не шлю тебѣ еще ничего, ибо самая гремящая нынѣ, Marie Mignot, слишкомъ локальна и не годится переводить.

За то книгъ, журналовъ, лекцій!!!! Все это даромъ, все можно нанять за безцѣнокъ; за то ресторацій, ресторацій и ресторацій!!

---

[1]) Княгиню Зинаиду Александровну Волконскую, сына которой обучалъ въ Римѣ С. П. Шевыревъ. П. Б.

[2]) Графъ Риччи, женатый на Русской (кажется, Окуловой). П. Б.

[3]) Кто не ѣдалъ овсянокъ съ рисомъ, не знаетъ какъ кушаютъ въ раю.

[4]) И. В. Кирѣевскій.

Буду писать княгинѣ о лицахъ, къ кому она меня адресовала. Я здѣсь хорошо познакомился съ Jullien, Férussac, Ségur, Cousin и другими; всѣхъ опишу ихъ тебѣ на будущей недѣлѣ à grands coup de pinceau [1]). Ты-же скажи мнѣ, какъ вы живете, что̀ у васъ: вечера, обѣды, пѣнье!? Пока скажи княгинѣ, что я книгу „Soirées de Neuilly“, а можетъ быть и купленную „мадамой“ Dumouchel [2]) музыку „Вильгельма Теля“ пришлю ей на имя Гагарина съ курьеромъ, пусть она ужъ съ нимъ сдѣлается какъ хочетъ. Кстати: я получилъ отставку по болѣзни. О горе, горе! Ужъ я не въ Архивѣ [3]).

III.

ЦИРКУЛЯРЪ ШЕВЫРЕВУ и МИЦКЕВИЧУ.

Парижъ, 6 Февраля 1830 г.

Получилъ нынѣ письмо твое отъ 19-го Генваря. Эка притча! Пятнадцать дней было въ дорогѣ, какъ будто-бы изъ матушки Москвы. Благодарю за вѣсточки, надѣюсь получить другія черезъ Кирѣевскаго, который все грозитъ нападеніемъ; но 20 Ноября онъ все еще *собирался собираться*. Эта пѣснь, чай, будетъ дольше Александроиды [4]).

Риѳмы твои часъ отъ часу краше, а я совсѣмъ отъ нихъ отвыкъ; все пишу прозу, да и прозу-то Французскую. Хочется мнѣ здѣсь грянуть какой-нибудь поэмой, а ужъ вѣрно будетъ не хуже поэмъ нынѣшнихъ божковъ литературы. Здѣсь полюбишь классицизмъ, когда послушаешь, что всякаго вруна равняютъ, съ кѣмъ-бы ты подумалъ? съ Шекспиромъ? Наша поэзія передъ здѣшней, что̀ мой Юпитеръ передъ Зозо (поцѣлуй у нея лапки). Въ началѣ Марта на два мѣсяца въ Англію англизироваться; въ Маѣ же буду на Рейнѣ, въ Іюлѣ—въ Швейцаріи и Миланѣ.

У меня заготовлено письмо къ княгинѣ. Жду выхода Записокъ Байрона, будто бы сожженныхъ Муромъ и нынѣ имъ издаваемыхъ; въ день выхода вышлю ихъ по почтѣ на имя Гагарина. Ваше дѣло съ нимъ развѣдаться; кромѣ этого о сю пору ничего не вышло замѣчательнаго; всѣ театральныя новинки—дрянь сущая; притомъ же всѣ умы обращены на приближающіеся Sessions [5]).

---

[1]) Крупными штрихами.

[2]) Жившая у княгини Волконской Маргарита Борисовна Дюмушель, рожд. Алларъ-де-Мезоннёвъ, впослѣдствіи имѣла въ Москвѣ большой пансіонъ для дѣвицъ; это была препочтеннѣйшая женщина. Она оставила Записки (неизданныя). П. Б.

[3]) С. А. Соболевскій былъ въ числѣ архивныхъ юношей. П. Б.

[4]) Александроида, поэма въ 6 пѣсняхъ, Павла Свиньина. М. 1827.

[5]) Засѣданія парламента.

У насъ въ Парижѣ снова доходитъ до 13 градусовъ холодъ и до 30 франковъ la voie de bois [1]). Объ твоихъ мимическихъ успѣхахъ мнѣ ужъ писано; держи сердце крѣпче при Хлюстиной; а если разшалится, выдери его розгами...

Поетъ ли княгиня хоръ, присланный мною? Ась?

Не мѣшало бы вамъ расплатиться съ Гагаринымъ за пересылку: cela m'enhardira à vous envoyer par lui tous les livres que la censure papale empèche de passer autrement [2]).

Ожидаемъ перваго представленія Hernani, сочиненіе Victor Hugo. Это будетъ рѣшительная битва между классицизмомъ и романтизмомъ. Объ стороны такъ ожесточены, что ждутъ и кулачной стычки. Что касается до меня, я заготовилъ дубину для сохраненія вооруженнаго нейтралитета. Цѣну, выставленную моею рукою на обверткѣ Мура, выплати Соймонову.

IV.

Парижъ, 9 Марта (1830.)

Душа моя Шевыревъ, начну съ дѣла до княгини; будь мой полномочный министръ при многочисленномъ ея дворѣ. Вотъ въ чемъ дѣло. Я ѣду девятаго Апрѣля въ Лондонъ; мнѣ нужно письмо къ тамошней посланницѣ княгинѣ Ливенъ или, pis aller [3]), къ ея мужу, посланнику. Можетъ ли мнѣ княгиня дать такую цидулу? Прошу у нея, ибо моя здѣшняя заступница съ Ливеншей, говорятъ, не въ ладахъ. Если можете, то поспѣшите отправить, ибо почта изъ Рима сюда, кажется, на долгихъ ѣздитъ; если не можешь, то поспѣши написать о немощи.

На дняхъ отправлю къ тебѣ „Hernani, drame de Victor Hugo en vers“, которою онъ думалъ погубить Расина и Шекспира тѣмъ же ударомъ. Почитай, мой милый, и подивись: то-то вздоръ, а стихи такъ и ершатся. Въ партерѣ шесть представленій сряду все сидѣли клевреты; если кто заикнется—хоромъ: à la porte le cabaleur [4]). Подняли до небесъ! За то въ седьмое, какъ не подсадилъ пріятелей, такъ до того освистали, что авторъ пьесу на другой день вспять воротилъ въ свой листо-складъ (porte-feuille).

---

[1]) Возъ дровъ.

[2]) Это мнѣ дало бы смѣлости присылать вамъ черезъ него всѣ тѣ книги, коихъ папская цензура не пропускаетъ инымъ путемъ.

[3]) Въ худшемъ случаѣ.

[4]) За дверь интригана!

Кирѣевскій, выѣхавшій изъ Москвы 19 Генваря н. с., а изъ Петербурга 4 Февраля н. с., долженъ былъ прибыть въ Берлинъ 13-го; онъ въ Берлинѣ остается мѣсяцъ, потомъ въ Дрезденъ, Мюнхенъ и сюда. Рожалину (отъ котораго имѣю письмо, гдѣ спрашиваетъ у меня совѣта, оставаться-ли у Кайсаровыхъ, ѣдущихъ лѣтомъ въ Пизу, опредѣляться-ли къ Муравьеву[1]) или на свой счетъ соединиться ему съ Петромъ Васильевичемъ въ Мюнхенѣ) писалъ я, чтобы онъ посовѣтовалъ Ивану остаться на лѣто въ Германіи, а въ Парижъ до Ноября не соваться, ибо здѣсь совершенно пусто лѣтомъ; Рожалину же совѣтую, если у него есть деньги и если онъ къ княгинѣ попасть не можетъ къ осени на готовый столъ и квартиру, лучше годъ пробыть въ Мюнхенѣ, ибо я Муравьева что-то боюсь: онъ капризенъ и не платитъ, объ чемъ и Рожалину говорили. Впрочемъ Рожалинъ далъ мнѣ на себя неограниченную кабалу. Заложу-ка его по новому положенію на 37 лѣтъ въ Ломбардъ?! Моя персона, пробывъ въ Лондонѣ двѣ недѣли, ѣдетъ чрезъ Голландію на Рейнъ и въ Швейцарію, гдѣ очутиться въ Маѣ ей хочется. Мицкевичу—объятіе. Знаешь-ли, что Софья Веневитинова седьмаго Февраля сдѣлана (sic) графиней Комаровской? Вѣрно знаешь, а мнѣ не пишешь, дрянь!!! Погодинъ (autore Rojalino)[2]) покупаетъ домъ въ 100.000! Я здѣсь чрезъ Тургенева напѣваю Гагариной, что-де Рожалинъ славный бы человѣкъ для дѣтей меньшихъ. Если паче чаянія она объ этомъ спишется съ княземъ, то князь спроситъ у Зин. Алек., а ты ее тогда предувѣдомь; да впрочемъ она и безъ предувѣдомленія скажетъ правду добрую; у ней на эту языкъ вдругъ повернется. Риччи обойми. Что коляска? хи! хи! хи! (interjection горькаго плаканія).

Совсѣмъ ли прокопченъ Мицкевичъ[3])? Отрѣжь ломотикъ и скушай съ горчицей. Изъ водевилей или подобнаго ничего нѣтъ; здѣсь на каждомъ театрѣ какъ наладятъ одну пьесу, такъ четыре мѣсяца всякій день тоже, а пьеса все больше разсчитанная по одному какому нибудь извѣстному актеру; нѣтъ такихъ, гдѣ-бы райку посмѣяться, а у насъ въ Москвѣ рай во всемъ театрѣ (Sans préjudice à la figure infernale de Kakochkine[4]).

[1]) И. М. Муравьеву-Апостолу, жившему во Флоренціи, отцу Декабристовъ. Онъ имѣлъ сына отъ второй супруги. П. Б.

[2]) Т. е. по словамъ, или по сочиненію, Рожалина.

[3]) Проводы Мицкевича изъ Москвы въ заграничное путешествіе (изъ котораго онъ уже не вернулся въ Россію) происходили у Соболевскаго. Тутъ былъ и молодой С. П. Шевыревъ, воскликнувшій за ужиномъ: „Самодержавья скиптръ желѣзный перекусимъ въ кинжалъ свободы!“ П. Б.

[4]) Т. е. Это не мѣшаетъ нисколько имѣть адскую фигуру самому Кокошкину (тогдашнему начальнику Московскихъ театровъ).

V.

Торино, 7 Мая.

А вотъ, душа моя Шевыревъ, мы съ Мицкевичемъ и сюда добрались послѣ около трехнедѣльнаго путешествія. Первые шесть дней, то есть, отъ Рима до Флоренціи чрезъ Терни, Фолиньо и Перужіо, меня Голицины залиберальничали, и я вѣчно отъ нихъ прятался на козлы... Пробывъ во Флоренціи 3 дни, я пустился глазъ на глазъ съ Адамомъ [1]) въ Болонью, гдѣ нашелъ рай или по крайней мѣрѣ одну изъ гурій онаго, въ образѣ госпожи degli Antoni; испугался влюбиться и отправился далѣе чрезъ Модену, Парму, Піаченцу, Александрію и Асти—сюда, куда прибыли третьяго дня поутру и поставили дней на десятокъ свой странническій посохъ въ уголъ. Во все это время не прошло ни единаго дня безъ проливнаго дождя; лишь тотъ вечеръ, въ который я ѣздилъ смотрѣть каскаду Терни, было на нѣсколько часовъ солнце, за что слава Создателю; дороги (въ Пьемонтѣ онѣ славятся) сдѣлались такъ дурны, что ничѣмъ не хуже нашихъ новосдѣланныхъ (не шоссе только).

Вотъ тебѣ поученія: въ civita Castellana удивительнѣйшіе и живописнѣйшіssimi овраги у самаго города; чудо чудесъ. Каскада Терни лучше всѣхъ, видѣнныхъ мною; уже Шафгаузенской, но за то въ пятеро выше! Ее надобно непремѣнно видѣть съ низу и съ верху. Въ Фолиньо, въ домѣ какого-то маркиза, большая картина, обрисованная Рафаэлемъ, пока онъ, для написанія Мадонны di Foligno, пребывалъ въ этомъ домѣ. Изъ пяти фигуръ написаны только двѣ, и то однѣ лица: Спаситель-ребенокъ и Іоаннъ Креститель, чуть-ли не лучше изъ видѣнныхъ мною Рафаэльскихъ. Въ Перужіи комната, росписанная Pietro Perugino. Въ Пармѣ фрески двухъ куполовъ Кореджія такъ испорчены и такъ высоки, что видѣть нельзя; галлереи Кореджія и древнія изваянія, отрытыя въ Велейѣ—превосходны, особенно драпировка, какой ни у одной Ватиканской статуи нѣтъ. Изъ церквей Пармскихъ все снесено въ эту галлерею. Въ Моденѣ—nichts, въ Піаченцѣ тоже.

Нѣмцевъ отъ Болоньи до Пьемонта смерть бранятъ; въ Моденѣ герцогъ все конфисковалъ; страшно смотрѣть на бѣдность и отчаяніе; народъ громко негодуетъ: meglio morir dei Tedeschi, говоритъ онъ, che di fame [2]). Великая истина!

---

[1]) Мицкевичемъ.

[2]) Лучше умереть отъ Нѣмца, нежели отъ голода.

VI.

Paris, 1830, 22 Mars, Lundi.

Душа моя, Шевыревъ, я получилъ письмо твое отъ котораго-то числа. Благодарю за всѣ вѣсточки, милыя и немилыя, и стараюсь, за неимѣніемъ другаго, отплатить тебѣ аккуратностію книгъ. Нынѣ посылаю по почтѣ „Pape Alexandre et César Borgia“, потому что боюсь, навязавъ ее какому нибудь путешественнику, причинить ему остановку при въѣздѣ въ ваше паповское царство, но за то завтра ѣдетъ Потоцкій и везетъ вамъ „la Russie et St. Pétersbourg par May“ 2 vol. (то-то насъ ругаетъ!) Hernani, la Neige, les Éphémères, Marie Mignot (которую ты называешь Marion Delorme, ибо Marion Delorme здѣсь главное лице) и la Seconde Année, порядочный новый водевиль Скриба. Все это, съ пересылкой по почтѣ первой изъ этихъ книгъ, стоитъ 38 франковъ (да пересылка 3 фр.), кои прошу доставить Соймонову немедленно, а буде чего не... „то воленъ онъ Соймоновъ о поступленіи и взысканіи по законамъ“. Скажи ему при томъ, что я въ Четвертокъ посылаю ему денегъ (только это не послѣ дождичка, а просто).

Плáчу, что у меня нѣтъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“; но, если такъ какъ думаю, проведу лѣто въ Верхней Италіи, то попрошу сообщить. Пьеска Пушкина, такъ какъ вообще все что̀ онъ пишетъ о зимѣ, превосходна; эта истинно Русская часть года ему съ-плеча; не то, что̀ весна, которой онъ не любитъ. Начало 7-й пѣсни я читалъ тому два года назадъ, и я ужасаюсь поэтому, какъ онъ мало пишетъ. Если бы что-нибудь у него было большаго поновѣе послѣ Мазепы и 7-й главы (а онъ мнѣ и то и другое читалъ тому 16 мѣсяцевъ назадъ), то вѣрно бы сообщилъ образчикъ, ибо Пушкинъ любитъ похвастаться. Что Загоскинъ перебиваетъ славу у Булгарина—торжество глупости; ибо Булгаринъ, и то и се, но не дуракъ, подобный Михайлѣ Николаевичу*).

Обойми Мицкевича. И мнѣ жаль Дашкевича; но кто другой, потерянный имъ? Ты мнѣ объ этомъ не забудешь написать въ первомъ письмѣ твоемъ. Когда же и какъ получу я это первое письмо, не знаю и прошу тебя ужъ болѣе мнѣ *не посылать* ничего; замѣть это *не посылать* и не смѣшивай. Напротивъ, записывай вѣсточки; я же, когда только возвращусь изъ Англіи, дамъ тебѣ знать, и ты мнѣ пришлешь Русскихъ литературныхъ excrementorum. Теперь же, родной мой братецъ, обоймемся и прощай недѣль на шесть.

*) Подобнаго же мнѣнія о Загоскинѣ былъ и М. А. Дмитріевъ, написавшій на него сатирическіе стихи. П. Б.

Я много хлопочу о томъ, чтобы мнѣ на лѣто соединиться съ Рожалинымъ и Кирѣевскими и прошататься по студенчески, ибо житье болѣе столичное мнѣ уже зѣло тяжело. Шататься же вѣроятно будемъ по верхней Италіи, Тиролю, Швейцаріи и верхней части Рейна. Тебя не зову, ибо не надѣюсь на возможность; но поговори объ этомъ Адаму Адамовичу Вральману и посовѣтуй ему поскорѣе сбыть съ рукъ Неаполь; теперь при томъ и удобнѣйшее время: вѣдь это одни мы догадались бѣгать по Неаполю въ каникулы. Прощай, душа!

Пришли мнѣ чего нибудь своего *при первой окказіи*; мнѣ что-то тебя хочется, а съ твоими стихами какъ и съ тобою вмѣстѣ тошно, розно грустно.

VII.

7 Іюня (Карлсруэ 1830).

Вотъ я гдѣ: въ Carlsruhe. Сыщи на картѣ и кланяйся мнѣ издали, тѣмъ болѣе, что вотъ тебѣ важная просьба; на нее отвѣть мнѣ безъ малѣйшаго замедленія: спроси у Риччи, не оставилъ ли ему Соймоновъ [1]) для меня 1500 франковъ? Ибо мой карманъ жиже „Дамскаго Журнала“ и пустѣе твоей головы: какова эпиграмма!

Ѣду отселѣ завтра nach München, гдѣ думаю обнять часть нашихъ. Прибавь мнѣ слова два о Мицкевичѣ и напиши, когда проѣхали Соймоновы обратно durch Rom. Я хочу устроить прогулку по Швейцаріи гурьбою и выписать на сей конецъ Адама Адамовича Вральмана (т. е. Мицкевича). Пѣшеходство мнѣ полюбилось на Рейнѣ, да и что̀ тамъ за страна; что̀ ни деревушка, то имя знакомое по прейсъ-куранту Кистера [2]); невольно остановишься изучать произведенія страны, отъ того-то я сюда такъ и ѣхалъ долго. Прощай!

VIII.

Мюнхенъ, 4-го Іюля (1830).

Ты, чай, душа моя Шевыревъ, воображаешь, что я Богъ знаетъ гдѣ; а я все еще здѣсь въ Русскомъ полку, составленномъ изъ друзей великаго Шевырева. Я увѣренъ, что ты уже отправилъ цидулъ десять въ Туринъ на мое имя съ разными извѣстіями и сплетнями; надѣюсь читать ихъ дней чрезъ 10; ибо я отправляюсь на дняхъ въ Миланъ

---

[1]) Александръ Николаевичъ Соймоновъ († 1855) отецъ Соболевскаго. П. Б.

[2]) Тогда, и до шестидесятыхъ годовъ, это былъ значительный погребъ иностранныхъ винъ въ Москвѣ, особенно Рейнскихъ. Братъ содержателя поступилъ впослѣдствіи, по словамъ Соболевскаго, сначала въ гувернёры, а потомъ и въ управители къ одной (Смолен. губерніи) богатой барынѣ; о характерѣ подобныхъ управленій и гувернёрствъ Соболевскій разсказывалъ, по этому поводу, нелестные для Россіянокъ анекдоты.

и такъ далѣе. Скажи это княгинѣ, да узнаетъ она, что мнѣ Италія не противна.

Теперь вотъ въ чемъ дѣло. Здѣшніе курсы кончаются въ началѣ Августа. Кирѣевскіе хотѣли отселѣ прямо въ Парижъ, но я ихъ отговорилъ, и они рѣшились или побѣгать до осени по Швейцаріи, или спуститься къ тебѣ и далѣе. Хотя мнѣ бы, по врожденной любви къ моему ich (я), пріятнѣе бы первое; но по совѣсти я долженъ совѣтывать имъ второе, такъ какъ того и смотри, что они пріѣдутъ къ тебѣ, съ другой же стороны собственно для Ивана была бы польза не ѣздить еще въ Италію. Объ этой пользѣ узришь ниже.

Не зову тебя, ибо знаю по несчастію, что это cosa imposibile [1]); но какъ бы завербовать Мицкевича? И такъ, получа сію цидулу, напиши мнѣ à Turin, poste restante, гдѣ Адамъ Адамовичъ? Если онъ съ тобою, изъясни ему, что до первыхъ дней Декабря Парижъ глухъ по обществу; предложи ему отъ меня, со мною однимъ по крайней мѣрѣ (съ четырьмя нами можетъ быть) обѣгать Швейцарскія горы, сказавъ ему при томъ, что, въ случаѣ *да*, я спишусь съ нимъ объ rendez-vous [2]).

Я пріѣхалъ сюда 11-го вечеромъ; на другой день увидѣлъ нашихъ и переселился къ нимъ. Вотъ *вѣрныя* объ нихъ извѣстія. 1) Петръ К. все тотъ же прилежный человѣкъ; при томъ Рожалинъ научилъ его пить винцо въ Дрезденѣ, въ чемъ онъ порядочно и успѣваетъ. 2) Рожалинъ, научившійся прекрасно по польски и сербски и чехски, слушаетъ одного только Тирша [3]), кажется, много занимается всѣмъ историческимъ и ужасно дуется, сердится и пр., что̀ мы называемъ: *звѣрiаетъ*. Кирѣевскій боится, чтобы онъ не подвергся со временемъ болѣзни своего отца, который тоже по временамъ бѣсится. Мы же обще стараемся отучать его отъ этой дурной привычки и, по видимому, успѣваемъ. 3) Наконецъ Иванъ К.. Объ немъ братъ, скажу съ горестью, что нечего сказать хорошаго. Здоровье его никуда не годится, онъ жёлтъ, худъ и кашляетъ безпрестанно; при томъ не отстаётъ отъ своихъ дурныхъ привычекъ спать днемъ, не спать ночью, курить табакъ и пить кофе безпрестанно; не бережется нимало и дѣлаетъ чортъ знаетъ что. Это все и побуждаетъ меня желать, чтобы онъ, вмѣсто Италіи, ѣхалъ со мной въ Швейцарію. Умѣренное движеніе, жизнь расчисленная по человѣчески, а не по дурацки, чистый

---

[1]) Вещь невозможная.

[2]) Мѣстѣ съѣзда.

[3]) Тиршъ—извѣстнѣйшій эллинистъ того времени, толкователь Гомера и пр.

и постоянный воздухъ сдѣлаютъ ему навѣрное добра больше, чѣмъ то, что онъ, не укрѣпившись, проскачетъ въ довольно жаркое время Италію, а оттолѣ опять на Сѣверъ, въ мокрый Парижъ, ибо Парижъ есть цѣль ostensible[1]) его путешествія; онъ хочетъ пробыть въ немъ два года. Впрочемъ я изо многаго, даже изъ многихъ его нечаянныхъ выходокъ разумѣю, что онъ уѣхалъ изъ Москвы, чувствуя себя очень нездоровымъ, желая лѣчиться и сокрыть свое состояніе отъ матери. Потому-то бы мнѣ и желательно, прогулявъ его по Швейцаріи, отправить въ Парижъ; тамъ онъ полечится, поразвлечется, авось поправится. Разумѣется, было бы лучше поселить его у васъ, но онъ не захочетъ и для себя, и дабы не испугать матери. При томъ ему особенно нужно *развлеченіе*, а ему онаго найти (по его образу мыслей и занятій) только въ Парижѣ. Напиши мнѣ свои мысли обо всемъ этомъ подробнѣе. Сличимъ, повѣримъ и такъ какъ совѣтывать прямо ему нельзя (испугаешь), то съ обща разставимъ ему сѣти. Обозрѣнія его не знаю вполнѣ, ибо онъ съ собой не привезъ Максимовича[2]). Прибывъ въ Туринъ, кое объ чемъ освѣдомлюсь, и, увидавъ возможность и удобство, попрошу тебя прислать мнѣ Русскихъ печатныхъ новинокъ à charge de restitution[3]) вѣрной и аккуратной. Я же здѣсь офилософствовался, слушаю Шеллинга, Окена и чортъ знаетъ еще кого. Что̀ за гадость Нѣмецкіе студенты и какъ мы Русскіе велики противу всей Европы!

Хуже въ мірѣ нѣтъ климата Мюнхенскаго. Жарко несносно, чрезъ четверть часа дуй въ пальцы и трясись отъ холода. Нѣкоторое мое твореньице печатается или даже уже напечатано въ Парижѣ. Егда получу, пришлю другу на съѣденіе.

IX.

10 Августа 1830 года. Торино.

Только нынѣ, любезный мой Шевыревъ, получилъ я твои письма отъ 22 Іюня и 15-го Іюля, хотя я уже болѣе недѣли здѣсь. Оставивъ Мюнхенъ, я чрезъ Линдау и Bodensee попалъ въ Constanz, въ Шаффгаузенъ, въ Цирихъ. Изъ Цириха я пустился пѣшеходствовать и обошелъ всю классическую Швейцарію, всѣ мѣста прославленныя Телемъ и его сподвижниками, взбирался на Рѝги и наконецъ чрезъ Тессино добрёлъ до Белленца, тамъ плылъ по большему озеру, съѣздилъ въ Миланъ,

[1]) Предъявляемая имъ цѣль.

[2]) Т. е. альманахъ Максимовича: Денницу на 1830-й годъ, въ которомъ К. помѣстилъ Обозрѣніе Русской словесности за прошлый годъ, обратившее тогда на него общее вниманіе какъ самостоятельностью критическаго взгляда, такъ и изяществомъ изложенія.

[3]) Съ обязанностью возвращенія.

прожилъ въ Миланѣ недѣлю и наконецъ добрался сюда, гдѣ живу въ деревнѣ вашего знакомца графа Benevello.

Кирѣевскій боленъ грудью. Авось-ли теперешнія обстоятельства[1]) помѣшаютъ ему ѣхать въ Парижъ. Ибо онъ на всѣ мои уговоры отвѣчалъ мнѣ, что онъ въ Италію вовсе не хочетъ, а хочетъ въ Парижъ. Даже уговаривалъ Иванъ Петра ѣхать однаго въ Римъ, а его пустить своимъ путемъ въ Парижъ. Жаль, что я, бывши въ Швейцаріи, не зналъ о сосѣдствѣ Мицкевича; тамъ бы по близости соединился съ нимъ, а теперь уже не могу, и потому что мнѣ адресуютъ сюда мои дѣловыя бумаги, и потому что мнѣ здѣсь хорошо, и потому что я оканчиваю мои Записки, и потому что мнѣ не платятъ денегъ по Парижскому векселю, по нынѣшнему Содому и Гомору; а еслибъ заплатили, то я очутился бы тамъ снова на place Vendôme, au champs de Mars[2]).

Что за дурь Мицкевичу ѣхать въ Америку! Если на время, то далеко; если навсегда, то нѣ за чѣмъ. Ему, кажется, преслѣдованій бояться нечего, а уѣхавши за море, онъ отрѣжетъ полславы своей!

Рожалинъ къ Муравьеву не хочетъ, да и М. взялъ какого-то Страсбурскаго пирожника. А малый онъ золотой; только не довольно плотно занимается, не такъ какъ ты, пчела трудолюбивая!

Я очень люблю Италію и, поживши въ разнородномъ Парижѣ, пивномъ Лондонѣ и безтолковой Германіи, рѣшилъ, что послѣ Россіи, самый для жилья пріятный край для большей части года—Италія. Почему и рѣшила моя премудрость, что она, обдѣлавъ нынѣшнюю зиму дѣла свои въ Москвѣ, опять выѣзжаетъ лѣтъ на пять въ чужбину и проводитъ регулярно осень, Генварь и Февраль въ Италіи; Мартъ, Апрѣль и Май въ Парижѣ; Іюнь въ Лондонѣ, лѣто на водахъ, въ Швейцаріи, на Рейнѣ и пр. и пр. Въ одной Италіи люди довольно дѣти, чтобы радоваться радости и тѣшиться прекраснымъ отъ сердца. Внѣ Италіи всё Чайльдъ-Гарольды и a+b=c: радуются и удивляются по извѣстной мѣркѣ. Скажи объ этомъ княгинѣ (поцѣловавши ея руки) и скажи ей, что я божусь теперь одной Италіей, а въ Италіи почти однимъ Римомъ. Съѣздилъ бы и я въ Римъ, и къ ней, и къ тебѣ, и къ С. Петру...

Пиши мнѣ о Мицкевичѣ; не знаешь ли гдѣ княгиня Гагарина и ея сестра Свѣчина?[3]) (Это для меня важно).

---

[1]) Іюльская революція. П. Б.

[2]) На Вандомской площади, на Марсовомъ полѣ.

[3]) Рожденныя Соймоновы, родственницы отцу Соболевскаго. П. Б.

Каковы Французы! Чудо-малые въ политикѣ. Здѣсь газетъ къ намъ не пропускаютъ, а Воронцова нѣтъ, чтобы поживиться посланническими. Жаль мнѣ только своей славы; я было изготовилъ главу, въ которой предсказываю всё случившееся теперь: будетъ послѣ ужина горчица. Допустятъ ли до васъ вѣсть, что у Парижскаго архіепископа нашли запасъ пороха? Каковы монахи?

Скажи княгинѣ, что если ей угодно что нибудь предпринять съ монументомъ ея матери, то да прикажетъ. Я остаюсь еще здѣсь 40 дней, и если нужно, то буду объ этомъ печься, какъ ты о „Московскомъ Вѣстникѣ“.

X.

Торино, 30 Августа 1830 г. № 8.

Что̀ за чудесный малый Степанъ Петровичъ! Напишешь ему, онъ сейчасъ же отвѣтитъ; дѣлится всякими новинками, а это все не мѣшаетъ ему зубрить Гомера и читать Сисмонди[1]) и Ріенцо.

Такъ какъ я здѣсь живу не въ городѣ, а въ деревнѣ, между Итальянками, то и я совсѣмъ ушёлъ въ Итальянское, и я читаю Сисмонди и Ріенцо. Этотъ послѣдній плѣнилъ меня съ первой строки. Какая ты „варвара“, душа моя! не назовешь своего труда. Назови, ради Италіи. Паровую типографію заведу, съ тѣмъ, что ты заведешь мнѣ еще двухъ Шевыревыхъ... Ты пишешь, Плутарха нѣтъ на Русскомъ; забылъ Дезописа. Жалѣю о женатомъ Пушкинѣ... еще болѣе о тѣхъ[2]) которые женаты на Ушаковыхъ, всего же болѣе о бѣдномъ моемъ Глинкѣ, который умеръ отъ фр.; всего же менѣе о Владимирѣ Измайловѣ, котораго уморили Капитанъ Храбровъ[3]) и Александроида, любимыя его чтенія.

Что ты всё толкуешь о своихъ древнихъ! Я, грѣшенъ, противъ введенія ихъ въ Россію. Масса нужныхъ или, лучше сказать, необходимыхъ для насъ познаній слишкомъ увеличилась, и увеличивается въ геометрической прогрессіи, чтобъ намъ было еще время удѣлять на ихъ изученіе довольно времени. При томъ, не говоря о ежедневномъ (намъ современномъ) приращеніи открытій, изобрѣтеній, о рожденіи новыхъ наукъ и проч., намъ и потому некогда, что новые языки nous absorbent de plus en plus[4]). Еще загляни-ка въ средніе вѣка:

---

[1]) Симонъ де Сисмонди, авторъ Исторіи Итальянскихъ республикъ въ 9-ти томахъ, и Исторіи Южно-европейскихъ литературъ въ 4-хъ томахъ.

[2]) Тутъ въ подлинномъ письмѣ двѣ головы съ рогами на лбахъ. П. Б.

[3]) Сочиненіе В. Л. Пушкина? П. Б.

[4]) Насъ поглощаютъ болѣе и болѣе.

сколько тамъ чудесъ чудеснѣйшихъ и въ исторіи, и въ поэзіи! Копни-ка всѣхъ лѣтописцевъ Итальянскихъ, Французскихъ, Нѣмецкихъ; копни-ка Минезингеровъ, эпическія поэмы Труверовъ; голова кругомъ пойдетъ, какъ въ началѣ горячки.

А у меня голова ходитъ ходенемъ и отъ другаго. Пишу свои Записки[1]), пишу по французски объ Россіи, а главное думаю о такой вещи нѣкоей, отъ которой въ годъ толкну Россію на десять, въ два на 50, въ три на сто лѣтъ. Хочу всю Россію исчертить паровыми телѣгами, паровыми каретами, возами и проч. Да объ этомъ—тс, тс, тсъ! Это болѣзнь Англинская... Съ помощью Бога, Риччи и покупщика[2]) увидалъ бы васъ; безъ того же (особенно безъ покупщика) возвращусь въ Россію сиротой. Что̀ тамъ теперь должны быть за гадости! Если бы вы продали коляску, то сейчасъ бы въ путь. Если же нѣтъ, то двинусь не прежде 20 Октября, а по дорогѣ заверну въ Парижъ посмотрѣть *перемѣну его физіономіи*, и потомъ прямо на Погодина и Полевова...

Душу растерзалъ мою
Ты упрекомъ рѣзкимъ:
Римъ, мой другъ, я не кую—
Потому что не съ кѣмъ.

PS. Съ монументомъ княгини—ничего не было предпринято и никакой поправки не сдѣлано.

XI.

22 Сентября, близъ Турина. 1830.

Не знаю хорошъ-ли будетъ переведенный Ріенцо, особенно для знающихъ *мало* Италію. Что же касается трагедій взятыхъ изъ онаго, это будетъ совершенно зависѣть отъ исполненія. Впрочемъ, не чего тебѣ бояться нашихъ дурасовъ. Можетъ-ли придти Полевому или Шаховскому на умъ, что Ріенцо вещь политическая? Къ вашему, сударь, Итальянскому Плутарху готовится введеніе въ 4-хъ томахъ: „Были и *небылицы*“: Записки Русскаго путешественника (Dichtung und Wahrheit). Я здѣсь неутомимо тружусь надъ этимъ. Всё написано, стоитъ лишь присѣсть, то есть просмотрѣть и переписать, и для сего куда бы хорошо мнѣ съѣздить въ Римъ. Не знаю, позволятъ ли дѣла. Цѣль моя была представить impartialissimam картину нынѣшней Италіи, въ сравненіи съ ея блескомъ отъ 1200 до 1530 годовъ, въ исторіяхъ, повѣстяхъ, описаніяхъ; и подъ этой побасёночной одеждой выставить ее рѣзкимъ примѣромъ гнусности, зависимости внутренней

[1]) Гдѣ эти Записки? Не въ архивѣ ли графа С. Д. Шереметева? П. Б.

[2]) Коляски, оставленной въ Римѣ для продажи графу Риччи. П. Б.

и внѣшней, фактной и умственной... Потомъ въ 4-ой части слегка показать теперешнюю Францію скуднѣйшую во стократъ природными матеріалами, богатѣйшую и могущественнѣйшую отъ свободы мыслить и изъяснять мысли. Жаль, что революція 1830-го года сбылась годомъ раньше; ибо еслибы я успѣлъ тиснуть прежде, то имѣлъ бы въ послѣдствіи вѣсъ пророческій у насъ на Руси. Теперь же многое senape dopo pranzo [1]). Здѣшней паровой машины не видалъ, да и не нужно; видѣлъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Оксфордѣ, а что̀ всего лучше разсматривалъ en détail [2]) въ Питерѣ (гдѣ оною печатаютъ игральныя карты—плоды просвѣщенія Англійскаго клуба). Я тогда заказалъ ее для Полеваго и далъ 3000 рублей задатка; если же Полевой не исполнилъ намѣренія, то воспользуюсь я самъ, хотя впрочемъ не намѣренъ держать долго, ибо c'est la marotte de Kiréefsky [3]): онъ хочетъ рѣшительно исключительно новиковствовать [4]), и мы въ Мюнхенѣ много толковали объ этомъ. Далъ бы ему только Богъ здоровья, а это охъ, охъ!!!

Что же касается Рожалина, я все за свое; ужъ если хочетъ гречествовать, то и хорошо дѣлаетъ, что остается въ Мюнхенѣ; худо только то, что больше спитъ, чѣмъ учится. У него болѣе 1000 рублей, да еще Кайсаровы ему должны. Этимъ по чрезвычайной Мюнхенской дешевизнѣ жить можно болѣе года. Въ Мюнхенѣ обыкновенный нашъ обѣдъ стоилъ 25 копѣекъ съ персоны (6 Kreitzer), прочее—en proportion [5]).

Я здѣсь живу славно. Предъ моими окнами въ 5 верстахъ Альпы, покрытыя отчасти снѣгомъ; изъ другого окошка съ высока видъ на необозримое море равнинъ Ломбардіи. Книгъ Итальянскихъ—гибель; въ 1½ часахъ ѣзды Туринъ, откуда получаемъ единоутѣшающую меня Gazette de France. Кстати, готовлю вамъ подарокъ. Я получилъ чрезъ Воронцова десятка два brochures изъ Парижа. Прочитавъ, пришлю на имя Фурмана вамъ. Итакъ préparez les voies. Что за славные дѣти Французы, не смотря на брань Alfieri.

Кстати читалъ ли его Vita, scritta [6]) имъ самимъ? Если нѣтъ—чти; во всемъ блескѣ старинное католическое воспитаніе. Насъ онъ назы-

---

[1]) Горчица послѣ ужина.

[2]) Въ подробности.

[3]) Главная забота, или конёкъ, Кирѣевскаго.

[4]) Т. е. дѣйствовать, какъ Н. И. Новиковъ при Екатеринѣ. Отецъ братьевъ Кирѣевскихъ Василій Ивановичъ былъ приверженцемъ и вѣроятно сотрудникомъ Новикова, котораго Иванъ Васильевичъ приравнивалъ къ Франклину. П. Б.

[5]) Въ соотвѣтствіи (съ этой цѣною).

[6]) Жизнь, описанную...

ваетъ questi barbari mascherati da Europa[1]). Отчасти правда, а все таки скажу: Русскій человѣкъ—соколъ между человѣками. Ась? не такъ-ли-съ?

Кстати объ *человѣкахъ*. Я замѣтилъ, что умнѣйшій en général человѣкъ—Итальянецъ, каковъ онъ есть, а Русскій—каковымъ его легко можно сдѣлать; Нѣмца же ничѣмъ не обработаешь: такіе густокровные, колбасокишечные!! Гдѣ бы ни было—въ Германіи-ли, во Франціи-ли, спроси иностранецъ на дорогѣ невполнѣ чистымъ тутошнимъ языкомъ: гдѣ туда-то дорога? „Что? дорога туда-то? эта туда-то, вотъ эта въ другое мѣсто. А той, которую спрашиваешь, не знаю“. Итальянца-же, на какомъ дурномъ Итальянскомъ ни спроси, сейчасъ пойметъ—глупыхъ глазъ не состроитъ, а растолкуетъ и твой вопросъ себѣ, и свой отвѣтъ тебѣ. Не правда-ли?

Отвѣть мнѣ: до какой степени вѣроятенъ отъѣздъ Погодина? Когда, какъ оставляетъ онъ свой пансіонъ, свои каѳедры, свою Анну Петровну Малиновскую, и Ел. Алек. Трубецкую! Кстати, что̀ Трубецкіе?

Честь имѣю васъ поздравить, Степанъ Петровичъ: нынѣ день моего рожденія-съ! Сколько вамъ лѣтъ, Серг. Александровичъ? 27, идетъ 28-й-съ!—27-ми лѣтъ Наполеонъ завоевалъ Италію, а я-съ ее объѣздилъ, ce qui est un grand trait de ressemblance[2]).

Что̀ слыхать о Мицкевичѣ и косомъ его товарищѣ? Княгинѣ готовилась отселѣ посылка бѣлаго труфеля; скажи объ этомъ Риччи; у него слюнки потекутъ при одной мысли. Кабы нынѣ быть вмѣстѣ въ Москвѣ!? Н. Полевой реветъ, Ксенофонтъ рветъ, Погодинъ вретъ, Максимовичъ блюетъ; всѣ гадости, а нашихъ задушевныхъ ни одного. Да, теперь ни одного ужъ нѣтъ въ Москвѣ, ибо Алек. Серг. женящійся, и Баратынскій женившійся—ужъ не люди. Нынѣ же почти ужъ годъ, что мы не видались, моя радость.

XII.

20 Октября 1830.

Вотъ тебѣ, мой милый Шевыревъ, двѣ рожи. Я ихъ calqué съ портрета, сдѣланнаго мной въ Мюнхенѣ, пока нашъ оригиналъ спорилъ съ какимъ-то дуракомъ о дурацкой пивостранной философіи. Отъ того-то у него и кислая рожа. Замѣть при томъ что у Ивана на лѣвой сторонѣ попорченный глазъ, отъ того-то глазъ такъ и уродливъ.

---

[1]) Эти варвары, замаскированные въ Европейцевъ.

[2]) Что̀ составляетъ черту большаго сходства.

Должно стараться журналами *полу-учеными* завлекать низшіе, по бусурмански незнающіе классы людей, болѣе и болѣе къ чтенію. Не надобно чуждаться говорить о вещахъ, кои слишкомъ извѣстны Европѣ, лишь бы было говорено правильно и внятно, а не сбивчиво или пусто какъ у Погодина или у Полевого. Идеалъ журнала на Руси „Телеграфъ", въ коемъ бы статьи той же цѣли были бы писаны не Кс. или Ник.[1]), а тобою или Рожалинымъ или покойнымъ Веневитиновымъ.

Мы Русскіе, не слишкомъ-ли поздно вступаемъ мы на словесное поприще, чтобы намъ бросаться на переводы; не слишкомъ-ли у насъ легко учатся и узнаютъ языки, чтобы были полезны переводы, и едва ли они нужны намъ иначе, какъ съ совершенно первоначальныхъ rudimentis scientiarum[2]). Такъ, мой милый, я думаю, что переводы были бы только полезны для тѣхъ, кои хотятъ знать кое-что, очень мимоходомъ и не увѣрены въ томъ, что они объ этомъ же предметѣ воздумаютъ опять послѣ завтра; если же вещь надобна такъ, что и послѣ завтра объ ней навѣрное вспомнишь, то прямо за грамматику и лексиконъ. Эта ловкость браться за грамматику и лексиконъ долго (а можетъ быть и всегда) будетъ губить Русское письмо, по крайней мѣрѣ дотолѣ, пока наши оригиналы не заставятъ чужеземцевъ учиться по-русски. Alors nous rentrerons en nous et nous étudierons le russe non comme notre langue, mais comme la langue qui prime en Europe; comme les Francais, sans litterature à l'heure qu 'il est, apprennent l'Anglais grâce à Byron et Soott[3]).

Извини, мой милый, толикое мараніе. Но ты слишкомъ поэтиченъ, ты не заглядываешь въ обстоятельства нашего міра, ты *по себѣ* считаешь многое на Руси выше чѣмъ есть. Я же, ползущій по самой землѣ, ближе вижу тебя, и многіе твои предпріятія цѣню иначе въ отношеніи къ Россіи, чѣмъ ты ихъ цѣнишь въ отношеніи всеобщаго учено-письменнаго міра.

Вотъ что написалось, почему и какъ, не знаю; потому развѣ только, что рука моя механически наметалась писать. Коль уже написано, посылается и тебѣ мое сокровище, о мой паровой котелъ и Schreib-Denk und Dichtung-Maschine, называемый Степаномъ Шевыревымъ.

---

[1]) Т. е. не Полевыми. Это были само-и-недоучки. П. Б.

[2]) Учебныхъ руководствъ.

[3]) Тогда мы войдемъ въ самихъ себя и будемъ изучать Русскій языкъ не какъ свой, а какъ первенствующій въ Европѣ; подобно какъ Французы, нынѣ, безъ хорошей литературы, учатся по-англійски, благодаря Байрону и Скотту.

Ты мнѣ пишешь, что надобно стараться о усовершенствованіи физическаго человѣка. Во всѣхъ скотоводствахъ признано, что цѣль сія достигается par le croisement des races[1]). Я теперь творю надъ этимъ опыты, соединяя какъ можно болѣе Русскаго съ Итальянскимъ.

XIII.

Близъ Торино, 28 Октября (1830) № 19.

Мнѣ пишутъ изъ Москвы, что тамъ всѣ готовятся умирать, что всѣ дѣла остановились и что у всѣхъ лица какъ небо предъ грозой. Напиши мнѣ все что̀ ты знаешь объ ней, особенно ея географію, т. е. гдѣ она теперь, гдѣ разставлены карантины, какія берутъ предосторожности. Васъ Русскихъ много вмѣстѣ, и вы складчиной имѣете извѣстія о всемъ нашемъ, тѣмъ болѣе, что и Гагаринъ, чай, у васъ.

Василій Львовичъ умеръ во истинну: мнѣ объ этомъ пишетъ Тургеневъ изъ Парижа. Кто будетъ насъ теперь зазывать на ужины? Надъ чѣмъ смѣяться?

Я радъ, что Парижскія обстоятельства мѣшаютъ Ивану уѣхать въ Парижъ и что онъ проводитъ зиму въ Римѣ; развлекайте мнѣ его, да поставьте здоровымъ на ноги. Мнѣ эти свиньи ни словечка не пишутъ, и я, предъ отъѣздомъ, намѣренъ прислать тебѣ деньги, кои имъ долженъ. Желалъ бы, чтобы Кирѣевскій влюбился въ какую-нибудь порядочную Римлянку.... Это вылечило бы его на вѣки. И такъ, мой милый, знакомь его со всѣми, съ кѣмъ можешь. Петру бы тоже не мѣшало, для „развязія“, но не столько, сколько Ивану, ибо Иванъ такой горячей натуры. Понимаешь?

Я еще не рѣшилъ, куда направить стопы моя. Думаю—въ Дрезденъ, гдѣ останусь до новаго года. Дѣла мои пошли къ концу, и мнѣ надобно приблизиться для скорѣйшей переписки къ Москвѣ. Притомъ я Дрездена не знаю, отъ Нѣмецкой литературы отсталъ немного, и хочу опять употребить это время на нее.

Пришли мнѣ нѣсколько строфъ, моя радость, твоего Тасса, съ означеніемъ пѣсни и строфы, (Canto... p...); смерть хочется. Что же касается Paura, то онъ и порусски *во сиѣ* понимаетъ! Такое безталаніе!—Знаешь ли ты: Dei Sepolcri, di Ugo Toscolo“ [2])? Если не знаешь, прочти, и если возможешь, переводи: что̀ тебѣ 295 стиховъ! А это совершенный антикъ, величіе, простота. Что̀ бы за словомъ—перевести и мнѣ прислать!

---

[1]) Помѣсь породъ.

[2]) Гробницы, стих. Гуго Фосколо.

Я здѣсь при отъѣздѣ оставлю свои книги Русскія; если хочешь пришлю тебѣ нѣкоторыя. Есть ли у васъ: *Прача* Русскія Пѣсни? Старыя погудки на новый ладъ? *Чулкова* Сказки? Пѣсельникъ *Новикова?* Мицкевичъ, кажется, въ Женевѣ, съ Хлюстиными; Хлюстина замужествуетъ. Умна ли она, мила ли она? Гдѣ Кирѣевскій? Будь аккуратенъ и пиши отвѣтно.

Ѣдетъ ли твой Погодинъ? За чѣмъ онъ въ Италію ѣдетъ. Ему бы ужъ еслибы ѣхать, такъ въ Мюнхенъ совсѣмъ одурѣвать, или по Россіи бы, по монастырямъ, по архивамъ; напиши ему, чтобы онъ познакомился съ Ciampi во Флоренціи. Ciampi можетъ ему помочь въ Архивѣ, особенно же указать, гдѣ что̀ есть. Я предлагалъ дураку Полевому Чіампи за 1500 въ годъ; не отвѣчалъ, скотина. Теперь дѣла мои къ концу; удивлю васъ всѣхъ! Какія проказы начну строить на Руси... Ахнете, мои голубчики; все будетъ поэзія въ цифрахъ *).

XIV.

Туринъ, 20 Ноября (1830).

Меня развеселила твоя приписка, внушенная полученіемъ писемъ изъ Россіи. Таковыхъ, мой милый, я не получаю уже давно, и отъ этого сержусь на родину: пусть „десятеритъ“ cholera друзей моихъ: туда имъ и дорога! А все виноваты Дельвигъ и Плетневъ, съ ихъ проклятой лѣнью. Жаль только, что послѣднему она не мѣшаетъ писать.—Кстати о мысляхъ о смерти скажу тебѣ новость: Глинка музыкантъ тому 10 дней былъ здѣсь, а теперь поѣхалъ въ Миланъ въ порядочномъ здоровьѣ. Отпиши объ этомъ тѣмъ, что̀ извѣстили тебя объ смерти его *на дорогѣ въ Италію*. Знаешь ли, что Кирѣевскій счудесилъ? Уѣхалъ изъ Милана въ Россію, написавъ мнѣ письмо, изъ коего вотъ выписка: „ѣду назадъ въ Россію; однако ты объ этомъ не пиши въ Москву, ибо я ѣду не прямо въ нее. Братъ, я думаю, поѣдетъ въ Италію; навѣрное не знаю. Рожалинъ остается здѣсь. Не думай, чтобы причина моему возвращенію свинства Булгарина. Я увѣренъ, что ты меня довольно уважаешь чтобы не сомнѣваться, что я для Булгарина лишняго шага не сдѣлаю. Нѣтъ! дѣла, зовущія меня въ Россію не литературныя и касаются слишкомъ исключительно одной моей особы, чтобы быть интересными или даже понятными для кого бы то ни было“.—Понимаешь ли ты что нибудь изъ этого? Я думаю что Ив. хочетъ раздѣлять опасность!

Вотъ что написалъ было я: дверь отворилась, и я получилъ два письма, одно отъ тебя, другое отъ Рожалина. Письмо послѣднее меня

*) Вѣроятно, въ это время Соболевскій замышлялъ уже первую въ Россіи бумагопрядильню въ Петербургѣ, на Выборгской сторонѣ. П. Б.

утѣшило, утвердивъ меня въ вышеписанной догадкѣ. Деньги отправилъ ему сей же часъ; только вотъ въ чемъ штука, у меня остается 750 или 800 франковъ, а вотъ проэкты: 1) Ѣхать въ Россію чрезъ Дрезденъ и остаться въ Дрезденѣ до нѣкоторыхъ извѣстій, то есть до 15 Февраля. Скука и скука. 2) Остаться здѣсь до 10 Декабря; отправиться въ Миланъ, встрѣтить въ Миланѣ карнавалъ, гдѣ Rossini, Tamburini и двѣ чудныя оперы, qui rivalisent entre elles *). Потомъ около 5 Генваря въ Римъ и тамъ остаться. Вотъ средства. Теперь только 800 франковъ.—13 Генваря (nouv. style, а нашъ новый годъ) деньги (10,000 рублей процентовъ) получаются въ Москвѣ, въ Римъ или въ Миланъ 20 дней переѣзда, слѣдственно приходится около 5 или 6 Февраля nouv. style. И такъ вотъ объ чемъ дѣло. Я сейчасъ пишу Риччи, не можетъ ли онъ мнѣ достать или даже подъ залогъ коляски занять 1000 франковъ, около 22 Декабря, и прислать ихъ въ Миланъ къ 1-му Генварю poste restante. Поговори съ нимъ объ этомъ, справься съ своимъ карманомъ; нѣтъ ли въ немъ залежныхъ червонцевъ? Постучись и у Адама; все это сотвори духомъ и объ возможности напиши мнѣ. Я, получивъ сію возможность или невозможность, 10 Декабря, рѣшусь куда: на холеру или на карнавалъ... Въ послѣднемъ случаѣ отпишу вамъ: присылайте туда-то, а въ первомъ—горько заплачу и поѣду убивать время въ колбасину.

Я съ нѣкоторыхъ поръ проклинаю пуще язвы *лѣнь*. Она помѣшала Мицкевичу дать о себѣ знать мнѣ; она ни на что не годится. Прощай; усталъ писавши; иду поваляться. Byronia томы 3 и 4-й не вышли еще. Брошюры всѣ у меня растаскали; впрочемъ, чай, вамъ ихъ навезъ Гагаринъ. Труфелямъ—ждется оказія. P. S. *Официально* объявлено: въ Саратовѣ холера миновалась.

XV.

КЪ МИЦКЕВИЧУ.

Vous êtes bien charmant garçon, seigneur Adam! Si dans votre haute paresse vous m'eussiez écrit un mot sur votre séjour à Genève, je Vous aurais répondu que je suis à Turin et de façon ou d'autre nous nous serions vus, d'autant plus que Genève ne s'est jamais trouvé sur chemin.

Quant à moi, vu que Tourguéneff m'eût écrit de Paris que vous soupirez aux pieds de mademoiselle Khlustine, et que la susdite demoi-

*) Рубини, Тамбурини и двѣ оперы, соперничающія между собою.

selle se mariant à votre barbe je vouse n écrivis (Genève, poste restante) une lettre de condoléance, vous invitant en même temps à m'écrire si vous y étiez ou non. Mais il paraît que ma missive partit trop tard.

Quant à aujourd'hui, vous pouvez vous procurer mon aimable aspect au moyen de quelques centaines de francs...

Demandez à Schéwyreff ce que cela veut dire. Tout à vous Sobolevsky.

(*Переводъ*). Туринъ, 20 Нояб. 1830.

Каковъ же вы, однако, молодецъ, сударь Адамъ! Чтобы вамъ, въ высокой лѣни вашей, написать мнѣ хоть словечко о своемъ пребываніи въ Женевѣ? Я отвѣтилъ бы, и такъ или иначе мы-бы свидѣлись; тѣмъ больше что я еще ни разу не заѣзжалъ въ Женеву.

А я, вслѣдствіе письма Тургенева изъ Парижа, что вы вздыхаете у ногъ дѣвицы Хлюстиной, и что она выходитъ замужъ, увы! у васъ подъ носомъ, за другаго—написалъ вамъ соболѣзновательное письмо (въ Женеву), приглашая васъ тоже отвѣчать, тамъ-ли вы; но, должно быть, мое посланіе запоздало.

Нынѣ-же вы можете доставить себѣ мое любезное лицезрѣніе посредствомъ нѣсколькихъ сотъ франковъ... Спросите у Шевырева, что̀ именно это означаетъ. Весь вашъ С. Соболевскій.

(Въ предъидущемъ пакетѣ видимо находились три стихотворенія, написанныя рукою самого Соболевскаго, но безъ всякаго имени автора.

Какъ изъ слѣдующаго видѣть должно, Шевыревъ принялъ ихъ за *его* сочиненія, вѣроятно похвалилъ, но прибавилъ однако, что это „не *его* родъ“. Соболевскій отвѣчаетъ тотчасъ же такъ):

XVI.

Туринъ 22 Ноября 1830 г.

А ты, ротозѣй, и повѣрилъ, что стихи мои? у-у!! Нѣтъ, мой милый, мнѣ совсѣмъ не до нихъ; я тоскую, злюсь всё на препроеклятую холеру, воображаю что она опять остановитъ дѣла мои, кои я было привелъ одной перепиской въ Россіи къ благополучному концу.

(Далѣе слѣдуютъ жалобы на Туринскихъ банкировъ и на лѣнь Ивана Кирѣевскаго, едва, на самомъ канунѣ своего отъѣзда изъ Мюнхена, вздумавшаго извѣстить объ ономъ).

Изъ стиховъ мною присланныхъ: „*Кому о Господи, доступны*“ Языкова; „*Не множествомъ картинъ*“ Пушкина; „*Хотѣли вы въ душѣ*“ Вяземскаго, хотя послѣдніе на автора не похожи. Да кстати о сходствѣ

поэзіи съ поэтомъ: ты пишешь, что „это не мой родъ“. Да скажи пожалуй, что за штука—*мой родъ?* Неужели я такъ оригиналенъ, что имѣю родъ (хотя ротъ мой весьма обозначенъ; каковъ-съ каламбуръ?). Писать къ тебѣ меня радуетъ и веселитъ; а печалитъ мысль, что холера, ошеломленная морозомъ весною можетъ снова разгнѣваться и даже обратиться на колбасню[1]), а чрезъ нее прогуляется по всей Европѣ; вѣдь замѣчено, что свирѣпствующая нынѣ у насъ регулярно, et pas à pas[2]) въ 13 лѣтъ дошла изъ Индіи. Притомъ бѣда еще, если ей вздумается и у насъ, какъ въ Батавіи, сдѣлаться періодической, то есть ежегодно трунить въ извѣстные мѣсяцы... Отъ этой мысли по неволѣ кислѣетъ рожа.

Если предосторожности и хорошо взяты у насъ въ городахъ, то по дорогѣ отъ границы до Москвы врядъ ли все хорошо устроено; притомъ вѣроятно пресѣченіе сообщеній, прекращеніе работъ много народа лишитъ пропитанія...

Я бранилъ Николая Матвѣевича[3]), что онъ не остановилъ своихъ чудаковъ или убѣжденіемъ (т. е. что ихъ въ Москву не пустятъ, что они перепугаютъ мать), или силою (т. е. отнявъ у нихъ деньги). Даже Авдотья Петровна предвидѣла ихъ проказы и прислала имъ докторское свидѣтельство, что-де всѣ здоровы и опасности никакой нѣтъ.

XVII.

Туринъ, 25 Дек. 1830.

Честь имѣю поздравить съ басурманскимъ праздникомъ, ваше благородіе. Я сейчасъ получилъ письмо, по которому перемѣнилъ свое намѣреніе: ѣду къ вамъ въ Римъ! Выѣзжаю отселѣ рѣшительно 3-го Генваря (1831), живу въ Миланѣ для свиданія съ Глинкою[4]) два дня, 7-го же по утру отправляюсь во Флоренцію, гдѣ живу до 15-го, а 18-го обнимаю васъ всѣхъ.

Теперь вотъ въ чемъ дѣло, т. е. не дѣло, а дѣла. 1) Заготовь 200 франковъ и держи ихъ при себѣ. Если, пріѣхавъ во Флоренцію, узнаю, что есть чѣмъ доѣхать до Рима, оныхъ не потребую; если же нечѣмъ, напишу тебѣ, чтобы выслалъ; объ адресѣ также дамъ знать, 2) Коляска. Охъ, ужъ мнѣ эта коляска, охъ, ужъ эти мнѣ друзья;

---

[1]) Колбасня, Пив-ляндія, Бир-ляндія, Колбасина—всѣ обозначаетъ Германію.

[2]) Шагъ за шагомъ.

[3]) Рожалина; чудаковъ—братьевъ Кирѣевскихъ.

[4]) Михаилъ Ивановичъ Глинка былъ товарищемъ Соболевскаго по Петербургскому Благородному Пансіону при Педагогическомъ Институтѣ. П. Б.

въ теченіи $1^1/_2$ года ничего не умѣли съ нею сдѣлать, а мнѣ пишутъ: пріѣзжай ее продавать (въ одинъ мѣсяцъ) поможемъ!... да что вы сами себѣ не помогли, *ротозѣи!!*

Розыгрывать въ лотарею потому не стану, что.... это, для временнаго пріѣзжаго, синонимъ—просить милостыни; ог, мнѣ просить милостыни также неприлично, какъ бы бѣгать по Св. Петру безъ штановъ. И такъ, за что бы ни было, а продавать ее... За коляску я заплатилъ 2300 рублей. Слѣдовательно попроси Риччи, ставъ передъ нимъ на моихъ колѣнахъ, постучаться у покупщиковъ... Охъ! охъ! охъ! Впрочемъ, мнѣ извощикъ въ Римѣ давалъ за нее 240 скудовъ (1360). Конецъ дѣламъ!!

Я накупилъ на дняхъ себѣ новинки (а для тебя, чай, старое): 2 первыя части Фонвизина, Цвѣты на 1830, Вильгельма Телля Ротчева и 7-ую Онѣгина, Вронченкинъ переводъ.

Что за тощій альманахъ! Изъ прозы: разборъ Сомова интересенъ для насъ изгнанниковъ; Пушкина проза смѣшна бы была, если бы безъ имени написана въ какой нибудь газетѣ, даже не въ журналѣ. Лучшее было (et c'est d'autant plus impartial [1]), что въ началѣ: посредственна), всё таки княгинина проза.

А стишонки Теплякова, или стихища Катенина! Стихи же только вижу: Онѣгина, эпиталама Баратынскаго, Зимній Вечеръ; эпиграмма Пушкина (мнѣ очень нравится: Русское сердце); пѣсня Дельвига (очень мила); элегія безымяннаго (очень нравится); Родина Туманскаго, а въ прочемъ (даже Пушкина и Баратынскаго) осрамились окаянные. Двѣ Пушкина „Я васъ люблю„ и Вяземскаго „Слеза“—точно будто бы я тиснулъ.

Не знаю, чѣмъ гордится Сомовъ, а 2 первыя книжки Вѣстника (стихотворенія и повѣсти), видѣнныя мной въ Мюнхенѣ, вѣрно составили бы нѣчто альманашнѣе, будучи напечатаны въ малую долю и на веленевой бумагѣ съ виньеткой и въ цвѣтной оберткѣ; да хуже и Невскій Альманахъ не бывывалъ. Зато меня обрадовалъ фонъ-Визинъ въ его „Письмахъ“: всё, что̀ имъ сказано о Французахъ—чудо справедливости и perspicacité; они en masse [2]) съ тѣхъ поръ не перемѣнялись, хотя индивидуально болѣе хорошихъ, чѣмъ было въ его время.

Ѣду къ вамъ въ Римъ вотъ почему: видѣться съ вами, продать коляску, видѣть карнавалъ; ждать въ Римѣ, а не въ Дрезденѣ (скуч-

---

[1]) И это тѣмъ болѣе безпристрастно.

[2]) И проницательности; они въ массѣ.

номъ и мнѣ незнакомомъ) присылки бумагъ, денегъ и прочаго пособія, а оно ни въ Дрезденъ, ни въ Римъ прежде 10 Февраля (quasi конца карнавала) пріѣхать не можетъ. Потомъ in Russiam ...enam matem, которой однакожъ мнѣ очень хочется.

PS. Приводи въ порядокъ Русскія книги, журналы, газеты, письма. Поподчую Orvietto. Кстати объ этой экономіи (Orvietto, а не Champagne[1]) скажу тебѣ, что я въ Мюнхенъ пріѣхалъ 14 Іюня съ 15 франками и 200 франковъ долга. Съ тѣхъ поръ получилъ 2200, ѣздилъ по Швейцаріи, заплатилъ долгъ и имѣю теперь въ кассѣ 350 франковъ, доѣхать по крайнѣй мѣрѣ къ 14 Генваря до Флоренціи, а можетъ быть и Рима, слѣдственно après avoir dépensé moins que deux mille francs en sept mois et en voyageant[2]). Это хоть бы тебѣ на всемъ на готовомъ. Правда, что съ 1-го Января до 14 Іюля было истрачено гибельно; да за то истрачено въ Парижѣ, въ Лондонѣ, пропито на Рейнѣ въ Iohannisberger-Schloss; за то Сергѣй Александровичъ одѣтъ какъ куколка и снабжёнъ всякимъ Англійскимъ fashnion'абильствомъ: щетками, пилками, ножами, ножницами, умывальниками и проч., что̀ было у Онѣгина въ туалетной; за то напечатано въ Morning-Herald, что онъ извѣстный fachionable, плѣнившій полкъ Итальянскихъ сердецъ. Кстати: иль я объ этой статьѣ не писывалъ?

XVIII.

Торино, 23 Мая 1831 г.

Ну, братъ, хороша твоя Италія! Вообрази, еще рѣшительно не видалъ ни одного бездождливаго дня съ отъѣзда моего изъ Рима, то есть болѣе шести недѣль. Хотѣлъ было отправиться отселѣ на маленькое пѣшеходство въ горы, да возможности нѣтъ, ибо дождь въ долинѣ—значитъ снѣгъ на горахъ, и мнѣ вовсе не по аппетиту лѣзть подъ какую нибудь лавину. Здѣсь набралось Русскихъ, по Туринскому, много. Княжна Голицина и Воронцова, ея неразлука; мой другъ баронъ Лифляндскій, коего имени не знаю, и находящіеся при посольствѣ Элимъ Мещерскій[3]) и Штеричъ.

Мещерскій мнѣ далъ Сѣверные Цвѣты на 1831. Читалъ ли ты ихъ? Плоховаты, братъ, очень плоховаты. „Обозрѣніе“ Ореста Сомова по обыкновенію неумно, да за недостаткомъ вышедшихъ книгъ даже и библіографически не интересно. Видна великая вражда между Оре-

---

[1]) Виномъ Орвіетскимъ, а не Шампанскимъ.

[2]) Израсходовавъ менѣе 2000 фр. въ семь мѣсяцевъ и при томъ путешествуя.

[3]) Французскія Poésies du prince Élime M. были изданы въ 30-хъ годахъ.

стомъ съ одной стороны и Телеграфомъ, Пчелою и Сыномъ Отечества съ другой. Не знаешь ли, чей „Послѣдній квартетъ Бетховена“?[1]) Что-то глупое въ безумномъ вкусѣ. Лучшее: отрывокъ изъ Путевыхъ записокъ[2]), не въ лицо будь сказано. Повѣсть нашего Тита[3]) хороша бы, если бы не была у него предшествуема другою, далеко лучшею? Онъ какъ-то эту не успѣлъ *вывести*, ибо остовъ ея одинъ интересенъ быть не можетъ; онъ этотъ остовъ приготовилъ, чтобы одѣть его потомъ разными, очень у него милыми, прикрасами; но, полѣнившись и одѣвъ только нѣсколько частей, остальное голое пустилъ въ люди. „Глава историческаго романа въ отдѣльномъ сиротствѣ своемъ“ ничто; за то нѣчто очень глупое Трилуннаго и площадно-острое Ѳедора Глинки.

Каково же мое мнѣніе о стихотвореніяхъ? Видно плохое, что считаю лучшими (сказать стыдно) ваши-съ. Изъ прочихъ мнѣ нравится, и очень, сонетъ Пушкина. Но горе этому сонету! Теперь всякій пачкунъ (ты и я первый), какъ насъ станутъ бранить, скажемъ:

Такъ пускай толпа меня бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ мой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ мой треножникъ.

Бьюсь объ закладъ, что въ теченіи 1831 года по крайней мѣрѣ десять разъ стихи эти, въ разныхъ журналахъ и альманахахъ, разруганными бумагомазами приведены будутъ. „Наложница“ Баратынскаго мнѣ не нравится, но не нравится какъ вообще большая часть его стиховъ. Прочее все, даже тутъ и Пушкинское, куда безцвѣтно и приторно. Да что̀ съ нимъ, съ нашимъ Пушкинымъ сдѣлалось? Отъ чего онъ какъ-бы ослабѣлъ? Отъ жены-ли или отъ какого-нибудь другаго все исключающаго, все вытѣсняющаго, большаго труда?

Касательно Цвѣтовъ Дельвигъ хорошо сдѣлалъ, что умеръ: c'est une manière honnête de les прекратить[4]); а пора этому была ужѣ! Вотъ какъ мнѣ здѣсь разсказывали его смерть. Онъ напечаталъ въ газетѣ[5]) la Parisienne de Cas. Delavigne. Бенкендорфъ сейчасъ его къ Іисусу и такую задалъ ему головомойку, что онъ, пришедъ домой, съ испуга захворалъ, да чрезъ нѣсколько дней и умеръ. Ужъ это не желтая лихарадка, а *голубая*[6]) его сгубила!

---

[1]) Это—статья князя В. Ѳ. Одоевскаго. П. Б.
[2]) Самого С. П. Шевырева.
[3]) Титова.
[4]) Это приличнѣйшая манера прекратить ихъ.
[5]) „Парижанка“ Казиміра Делявиня, въ своей Литературной Газетѣ.
[6]) Жандармы и начальникъ ихъ носили голубые мундиры. П. Б.

Есть-ли извѣстія о Рожалинѣ? Есть-ли что вѣрное о вашихъ будущихъ похожденіяхъ? Мицкевича я отправилъ девятаго съ сокрушеннымъ сердцемъ въ Генфъ[1]); обѣшалъ мнѣ честно писать, что онъ предприметъ. Самъ я буду еще долго вертѣться около Милана.

XIX.

Торино, 19 Іюля 1831 года.

Въ Женеву отъѣзжаю завтра и напишу тебѣ преподробную цидулу о тамошнихъ средствахъ artem politicam studiandam[2]). Вотъ тебѣ извѣстіе важное: третьяго дня въ Миланѣ пришла вѣрная новость о появленіи холеры въ Фіумѣ и не совсѣмъ вѣрное о нѣкоторыхъ уже умершихъ въ самой Венеціи и пр. Здѣсь же говорятъ о чьей-то смерти холерической въ Ниццѣ. Куда бѣжать отъ этой напасти? Намедни я было задумалъ спрятаться въ Москву; но разсчиталъ, что она во всѣхъ портахъ Балтійскаго и Бѣлаго морей, вдоль всей Европейской границы; въ Одессѣ же нашелъ, что нѣтъ, но нѣтъ другаго средства попасть по живу по здорову, въ Москву какъ черезъ Лондонъ, мысъ Д. Надежды, Кантонъ, Кіахту, Иркутскъ и Тобольскъ. Признаюсь, что какъ бы ни захотѣлось посмотрѣть на Бѣлокаменную, а крюку слишкомъ много....

Да кстати объ крюкѣ, я тебѣ еще ни слова не сказалъ о переѣздѣ изъ Феррары сюда. Верона—скучнѣйшій Loch[3]) въ мірѣ, только что амфитеатръ тѣшитъ. Въ Брешіи чудная есть штука: изъ прекрасныхъ развалинъ древняго храма отстроена *Музея* (сохраняя однакоже въ „развальномъ“ положеніи портикъ и Коринѳскую колонаду), для храненія тамъ же найденныхъ статуй и обломковъ. Тутъ и ростная статуя Витторіи[4]), лучшая изъ видѣнныхъ мною бронзовыхъ по всей Италіи; пять Императорскихъ (по золоту довольно сохранившихся) бюстовъ и маленькій болванчикъ, какъ буто бы вчера вызолоченный. въ двухъ-лѣтнее дитя величиной. Впрочемъ бездна другихъ штукъ; все вообще составляетъ очень, очень интересное собраніе.

Въ Мантуѣ тоже есть многочисленный кабинетъ, но въ немъ мнѣ ничего особеннаго не понравилось. Въ Бергамо такою „дрянью“ не занимаются, а торгуютъ, хлопочутъ о холерѣ и проч. Увѣряю тебя

---

[1]) Нѣмецкое названіе Женевы: Genf. Мицкевичъ мучился тогда колебаніемъ, ѣхать-ли ему въ возставшую Польшу, или нѣтъ.

[2]) Изучать искусство политики.

[3]) Городишко (буквально—конура).

[4]) Богини Побѣды.

честью, что, пріѣхавъ въ полночь въ Бергамо и улегшись спать въ третьемъ этажѣ на улицу, меня разбудили по утру арлекинскіе крики; глядь въ окно—арлекина нѣтъ ни одного, а просто его соотечественники Бергамасцы! Запиши это въ статьѣ о маскахъ Итальянскаго театра тако: „учёнѣйшій и остроумнѣйшій нашъ соотечественникъ, титулярный совѣтникъ и кавалеръ С. А. С. замѣтилъ, что въ Бергамо всѣ говорятъ какъ арлекины и что слѣдственно не произвольно, а изъ природы взято и проч. Благодаримъ всеславнаго нашего соотечественника, какъ за сіе, такъ и за сообщеніе многихъ другихъ in die Sache einschneidender [1]) замѣчаній объ Италіи и прочихъ Европы частяхъ“. Примѣчаніе издателя.

Дошли до насъ объ васъ, Степанъ Петровичъ, разныя извѣстія; вы и лѣтомъ съ своей княгиней не унимаетесь, а тѣшитесь балами и маскарадами даже въ каникулы. Напиши мнѣ, что̀ это у васъ была за потѣха и гдѣ; ибо говорятъ, что не въ palazzo Feruccі. Куда же вы это переѣхали?

Побывавъ нѣсколько дней въ Женевѣ, хочу ѣхать въ Баденъ недѣльки на двѣ; потомъ опять въ Швейцарію. Скажи мнѣ подробно о Рожалинѣ, вправду ли онъ боленъ или притворяется. Я всё такъ думаю, что il y a anguille sous roche [2]). Прощай, душа моя, обнимаю тебя, свѣтлѣйшаго твоего птенца и вообще всѣхъ, кромѣ Рожалина.... Прощай до Женевы, гдѣ—ахъ! увижу я мадамъ Жерлахъ [3])...

P. S. Посовѣтуй Рожалину, чтобы онъ, если не изъ проказъ болѣнъ, оставался въ Римѣ и принималъ бы не совѣстясь предложенія Кирѣевскихъ. Въ случаѣ нужды, каждый изъ насъ не только можетъ, но подъ опасаніемъ du crime de lèze-amitié [4]) *долженъ* сказать прочимъ: поите, кормите, одѣвайте меня. Что за дьявольская дружба, которая состоитъ только въ говореніи другъ другу: ты! Умилостивясь, напишу ему самъ....

XX.

4 Октября 1831 года.

Письмо твое отъ 22 Сентября получено мною нынѣ. О развращеніе, о неблагодарность!!! Они меня ругаютъ, они меня бранятъ,

---

[1]) Проникающихъ въ предметъ.

[2]) Что подъ камнемъ найдется угорь (т. е. это не спроста).

[3]) Есть ли какое отношеніе между ею и тогдашнимъ Нѣмецкимъ публицистомъ Герлихомъ, намъ неизвѣстно.

[4]) Преступленіе: оскорбить дружбу.

они меня поносятъ, и все это отъ того самаго числа[1]), въ которое они регулярно, ежегодно у меня упивались, объѣдались, тѣшились!

Погодинъ умнѣе всѣхъ васъ и насъ, что бросилъ суету мірскую, познавъ ничтожность табели о рангахъ, въ сравненіи съ такимъ-то годовымъ доходомъ. Онъ дѣла свои ведетъ славно и умретъ оплакиваемый 200 душами своими крѣпостными. Въ деревнѣ же онъ столько намаралъ всякой всячины, что наводнитъ Русскую книжную торговлю и осушитъ карманы читающей публики[2]). Жаль, что ты обезпечилъ прокормленіе Рожалина Гагаринскимъ домомъ; ибо нечто-бы ему за лѣность и молчаніе умереть съ голоду и холоду. Вотъ какова моя злоба!

Писали ли къ тебѣ, что Адамъ[3]) за мѣсяцъ уѣхалъ изъ Парижа на Вислу. Не засадили ли его бѣднаго куда нибудь проклятые Прусаки?

Здѣсь была мимоѣздомъ мадамъ de St. Aulaire, ѣхавшая въ Римъ и пробывшая здѣсь только два часа. Я въ это время былъ въ деревнѣ и не зналъ. Такъ досадно. Ты съ ней вѣрно познакомишься. Кланяйся отъ меня грѣшнаго. А холера, братъ, такъ на насъ и лѣзетъ...

Чья вышла правда? Моя! Шевыревъ, переводи Аріоста, а не Тасса, или переводи Леданта[4]); и Пушкинъ тожъ толкуетъ. Эка охота состязаться съ Раичемъ, и Шишковымъ, и Москатильниковымъ, и Мерзляковымъ.

Что вы долго ли еще продержите Хамока? Кстати объ немъ, цѣлуй мои руки: по моей милости, читаешь Шекспира, котораго я не читаю. Quel désintéressement de ma part![5]) Женись-ка, братъ; тебѣ по дружбѣ ужъ не турьи приставлю, а мамонтовые или ихтіезауровые. Я при васъ какъ пружина въ часахъ: ко всему подстрекну, ко всему пріохочу; а не говорятъ: пружина показываетъ столько-то часовъ; неблагодарные толкуютъ: стрѣлки.

Въ Римъ, можетъ быть, и явлюся, только въ случаѣ нехолерства въ Италіи и спокойствія. Хочу опять попытать счастія въ стрѣляніи конфеттами. Теперь же ѣду въ Женеву мѣсяца на два.

---

[1]) 10 Сентября по старому стилю: это день рожденія Соболевскаго.

[2]) Это, разумѣется, преувеличеніе. Погодинъ въ это время купилъ небольшую деревню. Самъ онъ былъ сынъ вольнопущеннаго дворового графа Салтыкова и всегда былъ противъ крѣпостнаго права (что видно и изъ самой первой, 1819 года, тетради его Дневника).

[3]) Мицкевичъ.

[4]) Французы говорятъ вмѣсто—„поэма Данта“, по особому значенію великаго автора—le Dante.

[5]) Какое съ моей стороны безкорыстіе!

Съ трепетомъ ожидаю каждый день новостей о Полякахъ, какъ-то съ ними царь поступитъ. Это будетъ важнѣйшій шагъ въ его жизни. Написалъ ли ты Оду на взятіе Варшавы,

въ которой—
Вы, Царь нашъ, очень правы.
Такъ будьте здравы
и укрощайте Польски нравы и проч.

P. S. Не допусти Рожалина не содрать должныхъ ему 1000 рублей съ Кайсаровой, а онъ, пожалуй поделикатничаетъ. Да не мѣшало бы ему съ ней помириться. Обнимаю будущаго Берлинскаго дипломата, настоящаго водевилиста.

XXI.

Торино, 15 Déc. 1831.

Благодарю тебя за доброе намѣреніе, благодарю и Мицкевича; воспользоваться же вашими предложеніями врядъ ли возмогу.

....У меня денегъ довольно, чтобы прожить до 10 Генваря съ проѣздами по мѣстамъ où je ne vais pas en société [1]); мало, чтобы прожить съ проѣздами по мѣстамъ où je vais en société [2]), что̀ предполагаетъ бѣлыя перчатки, карету, прическу, театры и проч. Ожидая здѣсь извѣстій, не знаю куда пущусь въ путь, въ Бирландію-ли?

Благодарю за извѣстіе о кражѣ Дидерота; при первой встрѣчѣ затѣю ему каналью процессъ [3]). Впрочемъ, мой милый.

О, сколько бъ вовсе безъ твореній
Осталось нашихъ авторо̀въ,
Когда бъ настало возвращенье
Всѣхъ перекраденныхъ стиховъ!
Хвостовъ,
Шишковъ,
И не считая прочаго,
Лихонина [4]) и Ротчева,
Степанъ Петровичъ Шевыревъ!

Вотъ что значитъ оскорбить genus irritabile vatum [5]). Кстати объ поэзіи; имѣю до тебя весьма нужную просьбу: я, сидя здѣсь, со-

---

[1]) Въ которыхъ я общества не посѣщаю.

[2]) Гдѣ я, напротивъ, бываю въ обществѣ.

[3]) У кого это и что̀, когда-то, заимствовалъ Дидро̀, или на что именно указывалъ Шевыревъ, остается неизвѣстнымъ.

[4]) Лихонинъ переводчикъ Донъ-Карлоса Шиллера, бывшій цензоромъ иностр. книгъ, умеръ около 1860-го года, одинокимъ, въ преклонныхъ лѣтахъ.

[5]) Раздражительную породу поэтовъ.

бралъ изъ своихъ и Воронцовыхъ книгъ до 700 Русскихъ пѣсенъ; у Рожалина въ Мюнхенѣ ихъ должно быть до 150, написанныхъ на память Кирѣевскаго Санхопансою Родивономъ, которыя большею частію неизвѣстны. Я же и до отъѣзда задумалъ издать съ Пушкинымъ „*Собраніе Русскихъ пѣсенъ*“. И такъ пришли мнѣ тѣ, кои ты въ Саратовѣ заграбилъ, чѣмъ крайне меня одолжишь. Переписывай ихъ понемножку, а я тебѣ дамъ знать куда ихъ выслать.

Прощай, братъ, пиши мнѣ на первый случай: A Milan, monsieur Glinka, Russe (Глинкѣ, для С. А. С.); ибо, еслибы даже меня въ Миланѣ не было, то Глинка пошлетъ за мной въ догонъ. Не поминайте меня лихомъ; и если меня холера укокошитъ, то напиши книгу элегій на кончину мою и біографическій артикль въ Revue Encyclopédique.

Lundi, 20 Février, 1832. Milan. № 22.

Вотъ я и въ Миланѣ, вотъ я опять въ Италіи, вотъ я опять съ Итальянками!!! Уфъ насилу-то сжилъ я эту проклятую Женеву съ рукъ; однакоже, я столько набрался тамошней скуки, что и въ Миланѣ о сю-пору хмурюсь. Однакоже Италія не въ Италію! До Альповъ и Савойи не видалъ я ни снѣжинки; взираюсь на Альпы—снѣгъ глыбами. Верстъ 30 проѣхали мы въ возкѣ: то-то радость, то-то восторгъ, то-то Россія! тѣмъ болѣе, что подлѣ меня сидѣла одна прехорошенькая; темнота способствовала; я ее.... ну цѣловать; а потомъ, что̀ было на станціи, о томъ я умолчалъ въ Туринѣ, умолчу и предъ тобою.

Торино, изъ котораго меня la giolosia dei mariti[1]) жестоко турила, продержалъ меня лишь три дня; впрочемъ, я пріѣхалъ счастливо, часовъ въ 9 вечера. Собираясь ложиться въ постель, спрашиваю cameriere: che cosa si fà in città questa sera? Cé un ricivimento in casa di Francia.—Subito, un parruchiere, una carozza, un servitore di piazza[2]). Все это духомъ, мигомъ явилось. Я одѣтъ, я въ каретѣ, я на балѣ, среди радостныхъ восклицаній половины Турина (т. е. женской). Вотъ какъ поступаютъ порядочные люди.

Странное дѣло—Италія. Когда внѣ ея, чего-то смерть хочется; когда въ ней, чего-то недостаетъ; но недостатокъ, кажется, всегда таковъ, что его кое-чѣмъ можно замѣнить. Ты глупъ, и не тебѣ о Миланскомъ duomo[3]) разсуждать; въ немъ на потолкѣ нѣтъ ни одного пят-

[1]) Ревность мужей.

[2]) Спрашиваю у слуги, что̀ сегодня вечеромъ дѣлается въ городѣ?—Да будетъ пріемъ во Французскомъ посольствѣ.—Ну такъ скорѣй: парикмахера, карету и лонлакея!

[3]) Главный соборъ.

нушка рѣзного, все живопись. И эти люди разсуждаютъ о живописи!! И эти люди сообщаютъ свои замѣчанія публикѣ!!!

Вчера познакомился съ Manzoni [1]). Манцони лѣтъ 50, невысокъ ростомъ, худощавъ, сѣдоватъ, говоритъ очень хорошо по французски, турнюрой похожъ на Chateaubrian. Буду къ нему часто; онъ въ театръ не ѣздитъ, застѣнчивъ, немного заикается; не вѣритъ, чтобы поэзія существовала въ нашъ вѣкъ: Zei e' lasua proprìa contradizione [2]). Желаетъ узнать кое-что о Русской литературѣ; называлъ мнѣ Пушкина и Козлова. Ничего, ни піитично-стихотворнаго, ни прозаическаго писать не хочетъ болѣе; *занимается много*, особенно *розысканіями о языкѣ*. Хвалитъ до небесъ нѣкоторыхъ писателей на Ломбардскомъ *нарѣчіи*, слезно плачетъ о тѣснотѣ читающаго ихъ круга [3]).

Здѣсь даютъ: Norma di Bellini, гдѣ Pasta превосходна. Что за трагическая актриса!!! Балеты великолѣпны, но непомѣрно глупы, притомъ же тоже трагическіе; держаться бы имъ раздавленнаго, сплюснутого, рогатаго, битаго и проч. арлекина; хоть смѣшно! Залу видѣлъ ли ты? Чудо!

Здѣсь всѣ патріотствуютъ: носятъ усы, ругаютъ Нѣмцевъ и даже (что̀ всего однакоже грознѣе) не ѣздятъ къ Нѣмцамъ на балы. Это что-то пахнетъ скорой революціей. Manzoni болѣе десяти лѣтъ не былъ въ театрѣ. Пишу Риччи, чтобъ онъ прислалъ мнѣ свои переводы.

Что̀ новаго въ Женевѣ? Что̀ Кошелевъ, Зайцевскій и прочіе? Что̀ тебѣ пишутъ изъ Россіи?

XXIII.

Въ мѣстахъ, гдѣ царствуетъ Венеція Златая.

Среда, 28 Марта 1832 года.

Во первыхъ, да будетъ тебѣ извѣстно, что со дня моего отъѣзда изъ скучнѣйшей Женевы не получалъ я отъ тебя ни строки; правда, извѣщала меня Женевская почта о лежаніи въ оной на мое имя раз-

---

[1]) Извѣстный авторъ классическаго Итал. романа Ipromesi Sposi, переведеннаго на всѣ Европ. языки, а на Русскій подъ заглавіемъ: „Обрученные“.

[2]) Она есть полное ему противорѣчіе.

[3]) Это свѣдѣніе доставляемое о Манцони вполнѣ согласно съ тѣмъ что̀ стало послѣ извѣстнымъ изъ сношеній и переписки его съ знаменитымъ Форіелемъ. По толчку, данному имъ и Ренсаромъ, развилось Итальянскихъ нарѣчій чрезвычайно; нынѣ ему посвящены не одинъ, а нѣсколько самостоятельныхъ журналовъ и пр. Можно пожалѣть, что наше учащееся юношество не имѣетъ доселѣ объ этомъ ни малѣйшаго понятія...

ныхъ писемъ, не отправленныхъ за глупостію писателей. Je vous reconnais à telle enseigne[1]).

Мы обитаемъ уже 10 дней здѣсь, кушаемъ устрицы и смотримъ картины: все эстетическія занятія. Въ Пятницу ѣду въ Падову, слушать профессора Исторіи, здѣшняго Росси по славѣ; проживу дня три въ Винченцѣ для Палладія, дня два въ Веронѣ и около 5-го буду опять въ Миланѣ, гдѣ надѣюсь получить альфу и омегу всякаго путешественника. Если много, то чрезъ Францію—въ *Испанію*. Если мало, то остаюсь въ Миланѣ до saison des eaux[2]), и тогда поѣду шататься; а по необходимости—поѣду лучше въ Россію.

Волконскій![3])

Принапишите мнѣ, о свѣтлѣйшій, гдѣ Киселева и куда ее отвозять?

XXV.

Venise, 24 Juilet 1832.[4])

Пріѣхавъ сюда узналъ, что вы всѣ промчались здѣсь въ Римъ. А Шевыревъ недогадливъ былъ и не умѣлъ оставить въ лапахъ

---

[1]) По сему приказу узнаю васъ.

[2]) До сезона (поры) водъ.

[3]) Обращеніе къ ученику Шевырева.—Киселева, рожд. гр. Потоцкая.

[4]) Объ этомъ времени написаны Соболевскимъ стихи, изъ которыхъ сохранилось у меня въ памяти нѣсколько:

Теперь къ странамъ Италіи
Я опишу поѣздъ.
Какія все каналіи
Живутъ въ тебѣ, Тріестъ!

Въ столицѣ сей Иллиріи,
Лѣтъ пять тому назадъ,
Мучительные чиріи
Покрыли весь мой задъ.

Не видя облегченія,
Я сѣлъ на пароходъ
И потерпѣлъ мученіе
Сосѣдственныхъ блевотъ.

Везутъ меня къ Венеціи,
Тутъ будетъ карантинъ,
И разныя жгутъ спеціи:
Таковъ у нихъ ужъ чинъ!

Не дуренъ храмикъ Маркуса.
Читали мы въ „Молвѣ“,
Что строенъ онъ въ честь Маркуса,
Что докторомъ въ Москвѣ.

„Бѣлаго Льва“ какое нибудь извѣщеніе для моей личности. Прошу таковое прегрѣшеніе немедленно исправить, адрессуя: à Vicence, poste restante, ибо я тамъ поселюсь на весь Августъ заниматься высокой цѣлью моей жизни: дѣлать рога Итальянцамъ (смотри Плачъ Шевырева, глава MCXIII). Прошу описать мнѣ вашу настоящность и вашу будущность. Что здоровье княгини? Что служба его свѣтлости? Что галошка Рожалина и что всевѣдѣніе „Чортова Кукиша“? Готово ли твое сочиненіе о рѣзьбѣ сводовъ Миланскаго duomo—а? Прошу прислать мнѣ экземпляръ. Не прислалъ ли вамъ чего нибудь новаго князь Никита по части литературной? Прощайте, сходите на Testaccio за мое здоровье.

XXVI.

Vicenza. 10 Августа.

Здорово, братъ, благодарю за тѣ письма, кои разосланы тобою во всѣ четыре части свѣта. Теперь прошу написать мнѣ подробно, какъ, когда, съ кѣмъ и черезъ что ты ѣдешь въ Россію; а знаешь для чего? Для того, что и я задумываю во свояси. Мой прожектъ ѣхать чрезъ Вѣну, гдѣ куплю себѣ коляску (ибо въ Россіи по курьерски, на телѣжкѣ, я ѣздить не охотникъ), оттуда чрезъ Кіевъ или Одессу—въ Москву.

Умно вы сдѣлаете, оставивъ Рожалина въ Римѣ; пришпильте его какъ нибудь къ Гурьеву, только да не будетъ онъ новый Санъ-Прё для Гурьевскихъ дѣтей. Тутъ же и имя одно опасно: отъ St. Preux до Saint Peray mousseux ou sec—разницы мало *).

Вездѣ холера; въ одной только матушкѣ бѣлокаменной ея нѣтъ. Боюсь отъ моего отъѣзда одного, да и того для Италіи: наводненія отъ женскихъ слезъ. Кстати объ твоихъ слезахъ: осушу ихъ, беру себѣ твои Армянскія книги, только съ однимъ условіемъ: съ доставкою въ Москву. Хоть это выгадаю у васъ Жидовъ! Мы здѣсь блаженствуемъ; у насъ Rubini и преизрядная Ferlotti, которая однако же отлично собою дурна. Вицентинцы милы и услужливы, о Вицентинкахъ скажу только, что много смазливыхъ, ибо мало ихъ еще знаю.

Рекоаро.

Письмо продолжается въ Recoaro, верстахъ въ 50 отъ Vicenz'ы. Здѣсь воды, къ которымъ бездна больныхъ и слѣпыхъ, чающихъ движенія воды сбираются. Пріѣхалъ и я больной на пару дней, да и то мнѣ начинаетъ скучаться. То ли дѣло „наши“ Нѣмецкія воды! Жур-

*) С.-Прё—дѣйствующее лицо въ Новой Элоизѣ Ж. Ж. Руссо; С. Перэ—пѣнистое или сухое извѣстное Шампанское.

налы, книги... а здѣсь вода, да вода; on ne sort pas delà [1]). При томъ хорошенькихъ черезъ чуръ мало; *молодежь, какъ вся не Русская—преглупая*; да старики разбитые параличемъ. То-то радости! Забылъ тебѣ сказать, что на дняхъ у меня было что-то похожее на холеру; такъ перетрусился, что ужасъ, ибо не хочется христіанскими костьми удобрить „поганую“ землю. И то многое оставилъ я на ней, скитаясь четыре почти года.

Если намъ не удастся вмѣстѣ ѣхать, то по крайней мѣрѣ устроимся увидаться на дорогѣ; ибо надѣюсь, что ты не черезъ Константинополь возвращаешься; а не дурно было бы, Шевыревъ, взглянуть тебѣ на Грецію, потоптать поля, топтанныя Гомеровыми героями и взглянуть на мѣста, гдѣ былъ прибитъ Олеговъ щитъ. Если ты ѣдешь безъ Александра, то хорошо бы даже сдѣлалъ; катилъ бы въ Ancon'y; пароходъ въ Корфу, изъ Корфу что день, то оказія въ Пелопонезъ, на берега Анатоліи, въ Цареградъ. Изъ Цареграда пароходъ *Нева* въ Одессу in 36 ore di tempo, corso regolare [2]).

Я заживаю весь Августъ въ Виченцѣ, куда ворочусь завтра, въ Субботу 11-го Августа 1832. Хочу въ это время прочесть добрую часть Макіавеля съ какимъ нибудь педагогомъ. Прощай, душа. Жаль, что не получили вы моихъ писемъ. Тамъ были славныя колючки на „Чортовъ Кукишъ“. Vous reconnaisez vous, beau masque? (masque—по русски образина).

XXVII.

14 Novembre. 1832 Milano.

Вчера получилъ твое письмо, нуждаюсь въ выраженіи: „*чего ты собачишься*“ и не находя его въ языкѣ Данта, пишу тебѣ его прямо по-русски.

Радуюсь твоею радостію, но сожалѣю объ участи тѣхъ бѣднягъ, кои по обязанности будутъ слушать тысячи глупостей ихняго профессора; не забывай главу объ родствѣ табаковъ съ раковинами, и другую—о рѣзьбѣ на потолкѣ Миланскаго собора. Кстати о рѣзьбѣ (скульптурѣ): Чиконьяра очень плохъ. Книги, коихъ желаешь, будутъ куплены и пріѣдутъ со мною. Узнай, что моя персона надѣется увидѣть дорогое отечество къ новому году. Сочиненіе Феррарiо о рыцарскихъ романахъ есть компиляція изъ Ренуара и Леграна д'Осси, коихъ ты найдешь въ моей библіотекѣ; это скорѣй—библіографическое руковод-

[1]) Безъисходно.

[2]) 36 часовъ правильнаго сообщенія.

ство—впрочемъ я его привезу. Манцони не думаетъ и никогда не думалъ писать Исторію Италіан. литературы; видая его каждый вечеръ, я это знаю вѣрно. Благодарю за все, что̀ пишешь о нашихъ друзьяхъ. Отчего не говоришь ни слова о Кошелевѣ? Или онъ еще въ Англіи? Тысяча привѣтствій Пушкину.

Mille saluta Pushkin. Надѣюсь на его газету. Пушкинъ столь же уменъ, сколь практиченъ; онъ практикъ и большой практикъ; даже всегда писалъ то, что̀ отъ него просило время и обстоятельства; газета его будетъ и Русска, и бонтонна, будетъ завлекать къ чтенію. Желаю знать, кто у него будетъ главный редакторъ; ибо сія машина есть главная у таковыхъ мануфактуристовъ, каковъ Пушкинъ; впрочемъ, ему нужна именно машина, а не геній, подобный С. П. Шевыреву: какъ занесетъ, такъ растеряешься!!!

Въ аккуратности твоей увѣренъ; не пользуюсь оною за тѣмъ, что самъ буду скоро на Руси. Да, мой другъ, встрѣтимъ новый годъ въ Московскомъ собраніи; я болѣе за то и сердитъ на тебя, что если бы ты меня пождалъ въ Веронѣ, то и я бы уже былъ теперь въ теплой комнатѣ, а не писалъ бы передъ поганымъ каминомъ съ изжаренными ногами и замороженной спиной.

Мнѣ бы тѣмъ скорѣе захотѣлось въ Москву и Питеръ, что если кончу дѣла (т. е. получу деньги) къ 1-му Маю, то сейчасъ же уѣду въ Лейпцигъ и Лондонъ закупать и привести типографію; она должна быть въ дѣйствіи къ 1-му Ноября 1833; готовьте журналы, лекціи, книги, стихи, прозу, драмы и романы, все тиснемъ скоро, дешево и безъ кражи экземпляровъ. То-то буду вамъ нужный человѣкъ! Одна можетъ быть сему препона—Кирѣевскій. Впрочемъ, въ такомъ случаѣ и если онъ еще ничего не завелъ, то заведемъ вмѣстѣ. Даже и лучше бы!

Радуюсь, какъ сказано выше, твоему адъюнкству. С. С. Уваровъ меня во времена оны протежировалъ и, когда за безбожіе я терпѣлъ гоненіе изъ пансіона, поддержалъ меня. Онъ человѣкъ просвѣщенный, но двадцать лѣтъ тому назадъ и по нѣмецки. Не знаю, каковъ по нынѣшнему. Касательно исторіи словесности, ты у меня въ Москвѣ найдешь многое, а еще болѣе могу тебѣ наговорить справокъ и заглавій. Вѣдь это былъ когда-то мой конекъ. Если заведемъ типографію обществомъ, или заведши я одинъ, расширюсь, то мысль: Рожалина директоромъ оной, а при переходѣ къ другому дѣлу и владѣтелемъ съ уплатою въ года̀. Мнѣ же нуженъ другой *я*—для путешествій и другихъ дѣлъ; ибо однимъ чѣмъ либо заниматься считаю на Руси глупостью.

Съ Глинкой ѣлъ я рябчиковъ всю осень на lago di Como. Кстати объ Глинкѣ, онъ кланяется всѣмъ вамъ. Сталъ воображать, что онъ выздоравливаетъ и сильно занимается музыкой. Его печатныя сочиненія здѣсь высоко ставятъ, и у него много прожектовъ о музыкѣ по возвращеніи. Не мѣшало бы вамъ потрубить о немъ въ журналахъ. Мнѣ Piccordi говорилъ, что онъ считаетъ Глинку на равнѣ съ Bellini и Donizetti, но *ученье ихъ* въ контрапунктѣ. Трубите, ибо ему будетъ полезно впредь, а нашимъ ушамъ сладко. Онъ отшатнулся нѣсколько отъ Нѣмцевъ въ музыкѣ и признаетъ, что наша національная должна болѣе сходствовать съ Итальянскою: тоже, что̀ ты сталъ думать о поэзіи.

Что Нѣмецкій „Телескопъ“? Да нечего спрашивать: самъ увижу и употреблю на риѳму. Къ 1-му Генваря—въ Москвѣ. Останусь дней десять:—въ Питеръ; въ Питерѣ выхлопочу деньги; если скоро (т. е. до Марта), то сей часъ же въ Лейпцигъ, а если продлится до Мая—на пароходѣ въ Лондонъ. Олухъ! Который изъ Баратынскихъ взялъ Софью Михайловну [1])? Прощай! Обнимаю всѣхъ. Здравствуйте, наслѣдный принцъ Мурашкинскій!!! [2]) Знаете пѣсню:

Матушка Россія
Не беретъ насильно:
Беретъ добровольно,
Наступя на горло.

Такъ берите и меня!

Прошли года, прошло почти 20 лѣтъ; и Соболевскій, временно находясь въ Москвѣ (полагаемъ въ 1847 году) побуждаетъ Шевырева къ основанію въ ней публичной библіотеки, посредствомъ покупки, для начала, чьего-то собранія (не С. Д. Полторацкаго-ли?). Онъ уже не видится ни съ Кошелевымъ, ни съ Кирѣевскими: напротивъ, совершенно отдѣляетъ себя отъ Славянофиловъ, даже называетъ себя чужеземцемъ... и грозитъ Британскимъ Музеумомъ.

XXIX.

Главное—составить значительный зародышъ. Уломайте Кошелева и Хомякова, какъ людей здѣшнихъ, заявленныхъ Москвичей, Славянофиловъ и филантроповъ. Пусть дадутъ больше моего, чужеземца и навѣрное менѣе ихъ богатаго; это дѣло ваше, ибо у меня это сочтутъ библіоманіей, а штука, право, важна. Стыдно въ Москвѣ не имѣть Русскихъ книгъ въ рукахъ православныхъ.

Что Мальцовъ и Веневитиновъ дадутъ, за это берусь я; да при томъ и другихъ уговорю здѣсь и въ Петербургѣ. Что̀ дадутъ Чертковъ,

---

[1]) Вдову барона А. А. Дельвига.

[2]) Мурашкино, вотчина князя А. Н. Волконскаго.

Строгановъ и старикъ Уваровъ, въ этомъ, кажется, сомнѣваться трудно, особенно, если подастся имъ хорошій примѣръ. Между нами тысячъ двухъ серебромъ недолго набрать; удастся собрать остальныя—хорошо; не удастся—попытка не грѣхъ и спросъ не бѣда; но если куплю я для себя, то вѣроятно Москвѣ не останется ничего, ибо недостающее подарю въ библіотеки Петербурга, а остальное продамъ въ British Museum, даже можетъ быть безъ убытка и съ возвратомъ цѣны подареннаго. Этимъ способомъ (добровольнымъ подписомъ) въ Англіи сдѣлано все, ибо тамъ правительство рѣшительно ничего не сдѣлаетъ и за сдѣланное не дастъ ни чиновъ, ни крестовъ, ни даже добрыхъ словъ.

XXX.

Collectio, собраніе, по моему мнѣнію не заключаетъ въ себѣ мысли о знаніи дѣла и о какой либо преположенной цѣли, которыя выражаются словомъ подборъ, по нѣмецки Auswahl или ausgewählte Sammlung. Если ты намѣренъ во 2-мъ томѣ сдѣлать прибавки, то могу тебѣ указать многое.

Не ошибся ли ты при показаніи числа нумеровъ, описанныхъ черезъ Schiada? Скіады и Маттея у меня нѣтъ, но чуть ли не принято тутъ тобою число рукописей, описанныхъ Маттеемъ. Справься.

У Геннадія (какъ и во всякомъ первенцѣ чего либо) много ошибокъ, пропусковъ, недомолвокъ. Твоя статья касательно библіотеки монастырской его пополняетъ прекрасно; для этихъ господъ до $\frac{1762}{1800}$ ничего не существуетъ.

Показаніе у тебя матеріаловъ для палеографіи тоже слѣдовало бы къ Геннади, да и это для нихъ (въ томъ числѣ и для меня) трудновато.

Прощай, на первый разъ скажи нѣсколько словъ:

a) о Θерапонтовѣ. Есть о немъ отдѣльная брошюра Калайдовича (преръдкая), гдѣ говорится о рукописяхъ, доставленныхъ Θерапонтовымъ гр. М. Пушкину и Баузе.

b) О библіотекѣ Гидрографическаго Департамента, печатный каталогъ въ 6 томахъ, изъ коихъ одинъ исключительно Русскихъ книгъ.

c) О библіотекѣ 2-го Отдѣленія, спеціальныя по законодательству, печатный каталогъ въ 2-хъ томахъ, и пр., и пр., и пр.

XXXI.

Winke. Прошу перевести это Нѣмецкое слово. Наводы? Напутья?

a) У князя Лопухина гдѣ-то (чуть ли не въ Кіевской губерніи) огромная библіотека. Знаю, что онъ выписывалъ года три тому назадъ нѣкоего мусье Трубà, привести ее въ порядокъ и составить ей каталогъ.

b) Этотъ самый мусье составилъ (и хорошо составилъ) два систематическихъ каталога для Уварова: a) въ четырехъ томахъ библіотеки его въ Порѣчьѣ, b) въ трехъ томахъ библіотеки иностранныхъ книгъ графа Алексѣя (нынѣ тоже въ Порѣчьѣ). Сверхъ того въ Порѣчье перевезена изъ Холмовъ библіотека Ѳедора Семеновича Уварова, состоящая изъ книгъ по военному дѣлу. Эта еще не описана. Нѣкто Лазаревскій трудится теперь надъ описаніемъ всего неописаннаго. Рукописи Русскія большею частію въ Питерѣ. Кромѣ рукописей Царскаго и многихъ другихъ, Уваровъ купилъ и собраніе Сахарова, коему есть *печатный* каталогъ.

c) Гдѣ-то въ Смоленской губерніи (чуть ли не въ Сычевскомъ уѣздѣ), большая библіотека у графини Паниной; говорятъ, много рукописей, автографовъ и проч. 1770—1801 годовъ.

d) Гдѣ-то въ Владимирской губерніи домашній архивъ и библіотека князя Воронцова[1]). Говорили, что въ прекрасномъ порядкѣ и что рукописей много. Впрочемъ изъ нея что-то было издано, чуть ли не письма Алексѣя Петровича.

Въ Библ. Конногвардейскаго полка—всё *дѣло о 14 Декабрѣ*[2]). Почему и какъ попало туда, не вѣдаю.

XXXII.

a) Отъ чего не понравилось тебѣ употребить мое слово: *подборъ*, вмѣсто заморскаго: коллекція?

b) Библіотека печатанныхъ книгъ Царскаго куплена гр. Орловымъ-Давыдовымъ и перевезена въ подмосковную его.

c) Полторацкій съѣстъ тебя за Николая Петровича Кириллова.

P. S. Ты забылъ Порѣченскую библіотеку Уварова, въ ней тысячь 40 томовъ и гдѣ Русскій печатный отдѣлъ богатъ.

(Сообщено Борисомъ Степановичемъ Шевыревымъ).

---

[1]) Въ с. Андреевскомъ. Огромный домъ, комнатъ въ 50, представляетъ собою замѣчательное явленіе. Все въ немъ, убранство, мебель, утварь, обои, картины, портреты, вещи и вещицы, книги и пр. находится и остается *тоже самое* съ 1805 года, и въ неизмѣнномъ видѣ, по волѣ владѣльца, сохраняется такъ, что это единственное, м. б., въ Европѣ зданіе, которое, не будучи музеумомъ, представляетъ обильный матеріалъ для бытового и археологическаго изученія всего, что было сто и болѣе лѣтъ назадъ.

[2]) Такъ какъ многіе офицеры этого полка были участниками и замѣшенными, то переписка о нихъ и дѣлопроизводство конечно могла быть въ архивѣ полка. Но чтобы *все дѣло* могло находиться въ его библіотекѣ—слухъ сомнительный.

АЛЛАВЕРДЫ.

Стихотвореніе графа Соллогуба [1]).

Аллаверды!—Господь съ тобою!
Вотъ слова смыслъ, и съ нимъ не разъ
Готовился отважно къ бою
Войной взволнованный Кавказъ.
Ходили всѣ мы къ схваткамъ новымъ,
Не дожидаясь череды;
Хвала погибшимъ, а здоровымъ
Аллаверды!

Одной природой мы богаты;
Но, какъ въ прошедшіе вѣка,
Подъ каждой сѣнью нашей хаты
Есть уголокъ для кунака [2]),
Намъ каждый гость дается Богомъ,
Какой бы ни былъ онъ среды,
Хотя бы въ рубищѣ убогомъ,
Аллаверды! мой другъ, Аллаверды!

Съ временъ давнымъ давно отжитыхъ,
Преданьемъ Иверской земли,
Отъ нашихъ предковъ знаменитыхъ
Одно мы слово сберегли:
Въ немъ нашей удали начало;
Товарищъ счастья и бѣды
Оно одно у насъ звучало:
Аллаверды.

---

[1]) Графъ В. А. Соллогубъ служилъ тогда въ Тифлисѣ при князѣ Воронцовѣ, супруга котораго была ему родственница. Стихи относятся къ 1850 году, когда Александръ Николаевичъ, будучи наслѣдникомъ-цесаревичемъ, былъ на Кавказѣ.

[2]) Кунакъ—другъ.

Когда досугъ Кавказскій тѣша,
Просторъ давая бурдюкамъ [1]),
Въ кружкѣ усердномъ, азарпеша [2])
Гуляетъ звонко по рукамъ,
Неугомонно ходитъ чаша,
И вплоть до утренней зори
Несется голосъ тулумбаша [3])
Аллаверды, шены черимъ, Аллаверды!

Но если Гость—Отецъ Державный!...
Земному Солнцу кто не радъ?
Поднимутся на пиръ заздравный
Казбекъ, Эльбурсъ и Араратъ,
И грохнетъ дружно, всѣмъ Кавказомъ,
На всѣ нарѣчья всѣ лады,
Одной душой, единымъ разомъ: Аллаверды!
Онъ осѣнилъ насъ благодатью,
Дѣтей и женъ Онъ нашихъ спасъ;
Онъ помнилъ и меньшую братью;
Онъ къ просвѣщенію двинулъ насъ!
Благословенъ-же будь судьбою!
Тобой мы сильны и горды!
Великій Царь, Господь съ тобою! Аллаверды!

---

[1]) Бурдюкъ, мѣхъ для сбереженія вина.
[2]) Азарпеша—чаша.
[3]) Тулумбашъ—распорядитель пира.

ПРЕДОКЪ НИКИТЫ МОИСЕЕВИЧА ЗОТОВА.

(„вѣрность и терпѣніе“: девизъ зотовыхъ).

Предокъ Зотовыхъ служилъ въ Угличѣ при дворѣ царевича Димитрія Іоанновича и за свою преданность царевичу и „матери его, царицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ“, пострадалъ подобно другимъ Угличанамъ отъ Бориса Годунова: былъ сосланъ, и имѣніе его, описанное въ казну, возвращено было лишь царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ внуку его Василію Яковлевичу Зотову.

Внукъ сего послѣдняго Никита Моисеевичъ, дьякъ челобитнаго приказа, предложенъ былъ въ 1677 году бояриномъ Ѳедоромъ Прокофьевичемъ Соковнинымъ царю Алексѣю Михайловичу наставникомъ для пятилѣтняго царевича Петра Алексѣевича.

Въ IX т. Древней Россійской Вивліоѳики напечатана копія съ рескрипта Петра Великаго въ слѣдующихъ словахъ: „По прошенію и за службу Микитѣ Моисеевичу Зотову дается наданіе графъ, также ближняго стольника чинъ и ближней канцеляріи генералъ-призидентъ. Петръ“.

Внизу рукою Зотова приписано:

„Благодарственъ за вашу Государскую премногую милость. Вышеписанную Царя Великаго милостію, написанною Его Государскою собственною рукою, я Микита Зотовъ пожалованъ въ С.-Петербурхѣ при полученіи вѣдомости о взятіи города Риги Іюля въ 8 день 1710 года“.

Въ Гербовникѣ упоминается объ иностранномъ происхожденіи перваго Зотова и сообщается объ оказанной имъ заслугѣ царевичу и его матери и что „за эту заслугу“ наказанъ онъ Годуновымъ и лишенъ имущества. Однако имя его скрыто, и мы знаемъ только, что сына его звали Яковомъ, а царь Михаилъ возвращаетъ имущество уже внуку того, кто оказалъ въ Угличѣ заслугу. Не странно ли, что имя такого „заслуженнаго“ человѣка скрыто?

Иностранное происхожденіе служащаго въ Угличѣ неудивительно, и мы знаемъ, что между ближайшими къ царевичу лицами были иностранцы.

Имя родоначальника Зотовыхъ не могло быть Русское „Зотовъ“. Сіе послѣдне могло быть искаженное, съ придачею Русскаго окончанія. Иностранный элементъ въ Угличѣ состоялъ главнымъ образомъ изъ плѣнныхъ и иныхъ Ливонцевъ.

Почему же Никита Зотовъ награжденъ Петромъ Великимъ именно „при полученіи вѣдомости о взятіи города Риги?“ Зотовъ не участвуетъ въ осадѣ, не служитъ въ войскѣ; но день взятія Риги въ жизни его получаетъ особое значеніе. Если онъ происхожденія „Ливонскаго“, то это могло бы имѣть свое объясненіе, въ виду возвращенія „Ливоніи“ Россіи, въ 1710 году.

„Герба“ старинныхъ дворянъ Зотовыхъ въ Гербовникѣ (въ № 3) не имѣется, а только гербъ „графовъ“ Зотовыхъ.

„Въ голубомъ полѣ переломленный на двое серебряный полумѣсяцъ, рогами вверхъ и на немъ штандартъ съ золотымъ одноглавымъ орломъ, держащимъ въ правой лапѣ серебряный мечъ, а въ лѣвой лавровую вѣтвь. На главѣ орла золотая корона, изъ коей выходитъ знамя, древко у знамени золотое, а поле бѣлое, окруженное золотою каймою, и на немъ видны Россійскій двуглавый орелъ и плывущіе корабли. На груди у орла красное сердце пронзенное крестообразно вверхъ двумя серебряными стрѣлами. На сердцѣ внизу протекаетъ діагонально рѣка, а вверху серебряный четырехъугольный камень съ изображенными на немъ семью глазами. Девизъ: „вѣрность и терпѣніе“.

Плывущіе корабли, пронзенное золотое сердце, переломленный мѣсяцъ, рѣка и камень съ семью глазами, не намекаютъ ли на водный путь.....

Привлеченіе потомка „Угличскаго дѣятеля“ и притомъ „особаго значенія“, къ воспитанію царевича Петра Алексѣевича, не привлекаетъ ли самого Петра къ изученію этого времени, тѣмъ болѣе, что Зотовъ развивалъ въ немъ стремленіе къ изученію прошлаго? Зотовъ былъ прямымъ потомкомъ того, кто оказывалъ услуги царевичу Димитрію и его матери. Но если помнятся его „заслуги“, то они должны имѣть значеніе положительное, а не отрицательное: иначе и заслуга перестанетъ быть таковою. Результатъ же Угличскаго событія, насколько извѣстно, отрицательный.

Родоначальникъ Зотовыхъ иноземецъ. Далѣе Яковъ, Василій Зотовъ, Моисей и Никита, Петровскій „графъ“.

Слѣдовательно Никита Моисеевичъ первому праправнукъ: не столь уже отдаленное родство, для человѣка любознательнаго и склоннаго къ изученію минувшихъ историческихъ событій, каковымъ и былъ воспитатель Петра.

Фамилія Зотова искаженная; но если придерживаться Нѣмецкой колоніи въ Угличѣ 1591 года, тѣмъ болѣе „Лифляндской“, то при всей трудности въ поискахъ имени, сколько нибудь созвучномъ и притомъ со связями Московскими и Угличскими, невольно остановишься подъ слѣдующимъ показаніемъ Аделунга о Михаилѣ Цаупе (1576). „Michael Zaupe“ родомъ изъ Ревеля. 9 Марта 1576, во время вылазки, учиненной жителями этого города противъ осаждавшихъ его Русскихъ, былъ взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Москву. Отсюда черезъ два года (ок. 1579) взялъ его одинъ Русскій бояринъ въ Ригу, собственно для размѣна его съ лицомъ носящимъ фамилію „Тизенгаузенъ“ (Tiesenhausen). Но такъ какъ послѣдняго не нашли, ни въ Лифляндіи, ни въ Литвѣ, то Zaupe былъ двумя благомыслящими (gutdenkende) людьми выкупленъ за два „Portugaleser“ и уже остался въ Ригѣ, гдѣ получилъ права гражданства. Онъ оставилъ записки: „Tagebuch während seiner Gefangenschaft in Russland (1576—1578), welches sich in der Stadt Bibliothek in Riga befindet. (Дневникъ во время его плѣна въ Россіи 1576—1578, находящійся въ городской библіотекѣ города Риги).

Объ этомъ Цаупе сохранились свѣдѣнія въ 1) Schriftsteller Lexicon der Provinzen Lievland, Estland und Kurland von L. T. von Recke und K. E. Napiersky v. IX. s. 583. 2) K. E. Napiersky. S. Nackrichten von Lievland. Geschichtschreiber Mitau, 1824.

Исканіе, въ замѣнъ Цаупе, фамиліи Tiesenhausen опять таки возвращаетъ къ Угличу, такъ какъ при дворѣ царевича и при царицѣ М. Ѳ. Нагой пребывала бывшая ея „Obstetrix“ (повивальная бабка), которая принимала царевича Димитрія и фамилія которой была Tiesenhaus; Русскіе же произносили „Тизнусова“.

Если Tiesenhausen превратилось въ „Тизнусова“, то почему же изъ „Цаупе“ не быть „Зотову“? Личность этой „Тизнусовой“ занимала современниковъ, и сохранились свѣдѣнія о сношеніяхъ съ нею Льва Сапѣги, глазъ котораго, въ концѣ 80-хъ годовъ, былъ направленъ на Угличъ.. По поводу ея имѣется переписка. Цаупе, побывшій въ двухълѣтнемъ плѣну, во времена Грознаго, по освобожденіи зажилъ въ Ригѣ уже при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ. У него завелись сношенія и связи съ Москвою и, какъ видимъ, у него были пріятели и покровители между боярами.

Сдѣланные по этому направленію поиски въ Ригѣ пока оказались неуспѣшными, что̀ впрочемъ объясняется ревнивымъ обереганіемъ архивныхъ документовъ, чему и намъ не мѣшало бы подражать. Конечно, имѣющіеся признаки совершенно ничтожны; но и помимо возможныхъ связей съ Зотовымъ, личность Цаупе любопытна своими похожденіями во время его двухлѣтняго Московскаго плѣна и притомъ наканунѣ почти рожденія царевича Димитрія.

На Н. М. Зотова „указываетъ“ царю Алексѣю Михайловичу боярин̀ Ѳедоръ Прокофьевичъ Соковнинъ.

Любопытно, что именно „Соковнинъ“ провелъ Зотова къ царю. Вспомнимъ происхожденіе Соковниныхъ. Баронъ Іоганнъ фонъ Икскюль выѣхалъ изъ Ливоніи къ царю Іоанну Васильевичу и принялъ православіе съ именемъ Ѳеодора Ивановича. Его сынъ Василій, прозваніемъ „Соковня“—полковой голова въ 1552 году. Отсюда пошли Соковнины, потомки Икскюлей (von Meyendorf, genannt Uexküll)[1]).

Ѳеодоръ Прокофьевичъ стольникъ (1648—1669), дворецкій царицы Марьи Ильиничны (1669), бояринъ (съ 29 Іюня 1682) въ 1697 году.

Переходъ барона Іоганна Икскюля долженъ состояться въ ранніе годы царя Ивана, разъ что сынъ его, Соковня, уже голова въ Казанскомъ походѣ (1552).

Этотъ Соковня въ такой же степени родства, по числу поколѣній, какъ Н. М. Зотовъ къ отцу Якова. Слѣдовательно послѣдній и даже отецъ его, Угличскій услужникъ царицы М. Ѳ. Нагой, не только современники, но и земляки!.. Возможны и сношенія между ними, преданія о которыхъ настолько могли сохраниться, что правнукъ Соковни-Икскюля, бояринъ Ѳеодоръ Прокофьевичъ Соковнинъ, нашелъ желательнымъ провести правнука плѣннаго Ливонца въ воспитатели къ тому царю, кто присоединилъ къ Россіи Ливонію, съ древнею Ригою, въ достопамятномъ 1710 году[2]).

Г. С. Шереметевъ.

Михайловское, 3 Іюня 1909 г.

---

[1]) Руммель и Голубцевъ, Родословный Сборникъ ч. II, стр. 402—403.

Баронъ Іоганнъ Икскуль.—Василій прозв. „Соковня“.—Тимофей Васильевичъ убитъ въ бою подъ Рыльскомъ (при Разстригѣ).—Ѳедоръ Тимофѣевичъ воевода.—Прокофій Ѳедоровичъ окольничій † 1662 въ маститой старости.—Ѳеодоръ Прокофьевичъ бояринъ † 1697.

[2]) Весьма жаль, что архивъ Соковниныхъ, нынѣ принадлежащій графу Алексѣю Алексѣевичу Бобринскому, донынѣ еще подъ спудомъ.

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ТРЕТІЙ.

I.

Записки Д. Р. Сиверса.

Флигель-адъютантъ Петра III-го, полковникъ *Давидъ Рейнгольдъ Сиверсъ* (1732—1814), Голштинецъ, оставилъ Записки. Онѣ напечатаны *Эмилемъ Лобеданцемъ* въ 37-й книгѣ изданія: Zeitschrift der Gesellschaft für Schleswig-Holsteinische Geschichte. Это дядя славнаго графа Якова Ефимовича Сиверса. Давидъ Рейнгольдъ собрался жениться на одной изъ двухъ незаконныхъ сестеръ Петра III-го, Фредерикѣ, жившей въ Килѣ, во дворцѣ, устроенномъ на Русскія деньги для дочери Петра Великаго Анны Петровны. У его родителей было небольшое владѣніе въ Рижской губерніи, но онъ числился въ Голштинской службѣ. При дворѣ Елисаветы Петровны Сиверсы уже имѣли нѣкоторое значеніе, такъ какъ одинъ изъ нихъ былъ кофишенкомъ, т. е. завѣдывалъ кофеемъ, и отъ него произошли графы Сиверсы (родственники графа Якова Ефимовича, стяжавшаго свое графство государственными заслугами). Но тогда Голштинцевъ не охотно пускали въ Россію. Они ворвались къ намъ, когда ихъ герцогъ сдѣлался Русскимъ Императоромъ, который обильно тратилъ на нихъ червонцы изъ сундуковъ своей тетки.

Записки Сиверса внушаютъ къ себѣ полное довѣріе. Онъ былъ человѣкъ прямой, благодушный и набожный. Приводимъ изъ нихъ выдержки.

Начато въ 1762 году, въ Петербургѣ, продолжено на обратномъ пути моремъ у Дагерорта подъ Ревелемъ 1 (12) Августа 1762, окончено 10 Декабря 1765.

„Вмѣстѣ съ моимъ двоюроднымъ братомъ статскимъ-совѣтникомъ Ганертомъ благополучно, въ 6 дней, прибылъ я въ Петербургъ. Государь мой съ императрицею Елисаветою Первою въ это время возвращался изъ Москвы. Я прибылъ шестью днями раньше, и это послужило мнѣ къ счастію, такъ какъ иначе Голштинскій министръ Пехлинъ препроводилъ бы меня изъ Кронштадта назадъ; но я успѣлъ туда

съѣздить и предъявилъ себя не-офицеромъ. Вскорѣ посчастливилось мнѣ представиться его императорскому высочеству и его супругѣ. Онъ вообще очень любилъ солдатъ, и для него было новостью увидать офицера, служившаго въ любимомъ его полку[1]). Черезъ нѣсколько дней онъ говорилъ со мною о моемъ намѣреніи жениться, благосклонно отнесся къ оному и сказалъ, что скоро отбудетъ въ Петергофъ и тамъ обсудитъ это дѣло. Оттуда послѣдовалъ рескриптъ оберъ-егермейстеру Бредалю съ приказаніемъ ѣхать въ Киль и освѣдомиться, можетъ ли Фредерика быть моею женою. Скоро пришелъ утвердительный отвѣтъ. Его имп. высочество полюбилъ меня, оказывалъ много милостей и почти постоянно говорилъ мнѣ *ты*. Великая княгиня была въ это время беременна нынѣшнимъ великимъ княземъ. Положено было, что по ея разрѣшеніи я буду назначенъ камеръ-юнкеромъ и меня пошлютъ въ Голштинію курьеромъ съ извѣстіемъ о благополучномъ событіи. Его императорскому высочеству случилось однажды пировать, при чемъ до поздней ночи оставалась и великая княгиня. Когда зашла рѣчь о моей предстоящей женитьбѣ, она сказала, что ждать нечего и что мнѣ теперь же быть камеръ-юнкеромъ, оно тутъ же и состоялось[2]). Ихъ высочества и всѣ сотрапезники поздравляли меня, при чемъ выпито было довольно вина, и я къ величайшему изумленію моему сталъ камеръ-юнкеромъ съ годовымъ окладомъ въ 500 талеровъ и съ сохраненіемъ 11 талеровъ поручичья жалованія и 8 талеровъ продовольственныхъ. Лѣто кончилось во всякихъ удовольствіяхъ, и въ концѣ Августа послѣдовалъ переѣздъ въ Петербургъ. Веселье и тамъ не прерывалось. Ординарцемъ, ежедневно съ 9 часовъ утра, долженъ я былъ являться ко двору и лишь ночью, по большой части около 3 часовъ, могъ возвращаться домой. Наконецъ, 1 Октября новаго счета, въ 10 часовъ утра великая княгиня произвела на свѣтъ нынѣшняго великаго князя Павла. Все радовалось несказанно, тѣмъ болѣе, что Русское государство уже девять лѣтъ ждало этого счастія. По этому случаю великій князь[3]) пожаловалъ меня дѣйствительнымъ камергеромъ съ 600 талерами годоваго оклада, кромѣ того флигель-адъютантомъ и капитаномъ съ сохраненіемъ поручичьяго жалованья и 8 талеровъ на продовольствіе. Въ добавокъ получилъ я большое бриліантовое кольцо, оцѣненное въ 600—

---

[1]) Голштинскихъ офицеровъ не пускали въ Россію иначе какъ съ паспортомъ за подписью Петра Ѳеодоровича, и Сиверсъ пробрался въ Петербургъ не какъ Голштинецъ, но съ паспортомъ Лифляндскаго дворянина. П. Б.

[2]) Бумага о томъ подписана: „С. Петербургъ, 25 Іюля (5 Августа) 1754. Петръ великій князь“.—И тутъ Екатерина съумѣла списать себѣ приверженца. П. Б.

[3]) Въ самый день рожденія Павла Петровича. П. Б.

800 талеровъ и прекрасную съ золотымъ шитьемъ одежду, которая стоила отъ 500 до 600 талеровъ".

Октября 3-го въ 3 часа у. Сиверсъ прибылъ въ Киль благополучно на 15-й день. Извѣстно, что въ управленіи Голштинскимъ герцогствомъ въ то время происходили большіе безпорядки и процвѣтала правительственная волокита. Счастью Сиверса позавидовали его сослуживцы и за разными мелочами продержали его въ Килѣ нѣсколько мѣсяцевъ. По возвращеніи въ Петербургъ не допускалъ его до великаго князя тотъ самый Брокдорфъ, котораго въ черныхъ краскахъ изображаетъ Екатерина въ своихъ Запискахъ. Сиверсъ подтверждаетъ намъ ея отзывы (Брокдорфъ едва зналъ грамотѣ и пробрался въ Россію подъ видомъ торговца стекломъ). Сиверсу помогъ сводный его братъ, отецъ графа Якова Ефимовича. Петръ Ѳедоровичъ возвратилъ ему свою милость (хотя тотъ еще не вступилъ съ нимъ въ родство) и позвалъ къ ужину. Послѣ ѣды началось куренье. Ему подали трубку; прежде онъ никогда не курилъ, но ему сказано, что всякій солдатъ долженъ курить. Великая княгиня упрашивала супруга, чтобы онъ позволилъ Сиверсу провести зиму въ Петербургѣ, но тотъ не согласился, а когда онъ откланивался, послала съ нимъ въ подарокъ его невѣстѣ богатое платье. За разными проволочками свадьба Сиверса состоялась лишь 1-го Іюля 1756 г., въ церкви Кильскаго дворца, гдѣ новобрачнымъ отведено было четыре комнаты и гдѣ въ теченіи четырехъ лѣтъ у нихъ родилось три дочери (у первой крестной матерью считалась Екатерина, а у второй великій князь).

Вызванный въ Петербургъ Сиверсъ прибылъ туда 28 Апрѣля 1761 года. Въ началѣ Мая ихъ высочества переѣхали въ Ораніенбаумъ. Для него и его семьи отведено еще двѣ комнаты въ Кильскомъ замкѣ, женѣ его послано богатое платье и тысяча рублей. Въ Февралѣ 1762 г. онъ посланъ былъ на встрѣчу къ принцу Георгу въ Нарву, куда пріѣхалъ и самъ Петръ III, который и повезъ своего дядю въ Петербургъ въ отведенный ему дворецъ*), гдѣ ожидало ихъ множество Русской и Голштинской знати и состоялся большой ужинъ. 4 Марта всѣ находившіеся въ Петербургѣ и въ Ораніенбаумѣ Голштинскіе офицеры повышены въ чинахъ и заданъ имъ пиръ; они обѣдали на нѣсколькихъ столахъ, что̀ продолжалось до 8 часовъ вечера. 5 Февраля Сиверсъ участвовалъ въ перенесеніи тѣла Елисаветы Петровны въ крѣпость: тамъ оно оставалось до погребенія четыре недѣли, простоявъ шесть недѣль во дворцѣ, гдѣ денно и нощно служились панихиды и

*) Нынѣшнее зданіе Сената. П. Б.

дежурили чины и жены ихъ. Въ день погребенія каждую минуту раздавался выстрѣлъ изо ста слишкомъ пушекъ, по улицамъ съ обѣихъ сторонъ разставлены войска, изъ пушекъ стрѣляли ежеминутно съ 8 часовъ утра до часу по полудни, и когда тѣло привезено было въ крѣпость, послѣдовалъ троекратный залпъ изо всѣхъ пушекъ крѣпости и съ адмиралтейской верфи. Погода стояла хорошая. Заупокойная обѣдня длилась три часа[1]).

1762 года, 28 Іюня (9 Іюля), въ 11 ч. утра[2]) Его Всероссійское Императорское Величество Петръ III-й отправился изъ Ораніенбаума въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы тамъ слѣдующій день, въ Субботу, весело отпраздновать день своихъ имянинъ. Отъѣздъ послѣдовалъ въ полной обезпеченности и удовольствіи тотчасъ послѣ вахтпарада; но къ сожалѣнію не прошло и получасу, какъ эта обезпеченность на вѣкъ пропала, и Петръ, бывшій въ то время Самодержцемъ во всей Россіи и имѣвшій возможность быть страшилищемъ для Европы и въ особенности для Даніи, сдѣлался въ эти немногія минуты первымъ рабомъ (Sclave) и несчастнымъ человѣкомъ въ мірѣ. Все послѣдовало за его коляскою; но я не знаю, что-то смущало меня, и я былъ недоволенъ. Надо сказать, что мое спокойствіе продолжалось при восшествіи на престолъ недолго. Въ это время Императоръ устраивалъ въ Петербургѣ и въ Ораніенбаумѣ разныя увеселенія, которыя были мнѣ какъ-то не по душѣ, и мнѣ что-то печальное чувствовалось постоянно. И такъ за Государемъ всѣ поѣхали. Я одинъ оставался на верху во дворцѣ, нагнулся къ окну и смотрѣлъ на этотъ отъѣздъ съ усвоеннымъ уже себѣ горестнымъ чувствомъ. Когда Государь отъѣхалъ, я пошелъ къ себѣ на квартиру въ казармы, передъ небольшою крѣпостью, такъ называемымъ Петерштатомъ. Это была крѣпостца, которую Государь устроилъ для своего удовольствія, недалеко отъ Ораніенбургскаго дворца. Я скинулъ верхнюю одежду и помышлялъ о томъ, гдѣ мнѣ пообѣдать, такъ какъ тутъ ничего не было кромѣ хлѣба и немного молока. Вдругъ мчится кто-то стремя голову мимо казармъ къ Петерштату. Я разсмотрѣлъ, что это былъ генералъ-адъютантъ Гудовичъ. Онъ также быстро поѣхалъ назадъ. Тотчасъ послышался барабанный бой и тревога. Мнѣ подумалось, что Государь захотѣлъ узнать, во сколько минутъ солдаты могутъ вооружиться; но скоро сдѣлалось извѣстно, что въ Петербургѣ возстаніе. Больше намъ нечего было разузнавать, такъ какъ съ нѣкотораго времени мы уже не переставали ожидать такого

[1]) Въ Щукинскомъ музеѣ хранится изображеніе похороннаго шествія за гробомъ Елисаветы Петровны. П. Б.

[2]) По другимъ извѣстіямъ, въ часъ по полудни. П. Б.

несчастія. Тутъ все пришло въ безпорядокъ. Бросились къ пушкамъ, достали острыхъ патроновъ и хватались за все, чѣмъ бы защищаться. Императоръ проѣхалъ отъ Ораніенбаума всего четверть мили, какъ ему доложили, что возстаніе общее, что онъ низложенъ и что Императрица супруга его провозглашена царствующею монархинею. Императоръ тотчасъ приказалъ Гудовичу ѣхать назадъ и выслать находившіяся въ Ораніенбаумѣ Голштинскія войска въ Петергофъ. Ихъ всего было вооруженныхъ 800 человѣкъ, почти безъ всякихъ военныхъ запасовъ, и это противъ 14 тысячъ Русскаго войска! Мы готовы были пожертвовать нашею жизнію, тогда какъ у тѣхъ говорила же совѣсть о томъ, что они измѣнили своему государю. Отъ Ораніенбаума до Петергофа добрая миля разстоянія. Въ 4 часа мы пришли туда. Императору доложили о прибытіи этой уже безполезной защиты, и онъ услышалъ о томъ съ удовольствіемъ, а меня спросилъ, охотно ли пошли мы и готовы ли ко всему. Я отвѣчалъ утвердительно. Главнымъ командиромъ нашей злосчастной толпы былъ генералъ Лёвенъ, изъ Лифляндскаго дворянства, совсѣмъ неспособный дѣйствовать въ такихъ обстоятельствахъ.

Какъ скоро мы нѣсколько отдохнули, я поскакалъ къ императору узнать, какъ размѣстить этихъ 800 человѣкъ и что имъ дѣлать. Какъ давній любимецъ и всегда вѣрный слуга, а также и какъ флигель-адъютантъ, я прямо пошелъ къ Императору, хотя другіе, изъ Русскихъ, хотѣли сначала обо мнѣ доложить. Я получилъ отъ него словесное распоряженіе и поспѣшилъ исполнить оное. Императоръ находился въ нижнемъ, ближе къ Невѣ, Петергофскомъ саду. Онъ сидѣлъ на стулѣ. Рядомъ съ нимъ графиня Воронцова. Она плакала. Онъ казался довольно спокоенъ, но нѣсколько блѣденъ. Онъ нюхалъ свой платокъ (roch auf sein Tuch), обрызганный Лавендовой водою. Тутъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ. Состоявшіе при немъ кавалеры и дамы находились всѣ въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи. Они конечно всѣ ждали исхода своей измѣны, ибо я думаю, что лишь очень немногіе не принимали участія въ этомъ преступленіи.

Императоръ главнымъ образомъ приказывалъ, чтобы наши не начинали стрѣлять. Я передалъ о томъ генералу Лёвену. Онъ былъ въ смущеніи, и я какъ и другіе убѣдился, что гораздо труднѣе исполнять генеральскую должность, нежели носить генеральское имя. Вскорѣ стали говорить, что по близости отъ насъ 50 человѣкъ Русской кавалеріи и что тотчасъ наступитъ дѣло. Каждый началъ улыбаясь прощаться съ товарищами. Я полюбопытствовалъ узнать, ужели Русскіе

приближаются и отпросился у нашего генерала и великаго героя Л. О. фонъ-Лёвена съѣздить и провѣдать. Онъ охотно дозволилъ, и я поѣхалъ, взявъ съ собою одного порутчика и нѣсколько человѣкъ гусаръ; однихъ посылалъ по сторонамъ для развѣдки, другихъ держалъ при себѣ для безопасности. Нѣсколько верстъ или съ четверть всего пути ѣхалъ я не торопясь, но ничего не было видно. Посланные гусары возвращались ни съ чѣмъ, и я посылалъ другихъ. Тогда я прибавилъ шагу и продвинулся верстъ на 14 или на 2 мили; лошадь у меня была добрая; погода стояла отличная; иначе было бы не благоразумно забираться такъ далеко. Наконецъ Господь Богъ послалъ мнѣ на пути Русскаго мальчика, который пробирался проселками, посланный вѣроятно своими господами изъ Петергофа или Ораніенбаума за вѣстями о томъ, что̀ дѣлалось въ Петербургѣ. Этого малаго я распрашивалъ какъ могъ и узналъ, что въ двухъ тысячъ шагахъ находятся непріятельскіе форпосты, съ заряженными ружьями и выкинутымъ знаменемъ. Тогда я повернулъ назадъ, а мальчика велѣлъ посадить на коня къ одному изъ гусаровъ. Мы ѣхали рядомъ и, продолжая вывѣдывать, я узналъ отъ него, что въ Петербургѣ съ ранняго утра страшный шумъ на улицахъ, ходятъ и скачутъ войска съ безпрестанными криками, ура, такъ какъ императрица вступила на престолъ и взбунтовавшійся народъ кричитъ: нѣтъ больше у насъ императора, есть Императрица! Узнавъ про это, я уже меньше опасался за свою жизнь, которой грозила бѣда, если бы на престолъ возведенъ былъ кто изъ Русскихъ. Тутъ я далъ волю моему коню и когда около полуночи прибылъ въ Петергофъ, то войска нашего тамъ уже не было, а также не было у кого спросить про него. Я спустился внизъ въ садъ, но тамъ не было и Императора. Наконецъ встрѣтился мнѣ мелкій придворный служитель, отъ котораго я узналъ, что императоръ со всѣми отправился въ Кронштадтъ на двухъ, находившихся передъ Петергофомъ, яхтахъ, а солдаты наши возвратились въ Ораніенбаумъ. На этихъ яхтахъ съ нимъ были: 1) его любимица фрейлина графиня Воронцова, 2) г-жа Брюсъ жена офицера, 3) жена оберъ-эгермейстера Нарышкина, 4) княгиня Гагарина съ 2-мя дочерьми, 5) графиня Штейнбокъ съ мужемъ, 6) Брокдорфша изъ Голштиніи, 7) шталмейстерша Нарышкина, мужъ которой былъ въ большой милости у императора, собственно его шутъ, 8) братъ его оберъ-гофмаршалъ, 9) Голштинскій оберъ-эгермейстеръ Бредаль съ женой. Этихъ я могъ припомнить, но тамъ было еще много женскаго пола. Въ этой поѣздкѣ участвовалъ также Прусскій министръ баронъ Гольцъ. Въ Ораніенбаумѣ я нашелъ всѣхъ людей подъ ружьемъ; они простояли такъ цѣлую ночь до утра. У меня не было никакой команды; мой полкъ стоялъ въ

Нарвѣ, и я дѣйствовалъ какъ волонтёръ. Не раздѣваясь, легъ я въ постель. Въ четыре часа послышался шумъ: императоръ возвратился изъ Кронштадта. Если бы онъ съ самаго начала туда поѣхалъ, какъ ему совѣтывалъ фельдмаршалъ Минихъ, то можетъ быть все обошлось бы благополучно.

Въ десять часовъ прибылъ генералъ-майоръ Измайловъ (онъ прежде казался добрымъ другомъ, недавно произведенъ въ старшіе порутчики и пожалованъ Аннинскимъ орденомъ) съ предъявленіемъ желанія императрицы, чтобы Императоръ отрекся отъ престола и приказалъ своимъ людямъ держаться смирно: тогда не будетъ имъ никакого худа. Каждый остался этимъ доволенъ, такъ какъ ничего нельзя было подѣлать противъ 12-ти слишкомъ тысячъ человѣкъ и 60 или 70 пушекъ, находившихся у Императрицы въ Петергофѣ. Въ половинѣ 11-го часа Императоръ долженъ былъ отправиться съ этимъ Измайловымъ въ Петергофъ. Съ собою взялъ онъ свою графиню Воронцову и Гудовича (котораго по прибытіи туда поколотили отлично).

Такъ кончилось императорство для насъ Голштинцевъ. Передъ отъѣздомъ Императоръ приказалъ выдать всѣмъ мѣсячное жалованье, что̀ и было исполнено.

Въ два часа по полудни произошла между нами, бѣдными воинами, печальная комедія. Прибылъ Русскій генералъ Суворовъ (впослѣдствіи графъ и фельдмаршалъ) съ конногвардейцами и гусарскимъ отрядомъ и потребовалъ, чтобы сдано было все вооруженіе[1]). Сначала отобрали его у офицеровъ, а потомъ все Голштинское войско было согнано въ крѣпостцу Петерштатъ, откуда уже никого не выпускали. Этотъ жалкій Суворовъ держался правилъ стародавней Русской подлой жестокости. Когда обезоруженныхъ Нѣмцевъ уводили въ крѣпостцу, онъ развлекался тѣмъ, что шпагою сбивалъ у офицеровъ шапки съ головъ и при этомъ еще жаловался, что ему мало оказываютъ уваженія. За тѣмъ онъ началъ разыскивать, сколько у кого запасено денегъ, пожитковъ и драгоцѣнностей. Злополучнымъ солдатамъ и офицерамъ почти негдѣ было прилечь, и они со страхомъ ожидали, что̀ дальше учинитъ этотъ оселъ, будущій фельдмаршалъ[2]).

---

[1]) Ниже, въ Запискѣ Штелина, показано, что это былъ отецъ великаго Суворова, Василій Ивановичъ. Эта ошибка Сиверса свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ поправлялъ свои Записки много лѣтъ послѣ ихъ написанія. П. Б.

[2]) Выше Сиверсъ означалъ, когда именно заносилъ онъ на бумагу свои воспоминанія; но тутъ имѣемъ позднѣйшую приписку. П. Б.

Безпомощно провели мы цѣлую ночь. Снова явился Суворовъ и началъ распредѣлять людей. Русскимъ подданнымъ велѣно оставаться, а Кронштадтъ назначенъ иностранцамъ, и каждому изъ нихъ, въ особенности Прусскимъ, досталось отъ Суворова по удару и толчку въ затылокъ. Когда это кончилось, Русскіе подданные должны были идти въ Русскую церковь для присяги, и каждый подписывался на присяжномъ листѣ, а затѣмъ офицеры отпущены на честномъ словѣ и могли разойтись по своимъ квартирамъ. По ходатайству моего брата въ Петербургѣ Императрица приказала Суворову возвратить мнѣ шпагу и дать полную свободу; но подъ разными предлогами онъ продержалъ меня до слѣдующаго вечера, полагая, что я стану его упрашивать. Эта задержка раздражила меня чрезвычайно, такъ какъ въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ я дорожилъ каждою минутою, въ тревогѣ о моемъ семействѣ, и спѣшилъ въ Петербургъ. Разгоряченный, я не стѣснялся съ Суворовымъ. Зять мой Зельгорстъ слышалъ, какъ я громко заговорилъ съ нимъ, чего онъ никакъ не ожидалъ, такъ какъ до того былъ я одинъ изъ покорнѣйшихъ. Онъ сначала удивился, а потомъ разозлился. Смѣло сослался я на милость Императрицы, что̀ наконецъ его смирило и принудило тотъ же вечеръ отпустить меня и со мною моего зятя. Его грубость выразилась въ томъ, что одному полному генералу приказалъ онъ ѣхать позади его лошади, а остальнымъ знатнымъ офицерамъ вмѣстѣ съ другими. Одинъ изъ бригадировъ, проѣхавъ немного, оборотился назадъ. Суворовъ сказалъ ему, что если ему пришла охота танцовать, то пусть пошлетъ за музыкантами. Нѣкоторые офицеры натерпѣлись ударовъ и толчковъ. Въ то время, какъ всѣ мы находились въ крѣпостцѣ, подъ стражею, воришки-гусары и кирасиры опустошали наши помѣщенія, такъ что у иного осталось только, въ чемъ онъ былъ.

Въ Петербургъ пріѣхалъ я въ 4 часа ночи и занялъ мое помѣщеніе у брата. Утромъ выражалъ я ему мою благодарность за то, что онъ выхлопоталъ для меня милость у Императрицы, и поручилъ ему судьбу свою. Приходилось дорожить временемъ, такъ какъ я долженъ былъ отправляться назадъ въ Голштинію, а Императрица желала ѣхать въ Москву, чтобы короноваться. Въ Голштиніи я могъ разсчитывать всего на 500—600 талеровъ; но я готовъ былъ и на это, думая поселиться гдѣ нибудь въ деревнѣ. Съ благодѣтельнымъ братомъ моимъ обдумывалъ я, какъ мнѣ быть, и вотъ пронеслось, что Императоръ скончался отъ удара. Говорили, что съ нимъ сдѣлался припадокъ колики и что для облегченія онъ пилъ много Англійскаго пива, что̀ ускорило его кончину. Никто не вѣрилъ этому... Богъ про то знаетъ, да тѣ лица, которыя съ нимъ были...

Ночью, съ 7 на 8 Іюля ст. счета, тѣло его было перевезено изъ мѣста его заточенія (40 верстъ или 6 миль отъ Петербурга) въ Александро-Невскій монастырь и стояло до 10-го въ гробу, обитомъ въ красный атласъ съ немногими золотыми украшеніями. Онъ лежалъ въ своемъ любимомъ Голштинскомъ мундирѣ, но безъ всякихъ орденовъ, безъ шпаги и безъ караула. Стражею при немъ были малаго чина офицеръ и нѣсколько человѣкъ солдатъ.

II.

Записка Штелина*).

1762 г. 28 Іюня въ 1 часъ пополудни. Съ развода (въ Ораніенбаумѣ) всѣ поѣхали въ придворныхъ каретахъ въ Петергофъ, чтобы наканунѣ Петрова дня присутствовать при большомъ обѣдѣ въ Монплезирѣ у ея величества императрицы и потомъ вечеромъ принести поздравленіе и быть за ужиннымъ столомъ.

2 часа. По прибытіи въ Петергофъ, дворецъ, въ которомъ живетъ императрица съ ея дамами и придворными кавалерами, найденъ пустымъ, и съ удивленіемъ услышали, что она еще въ 5 часовъ утра потаенно уѣхала въ Петербургъ, всего лишь съ камеръ-юнгферою Катериною Ивановною Черогоротскою и камердинеромъ Шкуринымъ; находившіеся же при ней кавалеры и дамы ничего не знали о томъ до полудня.

Продолжительныя совѣщанія о томъ что дѣлать? Фельдмаршалъ (князь) Никита Юрьевичъ Трубецкой, канцлеръ графъ Воронцовъ и графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ отправляются, по собственному

---

*) Яковъ Штелинъ родомъ изъ Меммингена (издавшій впослѣдствіи извѣстные анекдоты о Петрѣ Великомъ, переведенные на всѣ языки), въ 1753 году былъ вызванъ въ Петербургъ нашею Академіею Наукъ и 3 года преподавалъ исторію великому князю Петру Ѳеодоровичу. Состоявъ потомъ, со вступленія великаго князя въ бракъ и въ кратковременное его царствованіе, при немъ библіотекаремъ и домашнимъ человѣкомъ, онъ дни 28-го и 29-го Іюня неотлучно находился при своемъ государѣ. Настоящая записка Штелина объ этихъ двухъ и послѣдующихъ дняхъ, написанная на Нѣмецкомъ языкѣ, переведена съ собственноручнаго подлинника, найденнаго между его бумагами и сообщена мнѣ покойнымъ графомъ М. А. Корфомъ. (Примѣчаніе Я. К. Грота въ IX томѣ Сочиненій Державина, стр. 287—295). Графъ М. А. Корфъ (сочувственно относившійся къ нашимъ трудамъ), нѣкогда сообщалъ эту записку и въ „Русскій Архивъ“ (но не для печати). П. Б.

вызову, въ Петербургъ, съ цѣлью узнать, что̀ тамъ дѣлается и привезти положительныя о томъ свѣдѣнія.

3 часа. Рѣшаются итти къ каналу, находящемуся за дворцомъ и на всякій случай имѣть на готовѣ шлюпки, яхту и штатсъ-галеру. Во время перехода по площади пристаетъ къ берегу поручикъ Преображенской бомбардирской роты Бернгорстъ, пріѣхавшій изъ Петербурга съ фейерверкомъ для Сансуси. На подробные ему вопросы онъ отвѣчаетъ, что, при выѣздѣ изъ Петербурга въ 9-мъ часу, слышалъ въ Преображенскомъ полку большой шумъ и видѣлъ, какъ многіе солдаты бѣгали съ обнаженными тесаками, провозглашая государыню царствующею императрицею, но, не обративъ на то вниманія, поѣхалъ, чтобы доставить фейерверкъ. Тотчасъ посылаютъ по всѣмъ дорогамъ, идущимъ къ городу, для разузнанія, адъютантовъ, ординарцевъ и гусаръ. Изъ числа ихъ возвращаются очень немногіе, и притомъ лишь съ извѣстіемъ, что всѣ входы въ городъ заняты.

Въ Петербургѣ виденъ дымъ къ сторонѣ крѣпости: вѣроятно отъ пушечной тамъ пальбы.

Въ 4 часа, по слуху, что въ главѣ Петербургскаго возмущенія находится гетманъ графъ Разумовскій, посылаютъ въ Гостилицы за братомъ его, графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ, и идутъ въ нижній садъ къ каналу. Между тѣмъ продолжаютъ толковать и разсуждать съ графомъ Романомъ Иларіоновичемъ Воронцовымъ, Мельгуновымъ, Гудовичемъ, генералъ-майоромъ Измайловымъ, Волковымъ, Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ; прочіе бродятъ вокругъ или сидятъ на рѣшеткѣ, а иногда подходятъ для сообщенія своихъ мыслей о томъ, что слѣдовало бы предпринять. Значительное большинство—того мнѣнія, что прежде всего необходимо поставить въ безопасность особу императора и для этого ѣхать въ Кронштадтъ. Самъ императоръ склоняется къ тому же, но хочетъ отплыть въ Кронштадтъ не прежде какъ по полученіи ближайшаго извѣстія о положеніи дѣла въ Петербургѣ. Одинъ изъ предстоящихъ предлагаетъ государю ѣхать, съ небольшою свитою изъ нѣсколькихъ знатнѣйшихъ особъ, прямо въ Петербургъ, явиться тамъ передъ народомъ и гвардіею, указать имъ на свое происхожденіе и право, спросить о причинѣ ихъ неудовольствія и обѣщать всякое удовлетвореніе. Можно быть увѣрену, говоритъ этотъ совѣтникъ, что личное присутствіе государя сильно подѣйствуетъ на народъ и дастъ дѣлу благопріятный оборотъ, подобно тому какъ внезапное появленіе Петра Великаго неоднократно предотвращало точно такія же

опасности. Гудовичъ и Мельгуновъ оспариваютъ такой совѣтъ, находя, что исполненіе его будетъ слишкомъ опасно для лица монарха. Самъ государь отзывается, что онъ не довѣряетъ императрицѣ, которая могла бы допустить оскорбить его. На этомъ дѣло и кончается.

Графъ Романъ Иларіоновичъ и Волковъ диктуютъ и пишутъ именные указы, и государь подписываетъ ихъ на пòручнѣ канальнаго шлюза. Адъютанты отправляются съ этими указами въ разные полки и команды. Четыре писца продолжаютъ писать на другомъ пòручнѣ, подъ руководствомъ Волкова.

Генералъ Дивіеръ, въ сопровожденіи флигель-адъютанта князя Барятинскаго, ѣдетъ съ однимъ изъ такихъ указовъ въ Кронштадтъ, чтобы удержать за государемъ эту крѣпость; но даетъ возможность обмануть себя адмиралу Талызину, хотя послѣдній пріѣзжаетъ туда, съ повелѣніями императрицы, нѣсколькими часами позже его.

5 часовъ. Государь досадуетъ, что большая часть посланныхъ имъ лицъ не возвращаются назадъ, и выражаетъ нетерпѣливое желаніе узнать что-нибудь болѣе достовѣрное о положеніи дѣлъ.

Графиня Елисавета Романовна не хочетъ оставить государя и въ тревожномъ состояніи духа все вертится около него. Двѣ дѣвицы Нарышкины и графиня Брюсъ составляютъ ея свиту; прочія дамы скрылись во дворцѣ.

6 часовъ. По приказанію государя лейбъ-хирургъ его даетъ ему нѣсколько пріемовъ стального порошка.

7 часовъ. Государь требуетъ холоднаго жаренаго и ломоть хлѣба. На деревянную скамью у канала ставятъ блюда жаркаго и буттербротовъ съ нѣсколькими бутылками бургонскаго и шампанскаго.

Государь посылаетъ Ораніенбаумскимъ своимъ войскамъ приказаніе прибыть въ Петергофъ и окопаться тамъ въ звѣринцѣ, чтобы выдержать первый натискъ.

Штелинъ изображаетъ фельдмаршалу Миниху и принцу Голштейнъ-Бекскому ужасныя послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ такого, въ сущности мнимаго сопротивленія, если бы, по неосмотрительности, была выпущена противъ ожидаемой гвардіи хотя бы даже одна пуля. Оба соглашаются съ его мнѣніемъ, и всѣ вмѣстѣ представляютъ о томъ государю; но онъ не хочетъ ихъ слушать и отзывается, что необходимо имѣть какія-нибудь силы для отраженія перваго напора, что не должно уступать и что онъ намѣренъ защищаться до послѣдняго человѣка.

8 часовъ. Мы повторяемъ наше представленіе, но столь же безуспѣшно. Между тѣмъ жалкія Ораніенбаумскія войска являются подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта барона фонъ Лёвена и располагаются въ звѣринцѣ. У артиллеріи очень мало ядеръ, а картечи и совсѣмъ нѣтъ. Добавляютъ ядеръ отъ егермейстерской части, но калиберъ ихъ не соотвѣтствуетъ орудіямъ. Новыя, но попрежнему тщетныя, просьбы съ нашей стороны объ отсылкѣ Ораніенбаумскихъ войскъ. Безпокойство государя по случаю медленнаго возвращенія гонцовъ, отправленныхъ имъ въ разные концы, особенно же въ Кронштадтъ, все болѣе и болѣе возрастаетъ. Наконецъ приходитъ вѣсть, что Воронежскій полкъ, для приведенія котораго немедленно въ Петергофъ посланъ былъ въ Красное Село флигель-адъютантъ Рейстеръ, повернулъ въ противоположную сторону, что полковникъ Олсуфьевъ ведетъ этотъ полкъ прямо въ Петербургъ къ императрицѣ, и что Рейстера очень дурно тамъ приняли и увезли съ собою арестованнаго.

9 часовъ. При прогулкѣ по берегу канала продолжаются совѣщанія.

Наконецъ является изъ Кронштадта князь Барятинскій съ бумагою. Государь самъ беретъ ее и читаетъ вмѣстѣ съ графомъ Воронцовымъ, Мельгуновымъ, генералъ-майоромъ Измайловымъ, Львомъ Нарышкинымъ и Гудовичемъ.

Около 10 часовъ. Рѣшаются тотчасъ отплыть моремъ. Государь велитъ подъѣхать шлюпкамъ и садиться въ нихъ съ восемью или десятью человѣками, а прочимъ велитъ слѣдовать на галерѣ и на яхтѣ. Садясь въ шлюпку, онъ отдаетъ генералу Шильду приказаніе отослать Ораніенбаумскія войска назадъ въ Ораніенбаумъ и оставаться тамъ спокойными.

Галера выходитъ съ рейда и вмѣстѣ съ яхтою направляется къ Кронштадту, при довольно хорошемъ попутномъ вѣтрѣ.

Въ 1 часу по полуночи галера подходитъ къ Кронштадтской гавани и находитъ ее запертою бономъ. Яхта останавливается насупротивъ галеры, по лѣвую руку отъ входа въ гавань, шагахъ въ 20 или 30 отъ стѣны. Спущенная съ галеры шлюпка подплываетъ ко входу въ гавань и требуетъ, чтобы отдали бонъ, но караулъ на стѣнѣ отказываетъ въ томъ съ угрозами. Государь кричитъ, что онъ самъ тутъ и чтобы его сейчасъ впустили. Ему отвѣчаютъ, что изъ Петербурга получено приказаніе не впускать никого, кто бы то ни былъ, а яхтѣ велятъ удалиться, безъ чего въ нее будутъ стрѣлять.

Въ Кронштадтѣ бьютъ тревогу. На стѣнѣ показываются нѣсколько сотъ вооруженныхъ солдатъ.

Яхтѣ вторично приказываютъ немедленно отъѣхать, въ противномъ случаѣ въ нее станутъ стрѣлять ядрами. Она спѣшитъ распустить паруса и, для скорости, перерубаетъ якорный канатъ. Третій окрикъ, что если она не удалится сейчасъ же, то откроется пальба изъ наведенныхъ уже на нее орудій. Яхта, дѣйствительно, тотчасъ и пускается въ ходъ, поворачивая подъ вѣтеръ, а галера на веслахъ опереживаетъ ее по направленію къ Ораніенбауму. Государь кричитъ, чтобы яхта слѣдовала за галерою, чего однако нельзя исполнить за мелководіемъ Ораніенбаумскаго рейда. Съ яхты при поворотѣ замѣчаютъ, что между Кронштадтскимъ валомъ и Кронштотомъ расположилось плоскодонное судно со многолюднымъ экипажемъ, вѣроятно чтобы загородить свободный проходъ въ открытое море.

Около 2 часовъ пополуночи галера, приблизясь къ Ораніенбаумской гавани, почти совсѣмъ потеряла ихъ виду яхту, которая, съ своей стороны съ полупопутнымъ вѣтромъ идетъ къ Петергофскому рейду.

3 часа. Государь подходитъ на галерѣ къ Ораніенбаумской гавани и, поднявшись въ шлюпкѣ вверхъ по каналу, идетъ въ свой малый дворецъ внутри крѣпости, густо обставленной вокругъ тамошними его войсками.

4 часа. По просьбѣ дамъ государь распускаетъ гарнизонъ по квартирамъ и переходитъ въ Японскую залу большого дворца. Тутъ ему нѣсколько разъ дѣлается дурно, и онъ посылаетъ за священникомъ тамошней Русской церкви. Въ Ораніенбаумѣ съ трудомъ достаютъ немного бѣлаго хлѣба и соли, потому что кухня и погребъ остались на яхтѣ.

Между тѣмъ яхта приходитъ на Петергофскій рейдъ, и находившіеся въ ней перевозятся понемногу, на двухъ шлюпкахъ, въ тотъ самый каналъ, изъ котораго они выѣхали наканунѣ вечеромъ.

Въ Петергофѣ все тихо, и ничего не трогается. Доносятся только разные дикіе и страшные слухи изъ Петербурга, будто бы тамъ пролито много крови, отъ несогласія въ нѣсколькихъ и другихъ полкахъ, все стало верхъ дномъ, множество домовъ разграблено и Богъ вѣсть что еще случилось; точно такимъ же образомъ въ самомъ Петербургѣ молва разглашаетъ, будто бы въ Ораніенбаумѣ совершены самыя ужасныя вещи, всѣ тамошнія Голштинскія войска и все, что̀ окружало императора, перебито и наконецъ произошелъ всеобщій грабежъ.

5 часовъ. Въ Петергофъ приходитъ первый авангардный отрядъ гусаръ, подъ начальствомъ г. поручика Алексѣя Орлова. На плацѣ ему случайно попадается нѣсколько сотъ Дельвигскихъ Голштинскихъ рекрутъ, собранныхъ тутъ съ деревянными мушкетами для ученія. Гусары въ одну минуту опрокидываютъ и перехватываютъ ихъ, ломаютъ ихъ деревянное оружіе и сажаютъ всѣхъ, подъ сильнымъ карауломъ, въ тамошніе сараи и конюшни.

Съ половины 6-го до полудня прибывали въ Петергофъ одинъ гвардейскій или линейный полкъ за другимъ и располагались одни на плацѣ, другіе передъ дворцомъ, третьи вокругъ верхняго сада. Гусары еще съ утра ушли въ Ораніенбаумъ и заняли тамъ всѣ посты и входы.

Въ 11 часовъ въѣхали въ Петергофъ ея величество императрица, верхомъ, въ гвардейскомъ мундирѣ, въ сопровожденіи точно такъ же одѣтой княгини Катерины Романовны Дашковой и конно-гвардейскаго полка. Наканунѣ вечеромъ она выступила изъ Петербурга со всѣмъ войскомъ и послѣ полуночи отдыхала нѣсколько часовъ въ Красномъ Кабачкѣ. Въ Петергофѣ ее привѣтствовали тройнымъ ура нѣсколько тысячъ солдатъ, крикамъ которыхъ вторилъ громъ выстрѣловъ изъ разставленныхъ на плацѣ пушекъ.

Тотчасъ по пріѣздѣ ея величества гг. Григорій Орловъ и генералъ-майоръ Измайловъ были отправлены въ Ораніенбаумъ за императоромъ. Въ 1 часу они привезли его въ Петергофъ въ каретѣ и высадили въ правомъ дворцовомъ флигелѣ. Здѣсь онъ изъявилъ согласіе на все, что отъ нею потребовали. Подъ вечеръ его отправили въ Ропшу, загородный дворецъ между Петергофомъ и Гостилицами, а ея величество императрица выѣхала изъ Петергофа въ 9 часовъ вечера, провела ночь на половинѣ дороги, на дачѣ князя Куракина, и въ слѣдующій день около полудня имѣла торжественный въѣздъ въ Петербургъ.

4 часа пополудни. Пріѣздъ въ Ораніенбаумъ генералъ-лейтенанта Суворова и Адама Васильевича Олсуфьева, съ отрядомъ гусаръ и конной гвардіи. Голштинскій генералитетъ, со всѣми оберъ-и унтеръ-офицерами и прочими войсками, отдаютъ имъ свои шпаги и тесаки, послѣ чего ихъ объявляютъ плѣнными и заключаютъ въ крѣпости. Генералъ-лейтенантъ Суворовъ приказываетъ составить опись всѣмъ находящимся во дворцѣ денежнымъ суммамъ и драгоцѣннымъ вещамъ и отложить первыя въ сторону. Офицеры проводятъ ночь частію на валахъ, частію же въ комендантскомъ домѣ.

30 числа въ 3 часа пополудни. Василій Ивановичъ Суворовъ дѣлаетъ общую перекличку всѣмъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Изъ нихъ Русскіе, Малороссіяне, Лифляндцы и прочіе здѣшніе ранжируются на одну сторону и приводятся къ присягѣ въ дворцовой церкви, а Голштинцевъ и другихъ иноземцевъ ведутъ къ каналу, сажаютъ тамъ на суда и перевозятъ въ Кронштадтъ.

Вечеромъ въ 7 часовъ всѣмъ остальнымъ офицерамъ объявляютъ именемъ генерала, что правительство полагается теперь на ихъ присягу и разрѣшаетъ имъ разойтись по квартирамъ, съ тѣмъ чтобы они на слѣдующій день готовы были ѣхать въ Петербургъ.

1-го Іюля въ 3 часа пополудни. Всѣ оставшіяся въ Ораніенбаумѣ войска препровождаются, подъ прикрытіемъ гусаръ, въ Петергофъ, гдѣ остаются на ночь.

Кто изъ офицеровъ желаетъ выйти со двора, долженъ имѣть при себѣ гусара.

2-го Іюля въ 11 часовъ передъ полуднемъ. Ихъ выводятъ изъ Петергофа, и въ 5 часовъ они приходятъ въ Красный Кабачекъ, гдѣ дается привалъ.

Въ 8 часовъ выступленіе оттуда. Въ 10 часовъ вечера они приходятъ въ Московскую Ямскую, гдѣ и располагаются по квартирамъ.

Гусарскій полковникъ Милорадовичъ составляетъ именной списокъ оберъ и унтеръ-офицерамъ и перечневой рядовымъ и назначаетъ къ квартирамъ офицеровъ, по ихъ желанію, охранный караулъ изъ гусаръ.

3-го отбирается у офицеровъ письменное показаніе, откуда кто родомъ, сколько времени въ службѣ, служилъ ли гдѣ прежде, чѣмъ былъ и кто его родители.

5-го кончина императора Петра III.

6-го графъ Брюсъ является въ Ямскую, на квартиру полковника и, вызвавъ всѣхъ офицеровъ по списку, обнадеживаетъ ихъ монаршею милостію и объявляетъ, именемъ ея императорскаго величества, что, въ случаѣ желанія служить, каждый изъ нихъ будетъ опредѣленъ тѣмъ же чиномъ. Отзывы о томъ, желаетъ ли кто служить или нѣтъ, отбираются порознь у каждаго, на письмѣ.

8-го вечеромъ въ 8 часовъ. Асессоръ Елагинъ пріѣзжаетъ со шпагами и возвращаетъ ихъ всѣмъ офицерамъ, обнадеживая послѣднихъ монаршею милостію и приказывая имъ явиться на слѣдующее

утро въ Военную Коллегію, для полученія тамъ дальнѣйшаго назначенія.

9-го офицеры явились въ Военную Коллегію, гдѣ имъ обѣщали вскорѣ рѣшить ихъ дѣло. Лифляндцевъ и Малороссіянъ снабдили паспортами для отправленія въ полсутки на родину, а здѣшнимъ также дали паспорты для проживанія, по ихъ выбору, въ Петербургѣ, Москвѣ или другомъ мѣстѣ.

Вышеупомянутыя лица, ѣздившія съ императоромъ на галерѣ и на яхтѣ въ Кронштадтъ, были собственно тѣ, которымъ его величество назначилъ явиться въ Петергофъ наканунѣ и ко дню своего тезоименитства, и сверхъ того камергеры и камеръ-юнкеры, бывшіе на лицо въ Петергофѣ изъ числа назначенныхъ дежурить тамъ при государынѣ императрицѣ. Послѣдніе отмѣчены въ нижеслѣдующемъ спискѣ звѣздочками.

На галерѣ находились:

Его величество императоръ; г-жа Помпадуръ, т. е. графиня Елисавета Романовна Воронцова; супруга канцлера графиня Анна Карловна Воронцова и ея дочь графиня Строгонова; супруга гетмана графиня Разумовская; супруга фельдмаршала княгиня Трубецкая; принцесса дочь принца Голштейнъ-Бекскаго, съ гофмейстериною ея, вдовою шталмейстера, княгинею Голицыною, и фрейлиною Мирабель; невѣста принца Голштейнъ-Бекскаго принцесса Карлъ и ея компаньйонка Дервицъ; супруга оберъ-егермейстера Марья Павловна Нарышкина; супруга шталмейстера Марья Осиповна Нарышкина; супруга камергера княгиня Гагарина съ дочерью; графиня Брюсъ; супруга фельдмаршала графа Александра Шувалова; принцъ Голштейнъ-Бекскій; фельдмаршалъ графъ Минихъ; оберъ гофмаршалъ Александръ Александровичъ Нарышкинъ; шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ; генералъ-лейтенантъ Мельгуновъ; сенаторъ графъ Романъ Иларіоновичъ Воронцовъ; генералъ-адъютантъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Голицынъ; генералъ-адъютантъ Гудовичъ; генералъ-майоръ Измайловъ; Голштинскій оберъ-егермейстеръ Бредаль; статскій совѣтникъ, тайный секретарь Волковъ; вице-канцлеръ Голицынъ; начальникъ канцеляріи отъ строеній Иванъ Ивановичъ Бецкій.

На яхтѣ:

Фельдмаршалъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій; оберъ-егермейстеръ Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ; гофмаршалъ Михаилъ Михайловичъ Измайловъ; камергеры: князь Гагаринъ*, графъ Ягужин-

скій*, графъ Головинъ, Алексѣй Ивановичъ Нарышкинъ, князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ*, князь Соловой; камеръ-юнкеры: Матюшкинъ, князь Николай Михайловичъ Голицынъ, тайный кабинетскій совѣтникъ Олсуфьевъ; статскій совѣтникъ Штелинъ; Голштинскій тайный совѣтникъ фонъ Руморъ, королевско-прусскій министръ баронъ Гольцъ и его секретарь посольства Дистель; депутатъ Эстляндскаго дворянства графъ Штейнбокъ; гофмедикъ Унгебауеръ*.

Внизу, въ трюмѣ яхты, находились, подъ наблюденіемъ гофмаршала Измайлова, кухня и погребъ со всею придворною прислугою, какъ-то камеръ-пажами и пажами, гофъ-и камеръ-фурьерами, мундкохами, мундшенками и пр.

NB. Принцъ Георгій Голштейнъ-Готторпскій съ супругою и двумя сыновьями, Англійскіе министръ Кейтъ и генеральный консулъ Свалло, камергеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, путевой маршалъ фонъ Дюкеръ и лейбъ-медикъ Моунстей, находившіеся до тѣхъ поръ также въ Ораніенбаумѣ, были отпущены въ разные дни, по своимъ дѣламъ, въ городъ, откуда должны были пріѣхать въ Петергофъ въ Петровъ день. Точно такъ же и гетманъ (Разумовскій) за два дня до того, послѣ пира въ Гостилицахъ, уѣхалъ въ Петербургъ.

КЪ КАШИНСКИМЪ ТОРЖЕСТВАМЪ.

Походъ государя царя и великаго князя Алексія Михайловича въ Кашинъ.

Величественнымъ торжествомъ воспрославленія благовѣрной княгини Анны, 12-го сего Іюня нынѣшняго года, пробуждается память давно минувшему времени: торжественнаго открытія св. мощей ея при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ самомъ началѣ царствованія этого государя Кашинцами (хлопотавшими объ открытіи мощей св. Анны еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ) подана была царю челобитная, въ которой сообщалось, „что въ Кашинской Успенской церкви обрѣтается поверхъ земли гробъ схимонахини Анны и отъ ея мощей совершаются чудесныя исцѣленія“. По царскому предписанію и съ благословенія патріарха тогда же назначено было нѣсколькимъ духовнымъ лицамъ произвести освидѣтельствованіе мощей, „по подлиннѣе, съ испытствомъ, было бы-де что объявить великому государю“. Почивавшія 280 лѣтъ въ землѣ мощи благовѣрной княгини Анны найдены нетлѣнными; „только тлѣнію предалась часть малая носа, да у ногъ плюснѣ“, какъ показываетъ одинъ изъ очевидцевъ-свидѣтелей, старецъ Варлаамъ, бывшій сначала причетникомъ, а потомъ священникомъ при Успенской Кашинской церкви. „И послѣ того свидѣтельства, повѣствуетъ онъ, на другой годъ блаженныя памяти государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, изволилъ придти въ Кашинъ съ своею государевою царицею и великою княжною Маріею Ильиничною и съ своими государевыми сестрами, съ благородными царевнами; а съ нимъ великимъ государемъ былъ преосвященный Варлаамъ, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, и мощи благовѣрныя великія княгини Анны досматривалъ. И по досмотру изъ подъ соборныя Успенскія деревянныя церкви въ каменномъ гробу перенесли въ соборную Воскресенскую каменную церковь и обязавъ запечаталъ гробъ своими государевыми печатями. А въ перенесеніи гробъ съ мощами великій государь несъ самъ на рамѣхъ своихъ, съ бояры; а несли тотъ каменный гробъ на деревянномъ одрѣ, и тотъ одръ и нынѣ въ цѣлости*)“. Въ „Дворцовыхъ Разрядахъ“ такъ говорится о

*) Рукоп. сборникъ Импер. Публ. Библіот. (Древлехранилище Погодина) № 1608, л. 7—30 по описанію Сборн. Бычкова I № 39.

вторичномъ путешествіи царя въ Кашинъ.: „Мѣсяца Іюня въ 4-й день (1650) пошелъ государь изъ Сергіева монастыря въ Кашинъ къ великой княгинѣ Аннѣ Кашинской молиться и съ государынею царицею. Того же мѣсяца Іюня въ 12 день въ Кашинѣ былъ у Государя столъ въ шатрахъ [1])". О царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ извѣстно, что онъ неоднократно совершалъ молитвенные „походы" или путешествія, именно: въ Троицкій монастырь, почему этотъ походъ и получилъ названіе Троицкаго [2]), въ монастырь преподобнаго Саввы Сторожевскаго,—„походъ" Саввинскій или Звенигородскій, Угрѣшскій въ Николоугрѣшскій монастырь, Кирилловскій и наконецъ Кашинскій—въ Кашинъ. Вышеозначенные царскіе походы совершались съ необычайнымъ торжествомъ. За нѣсколько дней до путешествія государь посылалъ подьячаго, или какого нибудь другаго чиновника съ грамотою о своемъ прибытіи въ извѣстное мѣсто. Отдавъ затѣмъ распоряженіе, государь назначалъ день отъѣзда. Въ день отъѣзда, въ часъ выѣзда, государь заходилъ прежде всего въ Успенскій соборъ, гдѣ дожидался патріархъ съ духовными властями. По отслушаніи молебна и по-принятіи благословенія отъ патріарха царь отправлялся въ походъ [3]).

Адольфъ Лизекъ, секретарь императора Римскаго Леопольда, бывшій, при посольствѣ къ великому царю Московскому, свидѣтель одного изъ позднѣйшихъ походовъ, такъ описываетъ отъѣздъ царя Алексѣя въ Кашинъ [4]).

„Въ день архистратига Михаила, въ 8 ч. утра, воевода Яновъ съ 1500 ветерановъ пѣхоты, прежде всѣхъ отправился приготовлять путь для государя, въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди везли пушку, по бокамъ ея шли два канонера (одинъ съ копьемъ, на концѣ котораго былъ двуглавый орелъ съ фитилемъ въ когтяхъ), другой опоясанъ мечемъ и вооруженъ длинною сѣкирою. За нимъ два конюха вели аргамака воеводы, въ тигровыхъ пятнахъ; впереди отряда ѣхалъ на такомъ же конѣ воевода, въ богатой одеждѣ, унизанной жемчугомъ; удила были серебряныя, повода сученые изъ золотыхъ снурковъ, чапракъ изъ краснаго штофа, выложенный финифтью и золотомъ кованымъ. По бокамъ шла фаланга сѣкироносцевъ въ красныхъ суконныхъ одеждахъ; далѣе между двумя копейщиками слѣдовалъ знаменоносецъ; за нимъ трубачи и барабанщики, гремѣвшіе на своихъ инструментахъ; наконецъ, двѣнадцать ротъ стрѣльцовъ, при мечахъ, съ самопалами въ лѣвой рукѣ и съ кривыми топорами на правомъ плечѣ. Предъ каждою ротою ѣхала фура".

„Въ часъ по полудни прибылъ приставъ съ придворной каретой, и послы отправились къ приготовленному для нихъ мѣсту, впереди кареты шли слуги, а по бокамъ ѣхали чиновники посольства. Народу было такое стеченіе, что нетолько на площади и въ окошкахъ, но даже на крышахъ домовъ и церквей

[1]) Дворц. Запис. Госуд. II ч. 119 стр.
[2]) Журн. Министерства Народ. Просвѣщ. 1837 г. ч. XVI стр. 362.
[3]) Книга Архива Оруж. Палаты за № 551.
[4]) Моск. Вѣд. 1846 г. № 46.

не было празднаго мѣста. На одной крышѣ сидѣлъ на коврѣ Персидскій посолъ съ своей свитой".

„Прежде всего выѣхалъ отрядъ всадниковъ, посрединѣ котораго постельничій Иванъ Демидовичъ самъ велъ двухъ любимыхъ царскихъ коней, покрытыхъ тонкимъ краснымъ сукномъ; за ними потянулся обозъ повозокъ числомъ больше тридцати одна за другою; далѣе отрядъ царской стражи, впереди котораго шли двѣсти пятьдесятъ скороходовъ, безъ музыки и безъ барабаннаго боя, несли въ рукахъ поднятые вверхъ бичи, ярко блиставшіе золотомъ".

„По такому началу мы ждали увидѣть что нибудь необыкновенное и не обманулись: слѣдующій поѣздъ привелъ насъ въ изумленіе. Впереди ѣхалъ конюшій, за нимъ вели 62 коня, на которыхъ вся сбруя и попоны горѣли въ золотѣ и серебрѣ; 12 лошадей изъ подъ царской кареты, покрытыхъ краснымъ штофомъ вели каждую по два конюха подъ уздцы одну за другою, наконецъ ѣхала второстепенная карета его царскаго величества, ослѣпленная блескомъ золота и хрусталя".

„Новымъ поѣздомъ управлялъ Вышеславскій; позади его несли скамейку, которую даютъ подъ ноги государю, когда онъ садится на лошадь; потомъ ѣхали восемь главныхъ всадниковъ, которые при этомъ служатъ его величеству, въ одеждѣ гораздо пышнѣйшей прежнихъ и съ серебряными и позолоченными кольцами на передней части сапоговъ; посреди ихъ несли Персидскіе ковры для лошадей, вытканные золотомъ и серебромъ по два человѣка".

„Потомъ ѣхали стрѣлки со стрѣлами въ рукахъ, и два оруженосца-стольники съ мечами его царскаго величества и наслѣдника престола; далѣе два молодые боярина, за ними по бокамъ улицы по 200 стрѣльцовъ очищали дорогу, съ посеребряными и золочеными хлыстами одинаковаго размѣра; наконецъ въ каретѣ ѣхалъ царь съ наслѣдникомъ и главнымъ воеводою Долгорукимъ, по бокамъ длинные ряды копейщиковъ и сѣкироносцевъ и у самой кареты множество бояръ, стольниковъ и чашниковъ въ золотѣ, серебрѣ и жемчугѣ. Поѣздъ заключался тремя каретами и толпою слугъ".

„Съ подобною же пышностію ѣхала царица. Впереди ѣхалъ Иванъ Грибоѣдовъ съ двумя-стами скороходовъ; за нимъ вели 12-ть бѣлыхъ лошадей, изъ подъ царицыной кареты, обвязанныхъ шелковыми сѣтками. Потомъ слѣдовала маленькая, вся испещренная золотомъ карета младшаго князя въ четыре лошади пигмейной породы; по бокамъ шли четыре карлика и такой же сзади верхомъ на крохотномъ конькѣ. Въ другой каретѣ везли царскихъ дѣтей, за ними слѣдовала карета царицы, запряженная 12-ю лошадьми. По бокамъ шли отецъ царицы Артамонъ и множество сановниковъ; въ каретѣ, также въ 12-ть лошадей, ѣхали сестры и родственницы царской фамиліи и 42 лошади везли придворныхъ дамъ; позади всѣхъ отрядъ конницы. Прибывъ въ Кашинъ, царь Алексѣй Михайловичъ отправился въ Воскресенскій соборъ съ царицею".

„Въ это время раздавалась милостыня. Пробывъ нѣсколько дней съ таковою же церемоніею царь возвращался въ Москву" *).

*) Походъ Государя, царя и в. кн. Алексѣя Михайловича въ Кашинъ. См. брошюру Прудникова „Историческія Свѣдѣнія" о благовѣрной в. кн. Аннѣ Кашинской. С.-Пб. 1859 г.

Во время этого Кашинскаго похода царь пожаловалъ нѣсколько дворовъ крестьянъ Кашинскому Воскресенскому собору. Послѣднему принадлежали съ того именно времени деревня Подберезье и слободка Рождественская*). Въ томъ же соборѣ сохраняются отъ того же времени царскія пожертвованія: лицевой покровъ на раку благовѣрной, шитый руками царицы и царевенъ, также два покрова и воздухъ шитые шелкомъ, золотомъ и серебромъ руками тѣхъ же царевенъ.

Н. Кедровъ.

*

О значеніи Кашинскаго торжества приводимъ выписку изъ „Новаго Времени“, которой выражено и наше желаніе. П. Б.

„Та обрядность и мелочность, на почву которой съ самаго же начала сталъ расколъ, раздѣлялась съ неменьшимъ фанатизмомъ и приверженцами Никона. Вмѣсто того, чтобы въ сложеніи пальцевъ почившей столько лѣтъ назадъ св. княгиня увидѣть ясное доказательство равночестности и равноистинности обоихъ перстосложеній и устранить вовсе этотъ вопросъ, какъ мотивъ церковной распри, патріархъ Іоакимъ созвалъ малый соборъ исключительно изъ іерарховъ церкви, который, упершись въ троеперстіе и опасаясь дать раскольникамъ опору въ ихъ изувѣрно-мелочной борьбѣ, пріостановилъ вовсе празднованіе св. Аннѣ, а вѣрующимъ православнымъ, которые имѣли ея иконы, пригрозилъ отлученіемъ отъ церкви и наказаніемъ. Такъ святого человѣка, явившаго себя и въ жизни, и въ мощахъ, какъ бы погребли вторично изъ-за однихъ пальцевъ его, частицы тѣла, а не души, изъ-за обряда и формы. Разительный примѣръ и грустное доказательство въ очахъ не однихъ только православныхъ, но и старообрядцевъ, къ чему приводитъ, къ какимъ нехорошимъ, суетнымъ послѣдствіямъ преувеличенная забота о внѣшности. Въ этомъ отношеніи канонизація св. Анны, которая для господствующей церкви есть явная поправка прошлой ошибки, заключенной въ анти-канонизаціи, не должна быть принимаема старообрядцами за какое-нибудь торжество свое, а должна вызвать у нихъ сознаніе ошибочности метода той и другой стороны. Нужно оставить казуистичность и мелочность съ обѣихъ сторонъ, и тогда онѣ сблизятся и сольются. Да не будетъ ни Никоніанъ, ни Аввакумовцевъ, а повсюду да засіяетъ единство православной вѣры. Вотъ къ чему въ Кашинѣ зоветъ изъ своего гроба Русскихъ XX вѣка святая всей Русской земли—княгиня Анна“.

*

Кстати замѣтить, что драгоцѣнная древняя икона Св. Анны Кашинской, находящаяся нынѣ у гробницы великаго князя Сергія Александровича, поднесена была императрицѣ Маріи Александровнѣ княгинею Е. А. Голицыною, ею же получена не отъ отца ея археолога Черткова, но отъ свекрови (княгини В. Я. Голицыной, а къ той перешла изъ рода Хитровыхъ). П. Б.

*) Тамъ же примѣч. 23.

ЧЕРТОЧКА КЪ БІОГРАФІИ ПУШКИНА [1]).

Кто-то изъ Парижа отъ 8 (20) Декабря 1829 года писалъ къ Н. А. Муханову.

Вотъ уже три мѣсяца слишкомъ какъ я въ Парижѣ, я еще ни франка не проигралъ, ни разу не былъ въ Salon, и нѣтъ у меня ни одной danseuse de l'Opera на содержаніи, да и въ виду не имѣется, не даю обѣдовъ, и какъ можно менѣе знаюсь съ Русскими. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ мой здѣшній образъ жизни и мои здѣшнія отношенія. Между нами сказать, мнѣ смѣшно самому, что я въ Парижѣ гораздо и гораздо умнѣе живу, нежели въ Петербургѣ; да если бы я здѣсь такую же велъ жизнь какъ бывало *тамъ*, то поистинѣ не надобно бы было для того ѣхать за нѣсколько тысячъ верстъ. Да изъ одной національной гордости, здѣсь, всякому Русскому надобно, скажу безъ шутокъ, вести себя хорошо; ибо entre nous soit dit, malheureusement le mot du Russe est synonyme du rustre: tant on s'est plu de le compromettre, et on se plait [2]).

Благодарю за нѣсколько словъ о Пушкинѣ. Если онъ не уѣхалъ въ деревню на зиму, то кланяйтесь поэту-герою. Онъ чуть ли не долженъ получить отъ сюда небольшаго приглашенія анонимнаго. Дойдетъ ли до него? Не худо бы ему потрудиться пожаловать куда зовутъ [3]). Помнитъ ли онъ прошедшее? Кто занялъ два опустѣвшія мѣста на нѣкоторомъ большомъ диванѣ въ нѣкоторомъ переулкѣ? Кто *держитъ* извѣстныя его предложенія и внимаетъ погребальному звуку, производимому его заученою рукою по ломберному столу? Гдѣ и что̀ Зубовъ? Неужели онъ меня забылъ? Вы ни слова объ немъ не написали. Если пишите къ Сер. Голицыну, то кланяйтесь отъ меня и скажите, что я не забуду нѣкоторой табакерки. *Шапулъ* же онъ далеко! Conseillez lui de revenir sur ses pas. Если хотите писать ко мнѣ побольше (о чемъ даже и прошу), то мой адресъ à m-r Gontard pour remettre à J..... [4]) Будьте здоровы и ricordate... T. à v. Jean de..... [5])

---

[1]) Изъ X-й части Сборника старинныхъ бумагъ П. И. Щукина, стр. 432.

[2]) Между нами будь сказано, слово Русскій, по несчастію, однозначуще со словомъ грубый: до того захотѣли его ославить, и этимъ утѣшаются.

[3]) Не на поединокъ ли? Чего добраго! П. Б.

[4]) Посовѣтуйте ему возвратиться.

[5]) Не князь ли это Голицынъ, прозванный Парижскимъ (Jean de Paris), супругъ той княгини Анны Сергѣевны, которая основалась въ Крыму, въ Коренсѣ? П. Б.

О ГОГОЛѢ.

(Со словъ покойнаго А. А. Васильчикова).

Гоголь жилъ нѣкоторое время въ домѣ бабушки моей Александры Ивановны Васильчиковой и занималъ мѣсто воспитателя, или вѣрнѣе дядьки, слабоумнаго нашего брата Василія. Мой отецъ хорошо помнилъ, какъ Гоголь сиживалъ на балконѣ, держа на колѣняхъ долговязаго Васеньку и пытался научить его азбукѣ, по букварю въ картинкахъ: „вотъ это, душенька, барашекъ—*бе*, скажи *б*“, терпѣливо и мягко твердитъ онъ своему ученику.

Живучи въ домѣ бабушки, Гоголь написалъ „Майскую ночь“ и подъ вечеръ заходилъ въ комнату, гдѣ собирались многочисленныя приживалки и воспитанницы при бабушкѣ, и читалъ имъ эту повѣсть. Разъ идетъ по корридору Александра Ивановна и слышитъ, какъ знакомый голосъ незнакомымъ для нея звукомъ читаетъ: „Знаете ли вы Украинскую ночь?“ Остановилась бабушка, заслушалась, и тутъ же выросъ у ней въ глазахъ обликъ бѣднаго учителя ея слабоумнаго сына въ великаго, безсмертнаго Гоголя.

Гоголь не любилъ вспоминать, что онъ былъ учителемъ, говорилъ всегда, что онъ не помнитъ этого, однако поддерживалъ знакомство и посѣщалъ Васильчиковыхъ.

Пріѣзжаетъ разъ Гоголь, входитъ, бабушка сидитъ грустная, въ глубокомъ траурѣ. Гоголь, чтобы развлечь ее, начинаетъ длинный разсказъ о томъ, что такія ли бываютъ еще утраты, что онъ зналъ одного отца, у котораго былъ единственный, нѣжно любимый сынъ... сынъ этотъ заболѣваетъ, отецъ съ отчаянія сзываетъ на консиліумъ лучшихъ врачей, волнуется, терзается, везетъ сына за границу... ничто не помогаетъ... силы угасаютъ... сынъ умираетъ.

„Ну что же отецъ?“ въ волненіи спрашиваетъ бабушка. „Отецъ? Да ничего! Дунулъ себѣ на ладонь и сказалъ только: фью!..“

Бабушка страшно разсердилась такому неумѣстному утѣшенію.

Въ разсказѣ „Носъ“ Гоголь выводитъ бабушку въ слѣдующей фразѣ: „Одна знатная, почтенная дама просила особеннымъ письмомъ смотрителя за садомъ показать дѣтямъ ея этотъ рѣдкій феноменъ и, если можно, съ объясненіемъ наставительнымъ и назидательнымъ для юношей“.

А. Милорадовичъ.

ГОГОЛЕВСКІЙ МУЗЕЙ.

(Письмо къ издателю „Московскихъ Вѣдомостей“).

То великое безобразіе, которое сооружено на Арбатской площади и названо памятникомъ Гоголю, безъ сомнѣнія, является издѣвательствомъ и насмѣшкой надъ великимъ Русскимъ писателемъ и мыслителемъ, и новымъ позоромъ Москвы. Великому учителю жизни, мудрому знатоку души человѣческой, славному украшенію Россійской словесности поставили *мертвую*, *безсловесную*, ничего собою не говорящую, безобразную статую. Отвращаясь съ негодованіемъ отъ этого глумленія надъ славнѣйшимъ сыномъ Россіи, невольно хотѣлось бы найти какое-либо примиреніе въ случаѣ столь прискорбномъ, и съ этою цѣлью я покорнѣйше просилъ бы на страницахъ вашей высокочестной газеты поднять вопросъ объ увѣковѣченіи памяти незабвеннаго Н. В. Гоголя, во искупленіе нанесеннаго ему Москвой великаго оскорбленія, созданіемъ Гоголевскаго Музея въ тѣхъ комнатахъ дома Каткова на Никитскомъ бульварѣ, въ которыхъ въ 1852 году жилъ и скончался великій писатель. Если нынѣшній владѣлецъ усадьбы Гоголя въ Малороссіи бережетъ ту хату, въ которой родился онъ, то сколько поводовъ является къ тому, чтобы въ возможной неприкосновенности сохранить тѣ комнаты, въ которыхъ догорѣла жизнь великаго учителя Русскаго народа. Здѣсь онъ, ослабленный болѣзнью и трудами, умудренный опытомъ жизни, просвѣтленный упованіемъ вѣры, очищенный подвигами молитвы, родился для вѣчности, которая есть конечная цѣль человѣческой жизни. Поэтому все здѣсь и навсегда должно напоминать Русскимъ людямъ о блаженной памяти почившаго, съ сей цѣлію и было бы желательно выдѣлить комнаты, въ коихъ скончался Н. В. Гоголь, отъ прочихъ жилыхъ помѣщеній и устроить въ нихъ хоть маленькій музей его имени, собравъ въ послѣдній все напоминающее великаго писателя и сдѣлать музей сей открытымъ для народа, украсивъ его, на подобіе часовни, и святыми иконами, дабы приходящіе люди имѣли возможность почтить великаго усопшаго своей молитвой объ его упокоеніи. Для нравственной же пользы приходящихъ очень было бы желательно украсить стѣны сего помѣщенія высокопоучительными цитатами Н. В. Гоголя: пусть онъ незабвенный и въ безмолвіи смерти поучаетъ Русскій народъ. Мнѣ думается, что при сочувствіи тысячъ почитателей Н. В. Гоголя осуществить здѣсь приведенную мысль не особенно будетъ трудно, тѣмъ болѣе, что фамилія новаго владѣльца дома даетъ надежду на полное вниманіе и содѣйствіе.

Примите и пр.

Почетный гражданинъ **Калашниковъ.**

Изъ Записной книжки „Русскаго Архива".

Старинные способы выпроваживанія гостей, когда они засиживались. Въ Москвѣ, графъ Орловъ-Чесменскій вставалъ во весь свой исполинскій ростъ, ему подавали роговую трубу и онъ громко произносилъ „heraus". Любопытно, что гости не обижались этимъ. Объ этомъ разсказываетъ Хомутова въ своихъ Запискахъ („Р. Архивъ 1877 и 1891) и возбудила недовѣріе читателей; но это подтвердила мнѣ С. Ю. Самарина, которую родители возили на вечера въ Нескучное къ гостепріимному графу и его дочери. Въ Москвѣ же, у Стараго Пимена, въ одно просвѣщенное семейство съѣзжалось по многу гостей; когда бесѣда затягивалась, хозяйка вынимала свои искуственные зубы и клала ихъ передъ собою на столъ, что̀ служило знакомъ къ разъѣзду. Въ Петербургѣ слуга незамѣтно вносилъ въ гостинную клѣтку съ попугаемъ, который обученъ былъ словамъ: „спать пора, спать пора!"

Раннее или позднее вставаніе имѣетъ иной разъ немалое значеніе, и Русскій простой народъ хорошо знаетъ пословицу: утро вечера мудренѣе. Нашъ Петръ Великій вставалъ иной разъ съ пѣтухами. Дочь его обращала день въ ночь. Екатерина Великая уже въ 7-мъ часу утра принимала доклады отъ оберъ-полицмейстера о томъ, что̀ происходило въ городѣ и въ какой цѣнѣ жизненные припасы. Въ ея бумагахъ въ Государственномъ Архивѣ сохраняется нѣсколько томовъ документовъ на самой простой бумагѣ. Павелъ Петровичъ также вставалъ рано, когда сталъ Императоромъ:долго дожидаясь власти, онъ несытъ былъ ея упражненіемъ, и съ разсвѣтомъ дня производилъ смотръ войскамъ. Александръ Павловичъ любилъ почивать долго и приказывалъ гофмейстеру графу Толстому будить себя. Николай Павловичъ обыкновенно въ 7 часовъ утра ходилъ въ сосѣдній съ Зимнимъ дворцомъ I-й батальонъ Преображенскаго полка. Покойный графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ сказывалъ мнѣ, что порядку въ управленіи было больше, когда государево утро при Александрѣ Николаевичѣ начиналось раньше, и онъ изволилъ кушать въ 3 часа.

Въ Москвѣ упродленію ночныхъ бдѣній много содѣйствовалъ генералъ-губернаторъ князь В. А. Долгорукій. Съ его вечеровъ и баловъ разъѣзжались каждый годъ все поздпѣе и позднѣе. Онъ любилъ, чтобы у него танцовали послѣ ужина, а самъ иной разъ на короткое время уходилъ прилечь и отдохнуть.

Князь Владимиръ Андреевичъ Долгорукій одаренъ былъ находчивостью въ любезномъ обращеніи съ людьми. Въ Москвѣ жилъ нѣкто Орелъ-Ошменцевъ. Онъ много занимался Славянскими нарѣчіями и долго трудился надъ составленіемъ подробной карты Славянъ въ Европѣ. Австрійское правительство заподозрило политическую цѣль въ его занятіяхъ, и Орелъ-Ошменцевъ былъ увезенъ изъ своей заваленной книгами квартиры въ Третье Отдѣленіе, а оттуда въ Петропавловскую крѣпость. Книги и рукописи его были расхищены; жившая въ Орловской губерніи его мать (рожденная Голенищева) умерла съ горя. Орелъ-Ошменцевъ былъ вхожъ въ Москвѣ къ князю В. Ѳ. Одоевскому, который попросилъ князя Долгорукова заступиться за несчастнаго, и его освободили. Генералъ-губернаторъ призвалъ его къ себѣ и сказалъ что правительство извиняется передъ нимъ. Прошли года. Сидѣлъ я однажды въ Англійскомъ клубѣ, въ первой отъ прихожей комнатѣ, и бесѣдовалъ съ Орломъ-Ошменцевымъ; вдругъ входитъ князь, и, пожавъ мнѣ руку, протягиваетъ ее моему собесѣднику со словами: l'ami du prince Odoefsky n'a pas besoin d'être nommé (друга князя Одоевскаго нечего называть по имени). Очевидно, что онъ забылъ его имя. Орелъ-Ошменцевъ процвѣлъ отъ этого безъименнаго привѣтствія.

Въ день своего двадцатипятилѣтняго юбилея князь Долгорукій, часа два сряду и всё стоя, выслушивалъ разнообразныя привѣтствія, начиная съ Каткова и лицъ высокопоставленныхъ и до простыхъ ремесленниковъ; на каждое привѣтствіе, изъ устъ его такъ и лились ласковые отвѣты. Щедръ онъ былъ на всякія милостивыя тѣлодвиженія, доступенъ ежедневно и почти ежечасно, но когда находилъ нужнымъ, умѣлъ поступать круто.

Старикомъ-вдовцомъ жилъ онъ въ огромномъ генералъ-губернаторскомъ домѣ, но вовсе не одиноко: все утро проходило въ прихорашиваніи, въ слушаніи докладовъ, въ пріемахъ, и никому онъ не отказывалъ во внимательномъ выслушиваніи просьбы. Ежедневно къ гостепріимной его трапезѣ собиралось по нѣсколько человѣкъ. Онъ находилъ время читать новременные изданія и выслушивать читаемое ему. Иногда изумлялъ онъ меня, говоря о томъ, что помѣщалось въ „Русскомъ Архивѣ“. Умѣлъ онъ жить, пользовался своимъ положеніемъ и конечно былъ очень чувствителенъ къ лести. Немало было у него шпіоновъ, были своего рода шуты и даже стихотворецъ, нѣкто *В.*, по случаю его юбилея приподнесшій ему такіе стихи:

Четверть вѣка на одной
Точкѣ пребывал
И свѣтлѣйшей звѣздой
Всей Руси сіяя;
На одной, да на какой!
Точкѣ родины святой,
Православной, дорогой,
Именуемой Москвой.
Всѣмъ извѣстно, какова
Наша матушка Москва!

Бѣлокаменная,
Сердцемъ пламенная!
Въ Москвѣ отрадныхъ много звуковъ;
У сердца жъ Русскаго спросясь,
Отраднѣйшій всѣхъ звуковъ князь
Владиміръ Долгоруковъ.
И такъ ура, ура, ура!!

Присланный княземъ приглашать меня къ обѣду, Б. принесъ ко мнѣ это произведеніе свое и восторженно прочелъ его нѣсколько разъ.

Лѣта брали свое. Помню, съ какимъ усиліемъ подымался онъ послѣ колѣнопреклонной молитвы за однимъ изъ богослуженій. Рядомъ съ нимъ приближавшійся къ столѣтнему возрасту Геннадій Владимировичъ Грудевъ поднялся легко. Отправившись къ Германскому консулу Бартельсу съ поздравленіемъ въ день именинъ императора Вильгельма, князь оступился у него на чугунной лѣстницѣ и весь въ крови уѣхалъ къ себѣ на Тверскую. На лицѣ у него долго оставались желтыя пятна; но онъ не любилъ, чтобы его спрашивали о здоровьи. Ему хотѣлось прогенералъ-губернаторствовать въ Москвѣ до открытія Французской выставки. Французовъ и одного изъ ихъ представителей, парикмахера Леона Эмбо, онъ очень жаловалъ и во Францію не однажды ѣздилъ отдыхать отъ тяготы показной, представительной жизни. Въ Парижѣ былъ у него и свой небольшой домъ. Однажды я поѣхалъ къ нему проститься предъ отправленіемъ въ чужіе края. „Что у васъ болитъ“?—„Ревматизмъ въ лѣвой ногѣ“. Князь поспѣшно пошелъ къ себѣ въ кабинетъ и принесъ мнѣ оттуда нѣсколько каштановъ. „Носите ихъ въ лѣвомъ карманѣ. Недавно проѣзжалъ здѣсь Кауфманъ изъ Ташкента и благодарилъ меня за это средство (дѣйствительно, это одно изъ народныхъ во Франціи средствъ противъ ревматизма). Будете вы въ Венеціи?“—„Конечно“.—„Ну, такъ сдѣлайте мнѣ большое одолженіе.“—„Готовъ исполнить, что вы мнѣ прикажете.“—„Покормите на площади святаго Марка тамошнихъ голубей въ мою память“.

Не задолго до своего увольненія князь разсказывалъ мнѣ: „я устарѣлъ, но Государь меня еще держитъ, и знаете за что? Мнѣ удались мои распоряженія въ самый первый день его царствованія. Обѣдало у меня 1-го Марта нѣсколько человѣкъ. Подходитъ слуга и шопотомъ говоритъ, что желаетъ меня немедленно увидѣть начальникъ телеграфа. Я даже разсердился. Скажи ему, какъ онъ не знаетъ, что теперь не время. Слуга возвращается и говоритъ, что начальникъ телеграфа настойчиво проситъ свиданія. Я вышелъ къ нему и узналъ о томъ, что случилось въ этотъ день. Возвратившись къ столу, я старался, чтобы сотрапезники мои ничего не замѣтили по лицу моему; но вообразите, какова была мнѣ мука дожидаться окончанія обѣда, затѣмъ кофе и куренье, и наконецъ всѣ уѣзжаютъ. Тутъ я немедленно вызываю къ себѣ военныя власти и приказываю, чтобы казармы были заперты и на другой день все было готово къ принесенію присяги. Это было не трудно; но мука усилилась, когда прибывшія власти духовныя ни за что не соглашались сдѣлать распоряженіе о присягѣ на слѣдующее утро, до полученія ими указа изъ Свя-

тѣйшаго Синода. Насилу уломалъ я ихъ и долженъ былъ дать подписку, что всякую отвѣтственность беру на себя лично. За тѣмъ не спалъ я всю ночь на пролетъ, и утромъ 2-го Марта въ соборахъ и церквахъ, спокойно совершилась присяга. Вотъ за что государь меня еще жалуетъ“.

Князь получилъ строгое воспитаніе домашнее. У отца его была въ Петербургѣ домовая церковь, а Филаретъ, будучи архимандритомъ, наблюдалъ за обученіемъ его и его братьевъ и сестеръ Закону Божіему. Будучи 21 года отъ роду, князь артиллеристомъ принималъ участіе въ штурмѣ Варшавы 1831 г., а затѣмъ долго служилъ при военномъ министрѣ князѣ Чернышовѣ. „Что теперь за служба! говорилъ мнѣ князь Долгорукій. Чернышевъ однажды послалъ меня съ какимъ-то распоряженіемъ въ Балту, куда я въ курьерской телѣжкѣ пріѣхалъ черезъ нѣсколько дней. Исполнивъ порученное, поскакалъ я обратно въ Петербургъ. Являюсь къ Чернышеву. „А вы зачѣмъ здѣсь? Покажите бумагу, съ которой вы отправлены. Развѣ въ ней сказано, чтобы вамъ возвращаться? Извольте нынче же назадъ и ждите приказа о возвращеніи“. Я успѣлъ пробыть лишь нѣсколько часовъ у батюшки и снова поскакалъ въ Балту“.—Чернышевъ былъ ревнивъ къ своей власти. Государь Николай Павловичъ любилъ князева старшаго брата Василія Андреевича и ради его иногда удостоивалъ меня ласковымъ словомъ; но послѣ этого, каждый разъ, Чернышевъ недѣли по двѣ не говорилъ со мною, негодуя, зачѣмъ милость оказана не черезъ него. У Чернышева князь обучился тщательной отчетливости въ одеждѣ и въ особенности въ прическѣ, и тутъ-то впослѣдствіи оказывалъ ему услуги ежедневный утренній его собесѣдникъ Лео Эмбо, котораго внушеніямъ иной разъ князь и внималъ. При Чернышевѣ или при его преемникѣ, братѣ своемъ, князь занялъ должность генералъ-интенданта, и съ этой должности поступилъ на Московское генералъ-губернаторство. Въ Москвѣ его любили и многіе жалѣли, что онъ оставилъ ее.

*

ПИСЬМА СУВОРОВА КЪ МАТУШИНСКОМУ.

Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ нынѣшняго года напечатано слѣдующее сообщеніе нѣкоего г-на Линды:

„Недавно попалъ я въ большую глушь въ Гродненской губерніи, къ помѣщику Матушинскому, и въ бесѣдѣ съ нимъ узналъ, что у него есть два письмеца Суворова, писанныя къ его дѣду майору, впослѣдствіи генералу Матушинскому, бывшему адъютантомъ при Суворовѣ. Любезный хозяинъ не только показалъ драгоцѣнные автографы, но и разрѣшилъ снять копіи съ нихъ. Обѣ записки написаны на восьмушкахъ плотной желтоватой бумаги характернымъ Суворова почеркомъ—первая крупнымъ, вторая—мелкимъ, но очень четкимъ и разборчивымъ.

Копіи записокъ такія:

1) „Матушинскому. Приказъ. Въ часъ собираться, въ 2 отправ-

ляться, 7—8 на мѣстѣ. Крѣпокъ лагерь мѣстомъ. Смотрѣть въ оба. Сарм. *) близко. А. С.

2) Матушинскому. 7 часовъ вечера ко мнѣ прибыть, будемъ Поляковъ бить. Не дремать. Пол. спятъ, а мы имъ какъ снѣгъ на голову. Немогузнайство, ускроменство розочками 2 тысячи. А. Суворовъ.

КЪ ИСТОРІИ ГОРОДА ПОЛТАВЫ.

Выписка, учиненная изъ просьбы, отъ общества города Полтавы поданной.

1-е. Изъясняютъ, что городъ Полтава состоитъ на правахъ и вольностяхъ Малороссійскихъ государственными грамотами утвержденныхъ, а сверхъ того и Высочайшею Ея Императорскаго Величества комфирмаціею, послѣдовавшею на докладъ Правительствующаго Сената прошлаго 1781 года Сентября въ 10-й день на тѣхъ же правахъ ославленъ, и по указу Ея Величества, въ 3-й день Мая 1783 года, Сенату даннымъ, винная продажа присвояется въ пользу города, каковая въ городѣ Полтавѣ отъ казны учреждаема до нынѣ не была.

2-е. Состоящій въ городѣ земляной валъ отданъ Екатеринославскою Казенною Палатою для выварки селитры, статскому совѣтнику Кочубею, и Харьковской Казенной Палаты совѣтнику Донцу-Захаровскому, съ начала 1786 года впредъ на 4-ре года, а потому и взносятъ они въ казну по договору своему надлежащія деньги, а по Высочайше жалованной городамъ грамотѣ, 2-й статьи, предоставлено право пользоваться городу землями и другими угодьями, внутрѣ города и внѣ онаго состоящими.

3-е. По Высочайшему, именному указу, прошлаго, 1781 года Октября въ 26 день изданному, жалованные городу Полтавѣ издревле гетманскими универсалами и Высочайшего Его Величества Императора Петра Великаго грамотою на вспоможеніе деревни состоящія въ Полтавскомъ уѣздѣ: Ивашки Гужулы и Вончинцы, Тахтадловъ, Павленки, и Грабиновка, да въ Алексопольскомъ село Мачухи, въ 1786 году съ вѣдомства Магистрата Полтавскаго отобраны и поручены въ распоряженіе здѣшняго намѣстничества экономіи деректора, съ тѣмъ, чтобъ, въ сходство того именного указа, собираемые съ оныхъ деревень и принадлежащихъ къ нимъ оброчныхъ статей, собираемые и пріобрѣтаемые экономіею доходы, отдаваемы были въ доходъ городу; но таковыхъ доходовъ съ 1786 года городъ не получаетъ, коими до отбору тѣхъ деревень исправляемы были въ городѣ мосты, улицы и другія

*) Сарматы т. е. Поляки.

надобности, нынѣ же все то взыскивается съ гражданъ Полтавскихъ съ крайнимъ отягощеніемъ, а потому городъ лишенъ будучи всѣхъ прибылей, не только чтобъ возвратить съ города въ Казенную Палату для причисленія къ статскимъ суммамъ, повелѣнныхъ указомъ Правительствующаго Сената, произведенныхъ въ жалованье бургомистрамъ и ратманамъ, отъ состоянія Высочайшей городовой грамоты (по 1788 годъ 1697 руб. 62 коп.), но и на законные городскіе расходы, не имѣетъ никакихъ доходовъ.

А потому проситъ: по 1-му пункту винную горячаго вина продажу въ Полтавѣ оставить въ доходъ городу; по 2-му взнести и впредъ взносимыя, за выварку селитры, статскимъ совѣтникомъ Кочубеемъ и Захаржевскимъ въ казну деньги, возвратить городу, и впредъ тотъ доходъ оставить оному. По 3-му, собранные съ бывшихъ магистратскихъ деревень, съ 1786 года доходы, сколько имѣется въ наличности, повелѣть нынѣ отдать и впредъ обращать городу; а какъ оныхъ къ содержанію города недостаточно: то повелѣть, по требованію Магистрата, высылать на службу и городскія работы людей съ деревень; о винномъ же въ тѣхъ деревняхъ откупѣ просятъ поступить сходственно съ вышеизображеннымъ состоявшимся 1783 года Мая 3-го дня указомъ.

Вслѣдствіе того Екатеринославская Казенная Палата на сообщеніе въ оную увѣдомляетъ:

1-е. Земляной въ городѣ Полтавѣ валъ отданъ Кочубею 1785 года Ноября съ 29-го числа впредъ на 4 года по повелѣнію его свѣтлости высокоповелительнаго г. генералъ-фельдмаршала и разныхъ орденовъ кавалера князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, въ полученномъ отъ умершаго правителя намѣстничества сообщеніи прописаному и подлежащія за содержаніе онаго деньги взноситъ въ казну въ назначенные сроки.

2-е. Означенныя выше сего деревни по повелѣнію его свѣтлости отъ 12-го Февраля 1785 года къ покойному правителю намѣстничества послѣдовавшему и отъ него въ присланномъ въ оную палату сообщеніи прописанному, обращены въ число воинскихъ поселянъ на укомплектованіе Екатеринославской конницы съ тѣмъ, чтобъ собираемая съ оныхъ деревень на вспоможеніе города сумма отдавана была Магистрату Полтавскому по сходству Высочайшего рескрипта 1781 г. Октября въ 26 день г. генералъ-фельдмаршалу и разныхъ орденовъ кавалеру графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому даннаго; и какъ по учиненному Палатою изслѣдованію найдены люди тѣхъ деревень въ крайней бѣдности, и малоимѣніе въ округахъ ихъ земли; то и положено было собирать съ каждой хаты ежегодно въ пользу города по 50 коп., а наконецъ по ихъ неимуществу и сей сборъ оставленъ, о чемъ представлено отъ Палаты къ его свѣтлости на резолюцію, изъясняя при томъ, что собранные съ тѣхъ деревень со дня по-

ступленія въ казну, за два года, 433 руб. хранятся въ Полтавскомъ уѣздномъ казначействѣ до полученія отъ его свѣтлости повелѣнія.

(Сообщено Г. Н. Александровымъ).

(Изъ дѣлъ князя Потемкина оп. 194-й, св. 10-й, безъ года).

Къ Полтавскимъ торжествамъ.

Участники великой поминки сознавали значеніе Полтавской побѣды не въ гражданскомъ и международномъ только, но и въ общецерковномъ смыслѣ. Эта побѣда—отпоръ воинствовавшему лютеранству: Карлъ XII-й возилъ съ собою въ походъ отпечатанное Аугсбурское Исповѣданіе на нашемъ церковнославянскомъ языкѣ (книжка эта, кажется, имѣется въ Румянцовскомъ музеѣ); лютеранство же отличалось тогда такой же нетерпимостью и безпощадностью какъ и папство, противъ котораго оно возродилось. Въ Полтавѣ восторжествовало то просвѣтительное начало, по которому Господь съ тѣми,

Кто духа и свободы
Ему возноситъ оніамъ,
Онъ съ тѣмъ, кто всѣ зоветъ народы
Въ духовный міръ, въ Господень храмъ....

П. Б.

ПОПРАВКИ.

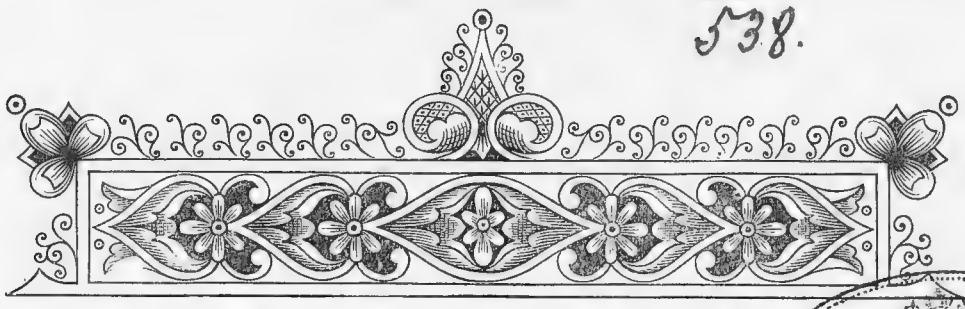
Въ Октябрьской книжкѣ „Русскаго Архива“ 1908 г. статья Т. О. Соколовской о Декабристахъ масонахъ оказалась сверстанною невѣрно. Послѣ строки на стр. 221 со словами: „на это законное позволеніе“ слѣдуетъ читать стр. 225 со словъ: „Изъ письма графа Вѣльгорскаго“, стр. 226, 227, 228, 229 до конца, стр. 223 со словъ: „Въ засѣданіи 1-го Февраля 1816 г.“, стр. 224, 225 до словъ: „Изъ письма графа Вѣльгорскаго“, стр. 222, стр. 223 до словъ „въ засѣданіи 1-го Февраля 1816 г.“, стр. 230.

Стр. 303, въ 6-й тетради „Русскаго Архива“ 1909 г. Супруга графа Валуева скончалась не въ 1849, а въ 1848 году.

На обложкѣ шестой тетради у граф. А. П. Шереметевой былъ *Григорій* Вораблевскій. Это не такъ. У ея сына графа Петра Борисовича, былъ позднѣе библіотекаремъ *Василій* Вораблевскій.

Тамъ же, въ Воспоминаніяхъ князя Д. П. Долгорукова, Цесаревичъ командовалъ не кавалергадскимъ, а гвардейскимъ корпусомъ.—Не *шести*, а *четырехъ*—мѣсячный отпускъ.

XVI
538.



1812-й годъ.

I. Изъ записокъ голландца Вагевира.

Въ числѣ Записокъ, относящихся ко времени отечественной войны 1812 года, есть книга, напечатанная въ Амстердамѣ въ 1820 году подъ заглавіемъ: Aanteekeningen gehouden gedurende mijnen marsch naar, gevangenshapin, en terugreise uit Ruslaud in de jaren 1812, 1813 en 1814. Door C. J. Wagevier, kapitein der infanterie in dienst von Z. M. der Koning der Nederlanden. Авторъ ея, Голландецъ Вагевиръ, капитанъ 125-го пѣхотнаго полка короля Нидерландскаго, участвовалъ въ походѣ Наполеона на Россію. Отрядъ Вагевира выступилъ въ походъ 29-го Іюня 1812 года изъ Гренингена въ числѣ 1600 человѣкъ, большая часть которыхъ не увидѣла больше своей родины. Въ Тильзитѣ Вагевиръ узналъ, что его полкъ вошелъ въ составъ 9-го корпуса великой арміи. Корпусъ этотъ находился подъ командою герцога Беллунò (маршала Виктора); дивизіонный генералъ 12-й дивизіи былъ Партунò, бригаднымъ генераломъ 2-й бригады былъ Блàмонъ. Когда эта дивизія послѣ отчаяннаго сопротивленія при Березинѣ положила оружіе и сдалась, Вагевиръ, вмѣстѣ со своими начальниками Бàлмономъ и Партунò, былъ взятъ въ плѣнъ. Вагевира отправили на житье въ Мензелинскъ. По возвращеніи на родину онъ издалъ свои воспоминанія, которыя любопытны, какъ наблюденія иностранца надъ Русскою жизнью въ глухомъ краю въ началѣ прошлаго столѣтія. Жизнь эта представлена въ безыскусственномъ разсказѣ преимущественно со стороны мелкихъ бытовыхъ подробностей; но это именно и придаетъ Запискамъ Вагевира занимательность. О крупныхъ историческихъ событіяхъ, современныхъ ему, онъ могъ сообщить свѣдѣнія слишкомъ общеизвѣстныя. Отношенія Вагевира къ Россіи и Русскимъ отнюдь не враждебны; Французовъ же, напротивъ, онъ ненавидитъ. Изложеніе Вагевира отличается нѣкоторою растянутостью. Вотъ извлеченіе изъ его книги.

А. К.

Москва
1908.

Глава I.

Смоленскъ. Картина разрушенія города.—Бѣдственное положеніе жителей и войскъ.—Госпиталь.—Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ.—Военныя дѣйствія.—Пожаръ на перевязочномъ пунктѣ.—Отступленіе.—Гибель стада.—Голодъ.—Бѣдствія въ отступающей арміи.—Сраженіе при Борисовѣ.—Переправа черезъ Березину.—Сдача на капитуляцію.—Отношеніе Русскихъ къ плѣннымъ.

29-го Сентября 1812 г. мы подошли къ Смоленску, лежащему на Днѣпрѣ, который мы перешли по мосту, наведенному нашими, такъ какъ прежній мостъ сожгли Русскіе, чтобы обезопасить себѣ отступленіе. Здѣсь въ первый разъ поднялась предъ нами завѣса, скрывавшая страшное зрѣлище; здѣсь мы впервыя узнали всѣ ужасы войны.

Издали городъ показался мнѣ хорошо обстроеннымъ, но вблизи онъ представлялъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ домовъ и церквей, груду развалинъ. Его окружала стѣна футовъ 40 вышиною и футовъ 13 шириною, благодаря которой Смоленскъ и могъ такъ долго защищаться. Штурмы были сильны, да и оборона упорна; но когда наконецъ отъ выстрѣловъ образовалась брешь, городъ былъ взятъ приступомъ. Еще во время бомбардировки много зданій погибло отъ огня, а теперь Русскіе сами жгли остальное, чтобы затруднить непріятеля, и такъ какъ большая часть построекъ была деревянная, то почти весь городъ сдѣлался добычею пламени. Ужасное время! Тысячи мирныхъ жителей сразу лишились всего своего достоянія и должны были влачить жизнь среди горя и нищеты. Большая часть жителей покинула городъ, который не представлялъ для нихъ теперь ничего, кромѣ печальныхъ воспоминаній о быломъ благоденствіи. Въ городѣ оставалось лишь небольшое число Жидовъ. Впрочемъ многіе и изъ бѣжавшихъ возвращались иной разъ посмотрѣть, нельзя ли чего спасти изъ оставленнаго имущества, которое могла пощадить ярость огня. Намъ пришлось быть очевидцами трогательнаго случая. Мы стояли биваками по ту сторону Днѣпра. У насъ не было помѣщенія, которое могло бы насъ укрыть отъ дождя, снѣга и усилившагося холода, и поэтому мы стали искать досокъ, чтобы устроить себѣ убѣжище и имѣть хоть какую-нибудь защиту противъ ненастья. Разъ какъ-то вечеромъ отправились мы за этимъ дѣломъ и замѣтили нѣсколько человѣкъ, которые копались въ грудѣ мусора на мѣстѣ прежняго дома. Имъ уже удалось отыскать подвалъ, куда передъ наступленіемъ опасности были сложены наиболѣе цѣнныя вещи. Увидя насъ, люди эти бросились на колѣни и стали молить о пощадѣ. Видъ ихъ очень тронулъ насъ: ни въ чемъ неповинныя жертвы чуждой тираніи, на бѣдныхъ останкахъ прежняго благополучія, они умоляли своихъ враговъ, которымъ сами не сдѣлали

никакого зла.... Какое зрѣлище! Мы постарались успокоить этихъ бѣдняковъ и, чтобъ показать имъ, что мы имъ не враждебны, тотъ же часъ вмѣстѣ съ ними принялися за работу и сдѣлали все, что̀ могли, чтобы помочь имъ отыскать ихъ законную собственность. Между прочимъ въ этомъ погребѣ нашлось нѣсколько бутылокъ вина. Изъ благодарности эти люди подарили ихъ намъ, и мы не замедлили взять то, что̀ предлагалось отъ чистаго сердца, тѣмъ болѣе, что въ нашемъ положеніи это былъ очень желанный подарокъ.

Въ разныхъ мѣстахъ города тлѣли еще остатки страшнаго пожара; намъ пришлось гасить ихъ. Дымъ сильно безпокоилъ насъ. Тѣ церкви, входъ въ которыя былъ на одномъ уровнѣ съ землей, были обращены въ конюшни, а другія, куда входъ по лѣстницамъ, стояли пустыя, и всякій находилъ здѣсь мѣсто, чтобы укрыться отъ стужи. Я тоже не разъ пользовался этими церквами и, лежа здѣсь на соломѣ, чувствовалъ себя болѣе счастливымъ, чѣмъ какой нибудь принцъ въ великолѣпномъ дворцѣ на пуховой постели.

Но всѣ эти непріятности и лишенія, которыя мы терпѣли здѣсь, были еще только началомъ бѣдствій. Среди насъ открылась злокачественная болѣзнь, родъ діарреи, вѣроятно, вслѣдствіе холодной погоды (тогда начались уже безпрестанные дожди и шелъ снѣгъ), постояннаго лежанья подъ открытымъ небомъ на холодной сырой землѣ и отъ недостаточнаго питанія. Многіе изъ насъ подверглись этой болѣзни; я также перенесъ страданія, которыя нельзя выразить никакими словами. Госпитали были переполнены больными и ранеными солдатами, между которыми были и Русскіе военноплѣнные. Кто самъ не видалъ этихъ госпиталей, тотъ вообразить себѣ не можетъ всѣхъ ужасовъ этихъ чертоговъ смерти. Смертность здѣсь, какъ легко можно себѣ представить, была очень велика; каждый Божій день смерть подрѣзывала своей косою множество несчастныхъ. Ихъ бросали въ огромныя ямы человѣкъ по 50, по 60, и засыпали вырытой землей. Сносили ихъ туда однако не раньше, чѣмъ накапливалось количество достаточное для наполненія ямы. Поэтому передъ госпиталями лежали цѣлыя груды труповъ, между которыми—страшное зрѣлище!—виднѣлись кисти рукъ, ступни и цѣлыя руки и ноги, выкинутыя за окно изъ госпиталя.

Такъ какъ съѣстныхъ припасовъ становилось все меньше, то разыскивать ихъ приходилось иной разъ часовъ по шести, по восьми; эти розыски всегда сопровождались насиліями, и несчастные крестьяне, чтобы не подвергаться пущей бѣдѣ, должны были отдавать все по доброй волѣ. Большею частію они обращались въ бѣгство при первомъ появленіи нашихъ отрядовъ, нарочно для того высылаемыхъ. Тѣ, которые оказывали намъ сопротивленіе, находили смерть при защитѣ своего

имущества. Нерѣдко, если сопротивленіе было общимъ, все селеніе предавалось въ жертву пламени. Когда же посланные на фуражировку отряды возвращались съ добычей, у насъ начиналось общее веселье, и каждый получалъ свою долю. Коровы, овцы, свиньи, гуси угонялись; а то, чего нельзя было угнать, то убивалось и привозилось на телѣгахъ. которыя тоже отнимались у бѣдныхъ крестьянъ.

Пробывъ съ 29 Сентября по 12 Октября въ Смоленскѣ, мы получили приказаніе препрaвиться назадъ за рѣку и держать путь вправо отъ Смоленска, откуда ожидали Русскую армію, которая должна была придти съ Турецкой границы. Такимъ образомъ мы прошли черезъ много населенныхъ мѣстъ къ городу Мстиславлю. Такъ какъ мы шли теперь мѣстами, гдѣ еще не было военныхъ дѣйствій, то менѣе терпѣли нужды въ съѣстныхъ припасахъ, что̀ нѣсколько вознаграждало насъ за большіе переходы.

15 Октября пришли мы въ небольшой городъ Мстиславль, гдѣ насъ размѣстили человѣкъ по 30, по 40 и по 50.

22-го Октября ночью мы пошли въ Оршу съ тѣмъ, чтобы какъ можно скорѣе стянуться и идти на помощь второму корпусу, который ретировался отъ Полоцка. Поэтому приходилось дѣлать усиленные переходы. Послѣ того, какъ мы прошли разныя селенія и 26-го у Орши переправились черезъ Днѣпръ, гдѣ нашими былъ разрушенъ мостъ, пришли мы 28-го числа къ городу Сѣнно.

Такъ какъ мы находились теперь въ разстояніи часовъ пяти отъ непріятеля, то все по возможности было приведено въ готовность къ бою. Сообразно съ этимъ мы остановились не въ городѣ, а на открытомъ полѣ, гдѣ развели огни, спасаясь отъ холода, который уже очень давалъ себя знать. Съѣстные припасы розданы на два дня, и каждый солдатъ получилъ, кромѣ того, по 60 боевыхъ патроновъ.

30-го Октября пришли мы въ село Смолино, гдѣ на большой равнинѣ соединились со вторымъ корпусомъ, которымъ начальствовалъ маршалъ Санъ-Сиръ. Такъ какъ онъ за день до этого былъ раненъ пулею въ ногу, то командовалъ герцогъ Беллунò (Викторъ). Здѣсь раннимъ утромъ произошла стычка съ непріятелемъ, не имѣвшая, впрочемъ, большого значенія. 31-го числа мы расположились бивакомъ въ виду Русскихъ. 1-го Ноября ночью мы выступили, отошли нѣсколько назадъ, заняли у лѣса выгодную позицію и спокойно ожидали врага. На другой день мы опять двинулись къ Сенно, гдѣ снова остановились и готовились каждую минуту вступить въ бой съ Русскими. Перемѣна позицій продолжалась до 11-го числа, когда мы въ продолженіе двухъ часовъ двигались прямо на непріятеля. Здѣсь увидѣлъ я настоящую Голландскую вѣтряную мельницу. Видъ ея заставилъ меня съ грустью

вспомнить о моемъ отечествѣ, въ которомъ мнѣ такъ хотѣлось бы тогда находиться, и я боялся, что никогда уже больше его не увижу. Ночью, снявшись съ лагеря, мы пришли 12-го числа въ Лукомль и здѣсь имѣли сильную схватку съ непріятелемъ, какъ въ самомъ селеніи, такъ и внѣ его. Русскіе воспользовались ночью, чтобы засѣсть въ домахъ и сараяхъ, дать намъ безпрепятственно войти, а потомъ напасть на насъ. Но ихъ вѣ время открыли. Итакъ мы сошлись темной ночью, такъ что нельзя было различить своего отъ врага. Однако мы принудили Русскихъ къ отступленію. Ночь мы провели на полѣ битвы, среди труповъ, терпя невыносимую стужу, потому что не могли развести огня, чтобы не быть открытыми непріятелю. Потери съ его стороны были не менѣе нашихъ. Мы потеряли много; между прочимъ изъ моей роты убито болѣе двадцати человѣкъ. Съ наступленіемъ дня пошелъ я взглянуть на окаченѣлые трупы, и глаза мои наполнились слезами при видѣ этихъ храбрецовъ, съ которыми я такъ долго дѣлилъ и радость и горе и которые теперь лежали бездыханные у моихъ ногъ. Печаленъ былъ видъ этого поля битвы! Приходилось предварительно счищать снѣгъ съ лица убитаго, чтобы его опознать. Легко можно себѣ представить что̀ чувствовалъ я при этомъ зрѣлищѣ!

Утромъ 13-го Ноября опять двинулись мы противъ непріятеля. Намъ пришлось идти черезъ лѣсъ, который лѣтомъ вслѣдствіе болотистой почвы бываетъ непроходимъ; но теперь земля сильно промерзла, и мы удобно прошли по лѣсу, хотя непріятель сильно дѣйствовалъ гаубицами, такъ что нѣсколько нашихъ было убито. Пройдя сквозь лѣсъ, мы вышли на равнину, на которой насъ ожидалъ непріятель. Мы вступили съ нимъ въ бой, который длился часа четыре или пять и былъ настолько жарокъ, что мы оставили на полѣ сраженія болѣе тысячи человѣкъ изъ нашей дивизіи. Но всетаки намъ удалось принудить врага отступить. Происходило это близъ деревни Лухарки, которую мы впродолженіе боя нѣсколько разъ отнимали, и которая вслѣдствіе этого стала добычею пламени, потому что каждая изъ воюющихъ сторонъ считала своимъ долгомъ ее уничтожать. Нельзя себѣ вообразить этой ужасной картины! Земля кругомъ была покрыта снѣгомъ, какъ бѣлымъ покровомъ, и посреди снѣжной поляны поднимался красный огненный столпъ отъ селенія горѣвшаго со всѣхъ концевъ. Несчастные жители, почти нагіе, бѣжали во всѣ стороны, не зная, когда имъ можно будетъ вернуться, не имѣя убѣжища отъ трескучаго мороза, безъ куска хлѣба, чтобъ утолить голодъ своихъ плачущихъ дѣтей.

Неподалеку отъ этого села стоялъ большой сарай, куда сносили раненыхъ. Тамъ имъ дѣлали, по возможности, перевязки. Многіе испу-

скали духъ при этой операціи; ихъ немедленно выносили изъ сарая. Когда на другой день мы уходили, я увидѣлъ ужаснѣйшее зрѣлище: сарай этотъ охватило пламенемъ. Страшно было видѣть, какъ тѣ, которые еще имѣли силы, чтобы ползти, съ крикомъ старались спастись отъ огня. До сихъ поръ еще раздается у меня въ ушахъ вопль несчастныхъ, которые не могли спастись и были уничтожены огнемъ. Не было возможности выручить тѣхъ, которые не въ силахъ были сойти съ мѣста. Лишь немногихъ взяли мы съ собой на нашихъ повозкахъ. Но какъ сильно страдали они отъ своихъ ранъ, со стенаніями испуская духъ! Оставшись побѣдителями, мы провели ночь въ постройкахъ, которыя намъ соорудили Русскіе; но разницы было немного, лежать ли на открытомъ воздухѣ или въ такихъ сооруженіяхъ, потому что они состояли изъ прямыхъ подпорокъ съ навѣшенною на нихъ кровлею изъ соломы, съ боковъ же были открыты. Какъ глубоко мы ни забирались подъ солому, но не могли согрѣться. Моимъ ногамъ было такъ холодно, что я думалъ, что онѣ у меня отмерзли. Поэтому я отправился къ разведенному по близости огню, чтобы немного обогрѣться. Потомъ я убѣдился, что большіе пальцы на обѣихъ ногахъ у меня, дѣйствительно, были отморожены, отчего я впослѣдствіи терпѣлъ сильнѣйшую боль. Я сжегъ свои сапоги, не замѣтивъ отъ сильнаго холода, что держалъ ихъ слишкомъ близко къ огню, и такъ какъ теперь у меня не было обуви, то я принужденъ былъ завернуть ноги въ тряпки и въ овчину. Къ счастью, уцѣлѣла моя лошадь, которая, какъ ни отощала, но все же носила меня. Не будь этого добраго животнаго, я бы давно погибъ. Отъ сильнаго голода она совсѣмъ изнурилась и, находясь постоянно подъ сѣдломъ, была такъ измучена, что когда я былъ взятъ въ плѣнъ при Березинѣ, она почти не могла переступать ногами.

На разсвѣтѣ 14 Ноября мы снова вступили въ бой. Когда день кончился, былъ объявленъ приказъ императора, чтобы всѣ вакантныя офицерскія мѣста были замѣщены. Это было приведено въ исполненіе немедленно тутъ же, на полѣ сраженія.

Пришло приказаніе сжечь всѣ ненужныя повозки, кромѣ повозокъ съ аммуниціей. И такъ мы свезли ихъ въ одно мѣсто и отдали въ добычу пламени. Лошади же были впряжены въ орудія. Чрезъ это пострадали всего больше бѣдныя маркитантки, такъ какъ, лишенныя повозокъ и лошадей, онѣ теперь принуждены были идти пѣшкомъ.

Проведя такимъ образомъ 14-е Ноября, мы расположились бивуаками въ виду непріятеля и на другой день продолжали походъ, чтобы достигнуть большой Московской дороги, по которой отступала великая армія. Мы должны были этимъ насколько было возможно удер-

живать Русскихъ, чтобы они не могли отрѣзать намъ путь. Лишь только вышли мы изъ лѣсу, какъ остановились и затѣмъ повернули вправо. Чтобы не допустить Русскихъ насъ преслѣдовать, мы поставили наши орудія такъ, что почти не было возможности выйти изъ лѣсу, а это былъ единственный путь, которымъ Русскіе могли пройти. Мы приблизились къ большой дорогѣ и увидѣли Московскую армію, отступающую въ безпорядкѣ. Тутъ видны были разные костюмы; большинство было безъ оружія, но обремененное добычей, подъ которою они шли согнувшись. Каждый старался унести награбленное въ безопасное мѣсто, но это удалось лишь очень немногимъ: многіе погибли подъ своею ношей, болѣе 80-ти человѣкъ утонуло въ озерѣ, прочіе были остановлены Березиною, которую имъ удалось перейти еще разъ. Тысячи этихъ отсталыхъ присоединялись къ намъ, но чѣмъ болѣе считали они себя теперь въ безопасности, тѣмъ болѣе грозила имъ гибель.

Мы гнали съ собою стадо коровъ, овецъ и свиней. Тутъ было, по крайней мѣрѣ, 60 штукъ рогатаго скота. Стадо это гнали одинъ унтеръ-офицеръ и нѣсколько человѣкъ солдатъ. Вдругъ самымъ неожиданнымъ образомъ мы лишились этого запаса. Морозъ настолько усилился, что большинство рѣчекъ, черезъ которыя мы переходили, замерзли, и по нимъ уже были проложены дороги. Однажды, когда наше стадо переходило черезъ рѣку, на которой было сдѣлано нѣсколько прорубей во льду, чтобы поить скотъ, животныя столпились такъ тѣсно, чтобъ подойти къ водѣ, что ледъ началъ трещать; не было времени подать помощь, и мы увидѣли, какъ животныя на нашихъ глазахъ погрузились въ рѣку, гдѣ и исчезли подо льдомъ, уносимыя теченіемъ. Лишь немного было спасено. Вслѣдствіе этого мы стали терпѣть большой недостатокъ, такъ что принуждены были питаться мясомъ лошадей.

Проведя нѣсколько дней такимъ образомъ, что постоянно имѣли предъ собою и съ фланговъ Русскихъ, постоянно маневрируя такъ, чтобы не допускать непріятеля до большой дороги и не давать ему мѣшать отступленію арміи изъ Москвы, достигли мы наконецъ большой дороги и расположились бивакомъ, по обыкновенію, прямо противъ Русскихъ, которые пришли почти въ одно время съ нами. Но никакихъ враждебныхъ дѣйствій не происходило, потому что мы съ своей стороны не имѣли къ тому ни охоты, ни духа, ни силъ, а Русскіе не трогали насъ потому, что хорошо знали, что мы всетаки въ концѣ концовъ попадемъ въ ихъ сѣти. Наши люди, утомленные переходами, спали, лежа на снѣгу, какъ на постели, потому что уже привыкли къ холоду. Мнѣ не разъ представлялся здѣсь случай удивляться тому, какъ много человѣкъ можетъ перенести и къ какимъ только

неудобствамъ и лишеніямъ онъ не привыкаетъ, лишь было бы здоровье и сильное тѣлосложеніе.

Такъ, все отступая или, лучше сказать, тѣснимые непріятелемъ, достигли мы 26 Ноября одной бѣдной деревушки, которая уже подверглась всѣмъ невзгодамъ войны и была почти совсѣмъ покинута жителями. Оставалось нѣсколько домовъ, и мы, побуждаемые суровымъ холодомъ, зажгли ихъ, чтобъ хоть немного согрѣться. Такова была вообще судьба тѣхъ селеній, чрезъ которыя проходила отступавшая армія. Весь путь былъ усѣянъ мертвыми людьми, лошадьми, обломками разбитыхъ повозокъ и т. п. Все это, вмѣстѣ взятое, составляло картину разоренія, о которой нельзя имѣть представленія, не видавши ее. Спѣшили, какъ только было возможно, дойти до рѣки Березины, отъ которой мы были теперь удалены на разстояніе часовъ четырехъ или пяти. Уже нѣсколько дней мы были на большой дорогѣ, гдѣ происходило непрерывное движеніе. Наперерывъ другъ передъ другомъ всѣ стремились перейти рѣку, и каждый напрягалъ силы, чтобы дойти до нея, но многіе падали отъ усталости или подъ тяжестью тащимой добычи и такимъ образомъ кончали смертью. Отъ времени до времени мы оборачивались фронтомъ назадъ, чтобъ показать непріятелю, что мы еще живы. Но непріятель, тоже утомленный и, сверхъ того увѣренный въ своей побѣдѣ, отпускалъ насъ съ миромъ: мы не дошли еще до того мѣста, на которомъ непріятель хотѣлъ насъ видѣть. На другой день, 27-го Ноября, мы тронулись въ путь окоченѣлые отъ холода и изнуренные голодомъ, въ темную, хоть глаза выколи, ночь, чтобъ по возможности быть ближе къ рѣкѣ, и пришли къ городу Борисову, гдѣ должна была рѣшиться наша судьба. Болѣе ужасную картину, чѣмъ та, которая ожидала насъ здѣсь, быть можетъ, никогда не видалъ глазъ человѣческій. Представьте себѣ городъ въ яркомъ пламени и двѣ арміи, дерущіяся въ немъ. Тутъ горящій домъ рушится съ ужаснымъ трескомъ, тамъ раздаются выстрѣлы мушкетовъ и громъ пушекъ, и среди этихъ звуковъ жалобные стоны раненыхъ, и никакой надежды на спасеніе: впереди, позади, со всѣхъ сторонъ безпощадный врагъ! Всюду смерть угрожаетъ открытою пастью. Послѣ того, какъ мы съ 12-ти часовъ утра до вечера дрались съ мужествомъ отчаянія, намъ удалось занять городъ или, лучше сказать, Русскіе дали намъ занять его, чтобы на другомъ мѣстѣ тѣмъ вѣрнѣе напасть на насъ.

Мы составляли арьегардъ великой арміи и потому должны были, насколько возможно, охранять переправу. Какъ только стемнѣло, мы въ величайшей тишинѣ вышли изъ города, чтобы дойти до моста, который находился приблизительно въ разстояніи часа пути вверхъ по теченію. Отъ усталости и мученій я ослабѣлъ, внутренности мои отъ холода и

голода стянуло; но я всетаки тащился, опираясь на палку. Я не могъ иначе передвигаться, какъ только на пяткахъ, потому что пальцы на ногахъ были отморожены и всѣ въ крови, ноги обернуты въ тряпки и овчину, и мнѣ каждую минуту грозило паденіе, такъ что два мои лейтенанта С. и Т. (изъ которыхъ первый нашелъ здѣсь себѣ могилу) должны были взять меня подъ руки и поддерживать. Въ этомъ походѣ намъ мѣшали отсталые и великое множество такихъ, которые не имѣли оружія. Число ихъ доходило до нѣсколькихъ тысячъ. Между ними было много женщинъ. Всѣ они тѣснились къ намъ, чтобы по возможности вмѣстѣ съ нами перейти мостъ. Но увы! было слишкомъ поздно. Непріятель предупредилъ насъ и расположился тамъ, ожидая насъ съ батареей, состоявшей изъ 16-ти, приблизительно, орудій. Поэтому мы приготовились къ нападенію и въ совершенной тишинѣ двинулись впередъ сомкнутыми колоннами. Мертвое молчаніе царствовало въ истомленномъ и упавшемъ духомъ войскѣ: многіе шли на встрѣчу вѣрной смерти. Вскорѣ увидѣли мы Русскихъ и тотчасъ вступили съ нимъ въ бой. Въ темнотѣ ночной мы не могли видѣть другъ друга и направляли наши выстрѣлы на огонь непріятельскихъ пушекъ. А такъ какъ непріятель занялъ свою позицію днемъ, то онъ отлично зналъ дорогу, по которой намъ приходилось идти. Поэтому почти ни одинъ выстрѣлъ непріятельскій не пропадалъ даромъ, и много насъ было убито, насколько можно было судить по крикамъ и стонамъ раненыхъ. Наповалъ убитые были самые счастливые, потому что тѣ, кто былъ раненъ, должны были умирать мучительною смертью: помощи не было. Каждому было только до себя, и тотъ, кто въ эту холодную зимнюю ночь падалъ на землю, скоро засыпалъ холоднымъ вѣчнымъ сномъ. Два раза пытались мы взять штурмомъ Русскую батарею, но были принуждены съ большимъ урономъ отказаться отъ нашего начинанія и отступили на возвышенность, гдѣ построили карре, чтобы возможно дольше продержаться, въ надеждѣ, что получимъ подкрѣпленіе съ той стороны рѣки. Два полка, нашъ и 44-ый, стояли въ карре, и тѣмъ не менѣе ни одна сторона этого карре не имѣла болѣе 30 ротъ, изъ чего можно заключить, какія страшныя потери мы понесли. Между тѣмъ и здѣсь попало въ насъ нѣсколько выстрѣловъ картечью, которые уложили много моихъ храбрыхъ товарищей и земляковъ. Послѣ того, какъ мы простояли въ такомъ положеніи до полуночи, и не оставалось уже никакой надежды на спасеніе, была предложена капитуляція, которая вскорѣ и состоялась. Мы всѣмъ корпусомъ сдались военноплѣнными.

Въ темную и ненастную ночь ничего нельзя было дѣлать, и насъ не безпокоили; но мы были, сами того не зная, окружены со всѣхъ

сторонъ Русскими. Какъ стояло карре, такъ каждый и легъ на землю. Мы легли какъ можно тѣснѣе другъ къ другу, чтобы согрѣться. Я лежалъ въ серединѣ карре подлѣ барабанщиковъ и саперовъ на снѣгу. Когда я захотѣлъ встать, то мой плащъ оказался примерзшимъ къ землѣ такъ крѣпко, что мнѣ стоило немалаго труда отдѣлить его, не разорвавъ. Самыя печальныя мысли о будущей моей судьбѣ наполняли мнѣ душу, и не разъ, когда я глядѣлъ на замерзшій трупъ, являлась у меня грѣшная мысль: „Ахъ, еслибъ и мнѣ также!“. Каждую минуту думалъ я, что лишусь силъ отъ перенесенныхъ трудовъ, страданій, голода и холода.

Лишь только наступилъ день, со всѣхъ сторонъ раздалось ура. Казаки и Башкиры, какъ бѣшеные, носились кругомъ; они хотѣли показать намъ этимъ, что они были побѣдители. Такъ какъ мы знали, что мы военноплѣнные, то положили оружіе и стояли въ тоскливомъ ожиданіи, что̀ съ нами будетъ. Время отъ времени подъѣзжали къ намъ непріятельскіе офицеры, которые очень хорошо говорили по-французски и по-нѣмецки. Они были большею частью очень дружелюбно настроены и утѣшали насъ, говоря, что таковъ жребій войны, и совѣтовали не терять бодрости. Но всѣ эти прекрасныя слова мало намъ помогли. Намъ слишкомъ скоро дали почувствовать, что мы въ плѣну и отданы на произволъ врага. Я попался нѣсколькимъ грубымъ Русскимъ, которые меня обыскали, отняли у меня часы и кошелекъ и, обругавши, бросили меня. Я долженъ былъ терпѣливо переносить это, потому что оказывать сопротивленіе было невозможно: я видѣлъ, какъ одного полковника 44-го полка закололи за то, что онъ сопротивлялся. Мою бѣдную лошадь отняли у меня. На моихъ глазахъ одинъ Русскій взялъ ее и торжественно увелъ за собою. Немного времени спустя, другая толпа окружила меня, сняла съ меня эполеты и нагрудный офицерскій знакъ, разорвала мнѣ сюртукъ, и это я перенесъ съ терпѣніемъ и радъ былъ, что отдѣлался отъ этой строгой инспекціи нѣсколькими ударами и толчками. Но мнѣ суждено было подвергнуться еще униженію, которое меня глубоко оскорбило. Ко мнѣ подошелъ Русскій гренадеръ съ заряженнымъ ружьемъ въ рукѣ, остановился передо мной и, опустивъ свое ружье на землю, сорвалъ у меня съ шеи платокъ, видя, что съ меня нечего больше взять, плюнулъ мнѣ въ лицо и назвалъ меня Французской собакой. Послѣ этого онъ приказалъ мнѣ стоять и направился къ другой добычѣ. Теперь, будучи лишенъ всего, я уже не боялся болѣе никакого осмотра, и меня оставили послѣ этого въ покоѣ.

Но и въ этихъ обстоятельствахъ сказался духъ Французской арміи: чтобы наше знамя не досталось въ руки враговъ и не было имъ взято

въ качествѣ побѣднаго трофея, нѣкоторые изъ нашего полка сняли орелъ и знамя съ древка и спрятали у себя знамя такъ тщательно, что оно не могло быть открыто Русскими.

II. Отступленіе Французовъ изъ Россіи, въ передачѣ графа Мэстра.

Сообщенныя Эрнестомъ Доде въ газету „Gaulois du Dimanche“ письма знаменитаго графа Местра относятся къ войнѣ съ Россіей въ 1812 г. Написаны они сильно и полны ярой ненависти къ Наполеону. Въ нихъ отражается мнѣніе Русскихъ за время этого гибельнаго похода, и они прибавляютъ новую черту къ исторіи полнаго смятеній времени. Графъ Блакасъ, пріятель графъ Мэстра, находился въ это время въ Англіи, куда скрылся его король, Людовикъ XVIII-й послѣ двукратнаго житія своего у насъ въ Митавѣ. Съ 1804 по 1807 годъ графъ Блакасъ былъ его посланникомъ при нашемъ дворѣ. П. Б.

1.

С. Петербургъ, 16 (28) Октября 1812.

Мой дорогой, мой дражайшій графъ! Если я не въ конецъ ошибаюсь, Бонапартъ пропалъ. Разумомъ тутъ ничего не подѣлаешь: людская логика молчитъ передъ всевластнымъ Провидѣніемъ, и творится все то именно, чему не слѣдовало-бы случиться.

Если-бы двинулись какъ надлежало на Нѣманъ, не то бы произошло: заключили бы миръ. Его всѣ желали, не смѣя признаваться въ этомъ, и все осталось бы по прежнему. Вмѣсто этого, сдѣланы всѣ ошибки допустимыя на войнѣ. Французы проникли въ Россію. Наполеонъ былъ увѣренъ, что заключитъ миръ, опираясь на вліяніе канцлера*), которому довѣрялъ. Онъ бросился въ Москву, не сомнѣваясь въ своемъ планѣ выйти изъ нея побѣдителемъ, съ мирнымъ договоромъ въ рукахъ. А вотъ что произошло, графъ! Русская армія сдѣлала безъ страха и упрека отступленіе на 1500 верстъ, сражаясь съ непріятелемъ, всякій разъ какъ приходила съ нимъ въ соприкосновеніе. Отступала она цѣлыхъ три мѣсяца, не падая ни на минуту духомъ и не давая Французамъ возможности ни нанести ударъ, ни разсѣять, ни захватить хотя бы одинъ изъ этихъ корпусовъ разбросанныхъ на пространствѣ 300 верстъ, по особому начертанію военнаго министерства. Наполеонъ говорилъ о свободѣ, на это ему отвѣчалали усмѣшкою, и каждый крестьянинъ собственноручно сжигалъ свою избу, покидая ее передъ приходомъ Французовъ.

*) Графа Н. П. Румянцова. П. Б.

Послѣ кровопролитнаго Бородинскаго сраженія, онъ бросился на Москву, въ надеждѣ, что Русскіе, уступавшіе ему въ силахъ, примутъ, однако, сраженіе, для спасенія столицы. Не тутъ-то было! Русскіе сказали: „*Входите, но мира не заключимъ*“. Онъ вступилъ въ Москву и хладнокровно сжегъ эту громадную столицу. *Сжигайте*, сказали ему, *но мира не заключимъ*. А тѣмъ временемъ рекруты прибывали отовсюду, народный духъ былъ возбужденъ до ярости, а сообщникамъ Наполеона угрожали съ двухъ сторонъ. Тогда онъ началъ сознавать, что попалъ въ западню и побоялся, что его накроютъ въ ней. Снабдивъ нѣсколькихъ Русскихъ пропусками въ Петербургъ, онъ послалъ ихъ туда передать нѣсколько словъ, но ихъ не захотѣли и слушать. Онъ рискнулъ тогда написать своей августѣйшей рукою письмо Русскому Императору; отвѣта не послѣдовало. Дѣло становилось нешуточнымъ. Онъ послалъ Лористона въ главную квартиру. Кутузовъ принялъ его въ присутствіи нѣсколькихъ офицеровъ и именно Англичанъ, находившихся тамъ. Лористонъ заговорилъ о мирѣ и амнистіи. Фельдмаршалъ отвѣтилъ ему, что объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, пока хоть одинъ Французъ останется во владѣніяхъ Императора. Тогда Missus Dominicus*) спросилъ, можетъ-ли Кутузовъ принять, по крайней мѣрѣ, письмо къ Его Императорскому Величеству. *Могу принять письмо открытымъ* отвѣчалъ тотъ, *но, если въ немъ стоитъ слово миръ, я не могу его отправить; мнѣ такъ предписано*. Никакой, слѣдовательно, надежды на миръ; а, между тѣмъ, подходитъ зима; запасы на исходѣ; питаются лошадинымъ мясомъ, кошками, жалкими, почти ручными, воронами, которыхъ вы, вѣрно, не забыли. Недостатокъ въ одеждѣ и обуви; у него отбиваютъ цѣлые обозы съ припасами; взрываютъ его порохъ, перехватываютъ его курьеровъ, и мы здѣсь читаемъ его подлинныя письма къ другу Савари, въ Сенатъ и даже къ несчастной Маріи Луизѣ. Въ этомъ-то достаточно уже красивомъ положеніи, онъ придумалъ послать своего зятька Мюрата расположиться съ 50.000 человѣкъ войска, въ пяти верстахъ отъ Русскихъ, оставаясь самъ на шестьдесятиверстномъ отъ него разстояніи, въ Москвѣ съ 28000 гвардіи, что̀ прямо странно! Ну и случилось то, чего слѣдовало ожидать. Кутузовъ открылъ, изъ перехваченной депеши, что король-императоръ и протекторъ Рейнскаго союза сдѣлаетъ смотръ своей арміи 7 (19). *Слѣдовательно*, сказалъ онъ себѣ, *8-го меня атакуютъ*! Онъ упредилъ Корсиканца и ловкимъ ночнымъ маневромъ, 6-го утромъ, напалъ на Мюрата и такъ удачно, что, менѣе чѣмъ въ шесть часовъ времени совершенно разбилъ и разсѣялъ его армію, въ 15 верстахъ отъ села

*) Посолъ властелина.

Тарутина, Калужской губерніи, въ одинаковомъ отъ Москвы и Калуги разстояніи.

Трудно описать мнѣ вамъ, какое произвело впечатлѣніе это дѣло. На улицахъ цѣлуются, какъ и въ гостиныхъ. Хорошо бы королю Франціи увидѣть этотъ восторгъ! Каждый день долженъ приносить животрепещущія новости.

2.

С. Петербургъ, Среда, 13 (26) Ноября 1812 г.

У Бонапарта нѣтъ болѣе арміи! Кутузовъ вмѣстѣ съ приказомъ сильному отряду своей арміи и казакамъ преслѣдовать Наполеона, перерѣзалъ ему дорогу на Оршу и принудилъ его, 5 и 6 сего мѣсяца, принять два сраженія, которыми и покончилъ съ нимъ. 20.000 плѣнныхъ, 200 пушекъ, вотъ плоды этихъ двухъ невѣроятныхъ дней. 5-аго Наполеонъ самъ былъ во главѣ войска и ничего не упустилъ, чтобъ возбудить его. Говорятъ, что съ 5 на 6 онъ провелъ ночь посреди солдатъ; но затѣмъ исчезъ. Изъ 20.000 плѣнныхъ 8500 положили оружіе. Число убитыхъ 6 числа доводятъ уже до 40.000. Остатки арміи разбрелись по лѣсамъ, и кто избѣжитъ казацкой пики, тотъ гибнетъ отъ холода и голода. Нѣтъ сомнѣнія, что Наполеонъ, чтобъ избѣгнуть грозящей ему участи, оставилъ себѣ и лучшихъ лошадей и самыхъ надежныхъ людей. Всѣ крестьяне взялись за оружіе, а у него нѣтъ ни провіанта, ни артиллеріи; побѣдители преслѣдуютъ его по пятамъ, и это при 12^0 холода. Куда пойдетъ онъ? Гдѣ онъ укроется?

3.

С. Петербургъ. Сочельникъ Рождественскій у Русскихъ. 1812 г.

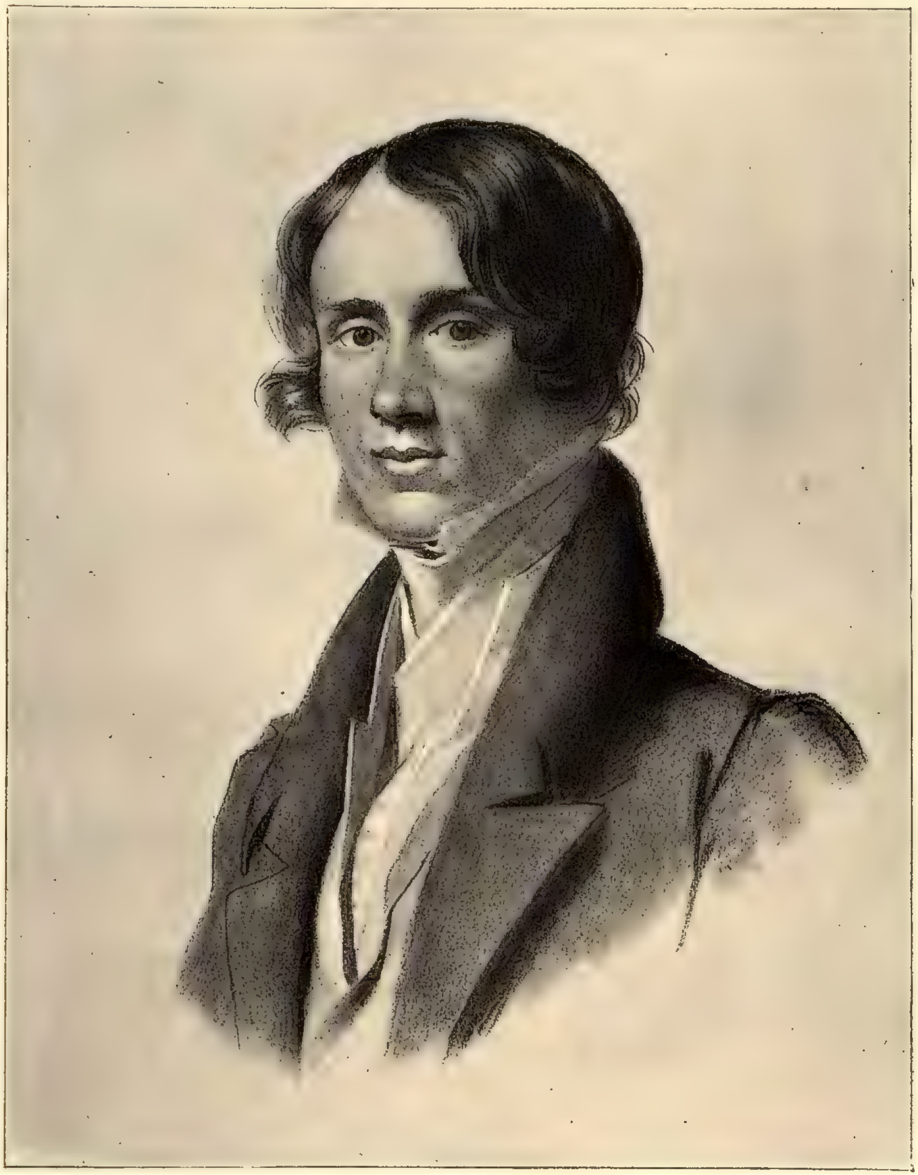
Господь явилъ Себя, и мы можемъ безпрепятственно воскликнуть съ Боссюэтомъ: *Преславный Боже, какой Ты нанесъ ударъ!* Я не нахожу ничего подобнаго въ Исторіи. Можно оглянуться до Камбиза, въ Ливійскихъ пескахъ, и ничего не найдешь подобнаго. Наполеонъ созывалъ на пути три военныхъ совѣта и отвергъ ихъ всѣ разомъ. На второмъ предлагали не идти на Москву, а чтобъ Наполеонъ шелъ прямо на Кутузова, въ Калугу. Отъ подобнаго совѣта, у тѣхъ кто хорошо знаетъ положеніе вещей той эпохи, до сихъ поръ волосы становятся дыбомъ; но онъ счелъ за лучшее не послѣдовать никакому совѣту и пробыть въ Москвѣ 38 дней. Во время этого необъяснимаго отдыха, Кутузовъ пополнилъ и устроилъ свою армію (почти совсѣмъ изничтоженную), получилъ 60 тысячъ отличныхъ рекрутовъ, почти такое же число поставилъ на вторую линію и учредилъ походный

госпиталь въ 30 тысячъ лошадей. Съ этого времени равновѣсіе оказалось нарушеннымъ безповоротно. Какъ мнѣ кажется, Наполеонъ тогда-же увидѣлъ пропасть и, для того, чтобъ проникнуть въ богатыя губерніи, Тульскую и Калужскую, онъ 8 разъ къ ряду шелъ въ аттаку, въ Малоярославцѣ, но не смогъ пробиться и былъ отброшенъ на большую Смоленскую дорогу. Два бича, голодъ и холодъ, заставили Французовъ выстрадать до послѣдней человѣческой силы.

Представьте себѣ, дорогой графъ, пустыню въ тысячу верстъ, всю покрытую снѣгомъ и безъ единаго слѣда человѣческаго жилья: вотъ сцена. Безсильны на ней человѣколюбіе и милость. Французы оказались внѣ возможности *быть спасенными:* они мрутъ, если ихъ отогрѣваютъ; одинаково мрутъ, если ихъ покормятъ. Одинъ Французскій докторъ, взятый въ плѣнъ, говорилъ, что ничего лучше нельзя бы имъ сдѣлать, какъ пристрѣливать. Питавшіеся долгое время всякою мерзостію, они выдыхали такое зловоніе, что къ нимъ нельзя и подойти на десять шаговъ и гдѣ въ домѣ, два или три такихъ несчастныхъ, его всѣ обходятъ. Правительство справедливо встревожилось множествомъ труповъ и велѣло ихъ сжигать; на это нужны цѣлые лѣса. Но дѣло, тѣмъ не менѣе, подвигается. Я же больше боюсь соприкосновенія съ живыми. Во многихъ мѣстностяхъ открылись болѣзни злокачественнаго свойства. Избави насъ, Боже, отъ какой либо гибельной заразы весною!

Вотъ какой конецъ этого памятнаго похода, долженствовавшаго окончательно поработить всѣхъ приниженныхъ, присоединивъ къ нимъ оставшихся на материкѣ свободныхъ людей. Мы видѣли, какъ меньше чѣмъ въ три мѣсяца окончательно погибло полмилліона людей, полторы тысячи артиллерійскихъ орудій, отъ 6 до 7 тысячъ офицеровъ и неисчислимыя богатства. Французы лишились всего принесеннаго съ собою и всего, что̀ хотѣли увезть съ собою.

Непреложный законъ Французской революціи остается всегда въ дѣйствіи: *Французы подавлены, но Франція возбуждена; впрочемъ они творятъ всѣ свои дѣла у себя, такъ что другимъ нельзя вмѣшаться.* Если Наполеону суждено быть убитымъ, то убьютъ его Французы.



Николай Рожалинъ.

Н. М. РОЖАЛИНЪ.

(выдержки изъ его писемъ).

Николай Матвѣевичъ Рожалинъ (1805—1832) заносится въ длинный списокъ Русскихъ людей, унесенныхъ рокомъ прежде, чѣмъ успѣли они проявить передъ отечествомъ плоды трудовъ своихъ. Лицамъ, стоявшимъ къ нему близко, давалъ онъ поводъ ожидать отъ него многаго. Это былъ человѣкъ вполнѣ достопамятный, какъ увидятъ читатели изъ помѣщаемыхъ здѣсь его писемъ, которыя сообщила въ „Русскій Архивъ“ Марья Васильевна Беэръ, рожденная Елагина, изъ своего драгоцѣннаго семейнаго архива (въ сельцѣ Уткинѣ, неподалеку отъ города Бѣлева). Отецъ Рожалина, Матвѣй Козьмичъ, служилъ въ Москвѣ въ Маріинской больницѣ, а дѣдъ Козьма Ѳедоровичъ, профессоръ фармаціи и фармакологіи, оставилъ по себѣ славное имя въ исторіи Русской медицины (для психолога отмѣтимъ, что въ 1778 году онъ сошелъ съ ума).

Письма Рожалина относятся къ первымъ годамъ царствованія Николая Павловича, про котораго Пушкинъ справедливо сказалъ, что

Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, заботами, трудами.

Эти первыя пять лѣтъ благопріятны были успѣхамъ просвѣщенія: изданъ новый цензурный уставъ, и должности цензоровъ получили образованные, честные и неподкупные люди. Препятствія къ поѣздкамъ въ чужіе края не было. Крутыя мѣры начались по поводу Іюльскаго во Франціи и Польскаго мятежей, когда, по выраженію того же Пушкина, за шалости принца стали сѣчь пажа. Наука, искусство и словесность въ то время находили себѣ въ Москвѣ радушный привѣтъ и споспѣшествованіе преимущественно въ двухъ домахъ: на Тверской, въ нынѣшнемъ домѣ Елисѣева, у княгини З. А. Волконской, и въ „республикѣ привольной, у Красныхъ, у воротъ“ въ семействѣ Авдотьи Петровны Елагиной. Рожалинъ подружился съ ея сыновьями Кирѣевскими. Племянница Жуковскаго оцѣнила даровитаго юношу и стала ему другомъ-покровительницей. Какъ нѣкогда она продала рощу для напечатанія перваго изданія стихотвореній Жуковскаго, такъ и Рожалину посылала денегъ, чтобы онъ могъ спокойно продолжать свои занятія въ Мюнхенѣ. Супругъ ея, Алексѣй Андреевичъ сочувствовалъ ей въ этомъ; онъ былъ человѣкъ широко-просвѣщенный и занимался между прочимъ философіей. П. Б.

Къ родителямъ.

Дрезденъ, 15 Апрѣля 1829.

Кайсаровъ*) вызванъ Государемъ въ Россію и назначенъ въ начальники Главнаго Штаба при первой арміи. Онъ этому очень радъ, жена его также и, между нами будь сказано, я не меньше. Мы были съ нимъ какъ нельзя лучше; но онъ человѣкъ съ предразсудками стараго вѣка, съ образомъ мыслей, желаніями, довольно противоположными характеру всѣхъ почти членовъ нашего новенькаго общества; а какъ на чужой сторонѣ совершенное согласіе между своими есть главное счастье, то я немного сожалѣю объ отъѣздѣ Паисія Сергѣевича: безъ него у насъ все дѣлается скорѣе и лучше. Къ концу Апрѣля мы перебираемся въ прекрасный загородный домъ, а къ концу Мая поѣдемъ въ Карлсбадъ на минеральныя теплыя воды; тамъ пробудемъ шесть недѣль, потомъ воротимся въ Дрезденъ также недѣль на шесть или на семь, и наконецъ отправимся въ Неаполь на зиму. Вотъ всѣ наши планы на будущій годъ; дай Богъ, чтобы ничто ихъ не разстроило; пуще всего желаю успѣха послѣднему замыслу Варвары Яковлевны, т.-е. прозимовать въ Неаполѣ.

О политическихъ новостяхъ писать въ Россію нельзя, да ихъ и мало: всѣ взгляды обращены на театръ нашей Турецкой войны; теперешняя кампанія составляетъ опять предметъ почти всѣхъ разговоровъ, надеждъ и страховъ. Въ нашихъ будущихъ успѣхахъ, несмотря на нѣкоторыхъ журналистовъ, здѣсь никто почти не сомнѣвается. Впрочемъ Нѣмцы не терпятъ Русскихъ и, будучи несчастны въ своемъ собственномъ отечествѣ, не желаютъ перемѣны и счастія никому, ни Туркамъ, ни Русскимъ, ни Грекамъ. Будучи сами не важны ни для кого въ политическомъ отношеніи, они не принимаютъ въ этомъ дѣлѣ участія живого, которое замѣняется у нихъ какимъ-то мелочнымъ, завистливымъ безпокойствомъ. Впрочемъ я говорю только о Саксонцахъ и только о большей, т.-е. худшей части ихъ.

Вы вѣрно уже знаете, какая страшная участь постигла Грибоѣдова въ Персіи. Какъ я благодаренъ Богу, что спасся мой другъ

*) Паисій Сергѣевичъ Кайсаровъ, участникъ великихъ войнъ предъидущаго царствованія, любимецъ князя Кутузова. Онъ женатъ былъ на двоюродной сестрѣ графа (позднѣе князя) А. И. Чернышева, Варварѣ Яковлевнѣ Лапской, племянницѣ того А. Д. Ланского, котораго оплакивала Екатерина Великая. У Кайсаровыхъ была больная дочь-подростокъ; они поѣхали въ чужіе края и пригласили Рожалина для уроковъ ей.

Мальцовъ! Но никто не пишетъ мнѣ, какимъ образомъ. Слышали ли вы, что умеръ Хомяковъ? Бѣдная мать его! Оплакивая одного сына, она должна дрожать и за другого, который въ Турецкой арміи. Послѣдній еще выше и несравненно выше своего брата талантами и лучше характеромъ. Да сохранитъ его судьба! Какое горе для бѣдныхъ Веневитиновыхъ: Хомяковы и они были почти одно семейство.

*

4 Іюня, Дрезденъ 1829.

Недавно получилъ я ваше письмо черезъ княгиню Волконскую, которой ѣздилъ на встрѣчу въ Лейпцигъ и которую проводилъ до Веймара. Какъ утѣшительно для меня было узнать, что вы здоровы и покойны и вмѣстѣ какъ горько, что не стало бабушки!

Эта вѣсть отчасти смутила радость моего свиданія съ Шевыревымъ и Волконскими. Я думалъ провести съ ними мѣсяца полтора въ Дрезденѣ, но и эта надежда не сбылась: они пролетѣли мимо въ Пизу. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что разсказали мнѣ много добраго о нашей Руси, особливо о нашей Москвѣ. Какъ я вамъ уже сказалъ, я проводилъ ихъ до Веймара. Изъ всѣхъ Нѣмецкихъ городовъ, мною видѣнныхъ, это самый оригинальный: новенькій, удивительно-чистый, нѣтъ ни одного дома выше чѣмъ въ три этажа, на улицахъ почти ни души, и когда вспомнишь, что здѣсь жили величайшіе умы Германіи, Виландъ, Гердеръ, Гёте и Шиллеръ, то невольно сравнишь его съ человѣкомъ размышляющимъ, уединеннымъ, тихимъ и задумчивымъ. Этотъ городокъ былъ нѣкогда Аѳинами Нѣмецкими, и теперь, быть можетъ, въ немъ лучшее Нѣмецкое общество. Я пробылъ тамъ дни полтора всего на все; однакожъ меня успѣли представить Гёте[1]). Онъ важенъ, но ласковъ и еще необыкновенно живъ по своимъ лѣтамъ. Физіогномія его прекрасная; братъ[2]) можетъ вамъ показать его портретъ; онъ, кажется, есть у Кирѣевскихъ. Гёте интересуется всѣмъ, что̀ касается до Россіи, читалъ всѣ, какіе есть, Французскіе, Нѣмецкіе, Англійскіе и Итальянскіе переводы нашихъ стихотвореній, распрашивалъ меня, что̀ переведено на Русскій съ Англійскаго и съ Нѣмецкаго и звалъ на другой день опять къ себѣ[3]). Но я могъ только

[1]) Ниже Рожалинъ подробнѣе говоритъ о томъ въ письмѣ къ А. П. Елагиной.

[2]) Братъ Рожалина, Василій, тоже занимался науками, но болѣе математическими. Вѣроятно его сынъ Иванъ значится погребеннымъ въ Москвѣ на кладбищѣ Данилова монастыря.

[3]) Извѣстно, что Гёте послалъ Пушкину перо: П. В. Нащокинъ видѣлъ на рабочемъ столѣ Пушкина въ Петербургѣ этотъ высокомѣрный знакъ привѣта.

благодарить его за приглашеніе, ибо не хотѣлъ другую недѣлю отсутствовать у Кайсаровыхъ и былъ уже записанъ въ дилижансѣ. Во всякомъ случаѣ я очень счастливъ, что, по крайней мѣрѣ, его видѣлъ и что исполнилось мое давнее желаніе узнать человѣка, котораго я почитаю величайшимъ изъ новѣйшихъ поэтовъ, т.-е. изъ всѣхъ поэтовъ христіанскихъ. Онъ уже ветхій старикъ, уже выбралъ мѣсто для своей могилы подлѣ своего друга Шиллера, и я видѣлъ это мѣсто. Видѣлъ и гробà Гердера и Виланда: первый похороненъ въ соборной церкви, Виландъ въ прекрасномъ помѣстьѣ, которое прежде ему принадлежало. Я взялъ себѣ на память оттискъ Гердеровской печати. Кромѣ Гёте я познакомился въ Веймарѣ съ канцлеромъ Мюллеромъ, предобрымъ и преуслужливымъ человѣкомъ, который вызвался показать мнѣ все, что̀ есть лучшаго въ городѣ, когда опять ворочусь туда.

Въ Лейпцигѣ я засталъ ярмонку, нынѣшній годъ весьма многолюдную. Было пропасть Грековъ, Армянъ и Персовъ, и покупали большею частію холстъ и сукна, но я не купилъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ книгъ. Лейпцигскіе купцы сказывали мнѣ, будто Кожевниковъ обанкрутился[1]) и будто у насъ хотятъ снова позволить ввозъ чужихъ суконъ. Неужели это правда?

Благодаренъ за то, что вы такъ скоро извѣстили меня о содержаніи нѣкоторыхъ писемъ Кайсаровой и Кирѣева[2]). Они думаютъ, говорите вы, ѣхать въ Россію. Но я и на этотъ случай принялъ мѣры заранѣе: когда такъ, тогда я, вѣроятно пристану къ Волконской; объ этомъ уже идутъ переговоры въ Пизѣ. Но еще вѣрнѣе, что когда Кайсарова поѣдетъ въ Россію, то Кирѣева поручитъ сына мнѣ, и я съ нимъ отправлюсь или въ Берлинъ или въ Мюнхенъ. По крайней мѣрѣ мнѣ такъ бы хотѣлось, и очень бы желалъ я, чтобы вы одобрили мои намѣренія. Какая моя цѣль? Вы, думаю, уже знаете ее—цѣль ясная и простая: здѣсь въ тишинѣ образовать себя такъ, чтобы можно было занять мѣсто въ Университетѣ въ случаѣ неудачи по службѣ. Но въ угодность вамъ, хлопочу и объ ней. Получивъ ваше послѣднее письмо, я завелъ разговоръ съ Кайсаровой объ ея планахъ на будущій годъ, былъ откровененъ самъ, и это заставило ее быть откровенною. Вотъ что я узналъ покуда. Ей хочется осенью къ мужу; но все рѣшатъ воды Карлсбадскія. Помогутъ много дочери, тогда ѣдемъ въ Италію: мало, тогда она отправляется въ Могилевъ, а Наташа отдается въ ру-

[1]) Можетъ быть, предокъ допочтеннаго В. А. Кожевникова.

[2]) Это кажется, отецъ знаменитой О. К. Молодымъ человѣкомъ за границею онъ былъ порученъ надзору Рожалина.

ки Карусу [1]). Но Наташѣ нуженъ учитель Русскій, нуженъ я, и поэтому Кайсаровы будутъ готовы сдѣлать что̀ могутъ, лишь бы я остался въ Дрезденѣ. Этою готовностью я думаю воспользоваться вотъ какъ. При здѣшней миссіи служилъ одинъ молодой человѣкъ, князь Мещерскій, сынъ того, что̀ служитъ въ Петербургѣ при Синодѣ. Молодой Мещерскій теперь оставляетъ службу, ибо долженъ для здоровья ѣхать въ Туринъ. Я смекаю на его мѣсто и, быть можетъ, попасть не трудно. Вы, вѣроятно, уже знаете изъ газетъ, что здѣшній министръ, Ханыковъ, недавно умеръ и что на его мѣсто назначенъ Шрёдеръ [2]). Этотъ Шредеръ коротко знакомъ (по крайней мѣрѣ, *былъ*) съ Кайсаровымъ и, по просьбѣ послѣдняго, можетъ быть, согласится меня представить. Съ другой стороны я напишу къ Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной, чтобы она попросила Жуковскаго похлопотать о томъ же. Еслибъ дѣло сладилось, я бы согласилъ двѣ цѣли: исполнилъ бы ваше желаніе видѣть меня въ службѣ, а, между тѣмъ, занимаясь службою легкою, имѣлъ бы время учиться. Но есть одна важная статья, отъ которой все зависитъ: Мещерскій былъ *сверхъ комплекта* и не получалъ жалованья; поступивъ на его мѣсто, я буду получать столько же, а какъ жить въ Дрезденѣ, служить при посольствѣ, безъ денегъ? Мнѣ здѣсь нужны, по крайней мѣрѣ, тысячи четыре. И такъ, вотъ въ чемъ состоитъ главное затрудненіе. Буду обо всемъ этомъ писать немедленно къ Авдотьѣ Петровнѣ, а васъ между тѣмъ прошу все, мною вамъ сообщенное, сохранить въ глубочайшей тайнѣ.

Мы дня черезъ три ѣдемъ въ Прагу на праздникъ св. Непомуцена, оттуда въ Карлсбадъ.

Въ началѣ Мая мы переѣхали за городъ въ Плауенскую долину. Это мѣсто дивное; лежитъ между скалами, которыя тянутся до самаго Фрейберга.

*

Дрезденъ, 27 Сентября 1829.

Весь Августъ мы провели въ разъѣздахъ, къ концу поселились въ Плауенѣ, недалеко отъ Дрездена, и едва я успѣлъ получить письмо отъ васъ, какъ явился Кирѣевскій [3]), который любитъ меня, какъ брата, котораго семейство любитъ меня, какъ сына, который путешествуетъ въ первый разъ и которому я хотѣлъ хорошенько показать всю нашу Саксонію, слѣдственно долженъ былъ опять разъѣзжать и бѣгать. Такъ

[1]) Славному медику.

[2]) Другъ братьевъ Булгаковыхъ. См. ихъ переписку въ „Русскомъ Архивѣ“.

[3]) Петръ Васильевичъ.

продолжалось до половины Сентября; тутъ Кайсаровы воротились изъ Зальцбурга; надобно было хлопотать по ихъ дѣламъ и, наконецъ, что̀ всего скучнѣе, перевозиться домомъ изъ Плауена въ Дрезденъ.

Я до сихъ поръ все еще не могу добиться до вѣрнаго результата по дѣлу о моемъ опредѣленіи при здѣшней миссіи. Шрёдера здѣсь нѣтъ: онъ все еще въ Парижѣ, гдѣ, при теперешнихъ запутанныхъ дѣлахъ, необходимо нуженъ и занятъ по горло. Неизвѣстно, когда пріѣдетъ отдыхать сюда, но навѣрное нескоро; а безъ него я дѣлать ничего не могу и другимъ трудно хлопотать.

къ А. А. Елагину*).

1.

Петербургъ (1829).

Милостивый государь Алексѣй Андреевичъ.

Пароходъ нашъ здѣсь, и завтра я уплываю далеко. Прощайте надолго, быть можетъ навсегда, и потужите обо мнѣ немножко. Я этого стою̀: я васъ люблю такъ искренно и такъ живо чувствую разлуку съ вами. Вотъ мои послѣднія слова съ берега отечества: не забудьте ихъ и вѣрьте имъ. Впрочемъ отечество мое ужъ далеко за мною, въ моей дорогой Москвѣ, съ которой Петербургу никогда не сравняться. Здѣсь и солнышко свѣтитъ не по тамошнему. Вотъ двѣ недѣли, какъ я сюда пріѣхалъ и первые четыре дня, признаюсь, былъ въ совершенномъ восторгѣ отъ Петербурга: его зданія мнѣ во снѣ снились; онѣ возбуждаютъ какое-то особенное чувство гордости и могущества; но это чувство становится безпрерывно тяжелѣ и наконецъ надоѣдаетъ совершенно. Мнѣ жаль оставить нѣкоторыхъ здѣшнихъ, но я радъ, что уѣзжаю отсюда: въ Германіи и Италіи надѣюсь найти больше тишины и больше мыслей въ головѣ своей; съ ихъ запасомъ пріѣду къ вамъ, вы имъ порадуетесь, и мы воротимся къ нашимъ спорамъ о женщинахъ, о Гёте, о назначеніи человѣческомъ. Я помню обѣщаніе, вамъ данное и, кажется, исполню его: учиться по крайней мѣрѣ будетъ главою моею цѣлью въ путешествіи. А три года не шутка: авось три года занятій поселятъ во мнѣ больше страсти къ профессорству, и авось не ослѣплюсь я переспиктивою успѣховъ по службѣ.

Вы замѣчали во мнѣ недостатокъ характера, излишнюю зависимость отъ женщинъ; но на этотъ разъ не буду въ зависимости ни отъ

*) Супругъ А. П. Елагиной А. А. Елагинъ, артиллеристъ, однополчанинъ и другъ декабриста Г. С. Батенкова, участникъ великихъ освободительныхъ походовъ Александровскаго царствованія, издалъ Гётевскаго Вертера въ прекрасномъ переводѣ Н. М. Рожалина.

чего, хочу все время моего странствія быть одному какъ можно больше, и хотя въ нашемъ обществѣ есть одна женщина (т. е. дѣвушка), весьма любезная, съ которой мнѣ говорить весело, но не она меня учитъ и водитъ, а я ее. И такъ опасаться нечего.

Когда-то мы будетъ разсуждать съ вами о Каролинѣ*)! Когда Богъ велитъ свидѣться?

Цѣлую еще разъ любезнаго Петра Васильевича; увѣренъ, что онъ не забудетъ меня, а я ему желаю отличиться въ дѣлѣ и быть счастливымъ по службѣ, если рѣшительно ѣдетъ въ армію.

2.

14 Марта 1829 (Дрезденъ).

Я радуюсь вмѣстѣ съ вами. Какъ пріятно мнѣ было прочесть, что Иванъ Васильевичъ провелъ зиму весело и на балахъ! И какъ еще пріятнѣе было бы узнать, что̀ онъ дѣлаетъ кромѣ этого. Онъ идетъ хорошимъ путемъ, вооруженъ познаніями и безъ сомнѣнія пріобрѣтетъ большое имя въ нашей литературѣ. Сколько славныхъ вещей его найду, вѣроятно, писанныхъ и печатныхъ, воротясь въ Россію! Только будите его чаще, а я съ своей стороны хочу хорошенько взяться за это дѣло. Грѣшно, ей Богу, что люди съ талантами такъ много спятъ у насъ! Не откладывая, не дожидаясь своего выздоровленія, завтра же буду писать къ нему. Чтожъ Петръ Васильевичъ? Я узналъ изъ письма Бекстера къ Кирѣеву, что онъ перевелъ что-то съ Англійскаго на Русскій. Совершенно ли ужъ онъ знаетъ по испански? Скоро ли будетъ въ Германію? Что̀ касается до меня, то я ограничиваю свои здѣшнія желанія основательнѣйшимъ изученіемъ древнихъ языковъ и Исторіи и не пишу ничего. Растолкую это подробнѣе въ письмѣ къ Ивану Васильевичу. Нечѣмъ мнѣ будетъ похвастаться передъ моими собратьями, когда свидимся; но лучше такъ, чѣмъ краснѣть такъ, какъ я краснѣю за прежніе грѣхи свои, особенно за Вертера. Вы мнѣ о немъ пишете, какъ о вещи уже обнародованной, и у меня отъ этого усиливается моя лихорадка; ради Бога, не пишите мнѣ о немъ ничего больше; я увѣренъ, что вы, по крайней мѣрѣ, пощадили мое имя и

*) Единственная дочь доктора Яниша, Каролина Карловна, позднѣе Павлова. Объ ней поминается въ относящейся къ поѣздкѣ Гумбольта на Уралъ (1829) передѣлкѣ стиховъ Пушкина:

Но тотъ блаженнѣй, Каролина,
Кто, бриліанты полюбя,
За ними ѣздилъ изъ Берлина
И встрѣтилъ здѣсь, въ Москвѣ, тебя.

переводъ не выдаете за мой, какъ я объ этомъ просилъ Ивана Васильевича. О Геренѣ также сдѣлайте милость немного хлопочите, не надоѣдайте имъ никому; изданіе его требуетъ и большихъ издержекъ, и большой, крайней внимательности, и едва ли кто нибудь найдется, кто бы взялся за скучный трудъ выправлять слогъ, дополнять вставки, сличать имена собственныя и справляться съ Греческими оригиналами. Я хочу забыть все свое прошлое въ литературѣ, т. е. все легкомысленное, хочу привезти съ собою назадъ какіе-нибудь зрѣлые плоды; пусть будутъ хоть огурцы, лишь бы были зрѣлѣе прежнихъ.

Какъ мнѣ жаль узнать, что Погодинъ къ вамъ совсѣмъ не ѣздитъ, и вы не пишете, почему; какъ жаль, что столькіе изъ нашей братьи принуждены оставить Москву и васъ! За то у васъ теперь Пушкинъ, Баратынскій и Вяземскій. Я радъ, что они тѣснѣе стали знакомы съ Иваномъ Васильевичемъ и увѣренъ, что они будутъ любить его. Вы пишете, что они всѣ любятъ и меня, особенно Баратынскій. Позвольте вамъ отвѣчать на это одно, что я очень знаю, какъ они меня любятъ, особенно Баратынскій. Знаю, что ежели онъ иногда поминаетъ обо мнѣ, то изъ лести вамъ, и потому не оскорбитесь, ежели я прошу васъ никогда не поминать обо мнѣ при немъ; я имѣю на это причины и, будучи совершенно доволенъ одною вашею дружбою, не хочу, чтобы она отзывалась въ людяхъ, какъ Баратынскій, которыхъ мнѣ не за что уважать и которымъ не за что любить меня. Вообще, какъ вы обѣщались держать мои письма въ какомъ-то скрытомъ и недоступномъ уголкѣ, такъ если любите меня, держите и меня самого въ вашемъ сердцѣ: выходить изъ него передъ Баратынскаго мнѣ совсѣмъ не лестно. Къ величайшей моей досадѣ вы поминаете въ вашихъ письмахъ объ какихъ-то *Архангельскихъ розахъ**). Да будутъ они прокляты! Вѣрьте, что я никогда не находилъ въ нихъ ни шиповъ, ни запаху. Впрочемъ запахъ, правду, сказать, иногда отгонялъ меня. Вы пишете, что хотѣли бы дѣйствовать для моего счастія, но не знаете *какъ*, ибо вамъ извѣстно, что мнѣ и для счастья нужно только то, что̀ *должно*, но неизвѣстно, гдѣ останавливается этотъ долгъ? Это ваши собственныя слова. Не нужно, думаю, вамъ сказывать, какой долгъ признательности вы налагаете на меня этимъ увѣреніемъ; однакожъ я долженъ признаться, что не совсѣмъ хорошо понимаю, какого объясненія на этотъ счетъ вы отъ меня хотите. Буду отвѣчать вамъ такими же общими выраженіями, изъ которыхъ, быть можетъ, вы извлечете что нибудь опредѣленное для мысли, внушившей вамъ этотъ вопросъ. Счастье—слово

---

*) Елагины проводили лѣтніе мѣсяцы въ Юсуповскомъ Архангельскомъ подлѣ Москвою.

весьма обширное; всѣ за нимъ гонятся и всѣ жалуются; я это вижу и слышу и ограничиваюсь немногимъ въ своихъ желаніяхъ. Но есть вещь, безъ которой не можетъ быть счастія—исполненіе долга, и это есть главное. На мнѣ же много ужъ долговъ и я не хочу, обременять себя ни однимъ новымъ, кромѣ неизбѣжныхъ. Вотъ шнуръ, на которомъ будетъ вертѣться вся жизнь моя. Видите, что я умѣю также быть болтливъ и безтолковъ; и такъ вамъ нечего бояться моей, будто бы, строгой критики, и изъ этой неосновательной (извините) причины лишать меня портретовъ, сдѣланныхъ вами съ моихъ знакомыхъ, лишать удовольствія, хоть мысленно, переноситься *на Сѣверъ съ Юга*.

Еслибы вы знали, какъ вы меня обрадовали стихами въ двухъ вашихъ письмахъ! Несказанно вамъ за нихъ благодаренъ. Подъ „Моремъ“ и „Кобылицей“ вы не подписали именъ; не могу угадать, кто сочинитель первой изъ этихъ пьесъ, но думаю, что Жуковскій, а „Кобылица“ такая вещь, которой никому и не выдумать и не написать, кромѣ *Пушкина*: это чудо, тутъ видѣнъ поэтъ истинный и Русскій. Хотѣлъ я вамъ на эти подарки отвѣчать лучшимъ, что̀ вышло въ прошломъ году въ области рисованія—рисунками Реча къ Шекспировскому Гамлету и ужъ отдалъ ихъ нѣкоему Викулину[1]); онъ долженъ былъ ѣхать давно уже, но зачѣмъ-то остановился, а черезъ Кайсарова я не хочу вамъ пересылать ничего: онъ этого не стоитъ, а счелъ бы за одолженіе мнѣ съ своей стороны. И такъ, извините и вооружитесь небольшимъ терпѣніемъ, ежели вамъ пріятно и хочется имѣть что нибудь отъ меня.

Къ А. П. Елагиной[2]).

Петербургъ, 28 Мая (1829).

У Жуковскаго я не былъ, потому, что онъ жилъ въ Павловскѣ; зналъ, что вы мнѣ не простите этого и хотѣлъ писать къ вамъ не прежде, какъ увидѣвшись съ нимъ. По утрамъ я каждый день былъ занятъ съ Кайсаровой, а ѣхать послѣ обѣда мнѣ казалось неучтиво, а потому я все ждалъ свободнаго дня, наконецъ залучилъ Воскресенье и въ пять часовъ утра полетѣлъ туда. Въ девятомъ часу былъ уже тамъ, обѣдалъ съ нимъ и разстался въ шестомъ. Теперь развязался языкъ мой, и я вамъ опишу наше съ нимъ свиданье. Но прежде простите меня, ибо я чувствую, что все таки виноватъ передъ вами. Что же дѣлать? Разсказывать вамъ о своемъ здоровьѣ и о Петербургскихъ

[1]) О немъ см. „Р. Архивъ“ 1868.

[2]) См. Рожалина письма къ С. П. Шевыреву во 2-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ 1906 г.

чудесахъ, право, не было духу. Жуковскій совершенно смѣшалъ меня своимъ пріемомъ; я не заслуживалъ такой ласки и такого вниманія: такъ обходятся съ людьми или почтенными по чему нибудь, или съ друзьями. Теперь я знаю Жуковскаго, искренне люблю его и уважаю, но все не могу повѣрить, чтобы онъ такъ принималъ всякаго. Вѣрно я вамъ обязанъ этимъ, это вы какъ нибудь сдѣлали. Я живо чувствовалъ, что не стóю такого вниманія отъ Жуковскаго, и мнѣ во все время казалось, что онъ говорилъ самъ съ собою: такъ онъ былъ откровененъ. Я не зналъ, что̀ дѣлать и что̀ отвѣчать ему; но наконецъ онъ принудилъ меня отбросить совершенно всѣ церемоніи и быть съ нимъ какъ съ человѣкомъ близкимъ и давно закомымъ. Удивительный человѣкъ! Онъ выше своей поэзіи, а этимъ, кажется, немало сказано. Онъ разспрашивалъ обо всемъ вашемъ семействѣ, особенно объ васъ; требовалъ, чтобы я открылъ ему причину, отчего ваши письма отзываются какой-то печалью. Я молчалъ и теперь сожалѣю объ этомъ: вы бы вѣрно не разсердились на меня, если бы я сообщилъ ему свои догадки; а мнѣ больно, что я на вашъ счетъ былъ въ этомъ случаѣ не откровененъ съ нимъ, который васъ такъ любитъ. Говорили мы объ Иванѣ Васильевичѣ [1]). Онъ очень хвалитъ его статью за ясность и опредѣленность мыслей, за хорошій слогъ, и радуется тому, что онъ, можетъ быть, посвятитъ себя совершенно литературѣ, но вообще, кажется, за что-то сердитъ на него. Услышавъ о намѣреніи Петра Васильевича, онъ обѣщалъ развѣдать обо всемъ нужномъ для его помѣщенія и писать къ вамъ, но прибавилъ, что теперь это будетъ трудно, ибо всѣ генералы выѣхали изъ Петербурга, и надо будетъ дѣйствовать заочно [2]). Онъ далъ мнѣ много наставленій на путешествіе, письмо къ Миллеру, который, кажется, познакомитъ меня съ Гёте, къ Радовицу въ Берлинѣ и къ Гассе въ Дрезденѣ; далъ также списокъ всѣхъ тѣхъ людей, съ которыми я долженъ буду познакомиться въ Германіи, частію черезъ вышеупомянутыхъ трехъ, частію явившись просто отъ имени Жуковскаго. Къ послѣднимъ принадлежатъ: графъ Алопеусъ въ Берлинѣ, Барклай въ Дрезденѣ и князь Гагаринъ въ Римѣ, а къ первымъ: Раухъ, Тикъ, Шинкель, Фридрихъ, Даль и графиня Речъ.

Просидѣвъ у него часа полтора поутру, я ушелъ осматривать Павловскъ, оставя его писать мнѣ письма; къ двумъ часамъ воротился и вмѣстѣ съ нимъ обѣдалъ. Онъ былъ очень любезенъ, разспрашивалъ о Шевыревѣ и Погодинѣ и насказалъ мнѣ много замѣчательнаго, чего

---

[1]) Кирѣевскомъ, старшемъ сынѣ А. П. Елагиной отъ перваго брака ея. П. Б.

[2]) И такъ, Петръ Васильевичъ (второй Кирѣевскій), тогда 20-лѣтній, думалъ поступить въ военную службу! П. Б.

я никакъ не забуду. „Важнѣйшее въ жизни“, сказалъ онъ наконецъ, „это цѣль и трудъ; но есть другая вещь, столь же важная—счастье“. Прощаясь со мною, онъ меня поцѣловалъ и, сжимая руку, прибавилъ: „Жаль, что не могу сказать вамъ: обнимите за меня Авдотью Петровну. Вы ѣдете далеко и надолго. Я этому радъ, но черезъ три года воротитесь къ счастью и пуще всего къ должности, къ должности“. Онъ совѣтовалъ мнѣ заняться особенно педагогикой и обѣщалъ мнѣ отъ этихъ свѣдѣній большія для меня выгоды по возвращеніи. Я вышелъ отъ него, какъ сонный. Его доброта, такая непринужденная, тронула меня.

Сколькимъ я насладился, пользовался въ жизни безъ всякаго на то права, безъ всякой заслуги? За что вы меня любите? Богъ знаетъ. Я не хочу, чтобы вы меня разлюбили; прошу васъ сохранить ко мнѣ ваше прежнее попечительное чувство, но прошу васъ также видѣть во мнѣ не болѣе того, что̀ есть, а я могу за одно ручаться: что я добрый малый, умѣю любить и быть благодарнымъ. Мнѣ было бы больно, если бы вы стали предполагать во мнѣ что нибудь больше этого и обманываться на мой счетъ. Хотѣлъ бы я теперь, прощаясь съ вами, сдѣлать вамъ мою полную исповѣдь, чтобы вы меня совершенно знали; но разлука тащитъ сію же минуту въ море и велитъ укладываться вмѣстѣ съ моими чувствами, съ словами къ вамъ на языкѣ. Тѣмъ лучше. Гдѣ нибудь, когда нибудь, да выгружу ихъ и перешлю къ вамъ; а теперь, желая высказать себя, я въ безпокойствѣ говорилъ бы вамъ, быть можетъ, ложь, хотя невольную. Простите, благословите меня еще разъ на чужую сторону. Марьѣ Васильевнѣ[1]) мой низкій, прощальный поклонъ на три года. Разцѣлуйте Васеньку[2]) и малютокъ[3]) и скажите имъ, что ужъ я на кораблѣ.

*

29 Іюня, Карлсбадъ. 1829.

Кайсарова точно ѣдетъ въ Россію мѣсяца черезъ два; она сама мнѣ объявила это. Натурально, что я ей сказалъ, сколько это разстроитъ мои замыслы и надежды и сколько мнѣ были бы нужны еще года два независимой, покойной жизни въ чужихъ краяхъ; не сказалъ одного—какъ мнѣ стыдно, надѣлавъ шуму и бывъ отпущеннымъ съ

---

[1]) 11-ти лѣтней дочери А. П. Елагиной отъ перваго брака. П. Б.

[2]) 10-ти лѣтняго Василія Алексѣевича Елагина. П. Б.

[3]) Николай (шести лѣтъ), Андрей, Елисавета, Рафаилъ. А. П. Елагина (†1877) пережила всѣхъ своихъ дѣтей кромѣ Василія Алексѣевича. Часто она повторяла слова Писанія: Рахиль плачущи чадъ своихъ и не можаше утѣшитися, яко не суть. П. Б.

общими ожиданіями какого нибудь дѣльнаго плода отъ этого путешествія, воротиться изъ чужихъ краевъ, изъ Дрездена, и почти съ пустыми руками. Вы спрашиваете, потащусь ли за нею въ Могилевъ, не вздумается ли мнѣ проводить ее? Развѣ одна крайность, невозможность сдѣлать ничего другого принудитъ меня къ этому, а покуда нѣтъ, и я не думаю воротиться. За чѣмъ я погонюсь въ Россію? За службою? Во первыхъ, мнѣ служить можно будетъ не иначе какъ давая притомъ уроки, а это ужъ почти невозможность. Во вторыхъ, мнѣ надоѣло безпрестанно бросаться отъ одного къ другому и все только начинать. Я поѣхалъ въ чужіе края съ намѣреніемъ образовать себя, возвратить упущенное въ Россіи и стать твердою ногою въ своей части наукъ: надо кончить это начатое дѣло, послѣ можно будетъ думать и о другомъ. И такъ мое неизмѣнное желаніе—пробыть здѣсь еще года два и какимъ бы то ни было образомъ. Мнѣ здѣсь нужно немного, и ограничиваться я умѣю. Шевыревъ по моей просьбѣ уже хлопочетъ о томъ, чтобы княгиня Волконская позволила мнѣ жить у себя въ такомъ званіи и должности, какъ ей будетъ угодно, а я за это не требую и *не хочу* имѣть отъ нея ни копѣйки. Иначе я поступить не могу. Я княгинѣ не нуженъ, и если она въ своихъ теперешнихъ обстоятельствахъ согласится принять къ себѣ въ домъ лишняго мущину, то это будетъ уже великодушно и большимъ благодѣяніемъ для меня. И тогда на что мнѣ деньги? У меня всего довольно болѣе, чѣмъ на два года.

*

Дрезденъ, 13 Августа (1829).

Благодарность моя такъ велика, что ужъ вы ничѣмъ не можете ее увеличить; а она потеряла бы въ моихъ глазахъ всю свою чистоту, ежели бы я согласился принять то, что̀ вы мнѣ такъ великодушно предлагаете. Я бы не ушелъ отъ своей совѣсти, сталъ бы сравнивать себя съ тѣми, которые любятъ людей единственно для того, чтобы въ случаѣ нужды получить отъ нихъ пособіе. Эта мысль замучила бы меня. Кого почитаешь искренно и любишь безкорыстно, отъ того не ждешь и не хочешь матеріальныхъ одолженій. Петръ Васильевичъ привезетъ мнѣ доказательства, что три тысячи мои? Не сердитесь, ежели я скажу вамъ напередъ, что этихъ мнимыхъ доказательствъ и слушать не стану. Вы сами говорите въ томъ же письмѣ, что въ безпокойствѣ думали обо мнѣ три дня и три ночи. Вотъ мои три милліона, и вотъ что̀ не всякій подаритъ мнѣ!

*

Теплицъ, 17 Августа 1828.

Въ Травемюнде я прожилъ три недѣли, на берегу Германіи, новаго для меня свѣта, и объ васъ не было ни слуху, ни духу; проѣхавъ

Любекъ, Гамбургъ, Брауншвейгъ, Гальберштадъ, Лейпцигъ, Мейсенъ, Дрезденъ, пріѣхалъ въ Теплицъ.

Теперь я съ вашими письмами, часто ихъ перечитываю и люблю, и боюсь ихъ перечитывать: въ нихъ столько укоризны! Вы меня браните за то, что я назвалъ васъ моей милостивой государыней; я хотѣлъ просить васъ избавить меня отъ этой холодной формы, которою *начинаются* всѣ наши письма, и радъ, что вы предупредили меня и позволяете называть васъ такъ, какъ я называю васъ про себя. Но эта форма, значила ли она, что я васъ смѣшиваю съ другими? Могли ли вы это подумать? Не довольно ли было ребячества въ моемъ письмѣ, ребячества, котораго я бы не позволилъ себѣ съ другими? Довольно времени я былъ непонятнымъ: теперь я отъ васъ далеко, не запутываю вашихъ наблюденій своими странностями, и вы, кажется, можете, обдумавши, вспомнивши все, рѣшить, что̀ я за существо?

Зачѣмъ же вы мнѣ говорите, напоминаете объ этой Каролинѣ?[1]) Я не хочу ничего объ ней слышать, ни отъ Рауха, ни отъ васъ, а особливо отъ васъ. Вы жестоко *оскорбляете* меня, думая, что въ вашихъ письмахъ могу искать ее и что имѣлъ къ ней какую нибудь привязанность. Да будетъ вамъ извѣстно, что ни въ кого, никогда я влюбленъ не былъ: чтобы влюбиться, надо быть увѣреннымъ въ себѣ, а этого счастья я до сихъ поръ не имѣлъ. Въ лучшія свои минуты я живу въ Москвѣ, между вами, а *простыя сердца неизмѣнныхъ друзей* для меня дороже здѣшнихъ картинъ и здѣшней музыки. Надежда быть съ вами снова черезъ три года заключаетъ ежедневныя мечты мои.

Я все такой же, какъ былъ: мои длинные усы и Испанская борода мало измѣнили мою наружность; а ежели мой портретъ надутъ, то онъ похожъ на меня совершенно. Я очень скученъ, не отъ того, чтобы здѣсь было schwühl und dumpfig[2]), нѣтъ (здѣсь лѣто несравненно холоднѣе, чѣмъ у насъ въ Россіи), но отъ того, что и Нѣмцы несносны, а люди съ которыми я живу, еще несноснѣе. Это несчастные эгоисты, съ самыми мелкими страстями, скупы, скучны, капризны, подозри-

---

[1]) Каролинѣ Карловнѣ Яншъ, съ которой вскорѣ вступилъ во второй свой бракъ Н. Ф. Павловъ. Она была единственною дочерью богатыхъ родителей, знала много языковъ и писала на нихъ, но собою была невзрачна, а въ обществѣ не совсѣмъ сносна, такъ какъ любила предъявлять свои поэтическія наклонности. Ей хотѣлось познакомиться съ Баратынскимъ. Познакомивъ ее съ Аѳанасіемъ Григорьевичемъ Шпигоцкимъ (переводчикомъ Мицкевичева Валенрода), увѣрили ее, что онъ—Баратынскій. П. Б.

[2]) Знойно и тымно.

тельны, и надобно много искусства, всей моей холодности, чтобы жить съ ними въ ладу. Я вамъ говорю теперь о четѣ Кайсаровыхъ. Вышедши съ корабля на Нѣмецкій берегъ, мы чуть было не разошлись на право и на лѣво: вотъ каково общество, которое добрый Бекстеръ называлъ счастливѣйшимъ въ Европѣ.

Причиною всего была зависть, возбужденная преимуществомъ, которое миссъ Клермонтъ, въ силу Англійскихъ правъ своихъ, довольно явно оказывала мнѣ, моему разговору передъ ними и ихъ бесѣдою. Это ихъ взорвало, и они поступили съ ней не только неучтиво, но и нагло. Слава Богу, что это случилось въ Травемюнде, мѣстѣ тихомъ, гдѣ не могло выйти сплетень. Я, какъ невинный виновникъ всего, хотѣлъ все и исправить, утѣшилъ справедливый гнѣвъ миссъ Клермонтъ и далъ ей благоразумный совѣтъ: презрѣть людей, недостойныхъ ни одного подлиннаго чувства, думать больше о собственныхъ своихъ выгодахъ и слѣд. помириться до лучшихъ обстоятельствъ. Она мнѣ вѣрить много и приняла мой совѣтъ. Жаль, что вы ея не знаете: быть можетъ узнаете, со временемъ. Ежели она воротится въ Москву прежде меня, прошу васъ не оттолкнуть ея знакомства, въ память единственныхъ пріятныхъ минутъ, которыя я находилъ здѣсь въ человѣческомъ обществѣ и которыми обязанъ ей. Она очень желаетъ узнать васъ. Англичанка гордостью, постоянствомъ, она Итальянка живостью и горячностью: дѣвушка рѣдкая, замѣчательная своими качествами и судьбою. Не выводите никакихъ заключеній изъ моихъ словъ, а понимайте ихъ au pied de la lettre[9]): въ ней я нашелъ то, чего не могъ найти въ дѣвушкахъ Русскихъ, просто друга, но больше ничего, и я объявилъ ей это. Что вамъ сказать о прочихъ членахъ нашего общества? Ученица моя интересна, потому что несчастна, но боюсь, чтобы не унаслѣдовала холодности своей матери: жалкія мелочи съ утра до вечера—вотъ зрѣлище, на которомъ воспитывается ея характеръ. Кирѣевъ обѣщалъ много, но весьма, весьма испорченъ. Какъ бы я желалъ подарить въ немъ Россіи малаго дѣльнаго и съ энтузіазмомъ! О послѣднемъ забочусь особенно, ибо отъ него-то все и зависитъ, и онъ-то у насъ и въ опасности.

Ужъ двѣ недѣли, какъ Кайсаровы уѣхали на воды Егерскія; мы живемъ здѣсь одни, и это одиночество будетъ, вѣроятно, продолжаться еще недѣлю. Жаль, что оно нарушается княземъ Мещерскимъ и двумя Нѣмками. Теплицъ очень вялъ и скученъ. Но мнѣ до общей скуки нѣтъ дѣла: я безпрестанно занятъ, учусь по-англійски, читаю бездну, и

[9]) Буквально.

слава Богу! Къ тому же природа Богеміи прекрасна. Что за горы! Есть одна Donnerberg, въ 1700 ф. вышины; я часто вхожу на нее смотрѣть туда, гдѣ Россія. 120 верстъ видитъ глазъ мой; здоровый бокалъ молодаго Венгерскаго выпивается за здоровье ваше, за здоровье дорогихъ мнѣ Москвичей и Петербужцевъ, и сзади звучитъ голосъ съ арфой: Vergiss mein nicht [1])! пѣснь, быть можетъ, вамъ извѣстная.

Въ Дрезденѣ надѣюсь приняться за рисованіе, за журналы, которыхъ здѣсь нѣтъ, за перо, за знакомства, а потому только оттуда буду писать къ Шевыреву, Погодину и Полевому [2]). Несправедливо, чтобы они платили за мараную бумагу, а литературныя извѣстія докажутъ всего лучше, что я много объ нихъ думаю и готовъ служить, чѣмъ могу.

Жаль, что вы такъ долго не отпускали Петра Васильевича: сколько было бы для него случаевъ отличиться! Къ тому же дѣла наши идутъ хорошо, и война эта не двухмѣсячная. Желаю ему искренно похода и счастья, въ которомъ, не вижу, почему для него отчаяваться. Увѣренія дружбы съ моей стороны ему не нужны, но дружба имѣетъ право благословлять, и я съ Доннерберга благословляю его на подвигъ добрый.

Цѣлую Васеньку, Николеньку, Андрюшу и Лизаньку. Скажите имъ, что я изъ корабля вышелъ въ Травемюнде, купался три недѣли въ морѣ, что нашъ корабль претерпѣлъ бурю, довольно сильную, что буря была ночью, что буря совсѣмъ не страшна на такомъ большомъ фрегатѣ, но что во время ея спать мудрено, что съ моей кровати меня выкинуло на полъ, что всѣ дамы и половина мущинъ отъ сильной качки были больны, но что со мной не было ничего, ни болѣзни, ни какихъ приключеній. А пароходъ нашъ—фрегатъ трехмачтовый, называется George IV, Captain Black. А помѣщается въ немъ, кромѣ экипажу, сто пассажировъ, которые пользуются всѣми удобствами, но должны довольствоваться Англійской кухней, т. е. жаренымъ мясомъ, свининой по утру, въ полдень, въ 7 часовъ вечера и за ужиномъ. Вина гадкія. Въ морѣ мы были пять дней, и море я полюбилъ до безумія: охотно пущусь въ Америку.

*

Дрезденъ, 16 Сентября 1829.

Петръ Васильевичъ пробылъ здѣсь отъ 25 Августа до 12 Сентября и, кромѣ первыхъ двухъ дней, мы все это время были нераз-

---

[1]) Не забудь меня.

[2]) Шевыревъ и Погодинъ издавали „Московскій Вѣстникъ“, а Н. А. Полевой „Московскій Телеграфъ“. П. Б.

лучно вмѣстѣ. Знакомство онъ сдѣлалъ только одно съ какимъ-то Абекеномъ, къ которому имѣлъ письмо изъ Варшавы; былъ у нихъ два раза, и жена Абекенова очень ему понравилась, а самъ надоѣлъ. Эта жена обѣщала ему дать въ Мюнхенъ письмо къ сестрѣ Жанъ-Поля и обманула, что̀ было очень досадно. Впрочемъ, Богъ знаетъ, похожа ли эта сестра на брата.

Проведя часъ во взаимныхъ разспросахъ, мы пошли въ театръ смотрѣть Фауста и видѣли—чудо! Первый монологъ его былъ испорченъ бѣшенствомъ актера; за то все остальное шло превосходно. Петръ Васильевичъ былъ въ восхищеніи; не находилъ только довольной граціи въ здѣшней Гретхенъ, хотя видѣлъ самую граціозную изъ Нѣмокъ. Зато что ужъ былъ за Мефистофель! Нельзя вообразить себѣ *ничего* совершеннѣе этой игры. Эта роль досталась Паули, первому здѣшнему актеру, котораго имя сто́итъ того, чтобы быть извѣстнымъ. Какъ эгоистъ, я радъ, что онъ въ Дрезденѣ, гдѣ не можетъ пріобрѣсти *громкой* славы, которая навѣрно бы его испортила; въ Парижѣ или Лондонѣ онъ бы принялъ какой нибудь *особенный свой манеръ*, и не столько бы думалъ *просто* о требованіяхъ искусства. А талантъ его очень разнообразенъ: онъ равно хорошъ въ шутѣ, разбойникѣ и героѣ, и все это чудесно смѣшалось въ ролѣ Мефистофеля. Это былъ точно ледяной сосудъ адскаго пламени. Досадовалъ я только, что сумасшедшій Тикъ слилъ сцену убійства Маргаритинова брата, молитву Грехтенъ передъ образомъ Богоматери и угрызенія совѣсти ея въ церкви въ *одну* сцену и тѣмъ все испортилъ. Впрочемъ, сколько я здѣсь ни видѣлъ хорошихъ трагедій, ни одна не производила такого эффекта. Фаустъ на сценѣ производитъ дѣйствіе, какъ *трагедія*. Волшебная кухня и путешеетвіе на Броксбергъ были представлены хорошо, и декораціи отличныя; но въ представленіи не успѣешь схватить ихъ смысла, даже не думаешь о немъ, и эти сцены только что пугаютъ.

Фаустъ былъ данъ 27 Августа, когда вся Германія праздновала рожденіе Гёте, уже восьмидесятилѣтняго. Обѣщали дать Фауста еще два раза; мы дожидались съ нетерпѣніемъ и узнали, что онъ *запрещенъ*. Вамъ извѣстно, что здѣшняя королевская фамилія католической вѣры, почти одна изъ всего народа. Молодые принцы (имъ обоимъ лѣтъ по 25) очень оскорбились словами Фауста: Wer kann sagen? и пр., а батюшка ихъ, испугавшись, тотчасъ и запретилъ піесу. Вы не можете себѣ представить ханжества этой фамиліи. Принцъ Iohann человѣкъ съ талантомъ для поэзіи, но пишетъ только *богодохновенные* стихи и перевелъ Дантову *Божественную Комедію*. Переводъ его перещеголялъ всѣ

прежніе, Нѣмецкіе и другіе, и немудрено: едва ли кто другой принимался за это дѣло съ такимъ *католическимъ* жаромъ, какъ нашъ принцъ.

Угодно ли вамъ имѣть характеристику здѣшняго двора? Позвольте разсказать нѣсколько анекдотовъ. Я кажется, писалъ Ивану Васильевичу о Ф. Шлегелѣ, здѣсь умершемъ, и онъ, вѣрно, что нибудь сообщилъ вамъ. Въ послѣднія лѣта своей жизни онъ сдѣлался самымъ подлымъ Іезуитомъ; давая лекціи въ Дрезденѣ о философіи жизни, въ кругу просвѣщенныхъ людей не стыдился *логически* доказывать, что лордъ Байронъ былъ въ тѣсной связи, *лично* знакомъ съ Сатаною (это à la lettre), кромѣ другихъ нелѣпостей такого же рода, и однакоже былъ принятъ королемъ какъ нельзя лучше и имѣлъ отъ него порученіе завести Іезуитскую школу въ Дрезденѣ. Прошлою же зимою одинъ Русскій Нѣмецъ пріѣхалъ въ Дрезденъ черезъ Вѣну; тамъ, en passant*), принялъ Католическую вѣру, тотчасъ снискалъ этимъ покровительство здѣшняго двора и отправился въ Лейпцигъ читать въ подпору Шлегелю публичныя лекціи о философіи *Христіанства*, т. е. католическаго. Король держитъ въ Дрезденѣ, на своемъ жалованьѣ, десятка три ненужныхъ католическихъ поповъ и даетъ всякаго рода пособія тѣмъ изъ крестьянъ и простолюдиновъ, которые захотятъ перейти въ Католическую вѣру! Скажите, что̀ можетъ быть подлѣе всего этого? Какъ не бѣситься и не гнушаться и не сказать, что бубны славны за горами. Королю принадлежатъ не только доро̀ги, не только всѣ лѣса, всѣ мельницы, но даже и всѣ сальныя свѣчи! Онъ имѣетъ въ своей частной казнѣ несмѣтныя сокровища, наживается безпрестанно и соблазняетъ народъ, котораго большая часть въ крайней бѣдности.

Впрочемъ удивительно, какъ здѣсь господствуютъ теологическія пренія: почти всѣ журналы наполнены объявленіями о книгахъ богословскихъ, и всѣ эти книги расходятся. Странно, отчего, но всѣ лучшіе умы Нѣмецкіе заразились склонностью къ Католицизму. Гёрресъ совершенно вдался въ мистику: прошлаго года открылъ въ Мюнхенѣ курсъ всемірной исторіи, и въ залу его стеклось до 2000 слушателей; но онъ ровно *шесть мѣсяцевъ* читалъ объ одной *предпотопной* исторіи и сталъ напослѣдокъ такъ теменъ и скученъ, что къ концу курса въ аудиторіи его было только 17 человѣкъ. Меня увѣряютъ, что и самого Шлегеля постигла эта болѣзнь. Нетерпѣливо жду извѣстій отъ Петра Васильевича. Отъ него надѣюсь узнать, правда ли и то, что̀ говорятъ нѣкоторые журналы, будто бы *весь* Мюнхенскій университетъ ударился въ мистику.

*) Мимоходомъ.

Достовѣрно только то, что теперь въ Германіи воздвиглась сильная партія противъ философіи *вообще*. Шеллингъ, ничего не выдавая, своимъ молчаньемъ какъ будто самъ осудилъ ее; его послѣдователи молчатъ также. Стефенсъ пишетъ одни романы. Подвизается только Гегель, но уже старъ, и на него градомъ сыплются критики и хула. Враги философіи собрались подъ знаменемъ Гёте и клянутся этимъ однимъ именемъ: онъ одинъ все проникнулъ, все узналъ, рѣшилъ—и безъ *философіи*.

Политическія происшествія становятся также часъ отъ часу важнѣе, и всѣ здѣшніе умы приковались къ дѣйствительности, откинувъ философію, какъ бредъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Германіи, не вышло *нигдѣ, ни одной* важной книги по философіи, кромѣ развѣ Круговой Encyklopädie der philosophischen Wissenschafften. Онъ человѣкъ весьма остроумный, твердый поборникъ философіи, но врагъ новѣйшей. Прибавьте лекціи Cousin, и я обчелся.

Исторія счастливѣе: она во всѣхъ университетахъ играетъ первую роль; но и въ ней какой духъ господствуетъ? Всѣ *умозрѣнія* изгоняются, и буква чуть ли не взяла верхъ надъ смысломъ. Фоссъ передъ смертію сразилъ, какъ всѣ думаютъ, Крейцера въ своихъ *Миѳологическихъ Письмахъ* и *Антисимболикѣ*; надъ Нибуромъ смѣются, и его партизаны, весьма малочисленные, торжественно говорятъ, что уступаютъ времени и берегутъ свои мысли до лучшаго.

Прежнія горячія головы совершенно перемѣнили свои политическія мнѣнія, напр. *Окенъ*. Вотъ какъ преслѣдованія измѣняютъ людей! Сохранили свой характеръ только Фрисъ и Луденъ, профессора Іенскіе, но первый математикъ, а втораго самое безпристрастіе вредно: въ своей Нѣмецкой исторіи онъ рѣзко выразилъ пользу, какую папы сдѣлали человѣчеству, и на это опираются ханжи.

Вотъ въ какія времена мы живемъ! Страшно подумать, сколько вопросовъ вдругъ волнуетъ человѣчество. Можете же представить себѣ, съ какимъ восторгомъ встрѣчаешь здѣсь не только Петра Васильевича, но и всякаго Русскаго, который ѣдетъ съ серьезною мыслію наблюдать, учиться и дать молодой Россіи способы рѣшить тѣ задачи, надъ которыми тупѣютъ другіе.

Но я бы солгалъ, если бы думалъ утверждать, что здѣсь мало хорошаго. Напротивъ, стоитъ только вспомнить о нѣкоторыхъ отличныхъ людяхъ, именно тѣхъ, на которыхъ нападаютъ, чтобы со всѣмъ помириться: они работаютъ постоянно, и не даромъ. Самая эта мнимая побѣда надъ философіей, одержанная, мнѣ кажется, не только въ Гер-

маніи, но и вездѣ, обѣщаетъ много пользы въ будущемъ. Да и въ настоящемъ польза та, что люди необыкновенные, какъ Отфридъ Мюллеръ, попавшись въ сухой Гёттингенскій университетъ, боясь нападеній, не говорятъ ничего безъ положительныхъ доказательствъ, кладутъ читателямъ въ ротъ каждую мысль и на малѣйшій случай запасаются свидѣтельствами. Критика выигрываетъ.

Куда я однако же забрелъ отъ Петра Васильевича? Но какъ было и не забрести, когда мы съ нимъ объ этомъ столько, столько говорили? Наконецъ мы спрашивали другъ друга: чему же учиться въ Германіи? и отвѣчали другъ другу въ голосъ: *фактамъ*. Философія молчитъ, быть можетъ отъ того, что сдѣлала свое дѣло: осталось оправдать ея результаты исторіей, дѣйствительностью, и тогда какъ прочны они будутъ!

А покуда Нѣмцы всетаки скучны. Петръ Васильевичъ уже успѣлъ на нихъ посердиться, и какъ же я былъ до смерти радъ этому! Представьте себѣ: пошли мы въ Саксонскую Швейцарію, съ тѣмъ, чтобы обходить ее пѣшкомъ, и Петръ Васильевичъ надѣлъ новые сапоги, которые ему сшили въ Бреславлѣ; не успѣли взойти на горы, какъ подошвы отвалились. Къ счастію, у меня были сапоги запасные, желтые. Какими же мы щеголями воротились въ Дрезденъ! Промокшіе, въ грязи и въ желтыхъ сапогахъ! Хорошо, что было ночью, и никто не видалъ насъ.

Поѣхали мы верхомъ къ Богемскимъ горамъ и ѣздили два дня, почти безъ отдыха. Насъ было трое. Петръ Васильевичъ перепробовалъ всѣхъ нашихъ лошадей и проклялъ всѣхъ до единой. Кирѣева лошадь носила, моя была тряска, какъ чортъ, а его собственная не умѣла идти шагомъ и всю дорогу плясала.

Жаль, что онъ ѣхалъ въ Германію не черезъ Петербургъ и не захватилъ отъ Жуковскаго рекомендательныхъ писемъ въ Мюнхенъ; впрочемъ онъ будетъ знакомъ съ Тютчевымъ и черезъ него со многими.

Занимаюсь я самыми сухими предметами; тѣми же, чѣмъ здѣсь всѣ занимаются: Греческими и Римскими древностями. Лѣтомъ былъ въ Прагѣ, научился немножко по-чешски, зимой надѣюсь съѣздить туда опять недѣли на двѣ, познакомиться съ Ганкою и Челяковскимъ и узнать ихъ литературу хорошенько. Это будетъ веселый эпизодъ зимы, скучной, какъ предвижу: ибо мы приготовляемся хоронить короля и шесть мѣсяцевъ не видать спектаклей. Онъ не боленъ, но того и гляди, что духъ вонъ. Прошлая зима прошла такъ же: мы хоронили вдовствующую королеву. Эта была странная женщина: по утру обыкновенно давала аудіенцію всѣмъ Дрезденскимъ прачкамъ,

которыя приходили разсказывать ей скандалезную хронику прошедшихъ сутокъ, которая, надобно замѣтить, нигдѣ такъ не богата происшествіями, какъ здѣсь.

Впрочемъ здѣсь интереснаго *хоть шаромъ покати*. Изящная литература вообще спитъ и потому не занимаетъ публики. Стефенсъ написалъ интересный романъ Die vier Norweger, Брониковскій также нѣсколько хорошихъ повѣстей, которыхъ я, однакоже, не читалъ; Раупахъ, работая для Берлинскаго театра, далъ Нѣмцамъ нѣсколько весьма посредственныхъ комедій и фарсовъ; Мюльнеръ, какъ вы вѣроятно уже знаете, умеръ; Тикъ, какъ всѣ говорятъ и какъ я самъ сужу по одной мною прочтенной и имъ недавно написанной повѣсти, упадаетъ; Гёте недавно выдалъ Вильгельма Мейстера, нѣсколько передѣланнаго въ Wanderjahren, и третью часть своей переписки съ Шиллеромъ, и это есть важнѣйшее.

Общество здѣшнихъ литераторовъ собирается у m-me Reck, старой и больной женщины, но бывшей писательницы, у которой въ домѣ живетъ старый и скучный поэтъ Тидге, извѣстный вамъ по своей несносной Уранiи. Что̀ дѣлаетъ это общество въ часы засѣданія? Каждый садится за круглый столъ, съ назначенною піесою въ рукахъ, напр. съ Донъ-Карлосомъ; роли розданы; одинъ читаетъ слова маркиза Позы, другой Филиппа и т. д.; прочтутъ, и балъ конченъ. Осудите ли вы меня за то, что я ни разу не хотѣлъ такъ скучно тратить время у этой женщины, притомъ надменной своимъ Курляндскимъ графствомъ и говорящей всегда противъ Русскихъ? Не гораздо ли интереснѣе чтенія Лихонина?*) Есть другое общество въ Дрезденѣ, но ученое: это Albina. Тамъ многіе отличные люди читаютъ иногда важныя разсужденія; нынѣшнюю зиму я буду аккуратно посѣщать его.

Говоря объ интересныхъ произведеніяхъ Нѣмецкой литературы, я забылъ вамъ сказать, что вышло уже 12 частей *Казановы*, т. е. всѣ сочиненія. И кстати о Казановѣ, я видѣлъ Дуксъ, комнаты, гдѣ жилъ этотъ молодецъ, библіотеку князя Валенштейна, которую онъ привелъ въ порядокъ, собственный портретъ его и всѣ его рукописи. Портретъ снятъ въ профиль, и это настоящій профиль козла; но лице очень умное. Теперешній библіотекарь позволилъ мнѣ пріѣхать, прочесть всѣ его рукописи (огромную кипу стиховъ, писемъ и разсужденій) и срисовать его портретъ; однакоже мнѣ до сихъ поръ не удалось. Жаль мнѣ было Казановы, когда я видѣлъ этотъ бѣдный, маленькій городишко, весь состоящій изъ двухъ улицъ, въ которомъ такой умный

*) Московскаго бездарнаго стихописца. П. Б.

удалецъ долженъ былъ провести послѣдніе дни свои. Правда, что вокругъ природа живописная, но красавицъ ни одной, сколько я ни смотрѣлъ. Вѣроятно и въ его время было не больше.

Въ этомъ отсутствіи интересовъ литературныхъ что же занимаетъ нашу публику, спросите вы? Одинъ разъ въ зиму бываетъ балъ придворный, о которомъ говорятъ мѣсяцъ заранѣе и мѣсяцъ послѣ и который начинается въ 6 часовъ и оканчивается въ 9; бываютъ балы публичные, мѣщанскіе, такъ называемые Harmonien, гдѣ для каждаго танца положено 15 минутъ, и наконецъ балы частные, которые, говорятъ, бываютъ иногда точно веселы, но на которыхъ я не бывалъ, не будучи знакомъ съ Нѣмецкими *семействами*. Очень часто даются превосходные концерты, хорошія пьесы театральныя, и славу Богу.

Теперь явился одинъ интересъ, который занимаетъ *всѣхъ безъ исключенія*: не только въ обществахъ, въ домахъ, но и на улицахъ только и слышишь, что о нашей войнѣ съ Турками. Всѣ дивятся нашимъ неимовѣрнымъ успѣхамъ, и въ самомъ дѣлѣ, что̀ за баснословные подвиги! Какая слава Русскому имени! Но удивительно общее безпокойство, тревога, какъ будто бы дѣло шло о судьбѣ всего свѣта. Да и кто же исчислитъ слѣдствія? Между Нѣмцами есть много и безумныхъ намъ завистниковъ, но нѣтъ такихъ подлыхъ, какъ Англія. Какъ черно она поступала въ послѣднее время, а теперь омерзительно читать ихъ журналы: каждый день ищу въ газетахъ извѣстія, что Англія вымерла съ досады.

Сейчасъ разнесся слухъ, будто бы *нашъ щитъ на воротахъ Царяграда!* Если правда, то поздравляю васъ. Будто бы султанъ удавился! Пошли Богъ такую же смерть всѣмъ Англичанамъ!

*

Дрезденъ, 25 Апрѣля 1830 г.

Теперь ночь на наше Свѣтлое воскресенье, и княгиня Мещерская собрала всѣхъ Русскихъ у себя, слушать заутреню. Я остался дома писать къ вамъ. Очень мнѣ понятно, что я завтрашній день встрѣчу не тамъ, гдѣ прошлаго года; не здѣшнимъ же людямъ будетъ сказано и мое первое привѣтствіе. Перенестись въ ваше семейство, гдѣ меня окружало такое доброе и снисходительное участіе и откуда происходила такая горячая дружба—это для меня пріятнѣе молитвы, отъ которой я уже давно отвыкъ.

*

Дрезденъ, 23 Маія (1829).

Милая Авдотья Петровна, вотъ ужъ недѣля какъ я разстался съ Шевыревымъ и кн. Зинаидой. Они теперь въ Мюнхенѣ; оттуда поска-

чутъ на Югъ, я же воротился въ Дрезденъ самъ не свой. Какъ оживительно свиданіе съ людьми, которыхъ любишь! При немъ же ваши строки, посылки, письмо, такъ давно ожиданное, отъ Ивана Васильевича, Веневитиновъ, Вертеръ, столько родныхъ знаковъ и извѣстій, отрадныхъ и горькихъ, помутили мою голову, и я хорошенько не знаю, что̀ теперь наговорю вамъ. Невольно думаю и сожалѣю о прошедшемъ. Тамъ было много добра, откуда я унесъ много безцѣнныхъ сокровищъ, но тамъ же было и много унынія, мученья; нужна была перемѣна; впрочемъ объ этомъ не наговоришься, лучше разсказывать вамъ то, что̀ было недавно. Начать надобно тѣмъ, что все случилось не такъ, какъ мнѣ хотѣлось и какъ я надѣялся. Княгиня обѣщала прожить мѣсяца два въ Дрезденѣ, я готовился хозяйничать, какъ здѣшній старожилъ, катать гостей по здѣшнимъ окрестностямъ, которыя восхитительны, толковать здѣшніе антики, показывать галлерею, приготовилъ для Шевырева нѣсколько предметовъ разговора серіознаго, и все попусту. Они прожили въ Берлинѣ слишкомъ мѣсяцъ; оттуда медики прослали ихъ прямо въ Пизу, и не они заѣхали къ намъ въ Дрезденъ, а я догналъ ихъ въ Лейпцигѣ. Мы пробыли вмѣстѣ дня четыре всего на все, и большею частію въ каретѣ; ибо я провожалъ ихъ до Веймара. Княгиня показалась мнѣ добрѣе, милѣе, чѣмъ когда-нибудь. Въ Москвѣ она была слишкомъ развлечена; въ тѣсномъ же экипажѣ, между ею и Шевыревымъ, я чувствовалъ себя какъ-то свободнѣе. Когда мы съ ней прощались, ея слова̀: mon bon m. Rojealine, adieu, nous nous reverrons sûrement en Italie*) звучали какъ-то не такъ, какъ прошлаго года. Впрочемъ я сидѣлъ между ними усталый, и грустное чувство, что не удастся ничего порядкомъ выспросить, переговорить, ни однаго желанія, ни одной мысли передать другъ другу въ полнотѣ на важномъ разставаньи—это чувство дѣлало меня довольно равнодушнымъ и молчаливымъ. Можно сказать, что я только видѣлъ, какъ они пролетѣли мимо меня. Я остался неподвиженъ на своемъ мѣстѣ, и отъ нечего лучше дѣлать, думалъ, что въ этомъ есть своя поэзія.

Волконскіе съ Шевыревымъ были у Гёте. Чтожъ, былъ ли я? спросите вы съ досадою. Мнѣ не хотѣлось представляться ему, но, будучи въ Веймарѣ, жаль было и не видать его; я просилъ княгиню взять меня съ собою въ видѣ лакея, но она заупрямилась и потащила меня въ качествѣ несчастнаго переводчика Вертера. Въ этой крайности, трусость Шевырева придала мнѣ духу: я отчаянно вооружился наглостью

*) Мой добрый г-нъ Рожалинъ, прощайте; мы конечно увидимся въ Италіи.

и смѣло влетѣлъ къ старику. Онъ стоялъ посереди своей гостиной съ важнымъ министерскимъ видомъ, но, увидя нашу гурьбу, самъ испугался, и нужно было все искусство княгини, чтобы посадить его въ свою тарелку. Впрочемъ на этотъ счетъ ее предупредили: онъ всегда бываетъ очень робокъ съ иностранцами. Мы сидѣли у него слишкомъ часъ. Я могъ вдоволь насмотрѣться на него, ибо меня посадили съ нимъ рядомъ. Его черты врѣзались у меня въ памяти. Профиль при маленькомъ особенномъ изданіи Вертера чрезвычайно похожъ, но не выражаетъ и не могъ выразить живости его физіогноміи; портретъ Кипренскаго также похожъ, только, думаю, въ эдакомъ положеніи едва-ли кто-нибудь видѣлъ голову Гёте. Онъ очень важенъ, и тотчасъ можно замѣтить, что необыкновенно раздражителенъ. Взглядъ его невыносимъ и даже непріятенъ, можетъ быть отъ того, что темные глаза его обведены какими-то странными, свѣтлосѣрыми кругами и кажутся птичьими. Я видѣлъ три бюста его, сдѣланные въ разныя времена: одинъ, когда Гёте былъ въ Италіи, лѣтъ тридцати, неописанно хорошъ. Какъ идетъ къ нему этотъ уборъ кудрей, бывшій тогда въ модѣ! Стóитъ сличить эту голову съ бюстомъ Байрона, который стоитъ почти рядомъ, чтобы увидѣть, который изъ двухъ поэтовъ былъ прекраснѣе и собою и геніемъ. Другой бюстъ представляетъ Гёте лѣтъ сорока слишкомъ, и тутъ совсѣмъ другое выраженіе: таже голова иначе стоитъ на плечахъ, тѣже черты сжались, и во всемъ лицѣ есть что-то рѣзкое и важное. Въ третьемъ онъ уже старикъ, похожъ на теперешняго, но все еще рѣдкая голова. Чтожъ вамъ сказать про теперешняго Гёте? Онъ говорилъ много объ Наполеонѣ, съ которымъ былъ хорошо знакомъ, сказалъ, что онъ возилъ его Вертера всегда съ собою. Но дѣло не дошло ни до чего важнаго, ни до чего такого, гдѣ бы Гёте могъ сколько-нибудь обнаружиться. Говорила больше княгиня чѣмъ онъ; видно было однакожъ, что онъ, вопреки здѣшнимъ общимъ слухамъ, сохранилъ еще довольно свѣжести ума и много здоровья. Онъ самъ себя лелѣетъ и бережетъ, а его берегутъ еще больше: обѣ герцогини, старуха и наша Великая Княгиня, бываютъ у него аккуратно каждую недѣлю, самъ же онъ почти никуда не выходитъ. Сказывать ли вамъ, что онъ сдѣлалъ мнѣ честь освѣдомиться, куда я ѣду, и обратиться ко мнѣ съ нѣкоторыми вопросами, между прочимъ переведенъ ли у насъ Байронъ, и кѣмъ и какъ? Шевыревъ не имѣлъ этой чести, за то любезничалъ съ его belle-fille, дурной собою, но разговорчивой и любезной, и выгода едвали не на его сторонѣ. Мы пошли осматривать его антики и бюсты. Гёте не провожалъ насъ, но черезъ Мюллера, который, будучи канцлеромъ Веймарскаго государства, есть вмѣстѣ и его канцлеръ, пригласилъ меня на другой день къ себѣ. Я

не отвѣчалъ ни да, ни нѣтъ; Оттилія, belle-fille de Göthe, повторила мнѣ это приглашеніе, Мюллеръ обѣщалъ, что Гёте будетъ весьма любезенъ, и даже сердился на мою нерѣшимость, но княгиня должна была ѣхать черезъ нѣсколько часовъ изъ Веймара; мы съ Шевыревымъ разсудили, что я безъ нихъ натоскуюсь одинъ-одинехонекъ; къ томуже мнѣ не хотѣлось болѣе отсутствовать у Кайсаровыхъ; билетъ въ дилижансъ былъ для меня уже взятъ; я благодарилъ за приглашеніе и на другой день въ 2 часа утра поскакалъ въ Лейпцигъ. Вотъ вамъ подробная резенція нашего свиданія съ Гёте; разскажите объ этомъ Алексѣю Андреевичу и вашимъ. Впрочемъ интереснаго тутъ мало. Гораздо важнѣе знакомство съ Мюллеромъ, предобрымъ, кажется, человѣкомъ, который просилъ меня, т. е. позволилъ мнѣ адресоваться къ нему во всѣхъ случаяхъ, когда буду опять въ Веймарѣ. Разумѣется, ежели мои обстоятельства перемѣнятся, то я воспользуюсь его услужливостью и опять вотрусь къ Гёте.

Мы ѣхали назадъ съ Тургеневымъ (а какъ его зовутъ, не знаю), который съ вами, кажется, знакомъ и очень васъ почитаетъ[1]). Онъ хочетъ впдѣться съ Государемъ въ Берлинѣ и говорить на счетъ своего брата, но это я узналъ не отъ него. Онъ умный человѣкъ, но ужасно несправедливъ къ Россіи и ужасно пристрастенъ къ Англіи. Все это, пожалуйста, да будетъ сказано между нами.

Отъ Гёте позвольте мнѣ скачекъ къ моему Вертеру. Вы оскорбляетесь благодареніями; такъ и быть, благодарить васъ не буду, хоть и хочется. Шевыревъ показывалъ мнѣ ваше письмо къ нему; тамъ сказано между прочимъ: *Теперь боюсь и спросить, какъ изданіе Вертера ему нравится.* Не понимаю, отъ чего я такъ страшенъ, особенно въ этомъ случаѣ. Вертеръ меня очень обрадовалъ: я вообразилъ ваши дружескія общія хлопоты и вспомнилъ надъ нимъ много прошлаго. Шевыревъ увѣрялъ, что переводъ хвалили въ журналахъ, но мнѣ что-то не вѣрится: думаю, напротивъ, что его немножко побранили. Напишите мнѣ подробно, гдѣ и какъ, и не бойтесь огорчить меня: мнѣ это знать *необходимо нужно*. Ежели неизвѣстно, что переводчикъ я, то мнѣ горя мало, а кто *очень* бранилъ, тотъ самъ дуракъ. Изданіе мнѣ очень нравится; впрочемъ понимаю, какъ могъ добрый Алексѣй Андреевичъ сердиться на Семёновыхъ[2]) корректоровъ: нѣкоторыя опечатки были мнѣ досадны. Но вообще хорошо. Шевыревъ мнѣ сказывалъ, что вы перевели сами нѣкоторыя письма, которыя были мною пропу-

[1]) Это Александръ Ивановичъ.

[2]) Т. е. типографіи Августа Семёна, тогда лучшей въ Москвѣ.

щены; я избилъ весь свой экземпляръ, чтобы найти, разъ сто перечиталъ ихъ; увы! напрасно, все кажется мнѣ; назовите мнѣ, ради Бога, эти письма.

Отъ Шевырева же узналъ я объ успѣхахъ моего Васиньки*); у него, говоритъ Шевыревъ, уже прекрасный слогъ. Расцѣлуйте его отъ меня за это. Кстати, у меня есть просьба на его счетъ къ вамъ и къ Алексѣю Андреевичу. Учите его по гречески; теперь пора, дайте ему только учителя хорошаго и умнаго, напр. Ежевскаго. Повѣрьте, этотъ языкъ важное дѣло. Поддерживайте охоту Васиньки сначала (что̀ нетрудно, подстрекнувши его самолюбіе), а какъ скоро онъ доберется до Геродота и Гомера, то самъ не отвяжется. У него есть воображеніе, и онъ полюбитъ простую, но огромную, разнообразную и естественную повѣсть отца исторіи и отца поэзіи. Кто не восхищался ими съ молоду, тотъ *никогда* не пойметъ ихъ, а это потеря важная. Къ томужъ, отъ чего мы остаемся до сихъ поръ учениками Нѣмцевъ? Именно отъ того, что не получаемъ заранѣ классическихъ познаній, которыя суть основа всѣхъ историческихъ, а на исторію вѣдь все сводится; мы только и знать можемъ, что одну исторію. Но вотъ ужъ я занесъ свою дичь; извините и ее, и мою просьбу; но все это сказано отъ глубокаго убѣжденія. Пока мы не принесемъ своего сужденія, своего толку въ разборъ древнихъ, до тѣхъ поръ по необходимости будемъ повторять, передражнивать Нѣмцевъ. Греческій языкъ ничему не помѣшаетъ, какъ кажется, а только пріучитъ къ труду, внимательности, глубокости, точности, качествамъ, которыя у Русскихъ, къ несчастію, слишкомъ рѣдки. Польза будетъ огромная, во всѣхъ случаяхъ, для Васиньки, подарите ли вы его литературѣ, или посвятите службѣ. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Напишите мнѣ, какъ вы объ этомъ думаете, какъ думаютъ Алексѣй Андреевичъ и Иванъ Васильевичъ, и не мѣшаетъ ли что-нибудь этому. Тогда поговорю съ вами побольше объ этомъ предметѣ, напишу цѣлое письмо.

Вы все безпокоитесь о моемъ здоровьѣ, но Шевыревъ вамъ описывалъ изъ Пизы, какимъ нашелъ меня: *я ему ничего не запрещалъ*. Но письма̀ его, быть можетъ, вамъ придется еще долго дожидаться, и потому спѣшу васъ успокоить, умолять, чтобъ вы не тревожились. Я совсѣмъ здоровъ; это не значитъ здоровъ какъ Геркулесъ; напротивъ, вижу, что я долженъ беречь себя и вести жизнь самую правильную, но случайная болѣзнь моя прошла уже давно, и весна для меня благодѣтельна: я много гуляю, ложусь въ девять часовъ, встаю въ пять,

*) Василій Алексѣевичъ Елагинъ. Ему тогда шелъ 11-й годъ отъ роду.

не пью ни вина, ни кофе. Вообще въ сравненіи съ тѣмъ, каково мнѣ было прошлаго года, теперь гораздо лучше: тогда у меня вовсе не было апетита, я питался почти однимъ супомъ и безпрестанно спалъ; теперь гораздо, несравненно лучше. Умѣренность опять пошла спорить съ жадностью, и не всегда-то безъ труда одерживаютъ верхъ движеніе и здѣшній воздухъ.

*

Карлсбадъ, 16 Іюля (1829).

Я вамъ, кажется, писалъ, что мы собирались въ Прагу. Мы тамъ были. Это городъ прекрасный, втрое больше и несравненно лучше Дрездена; наполненъ дворцами богатыхъ Богемскихъ господъ. Особенно замѣчательна одна часть его, называемая Рачинъ (Градчина) и составляющая родъ Кремля; тамъ огромный и прекрасный дворецъ императора, архіепископа, графа Чернина и соборъ самой странной и красивой готической архитектуры, какую я видывалъ въ Германіи. Внутренность его вся изъ мрамора, рака святаго Непомука изъ литого серебра, поддерживаемая четырьмя ангелами также изъ литого серебра и гораздо богаче и сдѣлана съ гораздо бо̀льшимъ вкусомъ, нежели рака Александра Невскаго въ Петербургѣ. Хотѣлъ бы я вамъ подробно описать замокъ и садъ Валленштейна, домъ, гдѣ долго жилъ знаменитый астрономъ Тихо-де-Браге, разсказать, какъ хорошъ видъ на Прагу съ Рачина и съ великолѣпнаго моста черезъ Молдаву; но это невозможно: не достало бы почтоваго листа. Прибавлю только одно, что Прага мнѣ показалась очень похожею на Москву: такое же множество церквей (ихъ слишкомъ 100, какъ намъ сказали), огромныхъ партикулярныхъ домовъ и, наконецъ, такая же пестрота народа, черни и знатныхъ баръ, пестрота, которая была особенно разительна въ то время, какъ мы тамъ были, т. е. на праздникѣ св. Непомука. Это первый святой у Богемцевъ, такъ какъ у насъ Николай Чудотворецъ, и пилигриммы сходились въ Прагу со всѣхъ сторонъ огромными толпами, въ праздничныкъ платьяхъ, съ пѣніемъ, хоругвями и статуей Непомука, наряженной какъ кукла; это показалось очень соблазнительнымъ нашему Русскому человѣку.

Здѣсь теперь слишкомъ 1500 пріѣзжихъ, а въ этомъ числѣ пропасть Русскихъ: Гудовичъ, три Голицына съ семействами, Шуваловы, Куракины, Блудовъ, Киселевъ, и пр. и пр. Здѣсь также бывшая императрица острова С. Доминго, жена императора Христофора, убитаго въ тамошнюю революцію. Многіе нарочно пріѣзжаютъ сюда, чтобы ее видѣть: она черна, какъ смоль, но преумная и прекрасно говоритъ

по французски и по итальянски. Ждемъ и нашу Великую Княгиню, герцогиню Веймарскую.

Мнѣ пишутъ изъ Рима, что князь Гагаринъ желалъ бы имѣть меня у себя и спрашиваетъ, согласенъ ли я? Волконская увѣряетъ, что онъ человѣкъ прекрасный и ручается за спокойствіе, удобство и веселье. Ея собственный домъ для меня отворенъ.

*

Теплицъ, 17 Августа (1829).

Въ морѣ были мы пять дней. Поклонитесь отъ меня Александру Никитичу*) и скажите, что я не разъ вспоминалъ о немъ на нашемъ пароходѣ, но не испыталъ дѣйствительности его лекарства отъ морской болѣзни, потому что не имѣлъ сей послѣдней. Это не значитъ, чтобы насъ не качало; нѣтъ, мы почти во все время имѣли сильный противный вѣтеръ и часовъ 12 довольно сильной бури недалеко отъ Аланды, я не могъ заснуть въ своей каютѣ, вообще покойной и прекрасной (буря поднялась ночью). Я вышелъ на палубу, увидѣлъ себя съ кораблемъ въ черной безднѣ, кругомъ страшныя горы волнъ; пароходъ то ложился совсѣмъ на бокъ, то окунался въ воду кормою или носомъ; сломило одну мачту; я самъ упалъ раза три, прежде нежели успѣлъ ухватиться за какое-то колесо; но вообще буря не испугала меня: напротивъ, въ первую минуту я засмѣялся, увидя фигуру Лобанова, одного изъ нашихъ дурныхъ стихоплетовъ: онъ былъ въ отчаяніи, стоялъ блѣдный и дрожащій и молился Богу. Къ томужъ я былъ слишкомъ занятъ наблюденіемъ этой необыкновенной сцены, и для страха не было времени. Какъ удивительны проворство и вмѣстѣ съ тѣмъ согласіе, спокойствіе во всѣхъ движеніяхъ Англійскихъ матросовъ! Къ несчастію, капитанъ всѣхъ насъ прогналъ внизъ, гдѣ несносный скрыпъ, стоны пассажировъ отъ страха и тошноты, сильная качка не давали возможности заснуть. На другой день никто не могъ подняться съ постели, но я былъ какъ ни въ чемъ; всѣ приписывали это слабости моего сложенія, а я поздравлялъ себя здоровьемъ. Вотъ единственное приключеніе нашего морскаго путешествія; вообще оно было очень покойно. Въ послѣдніе два дни стало тепло, тихо, ясно; я море полюбилъ до страсти и готовъ, пожалуй, хоть вокругъ свѣта. Какъ хорошъ островъ Борнгольмъ съ своими развалинами! Какъ угрюмъ островъ Рюгенъ! Какъ веселы берега острововъ Датскихъ! На нашемъ пароходѣ помѣщалось 100 человѣкъ пассажировъ, не считая экипажа, и онъ 10 днями обогналъ другіе корабли, вышедшіе вмѣстѣ

*) Молодому князю Волконскому.

съ нами изъ Петербурга. Въ Травемюнде мы жили болѣе трехъ недѣль, но я не бралъ морскихъ ваннъ, ибо послѣ нѣсколькихъ разъ пробы увидѣлъ, что они необыкновенно горячатъ. Для нихъ съѣзжается сюда въ Іюлѣ мѣсяцѣ до 800 человѣкъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ чрезвычайно полезны. Не видавъ Голштиніи, особенно Датскихъ владѣній (куда мы ѣздили моремъ), вы не можете себѣ представить, что̀ значитъ благоденствіе крестьянъ, цвѣтущее состояніе земли. Это одинъ безпрерывный садъ, особенно ближе къ морю. Я удивлялся, входя въ крестьянскія жилища: домы каменные, прочные, огромные, съ садами тѣнистыми, съ обширными огородами, со множествомъ земли и скота! За то, проѣхавъ Гамбургъ, вы разочарованы на счетъ Германіи: въ Ганноверѣ, Брауншвейгѣ, Пруссіи вы видите бѣдность (особенно въ Ганноверѣ) и даже въ православной Саксоніи не много утѣхи для того, кто видѣлъ Голштинію. Правда, большія дороги вездѣ хороши, но какое нищенство! На каждой милѣ застава, и за каждую милю проѣзда по шоссе извощикъ долженъ платить слишкомъ два рубля на наши деньги (такъ въ Прусскихъ владѣніяхъ, въ другихъ мѣстахъ немного меньше). И какая тоска ѣхать по здѣшней почтѣ! Отъ Гамбурга до Дрездена (50 миль или 350 верстъ) она ѣдетъ 6 дней и останавливается у каждаго кабака, а кабаковъ здѣсь и счету нѣтъ. Какая гадкая вездѣ пища! Хорошаго бифштекса или супу не достанешь ни за какія деньги, а лягушки и улитки здѣсь значатъ тоже, что̀ у насъ рябчики. Изъ всѣхъ городовъ Нѣмецкихъ, мною видѣнныхъ (Любека, Гамбурга, Люнебурга, Юльцена, Брауншвейга, Гельберштадта, Гале, Лейпцига, Мейсена и Дрездена) нравится мнѣ особенно Гамбургъ. Альтона, которая составляетъ съ нимъ какъ-бы одинъ городъ, несравненна: это одинъ дивный бульваръ съ переулками, но только деревья не стриженныя и не липы, а огромные каштаны. Зданія прекрасны. Мѣстоположеніе Мейсена въ горахъ чрезвычайно живописно; здѣсь замѣчательны огромный маркграфскій замокъ и соборъ, существующіе 700 лѣтъ; въ первомъ помѣщается нынче славная фарфоровая Саксонская фабрика, въ которой я былъ; тамъ много рѣдкаго во всѣхъ родахъ фарфоровыхъ издѣлій, особенно вазы и подносы.

*

Дрезденъ, 13 Сентября (1829).

...Вы уже вѣрно знаете, отчего онъ*) замедлилъ быть въ Дрезденѣ, долго проживъ въ Варшавѣ и Бреславлѣ. Сюда пріѣхалъ 25 Августа, но проискалъ меня понапрасну весь слѣдующій день, и уже 27 встрѣтились мы случайно на мосту, идучи оба въ театръ. Я увидѣлъ его

*) Петръ Васильевичъ Кирѣевскій.

первый и не нашелъ въ немъ ни малѣйшей перемѣны: также здоровъ, свѣжъ, полонъ и, что̀ всего лучше, нисколько не унылъ и не печаленъ. Боится этого въ будущемъ; но время побѣжитъ быстрѣе, чѣмъ онъ думаетъ, занятія увлекутъ его также сильнѣе, чѣмъ онъ думаетъ, и если только будетъ спокоенъ на вашъ счетъ, то вѣрно тоска не посѣтитъ его въ Минхенѣ.

Въ самый первый вечеръ нашего свиданія мы раздѣлили съ нимъ такое наслажденіе, для котораго хотѣлось бы перенести сюда по воздуху и васъ, и всѣхъ вашихъ, и всѣхъ нашихъ: *давали Фауста*. Кто-бъ сказалъ, что онъ удастся? А эфектъ былъ неимовѣрный, и Мефистофель и Гретхенъ хороши *до нельзя лучше*. Выходя изъ театра, Петръ Васильевичъ сказалъ, что онъ, наконецъ, видѣлъ и театръ, и трагедію. Я радовался, что онъ на моихъ глазахъ вкусилъ, по крайней мѣрѣ, Vorschmack[1]) того, что̀ ждетъ его въ Минхенѣ, гдѣ первая труппа Германіи и первый актеръ ея Эслеръ; спѣшилъ дать ему и другой Vorschmack, и на слѣдующій же день мы отправились въ Тарантъ, а на третій въ Саксонскую Швейцарію; авось онъ вспомнитъ это путешествіе, когда будетъ въ настоящей. Оно взяло у насъ три дни, и мы старались сдѣлать его какъ можно разнообразнѣе: день ѣхали въ коляскѣ, день шли пѣшкомъ и воротились Эльбою. Вы эти мѣста, вѣроятно, знаете изъ описанія Жуковскаго. Пѣшіе мы сдѣлали—подивитесь!—6 миль почти однимъ духомъ и, надо признаться, замучили бѣднаго Петра Васильевича: еще не привыкнувъ карабкаться по горамъ, онъ часто говорилъ *чортъ возьми*, запыхивался, но между тѣмъ смѣялся, восхищался, и мы, вспоминая Ивана Васильевича, воображали себѣ, какъ бы онъ проклиналъ насъ вмѣстѣ съ Швеціаріей, проходя сквозь узкія ущелья сажень въ 100 глубины и подымаясь вчетверо выше. Кончились все же этимъ наши досадные Abentheuer?[2]) спросите вы, разсердившись. Только не сердитесь, потому что послѣ нихъ у насъ бывалъ хорошій чай, даже съ хорошимъ ромомъ въ сырую погоду, а тамъ для Петра Васильевича наставалъ его богатырскій двѣнадцатичасовой сонъ.

Разставшись въ первый разъ на долго съ однимъ изъ вашихъ, отдѣливши на время такой перлъ отъ вашего дорогого ожерелья, чего вы ни боитесь, чего, вѣроятно, ни придумываете? Не тужите много, не безпокойтесь. Я нашелъ Петра Васильевича несравненно разговорчивѣе, развязнѣе прежняго; онъ уже сдѣлалъ нѣкоторыя знакомства,

---

[1]) Предвкушеніе.

[2]) Приключенія.

даже съ дамами. Унынія, повторяю вамъ, я не замѣтилъ въ немъ никакого. Да и его ли простой, спокойной душѣ знать какія нибудь Grillen?[1]) Это не нашъ братъ, и я ему искренно завидую.

*

12 Ноября, Дрезденъ (1829).

...За обѣдомъ мы[2]) обыкновенно ссоримся. Она воображаетъ, что Англичане умнѣе и лучше всѣхъ народовъ на свѣтѣ, думаетъ, что мы все еще не вышли изъ учениковъ и сердится, что я этому не вѣрю. Я съ своей стороны, душевно ненавидя Англійскій характеръ, Англійскіе нравы и Англійскую политику въ Греческомъ дѣлѣ, притворяюсь равнодушнымъ ко всему иностранному, замѣчаю, что такой-то Китайскій романъ, такой-то Нѣмецкій и такой-то Англійскій весьма интересны, что лучше всѣхъ судилъ о нихъ такой-то Французъ, что императоръ Николай пристыдилъ своимъ великодушіемъ всѣ Европейскіе народы, кричу безъ умолку о нашихъ подвигахъ и доказываю (разумѣется, какъ дважды два четыре), что Остъ-Индская торговля черезъ десять лѣтъ поплыветъ сухимъ путемъ въ Россію, а черезъ три года Англія потеряетъ Остъ-Индію. Все это очень бѣситъ ее.

Но и кромѣ шутокъ, здѣсь не нахвалятся великодушіемъ Николая. Слышали ли вы, что король Баварскій написалъ ему посланіе въ стихахъ, нѣкоторые здѣшніе журналисты также и, говорятъ, скоро въ честь ему выйдетъ большая поэма?

Вы полюбили Баратынскаго? Это значитъ, что онъ стоитъ любви и что я худо зналъ его. Часто я сужу о людяхъ слишкомъ поспѣшно; особенно бываю опрометчивъ въ своихъ антипатіяхъ. Такъ случилось и на счетъ Баратынскаго.

Говорятъ, что въ Россіи стало все необыкновенно дешево. Отъ чего это? Ужъ не отъ того ли, что денегъ мало? Правда ли, что Нижегородская ярмонка была нынѣшній годъ прибыточна и жива не въ примѣръ прежнимъ годамъ? Наша Лейпциговская что-то оплошала. Правда ли, что въ Троицкую крѣпость приходятъ караваны въ тысячу верблюдовъ, что наши шелковыя издѣлія и дешевы и не уступаютъ иностраннымъ добротою? Здѣсь такъ говорятъ, и мнѣ хотѣлось бы узнать, все ли правда.

*

13 Ноября.

Объявлены ли у васъ условія нашего мира съ Турками? Четыре народа освобождены отъ жестокаго ига успѣхами нашего оружія. Какая слава для Императора и для Русскихъ! Какъ безпримѣрно его велико-

[1]) Пустыя мечтанія.

[2]) Т. е. Рожалинъ и жившая при дѣвочкѣ Кайсаровой Англичанка.

душіе! Всѣ здѣшніе журналы единогласно его превозносятъ. Король Баварскій написалъ Николаю громкое посланіе въ стихахъ; журналисты и поэты сочиняютъ ему похвальныя оды, а скоро явится въ честь ему цѣлая поэма. Даже нѣкоторые изъ Англичанъ, нашихъ подлыхъ завистниковъ, начинаютъ отдавать намъ справедливость. Знаменитый Бентамъ помѣстилъ статью въ одномъ журналѣ, Scotsman, гдѣ сказано между прочимъ: „На старости лѣтъ я надѣюсь видѣть конецъ Турецкаго тиранства и Турецкой монархіи; лучшая часть Европы и нѣсколько милліоновъ людей были бы посвящены независимости и просвѣщенію! Искренне жалѣю, что завистливая политика моей націи помѣшала Русскимъ оказать это благодѣяніе міру“.

Въ здѣшнихъ газетахъ пишутъ, будто бы послѣдняя Нижегородская ярмонка была такъ жива и прибыточна, какъ еще никогда не бывала; что Азіатцы купили у насъ бездну издѣлій, особенно полотенъ и нанки. Здѣшняя Лейпцигская ярмонка была, напротивъ того, очень плоха и именно оттого, что на ней не было ни Армянъ, ни Русскихъ. Пишутъ также, что въ Троицкую крѣпость приходятъ караваны въ нѣсколько тысячъ верблюдовъ; пріѣзжіе разсказываютъ, что цѣна хлѣба у насъ очень поднялась, а всѣ фабричныя издѣлія подешевѣли, иныя въ половину и добротою не уступаютъ иностраннымъ. Если такъ, то чего лучше? Но все ли правда, и чему вы это приписываете? Эти новости такъ всѣхъ занимаютъ, что другія кажутся уже маловажными. Извѣстія изъ Остъ-Индіи весьма безпокоятъ Англичанъ; говорятъ, тамъ готовъ вспыхнуть общій мятежъ, а войско Англійское ропщетъ, ибо правительство имѣло неосторожность значительно уменьшить его жалованье.

Говорятъ, будто Государь назначилъ Московскимъ профессорамъ по 6000 р. жалованья и далъ имъ право выписывать изъ за границы всѣ нужныя книги безъ пошлины. Коль такъ, дай Богъ ему здоровья! Профессору больше не нужно, а этимъ можно жить хорошо. Съ такими деньгами можно быть полезну и роднымъ своимъ.

Нѣсколько лѣтъ сряду умираютъ старые члены королевской фамиліи: прошлаго года, какъ я вамъ писалъ, скончалась столѣтняя вдовствующая королева; теперь царствуетъ старикъ, кажется, девяностодевятилѣтній и имѣетъ брата девяностовосьмилѣтняго. Эти старики надоѣли народу; страшные ханжи; держатся всего стараго; не хотятъ никакой перемѣны; захватили въ свои руки всѣ лѣса, всѣ мельницы и даже всѣ сальныя свѣчи; казна ихъ одна изъ богатѣйшихъ въ Европѣ, богатѣетъ безпрестанно, а народу ѣсть нечего. Одинъ старикъ умретъ, другой старикъ коронуется, и за это народъ плати ему новую

подать; черезъ годъ опять похороны, коронація и подати! Всѣ желаютъ, чтобъ скорѣе вступилъ на престолъ молодой принцъ, прекрасный молодой человѣкъ.

*

27 Декабря 1829 (Дрезденъ).

Я хорошо знакомъ съ нѣкоторыми Нѣмцами и Поляками; между послѣдними научился немного по польски и надѣюсь скоро узнать этотъ языкъ совершенно. Онъ очень легокъ для Русскаго, хоть и гораздо труднѣе Англійскаго. Меня стращали выговоромъ, но я выговариваю безъ всякаго малѣйшаго затрудненія. Поляки вообще очень любезны, ласковы и услужливы; я имѣю хорошую рекомендацію—дружбу Мицкевича, ихъ любимаго поэта, и потому принятъ ими съ откровенностью и пріязнью, которую они рѣдко оказываютъ Русскимъ. Но все таки Русскій для нихъ милѣе Нѣмца. И мнѣ Поляки кажутся не только пріятнѣе, но и благороднѣе Нѣмцевъ.

Петръ Васильевичъ Кирѣевскій ко мнѣ пишетъ изъ Мюнхена, что онъ восхищенъ тамошнимъ университетомъ, тамошними профессорами и не можетъ надивиться дешевизнѣ всего. Съ весною, ежели удастся, надѣюсь и я побывать въ Мюнхенѣ и выслушать курсъ нѣкоторыхъ профессоровъ.

И другой Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ, ѣдетъ также за границу, въ Парижъ. Не странно ли, что почти всѣ мои друзья и товарищи разъѣхались путешествовать почти въ одно время съ мною? Шевыревъ, Мицкевичъ, Соболевскій, Кирѣевскій со всѣми я здѣсь увидѣлся и, быть можетъ, обниму и остальныхъ. По крайней мѣрѣ Иванъ Васильевичъ обѣщалъ проѣхать черезъ Дрезденъ, чтобы навѣстить меня. Жду его съ нетерпѣніемъ.

Всѣ дѣлаютъ здѣсь глупыя догадки о томъ, кто будетъ королемъ Греціи; вездѣ ходитъ здѣсь смѣшной анекдотъ о Хозревъ-Мирзѣ, который, говорятъ, посватался въ Москвѣ вдругъ за трехъ дѣвицъ!!

*

7 Февраля 1830 (Дрезденъ).

Новостей у насъ никакихъ нѣтъ. Не помню, писалъ ли я вамъ о Фридрихѣ Шлегелѣ; онъ былъ здѣсь, далъ восемь публичныхъ лекцій и умеръ въ Декабрѣ. Никто о немъ не сожалѣлъ, а я меньше всѣхъ. Ничто не можетъ быть гнуснѣе того очевиднаго, безстыднаго притворства, съ какимъ онъ читалъ свои лекціи. Предметомъ ихъ была *философія жизни*; тутъ онъ говорилъ слегка обо всемъ, и обо всемъ для того, чтобы чаще повторять намъ свои Іезуитскія мнѣнія о Богѣ,

будущей жизни, ангелахъ и дьяволахъ. Однажды онъ простеръ дерзость до того, что утверждалъ, будто лордъ Байронъ не иначе могъ описать такъ вѣрно Люцифера въ Каинѣ, какъ бывъ въ непосредственныхъ сообщеніяхъ съ діаволомъ. Принимая наружность святоши, Шлегель былъ между тѣмъ самый утонченный Эпикуреецъ, отмѣнно толстъ и красенъ и умеръ отъ удара, плотно поужинавъ у своего клеврета, Тика, одного изъ самыхъ безнравственныхъ людей. Говорятъ, будто Шлегель имѣлъ тайное порученіе завести Іезуитскую школу въ Дрезденѣ и обращать въ Католическую вѣру.

Вы сожалѣете, что не мнѣ пришлось ѣхать съ кн. Волконскою: но я объ этомъ не сожалѣю нимало. Я скорѣе уживусь съ Кайсаровыми, нежели съ княгинею. Первые довольны немногимъ; Зинаида любитъ блескъ: ей нужны веселость, остроуміе, талантъ. Шевыревъ человѣкъ по ней, и я чрезвычайно за него радъ: ему будетъ весело.

*

Мюнхенъ, 20 Марта (1830).

Карамзина, вдова нашего историка, недавно сдѣлала мнѣ предложеніе черезъ Веневитинова вступить къ ней въ домъ въ качествѣ воспитателя дѣтей; обѣщаетъ деньги хорошія, по крайней мѣрѣ три тысячи. Какъ она очень коротко знакома съ Блудовымъ и Дашковымъ, то должность у ней въ домѣ, можетъ быть, пригодилась бы и для чего-нибудь важнѣйшаго. Я отвѣчалъ скоро и сообщилъ свои условія, вотъ какія: за 4000 въ годъ отдаю каждый день цѣлое утро отъ 7 часовъ до 1 часу, выговариваю себѣ одинъ день въ недѣлю совершенно свободный и прошу уволить меня отъ гувернерской должности при маленькихъ дѣтяхъ.

Здѣсь часто пугаютъ насъ страшными слухами объ Россіи, но я рѣшился вѣрить однимъ тѣмъ извѣстіямъ, которыя сообщаются Русскими газетами и потому спокоенъ. Не знаю, писалъ ли я вамъ, что здѣшній профессоръ Греческой литературы, Тиршъ, получилъ отъ нашего Государя богатый брилліантовый перстень, а жена его отличную Турецкую шаль. Это надѣлало много шума здѣсь въ городѣ, а Тиршъ нѣсколько недѣль ходилъ отъ радости безъ перчатокъ и безъ головы.

*

9 Мая, Мюнхенъ (1830).

Ивана Васильевича я обнялъ здороваго, веселаго и еще всего опутаннаго сѣтями Берлинскими; правда, что въ этихъ сѣтяхъ есть здоровыя, золотыя нити, которыя вездѣ за нимъ потянутся. Онъ въ цѣломъ свѣтѣ не найдетъ другого Риттера; за то мы часто споримъ о

достоинствѣ Ганса, который, по собственнымъ словамъ Ивана Васильевича, человѣкъ поверхностный и беретъ только краснобайствомъ. Эту мишуру онъ вѣрно скоро забудетъ въ Парижѣ.

Петра Васильевича мы нашли пополнѣлаго въ лицѣ, потолстѣвшаго въ корпусѣ, съ мужественными бакенбардами и, какъ скоро оказалось, утонченнаго въ свѣтскихъ приличіяхъ, обожающаго дамъ и любящаго общество. Онъ поминутно насъ гоняетъ къ Тютчевымъ, у которыхъ я былъ четыре раза, четыре раза не сказалъ ни слова хозяйкѣ*) и къ которымъ поэтому едва ли еще пойду. Вотъ внѣшняя перемѣна въ Петрѣ Васильевичѣ. Внутренней въ немъ быть не можетъ. Иванъ Васильевичъ приступаетъ къ нему, чтобъ читалъ съ выписками, чтобъ записывалъ лекціи и чтобъ вообще больше писалъ. Объ этомъ у нихъ толки каждый вечеръ; я поттакиваю, да прибавляю съ своей стороны, чтобъ онъ покрѣпче засѣлъ за Латынь. Такъ-то мы мучимъ его бѣднаго; жаль, да дѣлать нечего.

Мы были у Шеллинга на дому два раза. Въ первый разъ, послѣ долгой нерѣшимости и съ большимъ страхомъ, пошли съ Иваномъ Васильевичемъ проситься къ нему на лекціи и тутъ сидѣли у него минутъ пять, впродолженіи которыхъ онъ сказалъ мало интереснаго или, лучше сказать, ничего. Въ другой мы ходили всѣ трое записываться въ его списокъ; онъ былъ занятъ и даже не посадилъ насъ, но вчера звалъ насъ къ себѣ черезъ Петра Васильевича, который пробылъ съ нимъ цѣлый вечеръ съ глазу на глазъ и принесъ назадъ много замѣчательныхъ словъ. Нѣмецкое просвѣщеніе, сказалъ онъ между прочимъ, развивается такъ быстро по Европѣ, что невозможно разчислить, какъ далеко пойдутъ Французы, Русскіе и Нѣмцы и, національное ихъ различіе должно скоро совершенно изгладиться въ наукахъ.

Иванъ Васильевичъ все стращалъ насъ скорымъ отъѣздомъ; но Соболевскій и Тютчевъ представили ему, что въ Парижѣ лѣтомъ дѣлать нечего, и онъ рѣшился остаться здѣсь на нѣсколько времени, чтобы слышать Шеллинга. И въ самомъ дѣлѣ, непростительно было бы торопиться къ Cousin *мимо* Шеллинга, особенно, когда проѣзжаешь черезъ Мюнхенъ.

Мы ждемъ Соболевскаго, который 5 Мая долженъ быть въ Страсбургѣ и оттуда обѣщалъ навѣстить насъ. Какъ бы не увезъ Ивана Васильевича въ Швейцарію!

---

*) Первой супругѣ Ѳ. И. Тютчева, рожденной графинѣ Бодмеръ, матери трехъ старшихъ дочерей его. П. Б.

*

Мюнхенъ, 16 Іюля (1830).

У насъ былъ Соболевскій. Вчера только уѣхалъ. Прожилъ здѣсь цѣлый мѣсяцъ, и въ этотъ мѣсяцъ мы всѣ, кажется, мало сдѣлали путнаго. Шумѣлъ, кричалъ, вертѣлся, разсказывалъ, издавалъ строгіе законы для нашего общества и всячески наказывалъ ослушниковъ, а чаще другихъ меня, который постоянно находился въ *ребелліи;* такъ въ хохотѣ и шалостяхъ прошли тридцать дней. Между тѣмъ онъ не упустилъ ни одного своего дѣла и отправилъ въ разныя стороны писемъ дюжины съ полторы! Завидное проворство, котораго я не имѣю. Простите насъ бѣдныхъ. Впрочемъ, хоть и много я претерпѣлъ отъ Соболевскаго, однакожъ жаловаться на него было бы грѣшно: своей хлопотливостью онъ насъ оживилъ; работа закипитъ у насъ подъ руками пуще прежняго, а у меня есть и другая причина радоваться, что его видѣлъ. На другой же день его здѣсь пребыванія онъ умѣлъ проговориться, гуляя со мною, и открылъ мнѣ такія вещи, которыя были всѣми рачительно отъ меня скрыты. Не пеняйте ему за это, когда его увидите или когда вамъ случится писать къ нему. Тяжело было слышать всѣ эти новости, но съ другой стороны очень сладко думать о вашемъ всегдашнемъ и неизмѣнномъ участіи. Когда-то мнѣ удастся доказать вамъ, что я не совсѣмъ его недостоинъ!

Что̀ вамъ разсказать еще о Соболевскомъ? Разсказывать надобно, потому что онъ былъ центромъ, около котораго вертѣлась вся наша исторія въ прошедшій мѣсяцъ. Онъ все тотъ же Соболевскій, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова; на зиму однакожъ хочетъ ѣхать въ Россію, съ тѣмъ чтобъ перемѣниться. Съ Полевымъ и Погодинымъ онъ будетъ говорить вы, фраки носить Англійскіе, прическу Французскую, не пить ни капли вина, знаться только съ большимъ свѣтомъ и пр. Вы увидите прежде насъ, сбудутся ли всѣ эти вѣроятности. За то во мнѣ онъ нашелъ большую перемѣну. Для моей мины найдено особенное слово: изверженіе, и какъ скоро Соболевскому доносится, что Рожалинъ извергалъ, то Соболевскій и начинаетъ кричать, такъ что стѣны трясутся и у нашего дома собирается толпа любопытныхъ. Однажды ввечеру, какъ собакою, онъ преслѣдовалъ меня по всему Мюнхену: проходилъ дозоръ и хотѣлъ остановить насъ; онъ залаялъ на полицію, и полиція бѣжала. Такими средствами онъ довелъ меня наконецъ до совершеннаго послушанія. Напр. я улыбался всякій разъ, какъ онъ прикажетъ. Для вящшаго же моего исправленія онъ намѣренъ посѣтить меня еще осенью.

Впрочемъ Ивану и Петру Васильевичу онъ обѣщалъ дать рекомендательныхъ писемъ въ Парижъ. Въ серіозныя минуты мы разспрашивали его о положеніи умовъ во Франціи, и онъ увѣрялъ, что тамъ все очень спокойно, и никто не ждетъ ничего опаснаго. Газеты подтверждаютъ слова Соболевскаго. Министерство покрылось славою: Альжиръ взятъ, 5 Іюля въ полдень. Дошло ли до васъ это извѣстіе? Всѣ, знающіе Францію, предсказываютъ навѣрное, что тамъ дѣла кончатся мирно. Та или другая сторона уступаетъ добровольно.

Письмо И. В. Кирѣевскаго къ матери *).

2 (14) Іюня (1830). Мюнхенъ.

Третьяго дни пріѣхалъ Соболевскій, который пробудетъ здѣсь около недѣли и отправляется опять въ Италію; мы сговариваемся поѣхать по окончаніи семестра въ Швейцарію и пройти ее вмѣстѣ; туда же онъ выписываетъ и Мицкевича, и очень немудрено, что это и состоится. Соболевскій такой же славный малый, какъ и былъ и кромѣ нѣкоторыхъ Европейскихъ перемѣнъ въ манерахъ, совершенно тотъ же (сейчасъ и онъ принесъ къ вамъ письмо, слѣдовательно лучше всего будетъ говорить самъ объ себѣ). Время наше идетъ по прежнему, кромѣ того, что мы съ братомъ еще учимся поитальянски и уже взяли вчера и третьяго дни два урока; учитель нашъ здѣшній профессоръ Итальянской словесности il cavaliere Guiseppe Mattei, будетъ ходить къ намъ два раза въ недѣлю, по Субботамъ и Воскресеньямъ; братъ теперь весь въ Итальянскомъ языкѣ, безпрестанно говоритъ поитальянски, и вчера уже они съ Соболевскимъ сочинили Итальянскіе сонеты въ похвалу небу Итальянскому, которое, между прочимъ, и здѣсь иногда на насъ поглядываетъ своею густою и яркою синевою.

Тютчевы, вѣроятно, до зимы останутся въ Петербургѣ, а зимою, можетъ быть, пріѣдутъ и къ вамъ въ Москву, и вамъ будетъ, вѣрно, весело познакомиться съ ними, потому что они всегда были со мною милы, какъ нельзя больше.

Дни четыре тому назадъ сюда пріѣхалъ изъ Италіи король, былъ встрѣченъ громкими виватами и уже ходилъ по городу въ двухъ великолѣпныхъ процессіяхъ; вчера, между прочимъ, было ежегодное торжественное подтвержденіе владѣтельныхъ грамотъ здѣшняго дворянства, и всѣ они потомъ ходили въ процессіи по улицамъ въ древнихъ рыцарскихъ платьяхъ; это было бы очень интересно, если бы удовольствіе видѣть Нѣмецкія рожи въ рыцарскихъ платьяхъ не было перевѣшано

*) Нашлось между письмами Рожалина. П. Б.

неудовольствіемъ быть промочену проливнымъ дождемъ; поэтому мы и рѣшили государственнымъ совѣтомъ, что гораздо интереснѣе остаться дома на сухѣ.

*

8 Августа Мюнхенъ (1830).

Шеллинговы уроки стали особенно интересны. Вообразите себѣ древняго Платона, вооруженнаго всѣми успѣхами, какія сдѣлала наука съ его времени, доказывающаго языкомъ самымъ поэтическимъ безсмертіе души и необходимость принять всѣ догматы Откровенія; таковъ теперь Шеллингъ. Какъ жаль, что нельзя свести на его лекціи всѣхъ тѣхъ Русскихъ, которые боятся его какъ Антихриста! Онъ читаетъ ввечеру, и у него въ классѣ мы отдыхаемъ отъ работы цѣлаго дня, часто сухой. Кирѣевскіе занимаются здѣсь особенно естественными науками, я филологіей. Ей думаю посвятить исключительно и два мѣсяца ваканцій, которыя скоро начнутся: буду брать приватные уроки у Франца, одного изъ здѣшнихъ профессоровъ Греческой словесности.

Кирѣевскіе скоро оставятъ Мюнхенъ. Я буду единственный Русскій въ Мюнхенѣ. Прежде, не считая посланника, насъ было шестеро; двое Кирѣевскихъ, я, Тютчевъ, Ма.... и еще одинъ Лифляндецъ Кроссъ. Вообще нынѣшній годъ была необыкновенная пестрота въ Мюнхенскомъ университетѣ: Греки, Армяне, Жиды, Итальянцы, Французы, Англичане, Поляки, Русскіе, Валахи, Молдаване, Бразильцы, Сѣверные Американцы, словомъ народы всѣхъ странъ міра были здѣсь собраны. Студентовъ считалось слишкомъ 2000.

Шеллингъ обходится съ нами какъ нельзя учтивѣе. Недавно былъ у него великолѣпный вечеръ, на который и мы приглашены были. Онъ принялъ насъ отлично хорошо и даже показалъ намъ какое-то отличіе передъ другими молодыми людьми, тутъ же бывшими, своимъ постояннымъ вниманіемъ, разговоромъ. Къ знакомствамъ нашимъ можно также причислить одного Греческаго архимандрита Палеолога, который живетъ здѣсь проѣздомъ; Боццариса, сына извѣстнаго Греческаго героя, двухъ Поляковъ, графа Гуровскаго и Потоцкаго, и одного Валаха Врону. Но послѣдніе всѣ таковые, которые учатся здѣсь по нашему и съ которыми мы видимся больше на лекціяхъ, чѣмъ по домамъ.

*

17 Августа (1830).

Пріѣхалъ въ Мюнхенъ какой-то Грекъ, который называетъ себя Палеологомъ, былъ въ Русской службѣ полковникомъ, теперь архимандритомъ и путешествуетъ съ молодой Гречанкою Катериной Ивановной Попандополо, воспитанницей какой-то княгини Голицыной. Они познакомились съ нами и отняли много времени.

Вы часто писали ко мнѣ о безсмертіи души; я многогрѣшный, сколько помнится, ни разу не отвѣчалъ вамъ на эту статью. Не бойтесь, мы здѣсь не въ худой школѣ. Шеллингъ недавно доказывалъ намъ и безсмертіе души, и все прочее, что̀ съ этимъ понятіемъ связывается, доказывалъ такъ, что я не находилъ возраженій. Какъ жаль, что Алексѣй Андреевичъ его не слышитъ! Иногда онъ бываетъ истиннымъ поэтомъ на своей каѳедрѣ; за то иногда—нѣтъ, лучше, что Алексѣй Андреевичъ не посѣщаетъ его лекцій—иногда онъ отмѣнно сухъ, отмѣнно растянутъ, особенно какъ примется за своихъ противниковъ. Недавно длинное руганье якобы заключено было громогласнымъ: imbécile. Частехонько мы трое посматриваемъ другъ на друга и шепчемъ: Дафольно, Карлъ Ифанычъ.

Видите, что не только на православной Руси умѣютъ быть учтивыми, не одинъ Булгаринъ и Полевой. Собираюсь на дняхъ переслать Алексѣю Андреевичу (разумѣется между прочимъ) нѣсколько обращиковъ тѣхъ комплиментовъ, которыми обыкновенно потчуютъ другъ друга здѣшніе знаменитые ученые. Только предупреждаю: да прочтется письмо мое послѣ добраго завтрака; на тощахъ стошнитъ.

Какъ сладко было намъ читать о торжествѣ Погодина, объ этихъ рукоплесканіяхъ и этихъ *браво*, которые точно *въ первый разъ* раздались въ Университетѣ! Молодецъ Погодинъ, расшевелилъ нашу публику. Когда жъ онъ ѣдетъ? Неужели онъ вамъ не сказывалъ, думаетъ ли быть въ Мюнхенѣ? Мнѣ бы отмѣнно хотѣлось его видѣть. Вѣсть объ успѣхѣ его рѣчи оживила душу, разсѣяла, по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени тяжелое чувство, съ которымъ желаешь иногда Русскимъ нѣсколько капель Нѣмецкой крови, чтобы съ нею втекли въ нихъ терпѣніе, просвѣщеніе и участіе къ литературѣ.

* 2 Генваря 1831 (Мюнхенъ).

Здѣсь новый годъ насталъ съ самыми дурными предзнаменованіями. Какъ-бы встрѣтили его безъ нихъ! Кто знаетъ, что̀ будетъ съ весною? Времена самыя смутныя: ничего нельзя предвидѣть; до Марта многое можетъ перевернуться, въ Апрѣлѣ Нѣмцы не знаютъ, что̀ съ ними станется. и хотя Мюнхенъ есть самый безопасный городъ Германіи, даже и во время войны, однакожъ вы бы вѣрно не были покойны, когда такъ безпокоились лѣтомъ.

Вотъ и въ нашемъ тихомъ Мюнхенѣ, благодаря пьяной полиціи и пьянымъ студентамъ, были также безпорядки, которые чуть было не сдѣлались весьма непріятными для меня. Наканунѣ Рождества жандармы схватили толпу студентовъ, которая громко пѣла ночью подъ окнами своего больного товарища и, вопреки студенческимъ правамъ, заперли

ихъ въ тюрьму. Съ тѣхъ поръ цѣлыя шайки студентовъ расхаживали каждую ночь по городу, останавливались передъ гауптвахтами и насмѣхались надъ полицейскими солдатами. 30 числа ночью было особенно шумно. Множество черни собралось на главной улицѣ изъ любопытства, видя необыкновенное собраніе студентовъ и желая знать, что̀ изъ этого будетъ. Вся эта толпа была окружена съ разныхъ сторонъ національной гвардіей и кирасирами; кололи и рубили всѣхъ безъ разбора; тутъ потеряли носы многіе невинные, шедшіе домой и которымъ не было другой дороги, а кончилась потѣха тѣмъ, что однихъ понесли въ госпиталь, другихъ развели по тюрьмамъ и гауптвахтамъ. На другой день вышелъ указъ: всѣ иностранцы, принадлежащіе къ Университету, выѣзжай изъ Минхена въ 24 часа! А иностранца-то ни одного и не было въ цѣлой толпѣ захваченныхъ. Этой проскрипціей иностранцевъ Мюнхенцы были обязаны глупому Польскому бунту. Но что̀ было для меня всего досаднѣе, такъ я долженъ былъ идти кланяться Тютчеву, чтобы узнать, надо ли мнѣ выѣзжать вмѣстѣ съ другими иностранцами. Къ счастью, король отмѣнилъ свой приказъ и, разобравъ дѣло, нашелъ виноватыми только десятка три, именно Мюнхенскихъ студентовъ. Но увы, слѣдствіемъ перваго принужденнаго визита къ Тютчевымъ было то, что я вчера ходилъ къ нему съ поздравленіемъ, да потомъ на обѣдъ! Тутъ онъ былъ Русскимъ министромъ и Русскимъ дворяниномъ, я Русскимъ нищимъ, и этотъ день наполнилъ меня такимъ унынiемъ, что я слѣды его чувствую еще сегодня: ничѣмъ не могу заняться и точно какъ боленъ.

Иванъ Васильевичъ пишетъ, что мнѣ открыта каѳедра, бывшая Мерзлякова; но вѣдь вы мнѣ еще прежде писали, что Жуковскій обѣщалъ дать ее Шевыреву, и я немедленно тогда сообщилъ ему это, прося отвѣчать вамъ какъ можно скорѣе и рѣшительно. Онъ, кажется, отказывается: онъ, который и по своему таланту, и по всему для нея созданъ. Какъ же можно мнѣ быть такъ дерзкимъ, чтобъ занять ее! Нѣтъ, мнѣ страшно; я чувствую и ясно вижу, что еще далеко не созрѣлъ для каѳедры. Лестно мнѣ знать, что вы мнѣ ея желаете, и жаль и стыдно, что все еще не могу исполнить вашихъ желаній. Да притомъ же эта каѳедра *непремѣнно* должна принадлежать Шевыреву. А мои занятія взяли здѣсь совсѣмъ другое направленіе.

*

Римъ, 30 Генваря 1831 г.

Какъ я радъ, что у васъ былъ Жуковскій. Все таки выполнено хоть одно желаніе вашего сердца. Не жалуйтесь на его холодное спокойствіе: счастливъ и великъ, кто можетъ, какъ онъ, предаться совсѣмъ цѣли своего назначенія и немножко охладѣть ко всему прочему.

Впрочемъ я согласенъ съ вами: совершеннаго счастія нѣтъ въ этомъ спокойствіи, какъ во всякомъ пожертвованіи. Я много думалъ о будущей жизни въ послѣднее время и ничего не рѣшилъ для себя. Несправедливо было бы, еслибъ ея не было, но она не стоитъ нашихъ желаній, если и тамъ надо быть спокойнымъ, мудрымъ. Съ другой стороны огонь восторга не согласенъ съ вѣрностію: онъ бы сжегъ душу, и мы бы исчезли въ немъ.

*

Римъ, 2 Іюля.

Пріѣхалъ я сюда съ самыми благополучными предзнаменованіями, въ самый Петровъ день, нужды нѣтъ что католическій: пусть порадуется этому Петръ Васильевичъ, котораго я душевно поздравлялъ тогда, равно какъ и васъ всѣхъ. Едва успѣвши обнять Шевырева, я былъ потащенъ имъ и княгиней на славную иллюминацію Св. Петра и Ватикана, точно волшебную, хотя она и была немножко испорчена дождемъ. И такъ видите, что мой въѣздъ былъ самый торжественный. Но этимъ еще не кончились первыя впечатлѣнія: на другой день мы были на Monte Celio, на Forum, въ Coloseo, въ Капитоліи. Однакожъ я не въ состояніи ничего описать вамъ: видѣлъ слишкомъ много вдругъ, видѣлъ отчасти противъ воли, и потому въ полу-видѣлъ. На каждомъ мѣстѣ передъ каждымъ памятникомъ я спрашивалъ Шевырева: чтожъ мнѣ дѣлать? оставаться ли въ Римѣ или ѣхать въ Россію? ибо письмо Веневитинова ужъ дожидалось меня въ Римѣ: Карамзина подписываетъ всѣ мои условія. Рѣшился ли я наконецъ? спросите вы. Право не знаю, хоть и надо непремѣнно рѣшиться къ завтраму. Въ душѣ все говоритъ за Русь, и дружба, и страхи; но Шевыревъ, такъ вѣрно и здравый разсудокъ, говорятъ противъ. Вступить къ Карамзинымъ, думалъ онъ, нельзя на короткое время: едва вступивши, ихъ оставить, было бы измѣной еще хуже, нежели отказаться теперь; закабаливать себя на нѣсколько лѣтъ, на нѣсколько лѣтъ отказаться отъ утра, значило бы въ себѣ отчаяться или себя бросить, не говоря о здоровьѣ. Увидимъ, что завтра напишетъ перо къ Веневитинову. Только невозможность воротить письмо съ почты рѣшитъ меня. Не смѣйтесь, дорогая Авдотья Петровна. Какъ мнѣ не путаться, когда вы въ насъ извѣрились! Не вы ли писали, что всѣ ваши надежды на насъ исчезли? Пока васъ не увижу, это слово будетъ мучить меня каждый день. По настоящему, послѣ него я бы долженъ все бросить и ѣхать опрометью въ Россію. Мы всѣ такъ привыкли мысль о нашихъ успѣхахъ соединять съ мыслію о вашемъ участіи, удовольствіи, ожиданіи, что безъ этого мы какъ будто безъ цѣли, безъ связи между собою. И почему же на насъ всѣхъ? Петръ Васильевичъ пишетъ, что безпрестанно тру-

дится, что многое ужъ сдѣлалъ; Иванъ Васильевичъ также; чтожъ могло поселить въ васъ эту тяжкую для насъ разувѣренность? Мнѣ кажется, не надобно требовать, чтобъ все предстало, поспѣвало скоро. Русскимъ трудно на свѣтѣ; но добрая, твердая воля ручается за все, и ей можно сколько-нибудь вѣрить. Признаюсь вамъ, что по этому я и въ своей будущей *полезности* не отчаяваюсь, хотя и разстался съ большей частью человѣческихъ надеждъ.

Угрюмости, нелюдимости Ивана Васильевича не приписывайте перемѣнамъ въ его сердцѣ: я готовъ поручиться, что это состояніе въ немъ не продолжится, и происходитъ единственно изъ того, что онъ крѣпко чѣмъ-нибудь занятъ и досадуетъ на малѣйшую помѣху. Такое расположеніе духа естественно находитъ иногда на человѣка.

Княгиня приняла меня добрѣе, ласковѣе чѣмъ я ожидалъ. Возитъ вездѣ съ собой, сама вызвалась писать къ Веневитинову, въ удостовѣреніе, что я не притворяюсь, что мнѣ Италія необходима; обѣщаетъ доставить уроки у Гагарина, у другихъ Русскихъ. Я былъ бы этому очень радъ: два часа въ день отдать на уроки я въ силахъ, а живучи на своей квартирѣ, не отвѣчаю за успѣхи учениковъ.

*

Флоренція, 13 Іюля 1832.

Въ Боценѣ почти весь послѣдній мѣсяцъ я хворалъ лихорадкой и потому не могъ писать вамъ. Выздоровѣвши, хотѣлъ ѣхать къ вамъ на Сѣверъ; княгиня стала рѣшительно и быстро поправляться; родные къ ней съѣхались изъ Италіи и Россіи, и я ужъ былъ ненуженъ. Однакожъ она никакъ не хотѣла отпустить меня, и я, по непростительной и всегдашней слабости, не умѣлъ отказать, тѣмъ болѣе, что противорѣчить едва воскреснувшей было какъ-то совѣстно и показалось бы слѣдствіемъ неудовольствія. Все это для оправданія своего передъ вами. Невесело было разстаться съ Римомъ, но и теперь невесело возвращаться въ него: повернуть назадъ съ дороги ко всѣмъ вамъ кажется мнѣ самому непростительнымъ грѣхомъ и тѣмъ непростительнѣе, что вы его простите. Если бы ваше письмо пришло ко мнѣ прежде нашихъ рѣшеній, то я бы вѣроятно поупрямился и теперь былъ бы ужъ близко къ Москвѣ. Но что дѣлать? Постараюсь, по крайней мѣрѣ, чтобы мой плѣнъ продолжался какъ можно менѣе времени. Хотѣлось бы уѣхать вмѣстѣ съ Александромъ Волконскимъ и Шевыревымъ осенью, но не знаю, достанетъ ли духу ѣхать въ Россію на зиму. Между тѣмъ, пока все въ неизвѣстности, буду опять утѣшаться, работая сколько могу и пользуясь чѣмъ можно. Опять стану смотрѣть на картины, статуи. Теперь осматриваю Флоренцію, которой совсѣмъ почти не видалъ въ свой первый пріѣздъ. Наконецъ я увидѣлъ Ніобу

и Венеру Медиційскую! По копіямъ, слѣпкамъ о нихъ нельзя имѣть по моему никакого понятія. Венера Кановы, которую обожаетъ здѣшній великій герцогъ и нѣкоторые ставятъ выше Медиційской, прекрасная сама по себѣ, тяжела, груба и кажется крестьянкою въ сравненіи съ нею. Вообще Флоренція очень богата чудесами искусства, особливо живописи, и только здѣсь можно узнать древнѣйшую живопись Италіи, подробную исторію Флорентинской и Микель-Анжело, какъ скульптора. Жаль, что въ четыре дня, которые мы провели здѣсь, надо было ограничиться однимъ бѣглымъ взглядомъ на все. Не помню, писалъ ли я вамъ, что я былъ въ Венеціи, ѣдучи изъ Рима на Сѣверъ; я былъ тамъ и въ другой разъ на возвратномъ пути нашемъ. Это опять одна непрерывная галлерея. Любуясь всѣмъ, я только сожалѣю, что все это слишкомъ далеко отъ Россіи, слишкомъ ей чуждо, и что я своими наблюденіями не могу быть ей полезенъ. То ли дѣло древняя литература? То ли дѣло Мюнхенъ? Вѣчно, вѣчно буду сожалѣть о немъ. Впрочемъ, идучи всякими обходами, все таки, по крайней мѣрѣ, неустанно *смотрю* на свои первыя цѣли: онѣ не измѣнились, такъ же, какъ и я самъ. Быть можетъ, ужъ я не гожусь дѣйствовать, но глаза мои всетаки на Москвѣ, какъ тамъ ни скучно, какъ ни холодно, какъ ни нездорово. Скоро ли жъ васъ всѣхъ увижу? Скоро ли буду собственными глазами наблюдать ваше здоровье, вашу грусть, просить васъ дѣлать то-то и то-то и угождать вамъ изъ всѣхъ силъ? Въ Германіи за тяжелой и безпрерывной работой, быть можетъ, я бы очень долго выдержалъ разлуку со всѣми и совершенное одиночество; но въ Италіи, не смотря ни на что, иногда грустится по Руси. Были ли вы въ Карлсбадѣ? Помогли ли вамъ воды, а пуще всего безпрестанное гулянье? Это для васъ самое необходимое, хотя, вѣроятно, и самое несносное лѣкарство. Моей груди гораздо лучше, быть можетъ, отъ бездѣйствія, въ которомъ, ходя за больной княгинею, мы провели послѣдніе два мѣсяца съ половиною. Теперь буду беречь себя еще больше прежняго, избѣгать многой ходьбы и всякаго нагибанья.

*

Римъ, 6 Октября 1832.

Несравненная Авдотья Петровна, когда вы получите это письмо, Шевыревъ будетъ уже имѣть счастье быть съ вами. Сказывать ли вамъ, какъ меня мучила зависть и нетерпѣніе, когда я проводилъ его? Я бѣгомъ побѣжалъ набивать свой чемоданъ, очень скоро взялъ паспортъ, не хотѣлъ, чтобы этотъ Шевыревъ, который и безъ того такъ счастливъ, могъ хоть одной недѣлей предупредить меня въ вашемъ домѣ, думалъ Германіей и моремъ поспѣть съ нимъ въ одно время въ Россію, надѣялся вмѣстѣ, хоть и разными заставами, въѣхать въ

Москву, и три раза подходилъ къ дверямъ конторы дилижансовъ и наконецъ теперь, 23 Сентября, пишу къ вамъ все еще изъ Рима. Что̀ дѣлать? У дверей этой конторы дилижансовъ каждый разъ меня останавливала проклятая мысль, что вы теперь окружены дождями, а можетъ быть и снѣгомъ, и наконецъ встрѣтило извѣстіе, что я врядъ ли бы засталъ пароходъ въ Любекѣ. Ѣхать осенью сухимъ путемъ въ Россію было черезъ чуръ страшно. Княгиня Волконская звала къ себѣ, предлагала комнату, и я рѣшился подождать весны. Но только до весны; въ Мартѣ непремѣнно въ путь. Чемоданъ остается зашнурованнымъ, и въ немъ дорожная сумка. Не браните меня, покуда не увидите. Вотъ все, что̀ имѣю сказать вамъ существеннаго. Шевыревъ съ вами: онъ разскажетъ вамъ нашу исторію цѣлаго года лучше, чѣмъ вы могли узнать ее изъ моихъ писемъ; вообще онъ везетъ съ собою запасъ мыслей и пріобрѣтеній, которому вы порадуетесь со всѣми его друзьями и Русскими.

Нашъ Бруни кончилъ наконецъ свою прекрасную копію съ Рафаэлева Эліодора, вѣрно вамъ знакомаго по эстампамъ, и съ весною отправитъ въ Петербургъ. Картину, которую вы видѣли въ Москвѣ, покупаетъ Государь и, какъ пишетъ нашъ скульпторъ Гальбергъ, положено заплатить за нее хорошо. Теперь Бруни приготовляется писать другую, еще гораздо огромнѣе. Вознесеніе змія въ пустынѣ. Эскизъ ея возникъ на моихъ глазахъ: живучи два мѣсяца съ нимъ вмѣстѣ, я присутствовалъ каждый день при его работѣ и, судя по неимовѣрной легкости, съ которой подъ его карандашемъ рождались самые прекрасные мотивы, по необыкновенному богатству композиціи, по эфекту, который уже есть въ самомъ эскизѣ, и вспомнивши Тиціановскій колоритъ Бруни и его вкусъ въ рисункѣ, надобно ожидать необыкновенной вещи отъ этого новаго произведенія. Я иногда жалѣю только, что онъ слишкомъ легко работаетъ: еслибъ ему не такъ легко давалось прекрасное, онъ, вѣроятно, имѣлъ бы еще больше глубокаго чувства. Но чаще я жалѣю о томъ, что всѣ его картины уходятъ въ Петербургъ, и бѣдная Москва ничего не видитъ. Извѣстно ли однакожъ Москвѣ, что у Негри есть одна изъ лучшихъ его вещей, Святое Семейство, на которое я и въ эскизѣ не могу насмотрѣться? Пожалуйста, съѣздите и взгляните: не будете жалѣть о потерянномъ времени. Да не найдется ли какого нибудь богача, который бы купилъ его Засыпающую Нимфу, чудо колорита, отдѣлки и граціи, которую онъ не смѣетъ послать Государю, потому что она нагая? Иностранцу продать также не хочетъ, а Русскому уступилъ бы тысячъ за шесть и, можетъ быть, меньше. Другіе наши художники, кромѣ Брюлова и Кипренскаго, всѣ только начинаютъ быть художниками; больше всѣхъ

обѣщаетъ Ивановъ, который теперь также собирается писать большую картину изъ исторіи Іосифа.

*

2-го Ноября (1832) Римъ.

Жилъ я до сихъ поръ въ двухъ шагахъ отъ Волконской, на бывшей квартирѣ Мицкевича, теперь переѣхалъ къ прочимъ Европейцамъ на здоровѣйшее мѣсто, на Piazza di Spagna и кстати, ибо теперь мы всѣ разъѣзжаемся въ разныя стороны. М. былъ въ Парижѣ, оттуда поѣхалъ домой не дождавшись конца дѣла и доѣхалъ ли, и что̀ съ нимъ сталось, неизвѣстно. У Волконской горе. Черезъ нѣсколько дней она отправляетъ сына въ Женеву, разстается съ нимъ въ первый разъ въ жизни, и эта разлука тѣмъ тяжелѣе, что теперь ко всѣмъ страхамъ прибавляется еще мысль о близкой холерѣ. Впрочемъ весною она за нимъ поѣдетъ и вмѣстѣ поскачутъ въ Россію. Молодые люди безъ памяти радуются, что будутъ шагомъ ближе къ этой святой Руси. Соболевскій безпрестанно рыскаетъ изъ Турина въ Женеву и изъ Женевы въ Туринъ; зиму, вѣроятно, проведетъ съ Шевыревымъ, а тамъ, можетъ быть, вмѣстѣ въ Россію. Мое общество на зиму будетъ состоять изъ Волконской и Русскихъ художниковъ, съ которыми вмѣстѣ обѣдаю. Боюсь блестящихъ вечеровъ у Гагариныхъ, утомительныхъ, кажется, для всѣхъ, а особливо для чахоточныхъ. Мои учительскія занятія скоро еще умножатся. Сюда пріѣхала графиня Местръ и хочетъ, чтобы я давалъ уроки ея сыну. Такимъ образомъ изъ обоихъ этихъ мѣстъ я буду зарабатывать около 150 рублей въ мѣсяцъ, и мое физическое существованіе обезпечено.

*

Въ 1833 году Рожалинъ пріѣхалъ въ Петербургъ и на другой день скончался. Пожитки его сгорѣли въ конторѣ дилижансовъ. Княгиня Волконская поставила ему памятникъ въ своей Римской дачѣ, близъ памятника Веневитинову. П. Б.

ИЗЪ КРЫМСКАГО ДНЕВНИКА Ю. Н. БАРТЕНЕВА.

Корейсъ. 1843.

Имя Юрія Никитича Бартенева неоднократно появлялось на страницахъ „Русскаго Архива“ [1]) и его читателямъ достаточно извѣстны жизнь и дѣятельность этого человѣка достопамятнаго по уму, характеру и вліянію на окружающихъ. Предлагаемыя нынѣ выдержки изъ его „Дневника“ не имѣютъ историческаго значенія, если не считать изображенія обстановки, въ которой доживалъ свой вѣкъ князь Александръ Николаевичъ Голицинъ, дѣятель въ исторіи значительный. Тѣмъ не менѣе литературныя достоинства этихъ записей не позволяютъ оставлять ихъ подъ спудомъ, въ пыли архивнаго шкафа.

Писанныя почти безъ помарокъ онѣ изложены языкомъ яснымъ, сильнымъ, мѣстами глубоко-поэтичнымъ. Безыскусственность и полная искренность ихъ создаетъ картину характерную маленькаго уголка жизни. Душа автора открывается до дна, съ ея глубокими нравственными запросами, тончайшею чувствительностью, раскаяніемъ въ грѣхахъ, которымъ онъ не рисуется ни предъ собой, ни предъ публикой, ибо нѣтъ ни тѣни предположенія, что дневникъ этотъ сдѣлается кому либо извѣстнымъ. С. Б.

*

10-го Октября.

Начитавшись чего слѣдовало, я пошелъ къ обѣднѣ. Былъ благодарный молебенъ за благополучное разрѣшеніе Цесаревны желаннымъ сыномъ [2]); мы всѣ усердно помолились. Въ церкви [3]) была семья князя Го-

---

[1]) См. статья Ю. П. Бартенева 1897 г. III кн. 395 и 614 стр. 1898 г. I кн. 100 стр., II кн. 67 стр., III кн. 516 стр. Изъ бумагъ Ю. Н. Бартенева 1818 г. I кн. 628; жизнь въ Крыму Ю. Н. Бартенева 1899 г. II кн. 549 стр. III кн. 116 стр.; Письмо князя П. А. Вяземскаго къ Ю. Н. Бартеневу 1879 г. III кн. 404 стр. и др.

[2]) Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ.

[3]) Домовая церковь въ Гаспрѣ, устроенная такъ, что князь А. Н. Голицынъ изъ своей спальни во второмъ ярусѣ могъ слышать богослуженіе. Въ церкви особенно замѣчателенъ запрестольный, небольшого размѣра, образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ.

лицына. Я перешелъ съ ковра на плиту и немножко охолодилъ ноги, отъ того во весь день чувствовалъ что-то лихорадочное; на дворѣ было холодно, вѣтрено и дождливо. Обѣдалъ у меня священникъ Коранскій, прибывшій для служенія молебна. Послѣ обѣда читалъ Voleur и пробѣгалъ газеты.

*

11-го Октября.

Поплелся къ князю на чтеніе и обѣдъ; вѣтеръ сильный дулъ мнѣ на встрѣчу, заболѣла грудь у меня. Чтенія однако сего-дня не было, потому что дожидались семейства Голицыныхъ, которые хотѣли заѣхать проститься съ княземъ. Княгиня Голицына, урожденная Нарышкина, пріѣзжала сюда съ мужемъ своимъ на нѣсколько дней и останавливалась въ Мисхорѣ, для того, чтобъ ѣздить по вечерамъ къ князю и читать ему книги; это она дѣлала въ подражаніе графинѣ Воронцовой. Князь приказалъ дѣвицѣ Мауреръ прочитать мнѣ одно интересное пророчество какого-то знаменитаго между благочестивыми людьми иностранца, гдѣ сказано, что внутренняя сила христіанства неминуемо перейдетъ изъ Западной Церкви въ Восточную и что въ Россіи разрѣшатся разные вопросы міровой жизни. Послѣ того читано было путешествіе въ видѣ письма къ матери графа Суворова, сына княгини Голицыной. Суворовъ описываетъ свои впечатлѣнія и чувствованія христіанина достойнымъ перомъ. Мы еще не успѣли окончить піэсы, какъ самъ графъ Суворовъ пріѣзжаетъ съ своею матерью и вотчимомъ. Суворовъ имѣетъ благовидную наружность, кротокъ взоромъ; онъ воспитывался въ Швейцаріи въ Фелленберговомъ заведеніи. Князь распространился, разсказывая анекдоты о его дѣдѣ. Послѣ обѣда я зашелъ къ Аннѣ Александровнѣ[1]), которая приняла меня хотя съ радушіемъ, но наблюдала большую осторожность. Пришедши домой въ шубѣ, я началъ читать повѣсть Бальзака: Лилія въ долинѣ. Мнѣ трудненько было привыкать къ манерному стилю Бальзака.

*

12-го Октября.

Жалкое дѣло изъ сплетней составлять журнальную свою записку; впрочемъ, журналъ долженъ быть вѣрнымъ зеркаломъ, истиннымъ отраженіемъ того, что̀ дѣлается въ психической и пластической половинахъ жизни нашей. Это состояніе показываетъ ту клѣтку, въ которой я, какъ бѣлка, верчусь около колеса. Точно, дѣйствіе сестры князевой[2]) нетерпѣливо мною переносятся; сердце скоро и опрометчиво

[1]) Турчаниновой.

[2]) Дѣвица Елисавета Михайловна Кологривова, сестра князя отъ второго брака его матери.

воспламеняется и даетъ чувствовать жизнь горькою. Потерпимъ, понесемъ и не все будемъ записывать. Богъ намъ да поможетъ и святая Его Матерь. Идея объ отставкѣ у меня не выходитъ; но куда мнѣ дѣваться, куда пріютиться? О томъ вѣдаетъ одно лишь Святое Провидѣніе, не измѣнявшее мнѣ въ милости, мнѣ, не стоющему помилованія. Но чтобъ дать другое направленіе мыслямъ и отбрать клубъ сплетничества и грошеваго мнѣнія, я вспомнилъ, что̀ обѣщалъ моему журналу. Выписываю подлинныя строки этого обѣщанія. „*Понедѣльникъ, 19-го Іюля*, гор. *Симферополь*. Я получилъ письмо отъ инспектора почтъ Подолинскаго, въ которомъ приложены были стихи, назначенныя для моего Альбома. Когда нибудь на досугѣ я впишу въ свой дневникъ эти стихи". Исполняю теперь по прошествіи почти трехъ мѣсяцевъ моего обѣщанія.

Да, средь горъ Тавриды чудной
Скалы въ дымкѣ облаковъ,
Моря отблескъ изумрудный,
Нѣга солнца и цвѣтовъ,
Все волнуетъ животворно
Обаяньемъ красоты.
Какъ родникъ изъ кручи горной
Брызжутъ сильныя мечты;
Жизнь блеснетъ опять надеждой,
Вдохновеніе слетитъ,
И подъ форменной одеждой
Грудь поэта задрожитъ!

Массандра, 28-го Мая 1843 года.

*

13-го Октября.

Что̀ я выигралъ въ тепломъ климатѣ, мыслилъ я про себя, и куда мнѣ теперь путь держать, когда выйду въ отставку? Жить мнѣ въ Симферополѣ не хочется, въ Эвпаторіи поселиться скучно и безцѣльно. Надобно будетъ попробовать жить въ Кіевѣ; но и тамъ не ждетъ ли меня разочарованіе? Гдѣ мои знакомые и присные въ Кіевѣ, ихъ нѣтъ; если оставаться для Алекс. Петр.[1]), то понадобится ли ей самой это мое пребываніе и не будетъ ли преслѣдовать меня подозрительная недовѣрчивость со стороны Ѳедора Ивановича?[2]) Въ Москвѣ жить дорого, не по состоянію; то не лучше ли ѣхать на родину, если не къ друзьямъ, которые вездѣ рѣдки, то по крайней мѣрѣ въ нѣдро родныхъ? Въ Костромѣ есть у меня больной братъ, есть пле-

[1]) Хвостовой.
[2]) Прянишникова.

мянница, и такъ въ Кострому. Жена моя, не знавши этихъ мыслей моихъ, написала къ Машенькѣ о желаніи своемъ хоть когда нибудь увидѣться съ родными въ Костромѣ. Такая стачка въ мысляхъ удивила меня немножко.

*

14-го Октября.

Сдѣлавъ свое обычное чтеніе, напившись чаю, накурившись табаку, съ сжатымъ сердцемъ отправился я на чтеніе и на обѣдъ къ князю. Я нашелъ у него гостей: жену Горяинова и новую сосѣдку нашу княгиню Александру Борисовну Мещерскую; она очень расположительно со мною познакомилась, съ участіемъ и привѣтливостію занялась мною; видно, что мужъ хорошо походатайствовалъ въ мою пользу. И вотъ на первыхъ порахъ она спрашиваетъ меня, почему я не отвѣтствовалъ ея мужу на письмо его ко мнѣ посланное. Я отвѣтствовалъ, что я не получалъ никакого письма отъ князя Мещерскаго. При мнѣ онъ писалъ, продолжала она, и я сама видѣла это письмо большое и пространное. Странно, что здѣсь на почтѣ письма воруютъ. Она нѣсколько разъ начинала этотъ отзывъ, никто ей не отвѣтствовалъ. Князь молчалъ, сестра его также. При разставаньи, княгиня просила бывать у нея. Послѣ ухода гостей я продолжалъ извѣстное чтеніе. Сестра князева что-то отмалчивалась. За обѣдомъ мы всѣ развеселились любезностями Шмидта, который, кажется, выпилъ лишнюю чарку. Послѣ того мы остались втроемъ съ княземъ; разговоръ навелся на благочестіе. Мнѣ одно только остается въ жизни, сказалъ князь, чтобы Господь разодралъ рукописаніе о грѣхахъ моихъ; я много грѣшилъ предъ Господомъ, въ жизни своей былъ эгоистъ и проч. Такая смиренная и неожиданная рѣчь князева привела меня въ умиленіе, и даже скажу, радость: мнѣ пріятно было видѣть такое сознаніе веледушія въ князѣ. Послѣ далъ онъ мнѣ читать письмо сенатора Штера, въ которомъ доказывалось, что единственный и надежный спутникъ старца должна быть жизнь уединенная.

*

15-го Октября.

Озаботился встать поранѣе, выбриться и пріодѣться, чтобы принять княгиню, которая пришла къ намъ въ двѣнадцатомъ часу въ сопровожденіи двухъ компаньонокъ. Она сказывала намъ, что мужъ ея все и обо всемъ къ ней писалъ, что здѣсь происходило и что письма тѣ читала Татьяна Борисовна Потемкина, что князь Козловскій ей не нравится и что даже онъ успѣлъ и ей показать грубость. Я ей далъ почитать интересную книгу: Путешествіе по Кавказскимъ горамъ; а маленькой дѣвочкѣ, ее сопровождавшей, прелестнѣйшему ребенку,

подарилъ книжку съ картинками: Paradis terrestre ou la colonie exilée. Я проводилъ княгиню до ея дома, который въ первый разъ и посѣтилъ. Она заставила играть свои органы, привезенные съ собой изъ столицы, увертюру изъ Фенеллы, другія увертюры, вальсы и игривыя мотивы изъ Фенеллы; эти органы одною третью менѣе князевыхъ и въ такомъ отдаленіи отъ хорошей музыки замѣняютъ маленькій оркестръ. На дому княгиня еще откровеннѣе со мною разговаривала и вымолвила мнѣ, что даже сама Императрица желала-бы, чтобы одинъ достойный молодой человѣкъ въ Петербургѣ замѣнилъ Козловскаго у князя. Такимъ образомъ началось наше новое знакомство съ новою сосѣдкою. Я писалъ письма вечеромъ въ Кологривъ къ любезному моему бывшему письмоводителю Сирину и послалъ въ библіотеку Кологривскаго училища въ подарокъ книжку; еще писалъ къ Черкасскому почтъ-мейстеру Голубинскому. Къ Сирину я написалъ очень ласково въ замѣнъ его ласковыхъ и привѣтливыхъ писемъ. Торопясь принять княгиню, я нехорошо молился Господу. Осужденіямъ не было конца, и имя сестры князевой не мало пострадало отъ моей закоренѣлой къ ней непріязненности. Господи! Дай мнѣ благодатныя и мирныя чувства, да не согрѣшу я языкомъ моимъ противу ближняго моего.

*

16-го Октября.

Вышедши на террасу въ одномъ сертукѣ и смотря на эту еще свѣжую зелень, я не могъ не увлечься желаніемъ положить и кости мои въ этой райской по наружности и климату землѣ; ходя съ женою, мы вслухъ разсуждали, какъ бы это было пріятно имѣть свой домикъ и со всѣми удобствами. Церковь близко, предполагаемое мѣстечко есть лучшее на всемъ берегу; покуда строиться будетъ домикъ, жили бы вблизи, въ Кореисѣ и наблюдали за строеніемъ; такъ мы разсуждали, ходя по террасѣ и вдыхая въ себя упоительный и ароматическій воздухъ Русской Италіи. Чтобъ вполнѣ утвердиться въ рѣшеніи, недоставало лишь двухъ необходимостей: именно воли Божіей, живо проясненной, и денегъ.

Размышленія наши прерваны были приходомъ Дмитр. Ивановича, который остался у насъ и обѣдать. Между прочими разговорами разсказывалъ онъ, что вчера была у нихъ Анна Александровна. Жена моя, продолжалъ Дмитр. Иванов., жаловалась ей, что дня три какъ чувствуетъ она оконечности рукъ и ногъ холодными и что этотъ холодъ дѣлается для нея нестерпимымъ. Анна Александровна промолчала; но спустя не болѣе полу-часа, какъ у жены моей эти оконечности такъ сдѣлались горячи, что даже ей этотъ жаръ сталъ несносенъ. Мы

надивиться не могли сему событію, доказывающую великую какую-то силу въ Аннѣ Александровнѣ. Дмитр. Иван. закончилъ разговоръ тѣмъ, что онъ бы самъ охотно на себѣ испыталъ дѣйствіе этого врачевства. Послѣ обѣда пріѣхалъ Ялтскій лекарь, мы просидѣли и много говорили; я пустился въ разсказы, но врядъ ли они были у мѣста и у случая.

*

17-го Октября.

Былъ за обѣдней, послѣ которой княгиня Мещерская опять насъ посѣтила, а потомъ я провожалъ ее до дому. Тамъ замѣчательный разговоръ имѣлъ я съ нею о внутреннемъ христіанствѣ. Княгиня съ увлеченіемъ говорила мнѣ о самопреданіи въ волю Божію; пересказала мнѣ нѣсколько опытовъ милосерднаго водительства Божія, гдѣ самопреданіе оправдалось отраднымъ и блаженственнымъ для нея образомъ. Вѣренъ Богъ, когда душа Его ищетъ и Ему предается. Молчать и неотступно просить Бога: вотъ девизъ ея практики. Мнѣ оставалось на слова ея сказывать радостное и торжественное согласіе. Сладко было мнѣ найти, такъ сказать, возлѣ себя женщину имѣющую всѣ права на свѣтскія претензіи, но которая ихъ отметаетъ съ тѣмъ, чтобы искать молитвеннаго уединенія съ Господомъ. Княгиня содержала все это въ тайнѣ и сама удивлялась, почему мнѣ пересказала о томъ. Благодарю Бога за эту сосѣдку; мнѣ отрадна была такая бесѣда. Возвращаясь домой, я снова прошелся ея садомъ и притомъ по новой дорожкѣ; деревья въ саду, не смотря что велики, посажены рукою княгини. Садикъ на плоскомъ мѣстѣ, и въ немъ очень пріятно прогуливаться. Вечеромъ посѣтилъ меня Дм. Иван. и Анна Александр. Турчанинова, для которой въ моемъ кабинетѣ мы приготовили особенную кровать; какъ только она пришла, такъ и повалилась на нее. Она очень къ намъ ласкается, но осторожна въ словахъ; это производитъ на мое сердце не такъ пріятное прикосновеніе.

*

18-го Октября.

Начитавшись по обыкновенію, пошелъ къ князю на обычное чтеніе. Князь интересовался нашимъ домашнимъ положеніемъ, особенно спрашивалъ о здоровьѣ жены моей. Послѣ обѣда, когда дѣвица Мауреръ начала читать ему Дорожныя Записки по Россіи виконта Дарленкура, я хотѣлъ было уйти, то онъ удержалъ меня. Ты такъ рѣдко ко мнѣ ходишь, сказалъ онъ мнѣ, то пожалуй посиди у меня сего-дня. Я остался у князя до чаю, чѣмъ онъ былъ очень доволенъ. Вообще, князь съ нѣкотораго времени началъ ласковѣе принимать меня. Замѣчаю новыя лады сестры князевой съ Козловскимъ; надолго ли только это? Мнѣ удалось приласкать Шмидта въ присутствіи князя, что̀ лекарю

было очень пріятно. Я взялъ у сестры князевой романъ Вальтеръ-Скота: Пертскую красавицу, которую и началъ читать, а поутру дочиталъ книгу, Бальзаковъ разсказъ: Лилія въ долинѣ. Я прочиталъ книгу Бальзакову съ увлеченіемъ; не одинъ разъ глаза мои наполнялись слезами; тема разсказа состояла въ изображеніи чувственной и платонической любви; стиль Бальзака изысканъ, но съ большимъ одушевленіемъ. Я читаю много книгъ разомъ; сего-дня же началъ читать другой разсказъ Бальзаковъ: Сельскій Лекарь. Это сочиненіе не въ первый разъ я прочитываю. Дѣвица Мауреръ разсказывала у князя забавные и занимательные анекдоты о покойной княгинѣ Голицыной, владѣтельницѣ Кореиса и о мальчикѣ Ошандо, племянникѣ баронессы Беркгеймъ*).

*

19-го Октября.

Я забылъ важнѣйшее обстоятельство: вчера исполнился годъ, какъ я живу на южномъ берегѣ Крыма. Сколько чувствованій перемелькало въ душѣ моей; сколько страстей разливалось по вѣроломному сердцу; сколько разъ прогнѣвлялъ я своего Господа-благодѣтеля. Прости мнѣ, Искупитель мой, всѣ паденіи мои и не сочти на мнѣ строго мою преступную немощь; прошу тебя, во имя Твоей Матери. Нынѣшній день я весь зачитался. La Jolie Fille de Perth и Médecin de Campagne Бальзака увлекли меня въ водоворотъ мечтаній. Все это на щетъ бѣдныхъ глазъ моихъ. Всѣ мои занатія состоятъ въ безпрерывномъ почти чтеніи книгъ и въ яденіи винограда, котораго въ десять дней съѣли мы цѣлый пудъ. Кромѣ Мюската Александрійскаго, который мнѣ и понаскучилъ, кромѣ Изабель, который также мнѣ понадоѣлъ, мы лакомились большими гроздами краснаго и фіолетоваго винограда, подъ названіемъ Малагскаго. Виноградъ этотъ крупный, нѣжный и сладкій; еще ѣли мы виноградъ такъ называемый Кларетъ; это желто-зеленый цвѣтомъ и пріятнаго вкуса. Виноградъ мнѣ полезенъ, онъ поправляетъ желудокъ.

*

20-го Октября.

На нынѣшнее утро у меня было очень много письменной работы: писалъ письмо къ директору Гартвису о винѣ; писалъ отвѣтъ Михайлѣ Кондратьевичу Липсу въ Петербургъ и Констант. Николаев. Жегочеву въ Симферополь; къ симъ письмамъ присоединены и прочія, которыя прежде были изготовлены, и все это передано моему слугѣ Ивану, котораго верхомъ отправили въ городъ Ялту; на силу могли

*) Баронесса Беркгеймъ—дочь знаменитой Крюднерши.

нанять для него Татарскую лошадь, въ двухъ мѣстахъ наемъ нашъ получалъ неудачу. Слугѣ слѣдовало въ тоже время проѣхать въ Никитскій садъ къ Гартвису и привести мнѣ вина, котораго ни вчера, ни сего-дня не было у меня за столомъ. Управитель отказалъ мнѣ въ ослѣ. Эти подробности ничтожны, скучны, но онѣ опредѣляютъ характеръ моего житья и что если въ самомъ раѣ не будетъ комфорта, то и тамъ не весело покажется. Всякая бездѣлица, къ спокойствію съ трудомъ добываемая, очень колюча для сердца, которое щемитъ и тоскуетъ. Въ архивъ къ Варинькѣ отдалъ пятнадцать старыхъ писемъ, на которыя уже отвѣчено. Я радъ, что освободился отъ писанья и набросился на чтеніе; Вальтеръ-Скотъ и Бальзакъ не выходили изъ рукъ моихъ; теперь-то я ясно вижу, какъ геніяленъ былъ Вальтеръ-Скотъ и сколько разнородныхъ элементовъ достоинства вмѣщалъ этотъ могущій талантъ. Вечеромъ уже возвратился мой человѣкъ и все исправно выполнилъ по моему назначенію.

*

21-го Октября.

Поутру посѣтилъ меня митрополитъ Агаѳангелъ, Грекъ, проживающій въ монастырѣ Святаго Георгія на южномъ берегу; онъ возвращается во свояси изъ путешествія предпринятаго вмѣстѣ съ здѣшнимъ эпархіальнымъ архіереемъ, который еще и до сихъ поръ не возвратился въ Одессу. Старецъ очень добродушный, родомъ изъ Кефалоніи; деньги получаемыя отъ казны на свое содержаніе онъ употребляетъ на пользы монастырскія. Сего-дня—день моего дежурства у князя; я ему читалъ его рукопись въ то время, какъ сестрица его предавалась сладкому сну..... Ясновидящая нахваливаетъ Ан. Алек. Турчанинову и выхваляетъ ея quasi-духовно-врачебную силу. Князь замѣтилъ мнѣ съ добродушіемъ, что я два только раза бываю у него въ недѣлю и что онъ будетъ радъ меня чаще у себя видѣть. Я замѣтилъ, что присутствіемъ своимъ могу помѣшать его обычнымъ занятіямъ. Ты никогда мнѣ не помѣшаешь, отвѣтствовалъ онъ мнѣ, и вотъ въ слѣдствіе сего напоминанія я отозвался, что на какой нибудь часъ времени я буду являться къ нему по Воскресеньямъ. Замѣчаю возрастающую пріязнь между сестрою князя и Козловскимъ; въ малый промежутокъ времени, когда мы оставались одни, сестра успѣла объявить мнѣ о своемъ неудовольствіи на гр. Салтыкова; видно, что Козловскій успѣлъ опрокинуть ее на графа, который, по словамъ ея, много накуролесилъ.... Нескончаемая драма сплетней, обмановъ и притворства! Во время, когда я былъ въ домѣ князевомъ посѣтила его княгиня Мещерская. Разговоры были кое о чемъ и между прочимъ о балахъ Кореисскихъ..... Мастерица и княгиня козырять въ чужую масть, но

это еще не мѣшаетъ ея истинному аристократическому достоинству. Послѣ сего пріѣхалъ и Крымскій губернаторъ. Я его не очень хорошо разглядѣлъ по причинѣ худыхъ глазъ моихъ и темноты въ комнатахъ. Князь занялся съ нимъ.

*

22-го Октября.

Нынѣшній день Православная Церковь празднуетъ Казанскую Божію Матерь; я счелъ за нужное быть въ церкви за обѣднею. Это мой родной праздникъ; но я не умѣлъ святить его; коварное сердце мое все умѣло и желать и дѣлать кромѣ хорошаго. Родными моими я благословленъ былъ образомъ Казанскія Божія Матери. Въ лѣта отрочества моего, когда я гостилъ въ селѣ Горинскомъ, въ домѣ бабушки моей Авдотьи Никитишны Колобовой, урожденной дѣвицы Гурьевой, я былъ благословленъ ею симъ образомъ. Теперь не соображу, въ которомъ это было году; но кажется не за долго до 1805 года. Маленькому мнѣ въ день имянинъ обыкновенно дарили рубль серебромъ; на эти-то подаренные рубли родители мои заказали сдѣлать простинькую серебреную ризу; на другой сторонѣ иконы отецъ мой собственноручно написалъ: образъ Юрія Бартенева, 1805 года. Этимъ образомъ благословляли родители меня, когда отправляли учиться въ Москву въ Университетскій Пансіонъ; послѣ смерти отца моего этимъ образомъ благословила меня и мать моя, когда, въ 1809 годѣ, отпускала меня на службу въ Дворянскій полкъ. Помнится мнѣ, что покойная сестра моя, Марья Никитишна, сшила на этотъ образъ футляръ изъ толстаго темно-зеленаго сукна. Сколько достаетъ памяти моей, я вѣрно припоминаю, что во всѣхъ походахъ и поѣздкахъ я носилъ и ношу его на груди своей. Въ незабвенную кампанію 1812 года я носилъ его, и часто на бивакѣ моя Казанская Царица стояла въ изголовьѣ моей солдатской постели; словомъ, образъ всюду сопровождалъ меня, и благодать Всепѣтой Матери дивно хранила меня отъ всякой напасти. И когда поѣхалъ въ Крымъ, она была на груди моей, вмѣстѣ съ финифтянымъ образомъ св. Митрофанія, которымъ благословилъ меня кн. Александ. Николаевичъ. Вотъ и въ самую эту минуту, когда пишу сіи строки на своемъ бюро, Царица Небесная стоитъ на этомъ же бюро у Распятія прямо предъ глазами моими. Перейди, моя Царица благодѣтельная, перейди въ мое сердце грѣшничье, будь со мною неразлучна и покрывай насъ Твоимъ божественнымъ покровомъ; пусть мое сердце, знойное отъ страстей и коварныхъ пожеланій, очистится Твоимъ чистѣйшимъ присутствіемъ и будетъ постояннымъ Твоимъ престоломъ и сѣдалищемъ. Да будетъ тако, Пресвятая Царица, если только на это есть воля сына Твоего. Аминь. Я молился за

обѣднею усердно, но день провелъ не такъ покойно. И во первыхъ, подали обѣдъ испорченный и дурной; виноватъ въ томъ не столько поваръ, сколько здѣшняя пустая сторона; и если что изъ съѣстныхъ припасовъ и достать можно, то негдѣ сохранить и сберечь; мнѣ даже немножко тошно сдѣлалось, и я запилъ тошноту чашкою густо сваренаго чернаго кофею. Вино, которое привезли мнѣ отъ Гартвиса, оказалось не то, что̀ было прежде: это какое-то затхлое, окрѣплое и дурное; управитель директора не того отпустилъ мнѣ, котораго отпускали прежде. И понапрасну человѣкъ мой трудился и сберегалъ эти десять бутылокъ ѣдучи верхомъ. Кромѣ того и зелень, присланная на дорогой подводѣ Жегочевымъ изъ Симферополя, оказалась по большей части мелкою, гунявою и негодною; покрайней мѣрѣ такъ моя грустная хозяйка отозвалась. Все это навело на меня грустное чувство, которое, однако имѣло скоро хорошую сторону, ибо своею оппозиціею шаткимъ и преходящимъ желаніямъ моимъ оставаться въ Крымѣ оно проясняло, утверждало и окрыляло меня въ намѣреніи оставить совсѣмъ Крымъ, если только на то будетъ воля Божія. Кромѣ печальнаго настроенія духа, сердце поражалось сбродомъ нечистыхъ припоминаній былаго, позорнаго... Какъ знать, не увивалось ли что̀ около этихъ позорныхъ припоминаній.—Не берегъ я глаза свои и почти неотступно пробѣгалъ: La Jolie Fille de Perth.

*

23-го Октября.

Я былъ за обѣднею и сего-дня, хотя и поздно пришелъ въ церковь. Въ церкви было мало народа. Погода стоитъ восхитительная; деревья въ пріятной для глазъ осенней зелени съ желтизною. Катя моя вздумала идти отдать визитъ княгинѣ Мещерской, я остался одинъ съ моими думами; чего только я не передумалъ, ходя по своему обширному кабинету и стеклянной галлереѣ. Мысли мои были и смутны и проникнуты надеждою. Болѣе думалось объ оставленіи края, который казался мнѣ обширною тюрьмою. Варинька отправилась на обычное дежурство къ князю. Она была свидѣтельницею продѣлокъ сестры князевой съ Козловскимъ, котораго она ласкаетъ въ глаза, а за глаза бранитъ. Лиза приходила ко мнѣ просить моей подорожной; завтра отправляется въ Ялту пріобщаться святыхъ таинъ. Утромъ я съ наслажденіемъ дочиталъ La Fille de Perth и не могу довольно возблагодарить автора, котораго душу да упокоитъ Господь въ Своихъ селеніяхъ. Чувствую, что боль въ лѣвомъ боку не проходитъ; чувствую въ себѣ также и изжогу, это вѣрно отъ худаго обѣда. По внутренности не впадаю въ совершенное уныніе, однако сего-дня грустилъ и скучалъ почти цѣлый день.

*

24-го Октября.

Погода стала измѣняться; подули холодные вѣтры; началъ накрапывать дождикъ, когда я пошелъ къ обѣднѣ, за которою пріобщалась святыхъ таинъ дѣвица Мауреръ. Потомъ, отдохнувши немножко дома, поплелся къ князю съ толстымъ квадрантомъ въ переплетѣ. Это въ слѣдствіе намеднишняго его полу-упрека, что я рѣдко къ нему хожу; доселѣ по Воскресеньямъ я къ нему не ходилъ. Вотъ я началъ читать ему изъ моей толстой книги разныя росказни. Сія книга есть Musée des Familles, извѣстный иллюстрированный журналецъ, и такія страшныя пьесы попадались, что дѣвица Мауреръ принуждена была уходить изъ комнаты; читалъ о кончинѣ Жанны Грей, о судебномъ поединкѣ и проч. И вотъ на самомъ интересномъ мѣстѣ чтенія пріѣзжаютъ гости: княгиня Голицына со своимъ сыномъ Суворовымъ и еще съ женихомъ и невѣстою, которыхъ представляли князю. Разумѣется читальщику ничего не оставалось дѣлать, какъ уйти, что̀ я и сдѣлалъ. Впрочемъ я имѣлъ немножко времени поговорить съ Суворовымъ.

Потомъ Варинька, ходившая къ князю читать газеты, принесла еще письмо мнѣ отъ Бардовскаго. Я все не получаю писемъ отъ тѣхъ, которые должны были бы написать ко мнѣ; но лучше оставить заботу и предать себя въ волю Божію.—Сего-дня послѣ обѣда Анна Александр. прислала мнѣ жареныхъ каштановъ, которые я съѣлъ съ величайшимъ удовольствіемъ; онѣ такъ свѣжи и вкусны; у меня въ домѣ не умѣютъ такъ жарить.

Съ нѣкотораго времени Дмитр. Иванов. становится со мною какъ-то сухъ и пересталъ ко мнѣ ходить; мы встрѣчаемся съ нимъ за обѣднею, что̀ и сего-дня случилось, но уже по прежнему не заходитъ ко мнѣ. Мнѣ кажется, что онъ ожидаетъ моего визита....

*

25-го Октября.

Сегодня мы пошли въ церковь слушать заупокойную обѣдню и панихиду по батюшкѣ, прочимъ роднымъ моимъ и многочисленнымъ знакомымъ, потому что въ моемъ помянникѣ всѣ почти имяна записаны тѣхъ, которые близко касались или гражданской, или внутренней жизни моей. 1806 года 25-го Октября скончался добрый мой родитель, и по прошествіи тридцати семи лѣтъ едва ли не впервый разъ удалось мнѣ вспомнить его предъ Господомъ. Живя въ Крыму болѣе года, въ первый еще разъ случилось, что я четвертый разъ сряду бываю за обѣднею.—Сего-дня Понедѣльникъ, а потому я и отправился къ князю на чтеніе и обѣдъ. Мнѣ тяжело было идти противу вѣтра.

Послѣ чтенія обычнаго о магнетизмѣ я началъ читать ему продолженіе (еще и до сихъ поръ тянущееся) не докончанной многотомной повѣсти Евгенія Сю: Les mystères de la ville de Paris, которую началъ читать еще въ Москвѣ прошлаго года. При этомъ чтеніи вышло одно обстоятельство или, лучше сказать, новая мистификація Елис. Михайловны. Не хочу описывать, въ чемъ она состояла (всего не опишешь), но только, что она не хотѣла слушать, что̀ я читалъ брату, хотя тотъ всемѣрно упрашивалъ ее, чтобы послушала. За обѣдомъ опять новое обстоятельство подобнаго же рода; здѣсь уже я не успѣлъ сдержать себя, такъ сказать, прорвался и подъ фигурою общихъ выраженій ясно ей изобразилъ мое негодованіе; на остатокъ моего посѣщенія, соперница моя поприсмирѣла, и душа моя пришла въ должныя границы. Старикъ послѣ обѣда вздремнулъ, а я потихоньку выбрался изъ дому и зашелъ къ Аннѣ Александровнѣ, у которой очень давно не бывалъ. Старуха была мнѣ очень рада, и мы провели съ ней часокъ-другой времени очень пріятно. Странная мысль пришла ей однажды въ Петербургѣ объ Адамѣ: она посылала одного ей знакомаго человѣка спрашивать священника, можно ли служить Адаму молебны, или приносить о немъ моленіе за панихидою? Анна Александровна успокоила раздраженныя мои чувства, и я спокойно и даже съ пріятностію возвратился домой. Горы величественно красовались въ какомъ-то серебряномъ или стальномъ отраженіи; у меня просторно, тепло, свѣтло. Въ такомъ отдаленномъ краѣ, гдѣ теперь я живу, какъ пріятно обозваться и осматриваться въ своей кельѣ. Сбросивши платье, въ шлафоркѣ, съ трубкою табаку, спокойный видишь, какъ все обращается около тебя, идеи и событія, все колышется, какъ бы внѣ тебя; отъ тебя зависитъ быть покойнымъ зрителемъ всего окружающаго; но, увы! я не таковъ: малая война, которую открываетъ иногда противу меня сестра князева, мятетъ и раздражаетъ духъ мой, и чувство мое, обращаясь въ ропотъ, оглашаетъ безвременно слухъ моего ближняго.

*

26-го Октября.

Я пробудился поздно, наполненный стихіями негодованія и какого-то безпокойства, происходящими отъ вчерашнихъ событій. Хотя я и не имѣлъ большаго упрека въ совѣсти, но это помѣшало моей утренней молитвѣ, и я провозился въ этой болотной тинѣ все то время, которое предназначено было для сего занятія. Вышелъ ли я однакожъ изъ сей тины не загрязнившись, не знаю. Душа моя какъ-то облѣнилась, и я долго нынѣшнее утро не одѣвался. Швейцарецъ Эшельманъ, архитекторъ южнаго берега Крыма, посѣтилъ меня, и мы долго съ нимъ побесѣдовали; онъ остался у меня и обѣдать, чѣмъ Богъ по-

слалъ. Мы о многомъ разговаривали, и я немало отъ него узналъ мѣстныхъ подробностей. Но не довлѣетъ христіянину всего того записывать. Вотъ и докторъ Шмидтъ присылаетъ ко мнѣ письмо и проситъ книжки почитать; потомъ опять присылаетъ ко мнѣ съ вопросомъ, угодно-ли мнѣ, чтобы онъ ко мнѣ пришелъ. Разумѣется, я изъявилъ согласіе, и добрый Шмидтъ явился ко мнѣ не безъ замѣшательства. Этотъ визитъ можно назвать полнымъ примиреніемъ. Между прочимъ, былъ у насъ занимательный разговоръ о Вѣнскомъ окулистѣ Эгерѣ, котораго удобнѣе было бы вызвать князю, чѣмъ Вандетти, который Богъ знаетъ, гдѣ теперь находится. Но взятую и усвоенную идею князь не скоро перемѣняетъ.

*

27-го Октября.

Я расположился было остаться на весь день дома и одѣвшись покойно ходилъ по своей комнатѣ, какъ вошедшая въ мою комнату Варинька вздумала дать мнѣ вотъ какой совѣтъ: не худо-бы вамъ побывать у князя; Козловскій уѣхалъ на балъ по случаю сговора побочной дочери кн. Голицына; слѣдовательно князь остался одинъ, и ему естественно представить себѣ, что вы о томъ знаете. Ваше къ нему теперь посѣщеніе возьметъ характеръ произвольнаго дѣйствія и побужденія быть ему пріятнымъ. Я послушался Вариньки, какъ голоса Провидѣнія, указывающаго мнѣ даже на мелочь жизни, отправился тотъ же часъ къ князю и взялъ съ собою толстую книгу: Musée des Familles, чтобы продолжать чтеніе, начатое и прерванное въ Воскресенье. Прихожу; князь сходитъ сверху. Вотъ я пришелъ къ в. сіят., знавши, что Козловскій уѣхалъ. Благодарю, сказалъ мнѣ князь, но ты самъ мнѣ далъ обѣщаніе ходить ко мнѣ по Середамъ, такъ чтобы въ недѣлю два раза обѣдать, да два раза такъ прійти. Такимъ образомъ Юрій Никитичъ еще день въ недѣлю долженъ являться на дежурство. Да будетъ воля Божія; я отъ того дѣла не прочь, только бы было князю пріятно; трудность бы не велика, да только люди мнѣ не нравятся кѣмъ окруженъ князь. Какъ себя чувствуешь? спросилъ меня князь. Не такъ-то хорошо, в. сіят. А какъ же, братецъ, сестра и мои люди сказали мнѣ, что у тебя цвѣтъ въ лицѣ прекрасный. Неужели я стану лгать, в. с., если я чувствую себя нездоровымъ? Въ продолженіе моего чтенія, я не однажды будилъ князя, а сестру его просто оставилъ не будя. Я упомянулъ о цвѣтѣ лица для того, что и въ первый пріѣздъ мой на южный берегъ дѣвица Кологривова встрѣтила меня такимъ же взглядомъ, и видно глазъ ея не хорошъ, что я столько мѣсяцевъ пролежалъ боленъ.... Вообще, когда она говоритъ со мною о моемъ здоровьѣ, то меня по кожѣ подираетъ. Старикъ-князь охотно

спитъ, потому что дряхлѣетъ и особенно если чтеніе не по его вкусу. Когда время сближалось съ обѣдомъ, я поспѣшилъ уйти домой. Дмитр. Иванов. Поповъ зашелъ ко мнѣ по утру, и мы вмѣстѣ отправились по дорогѣ. Кажется, что нѣтъ причины думать, что онъ убѣгаетъ меня, хотя онъ и рѣдко началъ ходить ко мнѣ; мнѣ самому точно слѣдуетъ побывать къ нему. Обѣдъ былъ у меня хорошъ, но отъ печеныхъ каштановъ я почувствовалъ какое-то разстройство въ желудкѣ; винограду, особенно Малагскаго, ѣмъ много, и онъ мнѣ и пріятенъ, и полезенъ. Съ почты мнѣ принесли одно письмо изъ Петербурга, отъ одного Миллера, который проситъ моего ходатайства у князя; но писемъ ожидаемыхъ нѣтъ какъ нѣтъ! Я уже не буду объ этомъ обстоятельствѣ распространяться, все отдамъ въ волю Божію. Вечеромъ приходила ко мнѣ Лиза и объявила, что послѣ завтра совсѣмъ уже переходитъ она на житье къ княгинѣ Мещерской. Добрый и благословенный путь сиротѣ, въ обществѣ которой я прожилъ болѣе года; Господь да управитъ ея будущностію; судьба сиротъ въ рукахъ добраго нашего Господа. Варинька принесла мнѣ много газетъ отъ князя.

*

28-го Октября.

Отправился передъ обѣдомъ къ князю для чтенія магнетическаго трактата, который, матку правду сказать, скучноватъ. До обѣда вышелъ крупный разговоръ, и вотъ по какому случаю. Я сказалъ, что Лиза ко мнѣ приходила вчера съ увѣдомленіемъ, что она переходитъ къ княгинѣ Мещерск. На это Козловскій такъ отозвался: Во время вчерашняго бала у кн. Голицына жена Гартвиса много говорила празднаго на щетъ этой сироты, что напрасно княгиня ее беретъ, что лучше бы было, когда бы Лизу отдать въ домъ какого-нибудь простаго, но честнаго семьянина, въ которомъ бы научилась женскому, хозяйственному ремеслу; что Лиза, бывъ низкаго происхожденія, не должна быть возводима въ высшее и проч. и проч. Я довольно умиротворилъ выраженія жены Гартвиса, какъ онѣ были переданы Козловскимъ; жена Гартвиса говорила рѣзче и обиднѣе. Козловскій заступился и почти заставилъ молчать эту болтунью. Это подало поводъ къ общей матеріи, гдѣ мы всѣ разгорячились; сестра князева тоже вистовала, подпуская разныя врачебныя замѣчанія, что̀ вызвало, между прочимъ, Козловскаго сказать князю, что есть въ жизни такія обиды, которыхъ простить нельзя и проч. Я отвѣтствовалъ, что христіанину всѣ нанесенныя ему обиды прощать должно, но есть изъ нихъ и такія, которыхъ забыть невозможно, и подойдя къ князю, продолжалъ: Есть обиды нескончаемыя, продолжительныя, наносимыя, такъ сказать, методически, образованныя въ систему малой войны, о которыхъ обидахъ

самые даже ближніе не помышляютъ, а чувствуютъ и страдаютъ только тѣ, кому онѣ наносятся. Вотъ эти-то обиды тяжки, и ихъ забыть нельзя; впрочемъ, мои правила я вывожу стихомъ одного Русскаго поэта: могущему пороку—брань, безсильному—презрѣнье. Не знаю, догадался ли князь, на кого я мѣтилъ; но слова мои выливались отъ сильнаго ощущенія и если бы было поболѣе ко мнѣ любви у князя и поменѣе эгоизма, то онъ не могъ не замѣтить, что эти слова произносило сердце оскорбляемое и обижаемое ближнимъ ему человѣкомъ—его сестрою... Въ это время дѣвица Кологривова сидѣла какъ стопочка, моргая и, можетъ быть, въ опасеніи, чтобъ не окончилось дѣло худомъ. Она всегда присмирѣетъ, когда дашь ей острастку. Послѣ обѣда надлежало мнѣ читать продолженіе повѣсти Евгенія Сю, но помѣшалъ чтенію пріѣхавшій Ягницкій*), съ которымъ князь долженъ былъ немножко заняться. Впрочемъ князь не очень былъ на сторожѣ; ибо, поговоря нѣкоторое время, онъ задремалъ. Я поболѣе разглядѣлъ полковника Ягницкаго, который во все время посѣщенія говорилъ только о симоніи духовенства, о содержаніи, которое потребовалось отъ него для нѣвчихъ его преосвященства и о сборахъ, взимаемыхъ съ церквей. Есть Греческая церковь, говорилъ онъ, въ Симферополѣ, которая имѣетъ нѣсколько вкладовъ и слѣдовательно болѣе постоянныхъ доходовъ, чѣмъ другія; изъ девяти тысячъ рублей, получаемыхъ ею въ доходъ, отылаются въ эпархіальное вѣдомство акциденціи. Какъ-то звалъ прошлаго года гр. Воронцовъ, помнится, четырехъ іеромонаховъ изъ здѣшняго монастыря на служеніе, и въ два дня полковникъ Ягницкій отпустилъ къ полному ихъ обѣду полведра Французской водки, два ведра виноградnаго вина, шестнадцать бутылокъ лучшаго столоваго вина и шесть бутылокъ Шампанскаго. Святые отцы все это выпили и еще получили сто рублей серебромъ награды. Вотъ что поразсказалъ Ягницкій князю. Не смотря на интересность разговора, онъ мнѣ что-то не понравился; кажется, себѣ на умѣ. Сегодня я долгонько просидѣлъ у князя даже до вечерняго чаю и дочитывалъ ему разныя мелочи изъ газетъ. Пришелъ домой, и меня дружески встрѣтили моя Катя и Варинька. Князь подарилъ мнѣ глазной зонтикъ, или, лучше сказать, я самъ у него выпросилъ этотъ зонтикъ. Почиталъ Бальзакова Лекаря, да что-то не такъ нравится.

*

29-го Октября.

Ночью шестеро Татаръ вломились въ маленькій домикъ на улицѣ, занимаемый вдовою Клоцъ, сосѣдкою нашею; она откупилась, давши

*) Сослуживецъ М. С. Воронцова и главный управляющій его имѣніями.

имъ что-то; между тѣмъ, успѣла выскочить въ заднее окошко и разбудить нѣкоторыхъ изъ дворовыхъ людей, принадлежащихъ къ усадьбѣ Кореисской; пришедшіе на помощь люди застали только двухъ Татаръ, не успѣвшихъ или не умѣвшихъ по причинѣ пьянства убѣжать, и опознали ихъ. Въ продолженіе дня нашъ управитель отправился въ Ялтинскій Земскій Судъ съ прошеніемъ вдовы Клоцъ, и сей часъ же пріѣхавшій засѣдатель схватилъ тѣхъ двухъ опознанныхъ людей и отправилъ подъ карауломъ въ тюрьму; въ числѣ схваченныхъ былъ одинъ лавочникъ, ближайшій нашъ сосѣдъ. Подобнаго событія никогда не запомнятъ въ здѣшнемъ краѣ, вообще здѣшніе Татары тихи и робки. Странно, какъ это случилось; схваченные не отпираются, что они приходили въ домъ, въ которомъ выбита окончина, но запираются въ томъ только, что ничего не получали отъ вдовы и все сваливаютъ на безпамятное пьянство. Услышимъ, что̀ будетъ впослѣдствіи. Я опять принялся дочитывать мою любезную психологію Ботеня; она вводитъ по маленьку меня въ міръ таинствъ жизни внутренней, души человѣческой. Вечеромъ заготовилъ письмо и посылку къ Ѳедору Карловичу Мюльгаузену; посылка составляетъ подарокъ и состоитъ изъ пяти томовъ довольно рѣдкаго путешествія по Черкесіи, Грузіи, Крыму и проч. и тома Живописнаго Путешествія по Крыму Демидова, при которомъ множество прекрасныхъ картинокъ. Письмо вылилось изъ души съ силою; желаю, чтобъ оно принялося съ тѣмъ же радушіемъ съ какимъ и писалось. Большую часть дня я былъ одинъ; ходилъ или сидѣлъ по комнатѣ; событія прошедшей жизни, особенно растерянной по столицамъ Москвѣ и Петербургу, припоминались и подтамливали мою чувственность; разумѣется, что событія сіи были наимерзостнѣйшія по любострастію гнусному и безотчетному. Не знаю навѣрное, какъ я ихъ переживалъ; но я просилъ Господа и Чистѣйшую Дѣву, Мать Его, отогнать столь привычныя для меня навожденія..... Лакомлюсь виноградомъ, особенно Малагскимъ; Катя подаетъ мнѣ его въ обиліи; столъ у меня прекрасный. Богу благодареніе! Тропа моя не шероховата. Лиза приходила днемъ прощаться съ нами, остающимися въ Коренсѣ; она совершенно уже переходитъ на житье въ домъ княгини Мещерской.

*

30-го Октября.

Я принялся приводить въ порядокъ, читать и отмѣчать статьи для князя въ двухъ журналахъ: Pittoresque Revue de Paris. Изъ нихъ выбираю самыя любопытныя пьесы для прочтенія его сіятельству, и мнѣ придется ихъ передавать ему по Средамъ и Воскресеньямъ. Покуда—

это дѣло наладилъ. Вдругъ посѣщаетъ меня г. Казначеевъ*); онъ предсталъ мнѣ съ улыбающимся видомъ, какъ добрый знакомый. Я принялъ его привѣтливо, но не съ такимъ внутреннимъ расположеніемъ, какъ бывало то прежде. Онъ ожидаетъ жены своей въ будущее лѣто вмѣстѣ съ сыномъ, котораго въ то время выпустилъ въ инженерные офицеры. Сынъ его, по словамъ отца, нынѣшнее лѣто былъ откомандированъ въ Тверь, для дѣланія полотна на желѣзную дорогу. Еще сказывалъ онъ мнѣ, что сенаторъ Данилевскій по высочайшему соизволенію приступилъ къ составленію исторіи о Итальянскихъ походахъ Суворова. Вмѣстѣ съ Казначеевымъ приходила къ женѣ моей и княгиня Мещерская, которая распространялась о выгодахъ жизни въ Крыму; для богатыхъ вездѣ просторно. Съ почты получилъ двѣ книжки Отечественныхъ Записокъ, на которыя я накинулся какъ голодный коршунъ на лакомую добычу. Обѣ проглотилъ я въ малое время. Варинька, пришедшая отъ князя, подсыпала мнѣ новыхъ газетецъ и принесла романъ Вальтеръ-Скота Вудстокъ, который тутъ же я началъ читать. Я не жалѣлъ вечеромъ глазъ моихъ и подъ зонтикомъ роскошествовалъ въ чтеніи, сколько душѣ было угодно; очень поздно легъ спать. Признаться, Крымъ для меня есть обширная тюрьма, и я утѣшаюсь Русскою пословицею, что если чего не найдешь въ себѣ, то не найдешь и въ селѣ. Не могу, однако, отказать себѣ въ удовольствіи считать дни, какъ они проходятъ; грѣховна моя нетерпимость и мала вѣра моя въ неизмѣнно-благое Провидѣніе. Ночи я сплю спокойно и терпѣливо пропускаю проволоку жизни моей.

*

31-го Октября.

Я немножко поопоздалъ къ обѣднѣ; послѣ, отдохнувши немножко и выкуривши трубки полторы табаку, побѣжалъ къ его сіятельству на предобѣденное чтеніе. На этотъ разъ мнѣ привелось читать заключеніе извѣстной повѣсти Евгенія Сю на четырехъ фельетонахъ Журнала Преній. Такимъ образомъ окончилась эта длинная повѣсть, начатая чтеніемъ еще въ Кіевѣ. Елис. Михайл., чтобъ не дать мнѣ этихъ листковъ, выкинула обычную штуку, будто бы не захотѣла слушать, легла на софу и предалась сну праведницы; одно лишь дизгармоническое ея храпѣнье разносилось по горницѣ. Чтенія еще оставалось, какъ явились къ обѣду Дм. Ив. Поп. и Козловскій. Князь показывалъ загадочное нетерпѣніе; ему хотѣлось и кушать, и дослушать разсказъ; мое состояніе чтеца, который долженъ быть во время выпровожденъ, тоже незавидное; наконецъ я дочиталъ повѣсть и побѣжалъ опрометью

*) Это Александръ Ивановичъ, Таврическій губернаторъ.

домой. Дома меня засталъ вкусный обѣдъ, добрыя щи съ Русскимъ пирогомъ, было и жаркое и пирожное, котораго я съѣлъ нѣсколько кусковъ; послѣ обѣда винограду въ волю, потомъ чашка кофе. Слава Богу! Не завидую ничьему обѣду; у меня дома хорошо.

*

1-го Ноября.

Чтенія не было, по той причинѣ, что пришла въ тоже время къ князю княгиня Мещерская. Вскорѣ прибылъ туда же и Горяиновъ недавно пріѣхавшій изъ Россіи; онъ предъ этимъ разсматривалъ въ Коренсѣ Розовый Павильонъ и маленькій домикъ, что̀ на дорогѣ, и все это по препорученію сестрицы своей Вѣры Алексѣевны Муравьевой, которая намѣревается пріѣхать жить сюда. При общемъ разговорѣ я счелъ за нужное молчать; канва бесѣды состояла въ воспоминаніи о людяхъ и ихъ свойствахъ. Княгиня Мещерская приласкала меня, сказавши, что, не смотря на то, что она третьяго дня была у насъ, она нарочно хотѣла вчера придти на мой счетъ. Горяиновъ что-то косится на меня и даже, взошедши, не счелъ за нужное поклониться. Послѣ обѣда пришелъ и архитекторъ Эшельманъ; это душа доброжелательствующая мнѣ. Княгиня очень любезничала въ разговорѣ и прочитала вслухъ письмо изъ Англіи графа Воронцова къ князю.

*

2-го Ноября.

Опять позабылъ про вчерашнее свое занятіе. Я написалъ два письма: въ Петербургъ и Москву, первое къ Миллеру въ отвѣтъ на его письмо, второе къ Аннѣ Егор. Смѣльской, чтобъ прислала намъ хорошаго Московскаго чаю. Я принялся опять за чтеніе психологіи Ботеневой; она просвѣщаетъ мой умъ и довольно ясна по первому прикосновенію. Когда я брился, то вдругъ нечаянно входятъ ко мнѣ нежданые гости: Казначеевъ и полковникъ Олива съ сыномъ. Послѣдній пріѣхалъ повидаться съ княгинею Мещерскою. Мнѣ вздумалось посѣтить сію послѣднюю, и вотъ одѣвшись я пошелъ къ ней; тамъ еще вновь встрѣтился съ моими гостями и увидалъ дочь Оливы, дѣвушку съ умною физіономіею, но болѣзненную и блѣдную.

*

3-го Ноября.

Пришедши къ князю, засталъ у него архитектора Эшельмана и только что расположился читать, какъ входитъ князь Голицынъ со своимъ пасынкомъ. Они не дали мнѣ читать и все проговорили; здѣсь и я довольно говорилъ. Впервыя здѣсь услышалъ о смерти кн. Козловскаго, дипломата бывшаго при г. Паскевичѣ въ Варшавѣ; я его

видывалъ во время оно въ Петербургѣ, на вечерѣ князя Одоевскаго; онъ пользовался репутаціею очень умнаго дипломата. Говорили о сатирическомъ и недобросовѣстномъ взглядѣ на Россію маркиза Кюстина; я сказалъ имъ, что какой-то Русскій напечаталъ въ Парижѣ опроверженіе на этотъ гнусный и зловонный пасквиль, въ которомъ помѣщены даже личности.

Я читалъ занимательнѣйшую книжку, какихъ мало печатаютъ на Русскомъ языкѣ: Странствователь по сушѣ и морямъ *); авторъ неизвѣстенъ. Предметы имъ описываемые отрывочны, дѣло все касается срединной части Азіи; разсказы оригинальны и по предмету, и по изложенію.

*

4-го Ноября.

На этотъ разъ чтеніе состоялось, никто не помѣшалъ; нѣкоторые изъ слушателей дремали. Послѣ чтенія, когда сошли внизъ, то князь сказалъ мнѣ по нѣкоторомъ предварительномъ подготовленіи, что я не возвратилъ самъ ему той рукописи, которую князь давалъ читать кн. Одоевскому; я точно на этотъ разъ запамятовалъ объ этой рукописи. Сестра его молвила по этому предмету: какая еще чудная память у братца! Нисколько не чудна, замѣтилъ я: о рукописи, у меня хранящейся, вѣроятно, напомнилъ вамъ кн. Козловскій, которому я давалъ ее читать. Дѣйствительно, Козловскій сказалъ мнѣ объ этомъ, продолжалъ князь, потому что теперь мы дѣлаемъ каталогъ рукописямъ и ставимъ ихъ подъ номера. Въ одномъ рукописномъ сочиненіи не отыскивается у меня тетрадки; недостаетъ такожде одной портфели съ собственноручными бумагами импер. Екатерины II. Такъ какъ эти слова ко мнѣ обращались, то я отвѣтствовалъ: когда Ковальковъ разбиралъ съ вами кабинетъ, то въ это время в. с. не позволяли ни мнѣ, ни даже сестрицѣ вашей входить къ вамъ, а потому я и не могу ничего вамъ сказать объ этой потерѣ. Мы еще не всѣ бумаги разобрали, сказалъ старецъ, одинъ столъ остается непочатымъ; тамъ, можетъ быть, найдемъ эту рукопись. Князь хотѣлъ мнѣ дать знать, что онъ разбираетъ свой кабинетъ съ Козловскимъ, обѣщавъ до своего отъѣзда нѣсколько разъ препоручить мнѣ этотъ трудъ; объ обѣщаніи, во время оно, я пересказалъ и Козловскому. Какъ онъ, т. е. Козловскій долженъ быть доволенъ, что меня обошли этою чаркою и что это дѣло ему было предоставлено. За обѣдомъ сестрица отозвалась, что она съ братомъ своимъ особенно занимается и вникаетъ, какія-бы кушанья приготовить, чтобы трапеза ихъ была для меня пріятнѣе. Угостили,

*) Сочиненіе Егора Петровича Ковалевскаго.

употчивали до сыта; считаю дни, когда мнѣ можно будетъ уѣхать съ этого пира. Я постарался воспользоваться первымъ временемъ, чтобъ уйти поскорѣе домой съ пресыщеннымъ желудкомъ, но тощимъ сердцемъ.

Князь разсказалъ мнѣ содержаніе письма, полученнаго имъ отъ Государя. Его Императорское Величество въ отвѣтъ на письмо князево отозвался, что точно въ Позенѣ выстрѣлили въ экипажъ, въ которомъ находилась его канцелярія, но было-ли намѣреніе сдѣлать это противъ него, сего нигдѣ не видно и по слѣдствіямъ еще нигдѣ не оказывается. Но какъ бы то ни было, это событіе, продолжаетъ Государь, открыло ему, какъ много нашлось людей, принявшихъ искреннее и преданное усердіе къ его особѣ. Вмѣстѣ съ симъ Государь съ особеннымъ удовольствіемъ услышалъ о намѣреніи князя допустить себѣ операцію. Самъ Государь и всѣ его ближайшіе будутъ просить Господа, чтобы произошелъ ожидаемый и желанный успѣхъ. Старецъ очень доволенъ этою новою неоцѣненною милостью великодушнаго Монарха.

*

5-го Ноября.

Послѣ обычнаго чтенія я расхаживалъ по кабинету моему; мысли, глубоко проникавшія меня, струились во внутренности; тщета и скоротечность жизни всплывали для ближайшаго воззрѣнія. Благи были сіи мысли, онѣ и ужасали, и ободряли душу мою; онѣ были печальны и радостны. Давно не приходило въ меня такихъ глубокихъ впечатлѣній, и мнѣ остается благодарить Господа за низпосланіе подобныхъ внушеній. Вечеромъ является ко мнѣ и Косаковскій; онъ проговорилъ мнѣ родъ апологіи въ отношеніи своего пріязненнаго поведенія съ докторомъ Крапивинцынымъ. Нѣкоторыя подробности бросаютъ невыгодную тѣнь на сего послѣдняго. Долгое наше знакомство притупляетъ настоящее изложеніе того, какъ я думаю объ этомъ человѣкѣ; довольно, что по словамъ Косик. онъ сблизился съ Козловскимъ, сперва бранивши и поносивши его. Что онъ мнѣ поразскалъ вчера, оказалось или невѣрнымъ, или пріумноженнымъ. Косаковскій человѣкъ степенный и, кажется, хозяинъ своего слова. Онъ ѣдетъ теперь сухимъ путемъ, и его хозяинъ сопровождаетъ его до Николаева; иначе онъ долженъ былъ одинъ ѣхать, даже безъ слуги, котораго сослалъ по настоянію лекаря. Читалъ Вудстока; прелесть да и только! Не хочется оторваться отъ чтенія. Окончилъ книжку Странствователя; книжка эта достойна вниманія.

*

Суббота, 6-го Ноября.

Въ вечеру, когда я спокойно сидѣлъ и занимался чтеніемъ, входитъ ко мнѣ тотъ чиновникъ изъ канцеляріи губернатора, съ которымъ

я познакомился въ Симферополѣ и котораго фамилію и имя теперь только я узналъ: Толстолѣсъ. Въ слѣдъ за нимъ ѣдетъ стая земской полиціи подъ предсѣдательствомъ исправника. Услышавши о происшествіи въ Кореисѣ, губернаторъ строгое далъ предписаніе чрезъ этого нарочнаго чиновника, исправнику, чтобы непремѣнно открыть шалуновъ, обезпокоившихъ вдову Клоцъ. Она, я думаю, и сама уже не рада этимъ наѣздамъ, и управитель, угощая эту воронью породу, все въ послѣдствіи поставитъ на счетъ бѣдной вдовы. Послѣ ухода этаго чиновника является докторъ Шмидтъ и привозитъ мнѣ три письма, одно отъ Жегочева, второе отъ книгопродавца Гауера и компаніи, а третье отъ Вас. Ник. Латкина. Можно себѣ представить, какъ я обрадовался, узнавши, что онъ живъ и здоровъ и притомъ послѣ четырехъмѣсячной сомнительной неизвѣстности. Письмо было большое, связно написано, и я оставилъ чтеніе его до завтраго. Докторъ Шмидтъ предложилъ мнѣ рѣчь съ тѣмъ однако, чтобъ я далъ ему слово, что никому о томъ не буду говорить. Вотъ въ чемъ дѣло. Нѣсколько дней тому назадъ показалась горломъ кровь у князя; онъ ее выплевываетъ поутру почти тарелку; носовые платки его всѣ въ крови, но, повидимому, слѣпецъ этаго не видитъ и не знаетъ. Сестра князя объявила Шмидту, что два брата князевы умерли отъ этой болѣзни, что самый пульсъ у него бываетъ иногда не ровенъ. Сестра не велѣла Шмидту никому о томъ сказывать, а сама нѣкоторымъ пересказала, потому что Шмидта именно спрашиваютъ, когда онъ гдѣ бываетъ, объ этой болѣзни князевой. Когда Шмидтъ былъ на балѣ у князя Голицына, то княгиня спросила Шмидта объ этой крови князевой. Притомъ, говорятъ, Шмидтъ и Козловскій говорятъ о томъ всѣмъ безъ зазрѣнія. Шмидтъ желалъ бы написать о здоровьи князя родъ рапорта въ Петербургъ, чтобы не быть въ отвѣтѣ, на всякій случай, и проч. Однако теперь князю лучше, и кровь унялась послѣ какихъ-то порошковъ, данныхъ Шмидтомъ.

*

Воскресенье, 7-го Ноября.

Только что успѣлъ одѣться, побѣжалъ въ церковь. Послѣ обѣдни зашелъ ко мнѣ Дмитр. Ивановичъ; мы съ нимъ выкурили по трубкѣ табаку. Странны наши отношенія съ нимъ; онъ совсѣмъ пересталъ ходить ко мнѣ, а ежедневно отправляется мимо меня къ Анн. Александр. Турчаниновой. Связь наша видимо холодѣетъ. Пошелъ къ князю для чтенія, онъ былъ въ верху, мы только были одни съ сестрою; я коснулся того, какъ непріятно мнѣ было, что князь напомнилъ о рукописи, неужели я не возвратилъ бы ея къ нему самъ; это все продѣлки Козловскаго. Еслибъ обстоятельства мнѣ дозволили, то слѣдовало бы сей часъ же удалиться. Я читалъ князю занимательное событіе,

исполненное всѣхъ историческихъ достовѣрностей и при томъ таинственное, подъ названіемъ: Mystère historique. Въ саду нашемъ, предъ террасою, многія деревья совершенно еще зелены. Прочиталъ письмо Латкина. Съ нимъ случилось несчастье: плывя по одной рѣкѣ, онъ хотѣлъ стрѣлять на утокъ; видно безъ его вѣдома, ружье было переложено, онъ началъ тянуть его изъ подъ крыши лодки, курокъ соскочилъ, произошелъ выстрѣлъ и убило выстрѣломъ почти на повалъ гребца, добраго и услужливаго... Я тотъ-же часъ написалъ и отвѣтъ къ нему и утѣшилъ его, какъ зналъ и какъ могъ.

* Понедѣльникъ, 8-го Ноября.

Прежде чѣмъ я читать началъ скучную хронику сомнительнаго ясновидѣнія, князь сказалъ мнѣ, что онъ слышалъ отъ Шмидта о нездоровьи жены моей; что хотя онъ и согласился, чтобы она приставила піявки, но это временная помощь, но что ей надо по словамъ Шмидта серьезное леченіе, прибавилъ онъ значительно. Точно такъ, в. с. отвѣтствовалъ я: Катя моя очень нездорова, и это, я полагаю, отъ дома; домъ нашъ сыръ, какъ погребъ и когда на дворѣ вѣтеръ, то у насъ всегда бываетъ холодно; вотъ, продолжалъ я, какъ опростаю я квартиру для Вѣр. Алекс. Муравьевой и когда та подтвердитъ вамъ мои слова, тогда вы повѣрите болѣе; а теперь вы не видите, слѣдовательно вамъ трудно сіе объяснить. Послѣ обѣда уговаривали всѣ мы (Козловскій вышелъ) князя, подъ предсѣдательствомъ Шмидта, чтобы онъ на рукахъ поставилъ котеръ, на что онъ не соглашался, ибо объ этомъ его Любинька не писала; потомъ сказалъ намъ, что если онъ и рѣшился на операцію, то это по тому, что Любинька сіе ему указала. До обѣда я намекнулъ князю, что я поусталъ, потому что пришелъ пѣшкомъ по грязной дорогѣ, но напоминаніе не помогло, и я долженъ былъ возвращаться по той-же грязной дорогѣ, да при томъ и сопровождаемый дождичкомъ. Князь въ этомъ невиноватъ: слѣпому-ли догадываться о такихъ бездѣлицахъ; напомнить же ему никто не хочетъ.... Дома также у меня не совсѣмъ ладно: Варв. Петр. не на шутку разсердилась, молчитъ, дуется; Катя сказывала мнѣ, что она какъ-то на дняхъ сердилась на ребенка, сына моего каммердинера, и проявляла свою досаду на невинномъ дитяти за то, что прогнѣвалась на отца его и на меня. Катя ей замѣтила съ кротостію все неприличіе и безполезность этаго гнѣва и когда я сталъ ласкать ребенка, то и она начала цѣловать и ухаживать за нимъ..... Вездѣ, право, и неблагодарность, и неудачи; признаюсь, разочарованіе томно и темно, но по крайней мѣрѣ та выгода, что усматриваешь наконецъ истину. Вотъ что Катя моя сказала мнѣ, сего-дня съ торжественностью: Если я умру, не только позволяю,

но даже желаю для твоего спокойствія, чтобы ты женился. Женись, мой другъ, на комъ ты хочешь, только не на той, которая живетъ съ нами и которая содѣлаетъ твое несчастіе. Нѣтъ, другъ мой Катя, Господь да помилуетъ меня и защититъ даже отъ одной мысли подобной; прошу Господа, чтобы онъ далъ тебѣ постигнуть мои задушевныя намѣренія и думы по этому предмету. Другая жена моя должна быть Сырà-Земля; пусть обручится душа моя Господу Богу и пусть милующій Его промыслъ сохранитъ и помилуетъ кающагося грѣшника, столько разъ измѣнявшаго своему долгу и самой священнѣйшей изъ обязанностей! Помилуй, Господи, раба твоего и содѣлай, чтобы мужъ невѣрный освятился женою вѣрною. Аминь.

*

Вторникъ, 9-го Ноября.

Долго я не одѣвался, почти вплоть до обѣда, радъ что никуда не идти; за то ко мнѣ пришелъ прощаться чиновникъ гебернаторскій Толстолѣсъ, который отправлялся во свояси. Я ему подарилъ книжку христіанскаго содержанія и вмѣстѣ послалъ другую такую-же писарю на послѣдней станціи отъ Симферополя. Послѣ его пришелъ ко мнѣ князевъ священникъ въ сопровожденіи другаго священника, старца благовидной наружности. Этотъ шестидесяти-семилѣтній старецъ назначается владыкою Херсонскимъ во священники единственной церкви въ гор. Ялтѣ. Онъ отправленъ былъ эпархіальнымъ начальствомъ для сбора вкладовъ на строющуюся при соборѣ Одесскомъ теплую церковь, и вотъ, другой годъ ѣздя по разнымъ мѣстамъ, онъ собралъ нѣсколько тысячъ рублей. „Не разъ простужался я на дорогѣ и всякій разъ вылѣчивался тою же дорогою, надѣясь на Бога и не принимая никакого лѣкарства“. Старецъ маститый и сѣдовласый. Я имъ обоимъ подарилъ по книжкѣ духовнаго содержанія, и старецъ отходя сказалъ мнѣ, что онъ болѣе радъ книжкѣ чѣмъ какой нибудь вкладѣ. За обѣдомъ я встрѣтилъ сюрпризъ отъ доктора Шмидта: на столъ подали мнѣ звѣно свѣжей осетрины: c' est galant de sa part! Вечеромъ пришелъ ко мнѣ архитекторъ Эшельманъ, весь разстроенный и встревоженный; жалуется на Елис. Михайловну, которая начала уже искать, по его словамъ, въ Козловскомъ; онъ такъ завладѣлъ старцемъ, что жалко видѣть, и родная сестра князева, чтобы успѣть что нибудь сдѣлать, должна прибѣгать къ посредству Козловскаго. Въ примѣръ сего привелъ онъ слѣдующій казусъ. Одна стѣна дома князева, по какому-то случаю, сдѣлана была изъ стеколъ; къ пріѣзду князеву стекла вынули и загородили досками; не одна стѣна такимъ образомъ была сдѣлана, а двѣ, но первую изъ нихъ задѣлали каменьями изъ остатковъ отъ церкви, а на другую не достало матеріала. Слѣпой князь въ старческой

мономаніи непремѣнно хотѣлъ, чтобы и другая стѣна была сдѣлана и сдѣлана безъ отлагательства. Что̀ сестра ни говорила ему о томъ, что не припасены матеріалы, что трудно ихъ сбирать въ теперешнее время, что труднѣе и того строить въ такой холодъ, ничто не помогало; равно какъ не помогали и резоны самаго архитектора по тому же предмету. Елис. Мих. въ отчаяніи, не зная что̀ предпринять, обратилась къ Козловскому и каммердинеру князя Семену Филимонову, и вотъ тѣ, только что поговорили, и мономанія князева прошла, и постройку отложили до лѣта. Козловскій, по словамъ Эшельмана, хвастаетъ въ Ялтѣ всѣмъ и каждому, что всѣ въ немъ ищутъ и всѣ къ нему забѣгаютъ, что въ числѣ этомъ и я состою. Сего-дня Варвар. Петр. отправлялась на чтеніе къ князю, и тотъ-же Козловс. не упустилъ сказать ей, что онъ три ночи кутилъ съ лекаремъ Крапивинцинымъ и что провожавши его на параходѣ выпили съ нимъ бутылку настоящаго Шампанскаго, впредъ до свиданія. Какъ до свиданія? сказала Варв. Петр., Крапивинцинъ намѣревался изъ Одессы отправиться въ Петербургъ? Нѣтъ, отвѣтствовалъ Козловскій, онъ подождетъ въ Одессѣ, пока я справлю для него мѣсто лекаря въ Ялтѣ; хорошо бы было, когда бы то можно на мѣсто Зеленкевича. Вотъ тайны съ одной стороны исканія, а съ другой пріязненнаго покровительства; а давно ли этотъ лекарь поносилъ Козловскаго и смущалъ меня, пересказывая мнѣ разные безпорядки до него касающіеся? Онъ сближался тайно отъ меня, конечно думая, что я ничего объ этомъ не узнаю. Варв. Петр. все еще отмалчивается, сердится и вымѣщаетъ, такъ сказать, на насъ дурный нравъ свой; это тревожитъ и Катю и меня; но нельзя не вспомнить, какъ таже Варв. Петр. усердствова мнѣ въ болѣзни и замѣняла меня у князя въ утомительныхъ занятіяхъ чтенія.

*

Середа, 10-го Ноября.

Я забылъ написать о нѣкоторыхъ вчерашнихъ занятіяхъ моихъ, именно: о прочтеніи занимательныхъ свѣдѣній о новой республикѣ Техасѣ въ Сѣверной Америкѣ и о таковыхъ же свѣдѣніяхъ касающихся до Алжира. Съ большою пріятностію все это я прочиталъ изъ Мальтъ-брюновой Географіи, которую у себя имѣю въ послѣднемъ пятомъ изданіи; я имѣлъ ее нѣкогда въ Петербургѣ, когда она еще показалась первымъ изданіемъ. Началась сырая погода, верхи горъ покрылись снѣгомъ, выпало много дождя; дорога и грязна и склизка. Князь прислалъ за мною карету. Я читалъ ему разныя любопытныя вещи и, кажется, угодилъ ему; отъ него пріѣхалъ я домой уже на дрожкахъ. Кончивши свое обычное чтеніе, я раздумался немножко и ясно усмотрѣлъ въ себѣ скуку и унылость настоящаго моего житья. Богъ и

здѣшняя природа ко мнѣ милостивы, но за то козьи лица встрѣчаю я въ людяхъ и особенно тѣхъ людяхъ, которымъ я существенныя показалъ услуги. Поповъ пересталъ ко мнѣ ходить, управитель вздурился Богъ знаетъ за что, пересталъ тоже посѣщать меня, не говоря уже о Козловскомъ, тотъ уже просто противу меня враждебствуетъ и ищетъ и, можетъ быть, находитъ случай оттѣснять меня. По слухамъ до меня дошедшимъ Турчанинова взяла подъ свое покровительство Попова, она сближаетъ его съ княземъ. Поповъ, всякій день, подъ видомъ отчета о успѣхахъ леченія, ходитъ всякое утро къ Турчаниновой, и такъ это все пригоняется, что въ то время и князь у нея бываетъ. Справедливы ли слухи, но только они есть, и я нынѣ объ нихъ узналъ, что будто бы Поповъ желаетъ поступить на мое мѣсто, когда я оное оставлю. Въ добрый часъ! Искренно говорю. Что̀ за тягостное и странное ощущеніе, котораго я не чувствовалъ, ощущеніе считать нетерпѣливо остающіеся дни, которые я въ своемъ малодушіи предположилъ прожить здѣсь, какъ будто бы жизнь могла отъ меня зависѣть. Господи! Не оставь немощи моей во грѣхъ.

*

11-го Ноября.

Окончивъ обычное чтеніе мое, то есть, христіанскія размышленія и первый годъ Penny-Magazin на 843 годъ, я вздумалъ почитать и Психологіи Ботеня. Онъ разсуждаетъ о словѣ и языкѣ человѣческомъ, или, вообще о языкахъ, и ясно доказываетъ, что не нечаянность образовала языки народовъ, но что Богъ нашъ, Богъ всякаго порядка, привнесъ въ основаніе оныхъ дѣло Своей премудрости, которая разлилась въ пространствѣ и времени. Авторъ указуетъ на первоначальный, типическій языкъ, котораго нынѣшніе языки суть какъ бы разбросанные и перемѣшанные обломки. Предѣлы назначенія сего летучаго листка воспрещаютъ мнѣ распространиться далѣе, но я благодарю Господа за Ботеня: онъ современное украшеніе человѣческое.

Пошелъ къ князю на обычное дежурство и обѣдъ; онъ уже дожидался на верху нашего прихода. Я началъ чтеніе. Ничего новаго нѣтъ, кромѣ только того, что сомнамбула непрестанно и неумолкно сближала князя съ Анной Александр. Турчанин. и, кажется, эта связь основана на исключеніи другихъ. Сомнамбула повторяетъ почти однѣ и тѣже апофегмы. Удивляюсь и разочаровываюсь; сегодня Козловскаго не было, онъ уѣхалъ за почтою, слѣдовательно авдиторы, кромѣ князя, были сестра его и дѣвица Мауреръ, послѣдняя ничего почти не понимаетъ и даже не скрываетъ этого; первая, то есть сестра, спитъ отъ скуки. Мнѣ кажется, что и самъ князь скучаетъ, потому что охотно велитъ заканчивать чтеніе, и рѣдко бываетъ, чтобы я болѣе часу читалъ.

Въ нынѣшній разъ Елис. Михайл., усмѣхнувшись, сказала мнѣ: каковъ вамъ урокъ!.... Эта дѣвица Мауреръ очень забавна со своимъ усердіемъ къ князю; ей очень хочется помѣститься въ домѣ его на житье и какъ она душитъ его безпрестаннымъ чтеніемъ! Только что успѣли мы сойти внизъ, какъ она уже и принялась было читать ему прежнюю сказку Евгенія Сю: Артюръ; но сестра и князь воспретили ей то, сказавши: У насъ теперь въ гостяхъ Юр. Ник., то вы и послѣ можете читать; онъ къ намъ такъ рѣдко ходитъ, и мы хотимъ разговаривать. Это слово ее осадило, и она положила книгу. Вскорѣ пріѣхалъ и Козловскій, онъ почти ничего не привезъ кромѣ газетъ. Тщетно ожидая, чтобы по имѣющейся у него довѣренности онъ привезъ мнѣ изъ Ялты мое мѣсячное содержаніе, я наконецъ рѣшился напомнить ему объ этомъ, хотя вообще мнѣ очень не хотѣлось говорить ему о томъ. И вотъ онъ отвѣчаетъ мнѣ отрывистымъ и далеко отъ пріязненности тономъ, что онъ дожидался, чтобъ я ему объ этомъ напомнилъ. У васъ есть моя довѣренность. Что нужды, я вѣдь не знаю, вы могли другаго послать за вашимъ жалованьемъ, какъ вы это и сдѣлали по одному предмету (онъ хотѣлъ напомнить мнѣ о письмахъ). Послѣ обѣда князь уснулъ, зазвенѣлъ голосъ мамзель Мауреръ, и Сю заговорилъ ломаннымъ Швейцарскимъ нарѣчіемъ, а я отправился посѣтить Ан. Алек., но она отправилась къ Поповымъ; уже не нарочно-ли она уѣзжаетъ въ тѣ дни, когда обыкновенно я захожу къ ней? Посмотримъ и увидимъ. Съ почты я получилъ одно только письмо отъ Офрейна и отъ души порадовался, что близится желанное имъ опредѣленіе къ новому мѣсту, гдѣ онъ можетъ быть обезпеченъ довольствомъ содержанія. Вечеромъ читалъ газеты и приготовилъ двѣ посылки, т. е. книжки съ записками, одну протоіерею въ Симферополь, другую къ архіепископу Гавріилу въ Одессу; эти книжки я обѣщалъ имъ, когда эти господа были у меня въ домѣ.—И сегодня поутру имѣлъ, какъ вчера, припадокъ тоскливой грусти, что я здѣсь остался, какъ ракъ на мели. Но вечеръ имѣлъ свою сладость: мое бюро, свѣтлота въ комнатѣ, небольшое мое семейство, сидящее въ одной со мною комнатѣ и беззаботно работающее; я, или сижу, читаю, или стоя пишу, или хожу, размышляю. Слава Богу, за все! Тепло, свѣтло, тихо, покойно, чегоже болѣе? Предаюсь въ Его святую волю, скука и тоска мои отлегли. Въ будущемъ надѣюсь всего добраго.

*

12-го Ноября.

Нынѣ у меня свободный день; никуда не идти, а потому я долго и не одѣвался. Окончивъ мое обычное чтеніе, я велѣлъ затопить свою

желѣзную печку, придвинулъ къ ней покойное свое кресло (все таки не такое, какъ въ Петербургѣ), закурилъ трубку и принялся читать разнообразный Penny-Magazin, отмѣчая въ этомъ занимательномъ журналѣ лучшія и любопытнѣйшія статьи, чтобъ прочитать ихъ послѣ князю. Мнѣ отрадно было такъ сидѣть; солнышко, проходя свозь цвѣтныя стекла галлереи и сквозь стекло моей комнаты, освѣщало столько, сколько нужно было для покойнаго чтенія. Я вытягивалъ старое и недужное свое тѣло, чтобъ наслаждаться роскошествомъ бездѣлья. Долго я сидѣлъ и много прочиталъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не утомилъ глазъ.— Послѣ сытной трапезы я опять отдыхалъ въ спокойствіи духа, которое однакожъ было встревожено болѣзнью жены моей: она бѣдненькая почувствовала себя какъ-то худо; хотя ночью и хорошо спала, но были судороги; теперь же и голова болитъ и разстройство нервъ перемѣшанное съ геморроидами. Болѣзнь лишаетъ ее нужнаго для нея спокойствія и сколько лѣтъ она, такимъ образомъ, мучится. Господи, позолоти, какъ теплое весеннее солнышко, состояніе радостно увидѣть жену мою здоровою; хотя бы немножко пожить мирно и въ нѣкоторомъ субботствованіи духа. Всю жизнь она, бѣдненькая, терпитъ и потому мало зазнала радостей въ своемъ смиренномъ существованіи. Не терпитъ ли она за меня? Господи! Обаче не моя, но Твоя да будетъ воля! Принимался читать и новую книгу: это романъ Жакъ, г-жи Дю-Дефанъ, извѣстной подъ псевдонимическимъ прозваніемъ Георга Занда; но я скоро пересталъ ее читать, думая прочитать эту книгу князю. Мнѣ хочется поближе посмотрѣть на ея сочиненія, впрочемъ мнѣ извѣстныя, отличающіяся особенною прелестью стиля.

*

13-го Ноября.

Я опять было расположился понѣжиться съ трубкою и книгой у своей желѣзной печки, какъ вдругъ сказываютъ мнѣ, что княг. Мещерская желаетъ со мною повидаться и что она сидитъ теперь внизу у Ольги Карловны. И вотъ принужденъ я былъ бросить и трубку и книгу и печку; началъ поспѣшно одѣваться, умываться, надѣвать свой волосяный тупей на голову.

Является княгиня со своею компаньонкою; откуда только не взялась прилетѣла и дѣвица Мауреръ. Княгиню и ея дѣвицу я одарилъ книжками христіанскаго содержанія, первой еще предложилъ цѣлый пукъ Французскихъ религіознаго содержанія книжекъ, изъ которыхъ обыкновенно прежде дарилъ по книжкѣ и по двѣ Лизанькѣ. Къ этимъ книжкамъ какое-то особенное прилѣпленіе имѣетъ княгиня, читаетъ ихъ съ удовольствіемъ и пользою, слѣдовательно я очень ей угодилъ

этимъ подаркомъ. Потомъ я подарилъ княгиню вышитыми по канвейной бумагѣ закладочками; эти закладочки подарены мнѣ были Царскосельскою Нѣмкою, которую мнѣ удалось сосватать за Француза; думалали она и воображалъ-ли я, что эти закладочки чрезъ нѣсколько лѣтъ достанутся княгинѣ Мещерской? По видимому и гости, и хозяева разстались очень хорошо настроенными, а княгиня забавно шутила надъ дѣвицею Мауреръ, какъ она боится Елис. Михайл. и оглядывается на всѣ стороны, чтобы не просрочить ни минуты времени. Послѣ обѣда писалъ записочки къ Исакову и Гауеру; перваго просилъ, чтобы прислалъ мнѣ остальные томы Георга Занда; я успѣлъ вечеромъ почитать Индіану сего автора. Книга читалась съ удовольствіемъ и наслажденіемъ; тоже удовольствіе и наслажденіе я думалъ доставить и князю ея прочтеніемъ. Я заранѣе радовался, что Исаковъ пришлетъ мнѣ остальное сего автора, котораго не удалось мнѣ прочитать всего. Несмотря на сладость ожиданія, я, прочитавши Индіану, почувствовалъ какое-то глухое смущеніе въ совѣсти, но я не очень занялся подобнымъ внушеніемъ.

Поутру я перечитывалъ и приводилъ въ порядокъ Musée de Famille, все приготовляя чтеніе для князя. Захотѣлось ужинать, и я прикрупился къ жареной свининѣ съ рыжиками, но ночь прошла благополучно, и я спалъ порядочно. Варинька принесла мнѣ отъ князя романъ Вальтеръ-Скотовъ: Веверлей; я его читалъ нѣсколько разъ, но онъ для меня всегда занимательное чтеніе. Варинька также вмѣстѣ съ книгою передала мнѣ и приглашеніе князя обѣдать у него завтра, потому что Мещерская обѣщала прислать къ нему два вкусныхъ блюда ея рукодѣлья, или, лучше сказать, трудовъ ея поваровъ, по наслышкѣ, очень искусныхъ.

*

14-го Ноября.

При пробужденіи встрѣтила меня безпокойная дума о вредѣ, какой можно получить отъ чтенія сочиненій Зандъ, о несовмѣстности занимать старца таковымъ чтеніемъ, о ловушкѣ или западнѣ поставленной для меня самаго въ написанномъ письмѣ къ Исакову; потому что, если получу остальныя сочиненія Занда, то мнѣ захочется опять собирать современные романы, и я снова взойду въ этотъ омутъ, въ который погружался не десятокъ разъ въ моей жизни. Самая даже утренняя молитва моя была не безъ труда; я былъ смущаемъ и волнуемъ. Однакожъ, по благости Божіей, я рѣшился уничтожить письмо къ Исакову и замѣнить другимъ, гдѣ уже требовать тѣхъ книгъ или продолженія тѣхъ сочиненій, которыхъ первые томы я имѣю, наприм. Лейбница и проч.

Не успѣло еще улечься во мнѣ и это искушеніе, какъ поразило меня новое; я разскажу по порядку. Я садился бриться, какъ вдругъ подаютъ мнѣ запечатанную записку отъ управителя. Въ этой бумажкѣ ломаннымъ Русскимъ языкомъ требуютъ съ меня лишнихъ 300 рубл. за квартиру; мы оговорились съ управителемъ, что, во время временнаго отъѣзда моего изъ Кореиса, онъ бы починилъ и привелъ въ надлежащій порядокъ мою квартиру, въ которой жить почти нельзя было. Управитель ничего этого не сдѣлалъ, самъ не пришелъ ко мнѣ для объясненія и когда я послалъ къ нему мальчика, то онъ съ ироніею ему отвѣтствовалъ на приказанныя слова: „знаю, что это удивило вашего барина“. Вообще управитель нахаленъ и дерзокъ, и забылъ наше словесное условіе, чтобы не платить ему тѣхъ денегъ, которыя онъ такъ неучтиво съ меня требуетъ. Взволнованный я пошелъ однакожъ къ обѣднѣ; молитва моя была сбивчива, разсѣянна и непокойна. Съ Поповымъ мы размѣнялись фразами и условными поклонами. Князь повторилъ мнѣ свое приглашеніе; княгиня Мещерская со своими обѣими воспитанницами зашла ко мнѣ послѣ обѣдни. Я началъ было возвышать обыденный разговоръ нашъ, но онъ упадалъ ежемгновенно или отъ недостатка надлежащей стачки, или отъ недостатка элемента, или отъ нерасположенія главнаго дѣйствующаго лица, то есть, княгини. Конференція изсяклась, и мы всѣ пошли изъ дома, семейство княгини во свояси, я къ своему князю; однако я счелъ за обязанность проводить княгиню до ея дома. Наблюдательная мамзель Мауреръ и здѣсь явилась; странное учащеніе и при томъ тогда, когда бываетъ у меня кн. Мещерская. Разговаривая со мною дорогою, княгиня сказала мнѣ, что она, прогуливаясь вчера по дорогѣ, встрѣтила какого-то монаха, ѣдущаго на трясилкѣ, въ которую впряженъ былъ оселъ; на монахѣ была круглая шляпа, и онъ лежалъ, а не сидѣлъ. И вотъ какъ-бы вы думали, продолжала княгиня, это не монахъ былъ, а дѣвица Турчанинова..... Во время прогулки я не могъ надивиться ясности, теплотѣ, аромату дня; хотѣлъ даже скинуть свою шинель, но потому побоялся, что былъ въ испаринѣ. Словомъ, такій былъ день, каковыхъ рѣдко бываетъ въ Петербургѣ и посреди лѣта.

Пришелъ къ князю, онъ былъ у Турчаниновой, и вотъ я долженъ былъ остаться съ Елис. Михайл. Она мнѣ сейчасъ сообщила разныя свѣдѣнія касающіяся до Попова; какъ Ан. Ал. и Поповъ пригоняютъ время, чтобы быть въ тотъ моментъ, когда князь приходитъ къ Турчаниновой; что Турчанинова всячески старается сближать Попова съ княземъ; что даже, во время обычной прогулки князевой, Поповъ, какъ-бы ненарочно встрѣчаясь, заводитъ разговоръ съ княземъ и со-

провождаетъ въ прогулкѣ; что князю эта наянливость Попова становится скучною; что однажды, остановясь съ нимъ на дорогѣ и поговоря съ Поповымъ, князь сказалъ ему: прощайте, почему Поповъ долженъ былъ отойти и проч.

Но всѣхъ сплетней не перепишешь. Князь далъ мнѣ совѣтъ отдать деньги управителю и написать къ баронессѣ [1]). За обѣдомъ ѣли мы курицу въ маіонезѣ и кашу изъ саго и свободно объявляли о достоинствѣ блюдъ свое мнѣніе. Послѣ обѣда я зашелъ посѣтить Анну Александровну. Она приняла меня съ обычнымъ радушіемъ и умиротворила взволнованную душу мою. Сказала мнѣ, что на досугѣ она много обо мнѣ думала; что мнѣ выходить въ отставку не должно; что всего лучше служить мнѣ по иностранному министерству; въ этомъ родѣ службѣ менѣе, по ея словамъ, мелочей и интригъ; все творится по данной инструкціи; что житье на берегахъ Рейна или въ Швейцаріи разпрекрасное; что даже въ самомъ Стамбулѣ для человѣка любознательнаго нашлось бы много пищи; что самое даже письмо писанное обо мнѣ княземъ къ Императору было условно; что старецъ силенъ выпросить все у Государя, что она ожидаетъ моего приказанія, дабы подробно переговорить о томъ съ княземъ и проч. Потомъ позвала свою дѣвочку и сказала ей: что̀ есть въ печи, то все на столъ мечи, и это для того, чтобы меня употчивать. Я поздно отъ нея воротился домой, утѣшенный ея участіемъ, хотя и вовсе несозвучный съ ея обо мнѣ предположеніями. По приходѣ къ себѣ встрѣтили меня мои присные, и Катя подала мнѣ четыре письма съ почты полученныя. Одно изъ Москвы отъ жены Смѣльскаго, другое изъ Кіева отъ бывшей ключницы Алек. Петр., которая повадилась ко мнѣ писать; третье письмо отъ вдовы покойнаго Дружинина и четвертое отъ доктора Мюльгаузена [2]). Послѣднее было всѣхъ интереснѣе. Онъ пишетъ очень пріятно и о князѣ. Занятій у меня особенныхъ не было, началъ читать и восхищаться Веверлеемъ, но долго читать не могъ: усталъ и отъ чувствъ и отъ досады. Катя даже смачивала мнѣ голову Кельнскою водою; чувствую себя немножко разстроеннымъ. Стихія гнѣва для души, какъ сильная буря для моря; скоро ли все успокоится? Господи подкрѣпи меня! Я весь разсѣялся, разстроился и пролился, какъ вода изъ сосуда.

*

15-го Ноября.

Поутру управитель присылаетъ напоминать мнѣ о вчерашней запискѣ; я послалъ къ нему съ Варинькою 75 рублей сер. Онъ ихъ не

---

[1]) Беркгеймъ.

[2]) Докторъ Мюльгаузенъ, кончившій жизнь въ Москвѣ главнымъ докторомъ Странноприимнаго дома графа Шереметева, тесть Т. Н. Грановскаго.

принялъ, требовалъ всѣхъ. Я вновь послалъ къ нему тѣ-же деньги и велѣлъ сказать ему, что если онъ ихъ не возьметъ, то я буду вести счетъ съ баронессою. На этотъ разъ онъ снѣжилъ и проговорилъ что-то въ свое оправданіе и проч. Въ слѣдъ за этимъ явился столяръ также съ требованіемъ денегъ, хотя обязанность платить была вовсе не моя, да и стекла были Елис. Михайл. У князя я засталъ княгиню Мещерскую; завязался общій разговоръ; пришелъ и Козловскій. Она начала говорить объ управителѣ, который пилъ вчера чай у нея. Признаюсь, я далъ волю языку и негодованію; рѣзко оболванилъ я этого человѣка и выставилъ болѣе и менѣе многіе его поступки. Княгиня говорила, что онъ вчера разсказывалъ о кротости своего управленія Кореисомъ, которая показалась ей примѣрною. Я возразилъ ей: въ вашемъ домѣ, княгиня, хранится бумага, въ которой завернуты выдерганные изъ крестьянской головы волоса, принесенные самимъ крестьяниномъ вашему мужу, слѣдовательно кротость его очевидна. Дѣвица Мауреръ, агентъ Кологривой, зорко озиралась, но врядъ ли она все поняла; Козловскій тоже въ этомъ духѣ пополнялъ словесно мои свѣдѣнія, особенно, когда говорили о похищеніи церковной казны управителемъ. Тутъ Кологривая замѣтила мнѣ, что онъ не вызвалъ бы меня на поединокъ; это вызвало сказать мнѣ ей очень рѣзкое. За столомъ также поднялся у насъ шумный разговоръ, только уже не въ этомъ духѣ, и тутъ Кологривая нашла случай покровительственнымъ тономъ сказать что-то также про управителя, но я уже не счелъ за нужное доказывать несовмѣстность и неприличность словъ ея; вообще она очень должна быть рада, что можетъ унизить меня и Козловскаго и вообще она тѣхъ ненавидитъ, которыхъ братъ ея искренне полюбитъ. За столомъ, однако, я также былъ въ духѣ; опровергалъ ея ложные взгляды и сужденія. Князь и до обѣда и за обѣдомъ держалъ нашу сторону. Впрочемъ, я говорилъ не договаривая, иначе привелось выводить наружу всѣ ея козни и обманы. Я почти увѣренъ, что она трепетала за себя, по пословицѣ, что пуганная ворона и куста боится. Въ нынѣшній мой приходъ я услышалъ двѣ занимательныя для меня новости: Государь приказалъ объявить свое повелѣніе окулисту Ванцети, чтобы онъ, по пріѣздѣ изъ чужихъ краевъ, не заѣзжалъ являться къ своей должности въ Харьковъ, а прямо бы ѣхалъ къ князю и приступилъ къ операціи; это сообщила княгиня Мещерская; она получила это извѣстіе отъ кого-то, теперь не припомню. Второе извѣстіе тоже она сообщила, что будто вчера управитель приносилъ ей письмо отъ баронессы, въ которомъ приказывается ему припасти маленькій домикъ, что̀ на дорогѣ, для Муравьевой, которая, по словамъ письма, намѣревалась отправиться 26-го Октября. Это князя озаботило; но

вѣрно-ли это, неизвѣстно. Родный ея братъ, Горяиновъ, долженъ бы былъ знать объ этомъ; а онъ утверждаетъ противное. Князь разсказывалъ съ умиленіемъ о Великой Княжнѣ, Ольгѣ Николаевнѣ, которая счастливую мысль свою облекла въ дѣйствіе. По ея желанію открывается въ Царскомъ Селѣ институтъ для дочерей священниковъ и дьяконовъ. Этого заведенія недоставало въ Россіи. Слава и благодарность дщери Царевой, утѣшенію царственныхъ своихъ родителей и всѣхъ Русскихъ.

*

16-го Ноября.

Послѣ обычнаго моего чтенія христіянскихъ размышленій, я довольно долго нанимался Психологіею Ботеня; она и утѣшаетъ, и просвѣщаетъ меня; замѣтно, что авторъ готовится развивать ее въ глубокомъ объемѣ; доживу ли я до совершенія сего подвига? Господи! Да будетъ воля Твоя. Поутру посѣтилъ меня лѣкарь Зеленкевичъ; онъ въ безпрестанныхъ разъѣздахъ; часто встрѣчаются дѣла уголовныя между Татарами, драки или подлыя дѣла нечистоты и буйства плотскаго. Только что успѣлъ я выбриться, какъ заходитъ ко мнѣ гость рѣдкій и нежданный: князь Василій Сергѣевичъ Голицынъ. Мы съ нимъ поговорили кое о чемъ занимательномъ; онъ мнѣ пересказалъ любопытный анекдотъ, касающійся до перваго его пасынка графа Суворова, какъ онъ, бывши еще унтеръ-офицеромъ, не хотѣлъ присягать Государю Императору и какъ Государь великодушно и мудро наставилъ и вразумилъ его. Я передалъ князю благодарныя мои чувства за посѣщенія сдѣланныя имъ во время моей долговременной болѣзни и обѣщался, если Господь поможетъ, то въ полномъ уже просторѣ прожить у него дня два въ прелестномъ его постоянномъ убѣжищѣ на южномъ берегу Крыма.

*

17-го Ноября.

Прочитавши главу изъ Méditations Religieuses, я довольно много читалъ изъ Психологіи Ботеня; все ясно и наставительно; потомъ лакомился Веверлеемъ; утро въ томъ и прошло. Отъ кн. Василья Сергѣевича Голицына я получилъ отвѣтную записку обязательную и ласковую, гдѣ онъ приглашаетъ меня погостить у себя на нѣсколько дней въ настоящемъ его мѣстопребываніи, а теперь онъ временный только жилецъ въ Мисхорѣ. День былъ ясный и теплый; мнѣ надлежало идти къ князю, а Катѣ вздумалось заплатить визитъ княгинѣ Мещерской; вотъ она съ Варенькою меня и проводили до самаго дома князева. Подходя къ дому, мы завидѣли дѣвицу Мауреръ, которая большими шагами спѣшила также въ домъ князевъ, даже на насъ не

взглянула; она, такимъ образомъ, шла отъ кн. Мещерской. У князя я читалъ изъ Musée de Famille повѣсть, которая у всѣхъ у насъ извлекла слезы; у меня онѣ капали крупныя. Передъ обѣдомъ явился кн. Козловскій съ почтою; онъ былъ въ ударѣ разсказывать новости, но я сей часъ же подобрался бѣжать домой, не смотря что князь приказывалъ остаться послушать свѣжихъ газетъ. Вашему сіятельству вѣрно пріятнѣе будетъ, когда я уйду, чѣмъ останусь, сказалъ я шутя и сей часъ же побѣжалъ домой; отобѣдалъ, затопилъ желѣзную печку, сѣлъ грѣться и сладко уснулъ.

Я проснулся уже тогда, какъ возвратилась Варинька отъ князя, куда она отправлялась, по его приказанію, читать иностранныя газеты; она принесла мнѣ ихъ цѣлый пукъ и въ томъ числѣ конвертъ отъ почтмейстера Ялтскаго, въ которомъ было мнѣ два письма отъ Жегочева и Латкина изъ Вологды. Бѣдный Латкинъ, въ дождь, холодъ, въ темныя ночи на перекладныхъ, доплелся изъ Устьсысольска до Вологды, что̀ составитъ протяженія 850 верстъ. Онъ, кажется мнѣ, туманенъ и грустенъ; я очень былъ радъ получить отъ него письмо и сей часъ же приступилъ къ отвѣту, который потокомъ изъ меня вылился.

*

18-го Ноября.

Отправился читать и обѣдать къ князю; когда пришелъ, то всѣ уже они были собраны на верху, то есть, князь, сестра его, Козловскій и дѣвица Мауреръ. Я былъ въ непріятномъ расположеніи духа; съ болячкою досады къ сестрѣ князевой я не разстаюсь. Жалкая и постыдная мономанія: христіянину-ли враждебствовать? Господи, удержи языкъ мой отъ зла и уста мои яже не говорить льсти; но какъ досада въ сердцѣ держится, то, при всякомъ благовидномъ случаѣ, она и прорывается, не смотря на тѣ шаткіе запоры, которыя разсудокъ ей противупоставляетъ. Вдругъ дѣвица Кологривая вздумала сказать мнѣ: я очень боюсь своего брата. А я не боюсь вовсе, отвѣчалъ я; чего мнѣ его бояться? Да вѣдь и я боюсь, продолжала она, какъ боится жена любящая своего мужа, чтобы какъ не оскорбить, не огорчить его. Точно такъ и я, отвѣчалъ я; я слышалъ отъ доктора Шмидта. что ежели когда князь отъ чего нибудь разстраивается, то у него пульсъ бьется неправильно, такъ потому рѣзко и прямо не говорить князю, что это можетъ его разстроить. Она мнѣ заморгала головою, а я будто не примѣчаю. Вотъ напримѣръ, сказалъ я: теперь уже вѣрно, что Муравьева къ намъ ѣдетъ и какъ ей не отдать справедливости. что она дѣлаетъ это изъ преданности и любви? Таже Муравьева провожала брата вашего и до Кіева; женщина она больная и недужная

и, не смотря на зимнее время, ѣдетъ, ничто остановить ее не можетъ, а какъ-то еще и примутъ ее, Богъ-то знаетъ. Не такъ ли встрѣтятъ, какъ меня? А развѣ братъ васъ худо принялъ? Не могу пожаловаться, но есть и другіе люди кромѣ брата. Вотъ, наприм., вы поѣхали въ Крымъ; это дѣло другое, вы его родная сестра, на васъ лежала святая обязанность сопровождать его, тутъ еще нѣтъ большой заслуги; помните, какъ говорилъ вамъ нѣкогда монахъ..... Дѣвица Кологривая видимо осердилась на меня, а я, не замѣчая, продолжалъ: я радъ, что ѣдетъ Муравьева; тогда можно намъ будетъ запѣть: „а нашего полку прибыло, прибыло!“

На томъ разговоръ нашъ и пресѣкся; началось обычное чтеніе рукописи, которой уже немного остается. Сойдя внизъ, князь велѣлъ мнѣ дать прочитать письмо къ нему отъ статсъ-дамы Барановой, которая приставлена была къ великимъ княжнамъ. Между нѣкоторыми лестными изъявленіями князю отъ всего Царскаго дома участія, Баранова пишетъ, что сама Государыня Императрица выразилась, между прочимъ, такъ: я чувствую вполнѣ, что князь мнѣ недостаетъ и что онъ очень бы мнѣ былъ нуженъ, дабы раздѣлить со мною и радости и горести, которыя я перечувствовала въ его отсутствіи. Пріѣхали князь Василій Серг. Голицынъ съ своимъ семействомъ прощаться съ нашимъ старцемъ; они отправляются въ Одессу на зимовку. Князь заставилъ читать князя Василья протоколъ сомнамбулы Висковатовой, которой предложено было полѣчить дѣвицу Шумлянскую*). Когда положили (сомнамбула, кажется, въ Псковской губерн.) спящей Висковатовой письмо Шумлянской на подгрудную ямочку, она сей же часъ отыскала ее и увидѣла болѣзнь, отъ которой содрогнулась и просила своего магнитизёра, чтобъ онъ взялъ письмо и избавилъ ее тѣмъ отъ омерзительнѣйшаго зрѣлища, ибо она увидѣла въ животѣ болящей родъ змѣи, свернувшейся въ клубокъ, у которой страшный зѣвъ; по двусмысленнымъ выраженіямъ ясновидящей не замѣтно, чтобъ она бралась вылечить Шумлянскую, ибо она видитъ, что змѣю ни низомъ, ни верхомъ изгнать невозможно не повредя всего состава, отъ чего непремѣнно должна случиться смерть. Впрочемъ она предписала ей нѣкоторыя облегчительныя средства, какъ-то конопляное молоко и пр. Это дало поводъ князю Василью разсказать намъ исторію солдата, который жилъ и при Марьѣ Антоновнѣ Нарышкиной и тоже былъ одаренъ способностью ясновидѣнія. Я простился съ княземъ по прія-

*) Это сводная сестра Булгаковыхъ, жившая въ Петербургѣ у младшаго изъ нихъ, Константина Яковлевича и посѣщаемая тамъ княземъ А. Н. Голицынымъ.

тельски. Пришедши домой, совѣсть смутно напомнила мнѣ, что я переступилъ границы и ясно враждовалъ ближнему. Господи, отыми отъ меня жало злобы, прошу Тебя во имя всечестнѣйшаго креста Твоего, которымъ Ты попралъ злобу и дьявольскую и человѣческую. Содѣлай это, Господи!

*

19-го Ноября.

Бродя мыслями своими, я наткнулся на Кострому. Ну если бы довелось переѣхать жить въ Кострому, купить домъ Граціянскаго на Царевской улицѣ, передѣлать его; мѣсто для сада есть обширное; поселиться навсегда въ Костромѣ, быть полезну своимъ соотчичамъ совѣтомъ и дѣломъ; когда соскучится, то по временамъ уѣзжать въ Москву и пр. Мысль бѣглая, мимолетная, но она пріятно заняла меня нѣсколько мгновеній.

*

21-го Ноября.

Былъ за обѣднею; князь по обыкновенію пѣлъ: подай Господи! На этотъ разъ онъ пѣлъ громко и пересиливалъ даже самаго дьячка. Послѣ обѣдни посѣтилъ меня рѣдкій гость Дмитр. Ивановичъ; съ нимъ слово за слово и вышло до объясненія; а въ слѣдствіе этаго объясненія оказалось, что ничего того не случалось, что̀ приписывала ему дѣвица Кологривая. Мы разстались съ Дмитр. Иван. опять въ хорошемъ настроѣ. По обычаю отправился къ князю, которому началъ читать припасенныя для него піэсы изъ Пенни-Магазина; я успѣлъ ему прочитать таковыхъ три, какъ принесли почту и заставили меня читать газеты иностранныя и Русскія.

*

22-го Ноября.

Я отправился на обѣдъ и на чтеніе къ князю; какъ только вышелъ изъ дома, такъ и встрѣтилъ его прогуливающагося въ сопровожденіи Козловскаго. Я сопровождалъ его до дома, и во время возвратнаго шествія князь разсказывалъ анекдоты временъ Екатерины II; анекдоты касались одного знатнаго придворнаго, который былъ глуповатъ, и были довольно забавны. Какъ пришелъ въ комнату дѣвицы Кологривой, или, лучше сказать, въ общую пріемную, ея не было въ этой комнатѣ, а была она въ горницѣ дѣвицы Мауреръ и въ особенномъ съ нею разглагольствіи. Грѣшный человѣкъ, я подумалъ, не принимаетъ ли она отъ нея дневнаго рапорта. Наступилъ обѣдъ; обѣдъ дурной: въ третій разъ подаютъ намъ на жаркое зайца, который уже прискучилъ. За столомъ завязался споръ Кологривой съ Козловскимъ; первая оправдывала нашего управителя и обвиняла Горяинова, брата Муравьевой;

кажется, ей не такъ пріятны хлопоты, предпринимаемыя для возможно-покойнаго помѣщенія Муравьевой. Я молчалъ, крѣпился, но не вытерпѣлъ и сказалъ Козловскому: не таже ли исторія повторяется теперь, какая была съ пріѣздомъ графа и графини Салтыковыхъ? Надобно знать, что нѣсколько времени тому назадъ, когда князь отдалъ приказъ Козловскому приготовить квартиру для Салтыковыхъ, Кологривая, призвавъ Козловскаго, тайно и нѣсколько разъ переприказывала ему, чтобъ онъ неочень спѣшилъ исполненіемъ воли князей и затруднилъ бы, если можно, дѣло, не смотря на то, что князь этого желалъ и что графиня Салтыкова есть родная его племянница, которая нарочно для него располагалась сюда ѣхать.

Такое недоброжелательство въ Кологривой помрачило негодованіемъ душу мою, и я въ видѣ шутки промолвилъ: доколѣ, Катилина, ты будешь искушать наше терпѣніе? Козловскій улыбнулся, а Кологривая заговорила мнѣ о личности, на что отвѣтствовалъ я, что это все была шутка, но въ душѣ, признаюсь, кипѣло негодованіе и даже за то, что насъ кормя однимъ и тѣмъ же зайцемъ, а получаемую изъ Симферополя дичину Кологривая къ намъ отправляетъ за деньги. Невѣроятно, а правда! Князь кушаетъ постное и не знаетъ этихъ продѣлокъ, или дѣлаетъ видъ, что не знаетъ. Послѣ обѣда Кологривая смякла, и я сдѣлался мягче и не показывалъ виду неудовольствія. Она распространилась какъ любитъ Вариньку и клохтала въ слухъ, что шьетъ для нея модный бюрнусъ. Оставивши ихъ домъ, я зашелъ къ больной Турчаниновой; бѣдненькая, она лежитъ одна одинехонька! Въ разговорѣ нашемъ, услышавши отъ меня, что я вижу большую перемѣну въ князѣ, просила меня, чтобы я молчалъ объ этомъ и отнюдь никому не писалъ. Я сказалъ ей, что князь для меня какъ отечество, на которое честному человѣку ни роптать, ни жаловаться никогда не должно, какъ бы оно ни было къ намъ несправедливо. Вчера Дм. Ив. Поповъ сказывалъ мнѣ, что онъ заставалъ Турчанинову горько плачущую; и она горькую чашу пьетъ отъ Кологривой, но ни разу мнѣ не пожаловалась на нее. Женщина прямо благородная и съ великою энергіею*).

*

24-го Ноября.

Вотъ наступилъ и день имянинъ жены моей. Одна изъ первыхъ Анна Алекс. прислала поздравить жену мою и маленькій подарокъ; она извѣстила вмѣстѣ и о намѣреніи пріѣхать къ намъ и провести вечеръ; потомъ пришла къ намъ добрая Любинька, живущая бѣдная дѣвица у княг. Мещерской; потомъ посѣтила и сама княгиня Мещер-

*) Турчанинова изображена въ Запискахъ Вигеля (I, 113—118, по изданію „Русскаго Архива“.

ская съ Лизою, пришелъ Дмитр. Иван. Поповъ; притащился и самъ князь Александръ Николаевичъ. Словомъ, всѣ вспомнили мою дорогую имянинницу. Съ княгинею завязался у насъ родъ спора; она стала мнѣ доказывать, какъ мнѣ здѣсь пріятно жить: церковь близко, князь меня любитъ и пр. Все это прекрасно, подумалъ я, но надобно спросить у гуся, не зябнутъ ли у него лапы. Утро прошло у насъ пріятно, Варинька подарила жену мою своею работою, которою занималась тайно, желая ей сдѣлать сюрпризъ. Хотя и приглашали мы Дмитр. Иван. на обѣдъ, но, по причинѣ болѣзни жены своей, ему нельзя было у насъ остаться; онъ обѣщался придти къ намъ на вечеръ, когда у насъ будетъ Анна Александр. Обѣдъ былъ отличный, хотя мы только трое дѣлали честь ему. Никогда еще кухарка такъ хорошо не приготовляла, какъ въ нынѣшній день. Имянинный пирогъ съ рубленымъ мясомъ и слоеный былъ отличнѣйшій; кусокъ ростъ-бефу съ макаронами и сахарнымъ горошкомъ, земляныя груши со сладкимъ бѣлымъ соусомъ, отлично зажареныя куропатки съ солеными огурцами (здѣсь это рѣдкость) и хорошо приготовленною свеклою, потомъ любимое мною миндальное мороженое. На десертъ поданъ былъ виноградъ возможно сохраненный. Наступилъ вечеръ; къ нѣкоторому нашему прискорбію Турчаниновой нельзя было къ намъ пріѣхать: тотъ оселъ, на которомъ она обыкновенно ѣздитъ, отправленъ управителемъ за сѣномъ; но Дмитр. Иванов. не замедлилъ придти посѣтить меня. Въ это же время привезли мнѣ съ почты письмо отъ Жегочева и нѣсколько посылокъ. Изъ Симферополя купецъ все мнѣ доставилъ, что̀ я ни требовалъ: два пуда сахара, нѣсколько банокъ варенья, Кельнской воды, мыла и даже боченокъ Русскихъ рыжиковъ. Изъ Петербурга также получены были посылки; прислали Катѣ магнетическое желѣзко, вновь намагниченное, которое она съ такою пользою всегда носила. Фридерика, жена Ив. Петр. Егорова, прислала ей въ подарокъ модныхъ какихъ-то на скуркахъ исподнихъ платьевъ. Мнѣ доставленъ былъ удобный и складный зонтикъ; этимъ я обязанъ пріязни Ивана Николав. Данилевскаго. Жегочевъ въ своемъ письмѣ извѣщаетъ меня, что мужъ кн. Мещерской уже другій день, какъ пріѣхалъ въ Симферополь, а жена его сказывала мнѣ поутру, что онъ долженъ былъ заѣхать въ Харьковъ и прогостить тамъ у кн. Долгорукаго; она вовсе не подозрѣвала, чтобы дражайшій супругъ ея такъ близко отъ нея находился. Я послалъ человѣка извѣстить княгиню, и она этимъ извѣщеніемъ очень довольна осталась. Вмѣстѣ съ посылками пришелъ изъ Петербурга и тотъ подарокъ, который я назначилъ для Екатерины Степановны *): это новый журналъ

*) Т. е. для своей супруги.

съ картинками подъ названіемъ: Листокъ для свѣтскихъ людей; картинки въ немъ по большей части очерки каррикатуръ; мы его разсмотрѣли и поразобрали вечеромъ; оказался журналишко дрянный и не стоящій выписки, не смотря на похвалы Ѳад. Булгарина, которому мы повѣрили.

Вечеромъ довольно долго сидѣлъ у меня Дмитр. Иван.; онъ остался у меня и ужинать; мнѣ пріятно было, что хотя кто нибудь отвѣдалъ моего хлѣба, соли. Я потчивалъ его присланнымъ ко мнѣ вареньемъ. Разговоръ нашъ съ Дмитр. Иван. былъ про здѣшнюю жизнь, и я, снова взволновавши въ себѣ далеко незатихшія чувства, началъ изъяснять многоразличные образы моего живаго негодованія къ сестрѣ князевой; весь вечеръ почти въ томъ и прошелъ, что я судилъ, осуждалъ и ожесточался противъ этой женщины. Хотя Дмитр. Иван. и раздѣлялъ отчасти со мною это негодованіе и входилъ въ мое положеніе, но вотъ что подъ конецъ пересказалъ мнѣ. „Когда въ послѣдній разъ вы передали мнѣ происки Кологривой и противъ меня, я, желая прекратить разстройство души моей, сталъ на молитву предъ Господомъ. Во внутренности мой я ощутилъ сознаніе этой мерзости въ человѣкахъ; но она и во мнѣ также была, какъ и въ другихъ. Я какъ бы внутренній голосъ въ себѣ слышалъ: что ты дивишься этому въ другихъ, въ тебѣ самомъ все это есть. Признаюсь, мнѣ отвратительно было внушать, такъ сказать, эту мерзость въ себѣ и другихъ; тутъ еще раскрылось мнѣ внутреннее состояніе, тоже переполненное подобными же недостатками и другой особы, которой имяни не назову. Послѣ сего я почувствовалъ въ сердцѣ своемъ отмѣнную какую-то жалость ко всѣмъ этимъ людямъ; мнѣ было жалко, что и я и другіе путаются, заблуждаются и враждебствуютъ противу ближняго. Такое раскрытіе внутренности меня совершенно успокоило, продолжалъ Дмитр. Иван. Но только вотъ что замѣтить должно, что, перечувствовавъ всю гнусность этаго состоянія, потомъ увидѣвъ въ себѣ и несказанную жалость къ ближнему носящему въ себѣ такую тьму сердечную, я однако не почувствовалъ въ себѣ любви къ этому упавшему ближнему, а надобно бы было любовь почувствовать“. Слова эти были для меня спасительнымъ урокомъ, и я далъ себѣ непремѣнное обѣщаніе, чтобы въ моихъ разговорахъ сдержать эти порывы негодованія противу моего ближняго, на котораго бы я имѣлъ и справедливую досаду. Въ то время, когда Дмитр. Иванов. гостилъ у меня, двѣ мои женщины и кухарка отправились къ нему въ Розовой павильонъ тоже въ гости, къ имянинницѣ, одной изъ женщинъ, пріѣхавшихъ съ барынею изъ Москвы; тутъ собраны были и другіе гости; дѣвушка, что ходитъ за Ан. Алекс. и которой я далъ

прозвище: „карандашъ“, тоже тамъ была, были и другія, какъ-то внучка старухи Перонъ съ своею матерью и проч. Извѣстно мнѣ, что въ моей кухнѣ изпечено было для сего празднества два Русскихъ пирога, были и яблоки, и орѣхи, и виноградъ. Это-то для меня наивно и любезно, когда и служители наши, на берегу Чернаго моря, въ Татарской сторонѣ, сбираются и празднутъ именины порусски. Я спросилъ своего мальчика Сергѣя, его звали ли на праздникъ. Звали, да за чѣмъ идти? У насъ и свои пироги не хуже ихъ. Это мнѣ понравилось, и я съ удовольствіемъ отправился спать.

*

25-го Ноября.

Отправился по обычаю моему къ своему князю на чтеніе и обѣдъ. По приходѣ велѣно прямо идти на верхъ, гдѣ князь съ Козловскимъ сидѣли одни, а у сестры его въ то время сидѣла княгиня Мещерская съ Лизою. Отдохни, покуда не читай, сказалъ мнѣ князь; ты усталъ. Какъ мнѣ жаль, продолжалъ князь, что управитель отослалъ изъ дома осла: не начѣмъ пріѣхать было къ вамъ Аннѣ Александр., а ей такъ этого хотѣлось. Князь, распространился въ негодованіи своемъ на управителя, который однажды, отдавъ осла Дмитр. Иван. съ тѣмъ, чтобы тотъ и кормилъ его, беретъ однакожъ осла назадъ и такимъ образомъ отсылаетъ. Да, отвѣчалъ я, здѣсь бѣда, если куда придется ѣхать: негдѣ взять экипажа или нанять лошадей. Говоря это, я не могъ надивиться князю, что̀ такое съ нимъ случилось, въ какой порядокъ подвести эту наивность, или это уже просто младенчество. Нельзя же ему не знать, что у него на стойлѣ четыре лошади и нѣсколько экипажей; что на нѣкоторыхъ изъ этихъ лошадей разъѣзжаетъ Козловскій, можетъ быть для интереснаго свиданія.... что прежде на этихъ же лошадяхъ просто ѣздила, куда хотѣла, Анна Александр. и что недавно только вздумалось сестрѣ его не давать болѣе лошадей Аннѣ Александр? Нельзя, говорю, этаго князю не знать, между тѣмъ какъ онъ такъ говоритъ, какъ бы ничего этаго не понималъ.... Комическое, но вмѣстѣ и обидное проявленіе. Вотъ какъ трактуютъ тѣхъ, которые привязываютъ свою участь къ нему фанатическимъ любленіемъ....

Наконецъ приступилъ къ обычному своему чтенію. На этотъ разъ оно оказалось занимательнѣе всѣхъ прочихъ разовъ. Сомнамбула обращаясь къ Аннѣ Александр.*), вдругъ взошла въ подробности о внутренней молитвѣ, говорила о какомъ-то таинственномъ и тонкомъ вѣяніи чего-то, при каковомъ случаѣ не должно заканчивать молитвы, а продолжать оную и проч. Мы теперь читаемъ 839 годъ, и вотъ, къ край-

*) Читалась рукопись о прежнихъ сношеніяхъ князя Голицына съ сомнамбулою Татьяною Висковатою.

нему моему изумленію, я, въ этомъ магнетическомъ журналѣ нахожу свое имя; этотъ случай совершенно поразилъ меня, но чтобъ хотя сколько нибудь дѣло было понятно, надобно нѣсколько начать издалеча. Служивши при князѣ въ Петербургѣ, мы всѣ знали (хотя онъ намъ никогда объ этомъ не говорилъ) мы всѣ знали, что онъ по два раза ѣздилъ въ недѣлю къ Аннѣ Александр., у которой проживала Татьяна, та сомнамбула, которая врачевала и наставляла князя, и что онъ слушался ея, какъ малый ребенокъ. Мнѣ тогда и самая Турчанинова казалась подозрительною; это исключительное знакомство ея съ княземъ, уклонявшее всѣхъ и не допускавшее къ сему таинственному общенію, мнѣ очень казалось страннымъ. Въ 839 годѣ князь сталъ серіозно прихварывать, а лечили его только Турчанинова и сомнамбула. Въ библіотекѣ моей была одна старая книга, напечатанная вторымъ изданіемъ въ 1805 годѣ. Названіе книги: Exposition des Prédictions sur l'église, т. е. изображеніе пророчествъ о судьбахъ человѣчества и церкви, на основаніи текстовъ Священнаго Писанія, какого-то Ламберта. Эта книга и теперь у меня находится. Тамъ, между прочимъ, очень обстоятельно изображено будущее развитіе судьбы Евреевъ. По словамъ автора или, лучше сказать, по слову Писанія, назначеніе Еврейскаго народа будетъ несказанно высоко и блестяще. Между прочими главами сего сочиненія у автора изображены человѣческія врачеванія, особенно тѣ, которымъ современники придавали какое-то основаніе религіозное и, между прочимъ, тутъ было описано врачеваніе и его нѣкоторыя счастливыя послѣдствія, похожее въ своихъ пріемахъ на то, которымъ нѣкогда занималась Анна Александр. въ Петергофѣ и въ другихъ мѣстахъ. Авторъ, представляя читателю на видъ сіи врачеванія, описывая ихъ странный процессъ, предостерегаетъ однако приписывать имъ психологическую и религіозную значительность. Желая, чтобъ князь обратилъ вниманіе и на провѣщанія и на чудесныя врачеванія, которыя вовсе не были новы въ подлунномъ мірѣ и прошли вмѣстѣ съ тою полосою времени, я предложилъ ему прочитать эту книгу. Онъ охотно согласился, и я являлся къ нему для сего предмета обыкновенно по утрамъ. Чтеніе продолжалось, оно видимо интересовало князя, и я подходилъ уже къ тому описанію чудесныхъ врачеваній, какъ въ одно утро князь объявилъ мнѣ, что онъ не хочетъ слушать продолженія сего чтенія. Меня это очень удивило, и я даже тогда поспорилъ съ княземъ, доказывая, что эта книга не только занимательна, но даже и полезна бы быть могла для него. Но князь на отрѣзъ отказывался, примолвя, что ему Французскія книги, особенно религіознаго содержанія, совсѣмъ даже слушать не должно. Дѣло такъ тогда и оставлено было безъ дальнихъ объясненій, и вотъ сегодня,

спустя слишкомъ три года, этотъ таинственный случай объяснялся словомъ ясновидящей, которое изложено собственною рукою князя въ его журналѣ: Юрій, говоритъ сомнамбула, приноситъ тебѣ книги, которыя основаны на воображеніи; не читай ихъ, особенно ту книгу, которую нынѣ читаешь. Послѣ князь вновь переспросилъ ее, дочитывать ли ему эту книгу, которая начата уже. Нѣтъ, не дочитывай; что̀ толку въ этихъ пророчествахъ, не то ли же выдетъ, что и изъ Штилинговой книги, гдѣ всѣхъ стращали 836 годомъ? Теперь не вправѣ ли я былъ удивиться, когда сомнамбула, никогда въ жизни меня не видавшая, разгадала, такъ сказать, мое намѣреніе разочаровать князя къ чудеснымъ врачеваніямъ дѣвицы Турчаниновой и потрясти его вѣру къ нашимъ доморощеннымъ Пиѳіямъ! Или, можетъ быть, книга не хороша, которую я однако далъ тогда же прочитать сестрѣ князевой, и та надивиться не могла, почему братъ, выслушивая дюжинные Французскіе романы, произвольно отказался отъ столь полезнаго и занимательнаго чтенія. Книга ей такъ понравилась, что она не одинъ десятокъ положила въ ней замѣтокъ и усильно просила, чтобъ я снова прочиталъ ею замѣченное.

Теперь, по моему, въ окончательномъ результатѣ должны выйти два положенія. Первое: если книга не хороша, то австральный духъ или ангелъ предостерегъ князя чрезъ ясновидящую отъ опасности прочитать эту книгу. Но виноватъ, душа моя и совѣсть не только не признаютъ книгу дурною, но остаются въ полномъ увѣреніи ея благонамѣренности и полезности. Второе: если книга хороша и особенно мѣтки и вѣрны указанія на тщету и опасность всѣхъ тѣхъ врачеваній, которыя, подъ видомъ чудесныхъ, таинственныхъ и непонятныхъ излеченій, святились нѣкогда офанатизованною толпою, тогда уже духъ не добрый, чрезъ посредство ясновидящей, забѣжалъ къ моему князю, а просто духъ лестчій. Часто сомнамбула говоритъ о Святой Троицѣ и пр. Не знаю, не вѣрится и не упрекается во мнѣ за невѣрствіе. Князь выговорилъ мнѣ, что онъ держится перваго мнѣнія.

Оставимъ пневматологію и перейдемъ къ обѣду*), который на этотъ разъ былъ очень хорошъ; много и было за столомъ: Шмидтъ, Эшельманъ и другіе обыкновенные застольные посѣтители. Кологривая была

*) Какъ это напоминаетъ мнѣ то, чему свидѣтелемъ бывалъ я въ Москвѣ, навѣщая Ю. Н. Бартенева. Послѣ долгихъ рѣчей о богословіи и психологіи, онъ вдругъ говорилъ: „теперь обратимся на блевотину“, отодвигалъ ящикъ комода возлѣ своего кресла, наполненный всякаго рода сластями, цѣлыми пригоршнями снѣдалъ ихъ и подавалъ своимъ посѣтителямъ, прося полакомиться. Вспомнимъ протопопа Аввакума или И. М. Снѣгирева, прибѣжпаго ко всему церковному и объѣдавшагося на поминальныхъ обѣдахъ. П. Б.

очень обязательна, говорила, что круглый пирогъ съ яйцами она нарочно для меня велѣла приготовить и что она охотно дарила бы меня съѣстными припасами, но что она знаетъ, что я не люблю подарковъ и пр. Все это отводъ, фразы и школа для стараго ея брата; не знаю, съ чего она взяла, что я люблю круглые съ яйцами пироги. Князь задремалъ, и я отправился къ Турчаниновой. Когда я пересказалъ ей монологъ князевъ о неудобствахъ и препятствіяхъ посѣщенію ея имянинницы моей, старуха отъ добраго сердца хохотала. Онъ всегда таковъ былъ, сказала она мнѣ. Когда я замѣтилъ Аннѣ Алекс., что въ ея квартирѣ холодно, что̀ дѣлать, сказала она мнѣ, не даютъ дровъ. Надобно удовлетворяться, по ея словамъ, тою формою любви, которою князь любитъ и не требовать отъ него болѣе. Она увѣрена, да и нынѣ замѣтила, что князь очень любитъ меня. Покорный я слуга за эту любовь, подумалъ я, и отправился домой. У себя нашелъ я Ялтскаго почтмейстера, который привезъ мнѣ забытый на почтѣ фунтъ чаю, присланный Симферопольскимъ Караимомъ. Онъ же извѣстилъ меня, что прибыла въ Ялту столь давно ожидаемая Вѣра Алексѣевна Муравьева. Я послалъ человѣка тотъ же разъ извѣстить о томъ князя, но въ продолженіе вечера узнали, что она и сама, т. е., Муравьева пріѣзжала къ нему изъ Ялты. Нынѣшнюю ночь я видѣлъ сонъ, будто-бы былъ въ такомъ-то собраніи; на мнѣ былъ новый орденъ, и кромѣ я еще имѣлъ два ордена осыпанные брильянтами. Ордена и кресты не такъ-то видѣть хорошо во снѣ; два брильянтовые ордена я уже имѣю: это двѣ ненависти Кологривой и Козловскаго, а третій не предвѣщается-ли отъ Муравьевой? *Впрочемъ, страшенъ сонъ, но милостивъ Богъ; я на Него уповаю.*

27-го Ноября.

Я опять принялся за чтеніе Пенни-Магазина. Печка чугунная ярко пылаетъ; сильный вѣтеръ остудилъ комнату; вдругъ приносятъ ко мнѣ пакетъ съ почты, а женѣ посылку изъ Петербурга; это былъ совершенно нечаянный сюрпризъ для меня. Въ пакетѣ были: 1) письмо изъ Симферополя отъ купца съ разными обращиками шерстяныхъ матерій для Кати 2) письмо отъ Жегочева 3) повѣстка изъ Петербурга съ небольшими деньгами, вѣроятно ото Льва Матвѣича Спасскаго и 4) что̀ всего дороже, письмо отъ Сарры Александр. Бюллеръ, гдѣ она благодаритъ меня за посланную къ ней книжку, тѣмъ болѣе для нея радостную, что она текстъ этой книжки въ рукописи всегда имѣетъ и носитъ при себѣ, куда-бы она ни отправлялась. Какое нечаянное для нея было удовольствіе увидѣть и получить это сочиненіе напечатаннымъ въ Одессѣ! Она проситъ меня купить этихъ книжекъ на двадцать пять рублей. Вечеромъ Варинька возвратилась отъ князя; при-

несла мнѣ иностранныхъ журналовъ, а болѣе того большой пакетъ отъ Латкина; онъ уже пишетъ ко мнѣ изъ Петербурга; при письмѣ приложенъ краткій отчетъ его путешествія. Кромѣ того, Варинька принесла мнѣ Астролога, вторый романъ Вальтеръ-Скота. Я очень былъ доволенъ нынѣшнимъ вечеромъ, не смотря на то, что г-жа Кологривая беретъ сторону нашего управителя, доказывая, что не слѣдуетъ ему дѣлать двойныя рамы въ спальнѣ. Вѣтеръ усиливается и обращается въ бурю; на моей Венеціянской галлереѣ только и слышно, что вылетаютъ стекла. Уныло и какъ-то страшно внимать бурѣ и завыванію вѣтра.

Поутру заходилъ ко мнѣ докторъ Шмидтъ и читалъ мнѣ длинное Нѣмецкое письмо, которое посылаетъ онъ къ государеву медику Арендту о состояніи здоровья князева; по мнѣнію Шмидта, та кровь, которую онъ выплевываетъ горломъ, есть геммороидальная, а Кологривая настаиваетъ, что эта кровь отдѣляется изъ легкихъ. Она утверждаетъ, что два родныхъ братьевъ князя умерли отъ подобнаго отдѣленія крови.

28-го Ноября.

Вѣтеръ продолжаетъ бушевать, въ комнатахъ холодно, на дворѣ сыро; дождикъ однако прекращается; у меня вчера немножко заболѣло горло, а потому я послалъ человѣка извѣстить князя, что я не могу быть у него и просить у него на то позволенія. Онъ извѣщаетъ меня, что, смотря на такое ненастье, онъ и самъ думалъ за мною не посылать. Я читалъ краткій отчетъ путешествія Латкина, гдѣ онъ описываетъ трудности ѣзды и пустынность края. Посѣтила насъ жена Гартвисова, которая у насъ обѣдала и весь день пробыла. Она дала мнѣ знать, что до нея дошли слухи, что въ домѣ князя я отзывался объ ней худо, но не сказала что̀ ей на меня насказали; здѣшнее мѣсто есть страна по превосходству вѣстей и сплетней. Обѣдъ очень былъ хорошъ: былъ поданъ пастетъ съ куропатками. Елисавета Ѳедоровна, кажется, была довольна нашимъ пріемомъ, играла на фортепьяно, пѣла. Нѣсколько времени провела съ нами и Ольга Карловна Ницъ.

29-го Ноября.

Вѣтеръ поднялся, просвѣтлѣло, хотя и холодно. Князь прислалъ ко мнѣ человѣка, пойду ли я къ нему сегодня и буду-ли обѣдать. Я велѣлъ сказать, что явлюсь. Пришедши въ домъ, вся обычная семья дожидалась меня на верху. Прежде чѣмъ принялся повторять прочитанное прежде сего изъ журнала, я замѣтилъ, что Кологривая не въ духѣ. Она какое-то сдѣлала мнѣ лукавое замѣчаніе на счетъ моего чтенія, а дѣвица Мауреръ стала тому смѣяться; я тотъ же разъ по-

спѣшилъ замѣтить сей послѣдней, что только у нея и есть два дѣйствія при слушаніи, т. е. или она спитъ, или смѣется. Кологривая приняласъ за нее заступаться, а я, не желая распространяться съ нею, принялся за чтеніе. Оно скоро и кончилось, ибо князь торопился сойти въ низъ. Онъ захотѣлъ, чтобъ я прослушалъ продолженіе магнетическаго журнала, въ которомъ заключается провѣщанія сомнамбулы Вискововатовой, принявшей на себя трудъ пользовать отъ долговременной болѣзни дѣвицу Шумлянскую. Прежде еще было извѣстно, что она открыла настоящую причину болѣзни у сей дѣвицы, теперь объявила она дальнѣйшія подробности. Въ желудкѣ Шумлянской, по словамъ сомнамбулы, живетъ не глиста, не солитеръ, а просто змѣя, отвратительнѣйшая тварь въ своемъ родѣ; она очень тонка и свернута въ клубокъ, длины она безмѣрной; ей нѣтъ имени на землѣ, но у Бога есть для нея названіе, и сомнамбула обѣщала со временемъ открыть это имя. Ясновидящая разсказываетъ, что 18 лѣтъ тому назадъ, на какой-то зеленой полянѣ, дѣвицѣ Шумлянской захотѣлось напиться и что подали ей тогда стаканъ воды, что въ этомъ-то стаканѣ проглотила она зародышъ этой змѣи живущей въ водѣ; что сомнамбула надѣется, что змѣя оставитъ болящую и что это пресмыкающееся уже чувствуетъ, что время его близко; оно предвидитъ брань и всѣ мѣры возметъ къ сопротивленію. Таинственные и неопредѣленные намеки сомнамбулы какъ бы показываютъ, что змѣя есть оличенный духъ..... Посмотримъ, что̀ будетъ далѣе.

Вотъ наконецъ желанная и нежеланная гостья явилась, Вѣра Алексѣевна Муравьева съ племянницею ея Марьею Владимировною. Я поздравилъ ихъ съ благополучнымъ пріѣздомъ. И подлинно, по этой дорогѣ онѣ сдѣлали великій подвигъ. Муравьева только что пріѣхала, какъ уже сдѣлала услугу архитектору Эшельману, котораго князь хотѣлъ посадить за маленькій столъ. Князю покажись, что много будетъ обѣдать, и онъ никакъ не соглашался, чтобы Эшельману поставили приборъ за общимъ столомъ. Вѣра Алекс. начала просить князя: князинька, пожалуйста, посади Эшельмана и пр. Вотъ является и другая пара: князь Сергѣй Ивановичъ Мещерскій со своею сожительницею. Я радъ былъ увидѣть Мещерскаго. Жена его начала при князѣ выхваливать его, что онъ добрый человѣкъ и пр. Князь нашъ и сестра его въ апоѳеозѣ къ нему ласки и благоволенія (между тѣмъ какъ все ими же нѣкогда сдѣлано было, особенно Кологривою, противу которой у Мещерскаго были личности, чтобы унизить и хулить князя Мещерскаго). Теперь все перемѣнилось, наступила новая эра, все забыто; только на долго ли? Обѣдъ былъ веселъ и обиленъ, но не кончился безъ спора. Муравьева привезла вѣсти, что сенаторъ Небольсинъ, быв-

шій нашъ Московскій хозяинъ, 65 лѣтъ отъ роду, женился на 18 лѣтней дѣвушкѣ. Одна сторона говорила, что это дурно сдѣлано, Кологривая защищала, приведя въ причину, что онъ былъ добрымъ ей хозяиномъ въ Москвѣ. Изрядная логика, сближающая неравенство лѣтъ въ несообразномъ бракѣ. Послѣ обѣда всѣ собрались въ гостинной, кромѣ Эшельмана и Козловскаго которые вышли по своимъ дѣламъ; вдругъ г-жа Кологривая, ни въ строй, ни къ смотру, начала говорить, что начнется князю новое время для чтенія болѣе для него пріятное, потому, что доселѣ Варвара Петровна постоянно раздирала (avait écorché) уши ея брату. Я остолбенѣлъ отъ удивленія и счелъ за нужное тотъ же разъ сказать: вотъ достойная награда для Вариньки почти за полутора-годичное и добросовѣстное ея стараніе исполнять волю вашего брата. Обращаясь къ дѣвицѣ Марьѣ Владимировнѣ, я прибавилъ: вы можете замѣнить Варв. Петровну съ большимъ успѣхомъ. Послѣ того Муравьева, ея племянница и дѣвица Мауреръ вышли осматривать церковь, а Кологривая вдругъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ мнѣ: Юр. Ник., вы на меня разсердились. Признаюсь, я былъ взбѣшенъ и сказалъ: Вы эгоистка и неблагодарная. Отъ этаго Кологривая очень озлилась: какъ вы смѣете это мнѣ говорить? сказала она мнѣ и побѣжала въ свою комнату. Братъ началъ насъ обоихъ винить, но чтобъ не было ему вреда для здоровья отъ сего насильственнаго и взволнованнаго состоянія, я принялъ вину на себя и принесъ извиненіе: такъ-дескать, съ языка сорвалось. Погодя немножко, я убѣжалъ отдохнуть къ себѣ. Меня посѣтилъ духовный мой отецъ Алупкинскій священникъ и въ то время, какъ я дремалъ на креслахъ, разсказывалъ женѣ моей, что князевъ священникъ хочетъ весною сходить; что нѣтъ ему покою отъ сестры князевой, что о такихъ вещахъ говоритъ она отцу Андрею, которыхъ бы онъ не сталъ произносить при женѣ своей, и все это въ ревнованіи къ благочестію своего священника; что Кологривая не допускаетъ къ нему въ прислугу женщинъ, соблюдая цѣломудріе священника и пр. Священникъ говоритъ, что онъ готовъ быть безъ прихода, нежели жить на такихъ условіяхъ. Да и самъ отецъ Андрей, то есть, духовный отецъ мой, желалъ-бы удалиться съ южнаго берега, ему здѣсь тяжело; но нѣтъ возможности, развѣ кто присватался бы къ его дочери и рѣшился остаться на его мѣстѣ, тогда священнику свободнѣе было-бы дѣйствовать и пр. Послѣднее предположеніе я ему внушилъ. Потомъ зашелъ ко мнѣ Дмитр. Иванов. Поповъ и довольно долго посидѣлъ у меня. И этотъ въ страшномъ негодованіи противъ Кологривой, но только за Анну Александровну Турчанинову, которая теперь больна и лежитъ подъ нѣсколькими одѣялами въ холодномъ покоѣ. Кологривая не велитъ ей отпускать дровъ; прежде да-

вали 12 полѣнъ, теперь даютъ только десять. Но чтобъ быть правою въ глазахъ своего брата, она выкинула вотъ какую хитрость. Когда князь сидѣлъ у Турчаниновой, она сама пришла туда съ печникомъ и начала нарочно такъ громко говорить въ другой комнатѣ, чтобы князь могъ это слышать. Отчего трещина на печкѣ? спросила она печника; отъ того-де, что много кладутъ дровъ; слѣдовательно нельзя давать много дровъ, есть опасность. Послѣ этаго и Аннѣ Александровнѣ нельзя требовать топлива. Она, по словамъ Дмитрія Иван., въ отчаяніи, хотѣла бы переѣхать въ Ялту, но боится распустить слуховъ оскорбительныхъ для князя; да и пищу, видно, даютъ ей дурную, потому что она просила Дмитр. Иванов., чтобъ онъ накормилъ ее добрыми Русскими щами и гречневою кашею, что она чувствуетъ разстройство въ желудкѣ. Я двѣнадцать лѣтъ употребила, говоритъ Турчанинова, для исполненія воли князевой, жила все это время въ Петербургѣ на своемъ иждивеніи, не желая ничѣмъ заимствоваться отъ князя, а теперь, прошу покорно, меня же выживаютъ и холодомъ, и голодомъ. Но если я сюда и пріѣхала, то это по усиленной просьбѣ самаго же князя; теперь куда мнѣ дѣваться? Вездѣ зима, а я пріѣхала въ лѣтнемъ экипажѣ. Есть забавная однако сторона этихъ продѣлокъ Крымской тигрицы. Я сегодня утромъ былъ у Анны Алекс., продолжалъ Поповъ, сидѣлъ у нея и у меня озябла спина; а какъ пришелъ къ ней, то сидѣлъ у нея самъ князь и отъ холода надѣлъ фуражку на голову; когда Дмитр. Иван. пришелъ, то онъ снялъ фуражку. Не надивишься этому князеву обаянію, онъ тужилъ сперва, что Турчаниновой не на чѣмъ ѣздить, когда у него есть четыре праздныхъ лошади и нѣсколько экипажей; теперь зябнетъ у той же Анны Александр. и не догадается, что это все фокусы возлюбленной его сестрицы, которая въ этомъ случаѣ сугубо смѣется подъ своимъ чепчикомъ и надъ Турчаниновою и надъ своимъ братомъ. Д. Ив. предложилъ мнѣ отъ имени ея, чтобы мы совокупно подумали, какъ горю помочь. Мы надумали достать ей на первый разъ желѣзную печку, но къ сожалѣнію нѣтъ управителя дома, а жена безъ его позволенія не смѣетъ выпустить такую дорогую мебель изъ дому.

*

30-го Ноября.

Сегодня я и проспалъ и худо, и мало молился; душевная и тѣлесная апатія; долго не одѣвался; грѣлся и сидѣлъ у печки; спалъ, или, дремалъ поутру и послѣ обѣда. Варинька, не смотря что деретъ уши князю, вытребована имъ была для чтенія. Вечеромъ она возвратилась и принесла мнѣ пукъ газетъ иностранныхъ. Сцена пріема ея у князя была умилительна; ее премного ласкали и братъ, и сестра; братъ держалъ ее долго за руку и клалъ оную на свое сердце, другая вышла

даже провожать ее. Послѣдняя глядѣла или вглядывалась въ глаза Варинькѣ, дабы удостовѣриться, пересказалъ ли я ей вчерашнее событіе. По увѣреніямъ Вариньки, она вышла побѣдительницею послѣ сего женскаго испытанія и вовсе не показала, что она знаетъ вчерашнюю отповѣдь.

*

1-го Декабря 1843 года.

По утру является ко мнѣ Алупскій священникъ отецъ Андрей въ сопровожденіи Севастопольскаго протоіерея въ камилавкѣ и одного молодого человѣка. Физіономія отца Андрея разцвѣла отъ радости. Вы напророчили мнѣ третьяго дня, сказалъ онъ мнѣ входя: представляю вамъ будущаго моего зятя. Этотъ молодой человѣкъ нечаянное мнѣ сдѣлалъ вчера предложеніе и проситъ руки моей дочери. Священникъ же Севастопольскій, протоіерей тамошняго собора, есть родный братъ его. Отца Андрея намѣреніе—уступить ему и свое мѣсто въ Алупкѣ. Нареченный зять, молодой человѣкъ со счастливою физіономіею; у него она облагороженнѣе, чѣмъ у обыкновенныхъ семинаристовъ. Молодецъ, что̀ называется, кровь съ молокомъ. Вмѣстѣ съ ними посѣтилъ меня въ первый еще разъ по пріѣздѣ и сосѣдъ мой князь Мещерскій. Когда мы остались одни, онъ тотъ часъ же дружески упрекнулъ меня за Козловскаго: помните, что̀ я вамъ говорилъ объ немъ, сказалъ онъ мнѣ. Я отправился къ князю, а онъ остался у жены моей, которой ясно показалъ, что онъ всѣ здѣшнія дѣла знаетъ, что худо кормятъ Турчанинову и не даютъ дровъ; знаетъ отзывъ архитект. Эшельмана, который спѣшитъ отстроить только церковь, чтобъ послѣ ноги своей въ домъ не занести. Пріѣхалъ къ князю, началось чтеніе; я выбралъ ему жизнь извѣстной Бренвилье; чтеніе показалось мнѣ занимательнымъ для князя. Потомъ пріѣхала Марья Владимировна, которая читала князю по моимъ указаніямъ и замѣткамъ изъ Magazin Pittoresque статьи двѣ-три. Князь, прощаясь со мою, просилъ меня, чтобъ я завтра пришелъ къ нему обѣдать, а я попросилъ, чтобы онъ прислалъ за мною лошадей. Ты мнѣ дай объ этомъ знать; можетъ быть, грязь просохнетъ. Она въ пять дней не просохнетъ, отвѣтствовалъ ему. Странное дѣло, онъ видно и мнѣ скупится давать лошадей..... На дворѣ настоящій осенній день; мокрый снѣгъ сыплетъ; это зрѣлище здѣсь рѣдкое; по утру былъ морозецъ; солнце взошло, и все растаяло. Очень рано было два градуса тепла, около полудня въ тѣни семь градусовъ. Передъ разсвѣтомъ былъ случай мнѣ погрѣть сердце свое молитвою; увы! холодно это сердце; не пускаетъ Господь расширяться ему любовію и обоженіемъ. Живу все въ какой-то злобѣ и ненавидѣніи. Увы! И люди дурны, и самъ я еще хуже ихъ! Вечеромъ все трудился

надъ своимъ скучнымъ журналомъ; скучнымъ для другихъ, если кто будетъ читать, но занимательнымъ для меня; оставлять на бумагѣ свои впечатлѣнія есть какое-то творчество!

*

2-го Декабря.

Мальчикъ мой приходитъ и сказываетъ, что, относя книгу на квартиру Анны Александровны, она зазвала его къ себѣ и велѣла мнѣ сказать, что она очень себя чувствуетъ нездоровою и чтобъ болѣе не занемочь, то отправляется сейчасъ въ Ялту. Неожиданность такого извѣщенія меня очень поразила. Я одѣлся, выбрился и какъ лошади дожидались у самыхъ дверей дома моего, то и отправился къ князю. Однакожъ, выѣхавши на улицу, принужденъ былъ выдти: Татарская свадьба, помѣшавшая ѣхать. Я вышелъ изъ кабріолета и остановился позѣвать вмѣстѣ съ другими. Нѣсколько женщинъ старыхъ и молодыхъ, закутанныхъ въ какія-то бѣлыя покрывала, похожія на саванъ, стояли на ближней крышѣ сакли, откуда должна отправиться невѣста; а на крышѣ самаго невѣстина дома стояла толпа мущинъ; всѣ сіи обоего пола особы одѣты были въ грязное не платье, а лахмотья. Въ это же самое время играли заунывную пѣсню на какой-то сопѣлкѣ; я сказалъ играли—нѣтъ, вовсе не похоже на игру, но звуки были дисгармоническіе и дикіе. По улицѣ множество Татаръ сидѣли верхами и дожидались выхода невѣсты. Предъ домомъ стоялъ маленькій шарабанчикъ, родъ крытаго ящика, похожаго на полковую аптеку, запряженную парой лошадей. Наконецъ кто-то въ охапкѣ вынесъ невѣсту, которая какъ мѣшокъ закрыта была вся чѣмъ-то чернымъ, только видѣлъ я однѣ ноги, одѣтыя въ желтые сапоги, которые болтались, когда ее несли, она въ это самое время ревѣла; наконецъ ее втиснули въ этотъ ящикъ, а я, не желая и не любопытствуя болѣ смотрѣть, отправился къ князю. Онъ дожидался меня на верху, и мы принялись за обычное чтеніе, котораго уже остается немного. До обѣда оставалось довольно времени; князь распространился, что при дворѣ надобно скрывать свои настоящія чувства; что бываетъ иногда такъ, что иные люди между собою не сходятся и не говорятъ, но находясь при дворѣ, они этого раздора не показываютъ, а оставляя дворское собраніе, опять по прежнему дѣлаются непримиримыми врагами. Признаюсь, я худо понялъ этотъ намекъ; ужъ не наговорилъ ли на меня Козловскій, что я мало говорю съ нимъ въ обществѣ князя. Признаться, я хотѣлъ посмотрѣть и наблюсти, какое дѣйствіе произвелъ на хозяевъ внезапный отъѣздъ Анны Александровны. Я ничего не успѣлъ замѣтить; все по прежнему: князь былъ веселъ по обыкновенію, сестра совершенно въ своей тарелкѣ. Только за столомъ князь промолвилъ съ нею, что когда

прощался съ Турчаниновою, то она вся въ жару была, да слышно, что и ночь худо спала. Не мудрено ей быть больною, возразила Кологривая, она въ 12 часовъ ночи возвращалась изъ гостей. Не можетъ быть, сказалъ князь; не сама ли ты мнѣ сказывала, что она въ десятомъ часу пріѣхала? Если мнѣ не вѣришь, то спроси Павл. Дмитр. Козловскаго. Точно такъ, отвѣтствовалъ сей послѣдній скороговоркою; въ 12 часовъ ровно за полночь пріѣхала. Я былъ совершенно увѣренъ въ безстыдной лжи и стачкѣ, и взявши рюмку вина, которую собирался пить, я внутренно призывалъ Господа, чтобъ удержалъ языкъ мой, ибо чувствовалъ, что кровь начала приступать или приливать къ головѣ моей. Я мало сидѣлъ и отправился домой, зайдя однако предварительно вмѣстѣ съ Эшельманомъ въ новопостроенную церковь, которую торопился приготовить ко дню рожденія князева. Церковь маленькая, уютненькая, освѣщаемая однимъ окошкомъ изъ разноцвѣтныхъ стеколъ изъ алтаря. Въ окошкѣ два аршина ширины и шесть высоты; узоръ и подборъ стеколъ превосходный, что-то готическое и граціозное. Вечеромъ пришелъ ко мнѣ Дмитр. Иван. Поповъ, который провожалъ Анну Александр. до Ялты. И онъ не могъ надивиться крутому рѣшенію Анны Александр. Вчерашній день она цѣлые почти сутки пробыла у нихъ въ Розовомъ Павильонѣ; по утру рано послала къ нему записку, чтобы онъ прислалъ за нею; мнѣ хочется поотогрѣться у васъ, писала она. Во время обѣда человѣкъ ходилъ къ повару князя, чтобъ что-нибудь отпустили изъ съѣстного для ужина, Ан. Александр. имѣетъ привычку ужинать. Человѣку отказали; на обѣдъ потому ничего не отпустили, что ея не было дома, и она обѣдала въ гостяхъ, а на ужинъ не дали, потому что надлежало спроситься о томъ у Елисавет. Михайл. По этой причинѣ человѣкъ пришелъ спросить ее въ Розовый Павильонъ, слѣдуетъ ли ему идти къ Елис. Михайл. Анна Александр. не приказала этого дѣлать, а уже Поповы дали ей тарелку съѣстнаго для ужина изъ остатковъ обѣда и отправили съ нею на квартиру. Ночь она у себя худо спала, потому что было очень холодно и на другій день рѣшилась ѣхать. По утру князь, какъ обыкновенно, приходилъ къ ней и сказалъ, что приносили ей вчера на обѣдъ кушанье, но что ея не было дома и потому назадъ все отнесли. Я потому эту мелочь записываю, чтобы показать, какъ князь обманутъ. Турчанинова холодно съ нимъ разсталась, и Дмитр. Иван. замѣтилъ, что и онъ немножко былъ встревоженъ, хотя и думалъ, что Ан. Александр. удаляется на время. Цѣлое утро, сказывалъ Дмитр. Иван., князь проговорилъ о томъ, что я на грязь попросилъ у него лошадей: можно бы пѣшкомъ пройти ему было и проч. Вотъ это вамъ урокъ, Юр. Ник., сказалъ Поповъ. Чего остается ожидать вамъ за

долговременную и искреннюю привязанность вашу къ вельможѣ, отъ котораго, по словамъ Писанія, ничего вѣрнаго и постояннаго ожидать не должно. Съ почты я получилъ одно только письмо отъ Косаковскаго изъ Одессы; онъ очень мило увѣдомляетъ меня о подробностяхъ своего путешествія. Я читалъ краткую записку о жизни Вальтеръ-Скота, составленную благодарнымъ и признательнымъ его другомъ. Приснился странный сонъ. Видѣлъ старыхъ и добрыхъ моихъ Лифляндскихъ пріятельницъ дѣвицъ Лиліенфельдъ, съ которыми разстался въ исходѣ 1815 года. Видѣлъ брата Семена Никитича, играющаго въ банкъ; онъ было подалъ мнѣ колоду картъ и попросилъ вынуть для счастья карту, которую я ему и вынулъ. Но это былъ банкъ другаго рода; за столомъ была машинка; она вертясь, останавливалася и показывала ту карту, которая выигрывала.

*

3-го Декабря.

Въ продолженіе дня и вечера дочитывалъ очеркъ біографіи Вальтеръ-Скотовой и другой романъ его Маннеринга, который занимаетъ меня и развлекаетъ отъ мрачныхъ и скорбныхъ мыслей. Изъ всѣхъ возможныхъ самозабвеній это самое невинное. Господь да помилуетъ душу незабвеннаго автора за удовольствіе, которое онъ доставляетъ въ нашемъ монотонномъ и часто грустномъ житіи. Вечеромъ мы выходили на балконъ; странное зрѣлище намъ представилось: окрестныя высокія горы подернулись туманомъ, столь густымъ, какъ хлопчатая бумага; въ верху слышанъ былъ шумъ и какое-то завываніе; но на дворѣ все было тихо, море не колыхалось, близъ стоящія деревья не шевелились. Наконецъ все это разразилось бурею; она поднялась съ вечера и бушевала во всю ночь съ такимъ ожесточеніемъ, что мнѣ казалось, что самый домъ нашъ колебался. Это наводитъ нестерпимую грусть, и я часто просыпался и прислушивался къ завываніямъ вѣтра. Писалъ вечеромъ письмо къ Ив. Петр. Егорову и для очистки моего намѣренія спрашивалъ его совѣта, идти ли мнѣ въ другую должность и въ какую именно?

*

4-го Декабря.

Сегодня имянинница наша Варинька; мы праздновали этотъ домашній праздникъ, какъ намъ позволяли наши средства. Я сдѣлалъ ей подарокъ двумя золотыми монетами. Катя моя подарила ей серьги, о которыхъ знала, что онѣ ей нравились. Князь съ сестрою тоже прислали ее поздравить и прислали тоже подарокъ: это былъ изъ шерстяной матеріи сшитый бурнусъ, родъ эпанечки; матерія незавидная, гнилая, заштопанная и, какъ нѣкоторые утверждаютъ изъ на-

шихъ, старенькая, подкладка дурная, вата лѣзетъ изъ-за подкладки. Когда принесли этотъ подарокъ, то люди наши начали дѣлать свои замѣчанія, а Семенъ даже и подшутилъ. Между тѣмъ, Кологривая, нѣсколько тому назадъ дней, дала мнѣ торжественно замѣтить, и это было сказано въ присутствіи слѣпаго брата, что пріуготовляется и шьется подъ непосредственнымъ ея присмотромъ уборъ для нашей Варинькп, для котораго фасонъ взятъ у княгини Мещерск. Врядъ ли князь знаетъ, кромѣ того, что̀ ему сказано объ этой новой мистификаціи. Ольга Карловна пришла посѣтить вечеромъ. Обѣдъ былъ преизрядный, а за столомъ сидѣло только трое. Буря не унималась во весь день, шелъ снѣгъ и дождь. Шумъ отъ вѣтра наводилъ на мою душу несказанное уныніе. Я углубился въ Маннеринга Вальтеръ-Скотова и читалъ его почти цѣлый день, сидя и грѣясь у печки. Нашелъ время написать письмо къ Жегочеву и совѣтнику Симферопольскаго Губернскаго Правленія Славинскому; я отправилъ къ нему его бумаги и послалъ къ нему глиняныхъ Китайскихъ идоловъ; онъ охотникъ собирать рѣдкости.

*

5-го Декабря.

Князь прислалъ меня увѣдомить, что̀, видя такую бурную погоду, онъ за мною не пришлетъ, чему я отъ души порадовался; вмѣстѣ съ симъ присланъ былъ пукъ газетъ, чѣмъ я и занялся сидѣвши и нѣжась передъ своею печкою; на дворѣ идетъ снѣгъ, градъ, но мнѣ было очень хорошо перебирая газеты и дочитывая Астролога. Удовольствіе мое возвысилось, когда съ почты привезли мнѣ пять писемъ, и притомъ Левъ Матв. Спасскій надумалъ прислать мнѣ нѣсколько денегъ изъ сборовъ съ крестьянъ моихъ (190 руб.) серебр. И такъ первое письмо было отъ Спасскаго изъ Петербурга, второе изъ Костромы, отъ духовнаго моего отца, разумѣется, прежняго отца Василья Малиновскаго, гдѣ описываетъ мнѣ нѣкоторыя подробности, касающіяся до Костромской гимназіи; третье письмо изъ Ярославля, отъ профессора Лицея Алексѣя Зиновьева, бывшаго моего распорядителя по Ярославской деревнѣ; четвертое письмо было изъ Симферополя, отъ Жегочева и наконецъ пятое изъ Кологрива, отъ прежняго моего письмоводителя Сирина. Этотъ неумѣренную ласку показываетъ мнѣ въ своихъ объясненіяхъ и вмѣстѣ увѣдомляетъ о кончинѣ одного живописца, почтеннаго старца изъ простаго званія, въ которомъ я принималъ нѣкогда живѣйшее участіе; я помню его почти съ шести или семилѣтняго моего возраста. Господь одарилъ его высокимъ призваніемъ, не смотря на то, что онъ былъ крѣпостный крестьянинъ. Миръ праху твоему и блаженство душѣ твоей, любезный Ѳеодоръ! Сего желаю тебѣ во имя

неизмѣримой любви къ роду человѣческому Божественнаго нашего Искупителя. Умершій старецъ имѣлъ въ сердцѣ своемъ большую вѣру къ своему Господу. Въ числѣ денегъ, присланныхъ ко мнѣ изъ Петербурга, находились новые кредитные государственные билеты, которые предназначены въ замѣну настоящимъ ассигнаціямъ и депозитнымъ билетамъ: рублевый желтовато гильошетный; трехъ-рублеваго достоинства зеленаго цвѣта гильоше; пяти-рублеваго синею краскою, а десяти-рублеваго убранъ былъ прекрасною розовою краскою. Я разсматривалъ эти билеты съ удовольствіемъ и, признаюсь къ стыду моему, любовался оными, какъ малый ребенокъ.

Я счелъ за нужное поблагодарить расторопнаго своего Ивана за скорое исполненіе моихъ приказаній и далъ ему въ число положеннаго ему жалованья пяти-рублевый новый билетъ. Удовольствіе получить деньги увеличилось и тѣмъ, что ни у кого еще на южномъ берегу такого не было, и онъ первый имъ владѣетъ; Иванъ поспѣшилъ идти, дабы показать своимъ знакомымъ невиданную бумажную монету. Въ числѣ посылокъ, прислали мнѣ изъ Симферополя 10-ую книжку Москвитянина.

*

6-го Декабря.

Мы были за обѣднею и молебномъ; я просилъ священника отслужить молебенъ двумъ великомученицамъ: Екатеринѣ и Варварѣ; отдохнувши немножко дома, отправился къ князю. Теперь наступила совершенная зима для южнаго берега, дорога покрыта тонкимъ слоемъ снѣга, деревья обнажены и лишены листьевъ. Видъ на горы угрюмъ и дикъ. Но мнѣ хорошо было идти, тепло; вѣтеръ въ продолженіи дня и возставалъ и переставалъ. Прихожу къ князю; у него сидитъ Мещерскій, а Козловскій читаетъ ему жизнь Николая чудотворца изъ Четьи-Минеи, Кологривая лежитъ на диванѣ и дремлетъ. Потомъ она чрезъ нѣсколько времени встаетъ и говоритъ мнѣ, что она три раза мнѣ кланялась и что я ей не отвѣтствовалъ на привѣтствіе. Я возразилъ ей, что я имѣю честь кланяться, но все это дѣлалось для того, чтобы слышалъ братъ. Потомъ является Муравьева со своими обычными безстрастно-страстными движеніями; начались шептанья со старцемъ; впрочемъ, тутъ ничего и никогда не бывало худаго, кромѣ разчитанной ласки и угожденія, на что старецъ сильно поддается. Вотъ какой холодъ, говоритъ Муравьева, а вы мнѣ писали о розахъ, не упоминая о шипахъ. Будетъ перемѣна, сказалъ я ей; такого еще времени, каково теперь, я и не видывалъ въ домѣ; васъ ожидаетъ весна съ ея невыразимымъ очарованіемъ. Мнѣ все равно отвѣчала Муравьева; я достигла той цѣли, которой достичь желала, то есть увидѣлась съ княземъ, для котораго

и ѣхала. За обѣдомъ Муравьева завела разговоръ о Турчаниновой, что у нея въ Ялтѣ квартира тепла и пр. Это дало средство Кологривой разразиться на счетъ Анны Александр., что немудрено, что здѣсь у нея всегда было холодно, что когда нѣсколько часовъ не закрываютъ трубы въ вытопленной печкѣ, то всегда будетъ стужа въ покояхъ и пр. Слышавши, какъ она морочитъ брата, вся кровь бросилась мнѣ въ голову, и я, обратясь къ Козловскому, съ которымъ обыкновенно я весьма мало говорю, сказалъ ему: прошу дать мнѣ совѣтъ, говорить ли мнѣ вслухъ и все ли мнѣ говорить, когда внутренность моя наполнена словомъ и когда это слово просится себя обнаружить. Козловскій тотъ же разъ догадался, въ чемъ дѣло и отвѣтствовалъ мнѣ: лучше молчать. Муравьева возразила: по моему надобно говорить; самъ князь также присталъ къ разговору, сдѣлавшемуся общимъ. О чемъ ты, Юр. Ник., говоришь? О каштанахъ, в. с., что они очень вкусны и что я частичку ихъ хочу отнести домой. На этотъ разъ дѣло тѣмъ и закончилось. Мещерскій, какъ я замѣтилъ, въ большихъ ладахъ съ Козловскимъ, Вѣра Муравьева также; она даже сказала князю сего-дня, что будто и голосъ Козловскаго похожъ на голосъ Ковалькова. Послѣ обѣда я тотъ же часъ отправился домой и сѣвъ на креслахъ крѣпко заснулъ. Остатокъ вечера писалъ журналъ; началъ читать Констабля Честерскаго, исторію изъ временъ Крестовыхъ походовъ, сочиненіе того-же Вальтеръ-Скота. Вечеромъ нечистые помыслы томились въ душу мою и, разумѣется, омрачали ее. Прошу Тебя, великодушный Боже, не оставить меня.

*

7-го Декабря.

Вѣтеръ опять началъ усиливаться; къ вечеру обратился въ порывистую бурю. Это волненіе воздуха развиваетъ во мнѣ какую-то боязнь унылую, и потому мрачныя и скучныя мысли толпились въ душѣ моей, перемѣшиваемыя съ подстреканіями нечистыми. Отъ бури часть нашей желѣзной крыши снесло; хлопанье и завыванье вѣтра и наскучило и утомило меня. Снятся все какіе-то сны страшные; все скачу верхомъ на лошадяхъ, иногда быстро съѣзжаю по скату крутой горы. Господи, не накажи меня за суевѣріе. Послѣ обѣдни князь Ал. Ник. заходилъ въ нашъ маленькій домикъ, что̀ на улицѣ, пріуготовляемый Мещерскимъ и Козловскимъ; щупалъ руками стѣны и разгадывалъ распредѣленіе комнатъ. Муравьева и сама тутъ была; Мещерскій распорядился о нужныхъ передѣлкахъ и поправкахъ и послалъ въ Семеисъ за рабочими и матерьялами; не знаю, каково-то это все покажется нашему управителю?

*

8-го Декабря.

Князь былъ за обѣднею, онъ пріобщался святыхъ таинъ; ему сегодня исполнилось 70 лѣтъ отъ роду. Идти къ нему съ поздравленіемъ нѣтъ никакой возможности. Я рѣшился послать письмо, гдѣ сильно изобразилъ мои чувствованія и обѣты всякаго ему блага и добра. Я услышалъ, что Анна Александр. возвратилась изъ Ялты и помѣстилась въ Розовомъ Павильонѣ у Дмитр. Иван. Докторъ Шмидтъ прислалъ мнѣ нѣсколько грушъ и пататовъ; это родъ корней похожихъ на земляныя груши, я ихъ никогда еще не ѣдалъ. Послѣ обѣда лекарь Шмидтъ зашелъ ко мнѣ и принесъ много иностранныхъ газетъ отъ князя; онъ разсказывалъ, что сегоднишную ночь князь очень озябъ въ своей спальнѣ и принужденнымъ нашелся часа три просидѣть на своей кровати; въ груди его такое было спираніе, что онъ съ трудомъ могъ переводить духъ. Шмидтъ говоритъ, что это происходитъ отъ воды заключающейся во внутренней полости. Эта болѣзнь можетъ опасною быть въ лѣта князевы, а онъ не хочетъ послѣдовать указаніямъ Шмидта поставить на руки везикатуары. Присылалъ Поповъ съ извѣщеніемъ, что Анна Александр. у него и что она желаетъ со мною видѣться, а потому нельзя-ли мнѣ придти напиться чаю. Я отказался, но послалъ вмѣсто себя Вариньку. И вѣтрено, и грязно, и темно. Варинька, возвратясь, разсказала мнѣ, что Анна Александр. очень покойно расположилась у Дмитр. Иванов., что ей свѣтло, тепло и покойно. Она вчера заѣзжала къ князю, и сестра его приняла ее съ гримасою.

Въ этотъ день кончился срокъ такому же количеству дней, какое я употребилъ въ продолженіе моего отпуска, т. е., на переѣздъ изъ Кореиса въ Симферополь, на первое пребываніе въ этомъ городѣ, на житье въ Эвпаторіи и на второе прожитье мое въ Симферополѣ, считая и обратную изъ онаго дорогу въ Кореисъ, всего восемьдесятъ девять дней. Остается до тридцати-лѣтняго срока служенія моего 119 дней; тогда только, послѣ сего срока, мнѣ можно будетъ рѣшиться подавать просьбу въ отставку. Доживу-ли до предмета моего желанія? Не вѣдаю. Все въ рукахъ всеобщаго Отца и Милосерднаго Судьи. Вечеромъ написалъ письмо въ Ярославль къ Зиновьеву и приложилъ къ оному полныя сочиненія Сенеки на Французск. и Латинскомъ языкахъ.

*

9-го Декабря.

У князя застали большое собраніе; кромѣ обыкновеныхъ гостей, находилась тутъ и семья Горяиновыхъ, и Машинька, племянница Му-

равьевой. Князь принялъ меня съ любовію и пріязненно разцѣловался со мною. Горяиновъ какъ-то дуется, прудится въ аристократизмъ, заносится и въ глазахъ моихъ дѣлается очень смѣшнымъ. Обѣдъ былъ славный. Предъ самымъ обѣдомъ явилась Муравьева, но она имѣла отправиться къ брату на обѣдъ, а потому такъ просидѣла за нашимъ столомъ. Елис. Михайл. была очень привѣтлива и просила меня пообождать, покуда не отыщетъ сама мнѣ книги для чтенія. Этотъ день я провелъ съ удовольствіемъ, а это рѣдко случается. Пришедши домой, я сейчасъ же отправился къ Аннѣ Александр. Старуха вышла въ комнату жены Дмитр. Иванов. и уложилась по своему обычаю въ постель. Она очень разстрогана интригами сестры князевой. Турчанинова вчера была у князя и прямо отправилась къ нему на верхъ; объясненія не было, только при выходѣ ея князь сказалъ ей: Матушка, пожалуйста, зайди внизъ къ сестрѣ моей; сдѣлай это для меня. Турчанинова зашла на минуту и была свидѣтельницею непріязненнаго морганья Елис. Михайл. Вообще князь по видимому очень разстроенъ. Анна Александр. сказывала мнѣ, что она по желанію князя составляла духовную его, изъ Петербурга; что нѣкоторыя его вещи предоставляются членамъ Императорскаго дома; что изъ денежныхъ капиталовъ выдачи назначаются немногимъ; двумъ племянникамъ, Ковалькову, старцу-каммердинеру и мнѣ; не знаю, что̀ племянникамъ, но Ковалькову 40 тысячъ рубл. ассигн. каммердинеру 15 тысячъ, а мнѣ десять тысячъ. Признаюсь, я и не предполагалъ и не заслужилъ. Остальные капиталы, равно какъ и Крымское недвижимое имѣніе, оставляетъ онъ все сестрѣ своей. Мы просидѣли долго вечеромъ, и я старался, раскрывая истину, умиротворять Анну Александр. Совѣсть мнѣ внушала эту обязанность.

*

10-го Декабря.

Дмитр. Иванов. приноситъ мнѣ записку, которую сегодня получила Анна Александр. отъ дѣвицы Кологривой. Въ запискѣ Кологривая извѣщаетъ Анну Александр. что такъ какъ она объявила, что она не хочетъ оставаться на предоставленной ей квартирѣ, то чтобы уже и совсѣмъ ее очистила и прислала бы за своими оставшимися вещами; что по волѣ князя эту квартиру надобно приготовить къ пріѣзду оператора Ванцети. Такимъ благовиднымъ образомъ Кологривая начисто вытѣснила Анну Александровну и заградила ей на всегда путь къ своему брату, и все это будто бы по приказанію самаго князя. Такое счастье въ любомщеніи Кологривой совершенно поразило Анну Александровну; она въ нѣкоторомъ смыслѣ заболѣла отъ этаго. Хорошо еще, что Промыслъ подставилъ ей Дмитр. Иванов. и его пріютъ, а не то была бы бѣда; въ теперешнее время, куда бѣдной старухѣ отпра-

вляться; иначе она сей часъ-бы отправилась. Еще въ Петербургѣ, два года сряду, просилъ ее князь, чтобы она пріѣхала раздѣлять съ нимъ его уединеніе; въ Орлѣ повторилъ эту просьбу лично и отсюда писалъ нѣсколько разъ. И вотъ интрига сестры его однимъ махомъ разсѣкла связь, продолжавшуюся столько лѣтъ! Странно между прочимъ что Анна Александровна сегодня открыла Дмитр. Иванов. по секрету. Отправляяся отъ князя, при послѣднемъ ея посѣщеніи, онъ тихонько шепнулъ ей на ухо слѣдующее: пожалуйста наймите квартиру въ Мисхорѣ; я къ вамъ каждый день буду пріѣзжать. Что это все означаетъ? Странно видѣть князя подъ гнетомъ подобной тираніи. Анна Александровна велѣла Попову у меня оставить эту записочку; это какъ бы какое-то указаніе: берегись и съ тобою можетъ случиться. О, я давно уже къ этому готовлюсь; но для меня предстоятъ великія трудности; хотя бы и терминъ службы моей подошелъ и даже прошелъ, а мнѣ весьма должно подумать, подавать-ли просьбу въ отставку прежде чѣмъ окончится предполагаемая операція, потому что, какъ и Государь посмотритъ на мое уклоненіе, опредѣливъ меня именно служить при лицѣ князя, а я его оставлю въ то самое время, когда все преданное и любящее его слѣдитъ и ожидаетъ счастливаго окончанія преднамѣреваемой операціи. Объ этомъ мы серіозно потолковали нынѣшнимъ вечеромъ съ женою. Но я уповаю на Господа. Онъ сохранитъ меня отъ людей хитрыхъ и недобрыхъ! Вотъ, какъ человѣческія связи разрушаются, по слову Божію: не надѣйтесь на князей, въ нихъ и чрезъ нихъ нѣтъ спасенія!

*

11-го Декабря.

Писемъ было немало, но желаннаго письма не было, письма отъ родныхъ моихъ. Послѣднее письмо отъ брата получено мною было въ Эвпаторіи, и съ тѣхъ поръ я не имѣю ни строчки. Сдѣлавши отвѣты на полученныя письма, я обыкновенно сдаю ихъ Варв. Петр., а она полагаетъ ихъ въ архивъ. Въ послѣдній разъ я вдругъ сдалъ ей 27 писемъ, на которыя составлены и отправлены были отвѣты. Предъ обѣдомъ пріѣхала къ намъ въ гости Гартвисъ; это добрая и оригинальная говорунья; впрочемъ, она нимало не мѣшаетъ мнѣ заниматься моимъ дѣломъ: я продолжаю и писать, и читать по прежнему даже въ ея присутствіи.

Вечеркомъ навѣстилъ меня Дмитр. Иванов. и разсказалъ мнѣ о вчерашнемъ своемъ посѣщеніи князя. Князь посадилъ его возлѣ себя и съ сердечнымъ участіемъ спросилъ его, переѣхалъ ли онъ въ Мисхоръ, если не переѣхалъ, то поспѣшилъ бы это сдѣлать и перевезъ бы

съ собою Анну Александровну; постарайтесь ее успокоить, промолвилъ онъ. Когда заслышала изъ другой комнаты Кологривая, что князь тихо разговариваетъ съ Поповымъ, то сей часъ же подошла, сѣла возлѣ него, а по другую сторону посадила клеврета своего Швейцарку Мауреръ, и вотъ тотъ же разъ и начала говорить о церкви. Князь какъ ни силился докончить начатый разговоръ съ Поповымъ, но не могъ. Кологривая его сбила и пресѣкла матерію. Во весь остатокъ дня она впивалась въ старика, не желая допустить его къ Попову; тотъ-часъ послѣ обѣда предлагала ему писать какое-то письмо, но князь не согласился и отвѣчалъ ей съ сердцемъ, чтобы она оставила его въ покоѣ. Что̀ за крайность писать послѣ обѣда, особенно это извѣстное и глупое письмо, сказалъ князь. Словомъ, говорилъ Дмитр. Иван., вы себѣ представить не можете, какъ омерзительно видѣть эту грубую и дерзновенную тиранію старой дѣвки и паническую послушливость старца, ея брата, котораго она магическимъ своимъ зловоніемъ затащила даже въ мелочную скупость. Мы о многомъ говорили съ Поповымъ, бесѣдовали и о философіи, и о внутренней жизни, и о религіи, чѣмъ она должна быть для вѣтренаго и шаткаго человѣчества.

*

12-го Декабря.

Такъ много выпало снѣга и такая вода, что я согрѣшилъ, не пошелъ въ церковь, хотя и имѣлъ намѣреніе. Съ дѣвицею Мауреръ отправился я въ каретѣ къ князю, а назадъ доѣхалъ до дома въ открытыхъ дрожкахъ и прилежно замѣчалъ перемѣну и мертвенность въ здѣшнихъ райскихъ окрестностяхъ. По дорогѣ голыя деревья, отсутствіе зелени, все напоминаетъ намъ Русскую зиму. Только предъ терасою нашею есть зеленыя деревья и, видно, вѣчно зеленѣющія, коихъ бархатистые, лоснящіеся листья утѣшаютъ и радуютъ взоръ. Князь разсказалъ мнѣ о своихъ недугахъ. Новая, никогда не испытанная болѣзнь во мнѣ открылась, говорилъ онъ. Нынѣшнюю ночь цѣлые три часа не спалъ я; у меня такая одышка сдѣлалась, что я не могъ перевести духа; ночью одинъ одинешенекъ; вздумалось походить, но слѣпому какъ и ходить: боишься наткнуться. Однако я рѣшился походить протягивая впередъ свои руки, и все таки привелось наткнуться на что-то; прибавь къ этому, что мнѣ и спать очень хотѣлось. Но я такъ уже утомился, что и не помню какъ я заснулъ одѣтый въ шлафрокъ и въ спальныхъ сапогахъ, чего со мною никогда почти не случалось. Такъ разсказывалъ мнѣ князь, и мнѣ старика очень было жалко. Надобно потерпѣть, сказалъ я, чего перемѣнить невозможно. Видно, зовутъ къ отвѣту, примолвилъ князь, а я чувствую, что одежда на мнѣ нечиста. Когда мы съ нимъ разговаривали, въ это время Кологривая

торопилась отправлять почту, суетилась, бѣгала, но зорко наблюдала наши разговоры и если приводилось выходить ей изъ комнаты, то отряжала Мауреръ. Не будемъ-ли мѣшать тебѣ, сестрица, нашимъ чтеніемъ? Нѣтъ, братецъ, мнѣ еще лучше, когда тебѣ читаютъ; я тогда спокойнѣе дѣлаюсь. Это напоминаетъ мнѣ одно обстоятельство изъ стараго времени. Нѣкогда я былъ во Владимирѣ на Клязьмѣ. По улицамъ много ходило дѣвокъ, которыя во все горло кричали пѣсни. Для чего такъ онѣ кричатъ? спросилъ я и получилъ отвѣтъ, что женщины занимались въ то время въ садахъ обираніемъ вишень и когда собранныя вишни разносили онѣ по своимъ хозяевамъ, то ихъ нарочно заставляли пѣть, что̀ по необходимости поставляло ихъ въ невозможность ѣсть эти вишни, и пѣніе служило залогомъ для хозяевъ садовъ, что собранная вишня будетъ цѣлѣе. Такъ видно и Кологривая хотѣла поступить со мною; ибо изъ другой комнаты слыша непереможающійся говоръ чтенія, она могла быть безъ сомнѣнія, что ничего не говорятъ брату ея, дабы вывести его изъ тѣхъ путовъ, которыми ловкая старуха его отенятила. Я читалъ князю Арабскую сказку о разбуженномъ спящемъ, и кажется мнѣ, что она доставила ему удовольствіе.

Я получилъ сегодня новое письмо отъ Латкина, при которомъ было два приложенія: одно о соединеніи рѣкъ Печоры и Оби, другое о богатствахъ, кои пріобрѣтетъ отъ того компанія и о великолѣпныхъ видахъ вообще для правительства и публики, которыя раскроются, когда сокровища природы и промышленности Сибирской тронутся и легко переходить могутъ въ Европу; сокровища эти, какъ вѣковые застои болотные, доселѣ болѣе или менѣе были неподвижны въ отдаленномъ Сибирскомъ царствѣ. Это бы и пріятно было знать; но что̀ не пріятно, что вновь Латкинъ требуетъ себѣ пособія, которое и дано ему уже нѣкоторыми изъ нашихъ основателей. Подлинный листъ этаго журнала онъ и мнѣ прислалъ для подписанія. Признаюсь, я почесалъ затылокъ и вспомнилъ свою прежнюю аксіому, которая гласитъ, что люди раздѣляются на два класса, на давантусовъ и обирантусовъ; боюсь быть первымъ. Подумаю и призову Господа Бога, что̀ Онъ мнѣ внушитъ. А требуемая подачка значительна и состоитъ изъ 200 рублей серебр.; конечно деньги сіи должны возвратиться, когда устроится хотя какая нибудь денежная касса въ обществѣ, а если его не будетъ, этаго общества!

*

13-го Декабря.

Князь прислалъ ко мнѣ человѣка спросить меня, когда за мною посылать лошадей; отвѣтствовано, когда угодно. Вотъ я пріѣзжаю къ

князю и нахожу у него немалое сборище. Возлѣ него сидѣла Вѣра Муравьева, потомъ братецъ ея Горяиновъ, которому я далъ прозвище Авессалома, и другіе обыденные посѣтители. Вѣра Муравьева объявила, что ей надобно отправиться въ Кореисъ для осмотра своей квартиры; такимъ образомъ она отправилась. Горяиновъ отправляется на дняхъ въ Одессу, а потомъ поѣдетъ въ свои деревни. Кологривая очень для меня на сей разъ была милостива.

Нашъ садовникъ застрѣлилъ въ саду дупель-шнепа, сказала она, и я велѣла его зажарить; буду имъ потчивать дорогую гостью (здѣсь разумѣла она Вѣру Муравьеву) и потомъ, глядя на Горяинова, прибавила, и васъ также буду подчивать и Юрія Никитича также. А въ мысляхъ у нея вѣрно не то было; ибо она терпѣть не можетъ Муравьеву, а такъ только говоритъ, желая сдѣлать отводъ въ присутствіи своего брата. Вотъ наконецъ возвращается и Вѣра изъ Кореиса, садится возлѣ своего князиньки, а тотъ ей говоритъ: разсказывай же, матушка, гдѣ была, что̀ видѣла. Муравьева обращается ко мнѣ и говоритъ: поздравляю съ пріѣздомъ управителя; видѣла вашу жену прогуливающуюся на площадкѣ, только къ ней не зашла, а послѣ къ ней зайду. Вотъ какъ пріѣхала на квартиру (обращаясь снова къ князю) а тамъ уже и князь Мещерскій меня поджидаетъ. Онъ тамъ распоряжается какъ лучше; потомъ присылаетъ ко мнѣ Анна Александр. Турчанинова и требуетъ, чтобы я съ нею повидалась. Нечего было дѣлать, сѣвши въ трясилку на ослѣ, я поѣхала къ ней. Розовый Павильонъ худое помѣщеніе; Анна Александр. не въ комнатѣ лежитъ, а въ стойлѣ; у нея тепло, но она очень не здорова, чувствуетъ ознобъ. Все ли ты пересказала, матушка? сказалъ князь. Все, отвѣчала Муравьева. Ну такъ пойдемъ же наверхъ. Вотъ старикъ потащился съ Муравьевой на верхъ, гдѣ они болѣе получаса бесѣдовали на единѣ. Въ это время пришелъ и Мещерскій, который однако, довольно посидя, не дождался князя и ушелъ. Онъ однако успѣлъ порядочно поспорить съ Кологривою; повидимому Мещерскій не въ большихъ ладахъ съ Кологривою. Послѣ обѣда, за которымъ находился и Горяиновъ, Вѣра сѣла съ княземъ, и поднялись обычныя шептанья. Она очень близко наклонилась къ лицу князеву, и изо всего мяуканья я слышалъ только слова о тѣльцѣ; не знаю, что̀ это за тѣльцо. Впрочемъ, они такъ говорили, что ничего не было слышно. Горяиновъ хотя и фардыбачилъ, но сегодня поменѣе и даже уѣзжая мнѣ поклонился, что̀ съ нимъ не всегда случается. Жена разсказала мнѣ по пріѣздѣ, что Вѣра приходила къ ней на террасу и начала поправлять свои ботинки; жена ей сдѣлала вѣжливость и приглашала ее къ себѣ исполнить это дѣло

удобнѣе чѣмъ на улицѣ: „некогда, спѣшу къ Турчаниновой, послѣ побываю“. Очень рада, очень рада, сказала жена моя, что мой домъ могъ послужить для васъ вмѣсто станціи; ибо къ Турчаниновой она могла ѣхать и изъ своей квартиры; нужно же ей было доходить до нашей террассы и только для того, чтобы поправить свою обувь. Возвращаясь отъ Турчаниновой, она прислала своего человѣка сказать женѣ моей, чтобы она ее извинила, что она теперь торопится къ князю на обѣдъ и не имѣетъ достаточнаго времени, чтобы сдѣлать ей посѣщеніе. Я не знаю, къ чему всѣ этѣ выдѣлки. И въ Петербургѣ и здѣсь я не торопился звать ее къ себѣ. Къ князю заѣзжала отъ насъ и г-жа Гартвисъ; она разсказала ему, какъ ее недавно снесло вѣтромъ и съ лошадью съ дороги, то есть опрокинуло вовсе и если бы не подоспѣвшіе Татары, то она очень бы дорого поплатилась за неосторожность ѣздить верхомъ въ бурю. Горяиновъ взумалъ подшутить надъ простодушною Гартвисъ: когда бы вы были Казначеева, тогда бы и буря не тронула васъ, а такъ какъ вы легки какъ пухъ, то вѣтеръ васъ и поднялъ. Штука эта въ томъ состоитъ, что Казначеева толста какъ откупшица, а Гартвисъ тонка, какъ сѣрная спичка. Остальное время я употребилъ на чтеніе Певериль-ди-Пика, новый и изящнѣйшій разсказъ Вальтеръ-Скота. Въ такомъ занимательномъ чтеніи не видишь, какъ и летитъ время. Это лучше разговоровъ. Въ нынѣшнихъ Вѣра дала замѣтить князю, что ему нужно прохаживаться и что она сама будетъ водить князеньку. Эти предположенія не очень-то пріятны Козловскому, который былъ постояннымъ доселѣ чичероне слѣпаго старца. Сны мои настоящій калейдоскопъ; сего-дня приснился, между прочимъ, князь Петръ Андр. Вяземскій. Молитва моя утренняя коротка и усѣченна; я болѣе и болѣе выдыхаюсь. Надъ душею лежитъ какъ мѣдная доска, мѣшающая движеніемъ духа моего, пораженнаго и проникнутаго паденіями тяжкими и грязными.

*

14-го Декабря.

Дмитр. Иванов. разсказалъ мнѣ о вчерашнемъ пребываніи своемъ у князя. Съ того начать, что Анна Александр. вовсе не звала Муравьеву къ себѣ, какъ та торжественно о томъ вчера провозгласила, а сама Муравьева писала къ Турчаниновой записку и просила позволенія на свиданіе. Вотъ, говоритъ Дмитр. Иван., прихожу я къ князю, который сажаетъ меня возлѣ себя; въ это время на двойной софѣ, на той половинѣ ея, которая обращена къ террасѣ, лежитъ Кологривая и спитъ, потому спитъ, что очень громко въ то время храпѣла. Князь тихонько началъ распрашивать меня объ Аннѣ Александровнѣ, скоро ли переѣдетъ она въ Мисхоръ; если она съ вами переѣдетъ, то конечно

несовмѣстно мнѣ предлагать вамъ денежное пособіе; если же она одна туда перемѣстится, то моя обязанность доставить ей все нужное. Пожалуйста, увѣрьте ее, что я никогда не переставалъ любить и уважать ее; что всегда былъ и останусь вѣрнымъ и преданнымъ ей другомъ и если погода и здоровье позволятъ мнѣ, то, по обыкновенію своему, также часто буду посѣщать ее, какъ и прежде. Въ это время подымаетъ свою голову изъ за софы Кологривая. Что̀ это такъ тихо въ комнатѣ, я думала, никого нѣтъ. Оставь насъ, сказалъ князь, я имѣю переговорить съ Дмитр. Иванов. Кологривая пошла въ комнату дѣвицы Мауреръ и такъ шибко хлопнула дверью, что даже стекла зазвенѣли. Спустя нѣсколько минутъ она отворяетъ двери и спрашиваетъ съ гнѣвомъ, кончили-ли вы разговоръ. Нѣтъ, еще не окончили, пожалуйста оставь насъ. И вотъ снова Кологривая отправляется въ свою уже комнату насупротивъ прежней, и опять столь же громко прихлопываетъ дверью. Между тѣмъ старецъ съ участіемъ распрашиваетъ Попова о Турчаниновой, которая все еще больна. Изъ этого видно, что онъ не разлюбилъ Анны Александр. Дмитр. Иван. остался у меня обѣдать. Столъ былъ прекрасный, хотя насъ всѣхъ только было трое, потому что Варинька отправилась на обычное чтеніе къ князю. Супъ изъ гусиныхъ потроховъ съ огурцами (потроха прислали мнѣ по почтѣ изъ Симферополя), прекрасный пловъ съ изюмомъ и бараниною; индѣйка жареная съ рыжиками. Столъ отличный, хотя бы и въ столицѣ. Я послалъ индѣйки и кое-чего другаго съѣстнаго къ Аннѣ Александр., а она мнѣ прислала сухихъ Кіевскихъ конфектовъ, превосходныхъ грушъ и бергамотовъ въ сахарѣ; тутъ былъ и лимонъ, который я съ величайшимъ удовольствіемъ съѣлъ. Послѣ обѣда я немножко уснулъ, но меня скоро разбудили, потому что пришла ко мнѣ гостья, нарочно пожелавшая меня увидѣть; это наша прежняя сирота Лизанька, теперь въ изобиліи проживающая въ домѣ Мещерскихъ. Лекарь Шмидтъ занялъ меня подробностями князевой болѣзни, которую находитъ серіозною; въ эти годы все можетъ быть опасно, говоритъ онъ. Не знаю, какъ разговоръ дошелъ до повара, который, выѣхавъ здоровымъ молодцомъ изъ Петербурга, лежитъ теперь въ Алупскомъ лазаретѣ боленъ чахоткою. Здѣсь онъ спился и сбился съ прямаго пути. Шмидтъ прибавилъ, что Козловскій на него сердится за повара, почему онъ послалъ его въ Алупку, а не въ Ялту, куда Козловскій часто ѣздитъ и гдѣ бы могъ его видѣть. Поваръ, по словамъ, Шмидта, цѣлые дни проводилъ съ Козловскимъ и тамъ все такое дѣлалось, что̀ можетъ сотворить и увеличить болѣзнь. Козловскій, прикидываясь прямикомъ, обалтываетъ и опорачиваетъ многихъ въ глазахъ князя, котораго водитъ прогуливаться; это совершенная язва, когда онъ возгарается въ злобѣ: вотъ

слова, переданныя мнѣ Шмидтомъ. Однако я на сей день благодаренъ Козловскому, который прислалъ мнѣ съ Варинькою жалованье за два мѣсяца за прошедшій Ноябрь и за текущій Декабрь. Кологривая раскрывала свое сердце Варинькѣ, что ей извѣстно, что Турчанинова на нее жалуется, и все напрасно; я дескать всегда показывала ей особенное усердіе. Она напускала по своей неопрятности клоповъ въ мебель, отъ чего и слышенъ скипидарный запахъ въ комнатѣ. Это она и при мнѣ утверждала, равно какъ и при всѣхъ въ то время тамъ бывшихъ, когда вчера князь уходилъ съ Муравьевою на верхъ. Однако мы всѣ тогда промолчали и ничего не отвѣтствовали ей на это новое обвиненіе. Великъ и тяжелъ крестъ мой, говорила она, всѣ меня не любятъ, а я всѣхъ люблю. Вотъ на мое горе пріѣхала и Муравьева, на что это похоже, какъ она обращается съ братомъ? За чѣмъ всѣ эти апарте, что̀ за шептанья; за чѣмъ удушливаго и больнаго старика уводить на верхъ? И эти секреты передаются въ присутствіи моемъ, какъ бы меня тутъ и не было. Пріѣзжаетъ изъ Ялты Козловскій и рапортуетъ князю, что Муравьева велѣла ему донести, что она была въ банѣ и чувствуетъ себя здоровѣе. Ну пристойно ли это? шептала Кологривая Варинькѣ. Она, продолжаетъ Козловскій, просила меня извѣстить ваше сіятельство, что будетъ завтра къ вамъ обѣдать. Чтобы ее нелегкая прибрала, она всякій день зачаститъ къ намъ на обѣды. Въ свою очередь и Козловскій проговорилъ свою іереміаду Варинькѣ: что ему недостаетъ терпѣнья; что если бы онъ все зналъ, то не пошелъ бы служить къ князю; что онъ видитъ, какъ въ немъ мало будутъ имѣть нужды (кажется, онъ въ виду имѣетъ Муравьеву), что только настанетъ весна, такъ онъ и рапортуется на шесть недѣль больнымъ и потомъ подастъ прошеніе объ отставкѣ и проч. и проч. Козловскій собирается выходить въ отставку, а у меня какая-то дикая мысль и, можетъ быть, не нарокомъ посѣтившая мою душу, чтобы здѣсь поостаться, если можно; только жить бы не въ Кореисѣ, а въ Мисхорѣ. Странно, что и жена моя не пугается этой мысли. Неизъяснимыя противорѣчія человѣческія; иначе, какъ бы придти такой мысли, когда постоянно думаешь о противномъ и считаешь, такъ сказать, и дни и часы, остающіеся до срока тридцати-лѣтняго термина? Я сплю худо ночи; все мнѣ снятся сны странные. Будто лошади мчатъ насъ всѣхъ трехъ, меня, Катю и Вариньку. Помилуй насъ, Господи, и не введи насъ во искушеніе!

*

15-го Декабря.

Еще я не успѣлъ одѣться, какъ, къ немалому моему удивленію, самъ князь заѣхалъ за мною; онъ возвращался изъ Розоваго Павильона и былъ у Анны Александровны. Здѣсь два для меня удовольствія: во

первыхъ, что онъ довольно здоровъ, во вторыхъ, что не перемѣнился къ Турчаниновой и воспользовался первымъ яснымъ днемъ. Князь Мещерскій зашелъ ко мнѣ, и мы вмѣстѣ съ нимъ отправились къ князю на его экипажѣ. Начатый въ комнатѣ разговоръ мы продолжали дорогою, и между прочимъ о сестрѣ князевой. Мещерскій утверждалъ, что пристроенныя къ квартирѣ Турчаниновой курятники она выстроила на не принадлежащей ей землѣ. Курятники прислонились къ самому окошку и если въ хорошую погоду открыть приведется окошки, тогда въ комнатахъ запахъ не очень пріятный. Въ дальнѣйшемъ развитіи разговора Мещерскій замѣтилъ, что Кологривая никого не любитъ, даже и самаго брата. Когда прибыли въ домъ князевъ, то тамъ застали княгиню Мещерскую съ ея воспитанницею Настинькою. Въ общемъ разговорѣ Мещерскіе, мужъ и жена, прославляли Крымскую жизнь и придавали этой торжественной стачкѣ видъ торжественности.

Князь былъ очень веселъ и просилъ меня повторить начатое въ Воскресенье чтеніе Арабской повѣсти о разбуженномъ спящемъ предъ Мещерскими; хотя супруга Мещерскаго и торопилась къ себѣ домой, но нечего было дѣлать, надлежало дослушать. Наконецъ желанныя и ожидаемыя посылки мною получены: 6 фунтовъ Московск. чаю, настоящее сокровище въ здѣшнемъ краѣ, подробная карта Кавказскихъ горъ и смежныхъ земель, составленная при Депо Кавказскаго Корпуса, великолѣпный мнѣ подарокъ отъ совѣтника Славинскаго. Также и шерстяная матерія на платье, отъ купца Ицки Берга; все было мною исправно получено. Погода перемѣнилась, зачастилъ осенній дождичекъ, темно, и безъ того грязныя дороги сдѣлаются еще грязнѣе; я однако покойно грѣюсь у своей желѣзной печки и читаю Пенни-Магазинъ и Певериля: диковинка, произведеніе могучаго таланта. Кто-то вздумалъ вечеромъ прислать ко мнѣ изъ дому князева и свѣжинькую Сѣверную Пчелку. Возвратившись отъ князя, опять повторился забѣглый во мнѣ помыслъ остаться въ Крыму, но все однако не на этой квартирѣ. Я отослалъ хозяину моему 50 рубл. серебр.; онъ учтиво просилъ Вариньку, не могу-ли я прибавить еще 50-ти, я тотчасъ же выполнилъ его желаніе, не смотря, что онъ на меня начитываетъ и всячески избѣгаетъ со мною встрѣчи. Благодареніе Господу! Въ моемъ домѣ тепло, свѣтло и покойно.

*

16-го Декабря.

Предъ обѣдомъ князь прислалъ за мною колясочку, а вмѣстѣ съ нею сестра его прислала записку, въ которой увѣдомляетъ, чтобы я взялъ что нибудь съ собою почитать, потому что брать въ верхъ не

пойдетъ по причинѣ слабости; въ запискѣ заключался и совѣтъ, чтобы не говорить князю о его болѣзни, потому что онъ очень встревоженъ отъ оной. Пріѣзжаю и нахожу князя слабымъ. Онъ самъ началъ мнѣ разсказывать, что только три часа проспалъ ночью, остальное время кое-какъ сидѣлъ. У меня духъ захватываетъ, дышать съ трудомъ могу, продолжалъ князь. Онъ похудѣлъ, и въ лицѣ явная болѣзненность. Козловскій встрѣтился со мною въ столовой и тотъ же часъ сказалъ мнѣ, что князь не на шутку дуренъ. Однако я не счелъ за несовмѣстное продолжать читать очень веселый разсказъ о разбуженномъ спящемъ, и это очень заняло старика: онъ сдѣлался веселъ, смѣялся много и даже хлопалъ руками, а это у него знакъ особеннаго удовольствія. Во время чтенія и Мещерскій также пришелъ, а когда окончилъ я чтеніе, то явилась и Вѣра Муравьева со своею племянницею. Онѣ сбираются на прощальный обѣдъ, который даютъ по случаю отъѣзда Горяиновыхъ Мещерскіе. На этотъ разъ Вѣра Муравьева долго не оставалась, а по принятой ею методѣ все-таки пошептала съ княземъ и такъ близко около него терлась, что онъ послѣ сознался, когда она уѣхала, что ему дѣлалось холодно: накрахмаленное ея платье дорогою нахолодѣло. Князю привезли изъ Ялты лекарство, и онъ съ великимъ усердіемъ его при насъ принялъ. Что его встревожила болѣзнь, тому доказательствомъ, между прочимъ, служитъ и разсказъ его о графѣ Строгоновѣ, который строилъ Казанскій Соборъ въ Петербургѣ. Я былъ на священьѣ, продолжалъ князь, и тотъ же разъ Строгоновъ сказалъ мнѣ: мнѣ можно сказать: нынѣ отпущаеши, Владыко, раба Твоего, по глаголу Твоему съ миромъ, и что-же? Чрезъ день послѣ того онъ заболѣлъ и потомъ вскорѣ скончался.... Когда я прихожу ложиться въ постелю, говоритъ князь, то и думаю, не спать мнѣ сего-дня, а маяться..... Изо всего этаго видно, что князь немало встревоженъ. За обѣдомъ онъ кушалъ мало, но былъ очень обязателенъ и внимателенъ къ намъ. Отъ жены моей узнаю о новой продѣлкѣ Вѣры Муравьевой. Катя была въ спальнѣ и слышитъ, что на фортопьянахъ нашихъ какъ бы играютъ. Она высылаетъ женщину и узнаётъ, что это Муравьева съ управителемъ; потомъ, услышавши брянчанье, вышла туда и Варинька; Муравьева говоритъ: скажите Екат. Степановнѣ, я послѣ къ ней зайду. Признаюсь, услышавши отъ жены о такой наивности полу-старой, полу-вдовы (у нея мужъ сосланнымъ въ Сибири), я не могъ довольно надивиться и вспомнилъ стихъ: свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. Удивляюсь продерзости и управителя, который, не входя ко мнѣ въ покои, идетъ съ Муравьевою въ мою столовую и распоряжается въ ней, какъ въ аукціонной лавкѣ.... Но благоразуміе и отношенія мои къ князю заставляютъ меня молчать.....

Поутру я послалъ къ Дмитр. Иванович. фунтикъ Московскаго чайку въ гостинецъ; а вечеромъ рѣшился посѣтить Анну Алекс.; я очень хорошо къ ней дошелъ и долго просидѣлъ у нея. Разумѣется разговоръ былъ о домашнемъ, но только нравственномъ обиходѣ и какъ ни воздерживайся, а нельзя же не засорить души своей.... Она поразсказала мнѣ, какъ былъ князь у нея и что она замѣчаетъ въ немъ къ себѣ туже пріязнь и туже дружбу, какая была прежде; по ея мнѣнію, князь даже довольнѣе, что она стала жить отъ него отдѣльно: ему свободнѣе отъ этого съ нею видѣться. Какъ это ни странно, но это все можно уложить въ очеркѣ характера князева. Муравьева тоже была у Турчаниновой, любовно упрекала ее, почему для любви къ старцу она всего не вытерпѣла. Я бы вытерпѣла, возразила Турчанинова, да тѣло-то мое не могло вытерпливать. Муравьева залилась слезами, и это было, по словамъ ея, о князѣ, что онъ терпитъ такую опалу въ домашней жизни.

Пришедши изъ Розоваго Павильона, я узнаю, что безъ меня былъ докторъ Шмидтъ. Князь подходилъ къ нему вечеромъ, когда тотъ по обычаю навѣщалъ больнаго, взялъ его за обѣ руки и сказалъ ему съ видимымъ удовольствіемъ: чувствую, что ваше лѣкарство мнѣ полезно и что я нынѣшнюю ночь надѣюсь спать покойно. Я счелъ за нужное тотъ же часъ извѣстить о томъ Анну Александр., которая очень заботилась о болѣзни князевой.

*

18-го Декабря.

Поутру заходилъ ко мнѣ докторъ Шмидтъ и сказывалъ, что тайно отъ князя, но по волѣ сестры его, послалъ эстафету къ инспектору Врачебной Управы Арендту съ тѣмъ, чтобы онъ пріѣхалъ посмотрѣть на болѣзнь князеву и объявилъ объ оной свое мнѣніе. Шмидтъ робѣетъ и боится отвѣтственности. Князь уже три мѣсяца какъ плюетъ кровью, но наемный каммердинеръ и не вздумалъ увѣдомить о томъ сестру, и она мѣсяца съ полтора, какъ о томъ узнала. Эта кровь, по мнѣнію Шмидта, происходитъ изъ легкихъ, и въ ней видны жилочки; кромѣ того врачъ полагаетъ, что у князя есть накопленіе и воды въ грудной полости. Не смотря однако на столь болѣзненное состояніе, князь сегодня прогуливался на дрожкахъ и заѣзжалъ до моего дома, чтобы взять Вариньку съ собою. Посѣтили меня князь Мещерскій и полковникъ Олива, равно и княгиня Мещерская. На этотъ разъ она какъ-то отмѣнно ласкалась къ женѣ моей, что̀ съ нею не всегда случается; эти ласки жена принимаетъ за настоящее пріязненное изліяніе. Полковникъ Олива, какъ и всегда, показался мнѣ честнѣйшимъ и христіяннѣйшимъ Фран-

цузомъ; доброта и благородство напечатаны на открытой и честной его физіогноміи. Мы потолковали о князѣ и его болѣзни и кончили тѣмъ, что все можетъ быть опасно въ его лѣтахъ. Наконецъ, я получаю письмо изъ Костромы отъ своей племянницы и новаго племянника. Богъ привелъ ихъ къ счастливому супружеству. Матерью посаженою была вдова старшаго брата нашего, Елисавета Алексѣевна Бартенева. И въ числѣ немногихъ родственниковъ, сопровождавшихъ въ этой торжественной церемоніи нашу Машиньку, находился къ крайнему моему удивленію князь Иванъ Дмитріевичъ Козловскій женатый на кузинѣ Машиньки. Такимъ образомъ, мы дѣлаемся сродни съ здѣшнимъ Козловскимъ.... При семъ извѣщеніи племянницы приложено было умное письмо ея мужа. Дай Богъ имъ счастья! Машинька увѣдомляетъ меня, что параличному брату моему не дѣлается лучше и что теперь онъ даже не можетъ и диктовать писемъ: память ему отказываетъ; начнетъ фразу и не знаетъ, какъ окончить ее.... Какова-то моя будущность, но я лежу безотвѣтенъ предъ престоломъ милосерднаго правосудія..... Вмѣстѣ я получилъ письмо изъ Москвы, отъ Петра Михайловича Рудина и при ономъ новый календарь. И Рудинъ увѣдомляетъ меня о сладкомъ и о горькомъ. Онъ выдалъ старшую дочь за мужъ и потерялъ сына въ полномъ цвѣтѣ возраста и силъ. Я вздумалъ вечеркомъ идти въ домъ князевъ на всеночную, которую намѣревались служить въ новой церкви еще не освященной. Я засталъ князя слушающимъ, какъ Варинька читаетъ ему книгу. Старецъ остановилъ чтеніе и началъ со мною разговаривать. Онъ спалъ ночь только до трехъ часовъ утра, а тамъ мѣшало ему спать удушье, что̀ онъ называетъ angoise; это самое повторилось съ нимъ и за обѣдомъ, но къ вечеру онъ почувствовалъ себя лучше и спрашивалъ меня, что̀ значилъ бы сонъ, который онъ видѣлъ ночью. Ему приснилось, будто женится на комъ-то; невѣсты своей онъ не видалъ, но видѣлъ ея брата, человѣка ему незнакомаго. Этотъ братъ одѣтъ былъ въ бархатное платье свѣтло-голубаго цвѣта по всѣмъ швамъ вышитое серебромъ; платье это было ему прежде припасено. Онъ говорилъ во снѣ своему шурину: не правда-ли, что вы должны очень удивиться, что я хочу жениться на вашей сестрѣ? Пріѣхала Муравьева со своею племянницею, пришелъ Дмитр. Иванов. Поповъ, собрались и прочіе обитатели здѣшнихъ мѣстъ. Князь захотѣлъ идти одинъ на верхній этажъ въ свой кабинетъ и велѣлъ мнѣ слѣдовать за собою; онъ отдалъ приказаніе, чтобы его извѣстили, когда все будетъ готово. Онъ очень былъ нетерпѣливъ и все спрашивалъ, скоро ли идти въ церковь. Я сталъ возлѣ его на хорахъ; князь молился усердно, немало и плакалъ; дребезжащимъ отъ болѣзни и старости голосомъ по обычаю своему пѣлъ: подай Господи!

Не сходя уже въ низъ, все общество собралось у него въ кабинетѣ, гдѣ мы пили и чай, а въ то время возвратился и Козловскій съ почтою, то князь приказалъ ему читать Сѣверную Пчелу, а иностранныя газеты читалъ ему Мещерскій.

Князь былъ очень веселъ и доволенъ, находилъ, что ему легко, пріуготовлялся въ этотъ же вечеръ сдѣлать себѣ нѣсколько облегчительныхъ средствъ по указанію врача и проч. Пришлая мысль подсказала мнѣ, чтобы я поселился въ Лубнахъ; если она опять посѣтитъ меня, то я изложу здѣсь подробнѣе, на чѣмъ она у меня основывается. Дмитр. Иванов. объявилъ вечеромъ князю, что у Анны Александр. лихорадка.

*

19-го Декабря.

Я только что успѣлъ одѣться и выпить чашку чаю, какъ тотъ же часъ и отправился въ князевъ домъ пѣшкомъ; наши дамы обогнали насъ на дрожкахъ. Князь отправился въ свою церковь, а я съ полковникомъ Оливою забрались на хоры и были неравнодушными участниками торжественнѣйшей церемоніи освященія церкви, которое я во вторый только разъ вижу въ жизни. Въ первый разъ лѣтъ сорокъ-пять тому назадъ, я былъ также свидѣтелемъ освященія церкви, моимъ родителемъ построенной въ погостѣ Воскресенья, что̀ въ Бартеневщинѣ. Церковь была полнехонька народомъ; служило три священника и главный между ими былъ протопопъ Накропинъ, мой духовный отецъ. Когда обѣдня началась, князь велѣлъ намъ сойти съ хоръ, гдѣ была между прочими и жена моя; старикъ самъ пошелъ на хоры, чтобы ему удобнѣе было помолиться. Во время обѣдни я стоялъ въ олтарѣ. Когда церемонія кончилась, мы отправились къ князю и поздравляли его съ благополучнымъ окончаніемъ предпринятаго и задуманнаго имъ дѣла. Князь показался мнѣ очень слабымъ; онъ просилъ извиненія у посѣтителей, что не могъ говорить съ ними, потому что разговаривать ему было и трудно, и вредно. Мы скоро разошлись по домамъ; я послалъ за лекаремъ Шмидтомъ, чтобы поговорить съ нимъ о болѣзни князевой, онъ долго у насъ просидѣлъ, и вотъ главное изо всего имъ сказаннаго. Сего-дня поутру онъ осматривалъ животъ у старца и по примѣтамъ врача онъ подозрѣваетъ, нѣтъ ли у него водяной болѣзни; между тѣмъ, онъ постоянно откархиваетъ кровью. Врачъ подозрѣваетъ въ князѣ два недуга: атонію или маразмъ во внутреннихъ частяхъ тѣла и начало болѣзни водяной. Такое сцѣпленіе разнородныхъ разстройствъ опасно по мнѣнію врача, для больнаго субъекта, особенно въ такихъ лѣтахъ. Когда онъ намъ это разсказывалъ, сидѣла и пила у

насъ чай Ольга Карловна. И вотъ какой сонъ она намъ пересказала, видѣнный ею если не вчера, то на этихъ дняхъ. Это было поутру, она увѣряетъ будто даже и не спала; она видитъ Швейцарку Мауреръ, которая ей много интереснаго разсказывала, но она забыла, а помнитъ только то, что она ей выговорила, что князь умретъ (чего не дай Богъ!) 5-го числа мѣсяца*), но какого года, не сказала. Ольга Карловна записала этотъ сонъ въ своей памятной книжкѣ. Люди князевы также не ожидаютъ добраго отъ болѣзни старика.... Все это приводитъ меня въ волненіе и страхъ ожиданія... Что̀ со мною самимъ будетъ, какъ я буду разрушаться? Не говоря того, что болѣзнь князева можетъ быть совсѣмъ перемѣнитъ мои планы или мои ожиданія, князь измѣняется; рѣчь его кротка, но отзывается скорбію; лице также измѣняется; онъ похудѣлъ, видимо состарѣлся и лишился силъ. Его водили въ двои руки около церкви, но онъ постоянно ласковъ и внимателенъ ко всѣмъ его окружающимъ. Признаюсь, все величіе человѣка состоитъ въ самопреданіи волѣ Божіей. Священная церемонія дня сего была какъ-то нерадостна; все было похоже, особенно пѣніе псалмовъ при построеніи олтаря, на пѣніе похоронное; какая-то мрачность подернула лицо у собравшихся поклонниковъ и наполняла томнымъ унынiемъ сердца̀.

*

20-го Декабря.

Мнѣ надлежало обѣдать сегодня у князя, а потому и отправился къ нему; у самаго его дома мы сошлись вмѣстѣ съ княгинею Мещерскою, полковникомъ Оливою и самимъ кн. Мещерскимъ, которые шли посѣтить хозяина. Сестра его приняла насъ въ нижнемъ этажѣ, а онъ былъ на верху, гдѣ меня дожидался для чтенія извѣстной рукописи о магнетизмѣ. Князь извѣстилъ меня, что онъ очень хорошо проспалъ прошедшую ночь и пролежалъ на одномъ боку, такъ что бокъ усталъ отъ того; во всю ночь, по словамъ его, онъ не просыпался. Это его поукрѣпило. На верху съ нимъ сидѣла мамзель Мауреръ, безъ сомнѣнія отряженная Кологривою для наблюденія, а вблизи его лѣпилась Вѣра Муравьева, и когда чтеніе продолжалось, то она почти спиною поворотилась ко мнѣ. Наверху насъ навѣстили Мещерскій съ Оливою, послѣдній отправляется во свояси и приходилъ прощаться. Чтеніе не долго продолжалось, и рукописи уже мало остается, можетъ быть, только на одинъ разъ. Въ этомъ отрывкѣ рукописи все ему напоминало объ Аннѣ Александровнѣ, ибо сомнамбула настаивала о утвержденіи ихъ взаимной пріязни. Когда сошли внизъ, то князь потребо-

*) Князь скончался 22 Ноября слѣдующаго 1844 г. П. Б.

валъ отъ сестры, чтобы она прочитала ему письма, полученныя имъ въ Субботу и которыхъ онъ не успѣлъ выслушать. Долго Кологривая заставляла себя ждать, наконецъ отыскала письма и принялась читать. Письма были отъ Гавр. Степ. Попова, отъ сенатора Нечаева и Московскаго почтъ-директора Булгакова. Всѣ эти господа, по видимому, очень дурно пишутъ, т. е. плоха каллиграфія. Сестра князева худо разбирала написанное, тянула слова, проглатывала ихъ; это сильно надоѣло князю. Да отдай, матушка, кто нибудь другой прочитаетъ. Нѣтъ не отдамъ, сама буду читать. Опять началось чтеніе съ тѣми же неудобствами. Князь приходилъ въ видимое безпокойство и даже сказалъ, что ему дѣлается замираніе духа. Кологривая однако не рѣшалась отдать писемъ. Я послѣ прочитаю ихъ для тебя, братецъ, сказала она. Мнѣ кажется, что въ письмахъ не выбираетъ ли она что̀ читать? Къ письму Нечаева приложена была копія съ письма, писаннаго Сперанскимъ къ бывшему директору училищъ Сибирскихъ, его сотоварищу по воспитанію, теперь не упомню его имяни *), онъ нѣкогда напечаталъ книгу путешествія своего по Сибири. Письмо касалось практическихъ путей христіанства въ покаяніи, возрожденіи и просвѣщеніи. Все это было написано съ знаніемъ дѣла, глубокимъ проникновеніемъ во глубину внутренняго міра человѣка и Боссюэтовскимъ, громоноснымъ краснорѣчіемъ. Мы всѣ восхитились, князь рыдалъ и показывалъ безпрестанные знаки живаго и возрастающаго увлеченія. И подлинно, чеканъ или печать Сперанскаго вполнѣ наложены были на это письмо, геніальное произведеніе глубоко почувствовавшаго и умѣвшаго вполнѣ выразить прекраснѣйшимъ и достойнѣйшимъ словомъ все имъ почувствованное. По окончаніи чтенія, которое дѣлано было Козловскимъ, князь такъ былъ доволенъ, что велѣлъ ему записать эту рукопись въ число сохраняемыхъ имъ рукописей своей библіотеки; назвалъ присылку письма настоящимъ подаркомъ и прибавилъ, что это такое превосходное и живительное произведеніе, что отъ услышанія онаго прошли тѣ дурноты, которыя въ немъ произведены были чтеніемъ Кологривой. Удивляюсь только тому, что ты съ Субботы держала у себя эту бумагу и меня не предупредила. Я не могу теперь ничего такого слушать, что̀ меня разстрогать можетъ, сказалъ мнѣ князь. Вотъ читали мнѣ о чумѣ, и что же? Я сталъ чувствовать отъ того дурноту и велѣлъ Козловскому это мѣсто выпустить. Я вамъ буду читать, сказалъ я ему, все веселое. Да это мнѣ будетъ пріятно слушать. Князь, узнавши, что не будетъ къ обѣду ни Муравьева, ни Эшельманъ, ни Шмидтъ, велѣлъ пригласить Дмитр. Иван. Попова. Кологривая что-то поворчала,

*) Это Словцовъ. П. Б.

однако не смѣла не послушаться. Такимъ образомъ, мы съ Дмитр. Иван. обѣдали у князя въ первый еще разъ вмѣстѣ. За столомъ подавали два рода новой рыбы: маринованную султанку, пофранцузски rouget, и хам-зу, которая была зажарена. Первая далеко превосходитъ миноги и все подобное въ маринованіи; вторая похожа на Бѣлозерскіе снятки, но превосходнѣе ихъ; только въ послѣдней сильный морскій запахъ „fumet", онъ для меня не очень пріятенъ; да и отъ всей рыбы Чернаго моря, сколько я знаю, запахъ одинакій, очень сильный и непріятный, похожій на запахъ морскій. Кологривая косится на Дмитр. Иван., къ которому князь благоволитъ и съ которымъ потихоньку говорилъ объ Аннѣ Александр., увѣряя ее чрезъ Попова, что одна только болѣзнь удерживаетъ князя отъ обычныхъ его къ ней посѣщеній. Это онъ говорилъ Попову на ухо; но сидящая и наблюдающая Мауреръ не могла того не слышать, и вѣрно узнаетъ о томъ и Кологривая, которая отлучилась на то время въ свою комнату. Послѣ обѣда мы вмѣстѣ съ Дмитр. Иванов. отправились къ себѣ, хотя очень было дурно идти по причинѣ грязи отъ выпавшаго дождя. Поповъ долгонько посидѣлъ у меня, мы обо многомъ съ нимъ поговорили, и между прочимъ онъ разсказывалъ очень замѣчательный сонъ видѣнный имъ прошлою осенью. Я ему отдалъ для просмотрѣнія послѣднія девять писемъ отъ Латкина, желая знать его мнѣніе о нашемъ предпріятіи; далъ ему для прочтенія свой альбомъ; далъ для той же причины присланный мнѣ календарь на будущій годъ и ландкарту Кавказа, которую онъ любопытствовалъ подробно осмотрѣть; онъ любитъ вояжировать по ландкартамъ. Поповъ извѣстилъ меня, что Анна Александр. очень поражена извѣстными событіями, которыя лишаютъ ея удовольствія видѣться съ княземъ, и, въ слѣдствіе полученнаго ею письма отъ своего племянника, намѣревается скоро отправиться въ Кіевъ, не смотря что зима въ Россіи; она думаетъ отправить экипажъ свой на длинныхъ, а сама рѣшается ѣхать на перекладныхъ.

*

21-го Декабря.

Довольно рано поутру послалъ я узнать, каково здоровье князя. Возвратившійся мальчикъ извѣстилъ меня, что князю сдѣлалось хуже и что онъ и эту ночь не спалъ, съ трехъ часовъ по полуночи принужденъ былъ сидѣть по причинѣ усилившагося спиранія дыханія. Поутру пароксизмы продолжались и даже за самою обѣднею. Вечеромъ пришелъ ко мнѣ Шмидтъ и подробно разсказалъ о явленіяхъ недуга князева; у него стали пухнуть ноги. Къ обѣду пріѣхалъ посмотрѣть на князя докторъ Арендтъ, котораго нарочно для того выписывали для консиліума, но чтобъ не испугать князя, сказали ему, что онъ проѣз-

жая инспектировать свое вѣдомство и, находясь такъ близко около него, счелъ за нужное представиться князю, тѣмъ болѣе, что князь знакомъ съ его братомъ, находящимся, какъ извѣстно, при особѣ Государя. Все такъ было поддѣлано, что князь не догадался. Князь согласился дать себя осмотрѣть сегодня, прежде чѣмъ ляжетъ спать и завтра, прежде чѣмъ одѣнется.

Осмотръ дѣйствительно состоялся и учиненъ былъ чрезъ методу постукиванья. Арентъ думаетъ, что у князя нѣтъ водяной болѣзни, хотя и есть нѣкоторое депо во внутренней діафрагмѣ сердца, нѣтъ и чахотки и что все это произошло отъ разшевелившихся геморроидовъ, которыя съ Божіею помощію пройдутъ. Дай Богъ, чтобъ оправдалось послѣднее мнѣніе. Между тѣмъ эти страхованія навѣяли на душу мою тысячу безпокойныхъ думъ; чего не придумано; какихъ скаредныхъ, эгоистическихъ мыслей не перебывало въ неустроенной душѣ моей? Уныніе смѣшивалось съ какимъ-то живымъ настроеніемъ любострастія, хотя неопредѣленнаго и не по моему требованію. Бывальщина осіявала память мою, и я поражался формою и напоминаніемъ испытанныхъ студодѣяній. Господи! Скверенъ человѣкъ, но благодать Твоя не оставляетъ его; я это испытывалъ и въ семъ случаѣ, хотя тускло, хотя въ мерцаніи. Предаюсь въ волю Твою, Господи; дѣлай со мною что хочешь, но не оставляй меня на распутіи. Поутру заходилъ ко мнѣ братъ дѣвицы Мауреръ; онъ занимается и практикуетъ гомеопатіею; въ близости нѣтъ лекарей, для того и обратился къ этому леченію или занятію, сказалъ онъ мнѣ. Неловкій и робкій человѣкъ, худо какъ-то и одѣтый; я принялъ его учтиво.

*

22-го Декабря.

День ясный и по возможности теплый, я и не видалъ какъ прошло утро и только что я успѣлъ одѣться, какъ вдругъ заѣзжаетъ за мною самъ князь; онъ подъѣхалъ къ самому дому. Я сѣлъ вмѣстѣ съ нимъ и поѣхалъ. Мы останавливались не надолго и предъ квартирою Вѣры Алексѣев. Она сама къ намъ на минуточку вышла. Когда пріѣхали въ княжескій домъ, тамъ встрѣтили княгиню Мещерскую, которая сидѣла у Кологривой. Отдохнувъ немножко, я принялся за чтеніе сказки. Вотъ является къ намъ и инспекторъ врачебной управы Арентъ со своимъ сыномъ. Мы съ нимъ познакомились; человѣкъ онъ, кажется хорошій и видомъ очень похожъ на нашего Петербургскаго доктора Грума. Повѣсть на этотъ разъ не такъ была значительна и не очень интересовала князя. Я отвелъ къ сторонѣ Арента и спрашивалъ его о ногахъ князя; и кровь и болѣзнь въ ногахъ, все это происходитъ у

него отъ геморроидовъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ, у меня у самаго такимъ же образомъ болѣли ноги, и вотъ я здоровъ теперь. Управитель нашъ, сущій негодяй, похваляется, что заставитъ заплатить ему за квартиру бѣдную, больную Анну Александровну, которая гоститъ теперь у Дмитр. Иванов. Я, дескать, одному семейству предоставилъ этотъ домъ, а въ немъ помѣщаются теперь двѣ семьи. Въ самомъ же дѣлѣ за эту бесѣдку Дмитр. Иван. платитъ ему по сту рубл. въ мѣсяцъ. Цѣна неслыханная! Кромѣ того, онъ похваляется, что онъ и Дмитр. Иванов. обяжетъ заплатить за истершуюся, якобы, мебель; онъ сорветъ съ мебелей ткань и отдастъ ему съ тѣмъ, чтобы онъ поставилъ новую, или заплатилъ бы ему деньги. На щетъ князя Козловскаго онъ говоритъ, что ему извѣстно, что тотъ, будто-бы укралъ у Кологривой 1000 рубл. денегъ и передалъ ихъ будто бы въ Ялтѣ Жиду Бухштабу и что аптекарь, исконный врагъ Козловскаго, убѣдилъ жену этаго Жида показать ему эти ассигнаціи, отъ чего тотъ якобы и увѣрился, что эта покража состоялась и пр. Все это также приводило меня въ смущеніе болѣзненное..... Я велѣлъ вынуть изъ ящика первую часть духовныхъ разсужденій г-жи Гюйонъ и чтеніемъ оныхъ думалъ успокоить взволнованное сердце. Смѣшанныя идеи и скорбная молитва смеживались въ душѣ моей; зарница надежды и упованія едва замѣтно мерцала въ глубинѣ духа моего. Скорбенъ и черенъ этотъ день; гнѣвъ, тоска, печаль, опасеніе, уныніе, безнадежность: вотъ выраженія настоящаго моего состоянія. Но я уповаю на Господа; безмѣрныя паденія мои призовутъ безмѣрную Его благость. Я получилъ, сегодня два письма: одно, ласковое, привѣтливое, дружеское отъ Херсонскаго архіепископа Гавріила, другое изъ Петербурга отъ вдовы Шешадамовой; та, бѣдная, проситъ моего ходатайства у князя. Но увы! что̀ я могу для нея сдѣлать?

*

23-го Декабря.

Князь самъ пріѣхалъ за мною и даже велѣлъ поворотить лошадей своихъ, зная изъ вчерашняго отзыва, что я боюсь сидя въ экипажѣ поворачиваться; онъ подъѣхалъ къ самымъ дверямъ моего дома. Когда мы пріѣхали въ домъ и князь раздѣлся, тогда начался у насъ слѣдующій разговоръ. Мнѣ очень вредно, что я много говорилъ вчера. Кн. Козловск.: вы бы велѣли мнѣ продолжать чтеніе. Вчера были у меня, сказалъ князь, Вѣра Алексѣевна и Марья Владимиров. Онѣ не любятъ Русскаго чтенія, и мнѣ нельзя же не занять ихъ было, когда онѣ нарочно для меня пріѣхали изъ Петербурга. Тогда я вступилъ въ разговоръ и замѣтилъ князю, что онѣ могли бы послушать и Русскаго чтенія; оно для нихъ тѣмъ было бы полезнѣе, что духовное; маленькое

сперва принужденное преодолѣвши, онѣ, нашли бы, можетъ быть, вкусъ въ читаемомъ; вообще, осмѣлился я замѣтить: старцу такихъ лѣтъ, какъ князь, надобно сберегать вечера свои; они служатъ подготовленіемъ утровъ; вечерняя праздная трата сердца откликивается на утро, а оно дорого для богомыслія. Князю не очень понравилась эта откровенная рѣчь моя, и онъ началъ уже волноваться; я не радъ былъ жизни, что сказалъ это замѣчаніе; я здѣсь ясно увидѣлъ, что всякое противорѣчіе имъ невыносимо, прибѣгнулъ къ разнымъ средствамъ убаюкиванья и принялся тотъ-же часъ за Арабскія сказки. Князь наконецъ успокоился, и все пошло обыкновеннымъ чередомъ. Къ обѣду пріѣхала Муравьева. Послѣ обѣда разговоръ дошелъ до разныхъ притѣсненій дѣлаемыхъ намъ управителемъ; Вѣра Алексѣевна, къ удивленію моему, сильно также вооружалась противъ него, и въ немногіе дни ея здѣсь пребыванія онъ успѣлъ уже ей, такъ сказать, насолить. Я нашелъ здѣсь случай расказать князю предпринимаемые имъ новые ковы противъ Д. И. Попова и Анны Александр. Разсказъ мой удивилъ князя. Кологривая замѣтно поддерживаетъ управителя. Мнѣ вдругъ пришла тутъ мысль, не дѣйствуетъ ли она на него чрезъ посредство своего агента, Маурершу, которая часто бѣгаетъ въ домъ управителя. Дѣвица Мауереръ также нашла ловкій случай заступиться за управителя; она извѣстила, что читала будто бы письмо полученное управителемъ отъ баронессы, въ которомъ она обязываетъ перваго не дѣлать во всѣхъ домахъ какихъ нибудь починокъ, хотя бы это стоило 5 рубл., и что за всѣ передѣлки, какъ-то кладку печей и проч. я долженъ ему заплатить своими деньгами и тѣмъ болѣе, что я нынѣшній годъ получилъ отъ Государя шесть тысячъ рублей награды. Признаюсь, меня оскорбили эти письма; ихъ было, какъ увѣряютъ, два. Но сіи стѣсненія, подумалъ я, не происходятъ ли отъ Кологривой, которая покровительствуетъ управителю и, можетъ быть, подстрекая его, нехочетъ-ли всѣхъ насъ выжить изъ домовъ нами занимаемыхъ и отдалить отъ князя? Признаюсь, въ огорченіи моемъ я вымолвилъ, когда князь замѣтилъ, что ненадобно до поры объ этомъ говорить никому, вымолвилъ, говорю, что Мауреръ почти всякій день ходитъ въ домъ управителя. На это она отреклась и сказала, что она болѣе двухъ недѣль не была въ домѣ.

Вѣра Алексѣевна сильно горячилась и также жаловалась на управителя, объявила, что она писала уже о томъ къ баронессѣ и что думаетъ писать во второй разъ. Князь и мнѣ также приказалъ написать къ ней письмо и пожаловаться. Покуда я этого не намѣренъ дѣлать. Довольно долго я пробылъ у него въ домѣ. Къ вечеру князь сталъ

очень ко мнѣ ласковъ, бралъ меня за руку, жалъ ее, улыбался; добрый и честный старецъ! Кологривая весело осматривала нашу группу плачевнаго образа; пристала, однако, къ намъ, побранить баронессу, на которую она сердится и предъ которою она кругомъ виновата. Я разчувствовался, разтревожился и промолвилъ князю, что я не знаю, какъ и говорить ему: такъ полна душа моя. Говорите апологами, коварно замѣтила мнѣ Кологривая. Она теперь въ апогеѣ искусственнаго своего величія. Меня отвезли домой и когда я пересказалъ все со мною случившееся, то и жена моя, не бывъ предувѣдомлена, попала на одну со мною идею, что Кологривая, дѣйствуя на управителя черезъ дѣвицу Мауреръ, хочетъ всѣхъ насъ выжить изъ домовъ.

*

24-го Декабря.

Не смотря на дурную погоду, я пошелъ въ Розовый Павильонъ къ Дм. Иванов., у котораго больная жена Евгенія Гавриловна имянинница сего-дня. Они были мнѣ очень рады и оставили меня у себя обѣдать. Я цѣлый день просидѣлъ у нихъ, и чего-то мы съ ними не переговорили! Анна Александр. также съ нами обѣдала лёжа. Намъ пріятно было видѣть себя вмѣстѣ, потому что мы всѣ изподтишка гонимы Кологривою. Мнѣніе Анны Александр., что въ Кологривую не вселился ли какой духъ, возмущающій ея и наше спокойствіе. Выходя изъ Розоваго Павильона, я много нынесъ мусора на своемъ сердцѣ, которое было болтливо и гнѣвно. Пришедши поздно домой, жена мнѣ сказывала слышанныя слова Козловскаго, которыя произнесъ онъ на обѣдѣ у Горяинова въ присутствіи Зеленкевича. Я не хочу записывать текстъ этихъ словъ, они и дерзновенны, и обидны; но начало ихъ въ томъ состоитъ: я потому искалъ въ Бартеневѣ, говорилъ Козловскій во всеуслышаніе стола, что думалъ, что онъ что нибудь значитъ у князя Голицына, но я скоро увидѣлъ его ничтожность и малое значеніе, а потому и проч. На эти слова однако отзыва не было, даже и самъ хозяинъ покосился, а Зеленкевичъ счелъ за нужное потихоньку разсказать капитану Фремдеру, чему онъ былъ личный свидѣтель между мною и Козловскимъ. Богъ съ нимъ! Избавь только меня, Господи, отъ теперешняго съ нимъ товарищества. Вмѣстѣ съ симъ Козловскій далъ замѣтить, что если князь пересталъ ходить ко мнѣ въ домъ, то это сдѣлано не безъ его же вліянія. Основаніе всему этому, пожалуй, что можетъ быть и справедливо.

*

25-го Декабря.

Поспѣшилъ въ церковь князеву, она была полна народомъ; князь пріобщался Святыхъ Таинъ. Оттуда всѣ собрались въ его комнату для

принесенія поздравленій. По обыкновенію Муравьева заняла мѣсто вблизи его, но старецъ вспомнилъ обо мнѣ и подозвалъ меня, веля сѣсть возлѣ себя. Мы начали разговаривать. Я замѣтилъ, что благодарный молебенъ, который обыкновенно поется послѣ обѣдни, былъ установленъ блаженной памяти императоромъ Александромъ Первымъ по внушенію князя. Сей часъ же подосланъ былъ къ князю докторъ Шмидтъ, и это сдѣлано по внушенію сестры его съ приказаніемъ или совѣтомъ перестать разговаривать, по причинѣ якобы вреда отъ того князю. Между прочимъ старецъ успѣлъ мнѣ тогда сказать, что замираніе духа его не отъ разговоровъ, по его мнѣнію, происходитъ, а отъ невѣдомыхъ какихъ-то внутреннихъ причинъ его тѣла. Посѣтители, думая отдохнуть, сгрупились въ небольшія кучки, я стоялъ вмѣстѣ съ Дмит. Иван., и вотъ подходитъ къ намъ Козловскій и начинаетъ говорить, что по его мнѣнію замираніе духа князева именно съ того времени произошло, какъ сослана была Кологривою бѣдная Анна Александр., вызванная самимъ княземъ. Онъ не могъ этаго не видѣть, продолжалъ Козловскій, и вотъ гдѣ надобно искать причину настоящей болѣзни. Признаться, я не вытерпѣлъ и сказалъ ему тогда же, что мало этого что не давали дровъ Аннѣ Алекс., но что даже не хотѣли и кормить ее. Желая постращать Козловскаго, я прибавилъ: Полагаю, что вы много знаете, но не вѣдаете того, что̀ мнѣ извѣстно и еслибы вы тоже самое узнали что̀ я, то не устояли бы на ногахъ своихъ. Этимъ паѳосомъ я думалъ его озадачить и намекнуть о извѣстной мнѣ денежной кражѣ. Не знаю, хорошо ли я это сдѣлалъ, но Дмитр. Иван. за это меня не осудилъ. Возвратившись домой, я принималъ гостей, князя и княгиню Мещерскихъ; мужъ ея противъ дѣйствій Кологривой, жена поступаетъ противно системѣ мужа; она ее щадитъ, потому что боится, основывая свои правила на томъ, что если кого Кологривая не полюбитъ, то всѣ усилія употребляетъ сдѣлать вредъ тому человѣку, а людей въ ней ищущихъ и ползающихъ предъ нею она отстаиваетъ до самаго нельзя. При мнѣ завязался между мужемъ и женою жаркій споръ, гдѣ они горячо оспаривали другъ друга; во всякомъ другомъ случаѣ это было бы забавно, но въ настоящемъ настроеніи духа не велика для меня тутъ забава. Мещерская стала замѣчать и въ Муравьевой нехазовые концы; ея выскочки и страстность сильное поселяютъ предубѣжденіе въ Мещерской, которая уже и не скрываетъ этаго предъ нами. Вотъ является и Шмидтъ съ поздравленіемъ; говоря по обыкновенію о болѣзни князя, онъ промолвилъ, что кататься ему можно на свѣжемъ воздухѣ, но заходить въ домы вредно для здоровья; особенно выслушивать рѣчи, которыя могутъ разстрагивать его нервы. Этѣ наивныя запрещенія понятны; въ какой огородъ бросаютъ этотъ камень,

также извѣстенъ; извѣстно и то, кто бросаетъ. Нынѣ князь ѣздитъ къ одной только Турчаниновой и, можетъ быть, будетъ ѣздить къ Муравьевой; то, чтобъ отдалить его отъ сихъ пріятныхъ для старца сообщеній, Кологривая налагаетъ это запрещеніе устами Шмидта. Этотъ же Шмидтъ прибавилъ и пояснилъ примѣромъ: вотъ наприм. къ вамъ ѣздить князю никакъ нельзя; въ вашей комнатѣ температура очень жаркая, и ему видимый вредъ можетъ быть отъ того.

*

26-го Декабря.

Утро я пролѣнился и не торопился одѣваться, какъ князь заѣзжаетъ самъ за мною; я не могъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать. Ко мнѣ зашелъ князь Мещерскій, и мы отправились съ нимъ по дорогѣ. Въ домѣ князя я встрѣтился съ княгинею, его женою. Чтеніе было не занимательное. Князь спалъ хорошо ночь и здоровъ по возможности. Предъ моимъ отходомъ, пріѣхавшій изъ Ялты Козловскій вдругъ подходитъ ко мнѣ и въ какомъ-то разгоряченномъ видѣ сказываетъ мнѣ, что онъ гдѣ-то встрѣтилъ въ Ялтѣ лекаря Зеленкевича и наговорилъ ему разныхъ ругательствъ. За что? спросилъ я Козловскаго. За то, отвѣчалъ Козловск., что онъ сказалъ Горяинову, какъ онъ пользовалъ меня, когда я проломилъ себѣ голову. Я отошелъ скорѣе прочь отъ сего грубаго и дерзкаго человѣка, который притомъ врядъ не былъ ли и пьянъ. Поутру тоже была у меня печальная сцена. Я призывалъ Семена и укорялъ его въ пьянствѣ и въ другихъ нѣкоторыхъ дѣлахъ, сдѣлавшихся мнѣ извѣстными. Мой кроткій выговоръ заставилъ его признаться въ своей винѣ и разсказать мнѣ, что онъ, между прочимъ, и тѣмъ виноватъ, что ходилъ по ночамъ вмѣстѣ съ Иваномъ играть въ карты и это случалось по нѣскольку разъ; я призвалъ Ивана на очную ставку. Въ сердцахъ они перекорились, и я узналъ скорбную повѣсть лакейскаго воровства, пьянства, картежной игры и гнусныхъ, безстыдныхъ обмановъ. Какъ я люблю пьянствовать, сказалъ мнѣ Семенъ, то въ такой же пропорціи вашъ Иванъ любитъ корысть и картежную игру..... Все это печально и горько. Я получилъ съ почты три письма: изъ Симферополя, отъ купца Ицки-Берга съ шелкомъ и отъ Жегочева. Изъ Петербурга письмо было отъ книгопродавца Исакова, но книгъ я не получалъ... И сегодня не удалось мнѣ почитать мое обычное чтеніе. Во снѣ видѣлъ Жуковскаго и его новую поэму въ стихахъ; я читалъ стихи и тогда понималъ смыслъ. Чудное дѣло, сны! Это бытъ или такая отдѣльная жизнь души, которая далеко не изслѣдована вполнѣ. Очень опечалена Вѣра Алек. Муравьева: она выпросила вчера коляску у Мещерскихъ, а лошадей у управителя, чтобъ доѣхать до князя и когда назадъ отправлена была коляска въ домъ Мещерскихъ,

то дурныя лошади управителя взбѣсились и понесли ее съ горы; говорятъ, что едва-ли не въ дребезги она разбилась.

*

27-го Декабря.

Отправился на свое дежурство къ князю. Самъ князь не страдаетъ уже столько, за то великую заботу проявлялъ онъ о Козловскомъ, который покашливалъ и не имѣлъ хорошаго аппетита. За обѣдомъ только и разговоровъ было: покушай, Павелъ Дмитр., этаго, и не кушай того-то. Елис. Михайловн. вистуетъ братцу; Козловскій вздергиваетъ носъ, разваливается на креслахъ, надувается, никому не спускаетъ, даже самому князю. Вѣра Муравьева приходила на малое время, ровно какъ и князь Мещерскій. Но старецъ болѣе любопытствовалъ узнать окончаніе Арабской сказки, чѣмъ продолжать съ ними бесѣду. Я постарался поскорѣе отправиться домой; грусть и скука встрѣтили меня на этотъ разъ и дома, хотя это очень рѣдко случается. Какая ничтожная и прозябательная жизнь! думалъ я, ходя взадъ и впередъ по своей комнатѣ; вмѣстѣ со скучными мыслями образы любострастные мелькали предъ душою моей; это еще увеличивало тяжесть. Я продолжалъ читать разсужденія г-жи Гюйонъ, которыя меня немножко освѣжили. Теперь надежда, что скоро воспослѣдуетъ глазная операція старцу, уничтожена извѣстіемъ, что министръ просвѣщенія отсрочилъ отпускъ окюлисту Ванцетти.

*

28-го Декабря.

Вечеромъ принесли мнѣ большое письмо изъ Кологрива, отъ Сирина, и нѣсколько книгъ филозофскаго содержанія, присланныхъ мнѣ изъ Петербурга Исаковымъ; тутъ были: Декартъ, Лейбницъ, Кларкъ, Фенелонъ и Боссюэтъ, какъ филозофы, отецъ Андрей Іезуитъ, но Іезуитъ благонамѣренный и послѣдователь картезіанизма, Беконъ Веруламскій и нѣсколько библейскихъ гравюръ, впрочемъ присланныхъ не изъ того собранія, котораго я имѣю начало. Дмитр. Иванов. посѣтилъ меня, и мы большую часть вечера провели въ сѣтованіяхъ и геремiадахъ: онъ сильно соблазняется княземъ и видитъ въ немъ пошлую посредственность, чтобъ не сказать эгоизмъ, особенно въ отношеніи Анны Александр., которая, по словамъ его, очень страдаетъ. Пріѣхавшая отъ князя Варинька навезла намъ кучу забавныхъ и незабавныхъ новостей; впрочемъ, начинается уже перепалка между Муравьевою и кн. Козловскимъ; послѣдній объявилъ ей малую войну; увидимъ, какое будетъ продолженіе. Кологр. показывала Варинькѣ письмо написанное ею къ губернатору по предмету извѣщеній Зеленкевича; хитрая старуха расхвалила меня въ пухъ, назвавъ единственнымъ другомъ князя и проч.

*

29-го Декабря.

Поутру призвалъ неисправимаго Семена; онъ объяснилъ мнѣ, что, по теперешнимъ обстоятельствамъ, онъ не можетъ оставаться у меня, опасаясь мести отъ крѣпостныхъ слугъ. Въ припадкѣ откровенности, онъ новыя обстоятельства раскрылъ, которыхъ мнѣ и на умъ не всходило. Напримѣр., что онъ самъ Иванъ, мой каммердинеръ, Андрей, мужъ нанятой кухарки и еще извощикъ неоднажды игрывали у меня по вечерамъ и даже ночамъ въ передней; что Иванъ, узнавши, что есть хорошія деньги у Андрея и видѣвши, что онъ слабо играетъ, предлагалъ ему и самъ надѣялся обыграть Андрея; что объ этомъ мой мальчикъ не только что зналъ, но что даже и видалъ неоднократно. Я призвалъ на очную ставку и мальчика, и Ивана. Разумѣется, все заперлось; но я усовѣстилъ мальчика, и тотъ признался, послѣ того и Иванъ пересталъ отпираться..... Все это перемѣшано было со враждою и гнѣвомъ; Иванъ поблѣднѣлъ отъ злобы и досады..... Во всемъ этомъ я игралъ безсильную, если не смѣшную, роль...

Все мнѣ это тяжело и какъ свинцовая гиря виситъ на душѣ моей. Пошелъ къ князю, по своему обычаю; мнѣ уже наскучило читать Арабскія сказки, я вынулъ изъ сундука томъ сочиненій Лантье и по его собственному избранію началъ читать ему: Путешествіе въ Испанію; это и романъ, и путешествіе, а слогъ старика Лантье ручается за успѣхъ; во всякомъ случаѣ, сочиненіе занимательно. Во время чтенія посѣщала на короткое время князя Вѣра Алексѣевна. Возвратившись домой, я нашелъ ее у жены моей съ заплаканными глазами..... Почту привезли при мнѣ князю; съ нею, какъ помнится, получено было письмо отъ Императрицы... Вѣра Алексѣевна разстрогалась отъ участія принимаемаго ею въ особѣ князя; она не могла не замѣтить подозрительной опеки, похожей на сѣть, которою облекла своего брата мнительная и деспотическая сестра его. Если ея самою нѣтъ, говорила Муравьева, то дѣвица Мауреръ сторожитъ и не отступаетъ отъ него. Вѣра Алексѣевна слышала въ Петербургѣ отъ вѣрныхъ людей, что графъ Воронцовъ безъ зазрѣнія называлъ ее le petit tiran de la côte, т. е. маленькимъ тираномъ южнаго берега.

*

30-го Декабря.

Князь разсказывалъ о полученныхъ имъ новостяхъ; Кавказскіе горцы взяли крѣпость и городъ Тарки, завоеванный во время Екатерины. Помоги Господи благовѣрному нашему Императору, и пусть онъ окончитъ эту распрю; Господь благословляетъ его видимо. Послѣ

обѣда, когда Кологривая ушла въ свою комнату, а дѣвица Мауреръ отлучилась на время въ свою, Вѣра Алексѣевна возобновила разговоръ объ Аннѣ Александровнѣ, который начался за обѣдомъ въ слѣдствіе сдѣланнаго ею мнѣ вопроса, давно-ли я съ нею видѣлся. Я сказалъ, что въ Сочельникъ мы вмѣстѣ обѣдали. Князь спросилъ: вѣрно вы обѣдали въ ея комнатѣ. Нѣтъ, ваш. сіят., въ ея комнатѣ нельзя было обѣдать, а переносили ея постелю въ общую залу. У нея не комната, а стойло, сказалъ я. Вотъ, говорю, теперь, какъ разошлись аргусы и мы оставались только двое съ Козловскимъ, Вѣра Алексѣевн. начала довольно искусно представлять князю, что Анна Александровна очень больна лихорадкою, что лихорадка сдѣлалась отъ простуды, а простуда отъ того, что было холодно въ ея комнатахъ. Можно бы было, продолжала Вѣр. Алексѣевн., поставить желѣзную печку. Князь возразилъ на это, что если было холодно у Анны Алекс., то всему этому причиною она сама; что обыкновенную печь ея комнаты иногда топили по четыре даже раза, но что она не велѣла по обыкновенію закрывать трубы. И если бы желѣзную печку поставить, то надлежало бы ее цѣлый день топить и при томъ поставить эту печку не иначе можно бы было, какъ въ другой комнатѣ, внѣ ея наблюденія. Смотрѣть же за топленіемъ некому, на ея человѣка нельзя положиться, потому, что онъ дурнаго поведенія; можетъ сжечь домъ. Вы бы приставили своего истопленника, сказала Муравьева. Онъ одинъ у насъ, сказалъ князь и самимъ надобенъ. Нѣтъ, закончилъ князь, что тутъ говорить, она сама всему этому виновата; этѣ привычки были у нея и въ Петербургѣ. Князь, видимо, былъ недоволенъ разговоромъ, а я, видимо увѣрясь въ произвольномъ ослѣпленіи князя или, лучше сказать, его эгоизмѣ, отправился домой съ грустнымъ чувствомъ и еще съ печальнѣшею мыслью: не найдетесь на князи и на сыны человѣческіе, въ нихъ бо нѣтъ спасенія..... Отъ переполненнаго сердца, а болѣе того, можетъ быть и желудка, я легъ отдохнуть и крѣпко уснулъ. Потомъ пошелъ посидѣть къ Вѣрѣ Алексѣевнѣ въ ея бесѣдку. У нея, и свѣтло, и тепло. Мнѣ потребно было поблагодарить ея за геройскую рѣшимость заступиться за Анну Александр. и нѣсколько приподнять завѣсу скрывавшую козни Кологривой.

*

31 Декабря.

Пришелъ посѣтить меня кн. Мещерскій; онъ долго просидѣлъ у меня. Но въ разговорахъ его я не нашелъ занимательности, а все одна голословная человѣческая политика; впрочемъ, говорятъ, что онъ человѣкъ хорошій и добрый. Онъ засталъ меня сидящаго на малень-

комъ стуликѣ предъ свѣтомъ и читающаго Θеодицею Лейбница. Онъ сказалъ мнѣ, что подобное чтеніе изсушаетъ сердце. Пошлость и несправедливость отвѣта ясна и опредѣляетъ характеръ чтенію.

Кн. Мещерскій довольно часто ко мнѣ заходитъ, равно какъ и жена его, но знакомственная связь отъ того не растетъ болѣе и болѣе..... Послѣ обѣда занимался разсматриваніемъ Москитянина и того журнальца, который я подарилъ женѣ своей. Особенно въ этомъ повременномъ листкѣ заняла меня статья Мятлева „Часы“. Ихъ надобно читать отдѣляя каждый слогъ, для подражанія маятнику; въ нихъ что-то есть пустынное, таинственное. Вотъ они: „стучатъ, стучатъ, не замолчатъ часы всю ночь, и мнѣ не въ мочь ихъ слышать шумъ. Тяжелыхъ думъ душа полна, и стѣснена тоской она. Часы, часы! Гдѣ всѣ красы минувшихъ лѣтъ? Увялъ ихъ цвѣтъ, постылъ мнѣ свѣтъ! Часы, часы! Что мнѣ красы! Ужель опять ихъ не видать? Часы въ отвѣтъ ни да, ни нѣтъ..... И я вздохнулъ, и съ тѣмъ уснулъ“. Предъ полночью, я остался съ женою, чтобы помолиться. Трудно мнѣ было собрать разсѣянныя силы; въ торжественную минуту мы упали съ женою на колѣни предъ Распятіемъ Божественнаго Искупителя и предали судьбу нашу въ Его волю. Наступилъ новый годъ; люди и домодчацы пришли поздравлять насъ, какъ это и прежде дѣлывалось. И такъ наступилъ новый 1844 годъ.

(Дальше будетъ).

*

Въ этомъ дневникѣ, со внѣшней стороны, является человѣкъ, имѣвшій большое значеніе цѣлыхъ десятилѣтій. Это преданнѣйшій слуга и другъ императора Александра Павловича, какихъ у него было немного и въ комъ онъ до конца не разочаровался. Князь А. Н. Голицынъ былъ долгое время хранителемъ тайнъ его, какъ личныхъ, такъ отчасти и государственныхъ. Онъ принималъ участіе въ самомъ его завѣщаніи (причинившемъ такъ много хлопотъ для Россіи). Почтовая тайна находилась долго въ рукахъ его. Онъ же былъ и проводникомъ царскихъ милостей. Можно указать на рядъ лицъ, благоденствіе которыхъ состоялось при его посредствѣ. Въ первую Турецкую войну при Николаѣ Павловичѣ, царскія дѣти были поручены ему по случаю почти полугодничной отлучки родителей. Не мудрено, что ему прощались его слабости, и въ старые свои годы онъ пользовался заботливымъ попеченіемъ Государя. Предокъ его благословилъ Петра Великаго нагруднымъ крестомъ, который спасъ Полтавскаго побѣдителя отъ Шведской пули. П. Б.

СТРАНИЦА ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ЛѢТОПИСИ ЧЕРНЯЕВЫХЪ.

Въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія дѣдъ мой, Григорій Никитичъ Черняевъ служилъ оберъ-форшмейстеромъ въ Бендерахъ, гдѣ въ то время появилась чума. Люди мерли какъ мухи, въ горячечномъ бреду иногда вырывались изъ дому и бѣгали по городу какъ безумные, разнося заразу. Для избѣжанія этого, домá, гдѣ, проявлялся больной, окапывались глубокой канавой, въ которой медицинскій обходъ часто находилъ свалившіеся, иногда закоченѣвшіе трупы. Всѣ, и здоровые, и больные сидѣли безвыходно по домамъ, провизія ежедневно развозилась по городу и крючьями подавалась въ окна.

Дѣдушка, вмѣстѣ съ докторомъ, по обязанности службы своей, обходилъ городъ. Для этого оба они облачались въ особенный костюмъ, сдѣланный изъ кожи и вымазанный дегтемъ. Послѣ обхода Григорій Никитичъ омывался и окуривался въ особомъ для этого отведенномъ помѣщеньѣ, смѣнялъ свой мрачный костюмъ на обычное платье и тогда только входилъ къ семьѣ своей, со страхомъ и съ трепетомъ ежедневно ожидавшей его возвращенія. Заболѣвшіе часто падали мертвыми прямо на улицахъ. Особо снаряженные для этого люди, также облеченные въ коженныя, пропитанныя дегтемъ одежды, желѣзными крючьями подымали лежавшіе трупы, складывали ихъ на телѣги и везли за городъ, гдѣ сваливали въ общія ямы-могилы, которыя затѣмъ заливались известью.

Недѣль черезъ шесть, болѣзнь стала стихать, и жизнь по немногу вошла въ обычную колею. Никто изъ семьи нашей не пострадалъ во время этого ужаснаго мора.

Въ это время изъ родового имѣнья Григорія Никитича стали приходить все болѣе и болѣе тревожныя вѣсти. Братья его, служившіе въ гвардіи, сильно поколебали общее состояніе, требуя значительныя средства на свои расходы. Петръ Никитичъ, управлявшій обоими имѣньями, тоже много тратилъ ради своей молодой красавицы-жены, Польки и продалъ имѣнье Кривую. Дѣдушка мой Григорій Никитичъ рѣшилъ, что такъ далѣе продолжать нельзя, подалъ въ отставку, отправился въ Могилевскую губернію и поселился въ Тубышкахъ съ цѣлью спасти остатки семейнаго достоянія.

Когда князь Воронцовъ вздумалъ замѣнить Маріуполь другимъ торговымъ портомъ и обратилъ вниманіе для этой цѣли на небольшой приморскій поселокъ Бердянскъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ рыбачьихъ хижинъ, то выборъ его палъ на Григорія Никитича, для предпринимаемаго имъ дѣла. Изъ Тубышекъ, склонившись на призывы князя Воронцова, дѣдъ мой поѣхалъ одинъ и прожилъ въ Бердянскѣ, усердно работая болѣе года. Затѣмъ, нанявъ тамъ лучшій домикъ и обставивъ его по возможности уютнѣе, онъ отправился за семьею и перевезъ въ Бердянскъ жену, дѣтей, вѣрную Софѝ (добраго генія семьи) и крѣпостныхъ людей обоего пола для различныхъ по дому услугъ. Предусмотрительность дѣдушки касательно устройства семьи своей доходила до такихъ подробностей, что во дворѣ приготовленнаго помѣщенія онъ велѣлъ насыпать цѣлую гору морскихъ ракушекъ для забавы дѣтей.

Упомянувъ о Софѝ, не могу не остановиться подробнѣе на этой прекраснѣйшей и преданнѣйшей семьѣ Черняевыхъ личности. Она родилась въ состоятельной семьѣ, жившей въ небольшомъ городкѣ Лекенуà, Сѣвернаго департамента Франціи, гдѣ отецъ бабушки моей Филиппъ Лекюйе былъ меромъ. Софѝ Давасъ двѣнадцати лѣтъ отъ роду была взята въ домъ родителями бабушки, гдѣ она выросла въ качествѣ ея друга и оставалась до ея замужества. Послѣ свадьбы она должна была сопровождать бабушку въ ея новое отечество, Россію, а затѣмъ при случаѣ вернуться обратно во Францію. Приблизительно въ 1829 г., когда отцу моему, Михаилу Григорьевичу, шелъ второй годъ отъ рожденія, Черняевы поѣхали со всѣми дѣтьми въ сопровожденіи Софѝ во Францію, въ городокъ Лекенуà, посѣтить любимыхъ и многочисленныхъ родныхъ бабушки. Будучи слабымъ и болѣзненнымъ ребенкомъ, отецъ мой къ тому же сильно заболѣлъ въ дорогѣ. Тогда Софѝ, неусыпно за нимъ ухаживавшая, дала обѣщаніе, если онъ выздоровѣетъ, никогда не покидать Россіи. Ребенокъ поправился, и Софѝ, вѣрная своему обѣту, посвятила всѣ силы своего любвеобильнаго сердца семьѣ подруги своего дѣтства. Она очень скоро научилась говорить порусски и изъяснялась на этомъ языкѣ гораздо лучше бабушки. Съ деревенской жизнью она также очень быстро освоилась. Все домашнее хозяйство, ключи отъ амбаровъ, уходъ и надзоръ за дѣтьми были на ея рукахъ.

И въ настоящее время въ Могилевской губерніи много засѣвается льна, и крестьяне занимаются кустарнымъ производствомъ холста. Неутомимая Софѝ занималась и этою отраслью домашняго хозяйства. Въ ея характерѣ счастливо сочеталась необычайная кротость съ большою энергіею. Дочери бабушки любили ее больше родной матери. Никто и никогда не видѣлъ ее въ сердцахъ, а къ дѣтскимъ шалостямъ она относилась съ нѣжною снисходительностью.

Завѣдуя между прочимъ обширнымъ домашнимъ птичникомъ, положитъ, бывало, она яйца подъ куръ, младшія же дѣвочки сгонятъ ихъ, наберутъ себѣ полные подолы платьевъ яйцами и принесутъ ихъ съ тріумфомъ къ Софѝ. Та, увидѣвъ это, всплеснетъ руками съ возгласомъ: „ахъ вы, мои милыя, ахъ

вы мои хорошія, что̀ вы надѣлали", но увидѣвъ вытянувшіяся личики маленькихъ проказницъ, тотчасъ сама станетъ утѣшать ихъ. „Ну, разъ дѣло сдѣлано, то эти яйца мы пустимъ въ расходъ по хозяйству, а куръ посадимъ на другія". Тѣмъ все и кончалось. Дѣти были всецѣло отданы на попеченіе Софѝ, такъ какъ бабушка мало ими занималась. Черезъ нѣкоторое время по пріѣздѣ дѣдушки въ Бердянскъ, когда городъ началъ обстраиваться, а его торговля оживляться, князь М. С. Воронцовъ выразилъ Григорію Никитичу желаніе, чтобы былъ выстроенъ домъ для присутственныхъ мѣстъ. Не получая на это ассигновки и желая немедленно исполнить волю своего начальника, Григорій Никитичъ рѣшилъ строить домъ на приданое жены своей (получившей отъ родителей около тридцати тысячъ франковъ) расчитывая, что казна заплатитъ ему за сдѣланные имъ расходы. Большое, двухъэтажное зданіе было выстроено, пріѣхала коммиссія, и домъ почему-то казною былъ отвергнутъ. Дѣду моему ничего не оставалось, какъ сдѣлаться владѣльцемъ злополучнаго дома и поселиться въ немъ, хотя онъ былъ слишкомъ обширенъ для семьи его и скромныхъ ея средствъ. Большой залъ раздѣлялъ домъ на двѣ половины, въ одной помѣщались дѣдушка съ бабушкой, въ другой дѣти подъ надзоромъ Софѝ. Дѣти въ малолѣтнемъ возрастѣ приводились къ родителямъ только здороваться, затѣмъ обѣдали и проводили время подъ наблюденіемъ Софѝ. Дочери, когда подросли, отправляемы были въ пансіонъ, въ Одессу, ближайшій большой городъ, сыновья въ кадетскіе корпуса въ Петербургъ.

Старшій братъ моего отца, Филиппъ, когда окончилъ корпусъ, поступилъ въ полкъ, стоявшій въ Каширѣ. Отецъ мой вмѣстѣ съ сестрой, бывшей на годъ его моложе, двѣнадцати лѣтъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ Дворянскій полкъ, а сестра его въ пансіонъ Заливкиной. Наконецъ, младшаго своего сына, Николая, Григорій Никитичъ отправилъ въ Петербургъ въ малолѣтнее отдѣленіе Павловскаго корпуса, шести лѣтъ отроду. Сцена прощанія была раздирающая: сестры, хотя тоже были малолѣтки, рыдали разставаясь съ крошкой-братомъ. Отвозила дѣтей таже благодѣтельная и неусыпная Софѝ. Николай Григорьевичъ, послѣ этого впервыя возвратился въ Бердянскъ уже восьмнадцатилѣтнимъ юношей, получившимъ офицерскій чинъ. Въ большомъ залѣ была собрана вся семья, замужнія его сестры съ супругами. Онъ не зналъ никого изъ своей кровной родни. И вотъ, чтобы прервать это тягостнѣйшее положеніе, одна изъ сестеръ его, Елисавета Григорьевна стала по очереди называть всѣхъ присутствовавшихъ. Въ своемъ домѣ Григорій Никитичъ, какъ начальникъ города и порта, гостепріимно и хлѣбосольно принималъ весь городъ. У него же, останавливался пріѣзжавшій часто князь М. С. Воронцовъ. Однажды прибылъ онъ съ супругой своей. Зная любовь князя къ древонасажденіямъ, Григорій Никитичъ отвелъ пятнадцать десятинъ на краю города подъ городской садъ и обратилъ пустынную, песочную полосу въ цвѣтущій, тѣнистый уголокъ. На краю этого сада онъ купилъ себѣ четыре десятины, тоже засадилъ ихъ деревьями и построилъ небольшой домикъ, гдѣ семья его проводила жаркое лѣто, переѣзжая туда на нѣсколько недѣль.

Когда дѣдъ мой пріѣхалъ въ Бердянскъ, вся торговля съ Средиземными портами шла черезъ Таганрогъ, Ѳеодосію и Маріуполь, отстоящій отъ Бердянска на 75 верстъ. Но мѣстные Маріупольскіе купцы вели сильную конкуренцію съ пріѣзжавшими Греками и Итальянцами, которые и устремились тотчасъ въ Бердянскъ, какъ только тамъ, по ходатайству князя Воронцова, была открыта таможенная застава въ 1836 году. Ничтожная до того отправка хлѣба въ одинъ годъ возрасла почти до 200.000 тысячъ четвертей зерноваго хлѣба. Длинная, въ нѣсколько миль песчаная коса, вдающаяся въ море, образуетъ возлѣ Бердянска великолѣпную бухту для стоянки судовъ. Лѣтомъ и позднею осенью городъ оживляется пріѣздомъ иностранцевъ, преимущественно изъ Грековъ и Итальянцевъ; стали строиться дома, а главнымъ образомъ одинъ за другимъ выростали большіе хлѣбные кирпичные амбары, куда изъ ближайшихъ и дальнихъ мѣстъ, даже изъ Малороссіи, складывалось привозимое зерно. Иностранцы жили въ Бердянскѣ лѣтомъ и осенью, а затѣмъ на зиму уѣзжали во свояси. Городъ оживлялся особенно къ Покрову, когда всѣ полевыя работы были окончены. Улицы представляли собою по разнообразію пріѣзжаго люда самую пеструю картину. Здѣсь встрѣчались Греки, Итальянцы, Нѣмцы-Колонисты, переселенные изъ Пруссіи, Армяне, Жиды, Ногайцы, Болгары, Татары. Громадныя площади, окаймленныя низенькими домиками и амбарами, къ этому времени почти сплошь заставлялись телѣгами и даже колясками пріѣзжихъ чумаковъ и поселянъ изъ окрестностей. Волы и лошади отпрягались и паслись на горѣ, то есть на возвышенности, составляющей какъ бы вторую ступень морскаго берега, на нижней, низменной песчаной полосѣ котораго расположенъ Бердянскъ. Здѣсь скотъ пасся привольно и безплатно, на земляхъ въ то время не имѣвшихъ хозяина. Днемъ, а особенно ночью, городъ освѣщался множествомъ костровъ, на площадяхъ у каждаго обоза; тутъ пріѣхавшіе иногда съ семьями своими варили себѣ пищу. Часто тамъ происходили ссоры и драки, но весьма быстро прекращаемы были однимъ появленіемъ начальства. На главной площади, на которую выходилъ единственный въ то время двухъэтажный домъ дѣдушки, находилась небольшая, крытая соломой церковь. Въ этой церкви вѣнчались сестры Михаила Григорьевича. Неподалеку отъ нея, Григоріемъ Никитичемъ былъ заложенъ и выстроенъ большой, прекрасной архитектуры соборъ. Бабушка ѣздила въ Католическій костелъ, для чего запрягалась большая, старая вороная лошадь, обязанность которой ограничивалась только этой поѣздкой. Старшій братъ Михаила Григорьевича, Филиппъ Григорьевичъ, большой шутникъ, увѣрялъ, что для этой лошади и вожжей не нужно: стоитъ ее только запречь, и она сама будетъ знать, куда ей направиться.

Ближайшія поселенія къ Бердянску были въ то время заняты Нѣмецкими колонистами и Ногайцами. Эти послѣдніе жили въ землянкахъ, вмѣсто крыши покрытыхъ дерномъ. Лѣнивые и безпечные, но очень честные, они цѣлый день валялись у своихъ жилищъ, отдавая обширныя земли въ аренду за самую ничтожную плату. Поселки ихъ издали подходили на кучу земляныхъ бугорковъ, окруженныхъ благодатными плодородными степями. Нѣмец-

кія колоніи конечно имѣли гораздо болѣе благоустроенный видъ. Тамъ были заведены фруктовые сады, виноградники, выстроены каменные домики крытые черепицей. Болгарскія поселенія тоже отличались благоустройствомъ.

Крымская кампанія, всколыхнувшая всю Россію, мало отразилась на этомъ тихомъ уголкѣ Азовскаго моря; только Григорій Никитичъ, неусыпно трудившійся надъ его процвѣтаніемъ, жестоко пострадалъ. Лѣтомъ, во время Севастопольской обороны, семья Черняевыхъ проживала на дачѣ, возлѣ городскаго сада, какъ вдругъ на рейдѣ появились два иностранныхъ военныхъ судна. Дѣдъ мой немедленно отправилъ семью свою въ степь, за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Бердянска, въ село Большой Токмакъ, а самъ со ста пятьюдесятью казаками остался наблюдать за охраной и порядкомъ въ городѣ. Иностранные моряки, увидѣвъ съ борта своихъ кораблей пасущійся на горѣ за Бердянскомъ скотъ, потребовали его (6 головъ) себѣ на дневное продовольствіе. Купцы не осмѣлились отказать имъ въ этомъ и доставили требуемое. Григорій Никитичъ не могъ взять на себя безрасудное распоряженіе воспрепятствовать купцамъ доставить непріятелю скотъ, изъ опасенія, что, въ случаѣ отказа, городъ будетъ преданъ разрушенію и вмѣстѣ съ нимъ погибнетъ громадное количество сложеннаго въ Бердянскихъ амбарахъ зернового хлѣба, уже запроданнаго на продольствіе нашей арміи. На слѣдующій день непріятельскія суда ушли, и дѣдъ мой донесъ обо всемъ происшедшемъ графу Николаю Владимировичу Адлербергу. На это воспослѣдовало распоряженіе отъ главнокомандующаго привести виновныхъ купцовъ въ Симферополь, заковавъ ихъ въ цѣпи, всѣмъ жителямъ Бердянска удалиться изъ города, а дѣду моему со своими казаками препятствовать силою оружія, если непріятель появится въ портѣ и вздумаетъ сдѣлать дессантъ. Дѣдъ мой повиновался безъ возраженія этому удивительному распоряженію. Къ счастію все обошлось благополучно, и ему не пришлось съ сотнею казаковъ отражать морскія и сухопутныя нападенія непріятеля.

По окончаніи войны, едва семья Григорія Никитича водворилась въ своемъ домѣ и все въ городѣ вошло во обычную колею, какъ къ нему, нежданно-негаданно, является полковникъ Дельвѝ и объявляетъ, что онъ назначенъ начальникомъ города Бердянска и его порта и явился принять отъ своего предшественника всѣ дѣла. Это неожиданное оскорбленіе, послѣ столькихъ трудовъ, поразило бѣднаго, семидесятилѣтняго старика какъ громомъ. Съ нимъ едва на сдѣлался нервный ударъ, но богатырское здоровье выдержало душевную муку. Онъ былъ выпущенъ въ отставку съ производствомъ въ чинъ генералъ-маіора, съ мундиромъ и съ пенсіей въ пятьсотъ рублей. Послѣ этого роковаго событія Григорій Никитичъ рѣшилъ ѣхать въ Тыбушки и тамъ закончить дни свои. Домашніе его стали дѣятельно готовиться къ отъѣзду, все было уложено, даже большой дорожный экипажъ снаряженъ и поданъ къ крыльцу. Съ Григоріемъ Никитичемъ и женой его должны были ѣхать его двѣ младшія незамужнія дочери и вѣрная Софи. Но бабушка не могла разстаться съ двумя замужними дочерьми, проживавшими въ Бердянскѣ, упросила мужа своего не покидать ихъ, и дормезъ былъ отложенъ. Дѣдушка при-

несъ эту жертву женѣ своей, въ которой души не чаялъ. Но вся послѣдующая жизнь его въ Бердянскѣ, длившаяся еще тринадцать лѣтъ (онъ скончался въ 1869 г.) была медленной агоніей, тѣмъ болѣе тяжелой, что онъ былъ вынужденъ переносить полное бездѣйствіе, послѣ столь дѣятельной и трудовой жизни. Черняевы стали жить тихо и уединенно, по недостатку средствъ. Григорій Никитичъ старался наполнить и разнообразить время свое чтеніемъ и охотой и, доживъ до восьмидесяти лѣтъ, стрѣлялъ безъ промаха и читалъ безъ очковъ. Судьба двухъ младшихъ его дочерей, Надежды и Анны, лежала тяжелымъ камнемъ у него на душѣ. Вечеръ онѣ проводили въ гостинной за рукодѣліемъ, Григорій же Никитичъ съ женой и Софи сидѣли въ залѣ, играя каждодневно въ карты. Дѣдушка за картами волновался и кипятился ужасно; затѣмъ, чтобы поразмять ноги, начиналъ ходить по залѣ и гостинной и, часто остановившись надъ склоненными надъ работой дочерьми, молча хваталъ себя за волоса и затѣмъ снова станетъ ходить взадъ и впередъ. Лучами свѣта, прорѣзывающими хмурую атмосферу дома Черняевыхъ, были пріѣзды замужнихъ дочерей съ мужьями и дѣтьми, а въ особенности появленіе рѣдкаго сравнительно гостя, сына ихъ Михаила Григорьевича, сильно привязаннаго къ родителямъ своимъ и горячо любимаго ими.

Несмотря на кочевую жизнь свою, бросавшую его то въ степи Средней Азіи, то на Кавказъ, то на берега Дуная, въ Молдавію и Валахію, то на бастіоны Севастополя, то въ Сербію, онъ постоянно стремился улучить время для посѣщенія своихъ престарѣлыхъ родителей. Пока тяжесть служебныхъ несправедливостей еще не давила Михаила Григорьевича, онъ, по разсказамъ сестеръ своихъ, отличался необыкновенно веселымъ характеромъ и смѣшливостью. Однажды, пріѣхавъ въ Бердянскъ, онъ отправился въ городской клубъ, гдѣ одинъ Грекъ такъ разсмѣшилъ его, что онъ хохоча прибѣжалъ домой безъ шапки и отъ неудержимаго смѣха буквально упалъ на полъ.

Въ 1869 году Григорій Никитичъ скончался, но не въ домѣ построенномъ имъ (который былъ имъ вскорѣ проданъ послѣ полученія отставки), а въ маленькомъ вновь пріобрѣтенномъ домикѣ, болѣе соотвѣтствовавшемъ его средствамъ и небольшому тогдашнему составу семьи его. Онъ уже давно страдалъ печенью, но такъ какъ это была болѣзнь хроническая, то за нѣсколько дней до смерти ничего особеннаго окружавшая его семья не замѣчала. Однажды ночью одна изъ дочерей его была встревожена послышавшимся сверху изъ кабинета стономъ испугавшимъ ее, потому что у отца ея бывали припадки страданія печени. Когда вошли въ кабинетъ Григорія Никитича, онъ объявилъ, что чувствуетъ себя крайне плохо. Немедленно послали за докторомъ, который заявилъ о ракѣ печени и безнадежномъ положеніи больного. Черезъ нѣсколько дней жестокихъ страданій его не стало. Онъ скончался въ полной памяти, предварительно исполнивъ послѣдній долгъ христіанина и трогательно простясь со всѣми окружающими. „Поставьте, дѣтки, надъ моей могилой дубовый крестъ, никакихъ памятниковъ мнѣ не надо“, было его завѣщаніемъ. Священникъ, его духовникъ и почитатель, распорядился похоронить его на

почетномъ мѣстѣ, возлѣ кладбищенской церкви. Когда же первые приступы отчаянія прошли, семья вспомнила, но уже слишкомъ поздно, о томъ, что Григорій Никитичъ нѣсколько разъ выражалъ желаніе упокоиться на выступѣ городскаго кладбища, расположеннаго на горѣ господствующей надъ городомъ, съ котораго былъ видѣнъ, какъ на ладони, весь Бердянскъ и портъ его.

Рядомъ съ могилой Григорія Никитича находятся еще двѣ другія: его жены, скончавшейся тридцать лѣтъ спустя, и вѣрной Софи, „нашей святой старушки", какъ называли ее сестры Михаила Григорьевича*). Въ слѣдующемъ ряду семейной ограды похоронена одна изъ младшихъ дочерей дѣдушки Екатерина.

Послѣ кончины отца своего, Михаилъ Григорьевичъ не прекратилъ посѣщеній Бердянска, пріѣзжая навѣщать мать и сестеръ. Софи скончалась вскорѣ послѣ дѣдушки. Однажды отецъ мой пріѣзжалъ съ братомъ своимъ Николаемъ Григорьевичемъ, а въ первые годы послѣ женитьбы привезъ жену свою съ тремя старшими дѣтьми-малолѣтками, проведшими въ Бердянскѣ все лѣто. Въ послѣдній разъ онъ посѣтилъ Бердянскъ по окончаніи Сербской войны, когда, послѣ годоваго скитанія за границей, получилъ наконецъ разрѣшеніе вернуться въ Россію и, представившись Государю въ Кишиневѣ, долженъ былъ отправиться на Кавказъ. Ѣхалъ онъ туда съ тяжелымъ сердцемъ, предполагая, что никакого командированія тамъ не получитъ, въ чемъ онъ и не ошибся, въ Бердянскъ же заѣхалъ по пути. Городомъ и его жителями было сдѣлано все, что было возможно для оказанія восторженнаго пріема бывшему главнокомандующему Сербскихъ силъ. Духовенство приготовило торжественную встрѣчу въ соборѣ, народъ неотступно толпился передъ скромнымъ домикомъ Черняевыхъ, время отъ времени требуя появленія Михаила Григорьевича и сопровождая эти появленія долго несмолкаемыми ура. Проводы воодушевленіемъ своимъ не уступили встрѣчѣ. Отбывъ изъ Бердянска на пароходѣ въ Таганрогъ, Михаилъ Григорьевичъ былъ встрѣченъ и тамъ тѣми же восторженными овапіями. Послѣ этого жизнь его сложилась такъ, что ему больше не довелось побывать въ Бердянскѣ.

Въ настоящее время въ Государственной Думѣ прошелъ проектъ объ углубленіи Маріупольскаго порта. Какая участь предстоитъ его сопернику, Бердянску, выросшему при управленіи Новороссійскимъ краемъ княземъ Воронцовымъ, который нашелъ въ Григоріи Никитичѣ практически осуществившемъ его мысль такого ревностнаго единомышленника? Теперь Бердянскъ соединенъ желѣзною дорогой съ Лозово-Севастопольской линіей; широко рас-

*) Намъ извѣстенъ еще примѣръ Француженки, которая усвоила себя Россіи. Это была мадемаузель Элали (Евлалія), долго жившая домохозяйкою у младшаго изъ сыновей Пушкина, Григорія Александровича, въ историческомъ Михайловскомъ. Мѣстное населеніе любило ее, а крестьяне прозвали *ай-люли*. Она выучилась по-русски, возымѣла приверженность къ памяти поэта и не только оберегала его могилу, но изъ своихъ сбереженій завѣщала деньги на училище имени А. С. Пушкина въ Петербургѣ. П. Б.

кинулся онъ на песчаномъ, низкомъ берегу лазореваго моря, правильно распланированный еще дѣдомъ моимъ. Низенькій, бѣленькій, тихій, весь состоящій, за рѣдкими исключеніями, изъ небольшихъ домиковъ, обсаженныхъ съ улицы опять таки низкими бѣлыми акаціями, весною сплошь покрытыми бѣлыми же цвѣтами, разливающими чудный ароматъ, онъ полгода грѣется на яркомъ полуденномъ солнцѣ. Съ Сѣвера онъ защищенъ высокимъ уступомъ, тянущимся вдоль моря, горою, какъ его тамъ называютъ, съ которой открывается чудный видъ на весь городъ, лежащій у его подножья, на сверкающее море и на длинную, вдающуюся въ него косу, возлѣ которой возникаетъ купальное заведеніе съ лечебными грязями и свѣтлѣютъ соленыя озера.

Изъ семьи Черняевыхъ тамъ доживаютъ свой вѣкъ двѣ сестры Михаила Григорьевича, Надежда и Анна Григорьевны. Онѣ похоронили всѣхъ близкихъ и милыхъ сердцу и благоговѣйно хранятъ ихъ могилы, посѣщая дорогихъ покойниковъ на городскомъ кладбищѣ, возлѣ бѣлой, старой кладбищенской церкви, на высокой горѣ, господствующей надъ засыпающимъ городомъ, надъ пустующимъ портомъ.

Антонина Черняева.

Тыбушки
24-го Іюня
1909 г.

ЕЩЕ ПО ПОВОДУ ПОЛТАВСКИХЪ ТОРЖЕСТВЪ.

Въ 7 выпускѣ „Р. Архива“ сего года. Н. А. Анчукъ помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: „Къ двухсотлѣтію Полтавской битвы“. Почтенный авторъ руководствовался, главнымъ образомъ, работой Свиньина, писателя и редактора „Отечественныхъ Записокъ“, посѣтившаго Полтаву въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Записки о своемъ путешествіи Свиньинъ сначала напечаталъ въ своемъ журналѣ, а затѣмъ издалъ отдѣльной книгой: „Картины Россіи“. Въ этомъ трудѣ Свиньинъ сообщаетъ немало невѣрныхъ свѣдѣній..... Посѣтивъ „Шведскую могилу“ Н. Янчукъ узналъ отъ монаха, его сопровождавшаго, что кости павшихъ Русскихъ воиновъ, погребенныхъ Петромъ Великимъ въ этой же самой могилѣ, были вынуты и перенесены на погостъ при вновь выстроенной неподалеку церкви св. Самсонія Страннопріимца. „Быть можетъ, такое святотатство, говоритъ авторъ, и покрывается устройствомъ часовни внутри кургана, но разсказъ объ этомъ провожавшаго насъ монаха произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе: разъ имѣется рядомъ большой храмъ, непростительно было касаться священной братской могилы и тревожить дорогіе останки виновниковъ Русской славы“. „Шведская могила“, далѣе говорится „перестала быть могилою по своему содержанію“.

Можемъ увѣрить почтеннаго автора, что могила осталась прежняя. Необходимо было установить могильный памятникъ на болѣе прочномъ фундаментѣ, такъ какъ, сооруженный слишкомъ десять лѣтъ, онъ началъ осѣдать и грозилъ паденіемъ; а для этого, надо было вынести на время кости воиновъ, которыя затѣмъ были торжественно погребены въ той же самой могилѣ. Неужели почтенный авторъ могъ предположить, что въ наше время возможно, разоривъ дорогую могилу, перенести кости воиновъ въ другое мѣсто?.. Повторимъ, это сдѣлано было въ виду необходимости установить прочный фундаментъ для креста памятника, вѣсящаго тысячи пудъ.....

Далѣе, авторъ сѣтуетъ о томъ, что до сей поры не исполнены завѣты Петра: сооруженіе памятника на поляхъ Полтавскихъ и совершеніе въ день битвы особой службы, которая, по порученію Петра В., была составлена архіепископомъ Тверскимъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ. Первый завѣтъ, дѣйствительно, не выполненъ. Въ Маѣ прошлаго года, согласно ходатайству Полтавской Ученой Архивной Комиссіи, высочайше разрѣшена Всероссійская подписка

на сооруженіе памятника Петру В., для чего образованъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи. Что же касается втораго, то почтенный авторъ не правъ: эта „служба“ читается на панихидѣ 26 Іюня съ давнихъ поръ. Желаніе же автора, чтобы на юбилеѣ эта служба была пропѣта по нотамъ Ширяева, было предусмотрено комиссіей. Мы видѣли этотъ экземпляръ съ нотами въ И. П. Библіотекѣ, но служба положена на ноты на одинъ голосъ и аранжировать его на хоръ не легко, да съ музыкальной стороны, пропѣть на юбилеѣ эти пѣснопѣнія на одинъ голосъ, по древнему напѣву, едвали даже интересно!

Авторъ интересуется знать, гдѣ же настоящая Шведская могила, т. е. могила, гдѣ погребены Шведы, павшіе въ сраженіи 27 Іюня. На это отвѣтить трудно. Сохранилось преданіе, что павшіе Шведы погребены на такъ называемой „Побиванкѣ“, гдѣ въ настоящее время и поставленъ шведами памятникъ. Археологическія раскопки могли бы дать на это отвѣтъ; но на это потребовались бы громадныя средства..... Этимъ вопросомъ интересовались, какъ говоритъ авторъ, и сами Шведы, пріѣзжавшіе въ Полтаву; но имъ сказали, какъ пишетъ авторъ, что Шведская могила есть въ сущности Русская и что памятнику здѣсь не мѣсто. Во вторыхъ, по разсказамъ Полтавцевъ, они встрѣтили какія-то затрудненія или недружелюбное отношеніе со стороны духовныхъ властей, распоряжавшихся Шведской могилой. Во всякомъ случаѣ, Шведы увидѣли, что ихъ намѣреніе вызоветъ немало хлопотъ и уѣхали ни съ чѣмъ“.

Кто эти Полтавцы, наговорившіе автору объ этомъ и притомъ уклонившіяся отъ истины, чтобы не сказать болѣе, мы не знаемъ. За послѣдніе годы посѣтили Полтаву подполковникъ Гризль, капитанъ генеральнаго штаба Тамъ, инженеръ Виндештремъ, профессоръ Нобилевскаго института Іенсенъ и др. Капитанъ Тамъ и проф. Іенсенъ посѣтили преосвященнаго Іоанна, епископа Полтавскаго и встрѣтили самый радушный пріемъ; они были очарованы пріемомъ, любезностью и простотою въ обращеніи Полтавскаго іерарха. Я видѣлъ всѣхъ ихъ, ѣздилъ съ ними на Шведскую могилу, на Побиванку и не слышалъ отъ нихъ сѣтованій на недружелюбный пріемъ. Да и со стороны высшей гражданской администраціи они встрѣчали радушный пріемъ... Сѣтованіе автора, что мѣсто, гдѣ находится „Шведская могила“, застроено многими зданіями (учительская семинарія, двухкласная церковная школа, богадѣльня, д. инвалидовъ и т. п.) вполнѣ справедливо. Дѣйствительно, здѣсь не мѣсто напр. учительской семинаріи и др., но исправить трудно; все это было сдѣлано при покойномъ преосвященномъ, епископѣ Иларіонѣ († 1904 г.). Что касается помѣщенія Музея въ храмѣ, то отсутствіе средствъ для постройки отдѣльнаго зданія заставило выдѣлить въ колокольнѣ храма по двѣ небольшихъ комнаты въ верхнемъ и нижнемъ этажахъ. Нынѣ, когда междувѣдомственная коммисія подъ предсѣдательствомъ генерала отъ кавалеріи А. А. Бильдерлинга ассигновала на Музей 5 тыс., выстроено для него отдѣльное зданіе (23×13).

Говоря о другихъ памятникахъ, почтенный авторъ дѣлаетъ ошибки, слишкомъ довѣряя Свиньину. Такъ онъ сообщаетъ, что вблизи Спасской церкви

есть другой храмъ Исакія Далматскаго, сооруженный въ память дня рожденія Петра В. Храма во имя этого святаго нѣтъ въ Полтавѣ и никогда не было. Это храмъ во имя Воскресенія и сооруженъ Полтавскимъ обывателемъ П. А. Руденкомъ въ 70-хъ годахъ XVIII стол. въ память избавленія Петромъ В. его отца изъ Шведскаго плѣна. Въ этомъ же храмѣ и была гравюра на мѣди (нынѣ она въ Музеѣ). Была ли она выгравирована, какъ пишетъ авторъ, по модели, выдѣланной, по преданію, самимъ Петромъ В. изъ бронзы для памятника битвы, мы не знаемъ. О такой модели намъ не приходилось читать что либо.... Но картина эта есть копія съ картинъ, писанныхъ по заказу Петра В. художниками Мартеномъ и Дени Младшимъ. Художникъ Патрикій Балабинъ награвировалъ на верху ея колѣнноприклоненнаго Св. Самсона Страннопріимца, молящагося о побѣдѣ. Авторъ, сообщая, что въ 1818 г. при генералъ-губернаторѣ князѣ Репнинѣ былъ сооруженъ обелискъ, пишетъ: „Императоръ Николай I въ 1849 г. почему-то замѣнилъ этотъ обелискъ болѣе низкой пирамидой“. А замѣнилъ потому, что обелискъ былъ сдѣланъ изъ простаго кирпича, и естественно являлась необходимость замѣнить его болѣе прочнымъ сооруженіемъ.

Помимо этого, авторъ въ изложеніи своемъ дѣлаетъ еще нѣсколько ошибокъ, правда, не существенныхъ. Такъ, упоминая о Полтавскомъ монастырѣ, онъ говоритъ, что настоятелю его даны „нѣкоторыя преимущества архіерейскаго чина (онъ митрофорный)“. Всякій архимандритъ носитъ митру. И не въ этомъ его преимущество, а въ томъ, что онъ совершаетъ богослуженіе съ дикиріемъ и трикиріемъ.

Маневры Полтавскаго боя были при Екатеринѣ II и Александрѣ I; при Николаѣ I ихъ не было, какъ объ этомъ говоритъ авторъ. Селеніе Пришибъ находится не въ 3 верстахъ отъ Полтавы, а въ Кременчугскомъ уѣздѣ, болѣе ста верстъ или около этого. Дачъ на „Шведской могилѣ“ нѣтъ; былъ, правда, домъ, построенный покойнымъ преосвященнымъ Илларіономъ, гдѣ иногда онъ проводилъ нѣкоторое время, но нынѣ тамъ живетъ завѣдующій учительской семинаріей.....

Іюнь. Полтава.

И. Ф. Павловскій.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ О ПРУТСКОМЪ МИРѢ 1711 ГОДА*).

Каменецъ, 15 Августа 1711.

Что битва между Московитами и Турками состоялась, то подтверждается. Въ первый день, 18 Іюля, Московиты отъ Турокъ отступили; однако во второй и третій день (какъ 19 и 20 Іюля), съ переходомъ въ наступленіе Московитской пѣхоты, Турки должны были отступить, такъ что и Московиты 8 штукъ получили въ добычу. На слѣдующій день, около 10 часовъ, прибылъ верхомъ Турецкій Паша (Bassa) съ бѣлымъ полевымъ значкомъ, котораго генералъ Шереметевъ[2]) (Czermetoff) съ находящимися при немъ немногими людьми встрѣтилъ и, спустя часъ, проведенный ими въ переговорахъ, провозглашенъ былъ миръ при звукѣ трубъ обѣихъ армій, и тѣмъ самымъ закончился бой. Объ этихъ мирныхъ пунктахъ еще никакихъ подробностей (particularia) неизвѣстно, такъ какъ Царское Величество не хочетъ ихъ провозглашать (публиковать), пока не состоится ратификація ихъ Великимъ Султаномъ изъ Константинополя. Только извѣстно, что Король Шведскій навѣрное опять возвратится въ свою страну. Если бы Турки еще 8 дней промедлили, то Московская армія сильно пострадала бы отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ.

29 Іюля, послѣ боя, взяли Татары около сотни Московитовъ въ плѣнъ, и когда Царь на это жаловался, что трактаты тѣмъ нарушены, то Татары, говорятъ, отвѣтили, что у нихъ мирныя условія не были еще извѣстны (ничего въ этомъ не было невозможнаго), что вполнѣ соотвѣтствуетъ Татарскому обычному произвольному слову. Царское Величество предпринимаетъ со всею арміею путь въ Кіевъ, генералу же Ренне дано приказаніе съ 10.000 человѣкъ итти на Вислу и въ Великую Польшу.

Стролицъ, 25 Августа 1711.

Его Королевское Величество Польское, въ виду одержанной Царемъ побѣды и заключенія мира въ обѣихъ арміяхъ, приказалъ дать троекратный залпъ. Весь генералитетъ былъ великолѣпно угощаемъ. На слѣдующій день однако движеніе въ Померанію продолжалось, и городокъ Трептау, Шведами брошенный, былъ взятъ во владѣніе.

Изъ Саксоніи, 4 Сентября.

Вчера графъ Фицтумъ вернулся отъ Королевскаго Величества, который вновь предприметъ свое посольство къ Царю. Въ Воскресенье (6 сего мѣсяца) будетъ въ Дрезденѣ ради славной побѣды надъ Турками и заключеннаго мира пропѣто Te Deum laudamus[3]) съ троекратными залпами вокругъ крѣпости.

Сообщилъ графъ С. Д. Шереметевъ.

---

[1]) Переведено съ печатныхъ трехъ страницъ (въ 8-ку), появившихся (вѣроятно въ Дрезденѣ) на Нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Relation von der Moscowitischen Victoria gegen die Türcken so bei Budziak befochten worden (т. е. Донесеніе о Московской надъ Турками побѣдѣ, когда дрались въ Буджакѣ).

[2]) Это былъ графъ Михаилъ Борисовичъ Шереметевъ, сынъ фельдмаршала отъ перваго брака его.

[3]) Тебе Бога хвалимъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АРХІЕПИСКОПА САВВЫ.

Н. И. Субботинъ, описывая открытіе мощей св. Тихона Задонскаго, гдѣ онъ тогда былъ, между прочимъ говоритъ: „Сердце обливается кровію при видѣ томъ, какъ войска и полиція обращаются съ простымъ народомъ, который прошелъ сотни верстъ, чтобы только приложиться къ мощамъ святителя и, большею частію, пойдетъ отсюда не удовлетворивъ своему благочестивому желанію. А въ этомъ народѣ угодникъ Божій и въ сіи дни сколько явилъ чудесныхъ знаменій! Надобно сказать, впрочемъ, что больныхъ, принесенныхъ сюда въ безчисленномъ множествѣ, пропускаютъ въ церковь“.

Оберъ-прокуроръ св. Сунода гр. А. П. Толстой проситъ Савву помянуть въ молитвахъ имя новопреставленной графини Евдокіи Толстой. О ней читаемъ въ Запискахъ Саввы слѣдующее.

Графиня Толстая, Евдокія Максимовна, происходя изъ Цыганскаго племени, въ юности своей отличалась красотою*) и, по всей вѣроятности, искусствомъ въ пѣніи. Этими качествами она такъ плѣнила молодаго графа Толстаго, Ѳедора Ивановича, извѣстнаго въ обществѣ подъ именемъ Американца, что онъ на ней женился. Но такъ какъ недостатки ея образованія и воспитанія были слишкомъ для всѣхъ очевидны, то онъ отправилъ ее года на три въ деревню и здѣсь приставилъ къ ней гувернантокъ; однакожъ и послѣ этой мѣры Цыганская ея натура сквозила во всѣхъ ея словахъ и дѣйствіяхъ. Особенно ея пылкій характеръ обнаруживался въ отношеніи къ ея прислугѣ. Когда, овдовѣвши, она жила въ Москвѣ, у нея почти каждую недѣлю смѣнялась прислуга.

Я зналъ графиню уже вдовою. Отличаясь набожностію, она очень любила знакомиться съ архіереями и архимандритами; она познакомилась и со мною, когда я былъ еще на должности ризничаго.

---

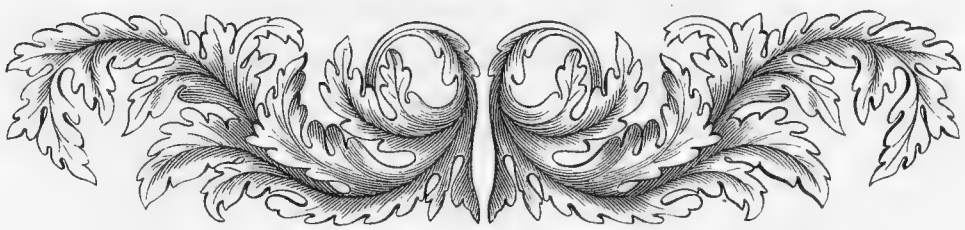
*) Вспоминается Державинъ: „Жги души, огнь бросай въ сердца отъ смуглаго лица“. Наши поэты, Пушкинъ, Баратынскій, князь Вяземскій увлекались красотою Цыганокъ. П. Б.

25-го Сентября 1861 г., въ день пр. Сергія, послѣ литургіи въ Троицкомъ соборѣ Сергіевской лавры, я неожиданно встрѣтилъ знакомую графиню въ покояхъ митрополита, а вечеромъ, предъ всенощной, на 26-е число, она посѣтила меня и, напившись у меня чаю, простилась со мною, предполагая на другой день утромъ отправиться въ Москву. Между тѣмъ, на слѣдующій день, 27-го числа, часовъ въ 8 утра явился ко мнѣ ея слуга и, объяснивъ мнѣ, что графиня, разгнѣвавшись на него за то, что онъ не приготовилъ для нея заблаговременно извощика, чтобы ѣхать къ ранней обѣднѣ, оставила его въ посадѣ, а сама отправилась въ Москву,—спрашивалъ моего совѣта, что̀ ему дѣлать, и при этомъ сказалъ, что онъ хочетъ итти къ митрополиту съ жалобою на графиню. Разъяснивъ ему всю нелѣпость его намѣренія, я далъ ему 50 коп. на дорогу и отпустилъ его. Чрезъ два или три дня съ ужасомъ слышу, что графиня Толстая найдена въ постелѣ зарѣзанною, а всѣ драгоцѣнности ея похищены*). Оказалось впослѣдствіи, что слуга ея, оставленный ею въ Сергіевомъ посадѣ, возвратившись въ Москву въ раздраженномъ состояніи и подговоривши горничную служанку, рѣшился напасть на нее ночью съ ножемъ въ рукѣ и воспользоваться ея имуществомъ. Но убійца не долго пользовался похищенными сокровищами. Отправившись въ туже ночь съ своею соучастницею, въ наемной каретѣ, по Тульскому тракту, они оба начали, сидя въ каретѣ, разбирать похищенныя вещи и, видя между разнымя мелочами визитныя карточки убитой графини, выкидывали ихъ за окно, какъ вещи для нихъ ненужныя. Между тѣмъ, на встрѣчу имъ, по тому же тракту, ѣхала въ Москву какая-то помѣщица, родственница тогдашняго Московскаго оберъ-полицеймейстера. Видя выбрасываемыя изъ кареты какія-то бумажки, она приказала своему слугѣ поднять нѣсколько бумажекъ и показать ей: оказались карточки съ именемъ неизвѣстной ей графини Толстой. По пріѣздѣ же въ Москву, ей тотчасъ объяснили, кто эта графиня Толстая, и представленная ею оберъ-полицеймейстеру карточка дала ему въ руки нить къ отысканію убійцъ. Отправлены были по указанному направленію телеграммы къ губернаторамъ.

По этимъ телеграмамъ убійцы схвачены были, если не ошибаюсь, въ предѣлахъ Черниговской губерніи и представлены въ Москву, гдѣ ихъ ожидали судъ и должное возмездіе.

---

*) По кончинѣ своего супруга, графиня пріобрѣла себѣ домъ на Патріаршихъ прудахъ, по близости отъ такъ называемой Живодерки, гдѣ издавна гнѣздо Московскихъ Цыганъ, которые вообще отличаются набожностью. Она не передала качества этаго дочери своей, Прасковьѣ Ѳедоровнѣ Перфильевой, женщинѣ просвѣщенной, добросердечной и отличныхъ достоинствъ, но тоже своеобразной въ привычкахъ и образѣ жизни. П. Б.



ПАМЯТИ ИВАНА ѲЕОДОРОВИЧА ТЮТЧЕВА.

Кто бъ ни былъ ты, по, встрѣтясь съ ней,
Душою чистой иль грѣховной,
Ты вдругъ почувствуешь живѣй,
Что есть міръ лучшій, міръ духовный.

Эти слова, сказанныя поэтомъ Ѳ. И. Тютчевымъ объ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, можно приложить и къ скончавшемуся въ Петербургѣ 13 Мая 1909 года сыну его, Ивану Ѳеодоровичу.

Въ нашъ вѣкъ крушенія нравственныхъ устоевъ, хрустальная чистота этого человѣка казалась какимъ-то благоуханіемъ. Въ его присутствіи замиралъ всякій незаконный помыселъ, никакое сколько-нибудь *двусмысленное* слово не могло слетѣть съ устъ.

Какъ чиста и безукоризненна отъ колыбели до могилы была его личная жизнь, такъ же чиста, безкорыстна и общественная дѣятельность его.

Потомокъ древняго рода (первый Тютчевъ, упоминаемый въ исторіи, былъ посланъ Дмитріемъ Донскимъ для переговоровъ съ Мамаемъ), Иванъ Ѳеодоровичъ, окончивъ курсъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія, могъ бы, пользуясь вліятельнымъ положеніемъ при Дворѣ своихъ ближайшихъ родныхъ, совершить въ Петербургѣ легкую и блестящую карьеру.

Но не желаніе почестей руководило имъ въ жизни, а желаніе смиренно и усердно послужить народу, по образу лучшихъ людей Славянофильскихъ дворянскихъ семей. Пока сестры его, Анна Ѳеодоровна (вышедшая замужъ за Ивана Сергѣевича Аксакова) и Дарья Ѳеодоровна, состоявшія при незабвенной и праведной Императрицѣ Маріи Александровнѣ, являлись поборницами въ космополитическомъ Петербургѣ Русскаго національнаго направленія, Иванъ Ѳеодоровичъ уѣзжаетъ въ Москву, гдѣ начинаетъ службу въ старомъ Московскомъ Сенатѣ, потомъ короткое время служитъ товарищемъ прокурора въ Смоленскѣ и, наконецъ, на долгіе годы поселяется въ деревнѣ, избравъ скромную дѣятельность мирового судьи въ Дмитровскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Мурановѣ, устроенномъ горячо любившимъ и воспѣвшимъ этотъ уголокъ поэтомъ Баратын-

скимъ. Жена Ивана Ѳеодоровича, Ольга Николаевна, была родной племянницей поэта и дочерью того Н. В. Путяты, который такъ много въ свое время сдѣлалъ для опальнаго поэта и принадлежалъ къ числу культурнѣйшихъ Москвичей.

Такимъ образомъ, большая часть его жизни прошла въ обстановкѣ Русской деревни, и здѣсь окончательно выработалось Русское міросозерцаніе, преданность завѣтной вѣрѣ отцовъ, твердый и ясный взглядъ на вещи и столь драгоцѣнное для общественнаго дѣятеля спокойствіе и здоровый смыслъ.

Съ конца восьмидесятыхъ годовъ Иванъ Ѳеодоровичъ съ семьей сталъ проводить зимы въ Москвѣ, а при назначеніи въ Москву генералъ-губернаторомъ Великаго Князя Сергѣя Александровича былъ назначенъ состоящимъ въ его распряженіи. И во все, что̀ ему поручалось, онъ влагалъ не только свои знанія и умъ, но и свое глубоко чувствовавшее сердце. Вмѣстѣ съ тѣмъ его дѣятельная натура откликнулась широко на работу общественную. Онъ былъ предсѣдателемъ Совѣта Московскаго Училища Живописи и Ваянія, дѣятельность котораго при немъ значительно расширилась, почетнымъ попечителемъ Седьмой Московской гимназіи, предсѣдателемъ Попечительства надъ Славянами учащимися въ Москвѣ.

Многіе труды Ивана Ѳеодоровича остались неизвѣстными. Случалось ему писать уставы обширныхъ учрежденій, и кромѣ нѣсколькихъ лицъ никто не зналъ, сколько туть вложено его иниціативы, мысли и умѣнья.

Среди стихотвореній Ѳ. И. Тютчева есть одно замѣчательное, Silentium:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты твои.

Настроеніе этого стихотворенія было усвоено жизнью его сына.

Обладая отъ природы нѣкоторою застѣнчивостью (удѣлъ многихъ глубокихъ, цѣльныхъ и искреннихъ людей) очень сдержанный въ обращеніи, онъ лицамъ его мало знавшимъ могъ казаться холоднымъ и сухимъ, можетъ быть, и гордымъ. Немногіе его знали. Немногимъ давалъ онъ подойти ближе къ себѣ и узнать таившіяся въ немъ душевныя сокровища: его теплую сердечность, глубокое пониманіе внутренняго міра, чуткость въ оцѣнкѣ жизненныхъ явленій и въ распознаваніи людей. Въ кругу семейномъ и интимномъ этотъ сдержанный, обособленный человѣкъ, со строгой, удивительно законченной артистической внѣшностью, становился неистощимо остроумнымъ собесѣдникомъ, съ такой ласкающей ироніей, чрезвычайно мѣтко схватывавшимъ сущность вещей.

И кто зналъ его такимъ, тому до слезъ будетъ жаль никогда болѣе не услыхать ласковаго привѣта сердечныхъ распросовъ, не увидать выраженія напряженнаго и сочувственнаго вниманія къ тому, что̀ ему разсказываютъ.

Надѣленный даромъ художественной, образной рѣчи, Иванъ Ѳеодоровичъ обладалъ и тонкимъ хужественнымъ чутьемъ и вѣрно оцѣнивалъ литературныя явленія.

По кончинѣ Великаго Князя Сергѣя Александровича онъ былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ, а въ Декабрѣ 1907 года—членомъ Государственнаго Совѣта.

Послѣдніе годы жизни онъ много страдалъ униженіями, которыя переживала Россія. Въ его письмахъ, въ разгаръ аграрныхъ безпорядковъ, слышна глубокая боль отъ того нравственнаго паденія, до какого доведены были погромщики. И болѣзненно въ мозгу его стояли страшныя картины дѣйствительности рядомъ съ высокимъ идеаломъ крестьянства „Святой Руси".

Въ Петербургѣ онъ тосковалъ по Москвѣ; ему хотѣлось побродить по извилистымъ и узкимъ улицамъ съ ихъ типичными названіями; его угнетало отсутствіе того солнца, которое теперь своимъ сіяніемъ провожало его гробъ.

Какая-то мягкость, всепрощеніе замѣнили въ послѣдніе годы нѣкоторую суровость прежняго его суда надъ людьми. Онъ вспоминалъ свою молодость, давнихъ людей. Разсказывая какъ-то про годы Правовѣдѣнія, съ восхищеніемъ говорилъ онъ о чарующей добротѣ стараго принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и выражалъ желаніе имѣть его хорошій большой портретъ.

Смерть постигла его почти внезапно, бодраго, юнаго духомъ. Черты лица выражали глубокое удовлетвореніе и радостное созерцаніе тѣхъ тайнъ, что̀ открылись ему въ новыхъ мірахъ.

Да будетъ благословенна память этого человѣка, значеніе котораго не въ томъ только, что̀ онъ дѣлалъ, но и въ томъ, чѣмъ онъ былъ! Есть люди, украшающіе жизнь однимъ существованіемъ своимъ. Въ тихомъ сіяніи чистоты своей, своей нравственной независимости, правды и искренности будетъ вспоминаться онъ. И, когда онъ будетъ вспоминаться, въ душѣ будетъ стоять отрадный, благородный, умиряющій образъ.

Е. Поселянинъ.

(Изъ Московскихъ Вѣдомостей).

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИЗДАТЕЛЯ „РУССКАГО АРХИВА“.

Покойному Государю Александру Александровичу благоугодно было мнѣ, человѣку нечиновному (служившему нѣкогда въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и потомъ, по оставленіи Чертковской библіотеки, причисленному къ Министерству Народнаго Просвѣщенія) оказать милость производствомъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Ѳ. М. Дмитріевъ прислалъ мнѣ тогда изъ Симбирской своей деревни слѣдующіе стихи:

Поздравляю генерала!
Я обрадованъ немало,
Что Деляновскій приказъ
Осчастливилъ и Парнасъ.

*

Историческая нива
Вамъ при помощи Архива,
Кромѣ множества былинъ,
Родила замѣтный чинъ.

*

Я увѣренъ, Ваша слава
Дорастетъ до Станислава,
И въ грядущіе года
Засіяетъ Вамъ звѣзда.

*

Съ чувствомъ признательности вспоминаю покойнаго Министра Народнаго Просвѣщенія, графа Ивана Давыдовича Делянова. Онъ зналъ меня съ 1852 года, служа во 2-мъ Отдѣленіи Государственной Канцеляріи при графѣ Блудовѣ, двухъ внуковъ котораго, Ивана и Дмитрія Егоровичей Шевичей, обучалъ я Русской Исторіи и Словесности. Частыя бесѣды съ другомъ Карамзина, поручавшаго ему продолжать Исторію Государства Россійскаго, были для меня предварительными уроками новой исторіографіи. Графъ И. Д. Деляновъ до конца своей жизни оказывалъ мнѣ всякаго рода вниманіе, будучи постояннымъ читателемъ „Русскаго Архива“. П. Б.

ПОПРАВКИ и ДОПОЛНЕНІЯ.

Обвиненія адмираловъ Лазарева и Авинова, содержащіяся въ замѣткахъ протоіерея Серафимова, совершено неправдоподобны. Оба адмирала были просвѣщенными людьми на рѣдкость тому времени, и нѣтъ сомнѣнія, что протоіерей, за что нибудь ихъ не взлюбившій, чрезвычайно сгустилъ краски. „C'est le ton qui fait la musique", вѣрно говорятъ Французы, и я убѣжденъ, что въ словахъ и поступкахъ обоихъ славныхъ нашихъ адмираловъ не было ничего грубаго и что тонъ разсказа, а быть можетъ и сами факты, невѣрны.

О Кукольникѣ, не особенно уже достойномъ извѣстности, служака-Авиновъ могъ и не слышать раньше, какъ и Кукольникъ врядъ-ли зналъ, что Авиновъ въ юности служилъ подъ начальствомъ Нельсона въ Трафальгарскомъ сраженіи; а уже про „Діану" Авиновъ навѣрное зналъ не менѣе протоіерея Серафимова.

Графъ К. Хрептовичъ-Бутеневъ.

*

Стр. 486 слѣдуетъ не da Europa, a da Europei.

Стр. 500 не Piccordi, a Riccordi, извѣстная музыкально-издательская фирма, по нынѣ существующая.

Стр. 518. Кофешенкъ не могъ имѣть никакого значенія при дворѣ: это какъ тафельдекеръ, мундшенкъ—низшій придворный или высшій придворно-служительскій чинъ, облеченный уже въ мундиръ при шпагѣ и стоящій по придворной іерархіи непосредственно надъ скороходами и камеръ-лакеями, но ниже гоффурьеровъ, метръд'отелей и даже камердинеровъ.

Стр. 522. *Острые* патроны—неудачный переводъ Нѣмецкаго scharfe Patrone; слѣдовало бы *боевые* патроны.

Стр. 545. Князь В. А. Долгорукій служилъ первоначально не въ артиллеріи, а въ конной гвардіи.

*

Въ „Русскомъ Архивѣ" за 1906 годъ (выпускъ 10-й, стр. 320) была помѣщена замѣтка, со словъ Владимира Егоровича Энгельгардта, о томъ, что славный директоръ Царско-Сельскаго Лицея Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ былъ женатъ на дочери почтъ-директора Гана, жена котораго потомъ вышла за Англичанина Витекера, а мать ея была баронесса фонъ-деръ-Паленъ, сестра извѣстнаго графа Петра Алексѣевича.

Замѣтка эта совершенно неправильна, а потому позвольте мнѣ, какъ занимающемуся изслѣдованіями о жизни лицеистовъ I-го курса, а также и объ Энгельгардтѣ, исправить эту ошибку.

Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ былъ женатъ не на дочери Гана, а на дочери Англичанина Витекера. Чтобы повѣрить эти свѣдѣнія, я посѣтилъ могилу Энгельгардтовъ. Семейство Энгельгардтовъ похоронено въ С.-Петер-

бургѣ, на Нѣмецкомъ Лютеранскомъ Смоленскомъ кладбищѣ. Семейная могила ихъ находится близъ воротъ кладбища, на лѣвой сторонѣ. Это довольно большой квадратъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ каменною стѣною, въ два аршина высотою, съ рѣшеткою, служащею для входа. Здѣсь нѣтъ ни памятниковъ, ни крестовъ. Подъ поломъ этого памятника находится склепъ, гдѣ лежатъ покойники. Во внутреннихъ стѣнкахъ этой каменной ограды находятся чугунныя и мраморныя плиты съ именами похороненныхъ. На средней стѣнкѣ, прямо противъ входа, находятся плиты жены Энгельгардта и его самого, а по бокамъ—съ правой стороны возлѣ Энгельгардта—его сына Максимиліана, а съ лѣвой стороны возлѣ его жены—другого сына, Александра. Если мы начнемъ описаніе этихъ плитъ слѣва направо, то плиты эти расположатся въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Alexander v. Engelhardt, Obrits und Ritter, geb. 10 September 1801. —gest. 22 December 1843.

2. Maria Augusta v. Engelhardt, geb. Whitaker, geb. 8 Februar 1778.—gest. 13 Februar 1858. Christus isi mein Leben und Sterben mein Gewinn.

3. Georg v. Engelhardt, Director des Pädagogischen Instituts und des Kaiserlichen Liceum zu Zarskoye Selo. geb. 12 August 1775.—gest. 15 Januar 1862. Selig die Barmherzigen, den sie sollen Barmherzigkeit erlangen.

4. Maximilian Friedrich von Engelhardt. ger. 18 Mai 1803.—gest. 21 März 1858. Selig sind die Friedfertigen, denn sie sollen Gottes Kinder heissen.

Съ лѣвой стороны: 1. Anna Bosse, geb. Lenz. Pflegetochter der Familie v. Engelhardt. gerb. 25 März 1823.—gest. 28 October 1842.

2. Natalie v. d. Osten-Sacken gebohren Engelhardt, geb. 16 November 1806.—gest. 8 März 1845. Nächst ihr ruhen hier ihre zwei Söhnlein: Alexander geb. 2 Mai 1831.—gest. 31 März 1841. Harald geb. 8 März 1845. gest. 11 März 1848.

3. Баронесса Марія Максиміліановна Остенъ-Сакенъ родилась въ Тифлисѣ 22 Мая 1872. скон. 4 Ноября 1882.

Съ правой стороны:

1. Georg Reinhold Baron v. d. Osten-Sacken. geb. 31 Mai 1829, gest. 14 April 1885. P. 119, 80.

Николай Гастфрейндъ.

О ПОРТРЕТѢ Н. М. РОЖАЛИНА.

Познакомившіеся съ Н. М. Рожалинымъ, по его письмамъ, читатели „Русскаго Архива“ обязаны Марьѣ Васильевнѣ Беэръ (рожд. Елагиной), и за сообщеніе его портрета. Онъ приложенъ къ нынѣшнему выпуску нашего изданія. Свѣдѣнія о Рожалинѣ (род. 30 Марта 1805 † въ 1834 г.) собраны полнѣе, нежели у насъ, въ книгѣ В. И. Саитова: „Примѣчанія къ III-му тому Остафьевскаго Архива Князей Вяземскихъ“. П. Б.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ

„РУССКАГО АРХИВА“

1909 года.

(ВЫПУСКИ 5, 6, 7 И 8).

535. Къ Кашинскимъ торжествамъ (Походъ государя царя и великаго князя Алексія Михайловича въ Кашинъ). **Н. И. Кедрова.**

514. Предокъ Никиты Моисеевича Зотова. Историческая развѣдка графа **С. Д. Шереметева.**

291. Полтавская побѣда.

455. Преславная Викторія (по поводу двухсотлѣтія Полтавской побѣды). **А. П. К.**

466. Къ двухсотлѣтію Полтавской битвы. **Н. А. Янчука.**

695. Еще по поводу Полтавскихъ торжествъ. **И. Ф. Павловскаго.**

698. Современныя извѣстія о Прутскомъ мирѣ. 1711.

161. Дѣло о тридцати шести незаконныхъ бракахъ. Изъ жизни Смоленской шляхты въ XVIII вѣкѣ. Сообщилъ **К. Ровинскій.**

518. Императоръ Петръ Третій: 1) Записки о немъ Голштинца Д. Р. Сиверса. 2) Записка о послѣднихъ двухъ дняхъ его царствованія. **Я. Штелина.**

191. Изъ бумагъ **А. А. Васильчикова.** Разсказъ про опалу Архаровыхъ.—Екатерина Великая о Сенатѣ. Сообщила **А. А. Милорадовичъ.**

182. Письма къ В. С. Шереметеву (1794—1796) съ предисловіемъ **А. А. Титова.**

542. Изъ записной книжки Русскаго Архива (Письма Суворова къ Матушинскому. Къ исторіи города Полтавы. Къ Полтавскимъ торжествамъ).

405. Графъ **Н. П. Панинъ** (біографическій очеркъ).

445. Записка графа **Н. П. Панина**: «Мои сношенія съ Ростопчинымъ».

549. 1812-й годъ. Изъ Записокъ Голландца Вагевира. Переведено **А. О. Круглымъ.**

559. Отступленіе Французовъ изъ Россіи, въ передачѣ графа Ж. Мэстра.

272. Изъ бумагъ графа **А. П. Ожаровскаго** (Переписка съ императорами Александромъ и Николаемъ). Сообщилъ **К. Я. Гротъ.**

244. Изъ бумагъ **Н. Н. Новосильцова.** Сообщилъ **И. Г. Попруженко.**

208. Послѣднія отношенія Магницкаго къ Сперанскому.

512. Аллаверды. Стихотвореніе графа **В. А. Соллогуба.**

5. Воспоминанія стариннаго офицера лейбъ-гвардіи Волынскаго полка, **В. П. Юрлова.**

134. Передъ Крымскою войной. Дипломатическая переписка. (Сообщилъ **П. А. Россіевъ**).

282. Изъ воспоминаній **князя Д. Н. Долгорукаго** (Крымская война).

285. Изъ дневника г.-лейт. **И. Д. Попко.** Сообщилъ **С. В. Фарфоровскій.**

204. Духовное завѣщаніе митрополита Евгенія.

607. Изъ Крымскаго дневника **Ю. Н. Бартенева.** 1843.

143. Письмо князя В. И. Васильчикова къ Н. Ѳ. Козляинову (1856).

212. Иннокентій и адмиралъ Лазаревъ (Разсказъ **С. А. Серафимова**).

213. Греческій митрополитъ Агаѳангелъ.

19. Изъ Записокъ архіепископа Никанора. Апологія или отвѣтъ на обвиненія по управленію Уфимскою епархіей.

225. Изъ писемъ **архіепископа Никанора** къ И. У. Палимпсестову.

232. Письма **архіепископа Никанора** къ его викарію епископу Мемнону.

699. Изъ Записокъ архіепископа Саввы (графиня Е. М. Толстая).

687. Страница изъ семейной лѣтописи Черняевыхъ. **А. М. Черняевой.**

152. Пушкинъ въ послѣдніе дни свои. Письма къ нему **В. А. Жуковскаго.**

539. Черточка къ біографіи Пушкина.

541. Гоголевскій Музей. **Калашникова.**

540. О Гоголѣ **А. А. Милорадовичъ.**

302. О пятомъ выпускѣ «Остафьевскаго Архива» (Князь и княгиня Вяземскіе). **П. Б.**

216. Письмо **В. А. Жуковскаго** къ Б. А. Ашику.

145. Письма **И. С. Аксакова** къ П. И. Бартеневу и В. А. Елагину, изъ ссылки (1878).

193. Замѣтки о Крыловѣ **В. В. Каллаша** (Крыловъ о Пушкинѣ.—Любовь Крылова.—Острота Крылова).

475. Выдержки изъ заграничныхъ писемъ **С. А. Соболевскаго** къ С. П. Шевыреву и Мицкевичу. Сообщено **Б. С. Шевыревымъ.**

218. Письмо **Н. И. Мердеръ** къ издателю «Русскаго Архива» о Н. Г. Чернышевскомъ.

217. Экспромтъ **Н. В. Кукольника.**—Къ посмертной судьбѣ Н. Г. Чернышевскаго.

563. Н. М. Рожалинъ (Выдержки изъ его писемъ).

78. Изъ бумагъ **Я. М. Невѣрова.** Письма къ нему лицъ неизвѣстныхъ и С. П. Шевырева. (Сообщилъ **А. В. Станкевичъ**).

96. Изъ писемъ **И. В. Кирѣевскаго** къ А. И. Кошелеву, М. П. Погодину, А. С. Хомякову и А. П. Елагиной (Сообщила **М. В. Безръ**).

198. Письмо **С. А. Соболевскаго** къ А. П. Елагиной, со стихами.

115. Воспоминанія **Н. А. Малевича-Малевскаго.**

199. Заздравныя чаши. **И. М. Снѣгирева.**

207. Глумленіе надъ монахами.

222. Общеприходскія молебствія во время холеры. **И. М. Снѣгирева.**

158. Библіографическая замѣтка. **Д. И. Иловайскаго.**

160. О книжкѣ С. П. Бартенева: Большой Кремлевскій дворецъ.

701. И. Ѳ. Тютчевъ. Некрологъ. **Е. Н. Погожева.**

705. Поправки и дополненія: Объ адмиралахъ Лазаревѣ и Авиновѣ. **Графа А. К. Хрептовича-Бутенева.**—Объ Энгельгардтахъ. **Н. Гастфрейнда.**

296 и **703.** Изъ Записной книжки «Русскаго Архива» (Николай Павловичъ и князь С. М. Голицынъ.—Разсказы М. Г. Черняева.—Невзгода «Русскаго Архива».—Графъ А. В. Адлербергъ.—Стихи **Ѳ. М. Дмитріева**).

Внутри сорочекъ: 5-го выпуска о царицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ.—6-го, о книгѣ Старица Нектарія.—7-го, о книгѣ М. В. Аксенова.—8-го, о книгѣ графа Хрептовича-Бутенева и о трудахъ А. А. Титова.

Приложенъ портретъ Н. М. Рожалина.